Александр Евгеньевич
БУРЦЕВ

РУССКИЕ НАРОДНЫЕ СКАЗКИ И СУЕВЕРНЫЕ РАССКАЗЫ ПРО НЕЧИСТУЮ СИЛУ

Свыше четырехсот пятидесяти
иллюстраций
и элементов оформления
русских художников

БИБЛИОТЕКА МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Александр Евгеньевич Бурцев
(1863–1938)

Александр Евгеньевич Бурцев

РУССКИЕ НАРОДНЫЕ СКАЗКИ И СУЕВЕРНЫЕ РАССКАЗЫ ПРО НЕЧИСТУЮ СИЛУ

Творческое объединение Алькор

Совместный проект издательства СЗКЭО
и переплетной компании
ООО «Творческое объединение «Алькор»

Санкт-Петербург
СЗКЭО

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)1
Б90

Первые 100 пронумерованных экземпляров
от общего тиража данного издания переплетены мастерами
ручного переплета ООО «Творческое объединение «Алькор»

Классический переплет выполнен
из натуральной кожи особой выделки растительного дубления.
Инкрустация кожаной вставкой с полноцветной печатью.
Тиснение блинтовое, золотой и цветной фольгой.
6 бинтов на корешке ручной обработки.
Использовано шелковое ляссе, золоченый каптал из натуральной кожи,
форзац и нахзац выполнены из дизайнерской бумаги
с тиснением орнамента золотой фольгой. Обработка блока
с трех сторон методом механического торшонирования
с нанесением золотой матовой полиграфической фольги горячим способом.
Оформление обложки пронумерованных экземпляров
разработано в ООО «Творческое объединение «Алькор»

Б90 **Бурцев А. Русские народные сказки и суеверные рассказы про нечистую силу.** — Санкт-Петербург: СЗКЭО, 2024. — 864 с.: ил.
В сборник вошли сказки, легенды, суеверия русского народа, собранные и опубликованные в 1910–1911 гг. этнографом Александром Евгеньевичем Бурцевым (1863–1938). 468 рисунков и элементы оформления в книге выполнили художники Леонид (Иоганн) Павлович Альбрехт (1872–1942), Михаил Абрамович Балунин (1875–?), Николай Николаевич Герардов (1873–1919), Афанасий Де Пальдо, Лука Тимофеевич Злотников (1878–1918), Василий Григорьевич Малышев (1843–?), Лидия Алексеевна Полторацкая (1864–?), Василий Иванович Ткаченко (1880–?) и Алексей Николаевич Третьяков (1873–?).

ISBN 978-5-9603-1124-3 (7БЦ)
ISBN 978-5-9603-1125-0 (Кожаный переплет)
© СЗКЭО, 2024

Полное Собрание

Этнографических трудов

Александра Евгеньевича

БУРЦЕВА

ТОМ I

А. Е. БУРЦЕВ

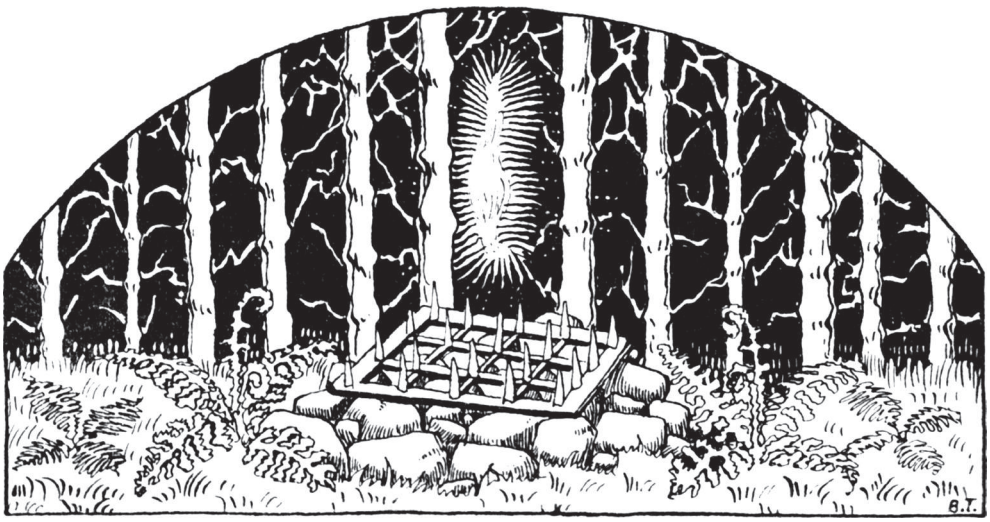
Русские народные сказки и суеверные рассказы про нечистую силу

Из собрания **А. Е. Бурцева**

СПБ. 1910 г.

[1] В оформлении использованы фрагменты издания:

Полное собрание этнографических трудов Александра Евгеньевича Бурцева. — Т. 1–11: Русские народные сказки и суеверные рассказы про нечистую силу. — Санкт-Петербург : хромотипография А. К. Вейерман, 1910–1911



Предисловие

Русские народные поверья, приметы, предсказания, предрассудки и обычаи вмещают в себя подробности тайных сказаний, передаваемых из рода в род русским народом. Наши письменные памятники намекают о них, когда наука заставляла указать народу на какие-либо вредные последствия.

Здесь мы предлагаем читателю те из наиболее интересных преданий, которые содержат в себе различные сказания о тайнах доселе признаваемого народом нашим мнимого чернокнижия.

А также помещаем здесь и те многие случаи из обыденной жизни народа, которые на основании многократных опытов признаны народной мудростью за знаменательные и потому в понятиях простолюдина сложившиеся в форму чего-то рокового, неизбежного, и на основании такового понятия все подобные случаи в глазах народной массы являются уже не как простая случайность или обыкновенное стечение обстоятельств, а чем-то вроде фатума, заранее предрешающего то или иное положение человеческой судьбы, а иногда и самой жизни человека, и вследствие такого решающего значения все подобные

случаи начинают играть в обыденной жизни народа одну из важных ролей, которая всегда и везде в малокультурных населениях сводится ко всему фатальному и таинственному, чего не в состоянии объяснить себе простой человек.

Вместе с тем здесь же мы помещаем и все то, что так или иначе имеет связь с фатальным или таинственным: так как, подобно случаям, в силу каких-либо обстоятельств становящимся в глазах народа приметою, — все сказания, поверья и обычаи имеют основанием своим один и тот же корень, то есть все таинственное и фатальное, и, раз где-либо прививши и войдя в строй народной жизни, потом уже все эти приметы, поверья и сказания и т. п. как устно, так и письменно переходят из рода в род и делаются вечной и необходимой принадлежностью простого русского человека.

А. Е. Бурцев

Демонология

О происхождении чертей рассказывается среди народа так: давно-давно тому назад, еще когда Земля не была сотворена Богом, однажды главному вождю ангельских полчищ запала мысль — завладеть престолом Бога. Вождь восстал против Бога. Бог, страшно разгневавшись на бунтовщика, двинул на него все громы небесные и сам вышел к нему навстречу с горстью оставшихся верными ангелов. Бунтовщики обратились в поголовное бегство. Три дня и три ночи Бог гнался за бегущими полчищами, но вот полчища остановились. Впереди зияла страшная бездна. «Отец наш, не губи Своих детей, — взмолились вожди, — мы каемся пред Тобою. Мы принуждены были и ослеплены своим вождем, возьми его, Отец». Но разгневанный Бог не простил их, а повелел им быть демонами, вождю же их — сатаной. Затем ударил на полчища с удвоенной силой и столкнул их в зияющую бездну.

В бездне павшие ангелы основали свое царство — ад, в котором живут и поныне.

По мнению народа, численность демонов в несколько раз превышает численность ангелов. Существует поверье, что бóльшая часть чертей женаты на утопленницах и удавленницах и что у них родятся так же, как и у людей, свои дети.

Столб пыли, поднимаемый вихрем, производится чертом во время бесовской свадьбы. Нож, шило, топор и прочие острые орудия, кинутые в средину этого столба, падают покрытыми кровью черта или ведьмы.

Существует поверье, что черти соединяются со всеми женщинами, допустившими себя до полного распутства. От такого союза дети родятся странными, хотя несколько и похожими на человеческих детей; так, многие уверяют, что они родятся в шерсти, с копытами и хвостом. Дьявол является таким женщинам в виде дородного мужчины.

Существует также поверье, что черти похищают у людей детей до их крещения и подменивают их своими детьми.

Черти, живущие в аду, по понятиям крестьян, несут тысячи всевозможных работ: одни подвозят к печам дрова, другие кипятят воду в котлах, третьи расправляются по распоряжению сатаны с новоприбывшими в ад грешниками и т. д. На землю черти являются по распоряжению сатаны исключительно для искушения людей. Черти при этом принимают большей частью виды каких-нибудь животных.

Дьявол любит принимать вид черной кошки и черной собаки, почему многие из крестьян предпочитают более держать в своих домах этих животных какого-нибудь другого цвета, преимущественно рыжего и белого.

В непокрытый сосуд с водой входит дьявол, как равно входит и в рот зевающего, если он его не перекрестит.

По существующему поверью, бес скрывается в человека, если он не перекрестится во время грома. Произнести слово «черт» не считается никаким грехом. Слово «черт» в весьма большом ходу среди крестьян нашей местности. Оно встречается почти во всех народных выражениях: брани, похвалы, божбы и пр. Так, например: «пошел к черту», «черт бы тебя побрал», «чертов сын» и т. п.; «ай да чертов мазик», «как ведь черт аккуратный» и т. п.; «вынь сейчас черт мою душу, если я лгу», «пусть я отныне буду чертовым рабом, если лгу», и т. п. Посылать ребенка к черту есть великий грех, но на самом деле ребенок, зачастую в сердцах, посылается к черту. Существует поверье, что дьявол похищает такого ребенка.

Вино и табак, по существующему поверью, изобрел дьявол. Ходят среди народа даже рассказы на эти темы. О распространении вина среди крестьян рассказывают так: однажды к богатому мужику зашел странник и попросил у него кусок хлеба. Добрый мужик посадил странника за стол, нарезал несколько ломтей хлеба, поставил солонку с солью, ковш с квасом и сам, подсев к столу, стал расспрашивать: «Откудова идешь, куда правишься...»

Утолив голод, странник, вместо того чтобы поблагодарить хозяина за оказанное гостеприимство, достал из своего ранца дубовый бочоночек и предложил тому выпить какого-то веселого пойла.

Как отведал мужик этого веселого пойла, так и почувствовал, словно по жилам вдруг что разлилось.

Мужику так понравилось пойло, что он приступил к страннику с расспросами: откудова, дескать, ты, голубчик, добыл «эфто пойло», каким способом варят пойло?

Странник сперва было не хотел сказывать про это, но после долгих просьб наконец рассказал. Мужик стал упрашивать странника остаться у него на некоторое время для варки веселого пойла, обещая большую поденщину (поденную плату).

Странник согласился и в тот же день принялся за работу.

Дни проходили за днями, недели за неделями, а странник все не отставал от возложенной на него мужиком работы.

Открыто было несколько кабаков, в которых продавались доселе невиданные и неслыханные крепкие напитки.

Народ «расчухал» свойство веселого пойла и стал часто посещать кабаки.

О происхождении табака рассказывается так: однажды молодой помещик, шляясь по лесам, встретился с неизвестным охотником. Неизвестный охотник попросил у помещика несколько зарядов пороху и дроби. Тот отсыпал, а неизвестный охотник за его услугу подарил ему коробку сигар и показал, как нужно курить их. Помещик как затянулся раз-другой, так и бросился к охотнику на шею благодарить его и в восторге произнес слово «Боже» — глядь, а неизвестного охотника как не бывало, только под ногами валяется какая-то бумажка.

Поднял удивленный помещик эту бумажку и подпрыгнул от радости. Это было подробное описание о том, как растить табак.

По существующему поверью, пьяным показывают дорогу черти, доводя иногда до погибели.

О самоубийцах народ употребляет выражение «черту раб». Народ твердо полагает, что человек совершает преступление (поджог, убийство) под влиянием беса. Неравновесие душевных сил переходного возраста многие объясняют влиянием чертей и чертовок.

Существует верование в духов, насылающих болезни. Все болезни, за исключением душевных и проказных, происходят от Бога. Душевные и проказные болезни насылает черт.

Дьявол входит в того человека, который ведет свою жизнь в небрежении и бранится постоянно «демонскою бранью».

Записано А. Каменевым

Домовой

Домового считают духом добрым и называют хозяином дома, а также хозяином как над человеком, так и над скотом, и кроме того называют «батюшко домовой». Домовой ходит по всему дому, а местопребыванием предпочитает подполье. По народному убеждению, если он любит всю семью, то она будет жить богато и счастливо, а если же нет, то будет носить какую-то тяготу и не будет зажиточна. Если полюбит двор и скотину, то в доме будет большой приплод скота и он будет всегда здоров и сыт, а если же нет, то не будет приплода на дворе; скот будет постоянно нездоров и часто будет околевать; по народному названию, будет «ускотье». Если же не залюбит одну известную скотину, то отгоняет ее от корма, и валит даже с ног, и всячески ее мучит, иногда до смерти.

Федот Кириллов деревни Глубокова рассказывал: «У моего отца Кирилла Александрова домовой не залюбил бурого мерина и почти каждую ночь привязывал его к яслям хвостом; когда отвяжут, то закатит под ясли. Так побились-побились с этим мерином и продали.

У тестя моего Василия Сергеева был на дворе хлев, в который если поставят корову или телушку, то за ногами у каждой будет виться из соломы жгут и навьется до того, что нельзя будет ходить. Так случалось постоянно, и отступились от хлева — не стали ставить никакую скотину. Должно быть, место в хлеве было не по домовому».

Кроме того, если домовой залюбит известную лошадь, то заплетает в гриве косы, которые если выстригут, то вскоре заплетет новые. Также случается и с женщинами, у которых домовой заплетает косы. Про этот случай мне рассказывал крестьянин дер. Тюшляева Иван Кондратьев следующее:

«Домовой любил мою умершую мать, по ночам во сне заплетал ей косу в волосах, особую от других, которые она делала сама. Если она косу эту отстрижет, то заболит голова, и косу он скоро заплетет новую. Однажды спал я вместе с матерью и проснулся, ночь была месячная, и накинул на шею матери свою руку, и под руку попала кошка, она сидела на затылке — на волосах, и была не наша, а какая-то серая. На другой день я спросил у матери о чужой кошке, и она мне сказала: „Полно, дурак, это был домовой, заплетал у меня косу“».

Домовые если залюбят на дворе скотину, то дают корму по ночам.

Ходит поверье, что домовой одного дома, победив домового другого дома, уносит корм в свой дом. Так, у одного мужичка стало пропадать в повети[1] сено,

[1] *Поветь* — помещение под навесом на крестьянском дворе (*примеч. ред.*).

и он об этом сказал соседу, который на это ему ответил, что надо узнать — не домовой ли из другого дома уносит сено, и научил мужика, как это сделать. Мужик встал ночью с уздой в руках в тайное место и стал дожидаться прихода домового за сеном. Действительно, пришел небольшого роста человек и стал накладывать в вожжи сено; тогда мужик выскочил из засады и со скверными матерными словами стал хлестать уздой домового, который сейчас же исчез, и с тех пор сено не стало пропадать. Домовой, как говорит народ, может принимать различные виды.

Домовой, по народному понятию, есть в каждом доме. Для того чтобы было счастье хозяевам и скотине при переходе в новый дом, существует обычай зазывать домового с собой в новый дом; кланяются на место, где был старый дом, до трех раз, и при каждом поклоне говорят: «Батюшка домовой, пойдем со мной, я в новый дом, и ты со мной»; а когда семья разделится на две, то вновь выделившийся хозяин зазывает из старого дома в свой новый своего домового: придет на двор, на то место, где стояла скотина, которая ему дана в надел; берет эту скотину и кланяется тому месту до трех раз и при каждом поклоне говорит: «Батюшко домовой-мой, иди со мной, ваш оставайся здесь». Когда приведут на двор (вновь купленную) скотину, то во все четыре угла двора кланяются и при каждом поклоне говорят: «Батюшко домовой, прими мою скотинушку (называют если лошадь, то лошадушка, а если корова, то коровушка), пои, корми, люби и жалуй». Случается, домовой приходит ночью к спящему человеку и наваливается на грудь, так что тяжело становится дышать; это к перемене жизни того человека. Небоязливые люди в то время его спрашивают: «К худу или к добру?», — и он отвечает то или другое. Это случается перед большим несчастьем или счастьем и перед смертью семейников дома. Иногда домовой стонет в подполье, его спрашивают: «к худу» или «к добру»? Если к худу, то он тяжело простонет, а если к счастью, то перестанет стонать. Кроме того, случается, что после смерти людей, особенно из любимых, он в подполье еще ревет ребяческим плачем.

Лесовой

О лесовом крестьяне говорят: «Было время, годов 20 или 30 тому назад, не проходило ни одной ночи, чтобы не похалестился[1] леший. Нельзя было выйти вечером или рано утром в лес на охоту: то поет песни, то лает собакой, то кричит птицей и перелещается[2] всякими манерами, а то еще заведет куда-нибудь, что и не выйдешь. Даже выйдешь на улицу вечером — и то непременно услышишь: где-нибудь уж он халестится; или выйдешь, бывало, молотить, а он давно уж делает свое дело, а ныне совсем его даже не слыхать;

[1] *Халеститься* — хулиганить (*примеч. ред.*).
[2] *Перелещаться* (*волог.*) — баловаться, шалить (*примеч. ред.*).

если и случится, то совсем редко, и то перед каким-нибудь несчастьем, а больше перед покойником — утопленником или удавленником. А прежде сколько было колдунов — почти в редкой деревне не было, а ныне совсем почти не слыхать. А сколько прежде портили баб (кликуш[1]), так и сказать страшно: бывало, в одной деревне вдруг завопят баб 30, а ныне и этого нет — все затихло. А оттого ныне этого нет, что лешим и всем чертям уж ныне делать стало нечего. Народ стал умнее чертей, перехитрит и дьяволов, да что говорить — творим во всем волю дьявола: друг друга обманываем, друг перед другом заносимся и гордимся; что возьмем, стараемся не отдать, и постоянно ругаемся и деремся. Совсем чертям стало делать нечего, и они лежат на покое. Прежде народ был гораздо честнее, а потому у них и было всего довольно, да и пугали черти для того, чтобы сбить их с праведного пути и поставить на грех. Появись-ка ныне колдун и испорти-ка бабу, так ему и башку-то отвернут на дому, а прежде их боялись, как огня».

Лешие, по народному понятию, могут принимать различные виды. Произошли они, как понимает народ, из среды дьяволов, упавших с неба. Леших некоторые видели в образе человека и птицы.

[1] *Кликуши* — люди (в основном женщины), впадавшие в истерические припадки и считавшие себя одержимыми бесами (*примеч. ред.*).

Крестьяне деревни Жеброва Иван Мухин и Петр Александров рассказывали: «Осенью в третьем году мы словили рыбу на Шенгафе с лучом (с огнем) — острогой. Вдруг явилась птица и залетала над самыми нашими головами и крыльями своими угасила наш огонь. Мы снова зажгли, она опять угасила, и несколько раз мы зажигали, а она все гасила. Мы видим, дело неладно — вышли из воды, стали творить молитву и креститься, тогда защекотала сорока, а потом черт захохотал, и когда мы побежали домой, он вскричал: „А — догадался“».

Лешие, по поверью народа, живут в каждом лесу и переходят с места на место, сбивая с пути прохожих и проезжих, причем оказывают свои действия больше в таких местах, которые почему-либо в народе считаются нечистыми. Народ считает нечистыми те места, где часто пугают черти людей, или на коих были прежде совершены убийства, или последовала скоропостижная смерть человека.

Когда собьются с пути, чтобы найти дорогу, некоторые снимают с себя всю одежду, перетрясут ее с молитвой и вновь надевают.

Кроме того, лешие или черти вообще, как уверяют крестьяне, еще наводят страхи на людей, всякими манерами пугают: хохочут, кричат птицей, поют песни и проч., но только от крика их, как убежден народ, не бывает по местному названию раю (эхо), и даже случается, иногда сводят людей с ума.

В деревне Среднева Еликонида Григорьева рассказывала: «Однажды шла я домой поздно вечером из деревни Подгорнова и не дошла немного до своей деревни — вдруг защекотала сорока, и после завизжал заяц, я перекрестилась — не знаю, что делать. Потом и загагайкал[1] нечистый. Я добежала до своей деревни, а он все кричит разными голосами».

Деревни Среднева Авдотья Алексеева: «Раз пошли мы зимой в самую полночь с товаркой Марьей Васильевной к заутрени, и вдруг за нами с колокольцем едут: мы стали дожидаться, а они ни взад ни вперед — не догоняют нас, и когда мы дошли до крестов, где дороги расходятся в разные стороны, тогда нечистый загагайкал, защекотал сорокой, визжал зайцем и всяко перелещался — разным голосом. Мы прибежали к приходу, еще и огней ни у кого не было, едва-едва могли выпроситься в избу — у нас и языки не говорят».

Деревни Среднева Авдотья Алексеева и прочие крестьяне деревни Пузарева рассказывали: «У нас в деревне Пузареве была женщина Анна Дмитриевна, а у нее был ребенок годовой — все ревел и надоел ей, и она стала бранить его нехорошею бранью: „Леший бы тебя унес“. Вдруг ночью в тот раз подходит к ее окошку другая женщина — соседка Марья Митревна, а это был сам нехороший, и говорит: „Давай ребенка, я повожусь — тебе надоело возиться», и она хотела было отдать, но ее остановила свекровь: „Отстань, не давай, что ты, с ума, что ли, сошла, я сама повожуся“. — „Господи, что это будет“. Вдруг нехороший так застукал в стену, что чуть не разворотил всю избу;

[1] *Гагайкать* — кричать, покрикивать (*примеч. ред.*).

пошел прочь да загагайкал: „А... га, га... га, до... га да... ли... ся“. На другой день спросили Марью Митревну — не бывала ли она, но та сказала: „Что вы, с ума, что ли, сошли, почто я пойду к вам в полночь“».

Крестьянин деревни Тюшляева Иван Кондратьев рассказывал, что слышал в лесу, как леший кричит ребенком и ревет быком.

Деревни Барского Иван Андреев: «У меня есть шатровая[1] мукомольная мельница. Не очень давно — года три, а много четыре тому назад — пошел я в самую глухую полночь ее посмотреть, подхожу к ней, вдруг сделался в ней какой-то сильный шум, и она отстала молоть. Пришел в мельницу, поправил ее, а она все не мелет, так и оставил, запер и пошел домой. Вдруг мельница замолола, и нигде взялся черт и давай гагайкать разными голосами, и видимо было, что он пошел от мельницы. Я прибежал домой, затворил, благословясь, калитку и подумал: не черт ли это остановил мельницу-то; оно так и вышло. Прихожу на другой день в мельницу, и оказывается, что вся мука из ларей рассыпана на пол».

Деревни Глубокова Федот Кириллов: «Раз я косил на частом ляду — недалеко от реки Великой — с женой и свояченицей, и докосились до потемок. Вдруг кто-то звонил в лесу раз до трех, бабы и говорят: „Видно, лошадей ищут“. — „Полноте, дуры, — я говорю им, — это черт“. Бабы до того у меня испугались, что даже заревели, а ему, видно, это было по мысли — стал подходить к нам ближе, а мы пошли тем временем ночевать в избушку — версты за две, и шли берегом реки. Идем мы берегом, а черт очутился уж на другом берегу и идет им несколько поодаль от реки и так играет в дудку, хоть пляши, слышно версты за три, и все нас провожал, покуда мы не пришли в избушку. Я его дразню: славно — славно, а он того шибче играет, а бабы у меня ревут во все горло и нейдут ни сзади, ни спереди. Когда мы пришли в избушку, я разбудил других ночевальников, и те слушали, а черт, дойдя до Рароватки (речки, впадающей в реку Великую), поворотил в лес и пошел вверх по ней, поиграл еще немного и затянул песню, но только у его слов не можно понять и нет раю».

Крестьянка деревни Глубокова Кира Васильева рассказывала, как муж одной крестьянки «соломонился», сошел с ума. Звали его Дмитрием. Был он кучером в городе Грязовце, и пришлось ему отвезти станового пристава до деревни Дьяконова (50 верст от Грязовца). Привез он станового на место и выпил водки примерно полсороковки, которую ему поднес становой, и поехал назад на прости. Отъехав больше 10 верст, дорогой заснул за деревней Зимняком, а когда проснулся, то увидел, что его вся тройка лежит на пласту; он заругался скверно матерно и начал (лошадей) махать кнутом, чтобы встали, но они не поднялись с места. В этот самый раз настигает его неизвестный человек

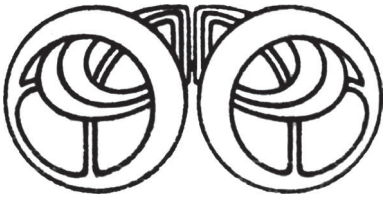
[1] *Шатровая мельница* — усовершенствованный, более практичный вариант башенной мельницы, где каменная башня заменена деревянным каркасом обычно восьмиугольной формы (*примеч. ред.*).

и говорит ему: «Погоди, подсоблю поднять лошадей». И когда неизвестный взялся за них, то лошади вдруг вскочили, и тогда Дмитрий сказал ему: «Садись, я тебя подвезу», и когда тот человек сел, то сказал: «Ты полежи, если не проспался, а я поправлю лошадьми». Дмитрий задремал и, пробудившись, увидел, что лошади мчались, как вихрь, и сразу пробежали несколько верст. Тогда Дмитрий остановил незнакомца и, матюшая (ругая скверно-матерно), сказал: «Если ты будешь гнать так лошадей, то мне нельзя их будет показать хозяину». Незнакомый человек в тот миг исчез неизвестно куда, а лошади остановились и не могли пошевелиться с места, так что Дмитрию пришлось притащить к хозяину один тарантас, а лошадей оставить в Грязовецком поле (не доезжая верст 2-х до Грязовца), которых потом привели другие, служащие у Шорина, и они подохли через одни сутки после того. Дмитрия хозяин за это прогнал, и он вскоре лишился рассудка. Был он очень буйным, и жена по научению добрых людей вызвала было Дмитрия в Корнилиев монастырь (недалеко от Грязовца) и хотела отпеть молебен, но в церковь его зазвать не могла, и он тут же от меня скрылся и пропадал недели две, так его не могли разыскать. Когда разыскали, его увезли в деревню Канево, в дом матери, где он и жил первые недель 5 в темном потаенном месте для того, чтобы поумнел, но он не изменился. Затем его взяли в сумасшедший дом. Умершая Соломонида уверяла, что Дмитрий забыл Бога; к нему пристал на проезде нечистый дух в образе человека и загнал его лошадей, а также свел с ума и его.

Кто перейдет следы лешего и вообще нечистых духов, как человек, так и скот, то тот по мнению крестьян сейчас же впадает в тяжкую болезнь, а также заболевает и тот человек и скот, которого опахнет нечистым духом от дьявола. Для исцеления от этих болезней крестьяне всегда обращаются к местным знахарям и знахаркам, которые наговаривают на воду, и его окачивают, вспрыскивают больных и дают пить. Фельдшера и доктора по этим делам ничего не знают, — говорят всегда крестьяне. Для охранения от опахивания нечистым духом крестьяне всегда в первый раз утром отворяют, благословясь, калитку у дома и, благословясь, выходят, а другие еще ограждают себя крестным знамением. В случаях пропажи человека или скота некоторые из крестьян оставляют в отводу[1] хлеб с солью и икону Св. Николая Чудотворца и по ним узнают — жив или нет пропавший человек или скотина. Делают это так: отрезают от целого каравая ломоть хлеба, кладут на него соли и берут его в левую руку, а в правую — икону Св. Николая Чудотворца, и после заката солнца на вечерней заре выходят в отвод, через который прошел пропавший из дома, ставят икону на правую сторону и кладут три земных поклона и хлеб с солью положат на левую сторону и тоже до трех раз кланяются, приговаривая при каждом поклоне: «Батюшко домовой господин, на тебе мой хлеб и соль — подай мне скотину (или человека)», а Св. Николая при земных поклонах ему

[1] *Отвод* — разборное звено в изгороди из жердей или теса при въезде в деревню или калитка в изгороди, которой обнесена усадьба или огород (*примеч. ред.*).

просят: «Во двор введи или след скажи». После совершения этого обряда икона и хлеб с солью оставляются на ночь тут же на месте; на другой день (на утренней заре) осматривают хлеб, и если его нет, то крестьяне уверены, что его взял лесовой и пропавший жив, а если же окажется тут, то значит, пропавший не жив. При этом крестьяне, делавшие этот обряд, уверяли меня, что после совершения этого обряда пропавшая скотина непременно придет домой или будет вскоре найдена. Здешний народ не полагает, что у леших есть жена и дети, что похищают они девушек себе в жены и детей до их крещения, а также не ходит в народе никаких разговоров и о том — чему учит леший людей, им похищенных, и не становятся ли они знахарями и знахарками. Вызвать лешего в народе средства не оказывается.



Водяной

1. Крестьяне признают, что во всех больших реках находится водяной, которому никакого другого названия не существует. Какой вид имеют водяные, никто сказать не может. Водяной — тот же дьявол, слетевший с неба в числе прочих чертей, может принимать на себя различные виды, какие он только захочет, а чаще всего показывается в образе рыбы необыкновенной величины. Действия водяного в отношении к людям заключаются в отнятии жизни у тех людей, которые, забыв Бога, купаются в реке или при переезде падают в воду.

Водяного видал прежде крестьянин деревни Станового Леонтий Никитин, который уже умер, и мне рассказали с его слов про этот случай крестьяне деревни Станового следующее: «Леонтий Никитин при жизни рассказывал нам про себя, как он увидел водяного. „Пошел я за лошадью с уздою и из-за такого из-за замочка увидел на берегу реки Лежи у воды какую-то черную животину. Подошедши поближе, я заслонился за кусточек и стал разглядывать, и мне представилось животное, которого я от роду не видал: сам черный (не мог различить, одежда ли на нем или просто шерсть), вид его наподобие человека, но только глаза красные — большие, с ладонь; нос, как сапог — не меньше. Когда я разглядел, что это злой дух, воскликнул вне себя: „Господи, что это такое“, — дух исчез, незаметно куда и только по воде, я заметил, что в воду, потому что на воде сделались валы”. После того, 16-го июня, в праздник он пошел купаться, и когда залез в реку, тогда его водяной схватил за левую руку и потащил было ко дну, но он и тогда не забыл Бога — сотворил молитву,

и его он отпустил. Руку, за которую схватил его водяной, многие видели, и на ней была, знать, вся пятерня руки водяного, где захватил пальцами, тут сделались синевицы[1]».

Купаться без шейного креста и вообще вечером после заката солнца крестьяне избегают из-за боязни водяного. Есть ли жены и дети у водяных и не женятся ли водяные на утопленницах и девушках, проклятых родителями, в здешней местности никаких рассказов и поверий нет. Крестьяне знают, что все злые духи суть бестелесные, а потому и не могут иметь жен.

Водяные, по мнению крестьян, живут везде, но больше в глубоких местах и омутах. Больших болот здесь нет, а потому и никаких суеверных разговоров про них не существует.

Русалки, боровики, моховики и т. п. здешним крестьянам неизвестны.

2. Поля и болота принадлежат, по мнению крестьян, к ведомству лешего. Овины и бани населяют черти, называемые овинниками и банниками. Внешнего вида их никто не знает. Отношения их к людям, а также и всех остальных чертей, по мнению крестьян, одинаковы. Про взаимное отношение их никто из крестьян мне ответа дать не мог. Овинника никто не видал. Препятствий к топлению овина из-за существующего в нем духа —

[1] *Синевица* — синяк, кровоподтек (*примеч. ред.*).

овинника — не существует, а не топят крестьяне тогда, когда бывают большие ветры. При первоначальном топливе овина некоторые из крестьян употребляют суеверный обряд, заключающийся в просьбе овинника о дозволении им сушить овин: придя в первый раз в овин, кланяются и говорят: «Батюшко овинник, пусти меня посушить».

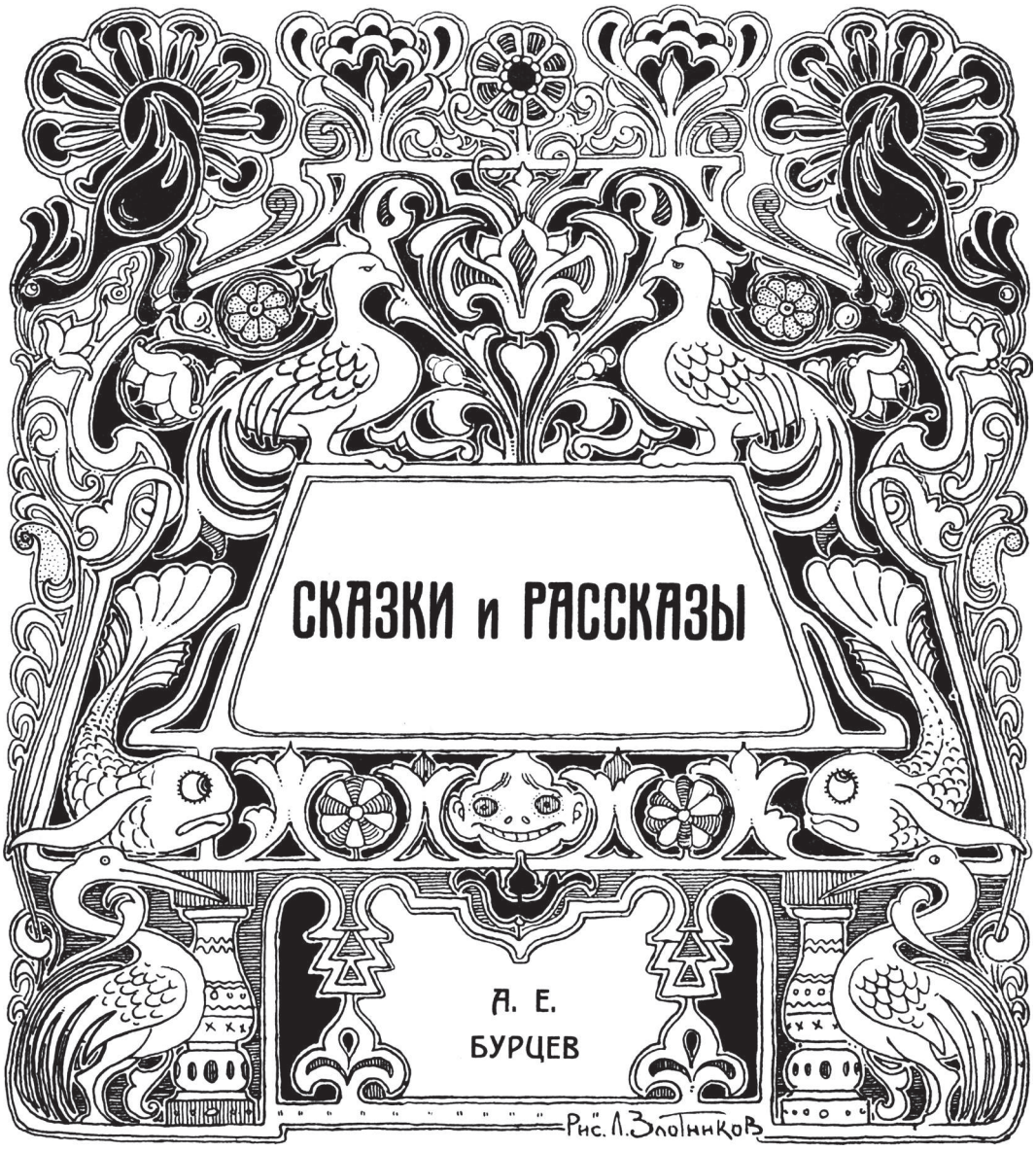
Кликуши

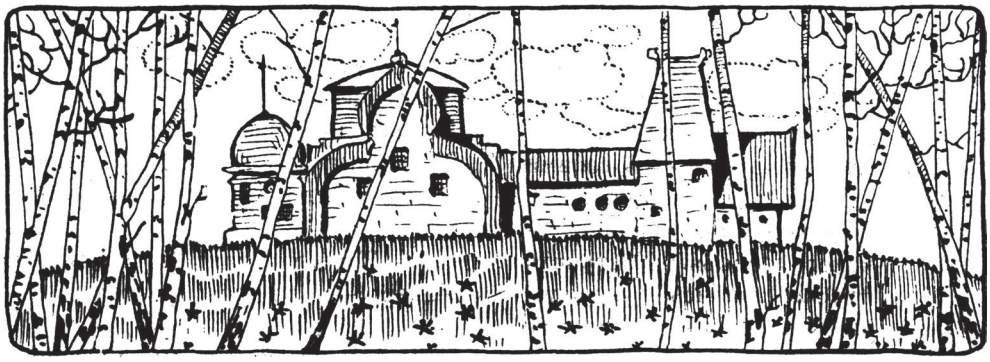
3. Кликуш признают бесноватыми. Для исцеления их и изгнания беса поют в церквах молебны. Во время припадка прикрывают им голову, надевают на шею поченый хомут и разрывают ворох рубахи. Приближение священника кликуши чувствуют издали и ругают под влиянием будто бы находящегося в них духа. Когда поют Херувимскую песнь, то кликуши чувствуют особенное волнение. Вот что мне сказала про это одна женщина, бывшая кликуша: «Когда запоют Херувимскую песнь, то потянет, бывало, во мне все жилы, и ни за что не удержаться, чтобы не завопить, если товарки не зажмут правую руку и не заступят левую ногу, а если это сделают, то отнимут вопль, и я буду молчать». Беса в кликуш садят, по мнению народа, колдуны, знающиеся с чертями. Отчитывают кликуш священники и служат отчетные молебны. Дух, сидящий в кликушах, называет по имени и отчеству знахаря, причинившего вред больной, время, когда и где он это сделал, и признаки тех вредных вещей и способов, которые он приготовил для других.

4. Банника никто не видал, и никаких относов ему в бане не оставляют. Что в бане моются и парятся черти, поверье в народе есть, и даже некоторые слыхали это.

Федот Кириллов рассказывал: «Когда я был еще холостой, около 30 лет тому назад, шел в глухую полночь из дома в деревню Рогачево и, не доходя до деревни Долгова, поравнялся в поле с баней, в которой и услышал шум веника и какое-то жужжание, вроде разговоров, но без слов. Это парились черти. Я завопил: „Поприбавьте“, — и вдруг все затихло, а по мне пошел мороз, и волосы на голове встали дыбом».

В банях в здешней местности никогда не моются, а когда приходится топить для сушки льна в первый раз, то некоторые из крестьян просят на то дозволения у банника так: приходят в баню и кланяются: «Батюшко банник, пусти меня посушить».


СКАЗКИ и РАССКАЗЫ
А. Е.
БУРЦЕВ
Рис. Л. Злотников



НЕБЫЛИЦЫ

Лесники

Двум лесникам пришлось ночевать в лесу. Они увидали огонь. Один из них пошел к этому огню и увидал там старика, который лежал около костра.

Лесник стал просить у старика огня. А старик ему и говорит:

— Скажи небылицу, так дам тебе огня.

Лесник согласился, присел к костру и стал сказывать небылицу.

— Нас было сорок братьев, — начал рассказывать лесник. — Все сели на сивого коня, на котором было сорок пежин[1]; на каждой пежине сидел брат. У среднего, сидевшего в середине, был за поясом топор. Хлестал, хлестал он им своего коня и разрубил его пополам. Передняя часть и ушла от задней.

Потом я услышал, что на небе скот очень дешев. Я пошел туда, но оттуда не знаю, как сойти. Тогда я стал бить скот, из кожи шить ремешки и по этим ремешкам стал спускаться. Но ремешков-то не хватило. Я спустился у деревни против гумна. На том гумне крестьянин веял овес. Я мякину-то стал хватать да вить веревку, а потом, когда близко стало, я упал на гумно. Мужик испугался и убежал.

— Вот тебе и небылица, — сказал лесник старику.

Старик дал ему огня, и он ушел.

---

[1] *Пежина* — крупное пятно другого цвета на шерсти животного (или на перьях птицы) (*примеч. ред.*).

О приключениях с охотниками

В одном доме жил дедушка Макар с женой Варварой. У них было два сына. Они занимались охотой. Однажды дедушка отправился со своими сыновьями на охоту и, проходив весь день до самого вечера, они набили порядочно койкакого зверья. Наступила ночь. Они расположились ужинать. Вдруг к ним на огонь выходит зверь. Дедушка Макар взял ружье и выстрелил в зверя. Зверь свалился. Охотники сняли с зверя шкуру и повесили ее на древесину, а туловину они отбросили далеко в сторону. Только что оно упало на землю, как вдруг вскочило на ноги и, словно живое, побежало в лес.

Сдивился такому чуду дедушка Макар и говорит своим сыновьям:

— Как это могло случиться: шкуру со зверя сняли, а туловино побежало?

— Нет, это что еще за диво, — отвечает ему старший сын, — вот у дедушки Герасима было так действительно большое диво.

У дедушки Макара разгорелось любопытство, и ему страсть как захотелось узнать, что это было за диво такое у дедушки Герасима. И он решил идти к нему немедленно: «Хоть и далеко живет Герасим, — рассуждал он сам с собою, — а все-таки пойду к нему, узнаю, что это за диво такое у него было».

Дедушка Макар отправился в путь. Шел он два дня и только на третий дошел до Герасима. Зашел в дом. За столом сидит дед Герасим, бородка порядочная, а усиков нет.

— Вот, дедушко Герасим, — сказал Макар, — я до тебя пришел.

И он рассказал ему о случившемся.

А дед Герасим и говорит ему:

— Вот, Макар, и у меня было диво. Я тоже сам охотник, этим занимаюсь. Ходили мы, это, в лес. Проходили день до вечера, как и вы. Стали ужин варить. Только что огонь разложили, — подходит к нам черт и говорит:

— Дядя Герасим, я есть хочу.

А я ему отвечаю:

— Чего есть? Мы что сварили, то сами выхлебали.

Черт все свое твердит: есть хочу.

— На, вот, бери тогда собаку, — сказал ему.

Только ноги промелькнули собачьи — черт вмиг ее слопал и опять за старое:

— Герасим, я есть хочу.

— Ну, когда бери другую, — сказал я ему.

Сожрал черт и другую и снова твердит:

— Герасим, я есть хочу.

— На, вот, бери сына, — ответил я.

Черт съел моего старшего сына, а потом убрал и младшего. И все-таки ему, окаянному, мало: знай твердит свое: «Герасим, я есть хочу». Я подал ему ружье. Только сбрякнуло ружье, сожрал черт и его. Я остался один. Проходит с час времени. Вдруг поднялась сильная буря, и черт подкатил ко мне на тройке и говорит:

— Садись, дядя Герасим.

Я и думаю про себя: сесть — не ладно, да и не сесть — тоже не ладно. Взял и сел. Опять задул ветер, и поднялся сильнейший вихорь; деревья так и гнутся. Я одной рукой держался за шапку, а другой за телегу. Долго катал меня черт по лесу, а потом и говорит:

— Видишь, дядя Герасим, вон ту деревину?

— Вижу, — отвечаю я.

— Держись, — говорит, — за эту деревину. Если не удержишься, то не бывать тебе больше на родине.

И вот, как только доехали до этого дерева, я и ухватился за него руками. Черт ускакал, а я остался висеть на дереве. Держаться было очень трудно, а спуститься вниз страшно. Да к моему счастью ночь была такая лунная да светлая. Я и давай глядеть да поглядывать. Глядел это я, глядел да вдруг и увидал на печи свою старуху. Потом оглядел и своих сыновей — опять они со своими женами, как и всегда. Далее вглядываюсь — лежат у дверей и собаки, и ружье цело висит, как ни в чем не бывало, на стене. Я и закричал свою старуху: «Эй, старуха!». Старуха встала, осветила избу. Я от воренца отцепился, сел на лавки, сыновей разбудил и говорю:

— Что это со мною случилось?

— Не знаем, — отвечают сыновья, — как ты тут очутился. Вчерашнего дня мы пошли одной дорогой, а ты ушел другой и домой не являлся.

Я рассказал сыновьям о своем событии, что со мною случилось.

— Наверно, над тобой черт подшутил, — сказали сыновья.

Присказки

Это пока не сказка, а присказка; ведь присказка перед сказкой, что верста торчит в дороге полосатая; без нее не узнаешь, далеко ли прошел и длинен ли еще путь остается.

Засказывается сказка, разливается по печи кашка; сквозь печь капнуло, в горшок ляпнуло; течи, потечи, идет добрый молодец из-за печи на свинье в седле, топором подпоясался, ноги за поясом; квашня старуху месит. Я ей сказал: «Спорынья в старуху!» — она как схватит из-за лопаты печь, меня печью хлесь; я побежал через портки, приступок и изорвал.

За белы руки принимали, за столы белодубовы сажали, за скатерти браные[1], за яства сахарные, за питья медовые.

На море, на океане, на острове на Буяне стоит бык печеный: в заду чеснок толченый, с одного боку-то режь, а с другого — макай да ешь.

В чистом поле, в широком раздолье, за темными лесами, за зелеными лугами, за быстрыми реками, за крутыми берегами.

---

[1] *Браные* (устар.) — узорчатые, вытканные с узорами (*примеч. ред.*).

Я сам там был, мед и пиво пил, по усам текло, а в рот не попало; на душе пьяно и сытно стало.

Под светлым месяцем, под белыми облаками, под частыми звездами и проч.

Шапка-невидимка. Сапоги-самоходы. Скатерть-хлебосолка. Сума — дай пить и есть. Ковер-самолет и проч.

Конь бежит, земля дрожит, из ушей полымя пышет, из ноздрей дым столбом (или полымя из ноздрей, дым из ушей).

На море, на океане, на острове на Буяне, лежит бел-горюч камень Алатырь[1].

Свистнул, гаркнул молодецким посвистом, богатырским покриком.

Под темными лесами, под ходячими облаками, под частыми звездами, под красным солнышком.

Попрыски (след) молодецкие, из-под копыт комья богатырские.

Утка крякнула, берега звякнули, море вболталось, вода всколыхалась.

По локоть в красном золоте, по колени ноги в чистом серебре.

Доселе русского духу слыхом не слыхано, видом не видано, а ныне русский дух воочию является.

Хвостом след устилает, долы и горы промеж ног пускает.

Стань, белая береза, у меня назади, а красна девица напереди!

Вправо поедешь (или — по раздорожью) — коня потеряешь, влево поедешь — самому живу не быть.

Семи пядей во лбу. Промеж глаз калена стрела укладывается.

Мертвой водой окропить — плоть и мясо срастаются; живой водой окропить — мертвый оживает.

Меч-кладенец. Калена стрела. Тугой лук. Копье булатное, мурзамецкое[2].

Свинка — золотая щетинка. Конек-горбунок. Змей Горыныч. Сивка-бурка, вещая каурка.

---

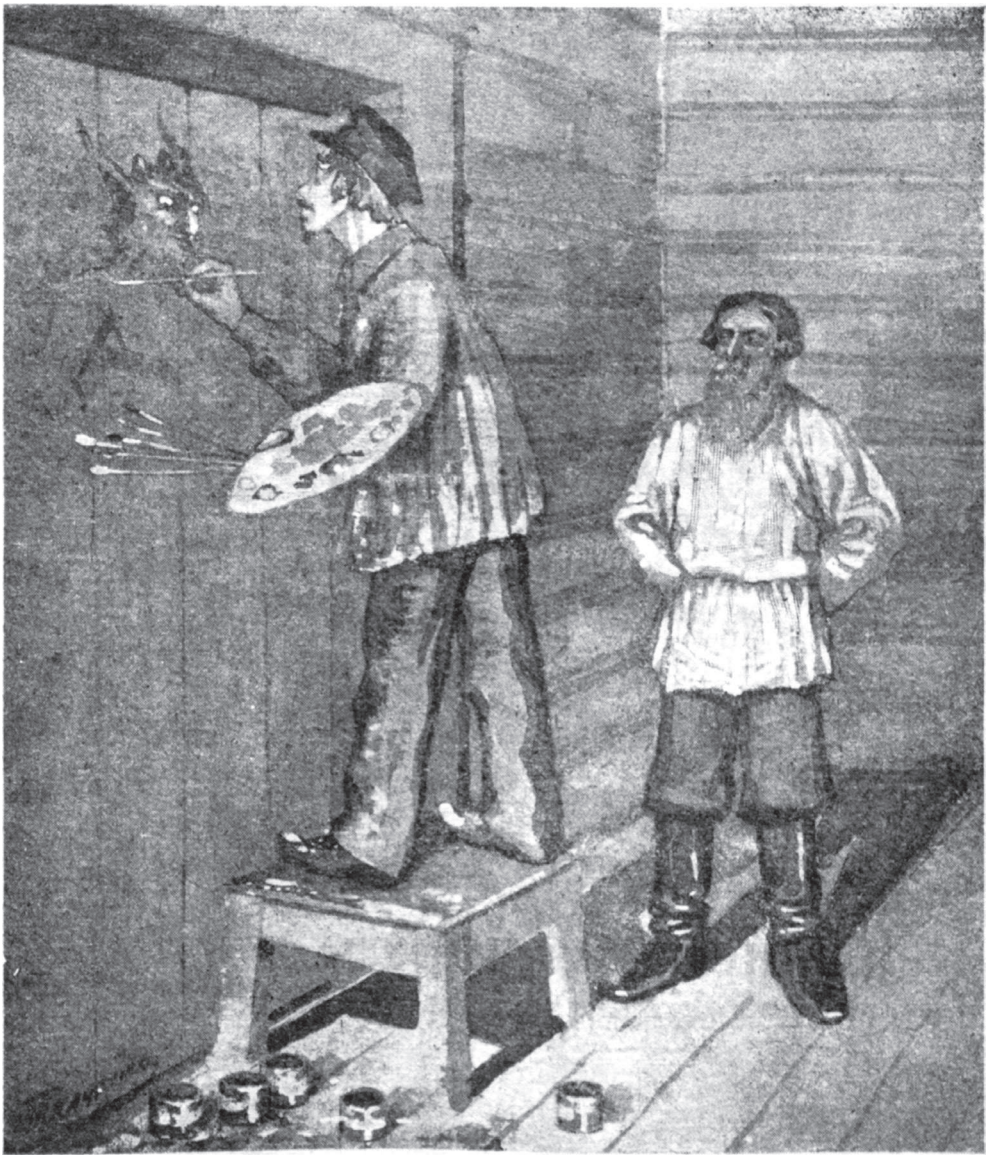
[1] *Алатырь* — в народных поверьях — чудодейственный камень, лежащий на морском дне или на острове в океане. В старину Балтийское море называлось Алатырским, поэтому, возможно, *янтарь* (*примеч. ред.*).

[2] *Мурзамецкий* — басурманский, татарский (*примеч. ред.*).

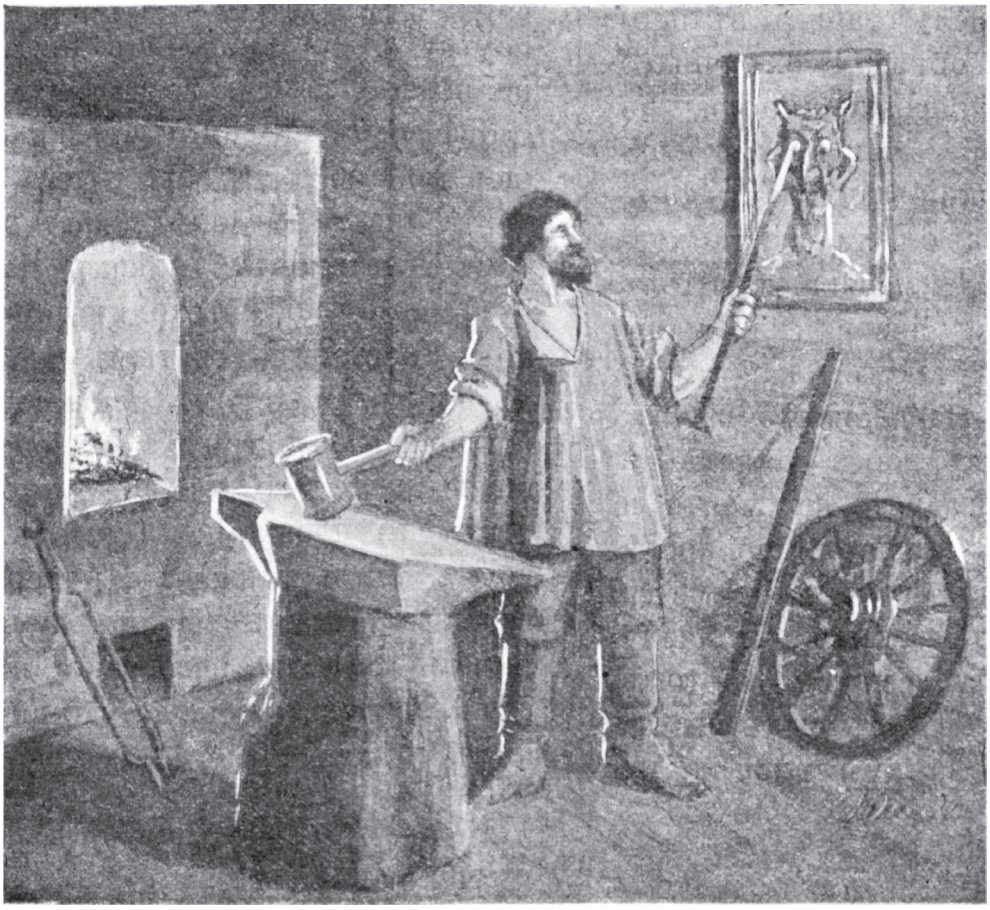
Кузнец и черт

Жил-был кузнец, у него был сын лет шести, мальчик бойкий и разумный. Раз пошел старик в церковь, стал перед образом Страшного Суда и видит: нарисован черт, да такой страшный, черный, с рогами и с хвостом. «Ишь какой! — подумал он. — Дай-ка я себе намалюю такого в кузнице». Вот и нашел маляра и велел ему нарисовать на дверях кузницы черта точь-в-точь такого, какого видел в церкви. Нарисовал маляр. С той поры старик как войдет в кузницу, всегда взглянет на черта и скажет: «Здорово, земляк!». А после разведет в горне огонь и примется за работу. Жил эдак кузнец в ладу с чертом лет с десяток, потом заболел и помер. Стал сын его за хозяина, принялся за кузнечное дело; только не захотел он почитать черта, как почитал его старик. Придет ли поутру в кузницу — с ним никогда не поздоровается, а заместо ласкового слова возьмет самый что ни есть большой молот и огреет этим молотом черта прямо в лоб раза три, да потом и за работу. А как настанет у Бога праздник — сходит он в церковь, поставит святым по свечке; а к черту придет — и плюнет в глаза. Прошли целые три года, а он все угощает нечистого каждое утро то молотом, то плевками. Терпел, терпел черт, да и вышел из терпения; невмоготу стало. «Полно, — думает, — принимать мне от него такое надругательство! Дай ухитрюсь да что-нибудь над ним сделаю».

Вот обернулся черт парнем и приходит в кузницу. «Здравствуй, дядя!» — «Здорово». — «А что, дядя, возьми меня к себе в ученье? Буду тебе хоть уголья таскать да меха раздувать». Кузнец тому и рад: «Отчего не взять! Вдвоем скорей...» Пошел черт в науку, пожил месяц и узнал кузнечное дело лучше



Кузнец и художник
(рис. В. Ткаченко)



Кузнец
(рис. В. Ткаченко)

самого хозяина: чего хозяин не сможет, то он сделает. Любо-дорого посмотреть. Кузнец уж так его полюбил, уж так им доволен, что и сказать нельзя. В другой раз сам нейдет в кузницу — надеется на работника: он всем управит. Раз как-то не было хозяина дома, а в кузнице оставался один работник. Видит он — едет мимо старая барыня, высунул голову из дверей и давай кричать: «Эй, господа! Вы пожалуйте сюда; здесь новая работа открывается; старые в молодых переделываются». Барыня сейчас из коляски да в кузницу. «Чем ты это похваляешься? Да вправду ли?» — спрашивает парня. «Не учиться нам стать! — отвечает нечистый. — Коли б не умел, так и не вызывался бы». — «А что стоит?» — спрашивает барыня. «Да всего пятьсот рублей». — «Ну, вот тебе деньги, сделай из меня молодую». Нечистый взял деньги, посылает кучера на деревню: «Ступай, — говорит, — притащи сюда два ушата

Барыня и черт
(рис. В. Ткаченко)

молока»; а самое барыню схватил клещами за ноги, бросил в горн и сжег всю дочиста; только одни косточки и остались. Как принесли два ушата с молоком, он вылил их в кадушку, собрал все косточки и побросал в молоко. Глядь — минуты через три выходит из молока барыня: живая, да молодая, да красавица!

Села она в коляску и поехала домой; входит к барину, а тот уставил на нее глаза и не узнает своей жены. «Что глаза-то выпучил? — говорит барыня. — Видишь, я и молода, и статна; не хочу, чтоб у меня муж был старый! Сейчас же поезжай в кузницу, пускай и тебя перекуют в молодого... а то и знать тебя не хочу!» Нечего делать, поехал барин.

А тем временем кузнец воротился домой и пошел в кузницу; смотрит — нету работника; искал-искал, спрашивал-спрашивал, — нет как нет, и след простыл. Принялся один за работу, только молотом постукивает. Приезжает

Минуты через три выходит из молока барыня.
Живая, да молодая, да красивая
(рис. В. Ткаченко из собрания А. Е. Бурцева)

барин и прямо в кузницу: «Сделай, — говорит, — из меня молодого». — «В уме ли ты, барин? Как сделать из тебя молодого?» — «Ну, там как хочешь!» — «Я ничего не знаю». — «Врешь, мошенник! Коли переделали мою старуху, переделывайте и меня; а то мне житья от нее не будет». — «Да я твоей барыни и в глаза не видал». — «Все равно, твой работник видел. Если он сумел дело повершить, так ты, старый мастер, и подавно должен уметь. Ну, живей поворачивайся; не то быть худу; попробуешь у меня березовой бани». Принужден был кузнец переделывать барина. Расспросил потихоньку и кучера, как и что сделал работник его с барыней, и думает: куда ни шло! Стану то же делать; попаду на лад — хорошо, не попаду — все равно пропадать! Тотчас раздел барина донага, схватил его клещами за ноги, сунул в горн и давай поддувать мехами: сжег всего в пепел. После того вынул кости,

Кузнец и кучер
(рис. В. Ткаченко)

покидал в молоко и ждет — скоро ли выскочит оттуда молодой барин. Ждет час, и другой — нет ничего; посмотрел в кадушку — одни косточки плавают, и то обгорелые... А барыня шлет послов в кузницу: скоро ли будет готов барин? Отвечает бедный кузнец, что барин приказал долго жить; поминайте как звали! Как узнала барыня, что кузнец только сжег ее мужа, а молодым не сделал, сильно разгневалась, созвала своих верных слуг и велела тащить кузнеца на виселицу. Сказано — сделано. Побежали слуги в кузницу, схватили его, связали и потащили на виселицу. Вдруг нагоняет их тот самый малый, что у кузнеца жил в работниках, и спрашивает: «Куда ведут тебя, хозяин?» — «Хотят повесить», — отвечает кузнец и рассказал все, что с ним сталось. «Ну, дядя, — молвил нечистый, — поклянись, что никогда не будешь бить меня своим молотом, а станешь ко мне такую же честь держать, какую

Молодой барин
(рис. В. Ткаченко)

твой отец держал, — и барин сейчас будет жив и молод». Кузнец забожился, заклялся, что никогда не подымет на черта молота, а будет отдавать ему всякую почесть.

Тут работник побежал в кузницу и наскоро воротился оттуда вместе с барином: «Стой! — кричит слугам. — Не вешайте! Вот ваш барин!» Они сейчас развязали веревки и отпустили кузнеца на все четыре стороны: с тех пор перестал кузнец плевать на черта и бить его, скрылся и больше на глаза не показывался; а барин с барыней стали жить да поживать, да добра наживать, и теперь еще живут, коли не умерли.

Михайла Рахка

Михайла Рахка — уроженец губ. из Верховажья и потому прозывался Ваганом. Во время какой-то смуты на Руси он бежал и поселился у озера Рагнозера в деревне Чуреве. Тогда был тут погост. Женился на крестьянской девушке, которая ему понравилась; занимался крестьянством. Силу он имел необыкновенную. Когда вздумает заготовлять дрова, идет в лес и несет оттуда сырья, березовые полозья, вязья не на одни, а семь дровней. Случилось быть из той деревни двум бурлакам в Москве, где тогда был такой борец, что никто его не мог одолеть. Если же кто осмеливался с ним потягаться, то был всегда поборот или даже убит. Бурлаки, видя такого богатыря, говорили меж собою: Мишка может со всяким богатырем справиться. Слышали это посторонние, стали у них спрашивать: кто таков Мишка ваш и где живет. Они объяснили, что в таком месте есть крестьянин, который может побороть. Это дошло до царя. Царь послал за ним солдат. Когда пришли они в Рагнозеро, Рахка был

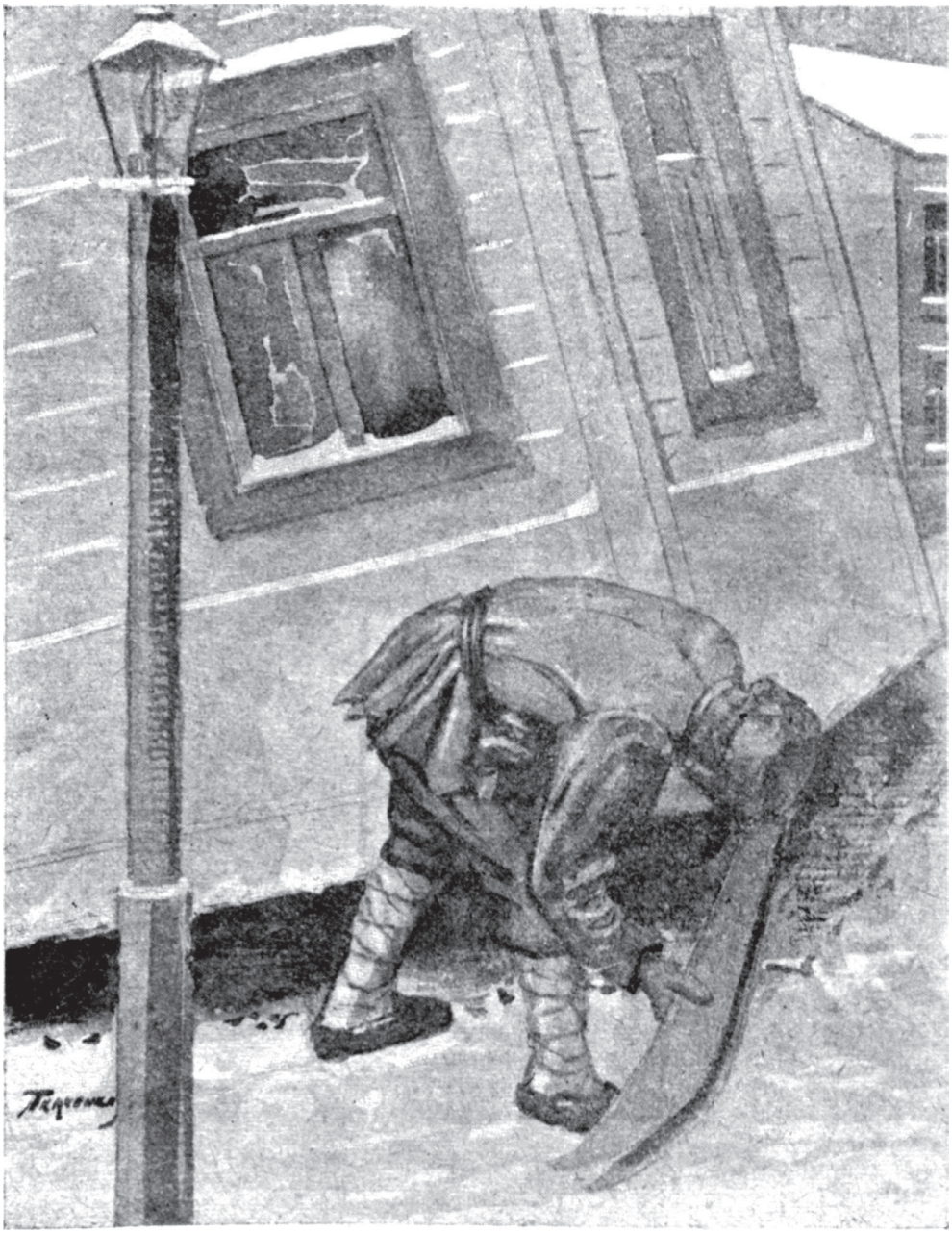
В Москву
(рис. В. Ткаченко)

в лесу. Он привез на семеры дровни и оставил его во дворе. Посланные, видя его, испугались, думая, что черт пришел, а не человек, но все же по царскому приказу стали звать его в Москву. Он отвечал: «Вы отправляйтесь, а я буду там раньше вас».

Они отправились. Рахка поутру встал, позавтракал и отправился прямым путем на лыжах. Дело было зимою. Он пришел в Москву. По прибытии затруднился, куда положить свои лыжи, чтобы их не унесли. Увидал большой деревянный дом, приподнял его за угол и засунул туда лыжи. Потом явился к царю и спросил: «О чем, Ваше Царское Величество, к себе звали налицо меня, простого мужика?». Царь и говорит: «Поди, закуси да отдохни с дороги, а потом и дело дам». Рахка отвечал: «Незачем даром царского хлеба тратить, надо прежде заработать, а потом и есть».

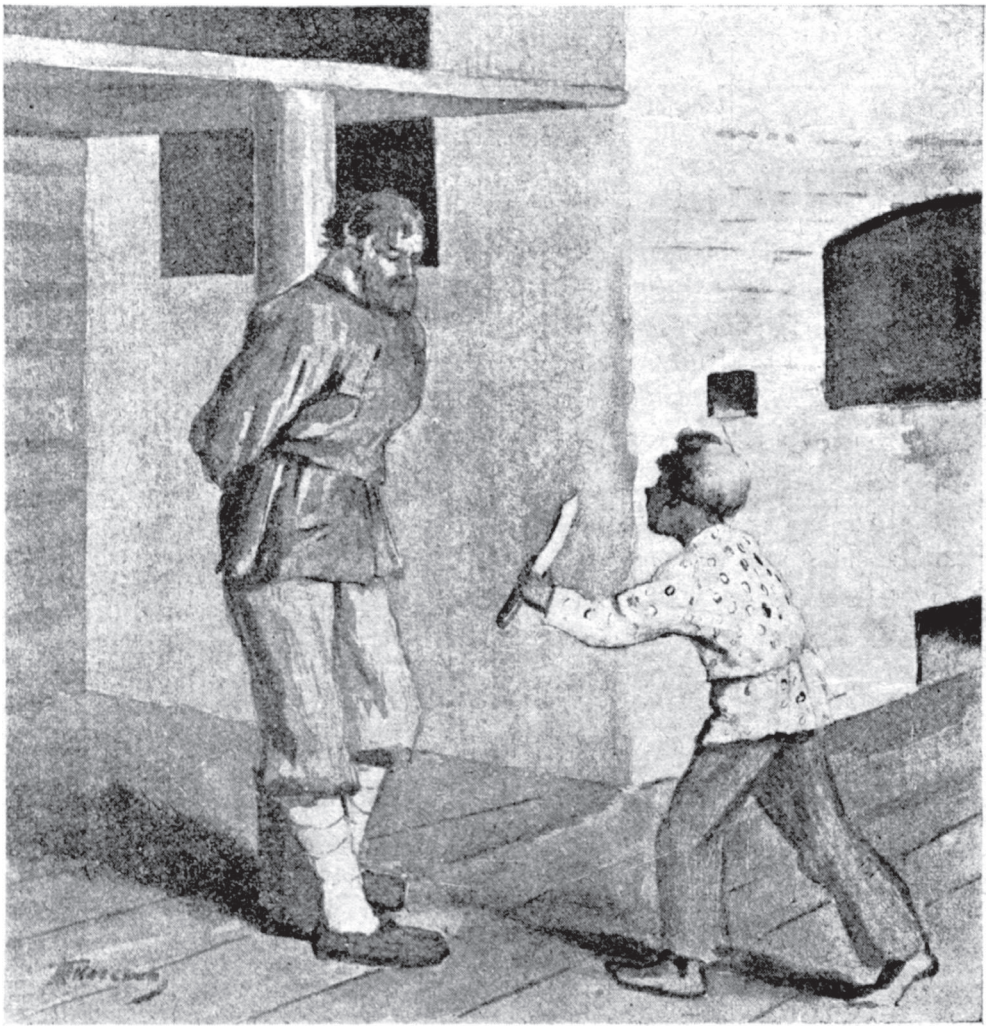
В это время на площади стояла толпа народу; тут же и борец, он был не русский. Подошел к ним Михайла Рахка. Стали они судить да рядить, кому начинать. Рахка говорит: «Ты борец сильнее всех, тебе и начинать».

Царь говорит
(рис. В. Ткаченко из собрания А. Е. Бурцева)

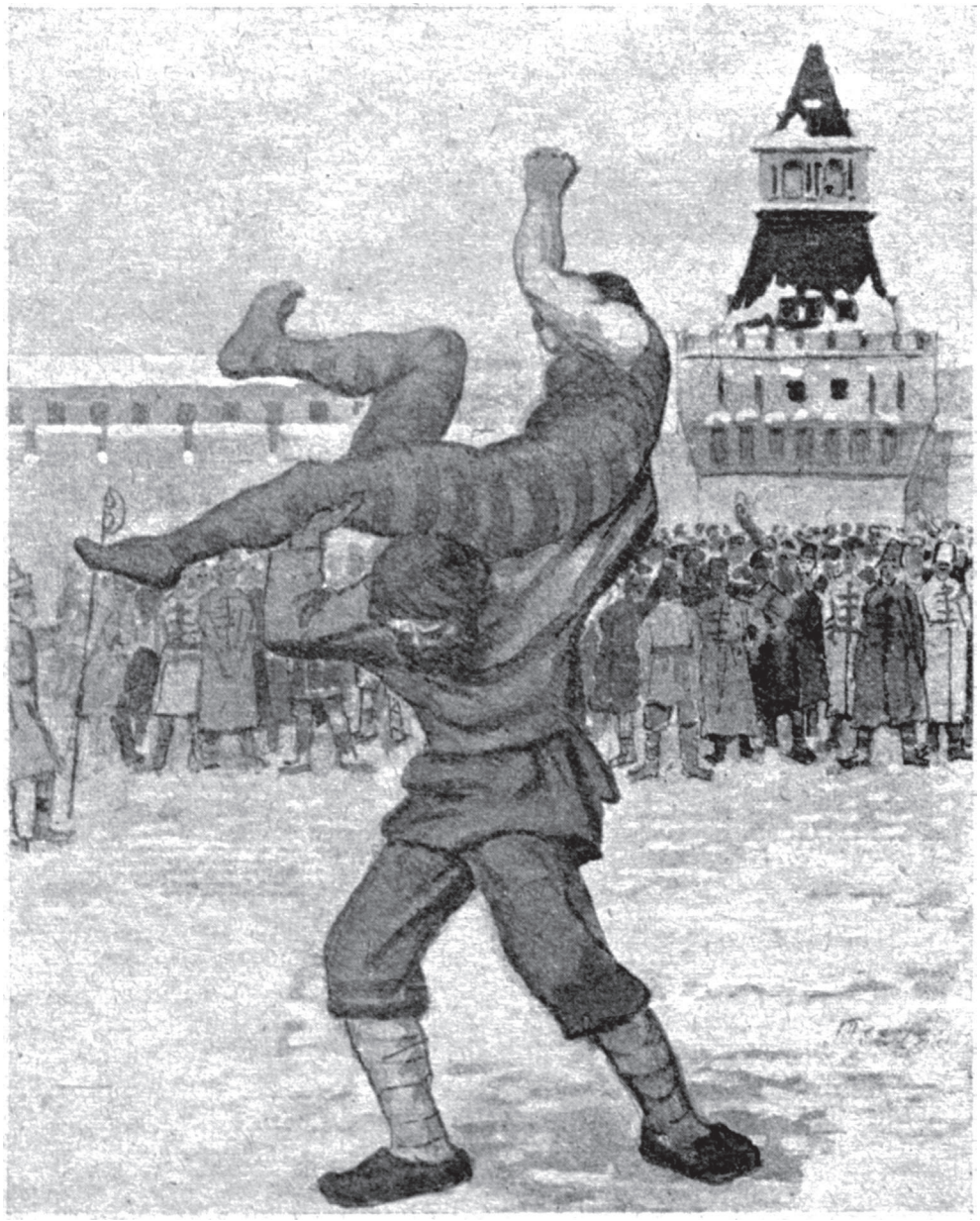


Засунул туда свои лыжи
(рис. В. Ткаченко)

Московский борец, сколько ни старался, а одолеть Рахка не мог. Рахка же так хватил борца о землю, что тот тут же и умер. Рахки этого мало. Он просил еще дела, говоря: «Я за несколько сот верст пришел сюда, так пусть ходьба моя даром не пропадает». Царь захотел узнать вполне его силу, подарил ему кафтан, вышитый золотом, и отправил его в город, а вслед за ним послал сильного солдата с приказом отнять у него кафтан. Солдат подошел к Рахке и сказал: «Как ты смел украсть этот кафтан у царя!» Рахка сказал, что кафтан подарен царем. Солдат не верит. Тогда Рахка сказал: «Если ты этому не веришь, то бери кафтан, черт с тобой, мне его и не надо, пусть мои труды даром



Сын подает отцу нож
(рис. В. Ткаченко)



Московский борец и Рахка
(рис. В. Ткаченко из собрания А. Е. Бурцева)

пропадают!» Пошел, приподнял угол дома, где спрятаны были лыжи, взял их и покатил восвояси.

Когда же он ходил в Москву, в Рагнозеро пришли разбойники, разорили погост и все деревни. Пришли в деревню Чурневу и поселились у Рахки в доме. Атаману разбойников прилюбилась Рахкова жена, и он остановился у нее, узнав, что хозяина дома нет. «Где твой муж?» — «Он ушел в Москву пробовать свою силу с борцом, так он чрезвычайно силен». Упросил атаман ее, чтоб она узнала, когда у ее мужа силы бывает меньше, чтоб убить его и потом самому жениться на ней. Она обещала все исполнить. Рахка явился; она стала расспрашивать о здоровье и делах. Он хвастал, что его никто побороть не мог и никому с ним не справиться. Она стала его спрашивать, как своего мужа, когда у него бывает меньше силы. Рахка долго отговаривался, но потом сказал: «Когда выпью вина, тогда и силы у меня меньше». Когда он ослаб, разбойники по приказанию атамана схватили его и привязали к столбу. Пришла ночь. Рахкова жена ушла к своему другу атаману. Рахка, привязанный к столбу, попросил у своей дочери нож, чтобы разрезать веревку, но она ножа не дала

Обрушил свою баню
(рис. В. Ткаченко)

и постращала, что скажет атаману. Он уговорил не сказывать. Дочь куда-то вышла, а сын и подал нож. Рахка, не теряя времени, перерезал веревку, сходил на речку, умылся и узнал от сына все проказы матери. Узнав, что народу в бане много, подошел к бане, приподнял и обрушил ее, передавив всех разбойников. Возвратившись в избу, стал на прежнее место к стене.

Жена утром явилась, стала печь блины и кормить атамана. Он ел и подсмеивался над Рахкиной силой. Потом рассказал сон, что будто бы шел лесом-тропою и поймал мошника[1]. На это Рахка ответил: «Я тоже видел сон, будто бы сорок рябчиков попали в одну мою пасть; еще летал один мошник, и того хочу изловить». При этих словах он вдруг отскочил от стены, схватил атамана и убил его; жену и дочь разорвал пополам и бросил в поле на съедение зверям и птицам, а с сыном стал жить-поживать и добра наживать. Таков-то был Михайла Рахка.

При этих словах он отскочил от стены
(рис. В. Ткаченко)

[1] *Мошник* — глухарь (*примеч. ред.*).

Город-кривосуд

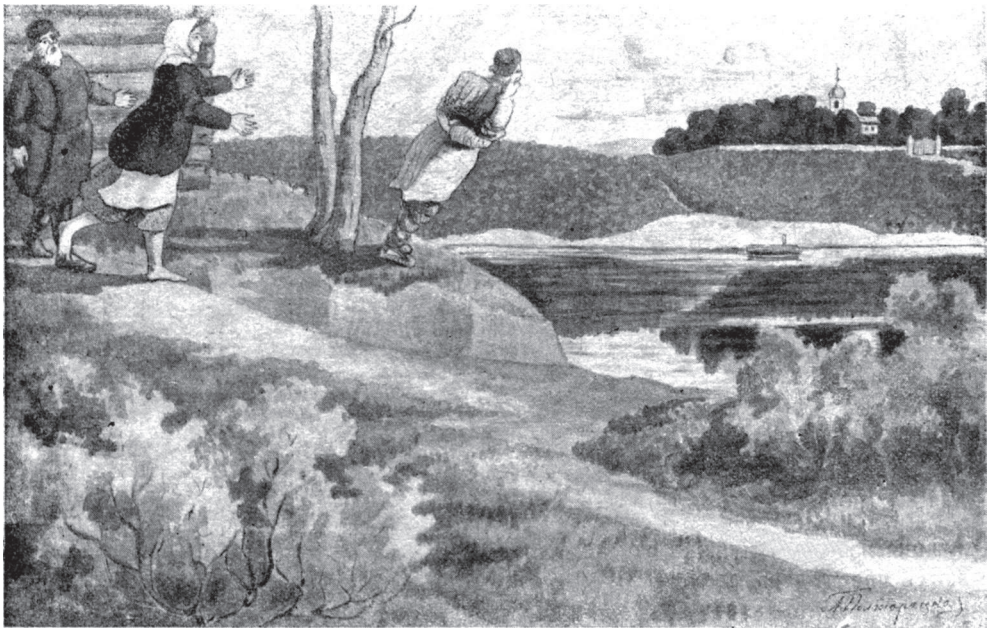
Один мужик из Вологодской губернии услыхал, что есть где-то город-кривосуд. Он захотел узнать этот город, сходить в него и узнать все диковинки. Утром встал раным-ранешенько, навязал котомку и пошел искать города-кривосуда. Шел он день, шел другой, шел неделю, наконец дошел до города-кривосуда. Подходит к одной избушке и попросился ночевать у старухи. Проспал ночь и спрашивает, как бы получше высмотреть город. Старуха говорит ему: «Добрый человек, поди на улицу и увидишь город-кривосуд и все его диковинки». Мужик оделся и пошел шататься по улицам. Идет он по одной улице. К нему подскакивает женщина, хватает его за руки и называет своим мужем. «Ты убежал из дому, оставил меня с маленькими детьми и у них взял денег 500 рублей, отдавай, а не то поведу к городничему». Она схватила его и повела.

«Ты украл у меня 500 р. Пойдем к городничему»
(рис. Л. Полторацкой из собрания А. Е. Бурцева)

При повороте в другую улицу встречается им купец. Тот захватывает мужика за горло и говорит: «Ты взял у меня 5000 рублей денег, взял и не отдаешь, пойдем к городничему». Мужик идет с женщиной и купцом связанный по рукам и по ногам и думает: «Зачем Господь допустил до этого города? Господи, не дьявольское ли это напущение! Что это за люди?» И думает умертвить себя. Идут они по горе около озера. Мужик бросился с горы, чтобы убиться.

Случилось в это время монастырским работникам ловить рыбу. Он убил одного из них, а сам остался цел и невредим. «Что ты сделал?» — закричали работники, побежали к своему настоятелю и рассказали про случившееся. Тот, выслушав их донос, присоединился к идущим с жалобою. Вот уж подходят они к дому городничего. Лавочник останавливает идущих. Увидав плачущего мужика, подозвал его к себе и спросил об его горе. Тот рассказал про случившееся и просил купца защитить его. Жалко было купцу бедного мужика, но как помочь ему? У городничего было две дочери; им нужны были куньи воротники. В городе таких воротников ни у кого не было, как у того купца, который остановил обвиняемого мужика. Но так как у городничего с этим купцом была ссора, то одному не хотелось купить или попросить воротники, а другому подарить или продать. Купец сказал: «Изволь, я тебе помогу, сколько могу; возьми эти две куницы, снеси к городничему, но денег не бери, скажи, что эти две куницы, барин, тебе, только не оставь меня». Мужик так

«Ты взял у меня 5000 р. и не отдал. Пойдем к городничему»
(рис. Л. Полторацкой из собрания А. Е. Бурцева)



Мужик кинулся в озеро
(рис. Л. Полторацкой)

и сделал. Городничий, увидав давно желаемых куниц, обрадовался, побежал к дочерям и говорит: «Дочурки мои милые, вот вам и кукушки». Выходит потом к мужику и спрашивает про цену. Мужик, наученный купцом, не говорит, не объявил цены и не взял денег, а попросил о своем деле. Он рассказал городничему про все случившееся с ним и просил защитить. Городничий же, довольный подарком, велел бедному мужику с обвинителями явиться к нему для разбирательства дела.

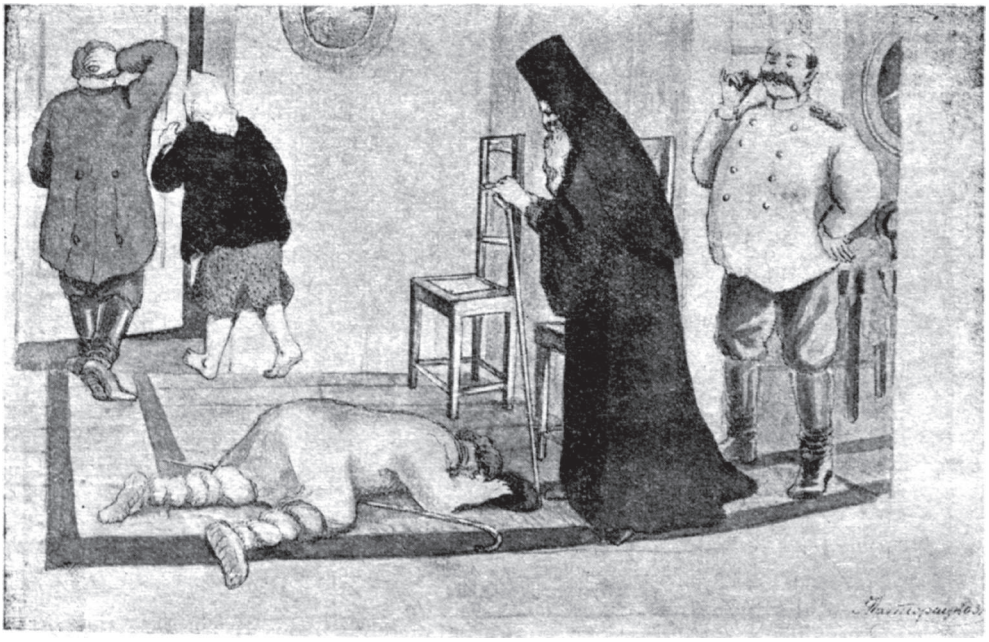
На другой день явились просители и подсудимый к городничему. Он, увидав мужика, подозвал к себе, вывел в другую комнату и научил, что говорить на суде. Когда выступила женщина, признавшая его за своего мужа и обвинявшая в краже 500 рублей, городничий обратился к мужику: «Это твоя жена?» — «Да, — отвечает тот, — моя, ваше благородие, но убежала из дому, оставила мне маленьких детей; но помилуйте, все наши власти притесняют меня из-за нее и говорят, что я ее убил». Городничий приказал принести пучок розог и высечь ее. Когда ее хотели наказывать, она закричала: «Помилуйте, ваше благородие, он мне не муж, а я ему не жена, и денег он у меня не брал, я солгала». Но было уже поздно. «Муж ли, не муж я тебе, — говорил мужик, — ты мне давай деньги 500 рублей, не то пойдем со мною в мою сторону».

Женщина обрадовалась этим словам, обещала отдать, только бы он не тревожил ее более. Потом подошел купец, обвинявший мужика в том, что он взял

Две куницы избавили мужика от своих преследователей
(рис. Л. Полторацкой из собрания А. Е. Бурцева)

у него 5000 рублей денег. Городничий, выслушав жалобу, спросил мужика, брал ли он денег 5000 рублей. Мужик ответил: «Да, я брал у него 5000 рублей, только оставил ему в залог 10 драгоценных камней; если отдаст мне камни, я сейчас же выдам ему деньги». Купец остолбенел, начал клясться и божиться, что не брал у него камней, а деньги давал. Городничий, видя упорство купца, говорит ему: «Да разве ты мог дать столько денег мужику, не взяв с него залога; отдавай ему камни, а если утратил их, то ценность их должна быть отдана мужику». Купец почесал в затылке и, видя, что навернулся на гуся, должен был вытащить кошелек и вытрясти 5000 рублей. Когда же он отдал мужику деньги, то сказал: «Я был гусь, а ты почище его».

Наконец, приходит настоятель монастыря с жалобой на мужика. Городничий, выслушав жалобу, спросил мужика: «Ну что, правду говорит про тебя настоятель?» — «Да, правду, да ведь не нарочно убил его работника; я сам хотел с такого горя лишить себя жизни; случилось тут его рабочим ловить рыбу, когда я летел; вот и все». — «Да, — говорит городничий, — за то, что ты рассказал чистосердечно, я прощаю тебя, только ты проси прощения и у о. настоятеля; если он простит, тогда все покончим». Он увел настоятеля в другую комнату и уговорил его, вышел на судилище. Настоятель простил мужика. Мужик, обрадованный окончанием дела, сунул мало талику городничему, а сам со всех ног бросился бежать из дома городничего. По пути зашел



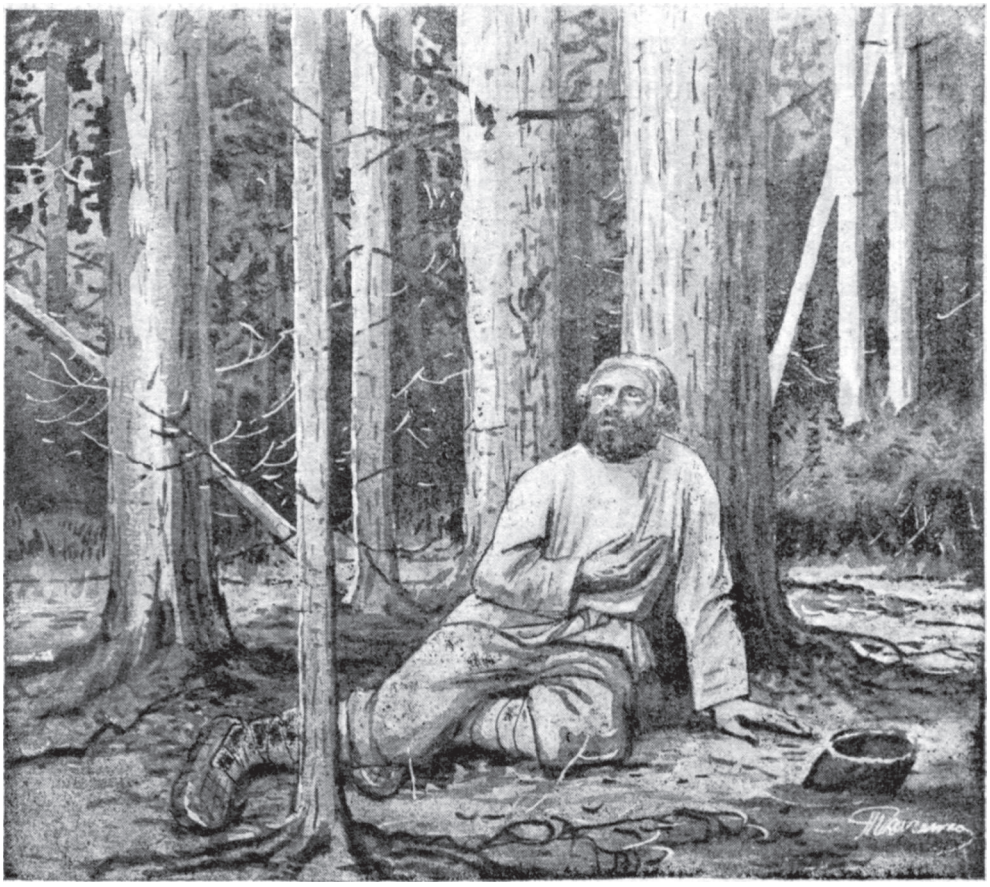
Мужик у отца настоятеля выпросил прощение
(рис. Л. Полторацкой из собрания А. Е. Бурцева)

к купцу, давшему ему куниц, поблагодарил его за них денежно и отправился домой. Приходит домой и рассказывает своей волости. Сам он стал жить да поживать, да богатеть.

Смотря на его поступок, другим захотелось побывать в городе-кривосуде; но не так счастливо побывали они. Кто пришел без носа, кто без глаза, кого приведут, кого привезут, и стали все поговаривать: ну, брат, только там хорошо, где нас нет, а нам и на печи тепло.

Заселение Кондуш

Рассказывают, что когда-то очень давно пришел из каких-то далеких мест мужик, прозываемый Варзамай. Род его и до сих пор существует и носит ту же фамилию. Он дошел до того места, где теперь деревня мостовая, лес и глушь в этом месте были страшные, чащи изредка пересекались тропами диких зверей и оленьими, водившимися здесь во множестве. Ему понравилось это

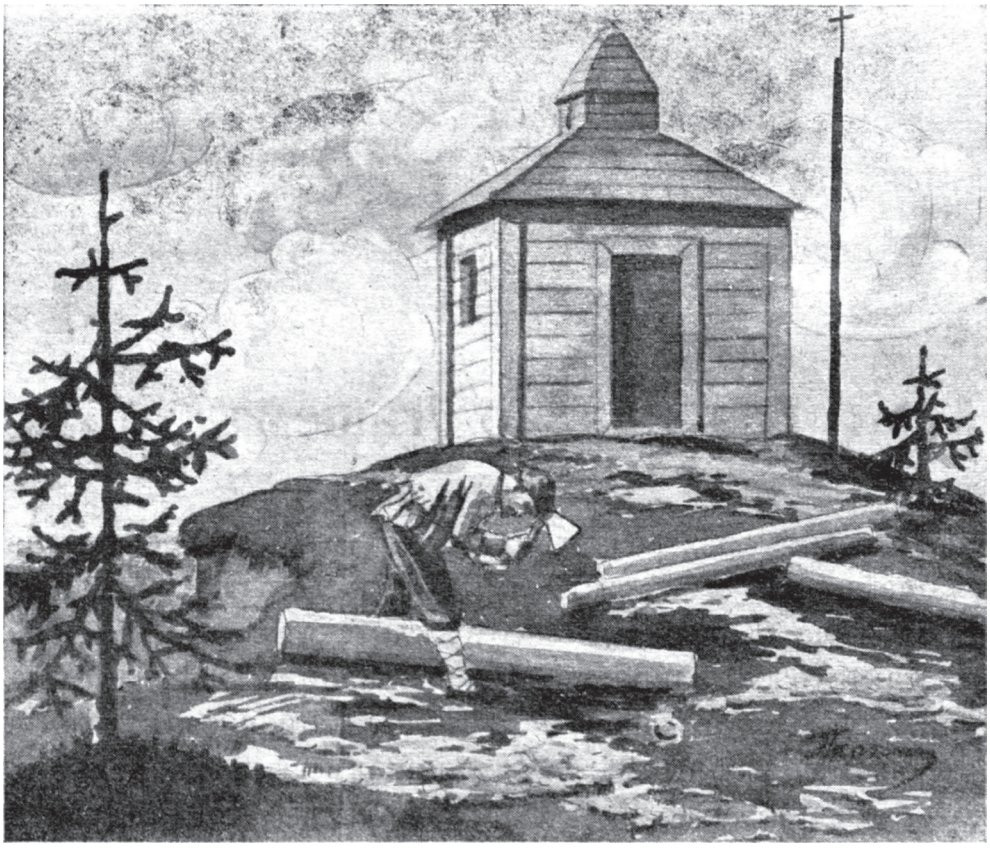


Он упал на землю
(рис. В. Ткаченко)

дикое уютное место, и он возле ручья, протекавшего в овраге, построил первую хату и тут стал жить.

Раз он отправился в лес по своим делам и зашел очень далеко от своего жилища, запутался в лабиринте елей и вековых сосен и никак не мог выйти. Проходив более двух суток и сбившись окончательно с пути, он упал на землю и дал обещание: если он найдет свой дом и не погибнет в этой глуши, то построит часовню во имя Николая Чудотворца и закажет написать его образ. Только что он произнес свой обет, как услышал далеко где-то голос петуха, разносившийся по заре. Забыв свою усталость, мужик идет на голос петуха и скоро узнает знакомые места. Он уже был невдалеке от своего дома.

Не откладывая данного обета, Варзамай выбрал высокий холм близ ручья и занялся постройкой часовни. Скоро часовня была готова, но иконы Святителя нигде и никак не мог заказать. Проходит год или два, но иконы нет



Постройка часовни
(рис. В. Ткаченко)

в часовне. Но в один ненастный вечер глубокой осени, когда все семейство Варзамая ложилось уже спать, кто-то постучал в окно его избушки и просил приюта. Мужик пустил в избу нежданного гостя. Оказалось, что это был старик почтенной наружности и, к удивлению хозяина, не только неозябший и необмокший, несмотря на дождливую и холодную погоду. В разговорах старец сказал между прочим, что он живописец. Этого-то и ожидал Варзамай. Он тут же подрядил живописца написать икону святителя Николая. Старец согласился и тут же принялся за работу. К утру икона была готова. За работу незнакомец взял три горошины; за деньгами же обещался зайти в другой раз, но с той поры около благочестивого первого поселенца стали группироваться и прибывать новые выходцы, чему много способствовало то, что образ, написанный незнакомцем, стал источать чудеса, и слава о нем разнеслась далеко по окрестности. Теперь на том же самом месте построена новая часовня, окруженная тенистой рощей, считающаяся народом за святыню. Образ

Старец принялся за работу
(рис. В. Ткаченко из собрания А. Е. Бурцева)

Николая Чудотворца вынесен в местную церковь. На месте жительства Варзамая находится полуразвалившийся дом без потолка. Предание говорит, что и тот дом четвертый.

Рассказ о лешем

— Таким обыкновенным рассказам не верить, так чему же и верить? Прежде еще не такие дела бывали: ух, только подумаешь, так кожу обдирает.

Ты, дядя Василий, поди, много знаешь страшного-то? Расскажи, пожалуйста.

— Какое много, кое-що знаю.

— Расскажи, Василий Александрович, нам що-нибудь.

— Ну ладно, расскажу вот я про своно родителя, как он мне Святки проводил да с лешим шушукался. Дело было в Святки, на пятый день Рождества Христова я вздумал, гыт, опустить мельницу на Васильев день, христианам муки помолоть. Оделся, гыт (вместо «говорит»), в шубу и пошел. У нас, гыт, в тот вечер была посиденка, робята-то то и кричат, гыт, не ходи, дядя Александр, смотри, леший шапкой по голове помажет. Как это они сказали, я, гыт, и сказал: «Я лешему-то, гыт, сам рога переломаю». А баба, услыша — гыт с печи, що говорит муж-то ее, и молвила, гыт, ему: «Благословесь хошь, Лександр, иди-то, ведь Святки типерь, мало ли що может наблазнить? [1]» Я, гыт, был немножко выпивши, изругал их всех трусами и пошел, гыт, на мельницу. Иду, гыт, себе и в ус не дую, що может поблазнить. Выхожу за деревню и в думушке не думаю що-нибудь нечистое. Подхожу я, гыт, так к бане и только хотел, гыт, пройти, вдруг двери-то в бане как хлопнут, так що вся баня-то и запрыгала. Я и подумал, гыт, это, наверно, банника леший донимает, постой, гыт, я ево выручу, и подошел к бане. Хотел отпереть защевку-то (запор), да не тут-то было, я давай толкать ногою, щобы отворить дверь-то, но тоже, гыт, ничего не мог поделать и уперся из всей силы плечами, дверь трещит, но не отворяется, гыт.

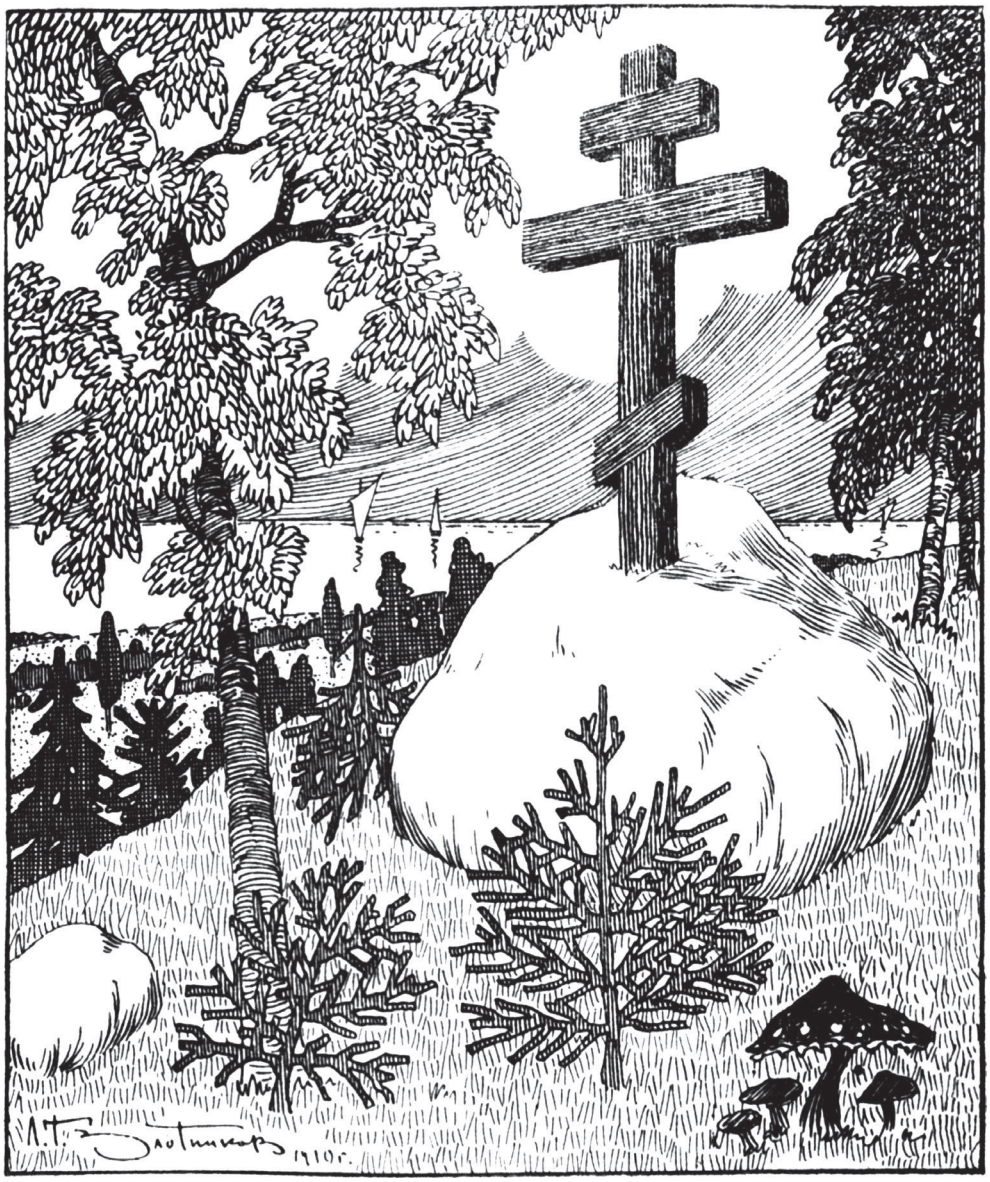
Вдруг я и слышу, що леший-то стонет, погоди, гыт, я тебя уважу, и опять, гыт, давай плечами-то отворять двери-то, опять слышу, леший во как прохрипит, но не поддается. Я, гыт, плюнул да и пошел ужо, гыт, тебе, леший, я шею-то накостыляю. Прихожу, гыт, на мельницу (на столбянку), опустил (вынул из-под колес и машин подставки) ее и покуриваю себе, гыт, как ни в чем не бывало. Вдруг, гыт, слышу, що под мельницею-то кто-то свистит, да так резко, що тебе рожок нашего пастуха Ваньки, куда, гыт, ему еще до этого. Свистит, гыт, это он, леший-то, а я думаю: свисти, я ведь не испугаюсь. Посвистал, посвистал это так, да и замолол. А я думаю, леший-то хайло-то, видно, надорвал.

Ан и ошибся я, гыт, он это воздуху-то пыхал да пыхал, да как дунет в машины-то мельницы, ну, думаю, леший взялся уж за дело мельничье, так не быть, гыт, добру. А машины-то, гыт, машины как замахают, так що кругу не знать. Ну и полез я с мельницы-то долой, гыт, да и давай отворачивать, так що силушки уж не стало, а мельница все еще вертится. Ну, думаю, гыт, заохотился, видно, бес-то. Тут-то я припомнил, що от лешего можно отговориться;

---

[1] *Блазнить* — соблазнять, искушать, смущать (*примеч. ред.*).

Давай толкать ногою, чтобы отворить дверь
(рис. Л. Злотникова)



На камне Алатыре стоит крест
(рис. Л. Злотникова)

я давай читать заклятье на лешего: «На море, на океане, на острове Буяне лежит бел-горюч камень Алатырь, на том камне, Алатыре, стоит крест, крестом крест человек родился, крест водрузился, а сатана связался, Бог прославился. Замыкаю свой заговор семьюдесятью семью замками, семьюдесятью семью

«Схватил у меня с головы шапку да деру»
(рис. Л. Злотникова)

цепями, бросаю ключи в Океан-море, под бел-горюч камень Алатырь. Кто мудреней меня взыщется, кто перетаскает песок из всего моря, тот освободит лешего». Только що я проговорил, гыт, хайло-то у лешего равно кто глиной замазал, он заскрежетал зубами и давай опять пыхать в себя воздух-то, гыт.

А я в то время успел-таки запереть мельницу-то. Ну, теперь, думаю, леший, я с тобой-то хоть в рукопашную пойду. Только, гыт, я это подумал, как вдруг, гыт, леший-то побежал, да как схватит у меня с башки-то шапку, да дери, да дери от меня, так ведь, гыт, и убежал.

Прихожу, гыт, я домой, так и ковды[1] увидали, що у меня на башке-то нет шапки, то и спросили меня, гыт: «Где шапка у тебя, дядя Олександро?» — «Леший унес». Все захохотали и умолкли. Я себе лег на печку, да и думаю, гыт: как я-то прозевал, на ко леший шапку унес. Встал я утром, гыт, да и налаживаюсь в город (Вологду) ехать, купить себе новую шапку. У меня опять, гыт, спрашивают: «Куда ты, дядя Олександро, шапку-то девал?» — «Да леший унес, я ведь, гыт, вам говорил». Все стали расспрашивать, как это такая оказия случилась. Ну, гыт, я им рассказал. Я уж решил, що мне не придется больше носить мою шапку. Думаю, леший унес, так отдаст ли назад. Еду, гыт, это я в мясное заговенье к теще барана доедать (обычай), подъезжаю к Бревновскому отводу и вижу, гыт, на отводу-то, гыт, висит моя шапка. Ну, я, гыт, и сказал: «Видно, лешему-то тяжела показалась моя шапка-то?» Взял свою шапочку, надел, гыт, на свою башку и поехал, гыт, к теще барана доедать. Ведь пошутил леший-то, гыт, над шапкой, да отдал. Верно, верно, гыт, люди, ковды що потеряют, то просят черта: черт, черт, черт, поиграй да отдай.

— Неушо это правда, дядя Василий?

— А що мне врать-то? Ведь не деньги брать.

Другие все соглашаются, что это правда. Какой паре он был небоязливой-то, слышатся замечания крестьян.

Записано Аристарховым
Вологодской губ.

Привожу подлинный рассказ содержателя Дьяконовской земской станции Николая Николаева Малкова.

«Уже начинало темняться, когда я подъезжал к деревне Дьяконову. Въехав в паскатину[2], я пустил лошадь шагом. На досуге достал кошелек с табаком и стал набивать трубку. Вдруг лошади остановились, я оглянулся, какой-то пьяный мужик держал за подоуздд коренника.

— Эй, прохожий человек, что тебе надобно, отваливай! — закричал я на него, подбирая вожжи.

---

[1] *Ковды* (*прост.*, *диал.*) — когда (*примеч. ред.*).

[2] *Паскатина* (*поскотина*) — огороженный выгон для скота, прилежащий непосредственно к жилым и хозяйственным строениям сел (*примеч. ред.*).

Я всю ночь бредил
(рис. Л. Злотникова)

Мужик не отходил. Я рассердился.

— Отваливай же, говорю, нет, держись! — Я огрел мужика кнутом. Послышался какой-то стон — мужик исчез. Вдруг над моей головой послышался страшный шум. Кони зафыркали и шарахнулись в сторону. Я едва не вывалился из саней. В воздухе бешено пронеслась тройка, которой правил тот самый мужик...

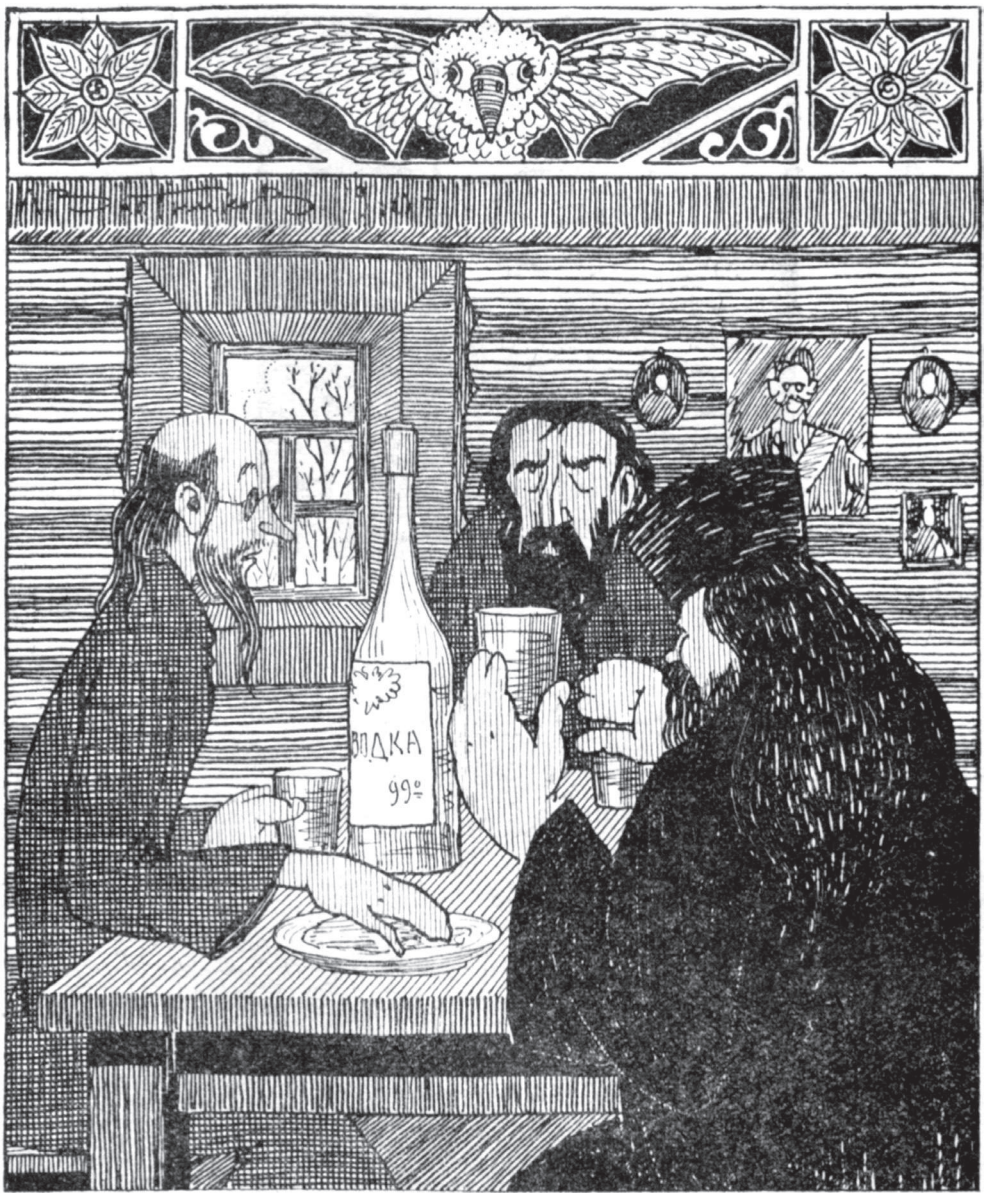
Не помню, что было дальше, потому что я тут же лишился памяти. Очнулся лишь на другой день у себя в постели, и жена уверяла, что я всю ночь бредил».

Рассказ пономаря

Пришли мы с батюшком Рождество славить к колдуну Ивану Степанычу. И только мы вошли, братец ты мой, в избу, видим: никого нет; не успели и перекреститься, вдруг с напыльника[1] полетели на нас поленья. Мы испугались, подхватили свои пожитки да дралова. Выбежали на мост да и кричим: «Степаныч, Степаныч». А он со двора откликается. «У тебя кто-то кидается дровами с напыльника», — говорим мы на его приглашение войти в дом. «Ах они, черти лысые, я вот им дам работу». Взял потом лукошко семени и рассыпал по двору: пусть их подбирают. После этого пригласил в избу, выставил штоф водки, кулебяку, и порядочно угостились.

Был один колдун, который раздавал пастухам приводы для скота. Один пастух по имени Василий и обратился к нему дать привод. Колдун дал ему зайца и велел каждое утро выпускать его на место, куда он желает, чтобы вышли коровы. Пастух так и делал. В одно время старушка и говорит ему: «Васька, что ты не ходишь с коровами-то?» А он спроста и скажи: «У меня заяц пасет». Разгорелось в старушке любопытство посмотреть его, этого

[1] *Напыльник* — брус над устьем черной печи, на который клались дрова для сушки (*примеч. ред.*).



И порядочно угостились
(рис. Л. Злотникова)

зайца, и каждый день пристает к Василию показать зайца. Как-то вечером Василий приносит зайца в избу старухи, но не успел он выпустить из рук, как он кидается в переборку и разбивает там горшки, кринки, плошки — одним словом, все, что возможно разбить. На другой день все стадо ночевало в лесу и оставалось там 4 дня, на пятый явилось домой. Прожил Василий до Покрова и пошел домой, но черт и тут не дает покоя, водит его по различным дорогам 2 недели вместо 3 дней пути. А дома тоже то и дело просит работы. Наконец Василий решился расстаться с зайчиком и отнес его обратно к колдуну.

Про купеческого сына Ивана

В некотором царстве, в некотором государстве жил знаменитый купец. Он имел семь магазинов да восемь лавочек. Детей у него было всего только один сын по имени Иван. Когда Ивану исполнилось пятнадцать лет, отец его умер, и он стал полным хозяином всего отцовского имущества. Жил он скромно, потому что никакой привязанности к женщинам не имел, ни в клубы, ни в маскарады никогда не ездил. Так он продолжал жить после смерти отца несколько лет.

Колдун дал ему зайца
(рис. Л. Злотникова из собрания А. Е. Бурцева)

Наконец Ивану исполнилось восемнадцать лет. В это время ему приснился сон: будто какая-то неизвестная дама неописанной красоты показалась в его спальне и поцеловала его три раза.

Однако молодому Ивану это сонное видение было ни к чему, потому что он по-прежнему не имел никакой привязанности к женщинам.

Но вот прошло времени с месяц, и он мало-помалу стал чувствовать в сердце какую-то перемену: он начал страдать об этой, поцеловавшей его во сне даме. Ему захотелось узнать, где находится эта дама.

И вот в одно прекрасное время неизвестная особа опять предстала пред ним в сонном видении и объяснила ему, где и в каком месте находится она.

Иван решился на обман своей матери для того, чтобы иметь возможность под благовидным предлогом отлучиться из дому.

— Милая моя маменька, — обратился он к своей матери, — у меня давно уже сулен молебен одному угоднику. Отпусти ты меня, пока жива, отправить молебен. Да в дорогу припаси мне, пожалуйста, хлебных сухарей.

Мать весьма обрадовалась такому благочестивому намерению своего сына и охотно его отпустила из дому, насушив ему в дорогу сухарей.

Ивану снится сон
(рис. А. Де Пальдо)

Иван собрался и пошел прямо на то место, которое указано ему было во сне красивой дамой. Приходит он туда и видит: стоит небольшая избушка. Он зашел в избушку и увидел там одиноко сидевшего старичка.

— Здорово, дедушко! — сказал ему Иван.

— Здорово, Иван! — ответил старичок. — Далеко ли ходишь?

— А вот, дедушко, я скажу тебе всю правду: я пошел искать ту даму, которая мне во сне приснилась, — признался Иван чистосердечно.

— Послушай, Иван, меня, — сказал старичок, — не ходи никуда.

— Нет, дедушко, — возразил ему Иван, — не разговаривай. Скажи-ка лучше: не знаешь ли, где эта особа находится?

— Как не знать — знаю, — ответил дедушко. — Пойди по этой дороге, — начал он ему рассказывать, — и дойдешь до перекрестка. Дорога здесь идет вправо. Тут находится небольшое озеро, и стоит ракитов куст. Ты сядь под куст. Прилетят двенадцать лебедок. Они будут купаться; а перед тем, как войти в воду, снимут и оставят на берегу свое лебединое одеяние. Ты же, как можно половчее, возьми это одеяние и уйди под куст. Одиннадцать лебедок улетят, а двенадцатая будет искать платье. А ты никак не отдавай. Хоша она будет плакать и просить, ты нипочем не отдавай.

Мать охотно его отпустила из дома
(рис. А. Де Пальдо из собрания А. Е. Бурцева)

Вот по сказанному, как по писанному, Иван пошел, и дошел до озера, и спрятался за куст. Вскоре прилетели двенадцать лебедок, сняли свое одеяние и стали купаться. Одиннадцать лебедок раздевались и купались все вместе, а двенадцатая в сторонке от них, отдельно. Как только эта последняя разделась и вошла в воду, Иван мигом подскочил, и схватил ее лебединое одеяние, и опять уселся под куст. Одиннадцать лебедок выкупались, вышли из воды, надели свое одеяние и улетели, а двенадцатая все еще купалась. Потом и она вышла из воды и хотела было одеваться, но платья на месте не оказалось. Вот она и стала говорить:

— Если стар-старичок взял одеяние мое, то будь мне дедушко. Если ровня мне, то будь мой нареченный муж.

Иван вышел из-под куста. Она стала просить его, чтоб он отдал ее одеяние. При этом она заревела что есть мочи.

А Иван ей и говорит:

— Нипочем не отдам, хоть обревись вся.

Вот пошли они вместе. Дошли до селения. Она заревела еще пуще прежнего и говорит ему:

— Как я могу нагая идти селением? Ты смеешься надо мной!

Ивану стало жалко ее, он и отдал ей ее одеяние. Она оделась и улетела, а Иван остался, как рак на мели. Пошел он опять к старику. А старик ему и говорит:

— Ну, Иван, пойди домой. Мать твоя лежит уже в постели.

— Это один обман, — возразил Иван. — Нет, дедушко, не разговаривай, а скажи-ка мне лучше, где она находится.

— Она теперь за тридевять земель в тридесятом царстве, на мукомольной мельнице, — ответил ему старик. — Пойди ты туда, — продолжал он. — Тут управляют нечистые духи. Ну, увидаешь, который за старшего, ты и спроси у него: где живет приказчик? На вот, я дам тебе письмо, ты и отдай его приказчику, — закончил старик свое наставление Ивану.

Иван пошел. Долго ли, коротко ли шел, но все-таки дошел до той мельницы, зашел в нее и спросил старшего, где живет приказчик. Ему указали. Он отправился к приказчику. Тот не мило посмотрел на него; взял от него стариково письмо, прочитал его, написал записку и подал ее Ивану, сказав ему:

— На, отнеси старшему на мельницу.

В той записке было сказано, чтоб Ивана зашили в мешок. И потому, как только старший прочитал записку, то распорядился, чтоб приказание приказчика было исполнено. Ивана схватили, запихали в мешок, который наглухо зашили, снесли на сарай и поставили там к стене.

Настала полночь. Иван слышит, что на сарай пришли, что-то взяли и понесли неизвестно куда. А это приходили те самые одиннадцать лебедок, которых он раньше на озере видел; они взяли по мешку муки, а двенадцатая лебедка взяла его и понесла тоже неизвестно куда.

Вот слышит Иван, что несет она его через озеро, так как от тяжести низко над водой летит и крыльями за воду задевает. Однако она все-таки его перенесла на другой берег и свалила на землю. Потом слышит он, что она стала купаться в озере. Иван взял и ножом распорол мешок, выскочил из него и схватил ее платье.

— Ну, теперь уж не уйдешь, — сказал он ей.

А она ему на это в ответ:

— Я хошь как стану просить, а ты мне платье нипочем не отдавай.

Вот пошли они вместе. Дошли до одного селения. Она и заревела что есть мочи. Иван просто потерял рассудок. Она ему и говорит.

— Что ты, надо мной смеешься, что ли? Разве можно обнаженной женщине идти селением?

Иван подумал-подумал и не знал, что ему делать. Потом он и сказал ей:

— Согласись меня поцеловать, так тогда отдам тебе твое одеяние.

Девушка-лебедка стала было вывертываться, но как она ни старалась отвертеться от поцелуя, — делать было нечего, пришлось ей поцеловать Ивана. Он ей платье отдал.

Однако после поцелуя она не улетела. Она пошла вместе с ним и по дороге стала говорить ему:

Иван мигом подскочил и схватил ее лебединое одеяние (рис. А. Де Пальдо)

Прости меня, маменька, что я без твоего дозволения мог избрать себе нареченную (рис. А. Де Пальдо)

— Я пойду с тобой в твой дом и там останусь. Ты возьми и убери мое платье и впредь нипочем мне не отдавай, как бы я ни просила и сколько бы ни ревела; потому что на меня такие часы находят, когда мне охота бывает опять стать лебедью.

Долго ли, коротко ли шли они, наконец пришли к Ивану в дом. Мать вышла встретить их. Они оба пали на колени перед ней. Иван сказал ей:

— Прости меня, маменька, что я без твоего дозволения мог избрать себе нареченную.

Мать радушно приняла их, и вскоре сыграли свадьбу. Иван зажил со своей молодой душа в душу. Ходил он со своей Машей, так звали молодую, по магазинам да по лавкам и жили в свое удовольствие. Они так полюбили друг друга, что и часу не могли быть один без другого.

Таким образом дожили наши молодые до Пасхи. Накануне праздника Иван собрался в церковь и стал звать с собой жену:

— Пойдем, Маша, ко Спасу, — сказал он ей.

— Иди, а я сряжусь и тотчас приду, — ответила она ему.

Иван ушел, а Маша стала сряжаться. Вдруг ни с того ни с сего она заревела и залилась горькими слезами. Мать испугалась, не знает, что и делать с ней. Она стала спрашивать ее:

— Маша, что с тобой? Иван тебя чем-нибудь обидел?

А Маша ей отвечает:

— Как мне, маменька, не плакать, — отвечает Маша, — он взял мое платье, что досталось мне от батюшки моего, и спрятал в сундук и не дает мне его поносить никогда. Как же мне не плакать?

— Ах, какой он глупый! — сказала мать и стала подбирать к сундуку подходящий ключ.

Вскоре им удалось подыскать один подходящий к сундуку ключ и достать оттуда Машино платье. Та несказанно обрадовалась этому, сейчас же срядилась и пошла.

Лишь только вышла она на крыльцо, ударилась о сыру землю и стала лебедью, а потом улетела неизвестно куда.

Тем временем Иван стоял в церкви и все поглядывал к дверям — не идет ли его Маша. Но напрасно он ждал ее — так и не дождался.

Как только окончилась служба, Иван тотчас же побежал домой. Прибегает и спрашивает:

— Где Маша?

А мать ему и говорит:

— Я, Иван, браню тебя: зачем ты, глупый, не отдаешь Маше ее платья, что досталось ей от батюшки. Я насилу ключ к сундуку прибрала.

Тут Иван вышел из себя и говорит матери:

— Ну, маменька, коли ты сунулась в чужое дело, так живи, как знаешь, а я пойду куда глаза глядят.

И в тот же день Иван ушел из дому. Он прямо направил путь свой к тому старику, который раньше ему помогал.

Пришел Иван к старику, а тот и говорит ему:

— Напрасно, Иван, пришел ко мне. Пойди домой, у тебя мать осталась одна.

— Нет, дедушко, — отвечал Иван, — и не разговаривай, а скажи мне: где находится моя Маша?

— Она теперь находится за тридевять земель, в тридесятом царстве, у короля Шадрина, у которого в одну шадрину[1] закатывается по пушечному ядру. Она у него в наложницах живет. Ну, Иван, — добавил старик, — послушай меня: пойди домой, мать твоя в постели лежит.

— Нет, дедушко, не разговаривай. Лучше скажи: не можешь ли как-нибудь помочь мне, — сказал ему Иван.

— Есть у меня одно средство, — ответил старик. — Я дам тебе костылек, который может у него всю силу положить. Как махнешь, — так полка самого

[1] *Шадрина* — след от оспы на лице (*примеч. ред.*).

отборного войска как не бывало. Хошь, не отставай, маши, так все и будут падать, пока все не попадают.

— Ну, дедушко, спасибо тебе. Прощай.

Поехал Иван в путь-дорогу. Долго ли, коротко ли, а доехал он до короля Шадрина. Остановился в заповедном лугу, раскинул шатер. Увидал это король Шадрин в подзорную трубочку и послал вестового узнать, кто смел, не спросясь, заехать в его заповедный луг.

Приезжает вестовой и говорит Ивану:

— Как ты смел, не спрося короля, заехать в наши заповедные луга? Кто ты такой?

— Я приехал в ваш город, — отвечал Иван, — и всех вас сживу, и все головней покачу.

Вестовой вернулся и рассказал королю, что слышал от незнакомца. Король приказал в барабаны бить, в рога трубить.

И повалило силы, и глазами не окинешь. Атаковали они луг и давай стрелять со всех концов в шатер.

Выходит навстречу Ивану король Шадрин и несет на серебряном блюде ключи от крепости (рис. А. Де Пальдо)

Вот выходит Иван из шатра и начинает махать своим костыльком. Как махнет — полка солдат как не бывало, все до единого падают мертвыми.

Не прошло и двух часов, а Иван все войско перебил и сам поехал прямо в город.

Выходит навстречу Ивану король Шадрин и несет на серебряном блюде ключи от крепости. Подошел он к Ивану и пал перед ним на колени.

Иван и говорит ему:

— Ты как смеешь чужой женой владеть? Хошь, я тебе за это голову снесу?

— Заклинаю я себя, — ответил король, — впредь такой не буду.

Иван получил жену, и они отправились в дорогу. Прошли они половину пути, Маша и говорит Ивану:

— Как ты мог такое несметное войско в короткое время перебить?

— А у меня есть костылек, которым я бы мог и втрое больше перебить.

Прошли они еще немного, и оба устали, а в особенности с такой передряги захотелось Ивану отдохнуть. Они и прилегли в сторонке от дороги. Иван костылек положил под изголовье. Когда Иван крепко заснул, Маша его поскатила немного и забрала к себе костылек, да с ним и лататы[1].

Когда Иван крепко заснул, Маша его поскатила с ковра (рис. А. Де Пальдо)

[1] *Лататы* (*прост.*) — убежать без оглядки, опрометью (*примеч. ред.*).

Проснулся Иван: ни Маши, ни костылька. Остался он, как рак на мели, и не знает, куда ему идти. Подумал, да и пошел опять прямо к старцу. Пришел и рассказал ему обо всем случившемся. Старец и говорит ему:

— Ну вот, я предупреждал тебя, что это один обман. Пойди лучше домой, твоя мать лежит в постели.

— Нет, дедушко, — отвечает Иван, — я скорее согласен умереть, а не отстану; пойду на смерть!

— Ну, Иван, — начал старик, — есть у меня средство. Можешь ты все это получить, да только будет один обман. Вот даю я тебе коврик-самолетик. Ты прилетишь на нем в заповедный луг. Как войдет король Шадрин с войском, так ты залетай выше да и налаживайся того, который командует костыльком, и только на сторону да на другую маши, — так и полетят в одну и другую сторону сорокапудовые каменья. Ты все войско можешь побить в два часа.

— Ну вот, дедушко, спасибо, — сказал Иван и пал ему в ноги.

Поехал Иван в путь, в дорогу и доехал до короля Шадрина и прямо в заповедные луга. Увидал его король со своей Машей. Она и говорит ему:

— Это опять мой муж приехал. Надо послать один отряд. Пусть его поколотят.

Король приказал тотчас бить в барабаны и трубить в рога. Привалило силы, что и глазом не окинешь. Атаковали они Ивана со всех сторон и начали в него стрелять перекрестным огнем.

Видит Иван, что стало тесно, вышел он из шатра, сел на свой коврик и полетел прямо на середину войска и начал спускать каменья, — так и повалилось все войско. Он залетел над тем местом, где командовал начальник костыльком, — и тот вмиг сбит был с ног и насмерть уложен повалившимися на него каменьями.

После того полетел Иван в город и начал спускать каменья над домами. И в короткое время проломал почти во всех домах и в королевском дворце крыши.

Видит король, что дело плохо, вышел со своей Машей из дворца, вынес знамя и ключи на серебряном блюде и стал перед Иваном на колени.

Иван стал всячески ругать его:

— Ах ты, обманщик, как же ты смеешь владеть чужой женой, нарушать свою клятву? Не оставлю я тебя живого!

Король стал слезно просить Ивана:

— Не губи меня: более таков не буду.

— А ты, негодная, что делаешь? — накинулся Иван на жену.

Маша ничего не ответила ему и стала жалобно реветь. Иван пожалел ее и не стал на этот раз колотить ее, а только взял ее с собою, захватил унесенный у него костылек и, сев вместе с Машей на коврик, они полетели обратно, к себе домой.

Пролетели они почти половину пути, и захотелось Ивану отдохнуть. Спустились они на землю и легли с Машей спать. Лишь только Иван заснул,

Иван сел на свой коврик и полетел прямо на средину войска (рис. А. Де Пальдо)

Маша скатила его с коврика, достала из-под сголовья положенный туда ее мужем костылек, села на коврик и улетела.

Пробудился Иван и видит, что Маша опять сшутила над ним скверную шутку: похитила костылек с ковриком и улетела от него. Не вытерпел бедный малый такой обиды и с досады даже заревел.

— Ох, потерял я все свои вещи, а с ними и свою вероломную Машу! — сказал он сам себе и снова направился к своему благодетелю старику.

— Вот, дедушко, я опять к тебе пришел, — сказал он, войдя в дом старичка.

— Ох, Иван, что ты наделал? Ведь ты потерял у меня такие вещи, что и оценить невозможно. Теперь нет уж больше никакого способа помочь тебе. Ступай-ка ты лучше домой, к матери, она, бедная, едва жива, — сказал старик.

— Нет, дедушко, я хоть умру там, а все-таки пойду опять доставать свою Машу.

— Ну уж ладно, ступай, — проговорил старик. — Еще, пожалуй, я тебе вот что скажу, — начал он, — если ты не сумеешь получить обратно своего, то сам погибнешь. Поэтому впредь будь осмотрителен и поступай так, как я тебе велю. Ты иди к королю. Не доходя трех верст до столицы, есть селение,

расположенное на два порядка. В конце селения, на правой руке, самый крайний дом принадлежит мужику Кузьме. Ты попросись у него ночевать. У него есть старая кобыла; так ты скажи ему: хозяин, у тебя есть кобыла бережа[1], и тебе принесет она на ночь жеребенка, который в одну ночь сделается не менее матки. Ты его продай, а не то он исчезнет.

— Ну вот, дедушко, спасибо тебе, — сказал Иван и тотчас отправился в дорогу.

Долго ли, коротко ли шел он, но все-таки добрался до той деревни, о которой говорил ему старик. Он скоро отыскал тот дом, куда ему велено было попроситься ночевать. Взойдя в избу, он стал просить хозяина позволить ему переночевать. Хозяин позволил. Он разделся и вышел во двор, где увидел грязную, лохматую кобылу, которой красная цена была — три рубля. Иван вернулся в избу и говорит хозяину:

— Хозяин, у тебя кобыла бережа. Она на ночь родит жеребенка, который в одну ночь сделается не менее матки.

Хозяин рассмеялся и говорит ему:

— Что ты, братец, кобыле двадцать пять годов, а ты говоришь, что она жеребенка родит.

Легли спать. Переночевали. Поутру встают, а Иван опять про жеребенка заговорил с хозяином:

— Хозяин, ты продай своего жеребенка, а не то он у тебя исчезнет.

После того Иван сердился и пошел. Только вышел он, и тотчас сделался жеребенком, да таким красивым и статным, что ни в сказке сказать, ни пером описать.

Хозяин по уходе и говорит своей жене в виде шутки:

— Надо сходить посмотреть своего жеребенка.

И, смеясь, он вышел из избы во двор. Выходит и видит, что у него и на самом деле появился жеребенок, да и вдобавок еще такой хороший. Обрадовался он и бежит к своей старухе.

— Шестьдесят лет живу, — сказал он, — а такого красивого жеребенка еще отродясь не видел. Пожалуй, и вправду не исчез бы он, — добавил хозяин, — пойду, продам его в столице.

Приходит он опять во двор, а жеребенок что зверь мечется из стороны в сторону.

— Ах, старуха, и узды-то у нас нет, — сказал он своей жене.

Глянул старик на стену, — а на стене висит узда. Взял он узду, а подойти не смеет. Но все-таки обмотал жеребенка и повел его в столицу. Привел он его в столицу — там народ кругом обступил его, любуется жеребенком. А в это время король Шадрин вышел на прогулку, и, увидав собравшийся в кучу народ, он тоже подошел и спрашивает: что тут такое. Ему сказали, что вот мужик привел из деревни продавать жеребенка.

---

[1] *Бережа, бережая* — беременная, жеребая (*примеч. ред.*).

Король Шадрин покупает жеребенка
(рис. А. Де Пальдо)

Увидал король жеребенка — и тоже залюбовался им.

— Кузьма, — спрашивает король у старика, которого знал раньше, — это твой жеребенок?

— Мой, — ответил Кузьма.

— Сколько возьмешь? — спрашивает король.

— Шесть тысяч, — не долго думая, бухнул старик.

Король приказал своему лакею отсчитать и отдать Кузьме деньги, а жеребенка приказал он старику привесть во дворец. После чего король уехал.

Вернулся Шадрин во дворец и говорит своей Маше:

— Ах, душечка моя, я купил такого жеребенка! Погляди-ка: вон ведут его.

Маша глянула в окно и говорит:

— Это муж мой злодей. Я приказываю его сейчас же заколоть и сжечь на огне.

Жеребенка тотчас закололи, разрубили на мелкие части, склали на дрова, сожгли и пепел развеяли по ветру.

Прошла ночь. У палисада, где кололи и рубили жеребенка, осталась капля крови; из нее в одну ночь выросла яблонь, такая красивая, духами кормит.

Рано поутру встала девка-чернавка[1], вышла на улицу и сдивовалась, какая в одну ночь выросла приятная яблонь, духами кормит. Она и говорит сама себе:

— Все спят. Сорву-ка я хоть один яблочек, а то после мне уж не видать.

Взяла и сорвала да в карман и положила.

Проснулся король Шадрин и говорит своей Маше:

— Душечка моя, погляди-ка, как у нас фрукты выросли.

А Маша ему отвечает:

— Это капля крови осталась после злодея — мужа моего. Эту яблонь надо сейчас же срубить и коренья выкопать и сжечь на огне, а пепел рассеять по ветру.

Яблоню немедленно срубили, выкопали коренья и все вместе сожгли на огне, а пепел по ветру рассеяли.

Вот девка-чернавка ходит с яблоком в кармане и не знает, куда и девать его. Наконец пошла она в сад и кинула его в пруд. Как только она его бросила, яблоко тотчас превратилось в утку, да такого красивого селезня.

Выходит из дворца в сад король Шадрин и видит, что по пруду плавает такой красивый селезень. Залюбовался им король. Подошел к пруду близко и хотел утку поймать, видя, что она такая ручная. Но лишь он подошел поближе, утка отскочила от берега и поплыла по пруду. Король пошел за ней. Когда же утка отплыла на далекое расстояние, то встрепенулась и полетела на берег. Вылетел селезень из пруда, ударился о землю и стал добрым молодцом Иваном, купеческим сыном.

Не успел король Шадрин опомниться, как Иван в одно мгновенье выхватил из-за пояса у короля Шадрина его же пистолет и наставил его прямо в грудь королю, он выстрелил — и сразу убил Шадрина.

После того Иван кинулся во дворец, отыскал там свой костылек и махнул им. Вмиг явился полк солдат и спрашивают Ивана:

— Что прикажете?

— Я вам приказываю, — проговорил Иван, — эту злодейку, — указал он на Машу, — иссечь в куски и сжечь на огне.

Сейчас же схватили солдаты Машу, изрубили в куски и сожгли на огне, а пепел развеяли по ветру.

После того Иван взял девку-чернавку за себя замуж и поехал с ней к своей матери.

[1] *Чернавка* — служанка, прислужница, выполнявшая «черную» работу (*примеч. ред.*).

«Никола Дуплинский»

Прежде народ был совсем темный, верил во все нелепые слухи.

В небольшой деревнюшке одной из наших северных губерний жил-был старик со своей старухой. Жили они очень бедно. Детей не имели. Старик ходил все дни за охотой, а старуха пряла дома пряжу. Соседи часто говорили старику, что его старуха «гуляет» с молодым парнем; но он этому не верил, говоря, что людская молва, что морская волна, — набурлит и много.

Вздумал он старуху сам проверить. В один прекрасный день он ушел из дому за охотой, нашел в лесу дуплистую осину, влез на нее, посмотрел: дупло было настолько велико, что в него можно было спрятаться всему человеку. Слез старик на землю, сделал из сухого дерева крест, повесил его на сук осины и пошел домой.

Возвратившись из лесу, старик стал говорить своей старухе:

— Послушай-ка, старуха, что сегодня увидал и услыхал я в лесу: набрел я там на какое-то дуплистое дерево, на нем висит деревянный крест. Я остановился и смотрю на него. Как вдруг слышу, из того дупла раздался голос: «Я Никола Дуплинский! Что хочешь, то и сделаю для тебя».

Услыхала старуха об этом и подумала про себя: «Эх, хорошо бы было, если б можно было упросить Николу Дуплинского извести моего старика». Уж очень не любила она своего мужа.

— А где находится это чудесное древо? — стала она расспрашивать старика.

— А недалеко от того места, где, знаешь, есть там в лесу ключик с большим камнем, — ответил старик.

Старуха не сказала больше ни слова.

На другой день рано утром старуха стала снаряжаться по дрова; одевшись, взяла топор и отправилась в лес; а старик в это время полез на печь.

Тотчас же по уходу старухи старик живо слез с печи и бегом пустился бежать другой дорогой к тому дуплу, которое высмотрел накануне. Прибежав туда вперед старухи, он быстро влез в дупло и стал поджидать там прихода старухи.

Немного спустя является туда же и старуха. Увидав висевший на суке крест, она помолилась на него, а потом обратилась к дуплу и стала говорить:

— Батюшка Никола Дуплинский, скажи правду: как извести бы мне моего старика?

А старик из дупла и отвечает ей:

— Завтра рано поутру ты напеки блинов, да смажь их поволожнее маслом и сметаной и накорми его, — так он сразу тут ослепнет и оглохнет и вскоре же умрет.

Услыхав это, старуха очень обрадовалась, что так скоро и легко она избавится от нелюбимого мужа.

«Батюшка, Никола Дуплинский, скажи вправду: как извести бы мне моего старика?»
(рис. Л. Альбрехта)

Быстро нарубив дров, она отправилась домой.

По уходе старухи старик вылез из дупла, спустился на землю и поскорее побежал, чтобы опередить жену. Придя домой, он живо опять забрался на печь и стал ожидать возвращения своей бабы, которая тоже вскоре же вернулась из лесу.

Старик не подал ей ни малейшего вида, что он без нее уходил из дому. Как бы ничего не зная, он стал расспрашивать ее, где она рубила дрова.

— Недалеко от дому, — ответила ему старуха.

— Да ты бы, дура, сходила к тому дереву и попросила, чего тебе надо, — сказал ей старик.

— Ладно, старик, — ответила она, — вот уж завтра поедим блинков, я и схожу потом к Николе Дуплинскому и попрошу у него овсяной мучки и масла, и станем мы с тобой поживать да блинки поедать, — ласково проговорила старуха.

Старик с аппетитом уплетает за обе щеки блины (рис. Л. Альбрехта)

Старик замолчал и ни слова больше не сказал в ответ ей. А старуха между тем стала блины затворять, чтоб можно было начать печь их с утра пораньше.

И действительно, с наступлением утра другого дня старуха принялась хлопотать около блинов, стараясь как можно скорее накормить ими своего мужа и тем желая добиться того чуда, какое было обещано ей голосом из дупла. И как только блины были напечены, сметана и масло припасены, тотчас старуха стала звать мужа поесть ее блинков.

Старик слез с печи, сел за стол и начал с аппетитом уплетать за обе щеки смачно приготовленные его женой блины.

Видя, что муж так охотно принялся за ее блины и с таким аппетитом и так много поедает блинов, старуха очень обрадовалась этому, полагая, что чем больше он съест блинов, тем скорее и вернее исполнится над ним обещанное из дупла ослепление и даже гибель его. А поэтому она всячески старалась угодить ему в настоящую минуту и поощрить его аппетит.

— Ешь, ешь, старик, — говорила вероломная старуха, потчуя своего мужа, — да бери крупы-то больше: все равно у Николы Дуплинского еще выпросим.

Долго и много ел старик; когда же он наелся досыта, то вдруг закричал:

— Старуха, я ведь ослеп!

— Полно врать-то, старик, — проговорила жена. — Где же видно или слышно было, чтоб от блинов можно было ослепнуть?

— Да что ты говоришь мне: ведь я и оглох, ничего не слышу. Сведи-ка скорее меня на печь, — попросил старик свою бабу.

Старуха, горячо поблагодарив в душе Николу Дуплинского за такую скорую его милость, взяла старика за руку и отправила его на печь.

Как только старик немного поутих на печи, жена его тотчас же оделась и отправилась с радостной вестью к своему любовнику. Привела его к себе в избу и давай его угощать вином и блинами, говоря при этом:

— Ты теперь мой, дорогой друг. Можешь жить теперь безбоязненно со мной, старик мой ослеп и оглох и скоро совсем помрет. Нам теперь нечего бояться его.

Любовник взглянул на печь и спрашивает свою любовницу:

— Да как это так ты ухитрилась извести его?

Старуха чистосердечно рассказала обо всем, что произошло, своему любовнику.

Любовник взглянул еще раз на печь да и говорит:

— Вот что, милая: сведи-ка ты и меня к тому чудному дереву, да попросим мы с тобой Николу Дуплинского, чтоб он сделал нас богатыми; тогда мы с тобой будем жить да поживать, да добра наживать.

Старуха охотно согласилась, живо собралась, и они пошли в лес. А старик как будто и на самом деле ничего не слышит и не видит: знай себе лежит на печке.

Но лишь только старуха вместе с любовником вышла из избы, старик тотчас же спрыгнул с печи, живо оделся и бегом пустился бежать окольной дорогой к тому дуплу, куда направилась его жена со своим любовником.

Прибежав в лес вперед их, он быстро влез на осину и запрятался опять в дупло, ожидая там прихода жены с ее милым, которые тоже пришли туда в скором же времени.

— Видишь этот крест? — указала старуха своему любовнику. — Ему надо помолиться, — наставительно добавила она.

И вот они вместе стали перед осиной и давай молиться и просить мнимого чудотворца о богатстве:

— Батюшко, Никола Дуплинский! Будь милостив: сделай нас богатыми и знатными.

А старик из дупла и говорит им:

— Вы теперь идите домой, старика уже нет в живых: он умер, и тело его унесли с собой духи. Вы возьмите большую бочку, что из-под муки, поставьте ее кверху дном и сами влезьте под нее. Сидите до тех пор, пока не услышите

Они пошли в лес
(рис. Л. Альбрехта)

на сарае стук. Вы не шевелитесь. Отворите дверь в избу, войдет человек, принесет вам лукошко золота, поставит на дно бочки и будет спрашивать у вас три раза кое-что. Вы должны говорить ему правду, а не то все ваше золото пропало.

Этими словами старик закончил свое наставление, и любовники пошли домой, а он остался пока в дупле.

Как только вернулась старуха с любовником домой, тотчас принялась исполнять данное стариком из дупла наставление: принесла из-под муки бочку, поставила ее кверху дном, и затем вместе с любовником она забралась под нее, и они стали ожидать, как и было сказано, прихода человека с золотом. Сидят они под бочкой и рассуждают промеж себя:

— Как ты думаешь, моя дорогая, — говорит любовник старухе, — я хочу сказать всю истинную правду, когда спросит меня тот человек, который придет к нам с золотом?

— Конечно, надо говорит всю истину. Я тоже скажу ему одну только правду. Да чего нам и стесняться: старика уж нет больше на свете, а больше

нам некого бояться. Получим обещанное золото и заживем с тобой вдвоем припеваючи.

В это время послышался на сарае стук.

— Тише, — сказал любовник старухе.

Та прижалась к нему, обняла его руками за шею и шепнула:

— Вот теперь скоро мы поживем с тобой богато!

Любовник ничего не ответил ей на ее радость, а только поцеловал ее.

Оставшийся же в лесу старик спустя некоторое время после ухода оттуда его старухи с ее любовником вылез из дупла, спустился на землю и пошел домой. Идет старик дорогой и думает сам про себя:

— Погоди ж ты у меня: я вас теперь выучу! Не будет и он у меня ходить на чужой сарай да есть чужое сено!

С этими сердитыми мыслями возвратился старик из лесу, пришел к себе на сарай, взял там два ведра с водой, которые здесь стояли на случай пожара, отворил в избу двери, вошел в нее и поставил ведро с водой на бочку, под которой сидели старуха и любовник; потом, изменив голос свой на грубый, стал строго спрашивать их:

— Верно ли, добрый молодец, что люди про тебя говорят, будто ты старуху любишь?

— Верно, — робко ответил любовник.

— А верно ли, бабушка, что про тебя говорят, будто ты любишь добра молодца?

— Верно, — тоже робко отвечала старуха.

— Ну, скажите вы теперь оба вместе: будете ли вы любить друг друга и впредь?

Оба ответили в одни голос:

— Теперь до смерти не расстанемся друг с другом.

— Ну ладно, посидите немного, я принесу вам еще молодости.

И после этого старик из избы вышел.

А старуха после его ухода и говорит своему любовнику:

— Как хорошо нам будет жить, когда мы будем оба молоды и богаты: тогда и люди не будут смеяться над нами.

— Да, — согласился с ней любовник.

И они стали с нетерпением ожидать молодости.

А старик между тем, выйдя из избы и захватив на сарае котелок, пошел в лес, разложил там огонь и стал корюкать[1] серу с деревьев и класть ее в котел. Наклавши его полный, он пошел опять домой, куда придя тотчас поставил серу в печурку, чтоб она не остыла, а сам стал опять спрашивать сидящих под бочкой:

— Нет ли у вас наверточки, чтоб провернуть на дне дыру, чтобы пропустить к вам молодость?

---

[1] *Корюкать* — ковырять, выковыривать (*примеч. ред.*).

А старуха и говорит ему:

— Вот там, на передней стене, в щели.

Старик провертел дыру на дне бочки и сказал:

— Разделите ваши головы и сидите смирно, сейчас помолодеете.

Затем, взяв из печурки котелок с теплой серой, вылил ее на дно бочки.

Сера ручьем побежала им на головы и облепила их всех. А они молчат и смирно ждут молодости. Так они просидели довольно долго, и сера на них совсем застыла.

Тогда старик вышел из избы и позвал соседей. Когда те пришли, то он сказал им:

— Вы раньше говорили мне про неверность моей старухи, и я не верил вам, а вот теперь убедился в этом на самом деле. Вот теперь я покажу вам честную парочку и советую впредь и вам так делать.

С этими словами он составил ведра с бочки и поднял самую бочку.

И соседи увидели старуху с любовником, сидевших обнявшись в ожидании молодости.

Парню стало совестно, и он опрометью выбежал из избы, а старик принялся учить ремнем свою старуху.

«Я покажу вам честную парочку»
(рис. Л. Альбрехта)

Рассказ крестьянина
Вознесенской волости, Вологодской губернии

Один еврей-винокур рассказывал про себя, что он, когда станет навеселивать первый тшан[1] для спирта, спускает туда змеиного яду, для этого нарочно кормит змею целый месяц, после чего змея вырыгивает свой яд, который

Еврей-винокур
(рис. Л. Злотникова из собрания А. Е. Бурцева)

[1] *Тшан* (*дсчан*) — чан, большая кадь (*примеч. ред.*).

вымывает в чаше. Когда все это переночует, тогда еврей со своей бабой моют в этом свое белье, и помои эти выливают в чан. Без этого ни один винокур-еврей не навеселивает.

В другой раз рассказывали про одного попа Вятской губернии Котельнического уезда. У попа был работник, он посылает его по приходу звать на помощь рожь жать. Работник садится на коня верхом, идет к реке, а за ним бежит человек вдогонку, попов работник переезжает реку на плоте, а человек за ним в один скачок перескочил реку. Работник объехал две деревни, позвал крестьян к попу на помощь, возвращается к той же реке, переезжает реку на плоте, а человек то же самое, перескочил реку в один скок. Работник попов догадался, что это за человек за ним бежит, понудил свою лошадь и что есть

Попов работник
(рис. Л. Злотникова)

Раскопали могилу, открыли гроб, в гробу колдуна не оказалось
(рис. Л. Злотникова из собрания А. Е. Бурцева)

силы поскакал в село. Приехав к воротам, не успел слезть, как этот человек схватил его и давай есть. Поп выбежал, отворил ворота, глядит, а перед ним работник и лошадь мертвые, а около них лежит осиновое полено. Наутро собрались помочане[1], спрашивают, что с лошадью и работником приключилось.

[1] *Помочанин* (*устар.*) — помощник (*примеч. ред.*).

После обеда поп только уснул, и во сне является к нему этот колдун (рис. Л. Злотникова из собрания А. Е. Бурцева)

Поп рассказал, как дело было, что кто-то схватил работника и давай есть, прибежал он, а лошадь и работник уже мертвые, и возле них осиновое полено. Тут один из помочан и говорит попу: «Вот что, батюшко, ономедни[1] ты похоронил колдуна, дак надо его осмотреть, не он ли самой и есть колдун.

[1] *Ономедни* (*устар.*, *диал.*) — недавно, несколько дней тому назад (*примеч. ред.*).

Посмотрите могилу, на могиле большая дыра». Этот помочанин, который признал в осиновом полене колдуна, велел раскопать могилу и посмотреть, есть ли что в могиле. Раскопали могилу, открыли гроб, в гробу колдуна не оказалось. Мужичок велел бросить осиновое полено в гроб, что же — вдруг в гробу очутился тот самый колдун, которого недавно хоронил поп. Вдруг является попов работник совершенно здоровый и бает попу: «Батюшко, прокляни ты этого колдуна». Поп проклял колдуна, могилу зарыли, и помочане все пошли жать. После обеда поп только что лег заснуть и видит во сне: является к нему этот колдун и говорит: «Ладно, тебя научил работник меня проклясть, а то бы я в 40-й день весь твой приход передушил бы».

Немытик (черт) задавил

Дело случилось в нашей деревне на Святках; у нашего родственника жила гостья из другой деревни. Вот по одну ночь она сделала примету: легла спать, не благословясь, на полати, одну ногу сунула в хомут, а в головы положила гребень, да так и уснула. Многие из спавших в избе слышали сквозь сон, что она сильно храпела. Поутру встали хозяева, а эта гостья мертвая лежит; испугались, поехали за батюшком, привезли его, а батюшке что делать, когда она уж померла, а на шее-то у нее и знать как пять пальцев, а на горле опухоль, ну и догадались, что ее немытик задавил.

Поглум

(Болезнь от нечистой силы)

Ехал я в мясное воскресенье в церковь к обедне, вдруг у меня заболела нога так сильно, что я закричал на голос, — ногу пригнуло к брюху, так и не разгибается — приехал домой, у меня еще хуже; четверо меня вынесли и решили, что это поглум. Надо идти к знахарке Лизавете, ну, послали сестру за водкой, купили водки, поехали к ворожее. Наговорила ворожея на водку, мазали ею ногу, и пил я эту водку, а лучше не было, потом я спросил, как же наговор, а вот читают над водкой двенадцать раз воскресную молитву, многим эти наговоры помогут, а мне не помогло.

Дворовой (домовой)

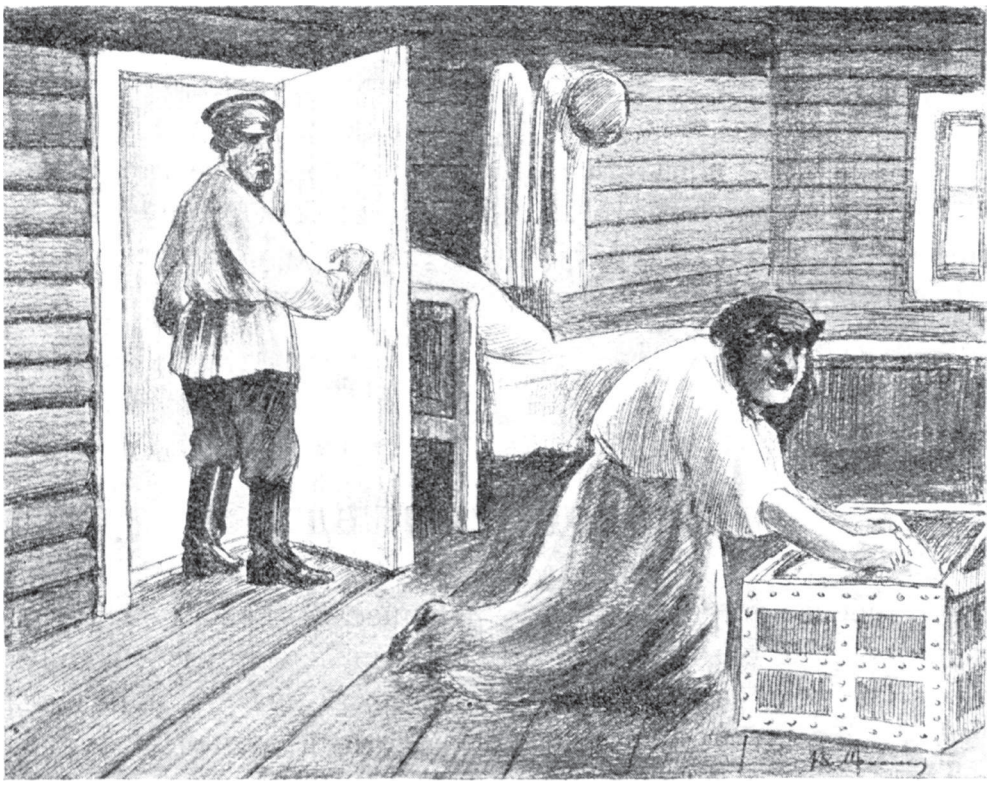
Мой муж Михайло ушел под вечер на сход. Спустя время я пошла до ветру на мост, вдруг он мимо меня туда и лупит (мочится), а я и говорю: «Что это, Михайло, отойди прочь, ведь мне стыдно», — а он хрюкнул, чтобы я не испугалась, и пошел к лошади, у нас в то время была лошадь хорошая-прехорошая,

Поглум (болезнь от нечистой силы)
(рис. В. Малышева)

я так на мосту и не могла дождаться его, прихожу в избу, а его еще с сходу нету, тут уж я и догадалась, что это был не он. Потом он приходит, а я ему об видении не сказываю. После уж рассказала, а он и говорит: «Не сказывай никому, а то не залюбит дворовой, так у нас и лошадь задавит».

Домовиха

Я жила со своим мужем; дело было в субботу. Я собралась в баню и ушла, муж остался дома; привычка у меня была такая: как только приду в баню, дверь в предбанник сейчас открою и начинаю мыться. Когда я ушла, муж заходит в спальню и видит, что я у сундука и выбираю белье; он и слова не сказал мне, а пошел в баню; приходит и видит, что я моюсь на полке, он так испугался, побледнел и побежал домой и спрашивает у дочки: «Где матка?» — «Да что ты, тятя, ведь мама ушла в баню». — «Как ушла, когда я пошел, так она оставалась



Домовиха
(рис. В. Малышева)

у сундука и выбирала белье, а прихожу в баню — она там моется». Конечно, я была в бане, а дома был мой двойник, или домовиха в моем образе. После за чаем муж подробно все рассказал, как он меня видел, и прибавил: «Ведь это не к добру, матка, ты часто хвораешь — как бы не умереть». Но я, слава богу, и теперь жива, а он только и пожил полгода после этого, да и помер.

Лесовой дедко

Наш пастух любил ходить в лес за своим стадом с гармонией, усядется где-нибудь и целый день играет. Вот однажды подходит к нему лесовой и говорит: «Дай-ка, пастушок, на твоей гармонии поиграть», — а пастушок: «Нет, не дам, мне самому нужно». — «Так ты мне сделай такую же гармонию, как у тебя». — «Ладно, пойдем. Вон там стоит большая береза, я сам тебе

и сделаю гармонию». Подходят к березе, пастух и говорит: «Ну, подсовывай руки, а я буду рубить эту березу». Вот дедушка лесовой подсунул руки, хрясть береза, только руки затрещали у дедка; пастух убежал. Приходит лесовиха на дедкин крик: «Что такое с тобой случилось, кто тебя обидел?» — «Сам». — «Да как это сам, да как ты уронил эту березу». — «Да сам хотел сделать из нее гармонию — уронил, да руку себе и отдавил». Так вот какой пастух-то у нас хитрый был — самого беса обманул.

Лесовой-людоед

Сама-то уж я теперь стара, а мне бабушка-покойница рассказывала, что в ее время около нас стояли большие леса. В одном лесу жил караульный с женой, сам куда-то отлучился надолго, оставив ее беременной; скоро она принесла девочку, а крестить ее некому. Вдруг навернулся какой-то незнакомый старик, она его и позвала в божатки (крестный отец), и тут же окрестили. Прощаясь с женщиной, старик сказал, где живет и как его найти. Девочка сделалась подростком и стала спрашивать мать: «Где живет мой божатушко?» Мать отвечает: «Он живет далеко, и тебе его не найти». Девочка настойчиво запросилась к нему, мать ей рассказала дорогу и отпустила. Шла девочка долго, попадается ей навстречу обоз весь белый: лошади белые, телеги, кладь и извозчики — все белые. Она спрашивает: «Откуда вы едете?» — «Мы едем от твоего божатки с кладью», — и расстались; приходит она наконец в большой лес и видит: стоит дом ее крестного отца; приближается к дому и видит, что дверь приперта человеческой ногой. Отворив дверь, входит в дом — никого нет, бросается ей в глаза чан, полный кровью, смотрит на печку — там подвешены голова и руки человеческие, заглядывает в голбец[1] и видит там брюшину и кишки, осматривает в печке и замечает, что там жарятся в плошке женские титьки. Вдруг входит крестный, девочка обращается к нему: «Здравствуй, божатушко». — «Здорово, крестница». — «А я без тебя все высмотрела в доме». — «Ну и ладно», — говорит старик. «А для чего это у тебя, божатушко, нога у двери?» Он отвечает: «Это у меня золотой замочек». — «А голова и руки на печке?» — «Это вялится говядина». — «А брюшина в голдце?» — «Это солонина к лету». — «А кровь в чану?» — «Это квасок». — «А титьки на печке зачем?» — «А это жаркое мне на обед, не хочешь ли и ты поесть?» Она согласилась. Он вынул из печки жаркое, и стали есть, она осторожно, а он с жадностью хватать начал; окончил титьки, а потом тут же за столом съел и свою крестницу. Гораздо любил молодое женское тело старый дедко лесовой.

---

[1] *Голбец* — отгородка в виде клети, чулана, устраиваемая в жилой избе за русской печью (*примеч. ред.*).

Свадебный поезд лесовых

Раз мою мамку позвали на свадьбу верст за 10, а время было позднее, идти не близко, а семейные-то и говорят: «Как ты, мамка, пойдешь, — смотри, не попадись на лесовую свадьбу». — «Ну так что и попадусь, зато и нагляжусь». Только она отошла версты три, вдруг слышит такой шум, гам и свист, она и догадалась, что едет лесовая свадьба, гоготанье и галденье все ближе и ближе; вдруг поднялся вихрь, и ее головой-то в канаву чубырах, и стоит она на голове, платье все спустилось, а ноги голые кверху; хохот и гам усилился и стал затихать. Она встала на ноги, а они уже проехали — так ей и не удалось увидать свадьбу лесового дедушки — они только подшутили над ней. Она очень испугалась и, прибежав на званую свадьбу, только и говорит: «Нате-ко, посмотрите, есть ли у меня сердце-то». Смотрят, а у ней сердце-то так и прядает.

Лесовая свадьба
(рис. В. Малышева)

На родах у лесовихи

Однажды нашей старухе-повитухе Бузаковской (деревня) захотелось в гости, «чтобы приехали по меня в гости — хоть с Перекладного ручья» (находится в большом лесу это урочище). Вдруг подъезжают, входят, и кажется ей соседом: «Собирайся, — говорит, — наспех в гости». Она собралась и поехала, да все упирается и бает: «Да не поеду, да не поеду». Приехали к Перекладнему, довезли к хорошему дому; она вошла в избу — он лежит, рожонка[1] у порога, она принялась и обабила[2] ребенка; рожонка замолилась, что обабила, спасибо, говорит, бабушка. Стала собирать назад, а мужик-то лесовой набивается ей с деньгами — она взяла, ну он взял да домой ее назад и отвез. Все говорят, что как у них за это дело возьмешь деньги, так назад и не воротишься — обратят в вечного и подневольного слугу.

В гостях у лесового

Наш дедушка Петр и сосед Алексей Лысанов были в гостях в с. Кисове на празднике — выпили там изрядно, а Лысанов славился как хороший охотник, знающий заговоры. Ну, идя домой, дедушка Петр и говорит: «Как бы мы еще хорошо погуляли — жалко, что рано домой пошли», а Алексей-то Лысанов и предлагает: «Хочешь, зайдем к лесовому дедушке в гости?» — «Ладно, зайдем». Они очутились в лесу у заброшенных угольных ям; видят: стоит хороший дом, в окнах свет; входят они в дом в кухню и видят: сидит там старуха, а в углу стоят два жернова. Старуха сердито спрашивает, что им надо. Не успели они ответить, как входит сам дедушка лесовой и говорит: «Ну замолчи, это они пришли ко мне в гости, — и обращается к ним: — ну, милости просим, садитесь». Нанес пива и вина, начал их угощать, пирогов наставил; вот они тут гулять и начали, пошумливать, и робость прошла, а дедко лесовой и говорит: «Ну полно — теперь отправляйтесь, чтобы вас сейчас не было». Они только спустились с крыльца — не стало ни дому, ничего — те же ямы, которые и раньше видели; так и пошли домой. Пришел наш дедушка домой и рассказывает нам, где они были в гостях, и всему этому он очень дивился и убедился, что Лысанов знается с лесовым дедушкой и что по милости его и ему, Петру, удалось побывать в гостях у лесового, а мы и говорим: «Что же вы мало погостили?» — «Да как гостить-то, когда он нас чуть не вытурил, а старуха-то его и сразу не пускала нас в дом, а он оказался добрым — не всегда же девуется[3] над людями».

---

[1] *Рожонка* — роженица (*примеч. ред.*).
[2] *Обабила* — здесь: приняла (*примеч. ред.*).
[3] *Девоваться* (*новг.*) — дурить, дурачиться, шалить (*примеч. ред.*).

Лесовой вор

У нас в д. Чаеве Омельян Вонин шел из кузницы с гвоздьем домой часов в 7 вечера. Вдруг дунул ветер — у него счилнуло шапку с головы; он коробец с гвоздьем поставил на землю, а шапка-то покатилась, он побежал за ней — шапку нашел, приходит на то место, где поставил гвоздья в корзине, — только место знать — корзинки с гвоздьем-то и нету; по всей деревне искали — не могли найти, и это приписали нечистой силе. Дядя этого Омельяна — Афанасий — и говорит: «Давай, снимай крест с шеи — я тебе не верю, что потерялись гвозди, — может быть, ты куда-нибудь их снес и продал, я схожу с твоим крестом к ворожее на деревню Мартыново — она узнает, куда это гвоздье девалось». Пошел, а ворожея и сказала: «Счастлив, что гвоздье поставил, а то над самим бы что-нибудь сдействовало; как сойдешь домой, выходи на крыльцо, когда солнце закатится, и слушай с правой стороны в темном лесе, как имут дом околачивать». Как в то время, в которое у него потерялось гвоздье, они и вышли, и все слышат, как во много, во много молотков дом околачивают в лесу, а Омельян в ту пору пришел на беседу и все выл да выл — вишь, его

Лесовой над ним подшутил
(рис. В. Малышева)

дядя ругает гораздо за пропавшее гвоздье, а он разве виноват — лесовой над ним подшутил.

«Вольной» (лесовой) Царь зверей

В селе у Старого Николы кабак-то находился на отставе, т. е. неподалеку от села; в то время был сидельцем покойный Забродин. Вот однажды к нему кто-то входит в кабак, он думал, что поверенный. «Давай, — говорит, — четверть вина»; он подал ему, тот зараз и высадил всю четверть и деньги на стол положил, потом и говорит: «Пойдем, я тебе мелкую и крупную скотину покажу». Они вышли за двери. Забродин и увидал множество белок, лисиц, куниц, зайцев, медведей, волков, каких и нету зверей, а потом он как свистнет и погнал всех зверей в лес; тут Забродин и догадался, что это был «вольной»; как известно, ему подвластные все лесные звери.

На родах у водянихи

Один раз ночью к нашей деревенской бабушке-повитухе подъезжает кто-то и зовет ее с собой, она думает, что куда-нибудь на роды в другую деревню. Сели и поехали; только она замечает, подъехали к Карповскому озеру, которое от нас неподалеку; остановились у проруби, провожатый и говорит: «Полезай в воду за мной». Она нейдет, упирается, он сердится: «И да чего нейдешь, на что ты, бабушка?» Ну она и пошла; как только в воду ступила, так и очутилась на лестнице хорошей; вошла в дом, рожонка лежит в углу. «Бабушинька, — говорит, — обабь ты меня». Она и обабила. Сам-то водяной за труды денег тоже ей дает — она не взяла — пошла домой, а рожонка-то и говорит: «Бабушинька, как бы мне-то домой попасть — ведь я русская». — «А ты возьми, комкай ребенка-то, целые шесть недель комкай, ребенок-то покою водяному и не станет давать». Ребенок-то стал вячить[1] да вячить, покою-то и не дает, он осердился да и говорит: «Ступай ты, окаянная, домой со своим ребенком». Она и ушла. Потом как-то заходила к той бабушке, которая у нее принимала, и благодарит ее со слезами, что она научила ее отделаться от водяного мужа.

[1] *Вячить* (*новг.*) — плакать, кричать (*примеч. ред.*).

В поле «приманило» (причудилось)

Это было лет 15 тому назад; я была в гостях на родине, пробыла там целый вечер; часов около 12 я собралась и поехала домой, мне дали в провожатые работника Егора; ехать нам было верст 7. Это было зимой на Святках; не доезжая до деревни версты полторы, вдруг видим, что недалеко от нас в стороне в мелком лесочке разложен огонь, и вокруг этого пожарка народ — несколько человек; мы оба смотрим в ту сторону; вдруг видим, что из лесу к нам катится какой-то игор величиной с голову, и как раз лошадь наша запнулась об этот игор и запуталась — мы видим, что этот игор рассыпался в огненные искры; завертки у оглобель и саней как не бывало, будто кто их нарочно обрубил; мы до такой степени оба с работником перепугались, не можем слова выговорить. Кой-как одну завертку кушаком привязали, а другую оглоблю работник держал в руках, пока доехали до поля, тут уж кое-как чересседелешником привязал и другую завертку, и доехали до дер. Б.-Двора, а тут и перекрестились — слава тебе, господи — рядом и наш дом. Работнику наказывали только меня проводить, да сейчас же вернуться назад, да где тут — мы так испугались, да хоть что дай, так не пошел бы он домой ночью; я и наказала ему, что как завтра пойдет домой, то посмотрел бы на то место, где вечером видели раскладенный пажок, и кругом его есть ли следы вчерашних людей, которых мы видели, или это было привидение. Вот поутру, идя домой, он зашел и на то место, где мы видели сидящих людей, — нет никого, и следа не оказалось, а на том месте, где споткнулась лошадь, только и остался след. Полагаю, что над нами подшутила нечистая сила («полевики» грелись да говенькой в нас и пустили).

Овинник

Не забыть мне никогда, как я раз испугалась. Шла я, это, из поля домой невдалеке от своего овина, вижу, мой муж там работает — веет ворох. Прихожу домой, а он сидит за столом и закусывает, я так и обмерла, едва опомнилась да и говорю: «Батько, батько, я сейчас видела тебя работающим в овине». — «Ну вот, что ты баешь, я дома, как видишь, а пришел давненько. Кого видела, так об этом не калякай, это, верно, нашей работе овинник, мол, помогает — худо бы не случилось». А потом благодаря Богу беды никакой не село.

Кликуша

У нас на селе Муравьеве жил крестьянин с женой и дочкой, и был такой матершинник и сквернослов, что и на свете не видно. В один день внезапно налетела черная туча, а дочка в это время отдыхала в пологу, жена и говорит своему мужу: «Побуди ты дочку, а то она, пожалуй, испугается». А он начал

сквернословить на чем свет стоит и принялся косарить матку и дочку. Вдруг разразилась страшная буря, дочь испугалась, выскочила из полога, прибежала в избу и давай богохульничать и сквернословить еще пуще отца — значит, в нее вселился нечистый дух. Ходили по многим монастырям с ней, а пользы не было — все бьется о пол да ругается. Спустя долгое время одна старуха ворожея помогла — теперь, слава богу, здорова.

Банник — «Ман»

В баню-то ходить надо вовремя, а ежели безо времени-то, так с опасочкой и благословясь; в особенности страшно ходить после третьего пара. Неподалеку от нас в д. Степановке одна старушка пошла после всех ночью в баню одна; как там случилось, неизвестно, только ее нашли утром в бане мертвой — видно, ман ее задавил. После приезжал становой — дал похоронную: «Запарилась, должно быть, бабка». А не от пару эдак садится, а от нечистого духа, который живет в бане за каменкой.

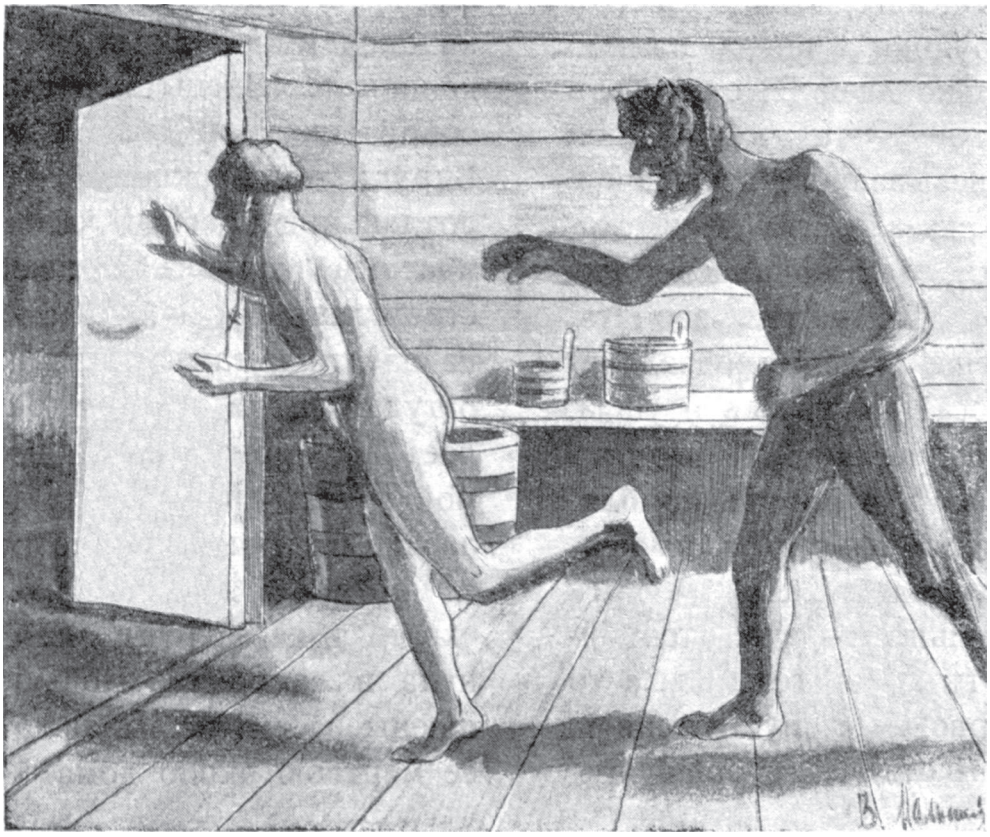
Банник

Приехал я, это, раз вечером с путины[1] выпивши. В баню пришлось идти после всех ночью одному. Пришел в баню, разделся и только начал мыться, вдруг кто-то меня сзади облапил и говорит: «Теперь ты наш». Я оробел и едва проговорил: «Нет, еще не ваш», взялся рукой за шейный крест и пролепетал: «Да воскреснет Бог...» Державшие меня ослабили, я вырвался и опрометью бросился вон из бани; так голый и прибежал домой; сердце из пару у меня зашлось, и я не один час лежал без языка; сроду такой страсти не видал.

Колокольный ман

В нашем селе жил мужичок с дочкой девицей, которая считалась полудурочкой и была гораздо неприятна, неопрятна, под носом у нее висели возгри[2]. Вот он однажды зазвал к себе швецов для починки и шитья платья; шили они несколько дней. В один из вечеров швецы начали над девушкой подшучивать и называли ее трусихой и между прочим сказали, что ей не сходить ночью на колокольню. Она заспорила, что может сходить и даже позвонить; они начали ее еще больше подзадоривать. Она с досады оделась и ушла; было около половины ночи. Приходит сначала на кладбище, а потом приближается к колокольне,

[1] *Путина* — здесь: путь, дорога (*примеч. ред.*).
[2] *Возгри* — здесь: сопли (*примеч. ред.*).



(Банник). Бросился вон из бани
(рис. В. Малышева)

входит на первую лестницу и видит: кто-то там сидит в колокольне — луна отсвечивала; она думает, либо это ман, а то и покойник, и говорит: «Пусти меня на колокольню». Ман отвечает: «Не пущу». Она ему с угрозой: «Я с тебя сорву красный колпак», — сдернула с него и побежала домой. Приходит в свою избу и с насмешкой обращается к швецам: «Нате, поглядите, я была на колокольне и сорвала с кого-то красный колпак». Швецы переглянулись между собой и сказали: «Ай да девка, молодец». Вдруг под окном раздается голос: «Отдай мой красный колпак, отдай мой красный колпак». Швецы и хозяин стремглав бросились кто на печку, кто на полати, и там притаились и шепчут оттуда: «Поди, отдай, дура, колпак». Голос за окном опять повторяет: «Отдай мой красный колпак». Девушка решилась, вышла в сени, потом на крыльцо и протянула руку с колпаком; ман схватил ее за руку, она сильно вскрикнула и замолкла. Ночью ни отец, не швецы не смели выйти, а утром нашли ее мертвой около дома.

«Полуверцы»

Однажды шел покойный Степан Тюлюков из села Гришкина, дошел до угольной ямы, яма-то была высокая, ему захотелось помочиться, он повернулся да в прямок-то и выссался; а и выходит оттуда баба в кумашниках — сарафан красный, да и говорит: «Счастлив дядюшка, что мужа при мне нету, я на половине дороги к Соловецком шла, да вот придется воротиться, потому что ты меня обманил». Баба эта «полуверка» была. Эти самые «полуверцы» происходят от детей некрещеных и детей, проклятых родителями, или заблудившихся и погибших в лесу людей. Все эти души подпадают под власть нечистой силе и считаются существами средними между нечистыми духами и людьми. «Полуверцы» даже ходят в церковь, молятся до Херувимской песни, а потом уходят, после Херувимской до причастного стиха опять стоят, а затем уходят и являются к молебну, идут из церкви, пятясь задом; различить: застегиваются на левую сторону.

Ворожба по крестам

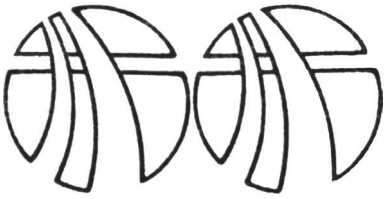
У нас в одном семействе было три снохи; вот однажды пропали деньги. Свекор подумал на снох и стал допытываться; никоторая не повинилась. Он собрался идти к ворожее, которая узнавала по крестам, взял у всех трех снох кресты и отправился. Приходит к ворожее — рассказал ей про дело, она взяла у него кресты, побормотала над ними что-то и на голтоне[1] одного из крестов завязала узелок и отдала ему обратно, сказав: «На, возьми, одна из снох повинится». Пришел он домой, и зажал все три креста в горсть, и говорит снохам: «Узнавайте свои кресты». Каждая во свои и впялась, а та сноха, у которой на кресте оказался узелок, тут же и провинилась: «Я, — говорит, — украла, простите».

Детоубийство, наказанное змеями

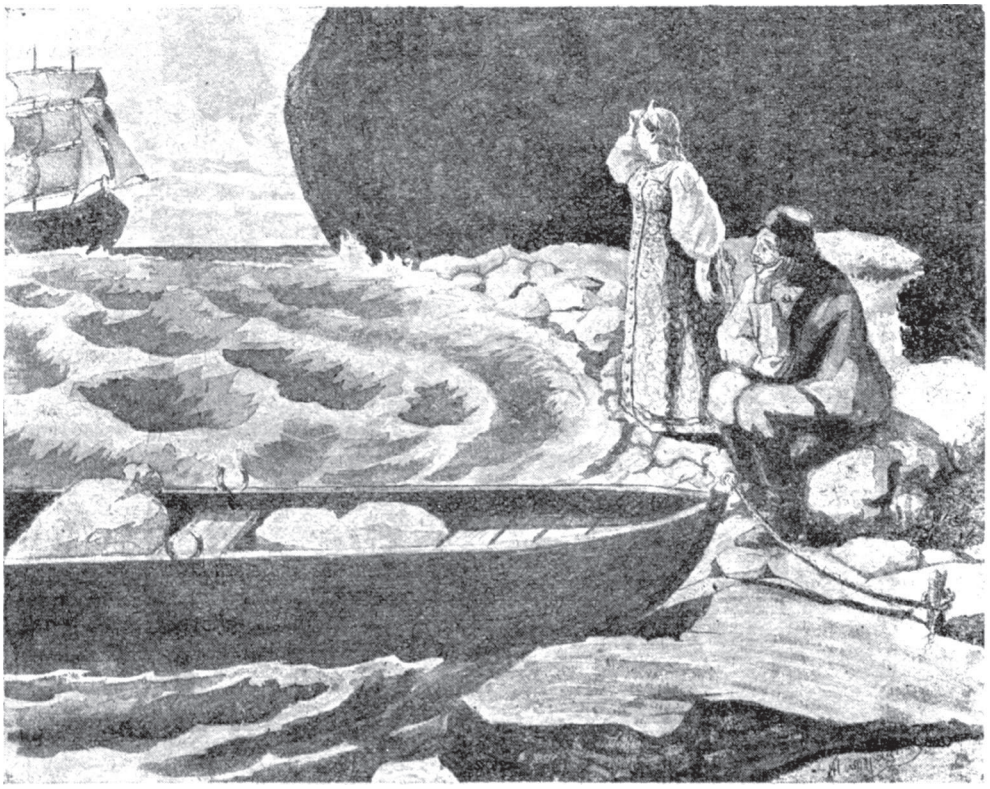
В одном селе жила девушка, полюбила она парня и забеременела от него и начала скрывать это от всех. Когда пришло время, то она тайно родила живого ребенка, снесла его в лес и там зарыла в землю. Снова начала любить парня, через некоторое время почувствовала себя тяжелой; из стыда таилась ото всех, когда же родила, то младенца снесла в лес и на том же месте зарыла в землю. Знакомство девушки с парнем продолжалось, и она забеременела в третий раз; роды произошли тайно, и опять она живого ребенка отнесла в лес и на том же месте зарыла в землю. Только что хотела идти домой,

[1] *Голтон* (*галдтан*) — тесьма, на которой висит крест (*примеч. ред.*).

как почувствовала в глазах темноту, и ноги точно приросли к земле, так что она не могла идти далее. Вдруг слышит, что нечто живое, холодное начало скакать на шею и стало ползать по груди и по шее. Зрение у нее несколько прояснилось, и она, ощупывая руками, видит, что это ползают три змеи; две из них поползали по груди и присосались к соскам грудей и начали высасывать молоко с кровью, третья же змея посовалась, посовалась и повесилась на шею; когда одна из змей насосалась и отпала, то начала сосать третья змея; когда они насытились, то спокойно обвились вокруг шеи, и тогда получила возможность идти домой. Затем уже постоянно змеи сосали у нее груди по нескольку раз в день; в это время девушка чувствовала смертельную тоску — это были невыносимые часы; потом змеи укладывались вокруг шеи спокойно, но отнять их она никогда не могла и прикрывала их платком... Только в бане они сваливались с шеи, и пока она мылась, они лежали на ее платье. Покаялась она в своем грехе людям и с тех пор давно уже ходит по монастырям, умаливая свой тяжкий грех и, в конце концов, надеясь на милосердие Божие.



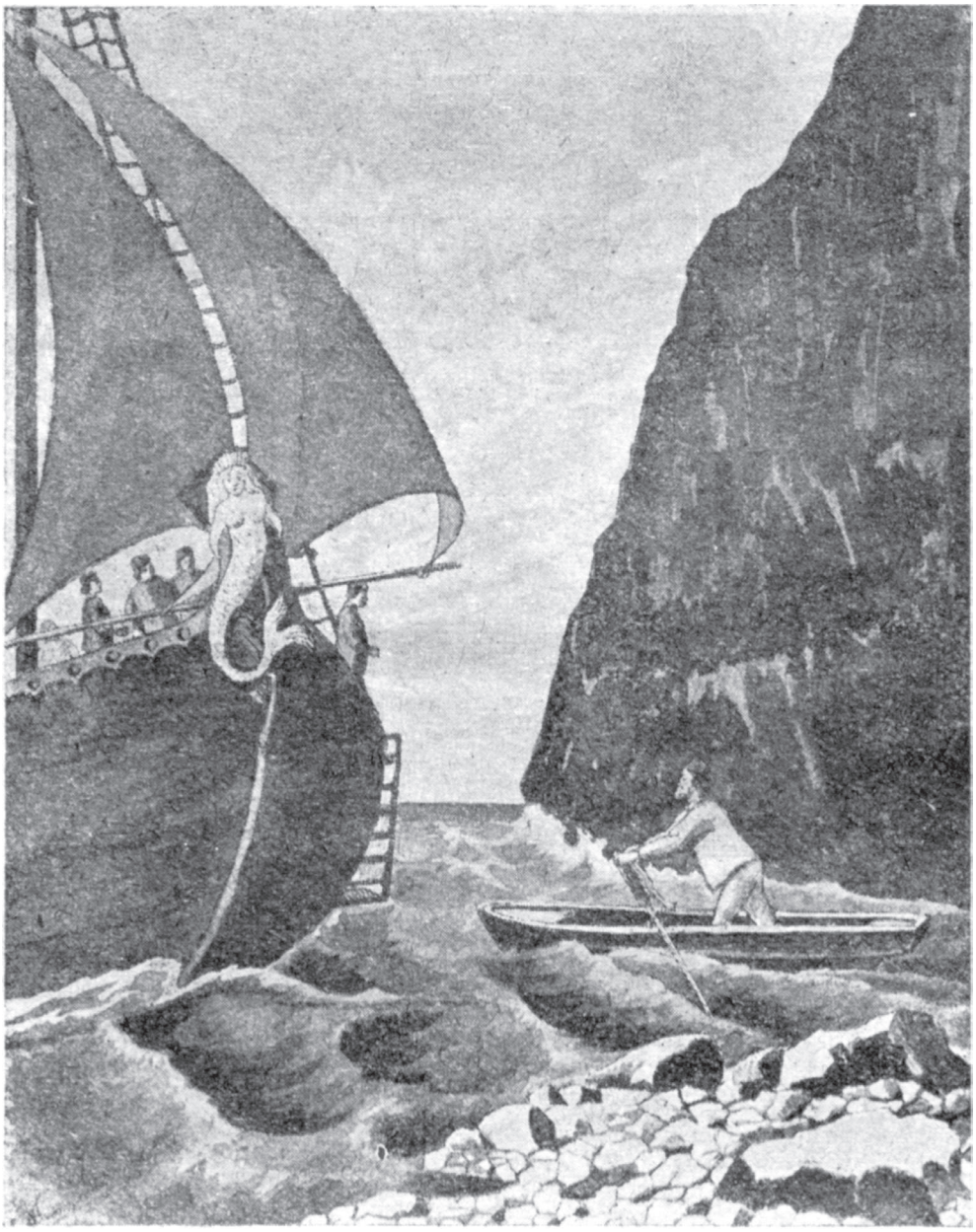
Наказанная детоубийца
(рис. В. Малышева)



Два купеческих брата

В некотором царстве, в некотором государстве в одном городе жили два купеческих брата. Они занимались торговлей, ездили за моря в далекие страны и обменивали свои товары у купцов других земель. В одно время поехали они с товарами за море. Вдруг судно их остановилось и не может сойти с места. На берегу стоял человек. «Нет ли кого наняться в работники?» Один из братьев согласился наняться в работники за 1000 рублей в год. Человек сходит с горы, берет лодку и выводит с корабля одного из братьев. Судно сошло с мели и пошло дальше в море. Незнакомец, высадив купеческого брата, приводит его в свой дом. Дом у него был такой большой-пребольшой и такой хороший, что ни словом сказать, ни пером описать, ни в сказке выразить. Купеческий брат живет день, живет другой, живет неделю, живет месяц и два, а все ему хозяин работы не дает; кормит же его так хорошо, что никогда он и дома не едал, и даже поит его разными заморскими винами.

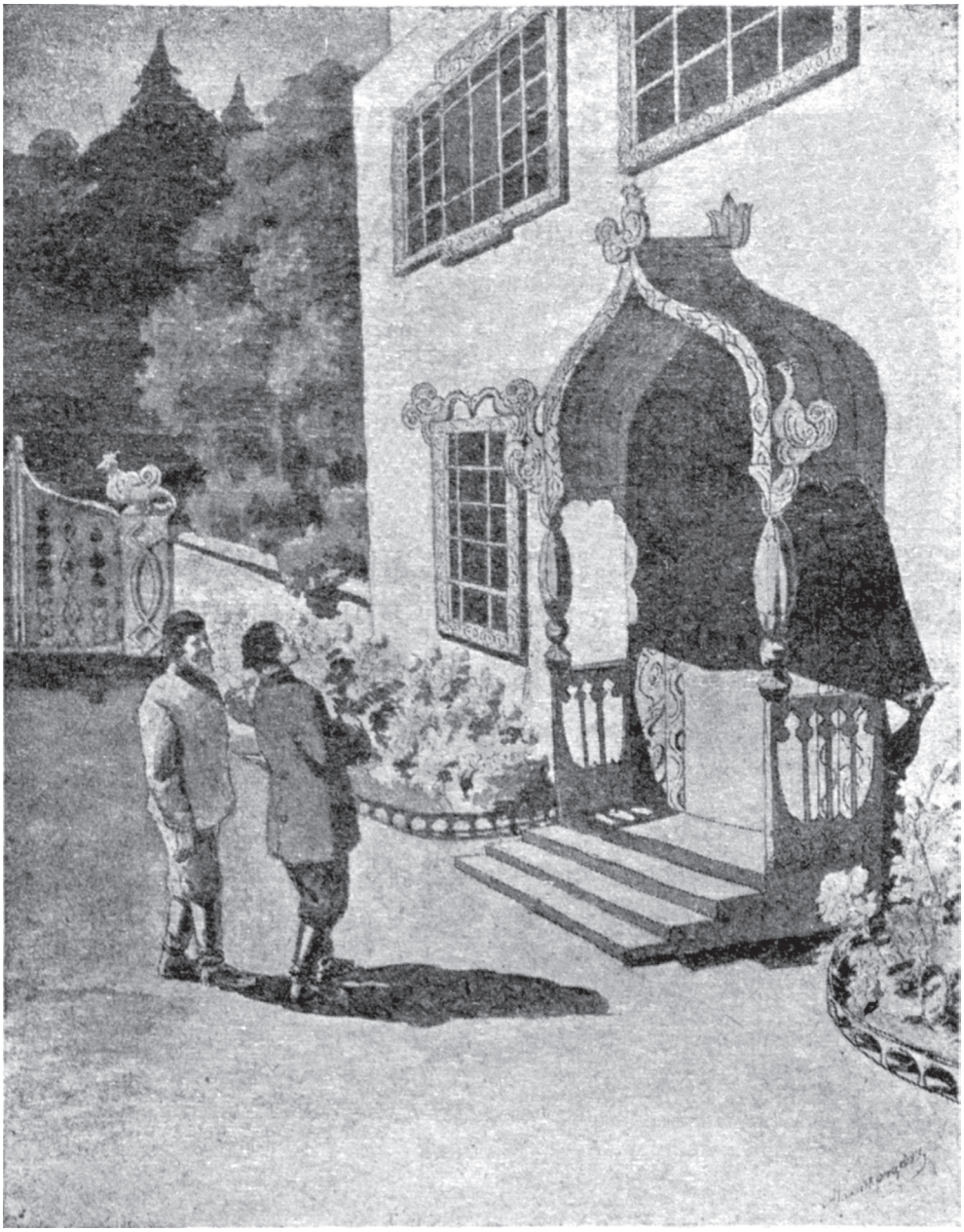
В один день хозяин запрягает в коляску самого лучшего коня, а другого привязывает сзади, но не такого хорошего, а гораздо хуже. Работник и спрашивает хозяина: «Для чего ты, хозяин, берешь другого коня, худого?»



Человек подъезжает на лодке
(рис. Л. Полторацкой)

Хозяин отвечает: «Вот увидишь». Проехали они несколько времени, увидали высокую гору, вершина которой касалась неба. Хозяин говорит: «Вот на этой горе часто видят привидения». Они приехали к горе, выпрягли лошадь и стали отдыхать. Хозяин взял раньше из дому разных вин и закусок. Вот и говорит работнику: «Поешь хорошенько да выпей стакан вина, — а сам влил туда сонных капель. — Времени нам нечего терять, немного отдохнем и займемся делом». Когда работник выпил стакан вина, то сон начал одолевать его. Он лег и заснул крепко. Хозяин между тем зарезал худую лошадь, снял внутренности ее, положил вместо них спавшего работника, а сам отошел за куст и ожидает, что будет. Вдруг налетели орлы, подхватили добычу и унесли на вершину горы и, наевшись там, улетели в свои гнезда. Работник просыпается и глазам своим не верит, что он на горе и как попал сюда. Посмотрев вокруг себя, он увидел лошадиные кости и говорит: «Господи, что со мною приключилось?» На горе он видит несметное число золота и драгоценных камней. Он думает: куда это все мне, ведь я с голоду помру, и дикие

Хозяин положил в труп лошади, им убитой, работника и спрятался за куст, ожидая, когда орлы подхватят лошадь и отнесут на гору (рис. Л. Полторацкой)

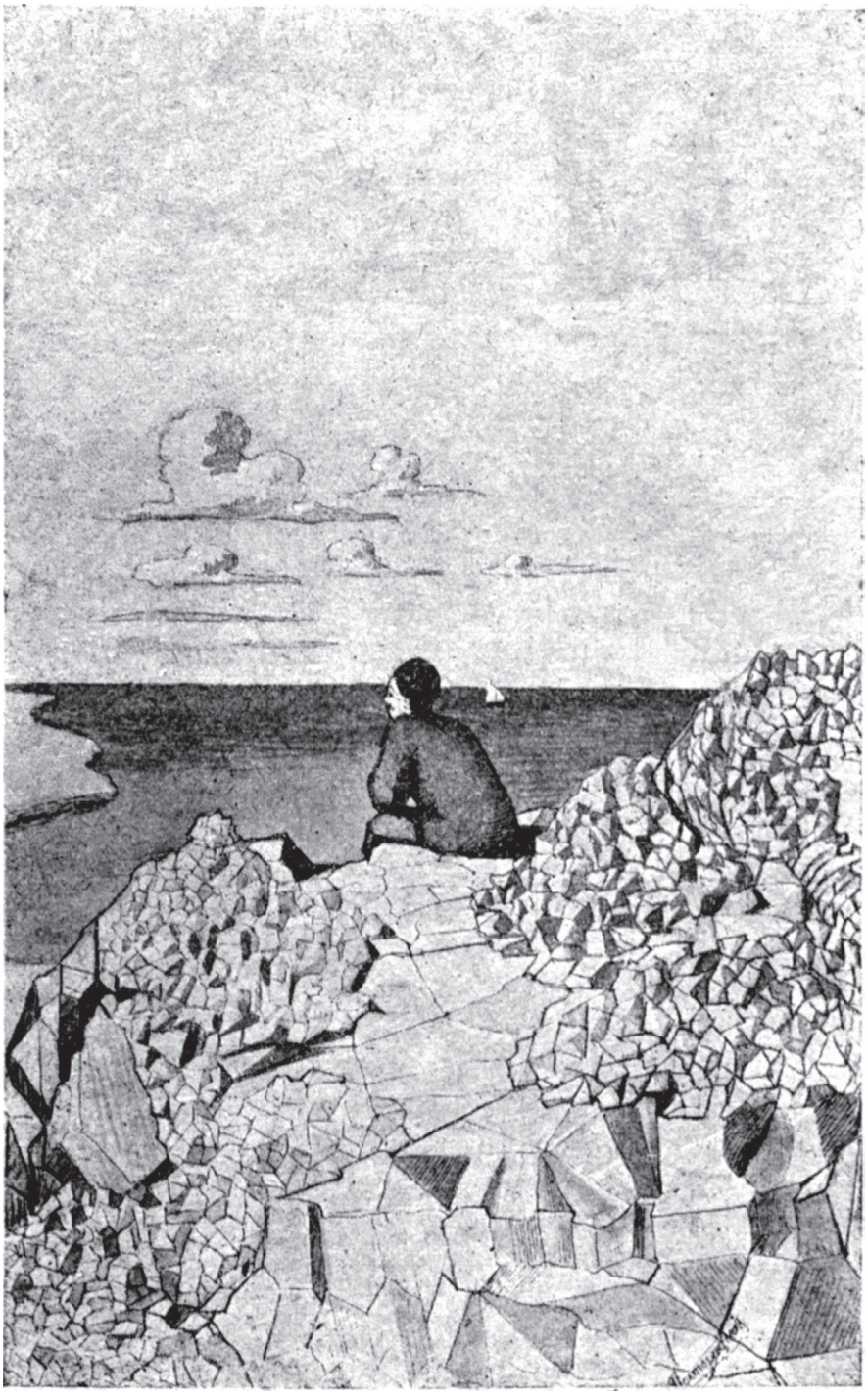


Подходят к роскошному дому, в котором работник будет жить
(рис. Л. Полторацкой)

птицы съедят меня. Вдруг он услыхал человеческий голос и узнал голос своего хозяина, который говорил: «Бросай мне под гору груду золота и драгоценных камней, а потом я тебя сниму». — «Как же ты можешь меня снять, когда гора чуть не до неба?» — «Не бойся, работничек; велика твоя служба, но и я за тебя послужу, не оставлю на горе. Я тебе ведь говорил, что здесь есть привидения и что мне подвластна подземность; тут явятся люди снять тебя сейчас же». Работник сбросил груду золота и камней и ожидает, как его будут снимать.

Между тем хозяин, наклав все в свою коляску, запряг лошадей и говорит своему работнику: «Ну, спасибо, добрый человек, не напрасно я тебя кормил и поил, оставайся там, пей, ешь, веселись и помни, что я тебя наградил; у меня довольно таких молодцов положили своих костей и орлов покормили». Он поехал домой. Вот проходит день, другой, а все еще работник сидит на горе и думает: не умел я жить и богатеть с братом, а теперь пришлось с голоду помирать. Прошло несколько времени, он захотел спать. Он взял в руки три драгоценных камня, обошел с ними три круга, обратился к востоку и лег спать. Во сне видит привидение, будто бы прилетела к нему чудесная сила и уносила

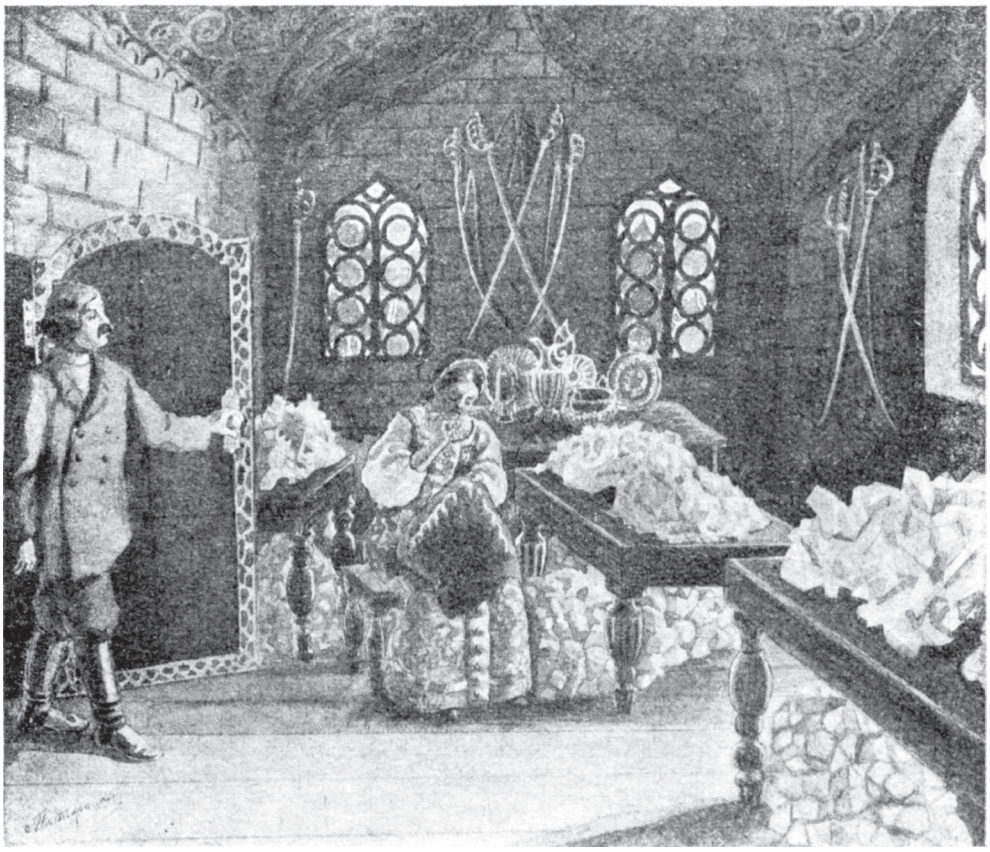
Во время сна вернувшийся домой не узнает ни жены, ни брата (рис. Л. Полторацкой)



Работник на вершине горы
(рис. Л. Полторацкой)

его на родину. Вдруг он просыпается и что же видит? Открывает глаза и видит, что он стоит дома возле своей жены, а в руках оказывается золото и драгоценные камни. Он глазам своим не верит, что дома брат и жена уговаривают его, он почти с ума сошел. Прошло несколько дней, привезли лекарей и вылечили его. Рассказал брату про случившееся и стал жить да поживать, да добра наживать.

Живут они год, живут другой и позабыли про случившееся. Приходит лето, и отправляются опять за море торговать. Справились и поехали. Едут они день, едут другой и видят на берегу моря огромную гору, а на той горе опять сидит человек и кричит, кто бы пожелал к нему в работу за 1000 рублей в год. Тот брат, который живал в работниках, говорит: «А что, я опять пойду, если тот же хозяин; я его, шельму, проведу». Согласился и съехал на берег. Подъезжает к берегу и видит тот же дом и того же хозяина. Хозяин не признал его. Живет опять день, другой, месяц, и все дела нет; пьет и ест сытно, спит плотно, а сам все думает, как бы отомстить хозяину. Через несколько времени хозяин уехал куда-то по своим делам. Работник проводил хозяина и пошел



Сидит красная девица, шьет она золотом
(рис. Л. Полторацкой)

осматривать хозяйский дом. Обходит его вокруг. «Первый раз», — сказал. Обходит его во второй раз и сказал: «Ну-ну». Обходит в третий раз и бросил камень на дом. Потом входит в дом и видит в стене потаенную дверь, отворяет, и вдруг представилась глазам его удивительная картина: на полу лежат груды золота, по стенам сабли острые, на столах груды камней драгоценных, а среди комнаты сидит красная девица, шьет она золотом и плачет горючими слезами. Он говорит ей: «Красная девица, чья ты? Дому ли хозяйка или чужестранка?» Она посмотрела на него и говорит: «Твой хозяин увез меня молча из моего дома и хочет на мне жениться; вот уже три года, как он все собирает эти драгоценности и держит меня здесь в стенах, не выпуская никуда, старается уговорить меня и ослепить этим богатством; я не соглашаюсь, но он хочет поступить насильно». Он простился с ней и, не говоря ни слова, вышел из комнаты. Вечером приезжает хозяин, поблагодарил его за сохранение комнат, отправился отдыхать.

На другой день встали, поели, потом пошли осматривать двор. «Ну, — говорит хозяин, — завтра пора и за работу. Вот поедем мы с тобой к высокой горе стрелять дичь, возьмем с тобой разных яств и напитков, чтобы было веселее». Поутру запрягли хорошую лошадь в карету, а другую, худую, взяли с простой телегой; работник говорит: «Где же ружье, хозяин? Ведь так-то птиц не поймать». — «Нет, друг мой, у нас там есть под горой хижина, где все необходимое». Едут они час, другой; наконец приезжают к высочайшей горе, у той горы в ложбине построена маленькая избушка. «Ну, — говорит хозяин, — вот наше пристанище. Посмотри на эту гору: сколько там дичи, а то ведь нам нужно ожидать, пока не слетит ниже. Вот и избушка; здесь и ружья, и вообще все необходимое для охоты. Ну, слушай, друг мой, прежде чем заняться охотой, поедим и выпьем хорошенько». Хозяин достал бутылку и наливает стакан работнику, а сам незаметно всыпает туда порошок. «Нет, хозяин, — говорит работник, — сначала должен выпить сам, а потом уж я». «Делать нечего, — говорит хозяин, — давай и я себе налью стакан». Когда хозяин налил стакан вина для себя и хотел пить, работник закричал: «Хозяин, эвон кто летит». Хозяин оглянулся, а работник переменил стаканы. Выпили они по стакану. «Ну, теперь и вся дичь наша; давай и соснем немножко, а потом и за работу». Хозяин заснул крепким сном. Работник между тем зарезал лошадь, снял внутренности, воткнул туда хозяина, зашил, а сам лег за кусты отдыхать. Прилетели орлы, подхватили добычу и улетели в свои гнезда.

Прошел день, другой, проснулся хозяин и глазам своим не верит, удивляется, как он попал на гору. Посмотрел вокруг себя, видит несметное количество золота и драгоценных камней. Вдруг он услыхал голос работника: «Хозяин, вставай, пора вставать, будет, поотдохнул, бросай золото и драгоценные камни». — «Ну, добрый человек, — отвечает хозяин, — изволь, я тебе сейчас набросаю, сохрани только их, когда перекладем в карету; если ты и два раза, в третий скажи „куна“, иначе я не исполню твои желания». «Изволь, — отвечает работник, — все сделаю, только ты будь верен своему слову». Хозяин

Хозяин заснул крепким сном
(рис. Л. Полторацкой)

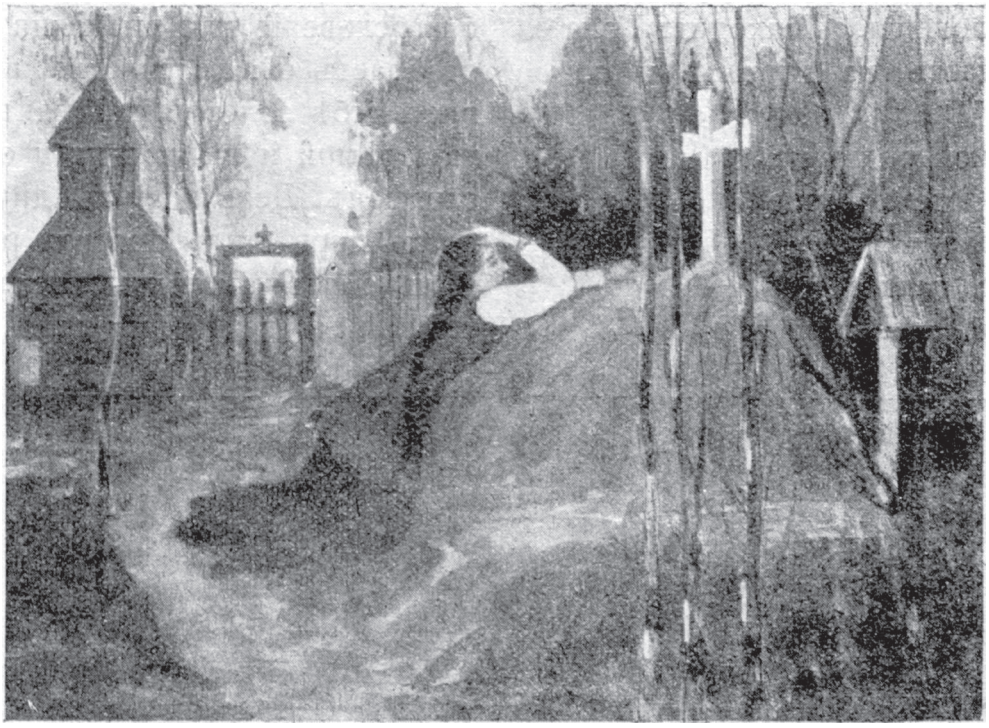
набросал столько золота и драгоценных камней, что больше некуда было класть. Работник и говорит: «Ну, довольно, я всего не мог скласть и оставляю тебе на свадьбу с девицей в твоем доме; только сыграем свадьбу — не то все пропадет. Ага, хозяин, не узнал ты своего работника, сиди там до марковкина заговенья, а тогда из тебя для орлов хороший стол будет». Запряг лошадь и уехал. Приезжает в хозяйский дом, входит потайной дверью к девице: «Я теперь хозяин, а нам бывший хозяин стреляет орлов и соколов. Все эти сокровища мы соберем и привезем домой; ты же, если хочешь быть женой моего брата, поедем на родину». Девица согласилась. Они сложили все драгоценности, выехали на берег моря и увидали, что идет корабль. Стали они кричать, чтобы взяли их с собой. Корабельщики услыхали и перевезли на корабль. Корабль же был братний и возвращался из моря. Обрадовался и, узнав о его житье-бытье, поблагодарил его. Когда увидал сокровища и невольно пал брату на плечи, и долго плакали оба. По прибытии домой сыграли веселую свадьбу и стали жить да поживать, да добра наживать.

Марья-царевна

В некотором царстве, в некотором государстве жили-были царь да царица, а у них была дочь красавица Марья-царевна. Умерла мать, ее похоронили, и стали жить да поживать отец с дочерью. Проходит год. Отец, прельстясь красотой дочери, стал просить выйти за него замуж. Дочь стала проситься на могилу матери и попросить благословения. Приходит она на могилу, падает на курган и говорит:

«Матушка моя родимая;
Солнышко мое красное,
Теплая запаручина,
Помоги, родимая,
Мне в моей беде!

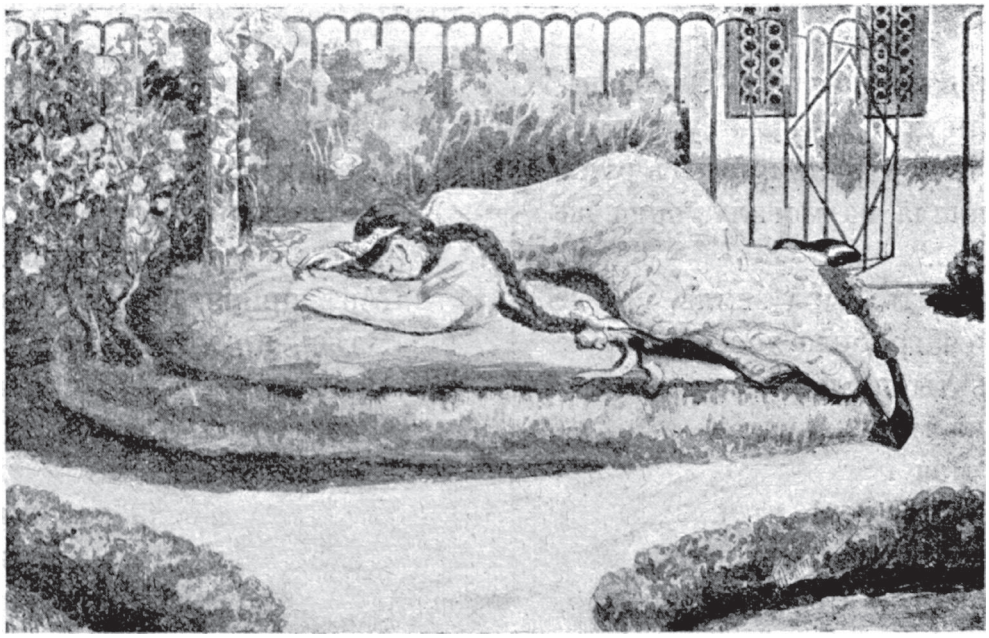
Отец зовет меня замуж. Дай мне благословение или прокляни меня». Мать отвечает ей: «Проси отца, пусть он купит тебе золотой сарафан». Дочь пришла домой и выпросила у отца золотой сарафан. День живут, другой живут; опять



Марья-царевна на могиле матери
(рис. Л. Альбрехта)

царь стал просить руки дочери. Дочь опять выпросилась на могилу матери. Мать велела ей просить сарафан серебряный. Отец купил ей сарафан серебряный. Живут день, живут другой. Отец в третий раз просит руки дочери. Дочь пошла на могилу, пала на землю и говорит:

«Расступись, мать сыра земля,
Ты откройся, гробова доска,
Развернись ты, шелкова парча,
Ты встань-ка, моя матушка,
Желанная моя кормилица,
Прими меня к себе в пазуху,
Ты согрей-ка меня, солнышко,
У своей груди, у белой груди,
Ты оставь теперь у себя меня,
Ты не дай меня в обидушку
Своему мужу, моему отцу,
Моему отцу, родимому батюшке!»



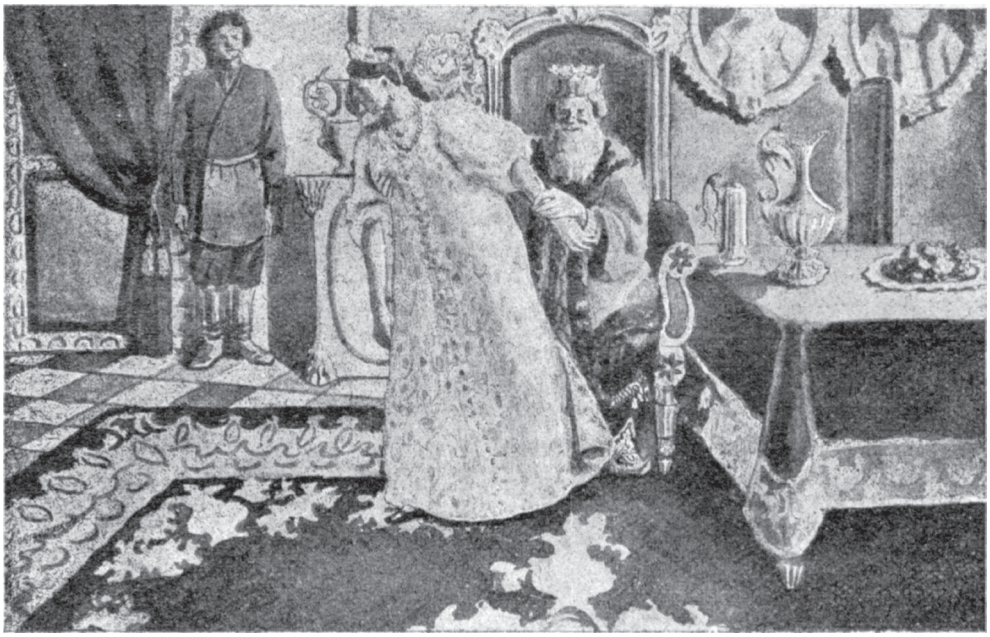
Марья-царевна просит мать заступиться
(рис. Л. Полторацкой)

Мать отвечает ей:

«Ты, желанная моя касатушка,
Ты, золотая моя пташица,
Мне принять тебя не можно,
Здесь в могиле все враги сидят,
Все враги, да разъяренные,
Они точат мою белу грудь».

Не сосновый бор расшумляется,
Гробовая доска раскрывается,
От сна-смерти мать пробуждается,
Своей дочери она наказ дает:

«Ты поди, моя касатушка,
Моя теплая запаручина,
К своему родному отцу батюшке.
Ты поди, скажи, моя матушка,
Ты поклон земной от жены родной,
Чтоб он, лихой, не губил тебя,
Не губил тебя, да любил меня».



Царь ухаживает за дочерью
(рис. Л. Полторацкой)

Мать распрощалась с дочерью и дала ей две палочки-самофалочки для того, чтобы, как она пойдет гулять в чистое поле, ударила бы палочку об палочку. Дочь приходит домой и просит у отца отдать свою волю подружкам в чистом поле. Выходит в поле, ударяет палочку об палочку, и являются у ней крылья, одно серебряное, другое золотое, а сама обращается в голубочку и улетает. Вот она летит день, летит другой и прилетает в другое царство. В этом царстве был у царя красивый сын Иван-царевич. Прилетает она на широкий двор и садится на точеный столб. Ивану-царевичу случилось выйти на широкий двор. Увидев красавицу голубку, хотел поймать ее. Бросился на нее, схватил и отдал своим слугам на сохранение. Проходит несколько времени, а голубка все живет еще у Ивана-царевича. В один день царь вздумал сделать бал и велел своим слугам напоить и накормить голубку как можно лучше и не выпускать никуда. Пришли слуги, чтоб напоить и накормить голубку. Голубка и молвит им голосом:

Слуги мои, слуги верные,
Вы, царские послужницы,
Вы, ночные караульщики,
Отпустите меня, младую,
Во чисто поле гулять,
Цареву балу видать.

Мать-царица выходит из могилы и дает дочери две чародейские палочки (рис. Л. Полторацкой)

Царевна вышла в чистое поле, ударила палочкой о палочку, и у нее выросли крылья (рис. Л. Полторацкой)

Иван-царевич поймал голубку
(рис. Л. Альбрехта)

Слуги, услышав, что голубка говорит человеческим голосом, выпустили ее на один час. Она вспорхнула, вылетела на двор, садится на точеный столб, колотит палочкой о палочку и превращается в прекрасную Марью-царевну. Проходит в золотом своем сарафане в комнату и становится у печки. Все царские гости встали и пригласили ее сесть за стол. Марья-царевна садится рядом с Иваном-царевичем. Иван-царевич обронил за столом колечко. Марья-царевна заметила это и подняла его. Во второй раз Иван-царевич обронил платок, Марья-царевна подняла его, но Иван-царевич попросить его не смел, потому что не знал, кто она такая. Когда гости начали разъезжаться, Марья-царевна вышла в сени, ударила палочкой о палочку, превратилась в голубку и полетела в свою светлицу. Иван-царевич, возвратясь домой, спрашивает слуг, не выпускали ли голубку во двор. Слуги отказались и говорили, что не выпускали. Иван-царевич приходит в светлицу и видит, что голубка приуныла, и вздумал ее выпустить. Голубка вспорхнула, вылетела во двор и обронила колечко, а потом платок и говорит Ивану-царевичу: «Когда ты умел меня поймать, то умей и содержать». Сама же ударилась о сырую землю и обратилась в прекрасную

Марья-царевна подымает платочек Ивана-царевича
(рис. Л. Альбрехта)

Марью-царевну, которой краше на свете не было. Она навечно полюбила Ивана-царевича.

Иван-царевич берет ее за руку и ведет к своим родителям. Все, расспросив ее, чья она дочь, каких родителей, как в их царстве появилась, благословили их. Иван-царевич женился на Марье-царевне. Он очень любил ее, и они оба дожили до глубокой старости.

Пусти, хозяин, ночевать
(рис. Л. Альбрехта)

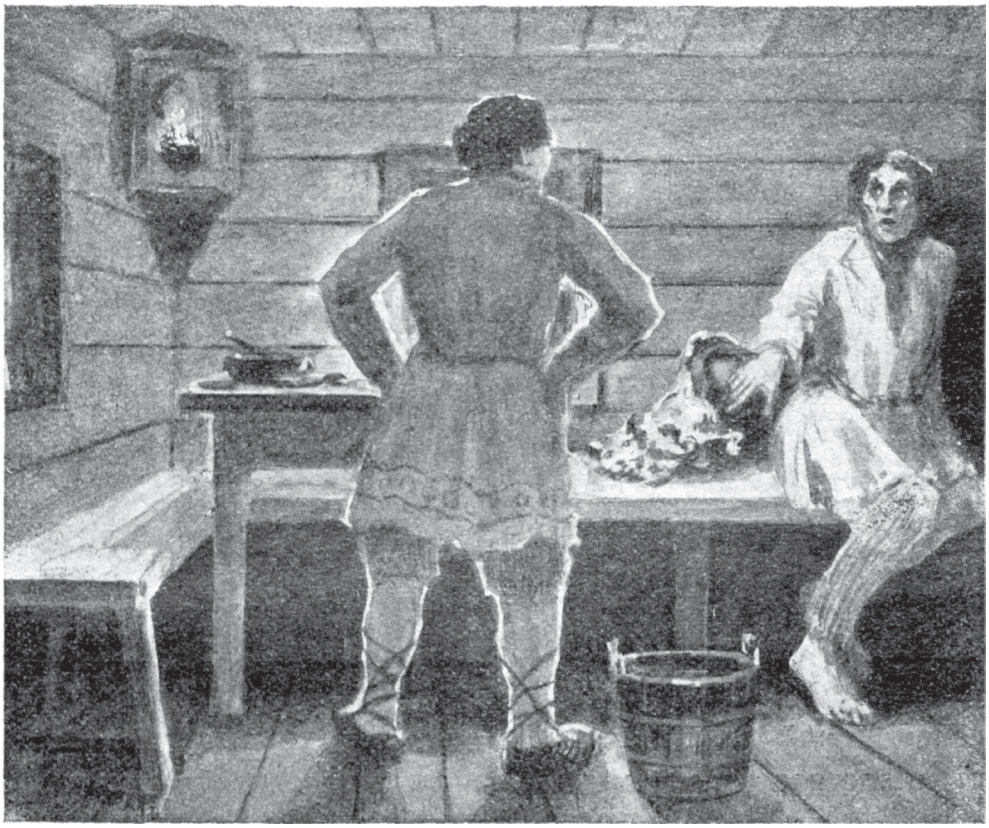
Бурлак

Шел бурлак из Питера. Приходит вечер. Попросился он в одной деревне ночевать. Подходит к одному дому, стучится. Хозяин, услыхав стук, открыл окно и спрашивает: «Что тебе нужно, прохожий человек?» — «Пусти ночевать, хозяин». — «Изволь, я пущу тебя, только вот с каким условием: я тебе загадаю три загадки, а ты их разгадай. Если не разгадаешь, то за каждую загадку тебе по колотовке[1]».

Бурлак подумал-подумал и согласился. «Ну, — говорит, — три так три; ведь не на улице же ночевать». Пришел в дом, сел на лавку. «Ну, — говорит хозяин, — изволь-ка выслушать три загадки», — и сам вышел вон из избы.

Вот идет он в избу и несет ушат воды. Принес ушат и спрашивает: «Эво что?» — «Вода». — «Врешь, мошенник, — и бьет его по голове. — Вот тебе и раз за то, что не отгадал». Потом, немного погодя, приносит кошку.

[1] Дать кому-либо *колотовку* (*прикам.*) — побить, поколотить (*примеч. ред.*).



Хозяин положил кошку на лавку
(рис. Л. Альбрехта)

«Ты мне чего, хозяин? Это ведь не загадка», — но делать нечего, сидит на лавке и думает — скажу: кошка это. Хозяин положил кошку на лавку и говорит бурлаку: «Эво что?» Тот отвечает: «Кошка». — «Вот тебе и опять колотовка». Наконец хозяин приносит огонь и показывает бурлаку: это что? «Да что ты, хозяин? Это ведь огонь. Ты, верно, морочишь людей и хочешь меня обморочить». Хозяин и в третий раз бил его по голове. Он говорит: «Ну, дурак, слушай, я тебе отгадаю». Бурлак сел к лавке поплотнее и думает, что еще дальше будет. Хозяин говорит: «Слушай. Вода — это благодать, кошка — чистота, а огонь — красота». Накормил, напоил мужика и спать повалил. Бурлак не спит, а думает, как бы отомстить хозяину за три колотовки. Между тем хозяин рано поутру встал и ушел на гумно молотить. Бурлак взял кошку, привязал к хвосту головешку с огнем, сам же оделся, пошел в сени и пустил кошку на вышку и вышел за ворота. Идет он мимо гумна, где молотит хозяин. Вошел в гумно и говорит: «Бог помочь, хозяин!» — «Спасибо,

Хозяин, посмотри на свой дом, он горит
(рис. Л. Альбрехта)

добрый человек. Ну что, и пошел?» — «Да, пошел. Да, вот что, слушай-ка, хозяин. Твоя красота подхватила чистоту и понесла на вышку, и не достанет благодати, дыму не видать». Хозяин посмотрел на свой дом, а он горит.

Старик и злая жена

Жили да были старик со старухой. Старик был добрый и милостивый, а старуха злая-презлая. Она бранила старика, что он был милостив к людям. Пошел однажды старик в лес и думает, как бы ему от старухи избавиться. Идет, а сам все плачет. Попадается навстречу мужик и спрашивает: «Что ты, старик, такой печальный?». — «Да вот, добрый человек, нет мне житья от моей старухи, — говорит старик. — Когда я бываю дома, она всячески меня ругает, а когда в лес или на работу пойду, то поесть не дает». — «Вот что, старичок, я вижу, что ты добрый человек, горе твое я могу поправить. Когда ты пойдешь в лес, то говори старухе своей все напротив, что тебе нужно».

Старик плачет
(рис. В. Малышева)

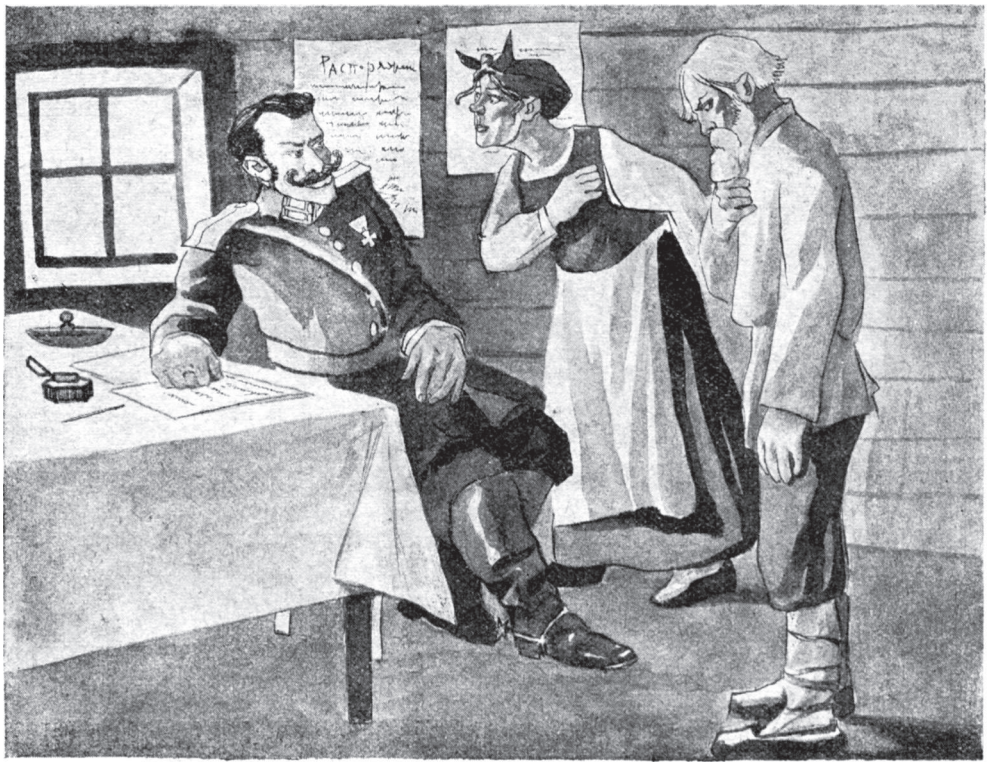
Поблагодарил старик мужика и пошел домой.

Пришел старик домой, старуха стала его бранить. «Ну что же ты, старуха, худо бранишь? Я вот и не стану», — и замолчал. Сидит старик в углу, а сам есть хочет и говорит: «Смотри, старуха, я сегодня есть не хочу, стол не накрывай и ничего не подавай». Старуха накрыла на стол, налила щей, подала хлеба и садит старика. Сел старик, а сам говорит: «Не стану я есть». Старуха начала бранить старика. Поел старик, сел в угол и думает, как бы извести старуху. Ложится старик спать и говорит старухе: «Я в лес не пойду, и ты пирогов не пеки». Старуха рассердилась на старика и говорит ему: «Вот пойдешь, напеку пирогов». Встала поутру старуха и напекла пирогов, уложила в корзинку и посылает старика в лес. Нечего делать: взял старик корзинку с пирогами и пошел в лес. Пошел старик, а сам пироги на колышки лепит. Пришел в лес, положил в силок рыбинку, вынув из силка тетеру. Пришел домой и говорит старухе: «Я клад нашел; смотри, ты сама за ним не ходи и никому не говори, а то он тебе не покажется». — «Ах ты, такой-сякой, старый черт, веди меня в лес и покажи, где ты нашел клад, а не то сейчас начальству заявлю». Повел старик старуху той дорогой, где пироги на колышки были насажены. Увидала

Злая старуха
(рис. В. Малышева)

старуха и спрашивает: «Что это пироги-то на колышках?» — «Да вот, — говорит старик, — пирожна туча, но чес съела». Привел к реке и вынул из мережи тетеру. Потом пришел в лес и вынул из силка рыбинку, а сам съел. Посмотрела старуха и говорит: «Почему эта тетера попала в реку, а рыба в силок?» — «Да оттого, — говорит старик, — что клад-то у нас скрылся». Старуха раскричалась на старика: «Пойду к становому». Пошла к становому и пожаловалась на старика. Старика повели к становому. Приходят. Становой говорит: «Куда девал клад?» — «Никакого клада я не нашел, ваше благородие!» — «Как не нашел? — говорит старуха. — Помнишь, мы шли, а пирожная-то туча была, в реке в мережу тетерку изловил, а в лесу из силка рыбу вынул». Видит становой, что старуха шальная, и приказал их выгнать.

Пришли домой. Старуха заела старика. Видит старик, что совсем нет житья от старухи. Пошел к реке и начал через глубокое место гнилые жердочки бросать. Побежала старуха искать муженька. Пришла к реке и спрашивает: «Что ты тут делаешь, старый черт?» — «Да вот, — говорит старик, — завтра праздник в той деревне, и я с тобой по этому мостику пойду, а тебя на мост не возьму». — «Ах ты, старый черт», — говорит старуха и сама бросилась к мостику. Говорит старик старухе: «Не ходи, потонешь!» — «А вот пойду».



Старик и старуха у станового
(рис. В. Малышева)

И пошла по мосточку. «Не трясись, старуха!» — «А вот потрясусь». И бултых в воду. Вот она захлебывается и все кричит: «А вот потрясусь», — да так и утонула. Пошел старик домой и начал жить один.

Вор

Был вор во граде. Многие этого вора знали и ничего у него не покупали. Случилось этому вору мимо деревни идти, и вздумалось ему к одному крестьянину зайти. Заметил вор у крестьянина одну животинку, одну корову самую стельную, корову здоровую. Задумал вор, как бы эту корову со двора свести и хозяину хлопот не нанести. Через час задумал спать, а через некоторое время вору вздумалось и встать. Пошел во двор, взял корову за рога и увел в лес, а в лесу к дереву привязал. Прибежал обратно, лег спать, и никто не мог плутней его узнать. Поутру встает, хозяина благодарит, что переночевать пустил. «Куда походишь, брат?» — «Во ближайший град». — «Пойдем, брат, вместе

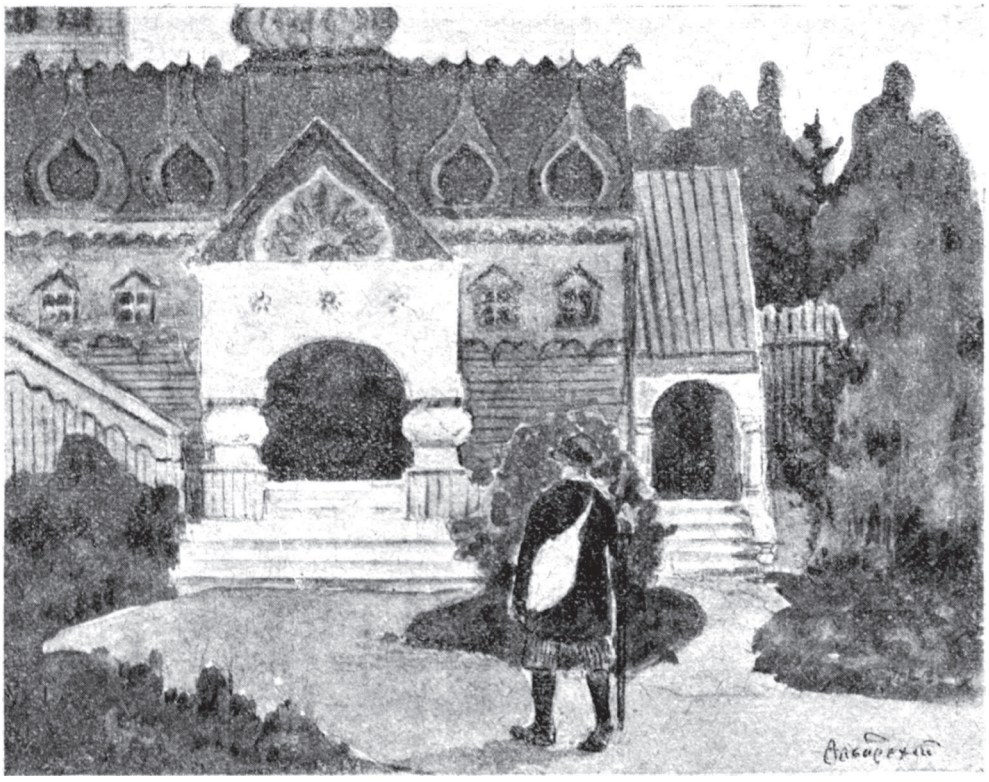
Иллюстрация к сказке «Вор»
(рис. В. Малышева)

во ближайший град», — был хозяин тому и рад. Вор хозяину и говорит: «Постой, брат, здесь у меня в деревне за мужиком дом есть, хотя не деньгами, а чем-нибудь взял». Вдруг вор бежит и корову тащит. Хозяин говорит: «Воля твоя, а буренушка моя». Мало ли есть, похоже человек на человека, а не то, что скотина. Хозяин говорит вору: «Куда хочешь положить ее, продать или сам держать?» — «Ну, брат, сведи и продай в ближайшем граде». Свел хозяин корову в ближайший город, продал и деньги отдал. Вор его благодарит, двадцатью алтынами дарит. Скоро домой, поет, шагает, а жена его на дороге с детьми встречает. «Тятенька, тятенька, у нас дома не здорово, пропала наша бурая корова!» — «Ох, деточки, вор-мошенник обманул в глазах и в недавних порах».

Незнайка

В некотором царстве жил давным-давно мужичок со своей женой. Детей им Бог долго не давал. В пожилых летах у них родился сын весьма красивый. Когда он вырос, то стал проситься у своих родителей благословить его попутешествовать по белу свету. Родители, не желая расстаться с единственным сыном, отказали ему в благословении и увольнении. Он по страсти к путешествию ушел от них тайно ночью. Ночками шел он неизвестными дорогами и дошел до какого-то царства.

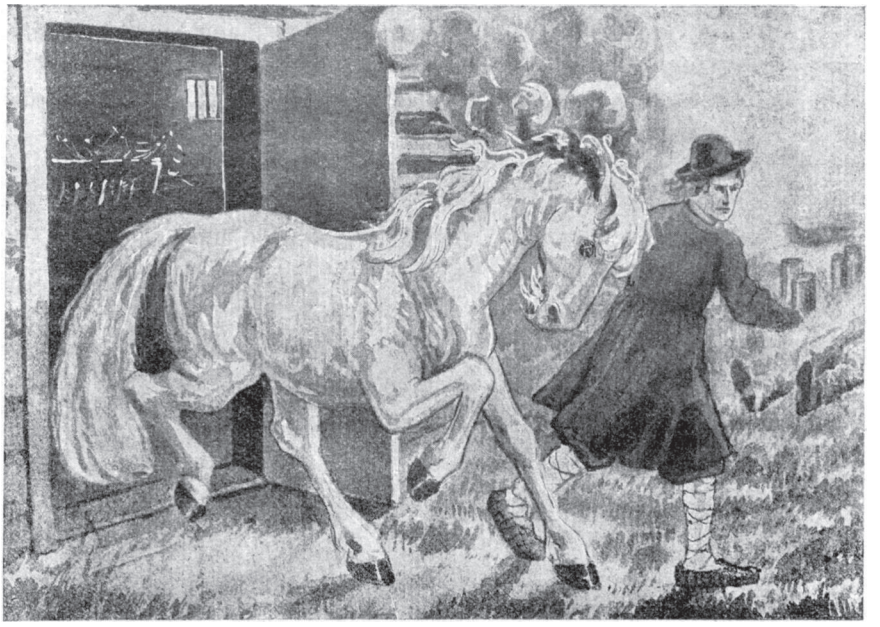
Незнайка. Он по страсти к путешествию ушел от них тайно ночью (рис. В. Ткаченко из собрания А. Е. Бурцева)



Незнайка у царских конюшен
(рис. Л. Альбрехта)

Подходя к царским конюшням, беглец видит, что девять солдат стерегут царского коня, у которого из глаз искры сыплются, из рта пламя машет, из ушей дым столбом валит, шерсть на шее что серебро сияет. Беглецу вздумалось как-нибудь обмануть сторожей царских и угнать от них завидного коня. Он покупает девять ведер вина и до беспамятства напаивает сторожей. Во время их сна он уводит коня в лес, строит ему конюшню, а сам отправляется в город сбирать милостыню. Неоднократно ходил он и во дворец царский. В одной царской комнате жила младшая дочь царя Елена Прекрасная. Молодец прельстился ее красотой и задумал на ней жениться. Не зная, с чего начать дело, едет он в лес к коню и просит его: «Помоги ты мне, любезный конь, жениться на Елене Прекрасной, я без нее жить не могу». — «Вот ты что вздумал, — сказал конь, — довольно это трудно сделать. Я выплюну тебе сейчас нежное платье, вденься в него и ходи. Всякому встречному отвечай: „Не знаю“, — и женишься на Елене Прекрасной».

Она стала спрашивать: кто он? откуда пришел? И получила один ответ: «Не знаю». Царевна сказала про это чудо отцу. Отец велел провести его



Во время сна сторожей он уводит коня
(рис. В. Ткаченко)

Незнайка строит конюшню
(рис. Л. Альбрехта)

Незнайка вырывает деревья
(рис. Л. Альбрехта)

в свои комнаты. Здесь все предлагали ему разные вопросы и получали один ответ: «Не знаю». К ночи царь приказал Незнайку отвести в сад. Незнайка ночью снял нежные платья, повредил в саду все деревья, многие с корнями вырвал из земли. Поутру царь послал в сад лакея посмотреть, что делает Незнайка. Лакей, осмотрев повреждение сада, доносит царю, что сад весь испорчен, деревья повреждены и многие даже с корнями выдернуты из земли.

Царь велел привести проказника и объявил ему свой приговор: «Если ты, Незнайка, не исправишь сада в следующую ночь, не приведешь его в прежнее положение, завтра же я прикажу тебе отрубить голову». Ответом на это было одно заученное «Не знаю», что приводило в замешательство всех говоривших с ним людей. Незнайку опять отвели в сад. Ночью он опять сходил к коню и поведал ему о своей участи. Чародейственный конь мигом привел сад в другой вид: он сделал его вдевятеро плодовитее прежнего. Незнайка опять входит в сад и ходит в нем в своих цветных платьях. Поутру царь посылает слугу осмотреть сад. Лакей находит сад вдевятеро лучше прежнего и обо всем доносит царю.

Царь сильно разгневался
(рис. Л. Альбрехта)

Незнайка заблаговременно набрал виноградных ягод, сносил их коню, чтобы он наговорил на них присушительные[1] слова. Этот виноград он посылает к Елене Прекрасной. Та лишь только поела, тотчас почувствовала сильную любовь к Незнайке.

В это время приехал к царю иностранный князь сватать Елену Прекрасную. Царь хотел выдать за него дочь, но, к своему изумлению, услыхал от нее решительный ответ: «Любезный родитель, хоть убей меня, а я пойду замуж за Незнайку». Царь сильно разгневался на Елену Прекрасную. Хотя он выдал ее за Незнайку, но приданого ей не дал, кроме клубка шелковых ниток; жить велел не во дворце, а в грязной избушке. Живя здесь в крайней бедности, царевна ни в чем не находила утешения. Когда она хотела разделить с мужем горькую участь и хотела с ним поговорить — получала один ответ: «Не знаю».

В это время царю была объявлена война Нечистым духом, который шел на царство, чтобы взять в плен дочерей царских. Их было трое, и все замужем.

[1] *Присушка* (*присуха*) — один из видов любовного приворота (*примеч. ред.*).

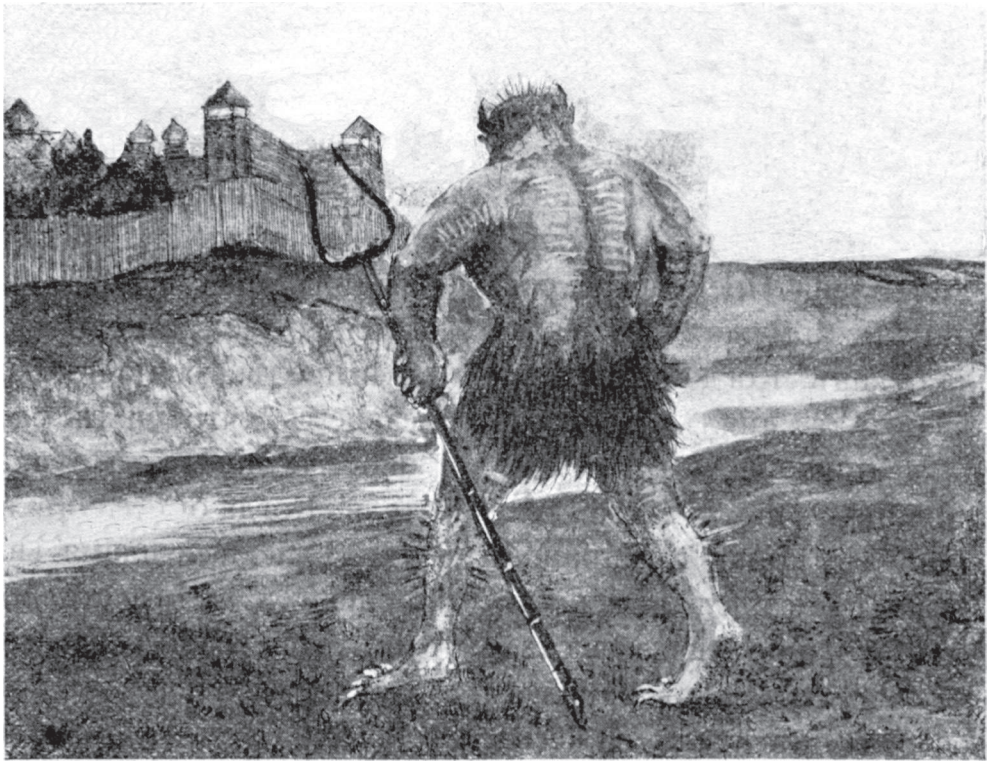
Царевна ни в чем не находила утешения
(рис. Л. Альбрехта)

Все они отправились на войну со своими мужьями, и только одна Елена Прекрасная отправилась на войну без мужа. Она звала его, но получила отказ. Когда они ушли из дворца, Незнайка снял нежные платья, пошел к коню, дал ему ведро вина, меру пшеницы; сам также выпил ведро, вошел коню в правое ухо, вышел в левое и сделался таким красавцем, что ни в сказке сказать, ни пером описать, и отправился к неприятелю. Когда он ехал на него, то увидел за 3 версты, как пламя валит из ноздрей коня, дым столбом к небу поднимается и как из глаз коня искры сыплются. Налетел богатырь на демона, храбро бьет он неприятеля, а конь вороной топчет его копытами. Не по силам пришлось злому воителю. Он обратился в бегство и уехал. Незнайка поворотил коня; только его и видели. Царь закричал: «Держи, имай!», как уж и след простыл, и видно вдалеке, как от лошади дым валит, точно облако. Приехал Незнайка к своей конюшне, сыпнул коню пшеницы, а сам побежал в дворцовую царскую избушку. Возвратились царедворцы домой и говорят, чей такой был на войне красавец; кабы завтра приехал он и спас среднюю царевну, это бы диво было. Вечером сделал царь пир для старшей дочери. На пиру все веселились.

Незнайка бросился на врага
(рис. Л. Альбрехта)

Призвали сюда для потехи Незнайку. Он ел пряники и конфекты и сбивал всех с толку своим «не знаю». Елена Прекрасная плакала в своей хижине. На другой день царь опять пошел на неприятеля за среднюю дочь. Все из дворца отправились на войну. Елена Прекрасная звала мужа, но получила отказ, и ушла одна. Между тем Незнайка пошел к коню, выпил два ведра вина, коню дал столько же. Зашел к коню в правое и вышел в левое ухо, и сделался красавцем, что ни в сказке сказать, ни пером описать, и отправился на неприятеля. Когда он ехал, войска за 6 верст увидели, как пламя валит из ноздрей конских, дым столбом к небу поднимается и как из глаз коня искры сыплются. Налетел богатырь на демона; храбро бьет он неприятеля, конь вдвойне бьет его копытами. Не по силам пришлось злому воителю: он бросился в бегство и ушел. Незнайка повернул коня; только его и видели. Царь закричал: «Держи, имай!», а его уж и след простыл, только видно было вдали, как дым от конских ушей валит, точно облако.

Приехал Незнайка к своей конюшне, оставил коня и побежал в свою дворцовую избушку прежним чучелом. Пришли царедворцы домой и говорят: «Чей это такой был богатырь? Вот уж двух царевен спас!» На вечерний пир для увеселения гостей позвали и Незнайку. Он подбирал пряники и конфекты и сбивал с толку всех своим «не знаю». На третий день пошел на неприятеля уже за третью дочь, Елену Прекрасную. Все из дворца отправились на войну. Видя, что из дворца все ушли, Незнайка снял нежные платья и пошел к лошади.



Нечистый дух
(рис. Л. Альбрехта)

Дал ей три ведра вина, сам выпил столько же и, по-прежнему войдя в одно ухо и выйдя из другого, сделался могучим и красивым богатырем. Когда он ехал, войска увидели его за 9 верст. Налетел богатырь прямо на демона. В три раза у него храбрости прибыло, а конь топтал своими копытами. Вдруг богатырь промахнулся и получил хорошую оплеушину; из раны у него кровь ручьем потекла. Елена Прекрасная подала ему единственный головной платочек. Он перевязал рану и с ожесточением бросился на врага. Он с такой силой бросился на противника, что от удара его захрустели кости. Кости и брызги крови полетели по всему свету. Незнайка повернул коня, и только его и видели. Царевна закричала: «Держи, имай!», а его уж и след простыл, только и видно вдали, как от лошади дым столбом валит, точно облако. Приехал Незнайка к своей конюшне, оставил здесь коня и побежал в дворцовую царскую избушку прежним чучелом. Возвращаются царедворцы и по-прежнему хвалят богатыря. Елена-царевна не плачет, не радуется. Чудовище лежит в углу и твердит «не знаю». Он из прежнего платья оставил окровавленный платочек жены своей и часть козырька богатырской фуражки. Елена-царевна заметила это.

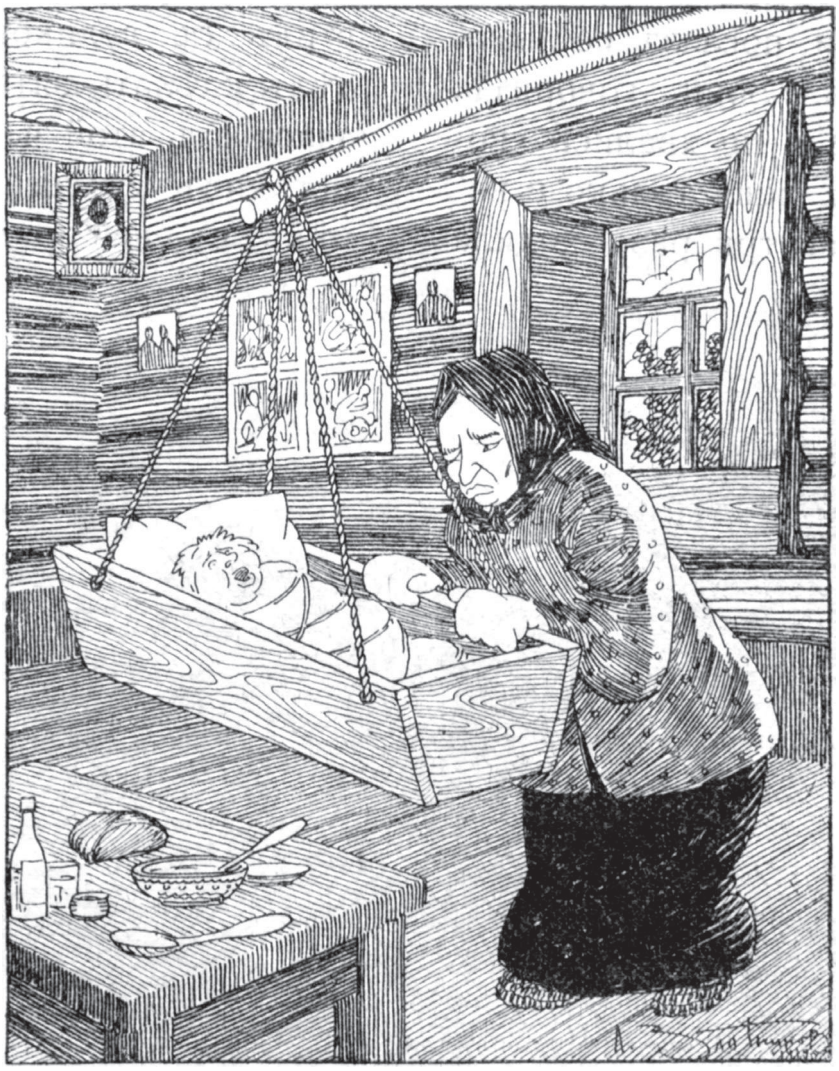
Незнайка со своей супругой возвращается на родину
(рис. Л. Альбрехта)

Когда она потащила свой платок, Незнайка вдруг встряхнул, нежные платья с него спали, и он сделался тем же самым богатырем, который бился за жизнь трех царевен. При его превращении из чучела в богатыря и сама хата сделалась невиданным дворцом. В нем явилась золотая мебель, цветы и зеркала, царевна одета в бархат, осыпанный бриллиантами. Она от испуга упала в обморок. Муж потом привел ее в чувство и послал ее звать отца и мать на пир. «Зови, — говорит, — в гости со слезами и не хвались своим счастьем, иначе меня только и видишь». Елена-царевна три раза ходила звать своих родителей и каждый раз получала один ответ: «Чем ты будешь угощать нас? Ведь у тебя нет ничего. Иди, любуйся своим Незнайкой». Наконец богатырь в гневе сам зашел к тестю и теще, связал их волосами вместе и привел их в свои комнаты. Те от удивления и страха готовы были сквозь землю провалиться.

Зять рассказал гостям историю своей жизни, пречудно принял их и отпустил с великой радостью. Царь хотел сделать зятя царем, но он отказался от этой чести. Взял он жену, посадил ее на своего верного коня, сел с ней рядом и отправился к своим родителям. Царь дал за дочерью половину своего царства и имущества и отправил вслед за тем на девяти жеребцах. Молодые съехали в деревню к родителям и нашли их в преклонной старости. Все они стали вместе жить да быть, добра наживать, и теперь живут.

Последствия родительского проклятия
(Рассказ крест. Ивана Васил. Карасева)

Лет двадцать тому назад у нас в селе Кошелеве в одной семье крестьянина одна из снох была сердитая-пресердитая, а тут еще на грех ребятишки каждый год родились у ней. Да и доставалось им, бедным: клянет, бывало, на чем свет стоит. Но, знать, Господь терпел до поры до времени. Вот родилась у ней шестая девочка, да такая, бог с ней, крикливая, что хоть бежи из дома.



Авдотья качает Акульку
(рис. Л. Злотникова из собрания А. Е. Бурцева)

Раз качает Авдотья девочку (Акулькой звали), а та кричит, а та кричит. «Да будь ты проклята. Чтобы тебя черти взяли», — сказала этак, качнула люльку, а сама вышла из избы. Немного погодя приходит — люлька качается, а девочка смирно лежит, уставилась на нее, молчит. «Давно бы тебя так, проклятую, угомонило», — сказала она в сердцах. На другой день девочка была покойна. Удивляется мать, а все-таки рада, что ее Акулька перестала беспокоить. Прошел год — пора бы ходить, а Акулька лежит, как колода, молчит и не двигает ни руками, ни ногами. Да так до семнадцати лет пролежала.

Разве вы не видите, что это осиновое полено лежит?
(рис. Л. Злотникова из собрания А. Е. Бурцева)

И чего ни делали: и к знахарям возили, и молебны служили — не помогает. Плачет Авдотья: видит, что ее грех, она прокляла дочь, да уж не воротишь.

Вот как-то раз зимой заехал к ним переночевать человек, такой из себя рыжий, видно сразу, что дошлый человек. Вошел это он, а Акулина лежит на лавке. «Это, — говорит, — что такое?» — «Да вот девушка, — говорят, — немощная, семнадцать лет ей, а она как лежала, бывало, в люльке, так и теперь лежит». — «Какая это, — говорит, — девушка? Разве вы не видите, что это осиновое полено лежит?» Как сказал он это, ажно мурашки на спине пошли. Они и ну его просить — видят, что не простой человек: «Помоги, добрая душа, век будем помнить». — «Хорошо, — говорит, — истопите баню». А баня-то была на огороде. Истопили. Велел он перенести Акульку в баню, а сам остался с ней. Стали уж беспокоиться: не случилось бы чего. А он строго-настрого заказал, чтобы не подглядывали, а то никакой помощи не будет. Наконец пришел и говорит: «Ступайте, возьмите теперь уж не полено, а настоящую девку». Пошли, принесли в избу. Девка кубыть (как будто) веселей стала: все поглядывает на этого молодца и усмехается. На другой день девка сама встала, переступать начала. Да какая еще девка вышла. Потом ее выдали замуж.

Рассказ крестьянина Ивана Васильева Калашникова

Это было, когда мы стояли в крепостной зависимости у помещика Львова. Жил у нас крестьянин Иван Жданов, было у него два сына, жили хорошо: семь пар быков было, лошадей 15, коров 5, а на гумне до десяти лет стояли одонья[1] хлеба немолочен, малина — не житье. Одно только было нехорошо: любил Иван выпить, а во хмелю, бывало, начнет ругать и колотить кого попало. Разгонит всю семью (а в семье 15 душ было) по соседям, да и им не дает покою. Терпели, терпели, да и надумали пожаловаться бурмистру. А тогда на этот счет строго было.

Пошел к бурмистру старший сын Михайло и рассказал ему, что житья нет от пьяного отца. Призывает бурмистр Ивана: ты, говорит, такой-сякой, <кончай> буянить. Я тебе, говорит, покажу кузькину мать. Да и запятил[2] Ивана к барским овцам пастухом. Живет наш Иван неделю, живет другую, почесываться стал: одолели вши. А тут, к его несчастью, пошли дожди да холода. И вот раз как, промокший до ниточки, пришел он в людскую погреться. Мужики трунят над ним: «Аль, — говорят, — не сладко за чужими за овцами ходить? Небось об Маланье соскучился? Небось приласкал бы?» (А к нему из домашних никого не допускали.) Полез Иван на печь, да и скажи

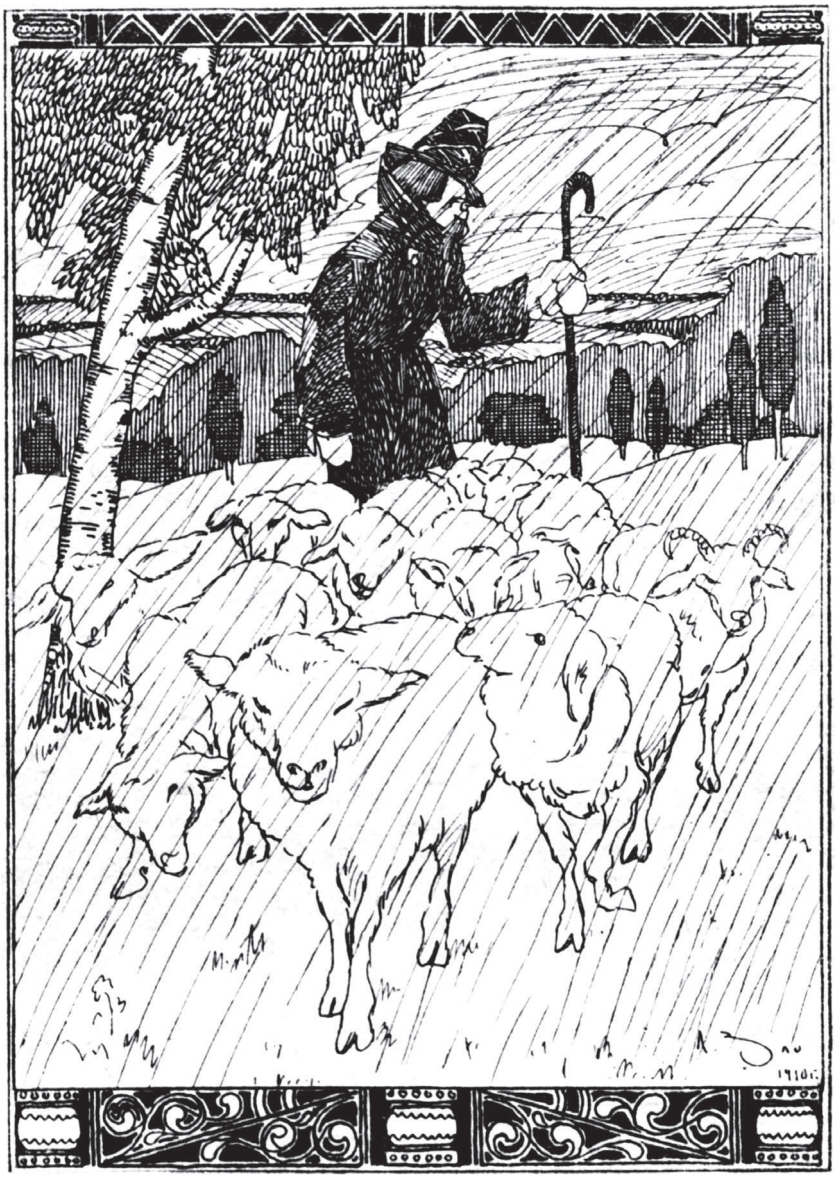
---

[1] *Одонье* — круглая кладь хлеба в снопах (*примеч. ред.*).

[2] *Запятить* — здесь: засунуть (*примеч. ред.*).

Иван любил выпить
(рис. Л. Злотникова)

в сердцах-то: «Будь проклят тот, кто меня сюда посадил, чтобы ему век не видать малых детей». И что же? Ведь сбылось проклятие, вскоре старший сын Ивана Михайло сговорился с товарищами не ходить на барщину. Гонит бурмистр, а они к нему с кулаками. Схватил их, милых дружков, да и упекли в Сибирь. Так Михайло и умер, не видавши своих детей, а у него их было четверо.



Пастух
(рис. Л. Злотникова)

Так Михаил и умер, не видавши своих детей
(рис. Л. Злотникова)

Рассказ крестьянина Василия Ланкина

Я жил в работниках в селе Романовке Балашовского уезда у крестьянина Королева. Как раз на третий день Масленицы сноха хозяина Марья уговорила мужа ехать к родным в село Кошелево. Я поехал с ними за кучера. Дорогой грудной ребенок Марьи раскричался, и удержу ему нет, уж она и так и сяк —

А потом в чело печки головой пихала — не помогает
(рис. Л. Злотникова)

Вышли в дверь
(рис. Л. Злотникова)

не унимается да и только. Приехали. Я выпряг лошадей, вхожу в избу, а ребенок Марьин заливается на все голоса. И что ему ни делали — кричит и кричит. Призвали бабку, что от крику лечит. Взяла она его, пошептала, внесла во двор курам под насест, а потом в чело печки головой пихала — не помогает, еще пуще кричит. Взяла опять Марья ребенка тешить (качает его на руках, ходит по избе). Кое-как поужинали, легли спать. Марья положила ребенка в люльку, качает, а он-то ревет. Не вытерпела мать, да и скажи: «Чтобы тебя черти забрали, проклятого». После этого ребенок тише стал плакать, а потом и заснул.

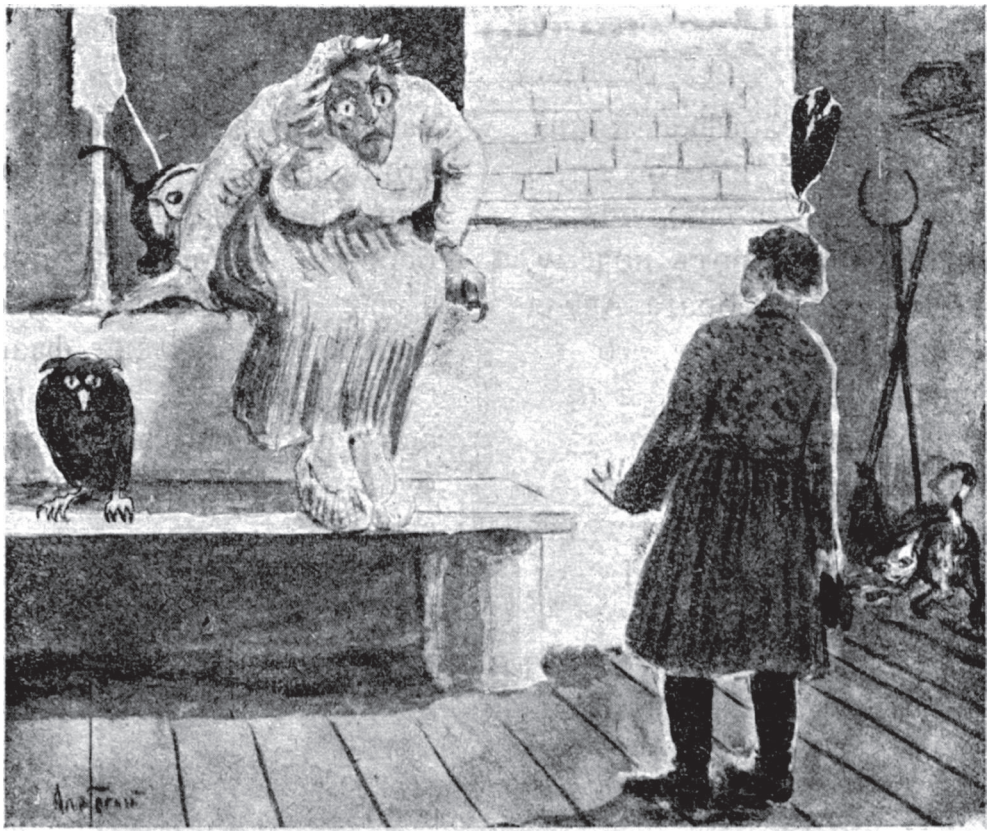
Не помню, долго ли я спал, только вдруг слышу голос Марьи: «Мамынька». Просыпаюсь, смотрю, Марья теребит мужа: ведь Аксютки-то нет. Я вскочил. Марья плачет. Все повскакивали, суетятся: кто на полати, кто под печку заглядывает. Вышли во двор, стали искать, и все молитву творим. Вошел это я в хлев, где лошади стояли, — Господи Иисусе, — в санях лежит ребенок, завернутый в пеленках, и только всхлипывает. Схватил я его, принес в избу. «Вот, — говорю, — Марья, ведь загубила бы ты ребенка». А она схватила ее и залилась горькими слезами. «Век, — говорит, — не буду, и другу и недругу закажу». Вот какое оно, проклятие-то.

Что видно на луне?

На луне видны два человека: Каин и Авель. Каин стоит, и его легко можно видеть во время полнолуния, а Авеля разобрать трудно, и вот почему. Когда Каин убил своего брата Авеля и в сердцах изрубил тело его в куски, Бог узнал об этом и проклял Каина. «Проклятие это, — сказал Господь, — будет лежать до тех пор на небе, пока ты из разрубленных частей Авеля соберешь тело».

И вот каждый месяц Каин трудится над этой задачей, но выполнить до сих пор не может: как только он соберется приложить последнюю часть тела, тотчас начинается «шпях» (ущерб — измерение фазы луны), и труд его пропадает, так как тело брата снова распадается на части. И так Каин будет трудиться попусту до Страшного Суда.

Что видно на луне
(рис. Л. Злотникова)



Иван-царевич и богатырь Аркадькович

В некотором царстве у царя и царицы был прекрасный сын Иван-царевич. Когда царевич пришел в возраст, родители женили его на одной прекрасной девушке. Был сделан пир по всему царству. Ценя свою красоту, молодая гуляла однажды по своим белокаменным палатам и сказала своим приближенным: «Я думаю, что красивее меня никого нет на свете!» Приближенные ответили ей: «Ты еще совсем не красавица, а как за морем у богатыря Аркадьковича младшая сестра — так вот уж совершенная красавица». Иван-царевич так же, как и его молодая, один раз хвалился перед народом своей силой: «Сильнее меня никого нет на свете». — «Ты еще совсем не силен; есть за морем богатырь Аркадькович; он такой сильный, что, если поздоровается с кем, у того рука посинеет».

Услыхав такие слова, Иван-царевич решился во что бы то ни стало посмотреть богатыря Аркадьковича и отправился на совет к бабушке-задворенке. «Скажи, бабушка, как бы мне увидеть богатыря Аркадьковича?» — «Не дело ты затеваешь, Иван-царевич; много людей ходило к Аркадьковичу, да мало

Молодая гуляла по своим белокаменным палатам
(рис. Л. Альбрехта)

«Я думаю, что красивее меня никого нет на свете»
(рис. В. Малышева)

Видит – стоит избушка на курьих ножках
(рис. В. Малышева)

оттуда возвращалось. Если желаешь к нему идти, то скуй из железа три пудовые калоши и три пудовых посоха и иди с богом. Больше не знаю сказать тебе ничего». Иван-царевич велел сковать калоши и посохи и отправился в путь, обув одни калоши и подпираясь посохом.

Долго-долго шел; уже первые калоши и посох износились. Видит: стоит избушка на курьих ножках, на веретенной пятке. Хочется войти в нее, а она все воротится крыльцом от него. «Избушка, избушка, — сказал он, — стань ко мне крыльцом, туда лицом, усталому на ночлег». Избушка повернулась к нему крыльцом, впустила его в избу. Когда Иван-царевич вошел в избу, видит: сидит огромная баба на печке и прядет; голова у ней, как бурак, титьки, как ведра, глаза, как солонки. На него свирепо баба взглянула и вскричала: «Фу-фу-фу, русский дух, слыхом не слыхано, видом не видано, а теперь пришел русский дух, человек Иван-царевич!» — «Не тронь меня, бабушка», — сказал Иван-царевич. Бабушка накормила и уложила спать. Поутру она спрашивает: «Далеко ли идешь, Иван-царевич?» Он сказал, что идет посмотреть богатыря Аркадьковича. «Не дело ты задумал, Иван-царевич; много людей шло туда, да мало возвращалось оттуда. Впрочем, если хочешь туда идти, то надень другие железные калоши и возьми другой посох».

«Скажи, бабушка, как бы мне увидать богатыря Аркадьковича»
(рис. В. Малышева)

Надел Иван-царевич другие калоши, взял другой посох и отправился в путь. Долго-долго он шел; калоши износились и посох издержался. Видит он перед собой избушку на курьих ножках, на веретенной пятке, и хочет он в нее войти, а она воротится от него. Он стал молить избушку: «Избушка, избушка, стань ко мне крыльцом, туда лицом, усталому на ночлег». Избушка повернула к нему крыльцо и впустила его в избу. Иван-царевич пошел в избу, видит: сидит огромная баба, голова у ней, как бурак, титьки, как ведра, глаза, как солонки. На него баба свирепо посмотрела и закричала: «Фу-фу-фу, русский дух; слыхом не слыхано, видом не видано, а теперь пришел русский человек Иван-царевич». — «Не тронь меня, бабушка», — сказал ей Иван-царевич. Баба накормила Ивана-царевича и уложила спать. Поутру она спрашивает его: «Далеко ли идешь, Иван-царевич?» Он отвечает, что идет посмотреть богатыря Аркадьковича. «Не дело ты задумал, Иван-царевич; много людей шли к нему, а мало воротились оттуда; впрочем, если хочешь идти к нему, то обуй третьи железные калоши и возьми третий посох. Когда издержишь их, то придешь к третьей сестре моей, старшей, живущей, подобно мне, по дороге, она остальное тебе накажет». Обул Иван-царевич третьи железные калоши, взял третий посох и отправился в путь.

Видит — сидит на печи огромная баба. Глаза, как солонка, титьки, как ведра (рис. В. Малышева)

Когда калоши износились и посох издержался, Иван-царевич увидел на пути избушку. Избушка повернулась к нему крыльцом, и он вошел в нее. Здесь жила третья сестра. Она накормила Ивана-царевича и уложила спать. Поутру после многих разговоров стала ему наказывать: «Когда издержишь третьи калоши и третий посох, тогда подойдешь ты к царству богатыря Аркадьковича. Не доходя до города 2 верст, ты увидишь, что вплоть до города земля утыкана кольями, и на каждом колу голова человека; ты устрашишься. Если решился идти, то не бойся, только вот что сделай. Первая тебе попадется голова богатырская. Ты поклонись ей три раза в землю, три в пояс, она тогда скажет тебе, что надо сделать дальше, а я дальше не знаю».

Дошел Иван-царевич, калоши и посох издержались. Показался и город богатыря Аркадьковича; весь он точно огнем горит; пространство вокруг города на две версты утыкано кольями с человеческими головами. Увидел Иван-царевич и огромную голову богатырскую. Испугался тогда Иван-царевич; поклонился он тогда богатырской голове трижды в землю, в пояс три раза. Богатырская голова учтиво ему в ответ поклонилась и сказала человеческим голосом: «Знаю я твою душу, Иван-царевич, и перечить не буду. Когда пойдешь ты в город Аркадьковича, увидишь о дороге конюшню. В этой конюшне есть две двери — одни хрустальные, другие железные. Ты сломай эти

Увидел Иван-царевич голову богатырскую
(рис. В. Малышева)

двери, увидишь в конюшне лошадь, она тебе все скажет, я же больше ничего не знаю».

Пошел Иван-царевич к самому городу. О дороге он видит конюшню с двойными дверями. Когда он выломал хрустальные двери, слышит, что внутри конюшни лошадь из всех сил ломит железные двери. Иван-царевич вошел в конюшню и увидал там чудную лошадь; на ней одна шерстинка была золотая, другая серебряная, а третью и оценить нельзя. «Долго не являлся ты, Иван-царевич. Я ждала тебя тридевять годов и насилу дождалась; теперь пусти меня погулять». — «Прежде чем отпущу тебя на волю, скажи мне, лошадка, как мне увидеть богатыря Аркадьковича». — «Иди, Иван-царевич, в белокаменные покои богатыря Аркадьковича, не бойся. Ты увидишь — там качают в люльке мать богатыря Настасью Арковну. Встань на колени перед ней и проси у нее прощения в отпуске меня на волю и проси вот так: прости меня, Настасья Арковна! Долго она будет спрашивать, за что простить. Ты одно это и тверди, а про вину не говори, пока она не простит; иначе она тебя велит казнить».

Пошел Иван-царевич в дом богатыря Аркадьковича. Аркадькович в это время воевал с врагом, Копылом Неписанным. Встал царевич в высокую

Иван-царевич падает на колени и слезно просит (рис. Л. Альбрехта)

комнату, прошел хрустальные двери и вступил в прелестные комнаты богатырские. В углу комнаты была повешена огромная люлька, в которой качалась мать Аркадьковича. Иван-царевич, немного думая, падает на колени и слезно просит прощения у матери богатыря. Она предлагает ему разные вопросы: «Кто ты? Откуда ты? Какая вина твоя?» Иван-царевич в ответ твердит только «Прости меня, Настасья Арковна» до тех пор, пока она, выйдя из терпения, не простила его и не усыновила. Иван-царевич объявил ей свою вину. Настасья Арковна отвечает: «Если бы я знала, что ты отпустишь на волю лошадь, зараз бы велела тебя повесить, теперь уж поздно. Вечером придет сын мой Аркадькович, выйдут встречать его все придворные со всеми музыкантами, и ты, Иван-царевич, иди с ними. Он будет с тобою здороваться, пожмет твою руку; рука твоя посинеет от боли. Он предложит тебе выпить два ведра вина и сам выпьет столько же. Тебе двух ведер не выпить; выпусти через отверстие вино на дно посудины, оставь столько, сколько тебе требуется».

Аркадькович поздоровался с Иваном-царевичем
(рис. Л. Альбрехта)

Наступил вечер, прибыл с войны богатырь Аркадькович. Как сказала Настасья Арковна, так и сбылось. Придворные встретили богатыря со всеми музыкантами. Аркадькович поздоровался с Иваном-царевичем, у него рука посинела; выпил богатырь два ведра вина и предложил то же сделать Ивану-царевичу. Иван-царевич сделал так, как научила его Настасья Арковна. Богатырь Аркадькович, называя братом Ивана-царевича, говорит: «Нам обоим завтра надо идти против Копыла Неписанного. Если удастся победить его, то навсегда кончим с ним войну; если не удастся, то каждый день нужно воевать еще. Вот тебе, братец, девять ключей от моих кладовых. Осмотри шесть кладовых, а в три остальные не заглядывай». Иван-царевич осмотрел шесть кладовых и видел в них все произведения ума человеческого. Не утерпел царевич, посмотрел и в остальные кладовые. В первых двух видел двух старших сестер, вышивающих золотом ковры; каждая из них при его приходе проворно вскакивала со своего места и подносила ему жаркую оплеушину. Он запирал кладовые и отправлялся к последней. Лишь только отворил дверь, как был сильно поражен красотой девицы. Она быстро вскакивает из-за своего рукоделья и хочет ударить царевича по щеке, но он упрашивает ее, обещаясь взять за себя замуж. Замыкает он и эту красавицу по-старому.

Лишь только отворил дверь, как был поражен красотою девицы (рис. В. Малышева)

Чтобы победить Копыла Неписанного, Иван-царевич пошел к своей лошади и стал ее умолять: «Сделай ты меня, лошадушка, сильным завтра; мне нужно идти на войну против Копыла Неписанного». Конь велел Ивану-царевичу зайти в правое ухо и выйти из левого. Царевич вошел в правое ухо и вышел из левого и сделался таким могучим и красивым богатырем, что ни в сказке сказать, ни пером описать.

На другой день, отправляясь на войну, Аркадькович выпил два ведра вина, а Иван-царевич выпил уж три. Прибыли на место сражения. Является Копыл Неписанный. Завязалась ужасная драка. Копыл нанес Аркадьковичу смертельную рану в сердце, отчего он и умер. Долго плакал Иван-царевич по своем названом брате и решился погубить самого Копыла. С поля сражения он отправляется на своем любимом коне и догоняет неприятеля. Ехал, ехал и доехал до отверстия в земле, которое ведет в подземелье Копылова царства.

Пришел он в Копылово царство, забрался и во дворец. Только успел войти в комнаты, дочь Копылова Настасья Копыловна (украшенная) хватает меч и хочет его убить. Иван-царевич уговорил ее не убивать его, а обещал взять ее за себя замуж. Копыловна смиряется перед царевичем и говорит ему: «Теперь

Копыловна говорит ему: «Ты возьми этот меч»
(рис. Л. Альбрехта)

батюшка мой Копыл Неписанный крепко спит; ты возьми этот меч, и если можешь без повторений отрубить ему три головы, то руби. Убить ты не убьешь его, а только наведешь на него вечный сон. Он будет кричать тебе: ударь и второй раз; ты не ударяй, иначе он оживет и убьет меня и тебя». Иван-царевич так и сделал; разом отнял Копылу три головы. Он стал молить царевича ударить вторично, но получил ответ: в нашей вере раз ударяют. Иван-царевич взял Настасью Копыловну и поднялся с нею на землю из отверстия. Он сел на своего доброго коня, стоявшего у отверстия, посадил Копыловну и поехал к трупу брата Аркадьковича. Чтоб оживить брата, Копыловна посоветовала Ивану-царевичу убить свою лошадь, внутренности выкинуть, а самому скрыться в лошадиную шкуру. Иван-царевич так и сделал. Прилетели вороны и стали клевать лошадиные внутренности. Схватил царевич одного вороненка, на выручку прилетела мать его и стала упрашивать Ивана-царевича отпустить сына на волю. Царевич сказал, что не отпустит на волю, пока она не достанет

из моря мертвой, живой и красивой воды. Ворона говорила, что не достать ей воды, потому что стерегут ее птицы с железными носами; напоследок улетела. Через девять дней ворона принесла в привязанных корзинках троякую воду, а украла ее в то время, когда они дремали.

Иван-царевич раздернул вороненка за ноги, спрыснул его, он сошелся вместе; окропил живой и красивой водой, он встрепенулся и полетел. То же сделал Иван-царевич с конем и братом Аркадьковичем. Они ожили и сделались такими же, какими были прежде. Аркадькович вскочил на ноги и вскричал: «Ах, как я долго спал. Ко мне ходят 40 наложниц разными животными, и твоя, брат, жена ходит ко мне сорокой. Желаешь ли, я всех их отпущу, а сороку удержу? Ты брось в нее палкой; поврежденную часть там после у нее увидим». Иван-царевич согласился. По свисту Аркадьковича мгновенно явились к нему 40 разных животных. Он отпустил всех, кроме сороки. Иван-царевич бросил в нее палкой и повредил ногу. Она с криком улетела. Аркадькович стал просить Ивана-царевича Настасью Копыловну за себя замуж, а взамен ее обещал отдать ему меньшую сестру свою. Настасья Копыловна после долгого

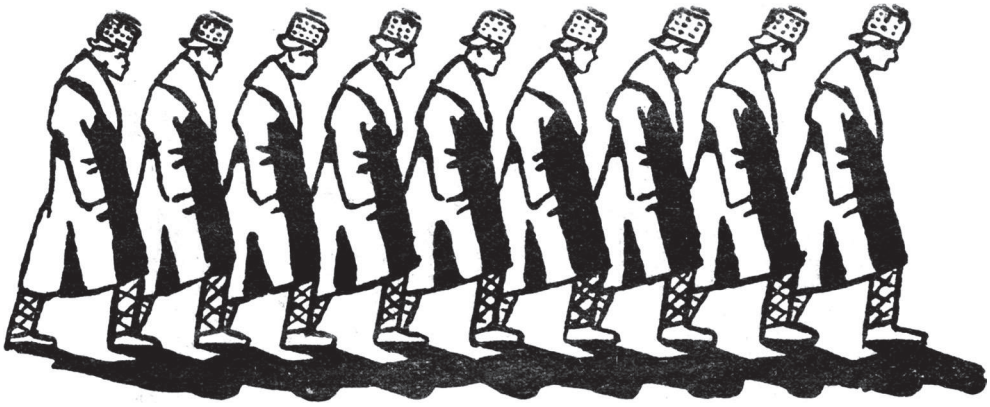
Иван-царевич взял Настасью Копыловну, и поехали
(рис. В. Малышева)

упорства неохотно согласилась отстать от Ивана-царевича и выйти замуж за Аркадьковича. Иван-царевич женился на меньшой сестре Аркадьковича, на красавице из красавиц, получил в приданое полцарства и пол-имущества и отправился домой с молодой женой. Навстречу ему выходит прежняя жена и клюкой подпирается. Увидав ее, Иван-царевич ясно понял вину ее и тотчас велел слугам прогнать ее вон со двора, сам же стал жить да быть, добра наживать, лиха избегать со своею красавицей женой.

Девушка, отыскивающая братьев

Где-то когда-то жил-был мужик с женой. У них было девять сыновей и ни одной дочери. За это сыновья сердились, и когда мать опять сделалась беременна, они удалились из дому, думая, что она и теперь родит сына; скрылись в дремучий лес и состроили себе избушку. Через несколько времени один из них отправился в родительский дом, чтобы узнать, как там живут и кто родился: брат или сестра. Однако он вскоре возвратился, потому что мать еще не родила, и приказал ей: «Поставь прялку на ворота, если родишь дочь; а если сына родишь, так поставь топорище. Когда я на воротах увижу топорище, я даже не взойду в избу; а когда увижу прялку, так я взойду и возьму с собой отца, мать, сестру и всех других».

В эту же ночь жена родила дочь и на ворота выставила прялку, а Баба-Яга вместо прялки положила на ворота топорище. Братья между тем послали одного из них узнать, что на воротах. Он очень жалел, когда увидел топорище, и не взошел в избу, а воротился к братьям и рассказал им все. С тех пор родители



Мать благословила ее, на дорогу дала лепешку, испеченную из ее слез (рис. В. Ткаченко)

сыновей и видом не видали и слыхом не слыхали. Когда дочь сделалась взрослой, мать рассказала ей, каким образом через обман Бабы-Яги пропали ее девять братьев. Девушка горевала о них, стала плакать день и ночь. Мать всячески старалась успокоить ее, а она все-таки не переставала плакать и быть грустной. Когда уж ничто не помогало, мать накапала слезы дочери в сосуд (чашу), сделала из них и муки лепешку и сказала: «Не плачь, дитя мое, если бы ты только достала себе верного спутника, тогда ты могла бы идти искать своих братьев». А у девушки была собака, которая очень любила ее и всегда ходила с ней. Она решилась взять эту собаку и не желала другого спутника. Мать благословила ее на дорогу, дала лепешку, испеченную из ее слез, и приказала катить ее перед собой, так она будет показывать дорогу.

Девушка пустилась в путь вместе с собакой, покатила лепешку и говорила, приводя ее в движение:

Баба-Яга сказала девушке: «Пойдем, голубушка, купаться»
(рис. В. Ткаченко)

Катись, моя лепешечка,
К девяти моим братьям,
К сыновьям одной матери.

Шла она за лепешкой и вскоре встретилась с Бабой-Ягой, которая присоединилась к ней. Через короткое время им стало жарко ходить, потому что это было в самое жаркое время лета. Подле них было озеро, и Баба-Яга сказала девушке: «Пойдем, голубка, купаться, а то слишком жарко становится». Девушка хотела было согласиться, но собака помешала ей и сказала: «Не ходи, Баба-Яга тебя обманет». Она послушалась собаки, которую Баба-Яга из злости толкнула ногой так, что у ней одна нога переломилась. Девушка пожалела о своей собаке, но не смела сказать ни слова Бабе-Яге, потому что сама боялась ее; и опять покатила лепешку.

Девушка и Баба-Яга опять пошли за лепешкою; собака не отставала от них и все шла за ними. Баба-Яга снова просила искупаться, а собака опять сказала: «Не ходи, Баба-Яга тебя обманет». Девушка послушалась собаки, а Яга

опять переломила ногу у собаки. Когда собака в третий раз помешала Яге в ее намерении, она переломила у ней третью ногу; а в четвертый раз до того рассердилась, что убила ее. Вдвоем они теперь отправились дальше и скоро опять пришли к озеру. Яга снова стала уговаривать девушку искупаться, и она согласилась, потому что ей стало уж слишком жарко, и никого не было, кто бы мог помешать ей. Купаясь, Баба-Яга сказала девушке: «Брызни мне в лицо воды, а я брызну тебе». Девушка сперва не хотела, а Яга все просила ее брызгать, покуда та не согласилась. Тогда Яга брызнула ей воды в лицо и сказала: «Твое лицо мне, мое тебе». А девушка была очень хороша собой, а Баба-Яга — ужас как дурна. Оттого девушка тотчас стала безобразной, а Яга прекрасной. Она взяла также у девушки ум и голос, чтоб никто не узнал обмана, и потом они опять продолжали путь.

Лепешка опять катилась, катилась и наконец остановилась у избы братьев. Баба-Яга спрятала лепешку у себя и взошла с девушкой в избу. Братья стали спрашивать, откуда они пришли. Девушка хотела рассказать им все, но не могла, потому что голоса у ней не было. Баба-Яга вместо того отвечала: «Здравствуйте, братья мои! Я ваша сестра, десятое дитя нашей матери; вы меня совсем не знаете». Братья удивились и спросили, почему в таком случае было выставлено топорище. Яга объяснила, что неприятели выставили его и что она решилась искать братьев, когда узнала от матери, что они по случаю этого обмана расстались навеки с родительским домом, и что она с помощью лепешки попала к ним.

Братья поверили ей и стали почитать ее сестрой. Потом спросили, зачем она привезла с собой дурную девушку.

«Она хоть в пастушки годится», — отвечала Яга, и больше об ней не говорили. Девушка жалела о том, что не могла объясниться с братьями; но что сделать, когда у нее голоса и ума не было. Она должна была молчать и слушать, как врала Баба-Яга. Яга стала хозяйничать у братьев, как в своем доме, а девушка принуждена была проводить дни в лесах пастушкой и заниматься всякими трудными работами. Рано поутру Яга провожала ее до изгороди и давала ей голос и ум, чтоб она могла смотреть за стадами, а по вечерам она там же встречала ее и отнимала. Таким образом долго жила девушка в доме своих братьев, и Яга всячески мучила ее. Когда она, например, пекла девушке лепешки, она всегда клала камень внутри и только немного теста кругом, и потом отсылала ее в лес. Тем лучше жила сама Баба-Яга. Братья не отказывали ей ни в чем, потому что она была хороша собой. Напротив, пастушку они не могли бы терпеть в своем доме, если бы Баба-Яга не удерживала ее. По ночам она всегда была нема, а в лесу умна по-прежнему. Там она сетовала на свою судьбу и грустно пела о своем несчастье.

Братья часто слышали ее пение и удивлялись, что она в лесу всегда поет, а дома никогда ни слова не говорит; но ее неприятная наружность была причиной того, что они не заботились узнать, отчего это. Но в один прекрасный и тихий вечер пение ее так понравилось младшему брату, который в то время

Все братья собрались и придумывают, каким бы образом возвратить сестре прежнее лицо (рис. В. Ткаченко)

работал в лесу, что ему захотелось непременно увидеть девушку, которая так славно пела.

Он оставил работу, приблизился к ней и спросил: «Зачем ты, душечка, всегда поешь только тогда, когда ходишь по лесам, а дома ничего не говоришь?» Тут девушка рассказала ему, что она, собственно, его сестра и что Баба-Яга только обманывала братьев, а ее мучила. Брат тотчас признал ее своей сестрой, поцеловал ее нежно, несмотря на то, что она была дурна собой, и сбегал за другими братьями. Вскоре они все собрались туда, и девушка снова рассказал им свое несчастье. Они стали придумывать, каким бы образом возвратить сестре прежнее лицо и воспрепятствовать Бабе-Яге опять отнять у нее ум и голос. Наконец согласились, чтоб сестра возвратилась бы домой уж днем, закрыла бы глаза и сказала, что они болят, и чтоб братья спешили бы к ней на помощь и поймали Бабу-Ягу.

Девушка сделала, как условились: раньше пошла домой, так что Яга не встретила ее, и таким образом взошла в избу. Яга тотчас сердито спросила, зачем она так рано возвратилась. «Не могу ходить по лесам, глаза болят», —

отвечала девушка и громко зарыдала. В то же мгновение братья взошли в избу, пожалели о бедствии девушки и сказали: «Плюнь, сестрица, ей в глаза, чтобы они выздоровели и она могла работать». Баба-Яга не могла показать свой гнев перед ними и плюнула девушке в глаза. А та не зевала и в ту же минуту сказала: «Твое лицо тебе, мое мне». И тотчас стала хорошей и прекрасной, как и прежде, а Баба-Яга сделалась дурной и отвратительной, какой она, собственно, и была.

Теперь решились наказать Бабу-Ягу. Истопили баню, под полом выкопали яму, наполнили ее горячей смолой и закрыли досками, которые скрывали огонь, а пол бани и дорогу в нее обложили черным сукном. Двое из братьев пошли за Бабой-Ягой, чтобы проводить ее в баню. Она сперва не хотела идти за ними, а наконец согласилась; они взяли ее под руки и повели по сукну. Когда они пришли к дверям, Баба-Яга не хотела идти по полу и сказала: «Отсюда я прыгну на полок», — но братья приказали ей идти по доскам, на что она наконец согласилась. Как скоро она только пошла по полу, доски попадали, и Баба-Яга упала в горячую яму. Братья тотчас затворили дверь, и баня сгорела, а Баба-Яга, умирая, кричала из ямы: «Пусть будет вместо меня из моих глаз саранча; из ушей вороны и из волос сороки, и пусть они клюют людей и едят их припасы».

Девица, выходящая из волн

Жили-были старик со старухой. У них были сын и дочь; оба прехорошенькие. Мальчик нанялся у царя в пастухи, а сестра осталась у стариков родителей. Скоро мальчик стал скучать о своих и только и думал, что о родине. Однажды он нарисовал на древесной губке лицо сестры и привез ее (губку) во дворец. Царевич увидел рисунок, и прекрасная девица тотчас понравилась ему. Он и говорит мальчику: «Привези сюда твою сестру! Если она в самом деле так хороша собой, я женюсь на ней, а ты будешь первым после меня». Мальчик отправился домой и стал уговаривать сестру идти с ним во дворец и выйти замуж за царевича. Но девица под разными предлогами не хотела согласиться на его предложение. Однако брат устранил это препятствие так, что она наконец оделась в лучшие свои платья и пустилась с ним в путь.

Дорога во дворец шла водой. Когда они сели в лодку, вскочила туда же и собака этой девицы. Отправились. Через несколько времени Баба-Яга, которая шла вдоль берега, и кричит им: «Дети, возьмите и меня с собой!» Мальчик хотел было взять ее в лодку, но сестра запретила, и он послушался. Недалеко оттуда Баба-Яга опять явилась на берегу и просила снова, чтоб взяли ее в лодку. Несмотря на предостережение девицы, мальчик, однако ж, позволил Бабе-Яге сесть в лодку. А как только она взошла в лодку, так обоих и сделала глухими. Вскоре увидали они вдали царский дворец; мальчик и говорит сестре: «Сядь, сестрица, выше! Вон где дворец!» Девица не могла расслышать и спросила,

Царевич увидал рисунок его сестры
(рис. В. Ткаченко)

что он сказал. Баба-Яга отвечала ей: «Он приказал тебе перестать грести и прыгнуть в воду». Девушка хоть не послушалась, но перестала грести, и Баба-Яга села на ее место.

Через несколько времени брат повторил сестре свое приказание, а она все не слышит, что он говорит. Тогда Баба-Яга объяснила ей, что он приказал ей раздеться и прыгнуть в воду. Девушка разделась, но в воду еще не прыгнула. В третий раз приказывает ей брат сесть выше, потому что они были недалеко от дворца. Тогда Яга сказала ей: «Брат приказывает тебе выколоть себе глаза, переломить руки и прыгнуть в море». — «Ведь мне до́лжно послушаться брата», — подумала девушка и прыгнула в воду. Мальчик хотел было тотчас ухватить ее, но Яга помешала ему: «Не беспокойся, — говорит, — я ведь на нее похожа». Она стала грести; девушка осталась за ними и утонула.

Мальчик не смел явиться во дворец без невесты и потому хотел было уже возвратиться домой, но лукавая Баба-Яга сказала ему: «Вези меня во дворец

Девушка прыгнула в воду
(рис. В. Ткаченко)

и скажи, что я твоя сестра, а я награжу тебя за это». Он согласился, потому что не знал, как выбраться из столь затруднительного положения. Баба-Яга оделась в прекрасные платья девушки, и они продолжали свой путь. Скоро они приехали ко дворцу. Царевич вышел к ним навстречу и, когда увидел безобразную Ягу, спросил мальчика: «Это ли твоя сестра?» — «Эта», — отвечал мальчик. Царевич взял Ягу себе в невесты, потому что не хотел изменить своему слову, хотя привезенная девушка оказалась далеко не так красивой, как он думал. А на мальчика он все-таки рассердился и приказал бросить его в яму, полную змей. Приказание царевича было исполнено; но на следующее утро мальчик был найден невредимым. Доложили об этом царевичу: «Удивительно, в самом деле, царевич, прежде змеи в одну ночь съедали человека, а этого старший змей только облизывает». — «Оставьте его, авось завтра съедят», — отвечал царевич и приказал доложить себе о мальчике на следующее утро.

Между тем действительная сестра мальчика находилась на глубине моря, и ее там назначили в невесты сыну водяного царя. Жилось ей там очень хорошо, потому что там находились всякого рода богатства; но она боялась за своего брата, полагая, что царевич накажет его за обман Бабы-Яги. Поэтому она

Мальчика приказал бросить в яму, полную змей
(рис. В. Ткаченко)

начала вышивать золотом и серебром платок и просила, чтоб ей позволили снести его в подарок царевичу, — этим она надеялась избавить брата от змей. Ее отпустили, но заковали в серебряные цепи, чтоб она не могла убежать. А собака целый день бегала по дворцу, хозяйки своей не нашла и не знала, к кому привязаться; вечером она побежала на берег, где была лодка мальчика, и легла в нее спать. Недалеко оттуда находился дом одной вдовы, и от него до берега шел каменный мост. Ночью утопленная девица в цепях вышла из волн и села на этот мост. Она была красива так же, как и прежде, и великолепно одета. Когда она заметила свою собаку, она позвала ее к себе и приказала ей сходить во дворец, но так тихо и осторожно, чтоб никто не слыхал, и положить платок под изголовье царевича для того, чтоб он избавил брата ее от змей. Собака удачно исполнила поручение и потом опять возвратилась к хозяйке на берег. Тогда девушка спросила ее, где ее брат и как живут во дворце? Собака отвечала, что мальчик в яме среди змей, а Баба-Яга лежит возле царевича. Тогда девушка просила собаку являться на берег еще две ночи, и потом она опять исчезла в воду.

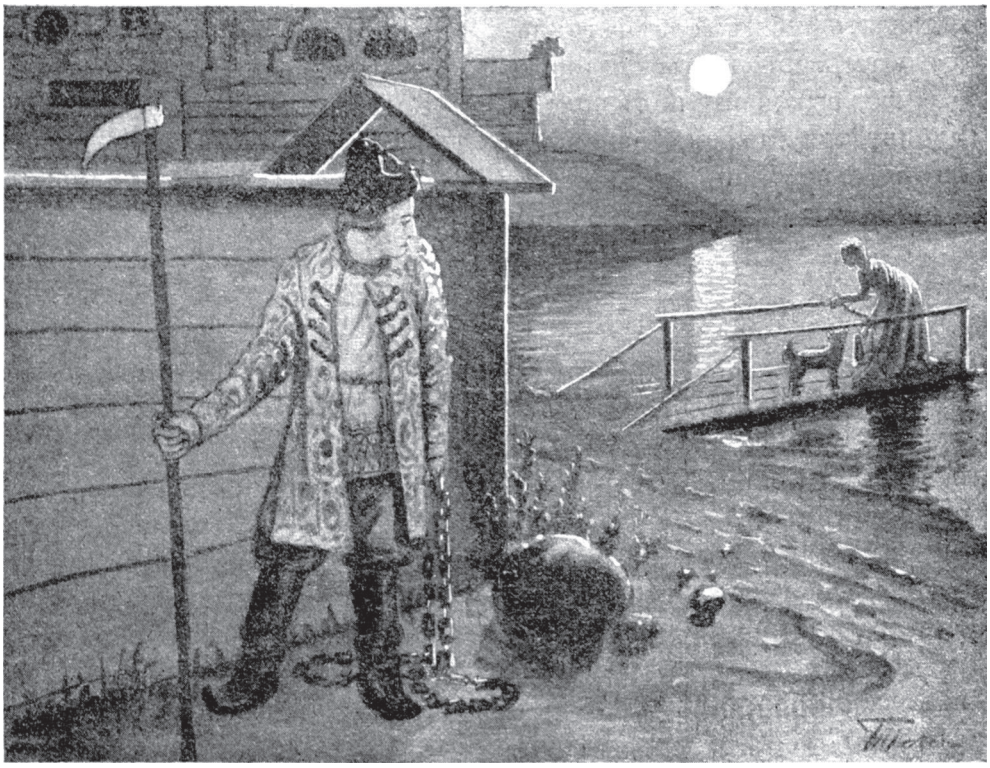
Утром царевич проснулся и нашел платок. Он никак не мог догадаться, откуда платок явился. Баба-Яга солгала ему, что она вышивала платок в то время, когда он спал, однако царевич не поверил ей и подумал про себя: «Нет, не ты его вышивала; такого (платка) в одну ночь не вышьешь». Спросили у дворцовых сторожей, не входил ли кто-нибудь ночью во дворец? Однако ничего не узнали, и никто не присвоил себе платка. Дело так и осталось невыясненным. Царевич вспомнил о мальчике между змеями и приказал слугам собрать его кости, если змеи уже съели его. Слуги отправились, но вскоре возвратились и доложили царевичу, что мальчик все еще жив. Царевич опять удивился, отправился ко вдове и спрашивает: «Отчего змеи в две ночи не съедают человека, которого я велел бросить им в яму; прежде они съедали человека в одну ночь?» — «А за что ты велел бросить его в яму?» — спросила вдова. Царевич рассказал ей, что он нанимал себе в пастухи красивого мальчика, который сказал ему, что сестра его еще красивее, и что ему тогда захотелось жениться на ней, что мальчик привез сестру, но что она была безобразна, и поэтому он захотел наказать обманщика и велел бросить его в яму к змеям. «Ведь это не его сестра, — возразила вдова, — его сестра в воде, откуда она прислала тебе платок, чтоб только ты избавил мальчика. Твоя невеста не кто иная, как Баба-Яга». Когда царевич узнал это, он отправился домой и весь день обдумывал об открывшемся преступлении Яги и о том, что ему теперь следует делать; за этими размышлениями его застала ночь.

Между тем девушка опять получила позволение отправиться на землю и снести в подарок царевичу вышитую ею золотом и серебром рубаху. Ее опять заковали в серебряные цепи, и она снова вышла возле моста, села на него и приказала своей собаке снести рубаху во дворец и положить ее под изголовье царевича, но при этом наказала, чтоб сделано было все это как можно осторожнее, чтоб никто ничего и не слыхал. Собака в точности исполнила

поручение девушки. Утром царевич нашел рубаху и спросил, кто положил ее ему под изголовье. «Милостивый царевич, — отвечала тогда Баба-Яга, — я сама сплю, но руки мои не спят, они все шьют и вышивают, в то время как ты отдыхаешь». Тут явились слуги и говорят: «Царевич! Мальчик в яме не умрет: старший змей все только облизывает его». — «Так вытащите его, коли не съедят», — отвечал царевич. Потом приказал слугам выйти, надел на себя прекрасную рубаху и отправился к вдове, думая про себя: «Такой работы моя жена не сделает». Пришедши ко вдове, он сказал ей: «Вот что удивительно, любезная: в первую ночь явился под мое изголовье золотой платок, а во вторую — золотая рубаха». — «Удивительно тоже, — отвечала она, — что ночью всегда из волн выходит молодая девушка возле ворот моих; одета вся в золото и серебро и так хороша собой, что ни в сказке сказать, ни пером описать; она всегда приносит что-нибудь тебе в подарок. И она-то и есть, собственно, твоя невеста, а Баба-Яга теперь у тебя женой».

Тогда царевичу захотелось видеть девушку, которая принесла ему такие подарки, и потому он сказал вдове: «Каким образом я могу достать эту красавицу, если она еще раз выйдет из волны?» — «Она еще принесет тебе последний подарок, — отвечала вдова, — а потом она должна выйти за сына водяного царя. Поди потому в кузницу, закажи себе косу и длинную железную цепь и приходи ночью сюда караулить. Когда заметишь, что она выходит, схвати ее цепью и отруби косой серебряную цепь, в которую она закована; и не отпускай ее, во что бы она не превратилась, и все поруби косой так, чтобы она наконец опять обратилась в девушку». Царевич отправился в кузницу, заказал себе косу и цепь и вечером пришел караулить возле моста.

Долго он ждет; она все не выходит. Наконец в полночь слышит он шум от ее серебряной цепи, и из волн выходит прекрасная девушка. Она садится на мост и говорит своей собаке: «Ступай, отнеси эти брюки под изголовье царевича!» Тогда царевич выходит из своей засады, чтоб поймать девушку, как ему приказала вдова. Девушка хотела было прыгнуть в воду, но он схватил ее своей цепью и отрубил ее серебряную цепь. Девушка все-таки хотела бежать от него и превращалась в змею, комара, ящерицу, ворону и т. д.; но царевич порубил поочередно всех и не отпустил ее до тех пор, пока она опять превратилась в девушку. «Чего вы от меня хотите, царевич? Ведь Баба-Яга съест меня», — сказала девушка. «Не бойся, — отвечал царевич, — она уже больше не останется у меня во дворце; я поведу тебя к твоему брату, я его уже избавил от змей». Потом он повел девушку ко вдове, и там они провели ночь. Утром царевич один возвратился во дворец. Баба-Яга стала спрашивать его, где он был так долго. «Не беспокойся, больше не буду оставлять тебя!» — отвечал царевич, а слугам приказал: «Истопите железную баню, выкопайте под полом яму в глубину три сажени, наполните ее смолой и огнем и накройте ее темным сукном!» Слуги исполнили приказание и потом попрежнему стали провожать жену царевича в баню. У дверей Баба-Яга сказала: «Я в вас больше не нуждаюсь; отсюда я прыгну на порог, а потом на полок».



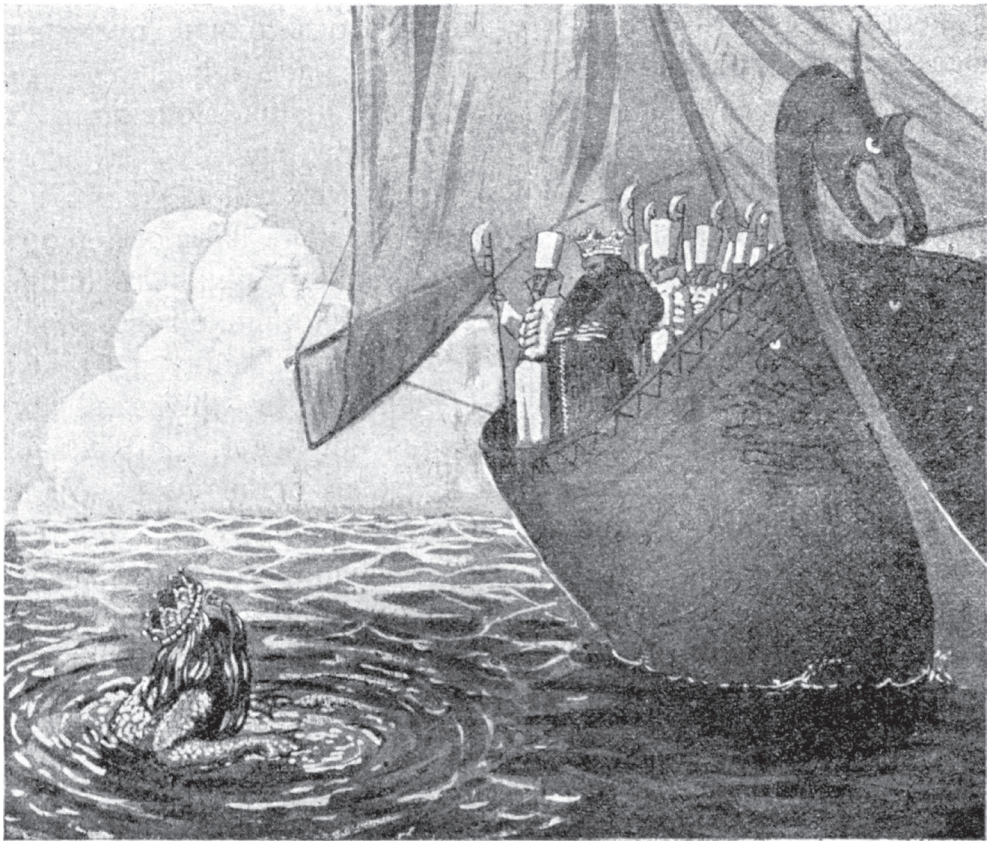
Царевич караулит возле моста
(рис. В. Ткаченко)

Но слуги уговаривали ее идти по сукну, на что она и согласилась. Тогда она упала в яму и сгорела. Умирая, она кричала: «Будьте из моих волос комары, черви и змеи на вековечную казнь человекам!»

Царевич после этого отправился ко вдове, перевез прекрасную девушку во дворец, и они сыграли свадьбу. Брата же невесты он сделал высшим после себя и дал ему половину своего богатства за его красавицу сестру.

Дети, обещанные водяному царю

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь с царицей; а детей у них не было, и они об этом очень горевали. Однажды царь отправился на море, а корабль посреди моря сел на мель. Думали, работали; все напрасно: корабль не трогается с места. Начали уже терять надежду, тогда из волн является водяной царь и говорит тому царю: «Если ты обещаешь мне отдать того, кто у тебя дома теперь родился, тогда я тебя освобожу, а то вовек не освободишься». Царь подумал, что жеребенок, теленок или ягненок родился, и потому охотно обещал это водяному царю. Корабль опять поплыл, и царь возвратился домой. Там навстречу ему первая вышла царица с сыном на одной и с дочерью на другой руке и радостно поздоровалась с ним. Царь очень обрадовался, но в то же время припомнил обещание, которое он дал водяному царю, стал грустить о том, что он должен будет отдать ему единственных своих



Из волны является водяной царь и говорит тому царю...
(рис. В. Ткаченко)

детей. Однако царице он ничего не сказал о своем обещании, а пошел в лес, начал копать яму и придумал спрятать в нее детей. В яме он устроил избушку, куда собрал всякого рода кушанья. Потом спрятал детей, чтоб водяной царь не достал их.

Вскоре тот явился и потребовал исполнения обещания. Царь сперва предлагал жеребенка, потом теленка, наконец ягненка, но водяной царь все отказывается и требует детей, которых родила царица. Тогда царь купил двоих чужих детей и отдал вместо своих. Водяной царь отправился домой, но на дороге спросил у детей: «Что слаще всего?» — «Мед», — отвечают дети. «А что легче всего?» — «Пуховая подушка». — «Что жестче всего?» — «Камень». — «Что горче всего?» — «Жидкая смола». — «Нет, — сказал водяной царь, — вижу, что вы не царские дети». Отвез их назад во дворец и стал отыскивать царских детей. Ищет, ищет, а все не может найти. Наконец взошел в кузницу: пожалуй еще, там они. И там их не нашел, а молот и стал говорить: «Царь ковал мной и в будни, и в праздник, потому не грех изменить ему. Возьми меня на плечо; куда я упаду, там отыщешь детей». Водяной царь взял молот на плечо и пошел. Молот упал на то место, где царь выкопал яму. В ней водяной царь нашел царских детей, взял их и пошел домой.

На дороге царевич ему и говорит: «Когда ты утащил нас из родительского дома, так убей нас скорее или дай нам есть». Водяной царь прервал его и спросил у них: «Что слаще всего?» — «Матернее молоко», — отвечали они. «Что мягче всего?» — «Лоно матернее». — «Что жестче всего?» — «Отцовское сердце». После этих ответов водяной царь повез детей к себе домой и сделал их своими слугами. Живут они; дети растут и не думают, как оттуда избавиться. Девушка влюбилась в водяного царя, и они стали жить, как муж и жена. Это мальчику не нравилось, и он стал очень грустить об этом.

Раз ночью пошел он на задний двор оплакивать свое горе. Прибежал туда волк и говорит: «Зачем ты плачешь, мальчик? Если хочешь бежать отсюда, так сядь на меня!» Мальчик отвечал: «Я бы охотно убежал отсюда, но желал бы тоже взять с собой сестру». — «Так иди скорее за нею, — сказал тогда волк, — я вас обоих избавлю». Мальчик пошел за сестрой, а она спала с водяным царем. Это ему нипочем, он вытащил сестру из постели, посадил ее вместе с собой на спину волка и давай бежать. Волк приказал мальчику сказать ему, если увидит сзади водяного царя. Немного погодя мальчик и кричит: «Идет, идет!» — «Хорошо, — отвечал волк, — возьми из-под моего хвоста ремень, брось его за нами и скажи: „Пусть будет кремнистая гора до облак, чрез которую кругом, сквозь и под которой невозможно пробраться и крылатым, и пешим“». Мальчик так и сделал; тогда за ними поднялась высокая гора и загородила путь водяному царю. Он поспешил домой, взял оттуда заступ и резец, возвратился к горе и прорубил себе через нее скважину. Хотел он инструменты свои спрятать в яму, а синица с ветви поет: «Я вижу, другим скажу». Нечего делать, должен был нести их домой. Потом он опять пустился за беглецами, догнал и увез домой.

Жизнь у водяного царя нравилась девушке, а брат все скучает и не знает, как теперь бежать. Однажды ночью он опять пошел на задний двор и плачет; тут к нему пришел широкоголовый черный медведь и говорит: «Хочешь ли сесть мне на спину и бежать отсюда?» — «Очень рад, — отвечал мальчик, — но у меня есть сестра». — «Так беги за ней и долго не оставайся!» Мальчик опять вытащил сестру из постели, в которой она по-прежнему лежала подле водяного царя; посадил ее потом медведю на спину, и побежали оттуда. Медведь приказал им сказать, когда заметят, что водяной царь гонится за ними. Спустя несколько времени мальчик и кричит: «Идет!» — «Не пугайтесь, — возразил медведь, — возьми из-под моего хвоста щетину, кинь ее за нами, скажи: „Будь из этой щетины высокая гора“ (и проч.)». Мальчик так и сделал, как приказал ему медведь; тотчас возвышающаяся до облак гора снова заградила путь водяному царю. Он опять побежал домой за инструментами; потом прорубил себе путь и хотел спрятать их в яму, а синица опять заставила его отнести их домой. Снова пустился он за беглецами, наконец догнал их. «Если, — говорит, — еще раз попробуете бежать, я вас съем».

Возвратились и стали жить по-прежнему, а мальчик все скучает и не знает, что делать. Раз он опять пошел плакать на задний двор; тут к нему подходит лиса и говорит: «Не хочешь ли сесть на мою спину и бежать отсюда?» Мальчик отвечал, что ему хотелось бы освободить и сестру свою. Лиса приказала ему идти скорее за ней. Мальчик по-прежнему схватил ее из постели, а она проснулась и не хотела идти за ним. Тогда он насильно понес ее к лисе на спину и давай скорее бежать. Через короткое время мальчик и говорит лисе: «Водяной царь за нами!» Лиса отвечает: «Под моим хвостом огниво, брось его за нами; увидишь, что будет». Мальчик так и сделал. Тотчас за ними воздвиглась огнедышащая река, через которую водяному царю проезду нет. Начал он выть по берегу, как волк, а беглецам ничего не мог сделать.

Когда мальчик увидал, что водяной царь уже не может им вредить, он состроил себе хату, где они стали жить, совсем как дома. Через несколько времени волк приходит, смотрит хату и говорит мальчику: «Пусти меня к себе в пай!» — «Изволь, будет веселее вместе». Вскоре явились медведь и лиса; мальчик принял и их к себе в пай. Живут несколько времени; мальчик отправился однажды с товарищами в лес. Девушка между тем поспешила к реке и стала помогать водяному царю перейти ее. В самом деле, он пробрался через реку и всю ночь провел с девушкой, а при рассвете он превратился в иглу, которую девушка спрятала в щель, чтобы брат не нашел. Днем он (брат) возвратился; товарищи его тоже взошли в избу и тотчас стали обыскивать стены. Девушка испугалась и просила брата остановить их. Он запретил им, и они смирно легли в угол.

На другой день брат опять отправился с товарищами в лес и ночевал там. Тогда водяной царь принял свою наружность и стал опять жить с девушкой по-прежнему, а когда заметили, что брат возвращается, он снова превратился в иглу, которую девушка спрятала в постель. И что же? Как только спутники

брата вошли, они тотчас стали рвать постель. Мальчик удивился этому, а сестра говорит: «Запрети им!» Он унял их.

На следующий день он опять ушел с товарищами и возвратился только на другой день. Тогда сестра притворилась больной и говорит: «Пошли, милый брат, своих товарищей за девять железных дверей достать мне мази, я очень захворала». Брат думал, что она говорит правду, послал товарищей, а сам стал ходить за больной. Лишь только товарищи его ушли туда, как двери сами собой заперлись, и им нельзя никуда выйти. Тогда в избу взошел водяной царь, схватил мальчика и говорит: «Ну, больше не убежишь из моих рук: теперь я тебя съем!» Сестра истопила баню и начала парить мальчика, чтоб он сделался мягче. Между тем его товарищи стараются пробраться под порогами, а еще осталось четыре двери. Водяной царь берет мальчика в руки и говорит: «Теперь уж готовься!» А ворон сидит на крыше и каркает: «Мальчик, помешкай еще немного». Тогда мальчик сопротивляется и вырывается из рук водяного царя; тот опять поймал его и уже хотел было есть, как вдруг товарищи его (мальчика) бросились в избу, напали на водяного царя и растерзали его.

Медведь напал на водяного царя
(рис. В. Ткаченко)

Бегство от водяного царя
(рис. В. Ткаченко)

Потом мальчик сжег его тело в пепел, поблагодарил товарищей за спасение своей жизни и щедро угощал их. Через несколько времени после того отправились они опять в лес.

Тогда сестра взяла сито, пошла процеживать пепел и нашла в нем косточку водяного царя, принесла ее домой, спрятала в подушку брата. Тот возвратился очень усталый и тотчас лег. Когда он спал, косточка из подушки проскользнула в его голову, и он умер. Сестра похоронила его тело.

Товарищи, которые уже давно не видали его, начали искать его и в самом деле нашли, хотя и мертвым. Они тотчас стали думать, как бы оживить его: заметили косточку водяного царя у него в голове и догадались, что от нее-то он и умер. Тогда медведь сказал: «Положу свою голову прямо против этой косточки, пусть она в нее проскользнет». Так и сделал. Тогда косточка проскользнула из головы мальчика в медвежью. Мальчик проснулся и говорит: «Ах, как я долго спал». — «Точно так, — отвечали волк и лиса, — если бы нас не было, то бы и теперь еще спал». И рассказали ему все. Тогда волк приложил свою голову к голове медведя, и косточка тотчас перешла в нее; тогда

Это были отец и мать детей, а они уже постарели и не могли больше узнать детей (рис. В. Ткаченко)

волк умер, а медведь ожил. Тут лиса подумала: «Не поможет ли мне хитрость и в этом случае?» Положила свою голову к волчьей, а как скоро косточка стала шевелиться, тотчас подалась в сторону, и косточка попала в сосну, которая тотчас высохла. «Пусть сохнет! Ведь сосен в лесу довольно!» — сказала лиса и обрадовалась, что косточка не попала в нее. Волк ожил; пошли они домой, взяли сестру хозяина и отправились отыскивать родину.

Долго они шли. Наконец увидали церковь перед собой, которая была так стара, что вся крыша покрыта мохом. В ней были священник и два человека, которые молились Богу. Это, слышь, были отец и мать детей, а они уж постарели и не могли больше узнать детей. Тогда царевич взял живой воды, взбрызнул ею родителей, и они тотчас помолодели и узнали своих детей. Обрадовались очень, и все вместе отправились во дворец, где царевич рассказал царю, что он за сестру едва-едва не лишился жизни. Царь рассердился и велел расстрелять ее из пушек, а товарищей царевича всевозможным образом угощали. Царевич стал хозяйничать в отцовском доме.

Неотворяемый ящик

Сказать тебе сказку; связать тебя в вязку, бросить под лавку, лежать тебе три дня, и съедят тебя мухи с комарами.

Жил-был старик со старухой и с женатым сыном. Однажды сын, возвращаясь из лесу, увидел на дереве глухаря и хотел застрелить его. Но глухарь начал говорить человеческим голосом: «Не стреляй, друг мой, дай мне еще пожить». Он удивился этому, усумнился сперва немного, а потом опять стал целить в глухаря. Не успел еще он выстрелить, как тот опять просит его: «Не стреляй меня, голубчик; я тебя награжу». Человек снова смутился, но разгорячился и в третий раз прицелился в глухаря. Тогда глухарь стал еще грустнее просить его: «Не стреляй меня, дружок мой; возьми меня лучше живать к себе домой. Покорми меня год, я тебя за то награжу». Мужик согласился на это, взял глухаря с дерева и понес его домой; там он рассказал отцу всю историю и что глухарь просил, чтоб его кормили год, и за то обещал награду. «Так корми его; он ведь немного ест», — отвечал старик. Мужик стал кормить глухаря определенное время, а между тем у этого глухаря на хвосте росло медное перо. Через год перо упало, а глухарь улетел. «Вот тебе за кормление», — сказала жена и смеялась над мужем; но вечером глухарь возвратился и опять просит его: «Покорми меня еще год!» Мужик согласился,

Глухарь сбросил мужика со спинки в море
(рис. В. Малышева)

и в это время у глухаря росло серебряное перо. Через год перо упало, и глухарь опять улетел, а вечером снова возвратился и просит: «Покорми еще третий год!» Мужик согласился опять, и теперь на хвосте глухаря росло золотое перо, которое тоже через год упало, и глухарь снова улетел, но ненадолго. Вечером он возвратился, как и прежде, и говорит мужу: «Теперь получай награду за трехлетнее кормление; садись ко мне на спину!» Мужик сел, и глухарь полетел с ним через море. Мало-помалу он поднимался, потом спросил у него: «Как тебе теперь кажется, на что море похоже?» — «На два сита», — отвечал мужик. Тогда глухарь сбросил мужика со спины, но подхватил его прежде, нежели он успел пасть в воду, и сказал: «Я тоже так испугался, когда ты в первый раз хотел застрелить меня!» Полетел опять к небу и спросил: «Каким теперь тебе море кажется?» — «Как кольцо», — отвечал тот и упал со спины глухаря. Но тот опять его поднял, так что тот не успел промочиться, и опять стал подниматься. Через несколько времени глухарь опять спросил: «Каким кажется море?» — «Как ушко», — отвечал мужик и в ту же минуту стремглав упал со спины глухаря и утонул бы, если бы глухарь не поднял его снова. Тогда глухарь сказал ему: «Я так же испугался, когда ты во второй и в третий раз

целил в меня». «Не бросай меня больше», — просил мужик. «Нет, не брошу! — отвечал глухарь. — Ты ведь тоже сжалился надо мною». Полетел потом далеко и наконец спросил у мужика: «Видишь ли ты что-нибудь?» — «Вижу что-то похожее на медный столб, — отвечал мужик, — только он еще далеко». «Теперь я туда полечу, — сказал глухарь, — там живет младшая моя сестра; когда она у тебя спросит, что ты хочешь за то, что ты меня кормил, так проси у ней неотворяемый ящик».

Вскоре они прилетели к медному замку; тут глухарь превратился в человека, и они взошли. Сестра приветствовала брата и спрашивает: «Где ты, братец, был уже три года?» — «Вот этот человек меня кормил», — отвечал он. «А как тебя наградить за это?» — спросила хозяйка замка у него. «Дайте мне неотворяемый ящик!», — отвечал тот, но ему отвечали: «Бери чего хочешь: золота или серебра, а ящика не могу тебе дать». Что ж делать? Отвечал мужик и повторял, что ничего другого не желает в награду, кроме ящика; и она удалилась. Брат хозяйки снова превратился в глухаря, взял мужика на спину и полетел снова. Он летел долго и наконец спросил у мужика: видит ли он что-нибудь? Тот отвечал, что видит серебряный столб. «Там живет средняя моя сестра, — сказал глухарь, — проси у ней в награду неотворяемый ящик». Вскоре прибыли в замок; но и здесь тоже не дали ящика, и они должны были отправиться дальше. Через несколько времени мужик заметил вдали золотой столб. «Там живет старшая моя сестра, — сказал глухарь. — Отправимся туда, авось, там дадут ящик».

Здесь, наконец, сбылось слово глухаря. Хозяйка золотого замка приветствовала своего брата, который теперь снова превратился в человека; напоила-накормила обоих и дала мужику неотворяемый ящик за то, что он так долго кормил ее брата. Отдохнув несколько, они простились с хозяйкой замка; глухарь взял мужика и ящик на спину и улетел снова. Долго глухарь летал, наконец устал, высадил мужика вместе с ящиком на высокую гору, а сам улетел. Мужик не знал, куда идти, да притом и ящик был слишком тяжел: «Не понесу тебя», — сказал он и бросил ящик наземь. Тогда ящик отворился, и вдруг на его месте стал дворец, кушанье, напитки, господа, слуги и все, что нужно для пиру. Он удивился, сел за стол и наелся, но потом начал скучать о своем доме. Когда он хотел уйти, к нему подошел человек и сказал: «Если дашь мне то, что родилось у тебя дома, так провожу тебя домой». Он подумал: «Если кобыла или корова отелилась, так могу обещать; наверное, не жена моя, потому что она никогда не рождала». Он обещал то, что родилось в его отсутствии, чтобы только достигнуть своего дома. «Так бери с собою ящик, — сказал провожатый, — и отправимся!» Скоро мужик был готов и в одно мгновенье очутился у себя дома. Здесь жена его родила прекрасного ребенка, и вместе с ним она приветствовала мужа. В горести бедняк просил провожатого оставить ребенка у матери еще на несколько лет. Тот согласился на предложение и сказал: «Пусть сын твой останется здесь, а когда я пришлю за ним, так отдай, а не то — беда».

Он сел на коня и отправился искать
(рис. В. Малышева)

Прошло несколько лет; мальчик вырос и сделался таким сильным: как только до кого дотронется, так и убьет. Когда он узнал, что отец обещал его нечистому, он сел на коня и отправился искать его. Он все ездил, пока конь не устал; но он не думал кормить коня, а пешком отправился дальше. Наконец он пришел к морскому берегу, вблизи которого находилось озеро, и между ними был небольшой перешеек. Возле озера рос дуб; вокруг него и на всем перешейке было открытое место. Мальчик влез на дуб. С него он увидел корабль, который плыл к берегу в залив; из корабля вышла толпа молодых девушек и отправилась купаться в озеро. Они положили свои платья у корня дуба и пошли в воду. Мальчик тихонько слез с дуба, утащил платье лучшей девицы и с ним опять влез на дерево.

Вышли девушки из воды, и каждая взяла свое платье, а самая хорошая не нашла. Ищут их везде; наконец заметили мальчика на дубе. Тогда девица обещала выйти за него замуж, если он отдаст ее платье. Услышав это, мальчик слез с дерева, отдал ей платье и узнал, что она дочь того нечистого, которому отец обещал его. Тотчас он спросил ее, где ее отец. Тогда девица сказала ему:

Мальчик тихонько слез с дуба и взял платье
(рис. В. Малышева)

«Возле горы у дворца в земле лом с кольцом на конце; кто его не вытащит, тот не взойдет во дворец. Все-таки попробуй свою силу, возьми этот платок — он сделает тебя невидимым и будет доставлять тебе всякую пищу. Если взойдешь во дворец, так сперва зайди ко мне, тогда я твоя невеста».

Они расстались, а девица со своими подругами возвратились на корабль. Мальчик спрятал платок девицы и отправился ко дворцу так, как она ему велела. Он шел несколько дней и доставал себе кушанья посредством платка, подаренного девицей; наконец он пришел к горе и нашел лом с кольцом на конце. Земля вокруг лома была очень истоптана, потому что многие уже пробовали вытащить его и хотели взойти во дворец, но никто еще не был в силах вытащить его. Однако мальчик не отчаивался, хотел попробовать свою силу и сразу поднял лом и застучал им о стену дворца так, что кругом раздавалось. Нечистый услышал это и сказал другим: «Когда такой шум раздался, значит, гости приехали». Потом пошел к воротам посмотреть, кто мог наделать этот шум и на своем ли месте лом; но он никого не застал, а выдернутый лом валялся возле стены. «Может быть, уши обманули, когда здесь никого нет, — подумал нечистый, — но кто тогда вытащил лом? В самом деле, удивительно».

Между тем мальчик отыскал девушку. Он надел платок, который она ему подарила, и таким образом пробрался в ее комнату так, что его никто не заметил. Девушка приказала ему идти переговорить с отцом; мальчик явился к нему, просил его дочь в супруги и сказал: «Меня обещали тебе, потому я теперь сватаюсь к твоей дочери. Какие ты дашь мне задачи?» — «Не торопись, друг мой, — отвечал тот, — во-первых, можешь построить дворец ни на небе, ни на земле. Потом ты должен в одну ночь вспахать, посеять, сжать, смолотить, смолоть и испечь мне хлеба на пищу. А наконец достать мне на завтрак трех глухарей с железными клювами из-за девяти морей». Когда мальчик рассказал это своей невесте, она ему отвечала: «В конюшне девять лошадей; переломи ноги у семи из них; на остальных мы убежим отсюда». Мальчик сделал, как она приказала, и они убежали. Нечистый все-таки вскоре пустился вслед за ними, но девица перечеркнула землю своим платком, и тут тотчас возникла такая гора, что нечистый должен был возвратиться домой за топором. Потом он опять преследовал их, а девушка превратила одну лошадь в церковь, другую в колокольню, а сама превратилась в священника, муж — в пономаря. Нечистый не узнал их, взошел в церковь, спросил, не видали ли они, не прошел ли кто-нибудь? «Они уже давно на той стороне реки», — отвечали священник и пономарь. Бес тогда возвратился домой и увидел из своих книг, что они были в той церкви, хотя он и не узнал их. Он снова пустился за беглецами, но девица платком сделала такую реку, что он не мог переправиться через нее. Мальчик привел свою невесту домой.

Сказка про строя

Жили старик да старуха. У них было двое маленьких детей: сын Иванушка, а дочь Марьюшка. Они пожили, пожили да и умерли, а ребят-то одних и оставили, а хлеба-то им оставили мало. Они пожили, пожили да хлеб-то весь и съели. Что делать? Сидят да и плацут, потому что ись стало нецево. Ну, Марьюшка-то и говорит Иванушке: «Что же мы станем делать-то? Есть нецево, а ись охота; пойдем-ка в поле». Сидят на дорожке, сидят да и плацут. Она и говорит Иванушке: «Братец, давай-ка я у тебя в головушке поищу». Стала искать и говорит ему: «У Иванушки глазок спи, другой спи. Иванушка, увесь усни». Иванушка и уснул. А тут около них стояв пенек. Она встала на пенек-от да и говорит: «Пенек выше, лесок ниже». Вдруг пенек-от и поднявся, вырос до неба, а небо-то, а там стоит строй: зубы железные, поварешка в жопе, мутовка в роте, глаза на спине, а около него стоят жернова, он стоит да из них мелет; как вернет этими жерновами-то: блин да шаньга, калац да пряник. Ну, Марьюшка-то и наклала целый мешок блинов-то да шанег, калацей да пряников; наклала да и встала опеть на пенек-то с мешком, и говорит: «Пенек ниже, лесок выше; пенек ниже, лесок выше; пенек ниже, лесок выше». Ковды она это проговорила, пенек-то лишь опустился до земли; а Иванушка всет спит. «Иванушка, Иванушка, братец, — говорит она, — вставай-ка, что я тебе принесла-то». Иванушка разбудивсе, встав да так обрадовавсе, захохотав, перекрестивсе да и став ись. Поели маленько, а все остальное унесли домой. Ну, опеть стали жить. Жили, жили да опеть все и съели; потом опеть нецево стало ись; опеть сидят и плацут. «Что же, Марьюшка, — говорит Иванушка, — мы станем ись-то? Опять надо идти гулять. Пойдем-ка в поле, опеть погуляем». И пошли. Пошли в поле, вышли за поле и сели на дорогу. Сидят да опеть и плацут. Она и говорит: «Иванушка, братец, дай-ка я у тя поищу в головушке». Стала искать и говорит: «У Иванушки глазок спи. Иванушка, весь усни», а и не сказала, что другой глазок, спи — забыла. А пенек-от опеть уж около них стоит. Она думала, что Иванушка-то крепко спит, она лишь встала на пенек-то и говорит: «Пенек выше, лесок ниже; пенек выше, лесок ниже; пенек выше, лесок ниже». Иванушка-то лишь услыхав и заревев: «Ой, Марьюшка, сестрица, и я с тобой пойду». Ну да говорит: «Иди и ты уж со мной», — и взяла его с собой. Оба встали на пенек-то; пенек-то лишь опеть поднялся до неба. Ну небо-то опеть открылось, они оба туда и залезли, а там

опеть стоит строй, стоит да и мелет. Иванушка-то и увидел, что такой страшный стоит да мелет; испугался, заревел и говорит Марьюшке-то сестрице: «Ой, Марьюшка, — говорит, — я боюсь... Хы-хы-хы...» Строй-от и услышав. Услышав, да лишь схватив Иванушку-то к себе. Ох, темнехонько, схватив, да и хоцет его зарезать. Ну, Марьюшка-то и заревела, а у строя-то кабыть топилась печь. Ковды печь-то истопилась, строй-от и говорит Марьюшке-то: «Девка, — говорит, — садись-ка, давай, на лопату». — «Ой, нет, нет, — говорит, — не умею. Ну-ка, ты укажи мне, как надо садиться-то. Садись-ка снацава сам». Он взяв да и сел на лопату-то. «Вот, — говорит, — как надо садиться-то». — «Да как, — говорит, — я не знаю; ну-ка ты, — говорит, — хорошенько усядься, да ужмись, чтобы льзя было пройти в жье-то пецки». Лишь он сел, да и ноги под себя положил, а сам согнулся, чтобы пройти в пець-то. Марьюшка-то взяла, да лишь на лопате-то его шорнула в пець, лишь скорее пець ту заслонкой закрыла и приперла крепко-накрепко; а из пеци-то на шесток из строя-то лишь потек ясир-сало. Иванушка-то подбежав, да взяв и лизнув пальцем ясиру-то; лишь оцутивсе барашком и заблеяв: «Ой, — говорит, — Марьюшка, сестрица, ножи точат, котлы кипят; барашка резать хотят». Строй-от лишь из пецки-то выскочив да Иванушку-то и зарезав, а Марьюшка-то опеть встала на пенек, да на землю и спустилась.

Барский охотник

Когда было еще крепостное право и крестьяне жили за господами, в то самое время был взят один охотник барином к себе во двор.

И дано было поручение ему только ходить за охотою, больше с него ничего и не спрашивалось.

Вот в один прекрасный день, когда солнце уже высоко взошло на небо, он бродил по лесу, присматривая дичь. Он дошел до дуплистого дерева, на котором заметил чье-то гнездо. И в нем появилось любопытство узнать, чье бы это было гнездо. Он не медля ни минуты влез на дерево — и что же он, к своему удивлению, видит: в нем три штуки золотых яиц.

Он решился ждать, чтобы во что бы то ни стало, но убить чудную птицу. Не прошло и часу времени, как летит птица необыкновенной красоты и садится прямо на гнездо. Он взвел курок и стал целиться. Вдруг раздался выстрел. Обливаясь кровью, птица повалилась на землю. Он с радостью подошел к ней и взял ее в руки. И что же, к своему удивлению, увидал! На ней золотыми буквами написано следующее: «Кто съест голову, тот будет царем; а кто съест ноги, тот будет плевать золотом».

Он принес эту птицу барину и подал ему в руки. Барин посмотрел на нее, но ничего не сказал, а только велел почистить, изжарить и подать ее ему на завтрак.

Он взял эту птицу от барина и пошел к себе на кухню. Там его уже ждала жена и двое детей, которых он имел: Иван и Александр.

Когда жена увидела, что он несет птицу и велит ей жарить, то сказала:

— Сколько времени ты охотишься, но не дашь своим детям отведать дичи. Пусть хоть съедят они от нее: один — голову, а другой — ноги.

Муж согласился. И вот, когда уже совсем ожарили птицу, то Ивану отдали ее голову, а Александру — ноги, а остатки были снесены барину.

Как только барин увидал, что птица так обрезана, то спросил охотника:

— А кто же съел голову и ноги, что мне было всего важнее?

Охотник ответил, что съели его дети.

Узнав об этом, барин грозно приказал ему:

— Иди сейчас же домой и зарежь своих детей; вынь у них сердца и, зажарив, принеси мне их.

Услышав от барина такие речи, охотник обомлел от страха — очень уж жаль ему было детей своих; но что было делать.

Печальный и задумчивый вернулся охотник к себе в избу. Жена и дети, увидев его запечаленным, спросили его, как дела и о чем он грустит. Охотник ответил им:

И вот, когда уже совсем ожарили птицу, то Ивану отдали ее голову, а Александру — ноги, а остатки были снесены барину (рис. А. Третьякова)

— Да вот, любезные дети, барин велел сейчас же зарезать вас, вынуть ваши сердца, зажарить их и принесть ему на обед.

На это старший сын сказал отцу:

— Нет, тятя, ты нас не режь, а убей двух щенков, вынь сердца, ожарь и снеси их к барину. Но когда придешь к нему, то как только будешь переступать через порог, то упади, как бы запнувшись, — пусть сердца с тарелки упадут на пол, и чрез это он не станет их есть. А мы тем временем скроемся из имения, и тебе за это ничего не будет.

Охотник сделал все так, как посоветовал ему старший сын. А дети его, как только он ушел к барину с жарким, простились с матерью и пошли из отцовского дома куда глаза глядят.

Долго ли, коротко ли они шли, — о том неизвестно; только наконец пришли они в один город и поместились у одной старушки, которая приняла их очень ласково и сказала им:

— Вот я уже стала очень стара, а детей у меня нет, так докормите меня до смерти, и вас Бог не забудет. Да к тому же еще завтра у нас будут выборы царя. Город-то наш столичный, народу соберется много, тогда и вы можете сходить посмотреть. Порядок выбора у нас такой: есть у нас очень древняя икона; перед ней ставят подсвечник, но свечей не зажигают, а пропускают по одному человеку мимо иконы, и если кто пройдет — в это время свеча сама зажжется, то тот будет наш царь.

Вот переночевали они у старушки; утром поели и пошли на выборы царя. Встали все в одну ширинку; старший брат был впереди, а младший позади его. Много уже прошло народу мимо иконы, а свеча все еще не зажглась. Наконец дошла очередь и до братьев. И как только старший брат поравнялся с иконой, то тотчас свеча вдруг и вспыхнула.

Тут же сразу народ закричал: ура! — и подъехала светлая карета, в которую посадили Ивана и увезли. А младший брат испугался и убежал к себе на квартиру, где их уже ожидала старушка; но он ничего не сообщил о брате и стал жить у нее один.

Бабушка занималась торговлей булок и лепешек; а теперь стал заменивать ее Александр. Он приходил в рынок раньше всех старух и распродавал свой товар всех скорее. Продаст, бывало, все и идет домой, да поплевывает себе, чтобы люди не заметили, а наплюет столько денег, что бабушка подивится и скажет:

— Вот я уж век торгую, но никогда не выторговывала столько, сколько ты выторговываешь в один день; ты так скоро.

И действительно, время летело быстро, он расторговался, записался в купцы, а о брате Иване и думать забыл.

В этом же городе недалеко от них жил богатейший купец по имени Максим. У купца были три прекрасных дочери, и все в зрелом уже возрасте. И вот надумал он ехать торговать в другое государство на три года, и перед отъездом призывает к себе старшую дочь и говорит ей:

— Послушай, моя любезная дочка. Вот я уезжаю торговать в чужие государства на три года, и у меня остаются три бочки меду, как бы их сохранить целыми до моего приезда?

А старшая дочь и говорит ему:

— Любезный родитель, у нас столько есть хороших погребов, и неужели в них испортится ваш мед?

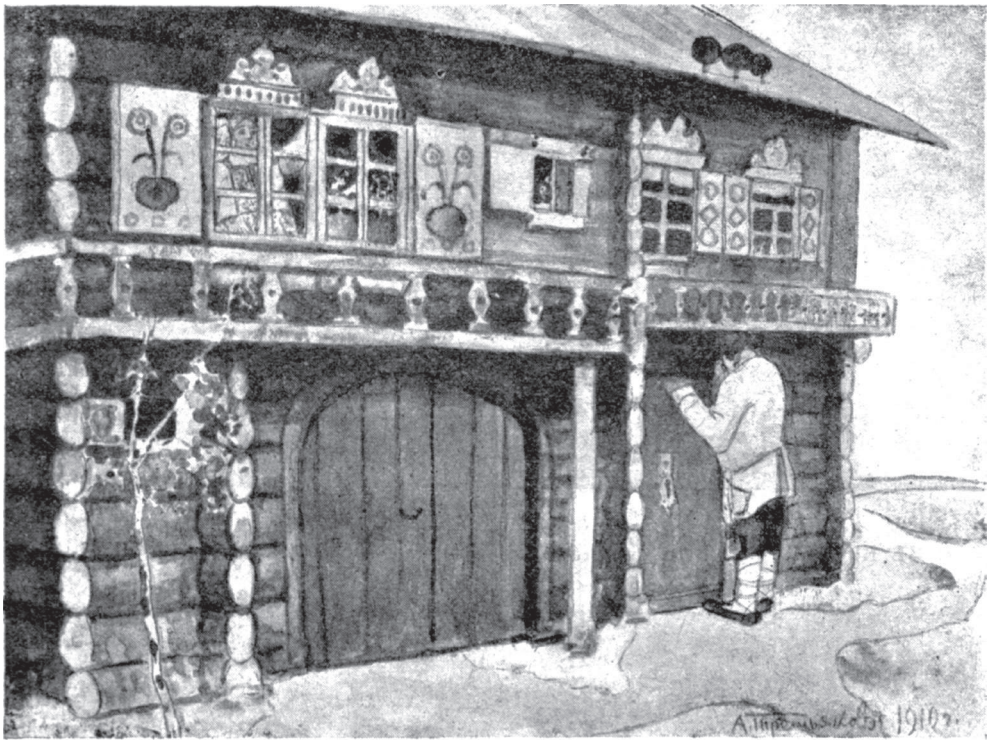
Он на это сказал ей:

— Ты мало еще понимаешь. Иди к себе в покой и пошли ко мне твою среднюю сестру; спрошу ее, как она мне посоветует.

Старшая дочь ушла, и вместо нее пришла средняя; но и она то же сказала, что и старшая. Отец отослал и эту в покой и велел прийти младшей дочери. Когда пришла та, то купец повторил тот же вопрос, что и старшим двум дочерям. Младшая дочь, выслушав отца, ответила ему:

— Нет, любезный родитель, у вас есть не три бочки меду, и не об этом вы заботитесь, а у вас есть три красавицы дочки.

— Да, это верно, — сказал отец. — Ты хотя и младшая по рождению, но старшая по разуму. Посоветуй же мне, как это сохранить.



Александр постучался в комнату под видом странника (рис. А. Третьякова)

— Любезный мой родитель, — сказала дочь, — сделайте три золотых шара одинаковой величины и поставьте их на крышу вашего дома. При этом заметьте: который шар на которую дочь вы ставили, и чей шар почернеет, значит, та дочь и преступит против отца. Кроме того, заготовьте нам провизии до вашего приезда и заприте нас одних в доме, а ключ возьмите с собой, чтобы мы не могли выйти из дому и к нам никто бы не ходил.

Купец сделал все так, как посоветовала ему младшая дочь, и сам отправился в дорогу.

Как только услышал Александр, что купец уехал на три года торговать в другие государства, то очень обрадовался этому, потому что он уже раньше был знаком с его дочерьми, и они его любили, но сильно боялись отца своего.

На другой же день по отъезде купца, как только стемнело, Александр надел нищенскую одежду и пошел к купеческим дочерям. Он тихо подошел к дому, чтобы не заметили люди, и постучался в комнату под видом странника.

Старшая сестра, выглянув в окно и узнав в страннике Сашу, тотчас же выбросила ему за окно конец веревки. Он обвязался концом веревки, и его живо все три сестры подняли прямо к себе в зал.

Они играли в карты
(рис. А. Третьякова)

Тут его посадили за стол и начали угощать, а после угощения сестры стали просить его проводить вечер с ними и поиграть в карты. Он согласился, но на таких условиях: если он посадит которую в дурочки, то спать с ним ночь в одной постели.

Они сыграли, и дурочкой осталась старшая сестра. Он с ней спал ночь.

Наутро встали, поугощались, и потом на прежних же условиях он стал играть в дурочки со средней сестрой, и тоже оставил ее дурочкой, и спал и с ней ночь. А потом дошла очередь и до младшей сестры, которую он тоже оставил дурочкой и спал с ней ночь. А после этих трех ночей, проведенных с сестрами, он ушел домой к своей хозяйке.

Время шло своим чередом. Купеческие дочери почувствовали себя в тягостях и, когда пришло время, родили по мальчику. Но дети жили недолго, и все померли.

Александр к сестрам больше не ходил, так как скоро должен был приехать их отец. И действительно, в одно прекрасное утро они увидели, что едет их папаша. Сознавая свою вину, они опасались за нее.

Вышли преступные дочери и начали просить у него прощения (рис. А. Третьякова)

Купец же, как только стал подъезжать к дому, тотчас же прежде всего обратил внимание на стоявшие на крыше дома шары и, увидав их потемневшими, понял, что с дочерьми не все обстоит благополучно. Когда же он подъехал к дому и стал отпирать ворота, навстречу ему вышли преступные дочери и начали просить у него прощения. Он стал их расспрашивать, как могло это случиться, и они обо всем рассказали ему подробно. И купец твердо поклялся отомстить Александру за насмешки над его дочерями.

В одно прекрасное время купец сделал пир и в числе прочих пригласил к себе в гости и Александра, который не замедлил к нему явиться.

Когда кончился пир, купец приказал старшей дочери принести ковер-самолет, привезенный им из заморских стран, и они стали забавляться с этим ковром: то полетят по залам, то вылетят на волю.

Сперва летал на ковре сам купец, потом дочери его, наконец предложили и Александру, чтобы и он позабавился этим удовольствием. Александр долго отказывался от этой забавы, но в конце концов все-таки уступил их общей просьбе и согласился сесть на ковер-самолет.

И как только Александр сел, купец отвернул подъемные винты, и ковер быстро понесся вверх.

Долго летал Александр над землей, и ему ужасно это наскучило. Он стал подумывать о том, как бы спуститься на землю, но никак не мог найти опускающего вниз винта. Наконец он стал терять терпение, да к тому же и голод его сильно мучил, а ковер в это время плыл в воздухе над морем. Вдруг Александр попал на тот самый винт, который служил для спуска вниз. Ковер стал опускаться и прямо в море. Боясь погибнуть в морских пучинах, Александр стал всматриваться в горизонт и заметил один маленький островок, к которому направил ковер, и, подлетев к берегу, спустился на него и вышел на землю.

Островок оказался необитаемым, но очень красивым по местоположению. Свернув ковер, Александр взял его под мышку и направился вглубь острова в надежде отыскать что-нибудь для удовлетворения голода.

И действительно, вскоре ему удалось отыскать яблоню с очень красивыми на ней плодами. Александр чрезвычайно обрадовался своему открытию, тотчас сорвал одно яблоко и начал его есть. Но как только он его съел, то в один момент превратился из человека в вороного жеребца.

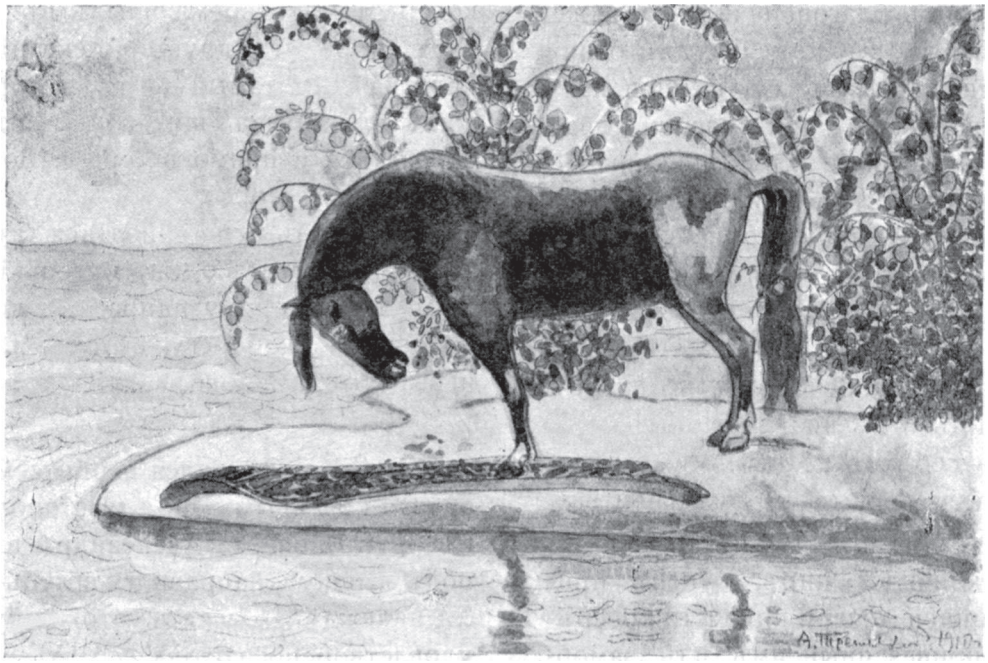
Вот какими чарами обладало съеденное им яблоко.

Несмотря на столь непредвиденное обстоятельство, Александр, однако, не растерялся, и, схватив в рот ковер, он решил скакать с ним дальше по острову.

Вскоре попалась ему на глаза другая яблоня. Он сорвал с нее яблоко и съел его; и вдруг из жеребца сделался козлом.

Опять побежал он дальше и увидал новую яблоню, с которой тоже сорвал и съел яблоко. На этот раз он из козла превратился опять в человека, в весьма красивого молодца.

Александр после этих превращений решил вернуться и нарвать таких чудесных плодов, которыми он мог по желанию превратить человека в лошадь



Как только он его съел, то в один момент превратился из человека в вороного жеребца (рис. А. Третьякова)

или козла. Он про себя решил по возвращении домой накормить этими яблоками купеческих дочерей. И, вернувшись к первым двум яблоням, он нарвал достаточное количество чудесных яблок, а потом сел на ковер-самолет и понесся обратно в свой город.

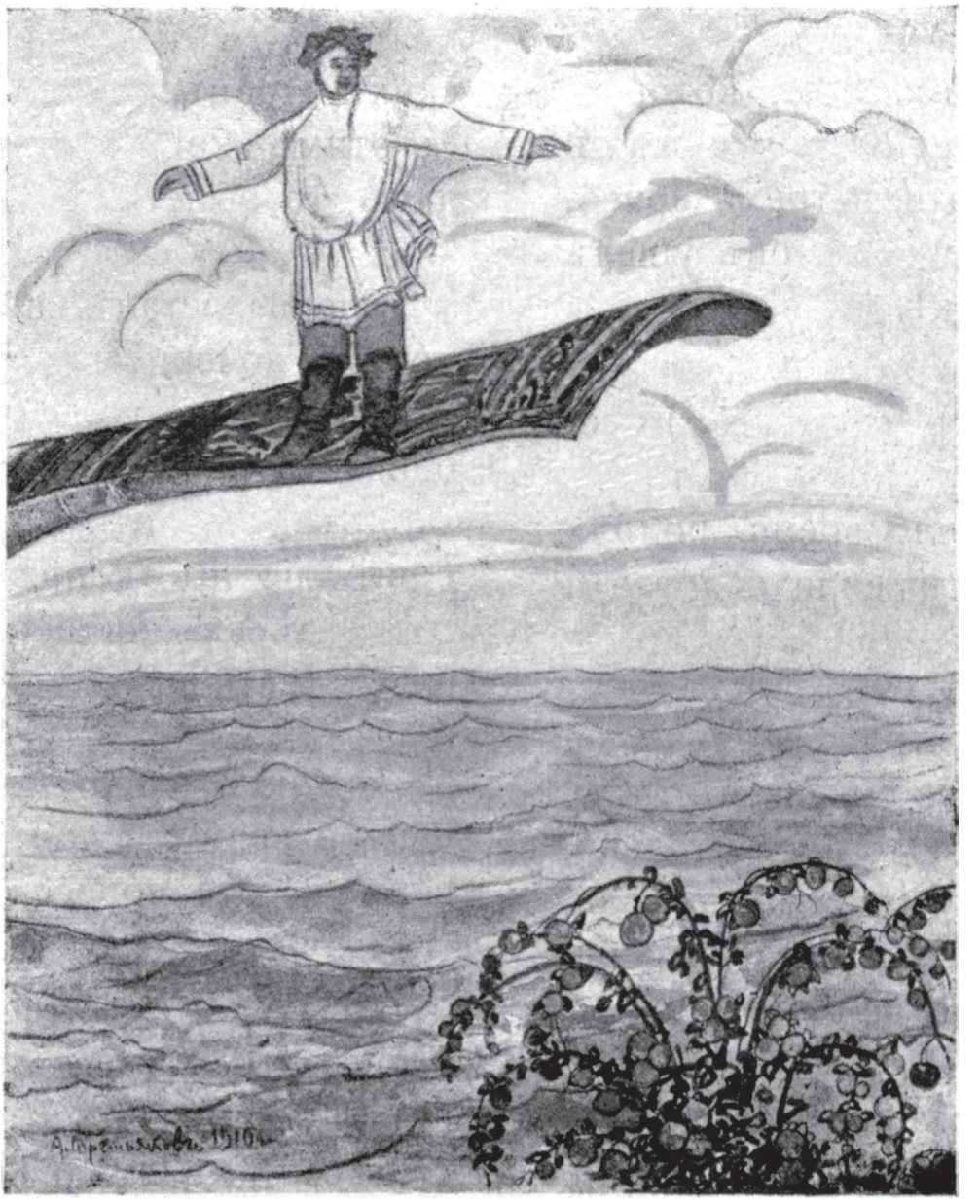
Прилетев благополучно домой, он по-прежнему занялся торговлей.

Вдруг купец узнает, что Александр не погиб, как он того ожидал, а благополучно поживает в своем доме и занимается по-старому торговлей. Купцу это известие пришлось не по душе. Вот он вновь устраивает пир и посылает свою старшую дочь пригласить Александра в гости.

Когда старшая купеческая дочь пришла к Александру с приглашением, то тот предложил ей в виде угощения скушать яблоко. Девушка долго отказывалась от этого, но наконец взяла и съела. И как только она съела яблоко, тотчас же превратилась в вороную кобылицу. Александр взял на узду и отвел ее в конюшню.

Долго ждал купец возвращения своей дочери, но, не дождавшись, послал к Александру среднюю. Но и среднюю постигла та же участь, что и старшую сестру.

Тогда купец послал свою младшую дочь. Но и с этой Александр поступил так же, как и с двумя ее старшими сестрами.



Он заметил маленький островок
(рис. А. Третьякова)

Не дождавшись обратно ни одной из дочерей, купец решил отправиться самолично к Александру. Но, придя к нему, он не нашел их здесь. Что было ему делать? Пропали все три дочери без вести. И стал купец жить один.

Спустя недолгое после этого время Александр вздумал тоже устроить пир, и на этот пир созвал он всех своих знакомых, а в том числе пригласил он также и купца.

После пирушки Александр приказал заложить тройку вороных кобылиц, и все гости поехали кататься по городу, а также и купец вместе с прочими. А когда прогулка была окончена, Александр сказал своим гостям:

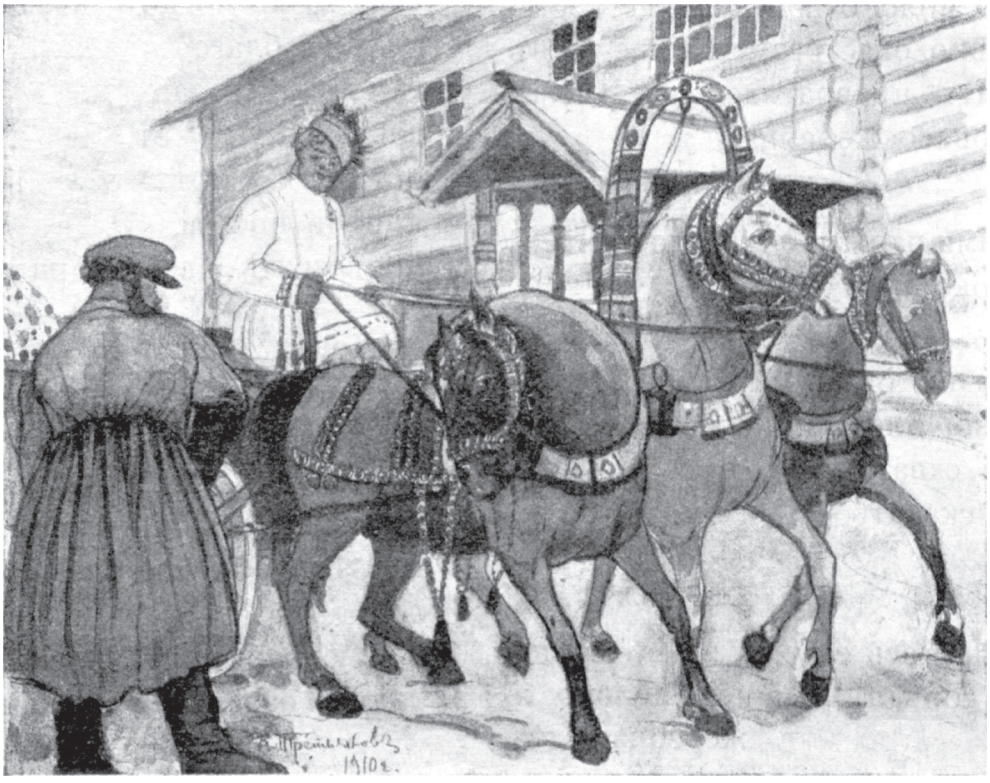
— Вы знаете, что я могу сделать из кобылиц коз.

Все гости крайне удивились этому.

Александр вывел кобылиц на двор и дал им по яблоку, и в один миг кобылицы превратились в коз.

После этого Александр подошел к купцу и говорит ему:

— Если ты желаешь возвратить своих дочерей и сделать их счастливыми, то я могу из этих коз сделать твоих дочерей, и они будут лицом красивее прежнего.



Александр приказал заложить тройку вороных жеребцов (рис. А. Третьякова)

Александр вывел коз во двор
(рис. А. Третьякова)

Как только они съели плоды, тотчас же превратились в девушек замечательной красоты
(рис. А. Третьякова)

Александр вывел коз во двор и в присутствии купца подал каждой из них по яблоку. Как только они съели плоды, тотчас же превратились в девушек замечательной красоты. Чудные головки их были покрыты пушистыми волосами, которые волнами сбегали на их нежные плечи. Их хорошенькие личики улыбались приятной улыбкой, а глаза сверкали демоническим блеском и были полны очарования. Щечки были покрыты алым румянцем.

Купец, взглянув на своих дочерей, был поражен их красотой. Сестры ни слова не сказали своему отцу.

Александр приказал нарядить сестер в лучшие платья и привести их в зал, куда он с купцом отправился теперь.

Когда сестры, одетые в нарядные платья, были и посажены за общий стол с отцом, то последний, увидев их в нарядах, еще более удивился красоте своих дочерей. А Александр сказал тут купцу:

— Теперь я хочу жениться на твоей младшей дочери, и ты ни ей, ни мне не прекословь.

Купец согласился на это.

И вскоре же была отпразднована свадьба, на которую было созвано множество гостей. Все были очень довольны новобрачными.

Когда сестры, одетые в нарядные платья, были приведены и посажены за общий стол с отцом, то последний удивился красоте своих дочерей
(рис. А. Третьякова)

После свадьбы молодые стали ходить по гостям вместе с сестрами новобрачной.

Между тем до царя дошел слух, что в городе есть такой человек, который делает из лошади козу, а из козы человека. Царь немедленно же послал своих слуг с приказом во что бы то ни стало привести этого человека к нему во дворец.

В один прекрасный день Александр со своей супругой сели обедать, и в это время вдруг приносят ему приказ от самого царя, чтобы он немедленно же явился во дворец.

Александр, недолго думавши, живо собрался и отправился к царю. Придя во дворец, он обратился к часовым, и те провели в большое зало и велели тут ждать царя. Скоро пришел царь и стал расспрашивать у Александра о его роде и племени и чем он занимается. Александр рассказал ему обо всем подробно. И когда царь узнал, что он родной брат, то чрезвычайно обрадовался и начал его целовать.

После этого Александр со своей супругой переехали на жительство <...>

Глупые люди

Жили-были старик и старуха; у них был сын Иванушка. Вот пришло время, когда надо отдавать Иванушку в солдаты, а идти ему в солдатчину — смерть неохота. Он постоянно прятался то в хлев, то на гумно, то на полати, то куда попало, чтобы только его не схватили и не отправили на военную службу. Стала однажды старуха топить печку и уронила с шестка[1] ощепок[2], а ощепок был большой. Глядела, глядела старуха — да как заревет. Услышал старик, что ревет его старуха, пришел в избу и спрашивает: «О чем ты, старуха, плачешь?» — «Ох, старик, не знаешь ты моего горя. Как мне не реветь. Пособи ты моему горю. Слушай, что я тебе скажу. Стала я топить печку, уронила ощепок на шесток, а с шестка на пол. Тут мне пало в голову: как бы наш Иванушка да был женатый, да кабы у него был ребеночек и сидел бы он тут на залавочке, ощепок пал бы на него; так бы тут его и прихлопнуло. Что бы я тогда стала делать-то?» — «А ведь ты, старуха, права. Давай-ка я пособлю тебе реветь». Оба и забазанили[3]. Услыхал их рев Иванушка и подумал: «Вот беда, видно, за мной пришли, пойду, отворю немножко дверь, погляжу; ведь не вдруг же схватят». Подошел к дверям, маленько приотворил, видит: никого нет, кроме старика и старухи. Зашел в избу и расспросил, о чем они ревут. Они рассказали ему. Посмотрел на них Иванушка, плюнул наземь и сказал: «Тьфу, вы, шальные, испужали меня до смерти; пойду я куда глаза глядят; если найду

---

[1] *Шесток* — площадка перед устьем русской печи (*примеч. ред.*).

[2] *Ощепок* — полено, от которого щепали лучину, или небольшой узкоплечий тесак или топорик, использовавшийся для обработки дерева (*примеч. ред.*).

[3] *Забазанить* (*волог., костр., пермяц., твер.*) — закричать, зареветь (*примеч. ред.*).

Подошел к дверям, маленько приотворил
(рис. Л. Альбрехта)

дичее да дурнее вас, ворочусь тогда к вам, а не найду — не видать вам меня более». Ушел. Только его и видели старик со старухой.

Долго ли, коротко ли шел Иван, да дошел до избы. Заходит в избу, а в ней тоже живет старик со старухой; они едят кисель и молоком захлебывают. Хлебнут ложку киселя и бежат в клеть молоком захлебнуть. Глядит, глядит на них Иван и говорит: «Не дело вы делаете. Дайте мне сто рублей, и я научу вас, как надо есть». — «Возьми, батюшка, с радостью дадим, только научи, а то мы каждый раз едим до пристатку[1], зачастую и наесться не можем». Пошел Иван на клеть, принес горшок с молоком, поставил кисель и молоко на стол, посадил за стол старика и старуху, сам тут же сел и давай кисель уписывать. Все так наелись, что бока прочь. Отдали старики Ивану сто рублей деньгами да еще спасибо ему сказали. Пошел он дальше.

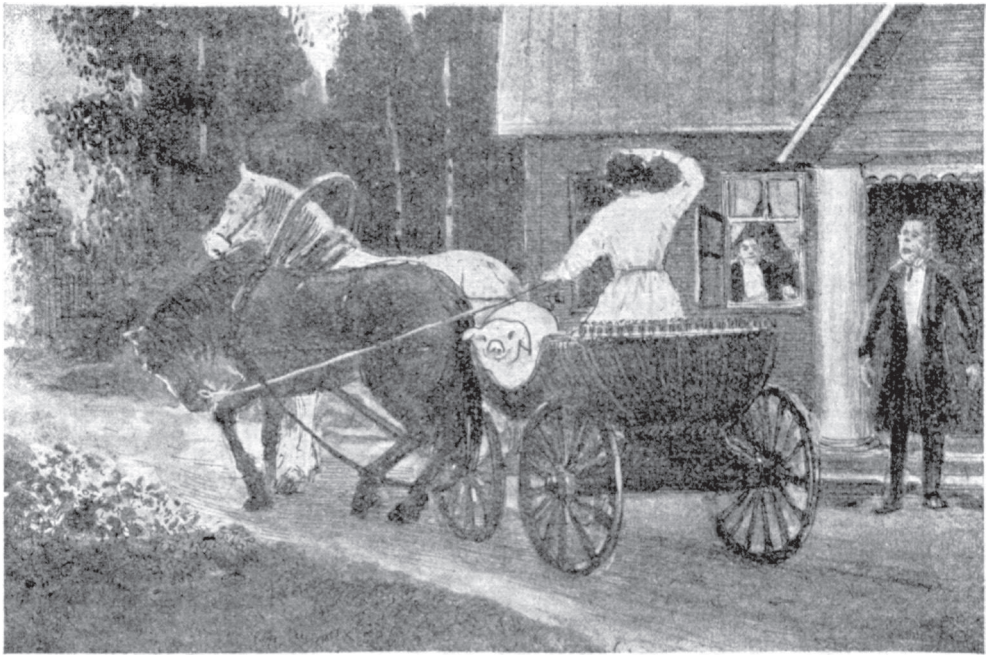
[1] *Пристаток* (*перм.*) — усталь, изнеможенье (*примеч. ред.*).

Хозяева бегают по избе с решетами
(рис. Л. Альбрехта)

Дошел Иван опять до избы. Заходит в нее, а в избе такой дым, что глядеть нельзя; хозяева бегают по избе с решетами в руках и дым из избы выносят. Глядит, глядит Иван и говорит: «Кабы вы дали мне сто рублей, так этак бы не бегали; я бы вам все устроил». Начали хозяева просить Иванушку сделать им по-своему; дали ему сто рублей, только бы наперед не бегать; напоили и накормили его и всем наделили... Иван взял топор и прорубил у самого потолка дырку; дыму сразу не стало, и все остались довольны его выдумкой.

Идет Иван с денежками дальше, дошел до богатого дома; в доме том жил важный барин, а около барского дома гуляла свинья. Вот схватил Иван свинью за шею и начал ее душить. Свинья завизжала. Услыхал барин свиной визг и закричал своим слугам: «Бегите скорее, узнайте, о чем моя свинья пищит». Увидал Иван слуг и стал около свиньи похаживать и кланяться ей, приговаривая: «Свиньюшка пестра, моему сыну крестна, пожалуй ко мне в гости». Слуги спросили Ивана, что он свинье наговаривает. Иван в ответ им: «Да вот

зову ее в гости к крестнику на свадьбу — в свахи, да не идет, говорит — не в чем». Слуги рассказали об этом барину, а тот велел дать свинье хорошее шелковое платье. Снарядили свинью в это платье, но оказалось ей тесно. Свинья опять заверещала: ви-и-и-и, ви-и-и-и! «Чего ей еще надо?» — кричит барин. «Да вот, — говорит Иван, — идти не может, больно толста, лошадей просит». — «Дай ей пару самых лучших лошадей», — распорядился барин. Вывели что ни на есть пригожих лошадей. Иван все не уходит отсюда. Все вокруг дома ходит, свинье кланяется и ее подтыкивает, а той это не любо, она визжит: ви-и-и-и, ви-и-и-и! Наскучило барину слушать этот шум, и он опять закричал: «Чего ей еще надо?» — «Да вот, — говорит Иван, — просит она барского благословения на дорогу и денег сколько-нибудь». — «Дайте ей двести рублей, и пускай убирается». Иван рад-радехонек: собрал все, что дали свинье, сел на лошадей и решил: «Идти мне теперь к отцу, к матери. Есть на свете люди еще глупее, еще дурнее их». Как сказал, так и сделал — он воротился домой. И живут теперь все они вместе да поживают и добра наживают.

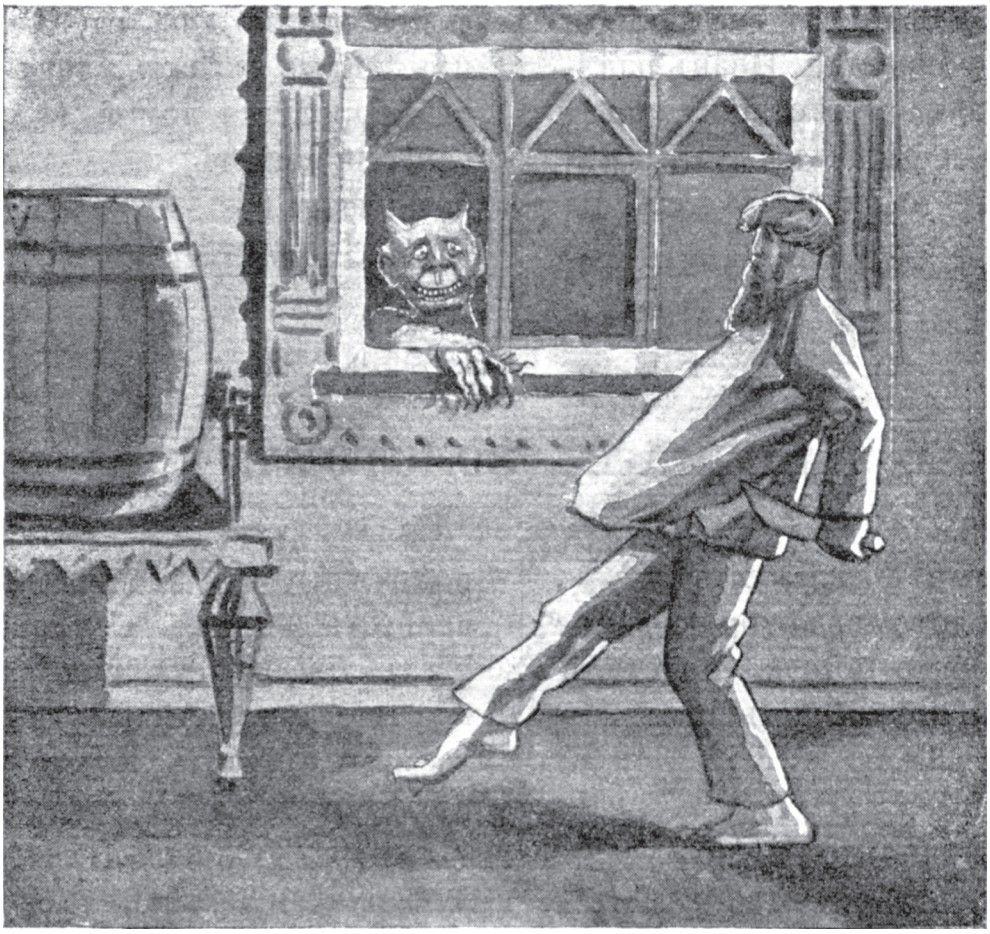


Иван сел на лошадей и поехал к отцу, к матери
(рис. Л. Альбрехта)

Бочка с золотом

Между жителями Мегры[1] есть предание о бочке с золотом, которую черт отнял у некоторого богача, опустил ее на дно реки и прикрепил там железными цепями.

В осеннюю ночь кто-то постучал под окном богача. Он отворил ставень и спросил, кто его беспокоит в такую пору. Ответа не было. Богач уснул, но опять послышался стук. Мужик снова окликнул, и снова было молчание. Вероятно, подумал он, меня хотят ограбить, а потому снял с палки ружье, зарядил его пулей, намереваясь при малейшем шорохе выстрелить в вора. Только что успел он приготовиться, как опять послышался стук. Нет уж, теперь



Богач схватил нож
(рис. В. Ткаченко)

[1] *Мегра* — село в Вологодской области на берегах одноименной реки (*примеч. ред.*).

кончено, подумал богач и выстрелил наудачу. Пуля со свистом прокатилась по улице, и в то же время под окном раздался ужасный хохот, от которого у богача захолонуло сердце, и сам он затрясся, как осиновый лист. Торопливо он стал запирать окно, как глядь, за окно держится мохнатая рука и не позволяет задвинуть ставень. Богач схватил нож, чтоб отрезать мохнатую руку, а из-под окна выставилось чудовище с неподвижными оловянными глазами, с черным лицом. Чудовище приказывает богачу оставить бесполезное намерение, а выйти на улицу и следовать за ним. Делать нечего; надо повиноваться приказанию строгого ночного посетителя. Чудовище схватило его за левую руку и потащило за собой вверх по течению реки. Долго они шли, наконец страшилище остановилось и сказало своему дрожащему товарищу: «Послушай, товарищ, у тебя есть бочка с золотом. Я знаю, что ты ни за что не расстанешься с ней. Чем пропадать сокровищу, по смерти отдай его мне; ведь я тоже помогал тебе наживать его. Но смотри, если откажешься, то я сейчас же брошу тебя в воду,

Черт взвалил бочку на плечи
(рис. В. Ткаченко)

и будешь ты целый век жариться на сковородке». Богач как ни любил бочку, отдал, не желая умирать, согласился на предложение странного незнакомца. «Ну, когда ты согласен, то завтра в полночь я приду к тебе за бочкой, теперь прощай». Чудовище юркнуло в воду. Мужик смекнул, что вел беседу с чертом. На другой день стук-стук под окном. Мужик выглянул. «Здорово, приятель! Я верен своему слову, верен ли ты?» — «Верен, чертышко, верен». — «Когда так, то подавай бочку и иди за мной».

Черт взвалил бочку на плечи и понес. Богач шел за ним. По приходе на вчерашнее место черт опустил бочку на землю, сходил на дно реки, вытащил оттуда две железные цепи, опустил бочку и погрузил ее в глубину реки, туда отправился и сам. Через несколько времени он вышел из воды и, подавая мужику горсть золота, сказал: «Вот тебе за твою примерную верность, но, смотри, никому ни слова о бочке, а если чуть проговоришься, не миновать моих рук». Проговорив это, он нырнул и скрылся. Долго опечаленный мужик

Видит, что они стоят в воде по колено
(рис. В. Ткаченко)

стоял на берегу реки и только с восходом солнца оставил то место, где навсегда распростился с дорогой бочкой. Возвратясь домой, он залился горькими слезами, глядя на пустое место, напоминавшее ему о любимом предмете. С этого времени мужик сделался горьким пьяницей, тогда как прежде не брал в рот ни капли хмельного. Соседи не могли надивиться на мужика, который из скряги сделался кутилой, и допытывались о причине такой перемены, и, пожалуй, не узнали бы, если бы он сам не проболтался одному из своих приятелей. Но что же из этого вышло? Один мужик, выходя с приятелями из кабака, повстречался с одним, по-видимому, ему знакомым человеком, которого начал звать к себе в гости. Несмотря на позднее время, приятели согласились на предложение доброго знакомого и пошли за ним. Более часа продолжался их путь. Время в разговорах шло незаметно. Вдруг товарищ богача зевнул и перекрестился. Видят, что они стоят в воде по колено, а товарищ его бредет дальше и наконец скрылся в глубине реки. На другой день богача нашли мертвым, опутанного цепями с пустой бочкой на шее, и похоронили на том же месте, где угостил его

На другой день богача нашли мертвым
(рис. В. Ткаченко)

черт. Рассказывают, что на могиле богача бывает спор о золоте. Богач упрекает черта-обманщика в том, что после угощения отпустил его домой с пустой бочкой, а золото пересыпал в другую. Многие после того пытались достать бочку, но безуспешно. Раз было какой-то рыбак в отсутствии черта вытащил бочку на поверхность воды, но черт, узнав о похищении, подоспел из дальних сторон и увлек бедного мужика вместе с лодкой на дно реки. После того никто не смел ловить долгое время рыбу на том месте, боясь черта, которого, однако, видели в то время, когда он, сидя на камне посредине реки, расчесывал волосы медным гребнем величиной с сажень. Впрочем, теперь на этом месте ловят рыбу, не опасаясь черта, который, вероятно, со своей бочкой или переселился в другое место, или тут же укрепил ее не на шутку, не боясь, что люди похитят ее.

Рассказ крестьянина

Шел один мужик дорогой и дошел до крестов (в местах, где скрещиваются дороги или раздвояются, ставятся деревянные кресты). На крестах-то

Крестьянин неожиданно увидел трех бесенков (рис. В. Малышева)

и увидел он палку, да и взял подпираться. Только што ен до палки дотронулся, как увидел трех бесенков. Ени у мужика-то и спросили: «Чего тебе нужно, господин?» Мужик как испугался и бросил палку. А это какой-нибудь колдун не мог совладать с бесами, да и насадил их на палку и бросил ее на кресты; а биси-то от палки уж не отойдут. Знаешь ты, как биси-то колдунов-то мучат? Ени постоянно торшат его (беспокоят), все работы просят. Колдуны им и дают работу. Возьмут маленьку риси да симя (льняного семя), свалят в одно место и велят разобрать все порознь. Ени это все сделают в полчаса. Нет, так колдун даст им вить веревку из песку. Ени уж вьют, вьют, совсем совьют, понесут, веревка-то и рассыплется, и давай опять вить. Да та (до тех пор) они вьют эту веревку, пока колдуну не понадобятся. Ени все делают, чево только колдун ни прикажет. Один ленивый колдун заставил чертей-то овин молотить. Вот ени и пошли молотить-то ночью. И так все измолотили, што и соломы обирать не надо: все мякиной сделали.

В Шайме (деревня Погорельской волости Белозерского уезда) был колдун, Степаном звали (он пользовался обширной известностью: лечил наговором испорченные свадьбы, скот, давал огороды пастухам, — словом, был

Знаменитый колдун Степан
(рис. В. Малышева)

знаменитый колдун). Ен этта раз напился пьяный, сел в сани и зарыкал бисямто: «Сани, вы сани, катитеся сами». Сани и покатились.

«Роковой человек»

Стояли мы на судах в Рыбной (Рыбинске). Дело-то было около Петрова дня. Стоим мы раз на палубе и видим, што хто-то как выскочит из воды, а потом о воду как хлопнется и скажет: «Есь (есть) рок, да человека нет». И это сказал три раза. Дня три все так высовывался и говорил. На четвертый-то день ходили по берегу три прикашшика. Вот один приказчик и говорит: «Робята, я выкупаюсь» — и стал разоблакаться. Другие прикашшики стали его отговаривать и говорили, что черт недавно дековался (издевался). Но он говорит, что ему стало тошно и что он больше не может терпеть жары. И разоблокся (разделся). Прикашшики не опустили его в воду, а взвели ведро да и облили его водой. Он тут же и умер.

Вот что значит роковой-то человек.

Взяли ведро и облили водой, он тут же и умер
(рис. В. Малышева)

Идет страшный медведище, да прямо и в стадо
(рис. В. Малышева)

Нашла коса на камень

Пошли мы раз в путину. Нас было человек пяток. Только что за свою-то деревню вышли, погнал один старик от Покрова (местность в 20 верстах от Никановской), который тоже шел в путину. Стали подходить уж мы под город, покровский старик и сказал нам: «Вы посидите, ребята, тут маленько, а я пойду у этого пастуха задавлю самую лучшую корову». Мы и присели отдохнуть, а он пошел за кустовье. Поглядим в ту сторону, куда мужик-от ушел, и видим, что из кустов валит (идет) страшный медведишшо, да прямо и в стадо. А пастух сидит на пеньке, вяжет лапоть и не поглядит, что медвидь идет. Медвидь зашел в стадо и давай соваться в коров. Совался, совался, ничего не мог сделать; так и пошел в кусты опеть. Немного поманили (подождали), мужичок к нам и пришел. «Нет, — говорит, — робята: я хитер, а пастух ушшо хотряе меня, ведь всех коров пеньками сделал. Какую ни хвачу, все пенек, али зубам тошно стало».

Ну, говорю, коль есть подушка, так ступай и ложись
(рис. В. Малышева)

О домовом, водяном, лешем

Сплю я на лежанке. В головах у меня ничего не было. Пришел ко мне тятя и будит меня с лежанки: «Таня, Таня, пусти-тко меня, девушка, на лежанку». Я пробудилась, ему и говорю: «Тятя, да у меня ведь в головах-то нет ничего». А он и говорит: «А вот у меня своя подушка есть». Я погляжу, а ен и вбыл с подушкой стоит. Я слезла с лежанки. Ну, говорю, коли есть подушка, так ступай и ложись. Ен и лег. Я того же часу в горницу сошла; а тятя спит на постели. Тут я и подумала, что это был домовой...

Призыв домового при переходе из старого дома в новый: «Батюшко, хозяюшко, здесь оставайся и туда пойдем».

Только что сказал он это, как из воды выскочит что-то белое и давай о воду хлопаться
(рис. В. Малышева)

Рассказ о рыбаке

Поехали мы с братом Пешкой удные пускать. (Удные — ловушка для рыбы: к шнуру сажень в двести длиною привязываются на расстоянии сажени друг от друга крючки металлические с насаженными на них раками, рыбою или другою наживою; ловушка опускается на дно озера на сутки и более.) На середину-то озера выехали, Пешка-то и говорит мне: «Что, кабы нам на праздник-от рыбы-то попало хоть побольше». Я и сказал ему: «Бог даст, так и попадет». А он мне в ответ: «Да уж Бог, когда черт не насадит, так без рыбы и уйдешь». Только что сказал он это, как из воды выскочит что-то белое и давай о воду хлопаться. Мы оба испугались, да делать нечего: надо удные пускать. Опустили и поехали домой. На другой день приехали вынимать, как вынули, да поглядим, так скажи, хоть одна удочка есть; все черт оторвал. Вот как он обделал нас.

Леший поглядел на мужика да и говорит:
«Это мне не знакомый. чего из него выйдет, как он боится вихря»
(рис. В. Малышева)

Рассказ о колдуне

Захотелось одному мужику с лешим знаться. Вот он и пошел к колдуну и рассказал, что ему тоже охота быть колдуном. Колдун и повел его в лес знакомить с лешим-то. Как пришли в лес-от и стали у одной большой ели, колдун-от и говорит мужику: «Смотри, ты, братана, не убойся, как придет к нам леший-от». — «Ладно, — говорит, — не испугаюсь». Вот колдун и свистнул гораздо-гораздо. И пошел вихорь большой-большой, что ели вершков по шести толщиной так и гнет к земле. А вихрем-то леший шел. Вон он и стал пред колдуном как человек. Носбодился он в белую рубашку, в лапти; волосье-то на голове долгое-долгое; а все эдак растрепалось, как холмина; а сам-от большой-пребольшой. И спросил он у колдуна: «Чего тебе надо от меня?» А колдун ему в ответ: «Да вот я к тебе, черт лесной, привел знакомить человека». Леший поглядел на мужика да и говорит: «Это мне не знакомый... чего из него выйдет, как он боится вихря». А мужик так испугался, что на траве совсем без памяти. Так он и не сделался колдуном.

Рассказ о черте

Ловили мы зимой маленьким тагасом[1] по маленьким озерышкам. Вот и приехали на одно глухое озеро (глухим озером называется такое, которое не имеет сообщения с другими озерами). Мужики-то нам тамошние говорили: «Смотри, ребята, ловить-то ловите, да опасайтесь; тут ведь шутить гораздо». А мы ничего и не опасались; по озеру-то ходим, так ревом и ревем. Тоню[2] закинули и вытянули, клюшить [3]стали. И так у нас тяжело идет, так хоть плачь. Думали, что ятва[4] попала. Как вытащили-то матицу[5] всю на волю, да поглядим, так скажи, хоть бы одна живая есть: все виника, полную матицу так и напихал водяной. Хозяин у нас, Ондрий-покойничек, такой шутник был. Он и забранился: «Глухая ты, собака, проклятый черт. Где ты такую охинею

И думали, что ятва попала
(рис. В. Малышева)

[1] *Тагас* — частый и весьма большой невод для зимней ловли снетков (*примеч. ред.*).
[2] *Тоня* — место на водоеме, на котором производится лов рыбы (*примеч. ред.*).
[3] *Клюшить* — вытряхивать рыбу из сетей (*примеч. ред.*).
[4] *Ятва* — стая, косяк рыбы (*примеч. ред.*).
[5] *Матица* — здесь: конусообразная часть невода (*примеч. ред.*).

и виников-то взял?» Ладили уж совсем с озера уехать, да мужики некоторые отговорили: «Давайте, — говорят, — ребята, ушшо-то (еще-то) тоньку закинемте». Маленько подались вперед от этой тони-то да и закинули. Пока и тони все не вытянули, так все шепотком говорили. И на этот раз тоня тоже тяжело шла. Как дошли до матицы, и навалила сорога (плотва). Насилу уж тогда мы матицу вытащили из воды. Так ведь полная матица и попала тогда сороги.

Рассказ

Пошли мы, эта, раз косить с батьком (с мужем). Батько ушел вперед, а я осталась назади. Замужем-то я жила первый год: ни полей, ни лугов не знала. Батько так ли идет вперед ходко, что я не могу и догнать. Я уж бежала, бежала за ним, да мне уж толенько стало (толенько — досадно, тяжело). Я и рыкнула: «Дожидайся». А он мне сказал: «Иди скорее-то». Делать

Я вижу, что меня леший обвел
(рис. В. Малышева)

нечего уж мне: я так все поле за ним бегом и пробежала. Ходко уж саосичье (заочесье — от слов: за осеком, за полем — заполье) пойдет, а он все бежит. Я уж, грешная, молиться стала ему, чтобы потихоньку шел-то. Вдруг кто-то в лесу спросил со смехом: «Кого ведешь-то?» А он как схахает: «Ха-ха-ха, кого ведешь? Параню». Как сказал это слово, так и сделался большой-пребольшой и пошел по лесу, а сам все хахает да ладонями хлопает. Я вижу, что меня леший обвел, и пошла к дому. Иду и сама все по сторонам гляжу, думаю, не увижу ли где батька (мужа). К деревне уж стала подходить... Погляжу, а батька уж луг докашивает.

Целебный ключ

В двух верстах от деревни Никановской находился ключ на низменной местности, в версте от Лазско-Азатского озера, с которым соединяется небольшим ручьем. В ключ вместо обруба вставлена бездонная кадка, около

Целебный ключ
(рис. В. Малышева)

аршина в диаметре; вода в нем чистая, прозрачная, приятная на вкус. Вблизи ключа стоит ель. На ветвях ее почти всегда можно встретить крестики, пояса, рубашки и другие мелкие вещи — это дань ключу от больных за его целительную воду, которую берут для окачивания страждущих. По мнению жителей окрестных деревень, вода этого ключа имеет удивительное свойство: после окачивания ею больной или скоро выздоравливает, или умирает. Вот что мы записали со слов крестьянки деревни Никановской Анны Федоровой Ераковой, 60 лет от роду:

— Когда идешь на ключ за водой, то надо ни с кем не говорить. Кто встречу попадет, надо ничего не спрашивать, не сказывать. Сойдешь на ключ, помолишшо на все четыре стороны. Возьмешь с больного хоть крестик или чего-нибудь другое и повесишь на елочку. Кто буди этого ключа не узнает, тот буди не ходит за водой. Всем ходят: и старым и малым. Придут за водой, как задумаются: на живое али на мертвое. Как на живое (к выздоровлению), воды ча стоит, как стеклышко, свежая; как на мертвое (к смерти), так ключи забьют: завыскакивает оттуда с песком. Когда черпают воду, говорят: «Чар водяной, чар земляной, чарица водяная, чарица земляная, дай мне водычи на доброе здоровье рабу Божьему (имя больного)». И зачерпывают воды с ведерочко.

Приподнялся немного, гляжу: стоит моя хозяйка
(рис. В. Малышева)

Как приходила умершая жена

Лежу, эта, я раз вечером на полу. Ушшо (еще) ночи-то немного было, только что стемнело. Вдруг кто-то в воротах кольнул. В воротах-то прошел да и в избу идет. В избу-то зашел, да и уперся в воронеч-то (балка, на которой держатся полати), да и стоит. Я и спросил: «Хто такой пришел-то?» А ен мне и сказал: «Я, Васильюшко». Я так и оммер: поднялся эдак маленько, да и гляжу, да и увидал, что вбыль[1] стоит хозейка. Надзобилась[2] в казачин[3], в бороздатый[4] сарафан, на голове красный платок и кокошник с белым позументом.

О порче на свадьбах
(рис. В. Малышева)

---

[1] *Вбыль* — действительно, взаправду, в самом деле (*примеч. ред.*).
[2] *Надзобилась* — нарядилась (*примеч. ред.*).
[3] *Казачин* (казакин) — короткий кафтан, сшитый в талию, со сборками сзади (*примеч. ред.*).
[4] *Бороздатый* — с бороздками, полосами (*примеч. ред.*).

Я, грешной, не робкий, осмелился и спросил у нее: «Зачем ты сюда пришлато?» А ена мне в ответ: «Как зачем пришла? Проведать-то, думаю, вас надо ведь?» Я ничего не испугался, говорю с ней. Опять и сказал ей: «Куда свезена, так поди с Богом, а нам с Фенькой (дочкой) и без тебя жить хорошо». Она мне и сказала опеть: «Ну уж ковды посылаешь, так я и пойду». Как уж вышла за ворота-то да ушшо под окошком-то, сказала: «Топерь уж я больше к тебе не приду, топерь уж ты ко мне иди». Как она-то ушла, и возьми меня страх: дрожу-то так, сам так от постели-то и отскакиваю, а волосье все стало дыбом. Всю ночь на постели провертелся, насилу до утра дождался.

О порче на свадьбах

Женился раз богатый мужик. Во свадьбе-то у жениха и у невесты было по колдуну. Едет от венченья (венчания). Вот невестин-от колдун да и вздумал пошутить над жениховым. Вдруг у жениха лопнула дуга. Все забегали, засуетились. Колдун от жениха и говорит: «Стой, ребята, не трожьте ничего: я все сделаю». Взял женихов-от колдун у всех пояса, связал ими дугу, запряг и сказал: «Как эта дуга гнется и скрипит, так гнись у колдуна спина и скрипи». Вот невестина колдуна с той поры и закоробило. Приехали домой. Колдуну так тошно и стает. Подходит он к женихову колдуну, да прямо ему и в ноги: «Батюшко, родной, — говорит, — развяжи, Христа ради, и дугу, чтобы я больше не маялся». — «Нет, — говорит тот, — когда ты так сделал, так и пускай тебя коробит всю свадьбу». Так он и не развязал, пока свадьба не прошла.

О чертях

Черти были у Аксиона Парамонова (крестьянина деревни Балахтины Воздвиженской волости). Они родятся из чего-то. Они его-то и мучат: «Давай, — говорят, — работы». Он мучился, коленкам так и притянет к груди. Это было на бисиде[1], годов пятнадцать прошло уж. Он не мог распорядиться; он, значит, опьянел, а они у него работы просили. Пошлет на елке иголки (хвои) считать, а они сосчитают скорехонько; опеть и придут, опеть и просят работы. А опеть пошлет их на осине листья считать, а они скорехонько опеть и сосчитают; на осине-то больше бьются, что-что их листьев меньше, нежели иголок на елке: ветром их сгибает и шевелит. Ну, он потом и отправил их на озеро: «Заливайте, — говорит, — кол» (выше уровня поставленный). Вот они не могли залить-то. Я говорю: «Ведь опеть они скоро сделают и придут». А он говорит: «Нет, уж не скоро придут: пытаться будут сутки-двое». А как опеть придут, он опеть и даст им чурбан осиновый тянуть. Он отсечет

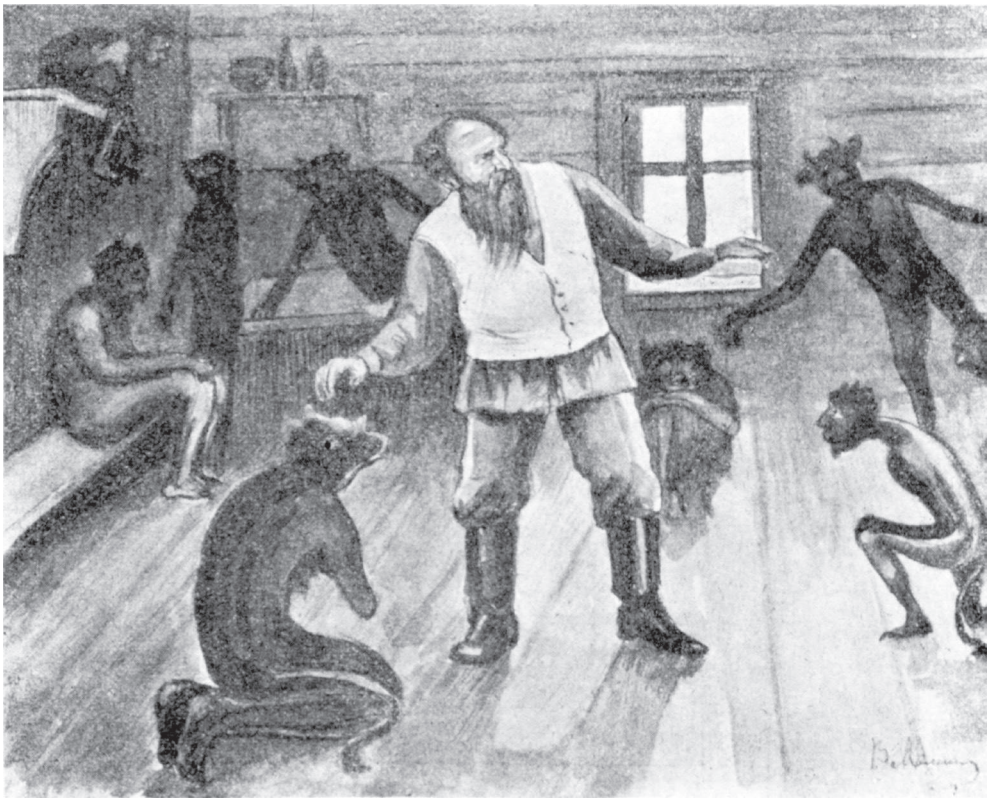
[1] *Бисида* (*беседа*) — вечер, встреча, собрание людей (*примеч. ред.*).

Работы требуют
(рис. В. Малышева)

его короче на пол-аршина себя (своего роста) и велит им вытянуть с него. Они петаютца сутки, не одни, не могут вытянуть. И опеть просят работы. Он опеть заставит их веревку вить из песку. Опеть сутки-двое петаютца.

Мы видали много раз: он нам казал их (чертей). «Я, — говорит, — сейчас кликну своих ребят, так сейчас и явятся». В избе и на улице видали. Я на веку человек у трех видел эдаких, право страшно: маленькие, востроголовые такие, с кошку-то будут; на двух ногах ходят. (На вопросы: какое лицо у чертей, есть ли рога, копыта? — рассказчик не дал определенного ответа.) Лицо — бог ее знает — я не глядел... ни на какое не похоже лицо... сами голые, черные, руки коротенькие — это вот все равно как у собаки лапа, вот. Я немного и глядел их — страшно было: напустил их целую избу на бисиде; лезут на лавки, на полки, везде. Все девки убежали из избы. Были они (черти) в избе около часа. Все хахали над ним.

В пречистую (престольный праздник) он (Аксиан Парамонов) был пьян, а я-то не пью. А пошли мы тут в другую деревню, ну всего как с версту, ну да



Напустил их целую избу
(рис. В. Малышева)

в одном поле. А он же сам и говорит: «Смотри-тко, робята, как поросяток-то бежит». А мы знаем, что он уж это сделал. На лугу мы видели маленьких свинок множество, как черных кочек; востроухие все, не пищат, ничего... ушки, как у зайчика, — в одно место сложены. Все опять скоро куда-то девались.

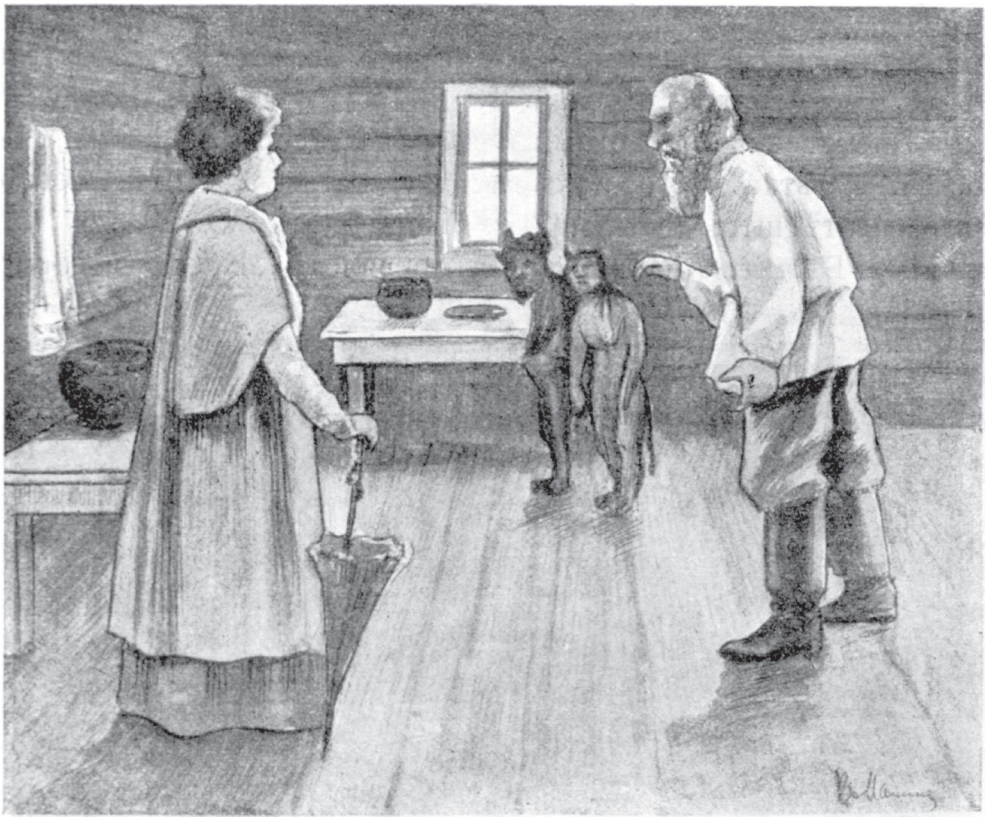
Он (Аксион Парамонов) Богу не молился, не гавливал[1] никогда.

Нашей барыне, Прасковье Николаевне, он давал их (чертей): «Возьми, — говорит, — парочку — самчика и самочку. Тебе, — говорит, — с парой веселее будет». — «Нет, — говорит, — мне одного дай». Одного он не дает. Одного возьмешь, так один и будет, приплоду не будет.

Особенно его (Аксиона Парамонова) донимает кривой (черт), покою не дает, все без дела не может быть, все работы просит.

Случается: женщина родит ребенка, и его не могут ни накормить, ни напоить: все просит (есть и пить). Потом человека найдет (знахаря), поворожит —

[1] *Гавливать* (*говеть*) — готовиться к исповеди и причастию (*примеч. ред.*).



Возьми, говорит, парочку — самчика и самочку
(рис. В. Малышева)

только из зыбки (люлька) одна вода выльется, а в зыбке останется головенька или чурбачок. Да вот в Пушкине (деревня Чуриновской волости) мальчик до десяти годов жил, по караваю зараз хлеба ел. Нашли человека, поворожил — осталась в зыбке одна головенька. Это уж я застал (т. е. я уже существовал на свете), был малолетом (малолетком).

Демон во время грозы

...у моего тестя просился в пазуху. Вот это я вам все скажу. Пускай хоть Анкудим Алексеевич (местный учитель) спросит у детка моего, так он скажет все. Вот что: тесть мой пахал в поле. Бежит мальчик около десяти лет: «Пусти, — говорит, — дедушка, меня в пазуху от дождичка». А он (тесть) ученый и слыхал раньше эту статью. «Нет, — говорит, — я тебя не пущу». Он уж у него

Демон во время грозы
(рис. В. Малышева)

везде просился. «Нет, — говорит, — не пущу: иди, под деревенку стань». Он пошел. Деревенку-то всю исщепало, во — мелы так и взяло (разбило на мелкие части). Ведь тоже был нечистый дух: если бы человек он был да его бы громом убило, было бы тело; а тела-то не было. Значит, кто же, как не нечистый дух?

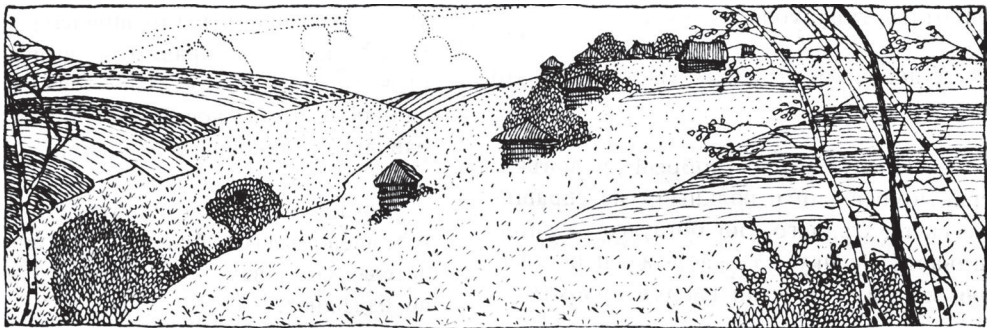
Шли два брата дорогой, несли оба по сто рублей. Старший брат и говорит: «Слава богу, нам сколько Бог надсобил добыть». Ну а младший брат и говорит: «Какой тута Бог... кабы сами не добыли бы, где бы Богу подсобить добыть». Его бес-от и подтыкает: «Говори, что сами добыли, Бог не подсоблял». Старший брат и говорит: «Пусть какой человек навстречу попадет, спросим, говорит: Бог подсобил добыть али без Бога добыли? Чья правда, тому и деньги». Этот бес и вывернулся им встречу, оказался человеком. И спрашивает младший брат: «Скажи, прохожий человек, сами ли добыли деньги али Бог подсобил?» Ен и говорит: «Какой тута Бог, — говорит, — где Богу добыть».

Вот и пошли опеть дорогой. «Ну, — говорит, — до другого пусть встречу». Ен, бес, опять маленько попошел да и вывернулся опеть встречу. Старший брат опеть и спрашивает, говорит: «Прохожий человек, скажи: которая правда, без Бога ли мы добыли али Бог подсоблял?» Бес и сказал: «Какой тута Бог», — говорит. Старший брат сто рублей отдал младшему. Идут дорогой опеть. Вышли на лужок. Тут бежит речка глубокая, быстрая. Этот бес младшего брата и перевез, а старшего не перевез: денег нет. Старший брат забрался под лодку — на берегу перекувырнута лежала. Младший брат сошел в трактир, там, в трактире, ен запился до смерти. Старший брат лежит под лодкой да и думает: «Совсем задавиться». Три беса и скопилися, на эту лодку и сели, и говорят промеж собой; один бахвалится: «Я утрось, — говорит, — был у обедни. Вышел поп из царских дверей. Я его рассмешил; он, — говорит, — как схахает... и чаша с головы спала; тут, — говорит, — и с ума сошел; теперь, — говорит, — сидит на цепи. Попадья, — говорит, — рада сколько

Три беса
(рис. В. Малышева)

хочешь денег дать, лишь бы вылечил. А попа, — говорит, — не вылечить, пока то место, куда чаша-то пала, не выскоблят да в воду не складут: а в воде-то настоятся стружки-то; этой водой-то его спрыснуть, потом напоить, ему легче и будет». А другой бес и разбахвалился: «Хозяин положил, не благословясь, деньги на полку. Я, — говорит, — взял да под ступу, под веники и положил. А невестке, — говорит, — поживу нет, что она, — говорит, — деньги унесла». А третий бес и разбахвалился: «Я, — говорит, — двух братьев дорогой смутил». И рассказал все, как было. И разошлись опеть бесы. День настал. Ен (старший брат) и перебрался за реку. И сошел к этому хозяину, где деньги-то потерялись. Зашел в избу. У него и стала невестка кучиться[1]: «Дядюшка, не знаешь ли, прохожий человек, маленько поворожить? У нас, — говорит, — деньги потерялись». А ен и сказал: «Знаю, — говорит, — небольшое дело». — «Так, дядюшка, поворожи-тко маленько». Ему дали карты. Ен раскинул: «Да дома, — говорит, — у вас деньги-то...» А сам и карты не знает какие, какая карта называется как. «У вас на дворе есть опекальная ступа?» Ени говорят: «Еся». — «Ну так, — говорит, — тамотко валятся (карты валятся, т. е. раскладываются так, что показывают, будто бы деньги под ступой)». Хозяин и сбежал туда, под ступу поглядел, а и вбыль деньги-то тута. Ен взял и дал мужику денег-то на дорогу. Мужик и пошел — где поп сронил чашу. Заходит в дом к попадье. Говорит попадья: «Прохожий человек, не знаешь ли, чего пошептать (поворожить)». Ен говорит: «Знаю маленько». Ен и стал метати. Пометал (карты) и говорит: «У вас, видно, поп сронил чашу перед царскими дверями?» Взял посудину стеклянную да и пошел туда в церковь скоблить пол. Перед царскими дверями выскоблил, в бутыль спихал эти стружки, воды налил; постояла вода сутки; да и спрыснул его (попа), напоил ошшо (еще), ему легче и стало. Попадья дала ему сто рублей. Он и пошел домой. Ну и поп стал совсем служити.

[1] *Кучиться* — настойчиво просить, докучать (*примеч. ред.*).



Воздушный голубь

Сказка-присказка еловая подмазка, елов приснец заломил хвостец, побежал в кустец по пироги, по шанежки, по лук, по чеснок, по рябиновый батог.

В некотором столичном городе жил молодой человек, приехавший из деревни и занимавшийся плотничьей работой и в последнее время сделавшийся мебельщиком. Он прожил здесь лет двенадцать и составил большой капитал.

Этот мебельщик любил ходить в хорошие гостиницы, где весело и хорошо проводил время.

В один прекрасный вечер заказал полторы бутылки разного вина и кой-чего из съедобного на закуску.

В ту же гостиницу пришел золотых дел мастер, ужасно гордый, и, увидав, что мебельщик имел полторы бутылки, он сел против него за стол и заказал целых три бутылки разного вина.

Гордость не позволила золотых дел мастеру равнодушно перенести поступок мебельщика, и он, обратясь к нему, сказал:

— Как ты осмеливаешься богаче меня пировать? Ты мастер работать топором и можешь выработать один рубль в день, а я всячески могу выработать три рубля в день.

А деревянных дел мастер на это ему в ответ:

— Послушайте, добрый человек: трактирный дом вольный, не спрашивает ни бедного, ни богатого, а спрашивает гулянку. У нас же и последняя копейка полетай вверх орлом.

В конце концов у них произошел скандал, и они перебили посуду на столах. Тогда содержатель трактира потребовал полицию, чтобы отправить пьяных буянов для вытрезвления в часть и утром взыскать с них за перебитую ими посуду на столах.

Мастеровые хотя и вытрезвились, но друг против друга в душе питали злобу.

По поводу их виновности в учиненном им скандале и относительно взыскания убытков за перебитую посуду произведено было частным приставом дознание. Но так как пристав был не сердцевед, то, понятно, не мог узнать, кто из них был истинным виновником в происшедшем и от кого надлежало требовать за уничтоженную посуду. А поэтому дело было передано самому полицеймейстеру. Но и полицеймейстер, подобно частному приставу, не мог также добиться правды и установить, кто из них действительный виновник.

От полицеймейстера дело был направлено к самому правителю города, который очень долго тянул это дело, но так же, как и первые два, не мог узнать, кто прав и кто виноват, и в конце концов правитель вынужден был передать это дело для разбора синклиту, чтобы последний — правого оправдал, а виновного обвинил.

Когда собрался синклит, то один из членов его обратился к председателю со словами: «Судить их нужно по изделию».

Председатель подошел сперва к золотых дел мастеру и спросил его:

— Что ты мне можешь сработать?

— Утку с двенадцатью цыплятами. По вашему приказанию я могу пойти в ваш роскошный сад, где находится громадный пруд, и, не дойдя до него, открою золотую шкатулку, из которой вылетит золотая утка и, облетев роскошный сад, опустится в пруд и начнет плавать, из нее выскочат двенадцать цыпленков, которые тоже станут плавать по пруду. Цыплята поплавают, поплавают и соберутся к матери под крылышко. Потом утка спорхнет и улетит опять в шкатулку, а цыплят я сам посажу.

Председатель синклита спросил золотых дел мастера о стоимости его изделия.

— Материал стоит триста рублей, а за работу не спрашиваю, — ответил он ему.

— А сколько времени потребуется вам для изготовления вашего изделия?

— Один месяц.

После этого председатель подошел к деревянных дел мастеру, стоявшему с поблеклым лицом и дрожащими руками, и спросил его.

— А вы что можете сработать?

— Я могу сработать вам воздушного голубя, с которым по вашему приказу явлюсь в ваш роскошный сад, откуда могу подняться на голубе в воздух, подобно птице, и лететь по желанию как вверх, так и вниз, а равно и вдаль, и садиться по разным деревьям вашего сада.

— Сколько стоит нужный для вашего голубя материал? — спросил его председатель.

— Три рубля, — ответил он.

— А сколько времени потребуется вам на работу?

— Один месяц.

Затем мастеровые были отпущены по домам для изготовления своих изделий, с которыми им следовало вновь предстать перед синклитом через один месяц.

По прошествии означенного срока мастеровые явились к председателю и принесли с собой каждый свое изделие. Председатель живо распорядился созвать членов синклита, и когда те собрались все вместе, то председатель предложил синклиту и мастеровым отправиться в сад, где должны были произойти испытание и оценка работ, сделанных мастерами.

Золотых дел мастер как сказал, так в точности и произвел свое изделие. Деревянных же дел мастер, боясь, вероятно, опасного для него сравнения с замечательным искусством своего соперника, весь трясся и, ожидая очереди, стоял с потерянным видом и держал в дрожащих руках небольшой узелок. Председатель кротко подошел к нему и спросил:

— Деревянных дел мастер, выполнили ли вы свое изделие?

— Так точно, — ответил он председателю и упал перед ним на колени.

Когда второй мастер развязал свой узелок, то в нем оказались какие-то мелкие деревянные бруски, причем в некоторые из них были вставлены стальные пружины. Все бруски были занумерованы. Он проворно стал складывать эти бруски один к другому и таким образом живо собрал своего голубя, а затем обратился к председателю с вопросом:

— Куда прикажете лететь — вверх или вдаль?

Тот ответил:

— Поднимись несколько вверх.

Мастер, сидя на своем голубе, нажал одну пружину и — вмиг взвился на воздух. Нажав потом другую пружину, он спустился ниже и полетел вдаль за несколько верст над самым морем. Пролетев так некоторое время, он опять нажал какую-то пружину, и его голубь повернул обратно. Облетев весь сад, голубь, повинуясь управлению мастера, сел на свое место, в компании зрителей.

Председатель синклита (он же и управитель города) и все остальные зрители положительно были поражены виденным, и, конечно, все стали на его сторону. Более всех пришел в восторг от этого изделия сын председателя Ваня, молодой человек лет семнадцати, необыкновенной красоты. Он обратился к своему отцу и сказал:

— Любезнейший мой родитель! Дозвольте этого мастера взять к нам в палаты, чтобы он научил меня делать таких замечательных, как его, воздушных голубей, — это очень дорого стоит для нашего отечества и города, не то что произведение золотых дел мастера; его золотая утка, пригодная только для забавы; а этот голубь может быть очень полезен в том случае, когда во время войны к нашему городу подступит неприятель: я на своем голубе могу наблюдать за каждым шагом врага и могу узнать его расположение и о том, с какой стороны он подходит к нашему городу.

Отец Вани согласился, и деревянных дел мастер поступил в учителя к Ване и переселился в правительские палаты.

Нажал одну пружину и вмиг взвился на воздух
(рис. В. Малышева)

Что же касается до решения дела о скандале и побитой посуде, то виновником признан был золотых дел мастер, и синклит постановил: взыскать с него деньги за уничтоженную посуду и самого его заключить на некоторое время в тюрьму.

Ваня очень усердно занялся изучением изготовления воздушных голубей и потому скоро научился этому искусству: он сам сработал такого же голубя, какой ранее сделан был его учителем.

Когда правитель города убедился, что его сын действительно научился столь замечательному искусству, он решил собрать гостей и устроить по сему случаю торжество, во время которого Ваня должен был сделать первый опыт со своей работой и на своем голубе подняться и полететь по воздуху.

Когда все было готово и все приглашенные на пир съехались, правитель пригласил гостей пожаловать в сад и полюбоваться искусством его сына.

Ваня же, подобно своему учителю, предстал перед зрителями с узелком в руках и ожидал приказа отца, чтобы приняться за сборку своего голубя.

Когда же отец велел ему приступить к делу, то Ваня тотчас же развязал свой узелок и стал прилаживать один к другому находившиеся в нем нумерованные бруски с вложенными в некоторые из них стальными пружинами. Скоро из брусков образовался голубь, и Ваня спросил отца:

— Куда прикажете лететь — вверх или вдаль?

— Поднимись несколько вверх, как воздушная птица, кругообразно опустись на землю и сядь на свое место, — ответил ему отец.

Ваня приступил к голубю и, сев на него, прижал одну из пружин. Голубь взвился в воздух и взлетел так высоко, что Ваня лишился от страха настоящего рассудка, и вместо того, чтобы надавить другую пружину, он нажимал ту, которая способствовала полету вверх, и через то продолжал подниматься все выше и выше и скоро скрылся совсем из виду, и сам он также не видел сверху ни своего города, ни земли, ни моря.

Когда же Ваня пришел немного в себя и захотел спуститься вниз, то опять нажал не ту, которую следовало, пружину и вместо спуска быстро понесся вдаль. И таким образом Ваня улетел за тридевять земель в тридесятое государство. Однако, пролетев столь огромное пространство, он в конце концов все-таки научился как следует орудовать своим изделием.

И по прошествии некоторого времени, долетев до одного прекрасного по виду города, он решил здесь спуститься на землю, и, нажав нужную для того пружину, он спустился вниз, прямо на крыльцо к одному из местных купцов. Здесь его взяла полиция и стала производить допрос, чей он, откуда, как его зовут и проч.

В тогдашние времена разных языков не понимали, а потому и Ваня не мог понять, о чем его спрашивали, и на все вопросы он отвечал только:

— Я ничего не знаю.

Его так и прозвали «Незнайкой» и таскали по судам, и все дознавались, чей он и откуда. Наконец его доставили к главному судье того города.

Судья, осмотрев Ваню с головы до ног, понял, что он происходит от знатного рода, о чем свидетельствовало его благородное и красивое лицо, и Ваня был взят судьей в его дом, и ему предоставлено было право беспрепятственно ходить по всему городу; и вместе с тем отдан был приказ, чтобы встречавшиеся с Незнайкой отдавали бы ему честь.

У судьи была единственная дочь юных лет и замечательной красоты. Она находилась в своей опочивальне, которая двумя окнами выходила на улицу, и молодая девушка очень любила часто сидеть под косящатым[1] окном и смотреть на прохожих и проезжих.

Мимо окон судейского дома нередко проходили мужчины, видя которых, дочь судьи сильно волновалась и через то болела, так что в одно прекрасное время отец вынужден был пригласить даже доктора для оказания помощи его дочери. Доктор, осмотрев больную, сообщил отцу о причине болезни:

---

[1] *Косящатый* — имеющий косяки, с косяками (*примеч. ред.*).

— Ваша дочь влюбляется в молодых людей и через то сильно волнуется и болеет, — сказал судье доктор.

После этого сообщения судья стал придумывать способ, как бы избавить дочь на будущее время от повторения ее болезни, и скоро он нашел к тому одно подходящее средство: он решил поселить свою дочь в уединенном месте.

Город находился близ взморья; открытое море находилось в пятнадцати верстах. И тут был дикий пролив, посреди которого был скалистый остров, на котором в одном месте рос лес. Вот на этом-то острове судья и устроил для своей дочери светлицу, куда и отправил ее, чтобы, с одной стороны, сохранить ее девичью чистоту и красоту, а с другой — чтобы избавить ее от болезни, которая появлялась у нее через то, что она влюблялась в молодых людей и сильно волновалась.

Незнайка был помещен судьей в своей прежней комнате, и из нее был ясно виден пролив, соединявший открытое море с взморьем.

В один прекрасный вечер Незнайка сидел и смотрел в окно на пролив и покуривал крученую папиросу. Вдруг он заметил в проливе огонь, как бы горела свеча. «Ох! Едят тя мухи, — сказал про себя Незнайка, — то, верно, военные или коммерческие суда идут. Ах, чтобы мне теперь там быть, глядишь — увезли бы меня на родину».

В конце концов он вспомнил про свое изделие, вынул из поддевки узелок, склал своего голубя, затем растворил окно, и, сев на голубя, он полетел прямо на огонь в уверенности, что попадет на корабль...

Но вместо корабля Незнайка прилетел на балкон чертога судейской дочери. Сойдя с голубя, он направился внутрь чертога и, войдя туда, увидел, что на диване под собольим одеялом спит молодая красавица. От крепкого сна обнажились ее белые груди и разгорелись уста.

Не спросясь хозяина, Незнайка стал осматривать чертог и закурил крученую папиросу. Потом, подойдя опять к спавшей, он стал всматриваться в ее нежное лицо и белые груди и наконец решился поцеловать ее. Но, поцеловав трижды сонную, он вдруг почувствовал страх и стыд за свой поступок и тотчас же вышел из чертога, сел на своего голубка и полетел обратно к себе домой.

Он решил, что на следующий день полетит пораньше и захватит девушку еще не спящей.

После ухода Незнайки красавица проснулась. Она слышала сквозь сон целования в уста и запах дыма от папиросы, но не могла объяснить себе, что это было: сон, грезы, или же все это в действительности с ней происходило. Она призвала к себе свою гувернантку, которая жила при ней неотлучно, а также всех своих нянюшек и мамушек, которые отцом ее были приставлены для ухода за ней в числе двенадцати человек, и объяснила им свое приключение.

Выслушав свою барышню, старшая мамушка сказала ей:

— Послушай, милая наша барышня, мы ведь не толковательницы снов; да и был это не сон, а грезы, приключившиеся оттого, что уж очень много думаешь о женихах и замужестве.

На другой день после посещения спящей красавицы Незнайка, дождавшись вечера, решил про себя: «Полечу-ка к той красавице пораньше и застану ее еще не спящей и захвачу ее».

А судейская дочка в то время тоже думала про себя: «Подожду ложиться спать, не прилетит ли тот красавец, что вчера меня целовал сонную».

От нечего делать она в ожидании гостя занималась рукоделием и музыкой.

Незнайка достал бруски и, склав голубя, вновь полетел над проливом, направляясь на балкон судейского чертога. Прилетев туда, он застал девушку стоящей на молитве перед каким-то истуканом. Когда же она окончила свою молитву, то немедленно же раскрыла двери и впустила гостя, пригласив его пройти в ее спальню, где она усадила его в богатое раззолоченное кресло, а сама уселась на постель и начала его расспрашивать, чей он и откуда?

— Я из такого-то царства, из такого-то государства и такого-то города правителя сын по имени Ваня.

Девушка, бросив полный страсти взор свой на красавца Ваню, вся замлела от восторга и затем, заключив его в свои нежные объятья, стала горячо целовать, на что тот отвечал ей тем же, нашептывая ей в то же время слова любви.

Так они целовались и обнимались и признавались в нежных чувствах до самой зари. Ранним же утром Незнайка собрался в обратный путь. На прощанье девушка сказала ему:

— Послушай, любезный друг Ваня: покудова ты будешь проживать у моего папаши, прилетай каждую ночь ко мне ночевать.

И с этого времени Незнайка ровно девять месяцев летал по вечерам к своей возлюбленной и оставался ночевать в ее спальне. И в конце концов судейская дочка оказалась беременной. Этого обстоятельства, конечно, нельзя было сохранить в тайне от окружающих, и прислуга стала замечать интересное положение девушки.

Старшая мамушка и нянюшка никак не могла объяснить себе, каким образом ее барышня могла сделаться в тягостях, когда ее невинность так бдительно охраняли все ее окружающие, и притом вот уже семь лет как девушка была поселена здесь ее отцом, и в течение этого времени она не видела даже ни одного мужчины.

Долго думали и гадали нянюшки и мамушки о том, как быть им с этой неожиданностью, и наконец решили идти в город и о случившемся донести своему хозяину, отцу девушки.

Услыхав от нянюшек и мамушек такую неожиданную новость, судья тотчас же собрался и поехал за объяснениями к своей дочери.

Приехав на остров и увидав, что дочь его действительно находится в тягостях, он обратился к ней за объяснением ее поступка и требовал, чтобы она объяснила ему чистосердечно.

Тогда девушка, встав со своего места и поклонившись отцу, начала такую речь:

— Любезнейший папаша! Я дочь ваша, и надо мною ваша воля. Но в моем настоящем положении я нисколько не виновата. Вот уже более семи лет как я не видала ни одного мужчины. Девять же месяцев тому назад в одну прекрасную ночь я сладко спала. И вдруг я увидела, как растворились небеса, и оттуда ко мне слетел небесный ангел, который, войдя в спальню, ходил и курил крученую папиросу, а потом, подойдя ко мне, трижды горячо поцеловал меня. Судите же сами, мой любезный папаша, виновата ли в том, что, несмотря на все меры, принятые вами для ограждения меня от соблазна, я все-таки помимо моей воли была поцелована тем бесцеремонным ангелом и от этого ангельского поцелуя сделалась беременной.

Слушая рассказ своей виноватой дочери, диву давался старый судья, как это так могло случиться, что от поцелуя она могла вдруг забеременеть. И наконец пришел к тому заключению, что от поцелуя этого не случилось бы, а произошло это кой-отчего другого. И вот, чтобы выяснить это темное дело, он назначил стражу для охраны дочернего чертога.

В первую ночь назначены были два унтер-офицера.

Между тем наш Незнайка о готовившейся ему ловушке ничего не знал и не подозревал даже и, по своему обыкновению, как только наступил вечер, достал свое изделие, сготовил его к полету и преспокойно полетел себе в чертог судейской дочери, и, как всегда, спустился на балкон дома. Но здесь его вдруг неожиданно схватил один унтер-офицер за левое плечо, а второй за правую полу кафтана.

Но Ваня не растерялся от неожиданности, и, предчувствуя, что попал в западню и ему грозит неминуемая беда, он живо сообразил, что нужно было ему делать: рванувшись изо всех сил, он вырвался из рук его врагов и, вмиг вскочив на своего голубя, быстро и сильно нажал ту пружину, которая направляла полет вдаль, и в одно мгновение скрылся из глаз обоих караульных.

Однако, к несчастью Вани, в руках одного из унтер-офицеров осталась пола его кафтана, оторвавшаяся в том момент, когда Ваня рванулся что было силы из рук его врагов.

Возвратившись утром в город и представ перед судьей, они объяснили ему все происшедшее ночью у чертога его дочери.

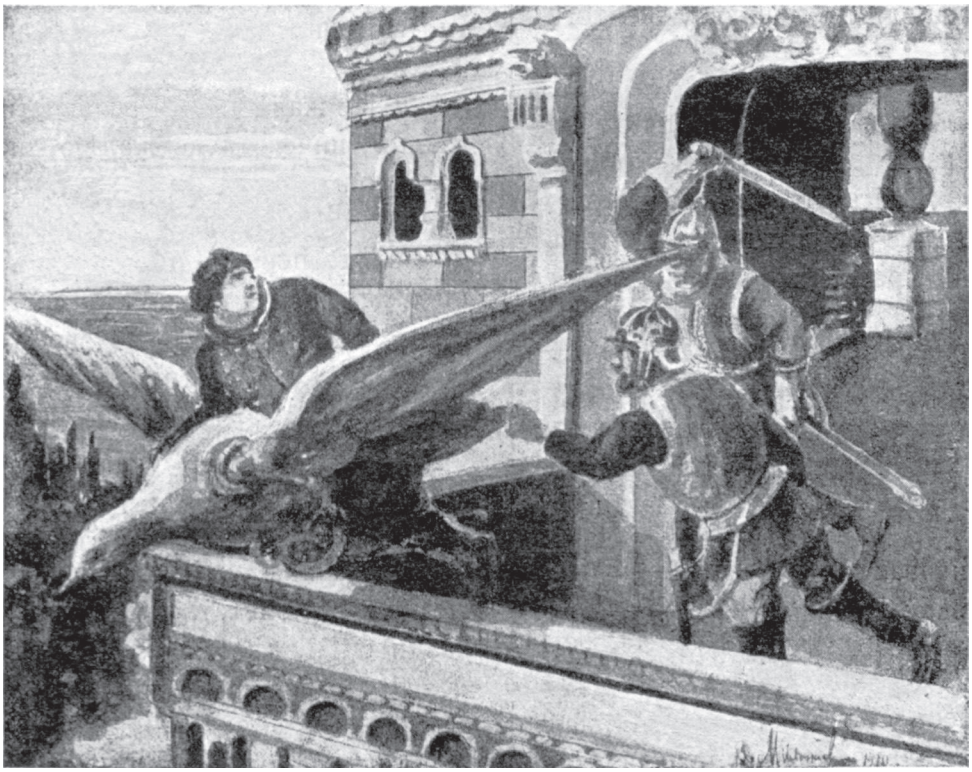
Узнав об этом, судья тотчас же отдал приказ произвести в городе тщательный обыск и задержать того, у кого окажется подходящий кафтан с оторванной правой полой.

Один из слуг судьи, слышавший этот приказ, обратился к своему господину и сказал: «А где-то теперь находится наш Незнайка; уж не его ли это штуки?»

Судья приказал этому слуге сходить в комнату Незнайки и осмотреть его одежду.

Слуга донес судье, что оторванная пола действительно принадлежала Незнайкину кафтану, который висел на гвозде без правой полы.

Судья крайне был возмущен поступком Незнайки и своей родной дочери. Он осудил обоих виновников на смертную казнь.



Но здесь его вдруг неожиданно схватил один унтер-офицер за левое плечо (рис. В. Малышева)

На главной улице города были приготовлены два эшафота и виселицы. Судьей отдан был приказ, чтобы в назначенный для казни день собрались высшие лица города и простой народ для присутствия при казни преступников, дабы знали и видели все, как строго караются беззакония, подобные тому, которое учинено было виновниками.

Вот настал день казни. Собралась масса всякого народа для присутствия при этом печальном событии. Привели преступников. Незнайка обратился к народу и сказал:

— Не жалею я ни молодости, ни своей жизни, ничего я не жалею, кроме одного только своего изделия. Господин судья, — обратился к нему Незнайка, — дозвольте перед последним концом показать вам и всему честному народу, как я летал на своем изделии по воздуху в чертог вашей дочери.

Вся публика, стоявшая тут и слышавшая слова Незнайки, тоже присоединилась к его просьбе и, в свою очередь, также начала просить судью позволить Незнайке полетать по воздуху, а после казни его изделие получить в виде модели ремесленному люду.

Судья подумал и согласился удовлетворить общую народную просьбу. Однако для предосторожности, чтобы Незнайка не вздумал обмануть доверие судьи и не улетел бы совсем, он вызвал вперед из стоявшего тут наряда солдат тридцать самых лучших стрелков и приказал им, чтобы они изготовились к прицелу и при малейшей попытке преступника улететь немедленно же стреляли бы.

После этих мер предосторожности Незнайке приказано было идти к назначенному для полета месту и изготовить своего голубя. Незнайка пошел, а позади него следовала дочь судьи. Как бы желая утереть лицо, Незнайка развернул имевшийся у него в руках носовой платок, из которого выпала на землю маленькая бумажка. Его возлюбленная сразу догадалась, что, наверное, письмо от него; быстро и незаметно для других нагнулась и подняла бумажку, оказавшуюся действительно письмом. В том письме было написано следующее:

«Послушай, любезная дочь судьи и моя милая! По всей вероятности, твой отец захочет узнать, как я летал к тебе в гости. И когда я начну складывать своего голубя, то буду делать это нарочно медленно, а ты будь вблизи меня и готовься также сесть со мною вместе, и, как только получу приказание, куда лететь, и стану окончательно приготовляться к полету, ты быстро ухвати меня за подпазухи[1], и мы вместе вскочим на голубя и улетим, чем избавимся от напрасной смерти».

По прочтении письма девушка стала внимательно следить за каждым шагом ее возлюбленного и выжидала того момента, когда тот будет садиться на голубя.

Между тем Незнайка, не торопясь, собрал своего голубя, и, заметив, что возлюбленная следит за ним и тоже готова к полету, он обратился к судье с вопросом: куда ему лететь? Судья отдал приказание подняться немного вверх и затем сесть на указанное место. Незнайка подошел к голубю, и, прежде чем успели стрелки опомниться, он вместе со своей возлюбленной в одно мгновение очутились на нем, и голубь под влиянием нажатой пружины быстрее вихря взвился вверх, так что оба преступника моментально скрылись из глаз собравшегося народа.

Благодаря столь удачному подъему вверх они оба были теперь спасены от смерти. Незнайка нажал другую пружину, и голубь понесся, как птица, вдаль.

Они летели в отечество Вани.

Уже недалеко от цели их полета они вечером спустились на землю, потому что возлюбленная Вани почувствовала, что ей пришло время родить.

Они спустились на краю одной деревнюшки, в росший мелкий тростник.

На конце деревни в небольшой избушке жили престарелые муж с женой. Ваня зашел к ним в хижину и попросился переночевать у них.

Получив разрешение на ночлег, Ваня обратился к старухе и объяснил ей, что с ним находится беременная жена, которой пришло время родить,

[1] *Подпазуха* — подмышка (*примеч. ред.*).

Он вместе со своей возлюбленной в одно мгновение очутились на нем, и голубь под влиянием нажатой пружины быстрее вихря взвился вверх (рис. В. Малышева)

и поэтому не может ли она заменить бабушку-повитуху. Старушка успокоила его и сказала, что охотно готова, чем может, помочь его молодой жене.

В ту же ночь возлюбленная Вани благополучно разрешилась от бремени и произвела на свет сына.

Ваня несказанно рад был этому и расцеловал своего новорожденного малютку-сына.

Вскоре же призван был священник, и новорожденный окрещен и назван, как и отец его, — Иваном. Ваня надел на малютку свой нательный крест и, кроме того, повесил на него пятьдесят червонцев.

По прошествии нескольких дней Ваня обратился к старичку-хозяину с просьбой взять к себе на воспитание его сына до двадцатилетнего возраста.

Старик ответил ему, что он рад бы воспитать его сына, но что на это у них нет средств, так как они и сами едва перебиваются и живут в крайней бедности.

На это Ваня сказал ему, чтобы он о средствах на воспитание не заботился, так как он даст ему на это дело две тысячи рублей.

Услышав о такой крупной для деревенского мужичка сумме денег, старик тотчас же выразил полную готовность оставить у себя на воспитание новорожденного малютку, и при этом он обещал Ване, что воспитает ему сына доброго и постарается научить его уму-разуму.

Ваня снял с руки имевшийся у него именной золотой перстень, написал бумагу, а его возлюбленная сняла с себя шелковый пояс, и все это они заделали в пакет. В бумаге написано было, как и где мог бы отыскать их по достижении двадцатилетнего возраста их сын Иван. А в другой пакет сын правителя положил десять тысяч рублей, и, запечатав эти оба пакета, он отдал их старику и сказал ему:

— Храни эти два пакета, как свои два глаза. Когда же нашему сыну наступит двадцать первый год, то отдай ему их оба.

Затем Ваня и его нареченная супруга сердечно распрощались со стариками и со своим малюткой-сыном, и оба вышли из деревни. Дойдя до тростника и взяв там своего спрятанного воздушного голубя, они уселись на него и полетели в родной город Вани. Прибыв туда и спустившись в родительском саду, они сошли с голубя. Свою нареченную невесту Ваня укрыл на время в одном потаенном месте в том же саду, а сам преспокойно направился в родительский дом.

Когда Ваня, войдя в дом, предстал перед изумленными глазами своих родителей, которые отчаялись уже когда-нибудь видеть его и вдруг теперь вновь увидели его в добром здоровье, то они пришли в неописуемый восторг, и радости их не было конца.

Когда же прошли первые порывы обоюдной радости и приветствия, Ваня упал перед ними на колени и сказал:

— Любезные мои родители, прошу я у вас прощения, что, не испросив вашего благословения, я избрал себе невесту, происходящую из такого же богатого и знатного рода, как и мы.

Родители спросили его, где же находится его невеста. Ваня сходил за ней и представил ее родителям. Те ничего не имели против их брака и на радостях тут же изъявили свое согласие и благословили обоих на брачную жизнь.

В скором же времени была пышно отпразднована свадьба Вани с его возлюбленной.

Прошло некоторое время, и престарелые родители Вани умерли. Ваня занял отцовское место и стал теперь сам правителем их города.

Между тем сын Вани, отданный им на воспитание деревенскому мужику, понемногу рос и развивался и, подобно другим деревенским ребятам, занимался одинаковыми с ними забавами и развлечениями; часто ссорился с ними, а иногда обижал их; те с плачем и ревом бежали жаловаться своим матерям. Глупые деревенские бабы выскакивали на улицу, ругали убегавшего мальчугана всякими словами, а более всего обзывали его и кричали ему вслед:

— Ах ты... такой-сякой! Ведь ты подкидыш, бл...ой сын!

Ребенок, конечно, не понимал значения этих слов и потому не придавал им значения и пропускал их мимо ушей.

Но вот мальчику миновало девять лет, и его отдали в школу. Учение маленькому Ване далось хорошо.

В одно прекрасное время ученики были отпущены учителем погулять. И как только выскочили все ребятишки на улицу, тотчас же начали один другого толкать, бросаться снегом и снимать друг у друга с голов шапки и бросать их в сторону.

Ваня был одним из бойких мальчуганов и тоже стал баловать, подобно другим, и снимать с товарищей шапки, которые кидал в сторону.

Ребята, в особенности поменьше Вани, начали плакать, и с досады, желая чем-нибудь отплатить шалуну, они начали дразнить его, подобно своим матерям:

— Ох, ты, выбл...ок, стариковский подкидыш.

Теперь Ваня понимал уже значение этих слов, и поэтому он задумался над ними.

Придя из школы домой, он обратился к своим названым родителям и спросил их:

— Чей я сын? Почему меня ребятишки называют бл...ским сыном, выбл...ком и стариковским подкидышем?

Старики, конечно, сочли преждевременным открыть ему истину и стали, как умели, успокаивать его и разубеждать в справедливости слышанных им слов.

— Ты, Ваня, наш, единокровный и единоутробный наш сын, — говорили ему старики, — а что скверные мальчишки говорят тебе и обзывают такими нехорошими словами, то ты на них не обращай внимания. Ты вот пойдешь в школу, так попримечай: они всегда укоряют друг друга какими-нибудь родительскими уликами и не размышляют о том, есть ли правда в их словах или нет. А мы прожили всю свою жизнь честно и благородно и никому худого никогда не сделали, так за нас тебя и укорить-то нечем.

С этого времени Ваня стал внимательно присматриваться и прислушиваться к обоюдным отношениям своих товарищей и к их словам и брани, которыми они постоянно корили друг друга.

— Ах ты, острожник! — говорит один из них другому.

— А вы — честные люди? У тебя и сейчас мать из-за отца гуляет, — отвечает ему другой.

Такие и подобные им выражения ежедневно слышал маленький Ваня от своих товарищей. И в конце концов он решил в своем уме, что не стоит обращать внимание на ругань глупых и грубых товарищей, а следует пропускать незамеченными их брань и разные клички, так как его стариков — он прекрасно понимал то — никому и не за что упрекнуть в чем-либо худом, потому что они в действительности худого никому не делали и жили честно и благородно.

И Ваня продолжал по-прежнему жить со своими стариками и помогать в работе.

Вот уж минул Ване семнадцатый год, и он из мальчика превратился в красивого и стройного молодого человека. Но все еще он ничего не знал о своем происхождении, так как старики никогда ни слова не обмолвились ему об этом.

Но как ни скрывали старики от Вани тайну его происхождения, однако он узнал об этом.

В одно прекрасное время совершенно случайно в руки Вани попали оба пакета, распечатав которые, он в одном нашел бумагу, написанную его отцом, перстень и пояс, а в другом — десять тысяч рублей. Ваня, не сказав ни слова своим старикам, ночью потихоньку ушел из их дома, предварительно захватив с собой свою находку, т. е. оба пакета.

Однако Ваня не пошел отыскивать своих родителей, а направился в ближайший город и поступил к одному купцу в приказчики. Он не хотел ослушаться родительской воли и явиться к ним моложе двадцати лет, как о том сказано было в написанной отцом бумаге.

Ваня пожил у купца ровно три года, и когда ему наступил двадцать первый год, отправился к своим родителям.

Придя в город, которым управлял его отец, он явился к нему лично и предъявил бумагу, перстень и пояс.

Родители Вани несказанно были рады его приходу и тотчас поселили его у себя в доме вместе с собой.

Вскоре же молодого правителя женили на богатой и знатной девушке, и родители назначили его наследником их богатства.

И стал Иван Иванович благополучно поживать с молодой женой и растить своих деток.

Гусь-богатырь

«Мне уже 88 годов теперь, — говорила рассказчица. — Когда я была маленькая, то слышала от покойного дедушки, что за 20 верст вверх по реке Сойде есть ручей Гусинец, возле которого жил когда-то Гусь-богатырь. Возле ручья, текущего вверх от р. Сойды, есть Гусева поляна, теперь сделавшаяся бором, на котором растут огромные сосны. Здесь еще видно место, где было Гусево жилище, по остаткам груды камней. Недалеко вниз по реке Сойде большой порог. В этом месте жил Гусь со своей семьей, которая состояла из жены, дочери и маленького сына. В то время ходило по Руси много разбойников. Один из разбойников со своим атаманом, привыкший ходить после грабежей, убежал в это уединенное и сокрытое место. Атаман хотел убить его из-за любви его жены. Убить, однако ж, не удалось, не хватило силы против богатыря. Раз жена подпоила своего мужа и стала его спрашивать:

Жена подпоила своего мужа
(рис. В. Ткаченко)

„Скажи, дружок, ты чего-нибудь боишься, есть что-нибудь такое, от чего ты слабнешь?“ Гусь сказал: „Боюсь я женских волос. Если хоть одним волосом обмотать мне руку, я не могу тронуться с места“. Жена перевязала сонного мужа волосами. Он проснулся и понял свою ошибку. Жена же в виду мужа спала с разбойником-атаманом. Дети Гуся еще не спали. Гусь велел дочери взять свечку и пережечь волосы. „Как скажу я на тебя молодому батюшке, так он тебе задаст“. Отец велел дочери замолчать. Когда дочь уснула, маленькому сыну, спавшему на шестке, стало жаль отца. Он зажег свечку и пережег волосяную перевязку. Отец соскочил с печи и тихонько подошел к бане, где спали 40 разбойников. Он выдернул банную матицу[1], и свалившимся потолком задавило разбойников. Сам он пошел и лег по-старому.

[1] *Матица* — здесь: потолочная балка (*примеч. ред.*).

Сын пережег волосяную перевязку
(рис. В. Ткаченко)

Гусь подхватил палицу и снял атаману голову
(рис. В. Ткаченко)

Жену и дочь связал вместе спинами и спустил на плоту с речного порога (рис. В. Ткаченко)

Атаман проснулся утром и спрашивает у Гуся: „Какой ты сон видел?“ Гусь отвечает: „Поставил я во сне слопец[1], в который попало 40 тетеревей; один еще ходит, и тому не миновать“. Атаман, поняв, в чем дело, стал ругать Гуся. Гусь схватил палицу и снял у него голову; жену и дочку связал вместе спинами и спустил на плоту с речного порога по реке Сойде. Сам Гусь с сыном переселился в город Каргополь, где и умер. Сын его давным-давно писал из Питера крестьянам, чтобы они искали на Гусевой поляне богатство, покрытое сверху камнями и бороной[2]. Ухтозеры искали этого клада и нашли только куски какой-то шелковой материи».

[1] *Слопец* — капкан, ловушка для лесных птиц и мелких зверей (*примеч. ред.*).

[2] *Бороной* (*сиб.*) также называли большой ручной золотопромывальный стан (*примеч. ред.*).

Три братца — три Иванца

Жили-были три братца, три Иванца, у них были три снохи, все Евгении. Вот случилось трем братцам, трем Иванцам полевать[1]. Отправляются в лес. Шли, подошли, увидели тетеру на ели, хотели застрелить, смотрят, а у ружья-то нет замка. Вот один братец Иванец и говорит другому братцу Иванцу: «Сходи домой, возьми замок, а я тем временем огня разведу, и съедим тетеру». Как только один ушел — другой говорит третьему братцу Иванцу: «Долго проходит; ты полезь на ель и поймай тетеру». Братец Иванец влез на ель и хочет поймать тетеру, а та между тем вспорхнула и села на другую ель. Вот он, сидя на ели, раскачивается и хочет перепрыгнуть на другую ель. Прыгнул, да не на другую ель, а на землю и убился. Приходит братец Иванец и видит, что младший братец Иванец лежит на земле, и говорит среднему братцу Иванцу:

Братец Иванец тащит из ямы братца Иванца (рис. В. Ткаченко)

[1] *Полевать* — промышлять, охотиться (*примеч. ред.*).

«Ты, братец Иванец, и не подождал меня, застрелил тетеру, да и позавтракал». Пошли они дальше. Вдруг собака их напала на след какого-то зверя, побежала за ним, добежала до пропасти и вскочила туда. Пришли два братца Иванца к яме и видят, что нет собаки. Старший братец и говорит: «Я тебя привяжу за ноги веревкой, а ты в эту яму спустись, и когда поймаешь тетеру, затряси за веревку, и я тебя вытащу». Средний брат послушался слов старшего брата, спустился в яму и немного спустя затряс ногами. Брат потащил его. Тащит, потащит, а вытащить не может. Собрал все свои силы, вытащил братца без головы и положил его на землю возле ямы и думает: был ли брат с головой или нет. Пришел домой и спрашивает у снохи: «Евгения, была ли у братца голова?» Та отвечает: «Утрось блины кехтал[1], а головы посмотреть не догадалась».

Рассказ крестьянина П. Иванова

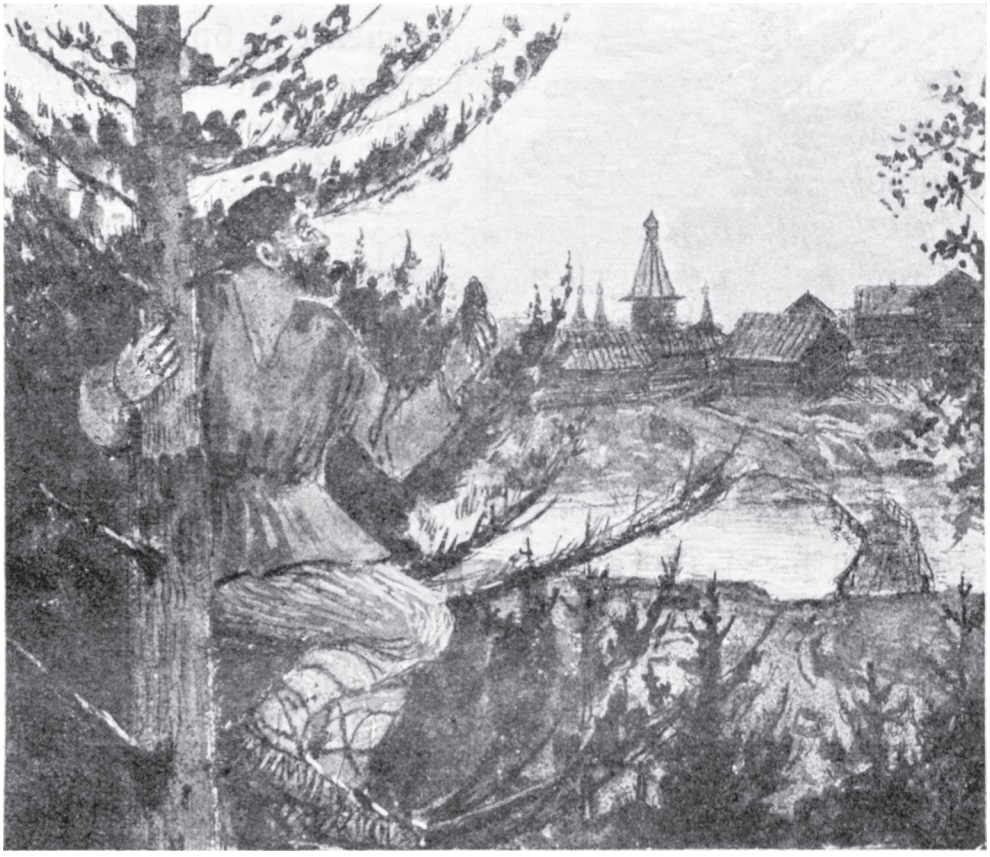
Знавал я мужика, тоже с Пельшины, такой дурной мужичонка, дурнее меня. Он-то и рассказывал, как нечистый носил. На Пельшине-то Егорьев день пивной праздник. «Я, — говорит, — с Егорьева дня пировал долго, пировал, пировал, да вижу: мужики-то беруччо за соху. Стой, думаю, будет и мне пировать; да пуще баба ругаеччо, поедом съела. Встал я утром ранехонько, нашел немножко винца, опохмелился да и говорю бабе: „Баба, я седни пойду в кузницу, надо сошники[2] товарить да начинать пахать“. — „Дак що? Ступай, будет уж пировать-то. Смотри-ка, все пашут, а у тебя сошники еще не готовы“, — и пошла, и пошла. Я схватил скорее шапку да сошники и побежал, а она еще на дорогу-то напевает. До кузницы не шибко далеко, иду это я потихоньку, и всего-то версты с четыре; думаю, все равно день-то манит, а в голове-то не то щобы шумит, а так неловко, ну, знамо, дело с похмелья. Вдруг, братец ты мой, нагоняет меня мужик на лошади, и мужик-то знакомый. — „Садись, — говорит, — паре, подвезу“. Я сел, и поехали. Едем да разговариваем. Подъехали к кабаку, мужик остановил лошадь. „Выходи, — говорит, — выпьем по стаканчику. Я привяжу, — говорит, — лошадь, да и иду за тобой“. Я вошел в кабак, выпил стаканчик, сижу, дожидаюсь мужика, а его нет да и нет. Вышел из кабака, смотрю: ни мужика, ни лошади нет, их и след простыл. Ну, думаю себе, видно, неохота ему меня везти-то, и обманул, и пошел я, братец ты мой, один; до кузницы недалеко, скоро дойду. Вот иду, смотрю: стоит солдат, да и с ружьем. „Куда ты, — говорит, — черт серый, лезешь, или не видишь, что здесь караул“. Что, думаю, за оказия, какой такой караул. „Да какой, — спрашиваю, — служба, караул-то тут?“ — „Дурак, видишь, застава, да ты, приятель,

[1] *Кехтать* — здесь: обжираться (*примеч. ред.*).

[2] *Сошник* — режущая часть сохи, плуга или других сельскохозяйственных орудий (*примеч. ред.*).

Братец Иванец влез на ель
(рис. В. Ткаченко)

откуда?“ — „А с Пельшины мы, — говорю, — будем“. — „Никакой я Пельшины не слыхал, где это такая Пельшина?“ — „Да в Вологодской губернии“. — „По кой это черт тебя сюда-то несет?“ — „В кузницу, я, служба, пошел, сошники наваривать“. — „Давно ли из дома-то?“ — „А часа с три; не боле будет“. — „Ну, дак скоро это тебя леший нес. Ведь ты пришел в Казань, верст триста за Москву, будет это Казань-то“, — говорит солдат. Вот те, думаю, раз, и взаправду меня черт носил. А служивый только хохочет, ему что? Не пахать, и надо, отстояв свои три часа, да и в казармы, а мне до Пельшина далеко. Расспросил я служивого, как мне пробраться домой, и пошел. Думаю себе, хоть и не так скоро, как черт меня нес, а все-таки дойду. Иду это я себе потихоньку, вдруг догоняет меня тройка, ямщик едет порожним. „Садись, — говорит, — подвезу“. Я сел, едем потихоньку, приехали в Москву, все как следует, да прямо к трактиле. Приходим в комнату, все как следует, трактил, дак трактил и есть, как и у нас в Кадникове. Ямщик заказывает чаю, принес нам половой



Сижу я на елке, и еловая шишка в руках
(рис. Л. Альбрехта)

приборы. „Дайте-ка нам, — говорит, — полумерок водки“. Принесли и водку, рюмки, все как следует. Ямщик наливает рюмку. „Пей“, — говорит. „Нет, брат, ты начинай“. Тот выпил, наливает другую. Я взял рюмку, хочу пить, да и перекрестился. Как, братцы вы мои, перекрестился, так ни Москвы, ни трактира, ни ямщика и не стало, а сижу я на елке, и еловая шишка в руках, а деревня-то наша и видна с елки-то. Дак вот какую штуку сыграл со мной леший, да скоро же он, ребята, и носит, а кажись, и ехали-то тихо».

Рассказ

Савватиев день в Заозерье — праздник, варят пиво. Мелешовский мужик забыл, как его звать-то, пьяница, рад празднику, ходит по деревне да пирует, в том дом сходит, да в иной, и понаберется. Вот уж поздно вечером вышел он из одного дома и видит в конце деревни огонек. «Пойду, — говорит, — еще

К лешему в гости
(рис. Л. Альбрехта)

туда, видно, есть гости, подадут стаканчик и мне». Шел, шел, огошки[1] не стало, и видит перед собой большое село, торговое, по обеим сторонам лавки с разными товарами, и торговцы сидят за прилавками. Как пьян не был мужик, а видит, дело не ладно, взял да и перекрестился. Как перекрестился, никакого села и не стало, а стоит он на лаве[2]; только бы еще шаг шагнуть — и упал бы он прямо в реку. От деревни-то, знаешь, река-то верст 5 хороших будет, вот он, огошек-то, где был.

—

В Городишке это дело было, тоже о празднике, только не знаю, о каком. Мужик-то другой из волости гостил там: везде-то он выгостил и пошел домой, больше уж гостить негде. Идет и говорит: «Где-где я не гостил, везде-то выгостил, разве только у лешего не был». Идет, а сам пошатывается. Вот и попадает ему навстречу старичок. «Пойдем, — говорит, — ко мне в гости». — «А далеко ли будет?» — «Недалеко, тут и есть». Попошли немножко, и видит мужик: стоит дом особняк — старик и ведет его туда. Пришли, смотрит мужик, на столе всего-то всего наставлено: и пива, и вина, и пирогов-то всяких. Посадили мужика за стол, угощают. Мужик выпил рюмку, а сам думает: «К лешему, к лешему я попал, наверное, надо выбраться». И говорит хозяину: «Спасибо, дедушка, за угощенье, всем доволен, только ты уж, пожалуйста, проводи меня на дорогу, надо домой идти, боюсь — не заблудиться бы». — «Ладно, — говорит, — пойдем». Идут они тихошенько, а мужик все думает: «Эх, заведет меня леший куда-нибудь, а делать нечего, попался, дак иди». Вдруг старик и говорит: «Топере, дядя, не заблудишься», — и не стало старика. Мужик смотрит, а он у самого своего дома стоит на крыльце. «Топере, — говорит, — верно, не заблужусь».

Рассказ

Около г. Вельска молодой парень ходил лесовать, ставил, значит, на зайцев силья, клещи, ну, ловил и других зверей. Только, значит, все неудача, что ни наставит ловушки, все пусто. Раз идет этот парень с лешни[3], попадается ему старичок: «Куда, — говорит, — паренек, ходил?» — «А ходил я, дедушка, лесовать, да ничего не попало». — «Плохо, — говорит, — видно, ты ничего не знаешь». — «Нет, дедушка, ничего не знаю». — «Нет ли, — говорит, — у тебя хлеба?» — «Нет, был, да весь вышел, а вот соли немного осталось». — «Давай, — говорит, — и соль». Парень подал старику щепотку соли, тот что-то нашептал и подал парню. «Вот, — говорит, — сходи с этой солью

[1] *Огошек* (*волог.*) — огонь, костер (*примеч. ред.*).
[2] *Лава* — здесь: подвесной мост, обычно без перил (*примеч. ред.*).
[3] *Лешня* (*перм.*) — лесованье, лесная охота, охотничий промысел (*примеч. ред.*).

на лешню: никогда не придешь с пустыми руками; только про это никому не сказывай. На какого бы зверя не поставил, тот непременно и попадет: поставил на зайца, попадет заяц, поставишь на лисичку, попадет лисичка». Вот парень поблагодарил старика и пошел домой. На другой день и пошел он в лес с клепцами[1] и поставил их все на зайцев. Дня через два приходит, а в каждом клепце по зайцу. Лесует парень, народ не может надивится — то рысь принесет, то лисицу, то норку, то каждый день по ноше, и никому не сказывает, отчего ему такая удача. Раз и собирается парень на охоту в воскресенье, эдак перед заутреней. Отец увидал, что парень собирается в лес, и говорит ему: «Полно, Ваня, не ходи в праздник, находишься и в будни, что за охота? Люди в церковь, а ты в лес». — «Нет, — говорит, — тятя, схожу. Клепцы поставлены давно, до обеда-то вернусь». — «Ну, — говорит, — как хочешь». Вот парень взял лыжи и пошел.

Идет, идет, а клепцов не видит, и зашел он, должно быть, далеко, смотрит: место незнакомое, мыс да выложки — и не пройдешь. Видит, что зашел неладно

Стоит дом преогромный, двухэтажный, и огоньки в окнах видно (рис. Л. Альбрехта)

[1] *Клепец* (*кляпец*) — здесь: охотничья ловушка (*примеч. ред.*).

Тащат всякой похлебки
(рис. Л. Альбрехта)

и идти не знает куда, пошел уж наугад, что, мол, будет. Шел, шел и видит: стоит дом преогромный, двухэтажный, и огоньки в окнах видно. «Дай, — думает, — пойду, что будет, то будет». Идет — двери-то не заперты. Вошел в комнату, смотрит, сидит тут девка, да и девка-то знакомая, из ихней деревни. «Ты как, — говорит, — сюда попал, Иван? Ведь неладно, здесь черти живут, и тебе, пожалуй, домой не бывать. Вот что, — говорит, — слушай, что я тебе скажу, то и делай. Сейчас придут к тебе черти и нанесут всего — и есть, и пить; ты только ничего не ешь и не пей, а то дома тебе не бывать. Потом тебя станут мучить и издеваться, ты не бойся, отступятся и потом уйдут, я в это время отворю двери, так ты не зевай, убегай». Только что она это проговорила, вдруг прибегают черти, только, значит, в человеческом образе, и тащат всякой похлебки и вина, ну всего. Только наш парень ни к чему не дотрагивается. Вот и давай его те мучить всяко-всячески. Мучили, мучили, видят, что толку мало — отступились от парня и ушли. Как только это они ушли, девка сейчас и отворила двери, парень выбежал, смотрит: лыжи прислонены к елке. Взял это он лыжи и пошел. Долго шел, а место все незнакомое. Мороз, есть

Один мужик увидал, что лежит человек
(рис. Л. Альбрехта)

охота, а есть нечего; из сил выбился, идти не может, и лег. Тут бы он и замерз, да, по счастью, ехали мужики по бревна, один и увидал; видит, лежит как бы и человек, а боится, потому тот весь черный. Мужики и говорят: «Да что ты боишься? Тоже див да крещеный, дак знает молитву». Мужик подошел и спрашивает: «Ты крещеный? А ну перекрестись». Тот перекрестился и прочитал «Отче наш». Тут мужики подобрали парня и увезли домой. Только даром ему это не прошло: отморозил парень и руки, и ноги, а все-таки и тепере жив.

Дак вот, значит, и опасно лесовать с наговором-то. Наговор наговору рознь.

Сообщ. Суровцевым

—

Сек мужик в лесу перелет (дрова, которые пролежали лето срубленными. Рубят обыкновенно весной для обдирки скал, потом оставляются, и если

скалы драли близко, то на следующее лето срубленные березы употребляются на дрова), насек поленницу и ушел. Только приходит на другой день рубить дрова, а поленница вся раскидана в разные стороны. Что за оказия, кто раскидал? Кажись, и прийти некому да некогда. Собрал мужик дрова, принялся опять рубить, нарубил, склал в поленницу и ушел. Назавтра опять приходит, смотрит — дрова опять раскиданы. Плюнул мужик да и говорит: «Видно, леший поленницы у меня раскатывает». Только что помянул лешего, вдруг, откуда ни возьмись, приходит к нему мужик. «Давай, — говорит, — дядя, помогу». — «Помоги, помоги». В это время мужик колол березовый кряж (бревно), коим заколачивал. «Суй, — говорит, — вот руки-то в щель, раздери мне кряж-то». Тот только засунул руки в щель, мужик лишь выколунул клинто. Э! Тот и заорал нечеловечьим голосом, да ну бежать с кряжем-то, и рук выдернуть не может. «Ладно, — говорит мужик, — потом поленниц раскидывать не будешь».

Да ну бежать с кряжем-то, и рук выдернуть не может
(рис. Л. Альбрехта)

Рассказ крестьянина А. Панова

Раз осенью я ходил по лыко вместе с Лаврушом с Мосиева (деревня). Дело это было около Покрова, подмерзло. Вот мы идем долбинкой (тропка), а время не рано, перед потемками. Вдруг слышим пение, вот поет кто-то. Да и раз я и говорю: «Лаврош, слышишь?» — «Слышу, — говорит, — кто-то поет». Слов разобрать не можем, а голос слышим. Ну, это так и оставили, мало ли кто поет. Попошли немножко, видим, березняк, такой хороший. «Давай, — говорю, — Лаврош, подерем этот лык». Он отошел эдак в сторону от меня, срубил березу, дерет себе лыка, я тоже. Вдруг как закричит во все горло, я испугался, да к нему ну бежать. Прибежал, спрашиваю: «Что ты, Лаврош?» А он и слова выговорить не может, только молчит. Еле-еле пришел в себя и говорит: «Пришла, — говорит, — ко мне девка, высокая, белая, косы распущены, да как схватит меня рукой за галстук (шарф), и галстук сорвала».

Пришла, говорит, ко мне девка, высокая, белая, косы распущены (рис. Л. Альбрехта)

Я посмотрел, а у него на шее пятно большущее, багровое, как будто пальцем придавлено. «Ну, — говорю, — Лаврушь, побежим скорее домой, это леший с нами шутит, чтобы чего худого не сделал, видно, березняк-от — это его». Тут мы с Лаврушем скорее домой, и лыка оставили. Истинная правда.

Рассказ про банника

Раз ходил мужик на реку по рыбу; звали его Иваном, по прозванию Вычурко. Приходит это он с реки в воскресенье и говорит бабам: «Бабы, истопитека баню, мне що-то охота попариччо». Те и говорят: «Да мы вчера ходили, ступай, ежели ты один, баню истопим». Вот истопили баню, и Вычурко пошел в баню уже под вечер. Ждут-пождут, Вычурка из бани нет. Домашние стали беспокоиться и пошли в баню проведать. Приходят, а он сидит посреди бани весь поцарапанный, ничего не говорит, ясыка (языка), значит, нет. Вынесли, это, его из бани, через сутки Вычурко и умер, так и не сказав, що с ним случилось.

Дело это было в Кокшельге. Мужик с сыном, лет эдак 20 было ему, сыну-то, рубили баню, срубили, как следует, отмастерили и топили уж ее. Вот сына-то и взяли в солдаты. Раз приходит баба и просит у солдатовой-то матери истопить баню, а та и говорит: «Да, дам я тебе баню топить, лучше, — говорит, — черту дам, пусть топит». Вот ведь оказия, черт-то привезчив. Що ты думаешь? Ведь привязался, окаянный, к словам, не дав жо топить баню никому. Как станут топить, братец ты мой, накладут каменку, затопят, только уйдут носить воду либо що, придут, а в каменке и пеплу-то не останеччо, не только що огня, все выпорхает окаянный, вот ведь какой. Эдак делал постоянно, как только затопят баню. Делать нечего, отступились и от бани. Вот года через три сын-то и приходит из солдат, все как следует — гостит. Раз он и говорит: «Истопи-ка, мама, баню». — «Истопить-то я бы истопила, да нельзя». — «Как так?» — «Да так, дитятко, черт не дает». — «Как не дает?» — «А как затопим баню, так все из каменки и вспорхает, и пеплу-то що есть не оставит». — «Ах он, распротак его м-ь. Да я рубил баню, да щобы и не мыться в ней; топи, мати, я пойду». Мать и говорит: «Нет, ступай банничай, как хочешь, а я не стану». Тот пошел, принес дров, наложил каменку и затопил. Что ты думаешь? Ведь ничего, протопилась каменка, солдат наклал другую, пришел домой и говорит: «Вот, — говорит, — стращали чертом, а черт, видно, вымылся сегодни и не топит». Ладно. Истопив солдат баню, и говорит: «Ну, теперь ступайте, мойтесь». — «Нет, — говорят, — мы не пойдем, а ты как хочешь». — «А знамо дело, я пойду». Взяв рубаху и пошел. Разделся, моется, все ничего. Вдруг из-под полка выскакивает мальчик и говорит: «Пусти, дяденька, помыться». — «А мойся, — говорит, — не жавко». Сам думает: «Невелик черт, как хвачу, так и голову отстегну». Совдат-то, говорят, эдакий был дюжий, проворный, да и молодой. Ну, силы было много. Смотрит совдат,

Банник
(рис. Л. Альбрехта)

а мальчишка все прибывает да прибывает. Видит солдат, что дело неладно. Надел рубаху, а подштанники взял в руки да как хватит подштанниками черта по голове наотмашь. Смотри, ведь тот устоял — не свалился. Совдат бежать, а черт уж в дверях, схватил совдата за руку, тот уперся в косяк и косяк выставил, а все-таки вырвался.

Черт и кричит: «Ну, смотри, боле не ходи в баню». — «Да и тебе не дам мыться», — говорит совдат. Пришел домой, рассказал дело да и говорит: «Баня хоть хоромина и небольшая, а все-таки черту уступать не след». Принес икону в баню да осветив ее св. водой, и черт после этова баловать не стал.

Записано Суровцевым
Вологодской губ., Тотемского пруда

Родительское проклятие

В дер. Полушкино жила семья, состоящая из старухи-матери и ее женатого сына Павла. Будучи исправным хозяином и хорошим семьянином, Павел, однако, имел пристрастие к вину. Раз, отправляясь на базар, он был напутствован своей матерью такими словами: «Если еще сегодня напьешься, то лучше унести тебя с дороги леший, а домой не являйся, чтобы тебя мои глаза не видали пьяного, прямо прокляну». Тот обещался не пить, но на базаре напился. Когда он пошел домой, то его вызвался проводить шурин. Через полчаса езды они распростились, и Павел всю остальную дорогу до дома проспал. Очнулся уже он в огороде своего дома. Перед ним стоял его шурин и старался растолкать его.

— Да ведь ты ушел от меня, — удивился Павел.

— Коли стою перед тобой, то, значит, не ушел. Ну-ка давай, вылезай поскорее из саней-то, вишь: в избе-то уж огонь зажгли, еще выйдут, да давай снимай крест-то и клади его в сани.

— Да как же я без креста-то? — спросил Павел.

— Ха-ха-ха, ну и чудак же ты, Павлуха, ведь сам давеча, как матка-то проклинала, небось, звал меня, если хоть выпью рюмочку, а теперь артачишься, хоть влил-то в утробу далеко не рюмку, а и весь полуштоф.

Снял Павел крест, положил его в сани и последовал за своим шурином. Этот увел Павла за деревню и поместился с ним на сарае, здесь они пребывали три дня.

Между тем привлеченные на двор ржанием лошади мать и жена Павла, не найдя его в санях, начали искать его, отправили даже на разведку двух парней. Когда поиски, предпринятые и наутро, оказались тщетными, то все начали говорить, что тут дело нечисто. Такое мнение получило особую силу, когда узнали о материнском проклятии, и особенно на другой день, когда в санях нашли крест. Поиски продолжались в течение трех дней. На третий день вечером, когда мать и жена сидели в избе и говорили, послышался на дворе среди метели жалобный стон. Перед окном болтался, издавая какие-то неопределенные звуки, Павел, подвешенный у желоба на кушаке. Собравшиеся со всей деревни мужики едва могли отцепить несчастного, так как он висел очень высоко от земли (изба была двухэтажная). Между тем один из мужиков поехал в наше село за священником. Прибывший священник исповедал Павла и запретил ему рассказывать то, что случилось с ним. Однако из того, что рассказал Павел до приезда священника, оказалось, что Павел бóльшую часть времени <пробыл> с лешим в сарае, что он побывал с лешим на разных фабриках и заводах Москвы и Петербурга и т. д. Носил ли Павла леший, или было что другое с ним, но этот факт вне всякого сомнения, что его проклинала мать, что он пропадал в течение трех дней, что его исповедовать приглашали нашего священника, который вполне верил в то, что его носил леший, что, наконец, и до сих пор его называют «Павлуха Проклятый».

—

Одной крестьянке до того наскучил плач и визг своего годовалого ребенка, что она в самых сильных выражениях пожелала, чтобы его унес черт. И едва она вышла зачем-то в соседнюю комнату, как услыхала усиленный плач своего ребенка и чьи-то удаляющиеся шаги. Вскочив в избу, она лишь заметила, что кто-то поспешно вышел из избы, неся ребенка в своих руках. Это был леший, вошедший в избу незаметным образом и взявший ребенка, пока его мать была в соседней комнате. Прошло несколько дней, в течение которых родители похищенного ребенка обращались несколько раз к разным знахарям. Эти объявили, что леший принесет ребенка вечером в 12 часов и положит на крыльцо, а дело родителей уже взять его. Так и случилось. Когда наступило 12 часов, то лежавший на полатях муж услыхал чьи-то шаги на ступеньках лестницы и голос: «Коли надо ребенка, то убирайте его поскорее». Но Иван и его жена до того перепугались, что совсем не в состоянии были выйти в сени за ребенком. «Коли надо, то убирайте его скорее, выходите за ним, вот он

Поспешно вышел из избы
(рис. В. Малышева)

лежит на крыльце», — повторил голос. Но отец и мать боялись выйти, и пока старались послать друг друга в сени, голос в последний раз сказал: «Ну, коли не надо его вам, то я себе возьму». Затем послышался тихий, жалобный плач ребенка и удаляющиеся тяжелые шаги. На другой день в пяти шагах от дома, у колодца, нашли ребенка мертвым.

Если родители проклянут своих детей, то является к проклятому черт и заставляет его прежде всего снять крест и затем водит его с собой известное время, причем питаются они тем же, что и другие люди, и даже вместе с ними, но незаметно для них; затем черт возвращает похищенного, обыкновенно он кладет его в бане в беспамятстве.

Редко такие случаи обходятся без телесных повреждений, онемений или умственного расстройства. Народ глубоко верит в силу родительского проклятия или в благословение похищения лешим. Родители часто злоупотребляют и величаются этим правом. Известен у нас, например, один почетный отец семейства, бывший церковный староста и человек во всех отношениях хороший, набожный и начитанный в Божественных писаниях, но любивший иногда выпить. Выпивши же, не мог терпеть никакого противоречия со стороны семьи и особенно со стороны своих сыновей, которых у него было три. В пьяном виде он всегда их величал Симом, Хамом и Иафетом, а себя воображал Ноем. Если они возбуждали в нем малейшее неудовольствие, то он постоянно угрожал им участью Хама и неоднократно в действительности проклинал младшего сына, чем доводил его до отчаяния и заставлял выдежурить часа два на коленях. Когда мольбы этого о прощении действовали на отца, то этот снимал свое родительское проклятие.

Веру народа в похищение лешим нередко эксплуатируют ради своих целей, так, наприм<ер>: ныне во время страды деревенской около дер. Загатино народ, отправляясь на жатву, заметил, что наверху громадного дерева сидит девка. Едва удалось ее снять. Девка отказалась дать какие-либо показания о себе, ссылаясь на то, что ее уж несколько месяцев носит леший и только сейчас ее выпустил и что за это время она успела совершенно забыть и свои имя, и родину, и т. д. Ее отвели в волостное правление, здесь ее узнал какой-то мужик, и ее препроводили домой. Она оказалась беременной и выдумала такую историю: несколько раз по ночам к ней приходил леший в виде молодого парня, заставлял снимать ее с себя крест, и... Когда она почувствовала себя беременной и сообщила о том черту, то этот предложил ей на время бежать. Она странствовала целые 5 месяцев, наконец она своими постоянными укорами до того надоела черту, что он посадил ее на вершину самого высокого дерева и покинул ее. Этому рассказу многие поверили, даже из мужиков.

«Если бы не черт, то как бы она на такую высь забралась, да еще и беременная».

Записал А. Ржаницын
Вологодской губ. Никольск. уезда

Сидит на высоком дереве
(рис. В. Малышева)

Рассказ о водяном

Водяной живет в реке, особенно у мельниц. Рассказы:

I. Одна старушка рассказывала, как однажды ночью она ловила лучом[1] рыбу на реке. Разложили мы луч и поехали, но при этом не перекрестились. Рыба сначала попадала хорошо. Видели было большую щучину, да побоялись рубить. Вот, значит, мы едем далее и видим — возле тростника лежит поверх воды мертвая кошка. Проехали мы мимо кошки, но после, как мы ни старались пристать к берегу, никак не могли; раза четыре подплывали мы еще к кошке; но как от кошки поедем до берега, все не можем доехать; и так мы промаялись до утра. Когда утром посмотрели, где мы находились, то оказалось, что мы за 5 верст уехали вниз по реке от места.

В кошке рассказчица видела водяного, который их так запутал, что они сами не знали, где находились.

Лежит мертвая кошка
(рис. В. Малышева)

[1] *Луч* — у рыбаков: пук лучины, зажигаемый для лученья рыбы, битья ее острогою (*примеч. ред.*).

II. Рассказ одного мужика, Василия, который в молодости ходил на заработки по чужим краям.

Жил я на порогах реки Шексны и возил там каменья в пороге на плотину. Однажды пошел я с товарищами на работу на праздник — воскресенье. С нами был один молодец, который отличался между нами хорошим поведением: вина и пива не пил, табаку не курил и песен никогда не пел. В воскресенье молодец этот встал рано и стал нас звать идти купаться. Мы согласились, человек 8, и пошли к реке, к тому месту, где знали, что неглубоко — около порога. Вот, значит, идем мы к реке — разговариваем, вдруг у нас этот молодец стал песни петь, несмотря что было воскресенье. Мы стали ему подпевать и так шли к реке. С нами шел старший брат этого молодца, но дорогой своротил в сторону ягоды есть, а мы тем временем пришли к реке, разделись и стали купаться. Хотя Шексна река и большая, а в этом месте, где мы купались, было мелко, всю реку можно было пройти бродом по грудь глубины. Вот этот молодец и говорит: «Здесь, братцы, очень мелко, я пойду к плотине, там хорошо плавать и нырять, там глубоко». Мы его стали было отговаривать,

Собака понюхала утопленника
(рис. В. Малышева)

но он не послушал. Сначала он шел к плотине, постепенно погружаясь в воду все глубже и глубже, наконец его стало скрывать, тогда он поплыл, а потом взял и нырнул к плотине. Долго его не было видно, потом показался да и крикнул во все горло: «Ребята, гину». Но его снова утянуло книзу. Мы все стояли, не зная, что делать. Смотрим, его снова выкинуло на берег плотины; недолго он тут полежал — ноги в воде, а руки и голова под водой, и его опять удернуло в воду. Мы видим, что неминучая, повыскакивали все из воды на берег и закричали брату — тот скоро на зов прибежал. Хотел было броситься в воду вытаскивать брата, но мы его удержали. Долго потом его искали и насилу нашли. Когда его уже мертвым вытащили из воды, то он был в сидячем положении: руки поддерживают подбородок, а локти рук упираются в колени. На обеих ногах у него заметны 5 пальцев руки; места эти посинели и даже вдавились. На ночь остались его караулить я да его брат. Вот, значит, мы развели огонек и сидим, разговариваем. Стало уже темнеть. От утонувшего мы сидели саженей в 5. Вдруг, откуда ни возьмись, черная кошка вскочила на утопшего, посидела недолго и убежала прочь. Немного погодя прибежала собака, которая понюхала утопшего и также убежала прочь. Нам стало жутко. Сидим и молчим. Вдруг опять, откуда ни взялось, стадо огромное коров и быков; все они приблизились к утопшему, окружили его и стали мычать и рявкать. Мы до того перепугались, что не знали, куда и деваться. Вскоре стало светать, и нам стало немного повеселее. В заключение рассказчик сказал: «Все это водяной проделывал такие ужасы, чтобы устрашить нас, а когда бы мы убежали, то, пожалуй, водяной утащил бы опять в воду мертвое тело».

Рассказ одного рыболова

Жил я на берегу Сухоны, в Тотемском у<езде>. Раз собрался я с вечера идти на ночевую удить рыбу; набрал червей, запасся всем необходимым и хотел было идти. Жена стала почему-то уговаривать не ходить на ночевую удить, я ее не послушал и сказал: «Не черт меня съест на реке-то». Вот, значит, уселся я в лодочку и поехал к тому месту, где знал, что рыба хорошо берется. Приехал к месту, но так как было уже довольно темно, то я не стал удить, а вышел на берег и развел огонек. Поутру, только что занялась заря, я выехал на лодке почти на середину реки и стал в небольшой тростник. Погода стояла чудная, рыба в реке так и играла. Я подумал, вот вовремя-то выехал; раза два закинул, и хватился мне огромный лещ, который стал биться и ходил на лесе долго-долго, а потом как плеснется по воде, и унес у меня более половины лесы. Я навил другую лесу и снова стал закидывать. Сначала рыба долго не брала, после плеску леща, но потом, слышу, крючок кто-то потащил, я дернул и вижу — небольшой голавлик, фунта 2. Стал я его потаскивать к лодке, вдруг, откуда ни взялась, щука, хватила у меня голавля, и у меня лесы опять как не бывало.

Корова эта поплыла по реке вниз
(рис. В. Малышева)

Навязал я третью лесу, но рыба не клевала. Сидел, сидел, наконец наскучило, положил удилище в лодку и стал вертеть сигарку, взглянул в сторону своей деревни и вижу: из-под одного амбара на берег выбежал беленький зверек и спустился к реке. Сижу я в лодке, покуриваю табачок и вижу, мимо лодки несет головешку, которая немного поплыла, а потом стала подниматься вверх по течению реки, и так раза три, между тем как в этом месте заводи никакой нет. Сижу я в лодке и смотрю, что будет дальше; вдруг головешка эта куда-то скрылась, а вместо нее, откуда ни взялась, черная собака, которая стала плавать взад да вперед около лодки. Поплавала немного, потом повернула к лодке. Я до того перепугался, что позабыл сотворить крестную молитву, как можно скорее снялся с якоря и поплыл изо всех сил к берегу. Как только выскочил на берег, посмотрел назад: собаки нет, а вместо нее плывет рогатая пестрая корова, тут-то я и вспомнил сотворить молитву и стал читать «Да воскреснет Бог...». Корова эта поплыла по реке вниз и скрылась. Потом я слышал, вдали что-то долго хлопалось по воде, между тем как валов на реке и ветру не было. Вот страху-то насмотрелся, что и теперь даже страшно рассказывать.

Рассказ мужика о лесовине

Однажды пошли мужики лес делить. Дело было зимой. Пришли на место, развели огонек, а потом взяли, с общего согласия выделили одну полоску и продали ее одному зажиточному крестьянину. На вырученные деньги заслали за водкой. Водки принесли за проданный лес довольно, и ее в лесу всю выпили. Домой пошли навеселе. Один мужичок позабыл у теплины (место пожога[1]) рукавицы и воротился за ними. Подходит он к теплине и видит: стоит у теплины какой-то мужчина и греется. Подошел мужик к рукавицам, взял их и хотел идти домой. Мужчина и говорит мужичку: «Давай бороться». И при этих словах взял его в охапку и бросил в огонь. Мужичок еле выполз из огня — весь обгорел. Мужичка пошли отыскивать и привезли еле живого домой. Потом он поправился. Бросил его в огонь не кто иной, как лесовик (д. Вантиевки, Иван П...).

Записано А. Поповым

Лесовик
(рис. В. Малышева)

[1] *Пожог* — участок с сожженным лесом (*примеч. ред.*).

Громило и дочь Шуша

Жил-был в стародавние времена ростовский воевода Громило. И имел этот самый Громило, окромя сыновей, одну только дочь Шушу. А была она, эта Шуша, и умная, и пригожая, так что в пословицу вошло: «Умна и пригожа, словно Шуша». А тот воевода Громило жил неподалеку от Ростовского озера (примерно сказать, там, где теперь с. Козохово). Вот поблизости его (Громилы) терема и *понравилось* Шуше место при Гремучем ручье: местечко было такое красивое, раздольное да привольное! Тут она частехонько время проводила, на цветочки-кусточки любуясь да к себе добрых молодцов поджидая: известно, дело девичье — о женихах, красных молодцах, думу думати. И так ей, значит, это самое место *понравилось*, что в некоторый час она просит своего родителя: «Родимый батюшка! Построй мне, своей дочери, девке с соболиной бровью, с горячей кровью, с сахарными устами, над здешними местами высок-светел терем, чтоб здесь я всю девичью жизнь провела и полюбовничков бы не завела». Все сделано, как по писаному. Созвали всякого народу-сброду, кого с борку, кого с сосенки: и каменщик тук-тук! И плотник тук-тук! Выстроился высок-светел терем. Вот и просит слезно опять младая Шуша своего отца: «А позволь ты мне, батюшка Громило, чтоб здесь мне было

Шуша со своими подружками
(рис. Л. Альбрехта)

и легко, и мило — разреши собрать подруженек-голубушек. Вместе мы будем век вековать, по женихам, как кукушки, куковать». И позволил-то ростовский воевода Громило. Как вошла в свой светел терем Шуша со своими младыми подружками, так и ахнула: *«Я весь век сидеть здесь буду!»* Похвалилась она, да не ко времени. А в ту пору княжил в великом граде Ростове Глеб Юрьевич Долгорукий. А ему ростовцы плохо повиновались, над ним издевались: «Нам тебя, княже, не надо, а пришлет пусть до нас великий князь Юрий младое чадо, своего другого сынка-ходунка (?)...» В том и били они челом великому князю Юрию с великой честью. А на грех, дело позамешкалось. Беда случилась немалая: напал на Ростовскую землю князь Михаил Зьяла и разграбил он терем Громилы и светлицу Шуши за то самое, что Громило не хотел выдать ее за его сына, за князя Константина Зьялу. Вельми распалил свое сердце и Шушу полонил. А когда он переходил со дружиной через Нерль-реку, повстречался с ним незнакомый воин на белом коне, выхватил Шушу, отвез ее домой во светлицу, да и был таков: в лесу скрылся. А Громило стал разведывать, расспрашивать у добрых людей, у ростовских мужиков: «Не знаете ли вы, добрые люди, ростовские мужики, кто это этот славный и могучий богатырь на белом коне, как его звать по имени, как величать по отечеству?» Никто не знает, ведать

Шуша стала ходить в церковь Божию и увидала там князя Ингвара (рис. Л. Альбрехта)

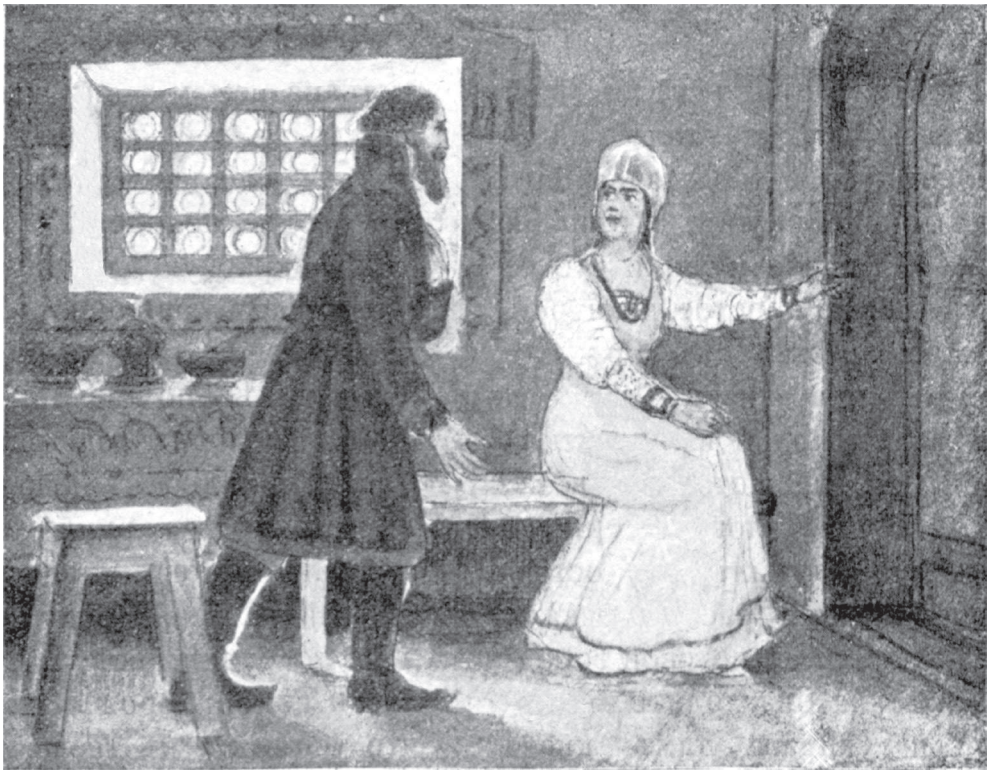
не ведает. Стали думать да гадать, и додумались, что это был великомученик Георгий, никто как он. И поставил воевода Громило во имя великомученика Георгия церковь деревянную близ светлицы дочерниной; а во той во светлице ей уж сидеть понаскучило; и стала она о чем-то тосковать-горевать и таяла, как свечка перед иконой святой. И решили добрые люди, ростовские мужики, что ее сглазили. А дело было простое, нехитрое, дело девическое: приехал к Громиле на праздник в гости князь Глеб, а с ним приехал молодой черниговский князь Ингвар (Игорь), который вот и приглянулся Шуше, словно корнем приворотным приворожил. А ростовский воевода по дочери своей плакал и тужил и перевел ее во свой городской терем; и стала она ходить в церковь Божию, и увидала там князя Ингвара. Прошла она мимо сего младого князя и зацепила (sic!) за него своей одеждой, будто ненароком. И взглянул на нее младой князь Ингвар и узнал в ней красную девицу, что видел у воеводы Громилы. Распалилось его сердце молодецкое: как тут быть, чтобы красную девицу добыть? А у боярышень нянюшки-мамушки догадливы, на златую казну повадливы. И уладила дельце нянюшка-мамушка, свела добра молодца с красной девицей. Стали они вдвоем ночи коротать, друг друга за белы руки хватать. Вот и молвил таково слово князь Ингвар: «Отдай за меня дочку,

Шуша таяла, как свечка перед иконой святой
(рис. Л. Альбрехта)

воевода Громило, а не то будет всем нам не мило, и твоей седой бороде невеликая честь, что успел я к твоей дочери в светлый терем залезть». Нечего делать. Согласился Громило волей-неволей. А в то время пожаловал в Ростов ко князю Глебу драгой гость, брат его князь Мстислав, и увидал он раз тоё самое Шушу, и полюбил ее, и стал свататься. Хорош был женишок, да за девкой водился грешок. Пришлось воеводе Громиле отказать наотрез: «Почто, княже, за чужой невестой полез? Почто опоздал? Допрежде тебя заклевал у меня дочку-девицу, младую голубицу, другой млад ясен сокол, князь Ингвар. О том ты знай и ведай, а за чужим столом не обедай: голоден будешь, княже!» И поехал вскоре воевода Громило к великому князю звать его к себе на свадьбу; а в ту пору, как был у великого князя, явился третий женишок, не проведавший про девичий грешок, князь Василий, родной брат князя Мстислава, удалая голова. Недолго думая-гадая, полюбил он Шушу, что свою собственную душу, и увез ее обманом из родительского дома, и скрыл ее у боярина Челига (неподалеку от реки Москвы, где ныне Веска, Вощажниковской волости).

Воин на белом коне выхватил Шушу, отвез ее домой
(рис. Л. Альбрехта)

А Мстислав-князь туда прискакал: значит, пронюхал, где его девица живет. И стал упрашивать ее, улещать, уговаривать. И не имел никакой удачи; даром истрепал хвост у своей княжеской клячи! А кляча та сто рублев стоила. А Шуша его таким ответом удостоила: «Тебе, княже, девку смущать не пригоже; пожалуй, получишь кулаком по княжеской роже. А у меня тяжелая рука: вот я дам тебе тумака! Сотвори лучше благо, отвези меня домой к батюшке огорченному да к моему мужу нареченному. Сделай милость!» А жена боярина Челиги, злющая баба, дает князю Мстиславу такой совет: «Повремени, мой совет. Девичье сердце переменчиво. Твоя будет!» И узнал о том, проведал сам великий князь Юрий Долгорукий, и зело распалился гневом на сына, и послал его с Великим Новгородом воевать, заказал с чужими невестами баловать. А потом и князь Глеб не стал даром есть ростовский хлеб, ушел на помощь к князю Мстиславу добывать себе честь и славу. Вместе с ним ушел и князь Ингвар. Мало время спустя заключили перемирие. А в ту пору, как кровь людская неповинная христианская литься на время перестала, князь



Шуша его таким ответом удостоила: «Тебе, княже, девку смущать не пригоже»
(рис. Л. Альбрехта)

Ингвар пировал в гостях у новогородского князя, а князь Мстислав поехал на охоту стрелять птиц из лука по быстрому полету. А незадолго перед тем случилась между ними свара (ссора): укорил князь Мстислав князя Ингвара с великой издевкой, что он не повенчался с Шушей, распрекрасной девкой. И захотел ему князь Ингвар зело отомстить, и поскакал он в лес за Мстиславом-князем. А лес тот был дремучий; и услыхал он во том во дремучем лесу звериный вой, человеческий стон; и видит зверя дюжего, матерого, медведя мохнатого; и держит медведь в лапах князя Мстислава, инда косточки хрустят, стон такой — как людей холостят. Позабыл он Мстиславину грубость; убил зверя дюжего, матерого, спас жизнь Мстиславу-князю. А тот молвил ему с великим земным поклоном: «Прости меня, будем братьями. Не хочу я теперь думу думать о твоей Шуше; вот тебе перстень златой, обручись ты им с Шушей, володей ее красотой!» Тут князья помирились, в Велик Новгород воротились. А в Новгороде колокола на Св. Софии звонят — таково хорошо! Значит, мир заключен, Новгород довольно поучен. Зачался пир на весь

Князь Ингвар убил зверя и спас жизнь Мстиславу
(рис. Л. Альбрехта)

новгородский мир. Угощал новгородский боярин Горяшин: его терем был уж больно златом-серебром разукрашен; а в том терему сидела его дочка, красная девочка. И приглянулась она князю Мстиславу, и сыграл он свадебку на славу. А князь Ингвар в Ростов-град прискакал, боярина Челига за бороду оттаскал, а его жену — плеткой: больно уж князь-то был милостивый да кроткий! И женился князь Ингвар на Шуше, стал жить-поживать да княжат наживать. Сказывал мне старый дедко, что Шуша родила нередко. Почему-ста и не родить, коли есть чем сынков наградить? Дело-ста княжеское, панское, а не наше-ста крестьянское.

Сказка. Баранья голова
(Кокошиловской волости)

Жил старик со старухой. Детей у них не было. Вот раз старик и говорит своей старухе:

— Я, старуха, пойду в лес за рыжиками.

— Что ж, поди с Богом, — ответила ему жена.

Пошел старик в лес и нашел там баранью голову. Он перекрестился и поднял ее.

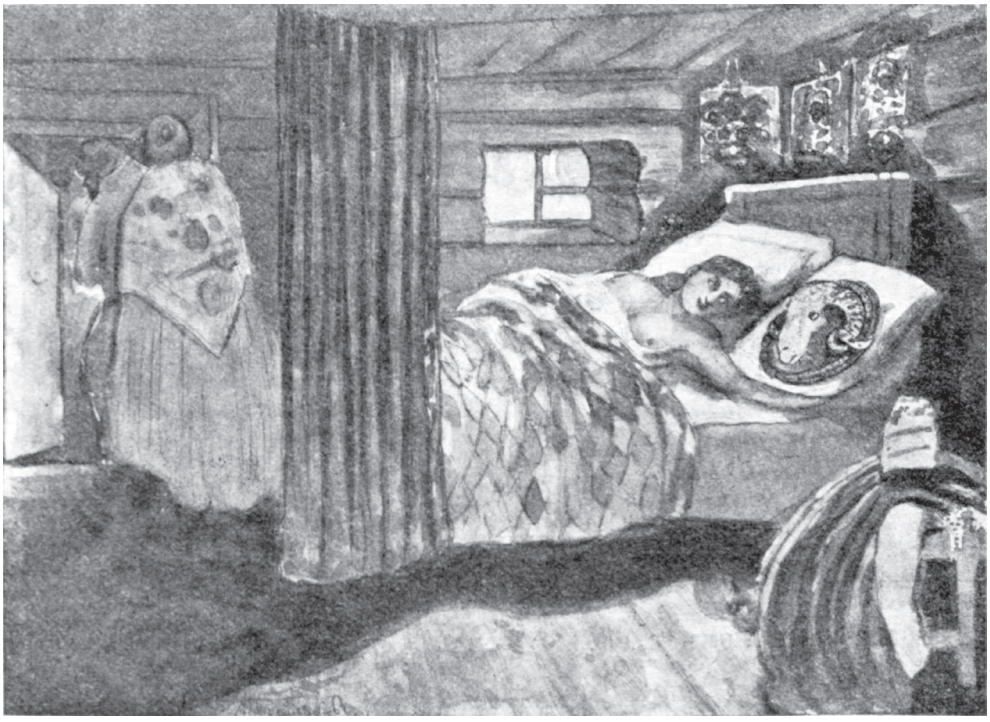
— Ну, — говорит он сам про себя, — слава богу, Господь послал мне целую баранью голову. Пойду скорей домой. Теперь мы со старухой наварим хороших щей!

Принес он баранью голову домой, старуха ее выпалила, вымыла и хотела уже класть ее в горшок. Как вдруг голова эта заблеяла и говорит человеческим голосом:

— Не варите, а жените.

Старик и говорит своей старухе:

— Слава богу, доброхот. Не станем варить, а будем женить.



Невеста на постель легла, а голову на подушку поставили
(рис. А. Третьякова)

Пошел старик в лес и нашел там баранью голову
(рис. А. Третьякова)

После того сосватали невесту и собрались свадьбу играть. Положили баранью голову на тарелку и поехали к венчанию. Стали венчать: невесту вкруг налоя водят, а баранью голову на тарелке носят. Повенчали. Приезжают домой. Стали столовать. Голову бережно на стол поставили. Села и невеста за стол. Отстоловали. Невесту повели, а баранью голову на тарелке понесли. Невеста на постель легла, а голову на подушку поставили. Все ушли.

После того баранья голова скатилась на пол, сняла с себя одну кожу, другую и третью и стала прекрасным добрым молодцем. Вот он и говорит своей молодой жене:

— Никому не сказывай про три кожи, и я все такой буду, а скажешь — так уйду.

Прошла ночь. Добрый молодец опять натянул свои кожи и снова стал бараньей головой.

Но лишь только настал день, молодая не утерпела и сказала своей свахе, что баранья голова есть прекрасный молодец. Он узнал об этом.

Приходит следующая ночь. Опять скатилась баранья голова на пол, покидала все свои три кожи и сделалась добрым молодцем. Потом он и говорит своей молодой жене:

И видит: сидит Ега-баба на печном столбе
(рис. А. Третьякова)

— Не утерпела ты три ночи, теперь я уйду от тебя далеко, за тридевять земель, в тридесятое царство. Там ищи меня.

Вот он ушел. Жена запечалилась. Она сковала себе три посоха и три просфоры железные и отправилась в путь-дороженьку.

Шла она, шла, весь посох исподпирала и просфору железную изгрызла. Дошла до истопки[1] и говорит:

— Истопка, истопка, к лесу задом, ко мне передом; не в тя влезти, хлеба ести, год годовать, либо ночь ночевать, либо и нет.

С этими словами она отворила двери в истопку. И видит: сидит Ега-баба на печном столбе. Она сказала Еге-бабе:

— Пусти, бавшенька, ночевать?

— Ночуй, ночуй, — ответила Ега-баба. — Куда ходишь? — спросила она молодую.

А та ей и говорит:

— Ты сперва напой и накорми, а потом со мной и говори.

Ега-баба ее накормила, напоила и стала спрашивать, а молодая стала ей сказывать:

— Не видала ли ты бараньей головы? — проговорила она.

— Был, был, да ушел, — ответила Ега-баба.

Девушка в царском саду

Жил-был старик со старушкой. Было у них двое прекрасных детей: сын и дочь. Вдруг старик захворал и помер. Старушка недолго пережила его и, умирая, приказала детям жить дружно. Долго жили сироты спокойно; потом брат женился. Попалась ему в жены злая Баба-Яга. Брат хоть и женился, по-прежнему любил свою сестру и велел ей управлять хозяйством, как хочет. А жене это не нравилось; она сама хотела хозяйничать и за это стала ненавидеть золовку. Однажды брат пошел в лес и простился с сестрой, а жене ничего не сказал. Это рассердило Бабу-Ягу; она пошла в хлев, убила там коров, овец и лошадей. А мужу сказала, когда он возвратился, что все это сделала его сестра. Он за это нисколько не рассердился, только сказал: «Пусть бьет, они ведь и ей принадлежат». В другой раз Баба-Яга перебила посуду и опять сложила вину на золовку, а муж и теперь не рассердился, только сказал: «Посуда ведь и ей принадлежала». Наконец, когда ничто не помогало, Баба-Яга в отсутствии мужа убила своего новорожденного сына и в этом обвинила золовку. Теперь муж поверил жене, очень рассердился на сестру и стал придумывать, как наказать ее. Тогда жена посоветовала: «Пойдем все вместе по ягоды; там можешь у ней отсечь руки; так ее и оставим». Муж согласился на это, и втроем они отправились на остров по ягоды. Там Баба-Яга приказала мужу и золовке

[1] *Истопка* — здесь: изба (*примеч. ред.*).

Когда девушка принялась за это дело, брат отсек у нее обе руки на краю лодки (рис. А. Третьякова)

вытащить лодку из воды, чтобы кто-нибудь не увез ее. Когда девушка принялась за это дело, брат отсек у ней обе руки на краю лодки, отправился потом с женой домой, а сестру оставил на острове.

Девушка и пошла по острову. Наконец подошла она к прекрасному саду, в котором находилось много фруктовых деревьев; она села отдохнуть у них под тенью. Стала она теперь жить подле (корня) дерева и питалась ягодами и теми плодами, которые падали с дерева. А сад этот принадлежал царевичу. Однажды он видит во сне, что будто он гуляет в саду и находит в нем прекрасную девушку. Проснувшись утром, он припомнил сон и пошел в сад посмотреть, не сбудется ли сон. В самом деле, в саду он нашел девушку, поклонился ей и стал спрашивать, каким образом она сюда попала. Когда девушка увидала царевича, она хотела спрятаться в кусты, но царевич приблизился к ней и узнал в ней ту самую девушку, которую видел во сне. Она была прекрасна собой, но рук у ней не было, и потому она казалась печальной. Царевич начал ласково говорить с ней; она ободрилась и рассказала ему свое несчастье. Тогда царевич велел ей идти за собой и обещал жениться на ней. Она сперва не верила ему и думала, что он шутит; но когда он не отставал, наконец, решилась идти за ним.

Когда девушка увидала царевича, она хотела спрятаться в кусты, но царевич приблизился к ней (рис. А. Третьякова)

Прибыв во дворец, царевич тотчас отправился к своим родителям и говорит: «Поздравляйте меня с красивой невестой». Когда родители увидели девушку, они благословили его и начали приготовлять свадьбу. И таким образом царевич женился на безрукой девушке.

Несколько времени они наслаждались счастьем; все полюбили молодую царевну за ее красоту и доброту. Тут важные дела принудили царевича оставить на время дворец. На дороге он случайно остановился у брата своей супруги. Баба-Яга тотчас истопила царевичу баню, и он пошел париться. Между тем туда же приехал нарочный с вестью, что царевна родила прекрасного сына. Баба-Яга утащила письмо к царевичу и подложила другое, в котором было написано, что царевна родила щенка. Царевич выпарился и взошел в избу; ему подали письмо; он прочел его и пригорюнился о своем несчастье. Начал плакать и долго не говорил ни слова. Наконец он написал ответ и приказал оставить в живых и царевну, и новорожденного. Баба-Яга подложила другое письмо и в нем приказала тотчас положить царевну с младенцем в бочку и вытолкнуть ее в море. Нечего делать, должны были исполнить приказание царевича.

Бочка плавает по морю три года, а младенец между тем подрастал. Вдруг бочка наткнулась на что-то; младенец спросил булавку у матери, проколол в бочке дыру и через нее увидел, что бочка остановилась на подводном камне. Тогда он вышиб дно, вылез из бочки и сел на камень; вдруг большая волна унесла его в море, и он утонул. Печальная мать тоже вылезла из бочки, села на камень и стала просить Бога, чтоб как-нибудь пробраться на берег. Тогда пришла большая волна, которая унесла ее с камня на берег. Здесь она села и не знала, куда идти. Тут же на берегу одна щука запуталась в камнях и не могла высвободиться. Царевна поймала ее кухтами[1], а щука стала просить, чтоб она не убивала ее; царевна тронулась ее просьбами и отпустила ее. Тогда щука сказала из воды: «Не печалься, бедненькая; поди туда, на берег возле горы, там найдешь пену, умой ею свои кухты, тогда руки снова вырастут; перелей потом пену из одной руки в другую, так найдешь своего утонувшего сына». Царевна так и сделала. Руки снова выросли, и сын явился. Пошли теперь они искать себе убежище, наконец пришли в избу, где жила Баба-Яга с мужем. Случилось, что и царевич в тот вечер был на возвратном пути и остановился

Случилось, что и царевич в тот вечер был на возвратном пути (рис. А. Третьякова)

[1] *Кухты* — здесь: культяпки (*примеч. ред.*).

тут же. Путницу никто не узнал, до того обезобразили ее печали и несчастья; а она всех узнала. Подумали, что она ходит по миру, и удивлялись ее прекрасному ребенку. Ходит он по полу, пристально осматривает все, и избушка освещалась блеском от него. Царевич начал разговаривать с ним, и младенец стал рассказывать ему свою жизнь. Баба-Яга заставила его замолчать, но мать после докончила его рассказ.

Из этого узнали, что она супруга царевича, и удивлялись, откуда у ней выросли руки. Царевна тогда рассказала, как ей помогла щука. Обрадовались и отправились во дворец, а Бабу-Ягу привязали к лошадиным хвостам и разорвали.

Ерш

На море, на окияне, на острове на Буяне стоит бык печеный: в заду чеснок толченый, с одного боку-то режь, а с другого — макай да ешь.

Был ерш — клеветник и ябедник. Просился он у мелкой рыбицы, у пескозобицы, карася толстобрюхого в Ростовское озеро ночь переночевать и разогнал он всех по тинам и по болотинам: ельца — на стрельца, сорогу — на дорогу. Ростовское озеро своим называет и говорит, что есть у меня в Ростовском озере дворишко во дворишке, и в этом дворишке — коробишко в коробишке. Есть в том коробишке пути и намети, государевы грамоты на Ростовском озере. Вот они послали карасища толстобрюхого с жалобой к щуке-белуге, к судье праведной, к слуге государевой. Пал карась на коленки: «Рассуди наше дело, мать наша, щука-белуга, судья праведна, слуга государева, напросился к нам еще клеветник и ерш-ябедник в Ростовское озеро — ночь переночевать, день передневать, и живет он неделю, и живет он другую, и нас, мелку рыбицу, и пескозобицу, и карася толстобрюхого, разогнал по тинам и болотам; Ростовское озеро своим называет и пути и памяти объявляет». — «Поди, — сказала щука-белуга, — пускай ерш несет ко мне пути и памяти». Не послушался карася толстобрюхого ерш-ябедник, а ответил только: «Пошел от меня, не с тобой мне речь говорить и ответы держать». Послали за ершом осетрища — большую головищу, взяли этого ерша-клеветника, ерша-ябедника и потащили его нечестно — где рука, где нога, — к щуке-белуге, к судье праведной, к слуге государевой. Завел осетра ерш в невод и сам вырвался — убежал. По счастью, у невода была гнила матица, из которой осетрище — большая головища еле выбился, как гнилая колодина, и побежал опять он за ершом, догнал его на дороге и утащил нечестно к щуке-белуге, к судье праведной, к слуге государевой. Стала щука ерша спрашивати: «Как ты, ерш, смел Ростовское озеро своим называть и добрых жильцов из него вон разгонять? Есть у меня на Ростовское озеро пути, памяти, государевы грамоты. Что же ты не нес их сюда с собой?»

— Не нес вот почему, щука-белуга, судья праведна, слуга государева, — что когда горело синее море и Ростовское озеро, тогда сгорели мои пути, памяти, государевы грамоты.

— Кто же были у тебя на пожаре?

— Был на пожаре налимишко — большая головища, коему пала в лоб тогда головня, оттого у него и лоб черен; был окунь, — опалило у него переперья, оттого они и красны; был чебак, у которого сожгло глаза, оттого они не без пятна.

Собрали свидетелей к судье-щуке, спросила она их о пожаре. «Что ты, — говорят, — щука-белуга, судья праведная, слуга государева, где слыхано, чтобы сине море горело и огонь воду жрал?» Стали набираться люди, чтобы посмотреть ерша диковинного; пришел Андрюха и на ерша зрюхал, пришел Клиша — ударил ерша клином, пришел Якимко и бросил ерша в мякину, пришел Фома и потащил ерша в омута, пришел Фекля и ставит на ерша петлю, пришел Исаак и поймал ерша на сак[1], пришел Федот — ерш-от уж не тот, позвали Дороню — потащил ерша на дорогу, пришел Елец и потащил ерша на крылец, пришел Назар и потащил ерша на базар, пришел Елеса и оценил ерша в два гроша, пришел Давыд и зачал ерша давить, пришла Ненила и об ерше повыла, и под послед пришел Савва и вынул из ерша три пуда сала.

Мизгирь[2]

В старые года, в первоначальные времена, учинилась ромода[3] — в краю, на болоте. Мухи, комары завоевали, по безделице забраковали, — что не лучшего ловца, борца — мизгиря в дело не ставят; а мизгирь стал сердиться да весьма ретиться[4], стал он ножками трясти да мерешки плести. Не откуль взялась и прилетела оса — нага и боса и без пояса — и чуть она не пала, к мизгирю в сети попала. А мизгирь — он начал ее бить да губить и за горло давить; а оса-то скачет и смешно плачет: «Тошно мне да моей голове на чужой стороне! Краше бы мне жить во своей слободе, а суды бы мне не метаться и суды бы мне не бросаться... Ах ты наш батюшка, мизгирь! Мы люди вольны, головушки наши больны, а дети мои малы — безвинно погибнут». На то мизгирь, не глядя, отвертел осе голову, как козлу. Собирался на погребенье весь честной крылос; а паут — зеленая голова был честным господином — попом; строка[5] не кошна — дьяконом; муха зелена — дьячком; а комар — пономарь; а мошка грязна — просфирня была. И тут они осу честно отпели, мертвые

---

[1] *Сак* — сачок (*примеч. ред.*).

[2] *Мизгирь* — паук (*примеч. ред.*).

[3] *Ромода* (*перм., новг.*) — толпа, возня, суета (*примеч. ред.*).

[4] *Ретиться* — горячиться, храбриться (*примеч. ред.*).

[5] *Строка* — овод (*примеч. ред.*).

кости похоронили, и сами все в разные стороны полетели. И потом стакались, сговорились ребята — удалые головы; шершень да паут — зеленая голова, жук толстой, а ум простой, не скора похотка, не легка пометка, и нечистая говоря: «И пойдемте, ребята, на великую больно выручку и изломаемте у мизгиря сети». И пришли они к мизгиревой сети. Шершень залетал, забушевал, свою храбрую поступку явил — у мизгиря сеть проломил; а жук толстой — ум простой, не скора похотка, не легка говоря — едва в готовую дыру провалился; а паут-от — зеленая голова — залетал, забушевал да мизгирю в сеть попал, то его мизгирь начал бить да губить да за горло давить: «Ах ты, паут — зеленая голова! Называешься ты честным господином-попом, а я ведь, — говорит мизгирь, — не деревенская девка; знаю, как попы-то поют!» Хлесть он его по щеке да по другой стороне; а у паута голова полетела. И со той побуды и со той баталии, со того кровопролития великого — все мухи и комары залетели на красное болото и залетели в осиново дуплище и заткнулись овсяным снопищем, и тут проклятому мизгирю никоторыми примерами добыть их нельзя; дак он ведь, собака, востер и догадлив был: стакался, сговорился с дураками — с мужиками, со бездельниками: со сверчком — со врагом да с клопом — блинником, с третьим тараканом: «Гой вы еси, братцы, удалы молодцы! Пойдемте со мной на красное болото, а на красном болоте стоит осиновое дуплище, а в осиновом дуплище — мухи и комары заткнулись овсяным снопищем, и тут мне, мизгирю, удалому молодцу, никоторыми примерами добыть их нельзя; дак ты, сверчок, сядь на кочку да испивай табашну мочку; а ты, клоп-блинник, по дуплу прохаживай да про меня, про мизгиря, проповеди рассказывай, а ты, таракан, потакай се одни». Сегодняшнего числа проклятого мизгиря сковали, связали и в Москву сослали, на Кобылине кнутом наказали, а на плахе голову отрубили; а таракан потакает, что точно дело было так. А мизгирь ножками трясет да мережки плетет — на пути, на дорожке, куда летают мухи, комары да мошки, в тепло место, в красну весну и в Петрово говенье. И услышали они эти проповеди, ототкнули осиново дуплище и овсяное снопище, полетели — да чуть не пали, да все к мизгирю в сети попали. И тут мизгирь сдивовался и сам срадовался, и говорит он: «Ах, братцы очень мелки!» — «Ах, ты наш батюшка-мизгирь! Мы люди вольны, головушки наши больны; жили мы на красном болоте, в осиновом дуплище и затыкались мы осиновым снопищем, и тут мы не допивали, не доедали. И куда ты хошь с нами и нашими мушными и комарными головами?» И тут он, мизгирь, заскакал, заплясал и их всех в грязь втоптал.

Мужик и царь

Шли по обжорному ряду два мужика, разговаривали. Один и говорит: «Кабы я был царем, я бы все лук ел!» А другой: «Нет, кабы я был царем, я бы все калачи с медом ел!» А царь тут и был, позади них шел.

Вот он и спрашивает одного: «Хочешь быть царем?» А тот мужик был смирный, — как увидал царя, испугался и говорит: «Нет, — говорит, — это я так только, пошутил». Царь спрашивает другого: «Хочешь быть царем?» Этот посмелее и говорит: «Хочу!» — «Ну, пойдем со мной!» — говорит царь. Пошли. Пришли во дворец. Царь велел мягкую постель изготовить и положить на нее мужика. Положили. Царь и спрашивает: «Ну, что, мужик, мягко?» — «Мягко», — говорит. «Хорошо?» — «Хорошо!» — «Крепко спать будешь?» — «Крепко!» — «Принесите теперича, — говорит царь слугам своим, — кинжал вострый и повесьте его над самой головой мужицкой на одной ниточке!» Тотчас же слуги принесли кинжал и повесили. Как повесили, мужик и взмолился к царю: «Батюшка, ваше величество, не дайте умереть без покаяния душе христианской, не загубите души крещеной, другу-недругу закажу в цари желать!» — «То-то же, — говорит царь, — вот так-то и вся наша жизнь царская ежечасно на ниточке держится! И жить хорошо, да опаски много! Иди теперича с Богом, — говорит царь, — и не завиствуй вперед цареву житью, а наипаче соболезнуй!» С тех пор полно мужик в цари лезть, и калачом не заманишь больше его на эту должность.

Рассказ про лешего

Знаешь, когда я жил в Лопатове монастыре лет 10 тому назад, ну дак вот какая история тут случилась при мне, уму помраченье. Недалеко от монастыря есть волость Пальшена — Пальшенская волость. Дело было по весне. Баба садила в огороде лук, на подмогу к ней приходит свекровушка, — баба и давай ее ругать: «Чего ты там запропастилась, не идешь садить луку?» — «Что ты ругаешься, ведь я с твоими ребятами вожусь, не оставить их одних. Вон, Маша-то побольше, дак и играет одна». В это время Маша, девушка лет 4, и бежит к матери по гряде, где насажен лук, та увидала и закричала на нее: «Ой, — говорит, — Никудимка-то тебя унесла, леший бы тебя унес, весь лук, — говорит, — истопчешь». Свекровь услыхала эти слова и говорит: «Полно, баба, говорить нехорошие слова, чего бы не случилось с Машей». — «Да ничего, небось не леший ее унесет, никуды не деваечче». — «А ты бы попридержала язык-то немного. Маша немного натоптала луку». Побранились бабы между собой и бросили. Известно, бабы дак бабы и есть. Тут пришли три девушки-подруги, Маша-то и пошла с ними в поле на лужок играть. Играют ребята, и Маша с ними, только вдруг, откуда ни возьмись, прибегает большущий серый волк, схватил Машу в рот и понес в лес. Баба со свекровью в это

Они побранились
(рис. Л. Альбрехта)

Серый волк схватил Машу в рот и понес в лес
(рис. Л. Альбрехта)

время досадили лук, свекровь и говорит: «Поди, баба, поищи Машу, приведи ее домой». — «Да она и сама придет». — «Поди, тебе говорю, приведи». Баба пошла к ребятишкам в поле, где они играли, а они ей навстречу бегут и кричат: «Ой, тетушка, прибежал к нам серый волк, схватил Машу в рот и ушел в лес; несет, а она кричит: „Ой, мама, ой, мама, ой, мама!“» Тут у бабы сердце так и захолонуло. Собрали народ, давай искать Машу, да фига найдешь, когда ее леший унес. После-то видали ее, да поймать-то никак не могут. Один мужичок говорил, что неодинова видел Машу: «Вижу, — говорит, — ее, да все за канавой, большая канава, и полная воды, мне все представляется, перейти никак не могу». Так и пропала девушка. Ходила баба с мужем и к знахарю, который знается с чертями, да и тот поделать ничего не мог. «Нет, — говорит, — ничего не поделаешь, служите молебны, дак разве что будет, а то ничего не поделать».

Острога в спине рыбака
(рис. В. Малышева)

Рассказ крестьянина про рыбака

Однажды летом рыбак поехал в лодке с товарищем острожничать. Наехали на такую рыбину, которая стоит на воде головой. Рыбак узнал, что рыба завсегда стоит против воды, а эта рыба по воде, однако осмелился всадить ей прямо в загривок, колонул в острожье обухом и сказал: «Благослови, Христос». Друк (вдруг) ни рыбины, ни острожья не стало; делать нечего, пришлось повернуть к берегу и идти к шалашу. Пришли, развели топлинку, сидят да греются, друк приходят два мужичка и зовут одного из них, который всадил рыбине острогу. Говорят, волей или неволей — ты должен с нами идти. Делать нечего, пошел мужичок за ними. Приходят в избу. В избе рыбак увидал острогу в спине у мужика; мужик стонет; стали спрашивать рыбака, зачем он ему воткнул в спину острогу. Мужик отвечает: «Вы, — бает, — знаете нашего брата, рыбака, зачем ездим ночью по воде в лодке, чтобы сонную рыбу этой самой острогой рубить. Я не знал, чтобы эта рыбина была человеком, потому саданул ей прямо в загривок и сказал: „Благослови, Христос“». Тогда старший из семейства сказал: «Ну, ладно, мужичок, вынимай острогу из спины, а вы, ребята, принесите розог». Мужик вынул острогу, а больной не отдает рыбаку острогу. Старший велел сызнова стегать: «Разве тебя опускают за тем, чтобы ты шалил да оборачивался щукой и пугал рыбаков, порите его пуще, шьте кожа от костей отставала». Отпороли крепко-накрепко, а больной все не отдает острогу, так и не отдал. Мужика отнесли в шалаш к товарищу, а товарищ уже давно его дожидается. Как только ушли те, мужик и бает: «Давай, брат, оденем два кряжа своими цежолками, а сами уйдем, ляжем в малиннике». Только успели спрятаться в малиннике, вдруг бежит, в котором была острога, прямо к кряжам и прямо втыкает в одного острогу: «Над-ко, и тебе попало в бок». А мужик из малинника и отвечает: «Не в меня, а в кряж». Так рыбак черта и обманул.

Записано в Костромской губ.

Рассказ про дурную привычку

Один мужик имел дурную привычку хлестать кнутом по сторонам, по кустам и деревьям, куда бы он ни ехал. Раз он пошел осенью в лес по грибы и заблудился... Утомился страшно, бродя по лесу целый день; сел на пенек отдохнуть. Свечерело. Видит мужик: невдалеке мерцает огонек. Пошел к нему. Огонек светился в избушке. Зашел в нее.

Здесь встретил он одинокую женщину, которая мучилась родами. Он помог ей разрешиться от бремени. Она попросила у него русского хлеба. Он дал ей кусочек.

В полночь послышался необыкновенный шум в лесу.

«Это мой муж идет, — говорит родильница, — спрячься на печку».

Вошел седой старик в белом балахоне, в лаптях и берестяной шапке (рис. В. Малышева)

Едва успел спрятаться мужик, как в избу вошел седой старик в белом балахоне, в лаптях и берестяной шапке.

Взглянул он на печь и говорит:

«А, приятель, попался, ты мне все глаза выхлестал: куда бы ни поехал, все хлещешь по мне кнутом; слезай-ка с печи, я похлещу тебя вершинами берез, так не будешь вперед хлестать без нужды по чем попало».

Но жена хозяина вступилась за мужика:

«Не тронь его, он помог мне разродиться и дал русского хлеба».

«Ну хорошо, что помог моей жене, а то худо бы тебе было», — сказал старик.

Нетрудно догадаться, что это был леший, а жена его — русская девка, проклятая своей матерью.

Рассказ про Ивана-жениха

Был морозный вечер. Ехал обоз извозчиков по дороге, пролегавшей дремучим бором.

Вдруг налево сквозь мохнатые ели мелькнул огонек. Извозчики начинают всматриваться и видят огромный дом, освещенный уже множеством огней.

— Диво дивное, — рассуждают они, — в прошлом году проезжали, ничего не было; а нынче какой дом выстроен. Кто же живет в этом тереме?

— Мой тесть живет, — пошутил Иван, один из молодых парней.

— Угадал, — послышался из лесу незнакомый голос, — поезжай ко мне, у меня есть для тебя невеста.

Волей-неволей парень должен был заехать.

Его приняли почетно: слуги убрали его лошадь на двор, а самого его привели в комнату хозяина. Хозяин — седой старик, одетый в белый бархатный кафтан, усыпанный блестящими пылинками, сидел на стуле. Пригласил Ивана к столу, за которым угостил его всевозможными кушаньями и заморскими винами. В половине пира тихо отворилась дверь, и в ней показалась молодая красавица.

В дверях показалась молодая красавица
(рис. В. Малышева)

— Ну, Иван, — сказал хозяин, — недельки через три приезжай за невестой. Из твоей родни с тобой никто не поедет, но ты не беспокойся об этом — набери побольше кабацкой голи и кати с ней сюда.

Так все и случилось. Как только подъехали к дому хозяина, слуги встретили их, повели в покои и одели в роскошные платья. Попировали на славу. Все были одарены богатыми подарками, взяли невесту с богатым приданым и весело поехали венчаться. Перед отъездом хозяин наказывал жениху:

— Смотри, Иван, как вернешься из церкви в свою избу и начнешь пировать — наружную дверь оставь полуотворенной.

Так и сделал жених. Во время пира никто с невесты глаз не сводит: такую красавицу нашел Иван где-то. Особенно пристально вглядывается в нее попадья и через несколько времени говорит:

— Батька, ведь невеста-то — наша Саша.

— Угадала: точно ваша, — ответил из сеней незнакомый голос, и вслед за тем раздалось хлопанье в ладоши и бешеный хохот. Теперь все стало понятно, кто был названый тесть Ивана. Дело в том, что у попа потерялась дочка, и долго не было о ней ни слуху ни духу; а потерялась она в сумерках, когда попадья за что-то рассердилась на нее и крикнула: «Чтоб тебя леший унес, проклятую».

Записано П. Вересовым
В Новогородской губ. Белозерского уезда

Рассказ старика Федора о кладах

Клады тоже разные бывают; кладут их с разными заклятиями, напр<имер>, попадется клад доброму человеку — в пользу, а худому — на гибель, а то такой зарок кладут на клад, что и век его не достанешь. А то черта на клад сажают; тогда его нужно обмануть, чтобы достать клад; тут, вестимо, без колдовства никто ничего не поделает.

Давно это было у нас в деревне, я и не помню, а старик батюшка покойный рассказывал: «Пошли искать клад; рассказано было, где найти и как взять и все такое. Ну, пошли ночью двое. Нашли место, стали рыть. Рыли, рыли, видят бочонок. А тут и подошла к ним черная корова (знамо, дьявол) да одного из них как ткнет рогом под бок, а тот и не вытерпел, сдернулся черным словом, т. е. „черт себя побери“, и т. п. Как только сругнулся, так клад-то и загремел и ушел от них; рыли, рыли — и слуху нет, ни бочонка, ни дыры, как провалился; и корова пропала. Вот какие клады-то бывают».

Крестьянка села Вассов о кладах рассказывала следующее: «Моему покойнику батюшке три раза снился во сне клад: и место, и как его взять. Спит это он, и приходит к нему мужичок старый, древний и говорит: „Иди ты, Тимофей, за Пасек, лесок небольшой, там найдешь кочку, под той кочкой клад лежит, ты его найдешь“. Проснулся батюшка, пошел за Пасек и вправду

нашел такое место, как ему старичок рассказывал, а рыть побоялся, говорят, дуже (очень) страшно бывает; тут со всех сторон так и налетят ведьмы и черти и стращают, а оглянуться никак нельзя, сейчас так и разорвут на клочки, уж иди, не оглядывайся, не откликаясь, кто бы тебя ни кликал. Три ночи подряд снился батюшке сон; так и не пошел он — побоялся».

Рассказ Осипа Гаврилова

Нужно тоже время, когда искать клад; в ночь под Ивана Купалу, 24 июня, цветет цвет — папоротник горит, как свечка; вот, говорят, нужно сорвать этот цветок, тут будут нечистики стращать, и что — и что не делать, а ты, зная, срывай. Потом пустишь огонек и иди за ним, он и приведет тебя к кладу. Только иди, не оборачивайся и ничего не бойся, а не то пропадешь. Бывает, что клад и сам встречается с человеком в разных видах: то клубком, то свиньей, а то так и человеком. Тогда нужно ударить его и кричать: «Аминь, аминь, рассыпься, клад». Он и рассыплется. А то мне сказывали, да забыл, где это было: купили дом хозяева, перебрались в него, на первую же ночь слышат: «Валюсь, валюсь», — кричит кто-то на потолке, просто все перепугались; бились, бились, днем искали, никого не нашли. И так каждую ночь; просто жуть напала, так и вышли вон из дома. Случилось, был в той деревне проездом барин; запоздал и попросился ночевать, а он тоже не верил ни чертям, ни ведьмам. Как услышал он про дом, где кричит, так и попросился туда; его свели, с ним пошел и хозяин. Вот в самую полночь и слышат: «Валюсь, валюсь», — а барин взял револьвер и говорит: «Вались». Вдруг раздвинулся потолок, а оттуда и лезет гроб. Барин как ахнет в него, и зазвенело по всему полу, когда они опомнились со страху, видят — на полу все одно золото рассыпано.

Рассказ крестьянки Кабановой

У крестьянки Кабановой умер взрослый сын Дорофей, горячо ею любимый. Она долго и сильно «горилась» (тосковала) по нему. Желая чем-нибудь разогнать свою тоску, она стала приглашать к себе в избу побирушек, которые проходили или проезжали по деревне, чтобы они своими рассказами развлекали ее. Одна из таких побирушек рассказывала ей такой случай:

«У матери одной, не хуже, как у меня, сын большой помер, больно она по нему тужила, да так, что задумала отрыть его — еще поглядеть разок. Взяла это она ночью лопату — пошла отрывать. Ну, на эту ночь не отрыла. На другую пошла — рыла, рыла — вдруг как оттель выскочит белая собака. Она со страха лопату кинула, да домой, а собака за ней, до самых дверей ее проводила. Ну, уж после того она на кладбище ночью не ходила. Это, значит, на нее наслано было — что такой грех задумала — мертвеца отрывать».

Про этот случай Кабанова говорила одной барышне. Рассказываемый случай напомнил ей, как она сама тосковала с мужем по сыне. Она продолжала свой рассказ так:

«Старик мой тоже все по Дорофею скучал, вот тоже, как сильно скучал. Только Бог ему сны хорошие послал: частенько он его видит, да так все хорошо: будто веселый такой Дорофей, да здоровый, и говорит ему:

— Не тужи по мне, отец, так мне здесь хорошо, достал я себе место хорошее. Вы там бьетесь, работаете, а мне здесь спокойно.

Раз хозяин на дворе спал, да пришел, мне и сказывает: „Ну, старуха, навидался я нынче с нашим Дорофеем, наговорился всласть“. Я себе на уме держу: хоть бы меня разок Бог повел его увидать. Вот легла я это раз, только заснула, и вижу Дорофея, да такого хорошего, нарядного: рубаха кумачовая, новая, штаны плисовые, и из лица он сам такой белый, хороший. Я его и спрашиваю:

— Сыночек, хорошо тебе там?

А он мне говорит:

— Хорошо, уж вот как хорошо, мамушка. Особливо по праздникам еще пуще хорошо.

А я ему:

— Это потому, сынок, что с отцом тебя по праздникам поминаем, подаем за твою душеньку на канун и угодникам свечки ставим. А что, сынок, — говорю, — по дому-то да по нас не скучаешь когда?

— Нет, — говорит, — мамушка, хорошо мне здесь очень, и не скучаю я, а только раньше вот кой-когда доводилось грязь ковшом черпать.

А это тут мы с отцом по нем дюже плакали».

Рассказ про домового

По словам женщин, домовой очень не любит, когда, принесши дрова, кто-либо из женщин бросает их с размаху на пол вместо того, чтобы положить их потихоньку. Особенно нехорошо это для беременной женщины. Когда у такой беременной женщины, не угодившей домовому, родится дитя, то домовой начинает ей за то, что она бросала дрова на пол со всего размаху вместо того, чтобы положить их потише, мстить таким образом: когда эта женщина начнет класть к себе на постель своего уже подросшего несколько ребенка, домовой является к ней во сне и начинает ее дразнить и лезть к ней. Женщине представляется: поблизости около нее находится какое-то полено, она схватывает это полено и бросает им в домового. В эту же самую минуту она бывает внезапно пробуждена криком своего собственного ребенка, которого она, считая во сне за попавшееся полено, сбросила на пол.

Одна крестьянская женщина рассказала про лесового такой случай: однажды она была в лесу и собирала грибы. Вдруг она была привлечена необыкновенным явлением. На суку елки стояла нарядная девушка. Женщина протянула

было руку, чтобы снять эту девушку, но та спрыгнула на землю и спряталась в кусты. Женщина начала ее отыскивать, но тут ей представилось, что она вдруг попала в какое-то болото и стоит в нем по горло. Тут она начала кричать и звать на помощь своих недалеко находившихся товарок, крича из всех сил: «Бабы, поратуйте, заливаюсь». Товарки, сбежавшиеся на этот крик, были весьма удивлены — кричавшая женщина стояла на сухом берегу около елки и благим матом визжала: «Бабы, поратуйте — заливаюсь». Кое-как стащили ее с места. Тут она только заметила, что вместо представлявшегося ей страшного болота она стоит на сухом берегу. «Это тебе, кумушка, должно быть, домовой осетил[1], что тебе представилось болото, в котором ты заливалась. То-то значит не в добрый час попасть», — закончила свою речь кумушка, и все поскорее поспешили уйти из леса.

Другой случай был такого рода: одна женщина шла с мальчиком в поле. На перекрестках или росстанях женщина эта за что-то рассердилась на мальчика и обругала его черным словом, т. е. назвала его чертом. Вдруг в это же самое время явился ей на перекрестках тут же какой-то незнакомый мужчина и стал ей загораживать дорогу, не пуская перейти росстани. Так провозилась эта женщина дольше получаса. Наконец она поняла, что тут дело неладно, что перед ней стоял не простой мужчина. Она как-то произнесла в уме: «Господи Иисусе Христе». После чего этот неизвестный мужчина внезапно скрылся.

В другой раз однажды несколько женщин собирали ягоды в лесу. В самый полдень они только что расположились около одного болота, вблизи которого протекал ручеек, как одна из них увидала, что по самому болоту идет какая-то женщина, вся в черной одежде, низко накрывшись черным платком. Женщина, испугавшись этой незнакомой, довольно странной фигуры, закутанной во все черное, поспешила скорее сообщить об этом своим товаркам. Все из них отлично видели, как незнакомка эта прошла болото, ничуть не утопая, и быстро скрылась в лесу. Женщины эти, порешившие, что это непременно шла лесовиха, поспешили скорее уйти из лесу. Когда идешь из лесу, то, по мнению крестьянок, никак нельзя ходить с дороги вправо для своей естественной потребности, а непременно нужно сходить в левую сторону, иначе осетит того человека лесовой и уведет куда-либо в лес так, что он может заблудиться.

Однажды один крестьянин ехал по лесу с сыном своим на плохой лошаденке. Он отстал от своих товарищей и еле-еле плелся по дороге. Вдруг его нагоняет всадник на хорошей вороной лошади и говорит ему: «Ты ведь, дядя, заблудился, поезжай за мной». Мужик и в самом деле подумал, что он заблудился, и, свернувши с настоящей дороги, поехал за этим незнакомцем. Так проехал мужик кое-как на своей плохой лошаденке с полверсты. Всадник, видя, что мужик все отстает на своей плохой кляче, говорит ему: «Дядя, тебе тяжело ехать, сажай ко мне твоего сына». — «Нет, — говорит мужик, — как-нибудь доеду». Всадник, проехавши еще немного, стал опять уговаривать

[1] *Осетить* — опутать сетью (*примеч. ред.*).

мужика отдать к нему на лошадь своего сына. Мужик все не соглашается. Наконец, всадник опять, в третий раз стал просить у мужика сына, но мужик все стоит на своем. Чем подвигались они дальше, тем дорога становилась все тяжелее и теснее, и наконец лошадь мужика совсем начала спотыкаться. Тут мужик не вытерпел и говорит: «Господи, да куда ж мы это едем?» Не успел мужик проговорить эти слова, как всадник, дико захохотавши, засвистал, загикал каким-то нечеловеческим голосом и помчался быстро по лесу прочь от мужика. Мужик с ужасом тут только заметил, что его лошадь по брюхо завязла в болоте. Кое-как мужик выбрался из болота и тут-то только заметил, что они ехали не по дороге, а все куда-то в сторону. Долго он отыскивал дорогу, призывая на помощь всех святых, наконец, после долгих поисков, кое-как попал на дорогу.

Ехал однажды один мужик в свое село. На дороге его захватила ночь, в это же самое время пошел и порядочный снежок. Ехал, ехал этот мужик, смотрит: подъезжает к какому-то жилью. Спрашивает, какая это деревня? Ему отвечают: «Молотино». «Что за оказия? — думает мужик. — Из Молотина выехал и опять туда же приехал». Поехал опять. Вот он ездил, ездил, смотрит: опять к каким-то заборам подъезжает. Справляется, куда приехал, — оказывается, опять в Молотино. «Что за притча?», — кричит мужик. Завернул он лошадь и опять поехал и опять то же самое, приехал на то же место. Тут он начал ругать свою лошадь с досады черным словом и начал ее бить. Вдруг попадается ему навстречу какой-то человек на хорошей лошади и говорит: «Ты заблудился, поезжай за мной». Мужик согласился и начал понукать свою лошадь и опять ругаться на нее за то, что она не поспеет за незнакомцем ехать. Вдруг она совсем остановилась. Вылезши из саней узнать, в чем дело, он и сам внезапно попал в какую-то яму и завяз в ней по самый пояс. Тут он начал кричать изо всех сил: «Братцы, помогите, заливаюсь». Но на его крик никто не откликнулся. Незнакомца, который его вез, и след давно простыл. На другой день проезжающие мимо мужики заметили, что близ копаней опять той же деревни Молотино стоит лошадь. Подбежавши к ней, они увидели, что лошадь, оказалось, завязла только передними ногами в грязь, а около нее стоял в ключе самого копаня (сажалка для почки, пеньки) человек без всяких признаков жизни. Привезши его домой, они начали его оттирать и приводить в чувство. Наконец он очнулся и пришел в сознание. Тут он рассказал, что его завел в это место нечистый дух лесовой, за то, что он перед этим много ругался черным словом, рассердившись на свою лошадь. Через три дня этот мужик помер, заказывая детям своим и внучатам никогда не ругаться черным словом, особенно в дороге.

Рассказ крестьянина С. Погодина

На лугу он заметил незнакомого мальчика лет 11 от роду, вышедшего из лесу и дико озиравшегося; начал подзывать его к себе, расспрашивая его, чей и откуда.

Мальчик пугливо побежал в лес. Крестьянин догнал его, изловил, но незнакомец потерял сознание и не мог отвечать на вопросы. Погодин принес его к себе в деревню. Найденыш ободрился и начал говорить.

Вот что он рассказал.

— Забыл, как называется наша деревня, только помню, что от ней недалеко находится деревня Царево.

Как зовут моих родителей, тоже позабыл. Пошел я с ребятами в лес по ягоды, набрал ягод, захотелось идти домой. Товарищи указали мне дорогу в нашу деревню, а сами еще остались в лесу. Долго шел я по дороге. Свечерело. Я прилег к дереву, но мне не спалось. Рано утром мне показалось, что направо и налево от меня сидели белые зайцы, по одному с каждой стороны.

Я встал и пошел дальше; зайцы шли за мной. Долго бродил я по лесу, прежде чем вышел на луг. Здесь зайцы исчезли, а я впал в забытье.

После разъяснилось, что мальчик был из деревни Голодаева Гавринской волости. Два с половиной дня бродил он по лесу, на вопрос о том, чем он питался, отвечал:

— Мне дедушка не велел рассказывать.

В нашей местности лешего называют лесным дедушкой или просто дедушкой.

Отец моей невестки Татьяны работает в бревеннике[1] на реке Березе (река в Белозерском уезде): несколько недель прожил в стану (станом называется небольшой деревянный сруб около сажени во все стороны, крытый древесными ветвями; он обыкновенно устраивается вдалеке от жилья для ночлега рубщиков и возчиков леса; печи в этом срубе нет, отопляется горящим костром; для входа в сруб прорубается отверстие, через которое с трудом может пролезть человек).

Приехав домой на рождественские праздники, он сильно захворал. Причину своей болезни приписывал гневу лешего. Чтобы задобрить последнего, он послал свою дочь, мою невестку, отвезти подарки лесному дедушке в те места, где он работал. Невестка отправилась вдвоем с теткой. Вечером приехали в бревенник, положили подарки на пенек, а сами забрались в стан для ночлега: до селения было далеко. Ночь была светлая.

Внезапно послышался сильный шум. Выглянули они из стана и увидели высокого старика в белой одежде, в лаптях и шляпе. Он взглянул на подарки, прошел дальше... И раздалось по лесу:

— Хо-хо-хо-хо-хо, вот так подарки, хо-хо-хо-хо-хо, вот так подарки.

---

[1] *Бревенник* — растущий лес, годный на бревна (*примеч. ред.*).

Женщины очень испугались. Через неделю больной скончался. Колдуньи после говорили, что он мог бы выздороветь, если бы в подарок было дано яйцо, а его-то и не было: были снесены пироги, хлеб и молоко.

Если бы подарки понравились, дедушка молча бы принял их.

Однажды потерялись у нас коровы. Соседи, шедшие с сенокоса, видели их за полем. Вся наша семья искала целую ночь, но безуспешно.

На другой день вечером пошла искать их моя тетушка Настасья. В лесу она встретила большую белую собаку, которая ласково посмотрела на нее и тут же бесследно исчезла.

Вернувшись в деревню, тетушка рассказала о своем приключении. Колдунья говорила, что моей тетушке показался леший в образе белой собаки; и что стоило только спросить у этой собаки, не видала ли она коров, последние тотчас же явились бы налицо.

Только через шесть дней были они найдены соседями в 8-ми верстах от нашей деревни. Но в тот день, когда их нашли, мы наблюдали загадочное явление. Я с братом и невесткой был на сенокосе. В лесу, окружавшем пожню[1], раздавался треск сухих ветвей, как будто бы кто-нибудь бродил по нему.

Брат подумал, не коровы ли это ходят, и зашел в чащу: треск слышался, а никого не было видно. Долго мы это наблюдали. Вдруг на окраине пожни упало большое дерево, хотя было полное безветрие. Мы испугались. После колдунья, Ольга Сиверьянова, которую мы просили раньше отыскать нам коров, говорила, будто бы леший треском давал нам знать, что коровы уже возвращены благодаря ее ходатайству перед ним.

Будто бы за это ходатайство она несколько поплатилась.

— Пришла я в лес к ручью на утренней заре, — говорила она, — кажется, сделала все, как следует: выходя из дому, дверь затворила левой ногой, перекрестилась левой рукой, в лесу отыскала муравейник и разрыла его левой ногой; только в одном ошиблась: вершину березки срезала правой рукой. И досталось же мне за это. Я позвала его. Он откликнулся вдалеке и скоро явился ко мне.

Поговорила с ним; коров обещался возвратить. Мне уж пора бы и домой; но он не отпускает. Чтобы отделаться от него, надо было повторить первое его слово, и повторить с конца, а не с начала.

Я крепка на ухо: первого его слова, когда он начал говорить со мной, не расслышала. Очень испугалась и побежала в деревню, а он гнал меня вершиной березы до самого дому. Это было последнее мое свидание с лешим дедушкой. Больше ходить к нему не буду.

Место, куда у нас носят подарки дедушке, называется «Паго-Орга».

Когда-то в нашем приходе потерялась женщина: два с половиной года не могли ее найти.

Обратились за содействием к колдунье, знавшейся с лесным дедушкой, и через несколько времени потерявшаяся женщина была найдена на стоге ржи.

---

[1] *Пожня* — жнивье или луг (*примеч. ред.*).

Вот что она рассказала:

— Я собиралась в лес по ягоды; муж не советовал мне идти, но я настояла на своем и пошла; а он крикнул вслед в раздражении:

— Понеси тебя леший.

В лесу мне явился старик и приказал идти за ним. Я должна была повиноваться. Долго мы бродили по лесу и наконец пришли к огромному дому. В нем было много женщин, одетых в красное платье. Старик водил нас повсюду; бывали мы с ним и в нашей деревне, видели родных и знакомых, только они нас не могли видеть.

Я рвала свое платье и бросала лепестки в поле в знак того, что там проходила.

Питались мы тем, что было положено без Божьего благословения: приходили в какой-нибудь дом, где люди ссорились и враждовали между собой, и ели за столом вместе с хозяевами.

Перед возвращением моим в свою семью дедушка сильно побил меня и бросил на стог ржи. Тут я, очнувшись, увидала свою деревню и была спущена со стога родными.

Сообщено Ф. Козловым

Рассказ

Парень ходил на охоту. Значит, лесовал. Эдак перед вечером приходит к избушке и видит: в избушке сидит девка — эдакая хорошая да красивая. Стал парень у девки спрашивать:

— Как ты сюда попала?

— Леший, — говорит, — унес, да мне от него никуда и не деваться.

— Ты, поди, есть хочешь, — спрашивает парень.

— Как не хочу, знамо, хочу.

Парень подает ей кусок хлеба с солью.

— Нет, — говорит девка, — я так есть не могу, а ты подай мне кусочек наотмашь.

Парень так и сделал. Вот сидят да разговаривают. Парень добыл огошки, вынул котелок и давай варить кашу. Наварил и сел хлебать. Похлебал и подал котелок девке, тоже наотмашь. Она поела и говорит:

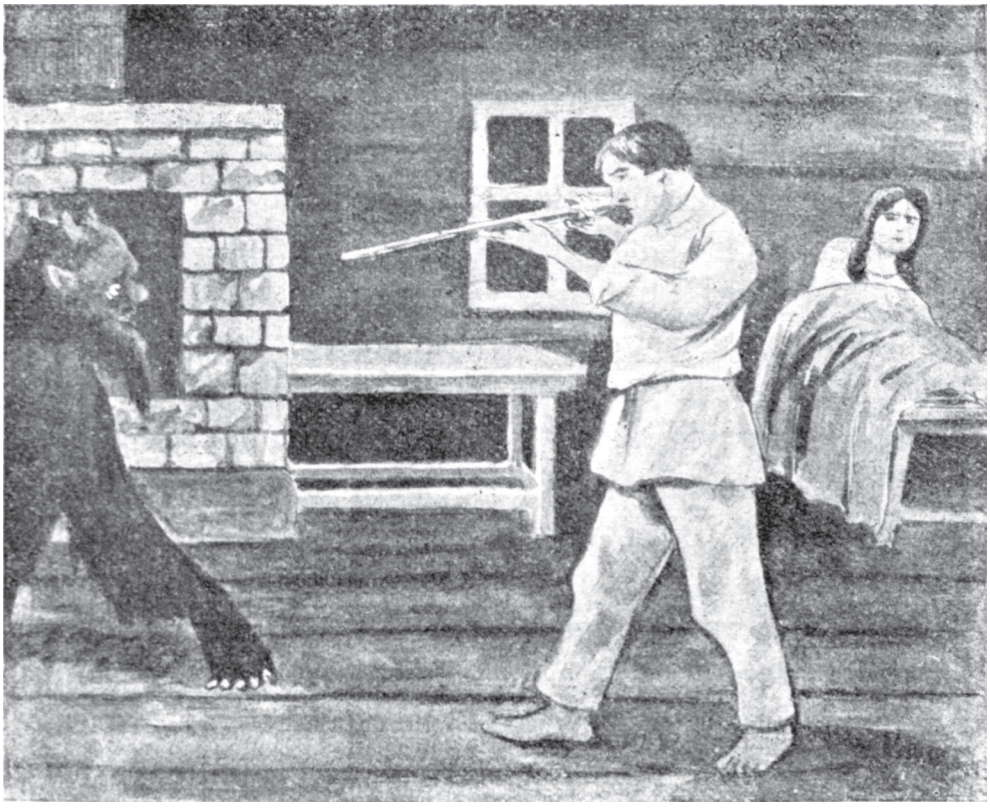
— Ты лешего не бойся, он тебя не тронет, да и я еще не в его власти, два года я еще буду вольная.

После ужина девка и парень улеглись спать по разным углам; вдруг поднялся свист, подул ветер, елки и сосны затрещали, и приходит леший — большущий-пребольшущий, и говорит парню:

— Зачем ты сюда пришел? Подай мне девку.

— Да как не отдам, зачем ты ее тиранишь?

Тут леший стал стращать парня, парень не струсил, достал тихонько ружье и в то время, как леший пополз в избушку, парень бац из ружья, жеребьем



Бац из ружья
(рис. В. Малышева)

(пулей) в черта, и попал ему прямо в глаз. Черт и заревел, да и как стал улепетывать, только лес затрещал. Парень переночевал в избушке и наутро пошел домой и девку эту самую взял с собой. Приходят в деревню, девка и в избу-то боится зайти. Так длисела (?) в лесу-то: все-таки с парнем-то пришла и живет у него порядочно времени. Пылко приглянулась парню девка, и задумал он пожениться на ней. Пошел парень к отцу-попу вместе с девкой, рассказал, как он ее нашел, а девка-то и родителей не помнит, помнит только, как жила в лесу. Вот поп окрестил девку и повенчал ее с парнем. Пожил это парень дома с молодой женой с полгода и около Миколы поехал в извоз в Москву на двух лошадях. Едет долго ли, коротко ли, только на волоку[1] и случись с ним беда: одна лошадь пристала, не повезла воза; делать нечего, парень выпряг лошадку покормить, а другую отправил с товарищами до постоялого двора.

[1] *Волок* — участок суши, обычно между двумя водоемами, через который «волоком» тащили баржи (*примеч. ред.*).

Вот не этот бы человек, замерзла бы с ребенком
(рис. В. Малышева)

Сидит парень на возу и слышит эдак — в стороне, в лесу стонет человек. Пошел парень на стон — не христианская ли душа, думает, гибнет? Недалече от деревни нашел бабу с ребенком. Эта баба была проклята родителями, когда была в тягости, и ребенка родила в лесу.

— Пожалуйста, — говорит баба, — добудь огошка, добрый человек, обогрей, — говорит.

Вот парень добыл огошка, баба с ребенком обогрелась и говорит парню:

— Погоди немного, добрый молодец, леший придет, тебе заплатит за все.

Вдруг, откуда ни возьмись, прибегает леший в человеческом образе: баба на него и набросилась:

— Куда ты, стар, ходил? Вот не этот бы человек, замерзла бы и с ребенком.

Тут черт начал расспрашивать парня, какая беда стряслась с ним.

— Да вот лошадка пристала, воза не везет.

— Погоди, — говорит, — немного, я достану тебе лошадку.

Прошло немного времени, леший и ведет с собой сивого жеребца — худо-худо стоит рублей 200.

— Вот, — говорит, — молодец, этот конь тебе за заслугу.

Стал леший накладывать на сивка хомут, да и разорвал хомут-то. Ушел опять и принес хомут богатейший, хомут надел, стал натягивать супонь, да дугу-то сломал — ведь он проворен, какая дуга устоит.

В третий раз уходит и приносит дугу матерую — толстую. Диву дался парень — не знает, откуда леший так скоро все добывает. Запрягли сивка, парень отдает свою лошаденку лешему, тот взял лошаденку за хвост да как брякнет о деревину, и пар вон, и жить не будет. Стал леший прощаться с парнем и наказывает:

— Ежели какое на тебя опять несчастье выйдет, помяни только меня — помогу.

И поехал наш парень догонять товарищей, догнал живо. Те дивятся:

— Где ты этого коня добыл, — спрашивают.

— А выменял, — говорит парень.

Приехали в Москву, сдали кладь, нашли опять и с Москвы клади везти домой. Подъехали к магазину наваливать товар. Купец — хозяин-то магазина и признал у парня сивка-то:

Взял лошаденку за хвост да как брякнет
(рис. В. Малышева)

— Мой, — говорит, — сивко, где ты его взял?

И стал у парня отбирать лошадь.

— Приведу, — говорит, — в свидетели купцов и господ, все скажут, что сивко мой, подтвердят, значит.

Видит парень, дело плохо. «Где-то мой приятель», — помянул парень лешего, а он тут как тут. Подошел да и говорит купцу:

— Верно, — говорит, — твой сивко, да от кого ты его отбираешь-то? Ведь от своего зятя.

— Как мой зять? Что ты врешь?

— Была, — говорит, — у тебя дочка, да потерялась?

— Была, верно.

— Ну дак вот этот самый молодец нашел ее в лесу, привез домой да и поженился на ней. Дочка-то твоя жила у моего брата, а этот молодец выстрелил брату в глаз, да я и то на него не сержусь. За его доброту предоставил ему твоего сивка, а ты отсулил его мне назад? Тому еще три года, да он мне не нужен был, потому доставить его было некому, приятеля такого не было, а самому мне не надо.

Купец этому не уверяется.

— Угодно ли, я вам докажу, — говорит леший.

— Пожалуйста, докажи. Тогда поверю.

Леший скрылся и часа через три приводит купеческую дочь, а парня жену.

— Твоя ли, господин, дочь?

Записано Суровцевым
Вологодской губ. Тотемского уезда

Рассказ о мщении плотников

О мщении плотников своему хозяину. Строился дом у одного богатого, но очень скупого торговца. Перед поднятием балок плотники просили хозяина «смочить их», т. е. выставить водки. Хозяин отказал. По его уходу плотники решили подшутить над ним следующим образом. В один из углов дома положили три косточки. Когда перешли в этот дом жить, то для тепла в разное время стали под избу или в подполье загонять овец. Овцы долго упирались, не шли, но все-таки их принудили войти в хлев. После этого овцы много времени и каждый день блеяли и наконец все перемерли, хотя и не в один день. То же самое явление получилось и на следующий год, когда хозяин купил новых овец. Тогда хозяин догадался, что над его домом подшутили плотники, к которым он и поехал. Подрядчику он дает 10 рублей и просит Христа ради сказать, отчего у него в подполье каждый год умирают овцы. Подрядчик сказал, что в таком угле его дома лежат три косточки. Когда хозяин вынул косточки из указанного угла, так после того в этом подвале овцы стали заходить хорошо, без боязни, и не умирали.

Мщение плотников
(рис. В. Малышева)

Другой случай, когда из-за худого угощения плотники, так же положив косточки, сделали, чтобы в новоустроенном доме каждый год умирал один человек. По окончании работ неожиданно для плотников хозяин сделал им хорошее угощение. Уходя домой, они сказали ему, что хорошо он сделал, что их угостил, так как будет теперь в твоем доме умирать каждый год не человек, а петух. После этого, действительно, аккуратно из года в год умирал в том доме петух. Крестьяне наши и до сих пор веруют в могущество плотников сделать им вредное при постройке дома и во всем угождают плотникам.

—

В одной деревне жили мужик да баба; жили они бедно, а детей накопили много. Жили, жили, до того дожили, что и кормить робят стало нецем; а кабыть наступило время работцее. Однажды мужик ушев на сенокос, а баба осталась с робятами дома; а еды-то им не оставив: всю, какая была, унес с собой. Робята-то и заревели и запросили у матки ись:

Мщение плотников
(рис. В. Малышева)

— Дай, — говорят, — матка, ись охота.

— Да цего мне, — говорит, — дать-то, коли и хлеба-то нет?

А они все свое, все-таки ревят и просят ись — для них все равно, есть или нет — «дай ись», да и только.

— А будь вы, — говорит, — трою прокляты, не мотци вас, адов, и накормить-то; хоть бы одного, — говорит, — леший унес; чтобы вас разорвало, и перервало, и расстреляло обжор, вас и не накормить-то не мотци.

Так и не дала им есть, а сама ушла к отцю на сенокос на весь день. А после ее все деревенские робятишки пошли в лес по ягоды, пошли с ними и ее робята. Ну, там они побрали ягод-то и пошли домой; а один парень, Тишка (сын матки-то да отца, у которых не было еды-то), и нейдет с ними домой, а остаеце в лесе, и пошев от них в другую сторону. Они звали, звали его — никак нейдет домой.

— Иди, — говорят, — Тишка, домой, ведь мы уйдем.

— Да куды, — говорит, — вы пошли-то? Ведь вон где дом-то.

Звали, звали его домой, а он все-таки не пошел
(рис. В. Малышева)

А сам указывает в другую сторону. Звали, звали его домой, а он все-таки с ними не пошев, а убежав в большой лес. Ну, робята его в лисе и оставили, а сами ушли домой. Пришли домой, а матка-то (она уж пришла с сенокосу-то домой) и спрашивает у своих робят-то:

— А где Тишка-то?

А они говорят:

— Мы ходили по ягоды, да его в лисе и оставили — он не пошев с нами, убежав от нас в большой лес.

— Ну, — говорит, — куды его леший унес.

Ночью куды же пойдешь искать? Так и оставили. Он и ночевав в лисе ноць. Матка-то утром встала, приуправилась да опять и пошла косить, а отцю-то и не сказала, чито Тишки-то нет. Целый день там косила, а к ноце-то опять пришла домой, а Тишки-то дома все нет. Пришла домой-то, да и спрашивает у своих робят-то:

— Что, Тишка-то все не пришев?

— Не пришев, — говорят.

— Да куды его леший унес?

Ну нет и нет Тишки; опять ноцевали без него ноць, а утром матка-то опять ушла на работу; туды пришла и говорит отцю-то:

— Отец, ведь у нас дома-то нет Тишки — робята ходили в лес по ягоды, да его там в лисе и оставили. Вот он уж по две ноци не быв дома.

А отец-то и говорит:

— Куды его цорт унес?

Ну а матка-то и говорит:

— А леший его знает, куды унесло.

Опять там целый день косили, а к ноце-то пришли домой. Ну, пришли домой-то, да и спрашивают у своих робят-то:

— Что, робята, Тишки-то все нет?

— Нет, — говорят.

— Эдак ведь его цорт-от куды унес, делать нецево, — говорят, — уж завтра надо идти искать.

Ну и пошли утром-то оба — отец да и матка, пошли в лес искать Тишку-то. Ходили, ходили весь день, а надти не могли, так без него и пришли домой. Ну, опять и на другой день пошли искать; опять не нашли. На третий день тоже пошли искать; опять целый день искали, а все-таки не нашли. На четвертый день уж всю деревню собрали, и всей деревней пошли искать. Искали, искали весь день; опять не могли найти. На другой день опять пошли искать всей деревней; опять не нашли. На третий день тоже, опять искали, а все-таки не нашли.

— Ну, уж, — говорят, — видно, пришло всю волость сбивать да идти искать Тишку.

Ну, в деревне-то есть староста, он и дав знать другим старостам, а те всей волости дали знать, чтобы шли искать Тишку. Собрали по человеку из дому и пошли искать. Искали, искали целый день всей волостью, а найти не могли. На другой день опять всей волостью пошли искать; опять не нашли. На третий день тоже пошли всей волостью искать — вот ведь уж это двенадцатый день, как он потерявся-то, опять тоже целый день искали, и ковды уж все было пошли домой, вдруг дядя его родной и увидав Тишку-то на цистом болоте, где растут только маленькие сосенки; увидав, что он стоит у сосенки да гложет корку. Дядя-то и закрицав, говорит:

— Робята, робята, бежите сюда. Тишка-то здесь.

Вдруг он как бросивсе, полетев, как птица, а народ-то его окружил, и, ковды все стовкнулись в груду-то, его кое-как сфатали, а он как закрицав, заревев, что и заделав — уж больно в лисе-то одицав. Потом мужики-то возьми да расклади огни и стали его отогревать — погода-то была дождевая, хоть и сенокос, а на ем рубахи уж не было — всю изодрав о кусты, остались только одни рубцы на шее да на плечах. Потом, ковды его отогрели, то повели домой и стали его дорогой-то спрашивать:

— Где ты, Тишка, быв-то? Цего там в лисе ев-то?

Пропавший Тишка
(рис. В. Малышева)

А он им всю дорогу нецего не говорив, все ладив убежать. Потом уж, ковды привели домой, да отец и матка стали его спрашивать: «Цего ты, Тишка, в лисе ев-то?», то он кое-как им сказал: «Меня в лисе-то все кормив дедко». На другой день его повели на погос (погост). Сначала привели к нашему попу-то, о. Александру. Потом поп-то пошев с ним в церкву и отслужив водосвятный молебен и окропив этого ребенка-то святой водой. Потом его опять унесли домой. А после этой поры он жил еще семь годов, но все быв такой дикий и поцти нецего не говорив. А ковды ему стало цетырнадцать годов, через семь годов после того, как он терялся-то, а терялся-то он на седьмом году, то он умер, а умер-то без причастья (не принявши св. таинств). Вот ведь коль худо, ковды матки-то проклинают своих робят-то.

Святочный рассказ

Бывало, о Святках у нас одна девка задумала погадать. Взяла хомут, да ноцью и ушла с хомутом-то, да зеркалом, да восковой свицькой не в жировую избу. Засветила там восковую свицьку и поставила ее перед иконой, а сама надела себе на шею хомут, взяла зеркало и села на пецьной (стоящий около

В хомуте
(рис. В. Малышева)

печки) стовб в хомуте-то. Сидит, смотрице в зеркало да и говорит: «Дворовушко, батюшко, покажи ты мне, — говорит, — жениха, за которого я выйду в замуж». Сидит и все смотрит в зеркало... Вдруг лишь дворовушко-то сам и идет — страшный, мохнатый. Подошев к ней, да лишь сфатив ее за шею, да и задавив. Утром домашние-то ее встали да и говорят: «Где-ка у нас девка-то, куды же она ушла? Ведь вцера она ложилась с нами спать, была дома». Стали ее искать: на двор сходили — думают, не ушла ли зацем к коровам; в хлев сходили, на гумно — никто нет, не могли нигде надти. Товды пошли в эту не в жировую избу-то, думают, не ушла ли туды почто-либо. Пришли, а девка-то там сидит на пецьном стовбе, сидит не шевелится, и хомут на шее, и зеркало в руках, а в переднем углу шает[1] икона, от свицьку-то она и загорелась. «Что же девка-то у нас сидит на пецьном стовбе? Да и в хомуте, да и зеркало в руках, видно, гадает? Да гадают-то ведь не утром, а ноцью». Подошли к ней, а она мертвая и глаза выпуцила; дотронулись до ее потихоньку, а она лишь хрястнула (упала) на пов. Ну все товды заревели, да и говорят: «Видно, дворовушка ее задавил».

Рассказ про старую деву

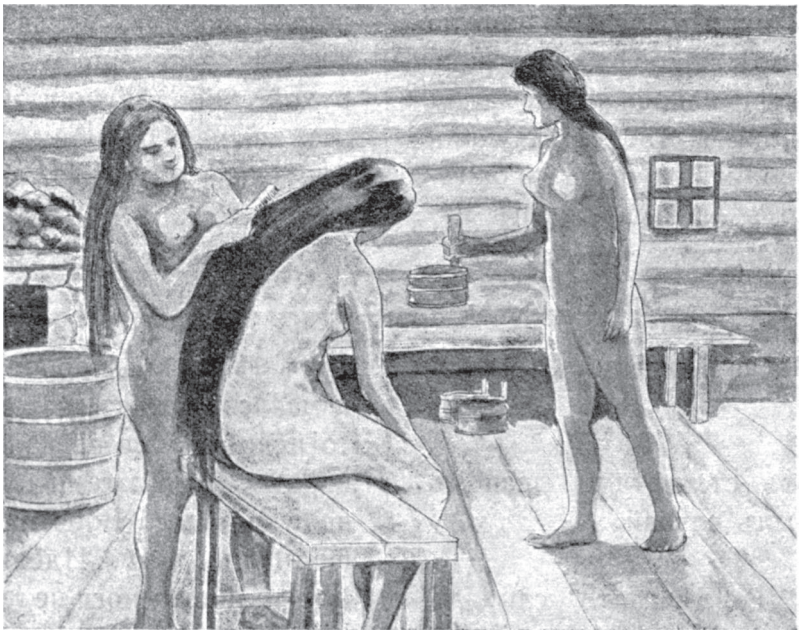
Жила у нас старая девка, незамужняя, звали ее Ольгой. Ну, и ходив к ней все дворовушка спать по ноцам и в каждую ноць все плев ей косу и говорив: «Если ты будешь расплетать да цесать косу, то я тебя задавлю». Ну, она так и жила годов до 35; никовда не цесала и не мыла головы и косы не расплетала. Потом она вздумала выйти в замуж. Настав девичник. Девки-то пошли в баню, ну и ее увели с собой-то, незамужнюю-то старую девку, невесту-то. Там в бане-то девки стали ее мыть; косу-то у нее и расплели, а довго не могли ее расцесать-то, дворовушка-то так ее запутав. Ну, на другой день нужно было венцатце. Пришли к невесте, а она на постели лежит мертвая, вся церная; дворовушко-то ее и задавил.

Записано Н. Преображенским

Святочный рассказ

Дело-то было о Святках. По один вецер все девки собрались на вецеринку, а ребята-то к ним не пришли, на что-то рассердились. Ну, девкам-то и стало без ребят-то невесело. Одна девка и говорит своим подругам: «Девки, пойдемте-ка слушать к бане, что нам банник скажет». Вздумали, да две девки и пошли. Пришли к бане; одна и говорит: «Дева, давай-ка сунь руку в окно: банник-от насадит тебе золотых колец на руку-то». — «А ну-ка, дева, давай

[1] *Шаять* — гореть без пламени, тлеть (*примеч. ред.*).



Дворовушко запутал
(рис. В. Малышева)

На Святках
(рис. В. Малышева)

ты снацала сунь, а потом и я». Та и сунула. А банник-от и говорит: «Вот и попалась мне». Руку-то и схватив: схватив да колец-то и насадив железных — лишь сковав в одно место все пальцы на руке-то ей, нельзя и разжать их. Ну вот, кое-как руку-то она выдернула из окна-то, да обе и побежали домой. Вот те и золотые кольца. Прибежали домой, да и говорят: «Вот, девушки, смотрите-ка, мы ходили слушать к бане-то, а банник-то каких колец насадив, вместо золотых-то — железных; вот, — говорит, — у меня и руку сковав: как же я теперь буду жить-то с такой рукой? Ой, девушки, девушки, банник-от такой срамной, мохнатый, рука-то вся какая большая да мохнатая».

—

— Знаешь Ивана Гордеича из Апушкина? Так вот с эфтим Иваном Гордеичем и был случай.

Ведь Иван Гордеич, слыхал, чай, пристает в Апушкине у одной старухи, а у старухи-то есть сноха, вдова она.

Прежде, только давно уж, и у Ивана в Апушкине был свой дом, да спалил он его. Люди бают, что сам он его сжег, а Иван-то, знамо, молчит, потому надо и помалкивать ему. Ну, да эфто к делу не идет. Только вот он и теперь пристает завсегда в Апушкино. Живет же он не всегда там, потому что займуется по шорной части, ну а с эфтим рукомеслом дома немного прокормишься; вот он и ходит по усадьбам.

Вот один раз, как он пришел в Апушкино-то, старухина сноха и послала его за коровами, а те паслись в болоте. У них-то болото тут близехонько — как пройдешь поле, тут оно и есть.

Ну ладно, пошел Гордеич в болото. Уж он ходил, ходил... кричал, кричал... нет коров, да и все. Намя измаялся мужик, часов 6 ходил, дело-то, почитай, уж за полночь. «Пойду, — говорит, — домой: темно уж, теперь их и не увидишь». Воротился назад и пошел к дому. Идет да думает про что-то и под ноги не глядит; вдруг как ухнет в окошко[1], по пояс ввалился. Сидит в окошке и, что то ни есть хуже, срамится матерным словом, да вдруг и помяни «его».

— Это лешего-то, что ли? — спросил я.

— Не поминай, так страсть не люблю. Коли станешь поминать, и говорить тебе ничего не буду. Ладно, вылез Иван Гордеич из окошка и пошел к дому. Больно он долго шел, только все никак не может из болота выбраться. Что делать? Измучился мужик. Однако выбрал местечко, где посуше, и сел обсохнуть, покурил да и уснул тута. Всю ночь проспал. Проснулся в утро, а оно тоже, что и вчерась. Уж он и так и сяк по лесу-то, нет те дороги, и шабаш. Ходит да бранится. А куды он скверен на язык-то и посейчас, почитай, к каждому слову похабщину валит. Да вот таким-то манером он и бродил двое суток. Наконец, сполохнулся[2], что тут дело неспроста — «его» работа, «черного»

[1] *Окошко* — ключ в болоте.

[2] Догадался.

Выворачивает одежду
(рис. В. Малышева)

то есть. Как делать? А и сделал он вот что: снял парки, и рубаху, и пиджачишко, да все это и выворотил наничь, а как надел вывороченную-то одежду да почитал «Богородицу — святую Троицу», то живым манером вышел. Да куды ведь вышел-то? Ну-ка намя под Подойково[1]. Вона куды «он» увел Гордеича-то. Тамотка и болота-то нету, эфто «он», беспременно «он» ему казал болото. Ну, уж тут-то и вышел Иван Гордеич на дорогу и домой пришел. Сноха-то старухина учала было его ругать, а как поглядела, что у него вся одежа наничь выворочена, то и сполохнулась, почему он так долго по коров ходил. Да и сам-то Иван Гордеич посказал, как его «нечистый» двое суток по болоту водил.

— Полно, тетушка Катерина, какой тут «нечистый», просто Иван Гордеич заблудился в болоте по лесу, и все.

— Нет, не заблудился, а «он» обошел его. Ведь вышел же он, как выворотил одежду-то? А уж знакомо дело: как «он» обойдет, первое дело: выворачивай одежу. И-их, как помогает? А почто попало под Подойково болото?

[1] Название деревни.

Тамоти его николи и не живало. Нет, ты что ни говори, а тут дело не обошлось без «него».

Не приведи бог поминать «его», да еще особливо в лесу, да вечером, да в болоте коло воды. Известно, «он» в эфтих местах завсегда водится и обожает их.

Рассказ тетушки Катерины

— Правда, что ваша Аничевская Анна Климентьевна своего сына однажды к черту послала, да и испугалась потом, как он пропал?

— Было такое дело, батюшка, было. Ох, велико грешно эфто.

— Расскажи, пожалуйста, как это было.

— А дело эфто было уж назад годов с пятнадцать, а либо и больше. В те поры стояли яровые жнивы. Летом-то она жила дома только одна со своим парнишкой. Работать ей приходилось много (на две души наделу-то у ней), ну, стало и чажало под иной раз приходилось. Так и тут. Из поля все соседи убрались, только и осталась, что ейная полоса. Вот соседи-то и зачали торопить ее: «Надо-де скотину в поле пускать, опрастывай скорее, а то и в хлеб пустим». Озорники, знамо дело. А ее дело бабье. Мужиков боится, молчи, знай, коли хошь добра. Сам-то в то лето был в Питере. А почто и в Питер-то ходить? Люди хоть из Питера денег много шлют, а Анне-то муж, уж известен — слаб; рыло у него больно любит дух винный. Ну и пьет там все лето, домой ни копейки. На липовой машине не раз прибывал домой-то. Ну все, хоть и плох, а муж. А тут и заступиться некому. Делать нечего; взяла на жниву своего парнишку. Ходят день, другой, третий; парень пожал, пожал, а тут и надоело ему; знамо, робячье дело — стал лениться да побаловывать на полосе-то. Анне-то уж тошнехонько: из последней моченьки бьется, а он балует. Взяла ее досада, она, не образумясь-то, и помолви ему: «Уему на тебя, пса, нету, черт бы тебя унес». Батюшки мои. Как парня-то подхватит, и понесло, и понесло, понесло через поле прямо, через речку, да и унесло в лес. Анна было за ним побежала, кричит: «Сенька, вернись». Куда те тут... не догонишь. Так-то и убег. Анна, как лишилась парня-то, ударилась оземь и давай причитать голосом; наши из деревни услыхали и прибежали к ней. Насилушку допытались, почто ревет. Как узнали бабы, то и порешили за Сенькой послать его верстанников[1], потому только верстанники и могут вызволить[2], а больше чтобы никто не моги идти искать его. Велико долго робята искали парнишку, а все же нашли: сидит под такой-то густой елкой, что не привидано. Сидит, и лица на нем нет. Робята, значит, взяли его: так из рук-то рвется, а его так и бьет всего; весь, сердечный, помушнел[3].

---

[1] Ровесников.

[2] Выручить.

[3] Помушнел — сделался белый, как мука, т. е. побледнел.

Сидит он под густой елкой
(рис. В. Малышева)

Одначе все же привели домой. Стали дома его спрашивать: «Что с тобой сделалось? Почто убег? Говори, дурашка, почто молчишь?» А чего «говори»? У него и молва отнялась. Да так, почитай, цельную неделю молчал, и все эфто его трясло. А потом зачал отходить и рассказал: «Как, говорит, меня мамка-то выругала, равно меня ветер подхватил и понес; да такого-то скоро, инда дух замирает; самому холодно, а лицо-то мне так и обжигает (эфто, значит „он" на него дыхал, пояснила Катерина); и принесло меня в лес, да и посадило на овраге под елку». Долго ли он тута сидел? А робята велико долго его искали, покелева не нашли. Ну, опосля с парнем ничего особливо не было, а только и теперь еще с того раза заикается. Теперь уж он женат, и мальчишка у них родился.

Так вот, родимой, как ругать деток-то.

—

Жил-был на свете один хороший мужичок, домовитый и Бога помнил, да по Его заповедям ходил. У него в доме, как и у всех добрых людей, в красном углу стояла божница. На стене, коло божницы, подалее маленько, была

Всякая погань так и кишит
(рис. В. Малышева)

повешава картинка, а на этой картинке был нарисован «он» (черт). Мужик, говорю тебе, был куда набожен; прочитамши молитвы перед образом, он оборотится к картинке с «ним», покажет «ему» кукиш и говорит: «А тебе кукиш». И завсегда так делал эфтот мужик. Досадно показалось эфто «левому», вот и учал он молиться Богу: «Господи, дай мне волю помучить над эфтим мужиком; завсегда он на меня дерзает». Услышал Бог «черного» молитву и дозволил ему шутить над ним, мужиком тоись.

Вот один раз стал мужик молиться Богу, а «черный-то» возьми да эфто время и выбери в избе весь пол, окромя той половицы, на которой мужик стоял. Ладно. Выбрал пол, а там ямы черные-пречерные, большущие, глубоченные, а в ямах-то всякая погань так и кишит: страсть паля; да вся эфта погань и давай голосить, всяка своим голосом. Мужик сдогадался, чья эфто работа, и еще усердней стал молиться. Кончил молитву и апеть к патрету: «А тебе — кукиш». Пуще прежнего «черного» досада берет, и не знает «он», что бы еще накаверзить мужику.

На другой день стал мужик собираться в город, на базар, значит. Взял с собой корзинок, мешков и отправился. Ну, ладно, справивши, что было нужно, взвалил все свои покупки на себя и пошел домой. Идет, едва тащит. Только вдруг отколь ни возьмись — мужик; стащил с мужика корзинку и мешки с покупками и пошел рядом. Глядит наш мужик на своего товарища и дивится: весь-то плевый на вид, а куды здоров накось, я едва пер, а он легохонько несет. Что за причта? [1] А тот идет, и хоша бы те словечко молвил. Мужик заговаривает, а тот молчок. Смекнул наконец мужик-богомол, кто эфтот его товарищ, и давай за молитву браться, и только что прочитал «Да воскреснет Бог», как товарищ его пропал, а все его покупки остались на дороге. Подобрал, значит, их мужик и пошел далее. Идет. Долго ли, коротко ли, а идет, только вдруг попадает в такие ли курпаги[2], что упаси господи. Куды ни оглянется — курпаг за курпагом, и ступить негде. Обдернуло это у мужика кожу и давай опеть «во уста Бога брать», опеть, значит, молиться. Прочел одну молитву, другу и третью и опосля каждой молитвы сулил «ему» кукиш. Только, как прочитал три-то молитвы, и видит мужик, что он у себя на задворках. Придя домой, мужик первое дело шасть в избу и учал Богу молиться, чтоб он, Батюшка, его от «нечистого» избавил. Кончил молиться и опеть к портрету: «А тебе — кукиш», — и ткнул кукишем «ему» в нос: «Что, — гыть, — взял? Нет, — шутит. — Силен ты, да воли нет. На-ка, выкуси». Видит окаянный, что не сладить ему с мужиком. Молитвой берет его. И стал «нечистый» опять просить Бога: «Господи, отдай мне мужикову душу на потерзание». Но молитва дьявольская осталась без внимания.

Так еще и посичас «он» не знает, что бы с мужиком сделать. Воли-то, значит, «ему» от Господа нету. А богомол кажинный раз опосля молитвы оборотится к портрету: «Я тебе, — гыт, — кукиш». И тычит им «его» и в нос, и в рыло.

— Так. А по-твоему, нельзя уж очень-то с «ним» ссориться и шутить? — спросил я.

— Знакомо нельзя, коли добра хошь. Ведь вот «он» что с мужиком-то проделал.

Несколько минут рассказчица была погружена в размышление.

— И почто это было мужику «ему» кукиш казать? Как бы он его не замал, так, может, и «черный» бы ничего не стал ему поганить.

— Полно-ка, тетка, да ведь это все неправда; сказка это.

— Ну, у тя все сказки. Да рази мало таких случаев-то? Не бывает, что ли? Не верь. Мне что? Ты, знамо, ничего не веришь — говоришь, что ничего эфтого нетути. А еще все книжку читаешь. Что ты в ней читаешь-то? Больно уж ноне доделисты стали. Ох, хо, хо... Грехи.

Опять задумалась.

---

[1] Притча.

[2] Враги.

— А, слышь, намедни ты же читал в книге, как хаму-то «нечисть» донимала, покелева он, значит, читал над покойницей-то, ну, колдуньей-то? Да три ночи подряд донимала, а не то, что... Вот и в книжке про «их» написано, стало, «он» есть. А ты и того в разум не берешь.

Рассказ про утопленников

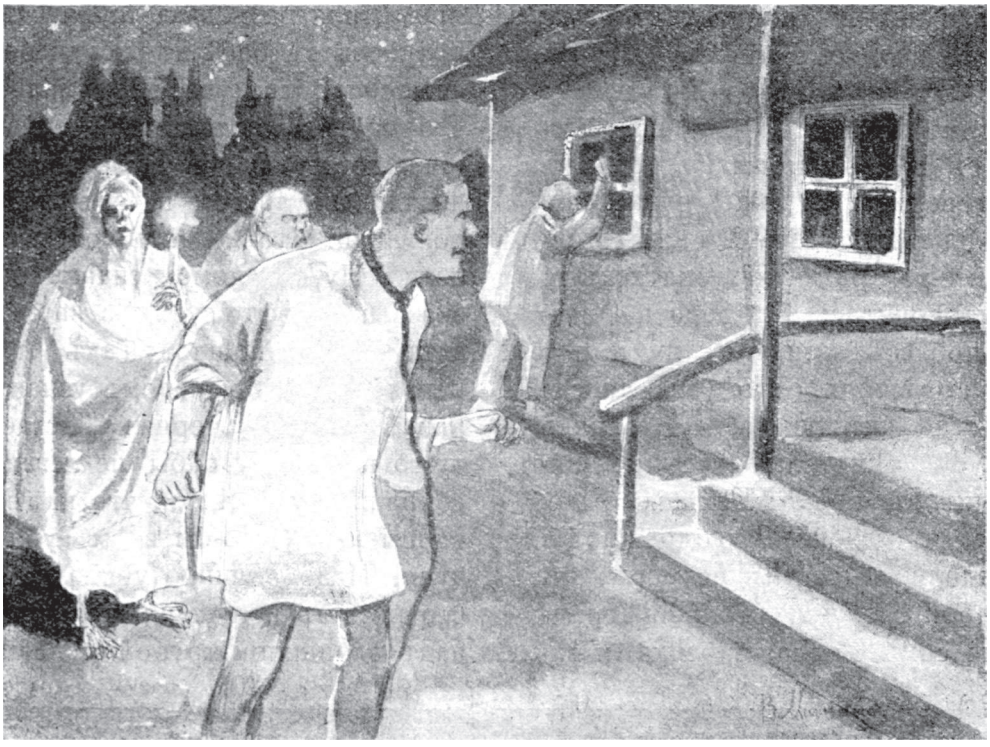
— Ну, час от часу не легче. Иль уж и в доме-то у нас домовой сидит?

— Домовой сам по себе, а тут другое.

— Что же другое?

— Да что ты, батюшка, али вчерась только приехал к нам? Не знаешь разве, на чем училище-то стоит? А допрежь того что тут было? Где хоронили самобивцев-то? Ведь не коло церкви, как таперича, не в ограде хоронили-то, а вот тута, где стоит училище. Кого хошь спроси, и все скажут, что училище на могилах стоит. Вот и понимай.

— Ну, что же из того, что училище на могилах стоит? Мало ли домов строят на тех местах, где прежде были кладбища.



Кругом дома с огнем ходят
(рис. В. Малышева)

— То кладбище. Дело совсем иное. Там упокойнички-то прайские; с панафидой хоронены, отпеты, значит. А ведь тута самобивцы: утопленники, да удавленники, да опойцы положены; безо всего, значит. Ну, души-то ихние и тоскуют, что без покаяния покончились. Вот и стонут. Спроси-ка Завьялихи, что у вас панеменя жила, что она слыхала внизу-то, в тасе-то, что в ночи делается? Кажину, говорит, ночь чудилось: то застонут, то учнут в счеты играть; а в окошко кому стучать середь ночи да кругом дому с огнем ходить? Знамо, самобивцы на покаяние просятся. Эфто уж завсегда так бывает. А домовой эфтого делать не будет, тот инно строит.

— Что же домовой делает? — спросил я.

— Домовой-то? А домовой — голова всему дому, он всех оберегает и дом блюдет, коли в дому все ему помысля.

Рассказ тетушки Катерины

Недалеча отсюдова, знаешь, есть деревня Шатенино? Вот в этом Шатенине и жила одна, значит, вдова, баба была робьяча: дети, значит, у ней были.

За обедом
(рис. В. Малышева)

Толь, вот ведь быть же греху, она и сжилась с «черным». Сядут обедать, она и ложку лишнюю на стол положит. Робятишки ее малы, малы, а и удумали спросить матку, почто это она на стол кладет лишнюю ложку.

— А ложку, — говорит баба, — эфту батьку надыть, он завсегда тута с нами живет, хоша и помер, а живет с нами; вы-то его не видите, а я знаю, коли говорю.

Долго ли, коротко ли, только стали суседи примечать, что баба что-то зачала с чрева прибывать. И ей в очи то же говорят. А она только про себя ухмыльнется и прочь от них отойдет. И все-то, батюшка, она как-то людей-то сторонилась. В деревне, знакомо, все про всех знают; ну и про бабу эту порешили, что она опосля шута распутно жить учала. Да толичко вот что, с кем слюбилась, не знают. Мужиков подходящих не было: либо стары, либо робятенки годов по 15. Думали, гадали, да так и не могли никого с бабой сложить. Только порядком время спустя одна бабенка и заприметила раз как-то, что в самую полуночь к бабе в избу через трубу что-то проблеснуло. Подумала бабенка, что бы эфто было такое? Одначе порешила постеречь и на другую ночь.

Да прямо в трубу
(рис. В. Малышева)

Ладно, вышла на другой вечер и дождалась полуночи. Что же ведь? Опеть то же увидала. Ну, знакомо, сейчас эфта баба сказала про эфто суседке-приятельнице, а та своей, и пошло. Так что вся деревня живым манером узнала, что к вдове в избу «черный» летает. В ту-то ночь все бабы не легли спать, а собрались у соседки, что насупротив вдовы жила, чтобы всем увидать этакое чудо. И доподлинно увидали: в самую что ни есть полуночь увидали они, что над вдовниной трубой огненный шар завертелся, потом вытянулся веревкой да прямо в трубу. Бабы, значит, сейчас из избы вон и к окошкам вдовниной избы слушать... Ну и услыхали, что надо было. Ну ведь, что те, батюшка ты мой, вышло? Ведь «он» замучил вдову-то: не родивши, померла. Да и ладно, что померла. А вдруг кабы родила, так поди-ка что бы и родила-то. Страсти. Избави нас от лукавого, Господи.

Рассказ тетушки Катерины

Тоже жила-была одна вдова с детками, и «покойный муж» ее с ней жил. Знала баба, что эфто за муж за такой. «Как так? — думает. — Мужа я сама схоронила и таперичи кажинную память панафиду служу, а накось, при мне сейчас тут все. Нет, не ладно что-то эфто. Нечистый тут впутался: потому покойника-то своего я страсти любила, а эфтого не люблю, хоша и эфтот аккурат такой же, как и тот, желанный. Ох, я грешница окаянная».

Только вот однажды в деревне ихней помер сусед. На покороны звали и вдову эту с мужем, а какой, в омут, муж. Ну, знамо, по порядку, все, как следа: покойника принесли к приходу за обедню, а потом и на кладбище. Все подошли к могиле, и вдова со своим тоже. Ну, опустили покойника в могилу, а черный-то и говорит вдове: «Встань мне на левую ногу своей левой ногой и гляди в гроб». Баба так и сделала. И видит она, что кто-то с покойника кожу дерет. «Что эфто делают? Почто?» — спросила баба. «А эфто, — говорит черный, — вот почто: какая баба, то есть жена, больно прытко тоскует по мужу да ревет, то черти („Спаси Господи“, — перекрестясь, молвила Катерина) сдерут с покойника кожу, а опосля один из ихнего отродья эту кожу наденет на себя и в мужевниной коже будет к его вдове ходить», — объяснил сожитель своей приятельнице. «А как этого миноваться?» — спросила она. «А нужно, — говорит, — добыть парную узду, да эфтой уздой-то и хлестнуть его».

Ну, зарыли покойника и домой пошли. А баба уж удумала, что не пришлось: потому на поминках были — стало и сыты, и пьяны. А уж дело-то было на другой день. Сели эфто все обедать, и «он», как завсегда, тоже сел. Вот стала баба подавать на стол хлебово, а сама в другую руку захватила узду, раньше уж припасла ее и держала на шестке. Подошла к столу, одной рукой хлебово ставит, а другой как марызнет[1] «его» и ребят тех, что прижила

[1] Ударит, хлестнет.

Как баба марызнет веревкой
(рис. В. Малышева)

с ним. Все они и пропали. Только и слышно было: «Эх, не образумясь, да сам себя».

Рассказ, откуда взялись черти

Откуда взялись-то? А взялись вот как. Господь-Батюшка прогневался на андела и проклял его за его гордыню. Вот этот андел-то и озлобился и сделался черным-пречерным, лико свое андельское, светлое помрачил, одеженьку белую, снегу подобную, потерял; крылышки легки-пушисты переменились на перепону костястую, как у мыши, значит, что по ночам летает да такого нехорошо пишет; на ногах заместо перстов копыта отрастил, а над жопой[1] хвост спустил; заместо лика светлого харю богопротивну и богомерзку объявил, с носом был крюк, зенки косые, рот до самых ушей; а уши-то, уши. Страху

[1] Подлинное выражение.

подобны — не то зверины, не то птичины, а на темени-то рога престрашенные. А во рту-то — зубы, быть у свиньи клыки, язык тонкий да долгий, быть нож и пламя огненное завсегда во пасти своей окаянной держит, и черный да страшный, в наготу оболоченный, в преисподнюю на веки вечные Господом жить определен.

Коли же когда и случается ему в свет из ада выйти, то затем только, чтобы нас, грешников, с пути Божия совратити да на грех наставити. И много зла приносят «они» людям.

— Ты мне так расписала «его», что уж думается, что ты сама не видала ли «его»?

— Господи Иисусе, — встрепенулась рассказчица. — Да чтой-то, батька, ты в себе ли? Да рази может «он» крещеному человеку в своем обличье явиться? Нет, благодарю бога, не видывала я его. А каков он из себя, так эфто я по сказкам других говорю. Умные люди говаривали. А является зачастую только либо черной кошкой, либо собакой, а не то и зайцем. Кошкой-то раз «он» и мне показался.

Черненькая, такая хорошенькая кошка
(рис. В. Малышева)

Жала я у себя в поле овес с работницей. Поле было дальнее. Дело было уж к вечеру. Работница мне раза три уж говорила, что пора домой идти, а я ведь на работу-то лютая; мне и неохота было оставлять у загонов концов. Вот и отемняли. Только вдруг работница и говорит мне:

— Вишь, до келевой поры дожались, наля кошка за нам пришла.

Погляжу я — веришь, кошка — черненькая, такая хорошенькая, и трется коло нас, а не наша. Только вот жать мы кончили; домой пошли. Я взяла кошечку на руки, ничего сидит, только песенки поет да под шею морду свою прячет. Только как терлась-то, и зацепи кохтями гайтан от креста, а крест-то из-под рубахи и выскочи на волю да и запутайся у кошки на лапе. Батюшки, как заревет она, да прыг с рук-то. На чистом месте пропала, да сейчас же как загогочет над нами, да круг нас искры, быть сноп, рассыпались. Вот так уж и напужались же мы в те поры. И серпы растеряли, пока бежали домой-то, ну, с тех пор шабаш до потемок жать, как солнце в место, и мы домой.

— А скажи-ка ты мне еще вот что: откуда взялись маленькие чертенята?

— А от больших народились да от ведьм.

— Что же, свадьбы у них, что ли, бывают?

— А кто их знает. Люди говорят, что метель да пурги — это они поднимают, потому свадьбы играют. Какая, чай, свадьба: так родятся... от приблуда. А-а-а, — зазевала тетушка Катерина и давай рот крестить.

— Зачем ты крестишь рот, когда зеваешь? — спросил я у Катерины.

— А люди старые учили, чтобы, значит, «черный» в нутро не вошел. Поэфтому и надить уста крестить, когда берет позевота. Вот что.

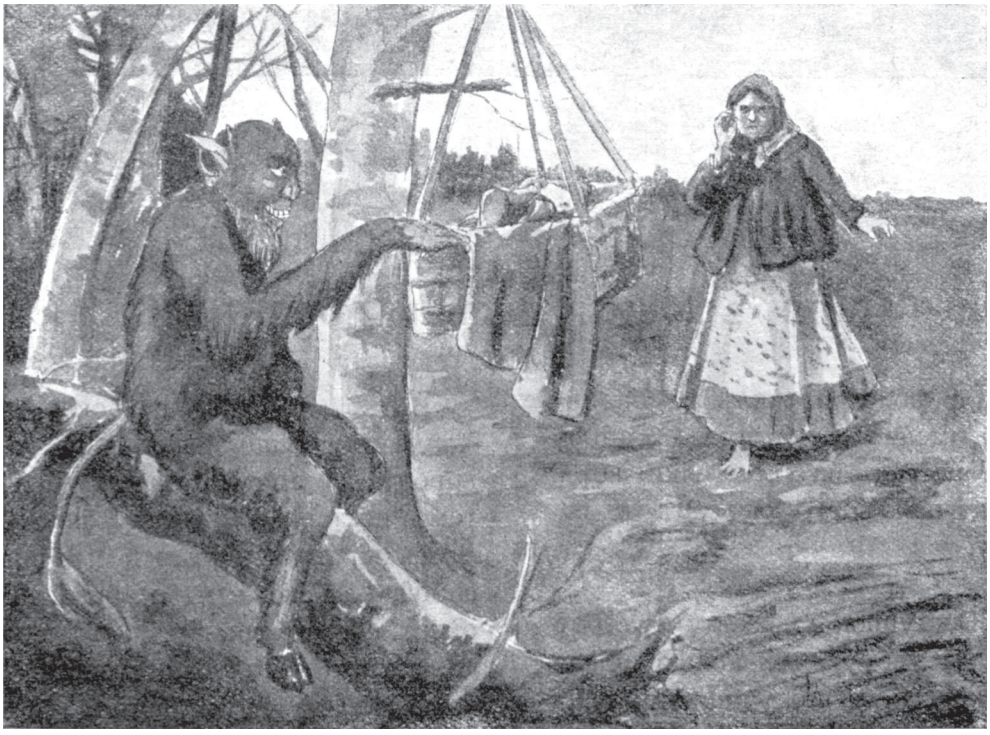
— Погоди, расскажи еще что-нибудь, еще успеешь выспаться-то.

— Да что тебе еще-то говорить. Мало ли я тебе наговорила. И куда тебе знать-то? Ну, слухай.

Рассказ про ребенка

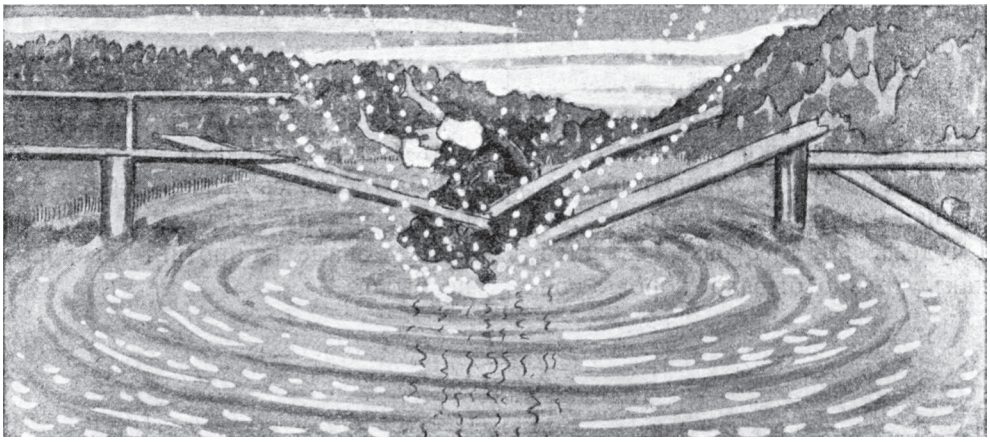
Жили-были мужик да жена, а и был у них маленький. Жили так они только о три души: стариков не было. Вот раз и надо им было на жниву в дальнее поле; ребенка тоже с собой взяли, и с зыбкой. Не в люди же его было отдавать; там, поди, и своих-то не знают куда девать. Пришли на поле-су, а зыбку к березе на сучок повесили.

Ребенок спит. Хорошо ему: вольно, не жарко, мух нетути, и ветерок покачивает. Пожали батька с матерью, мало ли, много ли, да только что-то сперва-наначалу зачали спорить, а тут и разругались и пошли домой, да ругаются. Про ребенка-то и забыли. Однако баба воротилась, чтобы его взять. Ну, только стала подходить к дереву-то, где зыбка висела, и услыхала, что ее ребенок ревет, а его кто-то баюкает: «О-го-го, кумин ребенок, не реви, о-го-го, кумин ребенок, не реви». Тут только баба опомнилась, что, не благословясь, зыбку в лесу повесила, и испугалась. Догадалась, что это «нечистый» качает



Нечистый качает ребенка
(рис. В. Малышева)

ребенка. Вот и стала она просить: «Батюшка куманек, отдай мне ребенка, ведь мой он». — «На, на, кумушка, возьми его, я давно уж качаю; возьми, кумушка, возьми». Ну, ничего, отдал бабе ребенка, та и пошла с ним домой. И чудеса. С того раза кажинный раз, как только, бывало, коровы той бабы заплутают где в лесу, «он» их сейчас и выгонит на дорогу, к самой, почитай, деревне, те и придут домой. Так вот как. Не назови-ка баба «его» куманьком, так и не видать бы ей ребенка-то. Завсегда надыть все благословясь делать, и баба-то зыбку весила зря, ну а уж «он» тут и был, потому знаменья против «его» на зыбке не было.



О воре Климушке и водяном

В одной волости жил у барина вор по имени Климушка. Барину стали жаловаться на проделки вора. Барин призывает его к себе и говорит ему:

— Ну, Климушка, я накладу на стол денег, а ты уворуй их ночью. Если сумеешь украсть, то получишь от меня награду.

Вор согласился на предложение своего барина и ушел домой.

Барин наклал на стол денег. А Климушка с паужины[1] забрался к нему и спрятался в сено. Барин приказал с вечера запереть ворота, ничего не ведая про то, что Климушка давно уже лежит у него в сене.

Вот наступила глубокая полночь. Климушка вышел из сена и отпер ворота, а старика сторожа убил. Потом поставил к окну барского дома лесенку, влез по ней и втащил с собой убитого им старика. Открыв окно, он пропихнул в него старикову руку и стал ею сгребать со стола лежавшие на нем деньги. Видя это, поставленные барином для караула слуги взяли и отрубили руку. Климушка пропихнул другую старикову руку — слуги отрубили и другую. Тогда вор пропихнул ногу — и ее отрубили; он пихает другую — и эту тоже отрубили. После этого он впихнул в окно старикову голову — слуги отрубили и голову. Вор выпустил обрубок тела из рук — и оно упало вниз. Слуги же, видя, что после головы им рубить больше нечего и опасаться теперь некого, так как полагали, что это была голова вора, — преспокойно ушли к себе в комнату спать.

Лишь только слуги удалились, Климушка тотчас влез в окно, забрал со стола все лежавшие на нем деньги и, как ни в чем не бывало, ушел себе преспокойно домой.

---

[1] *Паужина* — прием пищи между обедом и ужином (*примеч. ред.*).

После этого он впихнул в окно старикову голову — слуги отрубили и голову (рис. В. Ткаченко)

Встал поутру барин и видит, что в комнате валяются обрубленные руки, ноги и голова, только не вора, а другого человека; но денег нет, они украдены. Барин стал звать слуг.

— Что вы спите, — закричал он на них. — Бегите скорей к Климушке, деньги у него. Это не его вы изрубили, а другого человека. Он теперь дома.

Прибежали слуги под окно Климушкина дома и стали окликать его:

— Климушка! Ты дома?

— Чего вы орете, не даете мне спать! — ответил им вор.

— Иди скорей к барину, он зовет тебя.

Приходит Климушка к барину, а тот его спрашивает:

— Ты, Климушка, украл деньги?

— Я, — отвечает вор.

— Укради у меня барыню, — говорит ему барин.

— Что ж, украду, — согласился тот.

Опять с паужины забрался Климушка к барину и спрятался в сено. Барин приказал с вечера запереть все ворота. Ночью Климушка вылез из сена,

Вор Климушка
(рис. В. Ткаченко)

натворил в кринке пеплу с водой, потом потихоньку прошел в барскую спальню и все, что было в кринке, вылил между спавшими барином и барыней, после чего ушел и спрятался в сарае.

Барыня вскоре же проснулась и, видя себя перепачканной во что-то мокрое и грязное, пошла на сарай умываться. Климушка схватил ее и потащил к себе домой. А идти ему надо было мимо реки. Идет он, а из воды выскакивает чертенок и говорит ему:

— Продай барыню.

— Купи, — отвечает Климушка.

И они сторговались за три сотни рублей. Вор получил с чертенка деньги, отдал ему барыню и сам пошел домой.

Проснулся барин, спохватился, что барыни нет, и закричал опять на своих слуг:

— Что вы спите! Барыню украли.

Потом тотчас же послал их к Климушке, чтобы тот явился к нему.

Приходят слуги к вору под окно, окликают его:

Вор Климушка и водяной
(рис. В. Ткаченко)

— Климушка дома?

— Что вы не даете поспать, — отвечает им вор.

— Иди к барину; он зовет тебя, — говорят ему слуги.

Приходит Климушка к барину.

— Ты украл у меня барыню? — спрашивает его барин.

— Я, — отвечает вор.

— Где же она, куда ты ее девал? — снова спрашивает его барин.

— Да я черту ее продал за триста рублей, — ответил Климушка.

— Поди, выкупи ее; я дам тебе триста рублей, — говорит барин.

— Дай три воза конопли, так я выкуплю ее.

Барин согласился.

Пришел вор к реке, сел на бережку и начал веревку вить. Выскакивает из воды чертенок и спрашивает его:

— Что ты тут, Климушка, делаешь?

— А вот если ты не отдашь мне назад барыню, так я стану воду морщить и вас, чертей, в бараний рог корчить.

Испугался чертенок, нырнул в воду и говорит водяному деду:

— Ой, дедушка, дедушка! Климушка хочет воду морщить и всех чертей в бараний рог корчить, если мы не отдадим ему назад барыни.

— А ты ступай и поборись с ним: кто одолеет, того и барыня будет, — приказал чертенку его дедушка.

Прибегает чертенок к Климушке и говорит ему:

— Давай побарахтаемся, кто кого оборет, того и барыня.

— Что с тобой бороться, — говорит вор, — у меня есть дед семидесяти лет, и тот тебя оборет.

— Пойдем, где он.

Шли, шли и повстречали на дороге медведя. Климушка и говорит чертенку, указывая на медведя:

— Вот он!

Чертенок подошел к медведю.

— Дедушка, давай побарахтаемся, — предложил он ему.

— Он глухой, — проговорил Климушка, — ты возьми батожок и ожарь его хорошенько.

Чертенок так и сделал.

Медведь встал на задние лапы и с рычанием устремился на чертенка; схватил его, повалил и давай мять что есть силы. Чуть живой вырвался чертенок из медвежьих лап и опрометью бросился бежать от медведя. Прибежал к своему деду и говорит ему:

— Ой, дедушка, дедушка! Есть у него дед семидесяти лет, и тот оборол меня, едва живой ушел от него.

Дед опять посылает чертенка к Климушке и говорит ему:

— Ты ступай теперь, побегай с ним: кто кого обежит, того и барыня будет.

Прибегает чертенок к вору и вызывает его побегать с ним вперегонку.

Медведь встал на задние лапы
(рис. В. Ткаченко)

А Климушка отвечает ему:

— У меня есть сынок малый, вчера только родился и еще не крещен, так и тот тебя обежит.

— А где он? — спрашивает чертенок. — Давай его сюда, пусть он со мной побегает.

— Ладно, — согласился Климушка, — пойдем к нему.

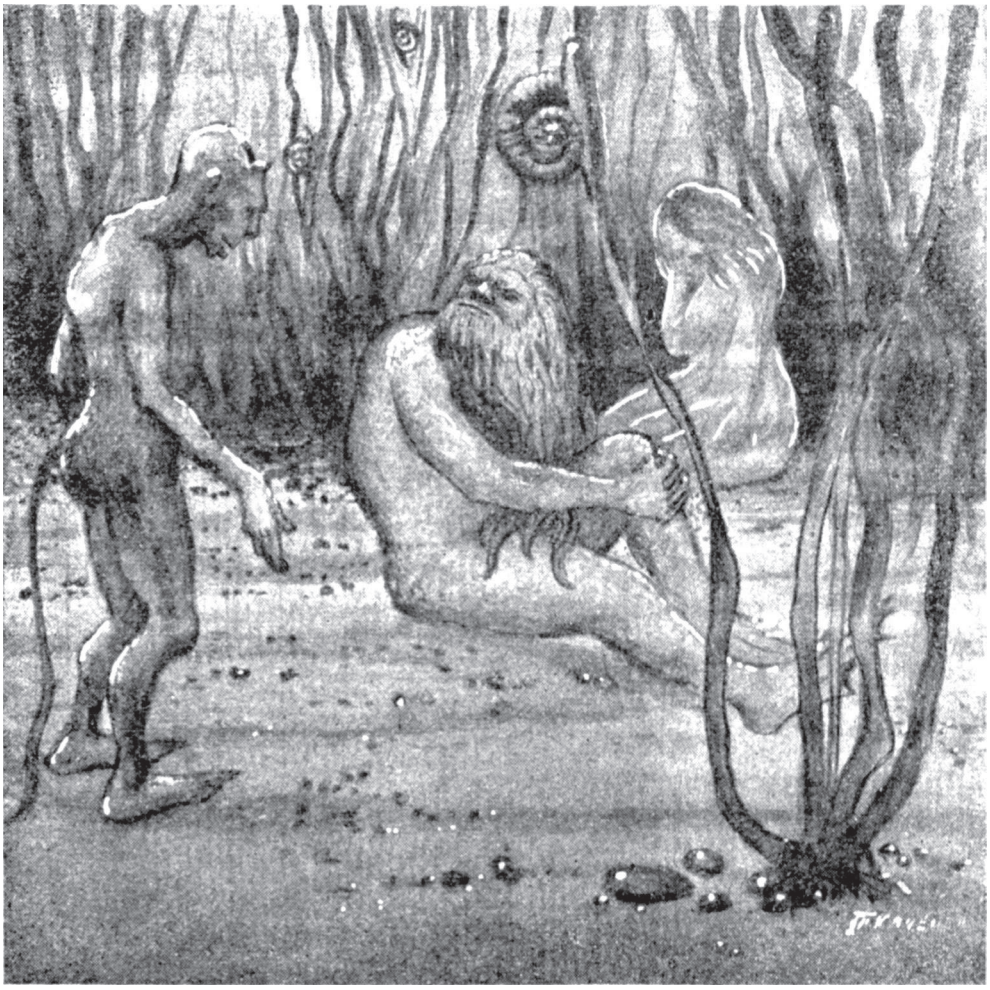
Идут они, а у дороги сидит заяц. Климушка на него и указал чертенку.

— Вот он. Беги за ним.

Чертенок кинулся бежать за зайцем, а тот от него в крючки да в кочерыжки и убежал.

Возвращается чертенок к деду и рассказывает ему:

— Ой, дедушка, дедушка! Есть у него маленький мальчик ростом с пальчик, и тот убежал от меня.



Дедушка Водяной
(рис. В. Ткаченко)

Дед опять посылает своего чертенка к вору и велит ему, чтобы он бросил с Климушкой вверх палицу, и кто бросит выше, тому пусть и достанется барыня.

Приходит чертенок к Климушке с толстой палицей и говорит ему:

— Давай кинем с тобой эту палицу вверх, и кто из нас бросит выше, тому пусть и барыня достанется.

Климушка согласился.

— Ладно, — сказал он чертенку, — брось сперва ты, а я потом кину.

Схватил чертенок палицу и со всей силы запустил ее вверх.

В то самое время, когда чертенок кинул вверх свою палицу, по небу плыло легкое облачко. Подул ветер, и облачко разорвалось на две части. Все это Климушка заметил и решил этим случаем воспользоваться. Поднял он голову и смотрит вверх, глаз не отрывая от разорванного облачка.

— Чего ты, Климушка, там смотришь? — спрашивает его чертенок.

— А то и смотрю, что ты беды наделал, — отвечает ему Климушка.

— Какой беды? — удивился чертенок.

— А такой, — говорит вор, — что ты своей дурацкой палицей небесную завесу разорвал. Придется тебе теперь лезть на небо зашивать завесу.

Испугался чертенок такой небывалой работы, схватил свою палицу и понесся со всех ног к своему деду. Прибегает к нему и говорит:

— Ой, дедушка, дедушка! Ничего не поделать с этим вором; отдадим ему барыню, а то еще беды какой наживешь с ним.

Старый черт выкинул на берег барыню, а Климушка взял ее и увез обратно к барину. Барин дал ему триста рублей. Он ушел домой и на эти деньги стал жить богачом.

Кривая ведьма

Жил-был мужик. Семьи у него не было. Задумал он жениться. Женился, да жена-то попала ему кривая и ленивая. Заставляет он ее работать, а она ни с места и знать мужа не хочет. Ни обеда ему не состряпает, ни одежды ему не сделает, а так, живет даром. Раз как-то и говорит мужик:

— Ты бы, жена, хоть пряла.

— Ладно, — отвечает жена, — стану прясть; только сходи в лес да изготовь мне мотовило[1].

Обрадовался мужик, что жена работать захотела, живо пошел в лес. Только жена — откуда и прыть у нее тут взялась — опередила мужика, обежала его другой дорогой и притаилась за деревом. Мужик пришел в лес, выбрал лесину и стал ее рубить, да едва успел раза два по дереву ударить, как жена его жалобным таким голосом заплакала:

— Чули-вли, чули-вли, чули-вли мои, не секи, мужик, мотовило — жена умрет.

Услыхал мужик плач и задумался: «Это, видно, какая-то птица поет; нет, не стану делать мотовило; жена у меня стала бойкая — за работу хочет приняться; жаль будет, если помрет». Мужик бросил работу и пошел домой ни с чем. А жена давно его опередила, идет из дома к мужику навстречу и спрашивает:

— Что, хозяин, сделал мотовило?

---

[1] *Мотовило* — мотальное орудие, палка, на которую наматывается пряжа, шелк (*примеч. ред.*).

Мужик пришел в лес и стал рубить дерево
(рис. В. Ткаченко)

— Хотел, хозяйка, сделать, да какая-то птица сказала, что помрешь, если я его сделаю, а мне тебя жаль.

— Ох, хозяин, не слушай ее, а завтра поди и сделай.

На другой день мужик снова пошел в лес, а баба опять то же сделала: забежала вперед, притаилась за деревом и мужика дожидается. Только начал мужик топором стучать, а она уж плачет жалобно:

— Чули-вли, чули-вли, чули-вли мои, не секи, мужик, мотовило — жена умрет.

Мужик снова задумался: делать или не делать мотовило: «Нет, не стану делать, вон у меня какая бойкая жена, и смерти не боится, так работать хочет; жаль ее будет, коли помрет». Вернулся мужик домой ни с чем, а жена обежала его, выходит из лесу и по-вчерашнему спрашивает:

— Что, хозяин, сделал мотовило?

— Хотел, хозяйка, сделать, да опять вчерашняя птица сказала, что ты помрешь, если я его сделаю, а мне тебя жаль.

— Ох, хозяин, не слушай ее, а завтра пойди и сделай.

На другой день мужик опять пошел в лес, а жена уж давно там. Только мужик за работу, а она и плачет так жалобно:

— Чули-вли, чули-вли, чули-вли мои, не секи, мужик, мотовило — жена помрет.

Задумался наш мужик, что ему делать, а потом и решил: будь что будет, а жаль жену изобидеть; вон как она работать хочет, по третий день его посылает. Мужик стал рубить мотовило. Долго баба плакала напрасно, высек мужик мотовило, обделал его и идет домой, а жена давно уже домой пришла и выходит к мужику навстречу:

— Что, хозяин, сделал мотовило?

— Принес, хозяйка, принес; теперь пряди.

Взяла баба мотовило, а прясть ей больно неохота. Все-таки думала, думала да и напряла ниток, намотала на мотовило пасмы[1] с две примерно, взяла большую кадку, положила туда кудели[2] и поставила ее у порога перед дверями; потом сняла с мотовила нитки да растянула их поверх кудели. Пришел домой муж, и вот пряха ему говорит:

— Смотри, хозяин, собаки в дом не пускай, а не то перепрыгнет она через кадку, и из ниток снова кудель станет. А ведь я вон сколько напряла — жалко будет.

Смекнул мужик, что хитрит его баба. Он видит, что напрядено мало, и впустил в избушку собаку. Прыгнула собака через кадку, зацепилась в нитках да и стащила их на пол. Кричит его баба:

— Ох, хозяин, что ты наделал? Говорила я тебе, не пускай собаки, а теперь вот видишь, что из ниток стало.

Думал-думал мужик, что с бабой сделать, и не придумал ничего другого, как спросить ее:

— Вот, хозяйка, идет праздник большой — Пасха Христова. Все люди снарядные (нарядные) будут, а я в чем в церковь пойду?

— Молчи, хозяин, одежу я тебе излажу, снаряжу тебе побассее (покрасивее) других.

Накануне праздника взяла баба и заколола курицу; перья с нее ощипала; потом пошла в лес и насобирала там серы с деревьев. Пришла домой, велела мужику раздеться, обмазала его с ног до головы серой и обсыпала его куриными перьями, да так и послала в церковь. Пришел мужик в церковь, а там народу много-премного. Все на него дивуются, все его боятся; все с него глаз не сводят:

— Кто это пришел? Кто это такой? — так все шептали друг другу, но узнать его так-таки никто не мог.

---

[1] *Пасма* — часть мотка пряжи (*примеч. ред.*).

[2] *Кудель* — очищенное волокно льна, конопли или шерсть, приготовленные для прядения (*примеч. ред.*).

Давай-ка он бежать домой
(рис. В. Ткаченко)

Допрежь этого, как теперь, и в церквах порядка было немного. В сутолоке кто-то толкнул по нечаянности мужика, а он-то от толчка и насунься, на грех, на свечку. Как только огонь коснулся перьев, те вспыхнули. Загорелся мужик с головы до ног. Жжет его огонь, давай-ка он бежать домой. Прибежал и говорит жене:

— Ах ты, такая-сякая, что со мною наробила (сделала). Погляди-ка на меня, ведь я нагой прибежал, и все меня таким видели.

Шибко рассердился за это мужик на свою ленивую бабу и задумал ее как-нибудь извести. Вот идет он как-то к речке и сделал через нее два перехода: один из хороших досок, а другой из гнилых. Привел он свою бабу к гнилым доскам и говорит:

— Смотри, баба, по этому переходу не ходи, не скачи: пойдешь — худо тебе будет.

А надо сказать, что Лютра (так прозвали жену мужика) всегда делала ему наперекор; и теперь на слова мужа она перечила:

— А вот пойду, эле-люк пойду, вот пойду, эле-люк пойду.

Она побежала по доскам, да только не успела добежать до середины перехода, как доски под ней подломились, и она упала в воду. Только мужик ее и видел. Пришел мужик домой; вошел в избу и видит: пусто в избе; жалко стало ему своей бабы. Что сделать, как достать ее из воды, чтобы привести домой? Вот сделал он веревку, привязал к ней зыбку[1], пошел с снарядом к речке и пустил в нее зыбку. Потянул зыбку обратно и слышит, что-то попало. Ну, думает мужик, вытащу назад свою бабу и уведу ее домой, станем опять вместе жить-поживать. Тащит он, тащит, глядь — вместо его бабы попала ему в зыбку нечистая сила — кикимора. Мужик стал было опускать ее обратно в воду, да нет: кикимора схватилась за него крепко-прекрепко и говорит:

— Батюшка, спаси меня от кривой Лютры. Попала она в наше царство, и житья от нее нам не стало. Спаси меня, вынь из воды, и за это я тебе добро сделаю. С этих пор я стану забиваться в богатые дома; буду там всячески пакостить везде, где только можно, а ты будешь меня выживать, за это деньги получать, и скоро разбогатеешь. Только одно запомни: как придет время меня выгонять, ты войди в дом и крикни: «Я в дом, кикимора из дому вон!» Я тотчас же убегу.

Видит мужик, плохо ему приходится; крепко схватила его кикимора; вероятно, жутко ей пришлось от кривой Лютры. Мужик вытащил из воды кикимору, и та сейчас же пошла гулять по белому свету. Она забилась в один богатый дом и стала там пакостить в чашки и в ложки, а затем бить посуду и все, что попадало ей под руку. Не рады стали ей в доме и начали искать такого человека, который бы вывел ее из дому. Услыхал про это мужик, пришел и похваляется:

— Я могу кикимору выгнать.

Стали мужику кланяться: выгони кикимору. Он согласился выгнать кикимору и выговорил себе в награду сто рублей. Взошел в дом и крикнул:

— Я в дом, кикимора из дому вон!

Кикимора сейчас же убежала из дому, но по дороге она все же шепнула мужику, куда она опять идти хочет. Угостили мужика, дали ему сто рублей и просто не знали, как благодарить его за такую его услугу. Кикимора между тем полезла в дом более богатый и опять стала пакостить, да еще хуже, чем раньше. Так она изъезжалась (издевалась), что хозяевам ни пить, ни есть нельзя было — неспокойное житье стало. Вот, расслышав о мужике, хозяева стали просить его выгнать кикимору и тоже пообещали ему сто рублей. Мужик рад был деньгам, пришел в дом да опять таким же образом выгнал кикимору. Получил он денежки и идет домой, а кикимора бежит рядом и шепчет ему:

— Смотри, не пытайся меня больше гнать, а не то я тебя съем!

Что делать мужику, опять его просят выгнать кикимору из дома самого первого богатея. Все знают, что, кроме мужика, никто выгнать кикимору

[1] *Зыбка* — колыбель, люлька (*примеч. ред.*).

Она захрипела: «А, ты опять пришел, я тебе разве не говорила, чтобы ты не ходил. Теперь я тебя съем»
(рис. В. Ткаченко)

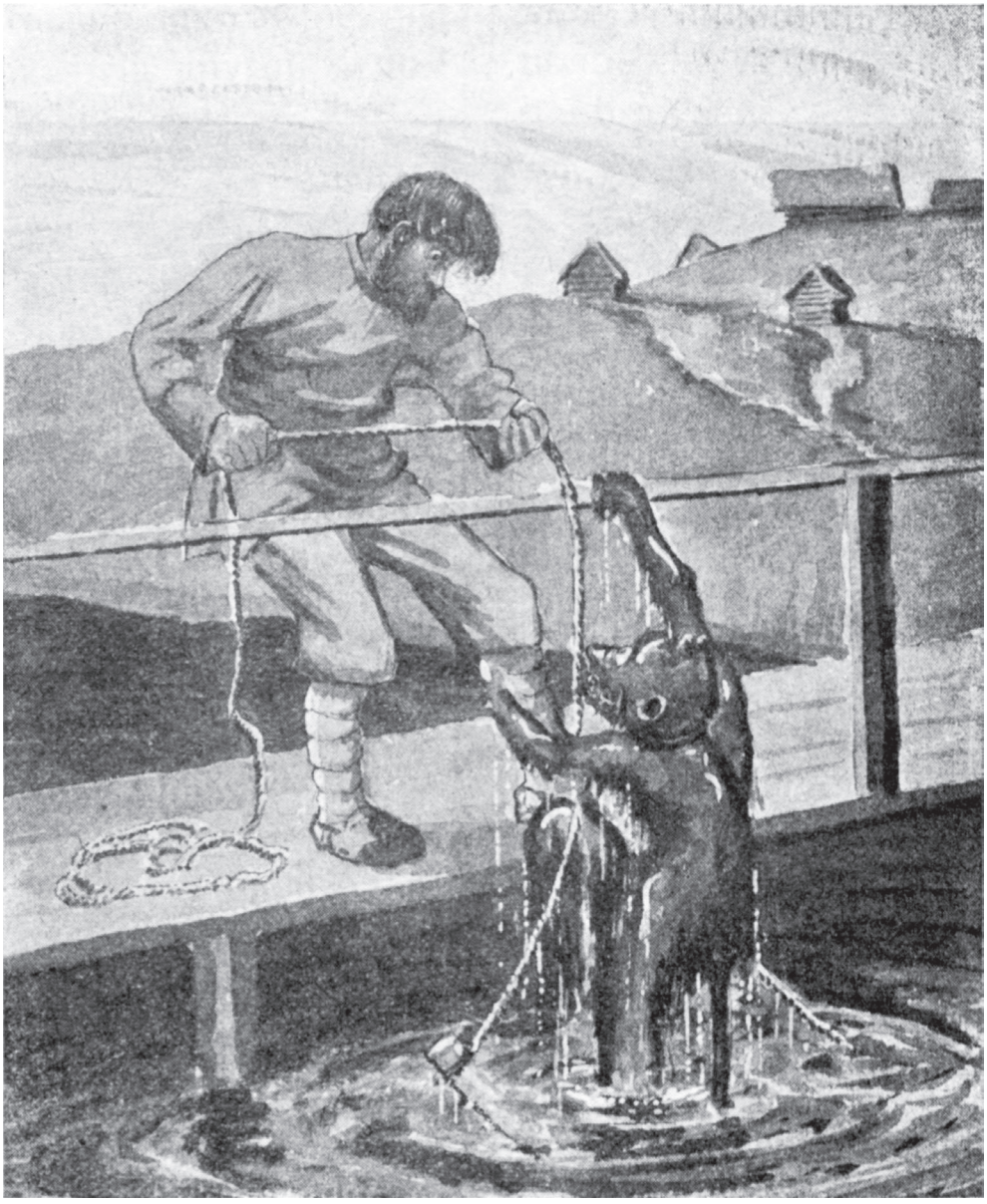
не может. Долго он отговаривался, все боялся загубить свою жизнь, да все же соблазнился двумястами рублей и пошел. «Будь что будет, — думает, — пойду». Только что взошел мужик в двери, а кикимора на него со всех ног так и накинулась, да такая презлющая. Она закричала:

— А, ты опять пришел. Я тебе разве не говорила, чтоб ты не ходил. Теперь я тебя съем.

Весьма испугался мужик, не знает, что сказать, да вдруг пало ему на ум:

— Что ты, матушка, ведь я пришел не гнать тебя, а сказать, что Лютра из воды вышла, тебя и меня ищет съесть.

Быстро вылетела кикимора из дому да прямо к речке — только брызги поднялись. Тем все дело кончилось; мужик избавился от ленивой и упрямой жены и разбогател.



Мужик и кикимора
(рис. В. Ткаченко)

Кузнец и черт

Жил один кузнец, человек беднейший-пребеднейший, а мастер своего дела, удивительный мастер, но счастье ему не давалось в руки, как он ни старался зашибить копейку — все напрасно. В кузнице у этого кузнеца висел портрет черта, нарисован был он страшный-престрашный. Кузнец всегда во время своей работы взглянет нечаянно на картину чертову, да и плюнет или каленым железом пихнет в нее. В одно время работа была у него спешная, а дело не спорилось, так он с досады каленым гвоздем черту глаз выжег; да и много разных ругательств делал кузнец над картиной.

Черт знал про это, что кузнец издевается над его портретом, терпел, терпел и не вытерпел. «Постой, — думает, — я задам кузнецу ходу!» Взял он в одно время, когда кузнеца не было в кузнице, и привалил огромный камнище к дверям кузницы, так что войти в нее не было никакой возможности, а сам спрятался за кузницу и стал дожидаться кузнеца.

Вот пришел кузнец, видит, что у его кузницы приворочен камнище, стал ругаться напропалую, потом и пошел за аншпугом[1], чтобы им своротить камень с места; аншпуг лежал за кузницей. Вот бросился туда кузнец, взглянул и видит, что там черт запрятавшись.

— А, так это ты со мной такую штуку сделал, — закричал кузнец.

Потом схватил черта за шиворот и давай его лудить аншпугом по спине. Черт видит — дело худо, кузнец бить не перестает, и стал он просить прощенья.

— Ступай, — говорит кузнец, — стащи камень на прежнее место да больше никогда мне и на глаза не кажись, хуже изобью.

Черт отворотил камень и ушел от кузнеца, а кузнец стал еще более потешаться над картиной. Не вытерпел черт, задумал идти к кузнецу; приходит в виде человека в синем картузе, в желтом галстуке, в коричневом фраке и с палкой в руке.

— Сделай мне, — говорит он кузнецу, — железную вилу; я тебе дорого заплачу.

— Изволь, — говорит кузнец.

— А дорого ли ты с меня возьмешь за эту картинку? — Черт показал на свой портрет.

— Она у меня, — говорит кузнец, — не продажная, а заветная.

Черт стал приставать к кузнецу: продай да продай, дорого дам. Кузнец заметил, что покупатель пристает. Посмотрел он на картуз, посмотрел на покупателя, да и заметил у него повыше ушей маленькие два рожка. «Постой, — думает, — не обманешь, догадался, что ты за гусь такой, сдеру же я с тебя за свой портрет». Взял он каленое железо да и уткнул в рыло нарисованному черту, а настоящий черт сморщился.

---

[1] *Аншпуг* — деревянный брус, используемый в качестве рычага для подъема и переворачивания тяжестей (*примеч. ред.*).

— Продай, — говорит он кузнецу, — я обогащу тебя.

— А как ты обогатишь меня?

— Да дам тебе клад, дорогой клад, только согласись.

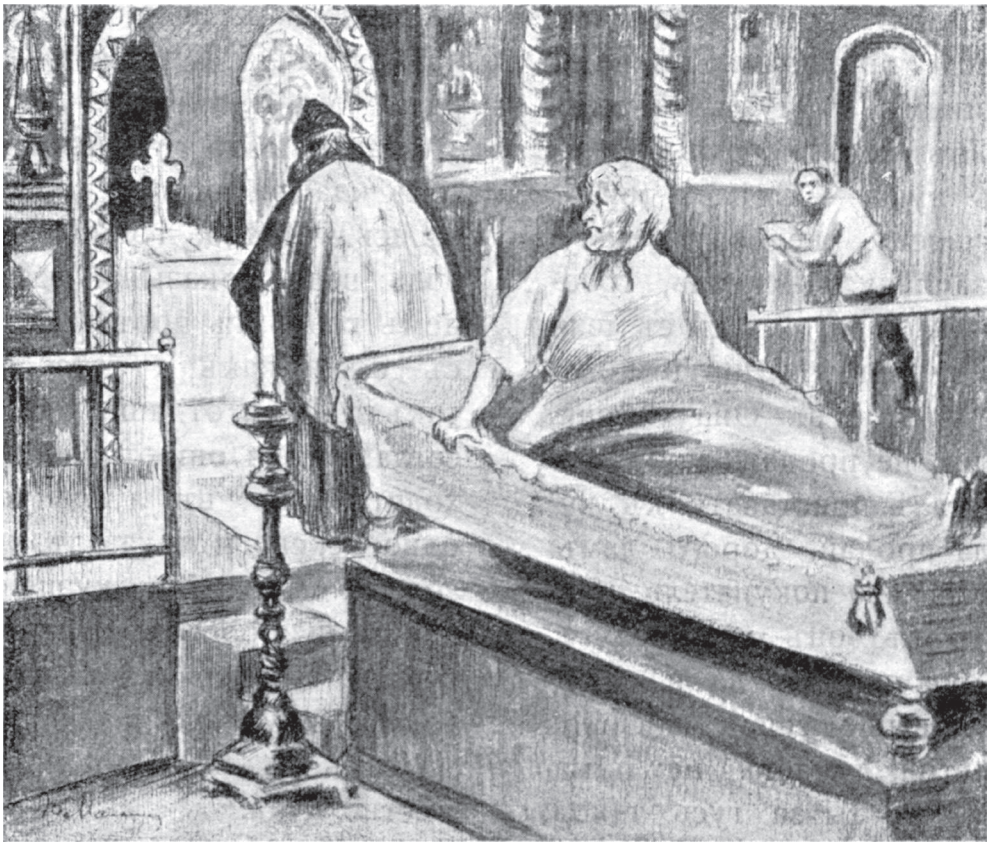
— Ладно, — говорит кузнец, — изволь; веди, показывай, где клад!

— Пойдем, — говорит черт, — да и картину бери с собой; как я тебе отдам клад, так ты мне отдашь картину.

Кузнец согласился, и они отправились. Вот приходят они в лес, черт вырвал одно дерево и показал кузнецу котел золота. Схватил кузнец котел с деньгами, бросил картину и пустился бежать, только не в ту сторону, где была его кузница, а совсем в другую, да так с тех пор и пропал неизвестно куда.

—

В одной деревне была волшебница; ее считали ведьмой. Она вылетала в трубу, ездила на помеле. Пришел ей последний, значит, час жизни. Позвали попа. Поп ее исповедал. Одного греха ему не сказала: говорила только, чтобы простил ее. Поп ответил, что простить ей не может, потому что она не раскаялась. «Ну, — говорит, — поп, я тебя добуду, коли не прощаешь в грехе».



И в этот же час вылетела в трубу. Поп ушел от нее. Еще до дома не дошел, ему сказали, что она умерла. По обычаю ее одели, снесли в церковь, заказали обедню. Поп велел пономарю разбудить его пораньше. Поздно вечером, когда поп едва заснул, она явилась к его дому в пономаревской одежде, стучит в окно и говорит:

— Батько, пора заутреню служить.

Поп встал, подал ключи, сам стал одеваться. Она же в это время отперла церковь, отзвонила, зажгла свечи и легла в гроб опять. Поп пришел с сыном, мальчиком лет двенадцати. Приходят в церковь, пономаря нет; дьячка тоже. Начинает служить заутреню с сыном-мальчиком. Мальчик начал читать. Посмотрит на гроб и видит, что покрывало свалилось. Покойница встала, вышла из гроба и пошла прямо на крылас <клирос> к мальчику. Мальчик испугался и побежал в алтарь и спрятался под крестом. Попа схватила и загрызла в пономарских дверях до смерти.

Наступило время служить заутреню. Пономарь пришел к попову дому и стучит, зовет служить заутреню. Попадья отвечает:

— Что ты долго спишь? Батько ушел давно.

Пономарь видит, что дело неладно, взял дьячка с собой, и пошли двое. Зашли в церковь и видят: поп лежит в пономарских дверях. Мальчик под крестом едва жив. Подняли его и спросили у него, как это случилось. Мальчик сказал, как было. Они сходили за родными. Родные подрезали у нее жилы у ног; отпели, похоронили... А через трое суток вынесли опять и сожгли тело на огне. Пепел в реку опустили.

Записано Г. Вересовым
В Новгородской губ.

О детях, похищенных чертом

Когда-то черт похитил где-то двух детей: мальчика и девушку, заставил их служить себе и всевозможным образом мучил их. Однажды девушка говорит мальчику:

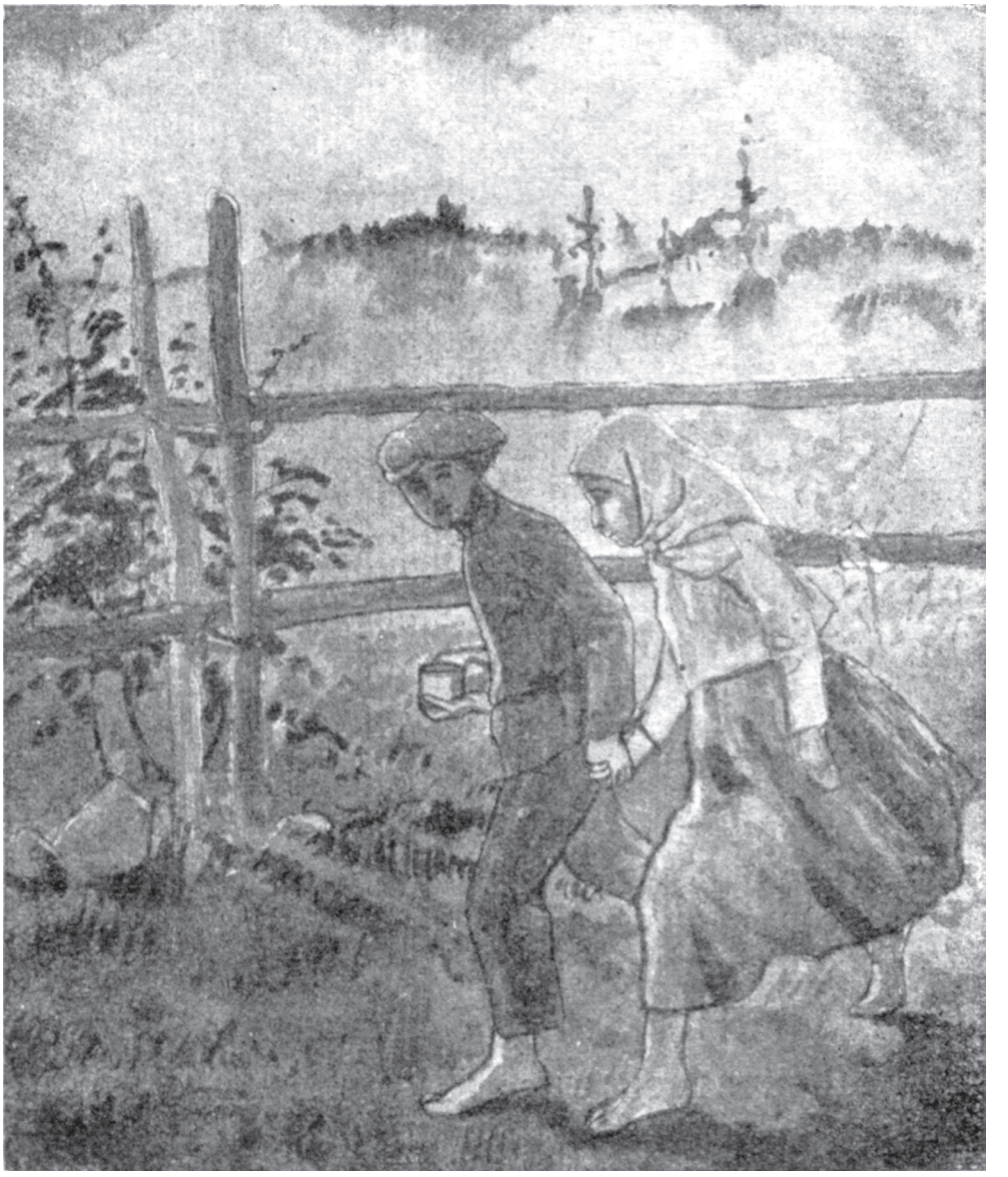
— Я знаю, как нам можно убежать отсюда; если ты женишься на мне, так я освобожу и тебя.

Мальчик был согласен, и скоро они отправились в дорогу. Когда черт вечером лег спать, они собрались в бегство, но перед этим девушка выпустила на порог три капли крови из безымянного пальца, а мальчику велела взять с собой немного дерева, камня и воды.

На рассвете черт проснулся и закричал из своей комнаты:

— Вставай, девушка, пора приниматься за работу.

— Встану, встану, — отвечала первая капля, и черт, думая, что девушка встает, опять заснул и спал до следующего дня.



Когда черт вечером лег спать, дети собрались бежать
(рис. В. Ткаченко)

Проснувшись, он опять закричал:

— Готово ли кушанье?

— Только начало кипеть, — отвечала вторая капля.

— Хорошо, — сказал он и снова спал сутки.

Наконец проголодался и нетерпеливо вскричал:

— Ну, готово ли?

— Готово, пожалуйте кушать, — отвечала третья капля.

Черт встал и отправился в кухню, но там не нашел ни кушанья, ни девушки. Пошел искать мальчика, и того не нашел. Он тотчас догадался, что они бежали, и приказал трем большим собакам пуститься за ними.

Уже на расстоянии одной мили беглецы услышали шум от собак; девушка и говорит мальчику:

— За нами гонят! Превратись в сосну, а я буду елью!

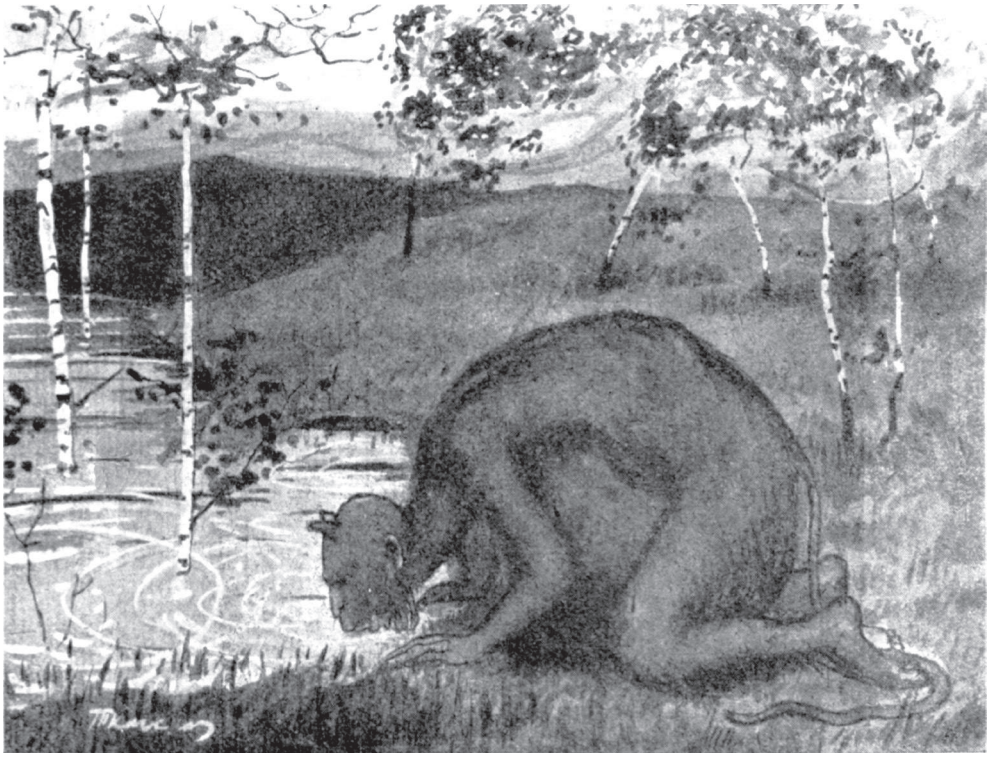
Превратились. Собаки прибежали до этих деревьев, а тут все следы простыли, не знали, куда бежать, и потому воротились. Когда они рассказали это черту, он разбранился и сказал:

— Это-то они и были, ступайте, принесите мне эти деревья!

Черт бежит догонять детей
(рис. В. Ткаченко)

Девушка опять услышала шум от гонящихся собак и приказала мальчику превратиться в изгородь, а сама превратилась в луг. Вскоре собаки явились, а возле изгороди следов опять нет, они должны были возвратиться. Тогда черт опять послал их за изгородью и лугом, а беглецы превратились в озеро и утку. Собаки не могли отгадать, что это они, опять возвратились и рассказали дело черту. Теперь он сам пустился вслед за ними.

Тогда девушка приказала своему спутнику бросить за ними кусок дерева. Тотчас на этом месте поднялся такой густой лес, что черт не мог пробраться через него, а должен был идти за топором. Беглецы поспешили дальше, и когда опять услыхали шум, мальчик по приказанию девушки бросил за собой камень; тогда за ними сделалась высокая гора. Только на третий день черт перешел ее и снова стал преследовать беглецов. Теперь девушка приказала мальчику бросить за ними чашу воды, а оттого сделалось большое озеро, через которое черт никак не мог пробраться. В отчаянии он начал пить воду из озера, чтоб потом сухо перейти его, и в самом деле выпил почти всю воду, но тут лопнул и умер. Мальчик и девушка теперь стали жить спокойно.



В отчаянии черт стал пить воду из озера
(рис. В. Ткаченко)

Пьяница

Жив да быв в одной небольшой деревеньке мужицок-пьяница. Всякий праздник и всякое воскресенье — люди в церковь к обедне, а он в кабак бежит. Всю последнюю неделецку великого говенья пропировал и пришел домой уже в большую субботу, да и этот день весь продрыхнул. В Христов день, ковда заблаговестили к заутрени, хозяйка будит его и говорит:

— Сходи, — гыт, — хоть в Христов-то день в церковь.

Мужик слез с говбца[1], оболокса и пошел в церковь. Ну как он всю неделецку пропировал, то голова у него больно болела, то он вздумал зайти перед заутреней в кабацок опохмелиться только. Он об том подумав — глядь, и видит тут знакомого мужицка, тоже пьяницу. Мужицок этот подошел к нему и спрошав его:

— Ты куда, приятель, пошев?

— Да голова больно болит, так хочу перед заутреней зайти опохмелиться.

— Хорошее дело, я тоже иду; пойдем вмисте.

Пошли они в кабацок и спросили полштофа вина; знакомый наливает ему стакан и потчует:

— Выпей!

Мужицок взял стакан в руки и, поднеся его ко рту, чтобы выпить, да и сказав:

— Господи, благослови!

И вот он глядь: вместо стакана-то в руках у него сосновая шишка, а сам он очутился в густом-прегустом лесу и сидит на долгой ели. Кругом и под ним внизу темнота. От страха мужицок чуть не свалился на землю, а слезая с елки, оцарапал себе рожу и руки о колючие прутья. Пошел домой и в лесу заблудился и домой пришев лишь на цетвертый денек праздника, и то лишь вецером. Долго после того был нездоров и еле не умер, а царапины на роже, на руках так и остались на всю его жизнь.

С того времецка наш мужицок — шабаш в праздники вино пить.

Записано лично мною
в Кадниковском уезде, в Засодимье

[1] *Голбец* (*говбец*) — деревянная пристройка к русской печи (*примеч. ред.*).

Пьяница
(рис. В. Малышева)

Об обещанном мальчике

Один жених на замечание, что нет ни одной коровы, говаривал: «Коров шесть есть: корову бура да корова будет; корова есть, да о корове весть — вот и шесть».

В некоторое время жили муж с женой. Долгое время они жили вместе. Но через некоторое время муж оставил жену одну дома, а сам пошел на чужую сторону. Жена осталась дома с мальчиком, так, приблизительно, лет двух.

Мужик дошел до одного города и нанялся к купцу в работники. Тут ему жилось хорошо, всего было вдоволь.

Прожил он здесь год, поднакопил денег и послал их жене. И так он посылал ей каждый год. Жена получала от мужа деньги и справляла все свое хозяйство.

Через несколько времени мужику захотелось побывать дома. Он рассчитался с хозяином, получил за прожитое время деньги и отправился домой.

В один прекрасный день он шел лесом. Солнце палило жарко. Мужик еле-еле дошел до деревни. В этой же деревне был кабак. Он зашел в кабак, выпил с устатку стаканчик и опять отправился в путь. От деревни до деревни был большой волок. По этому-то волоку мужику и нужно было идти. Мужик отправился. На середине волока увидел он мельницу, зашел в нее, но она оказалась пуста. Его так и клонило попить воды. Он наклонился и припадком давай зудить воду. Вдруг к нему подплывает седой старик, берет его за бороду и начинает его трясти, говоря при этом:

— У меня так в реке воды мало, а ты, гляди, как напузырился, ровно всю воду выпил. Теперь я тебя не отпущу.

Мужик не на шутку испугался.

— Пожалуй, отпущу, — сказал опять старик, — только с одним условием, если пропишешь мне, чего дома не знаешь.

Мужик подумал, подумал и говорит старику:

— Не могу знать, серебряный старец.

Но старик от него не отступается. Делать нечего. Мужик разрезал ножом свой палец, накапал в склянку крови и стал думать, чего дома не знает. И думал он тут три дня и три ночи. Наконец-таки догадался, что когда он пошел на чужую сторону, то жене своей наказывал, чтобы та отдала мальчика в училище. «А-а, — сказал мужичок. — Вон оно что: сынок-то у меня, наверное, в училище ходит». Взял да прописал его седому старику. Старик тогда его отпустил.

Мужик пошел домой. Подходит он к деревне. Мальчик вышел на крылечко и стал кричать:

— Тятя идет!

Мужик пришел в свой дом и стал жить припеваючи. Но через несколько времени у них случилось несчастье: старик, который захватил мужика за бороду,

стал ходить по ночам и звать мальчика к себе. А если он не пойдет, говорил старик, то он вместе с ним уведет отца и мать его.

Так продолжалось две ночи. На третью ночь старик явился опять и сказал мальчику:

— Если ты не пойдешь со мной, то я убью твоих родителей, а тебя силком уведу с собой.

Стали родители мальчика советоваться между собой, как поступить им, и решили снарядить мальчика и послать его к старику. Вот собрали они его и пошли провожать. По дороге отец стал говорить сыну:

— На середине волока стоит пустая мельница. Ты и простой тут час и другой. Если ничего не будет, то ступай далее.

Мальчик простился с отцом и матерью и пошел один. Шел он, шел и дошел до той мельницы, о которой говорил ему отец. Он тут просидел час — ничего нет; просидел другой — тоже ничего, он и пошел себе далее.

Вскоре наступил вечер. Мальчику нужно было забираться куда-нибудь на ночлег. На его счастье попалась ему по дороге избушка, и увидал он тут какую-то старуху.

— Здравствуй, бабушка, — сказал ей мальчик.

— Здорово, миленький, здорово, — ласково проговорила старуха. — Сядь скорее на лавочку, отдохни; устал ведь, родимый, — продолжала она.

Мальчик присел на лавочку и стал расспрашивать у старухи про того старика, к которому он шел.

— А на что тебе, родимый, старика-то? Да я не знаю, про какого ты говоришь старика-то, — ответила ему старуха.

Мальчик рассказал ей обо всем подробно. Окончив свой рассказ, он спросил ее:

— Ну, что, бабушка, вспомнила?

— Вспомнила теперь, батюшка, вспомнила. Знаю.

Мальчик стал расспрашивать ее дальше:

— А далеко ли, бабушка, мне до него идти-то?

— Далеко, родимый, далеко, — отвечала старуха. — Еще завтра тебе нужно идти день, — продолжала она, — потом уж до него дойдешь. Еще прежде всего ты побываешь у моих сестриц, которые живут, как и я, тоже на дороге.

После этого старуха мальчика накормила, напоила и спать повалила. Наступило утро. Мальчик пробудился, обулся и оделся. Старуха по-прежнему опять его накормила, напоила и в путь-дорогу снарядила.

Мальчик шел целый день лесом. Опять наступил вечер. Мальчик увидал избушку, зашел — а там тоже сидит старуха, еще старее прежней. Мальчик переночевал у нее и пошел далее. Наконец он дошел до третьей старухи. Та ему рассказала, как найти седого старика:

— Ты, мальчик, — сказала она, — вскоре дойдешь до горы. Взойдешь на гору. Под горой течет большая река. Приди к реке, сядь у песку за пенек. К реке прилетят купаться семьдесят пять лебедей. Семьдесят четыре будут

купаться, а семьдесят пятый будет над ними летать. Когда семьдесят четыре лебедя выкупаются, то семьдесят пятый будет после них купаться. Лебедь снимет с себя свою лебединую шкуру и станет красной девицей. Когда она залезет в воду, ты подскочи и схвати ее лебединую шкурку. А когда она спросит ее, то ты выйди из-за куста и отдай ей шкурку.

Мальчик распрощался со старухой и пошел дальше. Дошел он до той горы, про которую говорила ему старуха. Взошел он на гору и видит: впереди под горой течет маленький ручеек. Он спустился под гору, и перед ним открылась огромная и широкая река.

Мальчик уселся за кустик, как говорила ему старуха, и стал ожидать, что будет дальше. Вдруг видит он — летит стадо лебедей. Стал он считать и насчитал семьдесят пять штук.

Все лебеди, кроме одного, начали купаться, а этот один стал летать над ними. Когда выкупались семьдесят четыре лебедя, то семьдесят пятый сбросил с себя свою лебединую шкуру и превратился вдруг в красную девицу. Шкурку она положила на пенек, а сама пошла в воду.

Как только красная девица вошла в воду, мальчик быстро выскочил из-за куста и схватил лебединую шкурку.

Тем временем девица-лебедка, выкупавшись, вышла из воды и видит, что шкурки ее нет на том месте, где она была оставлена ею. Изумилась красна девица и говорит:

— Если стар пошутил, то отец мой; а если млад пошутил, то будь жених мой.

Мальчик выскочил из-за куста, подбежал к красной девице и говорит ей:

— Не печалься, царевна, твоя шкурка никуда не девалась; но я тебе скажу, что лучше бы тебе быть девицей, чем лебедкой.

И с этими словами он разорвал лебединую шкурку царевны. После этого они пошли к старику седому, по прозванию водяному. Этот старик был отец царевны-лебедки, которую звали Марьей. Вот царевна Марья и говорит мальчику, имя которому было Иван.

— Ты, Иван, ступай к моему отцу, он обедает теперь; когда взойдешь, скажи: дедушка, хлеб да соль. Он ответит: хлеба есть. Ты с ним и садись.

Отец Марьи жил на самой речке. Речка эта шла от той пустой мельницы, где дедушка водяной захватил за бороду отца Иванова.

Мальчик пришел к деду, который действительно в это время обедал. Иванушка сказал ему:

— Хлеб да соль, дедко.

Дедко ответил ему:

— Хлеба есть.

Иванушка и сел с ним за стол обедать. Отобедали. Дед и говорит Ивану:

— Ну, Иванушка, этот денек ты погуляй, а завтра я дам тебе небольшую работу.

Вышел Иванушка от дедка и запечалился. Попадает навстречу ему Марья-царевна и говорит:

— Что, Иванушка, не весел, что головушку повесил? Пойдем-ка лучше гулять.

Пошли они; Марья-царевна и спрашивает у Иванушки:

— Какую тебе работу дал дедушка?

— Пока никакой, — отвечает Иван, — а завтра даст.

А Марья-царевна ему и говорит:

— Если он задаст тебе какую работу, обращайся ко мне, и я все сделаю.

Прогуляли они до вечера и пошли домой. Наступил другой день. Дедушка призывает к себе Ивана и задает ему работу:

— Вот, — говорит он, — у меня есть семьдесят семь десятин лесу. Ты его вырубы, сожги, землю вспаши и хлеба засей.

Иван про себя и думает: «Вот так работа — да это на всю жизнь хватит!» Пошел и запечалился, а навстречу ему Марья-царевна идет.

— Что, Иванушка, невесел, что головушку повесил? — говорит она Ивану.

А тот ей отвечает:

— Как мне, Марья-царевна, не печалиться, когда отец твой задал мне такую работу, что на всю жизнь мне хватит.

Марья-царевна ему и говорит:

— Молись-ка Богу да ложись спать, так все хорошо будет.

Лег Иванушка и заснул. Марья-царевна махнула платком, и вдруг прилетели семьдесят четыре лебедя и спрашивают:

— Что нужно?

Марья-царевна отдала им ту самую работу, что дедко дал Иванушке, и при этом добавила:

— Все делайте, только на краю одну елку оставьте.

Вот прилетели семьдесят четыре лебедя и живо принялись за работу: кто рубит, кто в груды кладет, кто жжет, кто землю пашет, кто хлеб сеет. Быстро они всю работу исправили и говорят Ивану:

— Только остается тебе срубить одну ель, сжечь ее — вся твоя работа будет готова.

Иван срубил и сжег ту елку и после этого пошел к дедушке. Марья-царевна там уж была. Пришел Иванушка и говорит:

— Ох, дедушка, как я устал. Всю твою работу исполнил.

Дедушке не любо стало: он хотел Иванушку заморить на работе, но, к счастью, тут явилась Марья-царевна, его спасительница. Дедушка заругался, а Марья ему и говорит:

— Полно, старый черт! Сколько тебе не работай, а все не ладно.

После этого опять дедушка отпустил Ивана гулять. Иван гулял с Марьей-царевной до самого вечера. На второй день дедушка дал Ивану другую работу, сказав ему:

— Слушай, Иван, у меня есть семьдесят семь десятин ржи. Ты ступай, выжни ее, потом собери, измолоти, измели, хлеба напеки и на поддачу мне караваев десять принеси.

Вышел Иванушка от деда и запечалился. Навстречу ему попадается Марья-царевна и спрашивает его:

— Что ты опять, Иванушка, не весел, что головушку повесил? Али опять работа тяжелая дана тебе?

Иван рассказал ей, какую ему дедушка задал работу. Выслушала его царевна и говорит:

— Молись Спасу да ложись спать, и все дело ладно будет.

После этого царевна по-прежнему махнула платком, и к ней опять прилетели семьдесят четыре лебедя и спросили:

— Что нужно?

Царевна отдала им приказ исполнить Иванову работу. Они тотчас принялись за нее: кто рожь начал жать, кто убирать, кто молотить, кто молоть на мельнице, а кто хлебы печь. Живо всю работу исправили.

Марья-царевна разбудила Ивана и сказала ему:

— Наклади целую ношу хлеба, снеси дедушке и скажи ему: на-ка, дедушка, поешь.

Иван пошел накладывать хлеба, а Марья-царевна пошла к дедушке, или лучше сказать, к своему отцу.

Наложив целую ношу хлеба, Иван принес его к деду и сказал:

— На-ка, дедушка, поешь.

Дед заругался, а Марья-царевна опять тут, как и раньше, промолвила:

— О-о, старый! Сколько тебе ни работай, все тебе не ладно.

На третий день дедушка задал Ивану самую трудную работу: построить церковь, и при этом все необходимое для постройки, как-то: кирпичи, камни, бревна и прочее — должен был приготовить сам же Иван.

Делать было нечего, Иван взялся. Вышел он от деда и запечалился. Опять навстречу ему попадается Марья-царевна. Выспросив у него про заданную ему работу, она сказала ему, чтоб он не беспокоился и ложился бы спать.

Опять, как и прежде, Марья-царевна махнула платком, и к ней вмиг прилетели семьдесят четыре лебедя. Она приказала им исполнить Иванову работу, и в ночь вся работа была исполнена, и церковь стояла совсем готовой.

На четвертый день дедушка объявил Ивану свою волю:

— Я тебя, Иван, — сказал он, — повенчаю с моей дочерью Марьей-царевной.

Иван тотчас поспешил к Марье-царевне, чтоб передать ей о намерении ее отца. Но она как волшебница знала об этом уже раньше.

Наконец Ивана и Марью-царевну повенчали и оставили их на первую ночь спать в той самой церкви, которую велено было построить Ивану в минувшую ночь.

Когда молодые остались одни и улеглись спать, Марья-царевна стала сговаривать своего мужа на побег. Иван согласился. Марья-царевна, так как была волшебница, то накатала из хлеба пять шариков и велела им отвечать на все вопросы, которые услышат они. После этого молодые выскочили в окошко и пустились в бегство.

Когда настало утро, дед послал будить молодых. Приходят посланные и начинают будить новобрачных.

— Молодые, вставайте!

А шарики им отвечают:

— Сейчас встаем.

Через некоторое время дед снова посылает за молодыми. Посланные приходят к двери и опять начинают будить молодых:

— Что же вы, молодые, так долго не встаете?

А хлебные шарики по-прежнему отвечают посланным:

— Сейчас одеваемся.

— Что же это вы, молодые, так долго одеваетесь?

— Сейчас идем, — снова отвечают шарики.

По прошествии недолгого времени дед опять посылает за новобрачными. Приходят посланные и говорят:

— Да что же это вы, молодые, в комнаты не выходите?

И с этими словами посланные начали двери выламывать. Когда двери были сломаны и посланные взошли в комнату, то видели, что молодых тут и в помине нет, и след простыл.

Прибежали посланные к деду и сообщили ему о случившемся. Дед тотчас нарядил погоню за молодыми.

Марья-царевна со своим мужем Иваном были уже далеко, когда только что погнались за ними, и поэтому погоня настигнуть их скоро не могла. А все-таки из предосторожности Марья-царевна велела мужу послушать, нет ли поблизости где погони за ними.

Припал Иван к земле — ничего не слыхать.

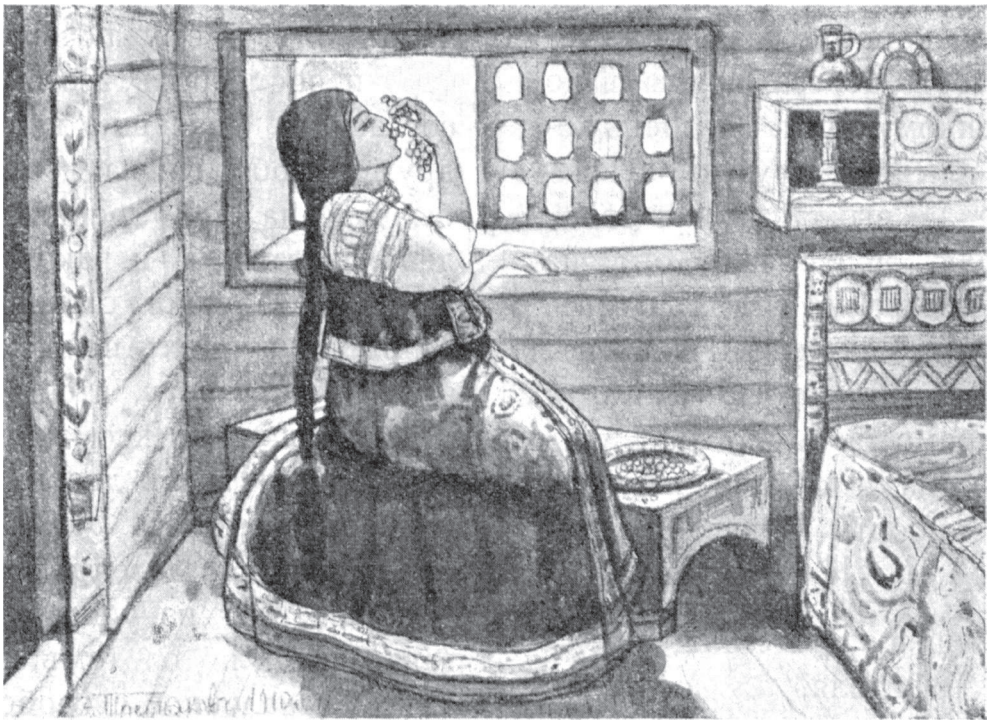
Спустя немного времени Марья-царевна опять стала беспокоиться насчет погони. На этот раз она сама решилась припасть к земле и послушать хорошенько. Вот припала она и говорит мужу:

— Ой, Иван! Сам отец за нами летит.

И тотчас же Марья-царевна сама превратилась рекой, а мужа своего Ивана оборотила ершом.

Прибегает к реке старик со своей старухой и давай руками ловить ерша. Известное дело, что ерша ловить трудно. Половил старик, половила и старуха, но ни тот, ни другой не могли изловить ерша. Так ни с чем и домой пошли.

Как только ушли старик со старухой, Марья-царевна и муж ее Иван сделались опять людьми и пошли на родину Ивана. Там они устроились и зажили себе припеваючи.



Про Иванушку, купеческого сына

В некотором царстве, в некотором государстве, а именно в том, в котором и мы теперь живем, жил-был богатый купец.

Этот купец покупал товар у себя в государстве и отправлял его за границу.

У этого купца был один сын, которого звали Иванушкой.

В одно прекрасное время стал этот купец собираться за границу ехать, везти для распродажи припасенный им товар. Иванушка стал просить отца взять его с собой за границу. Но как он ни упрашивал отца, тот наотрез отказался взять его с собой.

Видя такое непонятное для него упорство отца, Иванушка решил прибегнуть к хитрости, чтобы хотя посредством этого достигнуть желаемого.

В назначенный для отплытия корабля день Иванушка явился на корабль и там спрятался, так что отец его не знал даже о том, что сын его, вопреки его воле, все-таки отправляется за границу вместе с ним на том же самом корабле, на котором находился и сам он.

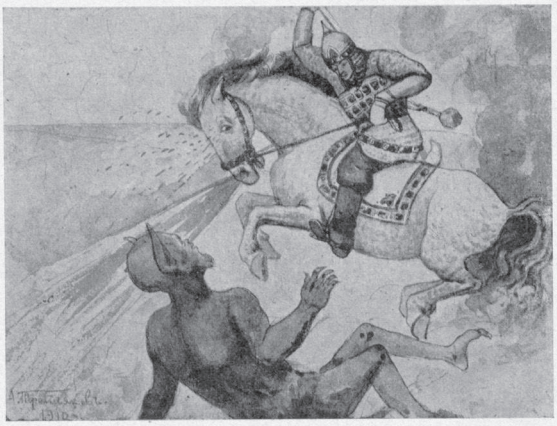
Когда все приготовления к отплытию были исполнены, корабль снялся с якоря и, отчалив от берега, поплыл по заранее намеченному пути. Плывет корабль неделю, плывет другую, а Иванушка все еще не выходит из своей каморки, которую облюбовал он на корабле и где все время сидел один,

МОЙ ДОСУГ

ХУДОЖЕСТВЕННО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ СБОРНИК

Издаваемый Александром Евгеньевичем Бурцевым

Выпуск 9



Выпуск 9

С.-Петербург 1910 г.

Хромо-Типография А. К. Вейерман, СПБ., Благовещенская пл. 3.

Обложка 9 выпуска 3 тома

не показываясь отцу на глаза. Наконец надоело ему сидеть в своей засаде, и он решил прямо и смело предстать пред глазами отца и откровенно признаться ему и просить у него прощение.

Когда Иванушка предстал пред глазами своего родителя, то последний очень разгневался на него и начал ругать его за ослушание. Однако, видя, что брань теперь дела уже не изменит, он в конце концов примирился с сыном, и они преспокойно продолжали плыть дальше. Но вот поднялся сильный ветер, заходили по морю огромные волны, и началась такая буря, что корабль швыряло из стороны в сторону, словно щепку. Наконец по пути встретился им какой-то неизвестный остров, и они причалили к этому острову для пережидания бури.

Выйдя на берег, купец и все бывшие с ним на корабле пошли осматривать этот остров. Пройдя некоторое расстояние, они увидели высокую, саженей во сто, песчаную гору. Купец велел своим служащим подняться на вершину этой горы и посмотреть, что там такое делается. Почти все кинулись исполнять хозяйское желание, однако как ни старались они, никто из них не мог подняться на ту гору.

Иванушка тоже стал просить отца, чтоб он и ему позволил влезть на гору и посмотреть, что там есть. Отец согласился. Иванушка живо, не так, как другие, взобрался на гору и пошел по бывшей на ней тропинке. Шел он день, шел два и наконец дошел до какой-то избушки, стоявшей, как говорится, на курьих ножках. Иванушке захотелось узнать, что делается внутри той избушки и кто там проживает. Он подошел к двери, толкнул ее — и дверь открылась. Глазам Иванушки представилось дотоле невиданное им зрелище: вся избушка сверху донизу завалена была золотом, которое лежало здесь наваленное сугробом, наподобие того, как свалены бывают в кучу камни, песок, земля и т. д.

Увидав такое множество золота, Иванушка в первые минуты даже растерялся и не знал, что ему предпринять. Потом, немного опомнившись, он с алчностью накинулся на это неожиданное богатство и начал запихивать пригоршни золота в карманы, за пазуху и даже за голенища. Нагрузив золотом все свои карманы, пазуху и голенища и не имея более возможности захватить с собой еще золота, он побежал скорее в обратный путь, чтобы выгрузить уже набранное золото и захватить с корабля мешок под новый груз золота, которого в избушке было так много, что и мешком пришлось бы таскать его не один месяц.

Явившись к отцу на берег, Иванушка показал ему свое богатство, которое открыл он на той горе, куда лазал. Отец тоже был очень рад такому богатству и, приказав принести с судна большой мешок, подал его Иванушке и сказал, чтобы он скорее шел опять за золотом в ту избушку, где находилось оно, и старался бы набрать его как можно более. Иванушка тотчас же отправился в обратный путь, в избушку за золотом.

Пришел Иванушка в избушку с мешком, нагреб золота столько, сколько было под силу ему снести, и сейчас же пошел назад, к отцу на берег.

Спешит Иван к месту стоянки корабля, и такой он веселый, радостный: ведь этак он в короткое время может натаскать столько золота, что отец его и за всю жизнь не мог бы выторговать!

С такими мыслями Иванушка дошел почти что до самой стоянки. Но лишь только взглянул Иванушка на море, думая издали увидеть мачты своего корабля, — а на море ничего не видать. Испугался и изумился Иванушка и прибавил шагу. Вот уж он и на берегу, где ясно видны следы от недавно живших здесь людей, но ни отца, ни его служащих — словом, ни одной души здесь уже не находилось более. А там, где еще недавно стоял их корабль, теперь волны свободно ударяли в песчаный берег.

Увидал все это Иванушка, заплакал и загрустил. Что было ему теперь делать, куда идти и чем питаться? Еще так недавно он радовался своему открытию на высокой горе. Но на что ему теперь это богатство, это золото, когда негде и нечего на него приобресть.

Однако нужно было что-нибудь предпринимать: ведь не умирать же с голоду и не оставаться же под открытым небом. Пошел Иванушка назад, на ту гору, где избушка с золотом стояла. Дойдя до знакомой тропинки, он пошел по ней наугад, полагая, что куда-нибудь да приведет она его.

Вот дошел Иванушка до избушки с золотом, но теперь он на нее не взглянул даже, а скорее прошел мимо, и вскоре тропинка привела его в дремучий лес. Однако и здесь она не кончилась, а вилась еще далее. Иванушка ни на шаг не сходил с тропинки и все шел и шел по ней, сам не зная куда.

Так продолжал Иванушка свое путешествие в течение нескольких дней. Питался он пока еще все той же провизией, что была им в изобилии захвачена с собой при отправлении вновь за золотом. Когда же запас пищи вышел весь, то он стал питаться теми плодами и ягодами, что во множестве попадались ему здесь в лесу. Воды также было достаточно, потому что по лесу протекало много маленьких ручейков с хорошей ключевой водой. Словом, Иванушка пока особой нужды ни в чем еще не встречал, и поэтому он немного приободрился и смело продолжал идти все дальше и дальше по своей тропинке. Днем он шел, а к ночи влезал на какое-нибудь высокое дерево и там устраивался на ночлег. Вскоре он так свыкся со всем этим, что не замечал, как и время идет.

А времени прошло уже немало: более шести недель. Но вот наконец лес дремучий окончился, и Иванушка очутился на открытом месте. Пред его глазами красовался какой-то огромный дом, очень богато отделанный и по виду походивший не то на замок, не то на дворец. Но ни в самом доме, ни вокруг него не было заметно ни малейших признаков человеческой жизни. Это обстоятельство крайне удивило Иванушку. Однако, немного пораздумав, он все-таки решился войти в этот дом.

Взошел Иванушка на крыльцо дома — и двери оказались незапертыми. Он вошел в дом, окликнул, кто есть тут, но никто ничего не ответил ему, и поэтому он пошел дальше. Войдя в одну большую комнату, он увидел здесь стол.

А так как с дороги он очень проголодался, то решил поискать в этом столе, нет ли тут чего-нибудь поесть. Подойдя к столу, он отодвинул задвижку и, действительно, к своей радости, нашел здесь пирог с рыбой, разной закуски и графин с водкой. Иванушка расположился, как у себя в доме. Все это достал из стола и уселся закусывать. Выпив и закусив, он пошел было осматривать дом. Но лишь только он вышел в другую комнату, как вдруг на крыльце послышались чьи-то шаги. Иванушка испугался и кинулся за печку, что была в этой комнате.

В дом вошел какой-то сивый старичок и тоже подошел к столу, отодвинул задвижку и хотел — как видно было — закусить и выпить. Но, конечно, ничего не нашел, так как Иванушка вперед его управился со всеми закусками и вином.

Не найдя в столе ни закусок, ни вина, старичок тотчас же догадался, что в столе кто-то лазал. Обернувшись назад, старичок спросил громким голосом:

— Кто есть у меня в доме? Если старый старичок, то будь моим братом; если старушка — будь моей сестрой, если молодой человек — то будь моим сыном; если же красная девица, то будь моей дочерью.

Как только старичок проговорил эти слова, Иванушка вышел из своей засады и поклонился старичку. Старичок обнял его, поцеловал и назвал его своим сыном.

Иванушка скоро освоился со своим новым положением и стал звать старичка отцом. На следующий день старичок собрался уходить из дому и поручил Иванушке вести свое хозяйство. При этом он дал ему 12 ключей от разных комнат и наказал, чтобы он в 11-ти мог бывать, когда ему угодно, но в 12-ю комнату чтоб не ходить ни под каким видом. А также старичок сказал Иванушке, чтоб он выбрал любое себе платье, которое только придется ему по плечу, из тех вещей, что хранятся в запертых комнатах.

По уходе старичка Иванушка отправился осматривать дом и те комнаты, что были на запоре. Здесь Иванушка нашел множество платья и всяких вещей. Одевшись в самое лучшее, он опять запер комнаты и вышел в те, что не запирались.

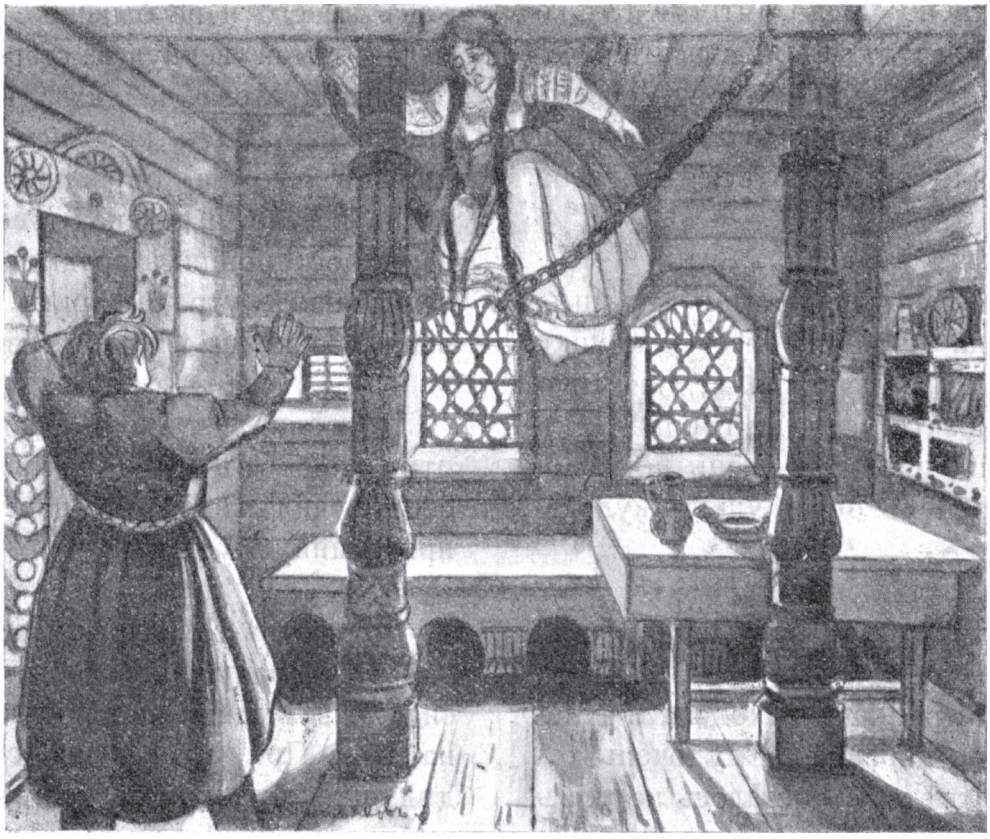
Однако мысль о 12-й комнате, в которой он не бывал еще, и запрещение старика отворять ту комнату положительно не давали ему покою, и он решился, невзирая на приказание старичка, сходить отворить и посмотреть, что есть в 12-й комнате.

Но лишь только Иванушка отпер ту комнату, то так и ахнул: под самым потолком сидела Марья-царевна, всему свету краса, на трех цепях.

Увидевши Иванушку, Марья-царевна стала ему говорить, что она давно его ждала и наконец он явился; а также она сказала ему, что считает его своим женихом.

Иванушка так и растаял от этих речей царевны. Потом царевна попросила у него пить:

— Принеси мне хоть капельку водицы, — сказала она Иванушке.



Под самым потолком сидела Марья-царевна, всему свету краса, на трех цепях (рис. А. Третьякова)

Иванушка кинулся исполнять ее просьбу и через несколько минут принес и подал ей стакан воды. Царевна с жадностью выпила весь стакан.

Лишь только царевна допила стакан, как тотчас же сорвалась с цепей и улетела из дому неизвестно куда. Иванушка только и видел ее. Поплакал, пожалел Иванушка об улетевшем вместе с царевной своем счастье, да ничего, видно, не поделаешь: уж так, значит, суждено было, чтоб только несколько минут полюбоваться красотой царевны и затем потерять ее из виду. И наш Иванушка волей-неволей должен был успокоиться на этой мысли.

Вечером вернулся домой старик, хозяин дома. Но ни он Иванушку ни о чем не расспрашивал, ни Иванушка ему ни о чем не говорил, и поэтому день прошел очень покойно. Наутро старичок опять ушел куда-то из дому.

Как только старичок ушел из дому, Иванушка тотчас пошел в ту комнату, где раньше находилась улетевшая теперь царевна. Ему очень хотелось посмотреть, что осталось на том месте, где сидела прикованная царевна. Но каково

же было его удивление, когда, отворив дверь в ту комнату, он увидел царевну, опять сидевшую на прежнем месте, но только теперь она была прикована шестью цепями.

Марья-царевна, увидев Иванушку, очень обрадовалась ему; а еще более того обрадовался ей Иванушка. Потом царевна опять попросила у Иванушки напиться. Он с радостью кинулся исполнять ее просьбу и через несколько минут принес и подал ей стакан воды. Но лишь только царевна выпила воду, как в одно мгновение снова сорвалась с цепей и улетела из дому неизвестно куда.

Опять закручинился Иванушка, жалко стало ему царевны. Но, видя, что горю ничем не пособить, снова успокоился, как ничего и не бывало. А вечером, когда домой вернулся старичок, Иванушка ни слова не сказал ему о случившемся, а тот ни о чем не расспрашивал его; и они провели вечер очень весело и мирно, беседуя о разных посторонних предметах. С наступлением утра старик, по обыкновению, собрался и ушел из дому.

Проводив старика, Иванушка опять отправился в 12-ю комнату и там снова увидел Марью-царевну, теперь прикованную уже на... [1]

Вот тут-то Марья-царевна и стала научать Иванушку, чтобы он попросил разрешения у дедушки жениться на ней. При этом она сказала, что дедушка будет предлагать ему для выбора 12 прекрасных девиц, но чтобы он ни одной из них не выбирал, а настаивал бы на том, чтобы дедушка женил его на ней, Марье-царевне.

Иванушка так и сделал, как велела ему царевна. Дедушка против женитьбы его ничего не имел и представил ему на выбор 12 распрекрасных девиц. Но Иванушка от выбора наотрез отказался и стал просить дедушку, чтобы он женил его на Марье-царевне. Дедушка стал уговаривать его, чтобы он не брал ее, так как ему с ней не совладать. Но Иванушка о других девицах и слышать не хотел. В конце концов дедушка согласился женить его на Марье-царевне.

После свадьбы Марья-царевна стала уговаривать Иванушку, чтобы он упросил дедушку отпустить их на родину. Иванушка так и сделал. Дедушка согласился на их отъезд без всякого возражения. В день отъезда молодых дедушка дал Иванушке сундучок и строго-настрого запретил ему давать ключ от этого сундука Марье-царевне, так как в нем находились ее крылья. Кроме того, дедушка снабдил их всяким добром и отпустил в путь.

Долго ли, коротко ли ехали Иванушка с Марьей-царевной, но наконец доехали до своего города. Мать Иванушки приняла их с распростертыми объятиями, и радости ее не было конца, а отец Иванушки умер в его отсутствие.

По примеру своего покойного родителя Иванушка занялся торговлей и стал отправлять товар свой за границу. В одну из таких поездок мужа Марья-царевна обратилась к его матери, у которой находился ключ от сундука, и сказала ей, что завтра день ее ангела и что по этому случаю она должна одеться понаряднее, а так как лучшее ее платье находится в привезенном ими

[1] В оригинале пропуск в тексте (*примеч. ред.*).

сундучке, то она просила у матушки дать ей ключ для того, чтоб достать оттуда свое платье. Мать разрешила ей взять ключ.

Воспользовавшись доверием свекрови, Марья-царевна взяла ключ, достала из сундучка свои крылья и улетела бог весть куда.

Погоревала и поплакала Иванушкина мать, да ничего помочь горю не умела. Наконец возвратился из-за границы сам Иванушка. Узнав о случившемся, он крайне опечалился, но, видя, что кручиной да печалью дела не поправишь, он решился приняться за поиски своей исчезнувшей неизвестно куда молодой жены. Он решил найти ее во что бы то ни стало. Собравшись в дорогу, Иванушка распрощался со своей матерью и отправился на поиски жены.

Ходил Иванушка год, ходил два, а может, и более, но все еще не мог напасть на след пропавшей царевны. Дошел наконец Иванушка до одного очень большого города и остановился на самом всполье[1] у одной старушки. Стал Иванушка выспрашивать и выведывать у этой старушки о том, кто царствует в этом городе. И вдруг он слышит от старушки, что царствует здесь Марья-царевна, всему свету краса. Услышав эту неожиданную весть, Иванушка подпрыгнул даже на месте от удивления, но тем не менее старушке он не сказал ни слова о том, что царевна — его жена.

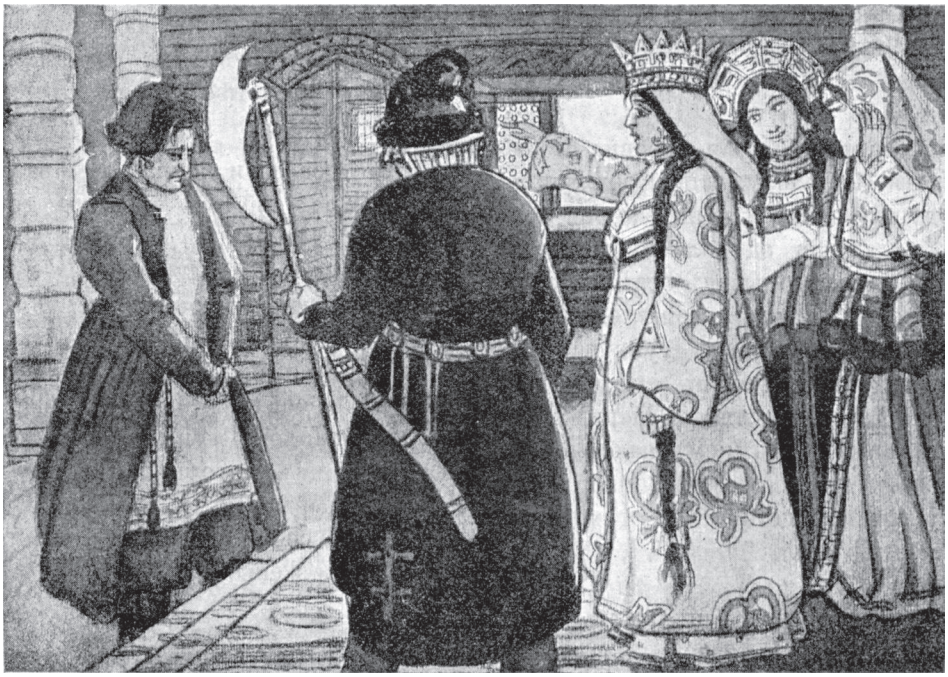
На следующий день утром Иванушка отправился во дворец и просил пропустить его к самой царевне. Его пропустили и доложили царевне, что ее желает видеть какой-то неизвестный человек. Она тотчас вышла к нему навстречу.

Увидев перед собой свою жену, Иванушка тотчас же объявил ей, кто он такой. Но, к своему удивлению, он услышал от Марьи-царевны такой ответ, которого никак не ожидал. А именно: она сказала ему, что никакого у нее мужа нет да и никогда не было. Но если он хочет на ней жениться, то для этого он должен отгадать загадку, которая заключалась в том, чтобы суметь так запрятаться куда-нибудь, чтобы никто не мог его найти. Если же, взявшись исполнить это, он сделать это не может, то положит свою голову на плаху. При этом царевна указала ему на свой сад, где было воткнуто 12 кольев, причем на 11 из них были воткнуты человеческие головы и один только кол оставался свободным. Все эти головы принадлежали ее женихам, которые, взявшись за отгадку, сделать это не могли.

Вышел Иванушка из дворца и горько заплакал. Уж больно обидно было ему слышать от жены такие слова, да притом еще приходится жизнью платиться из-за нее. Пошел Иванушка в трактир, напился с горя пьян и свалился. Пролежав так некоторое время, он вскочил на ноги, потому что кто-то дотронулся до его плеча. Перед удивленным Иванушкой стоял дедушка. Он стал расспрашивать Иванушку о том, как он попал в этот город и почему так напился пьян. Иванушка обо всем рассказал откровенно дедушке и при этом сказал ему, что с горя он и пьян напился.

---

[1] *Всполье* — окраина (*примеч. ред.*).



Увидел Иван перед собой свою жену
(рис. А. Третьякова)

Выслушав жалобы Иванушки, дедушка сказал ему: это еще ничего. Потом он пошел с ним по улице и дал ему железную трость, сказав ему при этом, чтоб наутро он шел с этой тростью в чисто поле и выкрикнул бы следующие слова: «Троска, ты троска, укрой меня в море под большой синий камень». После этого дедушка скрылся из глаз Иванушки.

На следующее утро Иванушка так и сделал, как велел ему дедушка. И лишь только он успел произнесть сказанные ему слова, как тотчас же очутился укрытым под большим синим камнем.

В 12 часов Марья-царевна встала с постели, взяла волшебное зеркало и стала смотреть в него. Сначала она навела зеркало по поднебесью, но ничего не могла увидеть. Потом навела по всем лесам, но Иванушки и тут не оказалось; затем по горам — тоже нет; по морям — и там нет; наконец, в сине море под большой камень: «А, вон он где! — вскрикнула с радостью царевна. — Ну, если ты такой, то упрячься на следующую ночь», — сказала она Иванушке.

Пошел Иванушка опять в трактир и там напился еще больше, чем в первый раз. Дедушка опять явился ему на помощь: вывел его на улицу и дал ему большое медное кольцо, сказав при этом, чтоб он шел в чистое поле и там произнес бы следующие слова: «Кольцо, ты, кольцо, зарой меня в землю на девять саженей».

Марья-царевна взяла свое волшебное зеркало и стала смотреть в него (рис. А. Третьякова)

На следующее утро Иванушка в точности исполнил приказание дедушки — и очутился под землей на глубине девяти саженей.

Однако при помощи своего волшебного зеркала Марья-царевна отыскала его под землей.

Когда Иванушка доставлен был посланными царевны во дворец, то она сказала ему:

— А, так вот ты какой! Ну, еще упрячься разок на третью ночь.

Иванушка, по примеру предшествовавших дней, отправился в трактир и там напился до безобразия. Дедушка, как и ранее, не замедлил явиться ему на выручку. Уведя его из трактира на улицу, дал ему большой медный пятак и велел ему сказать следующие слова: «Пятак, ты пятак! Укрой меня в сундук, на котором сидит Марья-царевна и в котором хранятся ее крылья». При этом он наказал ему, чтобы он, как только вылезет из сундука, тотчас же взял бы эти крылья и сжег их в печке.

На следующее утро Иванушка все так и сделал, как велел ему дедушка, — и очутился в сундуке.

Вот проснулась Марья-царевна, взяла свое волшебное зеркало и стала смотреть в него. Сначала навела она зеркало по поднебесью — не видать там

Иванушки; потом по лесам — и там не видать; по горам — тоже нет; по морям — и тут нет; в землю — но и в земле его не оказалось. Уж больно рассердилась Марья-царевна на свое зеркало, которое на этот раз не могло сослужить ей службу, да в сердцах как хватит его об пол — только брызги полетели во все стороны.

В это время Иванушка вылез из сундука и захватил с собой оттуда крылья царевны, которые сейчас же бросил в топившуюся печь, где они и сгорели.

После этого Марья-царевна обняла Иванушку и поцеловала его, сказав ему, что он ее перехитрил.

Иванушка с Марьей-царевной возвратились на родину и зажили припеваючи. У них родилось много детей, и все — кудреватые.

После этого Марья-царевна поцеловала Иванушку (рис. А. Третьякова)

Пастух и дьявол

В одной деревне жил-был молодой пастух по имени Пекко. Пас коров Пекко хорошо: на ночь в лесу не оставлял, утром на пастбище рано прогонял и пас на таких местах, где росла трава до поясу (по пояс). Хвалят Пекко бабы, не нахвалятся... Вот однажды, когда Пекко был с стадом далеко в лесу, приходит к нему дьявол и говорит ему:

— Давай, Пекко, померяемся силой.

— Отчего же, — отвечает ему Пекко, — померяться можно, я не прочь; вот возьмем каждый по камню из «кивишали» (груда камней, собранная на поле), и кто может так зажать его сильно в руке, что из него потечет вода, тот будет сильнее.

Дьявол со смехом взглянул на молодого пастуха, осмелившегося так дерзко говорить с ним, взял камень и крепко сжал его в своей руке. Камень хрустнул и рассыпался мелким песком.

— Ну, нет, брат, — говорит ему Пекко, — это еще не сила, у тебя вода не течет из камня, а вот погляди-ка, как я буду действовать.

Перед приходом дьявола Пекко только что испек на огне несколько репин и спрятал их между камнями в «квишалю». Теперь он вытащил одну из них, сжал в руке, и из репы потекла вода.

— Смотри-ка, брат, — говорит дьяволу, — у меня из камня вода течет.

Дьявол удивился силе Пекко и стал просить его, чтобы он сделался его работником.

— Отчего же, можно, — говорит Пекко, направил стадо коров по дороге к деревне, а сам пошел с дьяволом — служить ему...

Работает Пекко в доме дьявола, ходит с топором по улице, по углам избы обухом пощелкивает. Вот раз дьявол с Пекко отправились в лес дрова рубить. Срубил дьявол громаднейшую ель и, не обсекая ветвей, хочет тащить ее домой. Видит Пекко, что дело плохо, и если не схитрить, то, пожалуй, еще издохнешь под тяжестью дерева.

— Я, — говорит он дьяволу, — так как буду сильнее тебя, то понесу «комель», а ты иди впереди, неси дерево за верхушку, по твоим силам и этого достаточно.

Взвалив ветвистую верхушку на плечи, дьявол тащит, кряхтит, а Пекко сидит на комле и песни поет.

— Да смотри ты у меня, — покрикивает он на дьявола, — если будешь останавливаться да оборачиваться назад, так-таки между лопаток щелкну.

Идет дьявол, кряхтит под тяжелой ношей, а остановиться и обернуться ни разу не смеет: боится, что топором от работника достанется. Приходит дьявол домой и рассказывает жене:

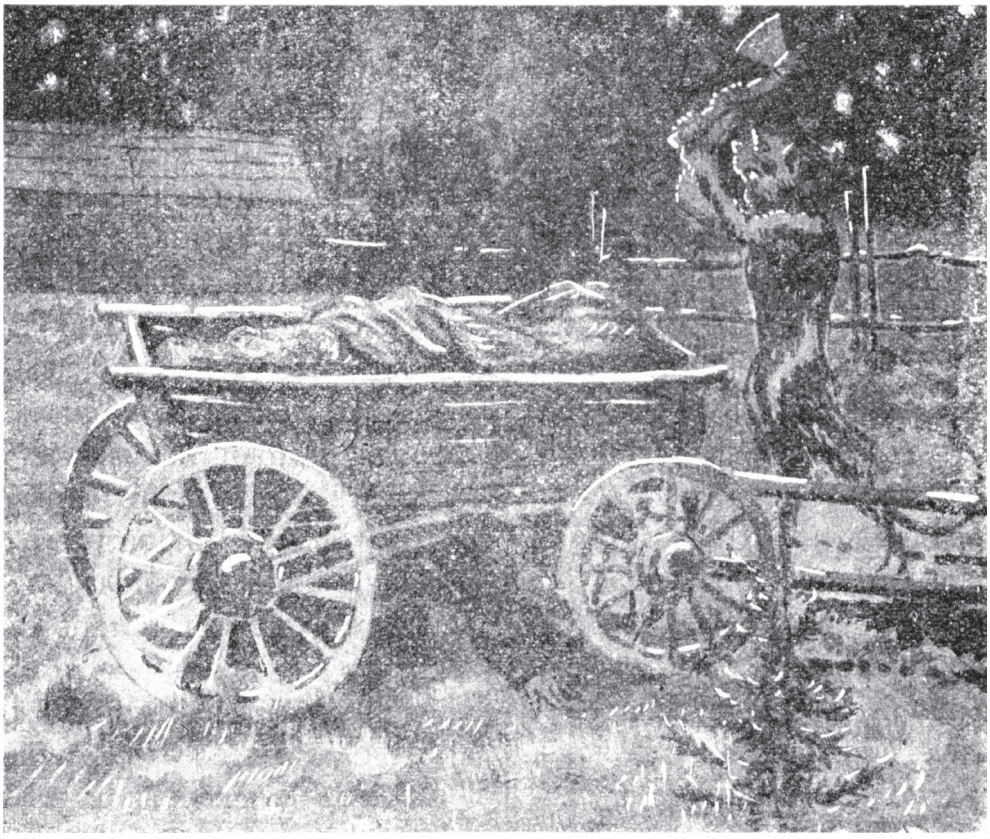
— Ну и работник же нам попался, жена: силища такая, что и сказать нельзя. Сегодня я в лесу нарочно срубил самую большую ель и, не обрубая ветвей, понес. Пекко сам выпросил комель нести, а мне верхушку дал. Я едва несу,

Пекко сжал репу, и из нее потекла вода
(рис. В. Ткаченко)

охаю, ноги подламываются, а он легонько так несет, песни поет да на меня покрикивает: если хоть раз, мол, оглянешься, так-таки топором и свистну между лопаток. Что теперь нам делать с таким силачом?

— Убить его следует, — советует дьяволу жена, — иначе никак от него не отвяжешься. Как пойдет он спать в сарай, в сани, уснет там, ты возьми топор, поди и щелкни его по голове, уж наверное тогда сдохнет.

Дьявол согласился, и решено было убить Пекко в первую же ночь. А Пекко между тем стоял в сенях за дверью, слышал от слова до слова весь совет дьявола с женой. «Ну, — думает он, — не так-то вы скоро отвяжетесь от меня: кто кого еще выживет». После ужина Пекко спокойно, как будто ни в чем не бывало, отправился спать в сарай. Лег в сани и ждет, что дальше будет. Слышит, что в сарай идет дьявол, на цыпочках подходит к саням и прислушивается — спит ли Пекко или нет. Пекко же что есть мочи захрапел, показывая вид, что крепко спит. Возвратился дьявол из сарая и говорит жене:



Дьявол хочет убить спящего пастуха
(рис. В. Ткаченко)

— Давай скорей топор, работник спит крепко, настало время сплавить его с этого свету.

Снова идет дьявол в сарай, только теперь уже с топором, намереваясь сразу же покончить с сильным работником. А Пекко между тем, пока дьявол ходил за топором в избу, вылез из саней и в сани на место себя уложил чурбан, обернул его кафтаном, а сам забрался под сани и ждет. Приходит дьявол вторично в сарай: подбежал это к саням и что есть мочи — хвать по чурбану топором.

— Ну, жена, теперь уж, наверное, издох; пойдем, ляжем спать, уснем спокойно, а завтра закопаем Пекко в болоте.

Наутро Пекко встает, преспокойно идет в избу и, к изумлению своих хозяев, оказывается живым и вполне здоровым.

— Как еще ночь эту спал? — спрашивает дьявол у него.

— Да ничего, спал хорошо, только около полуночи что-то ущипнуло за лоб, как будто комар укусил.

— Ну, и на работника же мы с тобой, жена, напали, — шепчутся дьявол и его жена. — Уж как я обухом его треснул по лбу?! А для него это все равно, что комар укусил! Нужно теперь придумать другое средство...

— Вот что мы сделаем, — советует дьяволу жена. — Возьмем ригачу (выражение, означающее — стопить «ригачу», насадить ее хлебом и обмолотить), и когда Пекко на ночь уйдет топить печь в ней, ты поди и подожги «ригачу»; ригача сгорит, но и Пекко уж тогда не уцелеет.

Так советует дьяволу поступить жена, а между тем Пекко все это за дверьми подслушал и «на ум» себе взял: ну, думает, не так-то вы скоро от меня отвяжетесь; кто кого со свету сживет?

Как задумали дьявол с женой, так и сделали: взяли ригачу — насадили ее полную овса, и Пекко послали на ночь топить печь. Топит Пекко печь, а сам на двери поглядывает, как бы из риги подобру-поздорову удрать. Вдруг в самую полночь рига вспыхнула; со всех четырех углов загорелась. А Пекко уже

Дьявол хотел сжечь пастуха
(рис. В. Ткаченко)

приготовился бежать; схватил охапку соломы и сам — драло в лес. Проспал там до утра, а утром, когда пожар прекратился и на месте риги осталась только куча золы, пришел на пепелище, подостлал в сторонке соломы под бок, свернулся калачом и уснул.

— Ну, теперь, наверное, уж сгорел, — разговаривают дьявол с женой, — теперь и косточек работника не отыщешь.

Приходят на пожарище и ума не могут приложить. Лежит Пекко на соломе и громко похрапывает. Все около него сгорело, а он цел остался, и даже самая солома под боком не задымилась.

— Ну, жена, — говорит дьявол, — нашего работника и огонь не жжет; верно, придется нам подобру-поздорову бежать из своего дому, пока мы еще живы, пока работник наш не задумал еще убить нас. С такой силой все можно сделать.

Решились дьявол и жена бежать из своего дому, задумали скрыться от своего работника. Напекли, насушили дьявол с женой три целых мешка сухарей и уже назначили самый день, когда побегут; дьявол условился взять два мешка, а жена его — мешок. А Пекко между тем накануне того дня, в который

Бегство дьявола
(рис. В. Ткаченко)

условились дьявол и жена его бежать, высыпал из одного мешка сухари, убрал их подальше, и сам забрался в мешок и сидит молча, не жунет[1]. Наступил, наконец, самый день побега. Дьявол, ничего не подозревая, взвалил на плечи два мешка, в одном из которых сидел Пекко, а жена остальной — третий. Идут, спешат, под тяжестью мешков кряхтят, прошли довольно большое расстояние и задумали позавтракать.

— Теперь уж работник не догонит нас, если б и захотел бежать.

Сняли с плеч мешки и только что начали сухари грызть, вдруг Пекко и закричал из мешка:

От утомления оба сразу пали на землю и подохли (рис. В. Ткаченко)

[1] *Жунуть* (*жугнуть*) (*карел.*) — шевельнуться, шелохнуться (*примеч. ред.*).

— Подождите немножечко, и я с вами позавтракаю!

— Ой, жена, — говорит дьявол, — слышишь? Кричит, догоняет нас, и уж близко, должно быть. Побежим еще дальше.

Снова схватили муж и жена мешки и ну бежать. Бежали, бежали, утомились, захотели есть и решились остановиться и отдохнуть. Опять сняли с плеч мешки, уселись, уж только бы сухари взять в руки да грызть, вдруг — слышат голос работника:

— Подождите немножечко, вместе пообедаем; я сейчас буду к вам.

— Жена, слышишь? — говорит дьявол. — Пекко кричит, догоняет нас и уж близко, должно быть... Побежим еще дальше, авось скроемся.

Снова схватили дьявол и жена мешки и ну бежать. Бежали, бежали, высунули языки, и от утомления оба сразу пали на землю и издохли.

А Пекко выбрался из мешка, забрал из дьявольского дома все, что поценнее, и пришел в свою деревню, и снова стал жить по-прежнему — пасти стадо коров. Так пастух избавил людей от дьявола.

Проклятая царевна

Дело было в Святки. Как в прежнее время, так и нынче молодцы и девушки собираются на посиденки. От одного селения верст с полдесятка шли молодцы в ночное время на посиденки. На половине дороги попалась им баня, выстроенная для мытья льну. Один и говорит:

— Кто осмелится в эту баню зайти и взять с каменки камень, тому рубль серебра!

И выискался один из этой артели. Вошел в баню, взял с каменки камень, вышел.

— Вот, — говорит, — ребята, вы чего боитесь. — И бросил этот камень в сторону, и неизвестно куда он улетел.

А товарищ ему подал рубль.

— Ну, — говорит, — господа, пойдемте в заведение, я вас попотчую на этот рубль.

И издержали они рубль.

Время прошло, кончились посиденки, приходит этот человек домой. Только успел он разболокчись[1], поесть и лечь спать, как ему на ухо и шепчет кто-то:

— Принеси мой камень! Где его взял, тут и положь!

Он сперва думал, что это шутка, но дело дошло до того, что ни днем, ни ночью не стало давать покоя. Делать нечего, надо идти искать камень. Долго искал он его, однако нашел, и, как только хотел положить этот камень на каменку, схватывает его за руку неизвестно кто.

---

[1] *Разболокчись* — снять верхнюю одежду (*примеч. ред.*).

— Ты, — говорит, — добрый молодец, должен быть моим мужем, а я твоей женой!

— Как, — говорит, — так? Я тебя не знаю.

— А если ты меня не согласишься взять в замужество, вовеки не выйдешь из сей бани.

И сделали условие, в какое время сыграть свадьбу. И пошел он из бани. Сказывает своим родителям: так и так, моя судьба в бане, а если бы не дать обещания, то должен лишиться жизни. Родителям прискорбно, да делать нечего, надо ехать за невестой в баню, а родственники ничего не предъявляют. Взяли с собой священника с крестом вперед всех и входят в эту баню. Сидит разряженная девица одна себе, и покрыто ее лицо. Священник взял ее за руку и повел из бани вон. И все не открывается, пока не подошли к аналою. Тут она скинула с себя покрывало и — прекрасная красавица! Священник стал ее спрашивать: какая ты есть?

— Я проклятая царская дочь: отец и мать меня прокляли; если они скажут, что я не ихняя дочь, я должна жизнь кончить, а когда скажут: наша дочь, — я буду жива и здорова и находиться в ихнем царстве со своим супругом.

Проклятая царевна
(рис. В. Малышева)

Живо сделали донесение.

— Истинно, наша дочь, — говорят.

И прибыли отец и мать на свадьбу. И этот добрый молодец из бедного сословия сделался наследником всего царства и стал со своей супругой жить да богатеть.

Записано А. Е. Бурцевым

Собака, кошка и змея

Жили-были доселе старик со старухой. Долго не было у них детей. Под старость родился у них сын, такой красивый, что ни в сказке сказать, ни пером описать. Скоро сын этот вырос, и отец умер. Однажды мать дала дорогому сыну 100 рублей и сказала:

— Купи, касатик, что вздумаешь.

Сын пошел в город. Вдруг он видит, что в городе сильно бьют собаку. Жаль стало ему собаки, он купил ее у горожан за 100 рублей, увел домой и запер во дворе. Об этой покупке расхвастался он своей матери. Мать стала его бранить.

На другой день, забыв свою обиду, мать опять посылает сына в город со 100 руб. и дает ему такой приказ, чтобы деньги на пустое не тратить. Приходит сын в город и видит, что безжалостно бьют кошку. Он выкупил кошку за 100 руб. и отнес ее домой к собаке. И на этот раз мать сыну за покупку спасибо не сказала.

На третий день мать дает сыну 100 руб. и посылает в город. Теперь сын видит, что горожане жестоко бьют змею. Он купил ее за 100 руб. и отнес домой к кошке и собаке. Сам притаился за стеной и слушает, что будут они делать. Слышит он: собака лает, кошка мяукает, змея шипит. Потом собака сказала:

— Если бы этот красавец отпустил меня на волю, то я много бы ему добра сделала.

То же сказала и кошка.

— А я, — сказала змея, — если он отпустит меня на волю, столько бы ему добра сделала, что он всю жизнь провел бы счастливее всех.

Крестьянский сын, услыхав такие обещания, всех троих отпустил на волю, а сам по наказу змеи пошел вслед за ней. Приходит он к огромной каменке. Змея уходит меж камней. Через полчаса является пред крестьянином до тысячи змей разной величины. Одна змея, мать спасенной, со слезами благодарит крестьянина за спасение сына и дарит ему золотое кольцо.

— Померь же на своей руке это кольцо, — говорит она, — и увидишь свое счастье.

Крестьянин пошел домой и дорогой стал вертеть кольцо. Перед ним посыпались по дороге гроши, копейки и рубли. Он набрал денег, сколько мог, и отнес матери:

— Жалела ты 300 рублей, так теперь возьми эти деньги, живи счастливо.

Мать от радости не знала, как и благодарить своего ненаглядного.

Слава о его красоте и богатстве дошла и до царя, у которого была очень красивая дочь. Она любила многих иностранных царевичей, к одному из них даже без отцовского дозволения ездила на дом и там проводила свою жизнь. Чтобы сделать своим зятем крестьянина-красавца или из зависти погубить его, царь стал привлекать его к себе. Он объявил по своему царству:

— Кто желает быть моим зятем, тот пусть в одну ночь построит такую церковь, ограду и рвы, чтобы всякий дивился их величине и красоте.

Охотником явился один только этот крестьянин. Сидит он за кустом и плачет, думая, что церковь ему не построить и что за это придется потерять ему свою буйную голову. Стал он трясти своим золотым кольцом. Вдруг перед ним выросла высокая церковь, с высокой каменной оградой и глубоким рвом вокруг.

Царь этим не удовольствовался. Он приказывает на другую ночь построить чугунный мост через море. Подозревая, что ему помогает какая-нибудь посторонняя сила, царь велел запереть его в темницу. Крестьянин поутру стал трясти своим кольцом, и через море прекрасный чугунный мост протянулся. Царь тогда отдает свою дочь за крестьянина.

Царевна худо любила своего мужа. У сонного она взяла кольцо и удалилась за море к прежнему любовнику. Муж проснулся и не видит ни жены, ни кольца. С горя он заливается слезами и падает в обморок. Когда он пришел в себя, то сказал:

— Выкупил я из беды собаку и кошку, а они не хотят мне сделать никакого добра; пусть посмотрят, как на третий день царь меня расстреляет.

Вдруг перед окном темницы, где сидел крестьянин, залаяла собака и замяукала кошка:

— Не бойся, красавец, мы тебя спасем от погибели, найдем до третьего дня кольцо и жену. Прощай!

Они ушли. Собака поплыла через море, посадив на себя кошку. Посреди моря есть камень, на котором рыбаки останавливаются для чистки рыбы и для отдыха. Кошка и собака взошли на камень, подкрепились остатками пищи и поплыли <дальше>. Проплыв до другого царства, зашли во дворец, в котором была беглая царевна, и пробрались в сени. Царевна спала в чердаке, пройти к ней было невозможно. Тогда собака сказал кошке:

— Кумушка, будь добросовестна, я тебя через море тащила, в сени завлекла, а теперь кольцо достать — твое дело.

Кошка поймала мышку, взяв в залог детеныша, и сказала:

— Если ты, мышка, не представишь мне кольцо, я съем твоего детеныша.

Мышка живо слизала с пальцев царевны кольцо и притащила к кошке. Кошка поблагодарила мышку за труды, отдала залог и отправилась с собакой в обратный путь. Плывя через море, собака сказала кошке:

— Смотри, рта не открывай и не урони кольцо.

Кошка ответила: «Не уроню», — и вдруг кольцо упало и ушло ко дну. Кольцо схватила щука и проглотила. Щуку поймали рыбаки, вычистили на большом камне среди моря и сами уехали. Кошка и собака горюют. Подплыли они к камню, и по-прежнему стали они есть кишки, в которых очутилось кольцо. Они обрадовались. Донесли они его до темницы и стали кричать:

— Лин, лин, лихунок! Дон, дон, досонок! Дочь красна, сын балкой! В холостых старина. Пробудись!

Крестьянский сын проснулся. Кошка с наличника подала ему кольцо через форточку. Он повернул кольцо и очутился в палатах белокаменных, и молодая жена вместе с ним.

Брат и сестра

Доселе доселева жил брат с родной сестрой. Брат выучился грамоте и, понатолковавшись кой-где, приобрел значительный капитал. Он открыл магазин со всякими товарами в столичном городе. Сестра его жила на родине в деревне. Она была необычайно красива.

Она бросилась в море и ушла ко дну
(рис. В. Третьякова)

У царя был сын-наследник Иван-царевич. Через покупку товаров он познакомился с новым купцом. Раз купец, говоря о своей и сестриной минувшей жизни, подарил ему фотографическую карточку сестры своей. Иван-царевич пленился красотой ее и дал купцу три судна, чтобы он привез ему показать сестру. Брат поехал по морю за сестрой. По приезде брат объявил сестре царский приказ и отправился с нею обратно в столицу. Про желание царевича узнала как-то ведьмина дочь. Она сама вздумала быть женой царевича; она отправилась вслед кораблей за тем, чтобы извести невесту царевича. Бежит она по берегу и так просится на корабль:

— Свезите меня к царю. Не свезете, так я или переплыву море, или перебреду, или перекочую на спине. Возьмете на корабль, и будет добро, а не возьмете, не будет.

Брат невесты два раза ей отказывал, а в третий раз взял ее на один корабль с сестрой. Не доезжая столицы, брат два раза кричал с переднего корабля:

— Сестра, оденься в лучшие платья; город видно.

Она не слыхала. Когда в третий раз сказал те же слова, она крик брата слышала, но слов его не поняла. На вопрос ее, что сказал брат, ведьмина дочка ответила:

Сестра выходила на берег и плакала над могилой брата (рис. В. Третьякова)

— Брат велел одеться в коленкоровые платья, взять сундучок и скочить в море.

Думая, что брат затем и взял ее из дому, чтобы потопить, она бросилась в море и ушла ко дну. Брат долго горевал по сестре, да не воротить. Боясь гнева царского, он по необходимости должен был назвать ведьмину дочку своей сестрой. По его приказанию она оделась в лучшие платья и охорашивалась, чтобы понравиться столь знатному жениху. Когда корабли приставали к берегу, царевич со всем двором вышел встречать невесту. Увидав отвратительную ведьмину дочь, царевич сильно разгневался на купца и велел его разрубить на мелкие куски, а ведьмину дочь оставил при дворе служанкой.

Сестра попала прямо в когти царю морскому. Царь надел длинный цепной аркан на ее шею, а обнаженный конец его утвердил в своем дворце. В этом аркане она три дня ходила до утренней зари на сушу оплакивать смерть своего невинного брата. Между тем ведьмина дочь с другими служанками два утра

Царевич живо пересек цепной аркан саблей и освободил красавицу от водяной власти (рис. В. Третьякова)

мыла на морском берегу шелковые портянки царевича. Они по два утра видели, как из моря поднимался сначала огромный столб, потом восходила на берег и плакала над могилой брата какая-то красавица. Служанки сказали об этом царевичу. На третье утро он один пошел, спрятался за деревом и ожидал появления девицы. Как только она пришла на могилу, живо пересек цепной аркан саблей и освободил красавицу от водяной власти. Девица сделалась невидимой. Царевич всячески умолял показаться ему и обещал взять за себя замуж. Она сказала ему, что пока не оживит брата, ему не иметь ее своей женой. Царевич достал мертвой и живой воды. Окропили мертвой водой куски братнина трупа, они сошлись вместе; окропили живой водой, брат встал на ноги, как от сна. Тогда невидимая красавица показалась Ивану-царевичу и вышла за него замуж. Брат при дворе сделался первым министром, а ведьмину дочь жеребцы по частям растащили в чистом поле.

—

Крестьянка деревни Поповки, Контеевской волости, Буйского уезда, пошла в лес собирать малину. И лес за гумнами, полуверсты от жилья не было. Ходит так по опушке, набирает в кузовок, а ягода одна другой крупнее да спелее. Набрала до верху кузовок, прикрыла листочком и повернула домой. Глядь — ни овинов, ни деревни нет. «Вишь, — говорит, — позарилась я на ягоды и не приметила, что далече от жилья отбилась». Пошла, озирается, места признает: тут пожня Васильевых, там деревня древка Андрея Ипатова. Идет по дороге, а деревни своей не знает. Ночь застигла, баба видит, что ей уж не добраться ко дворам. Облюбовала в кустиках местечко и расположилась на ночевку. Домашние хватились, кинулись искать. Не нашли. День разыскивают, два — пропала баба, и на третьи сутки пропащей нет. На четвертые сутки идет полесовщик[1], лес обозревает, нет ли где порубки, и увидел у старого пня женщину. Подошел. Лежит исхудалая, глаза большие, кузовок подле опрокинут.

— Что ты тут лежишь? — спрашивает.

— Ой, родименький, — простонала, — леший меня изурочил.

Полесовщик узнал молодицу.

— Подымайся, — говорит, — до деревни только две версты, дойдешь.

— Нету силушки, четвертые сутки не пила, не ела.

Полесовщик дал знать по деревне. Привезли женщину. Хошь не скоро, но поправилась и поведала, что с ней приключилось.

— Как это я поогляделась, расположилась в кустике, а «он» из леса-то большого и лезет. Ростом с высокую сосну, собой весь черный, одни глаза, словно угли, светятся. Я испугалась, молитву зачала про себя читать. Пропал, а на место его человек появился. Подошел, заговорил со мной, сказал, что он тоже заблудился; сам назвался, из какой деревни. Я ему про свое горе обсказываю, а он соспокаивает:

---

[1] *Полесовщик* — лесничий, лесной сторож (*примеч. ред.*).

Он из леса-то большого и лезет
(рис. Л. Альбрехта)

— Пойдем вместе, дорогу мы найдем.

Пошли. И завел он меня в какую-то глушь, чащеру, а в лес-то не ведет.

— До утра не выбраться, — сказал, — придется здесь переночевать.

Боязно мне чужого человека, а делать нечего, свернулась под кустик и легла. Только он и начал приставать, на любовь меня с собой уговаривать. Я бежать в большой лес, он за мной. Споткнулась я, упала. Погляжу — он вровень с лесом. Стоит надо мной и полами шубы меня окутывает. Чудится, где-то будто аукаются, и голоса ваши признаю, а сама кричу, а он тулупом-то меня плотнее обыгает, чтобы голоса-то моего не чутко было. Творю молитву, лежу не мертва. Всю ночь, окаянный, промаял, глаз мне не дал сомкнуть. Рассвело, поднялась, стала выбираться. Целый день путалась, блудила — не могу выбраться. Ночью он опять. Да так все трое суток сподряд промаял. Первый-то день малинкой питалась, кузовок-то весь съела, а остальные-то дни никакого уж пропитания не имела. Ежели бы не полесный, так вам бы, родимые, меня по веки и не видывать, замучил бы, в доведи бы довел, леший-то.

Недолго, однако, пожила молодица после лешего, начала прихварывать, кашлять и года через три скончалась.

Стоит надо мною и полами шубы меня окутывает
(рис. Л. Альбрехта)

—

Не лучше проделывает леший и с детьми, которых родители проклинают или которым в сердцах скажут: «Ах, чтобы тебя леший взял». Таких детей непременно лешие уведут.

В Шанго-Городищенской волости в деревне Носихе рассказывали про такой случай похищения. Крестьянка Федосья Васильевна, убравши вечером скотину, накрыла на стол ужинать и выбежала скликать своих ребятишек. Девочка и младшенький сынишка тотчас подъявились, а старшенький, 10-летний Гришутка, позамешкался, с товарищами заигрался — не торопится.

— Гришка, да иди же ужинать, — кричит мать.

— Сейчас, матушка.

Мать ушла, а Гришка и позабыл. Федосья из окошка уж кличет:

— Да что ты, неслух, нейдешь? Варево уж на столе.

Гришутка взглянул на мать да и был таков
(рис. Л. Альбрехта)

— Иду, матушка, только вот доиграю, — и сам ударился за товарищем, с которым в лошадки бегал.

Мать не вытерпела, выбежала на улицу с прутом.

— Ты что же это, постреленок, матери перестал слушаться? — кричит и подступает к сыну. — Мать-то день-деньской вздышки себе не знает, работает, из последних сил выбивается, а ты, полуночник, и знать про это забыл, — говорит так и сама приступает с прутом на мальченышка, поучить, значит, сынка расположенье имела.

А Гришутка крутнул головой, словно жеребеночек-сосунок, взглянул и был таков.

— Ах ты, супостат, — и прут выронила мать, — чтоб тебя леший унес.

Сказала и домой, за варево принялась. Гришутка не идет. Отужинали, а его нет. Отец пошел. Ребятишки с улицы разбежались по домам, ни одного нигде не знать. Подумал: не зашел ли к кому из товарищей? Спросил у одной избы, у другой — нету Гришутки.

— Он ужинать побег, — отвечают товарищи.

Вернулся: не приходил мальчик. «Ну, верно, куда со страху в сено забился, — догадалась мать. — Захочет утром есть, так небось прибежит». Легли спать. Наутро Гришутка не показывался. Встревожились родители. Обошли всю деревню, оглядели сараи, слазали на повети, в бани заглянули — и духом не слыхать. Тут мать и вспомнила, что она сынку-то накануне посулила. Принялись молебны служить. Шесть недель молебствовали. Мальчик пропал около Петрова дня, и до второго Спаса хоть бы какая весточка об нем пала, — пропал и пропал. Уж и вопила же Федосья, убивалась о сынке, не приведи господи, как горько. В самый день второго Спаса, на зорьке, Федосья услышала, будто кто на сарае плачет. Мужу сказала. Пошли заглядывать. Весь сарай обыскали — ни души нет, и плачет, жалостно таково плачет. Отец-то и спроси:

— Да будто на крыше кто маленький плачет?

А сверху голосок:

— Я, батюшка, снимите меня.

Узнали, кинулись вон, приподняли головы, а Гришутка на самом коне сидит. Сняли, в избу внесли, дали есть. Народу в избу ввалило, что стоять негде, услыхали, что пропащий явился. Гришутка тут и рассказал.

Отыгрался он и побежал домой. Навстречу ему старичок.

— Не ходи, дитятко, — говорит, — мамка тебя прибьет. На вот тебе колобок да пойдем ко мне. Ночуешь, а завтра домой.

«Пошли. В лесу ночевали, в землянке — травы, цветы разные у дедушки в землянке — то и дух от них хороший идет, — рассказывал Гриша. — И ничего-то мне не страшно с дедушкой, такой добрый, ласковый. Утречком огонек разложил, картошки испекли и поели досыта. Повел гулять. Ягоды собирает и мне отдает; деревья показывает, говорит, как они называются, цветок попадается или травка, он и цветок, и травку назовет, скажет, от чего они пользительны. Весело мне, я и про дом забыл. — „Хочешь, Гриша, разные города и людей посмотреть?“ — спросил. „Хочу, деда“. Собрались, пошли. Прошли тридесятный волок, через болота дале путь. Вышли на шестидесятный волок (лесное пространство между двумя реками, водоразлив, заросший дремучим лесом). Раза два избенышки попадались, дедушка станциями их называл. Нас везде кормили. Реку Уижу на плоту переезжали, опять лесом пошли, в деревнях где приставали, отдыхали. „Это Кострома, — сказал дед. — Вот собор златоглавый. А вон это, гляди хорошенько, — на коленах-то что стоит, мужичок Иван Сусанин, а вверху над ним царь Михаил Феодорович, за которого мужичок Иван Сусанин кровь свою пролил и царя от смерти врагов освободил“. Вскоре мы пришли в другой город, Ярославлем называется. Тоже хороший город. Погодя к Троице-Сергию попали, везде там исходили, молились, к Сергию прикладывались. Тут дня через два в Москву прибыли. Вот город-то, конца краю не видно, и все-то церкви, церкви с высокими колокольнями, а маковки-то на них все золотые, так на солнышке и горят, светятся. Дома каменные, один дом в целую нашу деревню, и народ там — одни господа, енералы, барыни в шляпах под зонтиками, детки все нарядные, хорошенькие. И простой

народ попадается, только мало — больше баре да солдаты. И инда испужался. Уйдем, говорю, дедушка, здесь страшно: по улицам вон солдаты расставлены, вершинки в шапках с красными макушками да с длинными палками ездят. Убьют они нас.

А дедушка только ухмыляется. „И, дитятко, — говорит, — страшен сон, да милостив Бог: небось не тронут“. Много всяких местов мы выходили. Ивана Великого, царь-колокол и царя-пушку видели, в соборах к мощам прикладывались. Москву-реку тоже показывал мне дед. Неважная речка, куда ей до нашей Ветлуги или Уижи. Хотел вести меня еще куда-то, да вы начали молебны служить, я и затосковал. Деда, пойдем домой, взмолился я. Боюсь я тут, в Москве-то. Да и батюшку с матушкой мне больно жалко. Не стал перечить. „Воротимся, дитятко“, — промолвил. По дороге мы еще разные города видели. В Нижнем через Волгу переправлялись, после городок Семенов видели, Варнавин и Ветлугу; а вчерась ночью в свою деревню пришли.

Дедушка был добрый и ласковый
(рис. Л. Альбрехта)

Здесь я и потерял дедушку-то, помню, слезинки у него из глаз капали, когда он со мною попрощался и ушел, я заснул, а утром проснулся — сижу на коне нашего сарая. Хотел слезть, ан высоко, не спустишься без помощи. Оттого я и заплакал».

—

Ветлужский мещанин Игнатий П-в летней ночью возвращался домой с урочища, <...> где у него был пчельник. Выйдя из леса, он направился тропой мимо озера Лопатнова, и тут ему вспомнилось, что в этом лесу пугает. Только он это подумал, как сзади, версты за три от себя, услышал страшный голос:

— Ого-го-го-го-о-о.

Через минуту тот же самый голос ближе, версты за две послышался, а через минуту — совсем уж близехонько раздался; и вслед за тем голосом в ночной теми и тишине большой свист и шум послышались, точно бы сильная буря налетела: начало нагибать до земли сосны, ели, а другие деревья с корнем выворачивать. От страха П-в ударился бежать к перевозу — около версты расстояния от него было. Бежит и крестится, молитвы читает, какие знал и какие

Пошел бродом через реку Ветлугу
(рис. Л. Альбрехта)

на ум приходили; понял, что это леший шумит. Видит: буря свернула в левую сторону, а страшные крики «о-го-го-го» гремят, не смолкая. П-в добежал до перевоза, но парома нет. Он наскоро выворотил наизнанку все платье, какое на нем было, и пошел бродом через р. Ветлугу. Зная хорошо места, где отмели и перекаты, он ступал ногами смело, а за ним, не переставая ни секунды, неслось неистово: о-го-го-го-го-о-о. Никого и ничего не видно, а вблизи по сторонам П-ва со свистом летели в реку громадные камни, которые ударились об воду, и во всю реку от них вспенивало. Несчастья никакого с П-вым не случилось, отошел одним страхом, а когда перебрался на другую сторону, на реке все стихло.

Подобного рода шутку леший сыграл также с артелью бурлаков.

Забросив якорь, бурлаки сошли с рогоженки (судна) и расположились ночевать в нагорной стороне, на правом берегу р. Ветлуги.

Ночь. Прохладно в лесу, разложили костер, прилегли вокруг огня, а кашевар принялся варить кашицу. Бурлаки повеселели, завязали разговор. Кто-то упомянул, что на этом месте раньше был убит медной пуговицей разбойник-колдун — колдунов только и можно взять медной пуговицей, а ружейные

Бурлаки
(рис. Л. Альбрехта)

пули, копья, сабли для них ровно нипочем. Вдруг поднялась ужасная буря, пошел треск и лом по всему лесу, и вместе с тем раздалось грозное гоготание. Буря неслась прямо на бурлаков. Скрыться невозможно, знали, что леший везде найдет. Принялись молиться, выворачивать одежду и бросать на огонь соль в том убеждении, что при огне и соли нечистая сила не может причинить никакого вреда. В страхе им казалось, что весь лес повалило. Буря обошла кругом бурлаков и затихла; но в реку-то чьи-то невидимые руки принялись бросать огромные камни. От падения этих камней вода из реки вместе с рыбой вскидывалась на самый берег, обдавая костер и людей. Хотелось ему погасить огонь-то. Бурлаки не спали всю ночь, опасаясь за свою жизнь; а на другое утро увидели, что ни одного деревца не повредило: стоят, как стояли, целехоньки, и ни один листочек не тронут.

Записал и сообщил Дементьев

—

Крестьянин Ветлужского уезда, Таншаевской волости, починка[1] Кузьминского, Иван Васильев, продал лошадь соседу Поликарпу Антонову. При сделке выпили полуштоф, но оказалось недостаточно, и они порешили ехать в питейный дом, находящийся в починке Полежаеве. Жена Ивана Васильева унимала не ездить в кабак, не пропивать деньги. Приятели не послушались разумных слов бабы, на своем настояли и поехали в розвальнях. Дело было зимой. Отъехали с версту от своего починка, увидели на распутье (перекрестке) человека в летнем кафтане нараспашку, в кожаных сапогах, широких шароварах, красной рубашке и красном колпаке. Иван Васильев живо сообразил, кто перед ним. Но, желая себя проверить, спросил товарища:

— Поликарпо, видишь ли ты кого на дороге-то?

— Да разве ты сам не видишь, Ванька, что это леший, — ответил нисколько не боявшийся Поликарп Антонов.

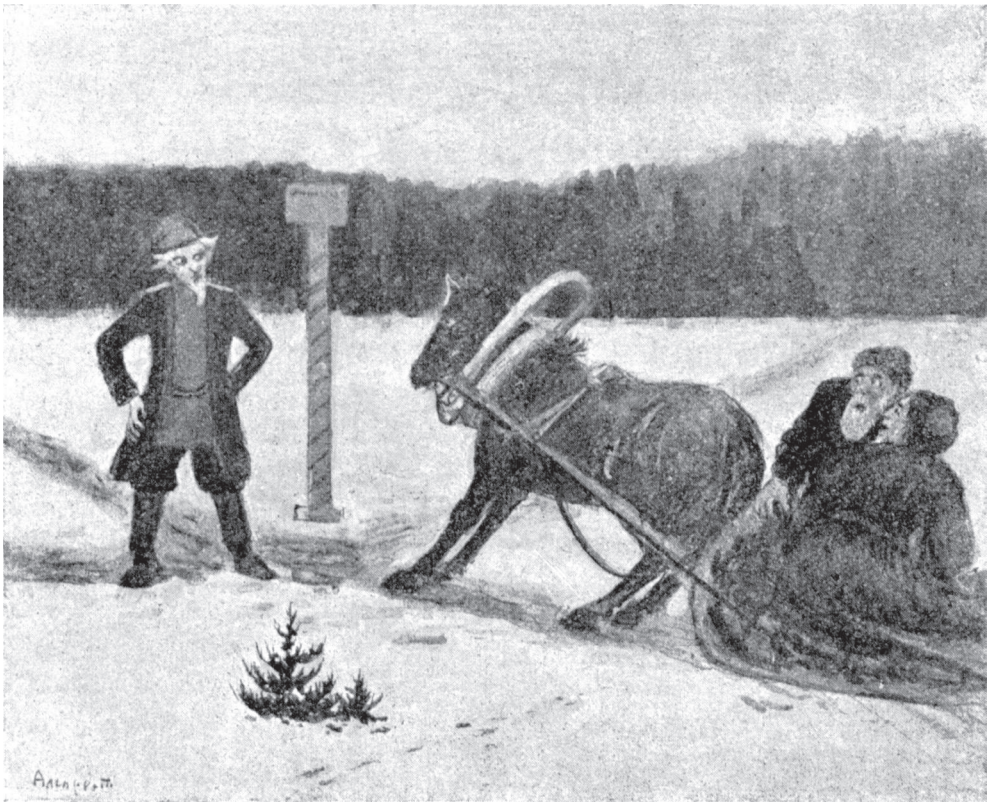
Сказал, подвинулся в передок и принялся настегивать свою кобылу. Леший в два-три прыжка очутился около приятелей, ухватил сзади за поперечину розвальней и хотел к ним в компанию присесть. Антон не потерял присутствия духа, замахнулся кнутом и ударил лешего по спине, промолвил:

— Куда ты садишься, мать твое... так.

Только ударил и загнул поматерною, как сам он и Иван Васильев вместе с лошадью и санями полетели в сторону, сажен на десять откинуло с дороги, и прямо носами в глубокий снег уткнулись. Вылетели из саней, а лошадь, вывернувшись из оглоблей, лежит, как убитая, на снегу. Антонов выкарабкался, встал, хлестнул кобылу крест-накрест плетью, сам перекрестился и лошадь перекрестил:

---

[1] *Починок* — новая, обычно однодворная деревня на подсеке; новое селение (*примеч. ред.*).



В летнем кафтане нараспашку
(рис. Л. Альбрехта)

— Бог с тобой, кобылка, — заговорил мягко, — Христос с тобой, кобылка. Встань, матушка.

Кобылка встала. Проворно распрягли, завернули ее в оглобли и снова запрягли, выбрались из сугроба на дорогу и поехали дальше к Полетаеву. Полюбопытствовали, однако, обернулись. Видят: леший стоит на прежнем месте, сам вырос с ветряную мельницу, а толщиной в сажень или больше, стоит и так то ли хохочет, издевается над мужиками. Ни словом не промолвив, Антон Поликарпов нахлестал кобылу, и скакали, не оглядываясь уже ни разу назад, вплоть до самого кабака. Ничего, благополучно добрались. Распили полуштоф или два, но домой показались уж утром: ночью забоялись ехать. Причину этой «шутки» приятели объяснили себе так: когда они со двора выехали, жена Васильева бранила их и послала в дорожку: «Чтобы вас леший напугал». Рассказывая деревенским про такую диковинку, оба соседа божились и клялись, что это сущая правда.

Стоит и так шибко хохочет
(рис. Л. Альбрехта)

—

В деревне Харязиной, Костромского уезда, в самом северном углу Фоминской волости живет крестьянин Захар Павлов. У него сын и две дочери. Младшей, Наталье, исполнилось 16 лет, девушка из себя красивая, но «разумком не вполне достаточна». Перед летней Казанской семья села за обед. Мать послала Наташу в чулан за хлебом. Девушка, снимая с полицы[1] каравай, задела маленький горшок со сметаной, который упал и разбился. Мать услышала стук, выбежала на мост[2] и в чулан.

— Что тут случилось? Или чего уронила?

— Я вот горшок со сметаной расшибла.

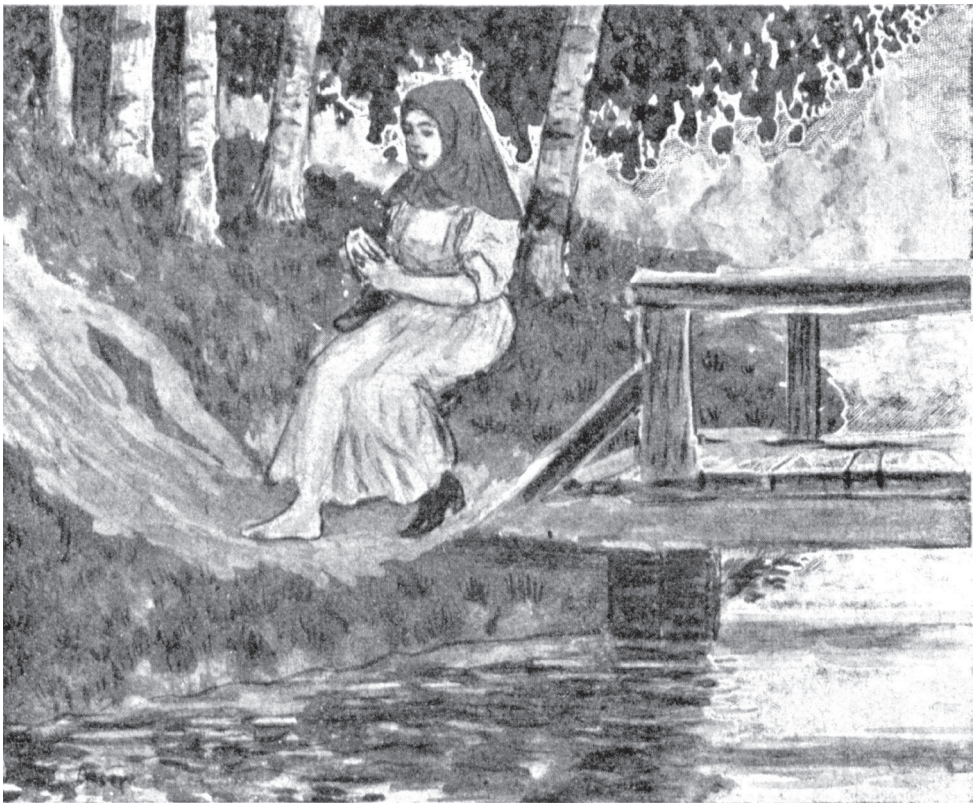
Мать как на дочь вскинется:

— Ах, что ты наделала? Будь ты от меня проклята.

---

[1] *Полица* — здесь: посудная полка на стене (*примеч. ред.*).

[2] *Мост* — здесь: холодные сени между передней и задней избами (*примеч. ред.*).



Наташа присела на бережку, скинула полусапожки и смотрит (рис. Л. Альбрехта)

Наташа стоит, понурившись, ни слова родительнице в ответ. Та пожурила доньку, потом и сжалилась, промолвила ласково:

— Ну, чего стоять-то? Пойдем уж обедать.

На другой день, в самый праздник, принесли к ним в деревню иконы. Все дома обходили, и общий молебен посреди деревни отслужили. Время стояло часов около трех дня. Из Харязинской понесли иконы в соседнюю деревню, весь народ пошел провожать. Наташа тоже. В версте от деревни протекает река, крутоберегая, есть омуты, глубиной аршина в 3–4; через речку устроен мостик.

Перенесли иконы через речку и пошли дальше. Наташа только взошла на мост, как что-то у ней в полусапожке колонет. Кое-как перешла на другую сторону, присела на бережке, скинула полусапожки и смотрит: а в одном — маленький гвоздочек. Время стояло жаркое. Наташа взяла полусапожки в руки, оправилась, убралась хорошенько и побежала догонять народ. От речки дорога пошла лесом — большой сосновый лес. А иконы уж скрылись из глаз.

Не далее как в четверти версты от речки дорога раздвоилась. Наташа приостановилась в раздумье: не знает, по которой ей идти. Она свернула влево. Бежит, торопится, чтобы догнать иконы, но никак не догонит. «Видно, не та дорога-то», — подумала и воротилась назад. Не дойдя до перекрестка, она своротила в лес: думала, что лесом прямее, скорее догонит. Забралась в лес-то, нигде нет тропинки, и заблудилась. Кричала она, кричала, никто не откликнулся. А время-то рядом к ночи. Страшно оставаться. Выходят два старика, ни есть отколь взялись, и спрашивают ее:

— Что ты, красная девица, по лесу бродишь?

Наташа им в ответ:

— Я вот сколько времени здесь плутаю и никак не найду дороги.

Старики промолвили:

— Иди за нами. Мы тебя выведем на путь.

Девушка обрадовалась:

— Выведите, бога ради, сделайте милость, — говорит.

Стоит новый барский дом
(рис. Л. Альбрехта)

Старики пошли, а Наташа за ними. Идут все трое лесом, а девушке кажется, дорогой будто идут, отвели, знать глаза. Открылась полянка, и на полянке стоят новые боярские хоромы. Ввели девушку в большую, хорошую горницу. Сидит в креслах молодой барин.

— Вот, ваше благородие, какую мы тебе красавицу привели, — говорили старики, — только бы все на нее смотреть.

Барин воззрился на девушку и промолвил:

— Молодцы.

В деревне пошел говор: «Наташа пропала». Собрали со всей деревни народ и пошли искать по лесу. Три дня искали и не могли найти. Мать Наташина и крестная начали о ней молебствовать: и сами молятся, и по церквам заказывали священникам молебны служить. Об неделе так, в воскресенье, Наташина мать с крестной собрались в село за обедню, вышли из дома, смотрят: а под окошком на завалинке сидит Наташа без всякой одежонки, как есть нагая. Мать с крестной подошли к ней.

Ввели девушку в большую горницу
(рис. Л. Альбрехта)

— Наташа, а Наташа.

Девушка ничего им не ответила, сидит какая-то печальная. Зовут ее в избу. Нейдет. Внесли. Наташа все молчит. Надели на нее платье, повязали, а как крест повесят, так и скинет, забросит куда. Прошло трое суток. Наташа стала говорить и с шеи крест уж не скидает. Тут и рассказала, что с ней случилось:

— А теперь ведь где живу, в боярском доме, там много лучше жить, чем здесь-то. Я уж стала в годах, меня там за жениха просватали, хотели было свадьбу пировать, а вы здесь начали молебствовать, меня из хором-то и вытолкнули. Поди, говорят, от тебя горячо стало. Вытолкнули, смотрю — я на берегу речки и голая.

Пожила она дома недельку. Молебствовать перестали. Ночью Наташа вдругорядь скрылась. Мать с крестной опять молебны заказывать. Через пять дней Наташа появилась. Также утром вышли, а она сидит голая, без креста и так-то горько плачет.

— О чем ты, дитятко, плачешь? — спрашивает мать.

Сидит Наташа без всякой одежды, как есть нагая
(рис. Л. Альбрехта)

— Как же мне не плакать-то? Меня там замуж выдали. Жить-то мне там как хорошо. За хорошего меня выдали, а вы меня с ним разлучаете: как вы здесь приметесь молебны служить, меня и вытолкнут из хором-то — поди, от тебя нам горячо.

Ночью девушка в третий раз пропала. Мать с крестной из последнего выбились, заказывали молебны, а под конец и заказывать не на что им стало: все деньги промолебствовали. А Наташа уж не возвращалась. Так и сгинула девушка. А какая была красавица.

Записано в селе Сандо-горе Г. Нефедовым

—

Один из фабричных — дело было в Керехотском уезде — Федор Афанасьев возвращался из деревни с праздника (престольного) на фабрику, за деревней он сошелся с товарищем, который вместе с ним работал за другим станком, —

Большая фабрика перед глазами
(рис. Л. Альбрехта)

оба были прядильщики. Идут, разговаривают и о празднике вспоминают. В пути и вечер их застал. Поторапливаются, чтобы засветло дойти. Не успели, пришлось ночи прихватить. А ночь темная-темная, осенняя, зги не видать. Но вот и огни впереди засверкали, вырезались большие окна фабричных корпусов, ярко освещенные электричеством. Шум станков и разных механизмов заслышали. Вот и вся фабрика перед глазами. Подходят ко двору, к воротам. Шум так и бьет. Федор Афанасьев перекрестился и стал как вкопанный: стоит он на мельничной гати[1], прямо вода, справа шумит и ворочается мельничное колесо, слева бьет свет из избушки, и никакой фабрики нет.

— Господи Иисусе Христе, — вымолвил прядильщик. — Павлов, да куда мы с тобой зашли? — повернулся к своему товарищу-спутнику.

Но того и след простыл. Как бы только Афанасьев шагнул, так и погиб бы в глубине речного омута.

—

Ананий Потапов, крестьянин Тонкинской волости, Варнавинского уезда, шел в свою деревню ночью из волости, где только что отбыл наказание — 20 розог за неуплату податей. Пора стояла зимняя, в пути его ночь захватила. Не весело было на сердце у мужика: спина побаливает, а дома — голодная семья. Идет не спеша, раздумывает о своем житье-бытье. «Что за жизнь наша злосчастная», — думает мужик. «Здорово», — слышит голос. Оглянулся. Видит: знакомый крестьянин, торговец из села Карпова едет.

— Присаживайся, Потапыч, я тебя подвезу.

Ночь стояла ясная, месячная, далеко и хорошо кругом видать. Ананий Потапов, присевши в сани, рассказывает карповскому про свое несчастное положение. Пожалел его торговый человек, хозяин лошади.

— Трудновато мужику жить, трудновато, — говорит, — земли мало, назьму[2] нет, и хлебец перестал родиться. Жить нечем, а оброки, земские и мирские расходы подавай, пощады или снисхождения не дают.

В разговорах доехали до Ананьиной деревни, карповский приостановил лошадь:

– Слезай, Ананий Потапыч, вот твоя изба.

Пораспрощались, поблагодарил Потапыч и побрел к своей избенке. На деревне нигде огонька не приметно, хотя время было еще не позднее. «Эх, жизнь наша, — подумал мужик, — в аду, поди, легче, чем нам, грешным, на этом вольном свете». Взобрался по сгнившим ступенькам на ветхое крылечко, повернул кольцо в двери — сени изнутри не заперты, и дверь со скрипом отворилась. Потапов шагнул через порог и по самую шею очутился в воде. Глядит: он в проруби на реке Усте. Окунулся раз, но, опомнившись

[1] *Гать* — настил из бревен или хвороста для проезда через топкое место (*примеч. ред.*).
[2] *Назем* — навоз (*примеч. ред.*).

Глядит: он в проруби на реке Усте
(рис. Л. Альбрехта)

и сотворив молитву, уцепился за края и кое-как выкарабкался на лед. Оказалось, что карповский торговый человек завез его совершенно в противоположную сторону, верст за 15 от деревни Ананьина. Ничего, благополучно домой вернулся и не похворал: дня два познобило и отпустило.

—

Немало также страху натерпелся покойный отец Мирон Вакхович, бывший Дмитриевский священник в селе Пыщуге Ветлужского уезда. Позвали его с требой в деревню Колпашницу. Исправив, что ему следовало, батюшка у хозяина дома изрядно выкушал, только уж вечером спохватился и поехал обратно в село. Дело тоже было зимой. Не доезжая какой-нибудь полуверсты до Пыщуга — низмина, долина, по которой бежит река Хлыщевка. Только под угор с осторожностью поп начал спускаться, как, откуда ни возьмись,

Откуда ни возьмись, к нему в обшевни повалился страшный мужик (рис. Л. Альбрехта)

к нему в обшевни[1] повалился страшный мужик, толщиной в сорокаведерную винную бочку, а вышиной больше сажени. Священник имел в себе дар прозорливости и сразу понял, что это не простой человек, а дьявол, и от него так и разит вином. Только нечистый дух в образе сорокаведерной бочки ввалился к батюшке в обшевни, вдруг кобыла выпряглась, и дуга с визгом на 20 сажен кверху взлетела и, повернувшись в воздухе, якобы поплясав, упала на дорогу перед самой лошадью, которую священник удержал на вожжах. Снял малахай батюшка и осенил себя крестным знамением: страшный человек в ту минуту исчез, напустив только еще раз на него винным запахом. Запряг лошадь, сел и с молитвой поехал. Спустился почти до самой реки, как тут вспомнил, что оставил рукавицы на том месте, где кобылу он запрягал. Жалко ему стало рукавиц, привернул лошадку к оглобле и побежал на угор. Рукавицы на месте,

[1] *Обшевни* — широкие сани, обшитые лубом (*примеч. ред.*).

Водяная мельница
(рис. Л. Альбрехта)

дьявол, видно, не приметил их, поднял. Не успел надеть, как видит: кобыла взглянула, заржала, стремглав понеслась и в минуту скрылась из вида. Делать нечего, пришлось к дому пешком идти. Бредет, осматривается по сторонам и не узнает местности. Вместо маленькой речки Хлыщевки — широкая река, больше Ветлуги, и огромный пруд, а при нем водяная мальница.

— Вот тебе на, — промолвил батюшка, — куда это меня нелегкая-то занесла.

Не очень, однако, смутился, идет по дороге к мельнице, откуда свет бьет. Мельница новая, на три постава[1]: два в работе, жито мелют, а третий постав остановлен, и двое мастеров куют камень под аржаную муку. Двери мельницы отворены, и внутри, за огромными бутылями и штофами, народ сидит: в легких зеленых кафтанах, в красных шапках, кожаных сапогах и красных рубашках. Занятно показалось батюшке, полюбопытствовал, остановился.

[1] *Постав* — пара мельничных жерновов (*примеч. ред.*).

Пьяная компания
(рис. Л. Альбрехта)

А те разливают вино по кружкам, из каких в деревнях квас пьют, хлопают одна за другой и помахивают ими к батюшке:

— Зайди, мол, отче, выкушай с нами за компанию.

Словами ничего не выражают, а только знаками приглашают. Мастера, тоже в красных шапках, целыми жбанами вино хлобущут. Отец Мирон пособлазнился, шаг, другой ступил вперед да увидел, что у одного мастера шапка на затылок посъехала, и на лбу рога торчат. «Эй-э-э, какая тут компания-то собралась», — подумал батюшка. Как имел он дар прозренья, то сразу постиг, что это водяные на мельнице. Тотчас перекрестился, повернул и зачитал «Да воскреснет Бог», а сам направился к мосту. Идет, читает вслух, а свет из мельницы так и бьет, так и бьет изнутри, кто там ни был, штофами да бутылками ему преклоняют и будто говорят: «Напрасно, отец, уходишь, воротился бы, вишь, сколько вина-то?» А поп Мирон идет по мосту, читает молитву. Как только окончил, сказал «аминь» — мельница с народом, пруд и река исчезли, а сам он сидит на перилах мостика, что перекинут через речку Хлыщевку, и внизу под ногами полынья чернеет. Если бы еще шаг ступил,

Батюшка сидит на перилах мостика
(рис. Л. Альбрехта)

Подошел к дому и видит: кобыла его нераспряженная стоит у ворот
(рис. Л. Альбрехта)

то прямо бы в полынью угодил, хоть и маленькая речка, но бочажистая[1]. Так инда перекувырнулся батюшка, то ногами взмахнул и спиной на мост, как увидал, над какой пропастью он сидит. Встал на ноги, отряхнулся и поспешно к селу направился. Подошел к дому и видит: кобыла его нераспряженная стоит у ворот и поджидает своего хозяина. Слава богу, все благополучно обошлось.

Записано Г. Нефедотовым,
Костромской губ.

Про медведя

Жили-были старик и старуха; у них было три дочери. Вот старик говорит старухе:

— Я пойду в лес дрова рубить и по дороге набросаю стружек до того места, где стану рубить, а ты испеки блинка и пошли их с дочерью — она по стружкам найдет меня.

Идет старик лесом да стружки бросает, а медведь сидит за кустом и видит это. Медведь стружки стал подбирать и бросать по дороге же, да только не по той, по которой старик шел, а по дороге, ведущей к нему в берлогу. Старик идет, ничего не подозревая. Старуха затопила печь, испекла блины и велела старшей дочери отнести их. Пошла девица по дороге и по стружкам дошла до избы, а в ней — видит — вместо отца медведь сидит. Весьма испугалась девица, стоит и молчит, а медведь говорит ей:

— Останься, девушка, у меня, будь моей хозяйкой.

— Нет, не останусь.

— А не останешься, так я тебя съем!

Съел медведь девушку, а кости выбросил на полати.

Ждал старик в лесу блинов до самого вечера и пошел домой. Тут он кинулся на старуху, стал с ней ругаться и бить, приговаривая:

— Старая карга, не обманывай, неси мне блины!

На другой день старик опять пошел в лес и наказал старухе послать ему блинов по той же примете. Медведь уж давно его караулил и снова собрал и разложил стружки по-своему. Старуха велела второй своей дочери снести отцу блины. Пошла девушка с блинами и дошла до медвежьей избы. Зашла в нее, а медведь сидит на лавке и говорит:

— Девушка, останься у меня, будь моей хозяйкой.

Со страху она и слова вымолвить не смогла и побежала. Медведь догнал ее, схватил, съел и кости на полати бросил. Долго ждал старик блинов и, не дождавшись их, пошел домой. Он опять стал бить и ругать старуху. Старуха отпиралась, что старика не обманывала и блины посылала; старик все-таки

[1] *Бочага* — глубокая лужа, колдобина, ямина, залитая водою; омут (*примеч. ред.*).

не верил. На третий день старик строго-настрого наказал послать ему в лес блинов.

— Не пошлешь, старуха, — прибавил он, — я убью тебя.

Отправляется наш старик опять в лес и стружки по пути бросает, а медведь идет сзади его и стружки перебрасывает на свою дорогу. Старуха еще до петухов встала и все блины печет. Напекла и велит младшей дочери снести их отцу. Идет девушка от стружечки к стружечке, и дошла до медвежьей избы. Только в избу взошла, а медведь и спрашивает свою гостью:

— Будешь, девушка, моей хозяйкой, так останься у меня?

Испугалась девушка.

— Хорошо, — говорит, — останусь.

— Ладно, — отвечает медведь, — а то я съел бы тебя.

Девушка осталась жить у медведя, стала хозяйничать и кормить его сладко-пресладко.

Медведь как-то ушел в лес и что-то надолго. Долго ждала его наша девушка и думает: «Ну-ка, погляжу я, что у него где лежит».

Пошла она в амбар — хлеба полно. Заглянула в другой: всякое добро, да все шелковое; заглянула в третий, а там — золота до самого потолка. Амбары-то у медведя все пребольшие, только рядом стоял малый чуланчик, а в нем находились две склянки — одна с живой, а другая с мертвой водой. Много дивовалась девушка и пошла потом рыться по избе. Все переглядела, залезла под конец и на полати. Как увидала там человечески кости, так и заревела:

— Ведь эти кости, должно быть, моих сестер!

Взяла она эти кости, сбегала за живой и мертвой водой и стала поливать их. Полила на кости сначала мертвой водой — ан они срослись, а как полила живой водой — появилось на них тело. Тогда она не пожалела воды живой и всю ее вылила на покойниц. Сестры ожили. После разлуки на радостях они стали целоваться и обниматься. Затем они принялись судить-рядить, как им избавиться от медведя. Вот младшая сестра говорит:

— Я вас, сестры, домой отправлю, только теперь до поры до времени спрячьтесь.

Только что спрятались сестры, как медведь пришел из лесу. Девушка накормила его и, укладывая спать, говорит ему:

— Что же это, хозяин, долго ли мы будем так жить? Ведь надо же тебе с моими стариками, с отцом-матерью, помириться!

— Ну так что, мириться, так мириться.

— Так вот что, — продолжала девушка, — я завтра, пока ты будешь в лесу, напеку пирогов да шанег, а придешь из лесу и наешься, пироги и шаньги унеси в гостинец отцу.

Согласился медведь и, когда на другой день он пошел в лес, девушка отыскала пребольшой пестерь[1] да туда же посадила старшую сестру; самый же

[1] *Пестерь* — плетеная из лыка корзина, короб (*примеч. ред.*).

пестерь туго-натуго перевязала веревкой. Пришел медведь, наелся, схватил пестерь к себе на спину и пошел, только успела девушка сказать ему:

— Смотри, дорогой пироги не ешь — я полезу на крышу и буду глядеть.

Медведь бежал лесом, приутомился и говорит:

— Уф, как я устал. Сесть-ка на пенек, съесть-ка пирожок!

Девушка в пестре заплакала и молвила:

— Вижу, вижу... не садись на пенек, не ешь пирожок.

«Вот беда, — подумал медведь, — как это она так далеко видит меня. Ведь я уж сколько верст лесом прошел».

Побежал он дальше. Добежал до стариковской избушки и — хрясть в ворота! Ворота отворились, а собаки накинулись на него да как принялись за его пятки, так медведь и про пестерь забыл, давай бежать. Прибежал домой, отдувается и говорит:

— Ох, какие у вас собаки злющие, все пятки мне искусали!

Девушка в оправдание возразила:

— Не поверю я тебе, ни в жизнь не поверю, у нас собаки смирные, обманываешь ты, коли говоришь, что они злющие. Ступай-ка завтра да поклонись отцу-матери, а я напеку блинов и шанег.

На другой день медведь пошел в лес; девица напекла пирогов, сложила в большой пестерь все золото из амбара, посадила туда же вторую сестру и уговорила медведя нести теперь отцу для мировой. Напился, наелся медведь, схватил пестерь и побежал к старикам. Скоро он устал и думает: «Сесть-ка на пенек, съесть-ка пирожок». А девушка из пестеря кричит:

— Вижу, вижу. не садись на пенек, не ешь пирожок!

Побежал медведь дальше; бежит да ворчит:

— Вот беда, и отдохнуть нельзя; как это она видит меня, ведь я далеко ушел.

Прибежал к воротам стариковской избушки и опять — хрясть в ворота! Собаки пуще вчерашнего кинулись на него. Схватили за его кожу у голяшек да почти до самых пят ее спустили. Освирепел медведь, бросил на дворе пестерь, а сам домой бежать. Домой прибежал злющий, весь в крови. Вошел в избу и кричит:

— Смотри-ка, что со мной ваши собаки сделали, а ты все не веришь! Не пойду больше ни за что.

Девушка обласкала и урезонила его. Примирился с ней медведь и пообещал завтра еще раз, да только в самый последний, сходить к старикам на поклон. Девушке только этого и надобно было. Наутро она проводила медведя в лес, напекла пирогов; со всех ног бегает, суетится. Она нашла самый большой пестерь, сложила в него все шелковье, а поверх него пироги, да еще и для себя места оставила. Приходит медведь из лесу, давай девушка угощать его, да так сладко и так много, что он едва мог дышать.

— Ну, не хотел я больше идти к старикам, — молвил медведь, — да седни ты меня очень уважила, сладко накормила, и я уважу тебя в последний раз: схожу к старикам с поклоном.

— Иди с Богом, больше тебя посылать я не стану; в сенях возьми пестерь и неси его, а я пойду на крышу смотреть на тебя.

Девушка быстро побежала на крышу, захватив с собой деревянную ступу. Ступу же загодя обрядила в свое платье и верхушку повязала своим платком. Ступу она поставила на крышу, а сама скорее сбежала вниз, залезла в пестерь, завязалась изнутри и сидит. Медведь схватил пестерь, бросил его к себе на спину и подумал: «Что она тут положила — ровно камни». Медведь бежит да кряхтит, и скоро пристал. Он опять захотел присесть на пенек, съесть пирожок. Но девушка сейчас так жалобно завопила из пестеря:

— Вижу, вижу. не садись на пенек, не ешь пирожок!

— Эка беда, как она меня видит. Ну да ладно, донесу, ведь уже в последний раз.

Едва добежал медведь до ворот и — хрястнул воротами. Собак на него набежало еще больше, еще злее. Как вцепились они в медведя, изорвали у него в куски все ляжки; едва он отбился, бросил пестерь и побежал домой без оглядки. Медведь бежит да рявкает:

— Погоди ты у меня, дам я тебе почувствовать, как поправлюсь!

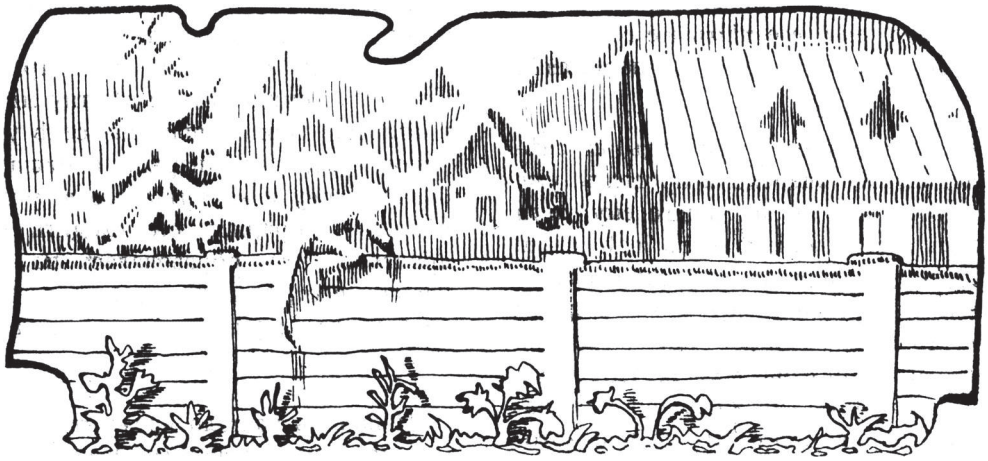
Подбежал медведь к избушке и кричит:

— Слезай с крыши да отпирай двери! Слышишь, слезай!

Молчит ступа, молчит да на одном месте стоит. Совсем освирепел медведь, полез на крышу да как брякнет по ступе лапой, та с крыши оземь грохнулась и в мелкие щепы раскололась.

Тут только медведь догадался, что девушка его обманула. Заревел тут медведь свирепым воем. Он бросился затем к амбарам — везде пусто. Видит — его вконец разорили.

Долго и сильно ревел он, а все-де к старику и старухе больше не пошел. Больно уж его собаки проняли.



Неправедный купец

Сказка

У одного купца было много денег. Нажил он эти деньги не честным трудом, а обманами: не продать ему было ни одной пустяковинки, чтобы не обмануть.

Вот и снится ему однажды, что кто-то говорит ему и заказывает строго-настрого выстроить церковь. Снится ночь, снится другую, не дает купцу спокою. Наконец купец и говорит своей жене:

— Что это, баба, снится мне все один и тот же сон? Не дает он мне спокою.

А жена его отвечает ему:

— Уж, видно, сам Бог тебя вразумляет. Послушайся его голосу.

У того купца капиталы были большие, и он в один год выстроил великолепную церковь, как то приказано ему было во сне.

Когда церковь была совершенно готова, назначили день освящения ее. Собралось множество народа. И вот, когда пошли с иконами вокруг церкви

Подбежал медведь к избушке и кричит: «Слезай с крыши!»
(рис. В. Малышева)

Опустили парня на ремнях в пропасть
(рис. Л. Альбрехта)

и из нее вышел последний человек, купец сел под престол, как велено было ему все тем же голосом, который внушил ему о построении церкви.

Между тем крестный ход не спеша подвигался вперед и прошел уже почти половину предстоящего ему пути вокруг храма, как вдруг все стали замечать, что церковь медленно начала оседать и опускалась все ниже и ниже; наконец стало видно один только крест, и вскоре на месте, где была только что отстроенная церковь, образовалась огромная пропасть, до дна которой нельзя было достать никоим образом.

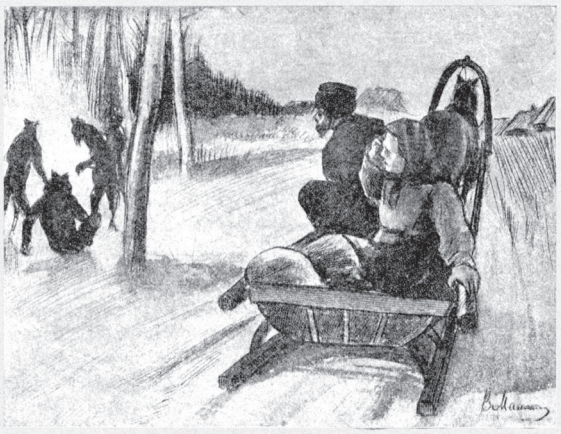
У купца было три сына. Они начали жить после отца очень богато. И вот стал им отец сниться каждую ноченьку, все звал их посмотреть на него. Но сыновьям к отцу идти не хотелось. Они нашли на селе у себя одного молодого парня, слывшего за сорви-голову и не имевшего ни роду, ни племени, порядили его сходить в ту пропасть, что образовалась на месте церкви, построенной их отцом. Поили они этого парня чуть что не каждый день.

МОЙ ДОСУГ

ХУДОЖЕСТВЕННО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ СБОРНИК

Издаваемый Александром Евгеньевичем Бурцевым

Выпуск 10



Выпуск 10

С.-Петербург 1910 г.

Хромо-Типография А. К. Вейерман, СПБ., Благовещенская пл. 3.

Обложка 10 выпуска 3 тома

Наконец настало время этому парню в пропасть спускаться. Накупили сыновья купца волов, понаделали из воловьих шкур ремней и опустили парня на ремнях в пропасть. Но тех ремней оказалось недостаточно, и парень не мог достигнуть дна.

Накупили купеческие сыновья волов в три раза больше против прежнего, и понаделали ремней втрое больше, и снова стали спускать на них парня. Долго они спускали его. Наконец веревка ременная ослабла — значит, парень дошел до дна.

Но в действительности парень очутился не на дне, а на церковной крыше. Сидит парень на крыше и не знает, как попасть ему в самую церковь. Думал-думал он, наконец и придумал: спуститься через печную трубу. Спустился парень в церковь и видит: у самой у колонны купец тот прикован железными цепями. Увидал купец парня и спрашивает:

— Кто ты такой, зачем и как попал сюда?

У самой у колонны купец тот прикован железными цепями (рис. Л. Альбрехта)

Парень рассказал купцу обо всем подробно. Выслушав парня, купец и говорит ему:

— Ну, пропала твоя головушка! Не бывать тебе больше на земле.

— Как не бывать — у меня веревка сверху спущена. Пойдем, и тебя выведу, — предложил ему парень.

— Нет уж, — сказал купец, — ты уходи один, а меня вот будут скоро мучить.

Парню захотелось посмотреть, кто и как будут мучить купца, и поэтому он сказал ему, что не уйдет отсюда, а останется здесь посмотреть на мучения.

Купец приказал парню спрятаться.

— Ступай туда, за печку, — велел он парню, — а как придут и станут меня мучить, ты заиграй на гармонии (с которой парень никогда не расставался и потому захватил ее с собой в пропасть). Когда же немного сыграешь на ней, — продолжал купец, — то сейчас же разорви ее в куски.

Спрятался парень за печку и стал ожидать, что будет дальше.

Налетело множество чертей, и они начали истязать купца (рис. Л. Альбрехта)

Чертова пляска
(рис. Л. Альбрехта)

А дальше случилось вот что.

В церкви поднялся вдруг сильный шум, и парень вначале оробел было. Но потом думает про себя: «Дай посмотрю», — и потихоньку выглянул из-за печки. И видит он, что налетело множество чертей, и они начали истязать купца: ездить на нем, хлестать его железными прутьями и всячески мучить. До того они его измучили, что он потерял сознание и лежал без чувств. Но черти и тут не оставили его в покое: стали тыкать его под ж...у железными прутьями.

Смотрел, смотрел парень и заиграл на своей гармонии.

Как только парень заиграл, а играл он превосходно, черти сначала диву дались, а потом самый небольшой черт не вытерпел и пустился в пляс, а за ним пошли плясать и другие. И от этой чертовой пляски такой поднялся гомон, что у парня волосы дыбом встали и гармоника из рук выпала.

Как только прекратилась музыка, перестали и черти плясать и тотчас начали шнырять по церкви и разыскивать музыканта. Во все концы и закоулки шныряли черти по церкви, а заглянуть за печку им было невдомек.

Вспомнил парень про наказ купца, что надобно разорвать гармонию, нагнулся, поднял ее и разорвал. Но когда парень рвал ее, произвел треск,

Парня ровно вихрем выбросило из ямы
(рис. Л. Альбрехта)

который услышали черти и сразу шарахнулись за печку. Увидали они за печкой парня и стали просить его еще поиграть — больно уж понравилась им эта музыка. А парень и говорит им:

— Нельзя играть, гармония изломана.

Небольшой черт и спрашивает:

— А кто гармонию может починить?

— Вынеси меня на землю, — отвечает ему парень, — у нас на селе есть такие мастера, что живо ее починят.

Черт согласился, но при этом сказал парню:

— Если через три дня ты гармонию не починешь, то я удушу тебя.

Потом парня ровно вихрем подхватило, и через мгновение он очутился снова на земле и пошел прямо к попам. Служили молебны. Наконец какая-то старуха едва отчитала его. Она дала воску кусок и велела прилепить его к шейному кресту.

И только после долгих хлопот черти оставили парня в покое.

Воевода Филя

А и было то давным-давно; правили Ростовом мужики ростовские-растаковские! Невзлюбили они своего князя Глеба Долгорукова, понеже он был пред землей виноват: вельми трусоват. Князя взашей проводили, своего воеводу посадили. И повздорили в те поры мужики ростовские-растаковские с яновцами (?) и двинулись на них войной; а воеводой был у них *старый Филя*; и имел он при себе доброго помощника — дщерь свою единую. Феклой ее звали, *молодым Филей* величали. А и была она из себя красива, к мужикам не спесива, на войне люта и храбра, а в миру весьма добра. И не было у нее — сизокрылой касатушки — родной матушки; измлада сиротой осталась. Добре, что лютая мачеха ей не досталась: мачехи больно люты, хуже нашего Малюты: своих детищ удобряют (?), у чужих детищ в головах ножом ковыряют исподтишка вместо рыбья часта гребешка. Старый Филя овдовел, дочь единую пожалел, не восхотел вдругорядь жениться, да потом, глядючи на чадо свое милое, казнитися; а понеже он при князе Юрье Долгоруком часто на ратное дело ходил, то и дщерь свою на коня усадил; и стал из красной девицы добрый молодец, славный воин — младой Филя. А и тот Филя не мыслил о муже, вел ратное дело своего старого родителя не хуже, даром что девка была молода: не оборачивалась (спиной) к ворогу завсегда. А от наших ростовцев потерпели немалый урон полчища яновцев: мы город ихний кругом окружили, десять тысяч положили, пять тысяч во полон взяли, помучили, поистерзали; только младой Филя-воевода не восхотел до конца губить яновского народа: не порали-ста вам покориться, храбрым ростовцам поклониться? А яновцы и ухом не ведут, а себе помощи ждут от сына своего князя, от Улебоя, по прозванию «Ясные Очи»; а тот князь Улебой смело ходил в смертный бой; воротился сей храбрый витязь из града Киева после побоища Батыева; а ездил он во град Киев с родственниками повидаться; и довелось ему не в пору во град Ян ворочаться. Нашел град свой в великой смуте. Однако же не усумнился, ростовцам не поклонился, поехал окрест — поискать пригодных к бою мест. И, едучи, заблудился: во темном лесу на поляне очутился; а на той на поляне росла черемуха да рябина; а лежала под ними во сне во крепком та красна девица, воевода Филя. А Улебой не будь простофиля: усмотрел во мгновение ока не парня-лежебока, а девку прекрасну; заметил ее по белым грудям, а не по . . . . . И залаял громкий лаем у Фили пес; и тем лаем Филю разбудил; и она ото сна своего богатырского очнулась, безо всякой замехи надела на себя воинские доспехи, стала поджидать Улебоя, не пугаючись

Воевода Филя
(рис. Н. Герардова)

воинского боя. Сей храбрый богатырь к ней подступил, ..., подал ей свой меч:

— Можешь-ста оным мою голову отсечь! Я-ста твой пленный. (А у него был . . . . . .)

А Филя сих словес устыдилась, на коня обратилась, домой ускакала. Оный же Улебой, не восхотев вступать с оной девкой в смертный бой, домой возвратился — во град Ян, и зело напился пьян; и, будучи в сем виде, просил своего родителя позабыть о ростовской обиде, с ростовцами примириться:

— Хочу-ста на ихнем воеводе жениться!

А князь тот яновский покорился дружине ростовской, сватов к старому Филе послал, прекословить не стал. И оная воевода девка Филя к родителю по призыву явилась, поспешно сняв свое одеяние доспешно.

— Что тебе, тятенька, нужно?

— А вот-ста хотим жить с яновцами дружно; ты сему не перечь, выслушай родительскую речь: вот — твой пленный; у него . . . . . .; а он будет мой зять вожделенный. Делай с ним, что знаешь, что ведаешь, ничего худого не отведаешь . . . . . .

Младая чета поселилась в тереме у Ростовского озера, где ныне село Филиппово.

Про глупую жену и ее полюбовника

Была у мужа жена — перво-наперво баловница, второе — легковерная — всему, что ей ни скажут, верила. Однажды муж нарубил в лесу дров, приехал домой да и говорит:

— Жена, жена, явился в лесу угодник, Никола Дуплинский[1]: что у него попросишь — так тому и быть!

— Ой-ли, муж! Да где же это?

Он ей и место рассказал. «Ладно же», — думает она. Вот на другой день уехал муж по дрова, а жена-то сейчас снарядилась, забралась в лес да молится:

— Батюшка Никола Дуплинский! Ослепи и оглуши моего мужа! Ослепи и оглуши моего мужа!

А там из дупла-то ей и отвечает:

— Ладно! Поди ты домой, напеки блинов да рогулек, навари каши да масла побольше припаси, чтобы поволожнее[2], и накорми мужа!

Жена так и сделала. Нарубил муж дров, приехал домой обедать, а жена ему:

— Муж! Ты уж не езди сегодня за дровами-то: я напекла блинов да рогулек, каши наварила — поешь-ка!

---

[1] См. также с. 71 настоящего издания (*примеч. ред.*).

[2] *Воложный* (*ряз., тамб.*) — жирный, масляный (*примеч. ред.*).

Младая чета поселилась в тереме у Ростовского озера
(рис. Н. Герардова)

— Хорошо, жена, подавай!

Наелся он блинов, и рогулек, и каши.

— Ой, жена, — говорит, — я что-то худо вижу!

— Да что же это с тобой, муж, — дело-то выходит неладно!

— Ой, жена, да я и не слышу! Положи-ка меня на печь, теперь уж я делать ничего не могу, да положи рядом-то со мной ружье — дай мне хоть подержать-то его, теперь уж мне из него не стреливать!

Жена положила его на печь и ружье ему подала. Вот мимо-то и идет ее полюбовник.

— Фрол, Фрол, зайди-ка! Муж-то у меня ослеп и оглох, а я напекла блинов да рогулек, заходи, поешь!

Зашел Фрол.

— Погоди есть-то, я тебе масла с погреба принесу!

Пошла она за маслом, а муж-то нацелился из ружья, да Фролку-то и убил; потом сошел с печки, да в рот-то ему и напихал блинов — будто подавился Фролка. Пришла жена:

— Ой, господи, Фролка-то подавился!.. Муж, а муж, вот Фролка мимо шел, я позвала его блины есть, а он и подавился!

— Ах, жена, мне теперь полегчало, уж я немного слышу, — что ты наделала, куды мы его теперь денем? Постой-ка, и видеть начинаю с перетуру-то[1]... У попа помочь, я стащу его туда.

Взял он Фролку, приволок к поповой избе, поставил к притолоке, а сам как хватит колом в окошко, да и бежать. Сейчас из поповой избы выбежал народ, все, значит, пьяненькие:

— Кой леший тут в окно колом хватил? Пошел прочь!

Нейдет Фролка.

— Постой же! — зарычал один мужик, да колом-то как хватит Фролку по голове, так Фролка навзничь и опрокинулся.

— Ахти, ребята, что я наделал-то! — как посмотрел, так Фролку и узнал. — Ах ты, Фролка, Фролка! Ты бы пришел да попросил, я бы тебе пива-то ендову вынес.

Что делать с Фролкой? Взял он его, за озеро перевез да в господском саду у яблони и поставил. Увидел Фролку садовник: кто там? Нет ответа.

— Эй, кой леший тут у яблони стоит?

Нет ответа. Обозлился он, взял пистолет и выстрелил. Как выстрелил, тот и повалился.

— Ах ты, боже мой, да это Фролка! Ах ты, Фролка, Фролка! Ты бы пришел да попросил, так я бы тебе яблок-то целый пестерь наклал! Что теперь делать? Убил я Фролку!

Взял он да посадил его в лодку, весла в руки сунул и пустил по течению. А тут рыбаки тоню закинули, видят: плывет в лодке человек и прямо в тоню.

---

[1] *Перетуривать* — перегонять с места на место (*примеч. ред.*).

Глупая жена
(рис. Н. Герардова)

— Эй, леший, не езди в тоню-то, полевей или поправей держи!

Не слышит — плывет себе прямехонько в тоню. Один рыбак обозлился да и хвать Фролку веслом. Растянулся Фролка по лодке.

— Ах, батюшки, да это Фролка! Что теперь, братцы, делать, убил я Фролку! Ах ты, Фролка, Фролка! Ты бы пришел да попросил, я бы тебе рыбы-то целую зобеньку[1] дал!

Взял рыбак Фролку из лодки, камень на шею, да и в воду: тем его похождения и кончились.

Волк и лиса

Жили на свете волк и лиса, жили они дружно в своей избушке. Избушка у них была сделана из снегу. Вот прошла зима, наступила весна, избушка у них и начала таять.

Вот лиса и говорит волку:

— Давай, куманек, выстроим с тобой деревянную избушку-то да и заживем в ней припеваючи.

— Давай, куманек, выстроим с тобой деревянную избушку-то да и заживем в ней припеваючи (рис. Н. Герардова)

[1] *Зобенька* — утварь для сбора грибов и ягод (*примеч. ред.*).

Фролка-то подавился
(рис. Н. Герардова)

— Нет, кума, — отвечает ей волк, — я так не согласен. Выстрой деревянную избу, — в ней и вздохнуть-то нельзя.

— Экий ты, куманек, — сказала лиса, — когда вздыхать, ходи на улицу.

— Ну ладно, кума, — проговорил волк, — чем строить деревянную избу, так лучше идти да забраться за полем в любой сеновал да и жить там.

Лиса согласилась. Они пошли и отыскали один сеновал. Лиса и говорит волку:

— Ты, куманек, посиди здесь, а я пойду, может, удастся где поблизости отыскать добычу.

— Поди, поди, — сказал ей волк и сам остался сидеть у сеновала.

Сидит волк и говорит:

— Вот ты, кума, вызвала в деревянную избу, а в ней и вздохнуть нельзя.

— Полно, куманек, — отвечает ему лиса, — ты взойди да посмотри, как хорошо-то. Если взойдешь, так и не выйдешь, вот как хорошо-то.

— Ну, кума, пойдем, коли так.

Зашел волк. А лиса скорей на крышу влезла да и давай оттуда песком на него сыпать. Он и кричит:

— Кума, где ты? Выведи меня отсюда.

Лиса скорей на крышу влезла да и давай оттуда песком на него сыпать (рис. Н. Герардова)

— Я здесь, куманек, — отвечает лиса. А сама давай еще больше песку подбавлять.

Видит волк, что дело его плохо, и заревел благим матом. На крик его сбежались мужики и, приняв его в колья, добили остатки.

Лиса тем временем соскочила с крыши и убежала в лес за добычей себе и больше уже не видала своего куманька.

Крестьянин и незнамый человек

Не в каком месте крестьянин рубил дрова. Вдруг прибыл к нему неизвестный, незнамый человек и говорит:

— Бог помощь тебе, человек добрый! Скажи-ка, не солги, по многу ли нарубишь ты этих дров в день сажень и по многу ли зарабатываешь деньгами на этих дровах?

— А что тебе нужно знать? Что ты за ревизор ко мне приехал в лес? Поезжай-ка туда, отколь приехал!

— Сделай отеческу милость, — стал говорить опять незнамый человек мужику, — скажи, пожалуйста!

— Что тебе это нужно? Приехал ты сюда останавливать мою работу; поезжай ты от меня, грех мирской, не наводи ты меня на грех!

— Сделайте милость, скажите, — стал опять баять незнамый человек, — явите отеческу милость, приведите меня в узнанье: по сколько вы зарабатываете в день? Тоже я, по крайней мере, худо — не корыстно, буду вам царь, и это нужно узнать царю.

Мужик ошарашился, испужался и перед царем извинился, что не знал, не ведал его; а зарабатывает он в день по три полтины.

— Куда же ты эти деньги деваешь? — спросил его царь.

— Первую полтину заемну плачу, а вторую взаймы даю, третья же — так уходит.

— Как так? — спрашивает опять его царь. — Кому же ты отдаешь заемну полтину?

— Ваше царское величество! Тоже меня кормил отец с матерью, то первой полтиной я их теперь откармливаю, значит — займы плачу; другой полтиной кормлю моих ребятишек — детишек — значит, на них взаймы держу, а они после меня станут откармливать, отплачивать.

— Теперь, — спрашивает царь, — скажи, куда третью полтину деваешь?

— Третью полтину я даром бросаю.

— Как же даром бросаешь?

— А вот как, ваше царское величество: видишь ли — третью полтину даю писаришкам да господам...

— На что же они берут с вас эти деньги?

— Кто? Писаришки-то? Ну, кто их знает, на что они берут, как они это живут не по-нашему, да и не по-вашему, царь.

Затем царь простился с древорубом; сказал ему:

— Спасибо тебе, мужичок, — и спросил, — ты эту неделю дома проживешь?

— Буду здоров, так дома.

— Ты смотри же, прилетит к тебе сто гусей, то потеребить через перышко их умей.

— Какие же, ваше царское величество, это гуси? — спросил мужик у царя.

— Ну, братец, тут ты их узнаешь, прощай же теперь, дроворубушко, счастливо тебе оставаться! — сказал это царь и уехал во свое место, где он жил, чтобы к двадцатому числу съехались и собрались в совет все его должностные князья, и бояре, и думные дьяки и что-де будут они там его думу думати. Собрались в назначенное время князья, бояре и дьяки во дворец к царю, и загадал он им те загадки, что слышал сам от древоруба, и велел им, ста человекам, отгадать их; а если они ему их не отгадают, то сказал, что лишит их чинов и жизни. Вот главные из них и призадумались и просят у царя отсрочки на трое суток, что-де в это время мы, может, надумаем. Царь дал им отсрочку и велел опять явиться. Главные бояре, сто человек, скорым успехом тотчас садятся все на лошадей и отправляются в ту же сторону, из коей приехал царь, и наталкиваются там на того же мужика, что рубил дрова.

— Бог помочь тебе трудиться, человек добрый! — говорят они ему.

— Добро жаловать, господа честны. Куда вы это поехали артелью?

— Да поехали мы к тебе, дроворобушко! Скажи-ка ты нам про твою загадку, которую ты царю загадал.

— Я, господа честные, ничего не знаю.

— Что хочешь ты с нас бери, только нам дело скажи!

— Ладно, я, господа честные, подумаю: только загадки мои будут вам стоить дорого.

Незнамый человек
(рис. Н. Герардова)

— Что хочешь, братец, бери, только дело нам скажи.

— Это дело, господа, будет стоить дорого, по тысячи рублей с человека.

— Об этом, братец, слова нет — хошь сейчас деньги вынем.

— А нет, господа, мне оказывается этого мало; надо взять с вас по три тысячи с человека.

— Ну, братец, не стоим и за три тысячи, только скажи скорее твои загадки.

Сами вынули между тем деньги и выдали их мужику, а он обсказал свои загадки. Распустил их царь по домам живых и здоровых; по мужика послал он гонца, вытребовал его к себе и спросил:

— Что, дроворубушко, каково потеребил гусей без лебедей?

— Взял, ваше царское величество, я с них по три тысячки с носу.

— Ну вот, братец, ты теперь и узнал, куда девают деньги писаришки да господа.

Скажи-ка ты, дроворубушко!
(рис. Н. Герардова)

Мальчик, выросший в бочке

Однажды царевич пошел прогуляться по деревне, посмотреть на деревенских девушек. У одной вдовы, жившей в той деревне, было три дочери-красавицы. В то время они парились в бане, и царевич, желая слышать их разговор, подошел к стене.

Младшие сестры спросили у старшей:

— Какую работу ты лучше всего сделаешь?

Она отвечала:

— Вот какую: из одной крупинки я сделаю всякого рода кушанья и напитки!

То же самое спросили потом у средней сестры.

— Я из одной льняной нитки сделаю разные дорогие материи, — отвечала она.

А младшая отвечала на этот вопрос:

— Я не забочусь о работах, в трех родах разрешусь девятью сыновьями, у которых сбоку светит луна, на маковке блестит солнце, руки по локоть золотые, ноги по колена серебряные.

Царевич запомнил это и сказал:

— Та девица моя, если она таких детей родит.

И возвратился домой, где он рассказал все родителям.

Во дворце жила одна старушка, желавшая выдать замуж за царевича свою дочь. Но царевичу не нравилась эта девушка, и он женился на дочери вдовы. Вскоре жена его сделалась беременна, а он отправился на войну. В его отсутствие жена разрешилась тремя сыновьями, и к ней в качестве бабки была позвана та самая старушка, которая хотела царевича женить на своей дочери. Эта старушка, питая ненависть к царевне, взяла новорожденных младенцев и спрятала их, а на их место положила трех щенков.

Когда царевич возвратился с войны, родные сказали ему:

— Надо казнить твою жену; она родит щенков в царское семейство.

Царевич, однако ж, не казнил ее, а думал: «Пускай она родит еще раз».

Через некоторое время царевна опять забеременела, а царевич снова должен был ехать на войну. И опять в отсутствие царевича его жена родила трех сыновей, а бабка при ней была та же старушка, что и в первый раз, и опять она подменила детей щенками. Когда же царевич возвратился, родные снова просили его, чтоб он убил свою жену за то, что она родит вместо детей щенят, но он пощадил ее и на этот раз и решился ждать, покуда она родит еще в третий раз.

Царевич подошел к стене
(рис. Н. Герардова)

По прошествии некоторого времени царевна снова сделалась беременна, а царевичу опять пришлось идти на войну. В отсутствие мужа царевна разрешилась тремя сыновьями, и бабкой была та же старушка, что и раньше. Но на этот раз царевна третьего мальчика скрыла от старушки и спрятала его под груди, а та об этом не догадалась и потому могла подменить щенками только двух младенцев. Когда же царевич возвратился с войны и узнал, что жена опять родила вместо детей щенков, он все-таки не убил своей жены, несмотря на то, что родные настаивали на этом, а только велел посадить ее в пустую бочку и вытолкнуть в море, что и было исполнено.

Бедная же женщина унесла с собой спрятанного ею под грудью младенца и вместе с ним долго носилась по морским волнам, закупоренная в бочке. Наконец им стало тесно, потому что мальчик начал подрастать, и он сказал матери:

— Я расшибу бочку!

— Не расшибай, — отвечала мать, — мы еще на воде.

Бочка опять плавала долго, и им все становилось теснее и теснее. Мальчик опять хотел расшибить бочку, но мать снова не позволила ему делать этого. Наконец в бочке сделалось совсем тесно, и мальчик сказал:

— Я расшибу бочку.

Тогда мать, заметив по качанию бочки, что они находятся недалеко от берега, позволила ему разломать бочку.

Они вышли из бочки и ступили на землю. Потом они пошли вдоль берега, и сын спросил у матери:

— Что нам прежде всего нужно?

— Жилище, — отвечала мать.

Затем они поднялись на высокую гору, где мальчик потряс в воздухе шелковой косынкой, и вдруг пред ними явился прекрасный дом, похожий на дворец. Мать и сын поселились в этом доме. Затем мать сделала из своего молока девять лепешек, испекла их и поставила на стол остывать. Тут по дороге шло восемь здоровых мужчин; мать думала, что это воры, и спряталась с сыном за печь. Прохожие взошли в дом и заметили лепешки, отведали их и говорят:

— Здесь девять лепешек, а нас только восемь, где же девятый?

Тогда мальчик вышел из-за печи и сказал:

— Я здесь.

Другие обрадовались и спросили:

— Где же наша мать?

Он сказал им, где мать, и они до того обрадовались, что и на пол ее не пустили.

Вскоре пришел к ним в дом один нищий и попросил у них милостыни. Они накормили и напоили его и притом еще дали ему решето серебра. Как только им что-нибудь было нужно, они трясли косынкой и тотчас получали все, что желали. Нищий ушел от братьев и отправился во дворец. Там царь спросил его:

Злая старушка
(рис. Н. Герардова)

— Не находил ли ты другого места, старичок, когда сюда шел?

Старик отвечал:

— Я уже был в лучших домах, чем этот.

— А где?

Старик рассказал ему все, и царь решился отправиться туда же и взял его в провожатые.

Когда они приблизились к дому, мать сказала сыновьям:

— Отец ваш идет.

Мальчики поспешили к нему навстречу, подняли его и на своих руках понесли его к себе в дом. Здесь все открылось. Царевич просил свою жену идти с ним во дворец, а она не согласилась, потому что царевич уже женился на дочери старушки.

— Она недолго там будет, — сказал тогда царевич и отправился к себе во дворец, где распорядился, чтоб его вторую жену, дочь старухи, привязали к хвосту лучшего жеребца. Его приказание тотчас было исполнено. Жеребец шибко побежал оттуда и до сих пор все еще не возвращался. Царевич же после того взял к себе во дворец свою прежнюю жену с сыновьями, и они все вместе стали жить благополучно.

Царь решился отправиться туда же и взял старичка в провожатые
(рис. Н. Герардова)

Мать и два сына

Двое купеческих сынков остались жить после отца, женились и не чтили нисколько мать-родительницу свою. Жили сами они в больших хоромах, а ей, кроме заднего угла, под порогом в избе, не давали другого места, да и в углу лежала она все под лавкой. Если кто спросит чужой у них об ней — скажут, что «чужа старушонка, поим, вот, кормим мы ее». Жил неподалеку от них купец, один-одинехонек, с одной женой; не имел он ни сына, ни дочери, а родители его умерли. Вот он с женой своей и переговаривает:

— Где бы нам найти старушку, чтобы жила она у нас заместо матери? Мы бы почитать стали ее как мать родну.

Жена отвичат ему на это:

— Поезжай, муженек, поишши старушку, можот, найдется кака-нибудь сирота горе-горькая.

Купец, не с того слова, велел запрячь лошадей, а жена наклала подушек в повозку, — сел он на них и поехал. Приезжат вот он к тем купеческим детям, кои не почитают свою мать-родительницу; они приняли его, как следует, сделали ему угощение, а он стал расспрашивать их о семействе: кто есть у них и с кем живут они.

— С кем жить-то?.. Живем одне с женами, а больше никого у нас нет.

Мать лежала в это время под лавкой, да, услыхавши этот разговор, и кричит купцу-то:

— Я, вот, батюшка, ишшо есть.

— А хто ты? — спросил купец.

— Это сумасшедшая старуха, — ответили сыновья ее.

Купец догадался, видно, о ней и говорит им:

— Продайте мне старуху.

— Изволь.

— Сколько возьмете?

— Два ста рублей...

Тот ни слова не сказал, вынул бумажник, отшшитал деньги и подал. Сыновья разделили их по сто рублей на брата, а купец между тем попросил баньку истопить и нову матушку выпарить; сам же пошел на базар, купил ей платочек, сарафанчик, поясок, рубашку, мыла, гребешок и шубку, принес все это к старушке да и подает ей:

— На-ка, матушка, тебе гостинец!

— Ой ты, голубчик мой, ровно эдак-то беру я от покойника муженька моего, купца.

Сходила старуха в баню, выпарилась, оделась во все ново, и купец увез ее домой. Дома жена его выскочила на крыльцо встречать нову матушку, высадила

Принес все это к старушке да и подает ей: «На-ка, матушка, тебе гостинец»
(рис. Н. Герардова)

ее из повозки, поцеловала и в дом увела. Когда же поехал купец со старушкой, то и видел, как сыновья ее тотчас после них провалились скрозь землю со всем домом, с животом. Он о том не сказал ей ни слова. Живет старуха у новых деток во всем довольстве, и почитают они ее и уважают, и одевают, и поят, и кормят, так на руках и носят.

Прошло сколько-то время, затосковала старуха о детках. Купец увидал ее кручину и спрашиват однажды:

— О чем ты, матушка, тоскуешь?

— Ой, дитятко, посмотрила бы я на псов-то на сынков, как они живут без миня.

— Ладно, матушка, — сказал купец; велел потом запрекчи лошадей, посадил ее в повозку и повез к жилишшу деток ее. Приезжают там на место и видят, што дом провалился скрозь землю, и провалился не вовсе, и верховок его видать под землей, или в земле-то. Тотчас созвали они духовников, стали над ямой служить, — служили долго, — духовник и спросил ее:

— Прошшат ли, бабушка, дитей своих?

— Прошшаю и разрешаю.

До трех раз эдак он ее спрашивал, и она одинаково отвечала. В первый спрос,— домъ приподнялся немного выше, в другой раз ешшо выше, а в третий раз и вовсе вызнялся[1], и стал по-старому, по-прежнему на землю.

Тогда сыновья простились с ней, и не жили нисколько, а умерли тут же. Купец увез старуху к себе жить. Вот каковы матери-те! Материны молитвы из дна-моря вынесут.

О петухе красном и лисице прекрасной

Зело удивительно: шла же лисица из дальних пустынь; завидевши петуха на высоцем древе, говорит ему ласковые словеса:

— О, милое мое чадо, петел! [2] — сидишь ты на высоцем древе, да мыслишь ты мысли недобрые, прокляты; вы держите жен по многу, — кто держит десять, кто двадцать, инный тридцать, пребывает со временем до сорока; где сойдетесь, тут и деретесь о женах своих, как о наложницах. Сниди, мое милое чадо, на землю, да покайся! Я шла из дальних пустынь, не пила, не ела, много нужды претерпела, все тебя, милое чадо, исповедать хотела...

— О, мати моя, лисица! Я не постился и не молился; приди в инное время.

— О, милое мое чадо, петел! Не постися и не молися, но да не в грехах умреши. Сниди на землю, покайся!

— О, мати моя, лисица — сахарные уста, ласковые словеса, льстивый твой язык! Не осуждайте друг друга и сами не осуждены будете. Кто что посеял, тот

---

[1] *Вызнялся* — поднялся (*примеч. ред.*).

[2] *Петел* — петух (*примеч. ред.*).

Дом провалился сквозь землю
(рис. Н. Герардова)

то и пожнет. Хочешь ты меня силой к покаянию привести, не спасти, а тело мое пожрать...

— О, милое мое чадо, петел! Пошто ты такую речь говоришь? Пошто я учиню так? Читывал ли ты причту про мытаря и фарисея[1], как мытарь спасся, а фарисей погиб за гордость? Ты, мое милое чадо, без покаяния на высоцем древе погибнешь... Сниди на землю пониже, будешь к покаянию ближе, прощен и разрешен и до спасения допущен...

Узнал петух на своей душе тяжкий грех, умилился и прослезился и стал спускаться с ветки на ветку, с прутка на пруток, с сучка на сучок, с пенька на пенек... Спустился петел на землю, сел перед лисицу... Скочила лисица, аки лукавая птица, схватила петуха в свои острые когти, зрит на него свирепыми глазами, скрежещет острыми зубами, хочет, как некоего беззаконника, жива пожрать! Рече петел лисице:

— О, мати моя, лисица — сахарные уста, ласковые словеса, льстивый твой язык! Ты ли меня спасешь, как тело мое пожрешь?

— Недорого твое тело и цветное платье, да дорого некую отплатить дружбу. Помнишь ли ты: шла я ко крестьянину, хотела малого куренка съесть, а ты, дурак, бездельник, сидишь на высоких седалах[2] — закричал, завопил велиим гласом, ногами затопал, крыльями замахал... тогда курицы загоготали, гуси заговорили, собаки залаяли, жеребцы заржали, коровы замычали, услыхали все мужики и бабы. Бабы прибежали с помелами, а мужики с топорами, и хотели мне за куренка смерть учинить. У них сова не из роду в род пребывает, а всегда курят поедает. А тебе, дурак, бездельник! — не быть теперь живому!

Рече петух лисице:

— О, мати моя, лисица — сахарные уста, ласковые словеса, льстивый твой язык! Вчерашнего числа звали меня к трунчинскому м. . . . . в дьяки, выхваляли всем крылосом и собором: «Хорош молодец, изряден; горазд книги читать; и голос хорош»... Не могу ли тебя, мати моя, лисица, упросить своим прощеньем хоть в просвирни? Тут нам будет велик доход: станут нам давать сладкие просвиры, большие перепечи[3], и масличко, и яички, и сырчики...

Узнала лисица петушиный признак, отпустила петуха из своих когтей послабже... Вырвался петух, взлетел на высокое древо, закричал-завопил велиим гласом:

— Дорогая боярыня, просвирня, здравствуй! Велик ли твой доход? Сладки ли просвиры? Не стерла ли горб, нося перепечи? Не охоча ли, ворогуша[4], до орехов, да есть ли у тебя зубы?..

---

[1] В библейских сказаниях: *мытарь* — сборщик податей в Иудее, а *фарисей* — член древней иудейской секты, отличавшейся религиозным фанатизмом (*примеч. ред.*).

[2] *Седало* — насест (*примеч. ред.*).

[3] *Перепеча* — древнерусское ритуальное (поминальное) мясное блюдо (*примеч. ред.*).

[4] *Ворогуша* — ворожея, злодейка (*примеч. ред.*).

Пошла лисица в лес, яко долгий бес, и возрыда горько. Столько-де я по земле не бывала, а такой срамоты от роду не видала!.. Когда бывают петухи в дьяконах, лисицы — в просвирнях?.. Ему же слава и держава, отныне и до веку... и сказке конец!

Лесовик

Потерялся в лесу пастух. Всем обществом три дня его искали, не нашли. Леший увел — вот всеобщее мнение. Через два дня после этого пропал восьмилетний мальчик. Ходили ребята в поле, зашли в лес, и этот мальчик все вместе был, а тут вдруг и пропал. Целый день искали, не нашли. А дело в том, что мать рассердилась на сына и говорит:

— Будь ты проклят, уведи тебя леший.

Делать нечего, последнее средство в ход пустили: побежала мать в церковь, попросила батюшку отслужить молебен. Только свечи при этом были поставлены наоборот, т. е. вниз тем концом, который зажигается. Только что мать возвратилась домой, как сын объявился на Мурге, в 20 верстах от деревни. Он будто рассказывает, что его водил какой-то седой дедушка. А около того времени, как служили молебен, вывел к деревне и сказал:

— Ну, иди, мне тебя больше не надо.

Рассказ

Однажды крестьянин купил лошадь гнедой масти, и ее невзлюбил соседко, и каждую ночь соседко ездил на лошади и мучил ее, почему лошадь каждое утро оказывалась потною. Желая увидать воочию соседка, на ночь пошел в конюшню и там затаился в яслях. Около полуночи явился в конюшню и домовой — в образе человека с длинным ременным арапником, и начал гонять лошадь по конюшне, ругаясь, что-де дурак хозяин не покупает лошадь белой масти, тогда бы он стал любить и холить лошадь. После этого купил лошадь белой масти и опять пошел в конюшню на ночь наблюдать за домовым. Опять в полночь явился <домовой> в том же виде и начал хвалить хозяина, что он купил такую лошадь, сбегал куда-то из конюшни и притащил лошади овса, сена и начал кормить лошадь; после этого лошадь сделалась до того хорошей, что начали завидовать ей все соседи.

Рассказ крестьянки Харитины

Одна баба тосковала по мужу, мужа ее сдали в солдаты. Стало ей казаться, что к ней ходит муж и на постель ложится. Так прожила она год и никому не сказывала, что к ней пришел из солдат муж и спит с ней. А он ей сказал, что он сбежал, и ежели узнают, где он находится посейчас, то его расстреляют. Однажды он велел ей напечь лепешек. Жена напекла и поставила на стол мужу, да как-то не нарочно и уронила лепешку на пол. Нагнулась, стала поднимать и увидала у мужа, что вместо ног-то конские копыта. Испужалась. На другой день пошла к попу и рассказала про свое житье-бытье. Священник начал ее отчитывать, а после отчитыванья не велел никого впускать, ежели кто и будет стучаться. Ночью пришел муж и стал стучаться в дверь, жена не пустила. Мнимый муж осердился и закричал:

— Ну, счастлива своим Богом, что Он вразумил тебя, послал к попу. Истинно Бог покаяние принимает. Еще бы одну ночь, и ты бы была наша, — сказал и исчез.

Рассказ про странника

Шел странник, пристигла его ноць, лег под стог, стог застонау:

— Ой, тяжело, ой, тяжело.

Забоуся, пошел в овин спать. На овине крицит:

— Ой, пойми, ой, дожди.

Ешшо больше того забоуся, приходит к мужику в баню, лящши ползают, потом приходит к мужтку в дом. У мужтка лежат две женьшины. У одной видит Андела, а у другой две змеи груди сосут; стал странник поутру и спрашивает хозяина:

— Ште жо это такое, шел я дорогой, пристигла меня темная ноць, лег я под стог сена, хто-то закрицеу: ой, тяжело.

Мужик отвецеет:

— Это переком грех вопиет.

— Потом прихожу в овин, там закрицело: ой, пойми, ой пойми.

— Это рожь пережинают да цисто зернышка с овина не сметают, дак зернышки горят, дар божий горит.

— Потом прихожу в баню, в бане ползают все лягуши, это шьте?

— А это маленьких робят девицы душат и некрешшоных в бане под полом хоронеют.

— Вот топериця я у тебя ноцевал, вижу: лежит одна молодушка, у нее в голове два Андела.

— Это потому, шьте она ввецеру ложится спать, завсегда призывает имя Божье и Андела-хранителя.

— Другая молодица лежит, и у нее две змеи груди сосут.

Мужик отвецеет:

— Это другая — моя сноха, потому что никогда Богу не молитьця, даже не перекреститьця, потому шьте она неблагоцестивая прелюбодейка, мужа своего ненавидит, она достойно принимает сии муки прежде смерти.

—

Один крестьянин рассказывал на мельнице про одного парня, проклятого отцом, его искали три года и не могли найти. После трех лет оказался парень в работниках у крестьянина близ своей деревни, где его живет отец. По окончании срока хозяин работника приходит к отцу и сказывает:

— Приходи-ка, друг, ко мне, у меня живет работник, ровно бы твой парень, который потеряюся. Хорошо-то вклепать не могу, потому что сказывается из какой-то дальней стороны.

Отец приходит, смотрит на работника и никак не может признать своего сына, так тот изменился. Сын же отца узнал и говорит ему:

— Ты меня, батюшка, отдал черту тому назад три года, а теперь разве не можешь меня признать; я желал бы пожить в родительском доме, но срок скоро кончится у этого хозяина, и он меня уведет женить. А мне не хотелось с ним жить.

Отец смотрит на сына, а у того и креста нет на шее, скорее сымает с себя крест и надевает на шею сына, сын не стерпел силы креста и упал на пол и закричал:

— Ой, спалило меня всего.

Вдруг за окном кто-то закричал таково хрушко:

— Скоро, старик, догадаюся надеть на своего сына крест. Еще бы одна минута, то тебе бы, старик, не видать сына вовеки. Теперь возьми его и жени на ком хошь.

Рассказ о колдуне Иване Морошкине

О крестьянине Иване Морошкине, который знается с нечистой силой, например, если захочет кого испортить, то беспременно испортит. Причина этому — услуги нечистых духов. Приходят дьяволы к Василию и просят у него работы. Чем ему отбиться от них? Вот и дает им работу такого рода: вы обнесите круг моего дома железный тын[1] выше моего дома; приходят к Василию — все готово, давай новой работы. Смотрит Василий: так, верно, все, как быть следует. Опять посылает на новую работу.

— Ступайте на реку и свейте вы из песку веревку.

Бесы начертили ему на песку веревку и говорят:

— Готово, давай новой работы.

Но Василий бает им:

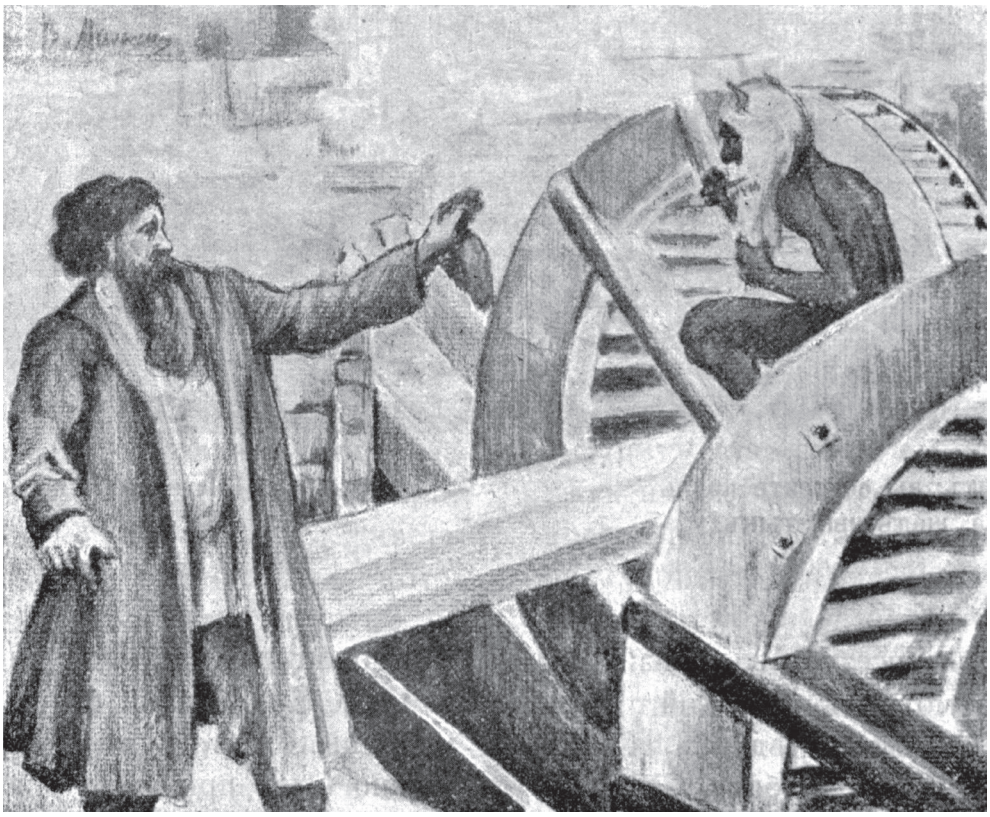
[1] *Тын* — забор, частокол (*примеч. ред.*).

Василий говорит: вы обнесите круг моего дома железный тын (рис. В. Малышева)

— Нет, молодцы, мне нужна веревка, чтобы можно было привязать, а эта веревка не годится, ее в руки-то взять нельзя.

— Да ты нам вели, какова и человека испортить, а этой работой только ты нас измучишь.

Но, конечно, знакомого друга али сровесника испортить жалко, вот он и насылает их к ворогу своему, на кого сердится. Этот колдун сдает все свои молитвы и своих служащих, только никто не желает от него принять. Этот колдун, подав кому водки или пива, может с водкой или с пивом беса посадить, и человек или о ком и тосковать, кто кого не любит, тот может с ума сойти, или муж жену, или не любит жена мужа, наговора в пиво или в водку сделать так, что они будут друг дружку любить.



На колесе сидит водяная чертовка
(рис. В. Малышева)

Рассказ про мельника

...Погорельской мельницы Костромской губ. Ветлужского уезда Николая Кузнецова: «Я лежал в избе, мужики стояли в амбаре, вдруг мельница остановилась. Я оделся и побежал в амбар, думаю, что-нибудь поломалось, смотрю: все цело; побежал в кожух, где водяные колеса, смотрю: сидит на колесе водяная чертовка. Сама черная, а волосы белые, сидит и чешет гребнем свою кочку. Откуда и храбрость взялась, я возьми да и вскричи на нее:

— Разве место тебе здесь чесаться-то, али не нашла иного места в омуте-то?

Как только сказал, только вода взбухла, чертовка в воду и была такова. Мельница опять своим чередом пошла. С тех пор ни разу не видывал этакого, хотя вот уж тридцать лет содержу эту мельницу».

—

Крестьянин Чухломского уезда, Бушменской волости, Никита Гаврилов рассказывал:

«Ехал я с базара. Ну, правду надобно сказать, на селе малость я выпил. Дело было весной, перед севом, солнышко будто книзу опускается, но ярко светит, батюшка. Впереди меня ехал на гнедке кум Силантий, уткнулся в лубок телеги и спит преспокойно, лошадка дорогу сама знает; трусит, чует, к дворам поспешает, бежит ходко, весело; а я посиживаю в своей телеге, поглядываю по сторонам да радуюсь: рожь густая, высокая, мужички, значит, все будут с хлебцем. Ничего, едем, все слава богу. Минули поля, дорога пошла наволоком (поймой), тут, знаешь, разный маленький лесок, осинка, вязки, березничок. Приметил, впереди человек с котомкой идет. Догнал его. Гляжу, знакомый каменщик из Михалева.

— Мир дорогой, — говорю, — куда, Семен Иваныч?

— До города, — отвечает, — подряд там взял, тороплюсь на работу.

— Так садись, подвезу до нашей деревни.

Сел ко мне в телегу Семен. Разговоры тотчас повели: я про базар рассказываю, а он про Питер, откуда всего с год вернулся. Пространно он рассказывал

Мир дорогой
(рис. В. Малышева)

насчет питерских горничных, разных барышень и про веселье в трактирах. Такой забавник. Наволоком до нашей деревни четыре версты; кумова лошадка вперед позабежала; я погоняю своего воронка, нахлестываю, чтобы догнать, — потому беспокоюсь о куме, уж очень захмелевши он был. Хлещу, а догнать не могу. Ну, думаю, ничего, гнедко знает дорогу и к перевозу свернет. А Семен знай себе городит, балясы точит. Не видал я, как и солнышко закатилось, зорька вспыхнула, заалелась, излучинка речки нашей блеснула, значит, деревня близко. Точно, погодя выглянули бани, еще сажень полсотни — и мы будем на перевозе. Гнедка кумова видно, славно таково бежит. Семен про что-то чудное рассказывает, больше уж смешное: я так и покатываюсь со смеху, моченьки моей нету, инда живот закололо. Что за притча? Гнедко пропал, и деревня не показывается. Я пуще своего воронка накаливаю, мчится, как стрела. На небе уж инда звездочки замелькали, ночь совсем надвинулась, а деревни все еще не знатко. Что за оказия?

— Уж не проехали ли мы сверточек-то? — говорю.

«А не промяться ли нам, у меня от долгого сидения ноги занемели»
(рис. В. Малышева)

— Нет, недалечко осталось, — соспокаивает Семен, — места ваши я хорошо знаю. А не промяться ли нам, у меня от долгого сидения ноги занемели.

— Что ж, — говорю, — мне самому охота промяться.

Слезли, идем за телегой. Семен за нуждой поотстал, а я иду и думаю: не случилось ли чего с кумом? Как бы он на спуске-то к реке — заверток тут крутой — не выкувырнулся и не расшибся, сердечный? Помилуй бог. Думаю так и бреду. Да что это Семена долго нет? Оглянулся. Не видать. Крикнул:

— Семен!

И слышу из лесу, по другую сторону реки, от нашей деревни кто-то с хохотом откликнулся. „Он“. Не успел я образумиться, креста на себя положить, как позади меня, близехонько, захлопает в ладоши да заржет. Не помню, как я в телеге очутился и погнал своего воронка, а за мной следом хлопает и со ржаком так кричит:

— Догоняй каменщика Семена, догоняй.

Сколько времени я плутал, по каким местам меня носило, не знаю, только помню, что толкало меня, кидало, словно бы из стороны в сторону, а после уж всяку память отшибло. Утром солнышко высоко-таки поднялось, я проснулся

Близехонько меня — захлопает в ладоши да заржет
(рис. В. Малышева)

и не узнаю, в каком я месте: лежу на разметанном навозе, и какая-то деревня неподалеку, но чужая. Перекрестился, еле привстал и огляделся. Батюшки, да ведь я это на Михеевом поле. Как я здесь очутился? Вспомнил — и бежать. Что с моим воронком? Где мои закупки? Вот он, Семен-то каменщик, каков, леший это меня обошел. Добежал до наволоку, а там уж моя с ребятишками баба ищет».

Рассказ о «нечистом» одной старушки

Отдали меня замуж в Исаево; в первое время и запропали у нас коровушки. Всей семьей искали по разным сторонам. Вот уже три дня бьемся, все нет коров. Уже вечерело. Иду я дорогой одна-одинешенька. А лес раньше еще больше был. Страшно таково... Сердце так и ноет, и ноет, и боюсь-то, и коров-то жалко, неужели зверь свалил? Подхожу я к «очапнице» (отводу).

Как шагнет прямо со столбов-то, да в лес
(рис. В. Малышева)

А на столбах-то, растарашила (расставил) ноги, стоит большущий мужик, уже седатой, а лицо, кажись, доброе, усмехается. Я было испужалась, да думаю: бают, он ничего, дако поспрошаю, може, и скажет.

— Батюшка, пропусти, не обидь — полно шутить: отпусти мою скотинку.

Низко поклонилась ему. Он как загогочет, захохочет. Ишь, полюбилось, видно, ему, что кланяюсь. Как шахнет прямо со столбов-то, да в лес, а сам все хохочет, потом как загикает, засвищет, защелкает хлыстом. Почую: наши коровы-то звонят колоколами и прямо идут скоро-скоро мне навстречу. И рада я, и страх меня взял. Чую: праведный в лесу так и заливается, так и заливается, только гул раздается, голосом-то водит, а слов не вывечает.

Общая молва о бывшем любимом жилище лешего

Около деревни Дубинина Исваевского общества есть старые-престарые сосмолившиеся пни.

Лет 40 тому назад тут была, говорят, большая березовая роща. Здесь-то и любил жить праведный. Часто даже слышали, как он пел свою любимую песню: «Люблю я, люблю Дубининскую рощу, Холуйское болото...» Шаг на маленькую дорожку (так называется сосновый лес с тропинкой, параллельной большой дороге в 1 в. от рощи). Вот какие шаги делает леший.

Рассказ мужика судье о том, как леший посещал кабак и был в пастухах

Жил прежде верстах в 10 от нас богатый мужик. Всего вволю: и хлеба, и скотины. Имел он и немалые деньги и содержал кабак. Раз около полуночи являются в кабак два здоровенных молодца.

— Ну-ка налей, брат, четвертную.

Я прямо из бочки и нацедил ему полную меру и говорю:

— Давай посудину-то.

Взял он четвертную за уши, поднес ко рту, не перекрестился и за один дух высадил. Давай еще. Я опять налил. Другой товарищ поднял и тоже махнул. Крякнули, утершись левой полой, и сказали, что деньги занесут в другой раз.

А я уж и не пристаю к ним. Смекнул, куда дело-то клонит, не простые люди. На другой день в то же самое время явились мои гости и тяпнули уж сразу по полуведерной, а на прощанье сказали:

— Умеешь молчать, дак будешь получать.

Я уж и то слово об этом никому не пророню. На третью ночь по ведру хватили, подали по целой горсти серебра, не считая. Я тоже не считал, побоялся, да вижу, что с меня будет довольно. И повели речь:

А на столбах-то, растарашила ноги, стоит большущий мужик
(рис. В. Малышева)

Хватили водки по целому ведру
(рис. В. Малышева)

— Ты, мы видим, мужик хороший, вот как будут у вас зимой пастуха наймовать, ты не соглашайся и будь спокоен.

Ладно, думаю. Настал Егорий. Пришел пастух. Я и говорю:

— Не надо мне нынче пастуха, я и без него обойдусь, сам стану своих коров наблюдать.

Вот я кажинное утро и выпускаю коров. Как выйдут со двора, так чуть ли не бегом, все вместе направляются в одну сторону, будто кто ли погоняет; погуляют весь день неизвестно где, а вечером как раз вовремя идут домой. Да такие ли стали сытые, на диво просто: молока стали вдвое больше давать, баба только руками хлопает, а никому ничего не голчит (не говорит), чтобы не попритчилось. Вот уж время и к сенокосу подходит, хочется это мне узнать, где это коровы гуляют. В одно утро я и пошел за ними. Идут прямо, ходко и в стороны не глядят. Версты три уж прошли. Дошли и до барских лугов, которые были огорожены, отвод сам собой растворился, коровы вошли, не бросились прямо на траву, а идут дальше. Забрались они в ложбину.

Как ахнул да захлопал в ладоши
(рис. В. Малышева)

Трава-пырей высокая, густая, а внизу растет ручеек. Славное место. И коров ни с какой стороны не видать. Вдруг подходит ко мне старичок с палкой. На плечах синий кафтан, на голове серая шапка с красненькой верхушечкой. Спрашивает меня таково неласково:

— Это чьи коровы?

Что делать? Я очень испугался. Сказать «не знаю, чьи», — отберет, пожалуй, если праведный, а сказать «мои» — за потраву взыщет, не сторож ли барский, думаю. А он так-то пристально смотрит на меня, али глаз не спускает. Я и говорю:

— Мои, добрый человек.

— А коли твои, так сам и паси, не хотел дарового пастуха иметь, поищи лучше, я бы на тебя вечно проработал.

Вдруг он отделился от меня, сделался большущим-пребольшущим, наравне с лесом, ахнул, захлопал в ладоши... и коровы понеслись во весь дух к дому. А у меня волосы дыбом.

Вот так, думаю, пастух.

Рассказ старого солдата

В последний год перед набором рубили мы бревна в лесу. Ну и было нас в лесу немало. Осень, уж снег выпал. Товарищи ушли в лес раньше, а мы вдвоем с шурином, тоже был вместе со мной к призыву, пришли туда «за три дня после». Ночевать-ночевать а и негде. Чай, знаешь, лесные избушки без окошек, серые, чадно, тесно. Нам места-то и нет. Пошли мы тут недалеко с версту всего в сеновал, да там и улеглись. Вдруг слышу, ночью кто-то входит к нам и ложится. Я думаю, что брат мой или кто другой, и снова засыпаю. А этот человек лег к нам в середке. Ну и ладно. Как вдруг шурин зарычит не своим голосом. «С нами крестная сила, соловецкие угодники», — бормочу я в страхе, встаю, гляжу, а на том и лица нет.

— Чего ты?

— Да кто-то приходил сюда, лег рядом со мной, да так меня сдавил, что я еле вырвался.

Вдруг слышу ночью, кто-то входит к нам и ложится
(рис. В. Малышева)

А уж рассвело совсем. Мы встали и посмотрели на следы. Ничьих нет, только и видны наши на пороше, которая была еще с вечера. Пришли в избушку, спрашиваем брата. «Нет, — говорит, — не был у вас». Так и есть, некому больше — «он» и есть; в тот же год нас обоих и сдали в солдаты... шурин-то там и помер.

Был у нас Аника, недавно еще помер. Большой мужик из всего Исаева. Он хорошо знался с нечистым, много знал заговоров. Скажет слово, и домовой покажется. Пойдет ли на охоту — нечистый со всех сторон погонит к нему птицу, знай стреляй. Перед смертью он хотел мне передать свои слова: парень-то я был не болтушка, скромный, непьющий, с умом. Не посмел я взять этой тяжести на себя, а только без того ему не помереть, уж не знаю, как он, передал ли иль на ветер пустил. Вот он и говорит:

— Али хочешь увидать нечистого, пойдем в лес, я тебя поставлю на такое место: ты будешь смотреть промеж своих ног и увидишь праведного.

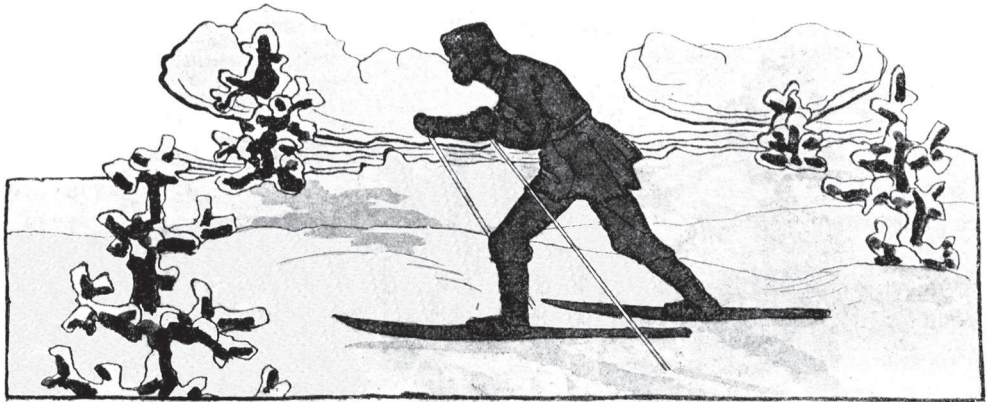
По одно лето много скота в лесу оставалось, не могли найти, так и положили, что праведный чем ли недоволен, да не знали, как угодить ему. Съехал

Со всех сторон гонит к нему птицу, знай стреляй
(рис. В. Малышева)

Аника в лес. Подошел к нему дед, подсобляет дрова накладывать, а сам бормочет: «Я голоден, я голоден». Догадался Аника. Ну, конечно, как он знался с ним. Приехал Аника домой и рассказал об этом соседям. Вот и напекли целой деревней перепечи (ржаной каравай), толоконников, колобков, яиц, пожарили говядину и повесили со словами в лесу на дереве. На другой день пошли около того места за грибами. Глядь: высокий мужик снимает гостинцы и кушает. Некоторые бросились бежать, а другие признали Анику. Хоть и боязно было, а подошли.

— Что ты делаешь, ведь нечистому кладено.

— А я праведный и есть... — ухмыльнулся Аника.



Чудная дубина

В некотором городе жил царь с прекрасной супругой. Однажды прогуливалась она в саду и вдруг пропала так, что ее никак не могли найти.

От нее осталось три маленьких сына. С тех пор минуло десять лет, и мальчики выросли. Однажды они спросили у отца:

— Отчего у нас нет матери, а у других есть?

— И у вас была мать, — отвечал им царь, — да она уже давно пропала в саду.

Тогда сыновья решились отыскать свою мать, где бы она ни была: сперва старший отправился в путь, взял с собой лук и меч, сел на коня и был таков. Ездил он несколько времени и встретил старика; старик и спросил его:

— Куда ты едешь?

— Не твое дело, — отвечал царевич, — еду, куда мне хочется.

— Однако скажи, ведь от этого хуже не будет, — сказал старик.

А царевич все гордился и сказал старику:

— Молчи и убирайся!

МОЙ ДОСУГ

ХУДОЖЕСТВЕННО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ СБОРНИК

Издаваемый Александром Евгеньевичем Бурцевым

Выпуск 11

Выпуск 11

С.-Петербург 1910 г.

Хромо-Типография А. К. Вейерман, СПБ., Благовещенская пл. 3.

Обложка 11 выпуска 3 тома

— Куда ты едешь?
— Не твое дело, — отвечает царевич, — еду, куда мне хочется
(рис. В. Ткаченко)

Старик все-таки не отставал от него и принудил его наконец сказать, куда он едет. Тогда царевич сказал, чтобы отвязаться от него:

— Я поехал искать свою мать, а тебе что до этого?

— Ах, царевич, — отвечал старик, — кажется, напрасно вы ее ищете: вот поезжайте по этой дороге, попробуйте, выстрелите в дуб, который в конце дороги. Если стрела угодит в дуб и пройдет через него, так это знак, что вы найдете свою мать; потому что похитивший вашу мать сказал, что только тот ее найдет, кто прострелит этот дуб.

Расстались они. Старик пошел своей дорогой, а мальчик вскоре увидал дуб и подумал про себя: «Дай попробую, выстрелю в него». Взял лук и выстрелил, но не попал в дуб; стрела пошла мимо. Потом подумал: «Не стоит обращать внимание на слова старика», — и поехал дальше.

Едет он несколько дней; и, когда он долго не возвращался домой, средний брат отправился в путь и поехал по той же дороге, как и первый. Встретил старик и его и спросил, куда он отправляется. Он долго не говорил ему; но наконец, чтоб отвязаться, сказал, что он ищет мать свою. Старик приказал ему целить в дуб и сказал, что он наверное найдет ее, если стрела попадет в дуб. Царевич выстрелил, но стрела полетела мимо дуба; он все-таки продолжал свой путь и не возвратился домой в назначенное время.

Тогда младший царевич просил отца отпустить его искать свою мать. Царь не хотел отпустить последнего своего сына, но он все-таки уехал и отправился по той же дороге, как и братья. Вскоре он встретился со стариком и подумал про себя: «Дай-ка я спрошу у этого старика, может быть, он знает, как мне найти мать». Приехал к старику, стал спрашивать:

— Не видал ли ты двух молодых путников, искавших свою мать?

Старик сказал, что видел их, и прибавил:

— Они очень горды, даже не хотели говорить со стариком! А вы куда?

— Я тоже ищу свою мать, — отвечал царевич, — не знаешь ли ты, старик, как мне ее найти?

— Кажется, вы ее не найдете, — сказал старик. — Поезжайте к дубу, если стрела угодит в этот дуб и пройдет через него, так вы найдете ее.

Царевич поблагодарил старика за совет, поехал к дубу, прицелился и простелил его. Довольный этим, царевич отправился дальше и вскоре приехал к большой горе, которая заграждала ему путь. В ней были большие ворота, и царевич хотел войти в них, но тут явилась служанка, запретила ему отворять ворота и сказала ему, что хозяин ее скоро воротится. Притом приказала царевичу удалиться поскорее, а то беда. Царевич послушался и поехал по дороге, ведущей возле горы, но спросил еще:

— Содержится ли у вас такая-то женщина?

Девушка созналась в этом и описала ее наружность.

— Это моя мать, — сказал тогда царевич и расстался с девушкой.

Через несколько времени он встретился со старшим братом, у которого он начал спрашивать, как идет дело; тот отвечал, что еще не мог найти.

— Я тоже не нашел, — сказал младший, и они поехали дальше, пока не встретили среднего брата. Тот тоже сказал, что не мог найти матери, и присоединился к ним. Вскоре они опять приехали к воротам в горе, где уже был младший брат. Служанка опять стояла у ворот. Они спросили, дома ли хозяин? Она отвечала, что он удалился по делам на три дня. Тогда они приказали ей отворить ворота; но она отвечала, что их нельзя отворить, потому что на них большой колокол, который звенит, когда они отворяются, и что хозяин тогда тотчас возвратится. Что делать? Подумав несколько, царевичи выкопали под воротами большую яму и через нее взошли в гору. Девушка сказала им, где их мать, и они пошли через разные комнаты, покуда наконец не нашли ее в последней.

Она была богато одета; прекрасная, золотая корона была у нее на голове; отличные башмаки на ногах; она сидела возле стола и ничего не делала. Когда

В горе были большие ворота, и царевич хотел войти в них, но тут явилась служанка, запретила ему отворять ворота и сказала ему, что хозяин ее скоро воротится (рис. В. Ткаченко)

она увидела, что взошли мужчины, она начала выть, как щенок; иначе она не умела говорить, и царевичи не могли разговаривать с нею. Тогда младший царевич пошел к девушке и сказал ей:

— Это наша мать, но мы не можем добиться от нее ни одного слова.

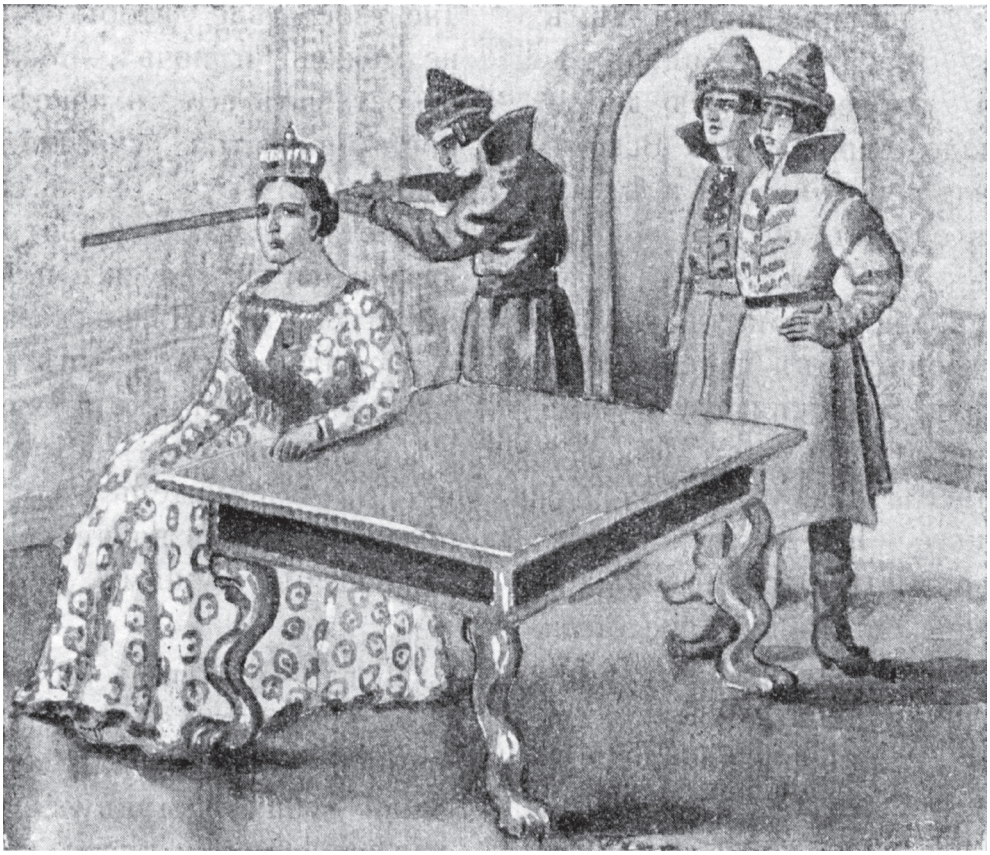
— Испугайте ее, — сказала девушка, — так она начнет говорить, и заколдованность кончится.

Царевич возвратился и выстрелил мимо уха матери; она испугалась, начала говорить и спросила у сыновей:

— Чего вы ищете?

— Мы вас ищем, — отвечали они. — Мы ваши сыновья, пойдемте с нами домой.

Царица оставила все свои украшения и убежала с сыновьями из горы. У ворот сыновья велели ей вылезть первой, потом вылез старший сын, а после него средний. Как скоро старшие вылезли, они наворотили большой камень на яму, оставили младшего брата в горе и отправились далее.



Царевич возвратился и выстрелил мимо уха матери (рис. В. Ткаченко)

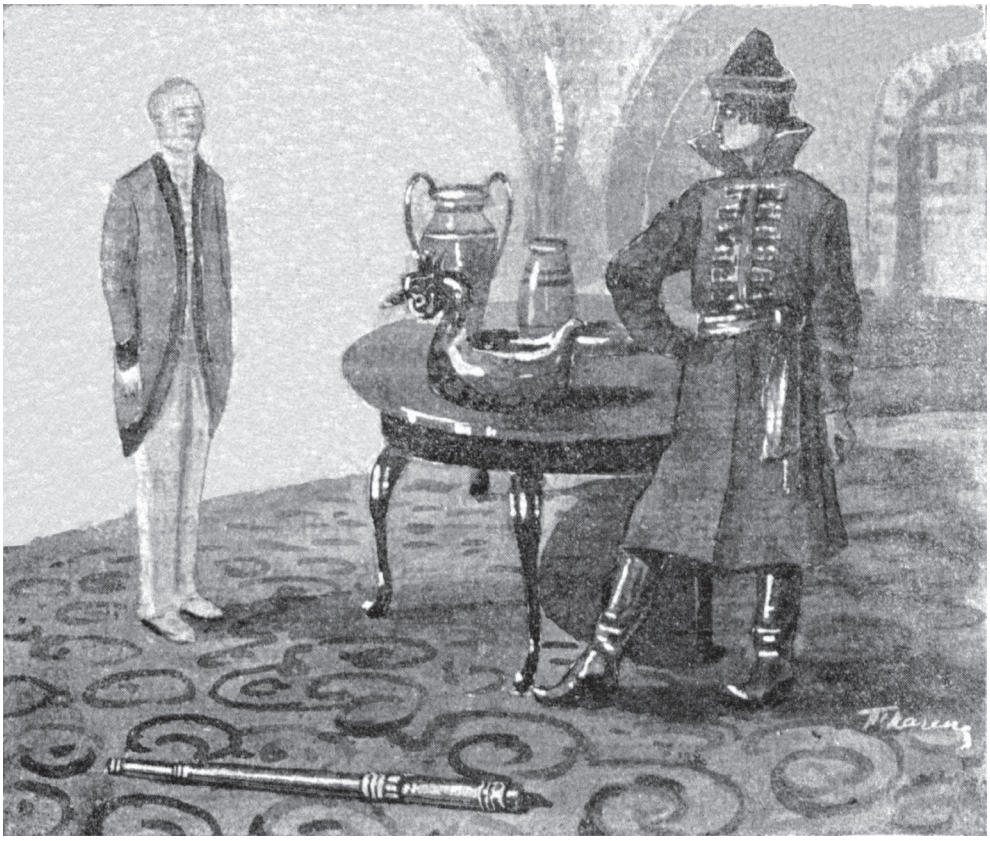
Он один не мог выкатить камень и должен был остаться в горе. Начал он ходить по горе и рассматривать от нечего делать разные вещи. Между прочим в одной комнате он нашел красивую дубину; он взял ее в руки и удивлялся ее красоте. Осмотрев ее, он хотел опять положить ее на место, но она упала у него из рук. Как только она стукнулась об пол, явился человек и спросил:

— Чего, милостивый государь, желаешь?

— Я желаю выбраться отсюда, — отвечал царевич.

Человек пошел отворить ворота, и колокол на них не звенел. Таким образом царевич освободился из горы, отправился домой, взял с собой дубинку, хотя и не знал, что будет получать помощь, как только стукнет ею, потому что он думал, что человек случайно явился туда. Уставши, он сел на камень и бросил дубинку наземь. Тотчас опять явился человек и спросил, чего он желает.

— Я хочу есть, — отвечал мальчик.



Как только дубина стукнулась об пол, явился человек и спросил, чего милостивый государь желает
(рис. В. Ткаченко)

Человек отправился за кушаньем. Между тем царевич подумал: «Эта дубинка, кажется, не из обыкновенных; ею достанешь слугу; надо беречь ее». Вскоре человек достал кушанье, он наелся, и человек унес остатки.

Откушав, царевич пошел в город, но не взошел в царский дворец, а нанялся в работники у сапожника. Этот работник работал тоже на царский дворец. Царевич начал заниматься у него. Во дворце теперь пировали от радости, что царица возвратилась; старшие царевичи тоже были там. Они солгали царю, что будто совсем не видали младшего брата, а что нашли его коня, отчего заключили, что его дикие звери растерзали, и говорили, что они нашли мать в горе. Правда, царь печалился о потере своего сына, но недолго скучал о нем, потому что опять была с ним его супруга.

Царица вспомнила прекрасные башмаки, которые она носила в горе, и сказала своему супругу:

— Не умеет ли наш сапожник шить такие башмаки? Вели ему снять с меня мерку; но я думаю, он не возьмется сделать их, если не пригрозить ему смертью.

Царь, желавший во всем ей угождать, велел позвать во дворец сапожника, заказал ему такие башмаки, каких сапожник отроду не видывал, и грозил ему смертью, если они не будут готовы в два дня.

Нельзя изобразить досаду сапожника; он возвратился печальный домой и рассказал все своей жене. Тогда они оба начали грустить, и мальчик спросил у них причину этого. Сапожник закричал ему в ответ:

— Не твое дело; что бы то ни было, ты не можешь помочь.

Мальчик, однако, не оставил его в покое и просил покорнейше, чтобы сказали и ему причину своей досады. Наконец сапожник пробормотал:

— Такие-то вот башмаки заказали царице, а их никто не умеет делать.

— Не беда, — сказал мальчик, — я сделаю. Дайте мне только кожи и других вещей, которые понадобятся, так уж я сделаю.

— Достать-то можно, да это не поможет, — отвечал сапожник и пошел во дворец за принадлежностями к ним.

Тогда мальчик приказал всем удалиться из комнаты, где он стал работать; и, когда все легли, он взял свою дубину, стукнул ею о пол, и тотчас явился опять человек, который спросил, что он прикажет.

— Принеси тотчас сюда башмаки, которые царица забыла в горе!

— Хорошо, — сказал человек и вскоре принес их.

Утром сапожник пришел посмотреть, что мальчик сделал, и нашел его еще при работе. Вскоре он отдал башмаки мастеру, который унес их во дворец, а кожу, которую мастер дал, мальчик сжег в печке. Царица надела башмаки и была довольна ими.

— Эти мне больше нравятся, нежели те, которые остались в горе, — сказала она. — А удивительно, что наш сапожник умеет делать такие башмаки; я не думала этого о нем.

Сапожник возвратился домой, получив хорошее вознаграждение. А царица опять сказала своему супругу:

— Ты не поверишь, мой друг, какая отличная была у меня юбка, когда я была в горе; не может ли наш сапожник сшить мне такую же юбку?

Опять позвали сапожника к царю; царь ему сказал:

— Сшей такую-то юбку; и если не сошьешь, так велю казнить тебя.

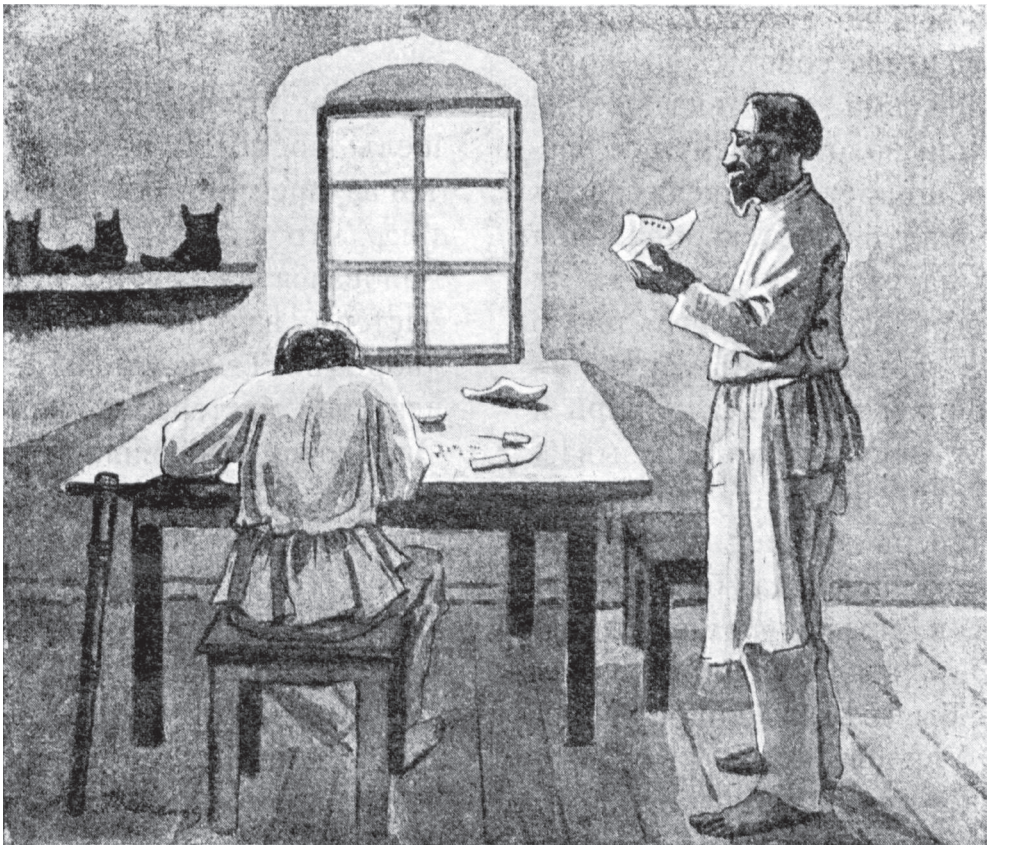
Он отвечал:

— Я ведь не портной и не мастер до таких дел!

Но ничего не помогло, он должен был взять материю и тащить к себе домой.

Здесь он опять начал грустить со своей женой, так как не умел сшить юбку и не знал, что делать. Мальчик опять спросил у них причину их печали, и наконец сапожник рассказал ему все.

— Не беспокойтесь, — сказал тогда мальчик, — я прежде еще учился портному ремеслу; авось сумею сшить такую юбку; уйдите только из этой комнаты и оставьте меня одного.



Утром сапожник пришел посмотреть, что мальчик сделал, и нашел его еще при работе (рис. В. Ткаченко)

Как скоро все ушли, мальчик опять стукнул своей дубинкой, и тотчас явился человек. Мальчик приказал ему достать себе юбку из горы, и тот мигом принес ее. Утром рано мастер встал и пошел посмотреть, что мальчик сделал ночью. Мальчик притворился, как будто работал очень прилежно, шил и гладил, как ни попало, и потом подал юбку мастеру в руки. Тот обрадовался. Тотчас пошел к своей жене и сказал:

— Вот какой у нас мальчик, и эдакую юбку сшил!

Жена тоже полюбовалась юбкой, и муж поспешил с ней во дворец. Царица надела ее: она была совсем в пору. Она осталась весьма довольна юбкой, на которой были золотые ленты и разные украшения; но прежде, нежели сапожник успел уйти из дворца, она шепнула царю на ухо:

— Не сумеет ли этот сапожник сделать мне такую корону, какую я носила в горе?

— Можно попробовать, — отвечал царь и дал сапожнику рисунок с заказываемой короны.

Тот опять испугался и думал, что он теперь обречен на смерть; единственная его надежда был мальчик, который и прежде помогал ему в работе. Он взял у царя золота, из чего мог бы сделать корону, и пошел домой. Увидав свою жену, рассказал ей свое несчастье и сказал:

— Не знаю, за что царь сердится на меня и зачем он заказывает мне такие странные вещи, как, например, эдакую корону?

Жена не могла дать ему никакого совета, и он пошел к мальчику и рассказал ему все.

— Если только-то, так не беда. Дайте мне особую комнату, где я мог бы работать, так корона утром будет готова.

Сапожник был рад этому и дал мальчику комнату; сюда привезли все инструменты, в коих он будто бы нуждался при работе. Вечером мальчик начал работать: в присутствии мастера употребил раздувательный мех и вертел золотые шестики туда и сюда; а как скоро он ушел, мальчик взял дубинку и стукнул ею о пол. Тотчас явился человек.

— Принеси мне золотую корону, которая в горе, — сказал ему мальчик.

Тот вскоре принес ее, и мальчик лег отдыхать.

Рано утром встал мастер и пошел посмотреть на работу мальчика. Тот еще чистил корону и работал так, что пот тек у него по лицу, и жаловался на трудность работы. Потом мастер взял корону и унес ее во дворец. Там удивились ее красоте и искусству мастера, который сделал ее. Она тоже понравилась царице, которая сказала своему супругу:

— Эта корона точно такая, как и та, которую я имела в горе; однако удивительно, что этот сапожник умеет делать такие вещи.

Сапожника пустили домой, и царь в награду дал ему кавалерский знак; и он тоже удивился, каким образом сапожник мог все это сделать.

«Попробую еще раз, — подумал царь. — Делает ли он это человеческим умом или с помощь нечистого?»

Он тотчас послал за сапожником и сказал ему:

— Поставь от дворца до берега набережную пристань, по которой можно ходить на корабли, и смотри, чтоб она к завтрему была готова.

Сапожник опять с досадой возвратился домой и рассказал своим, что царь не перестает преследовать его.

— А что он теперь хочет? — спросил мальчик.

— Он хочет мост до берега, по которому можно бы ему ходить на свой корабль, и чтоб был готов к завтрему.

— Это будет мое дело, — сказал тогда мальчик.

Сапожник успокоился и не думал больше об этом. Ночью мальчик пошел гулять по улице и стукнул о нее дубиной. Тотчас явился человек, и он приказал ему позвать всех мужей из горы.

— Ах, — отвечал человек, — их всех негде здесь поместить!

— Ну так зови часть из них, — сказал мальчик.

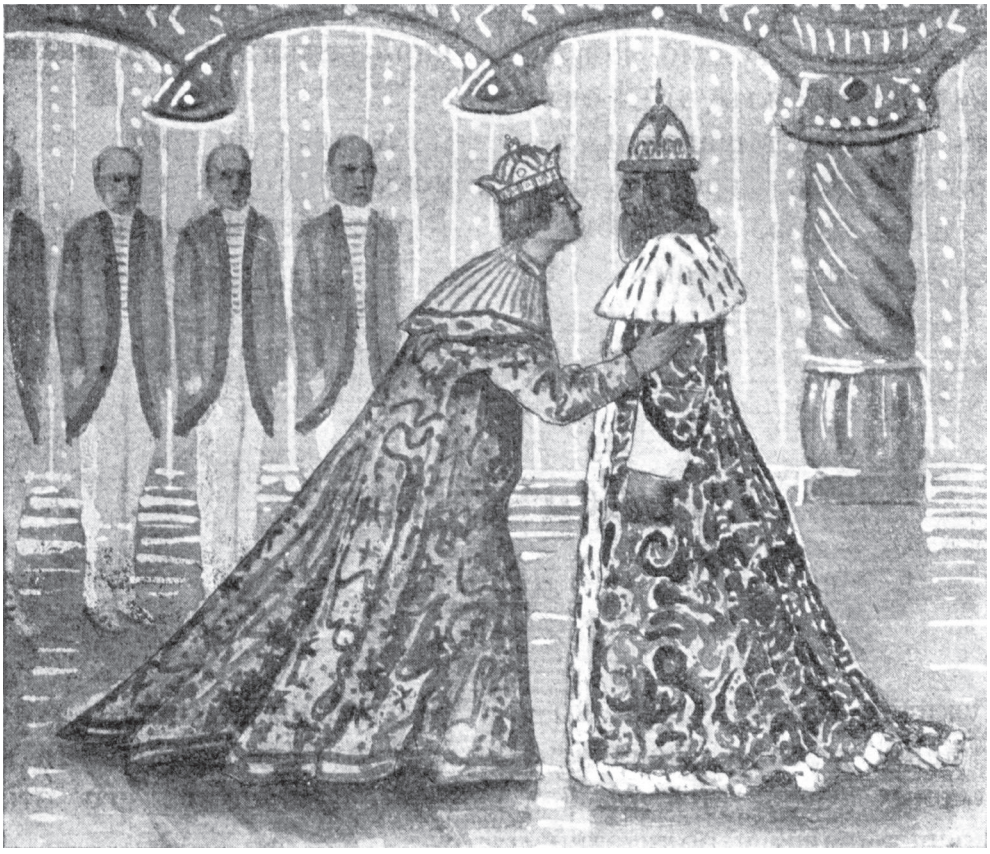
И тотчас явилась большая толпа. Мальчик сказал им:

— Постройте от дворца до берега мост, да не мешкайте!

Они тотчас взялись за работу, и в короткое время мост был выстроен, и он не был деревянный, а стеклянный, и на конце к морю находился большой славный дом.

Утром царь увидел огромное строение и позвал всех своих людей смотреть его.

Сам мальчик находился в доме; у дверей он поставил сторожей и велел принести себе из горы царскую одежду и корону. Царь послал старшего сына узнать, кто живет в этом отличном доме. Он пошел на мост, но не мог стоять на нем, потому что он был гладок, как осенний лед; на коленях он наконец пробрался до конца моста. Когда мальчик увидел, что брат его приблизился, он посредством дубины призвал человека и послал его за розгами. Тот, как



Когда царь приехал, царевич поцеловал его и вел себя, как обыкновенно перед отцом (рис. В. Ткаченко)

обыкновенно, исполнил приказание. Пробравшись на коленях до конца моста, царевич взошел в дом и преклонил колена перед братом: он не узнал брата и подумал, что это какой-то чужой царь. Тогда он приказал своим слугам бить хорошенько царевича. Они исполнили повеление и потом выгнали его из дома.

— Эх ты! — сказал тогда средний брат. — Не сумел прилично вести себя перед чужим царем; постой-ка, я схожу. Уж я знаю, как вести себя.

И отправился на берег. Едва-едва пробрался через мост, потому что не мог стоять на нем; а, пробравшись наконец через него, он только кланялся перед младшим братом. Тому его поклоны были нипочем; он велел бить и гнать его.

— Эх, вы, дураки! — сказал царь, когда царевич возвратился полумертвый. — Кажется, не стоит посылать вас, когда вы такие болваны; я теперь сам отправлюсь туда.

В самом деле он хотел было уж ползти по мосту, но когда младший царевич заметил это, он тотчас послал за ним лошадей и карету. Когда царь приехал, царевич поцеловал его и вел себя, как обыкновенно перед отцом. Потом он сказал царю:

— Я ваш сын, тот самый, который отправился искать свою мать, и я, собственно, нашел ее; но потом встретился с братьями, вместе с которыми я освободил ее из горы; а они заперли меня в гору, увезли мать с собой и сказали, что меня нет в живых. Я же достал из горы материнские башмаки, юбку и корону; сапожник ведь не сумел бы сделать их!

Тут он снял царскую одежду, тогда царь узнал в нем своего сына, и они вместе отправились во дворец. Мать тоже узнала его и сказала, что дело было так, как рассказал царевич. Тогда царь решил испытать дело, позвал к себе старших сыновей и спросил, не они заперли брата в гору. Они должны были сознаться, когда заметили, что отец все знает. Тогда царь велел строго наказать их.

А младший царевич стукнул дубиной, и тотчас явились работники, которые унесли мост с домом.

Купец Марко

У одного мужичка родился сын, которого при крещении назвали Василием и дали ему прозвище Бессчастный. Мальчик жил и воспитывался у родителей.

В одно прекрасное время заехал по делам в ту деревню, где жил Бессчастный, один купец по имени Марко. Увидал Марко маленького Василия и говорит его отцу с матерью:

— Продайте мне вашего сына. Он будет у меня счастливым.

Те подумали, подумали да и согласились продать Василия богатому купцу, полагая, что у него сын их действительно будет счастливее, чем у них при их бедности.

Взял Марко с собой Василия и повез его к себе домой; но по дороге он сшиб его волоком в сторону и уехал один.

Увидал Марко маленького Василия и говорит его отцу с матерью: «Продайте мне вашего сына, он будет у меня счастливым» (рис. В. Ткаченко)

Тем временем ехали по дороге мужички с кладью и услыхали, что в стороне от дороги кто-то кричит. Один из мужичков пошел к тому месту, откуда слышался крик, и там увидал плакавшего маленького Васю Бессчастного. Взял мужичок мальчонку, принес его к своему возу, усадил его в телегу и укутал тулупом, а затем обоз двинулся дальше, к месту назначения. А везли мужички клад к тому самому купцу Марко, что бросил мальчонку на дороге.

Вот приезжают мужички к купцу Марко. В это время вышла на крыльцо дочь купца и услыхала, что в одном возу плачет ребенок. Она вернулась домой и сказала отцу о том, что на одном возу кто-то плачет. Тотчас к мужичкам вышел сам Марко и стал их расспрашивать:

— Кто это там плачет на одном возу?

Мужички, ничего не подозревая, ответили ему:

— Да вот какая-то сволочь сшибла мальчонку на дороге. Мы нашли его и взяли с собой. Зовут его Василием, по прозванию Бессчастный.

Приплыл бочонок к одному монастырю
(рис. В. Ткаченко)

Как только узнал купец, что это тот самый мальчишка, которого он сбросил по дороге, сейчас же стал просить мужиков, чтобы они продали ему этого ребенка. Мужички согласились и, получив деньги, уехали.

Купец Марко приказал посадить мальчика в бочку и пустить в озеро, что немедленно же и было исполнено.

Приплыл бочонок к одному монастырю. Там его поймали монахи и вытащили на берег. Потом бочонок был откупорен, и Василий взят монахами на воспитание. Здесь мальчик находился 15 лет. В одно время Марко случайно заехал в монастырь и, узнав о судьбе Васи, т. е. что он жив и здоров, решил опять его извести со света. Он стал просить монахов, чтоб они продали своего воспитанника ему, Марку. Монахи согласились.

Опять повел Марко Васю волоком и, написав письмо к своей жене, велел ему передать его ей. А в письме том было написано, что как только мальчик явится к купцу в дом, то чтоб его сейчас же бросили в котел кипучий.

Пришел Вася в дом купца Марко и подает купчихе стариково письмо, сказав при этом, что он прислан ее мужем, купцом Марко (рис. В. Ткаченко)

Идет мальчик дорогой, и попадает ему навстречу какой-то старичок.

— Куда ты идешь? — спросил старичок Васю.

— Да вот купец Марко послал с письмом к его жене, — ответил Вася.

— Покажи-ка мне это письмо, — сказал старичок.

Взяв у парня письмо и прочитав его, он сказал ему, что купец послал его на верную смерть. Потом старичок купцово письмо уничтожил, а взамен его написал другое, в котором говорилось, чтоб жена повенчала подателя письма с их дочерью. Подав это письмо Васе, он сказал ему, чтоб, придя к купцу, он подал бы его купчихе, но ничего не говорил об их встрече.

Пришел Вася в дом купца Марко и подал купчихе стариково письмо, сказал при этом, что он прислан ее мужем, купцом Марко.

Прочитав письмо, купчиха исполнила в точности мнимое приказание своего мужа и обвенчала дочь с Бессчастным.

Возвратился Марко домой и видит, что парень жив и ходит рука за руку с его дочерью. Понял купец, что провели его. Но все-таки он не мог отказаться от своего намерения извести парня. И вот он посылает своего зятя к «несвятому духу» по животы.

Идет Василий по дороге и видит, на пути дуб стоит. Поравнялся Василий с дубом, а он и говорит ему:

— Спроси-ка не у святого духа: долго ли мне стоять?

Пошел Василий дальше. По пути река, а через речку перевозчик перевозит народ. Перевозчик тоже обратился к Василию:

— Спроси-ка не у святого духа, долго ли мне еще перевозить народ с одного берега на другой?

Идет Василий дальше, попадается ему по пути через речку мост. Этот мост был — рыба-кит. И мост тоже обратился с просьбой:

— Спроси-ка не у святого духа, долго ли мне еще лежать здесь вместо моста и по моим бокам ходить будут люди и ездить лошади с возами? Все-то кости мои они изломали.

Прошел Василий мимо моста и вскоре дошел до одной избушки. В той избушке жил несвятой дух. Когда Василий подошел близко к дверям, то из них вышла на крыльцо дочка несвятого духа. Василий к ней и обратился:

— Вот что, голубушка, — сказал он, — передай своему папаше, что я пришел к нему по Марковы животы. А также ты скажи еще ему, что когда я шел сюда, то по дороге меня просил дуб спросить у него, долго ли ему, дубу, стоять еще при дороге. А через речку перевозчик просил узнать, долго ли ему перевозить народ с одного берега на другой. А также через ту речку есть мост; но только не обыкновенный, а рыбий — с одного берега на другой лежит, перекинувшись через реку, рыба-кит; мост этот тоже просил узнать, долго ли ему еще маяться. Говорит, что кости ему все изломали, ходя и ездя через его тело.

Выслушала Бессчастного дочка несвятого духа, но ничего ему не могла ответить, так как отца в это время не было дома. Она пока велела Васе спрятаться в укромный уголок и указала ему место.

Вскоре он явился домой
(рис. В. Ткаченко)

Вскоре явился домой несвятой дух. Как только подошел он к дому, так и закричал:

— Фу, фу! Что это за русский дух?!

А его дочь ответила ему на это:

— Полно тебе пустяки-то говорить! Это ты сам где-нибудь набрался русского духа.

Несвятой дух замолчал и ничего не стал расспрашивать у дочери. Немного погодя он сказал дочери, чтоб та занялась исканием у него в голове. Та стала искать у отца в голове и во время этого занятия, как бы мимоходом, спросила у него:

— Папаша, по дороге к нашему дому стоит уже давно дуб, и никто его не рубит и сам не сохнет, а кажется, он очень уже старый. Долго ли он еще простоит?

— А он будет стоять до тех пор, пока его не пнут и из него не вывалится золото, — ответил несвятой дух.

— А еще, папаша, я видела на реке перевозчика, тоже очень старого; и он также просил меня узнать, долго ли ему еще придется перевозить народ через речку.

— А ему придется быть перевозчиком до тех пор, пока он не оттолкнет от берега лодки с каким-нибудь человеком, который вместо него сделается на весь век перевозчиком, — ответил несвятой дух.

— Еще я видела через ту же реку, — сказала отцу дочь несвятого духа, — очень странный мост: с одного берега на другой лежит, перекинувшись, кит-рыба, и по ней, как по настоящему мосту, ходят и ездят люди. Эта кит-рыба тоже просила меня узнать, долго ли ей еще служить для прохожих и приезжих вместо моста.

— А до тех пор лежать киту-рыбе вместо моста, пока не выхаркнет животов Марковых, — ответил на вопрос дочери несвятой дух.

Все это Василий Бессчастный слышал. Как только уснул несвятой дух, он вышел из своего угла и пошел прямо к реке. Здесь он объяснил мосту и перевозчику, а также и дубу по дороге, все, что слышал. Те так и сделали, как объяснил им Василий. Дуб же Василий пнул ногой — и вместо него образовалась груда золота. Рыба-кит харкнула раз — выхаркнула два корабля, харкнула два раза — еще два корабля, наконец харкнула в третий раз — и вылетели сразу шесть кораблей.

Василий свез все золото, что образовалось вместо дуба, на корабли и поплыл к себе домой. Вскоре он благополучно приехал к своей жене, в дом купца Марко, который в его отсутствие умер, оставив все свое богатство ему и дочери.

Василий Бессчастный счастливо зажил со своей молодой женой. Да только недолго пришлось ему пожить в счастливой доле: он вскоре заболел и умер, оставив после себя молодую вдову с огромным богатством.

Так и не пришлось купцу Марко извести бедного Василия Бессчастного, которому в свою очередь не пришлось долго попользоваться выпавшим на его долю редким счастьем.

Четыре коровы

Вблизи Мегры есть маленькое круглое озеро, дно которого никак нельзя, по уверению крестьян, вымерить. Посередине этого озера есть островок, куда в теплые летние ночи выходят четыре коровы. Многие хотели завладеть ими, но безуспешно, потому что, если кто подъезжает к озеру, коровы по свисту невидимого пастуха бросались в воду и исчезали. Случилось однажды крестьянину ближайшей деревни проходить мимо озера после дневной работы. Так как он утомился, то лег на траву и уснул. Пробудившись еще до восхода солнца, он хотел было идти домой, как заметил, что вблизи от него пасутся на траве четыре коровы, бурые и чрезвычайно тучные. Мужик поднялся, глядя

Многие хотели завладеть ими, но безуспешно, потому что, если кто подъезжает к озеру, коровы по свисту невидимого пастуха бросались в воду и исчезали (рис. В. Ткаченко)

на прекрасных коров, потому что в селении он ни у кого из соседей таких не видал. Через несколько минут мужику пришло на мысль, не те ли это коровы, которые выходили прежде на остров. Он перекрестился и побежал им навстречу. Озеро взволновалось, раздался свист, коровы бросились в воду. Мужик успел двух коров остановить и угнал их домой. Коровы эти долго жили у мужика, и, говорят, что оставили после себя приплод, порода которых будто бы не переводится в Мегре. Молока они давали по два ведра в удой, отчего крестьянин скоро разбогател. Когда он их убил, то мясо и шкура их неизвестно кем были украдены. Крестьянин жаловался о потере, подавал прошения на подозреваемых людей. Дело долго не решалось. Вдруг в одну темную ночь кто-то постучал у ворот. Мужик вышел на крыльцо и увидел черного маленького человечка в соломенной шляпе и коротеньком камзоле старинного покроя. Незнакомец остановил крестьянина и спросил:

Мужик успел двух коров остановить и угнал их домой (рис. В. Ткаченко)

— Послушай-ка, приятель, если ты будешь понапрасну волочить[1] добрых людей, то скоро будешь у меня в озере пасти коров. Разве ты не доволен тем, что коровы тебя обогатили и оставили приплод?

— А кто ты, добрый человек?

— Я не человек, а черт! Знай же, что черт дал тебе коров, он взял и шкуры.

Крестьянин на другой же день бросил тяжбу о коровах и примирился с соседями.

Рассказ про попову дочку

В деревне Демидовой, Троице-Солтановской волости, Кологривского уезда, один парень на Святках ударился с другим об заклад, что он в полночь пойдет в баню и принесет товарищу с каменки кирпич. Так и сделал. Страх напал, когда за порог ступил, но смелый был; подступил к каменке, только взялся за кирпич, его кто-то ухватил за руку.

— Упусти, — говорит.

— Не отпущу, — отвечает девичий голос.

Парень опять:

— Отпусти, — говорит, а у самого зуб на зуб не попадет.

— Женись на мне, так и отпущу, — отвечает голос, — после не станешь каяться.

— Да как я на тебе женюсь? Ведь ты дух.

— Ты только пообещай: я приму женский образ.

— Ладно, женюсь, — отвечает парень, а сам подумал: «Мне бы только руку-то ослободить, а там ищи меня, проклятая».

— Помни же, ты обещался, — сказала и выпустила руку парня.

Тот выскочил из бани, пустился к товарищам и показал обожженный кирпич, заклад выиграл. Про общение свое и позабыл, ходит по беседкам и с девками играет, о невесте банной и не думает. Но та сама ему напомнила, стала к нему ночью в подоконницу стучаться:

— Что же ты, обещался, а нейдешь за мной?

Парень было на попятную, открещиваться.

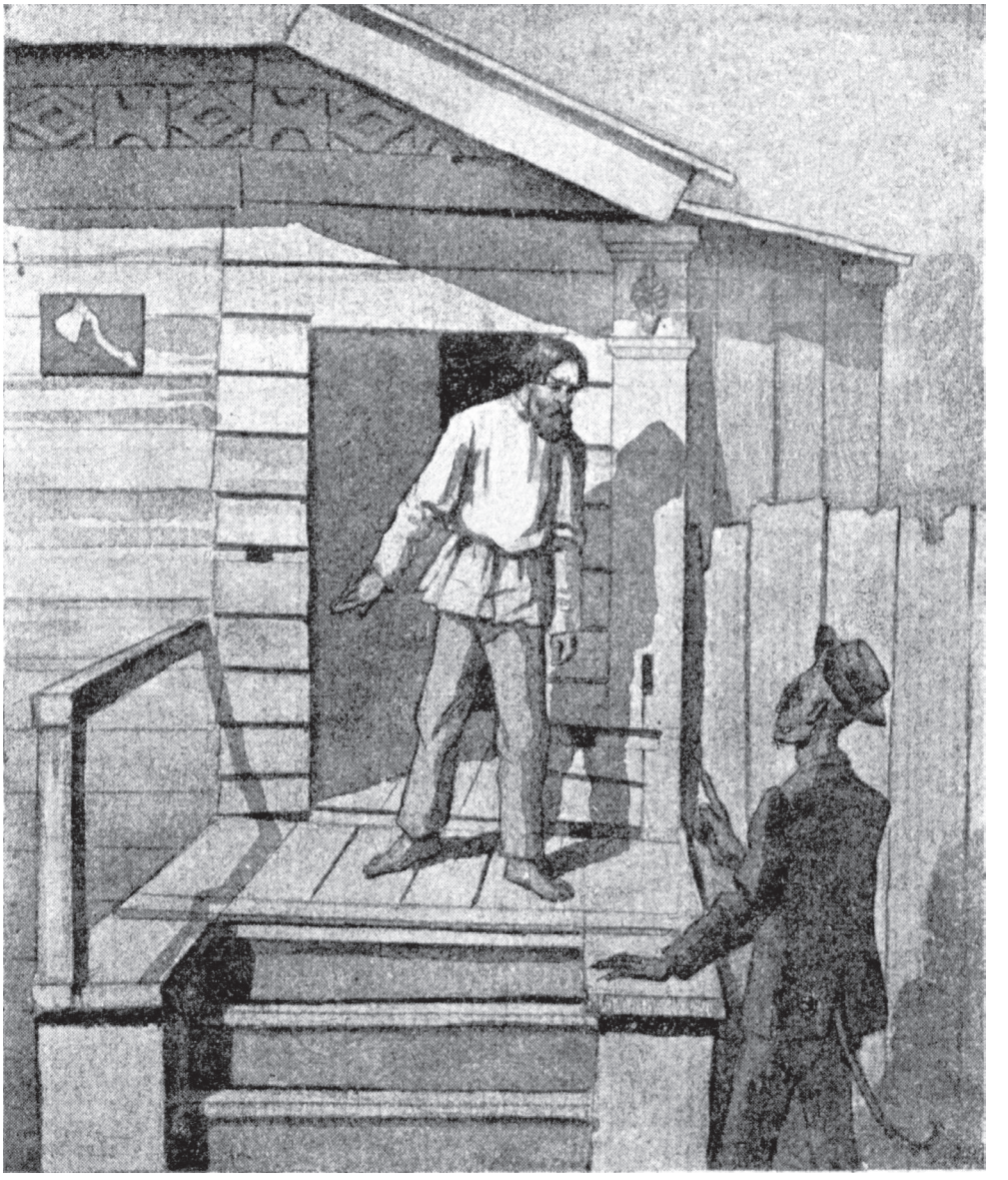
— Разве ты такой бессовестный, — говорит проклятая. — Обещался и слово не держишь. Мне теперь нельзя уж там жить.

— Почему?

— А такой у них обычай: ежели кто пообещается жениться, так ту девушку выгоняют, ты не наша теперь, ступай к своему жениху. Грех тебе будет, Федор, я на всю жизнь останусь бессчастной.

Совестно сделалось парню, пожалел душу христианскую; сказал своим родителям, те к попу, и дело живо устроилось. Ночью жених с родителями

[1] *Волочить* — здесь: таскать, мытарить (*примеч. ред.*).



Вдруг в одну темную ночь кто-то постучал у ворот,
мужик вышел на крыльцо и увидел черного маленького человечка в соломенной шляпе
(рис. В. Ткаченко)

подъехали к бане, сарафан, рубашку и одежду для невесты прихватили; из передбанья крикнул:

— Выходи!

В ответ слышат:

— Дайте мне рубашку и одежу.

Подали. Скорешенько оделась и вышла девушка, красоты неописанной, поздоровалась с родителями и женихом. Сейчас же в сани, на село, а утром обвенчались — крещеная она была, так что без всякой задержки обкрутил поп. И такая молодица оказалась, что всем на издивленье и парням на зависть.

О Масленой молодые ездят к тещам на блины. Жена Федору говорит:

— Запрягай коня, поедем блины есть.

Муж поусомнился:

— Куда ехать, в баню, что ли?

— Правду тебе говорю, — настаивает молодая.

Федюха запряг буланого и покатил с женой на блины.

— Куда править-то?

— А куда лошадка побежит, туда нам и надо ехать.

Часа через два приехали в чужое село, и лошадка сама приворотила к воротам попова дома, откуда на улицу блажной крик ребенка слышался.

— Здесь нам и блины будут, — промолвила молодая.

Сперва сама вошла в покои, а погодя и Федор вошел: как раз к блинам подоспели. Поп с маткой приветили молодых, за блины посадили, все как следует, — по-хорошему. А из другой горницы ребенок кричит, дурно кричит; блажно таково. Молодая полюбопытствовала: что, мол, младенец-то у вас шибко плачет?

— А уж такая она у нас сроду, — отвечает попадья. — 17-й год живет, ничего не ест и не ест[1], а только все плачет да верещит. Одно всего и есть дите, да вот какое незадачное уродилось.

Поели блинов. Молодая и говорит:

— Дозвольте мне дите ваше соспокоить.

Вынула из зыбки младенца, взяла на руки и начала с ним ходить по горнице, где поп с маткой сидели; а ребенок так и верещит, ячит[2] блажью.

— Положь его, — молвила попадья, — не уймется.

Молодая подошла к передней стене да как кинет младенца о печь.

— Ай, что ты это? — вскрикнула попадья.

Ан ребенок уж смолк, и на полу вместо младенца валяется чурка.

— Вот кто у вас кричал, — сказала молодая, — а настоящая-то, живая дочь перед вами стоит.

Тут все дело и разъяснилось: матка-то, когда ребенку год минуло, прокляла дочку, что та спать ей не давала, титьки просила. Большое благополучие через это Федор получил, поп-то бездетный был, так все деньги дочери оставил. И сейчас они живут, первый дом ихний в деревне, хлеба девать некуда, полон двор всякой скотины.

Записано Г. Нефедовым

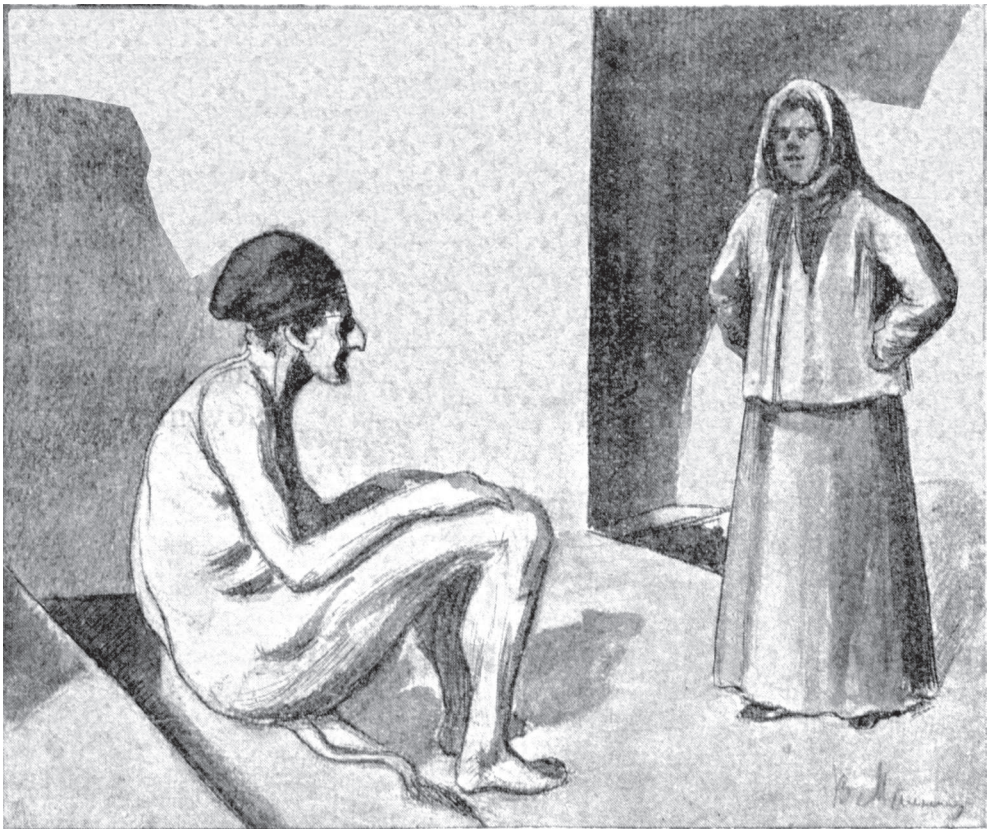
Святочный рассказ

Охотники большие овинные вышучивать девок. Иной раз и предсказывают им будущую судьбу. На Святках бегают в овины «завораживаться». Соберутся где на задах у поленниц или где на улице в потаенном местечке ночью, чтобы ничей глаз их не увидел. Перед тем как идти завораживаться, они от места дорожку к овину протопчут.

Вот когда на селенье все затихнет, они и примутся за свою ворожбу. Сперва одна пойдет в овин, сведает про свою судьбу и воротится к подругам, потом другая, за ней третья, и так все перебывают. Подойдет гадальщица к овину, крест с себя снимет, юркнет под навес, повернется спиной к прорубленному

[1] Так в оригинале (*примеч. ред.*).

[2] *Ячать* — стонать, жалобно кликать (*примеч. ред.*).



окошку, в которое подают снопы сушить, заворотит сарафан или платье и сядет, посвесится в овин-то и сейчас заклятье говорит: «Хани меня, мани меня по голому гузницу мохнатой ручищей». Тут девка уж и чувствуй, какой рукой он погладит: ежели мохнатой — за богатого выйдет замуж, голой — за бедного, колючей, словно елкой, — за пьяницу. Такая уж судьба и выйдет девке, какую ей в овине покажет. Самые смелые над подлазом[1] завораживаются: свесятся и тоже заклятье скажут. Не всегда, однако, благополучно обходится: ладно еще, если овинный облапит только девку, поиграть с нею захочет, а то плахой[2] или лопатой треснет. Мало того, что перепугает и долго проболит то место, по которому он хватит, невозможно девке понять, какую это он судьбу ей предсказывает — счастье или бессчастье. Пытают по овинам судьбу и молодые бабы, у коих мужья в солдатах или где на стороне живут. Одна такая баба в Угорах живет, Кологривского уезда, Матреной ее зовут. С большого разума удумала в овине заворожиться, увязалась с девками, покатила и над самым

[1] *Подлаз* — нижняя часть овина или пристройка к нему с ямой, в которой разводят огонь для сушки снопов (*примеч. ред.*).

[2] *Плаха* — здесь: обрубок бревна, расколотого пополам (*примеч. ред.*).

подлазом, т. е. ямой-то, села. Так ее из ямы-то как чем-то тяжелым двинет, так она уж и не помнит, какой силой ее вышибло из овина и опять к девкам принесло. Долго не в своем разуме солдатка находилась. Должно, замужней женщине не подобает судьбу пытать.

Предание о жестокости помещика Лихачева

Мне покойный дедушка говорил, в Камском погосте, в 12 верстах от Сойды, при нем жил жестокий помещик Лихачев. Он имел много дворовых крестьян. Они жили еще и после при моей памяти, при другом помещике, родственнике Лихачева. Лихачев притеснял сильно камский народ. Он заставлял крестьян работать на себя бóльшую половину недели при хорошей летней погоде, а всю неделю косить сено или жать рожь и ловить рыбу. Кто оказывал хоть малейшее сопротивление, того он жестоко наказывал, а особенно зимой. «На снег» — был приказ, и служители осужденного тащили на улицу, ложили на снег и стегали плетьми чуть не до смерти.

Лихачев наружности был самой непривлекательной. Жениться он думал, но барские невесты не шли за него. Между дворовыми жила тогда красивая девушка со своей матерью-старушкой. Жениться ему, помещику, на служанке казалось стыдно. Он стал прельщать ее на то, чтобы она была его наложницей. Она наотрез отказала ему: «Отдай меня хоть за последнего раба, хоть разруби на куски, но не соглашусь беззаконничать». Лихачев неоднократно призывал к себе ее мать, чтобы та, выслушав его грозный приказ, согласилась с его требованиями. Из страха наказания мать не велела дочери прекословить; но дочь не слушала и матери.

Помещик сначала стал мстить матери. Он привязывал ее нагую к столбу по целым суткам. Рой мошек, комаров, особенно оводов, сильно кусали; тело покрывалось кровью и опухолями. Выведенный из терпения 17-летней девицей, Лихачев приказал засечь ее, связать обнаженную в железо и в таком виде зарыть ее в землю.

У этой девицы был родной брат сапожник, также крепостной Лихачева. Он бежал в Вытегру и написал начальству прошение о смерти сестры. Наехало начальство, разрыли могилу и нашли девушку в известном уже положении. Судьи приказали взять Лихачева из его хором, но он заперся на замок и стал стрелять в судей. Судья возвратились в город, взяли конвой солдат и снова прибыли в Кемское. Когда солдаты взяли Лихачева из комнат и вывели его на улицу, он урвался от них, бросил саблю в главного начальника и едва не засек его. Лихачев тогда принял яд и умер.

Рассказ про огненного змея

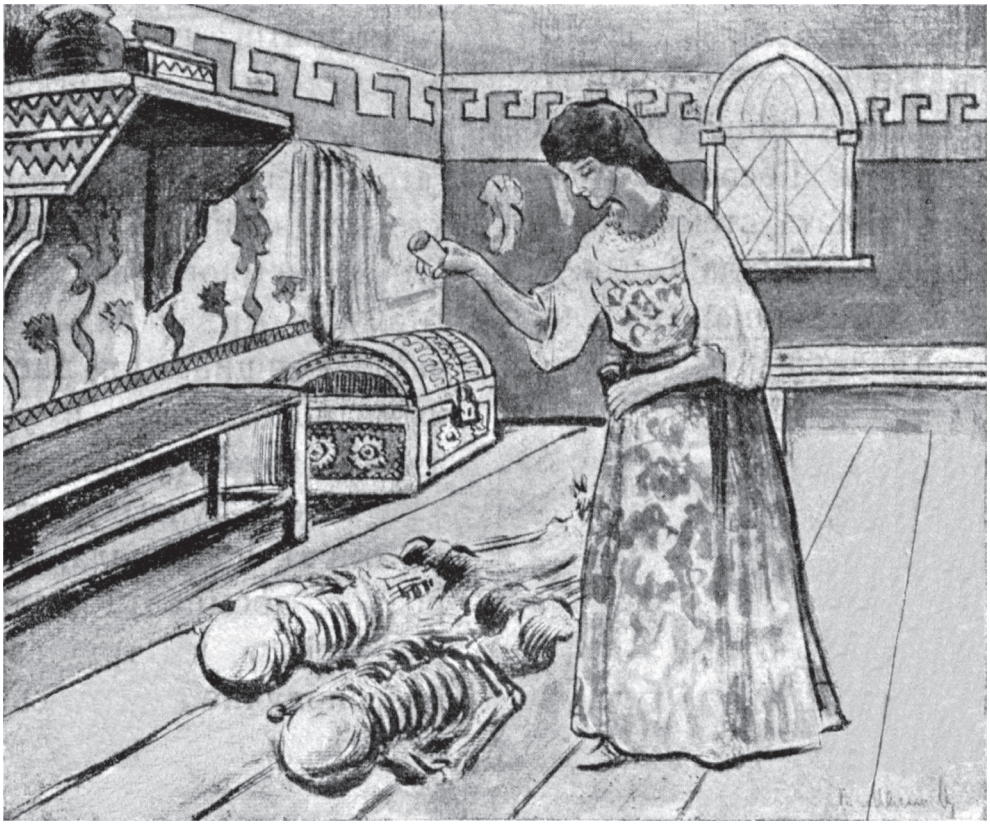
Другой случай, также бывший в городе Ветлуге, имел более печальный конец. Молодая женщина, пожив всего один год замужем, неожиданно лишилась своего супруга: его где-то на стороне убили. Много слез пролила Анна, сильно горевала и не знала, что с собой делать от тоски. Наступила осень, и горожане увидели летуна: появится, осветит и рассыпается над домом, где жила молодая вдова. Многие предостерегали Анну и говорили, что сами видели, как летал к ней огненный змей, и советовали обратиться с молитвами к Богу, но вдова и слышать не хотела, отвергала советы добрых людей. Она, не стесняясь, говорила домашним и знакомым, что муж ее не убит, а только скрывается от людей, потому несчастье его постигло и он не смеет никому показаться на глаза, кроме своей жены, которую посещает часто. Она рассказывала, что муж, когда ночует у нее, вместе спит, как спал и раньше живой, и уходил около полуночи, до пения петухов. Недолго, однако, летал огненный змей к вдове. Начала она быстро таять, ничего по дням не ела, тосковала и лишилась рассудка; разбитая всеми членами, в совершенном изнеможении и безумная, скоро умерла.

Записано Дмитрием Петровичем Деменьевым

Рассказ про старую деву

С незамужней старой девкой Агафьей вот что приключилось. Косила она на пожне: приустала, прилегла отдохнуть, да и проспала до самого вечера. Открыла глаза: батюшки-светы. Ночь близехонько, и кругом ни одной души, все покоса домой убрались. Поднялась, вскинула на плечо косу и побрела в деревню: версты 4 надо было идти. Дошла до лавин, которые через реку были положены. Один берег крутой, высокий, а другой отлогий, в стороне, так саженях в десяти-двенадцати, глубокий омут.

— Иду это я лавами-то, — рассказывала сама Агафья Иванова, — иду и слышу женский голос, будто кто ребенка прибаюкивает. Что такое? Приостановилась; точно, женский голос. Стояла я, стояла на лавинах, то не знаю, что мне делать: домой ли скорее бежать, али попытать, доглядеть, кто там около омута-то байкает. Неужели что со мной подеется. Перекрестилась, пошла назад и пустилась на власть Господню к омуту. А плохо уж видать, стемнелось, иду и молитву читаю. Подошла. Слышу, под крутизной берега женщина тихо да ласково так-то напевает:



Баюки, баюшки,
Во городе желудки,
В Москве калачи,
Как огонь горячи.
Подбег мальчик,
Обжег пальчик,
Побег на базар,
Никому он не сказал;
Только одной бабушке сказал:
Уж ты, бабушка, тутуля,
Не вари кашу крутую!
Вари всмяточку,
Клади в чашечку,
Поминай нашего Кузьму
Подле речки в кусту.

Слышу все до слова, а не видать мне с кручи-то, и опасаюсь к краю-то подойти — ну как оступлюсь да в омут-то я угожу? Вернулась, перешла лавинами и зашла с другого, пологого, берега, чтобы полюбопытствовать, кто эта женщина с ребенком. Только это я немного посравнялась, насупротивку-то мне и видать: сидит у омута нагая женщина с растрепанными черными волосищами и укачивает на коленях тоже голого ребенка. Завидела она меня — бултых с младенцем-то в омут и пропала. Так по мне мороз и посыпал. Водяница это была. Перекрестилась три раза и пошла домой, благополучно добралась, никакого зла мне не сделала водяница.

Про лешего

Лешие обитают в борах и лесах. Подобно всем представителям нечистой силы, лешие обладают способностью менять свой вид и рост. Если он идет лесом, то вровень с деревьями, собой весь темный, точно с головы до ног закутан в тулуп. При встрече с человеком принимает образ какого-нибудь знакомого или промышленного человека, например купца, портного, сапожника, плотника и т. п., но никогда не «перекидывается в животину». Любимые его занятия — «обходить человека, сбивать с дороги», «заводить», играть с бабами и утаскивать ребятишек, проклинаемых родителями или посылаемых только к лешему. Повстречается он с кем на пути, непременно вступит с прохожим в разговор, пускается в шутки и идет до тех пор, пока спутник не очутится в непроходимом лесу или совершенно в незнакомом ему месте. Хорошо, если человек при встрече сейчас же сотворит молитву — леший пропадет; в противном случае, какие бы молитвы после ни читал, ничто не подействует и леший свое возьмет. Опытный и бывалый человек «обойдет» — может сразу

признать лешего: у последнего нет правого уха, и он застегивает полушубок с левой стороны на правую. Тогда стоит только крикнуть: «Овечья манда. Овечья шерсть, овечья шерсть». Немного слов в этом заклятье, но оно самое действительное, леший в ту же минуту кинется бежать, только пыль от копыт взовьется.

Велика еще в лесных уездах лешиная сила, но в тех уездах, где лес истреблен, так уж владычество лешего окончилось, остались только воспоминания, хотя вера еще в леших живет.

В прежние времена, на памяти нашей, толкуют лесные крестьяне, тут рамени[1] стояли, волока по 80-ти и чуть не по 100-ту верст тянулись, так лешим большая привола была. А как леса-то вырубили и все оголили, — перевелись и лешие, пристанища им не стало. Вспомнишь про старое-то время, так и загрустуешь: настоящая полная наша жизнь была при леших-то.

Жалеют крестьяне. При леших они свободно на свои потребы вывозили дерева из леса, потому лешие не любят сторожей-полесовщиков и всегда от них мужиков на порубках укрывали. «Зла они нам не делали, — говорят крестьяне. — Что с бабой побалуется или девку сцапает, так, чай, оттого вред не больно велик. Зато сколько деревня от леших добра получила».

Не такие водяные: от них крестьяне, кроме зла, ничего не увидят.

Записано Нефедовым, в Костромск. губ.

[1] *Рамень* — тип елового леса (*примеч. ред.*).

Диво
Сказка

Жил-был московский купец, и захотел он поехать в иностранные города, за далекие моря свой товар показать, а чужой товар накупить.

Было у него три дочери и жена. Одна дочь говорит:

— Привези мне, батюшка, гостинец, золото кольцо на мизинец!

Другая говорит:

— Привези мне, батюшка, сделай ласку, золоту парчеву повязку!

Третья дочь говорит:

— Привези мне, батюшка, обновку, шелковый платок на головку.

А жена говорит:

— Привези мне диво.

Поехал он. Приехал в иностранные города, за далекие моря, свой товар попродал, чужой накупил. Дочерям накупил: первой дочери гостинец, золото кольцо на мизинец; другой ласку, золоту парчеву повязку; третьей дочери обновку, шелковый платок на головку. Хочет домой ехать, вдруг вспомнил: жена просила привезти диво. Где я возьму? Надо сыскать! Идет по улице; навстречу ему человек: на всем кафтане на округ места нету, куды перстиком ткнуть, все кругом заплатки.

— Здравствуй, — говорит, — московский купец.

— Здравствуй, господин заплаточник!

МОЙ ДОСУГ

ХУДОЖЕСТВЕННО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ СБОРНИК

Издаваемый Александром Евгеньевичем Бурцевым

Выпуск 13

Выпуск 13

С.-Петербург 1910 г.

Хромо-Типография А. К. Вейерман, СПБ., Благовещенская пл. 3.

Обложка 13 выпуска 4 тома

Московский купец покупает у немца диво
(рис. Л. Альбрехта)

— Когда домой путь держишь?

— Да вот совсем собрался, да жена просила привести к ней диво! По городу хожу, его ищу!

— Да, — говорит. — Вам нужно?

— Как же, — говорит, — нужно!

— Ну, пойдем ко мне!

Пошли они, пришли в его дом, поклоны иконам отдали, поздоровались.

— Ну, — говорит, — что, жена? Ужна готова?

— Как же, готова.

— А гуся на жаркое жарила?

— Как же, жарила!

— Ну, сядем за стол!

Сели за стол, поужинали. Приносят гуся на железной сковороде, а гусь нерушеный, а гусь некроеный — только шерсти-то на нем нету.

Взял хозяин ножичек, в разных местах искрошил его, положил на сковороду.

— Ну, — говорит гостю, — ты гуся-то ешь, косточки объедай, а косточки не ломай, сам на стол все клади.

Ну, хорошо. Съели они гуся всего, косточки на стол положили.

— Ну, — говорит, — ты хотел диво — вот тебе диво!

— А! — говорит московский купец. — Какое это диво? У нас самих кормленки много. Бывают гуси на святой Руси!

— Нет, — говорит, — бывают гуси и гуси.

Сдернул он скатерть за углышек, косточки на пол сбросил, гусь закричал да пошел.

— Ох, — говорит, — вправду это диво, нельзя ли купить?

— Можно! — говорит.

— А чего стоит?

— Триста рублей.

Вынул это московский купец деньги, расплатился.

— Ну, — говорит заплаточник, — господин гусь, вот тебе новый хозяин! Ты за ним иди! Чего станет приказывать, ты его слушайся!

Ну, хорошо. Пошел московский купец домой, гусь за ним. Пришел домой, наутро встали, пали на корабль, побежали. Пришел купец домой, дочерям отдает подарки, жене — ничего.

— Ах, — говорит жена, — друг любезный, ты как, мне ничего не привез?

— Нет, — говорит, — ты просила привезти тебе диво.

— Это какое диво! Гусь? У меня самой кормленки много. Бывают гуси на святой Руси!

— Нет, — говорит, — бывают гуси и гуси!.. Что, печка горячая?

— Только, — говорит, — истоплена!

— Эй, — кричит, — гусь! Ступай в куть! [1]

Пошел гусь в куть.

— Эй, гусь! Ложись на сковородку!

Гусь сейчас ножки да крылышки свернул, лег.

— Поставьте его в печку!

Поставили его в печку. Жена и говорит:

— Ой, друг любезный! Ведь он с шерстью, будет от него смрад!

— Не твоя забота! — говорит. — Никакой смрад не будет!

Сели обедать, пообедали. На последях говорит:

— Принесите гуся!

Принесли гуся на железной сковороде. Вот гусь некроеный, только шерсти на нем нету. Взял он ножичек, изрезал гуся по всем местам.

— Ну, — говорит, — гуся ешьте, косточки объедайте, а косточки не ломайте, а все на стол кладите!

Поели они гуся, он скатерть за уголышек со стола сдернул. Гусь закричал да пошел.

---

[1] *Куть* — здесь: место перед печкой (*примеч. ред.*).

Купец показывает жене подарок
(рис. Л. Альбрехта)

— Правда, — говорит, — диво! Да и великое диво!

— Ну, — говорит, — гуся береги, да не всякому про него сказывай.

Ну, ладно. А покамест купец ездил, был у этой бабы заведеной дружок. Купец в лавку пошел, дружок на порог. Сели они, стали разговаривать.

— Ну, — говорит, — какой муж тебе гостинец привез?

— Гостинца, — говорит, — не привез, а привез мне диво.

— А какое диво?

— А вот, — говорит, — ходит гусь.

— Какое это диво? У нас у самих кормленки много. Бывают гуси на святой Руси!

— Нет, — говорит, — бывают гуси и гуси. А этот гусь сам на сковородку ложится, сам и жарится, после еды целый бывает!

— Можно ли поверить тому? — говорит молодец. — Никто не поверит!

Она уверяет, она уверяет. Он не верит.

Жена купцова показывает своему дружку диво
(рис. Л. Альбрехта)

— А ну, — говорит, — покажи, как он сам на сковороду ложится, сам жарится, после еды целый бывает!

Вот она не долго думала, вышла на кухню.

— Эй, гусь, ступай в куть!

Гусь сидит. В другой раз кричит:

— Эй, гусь! Ступай в куть!

Гусь сидит. В третий раз кричит:

— Эй, гусь! Ступай в куть!

Гусь сидит. Оскорбилась она гуся, схватила сковородник — рука прильнула к шее, руки к сковороднику.

— Ой, — кричит, — друг любезный! Чегой-то сталось; иди, отделяй руку!

Пришел молодец, стал отделять и сам прильнул! Кликнул своего холопа.

— Иди! — кричит. — Отделяй руки!

Пришел холоп и тоже прильнулся. Повернулся гусь, пошел на двор. Они упираться. Нет, брат, не тут-то было! Так и тащит. Вытащил их на двор, потащил их по улице, близ лавки дошел, закричал. Купец услышал.

— Ой, — говорит, — это мой гусь кричит!

Вышел, посмотрел, а гусь их всех тащит.

— Гусь! — кричит. — Поворачивай домой!

Поворотил гусь домой, привел их в дом, купец за ним. Дверь на запор.

— Гусь! — кричит. — Распусти!

Сковородник упал, и руки отстали.

— Ну, молодец, — говорит купец, — ты почего пришел?

— С вами повидаться!

— Как это повидаться? Ходишь ты без меня, как это чужие редкости смотришь?

Вынул он плеть, стал гостя охаживать, колотил, колотил его, отпустил, за жену принялся. Ее так угостил, что она три месяца немогла. С той поры баба уж боялась гусю слово сказать.

Заколдованный царевич

Когда-то черт похитил где-то царевича и превратил его у себя конюхом. Мальчик жил в конюшне вместе с жеребцом. Однажды хозяин собрался куда-то и строго запретил всем входить в его дом, а в отсутствие его жеребец и говорит мальчику:

— Ступай все-таки в дом, хоть и запрещено; не дотрагивайся только ни к чему, осмотри все подробно и узнай, что там есть.

Мальчик сделал так, как ему приказал жеребец; взошел в хозяйский дом и увидел там разные странные вещи и предметы. У дверей стояла бочка, полная крови; на стене висел ужасно большой меч; в углу стоял сундук, а в нем находился камень, ветвь ельника и чаша воды.

Возвратившись, черт тотчас заметил, что мальчик в его отсутствие ходил в дом, побранил его очень за это и обещал убить его, если он осмелится вперед быть непослушным.

Живут несколько времени. Черт стал отправляться куда-то (у него ведь много хлопот) и строго запретил мальчику входить в дом. Но что же? Лишь только он ушел, жеребец и говорит мальчику:

— Не бойся, войди в дом и делай так, как я тебе прикажу.

— А что мне делать? — спросил мальчик.

Жеребец отвечал:

— Попробуй поднять великий меч! (А меч был так тяжел, что порядочный мужчина едва мог поворотить его.) — Если не подымешь, помочи голову свою в чану у дверей и попробуй, не подымешь ли тогда.

Мальчик взошел, попробовал поднять меч, но он не поворотился. Пошел мочить голову в чану; тут картуз его начал блистать, как золото, а он сделался таким сильным, что меч стал легким в его руках. Он отправился, рассказал это жеребцу.

У дверей стояла бочка, полная крови
(рис. Л. Альбрехта)

— Хорошо, — отвечал тот, — поди теперь в последнюю комнату, возьми себе оттуда суконное платье и спрячь в карман те вещи, которые в сундуке, да смотри, пролей воду из чаши; опояшься мечом и приди ко мне.

Мальчик исполнил все и возвратился в конюшню с теми вещами, которые он взял себе в доме. Тут жеребец ему и говорит:

— Сядь на меня, да побежим отсюда.

Это-то и было мальчику по сердцу, он сел на жеребца и давай бежать.

Черт возвратился и заметил, что все вещи пропали; пошел в конюшню, там никого нет. Пустился вслед за беглецами. Жеребец, правда, делал только по четыре шага на версте, а черт все-таки догнал бы его, если б только не случилось помех. Когда жеребец услышал шум за собой, он и говорит мальчику:

— Оглянись, не приметишь ли чего?

— Позади нас идет какая-то черная туча, — ответил мальчик.

Тогда жеребец приказал ему бросить за собой камень, который был у него в кармане. Мальчик послушался, и тотчас за ним поднялась такая огромная,

Жеребец услышал шум за собой, он и говорит мальчику:
«Оглянись, не приметишь ли чего позади нас?»
(рис. Л. Альбрехта)

крутая гора, что сам черт не мог ее перейти, а побежал домой достать инструменты, которыми он мог бы раздвинуть ее. Принес оттуда огромный топор и прорубил скважину, через которую он мог проползти. Потом хотел оставить топор в скважине и взять его на обратном пути, а лиса ему говорит:

— Не оставляй, я украду.

— Не бойся, не оставлю, — отвечал черт и опять побежал домой.

От этого выиграли только беглецы. Снова черт пустился вслед за ними. Жеребец заблаговременно заметил это и говорит:

— Брось за нами ветвь!

Тотчас за ними поднялся такой густой лес, что черт, хотя был очень силен, не мог пробраться через него. Побежал домой и опять принес с собой огромный топор, которым он проложил себе дорогу. Хотел опять спрятать топор, а лиса говорит:

— Не оставляй, я украду!

— И не оставлю, — возразил черт, — домой отнесу!

Так и сделал. Мальчик между тем спешит на коне, но вскоре опять слышит шум за ними. Тогда конь приказал за ними бросить чашу воды. Тотчас за ними возникло такое большое озеро, что и черт не мог переправиться через него, потому что лодки не было. Что делать? Стал пить воду из озера, чтоб сухо перейти его. Пил-пил, а на желудок набил обручи, чтоб не лопнул. Тут пришла лиса и откусила обручи; желудок лопнул, и черт утонул в воде, не догнав беглецов.

В богатой своей одежде и опоясанный мечом, мальчик теперь прискакал во дворец; там пробыл недолго; показал только себя так, что царь и не узнал, кто он. Недалеко от дворца конь узнал свою родину и говорит ему:

— Оставь меня в этой роще и поставь передо мной сена, а сам скинь эти платья и меч, поди к царю, наймись у него полоть сад. Тогда принеси мне немного этой травы.

Мальчик так и сделал. Его приняли во дворец; он полол и тем снискивал пропитание. В то время царь вел войну, и все войско отсылалось против неприятеля. Мальчик рассказал это коню. Тот отвечал:

— Ступай и ты воевать, достань себе какую-нибудь лошадь и поезжай с другими.

Нечего делать, мальчик объявил свою охоту, и ему дали старую клячу. Дорога шла через болото; в нем кляча и увязла; мальчик стал просить других всадников помочь ему вытащить ее, а они смеялись над ним и ускакали дальше. Когда все уже проехали, он оставил ее (клячу) в болоте, пошел к своему коню и с ним по другой дороге отправился против неприятеля, напал на него и победил все войско прежде, нежели пришли другие всадники. Они удивились, кто бы мог совершить такое дело, но не могли догадаться и возвратились к дворцу, рассказали царю исход войны.

Мальчик, хотя и был ранен в руку, поспешил с поля сражения, так что никто его не видал, и по проселкам пробрался к болоту, где кляча увязла. Когда всадники скакали мимо него, он опять просил на помощь, а они только спешили к дворцу рассказать все царю. Царь очень удивился и хотел знать, кто совершил такое великое дело, но никто не мог объяснить ему этого.

Живут опять несколько времени: мальчик по-прежнему стал полоть в саду, а и там перевязывал свою рану. Царевна заметила это и рассказала о том царю. Он тотчас позвал мальчика к себе и стал расспрашивать, отчего у него рука ранена. Тогда мальчик признался, что он сбил с поля неприятеля, и в доказательство показал рану, которой до сражения не имел. Когда царь и тут не хотел верить ему, он отправился к своему коню, оделся в великолепную одежду, опоясался мечом и надел картуз, сел на коня и вскочил на нем через забор прямо к царю. Показал меч и раненую руку и был таков. Никто не заметил, куда он удалился. Изумленный царь не мог представить себе, что этот статный всадник был тот нищий, который полол в его саду. Между тем мальчик возвратился в рощу, и конь ему тут приказал:

— Возьми меч, отруби мне голову, она не моя. Мне ее черт дал.

— Я не могу так поступить с моим благодетелем, который освободил меня от черта, — отвечал мальчик.

— Ты должен сделать это, а не то я тебя убью.

Мальчик взял меч, отсек голову, и, когда конь стал умирать, из него вышел царевич, который был заколдован чертом. Потом царевич сказал мальчику:

— Пойдем теперь к отцу моему. Ты останься в своей одежде, а я пойду таким, каким меня похитили.

Идут. Царь тотчас узнал своего сына и стал расспрашивать, кто его освободил из рук черта. Царевич показал на мальчика и сказал:

— Вот кто.

— А ты кто такой? — спросил царь у товарища своего сына.

Он отвечал:

— Я уже несколько месяцев полол в вашем саду.

Ему не поверили, а подумали, что он какой знатный граф; тогда он показал раненую свою руку. Теперь царевич и мальчик пошли с царем во дворец и по дороге рассказали всю историю, каким образом они встретились у черта и бежали оттуда, как наконец лиса избавила их от страшного преследователя и как царевич опять превратился в человека. Когда царь узнал все это, он щедро наградил мальчика и дал ему свою дочь в супруги, а царевич стал править государством.

Дий-попович

Сказка

Бывало да живало кулик да журавль, они пили да ели с одного стола и спать отходили с одного крыльца. Сказка недолга: баран да овца; опять с конца — бывало да живало и т. д.

У одного священника был сын. Звали его Дием. Когда священник уходил на сенокос, сын его выходил на улицу играть с ребятишками. Народ стал жаловаться на Дия его отцу, что он уж больно не бережно играет с ребятами.

Вот поп и говорит своему сыну:

— У нас сегодня не пришла черная корова. Так сходи пригони ее.

Дий пошел искать корову. Идет Дий-попович по полю и видит: медведь ест овес. Он схватил медведя, притащил домой и сунул во двор. Через несколько времени во дворе что-то застучало.

— Что это за лом во дворе? — спрашивает отец у Дия.

А тот отвечает ему:

— Да вот черная корова, что я привел, бодает всех.

Вышел отец на двор и увидал медведя. Рассердился он на Дия и приказал ему тотчас выгнать медведя, а потом и его самого прогнал.

Идет Дий-попович путем-дорогой и видит богатыря, который с долони на долон кидает горы. Дий подошел к нему и спрашивает его:

— Как тебя зовут?

— Меня зовут богатырь Горыня, — ответил ему тот.

— Возьми меня к себе в товарищи, — попросился Дий.

— Пойдем, — сказал богатырь.

Идут они вдвоем и видят богатыря, который веял горох. Они спросили, как его имя?

— Меня зовут богатырь Горохов, — ответил тот и тоже попросился к ним в товарищи.

— Пойдем, — согласились они.

Идут они втроем и видят: сидит богатырь в реке, усами воду спирает, а ртом хватает.

Трое богатырей остановились и поздоровались с ним:

— Здравствуй, богатырь Усач, — сказали они.

— Какой я богатырь! — ответил тот. — Вот есть Дий-попович, вот это так богатырь!

Дий сразу повалил Усача
(рис. Л. Альбрехта)

— Я самый и есть, — сказал Дий.

— Ой, тебя-то я задавлю одними усами. Давай сборемся? — предложил Усач.

Стали бороться, и Дий сразу повалил Усача. Усач и говорит остальным богатырям:

— Возьмите меня в товарищи.

— Пойдем, — согласились те.

Они пошли все вместе. Шли, шли и дошли до одного большого дома. В том доме никого не было. Они тут переночевали. На другой день они пошли на охоту, а Горохова оставили суп варить.

Сидит богатырь Горохов у окошка и с кошкой забавляется. Вдруг видит: отворяется комната, и выходит человек, сам с ноготок, а борода семь локоток, и он стал пробовать суп, что Горохов приготовил для богатырей, и весь суп съел. Схватил его Горохов, повалил и давай трепать. Трепал, трепал, чуть живого оставил.

Сидит богатырь Горохов у окошка и с кошкой забавляется, вдруг видит: отворяется комната, и выходит человек, сам с ноготок, а борода семь локоток, и он стал пробовать суп (рис. Л. Альбрехта)

Возвратились с охоты богатыри и спрашивают:

— Сварил суп?

— Сварил, — отвечает Горохов. — Да у меня выхлебал его мужик с ноготок, а борода семь локоток.

— Пойдемте искать, — решили между собой богатыри.

Пошли. Дошли до поля. На поле нашли каменную плиту.

— Ну, поднимай ее, — говорит Дий Горыне. Попробовал тот приподнять плиту, да не смог.

— Ну, ты, Горохов, поднимай ее, — сказал опять Дий.

Богатырь Горохов поднял до колена. А Дий-попович как пнул ногой плиту, так та сразу отлетела неизвестно куда.

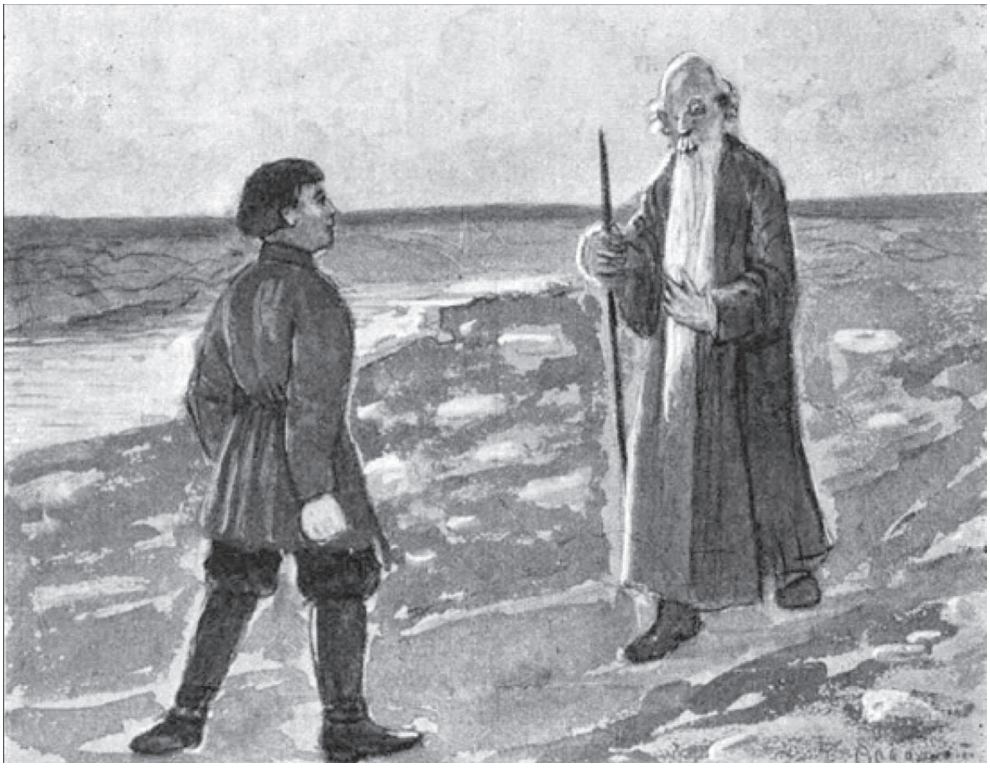
— Ну, лезь, Горыня, — велел ему Дий.

Горыня не лезет.

— Ну, ты, Горохов, полезай.

И этот не лезет в подземелье.

— Ну, ты, лезь, Усач! — сказал Дий-попович.



Дий видит преогромного роста старика с одним глазом (рис. Л. Альбрехта)

Но и этот лезть отказался. Нечего было делать: пришлось лезть Дию. Спустился Дий в подземелье и нашел там четырех девочек, которые сказали, что у них есть сильная и несильная вода.

— Сильная вода стоит на правой стороне, а несильная — на левой. Ты возьми и спутай: одну воду поставь на место другой.

Дий-попович приказал богатырям девочек из подземелья вытащить, а их отца он убил и тело его сжег в бане.

Вдруг видит Дий, что навстречу ему идет преогромного роста старик с одним глазом во лбу. Дий его и спрашивает:

— Что, дедушка, худо видишь?

— Худо, батюшка, — отвечал тот.

— Хочешь, я тебе сделаю, что хорошо будешь видеть? — сказал ему Дий.

— Сделай, пожалуйста, — попросил его тот.

Дий как хватит его по лбу — и прошиб ему лоб. У старика стало два глаза.

Шабарша

Жила одна девица и принесла ребенка. Поп приехал крестить и дал ему имя Шабарша.

Стал с годами ребенок подрастать и гулять вместе с прочими детьми. Силы он был необыкновенной, схватит бывало кого-нибудь за руку — рука прочь, а кого схватит за ногу — нога прочь.

Стали соседи говорить матери мальчика, чтобы она унимала своего сына и не давала бы ему воли больно озорничать.

Вот раз случилось как-то, что Шабарша опять что-то спроказил. Соседи пришли и пожаловались на него матери. Та стала плакать. В это время подходит сын и видит, что мать плачет. Когда он узнал, в чем дело, то сказал ей:

— Напеки мне завтра коровашков[1], и я уйду от тебя.

Мать напекла ему в дорогу коровашков. Шабарша поклал коровашки в мешок, распрощался с матерью и ушел из дому.

В то же время в одном селе понадобился попу работник. Он и говорит своей попадье:

— Напеки мне пирогов; я пойду искать работника.

Попадья напекла пирогов, поклала их в мешок, и поп, взяв его с собой, отправился на поиски работника.

Вышел поп к себе за гуменник и встретил там Шабаршу.

— Ты куда пошел? — спрашивает Шабарша у попа.

— Я пошел искать работника, — отвечает ему поп.

— Подряди меня, — назвался со своими услугами Шабарша.

— А сколько возьмешь жалованья? — спросил его поп.

[1] *Коровашка* — небольшой каравай (*примеч. ред.*).

— При расчете три стречка в лоб, — ответил Шабарша.

Поп согласился.

Шабарша стал жить у попа работником. Вот сработал поп быка колоть. Шабарша вывел быка со двора, стрекнул его в лоб топором и сразу убил быка наповал.

Прибежал поп встревоженный в избу и говорит своей попадье:

— Работник-то наш одним стречком быка заколол. Как да станет он стрекать, да заколет и меня.

Оба они испугались.

Вот раз как-то поп с попадьей собрались в гости. Перед отъездом поп и наказывает работнику, чтобы он никуда не уходил и стерег бы у дверей амбара.

Как только поп уехал, работник тотчас выломал в амбаре двери, взвалил на себя и ушел вслед за попом.

Приходит он туда же, где были его хозяева. Попадья увидала его и говорит попу:

— Смотри-ка, наш Шабарша-то здесь!

Поп подошел к работнику и говорит:

— Почто ты пришел сюда? Мы ведь велели тебе стеречь у амбара двери.

А Шабарша ему отвечает:

— Ты видишь, что я сижу на дверях.

Поп приказал ему вернуться домой:

— Беги скорей домой. Поди, весь хлеб-то унесли.

Шабарша подхватил двери и понесся домой.

Пришел, вставил двери в амбар и ушел в избу.

Приезжают из гостей поп с попадьей и начинают советоваться между собой о том, как бы им отделаться от такого опасного работника. И вот они придумали послать работника в лес искать быка, думая, что он там непременно наткнется на медведя, а тот задерет его. Они для того нарочно и послать решили его в такое место, где более всего водились медведи.

На другой день рано утром они посылают Шабаршу на поиски быка в лесу и при этом сказали ему:

— У нас в поскотине есть гора. Коровы все больше тут и стоят. Может, и наш бык тут же?

Шабарша отправился в лес на указанное место и как раз наткнулся там на медведя. Но Шабарша не оробел и не растерялся, а преспокойно взял медведя за ухо и повел за собой к попу. Медведь нисколько ему не сопротивлялся и пошел за ним, что ученый.

Привел Шабарша медведя и пихнул его к попу во двор. А сам, как ни в чем не бывало, пришел в избу и лег на свое место.

Наступила ночь. Во дворе стало что-то постукивать, погромыхивать. Ничего не знавшие поп с попадьей стали спрашивать Шабаршу про его поиски, то есть нашел ли он быка и куда подевал.

— А я его во двор сунул, — ответил им Шабарша.

Не поняли они, про какого быка говорит работник: они подумали, что он по глупости и вправду привел им во двор чужого быка, а потому они его больше не расспрашивали и сказали ему только: «Ну, ладно».

Вот на другой день рано утром попадья встала и пошла во двор коров доить. Приходит и видит: все до одной коровы лежат среди двора в общей груде, а у лестницы лежит медведь.

Испугалась попадья, прибежала в избу и обо всем рассказала попу. Тот прежде всего приказал работнику вывести медведя. Шабарша взял медведя за ухо и вывел его прочь со двора.

Потом поп с попадьей стали думать, как им отделаться от такого сокровища. Думали, думали и надумали вот что: напечь себе в дорогу пирогов и, бросив все, убежать из дому, так, чтоб Шабарша не знал об этом.

Попадья послала Шабаршу рубить дрова, а тем временем она напекла пирогов, и они вместе с попом убежали из дому.

Долго они шли. Наконец попадье захотелось есть. Она и говорит попу:

— Давай присядем, отдохнем да закусим. Теперь уж работнику не догнать нас.

Поп подставил свой лоб работнику для расчета (рис. Л. Альбрехта)

Поп согласился, и они расположились под деревом. Но не успели они наесться досыта, как их нагоняет работник.

Подскочил он к ним и кричит:

— Поп, давай мне расчет!

— Видно уж так суждено, что ничем от него, окаянного, не спасешься, — сказал поп своей попадье.

Вот поп и подставил свой лоб работнику для расчета. Шабарша как стрекнет его в лоб, так бедный поп с одного раза перелетел через речку, что тут поблизости протекала, и очутился на противоположном берегу.

Шабарша вернулся в поповский дом, забрал там пироги и ушел. Идет он путем-дорогой, а навстречу ему попадается старик.

— Ты куда, старик, идешь? — спрашивает Шабарша у встречного.

— Я иду отлучить от царевны черта, — отвечает ему встречный.

— Давай, я отлучу, — вызвался Шабарша.

— Ступай, — согласился старик.

Приходит Шабарша к царю. Царь его спрашивает:

— Что, можешь отлучить?

— Могу, — отвечает тот. — Только дай мне на эту ночь денег сто рублей.

Царь дал ему деньги. Он сходил купил колоду новых карт, сковал чугунный наперсток и сел в комнате, что была рядом с царевной спальней.

Вот в полночь приходит к царскому дворцу черт. Словно бревном кто дернул в ворота — все запоры лопнули.

Вышел Шабарша навстречу черту и говорит ему:

— Я ведь тебя не пущу.

— А вот пустишь, — отвечает ему черт.

— Да буде всю ночь проиграешь со мной в карты в стречки, — говорит ему Шабарша.

— Давай проиграю, — согласился черт. Вот они уселись играть. Лишь только Шабарша нагнал на черта несколько стречков и говорит ему:

— Теперь давай, я буду стрекать.

Черт подставил лоб. Шабарша как стрекнет его — так сразу черт и вылетел на улицу.

На другую ночь Шабарша спросил у царя денег двести рублей. Царь дал. Он купил чугунные когти и карты.

Вот приходит полночь, и черт снова появился у царского дворца. Опять, словно бревном, грохнул кто в ворота — и все запоры лопнули. Шабарша выходит черту навстречу и говорит ему:

— Я тебя не пущу.

— А вот пустишь, — отвечает черт.

— Да буде всю ночь проиграешь со мной в карты в езды.

— Давай проиграю, — согласился черт. Они уселись играть. Когда Шабарша нагнал на черта несколько езд, то сказал ему:

— Давай, я теперь стану ездить.

Он взял да как влепил когти черту в кожу — всю шкуру ему испортил. Насилу черт из его когтей живым вырвался и убежал без оглядки.

На третью ночь Шабарша спросил у царя триста рублей. Царь дал ему. Он пошел и купил карты и чугунного старика.

В полночь опять ударило в ворота, словно бревном треснуло, так что все запоры лопнули, и во дворец явился черт. Но Шабарша опять вышел ему навстречу и говорит:

— Вот если обыграешь в карты чугунного старика, так пущу; а иначе ни под каким видом тебе сюда не попасть.

— Давай, обыграю, — согласился черт.

Они стали играть. Чугунный старик-то стал гладить карты. Шабарша тронул старика, он ухватился черту за шею. Шабарша защелкнул пружину, а потом и говорит черту:

— Давай теперь, рвись.

Черт как рванулся — так без половины шеи и отскочил от старика. Выбежал из дворца на улицу и без оглядки понесся домой.

Шабарша играет с чертом в карты
(рис. Л. Альбрехта)

Шабарша пошел к царю и сказал ему, что он черта от его дочери отлучил.

— Теперь уж не посмеет больше и носу показать во дворец, — добавил он.

Царь очень обрадовался и не знал, как и чем наградить Шабаршу за его искусство.

— Чего ты желаешь за свою работу? — спросил царь Шабаршу.

— Дай мне лошадь, — попросил у него Шабарша.

— Пожалуйста, — ответил царь, — иди на конюшню и бери себе любую.

Шабарша пошел на конюшню и выбрал там самую плохонькую лошадь, запряг ее в дровни и поехал в лес дрова рубить.

Едет он по берегу и видит, что стоит береза. Он начал рубить ее. В это время выскакивает из воды демонок и говорит ему:

— Не руби этой березы; нас всех щепками закидал.

А Шабарша ему на это в ответ:

— Бегите и раскидайте у помещика дом, так тогда — так уж и быть — не стану рубить.

В один миг все черти помчались к помещикову дому и принялись за работу.

Выскочил из воды демонок и говорит Шабарше: «Не руби этой березы»
(рис. Л. Альбрехта)

Шабарша вернулся и едет мимо дома, а там только стук да треск идет. Увидал его помещик и закричал в отчаянии:

— Уйми их, Шабарша!

Шабарша тотчас закричал на чертей:

— Прочь отсюда! Убирайтесь вы все, чтоб и духу вашего здесь не было!

И в один миг все до единого разбежались черти и попряталась опять в воду.

Рассказ про дьявола

Одна мещанка города Ветлуги весной проводила своего мужа в бурлаки на Волгу. В назначенное время он не возвратился — погнал из Козьмадемьянска лес в Астрахань. Не получая никакой вести от мужа, жена начала грустить и про себя желать, чтобы во сне ей приснился. Желание ее исполнилось, она увидела во сне мужа, каким ей желалось, но это не удовлетворило женщину, ей захотелось скорей видеть его в действительности. В конце же лета, около полуночи, когда домашние все спали, она увидела у постели своего ожидаемого мужа. Побеседовав с женой и полежав вместе на постели, он сказал, что ему пора уходить, и строго наказал, чтобы она никому не сказывала о его посещении, и при пении третьих петухов скрылся, обещая прийти на следующую ночь. Обещание свое сдержал, на другую ночь в назначенный час пришел.

Так продолжалось с неделю, муж являлся к жене каждую ночь. В то же самое время из соседей стали замечать, что ко вдове ночью летает огненный змей: он пролетал городом и рассыпался над трубой дома. Соседи и родственники обратили на это явление особенное внимание и заговорили, что к Марфе летает нечистый; обратились к ней с вопросами. Сначала она упорно молчала или отрицала факт. Родственники не отставали. Спрашивали, носит ли она крест на шее и молится ли Богу, когда ложится спать, и крестит ли подушку и постель? Тогда женщина созналась, что крест свой она потеряла и не молится Богу, потому что, когда этого она не делает, видит во сне своего мужа. Но близкие люди допытывались правды, говорили, что если к ней ходит муж, то она принимает вместо него огненного змея, что это великий грех, нужно скорее покаяться. Тогда во всем созналась и обратилась к своему духовному отцу с покаянием, приняла христианские советы и наставление от пастыря церкви и скоро освободилась от посещения дьявола: змей перестал к ней летать. Осенью возвратился муж, но пожил всего несколько месяцев и умер. Сделавшись вдовой, сознавалась, что с летавшим к ней змеем в образе мужа она имела тайный грех.

Рассказ про нечистого

Летуны не ограничиваются одними женщинами, они пробуют свою силу и над мужчинами.

Так, зимой на одной ткацкой фабрике Нерехотского уезда у мастера ткача умерла от грудницы жена, оставив мужу трехнедельного ребенка. Бедный ткач в свободное от работы время сам ухаживал за ребенком, поил его с рожка молоком, давал соску и т. д. Пришла Масленица, работы приостановились. Утром, в пятницу, отец вынул из люльки ребенка, покормил его и стал перепеленывать. Делая свое дело, он смотрел на крошку, думал о своем одиночестве и вспоминал покойницу. Занимал он в казармах отдельную кадель — каморку — и жил только вдвоем с ребенком. Вдруг отворилась из коридора в каморку дверь, и вошла женщина:

— Ну-ка, давай мне младенца-то, что ты его пеленаешь, — сказала. — Я сама его обихожу. А ты заваривай чаю, я уж внесла самовар и блинов напекла, ешь, пока горячие.

Муж глядит на жену, глядит на самовар и блины и не верит своим глазам.

— Что за диво такое? — вымолвил ткач. — Господи Иисусе Христе...

Не успел он окончить молитву, как страшным ветром распахнулась дверь, жена пропала, и по всему коридору пошел шум, и двери всех других каморок также распахнулись настежь, все жильцы от страха повыскакивали. После этого покойница уже ни разу не являлась к мужу.

Рассказ про банника

Дело было в Юрьевецком узде, в деревне Камешки; жила старая девка Арина Трофимовна, по прозванью Коряга, жила она от родных особо, в келье. Пошла она раз в баню: разделась в предбаннике да позабыла снять с шеи крест, так в кресте и в баню вошла. Вымылась. Хотела на полок залезть попариться, да увидела на себе крест и начала его снимать; снимавши, нечаянно уронила крест в колоду с холодной водой и запустила руки в колоду, чтобы крест достать. И как она руки опустила в воду, и представилось, что она будто не в бане, а у себя на усадьбе, и с ней две подружки: одна из деревни Одежкиной, беснущая Катюша Булыга, а другая — своей деревни, чернонемощная Прасковья Ефимова. И вот, Коряге представляется, что будто она с подругами круг завела; Арина запела песню:

Эх, гулял молодец,
Тихий легкий перевоз.

Спели одну-две песни, подруги стали ее звать по ягоды в лес. Только пришли на бор, подруги и выбились из глаз Коряги. Она крикнула, аукнулась, никто не откликнулся. Арина походила-походила, ягод не видать, и с горя запела новую песню:

Уж я ягод не набрала,
Лишь подружек потеряла.
Эх, гулял молодец,
Тихий легкий перевоз.

Бани у нас на берегу пруда стояли, сноха Коряги, Агафья, в этот час белье мыла, услыхала голос золовки. Побежала, заглянула в баню: Арина сидит в корыте нагая, вся растрепанная и так-то закатывает песни.

— Золовушка, родимая, — начала Агафья, — что ты? В бане и песни поешь? Христос с тобой.

А та еще веселее разделывает — голос звонкий, так и разливается. Сноха кинулась на деревню, сказала своему мужу, вдвоем побежали к бане. Арина, знай, заксипывает. Вытащили ее из корыта, вывели, одели. Ничего, опять стала девка как следует.

А другой случай был в деревне Кожуховой, Солигалицкого уезда. Замужняя женщина Акулина Григорьева пошла мыться в баню. Перед этим она только что с работы управилась; разделась, сняла крест, и вдруг ей что-то занездоровилось. Она легла посередь бани на полу и лежит. Жара, духота в бане-то. Акулина расплела косы, вся растрепалась и начала мыться в корыте. Погодя выставила оконце, сама по грудь высунулась на волю и кричит во весь голос:

— Лимон, а Лимон? Пойдем по грибы.

С краю деревни услышали голос. Что такое?

— Лимон, пойдем по грибы?

Побежали к бане узнать, кто по грибы Лимона зовет. А уж Акулина песню заиграла: сидит на лавке и унылым голосом выводит:

— Эх, ты, Ваня, разудала голова.

Поет и сама плачет. Насилу утишилась, взглянула на добрых людей и закрестилась:

— Господи Иисусе Христе, в бане и песни играю.

Обошлось. Только это с ней и после бывало, да и не с одной Акулиной, а со многими банные озоруют.

Любят баловать и «овинные», особенно если хозяева позабывают именины их справить.

Записано Г. Нефедовым
в Костромск. губ.

Рассказ однодворца[1]

На Корегу, к одному знакомому однодворцу, много их, однодворцев этих, по реке Кореге рассыпано, дворянами они себя почитают, а живут, как серые мужики, и ходят в лаптях. Надо было моему батюшке с корежским барином повидаться, заказ ему насчет поставки мочала сделать. Перетолковал с ним, что надобно, условился и в обратный путь поехал. Все благополучно. Не доезжая верст двух, догнал женщину. Поздоровался.

— Здравствуй, добрый человек, — ответила женщина.

— Откуда? — полюбопытствовал мой родитель.

— С Кореги, я дворянка Чапулина.

— Знаю господ Чапулиных, — говорит родитель ей. — Ты которого же Чапулина и как ему приходишься?

— Я младшая дочь Кондратья Степаныча.

— Тебя я нечто не признаю, а родитель твой хорошо мне известен: хлебсоль мы с ним важивали. Садись ко мне, я подвезу.

— Покорно благодарю, — отвечает Чапулина, — мне сейчас сверток. Прощай.

Повернула и пошла. Поглядел мой родитель ей вслед. «Что за притча, ни дороги, ни тропы нет, вблизи болото, и за ним озеро». Только он это подумал, дворянка Чапулина и пропала.

— Так у меня инда сердце упало, и внутри ровно что оборвалось, — сказывал, приехавши домой, наш родитель. — Погнал я своего мерина, гоню и думаю: да ведь младшая-то дочь Чапулина, вспомнил я, утонула, когда была

[1] *Однодворцы* — сословная группа в Российской империи, владельцы небольших (в один двор) земельных участков (*примеч. ред.*).

в невестах, так неужели это она мне представилась? Насилу от страха доехал. Точно по округе все знали, что дочка Кондрат Степановича утонула, будучи уж невестой; домашние ужаснулись.

С этого вот раза родитель мой и занедужился, начал о чем-то задумываться и вздыхать.

— Умру, знать, скоро, — говорил покойный, — не перед добром мне Чапулина-то представилась.

И верно родитель сказал: осенью он еще попростудился, стал покашливать, с тела спадать — человек он был могутный, пять пудов одной рукой подымал, — и через два годочка отдал Богу свою душеньку. Много, слышно, водяница Чапулина народа загубила, кто встретится с ней, помрет, как мой родитель, кто рассудка лишится, а кто молодой да пригожий парень — в реку или озеро угодит, — молодых она чарами и прельщениями в воду заманивает. Вот какая она, «дворянка-то Чапулина».

Рассказ про водяницу

На реке Унже, в Спасской волости, Макарьевского уезда, часто видят водяницу, которую зовут «Маришкой». Позапоздает иногда мужик на пойме, спешит ко дворам и слышит, как на берегу плачет Маришка: «Нехорошо таково жить». Ну, разумеется, скорее бежать. Другому она и покажется, но близко не подойдет, а только рукой поманивает: ко мне, мол, подойди. Чаще других ее видали рыбаки, но они всегда артелью, так нисколько и не опасались водяницы. Раз вечером рыболовы поднялись к тому месту, где живет Маришка, и видят: на берегу, у самой почти воды, стоит девка, голая, собой дюжая, титьки на плечи закинула, косы распущены. Рыболовы хорошо были выпивши, глядят на водяницу и смеются:

— Вишь, Маришка-то подлая, — переговариваются, — вот бы нам ее к себе в лодку.

А водяница к ним с добрым словом:

— Лов вам, мужички, — крикнула.

А мужички, рыболовы то есть, принялись похабничать: один скажет хорошо, а другой еще лучше. Маришке, должно, за обиду оказалось, ни слова не промолвив, бултыхнулась в воду, и лодка тую же минуту остановилась. Рыболовы и так и этак, сдвинуться хотят, гребут из всей мочи, баграми упираются, дна не достанут, и лодка не шелохнется. Соскочила с них блажь-то. Хмель из головы вышибло, молитвы начали читать. До самой глухой ночи промаялись и, може, до утра или дольше простояли, да один из рыбаков нашелся, сообразил, что надо от Маришки откупиться: начал из лодки рыбу в реку швырять: налимов толстобрюхих, окуней, стерлядей. Всю рыбу, какую за день наловили, из садка повынули, только один дворянин остался — осетр, с пуд весом. Жалко им было такой рыбины, а ничего не поделаешь, лодку Маришка

не отпускает. С большой скорбью взяли дворянина и кинули в реку, тот хвостом только ударился и брызгами обдал: тую же секундой лодку толкнул, и она стрелой понеслась вниз. Так с пустой лодкой рыболовы и вернулись. Вот она какая, Маришка-то.

Записано в с. Спасском

Рассказ про черта

Есть предание о посещении женщины чертом следующее.

Овдовела одна женщина. Она очень тосковала об муже, и вот он стал ей казаться. Муж ее был портным. Раз он ей и говорит:

— Ты тоскуешь обо мне, хочешь ли, я буду с тобой жить? Ты бери на дом работу, будто сама работать будешь, а я за тебя сделаю, только никому ничего не говори, что я с тобой живу.

Она обрадовалась и согласилась. Стала она работу на заказ брать, и все диву дивились, как она хорошо шила, как покойный ее муж. И всякая работа у ней спорилась. Летом на работу выйдет, кажись, одна, а за троих сделает. И дивились соседи, как она с работой всякой хорошо справлялась. А она на это им отвечала:

— Рано встанешь, много сделаешь.

И стали замечать соседи, что она иногда сделается как на положении беременной, а то опять ничего нет. Только стала баба что-то хиреть, до того исхудала, что кожа да кости остались. Видят соседи: дело неладно. Вот и стала ее допытывать одна старуха:

— Скажи, отчего так исхудала?

Она ей все и рассказала, как она с мужем живет. Старуха и говорит ей:

— Вот чему я тебя научу. Поди скажи ему, что у тебя захворала матка, и отпросись ее проведать. Там ты возьми недоуздок с молодого жеребца, и надень ты этот недоуздок на своего мужа, как придешь домой. Он тебе тогда никакого вреда не сделает.

Баба так и сделала.

Приходит это с недоуздком домой, муж сидит и пьет. Она подкралась сзади и накинула на него недоуздок. Муж тут и пропал. С этих пор стала баба жить по-хорошему и здоровьем поправилась.

Рассказ про банника

Раз осенью мне надо было идти в овин. Иду я мимо дядиной бани и слышу, что там кто-то моется. Я думал, дядя, да и крикнул ему:

— Иди, дядя, в овин, я уж пошел.

— Ладно, иду, — ответил дядя.

Пришел это я в подовин, вдруг слышу из-за печки голос:

— Зачем ты его, бездельник, звал? Он сколько бань сжег, охота, чтобы и овин сжег? Смотри, выгони его, не пущай.

— Не могу я его выгнать, боюсь не сладить.

— Ну коли мне разрешишь, я его выгоню.

Вдруг растворяются двери, и входит ровно как человек с рогами, черный, шерстистый, и сел у огня. А из-за печки опять голос:

— Зачем пришел?

А тот:

— Меня хозяин звал.

— Уходи вон, честью прошу. Я здесь хозяин.

— Нет, не пойду.

— Ну так я с тобой расправлюсь по-своему.

И выскочило из-за печки такое же чудовище, и схватились они. Боролись, боролись, наконец выскочили на гумно. Подовинник и кричит мне:

— Помогай.

А у меня было ружье с собой; я возьми да выстрели.

Оба и пропали. Стало тихо. Вдруг слышу опять голос из-за печки:

— Никогда его, мерзавца, не зови, а то он нас живо уходит.

Больше ничего так и не видно, но спать не мог до утра.

Рассказ про солдата

Крестьянин Федор рассказывал, что его отец видел банника. Дело было так.

Когда было еще крепостное право, сильно рассердился на мужиков раз барин и разогнал всех. Дело было к вечеру. Отец с испугу убег в баню и лег на полок. Лежит и видит, что по бане стали огоньки перебегать, и начал он молитву читать.

Вдруг выходят как два человека и тащат солдата. И начали они с солдата кожу сымать и бросили его на батька.

Тот лежит ни жив ни мертв и читает молитву:

— Да воскреснет Бог.

А они услышали да ему в ответ:

— Да растреснет лоб.

Он читает дальше:

— Да расточатся врази его.

А они:

— Да раскачается осина.

И так до половины отчитывался. Прочитал он всю молитву, лежит, и кожа на нем. Банники пропали. Утром проснулся, глядь: а на нем лежит рогожа. Сам видал, сам и рассказывал.

Рассказ про утопленницу

В Селигалицком уезде крестьянин деревни Коровниковой Никита Андреев тоже повстречался с водяницей. Шел он из волости — паспорт надо было выправить — дорога лесом, извилистая, к реке Воге подойдет, то в сторону, к лесу даст, то опять выбежит к реке. В одном месте, не доходя трех верст до своей деревни, услыхал он плач. Оглянулся, шагах в пяти от него идет девчонышка, на вид годков 14–15-ти, роста маленького, но грудастенькая, простоволосая и босиком, только одетая. Идет и так-то плачет, горько плачет.

— Как увидел я ее, так у меня инда волосы дыбом встали, — рассказывал Никита Андреев. — Откуда экая взялась? Все шел, 15 верст от волости проковылял, ни я никого не догонял, ни меня никто не обгонял. Вспомнил, что в том месте, где девчонка появилась, озерко небольшое, так она из него. Такой-то страх напал. Бежать не в силах, потому одна нога у меня короче другой, а надо спасаться, утекать от водяницы. Ковыляю в частушку, не жалко своей хромоты, натружаю коротышку. Ничего не говорит, вблизь ко мне не подходит и не отстает, все в одном расстоянии. Идет и плачет, плачет. «Господи, вызволи, — молюсь про себя. — Не дай ты без покаяния душе христианской помереть». Хромыляю, тороплюсь, пот с меня ручьями, рубашка на мне, портки взмокли, словно я сам только что из воды вылез, а водяница не отстает, бежит за мной и плачет. Еще бы, кажись, малое время, и я свалился бы, упал на дороге, на, бери, водяная чудища, делай надо мной что хочешь. Да счастье, услыхал голоса на перевозе, плот кричат подавать. Я поожил. Свернул напрямки, через болото, и задуваю, что силы, мочи хватит, улепетываю и не оглядываюсь. Миновал болото. Тут увалец[1] овражек, и речушка на нем резвая бежит, сейчас же она тут в Вогу впадает; перебежал речку, на угорец[2] вскарабкался, оттоль уж и народ мне видать на перевозе. Страх посвалился, вздохнул легко и оглянулся: стоит на той стороне водяница, смотрит на меня жалостно и сама плачет, так и заливается, досадно, видно, не пришлось загубить-то христианскую душу. Я направился к перевозу, а она повернула и поплелась взад, к озеру, так и сгибла из глаз. Доковылял я до парома и рассказал мужикам про диковину.

— Счастье твое, что ты с ней слова не промолвил, — выслушав меня, сказал Кузьма Егоров, умеющий мужик и первый человек в деревне. — Как бы ты ее о чем поспрошал, сейчас бы она к тебе подвернулась, зачала прельщенья разные оказывать, и был бы ты теперь с ней на дне озера, в гостях у самого водяного.

Должно, его молитвами родителей, Бог меня спас.

---

[1] *Увал* — вытянутая возвышенность с плоской, слегка выпуклой или волнистой вершиной и пологими склонами (*примеч. ред.*).

[2] *Угор* — возвышенность, холм; крутой берег (*примеч. ред.*).

Рассказ про банника

Банные. Это такие же дьяволы, как и другие, только они очень тепло любят и живут около печки или каменки. Здесь, в банях, привольно, потому люди крест снимают, когда разденутся в передбанье, и войдут в баню уже без креста — страсть не любят они креста Господня. Живут они не одни, а с девками, которых похищают у родителей некрещеными, а также и крещеными, но проклятыми матерями. Уворованных детей нечистые обменивают: вместо настоящего младенца положит в люльку своего детеныша, да какого? Чурбачок или пенек. А родителям и невдомек. Полагают, что в люльке их ребенок лежит. Только уж после, много лет спустя кто догадается: ребенок все кричит, кричит неистовым голосом, ничего не ест и не растет, хоть бы ему 20 годов было; каким был обменен, таким и остается. С некрещеными дьявола живут, когда те достигнут настоящего возраста, живут, как мужья с женами, только невенчанные, а до крещеных они не прикасаются: так надо полагать, что им этого не дозволено. Во время паренья или мытья банные невидимы, равно невидимы и девушки, которых они прячут, но когда из людей никого не бывает в бане, принимают они настоящий образ и располагаются, как православные в своем доме, только крестьянской работой не занимаются: в играх, скаканиях, плясках и блудном деле проводят время, одни крещеные (проклятые) непричастны этому греху, сидят где-нибудь у сторонки. Некрещеные девки так и остаются по веки с нечистыми, а крещеные, если выищется добрый человек, выходят замуж, делаются опять настоящими людьми. Есть по деревням мужики, которые женились на проклятых, взяли жен из бани. Женитьбы такие бывают о Святках.

Про попова работника

В одной деревне у старухи был сын, парень лет двадцати. Он стал проситься у матери на работу. Она сказала ему:

— Ступай с богом.

И напекла ему подорожников. Он поклал их в сумочку и пошел в работу. Вот идет он день и два. На третий день попадает ему навстречу поп.

— Куда ж ты пошел, молодец? — спрашивает его поп.

— Пошел в работу.

— Какой тебе работы надо?

— Все одно — какая бы ни попалась.

— Подрядись ко мне в работники.

— Можно. Отчего не можно?

— Сколько с вешнего до Покрова дня возьмешь с меня на лето жалованья?

Он сказал в ответ:

— Когда козы людские придут к вам на печь, до того «строку» я буду у вас жить.

Поп сам себе подумал: «Этот строк никогда не будет. Работник у меня вечно проживет; только много ли он с меня возьмет?»

— Сколько тебе до этого строку надо жалованья?

— Сто рублей.

Поп подумал сам себе: «Это дешево», — и спросил:

— Согласен жить за эту цену, пока людские козы придут ко мне на печь?

— Согласен.

Тогда они помолились Богу, и поп сказал ему:

— Пойдем теперь ко мне домой.

Приезжает поп домой и сказывает попадье:

— Ну, матка, работника я подрядил очень дешево: за сто рублей до такого строку, пока людские козы не придут к нам на печь. Я думаю, что к нам никогда не придут козы. Тогда век и проживет у нас работник.

В этот день у них работы не было, так как было уже не рано.

Ночевали. Утром встают. Работник говорит:

— Что будем делать?

Поп отвечает ему:

— Поедем пахать.

Поп, как и с прежним работником, не расставался с ним — не отходил с утра до вечера, все находился при работнике.

Поле у них было далеко — версты за три надо было ехать, а поэтому необходимо нужно было еду для себя и корм для лошади брать с собой.

— Матка, ты нам дай с собой чего-нибудь поесть, — сказал поп жене.

— У меня сейчас нет ничего; хлеба берите, буде, — отвечала попадья.

А работник говорит:

— Хлеба не стоит брать. Когда будет время на обед, — лошади дадим сена, а я между тем сбегаю — она чего-нибудь испечет.

Работник с попом отправились пахать.

Время стало уже на обед.

— Батька, уже не пора ли мне идти домой за обедом?

— На самом деле — время. Ступай скорей.

Он пошел. Приходит домой. Зашел в коридор и слушает, нет ли у матки кого. Слышит — дьякон сидит, а попадья угощает его водкой. Дьякон и говорит попадье:

— Надо мне идти домой — у вас скоро работник домой придет.

А работник услыхал это да кулаком в стену и застукал. Дьякон вскочил с места и говорит попадье:

— Ох, он уж идет! Куда я деваюсь?

— Ступай к овцам в хлев, — говорит ему попадья.

— А водку да пироги куда уберешь?

— Вот, — говорит, — в шкап положу, этта.

Значит, дьякон отправился в хлев к овцам.

Работник приходит в избу.

— Давай, — говорит, — матка, поесть чего снести.

А та отвечает:

— Ничего нет. Бери хлеба.

Работник ей на это сказал:

— Мне батька говорил, что есть пирог в шкапу и водки бутылка. Велел взять — с почином сегодня выпить перед обедом.

— Я ничего не знаю. Смотри сам и бери, ежели есть, — отвечала ему попадья.

Он отворил шкап и увидал там, что есть, и говорит:

— Вот тут все и есть.

Взял, поклал и пошел. Потом раздумался и воротился в попов дом.

— Матка, — говорит, — я еще забыл одну штуку. Батька велел мне овец опустить.

— Я сама опущу, — говорит попадья.

— Нет, — говорит, — я не могу на первый случай отказаться, если мне приказано.

Потом он взял ременницу и пошел к овцам; овцы живо выскочили.

А дьякон в длинной белой рубахе прижался в угол и стоит. Работник давай его стегать, этого дьякона. А потом пришел в избу и говорит попадье:

— Какой у вас тут белый баран упрямый. Насилу вытыкал его из хлева.

Потом работник и пошел в поле. Приходит туда. Поп и спрашивает:

— Что принес поесть?

— Матка, — говорит, — дала вина бутылку и пирог. Велела сегодня выпить с посевом.

Поп обрадовался, как был любитель пить водку и сам.

— Матка, — говорит, — дала вина бутылку и пирог
(рис. Л. Альбрехта)

— Как, ин, Иван, вы в любве это матке пришлись. Она скупа была — послала вина.

Этот день проводили благополучно и приехали ночевать домой. На второй день утром надо было опять ехать в поле. Поп мигает работнику: опять есть не возьмем — ты сбегаешь. Вчерась попаило. И отправились пахать.

Поработали. Время опять на обед стало.

— Батька, — говорит работник попу, — не пора ли мне опять идти домой за едой?

— Ступай скорее. Опять неси чего-нибудь, — ответил поп.

Работник отправился. Приходит в коридор и слушает — нет ли опять дьякона. Слышит — дьякон опять тут и собирается уже уходить:

— Надо мне идти домой, работник придет скоро. Вчерась он меня больно настегал.

А работник опять в стену застукал из коридора.

Дьяком испугался:

— Ой, леший, кажется, опять его несет. Куда я деваюсь?

А попадья и говорит ему:

— Ступай скорее на чердак — там много шерсти в плетушке.

Дьякон убежал и лег там на шерсть.

Работник приходит в избу.

— Давай, матка, нам что-нибудь поесть.

Матка наложила им пирогов корзину. Работник взял пироги и пошел.

— Да, матка, я опять чуть не забыл штуку. Батька велел мне вывалить шерсть на солнце — ее нужно высушить.

— Это я сама все сделаю, — говорит попадья.

— Нет, ин, мне приказано, то я, ин, должен слушать попа.

Работник, придя на чердак, увидел там ведро со смолой. Он взял эту смолу и вылил ее в ту плетушку с шерстью, в которой лежал дьякон. Потом он взял крышку, закрыл плетушку и завязал ее веревкой и пошел обратно в поле к попу.

Сели с попом, пообедали, пирогов закусили. Работник и говорит попу:

— Батька, ин, что я слышал, что в городе старые пестери из цены вон. А я у вас на вышке видел много старых пестерей. Отпустите меня в город — я страшные деньги привезу вам за эти пестери.

Поп ответил ему:

— Ступай завтра, поезжай. Время еще рано. Поспеем.

Этот день проводили благополучно. Переночевали.

Утром работник стал складывать пестери на воз, положил и ту плетушку, в которой лежал дьякон. Вот, завязал воз и поехал в город.

Город был недалеко. Подъезжает работник к городу, а навстречу ему попадает барин на паре с колокольцем и спрашивает его:

— Чего везешь?

А он ему отвечает:

— Давай, — говорит, — кажи
(рис. Л. Альбрехта)

— Я черта везу.

Барин тот не признавал ни черта, ни Бога.

— Какой у вас, — говорит, — деревенщина, черт? Посмотрел бы я и показал бы.

— Давай сто рублей, покажу.

А барину было любопытно. А денег у барина было много. Подал мужику, этому работнику, сто рублей.

— Давай, — говорит, — кажи.

А попов работник говорит:

— Я буду отвязывать, а ты помаленьку крышку снимай. Он больно боек — надо, чтобы не убежал.

Дьякон думал сам себе: «Как бы открыли — скорее выскочить!»

Как открыли крышку — дьякон выскочил и побежал, весь в смоле и шерсти.

Барин «заойкал», руками замахал.

— Какой, — говорит, — нехороший. Не дай бог и никому видать такого черта.

Барин и уехал, куда ему было нужно.

Работник взял воротился и поехал обратно к попу домой.

Поп увидал работника, что едет домой и много пестерей везет обратно, и говорит:

— Ну, что, не продал?

А работник ответил:

— Торг был мал — людей было мало. Одну плетушку продал — взял сто рублей.

Подал попу деньги. Поп обрадовался и говорит работнику:

— Ладно, в следующий раз свозишь, продашь и эти.

Время было вечер. Ночевали.

Утром опять надо было уехать пахать. Там опять пришло время на обед. Надо работнику за обедом идти домой. Работник опять приходит к попу в дом, остановился в коридоре и слушает, нет ли у попадьи опять дьякона. И слышит, что дьякон тут, и попадья говорит ему:

— Некогда нам с тобой сейчас заниматься, скоро работник придет за обедом.

А дьякон попадье отвечает:

— Я поеду пахать. Ты туда мне принеси вина и пирогов.

— Я не знаю, — говорит попадья, — мне ведь не нидти.

Дьякон сказал ей:

— Я поеду, буду вешки влипать. По вешкам ко мне и иди.

Вот дьякон взял, из квартиры бегом побежал, а работник ухоронился за двери, чтобы дьякон не увидал его.

Работник приходит к попадье.

— Давай, матка, чего-нибудь мне поесть.

Попадья ему отвечает:

— У меня ничего нет. Бери хлеба.

— Хлеба не возьму. Когда день и так пропашем.

И пошел опять к попу в поле.

А дьякон уехал впервое работника и по дороге ставил вешки. А работник вехи переставил к себе в поле, где они с попом пахали.

Поп увидал работника, что он без еды пришел.

— Что, — говорит, — ничего не принес поесть?

А работник ему отвечает:

— Матка скоро сама будет. Принесет всего: вина и пирогов.

А день был красный, жаркий. Мух было много. А у дьякона лошадь была пегая, а у попа вороная. Работнику надо было сделать пегой лошадью и попову.

— Батька, мне больно жалко лошадь, ее мухи едят. Я свои подштанники сниму и на лошадь надену, чтобы мухи не кусали.

Он так и сделал.

Работник смотрел в ту сторону, откуда нужно было попадье идти. Увидал: попадья идет.

Она признала, что не дьякон, сама себе сказала: «Ой, ведь неладно!»

Работник говорит:

— Нет, матка, мы здесь.

Ей деваться было некуда.

Сейчас поп и работник уселись к корзине, водку стали наливать и выпивать. Выпили и закусили. Попадья пошла домой. Ей стало больше делать нечего.

Поп говорит:

— И я счастлив из-за тебя: попадья тебя любит, и мне водочки частенько попадает из-за тебя.

День этот прошел. Поехали домой. Дома ночевали. Наутро надо опять ехать пахать — у попа пашни много. Поехали пахать. Попахали. Время стало обедать. Поп думает: работника надо опять посылать.

— Ступай-ка, Иван, за обедом опять.

Работник опять и пошел. Приходит к попу в дом, остановился в коридоре и слушает, нет ли дьякона. Слышит, что дьякона нет. Приходит в избу и говорит:

— Давай, матка, чего-нибудь нам поесть!

Она им положила пирогов-рыбников корзину. Работник взял и пошел.

Навстречу работнику попадает старик-нищий.

Работник спрашивает старика:

— Куда ходишь?

Старик говорит:

— Хожу собирать ради Христа.

Работник говорит старику:

— Ой ты, дурак! Разве тут много высбираешь — составишь капитал?

А старик говорит:

— Дитятко, ведь я работать не могу.

Работник сейчас подает пирог-рыбник старику.

— На, — говорит, — пирог и неси нашей попадье и говори, что людскую отраву ношу. Она у тебя и купит. Меньше ста рублей не бери за пирог.

Старик боится. Говорит:

— Как мне это можно так?

А работник старику сказал:

— Смотри, это дело сделай все так, как я сказал, чтобы это было верно.

Старик приходит к попадье. Попадья была одна в доме. Старик сказал попадье:

— Не надо ли, людскую отраву я ношу.

Попадья говорит.

— Какая отрава?

Старик говорит:

— Вот пирог-рыбник.

— Давай, — говорит, — покажи. Что с тем пирогом делать? — спросила попадья.

Старик говорит:

— Кто укусит этого пирога маленько, того человека сразу и завернет.

— Много ли возьмешь за него?

— Сто рублей.

Попадья говорит:

— Посиди. Я схожу к дьякону.

Попадья к дьякону приходит и говорит:

— Дьякон, старик принес людскую отраву. Просит сто рублей.

А дьякон ей ответил:

— Ну, твоих пятьдесят да моих пятьдесят. Надо дать сто рублей.

Попадья пришла домой, отдала старику сто рублей и взяла пирог.

А работник пришел к попу с обедом и сказал:

— Ну, батька, твоя матка любит дьякона.

Поп и говорит:

— Неужели это правда, работник?

— На самом деле правда. Она уже купила и отраву про нас. Только то не отрава, а пирог. Приедем, — говорит, — вечером мы домой с тобой. Я укушу пирога и тюкнусь на пол — сделаюсь мертвым. Так же и ты по за мне сделай. Укуси и катись на пол. Что будут делать над нами — терпи.

Попадье уж стало долго казаться, что не едут из поля. Самовар уж приготовила.

Приезжают поп с работником домой.

Попадья говорит им:

— Что вы больно долго сегодня разработались?

Они отвечают:

— Захотелось полосу засеять.

Попадья говорит им:

— Садитесь скорее чай пить и закусывать. Ведь есть хотите.

Они сели за стол. Она внесла пирог на стол.

Работник взял, отломил кусок пирога, укусил, покатился на пол и сделался мертвым. Так же и поп по за нему.

Попадья потрогала их обоих и увидала, что мертвые. Пошла сейчас к дьякону. Пришла к дьякону и говорит:

— Оба сдохли — работник и поп.

Дьякон взял оболокся и побежал бегом к попадье в дом.

Приходит дьякон в дом и увидал, что оба мертвые — работник и поп.

Дьякон сейчас берет ременницу. Походит и начинает работника хлестать ременницей и приговаривать:

— Ты надо мною «*наенился*» больно. Я хоть над мертвым наенюсь над тобой.

Работник терпит. Дьякон отошел от работника. Подошел к попу и того также начинает тегать.

— И ты, — говорит, — космач, тоже сдох.

Приходит дьякон в дом и увидал, что оба мертвые — работник и поп (рис. Л. Альбрехта)

Взял запинал обоих под лавку — попа и работника.

Потом дьякон и говорит попадье:

— Пускай теперь полежат под лавкой, пока народ не спит. А дом запри, чтобы к нам в дом никто не мог войти. Когда народ уснет, тогда я их стащу в реку. <...>

Русский и жид

Жил-был когда-то на Руси продувной человек такой-то, что просто с огнем поискать. Пришел он однажды в город, видит: жид идет навстречу, он и думает: «Дай надую жида!» Подходит к забору, взял палочку, на палочку кошелек повесил, положил туда два гроша, перекинул палочку через забор и вертит на ней кошелек да что-то приговаривает. Жид подходит и спрашивает:

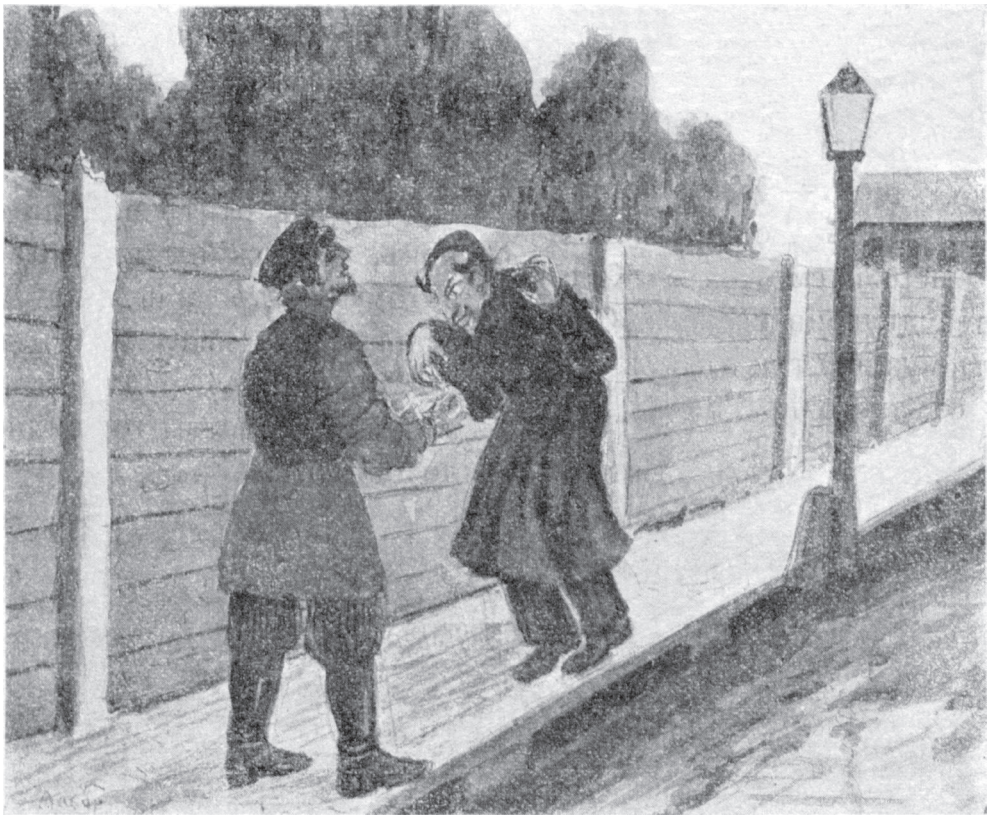
— Цто ты, русский целовек, тут деляесь?

— Деньги добываю! — говорит русский.

— Узли? А как зе это?
— Что дашь, скажу!
— А цто возьмесь?
— Пять целковых!
— Много, добрый целовек, возьми три.
— Ну, давай, жидова голова, что с тобой делать!
— А ты сперва выуцы!
— Изволь!

Русский начал учить его:

— Видишь, — говорит, — кошелек?
— Визю.
— Теперь я перекину этот кошелек на палке через забор, не буду туда смотреть, а только стану приговаривать: бездна бездну призывает! «Бездна бездну призывает! Бездна бездну призывает!» Понял?
— Понял.



Развернул и показал жиду два гривенника
(рис. Л. Альбрехта)

Русский тотчас положил тихонько в кошелек еще гривенник, перекинул его на палке через забор, вертит да приговаривает: «Бездна бездну призывает!» Вертел, вертел так с час, потом вытащил его из-за забора, развернул, показал жиду — два гривенника! Жид так и прыгнул от радости, что такой секрет открыл.

— Дай-ка, — говорит, — теперь я сам попробую.

— Изволь!

Сейчас же жид положил в свой кошелек двугривенный, а русский в него тихонько еще свой двугривенный сунул. Жид перекинул этот кошелек на палке через забор и давай вертеть да приговаривать: «Бездна бездну призывает! Бездна бездну призывает!» Повертел, повертел с минуту, хочет посмотреть, а русский говорит:

— Рано!

Жид опять вертит. Повертел с час, русский и говорит:

— Ну, теперича смотри!

Жид посмотрел — два двугривенных! Сейчас же бросил мужику три целковых, сам поскорей драло.

Отошел с версту, оглянулся кругом — русского не видно, и ни единой души на улице; сейчас же подошел к забору, привязал кошелек к палочке, положил туда целковый и давай вертеть да приговаривать: «Бездна бездну призывает! Бездна бездну призывает!»

В это время подкрался русский позади забора, сунул тихонько в кошелек еще свой целковый и притаился, потом тут и сидит. Жид провертел около часу, посмотрел в кошелек — два целковых! Не утерпело жидово сердце, чтобы еще раз не попробовать секрета русского. Не дошедши до дому, тотчас же ввалил он в кошелек все свои наличные деньги — рублей, знать, со сто, перекинул кошелек через забор и давай вертеть да приговаривать чуть не во все горло: «Бездна бездну призывает! Бездна бездну призывает!» Русский отрезал от палки кошелек, да тягу.

Жид вертит все да орет во всю мочь, а русский давно убег! Хватился потом жид кошелька — нету! И с деньгами пропал! Жид догадался, чье это дело, и давай клясть русского. Да жидовские клятвы-то, видно, до Бога не доходят.

Про Якова и его жену

У одного барина был лакей по имени Яков, которого он часто посылал на охоту.

В одно прекрасное время Яков пришел к реке и видит, что летят двенадцать уток. Они сели на берегу и, сняв свои крылышки, превратились в прекрасных дев и стали купаться.

Как только вошли они в воду, Яков подкрался к одной паре крылышек и, схватив их, отскочил и спрятался за находившийся вблизи куст.

Стала искать свои крылья
(рис. Л. Альбрехта)

Выходят красавицы из воды и начинают надевать свои крылышки. Одиннадцать надели и улетели, а двенадцатая осталась на берегу и стала искать свои крылышки, но, конечно, не нашла. После этого она и говорит:

— Кто мои крылышки взял? Если старый старик — пусть будет моим дедушкой; если пожилой мужичок — моим батюшкой, а если молодой молодец — моим милым муженьком.

Яков вышел из-за куста и говорит ей:

— Я взял, молодой молодец.

После этого красавица пошла с Яковом к нему в усадьбу. Якову полагалась от барина отдельная квартира, и он свел ее туда, а сам пошел к барину.

— Ну что, как сегодня охотился? Много ли дичи набил? — спросил его барин.

— Плохо. Ничего не убил, — ответил Яков.

Стал Яков каждую ночь на свою квартиру ночевать ходить, а от охоты начал отказываться. Барин стал подозревать его, видя, что он сделался совсем

не таким, как прежде был, и службу свою уж не так усердно исправлял, как раньше, и притом каждую ночь идет ночевать в свою квартиру. «Наверное, — думает барин, — у него есть особа».

Наконец барину кто-то из прислуг потихоньку донес, что у Якова в квартире проживает какая-то красивая девушка, которую он не очень давно привел. Барину это не понравилось. Он задумал извести своего слугу. Но вместе с тем он опасался, как бы и беды не нажить. Поэтому он решил непременно посоветоваться с другими господами.

Вскоре господа были созваны и стали советоваться. И нашелся из них один такой, который сам назвался сделать все это. Ему поручили извести Якова. И он пошел искать способных людей.

Но сделать это было не так легко, и он призадумался. Идет городом и голову повесил. Проходит мимо одной женщины, что сидела у мостика и торговала калачами.

— О чем задумался, почто голову повесил? — спрашивает его торговка калачами.

А он ей отвечает:

— Да как мне, бабушка, не задуматься, коли мне поручили Якова извести и беды не привести. Не знаешь ли ты, бабушка, для этого средства какого?

— Знаю, дитятко, — сказала ему старуха. — Только у меня на сто рублей в печи сгорит. Есть на море-океане, на острове Буяне, там Заин золотой в клетке сидит. Ты пошли его туда, он оттуда и не вернется.

Возвращается посланный к барину и передает ему слова старухи.

Барин тотчас призывает к себе Якова и говорит ему:

— Яков, ты исполни мое поручение, а именно: на море-океане, на острове на Буяне в золотой клетке заяц сидит. Ты возьми его и принеси сюда ко мне.

Яков призадумался: не знает, с чего начать, как к делу приступить. Приходит на свою квартиру и рассказывает своей жене о барском приказе. А жена ему и говорит:

— Стоит, милый, о таких пустяках печалиться! Это не служба, а службишка. Молись Спасу и ложись спать — утро вечера мудренее.

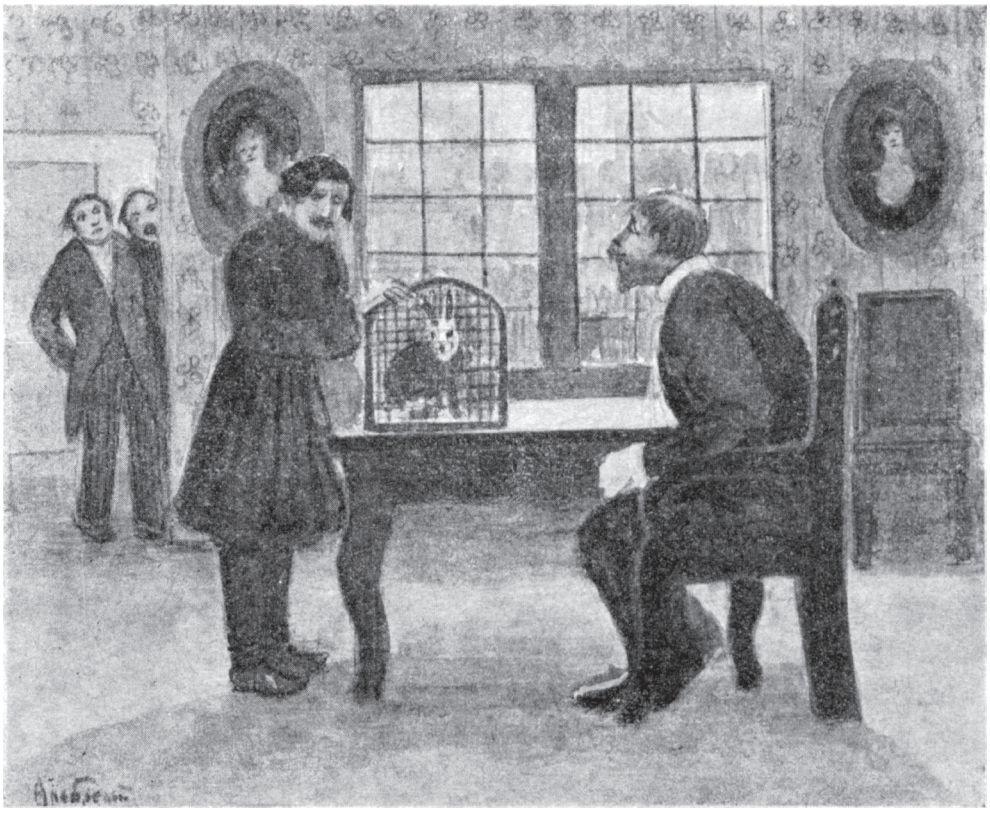
Лишь только Яков уснул, она тотчас вышла на балкон и закричала:

— Эй, сестрицы-голубушки, есть на море-океане, на острове Буяне зайчик в золотой клетке. Принесите его сюда.

В ту же ночь зайчик был принесен.

Встает утром Яков и видит — зайчик уже здесь. Взял он его и понес к барину.

Удивился барин, как мог так скоро исполнить Яков данное ему поручение, и притом не только не погиб, как было барину обещано, а даже явился ничем невредимым. Рассердился барин на Якова еще пуще прежнего. Но его успокоил опять тот же барин, что согласился извести Якова попервоначалу. Он опять взялся найти такого человека, который бы помог сжить со света бедного Якова.



Яков принес барину зайчика
(рис. Л. Альбрехта)

На другой день рано поутру идет этот барин городом, голову повесив. Доходит до моста и видит, что там, как и в первый раз, сидит та же торговка калачами. Она тоже увидала его и спрашивает:

— Что голову повесил?

А он ей и говорит:

— Да как же, бабушка, не призадуматься и голову не повесить, коли мне опять дано такое трудное поручение: Якова извести и беды не привести. Не знаешь ли, бабушка, как это сделать?

— Знаю, знаю, дитятко, — отвечала торговка.

— Сделай милость, скажи, пожалуйста, — стал он просить старуху.

— Если я скажу, то на двести рублей в печи сгорит, — проговорила торговка.

— Возьми и двести рублей, только скажи, — не отставал от нее этот посланный для пагубы Якова барин.

Старуха согласилась помочь ему и сказала:

— Есть на море-океане утка в золотой клетке с двенадцатью утятами. Пошлите его туда — и он оттуда не вернется.

Этот барин пришел к первому барину, т. е. к хозяину Якова, и передал ему слова старой торговки.

Первый барин тотчас позвал к себе Якова и стал говорить ему:

— Вот, Яков, тебе предстоит служба, и ты ее исполни: есть на море-океане утка в золотой клетке с двенадцатью утятами; ты принеси ее мне.

Яков пришел домой и призадумался. Жена стала спрашивать его, о чем он опечалился. Он ей рассказал о барском поручении. А жена ему и говорит:

— Это не служба, а службишка. Молись Богу и ложись спать. Утро вечера мудренее.

Яков разделся и лег спать. А когда он уснул, жена его вышла на балкон и стала кричать:

— Сестрицы, голубушки, есть на море-океане утка в золотой клетке с двенадцатью утятами. Принесите ее сюда.

Утром просыпается Яков — утка уже готова. Он взял и понес ее к барину.

Она вышла на балкон и закричала
(рис. Л. Альбрехта)

— Получай, барин, утку с двенадцатью утятами.

Барин видит, что и на этот раз не удалось его извести, и озлобился на него еще пуще. Снова созвал господ и стал с ними совет промеж себя держать: как бы Якова перевести и беды не привести. И снова поручено было тому же барину, что и раньше, руководить этим делом.

Барин пошел наутро к своей старой знакомой торговке, что торговала калачами у моста. Пришел он к ней и говорит:

— Не знаешь ли ты, бабушка, как бы Якова перевести и беды не привести?

А та ему отвечает:

— Знаю, знаю, дитятко: только у меня в печи на триста рублей сгорит.

— Возьми и триста рублей, только помоги, — сказал ей барин.

— Ну, ладно, — сказала старуха. — Пошлите вы Якова неведомо куда, незнамо и по чего.

Приходит барин, которому было поручено перевести Якова, и говорит хозяину Якова:

— Пошлите Якова неведомо куда и незнамо по чего.

Барин тотчас позвал Якова и говорит ему:

— Сослужи мне службу: иди завтра неведомо куда незнамо по чего.

Яков пошел домой. Приходит такой невеселый. Та стала его расспрашивать о причине его грусти. Он рассказал ей обо всем.

— Барин посылает меня завтра неведомо куда и незнамо по чего. Совсем, должно быть, хочет изгнать меня.

А жена ему и говорит:

— Ложись спать. Я в утре буду тебе подорожники пекчи.

Утром жена встала рано, напекла подорожников, разбудила Якова и снарядила в дорогу. Вышла его проводить и наказывает ему:

— Я вперед тебя катну мячик, ты иди все за ним, никуда не сворачивай.

Жена бросила мячик, который сам по себе покатился по дороге. Яков все шел и шел за ним. Мячик подкатился к огромному дому, подкатился под ворота. Яков вошел в дом. В доме никого не было. Он не знал, что ему делать. Лег под диван. Часов около двенадцати приходит человек необыкновенного роста, садится за стол и говорит:

— Ермошка, собирай на стол.

Ермошки не видно, а стол накрывается. Все на столе является: разные вина, пиво и мед, разные кушанья, которых он у барина и не видывал во время своей службы.

Неизвестный наелся, напился и сказал:

— Ермошка, убирай со стола!

Ермошки не видно, а со стола все убралось.

Лежал, лежал Якунька под диваном, здорово проголодался и думает сам про себя: «Дай-ка и я попробую, сяду за стол». Вылез из-под дивана, уселся за стол и так же стал распоряжаться, как и тот неизвестный:

— Ермошка, — закричал он, — собирай на стол.

И тотчас стол покрылся скатертью, и на нем одновременно появились разные кушанья и вина.

— Ермошка, садись со мной обедать, — приказал он невидимому слуге.

Явился Ермошка и сел с ним за стол. Они оба наелись и напились досыта. Яков и говорит Ермошке:

— Пойдем со мной.

— Очень рад идти с тобой, — ответил ему тот, — ты меня накормил и напоил, а мой хозяин меня никогда ничем не угощал.

Они пошли вместе. Шли, шли, попадает ему навстречу старичок. Они с ним поздоровались и сели вместе отдохнуть. Яков и начал хвастаться своим невидимым Ермошкой. Он крикнул:

— Ермошка, собирай обедать.

И в миг появился накрытый скатертью стол с кушаньями и напитками. А между тем вокруг и около них никого не было видно.

Старичок тоже стал перед Яковом хвастаться:

— А у меня есть, — говорил он, — скатерть-самовертка. Ну-ка, скатерка, развернись! — крикнул он.

И действительно — в одно мгновение перед ним развернулась скатерка, уставленная также разными кушаньями и напитками.

Однако, несмотря на то, что у старика была скатерка, могшая, подобно Ермошке, доставлять кушанья и напитки, ему все-таки Ермошка более понравился, нежели его скатерка. Он и стал говорить Якову:

— Давай заменяем.

Яков было усомнился в достоинстве стариковой скатерки, да и сам Ермошка ему лучше нравился, чем та скатерка. Но в это время Ермошка шепнул ему на ухо:

— Меняй; я от тебя не отстану.

Поменялись. Старик пошел в одну сторону, а Яков — в другую. Идет и сомневается: идет ли с ним вместе Ермошка. А уж тот знает об этом и шепчет ему на ухо:

— Я здесь, с тобой вместе.

Вот шли, шли и повстречали старика, несшего бочонок около полуведра. Они поздоровались. Присели вместе отдохнуть.

В бочонке у старика было двенадцать жидкостей, а потому снаружи имелось столько же крантиков.

— Что это у вас такое? — спросил Яков у старичка про его бочонок.

Старик ему и говорит:

— А вот, если повернуть крантик влево, то будет играть двенадцать разных пьес.

Перебрали все крантики, и Якову очень понравилась музыка. Он раньше никогда такой музыки и не слыхал. Он стал хвалиться перед старичком своим Ермошкой, и лишь только успел сказать «Ермошка, собирай обедать», как уже появился накрытый стол с кушаньями и напитками. Яков накормил,

напоил старика досыта и велел потом своему Ермошке убрать стол. Стол был мгновенно убран. Старик очень этим заинтересовался, предложил Якову:

— Давай, — сказал он ему, — сменяем Ермошку на бочонок.

Яков стал было сомневаться, как бы не прогадать в этой мене, но Ермошка, как и раньше, шепнул ему на ухо:

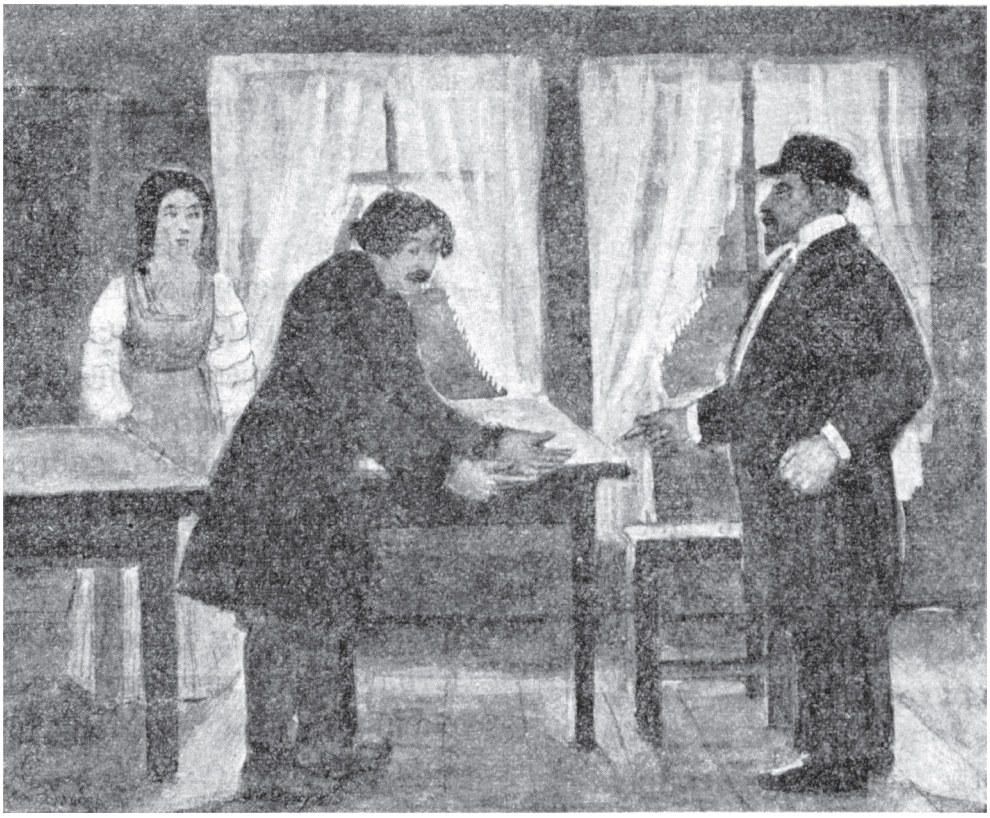
— Меняй, я от тебя не отстану.

Яков тогда согласился на предложение старика. Они обменялись и пошли в разные стороны.

Вот шли они, шли, т. е. Яков с Ермошкой, и им показалось, что они ушли очень уж далеко. Стало вечереть. Яков видит, что невдалеке находится барское поместье, его барина, который послал его «неведомо куда и незнамо по что». Теперь бариново приказание было исполнено, и Яков рад был, что скоро опять свидится со своей женой, оставшейся в барском поместье.

И вскоре он достиг наконец до своего родного дома и свиделся с женой, которая так же, как и он, очень рада была этому свиданию.

Немного погодя Яков отправился к барину в дом.



Яков приглашает барина в гости
(рис. Л. Альбрехта)

— Ваше приказание, — сказал он ему, — исполнено в точности. Прошу вас, батюшка, пожалуйте ко мне в гости; все вы у меня получите.

Барин оделся и тотчас же пошел с Яковом к нему в гости. Приходит к нему на квартиру и видит, что у него все по-обыкновенному: столы ничего не накрыты и никакого угощения на них не приготовлено. Барин даже рассердился на него:

— Что это у тебя ничего нет? А еще звал меня в гости к себе! — с сердцем сказал он ему.

— Вы, барин, пожалуйста, раздевайтесь и садитесь за стол, — все вам будет подано, — ответил Яков.

Потом он и говорит:

— Ермошка, накрывай на стол.

И в одно мгновение на столе появилась скатерть, а затем разные кушанья и напитки. Стол был уставлен таким множеством всякого угощения, что барин даже удивился: он и у себя не видел никогда таких вин и кушаний, которыми угощал его Яков.

Тем временем, пока барин угощался за Ермошкиным столом, Яков взял скатерку-самовертку, подошел к другому столу, хлестнул ею по столу и сказал:

— Скатерка, развернись.

И в то же мгновение на другом столе появились другие, еще лучшие кушанья и вина.

Потом принес Иван свой бочонок с двенадцатью крантиками, поставил его на третий стол, отвернул все крантики, и бочонок заиграл двенадцать пьес.

Барин был очень доволен и сказал Якову:

— Мне это ничего от тебя не надо, только уступи мне свою жену ночь проспать.

Яков пришел было в уныние от такой барской просьбы. Но Ермошка шепнул ему на ухо:

— Отдай ему.

После этого Яков сказал барину:

— Идите домой, я ее сейчас приведу к вам.

Барин ушел. Ермошка и говорит ему:

— Одевай скорее меня в женино платье.

Жена Якова принесла свое платье. Ермошка оделся, и Яков повел его к барину вместо жены. Приведя туда, он оставил его там, и барин наказал ему, чтоб он утром в семь часов приходил за женой. Яков ушел домой. Они легли с женой спать, которая была очень довольна своей участью. Но Яков спал не совсем спокойно, опасаясь, чтобы с барином не случилось чего.

Утром Яков явился к барину за мнимой женой. Барин его уже дожидался.

— Извини меня, — сказал барин, — что я тебя тиранил. Возьми ты жену свою, мне больше ее не надо. Живи ты с ней в моей усадьбе до самой смерти.

Яков пошел с Ермошкой домой. Стали жить они все втроем: Яков с женой и Ермошка. Жили они хорошо, всего у них было вдоволь.

Старуха-ворожея

Жил-был старик со своей старухой. Жили они очень бедно, детей не имели. В один прекрасный летний день старик и говорит своей старухе:

— Ты хоть бы, старая, училась ворожить. Люди и этим зарабатывают себе пропитание.

Старуха с досадой на это ответила ему:

— Как будешь учиться-то: ведь на учение нужны деньги, а их у нас и нет.

Старик подумал и говорит:

— Послушай-ка, старуха, что я тебе скажу: вот от нас недалеко живет богатый барин. У него есть много коров, которые пасутся на лугу. Я пойду и уведу в лес самую лучшую корову, привяжу ее за рога к толстой сосне, потом приду к тебе и скажу, где спрятал корову. Когда все тебе расскажу, тогда сам пойду к барину просить себе какой-нибудь работы. Барин, конечно, станет высказывать мне свое огорчение по поводу пропажи коровы, и я посоветую ему обратиться к тебе для ворожбы. И ты расскажешь ему всю правду и этим прославишь себя, и мы через твою ворожбу непременно разбогатеем.

Старуха согласилась с мнением старика.

Он оделся и пошел в поле, где паслись барские коровы. Придя туда, он выбрал самую лучшую из них и свел ее в лес, где привязал за рога к толстой сосне. Затем он отправился домой и рассказал своей старухе, где спрятал уведенную им корову, после чего он отправился к барину спрашивать работы.

Когда старик явился к нему, то он первым делом спросил его:

— Не видал ли, старик, где-нибудь моей коровы?

— Нет, не видал, — ответил старик.

Барин посмотрел на него и говорит:

— Кто бы это мог увести мою корову?

Старик прокашлялся, погладил свою бороду и начал говорить барину:

— Если тебе охота, барин, узнать, где твоя корова, то ты обратись к моей старухе: она у меня больно хорошо умеет ворожить и сразу скажет тебе всю правду про твою пропавшую корову.

Барину жаль было потерять хорошую корову, и он согласен был лучше пожертвовать немного за ворожбу, чем совсем лишиться коровы. Тотчас же позвал он к себе пастуха, дал ему рубль, велел идти вместе со стариком к его старухе ворожить о корове.

Старик привел пастуха к себе в дом и стал кричать своей старухе, лежавшей на печи, чтоб она шла ворожить о пропавшей барской корове.

— Вставай, старуха, — закричал он. — Вот пришли от барина ворожить к тебе, куда подевалась барская корова.

Та слезла с печки, взяла чашку, налила в нее воды, пошептала над ней и стала говорить:

— Ох, не знаю, не могу что-то разглядеть того человека, который украл корову; а только знаю, что корова уведена в лес, недалеко от поля, и там привязана за рога к толстой сосне. Иди в лес, и там найдешь корову.

Пастух подал старухе рубль и оттуда пошел прямо в лес к большой сосне, находившейся недалеко от опушки леса. И действительно, корова была там. Он отвязал ее и погнал к барину.

Когда корова была возвращена, барин сильно обрадовался этому и не мог надивиться на то, как могла старуха узнать, куда уведена была ворами его корова.

Потом все поуспокоилось, и об этом случае перестали толковать. Как вдруг через некоторое непродолжительное время у барина случилась новая покража: пропала барская шкатулка с деньгами. Барин опять решил обратиться к старухе. Позвал своего верного работника, по прозванию Спинка, и снарядил его к старухе поворожить о пропаже.

Приходит Спинка к старухе и, объяснив ей, в чем дело, просит ее поворожить. Но старуха стала отказываться, говоря, что ей этого не узнать. Но Спинка стал упрашивать ее помочь барскому горю. Тогда старуха сказала, что она сама придет к барину и там поворожит ему. Спинка сказал ей на это, что чем ей идти пешком, так лучше он пойдет вперед и скажет об этом свому барину, который пришлет за ней свою лошадь.

Когда Спинка возвратился домой и объяснил ему, что старуха хочет сама побывать у него, то барин велел тотчас своему верному кучеру, по прозванию Хребтинка, заложить лошадь в тарантас и съездить за старухой.

Хребтинка уехал за старухой, а барин тем временем приказал людям убить ворону и поставить ее в печь жарить, а когда старуха приедет, то подать ее к столу.

«Если она узнает, — думал барин, — то, значит, она колдунья».

Вскоре возвратился Хребтинка и привез старуху. Ее ввели в барские покои, и барин приказал подать ей с дороги выпить и закусить.

Старуху посадили за стол и стали угощать.

А старуха села и говорит сама про себя:

— Залетела ворона в барские хоромы.

Барин взглянул на слуг и сказал потихоньку:

— А ведь и правда, она, должно быть, колдунья?

Потом барин и говорит ей:

— Вот, бабушка, если ты найдешь мне украденные у меня деньги, то я дам тебе сто рублей и корову.

Старуха страшно обрадовалась посуленному; но как заработать этот посул, она не знала. Однако нужно же было что-нибудь делать. Вот она и говорит барину:

— Прикажи, барин, баню истопить, да пожарче: мне это необходимо нужно.

Барин приказал немедленно же натопить баню.

Старуха-ворожея
(рис. Л. Альбрехта)

В непродолжительном времени баня была готова. Барин приказал отвезти старуху в баню на лошади, так как баня была неблизко от дома, а старухе пешком идти тяжело.

Подали тарантас и сказали старухе, чтоб она собралась ехать в баню. А в то время, когда в этот тарантас закладывали лошадь, верные барские слуги Хребтинка и Спинка, чуя себя не совсем чистыми перед барином и боясь, чтобы старуха и вправду своим колдовством не указала на воров и на покражу, они взяли ящик, наклали в него яиц и поставили его под сиденье тарантаса, для того чтобы колдовство старухино потеряло свою силу и она не могла бы найти ни виновных, ни пропажи.

Вот старуха вышла из дому и стала садиться в тарантас. Садится и говорит сама про себя:

— Сажусь, как курица на яйца.

Спинка с Хребтинкой переглянулись и повезли старуху в баню. Приехали туда; она вошла париться, а они залезли в это время в подполье, чтобы узнать, что будет старуха делать в бане. А старуха разделась, взяла веник, залезла на полок и давай хлестать себя веником. Хлещет, а сама приговаривает:

— Что будет спинке, то и хребтинке.

Услыхали это верные слуги барские и закричали из подполья:

— Голубушка, бабушка, деньги-то мы украли. Они целы и лежат на дворе под яслями.

Так и открылась покража. Старуха получила обещанные ей 100 рублей и корову и стала жить со своим стариком без нужды.

Рассказ крестьянина Семенова

Крестьянин Юрьевецкого уезда, человек бедный, вдруг разбогател. Завел торговли, открыл трактир и построил водяную мельницу. Дела у него пошли бойко, расторговался, и в какие-нибудь 4–5 лет его в уезде считали уже стотысячником. Человек он был добрый, ссужал крестьян деньгами, выручал из нужды и ни с кого не брал никакого процента. Но на шестом году с ним случилось несчастье. Сидит он раз на плотине своей мельницы и в задумчивости смотрит на воду. Домашние и однодеревенцы еще раньше заприметили, что богатый начал о чем-то задумываться, ходит такой хмурый и мало с людьми говорит. Так полагали, что он обдумывает какое-нибудь новое большое дело и ничего дурного не помышляет. Вот сидел он на плотине, долго сидел и глаз с воды не спускал. Рабочие с мельницы, хотя и видели — хозяин что-то долго засиделся на плотине, но тоже ничего дурного не помыслили. Сидит так сидит, верно, над делами голову ломает. Вдруг хозяин вскрикнул благим матом, вскочил и, как был в чем одет, бросился в нижний омут. Работники увидали, в лодку с баграми и принялись хозяина отыскивать. Все места ощупали и на дно ныряли — нигде не находят. Одному пришло в голову под мельничное колесо заглянуть, крикнул «запереть воду»; колесо остановилось, и работник нырнул. Скоро показалась его голова.

— Волоку, — проговорил.

Другие к нему бросились на помощь, вытащили хозяина, раздели, принялись откачивать. Бог помог: откачали. Но хозяин только сутки прожил. Перед смертью открыл, что его водяной под колесо затащил.

— А за то меня Бог наказал, — поведал близким и соседям, — что я чужим добром покорыствовался. Шесть годов назад один купец в городе обронил 20 тысяч, я поднял и затаил, пожалел расстаться с чужими деньгами. А купец тот, как я после сведал, жизни себя самовольно лишил и семейство свое бесчастным оставил. С этого раза я и в мыслях помутился, стал все о купце думать, дак как бы семейству его деньги возвратить. Но опасался, чтобы к суду меня за утайку не притянули. Об этом я только все и думал. Вчера сижу на плотине и думаю, как мне чужое добро возвратить. Почтой послать — сведают, прямо на руки отдать — еще хуже. Разве поехать да как подкинуть? Раскидываю в уме, так-то и поглядываю на речку. И вдруг покойник-то из повыглянул и промолвил: «Что ты со мной сделал? Загубил мою душу и детей с женой обездолил».

У меня волосы дыбом встали, закричал и кинулся бежать, думал, на мельницу, ан прямо в реку и упал. Как только я очутился в реке, меня водяные и схватили и потащили под колесо — глубь там страшную выбило. Уж и мучили же они меня, щипали, когтями скребли — ни одного, чай, живого места у меня на теле не осталось.

Сделал распоряжение при свидетелях сыну, чтобы тот вдове покойного 30 тысяч отвез и отдал ей под записку. Священнику то же самое объявил, должно, опасался: сын-то не утаил бы. Умер. Когда, это, стали обмывать, так люди ужаснулись: все тело в синяках да кровоподтеках. Вот как его водяные-то уходили.

Записано Г. Нефедовым

Рассказ про змея

<...> Молодочка рада-радехонька (с этого) муженьку; раз муж и стал ее по ночам навещать, сперва раз в неделю, потом по два и по три раза, а дальше зарядил уже каждую ночь ходить. Бабочке любо, что с милым мужем часто видается, но домашним об этом ни гу-гу. Свекровь или свекор когда спросят: «Куда ты это ночью бегала?» — «А скотинку проведать, — ответит сноха. — Овечки благо ячили».

От мужа письма идут, в самом Питере он служит, жене и родным поклоны отписывает, про свое жительство обсказывает и со слезами просит, чтобы его не забывали, особливо в деньгах большую нужду имеет. Молодайка и ухом не ведет, домашние, как только начали читать: «Любезнейшим моим родителям», — горько плакать, а солдатка ни одной слезинки не выронит, слушает хладнокровно и как будто даже улыбается. Неладно дело. А уж по деревне слушок ходит, что к солдатке змей летает: ночной сторож не однова видал, как нечистый над их усадьбой из крыши рассыпался. Свекор и подкараулил. Ночью кто-то постучался с воли; молодайка вскочила, скорехонько оделась, валенки обула, шубу накинула и за дверь, на крыльцо. Свекор помешкал, подождал немного, не вернется ли сноха. Нет. Оболокся, достал четверговую свечу (свеча, с которой стояли в Великий Четверг за стоянием), зажег ее и пошел доглядывать. Время было зимнее, на крыльце и лестнице снежком напорошило, по ступенькам ступни валенок и следы в заулок. Он и пошел по этим следам и дошел по ним до сенницы: видит, ступни валенок на мостке, ключ в замке, и ворота (дверь) не вплотную притворены. Приостановился, ухом припал, а свечку шапкой прикрывает, чтобы светок-то не увидали. Слышит: голос внутри, целуются...

— Родименький мой, сердечненький, — лепечет сноха.

— Ты только помалкивай, — слышит свекор другой голос, как будто бы мужской и знакомый. — Пускай они читают мои письма, это один мой товарищ за меня им пишет, а я ни одной ночи не пропущу, чтобы с тобой не повидаться.

Тут отец и опознал голос-то сына в сеннице. Обрадовался, но и усомнился. Как же это так, если его отпустили в побывку, так он бы, чай, прямо в родительскую избу пришел, а в сеннице-то почто ему укрываться? Перекрестился, молитву честному кресту прочитал и осторожно приотворил воротину.

Батюшки святы. Как что осветит, зашипит и огненным вихрем мимо него на волю, смрадом так и обдало его. Замер на месте старик, а свечка четверговая, святая, в руке светится, не стухла от дьявольского ветра; сноха молодая сидит на сене, и лица на ней нет. Опомнился свекор:

— Что, милая, — промолвил, — узнала, кто мужем к тебе прилетал?

А та сидит, не шелохнется, и ни слова в ответ; глядит на свекра, глаза большие, по лукошко, лицо ровно полотно, и вся растерзанная. Ужаснулся инда мужик — ополоумела молодичка. На другой день попа привезли, тот молитвами разными и отчитывал. Нескоро, но оправилась женщина, говорить начала и все родным поведала: вовремя спохватились, не дали окаянному совсем загубить христианскую душеньку. Но долго еще после прилетал, стучался в сенную дверь и в подоконницы, вызывал к себе молодицу. Бог пожалел ее, не допустил до погибели.

Записал Г. Нефедов

Рассказ про лешего

Дело было после Покрова. Ночи темные, что называется, ткни в глаз — не видно. Мужичонка пьяный отправился из соседней деревни домой и, конечно, в такую ночь и трезвому трудно без всяких леших, а пьяному и подавно; однако мужики объясняют то, что мужик заблудился действием нечистой силы, и сам он, по рассказам мужиков, об этом рассказал следующее:

— Пошел это я из деревни один, ну, вестимо, дело праздничное, был выпивши. Ну да ведь ничего, думаю я себе, кто меня, старика, тронет. Пошел до Черношихи-речки: вдруг нагоняю своего сына, вот мой, да и мой парень, только рыло немножко набок. Пойдем, говорит, тятька, вместе. Пойдем, говорю. Это, значит, рядышком. Дорога все гладкая, мне и не к чему, что тут ведь все лес. Да что-то уж больно долго мне показалось, надо бы быть полям, а мы все идем и не можем дойти. Меня и взяло сомнение, а парень, отстав, забирает вперед. Да что это, господи помилуй, не можем дойти-то мы, говорю я. Как сказал я это слово, Бога-то как помянул, он как захохочет, нани в лесу все захохотало; догадался, говорит; ничего и не стало, а я стою в болоте по колено в воде, не смею и вступить, и зареветь во весь голос. Дак в деревне ладно учуяли, да и пришли с огнем.

На сенокосе

Дело было в самый сенокос. Косил это, значит, мужичок лесную пожню со своей семьей, а и в семье-то народу только сам, жена да парнишка годов двенадцати. День-от, вишь ты, был жаркий, и так это их распарило, што совсем стало и самим-то работать невмоготу, а парнишку и подавно, оно, хоша он

и косив не первое уж лето, да известно, какой што заправский косец. Вот он коло середнего уповода[1], в половине по эдак середнего уповода и стал проситься у мамки на реку поесть ягод: «Устав, — гыт, — пывко, дак отдохну, да и вам к навжне ягод принесу». Мамка, ты вишь, была баба непутевая, кажись, штобы отпустить парнишка, благослев, а она: «Понеси, — гыт, — тебя леший да и задави! Линь робить-то дак охота полависить, буть ты от меня проклят, да, смотри, и не приходи — лопать все равно не дам». Мужик-от быв на другом конце пожни — ему и не слышно, што баба с шали баяла, а парнишка завернеусе за кустики. Покосили, значит, до павжны[2], мужик-от и спрашивает:

— Где у нас Васька, то што-то не видать его. Пора бы, благословясь, и попавжнать, излыцило совсем.

— Да гляди, тутотка в кустах, он даве по ягоды ушел, — отвечает баба, — кричи его, а я той порой и поесть соберу, может, ишшо ягод насбирал, дак с хлебцем и поедим.

Мужик уцав звать. Васька не отгаркивается.

— Да што, храни бог, не заблудился ли он уж за грех — не отгаркиваетце. Беги, баба, ты вверх по реке, а я вниз, ежели недавно ушел, дак далеко-то негде уйти.

Бегали это они вплоть до вецера — ухали, ухали — нигде не отгаркиваетце, у мужиков спрашивали — никто, бают, не видав. Всю ноць пробегали зря, утром заявили десятскому, штобы, собрав деревню, искали, да што, паре, как матка родная прокляла, где найдешь. Искали, искали очень, целое общество ходило неделю в лес, да в реке шарили, ничего не могли поделать. Так и сгинул парнишка, нигде не могли найти. Опосля и попов-то звали, на подне-то молебен служили: думали отбросит, да нет. Как молебен-от служили, бают, как нехороший-от засвишет, да в ладоши равно и захлопал, нани холодно всем стало, а день быв жаркой, ну, известно, сенокос.

Поймали черта

Однажды совсем было поймали черта. Черт летал к одной женщине, у которой муж незадолго перед этим умер. Он влетит в трубу огненным змеем, а в избе оборотился в мужа этой женщины. Когда некоторые узнали про то, то решили подкараулить и поймать черта. Для этого собрались человек пять и с вечера сели около избы, в которую летал черт. Вдруг увидели, что летит огненный шар, подлетел к трубе и спустился в нее. Один мужик принес из дома святой воды, и начали кропить этой водой дверь, стены и окна этой избы, чтобы черт не мог выйти; потом залезли на крышу, окропили там трубу и закрыли ее доской; затем они вошли в самую избу. Как только черт почуял

---

[1] *Уповод* — здесь: время работы от 2-х до 4-х часов (*примеч. ред.*).

[2] *Паужна* — перекус между обедом и ужином (*примеч. ред.*).

святую воду, то выскочил из-за стола и бросился было в трубу, но та была закрыта и окроплена святой водой; тогда он стал метаться из угла в угол, а мужики между тем начали кропить стены и внутри избы. Тогда черт обратился в муху и забился на печке в угол, но мужики и там не давали покоя. После этого черт забился в горшок, куда хозяйка складывала нитки. Мужики обрадовались, что наконец поймали черта, и накрыли горшок сковородой. Потом взяли горшок и, придерживая рукой сковороду, понесли на улицу. Но на дне горшка была дырка, в которую черт и вылетел дорогой.

Рассказ дедушки Егора

Дедушка Егор шел к заутрени, вдруг едет ему навстречу знакомый ямщик.

— Здорово, — говорит, — дедушка!

— Здорово!

— Садись, дедушка, подвезу, а то, вишь, снежно.

Сел к нему дедушка Егор, и помчал он его, инда света не видать, и вдруг дедушка видит, что они очутились в Басурманской земле.

— Господи, — сказал дедушка, — куда это мы приехали.

Как сказал это, видит, ямщик его исчез, а он стоит в чужой ему стороне, и все вокруг него чужое, басурманское. Нечего делать, поселился дедушка в незнамой стороне, начал там понемногу приторговывать. Прожил там три года, через три года явился ему тот же ямщик и говорит:

— Что скучился, дедушка? Ну, готовься — уже приходи на такое-то место, отправлю я тебя домой, а то, я вижу, ты все тоскуешь по своей стороне.

Обрадовался дедушка, к вечеру пришел на показанное место. Явился ямщик опять на белой тройке, посадил дедушку и помчал дедушку еще шибче прежнего раза.

— Ну, — говорит ему ямщик, — гляди, как увидишь сейчас березу, хватайся скорее за сучок, а не то увезу тебя дальше, и там будет тебе неминучая гибель.

Дедушка как увидел этот сучок, схватился за него и очутился в избе, держась за задорогу (перекладину) на полатях. А об нем дома-то уж и помин сделали, совсем считали погибшим.

Аксёнко

Не похотел Аксёнко отца, мать поить, кормить; пошел Аксёнко темным лесом, сырым бором — нашел он в темном лесу, во сыром бору на татей-воров — разбойников. Делят оне золоту казну несчетную на двенадцать жеребьев.

— Вам божья помочь, татьи вы, разбойники, делить вам золота казна несчетна на двенадцать жеребьев! Делите золоту казну на двенадцать жеребьев, а кладите мне, Аксёну, и на тринадцатый!

Воспроговорил большой атаман:

— Ой ты, детина-засельщина[1]-деревенщина! Не пособлял ты нам наживать золоту казну несчетную, — теперь стал паю прошать, ко казне приступать! Ох вы, тати, разбойники! Берите-ка вы бердыши широкие, ските Аксёнку буйну голову со могучих плеч.

Аксёнко-то не ослышался и скоро скакал на резвы ножки, вырвал сырой дуб из корня из-за одного удара — большого замаху, и бил он татей-разбойников до единого. Воспроговорил большой, старый атаман:

— Оставь ты, малютонька, хоть единого на семена!

[1] *Засельщина* — деревенщина, невежа (*примеч. ред.*).

Убил Аксёнко с первого да и до последнего
(рис. Л. Альбрехта)

Убил Аксёнко с первого и до последнего, и склал он золоту казну в легки сумочки да в переметные, и пошел Аксёнко во славный Румянцев монастырь. Не заходил Аксёнко в соборну церкву Микольскую и не прикладывал он к ней золотой казны, золотой казны несчетной; и заходил Аксёнко в бок да в сторону, да на царев кабак, и брал Аксёнко чару зелена вина, да в полтора ведра, выпивал Аксёнко на единый дух; выходил Аксёнко на красно крыльцо, да на перильчато, и закричал Аксёнко шибким голосом:

— Доброхоты царски, голи кабатски! Идите пить вина на мою золоту казну, золоту казну несчетную: я буду деньги заносить.

Монастырцы были догадливы — догадались да к Аксёнку-то и стали привязываться: где он взял золоту казну? Гораздо (верно) он нашу церкву ограбил, церкву Микольскую? И сковали у Аксёнка ножки резвые, и связали белы ручки во чумбры[1] во шелковые, повели Аксёнка казнить и вешать. Доходил Аксёнко до виселицы, говорил Аксёнко шибким голосом:

[1] *Чембур* (*чумбур, чомбур*) (*тюрк.*) — длинный повод в уздечке, за который привязывают или на котором водят верховую лошадь (*примеч. ред.*).

Повели Аксёнка казнить
(рис. Л. Альбрехта)

— Ой вы, монастырцы, мужички догадливые, дайте вы мне при последнем времечке выпить зелена вина, зелена вина да полтора ведра!

Дали выпить Аксёнку; выпил Аксёнко да и воспроговорил после чары вина таково слово:

— У кого же есть отец, мать — не ходил бы тот смотреть смерти Аксёнковой!

Тут у малюточки сердце восприлося, могучие плечи расходилися; тут малютонька тряхнулся, ворохнулся, порвал он железа немецкие и чомбуры шелковые, да взял мужика за ноги, да ну-ка он им на оберучь[1] косить да бить!.. Ушел Аксёнко, стал отца и мать поить и кормить.

[1] *На оберучь* — на обе стороны.

Бабьи увертки

Сказка

Во Франции был купец, знатный по своему богатству. Хотя он был и славный, но уже старый, а жена у него была молодая.

У того купца было очень много служащих. Одного из них — приказчика — и полюбила молодая купчиха.

Случилось как-то раз приказчику писать в одной комнате торговые счета и книги. В комнату вошла молодая хозяйка и, смеясь, стала говорить приказчику:

— Что ты, господин приказчик, исполняешь, какие-то счета и письма разбираешь?

В это время явился домой муж и услыхал слова жены.

— Теперь-то я узнал про бабьи увертки, — сказал про себя купец.

Но жена, не желая, чтобы муж, увидя ее с приказчиком, догадался о ее шашнях, велела своему любовнику спрятаться за бывшую тут картину.

Муж заметил это и, схватив со стены висевшее здесь ружье, насыпал в него пороху и дроби и зарядил его. Потом он взял ружье и совсем уже было нацелился из другой комнаты в ту картину. Но жена вовремя заметила намерение своего мужа и, подбежав, толкнула его под руку, благодаря чему раздавшийся выстрел угодил мимо картины в угол.

Жена рассмеялась и говорит купцу:

— Ах, сударь, если б я рукой не помешала, то вы прямо бы в картину попали. Не ваше дело стрелять, вы отвыкли, можете товарами торговать.

Муж, любя жену, был весел, ружье повесил, сам же уехал со двора к своему другу. Отдала поклон жена, проводя мужа, кликнула приказчика к себе и говорит:

— Ну, каковы кажутся тебе бабьи увертки?

— В том со мною воля твоя, — отвечал приказчик, — а в то время смерть была моя.

Приказчик-то был спрятан за картиной. Поднесла она ему водки и говорит:

— Выпей, не страшись.

Купец едет назад. Жена и говорит приказчику:

— Ах, беда, как сказать про тебя? Поди, встань в большой шкаф, разве тем скоро будешь прав.

Шкаф с приказчиком она скоро заперла и на кровать свою легла, а потом и говорит про себя: «Ты жестоко не можешь, и никто мне в том не поможет».

Увидел муж и вскричал:

— Ах, что с тобой приключилось, что ты в лице так изменилась? Скажи мне, радость, без всякого препятства: можно достать лекарства?

А жена ему отвечает:

— Государь мой, не надобно покупать, изволь дома в шкафу достать.

Бабьи увертки
(рис. Л. Альбрехта)

Муж взял ключ, скоро поспешает, для жены шкаф отпирает. Жена вскочила, мужа руками ухватила и давай его целовать и говорить со смехом:

— Нарочно тебя, друга, я пробовала. Теперь-то я всю верность узнала. Вижу, что любишь не лицемерно, признаю всю горячность неотменно; я думала, ты меня оставляешь; ты же показал всем сердцем, что ты меня любишь.

Муж радешенек, тому подивился, со своей женой всячески веселился. Потом нельзя ему отменить, поехал своего друга посетить.

Приказчик от того раза нисколько перед ней не мог говорить языком. Она повела его за руку в уготованную баню. Приказала ему раздеваться. Приказчик, бедный, много в том сомневался, медленно раздевался и думал: «Сия-де страсть причинит вскоре напасть».

Она публично раздевалась, смело обнажа свое нагое тело, другим чем в бане веселились, вместе с приказчиком мылись. Вдруг увидела она, что во двор въезжает муж, скорей в бане двери отворила. А дружок тайно глядел.

— Что делается с тобой? — сказал муж, увидав приказчика.

— Видишь, твой приказчик парится со мною, — отвечала жена.

Муж не знал, что ему делать; придать или нет приказчика смерти. Но как только он к дверям бани подошел, жена взяла таз студеной воды и, облив ею мужа, рассмеялась и сказала:

— Ах, старик сердечный, не размыслил ты того, можно ли сему случиться, чтобы приказчику со мной в бане мыться. Он был только для потехи. Ты же знаешь это подлинно.

Муж ответил:

— Ах, душечка, это ничего, хотя вы и облили меня холодной водой всего.

Муж пошел домой сушить свой кафтан, а жена приказчику говорит:

— Ну, теперь видели, сколько у меня уверток было? Кажется, довольно, чтоб можно мне с вами любиться! Могу всячески от мужа отговориться. Ни в чем перед тобой не солгала и увертки свои явно показала. Теперь хоть и вправду кто захочет сказать, муж никому веры не будет давать. Я тебя довольно сердечно возлюбила, от всякого мнения отворотила.

С того времени приказчик жил любовно с ней; веселился всячески, сколько ему было угодно.

По смерти же купца сам хозяином стал: его жену за себя замуж взял. В житье своем сколько ни обращался, как ни смотрел, все-таки уверток бабьих боялся; думал, что она его не будет любить, но только не мог он ее никак уловить.

Старая хлеб-соль забывается

Мужик освободил змея из-под прищемившего его дерева. Змей же в награду захотел съесть его. После долгих просьб мужика змей согласился подождать трех встреч. Если все три встречных согласятся со змеем, что «старая хлеб-соль забывается», тот съест мужика. Встречают собаку, которая соглашается со змеем, так как на себе испытала справедливость этой пословицы. Затем встречает лошадь: и она соглашается со змеем. Третьей встречают лису. В награду за решение она выпрашивает у мужика гуся, а затем просит показать ей, как змей лежал под деревом. Змей лег, мужик снова прищемил его деревом, а сам пошел с лисой домой, но вместо того, чтобы дать ей гуся, он, по совету жены, убивает лису. Умирая, лиса успевает только сказать:

— Старая хлеб-соль забывается.

Про дурака и его коня

У мужика было 3 сына: два умных, третий же был дурак. Заметив, что кто-то крадет овес, мужик посылает своих сыновей по очереди ловить вора. Оба старших проспали всю ночь и ничего не видели. Когда пришла очередь дурака, он захватил с собой аркан. В полночь прилетела белая лошадь и стала есть овес, дурак поймал ее, но она обещала ему свою помощь на случай нужды, и над этим условием он отпустил ее. Вскоре король страны объявил, что отдает свою дочь за того, кто на лошади достанет до третьего этажа ее терема. Мужик послал попытать счастья двух старших сыновей, а дурак отпросился искать грибы. На самом же деле он позвал чудесного коня и с его помощью достал до окна царевны и получил от нее кольцо. Придя домой, он захотел полюбоваться своим кольцом, которое он прежде обмотал тряпкой, но от него пошло такое сияние, что братьям показалось, что загорелась изба, и дурак поспешил прикрыть кольцо. Вскоре король пригласил всех подданных на обед. Пошла и семья мужика. Обнося всех водкой, царевна заметила обмотанный палец дурака, сняла тряпку и, узнав свое кольцо, подвела дурака к королю и вскоре вышла за него замуж.

Девять братьев

Одни братья ищут, а другие летают лебедями

Жили-были три сестры. Гуляли они однажды в лесу и громко разговаривали между собой. Старшая и говорит:

— Из трех ячменных зерен я сделаю кушанья для целого войска.

А средняя говорит:

— Я могу одеть целое войско тремя пеньковыми нитками.

Младшая сказала, что в три раза она принесет мужу девять сыновей.

Царевич в это время тоже ходил по лесу и случайно услыхал этот разговор. Он решился жениться на младшей сестре и велел ей следовать с собой во дворец.

Через несколько времени она сделалась беременной и родила трех прекрасных мальчиков. Послали слугу за бабкой; на дороге слуга встретил бабу-Ягу и предложил ей прийти во дворец.

— Погоди немного, я только схожу домой и сейчас же приду, — отвечает Яга.

Слуга согласился ее подождать; а она сходила домой, взяла там трех воронят и спрятала их у себя в платье и затем возвратилась к слуге и отправилась с ним во дворец. Здесь тотчас приказали ей мыть детей; но она, когда осталась вдвоем с матерью, спрятала ее детей, а вместо них положила воронят; потом пошла к царевичу и говорит:

— Стоит ли в самом деле еще мыть воронят?

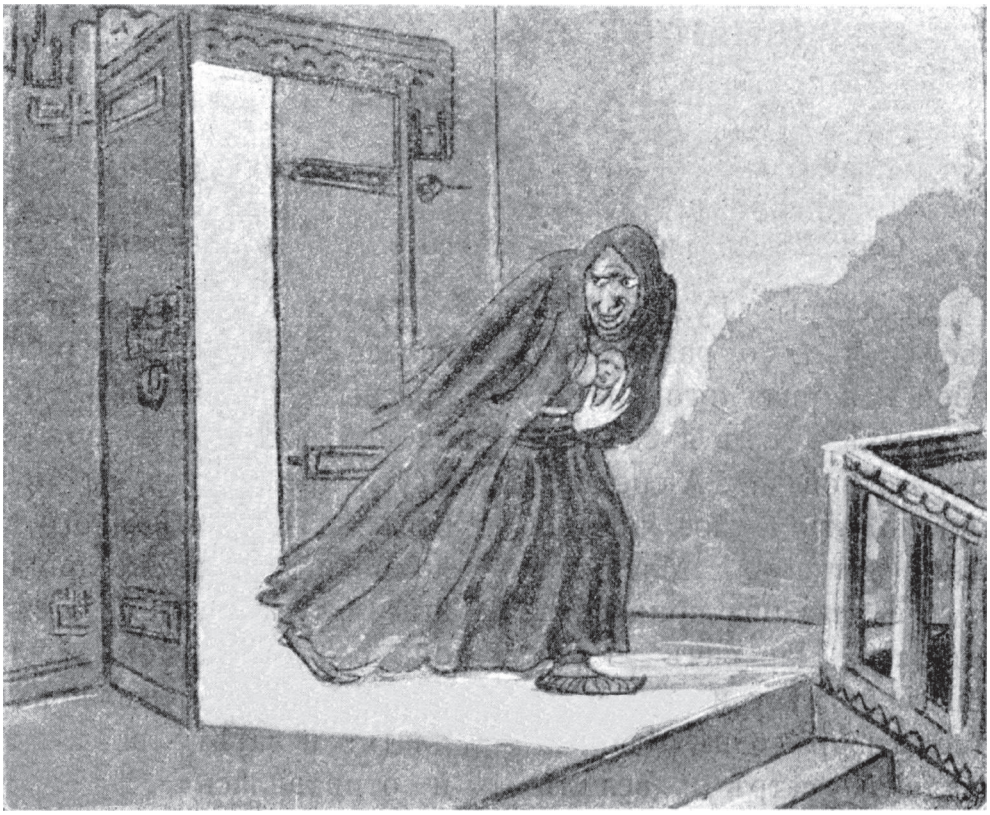
Царевич в это время ходил по лесу и случайно услыхал их разговор (рис. Л. Альбрехта)

— Как бы то ни было, все-таки ведите мать в баню, — отвечал царевич; но все же он был очень недоволен тем, что у жены родились воронята. Мать повели в баню, а баба-Яга между тем увезла ее сыновей в открытое поле и спрятала их под белый камень.

Живет царевич с женой еще несколько времени, и она опять родила трех прекрасных сыновей. Баба-Яга опять явилась во дворец под видом бабки, украла детей и спрятала их там же, где были и старшие; а к матери незаметным образом подложила трех молодых ворон. Узнав об этом, царевич загрустил и не знал, что делать, когда жена его рождала таких детей. А царевна ничего не говорила ему об обмане бабы-Яги.

По прошествии некоторого времени царевна опять родила трех прекрасных сыновей. И опять был послан слуга за бабкой, которого на дороге встретила баба-Яга и спросила его, куда он идет. Слуга отвечал, что он послан искать бабку.

— Возьми меня, — сказала Яга.



Баба-Яга
(рис. Л. Альбрехта)

Но слуга на этот раз не согласился взять ее и пошел дальше. Но баба-Яга не хотела отказаться от своего намерения, и поэтому, дав слуге недалеко отойти от места их встречи, она снова появилась на дороге перед слугой и опять стала просить его взять ее с собой во дворец. Слуга наконец согласился исполнить ее просьбу. Баба-Яга тотчас сходила домой, захватила там с собой трех молодых сорок и затем в сопровождении слуги отправилась во дворец к роженице. Царевна же двух новорожденных спрятала к себе в чепец, и потому Яга нашла только одного ребенка. Она очень удивилась этому и сказала царевне:

— Ведь ты прежде рождала по тройне; отчего же теперь только одного?

— Бог дал только одного, — отвечала царевна, и Яга должна была довольствоваться этим. Она вымыла мальчика и спрятала его, а на его место положила сорок; потом пошла к царевичу и сказала сердито:

— Стоит ли мыть всех чертей; ведь это сороки!

— Как бы то ни было, — отвечал опять царевич, — все-таки ведите мать в баню!

Его приказание было исполнено; а мальчика баба-Яга взяла из скрытого места и увела его под камень в поле.

Царевич положительно не мог придумать, что ему делать со своей женой, народившей вместо детей только одних птиц. Наконец он решился отправить ее на тот свет и потому приказал посадить в железную бочку и вытолкнуть ее в море, чтобы впредь она не могла причинить ему опять столько горя. Бочка плавала по волнам три года; между тем мальчики, которых царевна спрятала в чепец, росли, и однообразная жизнь стала надоедать им. Однажды бочка начала стучать обо что-то, но они не знали причины этому. Тогда они начали молиться Богу и сказали грустным голосом:

— Милостивый Господи, уничтожь эту бочку, дай нам возможность любоваться светом и наслаждаться воздухом!

Едва они выговорили эту молитву, как бочка уже разломилась. Они поблагодарили Бога за помощь, пошли гулять по берегу острова и стали думать: «Как нам жить на этом необитаемом острове?» Тут щука приплыла к берегу и говорит:

— Мальчики, распорите у меня живот!

— Нет, зачем нам убивать тебя? — отвечали мальчики.

— Порите да и только, — возразила щука, — и берите то, что найдете в нем.

Мальчики все-таки не согласились на убийство щуки, тогда она сказала им:

— Делайте то, что я требую! В животе у меня синяя косынка и платок; они вам будут полезны. Когда проведете вдоль и поперек косынкой, то возникнет на том месте дом; если на берегу проведете ею до воды и скажете: пусть будет мост отсюда до дворца, — так это тотчас и будет. А платок берегите, потому что он выручит вас из беды.

Они тотчас послушались приказаний щуки; когда провели вдоль и поперек косынкой, тотчас на острове возвысился великолепный дом и мост до царского дворца.

Теперь не было у них ни в чем нужды; они стали жить, как обыкновенно. Во дворце дом их с острова блистал, как звезда; и все во дворце удивлялись тому, что кто бы мог жить в таком доме; но ни у кого не могли узнать этого. Один нищий случайно ходил по берегу, увидел каменный мост, ведущий на остров, и пошел по нему. Вскоре дом заблистал перед его глазами. Он продолжал путь, пришел на остров, увидел прекрасные золотые комнаты и пошел на двор. Потом взошел в дом посмотреть, кто здесь живет, и увидал мать с сыновьями. Они накормили и напоили нищего, как гостя, и, когда он уходил, мальчики проводили его до моста. Отсюда старик возвратился на материк и пошел во дворец.

Царевич сидел у окна и смотрел на народ, ходивший по царскому двору; он заметил нищего и спросил его:

— Ты откуда?

— Милостивый царевич, — отвечал старик, — если бы ты знал, где я был, ты бы не сидел больше у окна.

— А где ты был? — спросил опять царевич.

Тогда старик отвечал:

— Я ходил по берегу мимо дворца, увидал каменный мост, отправился по нему, пришел на остров; на нем дом, и там живет мать с двумя сыновьями, которые так красивы, что ни в сказке сказать, ни пером написать. Там меня накормили и напоили; мне там было так хорошо, как и тебе здесь во дворце. И когда я уходил, мальчики еще проводили меня до моста.

Когда царевич услышал рассказ старика, он подумал:

— Не тут ли моя жена со своими сыновьями? Я тоже удивлялся блестящему дому, — сказал он, — но не знал, кто живет в нем. Как мне пробраться туда, чтобы видеть жителей острова?

— Очень легко, — отвечал старик, — если только хочешь, мост хорош, так что лучше не найдешь; я провожу тебя.

Они отправились вместе и пришли на остров. Царевич увидел дом; он взошел в него и поздоровался. Потом сел и стал спрашивать у мальчиков:

— Откуда вы сюда попали?

Царевич увидел дом
(рис. Л. Альбрехта)

Мальчики отвечали:

— Мы находились в бочке, которая плавала по волнам; вдруг она застучала обо что-то, и мы не знали, где находимся; тогда мы стали молить Бога, чтоб бочка развалилась. Он нас услышал и выручил нас из беды: бочка отворилась, и мы очутились на этом острове. Потом мы стали ходить по берегу и разговаривали между собой о том, как нам теперь жить на этом необитаемом острове. Вдруг приплыла к берегу щука и приказала нам распороть у ней живот. Мы сперва не хотели убивать ее, но она настаивала на своем, и мы наконец исполнили ее приказание. В ней мы нашли синюю косынку и платок, которые нам пригодились. Когда мы провели косынкой, мы тотчас получили то, что ты здесь видишь: золотой дом и каменный мост.

Услышав рассказ детей, царевич заплакал и сказал:

— Это я причиной ваших бедствий; вы мои дети!

Потом он приблизился к матери мальчиков и сказал:

— Ты моя жена, я твой муж, а это — наши дети.

Они узнали друг друга, и их радости не было конца. Царевич велел теперь жене и сыновьям идти с ним во дворец. Один из мальчиков вынул из кармана свою косынку, провел ею в воздухе — и дом тотчас исчез; то же самое случилось и с мостом, как скоро они перешли на материк. Во дворце очень обрадовались тому, что царевич нашел жену свою и сыновей, и приготовили большой пир.

Опять стали жить во дворце по-прежнему мирно и счастливо. Однажды мальчики узнали от матери, что у них были братья, которых баба-Яга куда-то спрятала; они стали скучать об них, и жизнь дома больше не нравилась им; они стали просить мать отпустить их искать братьев. Но мать не хотела расстаться с этими последними ее детьми и всячески старалась удержать их от задуманного ими предприятия.

— Не ходите, — говорила мать, — родимые; пропадете еще и вы.

А сыновья неотвязно приступали к ней и не дали ей покоя до тех пор, пока она не согласилась отпустить их и сказала:

— Ну уж если непременно хотите, так ступайте, родимые, бог с вами!

Мальчики приготовились в дорогу, а мать испекла им лепешку из собственного своего молока. Наконец они отправились в путь. На дороге где-то они увидели на дереве ласточку, и один из них хотел было застрелить ее. Другой же запретил ему и сказал:

— Не стреляй напрасно; она красивее живая.

Брат все-таки прицелился в нее, как вдруг она говорит ему:

— Не стреляй, дружок; я тебя награжу!

Мальчик удивился этому, но вскоре опять поднял лук. «Каким образом, — говорит, — она может наградить меня?» — и хотел было застрелить ее.

— Не стреляй такую красивую птицу! — сказал опять другой брат, и мальчик его послушался; но скоро в третий раз поднял лук. Тогда птица ему сказала:

— Не стреляй, дружок, я тебе пригожусь.

Они увидели на дереве ласточку,
и один из них хотел было застрелить ее, другой же запретил
(рис. Л. Альбрехта)

— Что ты можешь мне сделать? — сказал мальчик, опуская лук.

— Не знаешь, что на пути может случиться, — отвечала птица.

Тогда мальчик оставил ее в покое.

Они пошли дальше и пришли к морскому берегу.

— Как же нам пробраться на другую сторону? — сказал мальчик, который хотел застрелить птицу. — Теперь птица может помочь мне, если она сдержит свое слово.

Лишь только он проговорил это, как птица прилетела.

— Садитесь, — говорит, — мальчики, мне на спину, я свезу вас на другой берег!

Мальчики сели, и птица полетела. Она летела, летела, все подымаясь выше, и потом спрашивает мальчиков:

— Как велико кажется вам море?

— Как крышка ушата, — отвечали они.

Мальчики сели, и птица полетела
(рис. Л. Альбрехта)

Тогда птица спустилась так, что они немного намокли, и потом опять подняла и спросила снова, как велико кажется им море.

— Как решето, — отвечали мальчики, и птица опять опустила их немного в воду и потом опять подняла ввысь, и, наконец, в третий раз опустила их в воду, и на этот раз глубже, чем в предыдущие два раза. Но она не оставила их долго в воде и, схватив их, вынесла теперь на другой берег. Здесь она оставила их и сказала тому мальчику, который хотел застрелить ее:

— Я точно так же испугалась, когда ты в первый раз целил в меня, как и ты, когда я опустила вас в воду. Второй и третий раз я, как и ты, испугалась еще больше. Теперь я сдержала свое слово, ступайте, куда вам угодно.

Мальчики отправились дальше одни и долго странствовали по незнакомым странам. Они шли, шли, а не знали, куда идут. Вдруг один из них вспомнил платок, который дала им щука, и говорит брату:

— Когда щука дала нам платок, она ведь сказала, что он выручит нас из беды, пусть он теперь поможет нам!

Тут он взял платок из кармана и заставил его вертеться. Платок стал вертеться, а мальчики все шли за ним. На дороге птица с ветви спросила, куда они идут.

— Братьев искать, — отвечали они, — не знаешь ли ты, где они?

— Нет, не знаю, — ответила птица, — а недалече отсюда есть избушка, быть может, там знают, где ваши братья.

Мальчики поблагодарили птицу за совет, заставили платок вертеться, пошли за ним, пришли к избушке и взошли в нее. Там хозяйка и спрашивает их:

— Откуда вы, гости?

Они отвечали, что они оттуда-то.

— Идем искать своих братьев, не знаешь ли, где они?

— Братья ваши, — сказала тогда старушка, — без сомнения, здесь; семь мальчиков днем всегда летают по морю; недалеко отсюда изба, туда они прилетают на ночь и опять превращаются в мальчиков. Если пойдете туда, так наверное найдете их.

Мальчики обрадовались, когда узнали эту весть; тотчас они простились с хозяйкой и пошли за вертевшимся платком. Платок скоро перестал вертеться; они были возле той избы, которую им назвала старушка. Взошли они в избу и сели; хозяйка через несколько времени спросила:

— Откуда вы, друзья?

— Мы ищем братьев своих, — отвечали мальчики. — Долго мы уж искали их; не достигли ли мы уж своей цели?

— Достигли, — сказала хозяйка. — Братья ваши днем летают лебедями, а вечером возвращаются к нам ночевать, оставляют лебяжьи шкуры в сенях и входят людьми. Подождите до сумерек, так увидите их; да не показывайтесь им, а не то они улетят; а когда они взойдут в комнату, ступайте на двор, сожгите лебяжьи шкуры, тогда они опять превратятся в людей.

Мальчики обрадовались еще больше этому известию. Они разговаривали с хозяйкой до вечера. Наконец послышался шум в воздухе; лебеди прилетели на двор, скинули шкуры и взошли в избу людьми. Они тотчас и говорят:

— Здесь пахнет матерью.

И стали искать кругом. А мальчики не зевали; тотчас вышли из избы и сожгли лебяжьи шкуры, как им приказано было хозяйкой. Запах гари услыхали в избе, и братья поспешили на двор, чтоб узнать причину этого. Узнав, в чем дело, они испугались и прибежали к хозяйке.

— Кто же это наши шкуры сжег? — спросили они хозяйку.

Но тут взошли младшие братья и рассказали мальчикам о том, кто они такие и как они долго искали их, своих братьев. Узнавши же друг друга, братья стали целоваться от радости. Затем они начали рассказывать друг другу про свою судьбу, и вся эта ночь прошла у них в разговорах. Утром они простились с хозяйкой и все вместе отправились домой. Уходя отсюда, искавшие братья дали другим братьям лепешку, испеченную для них матерью, и сказали им:

— Отведайте материнского молока!

Те отведали и отвечали:

— Давно уж мы не наслаждались материнским молоком; нам пришлось расстаться с ним прежде, чем отведали его.

После этого братья вышли из избы и заставили платок вертеться перед ними на дороге и указывать им путь, а они все вместе последовали за ним и таким образом дошли до самого дворца, где их возвращению все очень обрадовались, в особенности же царь так был рад им, что от радости не знал, что и делать. И во дворце по случаю возвращения братьев пировали подряд несколько дней.

Сказка про вора Ивашу

В некотором царстве, в некотором государстве, в то время, когда еще было помещичье право, жил старик со старухой. У них был сын Иваша. Они жили очень бедно и ходили жать к помещику.

Однажды родители Иваши жали у помещика вместе с другими наемщиками и ушли все обедать, а серпы оставили в поле. Иваша взял серпы и унес их домой.

Приходят жнецы с обеда и видят, что серпов нет. Сказали об этом помещику, что серпы украл Иваша. Помещик рассердился и приказал Ивашину отцу, чтобы завтра же увел куда-нибудь своего сына, так как он, помещик, не желает, чтоб у него в обязанных[1] были воры.

На другой день мать Иваши напекла ему в дорогу пирогов и снарядила его в путь. Иваша, исполняя приказание помещика, ушел вместе с отцом из дому искать на стороне для себя заработков.

Отошедши не очень далеко от своей деревни, они встретили трех красивых молодцов, выходивших из лесу прямо к ним навстречу. Поравнявшись с Ивашей и его отцом, они спросили:

— Куда повел сына?

— Отдать куда-нибудь в работу, — ответил тот.

— Отдай его нам, — сказали молодцы. — Мы научим его очень легкому и выгодному ремеслу — воровать.

Отец Иваши на это не согласился, и они пошли с сыном дальше.

Однако лишь только они отошли немного от молодцов, Иваша стал высказывать отцу свое неудовольствие за его поступок:

— Напрасно ты, тятька, не отдал меня; этим ты лишил меня счастья.

Услышав это, отец Иваши задумался. Потом он решил вернуться и отдать своего парнишку тем трем молодцам в науку.

---

[1] *Обязанный* — крепостной крестьянин, который после реформы 1861 г. должен был прослужить своему владельцу еще несколько лет (*примеч. ред.*).

После этого старик пошел к себе домой
(рис. Л. Альбрехта)

Иваша с отцом тотчас же возвратились, отыскали в лесу тех молодцов, и отец парня заявил им, что он согласен на их предложение. После этого старик пошел к себе домой, а молодцы, захватив с собой парнишку, направились в самую глубь леса, к своему жилищу, которое там находилось.

Спустя немного времени молодцы стали держать промеж себя совет: куда идти воровать. Иваша, тоже присутствовавший при этом, вмешался в их разговор и сказал им:

— А вот пойдемте к нашему барину в усадьбу: у него очень много всякого имения находится на балконе.

Молодцы очень обрадовались этому сообщению и тотчас порешили идти в усадьбу Ивашина барина.

Эти воры были вместе с тем и колдунами. Они, например, могли прийти к сонному человеку и объявить ему, что они решили воровать, а сонному человеку будет казаться, что он это во сне видит.

Они захватили с собой несколько багров и отправились в путь (рис. Л. Альбрехта)

И вот, наметив себе в добычу бариново имущество, воры стали ожидать наступления ночи.

Дождавшись темноты, они захватили с собой несколько багров и отправились в путь. Прибыв на место, они всадили все багры в стену в два ряда, в расстоянии аршина один от другого, отчего у них и образовалось подобие лестницы.

Оборудовав для влезания это удобное приспособление, воры стали между собой советоваться, кому из них наперед лезть — на балкон. И тут же решили, что Иван лучше всех их сумеет сделать дело, и поэтому послали его на вышку, а сами остались поджидать внизу.

Забравшись на вышку, где было сложено все господское имущество, Иваша стал оттуда скидывать одну за другой господские вещи, беря и бросая все без разбору, что только попадалось под руку. Последней вещью был барский тулуп, который очень понравился ему. Жалко стало Иваше отдать в раздел

этот тулуп, и он решил утаить его от своих товарищей. В один миг он снял свою мужицкую одежу, надел на себя этот тулуп, и поверх него опять напялил на себя свое платье и потом стал спускаться вниз.

Когда Иван слез с вышки на землю, то тотчас было приступлено к дележу уворованных вещей. Все было поделено поровну, чтоб никому обидно не было. Иван наравне с другими получил пай из украденного.

Однако товарищи Иваши заметили, что он стал что-то необыкновенно толстым выглядеть, и один из молодцов обратился к нему с вопросом:

— Что это, Иваша, ты сразу потолстел?

— А на мне тулуп барский надет под низом, — сознался Иван чистосердечно.

Молодцы возмутились столь недобросовестным поступком своего ученика и стали требовать, чтоб он отдал тулуп им как учителям своим, а не смел бы самовольно и потихоньку от них утаивать себе лишний пай.

— Ты должен быть благодарен за то, что тебе дали пай, который тебе как ученику не следовало вовсе давать; а ты еще и сверх того норовишь воспользоваться бóльшим, чем досталось другим, — стал вразумлять Ивашу один из воров.

Но Иваша не соглашался с доводами своих учителей и стал возражать им, что кто подает, тому всегда следует больше против приемщиков.

Спорили-спорили воры, так и не могли прийти ни к какому полюбовному соглашению. Порешили обратиться к барину и спросить его, как им следует поступить в таком спорном случае.

К барину послан был Иваша, а молодцы остались под окном и стали слушать, что скажет барин.

Приходит Иваша в барские покои и обращается к барину с вопросом:

— Вот, барин, — говорит он, — мы украли у тебя все твое имущество с балкона, так скажи по совести, кто должен больше получить: тот, кто подавал, или те, которые принимали.

Барин и говорит ему:

— Большой пай должен получить тот, кто подает, а не приемщики. Потому что принимать легче, чем подавать.

Воры все это слышали. Они согласились уступить Иваше тулуп и отпустили его домой как достаточно знающего воровское дело.

Наутро барин проснулся и стал рассказывать своим домашним, какой он видел сон. Барин принял все это за сновидение потому, что воры употребили над ним, как они и всегда делали, свое колдовство.

Окончив рассказывать, барин велел все-таки поглядеть, все ли вещи сохранены на балконе; не послужил ли сон в руку и не обокрали ли и вправду его.

Барское приказание было исполнено, и барин убедился, что он действительно обокраден.

Удостоверившись в случившемся, барин тотчас послал слугу к Иваше с вопросом: он ли украл барское имущество. Иваша, ничего не скрывая, рассказал

слуге всю правду. Слуга вернулся и передал своему барину слова Иваши. Узнав об этом, барин стал придумывать для Иваши наказание. В конце концов он остановился на следующем способе наказания: он написал ему письмо, в котором говорилось, что Иваше за его преступление не миновать повешения, и если он хочет от этого спастись, то пусть украдет у него, у барина, во время пира, который будет завтра, три стола, все кушанье и тарелки, приготовленные для гостей.

Иваша призадумался; но думать долго некогда. Он пошел и подкопал под стену гостиной баринова дома подкоп, добыл большую корзину в сажень длины и залез в подкоп.

У барина уже собрались гости. Немного погодя к Иваше в подкоп прилез дьячок местной церкви, любивший баринову дочь.

— Ты зачем явился сюда незваный, непрошеный? — обратился к нему Иваша с вопросом.

Дьячок испугался и не знал, что ответить.

Иваша заметил находившуюся тут же, под домом, невдалеке от него, бочку с жидкой смолой, аршина в два высоты. Он и говорит дьячку:

— Полезай в эту бочку!

Дьячок послушался и полез. Но лишь он опустился туда, как тотчас же и вылез назад, весь облепленный смолой.

— Да ведь там смола, — сказал он Иваше.

— Ну, полезай скорей в корзину и заройся в перья, — велел ему Иваша.

Дьячок кинулся в корзину и стал зарываться — и через минуту весь был облеплен перьями, которые плотно прильнули к смоле.

Однако Иваша недолго дал дьячку побыть в корзине с перьями: увидав, что он весь уже облепился перьями, Иваша приказал ему вылезть и пробраться через подполье под другую сторону дома. Все это дьячком было исполнено беспрекословно.

Затем Иваша вытащил две половицы из той комнаты, под которую пробрался дьячок, и приказал ему, дьячку, просунуть голову в образовавшееся отверстие и посмотреть, что делается в барском доме.

Дьячок очень рад был этому приказанию, так как при этом мог хоть мельком взглянуть на свою возлюбленную. Иваша стал его подсаживать, чтобы тому легче было просунуться до половины туловища. Когда же дьячок вылез из подполья до половины своего тела, Иваша быстро и изо всей силы подтолкнул дьячка снизу, и тот вмиг очутился в комнате барского дома. А чтобы он не соскочил обратно в подполье, Иваша тотчас же задвинул за ним вынутые пред тем половицы.

Таким образом дьячок нежданно-негаданно очутился вдруг в гостях у барина. Оно все бы ничего, будь он похож на человека, а то — в смоле с прилипшими перьями он был похож черт знает на что.

Наш бедный дьячок не знал, куда и деваться: половицы задвинуты, окна в доме были закрыты снаружи ставнями, а двери вели прямо к тем комнатам,

«Черт, черт!» — кричали одни. «Домовой, нечистый дух!» — кричали другие (рис. Л. Альбрехта)

где находились съехавшиеся гости помещика. И ему представлялся один только выход: пробежать через весь дом мимо гостей и выскочить из дому через парадный ход. Что дьячок и сделал. Но лишь только он появился в гостиной и других комнатах, где гости уже собрались ужинать за расставленными столами, как по всему дому поднялась страшная суматоха.

— Черт, черт! — кричали одни.

— Домовой, нечистый дух! — кричали другие.

— Лови, держи его, вяжи! — орали во все горло третьи.

Но дьячок, не обращая внимания на эти крики, несся, что дикая лошадь по полю, перед изумленными таким невиданным зрелищем гостями.

В конце концов дьячку преблагополучно удалось достигнуть парадного подъезда, так как он прекрасно знал расположение дома. Вбежав в переднюю, он кинулся на крыльцо, а оттуда на улицу, и помчался что есть духу к себе домой. Гости, почти все до единого, пустились вдогонку удиравшему без оглядки дьячку.

Только этого момента и ожидал Иваша. В одно мгновение те две половицы, что послужили выходом для дьячка, были отодвинуты, и вор очутился в барских покоях. Не теряя ни одной минуты, Иваша принялся быстро работать: столы, тарелки и блюда с кушаньями, ножи, вилки — словом, все, что было приготовлено для ужина гостей, — мигом были посбросаны им в подполье и запихнуты в бочку со смолой.

Покончив со всем этим, Иваша выскочил из барского дома тем же входом, как и туда явился, т. е. нырнул через разобранный пол в свое подполье, а оттуда через подкоп выбрался на волю и как ни в чем не бывало пошел себе преспокойно домой.

Но вот все понемногу стало успокаиваться: разбежавшиеся гости снова вернулись в барский дом, конечно, не догнав мнимого черта, все поотдохнули от погони и хотели было опять усесться за стол продолжать прерванный ужин. Но, к их величайшему изумлению, они не нашли в гостиной, где был накрыт стол для гостей, не только самого стола, но даже и кушанья: все исчезло куда-то бесследно. Только теперь вспомнил барин о своем письме к Иваше и сразу догадался, что это проделка никого другого, как его. Барин хотя и первый выдумал для Иваши это занятие, но полагал, что выполнение поставленного им условия будет для Иваши прямо-таки невозможным. Но теперь на деле оказалось, что для него это были пустяки.

Таким образом, не ожидавший такого исхода помещик оказался сам вдвойне наказанным, да к тому же и перед гостями он очутился в самом глупом и безвыходном положении. И барин еще больше рассердился на своего ловкого вора-крестьянина. На этот раз барин решил наказать Ивашу во что бы то ни стало. Но так как все проделанное Ивашей в последний раз было исполнено по его барскому приказанию, то наказывать за это вора нельзя было; нужно было подыскать для этого более подходящий случай. И вот для этого барин придумал новую штуку.

На другой день рано утром к Иваше был послан от барина слуга, которому приказано было объявить Иваше, что ему не миновать виселицы, если он не ухитрится украсть с барской конюшни сивого жеребца, стоящего за тремя воротами, которые охраняются день и ночь сторожами, по два человека у каждых ворот. Да, кроме того, лошадь держат два конюха: один за повод, а другой за хвост.

Выслушав это объявление, Иваша отправился на рынок, добыл там капель из дурмана, что могут усыпить человека, накупил булок и со всем этим отправился на барский двор. По дороге он прихватил еще с собой бутылку вина. Вылив сонные капли в вино и затем взболтав эту смесь, он явился к воротам господского дома.

Здесь Иваша вступил в мирную беседу со сторожами и, приняв плаксивый вид, стал рассказывать им, что отец его скоропостижно скончался и оставил его сиротой. Сторожа очень сочувственно отнеслись к его мнимому горю. После непродолжительной беседы он предложил им, не пожелают ли они

помянуть его родителя. Те охотно согласились. Иваша налил им по рюмке вина из своей бутылки и на закуску подал им булочки. При этом он сообразил, что если они будут пить один после другого, то тот, кто выпьет первый, тотчас же первый и уснет, а потому другой может догадаться, в чем дело. Чтоб избежать этой неприятности, он придумал такую штуку: сказал сторожам, что тот, кто будет пить последним, умрет первым, и если они хотят оба пожить подольше, то должны пить одновременно. Сторожа, конечно, не хотели скоро помирать и поэтому выпили одновременно. В ту же минуту оба сторожа заснули, как мертвые, повалившись на стены, у которых стояли.

То же самое он проделал у вторых и третьих ворот. Добравшись до конюхов, он и тех так же обделал. Потом взял повод из рук одного из конюхов и подал ему в руки конец рогожи, которую другим концом привязал к кольцу у столба; а другому конюху пихнул в руки пучок соломы вместо хвоста, привязав также с другого конца к другому кольцу.

Проделав все это, Иваша взял жеребца и преспокойно вывел его из конюшни и поехал домой.

Ивашка взял жеребца и преспокойно вывел его из конюшни и поехал домой (рис. Л. Альбрехта)

Наутро другого дня конюхи проснулись, и оба дергают — один мочалу, а другой солому, и оба кричат: «Тпру!» И лишь только они потянули предполагаемые повод и хвост, так оба и полетели на землю, потому что мочала и солома сразу же оборвались. При падении один стукнулся о камень, другой о колоду, и оба заругались. Когда же они продрали глаза, увидали, что у одного в руках рогожа, а у другого солома; жеребца же, которого они поставлены были караулить, в стойле не оказалось. Не понимая, как все это могло с ними случиться и куда девался жеребец, они оба кинулись к своему барину и рассказали о случившемся. Барин, конечно, знал, кто виновен в этом, а потому, ни о чем не расспрашивая более конюхов и не теряя напрасно времени, он тотчас же сам лично пошел к Иваше.

Приходит барин к вору и прямо спрашивает его:

— Ты, Ивашка, украл у меня с конюшни жеребца?

— Я, — ответил Ивашка, — потому что ты сам велел мне украсть его.

— Отдай мне назад жеребца. Вот тебе триста рублей за то, — сказал барин.

— Не отдам, мне самому надо, — ответил Иваша.

Барин рассердился еще пуще прежнего и стал опять придумывать способ, чем бы донять этого ловкого вора.

— Вот что, Ивашка, — проговорил барин, — за твои поступки тебя следует повесить. И если ты не сумеешь еще украсть у меня ночью постели, на которой мы спим вместе с барыней, то непременно будешь повешен.

— Нет уж, дудки! — сказал Иваша. — Я и так замучился, выполняя по твоему приказу одно за другим разные поручения, за которые ты обещал мне помилование.

— Молчать! — закричал на него барин и вышел из его дома.

По уходу барина Иваша запечалился было: не исполнить барской воли нельзя, потому что барин, пожалуй, и вправду повесит, а выполнить — уж очень казалось ему трудным. Однако, немного поразмыслив, он кое-что надумал и стал повеселее.

Дождавшись наступления вечера и захватив с собой пропавшую накануне ободранную кошку, Иваша отправился в господский дом и, никем не замеченный, потихоньку пробрался по черному ходу прямо на кухню и там спрятался за печь. А когда в доме все улеглись спать, он незаметно и без шума проскользнул в господскую спальню. Осведомившись там о том, кто где спал, он приступил к своей работе.

Первым долгом он сходил на кухню, которая находилась через четыре комнаты от господской спальни, и взял там растворенную на хлебы квашню, притащил ее к господам в спальню, раскрыл их и вылил всю квашню на спавших барина с барыней и закрыл их.

Только что накануне этого дня приехали домой из города обе господских дочери, которые были положены вместе на одну кровать. Иваша, когда покончил свою работу в барской спальне, принялся за дело в комнате барышень.

Он бросил им на постель, как раз промежду обеими, ту самую ободранную кошку, что притащил с собой с улицы, причем он наперед вымочил ее водой.

Покончив с барышнями, Иваша принялся за остальных обитателей господского дома. Так, кухаркам он связал руки и ноги, поворотивши их сонных одну к другой, вследствие чего они оказались прикрепленными одна руками к ногам своей товарки, а та ногами к ее рукам.

После кухарок он позаботился о поварах, которые, подобно женщинам, были в те времена с косами. Он взял и связал их всех вместе за косы.

Потом добрался до лакеев, которых пришил к постели, а постель прибил гвоздями.

Наконец, во всем доме остались не тронутые им только два конюха. Долго думал Иваша, чем бы их порадовать. Но вот придумал и для них забаву: отыскал случайно валявшуюся в комнатах веревку и привязал их: одного за конец, другого — за другой, и того, который был полегче, опустил через окно, но так, что до земли он не доставал. Благодаря этому тяжелый, оставшийся в доме, державал легкого. Затем затворил окно и тем защемил веревку. Кроме того, он взял где-то мертвую крысу и сунул ее в руки тому, который висел за окном.

Когда все это было Ивашей проделано, он опять забрался на старое место — за печку, и стал там ожидать пробуждения господ и слуг.

Недолго пришлось Иваше ждать того, что должно было произойти при пробуждении обитателей господского дома.

Первым проснулся барин. Увидя возле себя что-то жидкое и липкое, он никак не мог понять, что это такое. Он разбудил жену. Но и та тоже ничего не понимала в случившемся. Барин и барыня стали кричать прислугам, чтобы те подали огня. Но они были привязаны друг к другу, а потому, когда проснулись и хотели было встать, то ни та, ни другая из них этого сделать не могла, и они со злости стали ругаться промеж себя и колотить друг друга головами.

От криков барина и барыни, а также ругани баб проснулись и обе дочки бариновы, которые, увидев лежавшее между ними что-то длинное и мокрое, каждая подумала про другую, что эта сестра, наверное, родила ребенка. А потому они стали упрекать в этом друг друга.

Наконец проснулись и все остальные обитатели барского дома. Повара, услыша приказ барина подать ему огня, хотели было исполнить это приказание, а потому и кинулись каждый в разную сторону. Но не тут-то было: они были крепко связаны коса с косой, и поэтому один из них тащил другого, и никто не двигался с места. Не понимая со сна, в чем дело, они заподозрили друг друга в том, что другой не дает ему возможности встать и держит за косу нарочно для того, чтобы помешать исполнить барское приказание и тем рассердить против него барина.

— Зачем ты меня теребишь? — кричал один повар.

— Не я тебя, а ты таскаешь меня, — отвечал другой.

Лакеи старались встать, но не могли подняться с постелей, так как были пришиты к ней, а сама постель была прибита к полу гвоздями.

Конюх, находившийся в доме, услыша барский голос, тоже кинулся было услужить своему барину, но веревка не пускала его. Он подошел к окну и отворил его. Но только он это сделал, как его дернуло что-то вниз, и он со всего размаху треснулся о верхний косяк окна лбом. К счастью его, что окно еще было мало и он благодаря этому не вылетел из окна вовсе.

И так никто из прислуг не мог достать и подать барину огня, а обе дочери, занятые перекором между собой, тоже не тронулись с места, чтоб услужить своему родителю. И барину волей-неволей пришлось самому идти добывать огня. Но как ни искал барин, но нигде не мог найти спичек. Тогда встала с постели барыня и пошла на подмогу своему мужу. Они стали вместе искать по всему дому спичек. Но так как скоро этого сделать не могли, то, конечно, Иваша этим временем и воспользовался. Он потихоньку пробрался к постели, схватил ее и потащил. А барин с барыней, не найдя в комнатах спичек, отправились за ними на кухню. Когда Иваша схватил барскую постель, то кинулся с ней через коридор тоже к кухне: он притаился в углу, и ни барин, и ни барыня его не заметили, возвращаясь из кухни со спичками в свою спальню.

Барин и барыня, возвращаясь из кухни в свою спальню
(рис. Л. Альбрехта)

И лишь только они прошли мимо него, он тотчас же через кухню выскочил на черный ход и оттуда во двор, со двора на улицу и без оглядки понесся к себе домой.

Возвратившись в свою спальню, барин и барыня не нашли своей постели; а когда барин увидел свою перевязанную прислугу, то как он ни был рассержен, но не мог удержаться, чтоб не расхохотаться.

Лишь только наступило утро, барин отправился к Иваше. Придя к нему, он сказал ему:

— Хотя ты и сумел украсть у меня постель, но все-таки я не прощу тебе твоего первого воровства. Если хочешь избегнуть виселицы, то укради у меня мою барыню.

Бедному Иваше ничего не оставалось другого, как согласиться исполнить и эту барскую затею.

На другой день барыня собралась ехать в гости к своей родной сестре. Проведав об этом, Иваша взял и уехал вперед ее по той же самой дороге, по которой должна была проезжать барыня. Увидав на пути стоявшую березу, Иваша слез с лошади и спрятал ее поодаль в кустах, а сам ухитрился прикрепить себя к березе таким образом, что выглядел как бы повешенным.

Вот проезжает мимо него барыня и увидала, что на дереве висит какой-то неизвестный ей человек.

— Это, наверное, повешен один из воров, — проговорила она.

Но лишь только она проехала, Иваша мигом отвязался и соскочил на землю, потом побежал в кусты, вывел оттуда свою лошадь, сел на нее и помчался во весь дух. Обогнав на несколько верст барыню, Иваша вторично повесился на попавшемся по дороге дереве. Когда барыня доехала до него и увидела его, то сказала:

— Это, наверное, второй вор повешен.

И так он проделал четыре раза. Когда барыня встретила на своем пути четвертого повешенного, то сказала:

— Это уж, наверное, Иваша повешен.

Но лишь только она проехала, Иваша снова обогнал ее и опять повесился. Увидев еще одного повешенного, барыня пришла в сомнение и сказала:

— Да это, наверное, все один и тот же человек.

И, желая убедиться в своем предположении, она велела своему кучеру вернуться и посмотреть: висят ли на березах первые повешенные, которых они видели, проезжая по дороге.

Кучер отправился исполнять приказание барыни.

В это время Иваша моментально соскочил с дерева, сел на свою лошадь и подскакал к барыне. Привязав свою лошадь к ее коням, он сам вскочил на козлы, схватил в руки вожжи и, крикнув на лошадей, помчался к себе домой во весь дух.

Вернувшись обратно, кучер не нашел уже своей барыни, а потому пошел домой доложить барину о новом приключении.

Барыня увидела, что на дереве висит человек
(рис. Л. Альбрехта)

Узнав об этом, барин догадался, что это Ивашино дело, а потому он прямо и пошел к нему. Придя, он стал просить Ивашу вернуть барыню. Но Иваша не соглашался отдать ее. Барин предложил Иваше за барыню триста рублей. Иваша и на это не согласился. Барин стал давать ему пятьсот рублей — тоже не согласен; тысячу — тоже нет. Тогда барин сказал ему, что если он возвратит барыню, то он, барин, отдаст за него свою дочь.

Иваша после долгого упорства согласился на это, и тут же они сыграли свадьбу.

Про солдата

Купчиха, влюбившись в солдата, наслаждалась каждый день с ним и давала ему всегда по золотому. Однажды купец пришел в это время домой, и солдат спрятался в циновку. Купец стал есть с женой апельсины, а жене захотелось отдать и солдату несколько апельсинов, и она стала с мужем бросать в циновку апельсины под предлогом, чтобы увидеть, кто лучше попадет. Солдат, радуясь, съел апельсины. Муж ушел, а купчиха вытащила из циновки солдата. Солдат пришел в лавку и рассказал все купцу. Купец удивился, думая, что он сам бросал в циновку апельсины. На следующий день, когда солдат снова находился у купчихи, пришел купец к жене с сластями. Жена спрятала солдата в корзинку. Стали есть сласти и бросать в корзинку, чтобы увидеть, кто лучше кидает. Солдат съел сласти. Пришедши в лавку, он все рассказал мужу, а тот стал подозревать. На третий день он следил за солдатом и, увидев, что он вошел в его дом, ворвался к жене, а та между тем спрятала солдата в сундук. Не находя солдата, купец поджег весь дом, чтобы сжечь солдата. А жена велела мужу вытащить сундук, плача, что все ее платья сгорят. Вытащил купец сундук с солдатом. Ночью жена солдата выпустила. Купец после этого сошел с ума.

Про трех королевичей

Заболевший король посылает по очереди своих 3 сыновей за чудесной птицей, услышав пение которой, он должен был выздороветь. Старший сын останавливается на постоялом дворе, проигрывает в карты все, что он имеет, и попадает в ад. Точно так же и 2-й сын. Третий же, дурак, не заехал в постоялый двор. Он попадает в лес, встречает старичка и спрашивает его, где он может найти чудесную птичку. Старичок ответил:

— Поезжай к морю; в 12 часов через море перекинется мост, который идет к замку: в нем ты найдешь птичку, но не оставайся там более часу.

Тот так и сделал. В замке он нашел спящую девушку и лег к ней в постель. Затем он взял птичку, булочку, бутылку вина и саблю. Но моста он уже не нашел. Затем он дает булку, вино и саблю трем королям, причем каждый обещал возвратить ему через три года эти предметы и впридачу по три полка солдат. На обратном пути он зашел на постоялый двор и отыграл своих братьев и отправился с ними домой. Братья сунули его под пни и отвезли птичку к отцу, но птичка не захотела петь, и отец не выздоравливал. Скоро дурака освободил какой-то старик, и он стал служить у какого-то короля конюхом, где и остался 3 года. В это время девушка из замка на берегу моря отправилась со своим ребенком к королю и по дороге попала к трем другим королям, у которых забирает свою булочку, вино и саблю и получает в придачу 9 полков солдат. Затем она отправляется к королю (отцу трех братьев), и позвала своего жениха.

Старшие братья явились с отцом. В это время приехал дурак. Как только он вошел в комнату, птичка запела, и король выздоровел. Правда выяснилась, и дурак женился на девушке.

Про дурака и его друга волка

У слепого короля пропадают с яблони яблоки, и он посылает по очереди своих трех сыновей ловить вора. Два старших проспали всю ночь и ничего не видели, а третий, дурак, подстрелил птицу со светящимися перьями, кравшую яблоки. Птица улетела, а дурак поднял упавшее перо и отнес его отцу. Когда он поднес перо к глазам отца, тот увидел свет. Желая прозреть, он посылает своих сыновей искать эту птицу. По дороге братья заходят на три постоялых двора, содержательницам которых дурак нравится и с которым они все 3 обручаются и дают ему подарки: первая дает ему ножницы, с помощью которых можно в один момент сшить себе платье; другая дает ему нож, а третья — рюмку, которая доставляет ему еду и питье. Потом братья расстаются. Дурак встречает волка, который ведет его в замок, в котором находится чудесная птица. Дурак хочет украсть ее, но владелец замка ловит его на этом. Он обещал дать ему птицу, если дурак украдет ему с соседнего замка лошадь. Дурак и тут попадается. Чтобы получить лошадь, он должен украсть ее владельцу царевну, которая не подпускала к себе мужчин. Дурак переодевается в женщину и нанимается к царевне, но обман скоро открывается. Тогда он показывает действие своих ножниц и обещает дать их царевне, если она покажет ему свои ноги до колена. Царевна согласилась. Затем он показывает свой нож и отдает его царевне, после того как та показалась ему до бедер. Рюмочку он отдает ей за одну ночь, которую они вместе спали. Затем они женятся, и он везет царевну, чтобы обменять ее на лошадь, и он обманывает ее владельца с помощью волка, получает двух лошадей, а царевну оставляет тоже себе. Затем едет получать птицу, но при помощи волка оставляет себе лошадей и, кроме того, получает трех чудесных птиц. Старшие братья, встретившись с дураком, бросают его в колодец и отнимают царевну, птиц и лошадей. Но с помощью волка дурак выбирается из колодца, и обман братьев обнаруживается. В награду за птиц дурак получает полцарства.

Про принца, служившего сатане и освободившего короля из сада

Однажды принц заблудился в лесу и после пятидневного блуждания наткнулся на замок, в котором нашел накрытый стол. Насытившись, он начал бродить по замку и встретил старика, который предложил ему служить у него за еду и ежедневное вознаграждение в рубль. Однажды, когда он был в комнате, стоявшая там лошадь заговорила с ним. Она велела ему оседлать себя, вымазать мазью и вытопить печь в конюшне. Тот так и сделал.

Лошадь вдруг превратилась в бриллиантовую, принц сел на нее, захватил с собой зеркало, кнут и щетку, и они поскакали. Старик погнался за ними (это был черт), и, когда он стал догонять их, принц бросил зеркало. Лошадь старика споткнулась и потеряла подкову. Он перековал ее и поскакал дальше. Когда он снова стал догонять принца, он бросил щетку, а затем и кнут, которые превратились в лес и реку. Старик срубил лес и захотел выпить реку, но при этом он и его конь лопнули. Тогда принц и лошадь отправились в подземный замок, где лошадь отправилась в замок, и, приказав предварительно принцу, чтобы он не показывал людям ее бриллиантовых волос, принц нанялся на службу королю в тот же замок в качестве садовника. Однажды на балу 3 дочери короля покатили 3 яблока: два из них подкатились к ногам какого-то принца и купца, за которых они и вышли замуж, а третья вышла за мальчишку садовника, которому досталось третье яблоко. Этот садовник (alias[1] принц) освободил три раза короля от неприятеля с помощью своей лошади и сабли, которую он нашел в своей комнате. Первые два раза он удалялся с поля битвы незамеченным, а в третий раз неприятели ранили его ногу, и по этой ране король узнал своего спасителя. Лошадь в это время превратилась в человека, а замок поднялся снова на землю.

Рассказ старушки

Одна очень старая женщина рассказывала, как она видела черта в гор. Вологде, живя в Пензе нянькой. Однажды на сквере было гулянье и иллюминация. Господа отпустили ее погулять. Когда пошла она домой, дорогой она увидела как будто бы знакомых господ, которых она видела в доме. Один из них предложил ей идти вместе с ними. Она стала всматриваться в них пристальнее и, к своему изумлению, увидела, что тот, который позвал ее, с длинным зеленым хвостом и сам весь зеленый. Она осенила себя крестом и увидела, что около нее никого нет, а находится она на совершенно незнакомой улице.

---

[1] *Alias* — псевдоним (*англ.*).

Про ребенка

Одна молодая еще женщина рассказывала, как она сама видела на стороне ребенка, которого подсунули бабе черти вместо ее ребенка. Она в сердцах прокляла своего, вот они ей и подложили.

— Кормлю, — говорит баба, — кормлю его и ничем не накормлю. Груди сосет много и меня всю иссушил, а сам не растет, только голова такая большущая.

Поехала она к одному чагринскому батюшке, он старенький такой, а все знает и всю судьбу тебе откроет, все узнает тебе сразу. Рассказала свое горе, а он и говорит ей:

— Когда ты поедешь мимо озера, размахнись и брось его туда.

Поехала она назад, доехали до озера, вспомнила слова батюшки, да жаль стало детище. «А что, — подумала она, — ежели он мой». И опять привезла его с собой.

Опять он сосет у ней, сам все такой же и ее только изводит. Поехала она опять к этому же батюшке, а он ей и говорит:

— Вот ты его пожалела, а он не твой, ты помнишь, ты своего-то прокляла, и они у тебя его взяли, а этот не твой, нечего тебе его жалеть, исполни, о чем я тебе тогда говорил.

Поехала она обратно, подъехала к озеру, размахнулась и бросила его туда, и озеро разделилось на две части.

На свадьбе

Один крестьянин хорошо играл на балалайке, его постоянно приглашали на свадьбы в качестве музыканта. Однажды идет он немного навеселе по улице, встречает его один знакомый крестьянин и приглашает в соседний дом поиграть на свадьбе. Тот пришел в дом, ему дали балалайку, и он начал играть. Играл, играл он, а гости все пляшут без всякой устали. Попросил он позволенья отдохнуть... Отдохнул так несколько раз. Вышел он к воротам, чтобы немного освежиться, и видит: у ворот стоит белый конь. Этот конь и говорит ему:

— А знаешь ли, где ты теперь играешь?

— На свадьбе, — отвечает тот.

— Нет, не на свадьбе, — ответил конь, — а у чертей, это черти тут пляшут, и они хотят замучить. Ты возьми да оборви все струны, а когда они пошлют тебя покупать новые, ты выбирай в каждом магазине как можно дольше.

Тот и оборвал все струны. Тогда два черта повели его в магазин, привели в первый — тот выбирал, но ни одной не нашел; и так несколько раз. Черти догадались, что он их обманывает, и начали грозить ему смертью, если он не выберет сейчас же струн и не пойдет с ними на свадьбу. Тут он, не надеясь остаться в живых, осенил себя крестным знамением и увидел, что около него никого нет, а сам он находится в бане, откуда его вытащили на другой день.

Поскребышек

Мужик принес своей бездетной жене из лесу 12 яиц. Она высидела 12 мальчиков. Последнего они назвали Поскребышком. Сыновья выросли. Однажды мужик заметил, что кто-то крадет у него овес. Он посылал по очереди всех своих сыновей ловить вора. Старшие 11 ничего не заметили. Когда пришла очередь Поскребышка, он захватил с собой петуха и кошку. В полночь они разбудили Поскребышка, и он поймал лошадь, евшую овес. Но лошадь обещала помогать ему, и он отпустил ее. Вскоре мужик отдал своих сыновей в солдаты, и Поскребышек поехал на чудесной лошади. На ночь все сыновья остановились на постоялом дворе, хозяйка которого оказалась ведьмой. Лошадь предупредила Поскребышка, что ведьма хочет их всех убить, и велела ему и его братьям лечь к стене, а девушек, которых они получили на ночь, положить с наружной стороны. Ночью ведьма пришла и, убив вместо братьев девушек, высосала из них кровь, а братья убежали. Король сделал старших братьев солдатами, а Поскребышка офицером. Братья были недовольны и сказали королю, что Поскребышек может достать лиру, которая им сама играла на постоялом дворе. С помощью лошади Поскребышек достал ее от ведьмы и в награду получил 100.000 руб. и титул сенатора. Затем Поскребышек освободил с помощью коня<...> [1]

Про двух сирот

Юноша и девушка — сироты — встречают в лесу старика, который за несколько кусочков хлеба и мяса дает юноше ружье, кольцо, свисток и маленькую роту. Затем юноша убивает разбойников и селится с сестрой в их доме. Пощадив носорога, волка и медведя, он получает от них по детенышку, и эти спасают его, когда сестра, связавшись со спасшимся разбойником, пробует убить его. Он запирает сестру в комнате и обещает выпустить ее, когда она съест бочку угля и наполнит ее слезами. Убив затем змея и женившись на освобожденной царевне, он возвращается и находит уголь съеденным, а бочку — полную слезами. Сестра же его, улетая в виде облака, благодарит его за то, что он доставил ей блаженство.

[1] В оригинале пропуск в тексте (*примеч. ред.*).

Рассказ про овинника

Крестьянин деревни Окарыхи жестоко поплатился за непочтительность к овинному. Хороший, степенный и умный был мужик Тихон Сосипатрович. Деревенское общество много раз выбирало его в сельские старосты, но он всякий раз отказывался от этой чести.

— Ослободите, православные, — говаривал мужик. — Выберите другого. Ежели я приму на себя такой чин, то мне придется с добрыми людьми ссориться, браниться и в грех вступать, а я этого не желаю, мне охота с вами в мире пожить.

Ну, прошение его и уважают, потому — первый человек в обществе, а главное, человек больно нужный, всякого он из нужды выручит, хлеба даст и деньгами ссудит и никогда тебе не напомнит, ждет, пока сам не вернет. Был он человек бездетный, жил с одной женой Маврой. Хотя оба и в летах, но здоровые, работать злые, и всего у них было много. Справные люди, жили хорошо. Каждое воскресенье и праздник в церковь ходили, нищую братию оделяли. Одним только Тихон Сосипатров пренебрегал: лет пять не справлял именины овинника.

Соскочил с печи, вон из избы, бежит на гумно, а овин так и полыхает (рис. Л. Альбрехта)

— Самое пустое это дело, — говорил Тихон. — Разве есть какие овинные? Ну, тот и дал о себе вестку.

Сняли они хлеб, насадили сушить овин на ночь, а чтобы утром, на зорьке, обмолотить. Насадил Тихон овин, потушил огонь и пошел домой, чтобы отдохнуть на печке; только он лег, не успел глаза сомкнуть, как слышит крик:

— У Тихона Сосипатрова овин горит.

Соскочил с печи, вон из избы, бежит на гумно, а овин так и полыхает. Народ сбежался, стройку растаскали, а хлеб, рожь, до последнего зерна испепелился.

— Экое несчастье, — говорил народ. — Все погорело.

Тихон изладил заново овин, опять снопов насадил, а сам по дворам пошел. Не успел на печь залезть, как на поле кричат:

— Овин Тихонова горит, овин горит.

Дотла и другой овин сгорел, ровно корова языком слизнула. Поставил третий овин, такая же участь и этот постигла. Тихон с хозяйкой советоваться: как быть, что делать? Мавра баба разумная, посоветовала к попу сходить:

— Он наставит уму-разуму.

Точно, батюшка-покойник, царство ему небесное, наученье такое сделал:

— Построишь новый овин, — сказал покойник, — станешь сушить хлеб и покарауль: это, по моему мнению, овинный бедокурит, озорничает нечистый.

Тихон за наученье сунул в руку батюшке и исполнил, что тот ему приказал. Построил новый овин, ночью высушил снопы, огонь в полаз потушил, взял кол и сел за пеледу[1]; поджидает, не покажется ли где овинный с огнем. Недолго пришлось ждать. Смотрит: идет гумном сосед его Иван, идет спешно и по сторонам озирается; подошел к овину, выхватил из подзастрехи[2] пучок соломы, чиркнул спичкой и стал зажигать. Тихон Сосипатров выкатил из-за пеледы да как хватит колом соседа. Тот — дралка; Тихон с колом за ним, бежит да сыплет. Сшиб с ног Ивана, а сам знай накладывает да приговаривает:

— Так-то по-соседски-то поступаете? — шумит. — Четвертый овин удумал спалить.

Тихон как хватит колом соседа
(рис. Л. Альбрехта)

[1] *Пелед* — навес над стогом хлеба (*примеч. ред.*).
[2] *Подзастреха* — нижний свисающий край крыши у избы, сарая и т. п. (*примеч. ред.*).

А Иван, вместо того чтобы скорее повинную принести и замиренья просить, все матерком, матерком Тихона-то. Ну тот, известно, в сердце вошел, пуще колом насаживает. Оставит на малое время, думает, будет с него, а Иван опять бранится, растравляет Тихона-то. Даст себе передышку Сосипатров и еще угощает доброго соседа. Бил он соседа, бил, инда сам весь изнемог. Иван перестал браниться, лежит и уже не дышит. Тихон нагнулся к нему, полагал, не притворился ли. Где, весь дух вышиб, кончину принял от кола-то. Тихон домой — бабу зовет:

— Пойдем-ка поскорее, тело убрать.

По дороге к овину Тихон говорит:

— Ведь я соседа убил. Иван овин пытался поджечь, а я подкараулил и колом попотчевал. Надо подальше куда его оттащить.

Прибежали к тому месту, где убитый лежал, а его уж и нет.

— Ах ты, грех какой, — вскрикнул Тихон. — Знать, уполз. Беда теперь моей головушке, на каторжные работы сошлют.

Вернулись, до утра не спали: пойдет ли уж тут сон, когда эдакое страшное дело стряслось. Утрочку Сосипатров вышел на улицу, чтобы узнать стороной про соседа, гребтится[1] на сердце-то, боится за свой грех, глядь, а сосед Иван навстречу.

— Здорово, Тихон Сосипатрыч, — говорит Иван. — А я было к тебе.

— Просим милости, — отвечает Тихон. — Пойдем в избу.

И глядит на соседа, ни в чем невредим стоит перед ним Иван, смотрит на него приветно, доброжелательно.

— Ничего, здесь перетолкуем, — говорит сосед. — Все ли у тебя благополучно, Тихон Сосипатрович?

— А ще? — спрашивает Тихон и сам пытливо глядит на Ивана.

— Да хозяйка моя ночью на двор выбежала, — сказывает Иван, — так слышала, как на твоем гумне кто-то стонал и на столбу у овина дубиной стучал. Хотел я досмотреть, да, правду сказать, позабоялся: не овинный ли, мол, зубы на кого точит.

Полегче вздохнул Тихон Сосипатрович, отлегло от сердца-то:

— Кажись, у меня все слава богу, благополучно, — отвечает соседу. — Позапоздал я сегодня, надо торопиться овин обмолачивать.

— Ступай с богом, — сказал сосед Иван. — Я об этом и хотел тебе доложиться.

На токе Тихон и рассказывает своей хозяйке:

— Какое диво, Финоговна, как я вечерось бил Ивана, замертво на месте оставил: а он седна у ворот со мной разговаривал, и хоша бы чем-нибудь себя выдал: говорит ласково, по-хорошему и упредил меня, чувствует, значит, что обижаться ему на меня не следует.

Выслушала мужа Мавра до последнего слова.

---

[1] *Гребтиться* — беспокоиться (*примеч. ред.*).

— Да его ли ты накрыл, — промолвила баба. — Не другого ли кого ты нахаживал?

— Кажись бы, его, — раздумчиво ответил Тихон. — Разве я обознался.

— То-то, не овинный ли тебе представился?

Ухмыльнулся Сосипатрыч.

— Полно, глупая, не дело ты болтаешь.

Молотит, а сам беспокоится. «Кого же я убил, — думает. — Как я ему сыпал, как накладывал». Ожидает, не подойдет ли кто, не объявит ли, что вблизи мертвое тело оказалось. Не слыхать. День прошел — не слыхать, завечерело, о мертвом теле помина нет. Успокоился Тихон Сосипатрыч, поужинав, и на печь завалился, а хозяйка на лавке пряла, сквозь окошки от огня светок небольшой на волю бил.

Деревня Окариха на берегу вытянулась, избы окошками на реку Большой луг глядят. Изба Тихона Сосипатрова посередке стояла, с левой стороны проездной проулок к реке, мелко тут, куры в броде переходят. Ночь стояла наволочная, временем из-за туч месяц проглядывал. Вот, часов так в 10 ночи, Мавра и слышит: с улицы в подоконницу стучат. Она подняла иконенку, видит: человек в свету стоит, одет по-кучерскому и с плеткой в руках.

Кучер стоит под окном
(рис. Л. Альбрехта)

— Чего тебе надо, добрый человек? — спросила.

— Да вот с господами еду, — отвечал кучер, — да не знаю, как через реку перебраться. Впервый еду, боимся.

— Поезжай смело, родимый, — говорит Мавра. — В этом месте не глыбко.

— Да, слышь, место-то незнакомое. Не потрудится ли твой хозяин, не покажет ли нам место?

Хозяйка крикнула, разбудила мужа, тот слез и к окошку, видит: кучер стоит, а в сторонке тарантас, и в нем два барина сидят, цигарки курят.

— Чего ты сомневаешься? — говорит Тихон человеку в кучерской одежде. — Дорога прямоезжая, вода тут разве по лодыжку захватит.

А кучер ему в ответ:

— Все же мы опасаемся, выде, пожалуйста, почтенный, укажи нам переправу. Господа за труды заплатят.

Тихон пообиделся:

— Платить мне не за что, невелики <труды>, — сказал Сосипатров, — а перевести, я, пожалуй, переведу коней.

Тихон опустил кнутовище в воду
(рис. Л. Альбрехта)

Как был, в одной рубахе и босиком, так и вышел за ворота, пошел к реке, а кучер, взлезши на козлы, за ним поехал, господа цигарки курят, дымок так и пышет. У бережка Тихон приостановился, спросил у кучера кнут, взял и опустил кнутовище в воду.

— Видишь ли, — сказал, — полтора вершка нет. И дальше не глубже. Не стоит и мерить. Поезжай свободно.

А человек в кучерской одежде с козел просит:

— А ты ногой-то стань: мне видней будет.

Сосипатрич усмехнулся, шагнул:

— Гляди, — крикнул и встал ногами на дно реки.

Только он встал, как тарантас с барами и человек в кучерской одежде с лошадьми исчезли, а сам он очутился в больших хоромах.

— Стою я посреди горницы, — рассказывал после Тихон Сосипатрович, — барин али какой атаман сидит за столом, в креслах, и с шеи на грудь цепь свесилась, вот в каких земские начальники сидят; барыня расхаживает

Начальник закричал на мужика
(рис. Л. Альбрехта)

взад и вперед по полу, и вот так унывно кто с израсчевой печки стонет. Атаман начальник-то на меня как закричит грубым голосом:

— Что ты, подлец, как человека-то изувечил. Разве так возможно драться?

Я так и дрогнул, оброб очень.

— Виноват, ваше превосходительство, докладываю: сосед у меня три овина сжег, четвертый хотел поджечь, а его и поучил.

— Какой черт сосед, — напустился на меня начальник. — Ты моего закадычного друга изорочил — вон он так на печи-то стонет. Я тебя за это, подлеца, в Сибирь на каторгу сошлю.

Я вертелся, вертелся, душой-то кривлял, кривлял, и никак-то не могу отвиляться, а барин пуще распаляется, напирает на меня и кричит:

— Розог. Палок.

И барыня в его руку тянет:

— Отодрать мужика хорошенько, — говорит, — он моего полюбовника изурочил. Куда он теперь годен?

Я тут и взмолился:

— Господи, помилосердуй. Крест честной, животворящий.

И не успел докончить молитвы, опять очутился во мху, близ бережка, и никого вблизи нет. Тут я и вспомнил слова-то нашего отца духовного: справедливо предсказал, кто овины у меня жег. С тех пор каждую осень в Сергиев день не позабываю справить именины своего овинного.

Записано Г. Нефедовым

Рассказ про русалку

Одна женщина про русалку рассказывает случай.

Несколько подряд лет у ней не рождались дети. Вот она по совету старушек стала служить молебны и ходить по монастырям; налагая на себя обеты, она усердно просила, чтоб Господь послал ей ребенка. Наконец она родила сына. Но перед этим во сне ей, как она передает, явился какой-то старичок и не велел ей всячески пускать своего сына близко к воде. До 15 лет мальчика этого всячески оберегали и не пускали близко к воде. Но как-то раз он не утерпел не покупаться и пошел вместе со своими товарищами к ближайшей реке. Только что этот мальчик влез в реку, как из воды выскочила нагая женщина, по мнению крестьян русалка, и, схвативши его, скрылась с ним на дно реки. После этого три дня подряд эта же русалка каждый день в определенное время выскакивала из воды, держа в руках труп залившегося мальчика. Вымоленный ребенок, по словам крестьян, «детенок не детенок», из него проку все равно не будет.

Рассказ про старых чертей

Старые черти живут у моря. Кто захочет из людей перейти в их веру, тот должен ехать к «окияну-морю». Там его черти заставят молиться, и если кто, помолившись, поклонится в землю и будет «ничком» (ниц) лежать, того черти награждают деньгами и заставляют его и других людей подгонять под свою веру, а кто, помолившись, да на небо поглядит, то черти тотчас разорвут. Молодые черти живут больше «у речках». Все черти, по мнению крестьян, холостые. Молодые черти, скинувшись змеями, летают к девкам на вечеринки и, превратившись там в молодцов, влюбляются и живут с ними. Про это одна женщина передает такой случай: однажды к одной вдове, которая собрала к себе на посиделки несколько девиц, заявились пять молодых людей и начали угощать всех присутствующих сластями. В это время у одной девицы как-то нечаянно выпало из рук веретено. Нагнувшись его поднять, она с ужасом заметила, что у всех молодцов видны хвосты, а наместо сапог лошадиные копыта. Затеявшись пить, она взяла кружку, приглашая других своих товарок пойти с ней в сени попить воды, но те на это отказались. Вышедши в сени, девица эта

У всех молодцов видны хвосты
(рис. Л. Альбрехта)

побежала на село возвестить об этом другим. Пока она созвала людей и прибежала опять к вдове, где были подруги, все находящиеся тут были подушены. А тех молодцов с хвостами и лошадиными копытами не было и следа.

Второй случай

К одной женщине повадился летать змей, который, скинувшись молодцом, приколдовал эту женщину к себе и стал с ней жить. Дело это вышло из-за того, что женщина эта на перекрестках подняла золотое кольцо, которое не нужно было бы, по мнению крестьян, брать, так как с ним вместе сливается молодой черт. Змея этого неоднократно видели и другие соседки и говорили об этом ей. Женщина эта не верила, говоря, что не змей летает, а приходит красивый барин, которого она и любит, так как он дает ей деньги. Женщины посоветовали ей рассмотреть получше этого молодца сзади: у змея непременно не будет зада, у него будут видны кишки и кости, не покрытые мясом. Как ни присматривалась она к своему любовнику, но никак не могла разглядеть его сзади; только что она начинает его осматривать, как он тотчас

Змей
(рис. Л. Альбрехта)

Змей так плюнул на нее, что даже водой ее всю залил (рис. Л. Альбрехта)

переворачивается к ней передом. Наконец, как-то ей удалось разглядеть его и удостовериться в справедливости сказанного. Чтобы избавиться от этого змея, ей посоветовали стать на постели и есть конопли и давить их, чтобы они щелкали; нужно еще перед собой поставить кружку бурачного рассола. Когда прилетит змей и спросит, что это такое, нужно отвечать: «Вшей бью, а вот это (указывая на кружку) их кровь». Женщина так и сделала. Змей так плюнул на нее, что даже водой ее всю залил, скрылся и уж больше не прилетал.

Материно проклятие

Одна женщина выругала свою дочь такими словами: «Чтоб ты провалилась от меня сквозь землю». Сказавши такое проклятие, женщина эта своими глазами видела, как дочь ее начала постепенно входить в землю и наконец вошла по самую голову. Скрывшись в землю по голову, проклятая дочь стала укорять свою мать, говоря ей, что она теперь должна идти по монастырям

Одна женщина выругала свою дочь такими словами: «Чтобы ты провалилась от меня сквозь землю» (рис. Л. Альбрехта)

и молиться за нее. Женщина эта начала ходить по монастырям и каяться о своем поступке. По мере того как она молилась о здравии своей несчастной дочери, дочь эта мало-помалу выходила опять из земли и наконец совсем вышла, но двинуться с этого места не могла. Так стояла эта дочь, по словам крестьян, до тех пор, пока не возвратилась из монастырей ее мать и, покаявшись пред всем селом, попросила священника отслужить на этом злополучном месте молебен. После этого дочь этой женщины сошла с места, на котором ее прокляла мать, и стала по-прежнему ходить.

Когда матери проклинают своих детей, то от таких детей отступают ангелы, а черти за ноги тащат к себе. Некоторые из крестьянских женщин уверяли, что они когда ходили поклоняться мощам Федосия в Чернигов, то в это время из-за моря привезли десятка два чертей, которых образовывали и подгоняли под нашу веру. Они, говорят эти женщины, сперва не верили, что Федосий

есть святой, а потом и поверили, и их после этого крестили. (По всей вероятности, как видно из слов этих женщин, в Чернигове крестились какие-либо иноверцы, которых женщины, по своему мнению, и приняли за чертей.)

Записал П. Формин

Рассказ про ведьму

Ведьмам в день Светлого Христова Воскресения дается от дьявола сила, при помощи которой они становятся невидимыми. В самый день этого праздника все ведьмы стоят в службе задом к царским вратам, но их из народа никто не видит. Только когда священник выходит со св. дарами из царских врат, то может видеть этих ведьм. Про одну ведьму рассказывают такой случай.

Одного мужика, как, бывало, он только выйдет вечером куда-либо со двора, тотчас настигала ведьма и, сделавшись кошкой, садилась к нему на плечи

Кошка на плечах мужика
(рис. Л. Альбрехта)

и давила ему спину, как пятипудовая поклажа. Долго мучился с этой ведьмой мужик и никак не мог от нее избавиться. Наконец одна старуха-знахарка научила его избавиться от этой ведьмы.

— Как только жена твоя сошьет тебе новые порты, — говорит знахарка, — ты в то время, как кошкой сядет тебе на плечи ведьма, должен незаметным образом вытащить из портов «гашень» или «мутузок» (веревка, на которой держатся порты) и зацепить им за что-либо эту кошку и несть домой.

Мужик при этом стал говорить старухе-знахарке, что, как только он подходит к своему дому, кошка соскакивает у него с плеч и быстро скрывается, так что ничего не может с ней сделать, а позвать в это время людей тоже нельзя: ведьма эта всегда выбирает время, когда кругом нет никого.

— Стану кричать на помощь, — говорит мужик, — ведьма начинает душить меня еще сильнее.

— Ничего, — говорит знахарка, — если все сделаешь, как я тебя научаю, принесешь ее тогда домой. Да там получше ее избей, говоря все раз, раз, — наставляла знахарка.

Мужик так и сделал. Когда ему взлезла на плечи кошка, он незаметным образом вытащил из портов «гашень» и зацепил им кошку за лапу. Когда мужик стал подходить к дому, кошка эта все сильнее и сильнее давила ему плечи. Но мужик, кряхтя изо всех сил, притащил все-таки кошку домой и, стащивши с плеч, хотел ее бить. Но кошка тотчас превратилась в его руках в два клина. Мужик, не долго думая, взял эти два клина, положил на пол и давай их концы отрубливать топором. Но тут он вдруг послышал, что из клинков этих кто-то стал просить его:

— Не руби больше, пусти душу на покаяние.

Мужик рассердился и забросил эти два клина. В скором времени после этого все узнали, что одной ведьме кто-то ночью отрубил пальцы в руках и ногах.

Рассказ про свинью

Еще был такой случай. Одна женщина, будучи ведьмой, захотела во что бы то ни стало добыть стрелу от грома, с которой, по мнению крестьян, соединяется еще сильнее природного ведьмовства. Пользуясь этой стрелой, можно не только лечить, но и портить людей. После долгих порч народа женщине этой, ведьме, дана была от нечистого эта стрела, которая иначе и не дается, как только тем ведьмам, которые много уже и без этого попортят людей и принесут им несчастья. Получивши стрелу, ведьма эта долго не столько лечила, сколько портила людей. Перед смертью она вздумала передать эту стрелу своей дочери. Но соседи, зная это, стали уговаривать дочь этой ведьмы не подходить к матери, а то она ей передаст ведьмовство, а ведь это грех великий. Дочь послушалась соседей и не подходила к матери некоторое время,

но потом соблазнилась и взяла от матери эту стрелу. Как только получила она от матери стрелу, то тотчас с ней вместе перешло к ней ведьмовство. Когда соседи узнали, что эта дочь начала портить людей, то стали укорять ее, зачем она это делает. Ведьма эта и говорит некоторым соседкам, что как только получила от матери стрелу, то с тех пор на нее нападает какая-то тоска, которая гложет ее за сердце и нашептывает ей, чтобы она портила людей. После этого через несколько времени ведьма эта покаялась священнику, прося у него совета, как ей поступить с данной стрелой. Священник посоветовал ей забросить эту стрелу и перестать портить таким образом людей. По совету старых знахарок, ведьма эта должна была бросить стрелу, потерять ведьмовство на росстанях (перекрестках) в глухую полночь и притом бросать стрелу непременно нужно зажмурившись, чтобы не знать, куда она полетит. Долго крепилась эта ведьма не портить людей, наконец ей стало тошно, невмоготу (не в силу), и она решилась снесть и бросить стрелу на росстанях. Когда пришла полночь, она взяла стрелу и пошла на росстани. Зажмурившись, она бросила эту стрелу.

Мужик начал бить свинью
(рис. Л. Альбрехта)

Но в это время поднялся такой страшный вихрь, что эту ведьму подхватило и начало бить об землю, так что ее на другой день еле живую нашли на росстанях. С тех пор уж ведьма эта потеряла свое ведьмовство навсегда и не могла уже больше портить народ.

Одна ведьма, скинувшись свиньей, повадилась к крестьянину отнимать у коров молоко. Неоднократно крестьянин видал, как из-под коровы бежала свинья, а один раз он захватил ее, как она сосала у коровы молоко. Он решил ее подкараулить и поучить. Севши под борону (по мнению крестьян, только под бороной можно караулить ведьм), он начал ждать. Прибегает женщина с доенкой и начинает доить коров. Перекрестившись, мужик кинулся на ведьму и начал ее бить. Но она тотчас сделалась свиньей и хотела уйти под ворота. Но мужик опередил ее и стал опять колотить ее, приговаривая: раз, раз. Но тут как-то он ошибся и сказал: «два», после чего ведьма кинулась на мужика и начала его ломать. На отчаянный крик мужика прибежали его семейные. Они нашли мужика почти мертвого с переломанными членами. А на другое утро у соседки ведьмы все лицо было в синяках. Ведьма все-таки не бросила своей привычки отнимать у коров молоко; где бы только на селе ни отелилась корова, как она тотчас отнимала молоко, которое уж после у той коровы не возвращалось.

Однажды эта ведьма отправилась на богомолье вместе с другими старухами. На дороге в сильную жару она и обращается к своим сопутчицам:

— Бабы, не хотите ли молока?

— Да где ж ты возьмешь? — удивляются женщины.

— Да разве долго, — говорит ведьма. — Вот побегу вон под ту березу (указывая на ближайшую к дороге дуплистую березу) и принесу (ведерку) молока.

Мальчик-с-пальчик

Жили-были старик да старуха, детей у них не было. Вот раз старуха капусту рубила и отрубила себе пальчик, отрубила и бросила его за печку. Через несколько времени вдруг и услыхала: за печкой кто-то заговорил. Заглянула старуха и увидала там мальчика-с-пальчик.

Вышел мальчик из-за печки и спрашивает:

— Где, — гт[1], — батюшка?

Старуха отвечает:

— Пашет.

— Давай-ка, — гт, — я снесу ему позавтракать да пособлю попахать.

Старуха наклала в корзину блинов и подала мальчику. Понес он отцу блины. Идет бороздой, а его не видно, только сверх его корзину видать. Вдруг

[1] Говорит.

доехала лошадь до мальчика, остановилась и стала у него из корзины блины есть. Подошел старик, заглянул под корзину, а там мальчик.

Подал мальчик отцу блины, а сам влез в ухо лошади и стал пахать, а отцу наказал:

— Если кто будет меня покупать, ты продавай, а я к вам возвращусь назад.

Вот, немного поноровя[1], едет барин мимо. Увидал барин, что одна лошадь пашет, и подозвал мужика к себе.

— Как же, — говорит, — у тебя лошадь-то одна пашет?

— У меня, — гт, — ведь не одна пашет, а тут есть мальчик.

— А где же он?

— Да вот, — гт, — в ухе сидит, он и правит.

— Продай мне, — гт, — этого мальчика.

— Купи.

Старик и продал мальчика за триста рублей. Барин посадил мальчика в карман и поехал дальше. Едет путем-дорожкой, а мальчик прогрыз в кармане у барина дырку и выскочил.

Была ночь. Деваться мальчику некуда, он и лег под кустик спать. Вдруг и идут два вора к попу быков воровать и разговаривают. Услыхал мальчик и стал проситься к ворам:

— Поймите[2], — гт, — ребята, и меня с собой!

Они сперва не видели, где и есть, а потом и рассмотрели — мальчик.

— Куда, — говорят, — тебя, этакую дрянь, там еще наварзаешь[3], так нам не рассчитаться с тобой!

— Поймите, ребята, я пригожусь.

Вот его и поняли, пришли к попу, мальчик в щелку пролез и отпер им. Отпер, а они никоторый нейдут — боятся, чтобы поп не услышал, стоят у ворот да перепираются[4]. И надумали послать за быком мальчика. Мальчик пошел с большой веревкой. Оба быка стояли в одном хлеве; один черный, а другой бурый. Мальчик им и кричит:

— Которого быка вести-то: черного или бурого?

А те и говорят:

— Не кричи, не кричи! Веди которого-нибудь!

Он накинул на бурого быка веревку да к ним конец и проволок, они и вытащили быка со двора, отвели за поле да и давай колоть. Закололи и стали делить между собой говядину. Разделили говядину, а мальчику отдали шкуру. Мальчик завертелся в шкуру да тут и уснул. Вдруг бежит голодный волк, схватил шкуру да лишо[5] съел.

---

[1] Погодя.

[2] *Понять* — взять с собой.

[3] *Варзать* — шалить, портить.

[4] Стоят в нерешительности — не зная, идти или нет.

[5] Лишь.

Утром волк побежал за овцами, а мальчик у него в брюшине и кричит:

— Эй, пастух, пастух! Волк-то у тебя овцу хватает!

Пастух услыхал и прогнал волка. Так и на другой день: волку где бы разжиться говядинкой, мальчик закричит, лишо услыхают. Волк видит, что дело неладно, и стал мальчика упрашивать:

— Вылезь из меня!

— Нет, гт, не вылезу, а свези меня к отцу на поветь, так вылезу.

Рассказал мальчик, где отец живет, и поехали к отцу. Бежит волк прямо на сарай, а мальчик и закричал:

— Батюшка да матушка! Бегите да волка серого бейте, на поветь прибежал!

Выскочили старики, убили волка. Мальчик из волка и вышел. Кожу выделали да сшили мальчику из нее тулуп, а мясо бросили. И теперь живут попрежнему — мальчик в тулупе, а старик да старуха радуются.

Дурень — бабин сын

У одной бабы был сын дурачок, и нанялся он в работники к одному мужику. Раз он с хозяином поехал в город горох продавать, и на проселке встретили они так много ворот, что дурачок наконец рассердился и выругался вслух, чтоб вас было во сто раз больше! Хозяин, услышавши такое пожелание, схватил кнут и пребольно отстегал дурачка по спине. Дурачок заплакал и ушел к своей матери жаловаться. Мать ему и говорит:

— А ты бы сказал лучше: чтоб вам всем сквозь землю провалиться!

Дурачок побежал к воротам в свою деревню и видит: въезжает через ворота свадьба; он остановился посередь дороги и как гаркнет:

— Чтоб вам всем сквозь землю провалиться!

Поезжане соскочили с лошадей и опять отстегали дурачка кнутами. И опять пошел дурачок к матери жаловаться, а мать ему и говорит:

— А ты бы захватил с собой скрипку, да поиграл бы да попел, видя такое веселье!

Дурак принял к сердцу наставление своей матери и, выходя из дому, захватил с собой скрипку. И видит он, что с краю деревни загорелся овин. Побежал он к этому овину и начал подле него играть на скрипке, припевая и приплясывая. Тут его опять больно избили, и пошел он снова жаловаться матери.

— А ты бы, — говорит ему мать, — лучше взял лопату, да и покидал бы снежку в огонь, чтобы тот потух!

Дурень в следующий раз пошел по деревне с лопатой. Видя, что подле одного дома, на улице, свинью опаливают, и вспомнив уроки своей матери, дурачок начал загребать лопатою снег и кидать на костер, так что мигом потушил его. Но выбежавшие хозяева за это так больно его избили, что после этого случая он без матери никуда уже один и не ходил.

Поп
(рассказ)

После праздника Введения,
Средь Филиппова говения
Приглашают исповедовать
Отца-батюшку духовного
Для раскаяния греховного.
Собирался поп на исповедь
С лишком за семь верст —
Не близко ведь.
— Вечно лезут, точно пьяные...
Чтобы вас взяло, окаянные!
Беспокоят, точно ссыльного.
Только чуть-чуть дообедали,
А уснуть-то так и не дали.
Он надел полукафтание,
Уж торгуется заранее,
Проливает горьки жалобы.
— Четвертак, брат, надлежало бы:
Псалом долбишь, долбишь,
Как учишься,
А в попах-то снова мучишься:
Не доспи, не дообедывай,
То крести, то исповедовай.
А какое воздаяние?
Только выручат венчания.
Жизнь худая, жизнь прескверная.
Пристает тут благоверная —
То салоп, то шляпу новую,
Вот себе завел хорьковую.
Тут кваску он выпил кружечку;
Положить велел подушечку.
И когда совсем управился,
Вышел, сел да и отправился.

Приглашают исповедовать отца-батюшку духовного
(рис. В. Малышева)

В дороге

Едет поп путем-дорогою,
И под шапкой-то новою
В голове-то мысли разные,
То рублевые, то красные,
Да и серенькие чудятся,
А порой еще пробудятся
И заветные мечтания:
Чай, пойду ведь завтра в баню я...
Ох! какой ведь бессребреник,
И дадут ли мне набедренник.
Ох! житье, житье поповское,
Вдвое хуже, чем холопское:
Мужику-то служить всякому,
То ли дело жить-то дьякону.

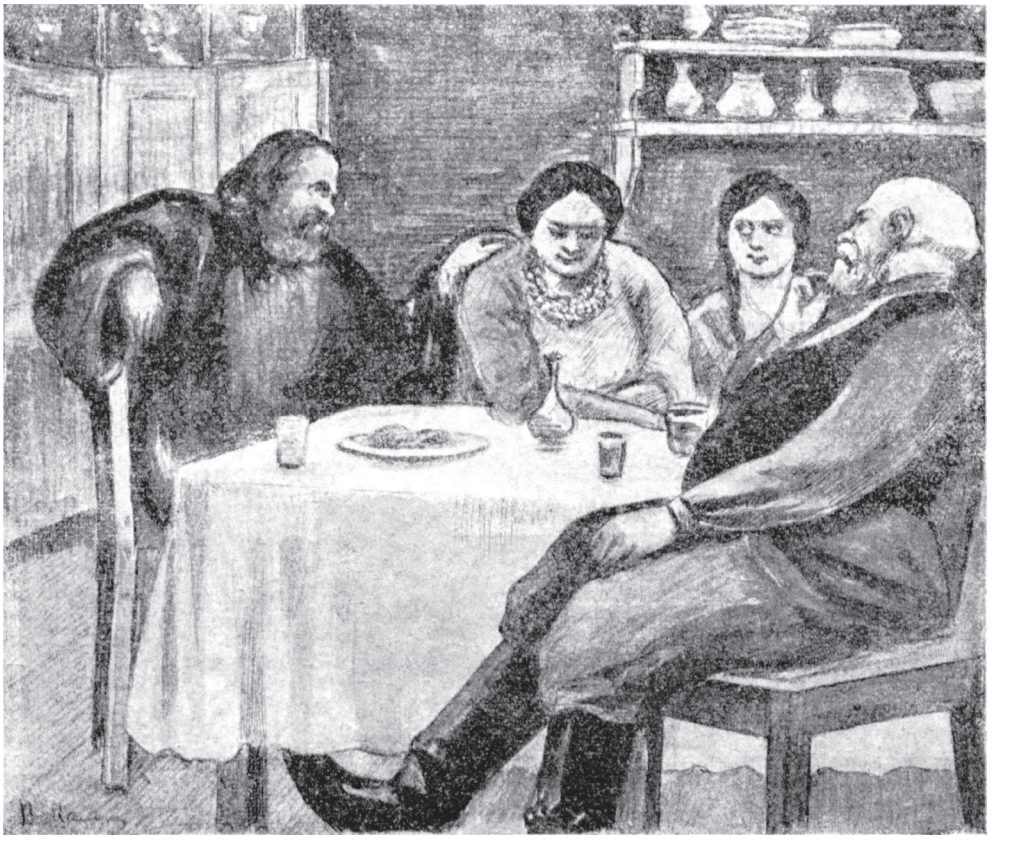
Едет поп путем-дорогою
(рис. В. Малышева)

Правда, требоисполнение
Дело ведь богоугодное,
А главней всего — доходное, —
Прихожанам просвещение
И дает вознаграждение.
Впрочем, дело хлопотливое...
А вот участь-то счастливая!
Попадись-ка в благочинные —
Там, брат, не пятиалтынные:
Трехрублевые да красные,
И работа не тяжелая.
Лезут денежки-то кучею.
Жаль, что редкий только случай.
Позовут-то к заболевшему,
А приедешь к околевшему.
Поживишься чуть добычею,

Да не знаю, будет сходно ли...
Вам с дорожки не угодно ли?
— Да уж, право, больше году я
Не пивал такого зелия.
Да уж так и быть — попробую.
Как-то примется утробою.
Где ж посудина-то требная,
Да вот, к счастью, чаша хлебная;
А то рюмка-то ведь с кукиш вся,
Наливать ее соскучишься.
Отхлебнув частицу некую,
Молвил: «Вот ведь горечь экую
Пьют, подумаешь, во здравье».
Но притом заметить вправе я:
Пить вино до опьянения
Есть уже злоупотребление,
И в Писании написано:
Кто безумно тянет пенное,
Наказуется геенною,
Терпит грешник муки вечные.
(И опять прильнул на чашу,
А утершись, стал доказывать,
Что от пьянства приключается).
Напоследок похваляется
Он своею шапкой новою:
Поздравляй, дескать, с обновою.
Наливай-ка чашу сызнова...
И пошли тут всяки всячины,
Что акцизом не оплачены,
Шутовское представление:
Как там парень с девкой ехал,
Черти дьявола объехали,
И схоронить по обычаю.
А ответственность большая ли?
И собаки тут залаяли,
Позабыли уважение,
Хоть приехали в селение.

В деревне

Кончив требу, к дому новому,
К прихожанину торговому
Он зашел узнать при случае
Об его благополучии.
Помолился пред иконами,
Просят, жалуют с поклонами
Добродушные хозяева
И старик, и вся семья его.
Усадили его под Богом,
Положил он шапку под боком.
Он с хозяином беседует
О житье-бытье как следует.



Батюшка с хозяином беседует
(рис. В. Малышева)

Инструмент же обонятельный
Слышит запах привлекательный.
Меж другими разговорами
По избе блуждая взорами,
Поп узрел — стоит ведерная,
И подумал — дай-ка дерну я,
И как будто бы нечаянно
Вопросил о ней хозяина:
— Как, мол, это называется,
Что в бутыли заключается?
— Это водка, к зиме надо ведь.
Скоро дров буду накладывать,
И о пьянстве доказательства...
Старика поп звал собакою,
И окончили бы дракою,
Да помирились круглолицыми
Полногрудыми девицами,
С покушением на объячия...
Дай-ка взлезу на полати я.

Отправка

Петухи поют давно уже,
Попадья, чай, тужит по муже,
А тут все, кажись, обсужено,
Ждет она тебя для ужина,
Да и лошадь дожидается.
Ну ее, чертовку экую!
Деву обогладить некую,
Возлежа на тую с радостью...
Что тут мне со всякой гадостью.
Восхищен бо он веселием,
Осушив бутылку с зелием,
Уготовившись к лобзанию —
Есть бо все вы, беззаконники,
Аз же лягу тут, на коннике[1].
От такого искушения
Отвели его хозяева,
Натянувши ему на плечи
Меховое облачение,

[1] *Конник* (*коник*) — лавка, ларь для спанья с подъемной крышкой (*примеч. ред.*).

Проводы батюшки
(рис. В. Малышева)

Чтоб жене на попечение
Возвратить ее сокровище.
— Вишь ведь вытянул, чудовище, —
Рассуждал старик с старухою,
На бутыль глядя с сивухою, —
Как шары-то ведь не лопнули!
Нахлобучили, нахлопнули
На главу его косматую
Шапку новую, богатую.
Воротник стоймя поставили,
В сани впятили с соломою,
Уложили и отправили.

Приезд

У ворот ямщик колотится,
Разбудить попа старается:
— Ну-ка, отче, ты уж дышишь ли?
Подымайся, отче, слышишь ли?
Ну же! хочешь, видно, с ссорою,
Али лезешь на которую.
Поп спросил тут с сокрушением,
Пред каким он искушением.
Встал затем и в спальную;
Попадья глядит печальная:
— Вот сиди я здесь со стряпкою...
Шапка где? Сходи за шапкою.
— Семь верст тоже не околица,
А тебе здесь нечто деется.

Приезд батюшки
(рис. В. Малышева)

— Самовар я дважды ставила
И постель совсем управила,
И дождалась преподобного
Ни на что уж не способного.
— Эх-ма! Там вина да много ведь,
А вот здесь-то слушай проповедь,
Да уроки благочестия —
Догадалась, верно, бестия,
— Спать ложись, чего уставился.
— Эх, туда бы я отправился.
— Дрыхни, стелька ты поганая.
— Слышу — вечная история,
Наградит вот консистория,
Камилавка-то не свалится.

Записано в Вологодской губ. в г. Кадникове

Рассказ про ведьму

Про одну из ведьм крестьяне передают следующее: однажды один церковный сторож, заморозив ноги, карауливши церковь, вздумал было пойти домой к своему семейству. Жил он на селе; церковной сторожки при этом не было. Только что он отошел от церкви, как вдруг слышит, что на колокольне кто-то переводит во все колокола. Дело было в глухую полночь. Мужик думает, что за диво: начинает осматривать колокольню, двери везде замкнуты, пройти некуда. Пошел он было опять домой, слышит: опять кто-то переводит на колоколах. Подходит он к церкви, звон на колоколах умолк. Начинает опять все

Звон на колокольне
(рис. Л. Альбрехта)

Летела женщина, вся в белом
(рис. Л. Альбрехта из собрания А. Е. Бурцева)

тщательно осматривать: нигде ничего нет. Думает: не веревку, проведенную с колокольни, дергает ветер? Привязав эту веревку получше и осмотрев тщательно все, сторож опять было хотел пойти домой. Но не успел сделать и нескольких шагов от церкви, как та же самая штука повторяется; мужик начал читать молитвы и, крестясь, начал осматривать колокольню. Но в это время из колокольни, пыхтя, как машина, спустилась по воздуху женщина, вся в белом, и, кружась над сторожем, не отступала от него на сажень. Оторопевший мужик бросился бежать домой, но и за ним, кружась в воздухе над его головой и пыхтя, как машина, летела и женщина. На следующий день мужик был поражен неприятным для него известием: его единственный сын, который служил стрелочником на железной дороге, был зарезан машиной.

—

Одна ведьма после своей смерти ходила каждую ночь купать, по словам крестьян, оставшуюся свою грудную дочь. Как только приходит ночь, является

Ведьма купает ребенка
(рис. Л. Альбрехта)

эта ведьма, достает из печи воду и начинает купать ребенка. Дочь-подросток этой ведьмы первое время скрывала про это, но потом обо всем рассказала соседям. Тогда некоторые из соседок посоветовали ведьминой дочке, чтобы не ходила по ночам ее мать, взять свою маленькую сестренку и отнести на ночь к соседям, а на место ее положить свитый чурбан. Когда ночью пришла ведьма, то она опять взяла было чурбан в руки, предполагая, что это ее дочь, но, узнавши, что ее обманули, — подхватила чурбан да как бросит им в спящую свою дочь-подростка; с тех пор она уж не ходила по ночам.

—

У одного крестьянина была жена ведьма. Все его уверяли, что жена его ведьма, но он не верил и решился подкараулить ее. Представившись спящим, он начал наблюдать, что будет делать его жена. Ведьма соскочила с постели и побежала, крестьянин последовал за ней. Подбежав к «терни» (мельница для пеньки), ведьма перекинулась через нее слева направо и, сделавшись свиньей, побежала на село. Крестьянин, взявши эту «терню», удалился.

Вот ведьма, побегавши по селу и видя, что близко рассвет, прибежала опять на то место, где стояла терня, желая опять обратно опрокинуться через нее, но терни на этом месте не было. Видя, что дело плохо, а рассвет все приближается, ведьма побежала опять на село, искать, не стоит ли где терня, но все поиски ее оказались напрасными. Так бегала она свиньей, скрываясь от людей, три дня. А крестьянин в это время все следил, что будет далее делать его жена. Видя, что без терни она не может опять обратиться в женщину, он сжалился над ней и принес эту терню. Ведьма, перекинувшись через терню справа налево, сделалась опять женщиной. Крестьянин, хвативши «бало»[1] от терни, начал им бить свою жену и до тех пор колотил, пока она начала молить его, чтобы он пустил душу на покаяние, произнося при этом клятвы, что она не только сама не будет ведьмовать, но и детям своим закажет.

Как узнать ведьму

Чтобы узнать, какая из знахарок ведьма, крестьяне прибегают к такому средству. В день заговенья (в прощеное воскресенье на Великий пост) нужно взять в рот кусочек творогу, положить его за щеку, но не есть, и таким образом лечь спать. На следующее утро, т. е. в понедельник на первой неделе Великого поста, этот кусочек творогу надобно вытащить из-за щеки и прибрать. Когда пойдешь говеть, то этот кусочек творогу надобно взять с собой. В день причастия св. тайн человек, у которого будет с собой этот кусочек творогу, будет видеть и знать, какие есть в церкви ведьмы из говеющих женщин. Причем природные, которые, по мнению крестьян, с хвостами, будут знать про кусочек творогу, и их нельзя узнать, а те, которые получают свое ведьмовство по передаче от других ведьм, будут видны тому человеку, как на ладони.

Смерть ведьмы

Рассказывают такой случай. У одной ведьмы было три сына и три невестки. Когда она умирала, то свою пуховую перину велела положить в клеть и строго запретила на нее ложиться и продавать. Прошло после смерти этой ведьмы несколько времени, ложиться на ведьмину перину никто не решался. Наконец, один из сыновей ведьмы как-то раз по забывчивости прилег было вздремнуть на роковую перину. Но тут ему приснилась мать ведьма, строго угрожая ему вперед не ложиться на эту перину и другим сказать об этом. Через несколько времени на эту же самую перину легла средняя из невесток. Не успела

[1] *Бало* — деревянный станок из одного или двух соединенных вместе отесанных бревен (*примеч. ред.*).

На роковой перине
(рис. Л. Альбрехта)

и заснуть, как вдруг является ее свекровь ведьма и начинает ее колотить, да так, что та начала орать и стонать изо всех сил, мыча, как корова. Все кинулись в ту клеть, откуда орала средняя невестка. Ведьма же, бросивши колотить невестку, говорит ей:

— Мне и на том свете покоя нет от моего ведомства, на ж, вот тебе.

И с этими словами она сунула кусочек сука в руку невестке и исчезла. Пролежавши несколько недель в постели, невестка стала портить людей, получивши от своей свекровки ведьмовство. Много она таким образом начередила (навредила) на своем веку.

Когда ей пришло время умирать, то никакие средства не помогали ей спокойно умереть. Крестьяне и потолочину вынимали над умирающей, и сквозь хомут ее протаскивали. Наконец, решено было, по совету одной знахарки, зажечь над умирающей осиновое дерево и того соку, который будет сочиться из него при горении, надо дать умирающей ведьме в рот, а самое полено положить под голову. Как проделали это средство, ведьма наконец умерла.

Смерть ведьмы
(рис. Л. Альбрехта)

Про одну девицу

Одна девица поспорила с парнем, что ночью она ничего не боится и может в полночь ходить по церкви, где было недалеко и кладбище. Когда подошла полночь, девица выскочила из хаты и побежала к церкви, там увидала какого-то человека с белым покрывалом в руках. Думая, что это ее парень, девица выхватила покрывало и побежала домой. Дорогой она слышала, что за ней кто-то гонится. Прибежавши в хату, она увидала, что все ее домашние, а также и парень, с которым она спорила, сидели и занимались делом.

— Вот видишь, не испугалась ничего, — говорит девица, обращаясь к парню, — да еще посмотри, покрывало у тебя отняла.

— Как у меня, — удивляется парень, — да я и из хаты не выходил.

Тут девица опешила.

— Ох, не к добру, ты, моя матушка, это сделала, — сказала ей мачеха.

Девица увидала человека с белым покрывалом в руках
(рис. Л. Альбрехта из собрания А. Е. Бурцева)

Когда наступила ночь, к этой девице приходит неизвестный человек и, дергая за ногу, говорит:

— Отдай мое покрывало.

Девица бросает его незнакомцу. Но он не берет его, говоря:

— Снеси его туда, откуда взяла.

Так повторялось несколько ночей кряду. Наконец мачеха говорит девице:

— Что мы все из-за тебя будем выносить такие страсти, неси, откуда взяла свое покрывало.

В полночь она пошла опять к церковной ограде и там увидала прежнего незнакомца. Бросивши покрывало, она было кинулась домой, но была разорвана по кусочкам.

Про умершую мать

Одна крестьянская девица запоздала попасть к утрене на праздник Рождества Христова. Бежавши по дороге, она и говорит:

— Хоть Бог дал не опоздать к утрени, тогда на могилку перед обедней успела бы сходить поклониться матери, а то я ее сегодня во сне видала, как живую, хоть бы еще на нее посмотреть.

Не успела она докончить, как вдруг позади себя слышит какой-то шум вроде вихря. В этом вихре появилась ее умершая мать и дернула ее за косу. Оторвавши из косы косник (женское украшение), умершая остановилась на минуту и начала щупать на кусочки. Покончив с этим, мать опять погналась за дочерью и опять начала дергать за косу, та бросила ей кусок платка, а сама скорее бежать к церкви. Умершая, разорвав платок на кусочки, опять погналась за девицей, желая ее настигнуть и разорвать самое. Потом, чтобы отделаться от привидения, брошена была повязка с головы, кусок фартука (запона).

В этом вихре появилась ее умершая мать и дернула ее за косу (рис. Л. Альбрехта)

Наконец, свитка, пока таким образом девушка не добежала до церкви. Только что она вскочила на паперть, как вслед за ней вихрем понеслась и мать ее и, покрутившись столбом какой-то тьмы, скрылась и, как заметно, полетела на кладбище.

По мнению крестьян, плакать по умершим нехорошо, так как через это умершие заливаются слезами; если кто немного плачет по умершему, то мертвец на том свете стоит в слезах только по ступни ног, кто больше плачет, то стоят по колено, и т. д., и если уж особенно много плачут, то мертвецы стоят в этих слезах по самые шеи. Когда выроют могилку для умершего, то ее надо непременно (обголосить) обплакать, иначе на этой могилке ведьмы будут брать землю для своего колдовства и совсем могут могилку растащить.

—

На праздник Пасхи умершие разговляются вместе с живыми за одним столом и в одно и то же время. Про поминовение умерших крестьяне рассказывают такой случай. Одна крестьянская женщина, отговариваясь тем, что у ней нечем помянуть родителей, не пошла на погост в одну родительскую субботу,

На могилке
(рис. Л. Альбрехта)

легла и заснула. В это время к ней является ее умершая мать и начинает ее бить, говоря:

— Ты б не спала, а лучше шла вместе с людьми да помянула бы своих родителей.

Женщина эта вскочила и с испуга побежала на кладбище. (Крестьянские женщины обыкновенно ходят поминать родителей с целым коробом яств, не обходится дело и без выпивки.) Кое-кто из поминальщиц снабдил прибежавшую женщину необходимыми для поминовения продуктами, и она таким образом исполнила обычай. Когда она пришла домой, то во сне ей опять приснилась мать ее, и уж тут она ее не била, а стала сбоку и начала целовать в голову, говоря:

— Давно бы так-то сделала.

Елена Прекрасная

Не в котором царстве, не в котором государстве, именно в том, в котором мы не живем, жил-был царь с царицей, а у них была дочь Елена Прекрасная. Она была хороша, только в том беда — много башмаков изнашивала. Елена Прекрасная каждую ночь уходила, потому и башмаков много изнашивала, а уходила она за тридевять земель в тридесятое царство к одному любовнику, и никто не мог ее заметить.

Однажды царь сделал заявление во всем своем царстве: не выищется ли такой человек, который усмотрит, куда его дочь уходит? И вот нашелся один пастух; приходит к царю и говорит ему:

— Ваше царское величество! Я слышал ваше великое слово, будто бы ходит дочь ваша неизвестно куда, и никто усмотреть не может. Я это дело могу разузнать — куда она ходит.

Отвечает ему царь:

— Ежели вы узнаете, то я за вас ее замуж отдам.

Наступает вечер. Угостившись, пастух лег отдохнуть на диван одной залы, но прикинулся нарочно, будто заснул. Вдруг приходит Елена Прекрасная и говорит:

— Прощай, мой друг, я уж пошла, а ты едва ли не проспишь здесь на диване.

Пастух же, вставши, пошел за ней вслед. Долго они шли и дошли до лесу с медным листьём; пастух, взявши, сорвал один листок и положил в карман. Недалеко отошли еще, и увидал пастух: в стороне леса дерутся два чертенка. Подходит он к ним и говорит:

— Что, ребята, об чем деретесь?

— Делим после деда-прадеда сапоги-скороходы и не можем разделить.

— Так давайте я вам разделю!

— Раздели, пожалуйста!

— А вот бегите в лес, который скорее листьё сосчитает, того и сапоги.

Черти побежали в лес считать листьё, а он взял, надел сапоги и ушел. Черти и сейчас бегают.

Вот доходят они до лесу с серебряным листьём. Пастух, взявши, сорвал листочек, опять положил в карман и опять увидел — в стороне леса два чертенка дерутся. Пошел к ним.

— Ну что, ребята, об чем деретесь?

— Об том, что после деда-прадеда делим шляпу-невидимку и не можем разделить.

— Давайте, я разделю. Бегите в лес, считайте листьё: который скорее сосчитает, того и шляпа.

Черти убежали, а он надел шляпу и пошел рядом с Еленой Прекрасной.

Дошли они до лесу с золотым листьём. Взял он, сорвал листок и опять положил в карман. И увидел, в стороне лесу дерутся два чертенка; подошел к ним и спрашивает:

— Что вы, ребята, делаете?

— Делим после деда-прадеда саблю-саморубку, не можем разделить.

— Давайте я вам разделю.

— Раздели, брат, пожалуйста.

— Бегите в лес, считайте листьё; который скорее сосчитает, того и сабля.

Взявши пастух саблю и отправился вперед.

Пришли они к ее любовнику. Этот сейчас ее принял, посадил за стол и начал угощать водкой, а пастух в шляпе-невидимке сел с ней рядом. Они занялись разным разговором. Налил любовник рюмку водки и потчует свою любовницу, она отставила рюмку. Пастух, взявши рюмку, выпил. Любовник опять стал потчевать:

— Ну, что же, душечка, выкушайте рюмочку!

Она, взявши рюмку:

— Ах, вы потчуете гостей простой рюмкой!

— Да как же? Я ее наливал!

— Нет, должно быть, не налили.

Посидели так, поразговаривали, и стала Елена Прекрасная собираться домой, отблагодарила за хлеб, за соль и за угощение и отправилась в путь. Пошел за ней и пастух.

Вышли из того царства вон; пастух пошел вперед, пришел во дворец и лег опять на тот диван, на котом спал раньше.

Является Елена Прекрасная, подходит к нему.

— А, душа моя, что-то высмотрел? Кажется, что проспал!

Раздевшись, она также легла спать.

Вставши утром рано, царь призывает к себе пастуха. Является пастух.

— Ну, что же, брат, высмотрел, куда ходит моя дочь?

— Высмотрел.

В это время и дочь является перед родителем.

— Ну вот, дочь моя, теперь узнали, куда ты ходишь!

— Не может быть, чтоб мог кто усмотреть.

И спрашивает она пастуха:

— Ну, скажи, брат, коли усмотрел, какими местами я шла?

Пастух вынимает из кармана медный листок и говорит:

— Ну вот шли таким лесом.

Потом подал серебряный и золотой.

— Ну еще, когда вы были у своего любовника и потчевал он вас водкой, вы взяли простую рюмку, потому что налитую я выпил.

— Ну, брат, молодец!

Царь выдал за пастуха свою дочь. Прожили они месяц, другой. Вот однажды легли они спать, и говорит Елена Прекрасная своему мужу:

— Супруг мой любезный, расскажи, каким вы способом могли в то время усмотреть, что я ходила за тридевять земель в тридесятое царство?

— Таким способом, что я сам за вами ходил.

И написавши она старому любовнику письмо, чтобы явился он со всем своим войском и выручил бы ее из объятий немилого мужа. Старый любовник, прочитавши письма и очень сожалея о том, в зависти собрал многочисленное войско и подступил под город. Пастух, узнавши об этом, много не сомневался, надел на себя сапоги-скороходы, шляпу-невидимку, взял саблю-саморубку, устремился на неприятельские войска и вскоре побил до единого воина, едва только мог спастись один любовник. И возвратился пастух домой цел и невредим.

Опять зажил он в лучшем виде и проживши после того много времени благополучно. И был он один раз в веселом виде, и стала его спрашивать жена:

— Скажите, пожалуйста, супруг мой любезный, каким способом могли вы победить короля?

Он ей и рассказал:

— Я имею сапоги-скороходы, шапку-невидимку, саблю-саморубку — хоть миллион воинов, и то могу побить.

Тогда Елена Прекрасная, взявши те драгоценные вещи, ушла ночью. Пастух просыпается утром рано и не видит своей супруги; хватился своих драгоценных вещей — и их также не было. Пошел, рассказал своему тестю о побеге его дочери и своей жены. Потужили, погоревали, да делать было нечего.

И вставши, пастух по одно утро простился со своим тестем и пошел знакомой дорогой. Идет он медным лесом, и схватили его черти на дороге.

— Эй, стой, брат! Теперь от нас не уйдешь!

— Вот что, братцы! Оставьте меня живого, потому что я ваших вещей не имею; ими владеет один король: я пошел за ними, только не знаю, как их достать.

— Ступай, брат, мы тебя научим. Когда придешь ты туда, подкупи одну девку, а сам тряпнись об землю и превратишься лошадью; увидит тебя король, велит поймать, а Елена Прекрасная велит тебя изрубить. Когда тебя станут рубить, эта бы девка взяла один кусок и зарыла бы против дворца, тогда ты превратишься в яблоню. Эту яблоню Елена Прекрасная прикажет срубить. Как станут рубить, также первую щепку вели взять и бросить в пруд. Только девка в пруд бросит, как ты превратишься лебедью. Король увидит тебя, начнет ловить, разденется нагой, поплывет за тобой в пруд, ты в то время вылети, тряпнись об землю, превратишься по-прежнему в человека и возьмешь эти драгоценные вещи, потому король постоянно на себе их носит, а тут оставит на берегу.

Приходит он в то царство, нашел и подкупил одну девку горничную, чтобы она за ним следила. Взявши, тряпнулся об землю, превратился прекраснейшей лошадью и давай бегать мимо дворца. Увидав, король приказал поймать. Поймали лошадь и заперли в конюшню. Елена Прекрасная говорит:

— Лошадь эта недаром! Я ее приказываю изрубить!

Жалко было королю лошади, да делать нечего, изрубили лошадь. На другой день король, вставши поутру рано, увидал преизрядную яблоню и сказал о том Елене Прекрасной. Та, выслушав его речь, приказывает срубить яблоню и сжечь, а пепел развеять на ветер. Срубили яблоню. Как первая щепка отлетела, взявши, эта девка приступила ногою, никто не заметил. И бросила ее в пруд. Яблоню сожгли, пепел развеяли по ветру.

На другой день король пошел прогуливаться в сад и увидал — на пруде плавала лебедь. Подошел к ней так близко, что только бы в руки взять. Лебедь поотплыла на другое место. Король опять подошел, хочет схватить — лебедь опять отплыла. До того королю влекательно было поймать лебедь, что он разделся и поплыл за ней в пруд. Лебедь от него все далее и далее. Когда король отплыл далеко от берега, лебедь встрепенулась и вылетела на берег, тряпнулась об землю и сделалась по-прежнему добрым молодцом. Молодец взял, надел на себя сапоги-скороходы, шапку-невидимку и саблю-саморубку, короля этого убил, а сам отправился во дворец к Елене Прекрасной.

Та, увидав его, очень испугалась.

— Супруга моя любезная, не пугайся, я пришел за вами.

Елена Прекрасная собралась и отправилась со своим супругом на родину. Прибыли они к своему отцу, и пастух представил ему дочь его, а свою супругу. С того времени стал пастух жить да поживать да детей наживать. Елена Прекрасная не стала более от него уходить, стала его любить.

Иван Премудрый

В некотором царстве, в некотором государстве у царя был сын Иван-царевич. И как только он стал в совершенных летах, стал он у папеньки проситься невесту искать. Поехал. Приезжает к королю; у него три дочери, у этого короля. А уж королю так хотелось, чтоб Иван-царевич взял которую-нибудь дочь; с такой радостью его встречает. Все так рады, кушать сели. Иван-царевич и говорит своему дядьке:

— Дядька, поди узнай, где у королевен спальни!

Дядька сходил, узнал. Кончился ужин. Поехал Иван-царевич с дядькой.

— Как бы, — говорит, — подслушать, что обо мне будут говорить!

Подвел дядька Ивана-царевича к их спальне.

Сошлись в эту спальню все три королевны и радуются.

— Ах, как бы меня Иван-царевич взял, я бы из одной рученочки напряла бы сорочку и порты.

А другая говорит:

— Ах, как бы меня Иван-царевич взял, я бы из одной мочечки напряла бы сорочку и порты.

Третья и говорит:

— Нашли же, в чем хвалиться! Как бы меня взял Иван-царевич, я бы ему шесть сыновей родила, а седьмого — Ивана Премудрого, по локти ручки в золоте, по колена ноги в серебре, и на каждом волоске по жемчужинке.

Иван-царевич и говорит:

— Дядька, слышишь, что они говорят?.. Теперь я сватать буду.

Поутру приходил к королю.

— Мне, — говорит, — большая ваша дочь очень нравится.

Царь так рад; у царей не брагу варить, не вино курить, все готово; сыграли свадьбу. Попировали с неделю. Он и говорит:

— Что ж, душечка, ты обещала из одной рученочки напрясть сорочку и порты!

— Разве это можно?! Мало ли что в девицах говорится!

Он взял, ее в монастырь отправил; сватает другую. Король отдал. Опять попировали; он и говорит:

— Ну что ж, душечка, ты обещала из одной моченочки напрясть сорочку и порты!

— Можно ли это сделать? Мало ли что в девицах говорится!

Ну, он и эту в монастырь отправил. Меньшую сватает, последнюю дочь берет. Поехал с этой к своим родителям.

Приехали домой, живут прекрасно, так хорошо. А те сестры ее ненавидят:

— Мы, — говорят, — по неделе только жили, а она год. Все силы употребим, да ее истребим.

Так она год прожила, стала беременна. Те злятся, а во дворец не смеют взойти при царе. Государь уехал, они приезжают к ней...

— Ах, милая сестрица! Теперь вы в тягости, надо вам хорошую бабушку. Здесь все скверные; такая у нас есть знакомая славная, и боли не будешь чувствовать.

Поверила она сестрам.

— Милые сестрицы, сделайте милость, пришлите.

А у них волшебница знакомая-то. Вот эта волшебница к ней приходит, дала ей порошка выпить, та без памяти и стала, родила двух сыновей по локти ручки в золоте, по колени ножки в серебре; на каждом волоске по жемчужинке. Волшебница взяла этих детей к себе, а вместо них понесла к царю котенка да кутенка.

— Что это ты принесла? Хоть бы простого ребенка!

— Что ж, батюшка, что родится, то и годится.

Государыня узнала, плакала, плакала. Государь долго сердился, долго его уговаривали. Наконец простил ее, страшно он любил ее; и все в государстве ее любили.

Через несколько времени она опять забеременела. Сестрицы еще больше ее ненавидят, что он опять с ней живет. Как государя нет, они опять приезжают; так-так с ней ласковы.

— Ведь ты тогда хорошо родила?

— Хорошо, — говорит, — никакой боли не чувствовала.

— Ну, мы тебе опять эту бабушку доставим!

— Я уж не знаю.

— Нет, нет, непременно; менять не годится.

Опять эта волшебница приехала, дала ей порошка, она и заснула. Во сне родила двух сыновей по локоть руки в золоте, по колена ножки в серебре, на каждом волоске по жемчужинке. Спрятала их к себе, положила лягушоночка да мышоночка. Опомнилась она.

— Ну что, — говорит, — кто у меня родился?..

— Лягушоночек да мышоночек!..

— Ах, бабушка, милая! Не родил ли кто-нибудь в нашем царстве, вместо моих детей бы взять?

— Как можно, как можно?

Вымыла, понесла к царю.

— Что ты еще принесла?

— Лягушоночка да мышоночка.

— Старая корзина! Зачем тебя несет?

— Показать, батюшка, показать!

Так эта царица плакала-плакала. Приезжают генеральши, сенаторши...

— Вы бы, — говорят, — бабку переменили.

— Да мне, — говорит, — сестрицы рекомендуют.

— Да они вас ненавидят.

Государя уговаривали-уговаривали. Государь опять простил ее; стала она выходить.

Через несколько времени она опять забеременела.

— Хоть бы Господь дал простого ребеночка!

Опять ей эти сестры ту бабку навязали, она положила вместо детей головню да зверька какого-то.

— Бабушка! Что у меня родилось?

— Головня, матушка, головня!

— Ах, Господи!..

Ну, что ж?.. Что родится, то и годится.

Долго царь гневался, в последний раз простил. Вот она опять забеременела, родила Ивана Премудрого. Ее вместе с этим Иваном Премудрым засмолили, пустили по воде.

Растет Иван Премудрый в бочке не по дням, а по часам; уж такой премудрый, такой умный. Потянулся, ударил в дно, дно вылетело. Вышли на остров. Ходят они по острову, ветер поднялся такой холодный.

— Как, — говорит, — я озябла!

Сейчас он огня достал, зажег.

— Вы, — говорит, — погрейтесь, а я пойду в лесок, птички, зверя поймать.

Шел озером, шел лугом, шел дальше; и видит — келейка. Взошел: нет никого, сейчас стал искать пропитания; посмотрел в печке — нет ничего. «Постой, я под печку спрячусь!» Залез, сидит под печкой. Входит старик седой, сел на лавку, взял дубинку, ударил оземь.

— Дубинка, развернись!

Сейчас, откуда ни возьмись, кушанья, напитки. «Вот как бы мне эту дубинку!» Старик наелся, напился, поставил дубинку в уголок, лег спать, захрапел, спит крепким сном. А Иван Премудрый вышел, взял дубинку, бежит домой. Бежит назад тем же озером, лугом. Идет мужичок.

— Что ты несешь?

— Топор!.. Захочешь дом построить, сейчас будет.

А Иван Премудрый дубинку ему показал.

— Давай меняться!

Поменялись. Старик идет шибко с этой дубинкой. Иван-царевич и говорит:

— Топор! Нельзя ли у старика у этого отнять мою дубинку?

— Как, — говорит, — нельзя? Можно.

Полетел топор, отнял у старика дубинку.

Приходит Иван Премудрый к матери с топором и с дубинкой, рассказывает матери. Мать так рада, молится Богу. Ложится Иван Премудрый спать, приказывает топору и дубинке, чтобы выстроили дворец точь-в-точь такой, как у папеньки. Утром просыпается во дворце; прислуга готова, и все так, как у папеньки во дворце. Они только дивятся. На другую ночь ложится Иван Премудрый спать, приказывает, чтоб к утру на острове была пристань готова... Встает поутру — все готово.

На другой день плывет мимо острова корабль; и купцы дивятся:

— Птица тут не пролетала, теперь дворец стоит!

Иван Премудрый выходит на пристань.

— Господа купцы, пожалуйте!

А купцы дивятся, идут с ним к нему во дворец; он их угостил, спрашивает:

— Куда вы едете и с какими товарами?

— Идем мы в Россию с такими-то товарами; да вот, — говорят, — приказал нам государь достать соболей, куниц и лисиц.

— Да у меня, — говорит, — есть!

Легли спать. Иван Премудрый и приказывает топору и дубинке, чтоб самые лучшие были соболя, куницы и лисицы. Утром встал Иван Премудрый, чай стали пить. После чая он и говорит:

— Ну, господа купцы! Пойдемте в кабинет смотреть зверей.

Пошли, только дивятся эти купцы.

— Покупали, — говорят, — и мы много, а таких не видали. Как ваше имя и отечество?

— Иван Иваныч, — говорит, — я здесь с маменькой живу.

И спрашивают у него:

— Как же цена?

— Я, — говорит, — вам так дарю, только довезите меня до вашего государства.

Пробыли они у него еще сутки, поехали; и он с ними. Корабль как птица летит. Бывало, две недели ехал, а теперь двое суток. Приехали; он распростился, ушел от них. Сам оборотился мушкой, сел на правое плечо к этим купцам; сидит. Приходят они к государю.

— Не прикажите, — говорят, — нас казнить, прикажите слово говорить.

— Говори, говори!

— На море на острове матушка с сыном живет, с Иваном Иванычем. И у них вот эдакий же дворец, как у вас. Мы трое суток там выжили; такие они благородные, ловкие.

— Господа купцы! Заворачивайте корабли, поедемте!

Тетки тотчас выскочили.

— Ах, что вы слушаете мужика простого, деревенского? Поедемте лучше с нами за море; у нас там коты заморские!

— Хорошо, — говорит, — завтра!

Купцы подарили государю этих зверей, ушли домой. Иван Премудрый и говорит:

— Топор-дубинка! Чтоб был я дома!

Сейчас перенесли его домой, ложится он спать.

— Топор и дубинка! Чтоб завтра у меня были те коты заморские!

На другой день опять идет корабль мимо острова.

— Господа купцы! Пожалуйте ко мне!

Те боятся: не было ничего, а тут все явилось. Зазвал он их, угостил: они все дивятся на дворец, на котов заморских: шерсть так на них и стелется. Также и эти купцы трое суток прожили, дал он им соболей, лисиц, куниц еще лучше прежних и поехал с ними. Поплыли; тишина такая на море, а корабль как птица летит. Купцы и думают:

«Это ангел, а не человек; святой, да и только».

Приезжает с ними Иван Премудрый, простился с ними, оборотился мушкой, сел на голову купцу. Пошли купцы к государю, приносят соболей, лисиц, куниц еще лучше того. Дивится царь. Купцы и говорят:

— На острове на море стоит дворец, такой же, как у вас; и коты у них есть заморские. Стоит посмотреть!

— Господа купцы, заворачивайте корабли, поедемте на остров.

Опять эти тетки говорят:

— Ах, что это вы всякого бородача слушаете! Поедемте лучше с нами: в саду у тетушки есть птицы райские, поют песни царские.

— Покорно благодарю! Тогда, — говорит, — ездил смотреть котов заморских, да ничего не видал!

— Ну те могли убежать, а птички не убегут никуда! Поедем лучше с нами.

— Ну, хорошо, — говорит.

Пошли купцы домой. Иван Премудрый и говорит:

— Топор и дубинка! Чтоб быть мне у маменьки.

Перенесли его на остров; ложится он спать.

— Топор и дубинка! Чтоб были у меня завтра птицы райские, пели песни царские.

Просыпается утром, слышит: прелесть музыка. Слушали, слушали...

Потом опять плывет мимо острова третий корабль. Опять Иван-царевич зазвал купцов, дал им соболей, куниц, лисиц. Прожили они у него трое суток, поехали; и он с ними. Корабль как птица летит. Приехали; он простился, пошел от них; потом обратился мухой, сел к купцу на голову. Приходят купцы к государю, подают лисиц, куниц, соболей. Царь и говорит:

— Вот так соболи! Прелесть!

— Это ли, — говорят, — мы видали! На море на острове стоит дворец точно такой, как ваш; живет в нем барыня с сыном, Иваном Иванычем. У них и коты заморские, и птички райские поют песни царские.

— Ах, купцы, заворачивайте корабли; я с вами поеду!

Опять эти тетки:

— Ах, как вы малодушны! Поедемте лучше с нами: у нас есть шесть сыновей, что ясных соколов, по локоть ручки в золоте, по колено ноги в серебре, на каждом волоске по жемчужине; они уж не могут пропасть, их только в полдни выпускают на два часа.

Царь и задумался про своих сыновей.

— Хорошо, — говорит, — поедем.

Пошли купцы домой. А Иван Премудрый как ударит жалом одну в глаз, другую в голову.

— Ах, — говорит, — мне в голову ударило!

Кровь побежала, завязала платком. А Иван Премудрый обратился мухой, полетел домой.

— Ну, маменька! Напеките мне шесть лепешек к завтра.

Вот она напекла ему шесть лепешек. Вот и говорит:

— Топор и дубинка! Чтоб быть мне там в самый полдень.

Принесли его туда; эта волшебница выпустила всех шестерых. Уж они бегали-бегали. По локти ручки в золоте, по колена ножки в серебре, на каждом волоске по жемчужинке. Бросил он им одну лепешку, потом другую, третью, все. Они схватили, стали есть.

— Ах, — говорят, — какие вкусные, прекрасные; точно маменькины ручки пекли.

Увидали братца.

— Спрячься, — говорят, — поскорее!

А эта волшебница и говорит:

— А, Иван Премудрый! И ты ко мне захотел.

Он и говорит:

— Топор и дубинка! Порубите ее на мелкие части, побросайте все в воду!

Изрубили ее, побросали в воду. Так все братья рады, что избавились от этой волшебницы.

— Топор и дубинка! Чтоб быть нам около своего дома.

Тотчас все они очутились около своего дома. Вышла мать, всех их узнала. Они все упали на колени:

— Маменька, маменька! Благодарите меньшего. А государь туда к ним и не ездил: одна тетка кривая, у другой голова распухла, как пивной котел.

Опять едут купцы-корабельщики; так удивляются. Выходит Иван Премудрый, зазывает их:

— Пожалуйте!

Братья людей-то не видали, удивляются. А купцы еще больше на них смотрят. Пробыли три дня, приезжают к государю.

— Ах, батюшка, ваше царское величество! На море на острове дворец точно такой же, как ваш, и живут в нем шесть братьев, по локоть ручки в золоте, по колена ножки в серебре, на каждом волоске по жемчужине; а седьмой брат — Иван Премудрый. Есть там и коты заморские, и птицы райские поют песни царские!

— Ах, братцы, заворачивайте корабли, поедемте!

А теток уж тут нет, лежат в постели. Поехали.

Через неделю приезжают к этому острову. Царь сам удивляется. Выходят к нему навстречу Иван Премудрый с братьями, с маменькой. Царь пал на колени, с радости заплакал. И послал царь тотчас указ, чтоб и духу их (теток-то) не было. Приехал государь обратно. Вышли его встречать весь город, сенаторы; и ее под ручки повели. Иван Премудрый и говорит:

— Топор и дубинка! Чтоб все здесь было: и птицы райские, и коты заморские!

Сколько было радости, и народу удивленье на эти редкости и на царских детей.

Настасья Прекрасная

Не в котором царстве, не в котором государстве, именно в том, в котором мы не живем, жил-был царь, а у того царя были сын да дочь: сын — Иван-царевич, дочь — Марья-царевна. И был у этого царя круг дворца прекраснейший сад; в этом саду беседка, а у беседки стоял на часах один солдатик, очень красивый собой. И ходила в этот сад прогуливаться одна генеральская дочь. Влюбилась она в этого солдатика; постоянно придет к нему, посидит, поразговаривает и отправится домой. Царь это дело сметил, приходит к солдату и говорит:

— Слушай, служивый! Должно быть, тебя любит эта енеральша?

— Точно так, ваше царское величество, у нас с ней любовь происходит третий год.

Однажды царь прогуливался в саду, и явилась тут енеральша. Захотелось царю склонить ее к себе в любовницы, но она ни на что не соглашается. Царь рассердился на нее и говорит:

— Ах ты подлая! Солдату!..

— Как я солдату?..

Сейчас отправилась к солдату, приходит и говорит ему:

— Что же, служивый, вы какими словами похваляетесь, будто я вам?..

Солдат очень испугался да от робости и сказал:

— Да как же не?.. Конечно!..

— Ну так хорошо!

Сейчас отправилась домой и обсказала своему родителю. Тот приказал посадить солдата в темницу. А была в него давно влюблена Марья-царевна, но не могла найти способа с ним сблизиться. Теперь же нашла легчайший способ: сделала к солдату подземный ход и стала ходить каждый день. Солдату отлично стало жить, только что не на воле.

Вот вздумалось царю женить своего сына. Стали свататься за тридевять земель в тридесятое царство к Настасье Прекрасной, и та была согласна идти за царевича с тем только, чтобы он отгадал одну загадку. Прислала она в чемодане саблю, и нужно было отгадать: в котором конце носок и в котором рукоятка.

Приходит Марья-царевна к солдату и обсказывает ему об этом деле. Солдат говорит ей:

— Простая штука отгадать. Опустите чемодан в молоко; в котором конце рукоятка, тот и повернется кверху, так и отпишите, будет верно.

Опустили чемодан в молоко — верно, сбылось по-солдатову. Отписали туда обратно. И присылают опять оттуда 12 голубей, и нужно узнать, который из них старший; голуби были сизые.

Марья-царевна приходит к солдату и говорит ему:

— Опять пришла загадка: 12 голубей, и нужно узнать, который из них старший.

Солдат отвечает:

— Насыпьте пшеницы и пустите голубей; все голуби будут клевать, а один меньше; он будет ходить да ворковать круг их, так вы его и заметьте; будет верно.

Заметили голубя, отправили обратно, вдруг оттуда письмо, чтобы сам Иван-царевич приезжал. Иван-царевич собрался в путь и отправился. Приходит Марья-царевна к солдату и говорит:

— У нас отправился далеко братец Иван.

Отвечает ей солдат:

— Ежели меня не будет там, так ему не воротиться домой.

— Ах! Как же так! Поезжай туда, я тебя отсюда выпущу...

Вышел солдат из темницы. Дала ему Марья-царевна денег на дорогу; солдат купил себе приличное платье, пошел по кабакам и набрал себе 12 пьяниц. Пьяницы и говорят:

— Что прикажете делать?

— Что делать? Ничего, только вино пить.

— Ах, брат, житье важное!

Отправились в путь-дорогу. Много ли, мало ли отошли от места, только солдат увидал: дерутся на дороге два чертенка, делят после деда-прадеда шляпу-невидимку и не могут разделить. Солдат подошел к ним и говорит:

— Полноте вам драться, давайте я вам разделю.

— Раздели, брат, пожалуйста!

Солдат взял ружье, зарядил порохом.

— Вот я хлопну, так бегите; который этих порошинок больше насбирает, того и шляпа.

Хлопнул из ружья, черти побежали. Надел он шляпу-невидимку, пошел к пьяницам и хлопнул одного рукой. Пьяницы начали драться. Солдат снял шляпу.

— Ребята, что вы, тише!

Пьяницы начали друг на дружку жаловаться:

— Он мне дал оплеуху!

Другой:

— Он мне дал оплеуху, вот и драться стали.

Солдат угостил их водкой.

Пошли далее. Опять на дороге дерутся два чертенка. Солдат подошел к ним.

— Об чем, ребята, деретесь?

— Делим скатерку-самоварку, два года не можем разделить.

— Давайте я разделю.

— Раздели, брат, пожалуйста.

Солдат зарядил ружье, хлопнул из него.

— Ну, ступайте, бегите, собирайте эти порошки; который скорее сосбирает, того и скатерть.

Черти убежали, солдат взял скатерку и ушел к своим товарищам. Раскинули скатерку. Всего стало довольно: и водки, и кушанья.

Опять пошли вперед. Идут дорогой, и опять солдат видит: дерутся два чертенка. Подходит к ним.

— Об чем, ребята, деретесь?

— Вот делим после деда-прадеда ковер-самолет, три года не можем разделить.

Солдат зарядил ружье, хлопнул из него.

— Бегите скорее, собирайте эти порошки, который скорее сосбирает, того и ковер.

Черти убежали, а солдат взял ковер-самолет и отправился своим товарищам. Угостив их, раскинул ковер. Сели они, полетели, подобно из лука стреле

пущенной, сразу преставились в то царство, где была Настасья Прекрасная, и спустились в сад. Еще Ивана-царевича и слуху не было. Солдат и говорит своим товарищам:

— Слушайте, ребята, будут вас спрашивать, так вы отвечайте каждый про себя: я большой-набольшой.

Вдруг из дворца увидали, что прилетел жених на ковре по воздуху; сказали Настасье Прекрасной, та пошла встречать и говорит своим придворным:

— Однако хитер жених!

Приходят тут и видят: все пьяны. Начали спрашивать: кто из вас большой? Все в один голос отвечают: я большой-набольшой! Так и не могли ничего добиться. Настасья Прекрасная приказала принять их во дворец:

— Потом сама я узнаю, кто из них старшой!

Пьяницы пришли во дворец, начали там пировать, а Настасья Прекрасная приказала постлать в комнату одну перину. Пьяницы уснули кто где, а солдат лег на перину. Вдруг ночью приходит Настасья, взяла и отстригнула у солдата угол у жилетки, а сама ушла.

Солдат, проснувшись и заметив это дело, взял у всех отстриг углы у жилеток. Утром приходит Настасья Прекрасная и спрашивает:

— Кто, господа, у вас большой?

Пьяницы все в один голос отвечают:

— Я большой, я большой!

Приходит она к солдату.

— Вот он над вами большой!

Тут пьяницы ее спросили:

— Почему вы замечаете?

— Я вечор вот угол отстригла у жилетки.

Пьяницы посмотрели: также и у них нет углов.

— Нет, это неправда; вот и у нас углов нет.

Настасья Прекрасная видит: толку нет, приказала их прогнать в шею.

Солдат с пьяницами отправился в город и нанял квартиру. Вдруг приехал Иван-царевич. Началась пушечная пальба, по всему городу стало известно, что приехал настоящий жених. Настасья Прекрасная собралась и пошла встречать со всеми своими прислугами. Встретили Ивана-царевича, приняли во дворец и начали водить его по комнатам. Привели его в одну комнату, в которой между окон была решетка вроде копий, а на каждом копье человечья голова. Вот и говорит Настасья Ивану-царевичу:

— Иван-царевич! Вы две загадки отгадали, так я согласна идти за вас замуж, только с тем, что сошьете вы мне платье под венец такое точно, какое и я сошью, чтобы материя одна была, ширина одна и длина, и к завтрашнему утру чтобы было готово.

Иван-царевич пошел по портным, по портнихам, только его дураком называют: почем мы знаем, какое она сошьет!

Идет он городом со своим адъютантом; попадается им навстречу старуха.

— Что, бабушка, не знаешь ли какой-нибудь портнихи или портного хорошего?

— Нет, родимые, не знаю; сходите, вот недавно приехали какие-то пьяницы, спросите у них, они народ дошлый, небось и знают.

Иван-царевич отправился на квартиру к пьяницам, приходит туда: там песни, пляска, драка — что такое и сочиняется! И спрашивает у них:

— Послушайте, господа! Кто из вас большой?

Все отвечают:

— Я большой, и я большой!

Царевич посмотрел и отправился обратно; вдруг солдат выбегает за ним.

— Вам что угодно, Иван-царевич?

— Вот что, брат земляк, не можете ли, пожалуйста, сшить платье, какое царевна шьет, такое и мне нужно. Всех обошел портных, никто не берется.

— Что ж, я возьмусь и сделаю, только подпишите треть царства.

Царевич переговорил со своим адъютантом.

— Ну хорошо, с нашей стороны будет готово, только, пожалуйста, изготовьте к завтрашнему утру.

Царевич отправился к себе на квартиру, а солдат надел шляпу-невидимку и пошел во дворец. Пришел туда, где платье шилось, только что его кончили. Солдат сидит, вдруг является Настасья. И приказала одной фрейлине надеть. Та надела и прошла по полу.

— Ну где ему, дураку, сшить такое платье!

Фрейлина сняла платье, положила в сундук, а Настасья Прекрасная ушла. По уходу ее солдат взял платье себе под пазуху и опять сел. Через несколько времени хватились платья, а его нет; опять взяли, скроили по той же мерке, и с той же материи давай шить скорей; сразу кончили. Солдат отправился домой. Утром является царевич и спрашивает:

— Что, изготовили?

— У меня готово, как у вас?

— У нас тоже.

— Ну так пожалуйте документ.

Царевич подал документ, а солдат ему платье.

— Ступай, неси, только не кажи ей, пускай она наперед свое покажет.

Царевич пришел к Настасье Прекрасной.

— Ну, что же, изготовили?

— У меня готово.

— Так покажите.

— Нет, вы наперед покажите, потом и я покажу.

Царевна надела платье и прошла по полу.

— Ну вот у нас какое!

Царевич вынул свое — точно такое же.

— Ну, Иван-царевич хитер, только кто у тебя хитрит? Еще сделай мне башмаки такие же, какие и я сделаю.

Иван-царевич отвечает:

— Ну хорошо, приготовлю.

Распростившись с Настасьей Прекрасной, отправился опять с адъютантом по сапожным мастерам, но ни один не берется.

— Черт ее знает, какие она сошьет!

Адъютант говорит царевичу:

— Пойдем-ка опять к пьяницам.

Приходят к пьяницам, спрашивают большого; все в один голос:

— Я большой!

Солдат выходит опять к Ивану-царевичу.

— Что вам, Иван-царевич, нужно?

— Да вот что: нужны башмаки, не можете ли вы, пожалуйста, сделать?

— Отчего, могу, только треть царства отпишите; принесите утре[1] документ — и получите башмаки.

Царевич отправился на квартиру; солдат пошел во дворец. Приходит туда, там башмаки совсем сделали, поставили на шкап. Солдат взял их и отправился. Там после него хватились башмаков — нет. Что же такое? Не черт ли у нас уносит? Давай опять кроить и шить новые: сразу изготовили.

Царевич приходит утром, приносит солдату документ на треть царства; отдает, а солдат ему вручает башмаки.

— Ступай, неси, только не кажи, наперед пускай она свои покажет.

Приходит царевич во дворец.

— Изготовили ли?

— У нас готово.

— Ну так покажите-ка!

— Нет, вы свои наперед покажите.

Царевна вынула из шкапа башмаки.

— Ну вот у нас какие!

Иван-царевич вывязал из платка и подал свои башмаки. Царевна посмотрела и сказала:

— Ну, хитер Иван-царевич, только не знаю, кто у тебя хитрит. Ну, теперь, когда сделал башмаки, так сделай то, что я сделаю в сегодняшнюю ночь.

Царевич пошел и задумался очень тяжко; и говорит своему адъютанту:

— Ну, теперь куда пойдем?

— Пойдем опять к пьяницам, они не помогут ли?

Приходят туда. Вышел к ним солдат.

— Что вам требуется, Иван-царевич?

— Да вот что: Настасья Прекрасная приказала сделать в сегодняшнюю ночь то, что она сделает; не можете ли как-нибудь устроить?

— Отчего не могу? Только пожалуйте документ на треть царства, приходите утре.

---

[1] Завтра.

Царевич отправился на квартиру, а солдат во дворец. Только подходит ко дворцу и видит: тройка коней; и выводят Настасью Прекрасную, завязанную платком. Фрейлины с причетами садят ее в карету, и солдат с ней сел. Кучер повез неизвестно и куда, только подъехали к морю, где стояла шлюпка. Настасья Прекрасная вышла, села в шлюпку, и солдат сел тоже; поехала на остров, села и давай причитать:

— Ах, друг мой, выйди, простись со мной в последний раз.

Вдруг море заволновалось, и вышел оттуда водяной царь, с ней поздоровался, также прослезился.

— Ну, прощай, моя дорогая любовница, не видаться нам будет никогда!

Царь лег к ней на колени, она начала у него искать в голове и выдернула золотой волосок. Солдат захватил за волосы, целую горсть вырвал. Царевна посидела со своим любовником, простилась, села в шлюпку и поехала. Солдат также сел с нею. Вдруг видит: плывут в море два селезня. Царевна поймала одного, а другого солдат схватил. Вышли они на берег, сели в карету и поехали домой.

Встретили царевну фрейлины. Входит она в залу в веселом виде, и солдат вошел с ней, опустила селезня и приказала убрать как можно лучше. Взяли селезня, начали унизывать разными лоскуточками; солдат тоже стал украшать своего. Те, убравши селезня, опустили на пол; солдат посмотрел: у него хуже убран селезень; взявши своего, опустил, ихнего взял, завязал в платок и отправился домой.

Утром рано является царевич.

— Ну что, брат, сделали?

— Сделал. На тебе селезня и горсть золотого волоса, а мне пожалуйте документ.

Царевич отдал документ и пошел во дворец. Встретила его Настасья Прекрасная.

— Ну, Иван-царевич, сделал ты то, что я сделала?

— Я не знаю, покажите наперед, что вы сделали.

Царевна приказала опустить селезня.

— Ну, у вас есть ли такая штука?

Царевич развязал узел и опустил своего селезня, гораздо превосходнее их.

— Ну, хитер Иван-царевич, не знаю только, кто у тебя хитрит.

Потом вынимает из кармана золотой волосок.

— Ну, у вас есть ли такая штука?

Иван-царевич вынул и подал целую горсть волос.

— Ну, Иван-царевич, это последняя тебе моя загадка, так давай, собирайся как можно скорее, поедем в твое царство венчаться.

Царевич сразу в поход изготовился и отправился. А солдат не торопится домой, знай, кутит со своими товарищами, много прокутил времени после них, потом сказал:

— Ну, друзья, и нам пора отправляться.

Рассчитались за квартиру честно-благородно, вышли за город, сели на ковер-самолет и сразу представились в свое царство, еще Ивана-царевича и в слухах нет. Тут солдат наградил всех пьяниц деньгами; те отправились по питейным домам: еще не все там были забраны пьяницы; увидались со своими друзьями. Те и спрашивают:

— Что, брат, где пропадал, тебя не видать было?

— Не говори, брат, были в таком месте — черт знает, где и были.

Солдат в это время опять нарядился в солдатское платье и сел в темницу. Приходит Марья-царевна и спрашивает, благополучно ли съездил, и про брата тоже.

Приезжает Иван-царевич. Встретили его с пушечной пальбой, и так как к свадьбе все было готово, то на другой день и обвенчались. От царя вышел милостивый манифест, чтобы всех пленных из заключенных мест освободить, а про солдата совсем забыли.

Марья-царевна и говорит своему отцу:

— Дрожащий[1] родитель! Что же вы всех пленных освободили, а есть один солдатик заключен в темнице, что же ему милости нет?

— Ох, дрожайшая дочь! Ладно, что напомнила, я-то и совсем про него забыл.

Сейчас приказ вышел: освободить солдата. А Марья-царевна заранее сказала ему:

— Когда выйдешь на волю, являлся бы на свадьбу.

Солдат по выходе оделся как можно лучше и отправился во дворец на свадьбу. Принят он был в лучшем виде, наипаче от Марьи-царевны. Отошло венчанье, съехались гости, и пошел пир на весь мир.

Как распировались, солдат подходит к царю и подает ему три документа. Царь, прочитавши про себя, обратился ко всем посетителям своего дома и начал читать вслух. Прочитавши все документы, проводил свадьбу. После свадьбы призывает к себе сына.

— Ну, сын мой любезный, вы отправляйтесь в то царство к своей супруге, здесь тебе не принадлежит ничего, потому что ты сам подписал три трети царства.

Царевич отправился с Настасьей Прекрасной в ее царство, а старый царь отдал Марью-царевну замуж за солдата. Солдат стал жить да поживать, царством управлять.

Н. А. Иваницкий
Материалы по этнографии Вологод. губ.

[1] Так в оригинале; вероятно, правильно «дражайший» (*примеч. ред.*).

Колдун

Жил-был мужик: у него было три сына женатых. Жил он долго и на деревне слыл за колдуна. Стал умирать и приказывает невесткам, чтоб караулили его три ночи поочередно, а самого чтоб его поставили в холодной избе и чтоб невестки пряли ему волну[1] на кафтан; а креста не велел надевать ни себе, ни невесткам.

Вот в ту ночь села старшая невестка с серой волной и стала прясть. Приходит полночь. Свекор и говорит из гроба:

— Невестка, ты тут?

Она испугалась, говорит:

— Тут.

— Сидишь?

— Сижу.

— Прядешь?

— Пряду.

— Серну?

— Серну.

— На кафтан?

— На кафтан.

Он и двинулся к ней. Во второй раз он опять говорит:

— Невестка, ты тут?

— Тут.

— Сидишь?

— Сижу.

— Прядешь?

— Пряду.

— Серну?

— Серну.

— На кафтан?

— На кафтан.

Она зажалась в угол; а он подвинулся еще на сажень. В третий раз двинулся, она молитвы не сотворила, он ее и задушил, а сам лег в гроб.

Бабу снесли, а сыновья по родительскому приказу послали на вторую ночь вторую бабу. С ней то же самое было; и другую задушил.

Третья поумней была; сказала, что сняла крест, а сама оставила его на себе. И села, прядет, а сама молитву творит. Приходит полночь. Свекор и говорит из гроба:

— Невестка, ты тут?

Она говорит:

— Тут.

---

[1] *Волна* — здесь: шерсть (*примеч. ред.*).

— Сидишь?
— Сижу.
— Прядешь?
— Пряду.
— Серну?
— Серну.
— На кафтан?
— На кафтан.

И другой раз также; в третий раз как он хотел на нее броситься, она на него крест; он упал и умер. Посмотрела она в гроб: а там все деньги лежат. Свекор хотел их с собой взять и чтоб тому достались, кто его перехитрит. Вот эта невестка и стала богата.

Записано мною лично
со слов крестьянина Яринского уезда

Колдун и его ученик

В некотором царстве, в некотором государстве жил старичок со старушкой; у них был сын молодых лет, и состояние их очень бедное. И не знают, куда отдать сына учиться какому-нибудь ремеслу, лишь бы с хлеба сбыть. И пошел отец со своим сыном в город; пришли в город, но не могут ничего приискать. Сидит отец против одной харчевни, сам про себя думает:

«Хоть бы нечистый дух взял моего сына в учение!»

Только успел это подумать, и выходит из этой харчевни старик.

— Отдай, братец, мне своего сына в ученье. Сто рублей возьму.
— К чему же ты научишь моего сына?
— Ко всякому ремеслу могу обучить.
— А где твоя фатера?
— Моя фатера там, за заставой дом большой.
— Надолго ли ты возьмешь моего сына?
— На три года, а ранее взять не могу его.

Отец отдал своего сына и неизвестно кому.

Проходит год, другой, так и третий, время приходит, надо идти за сыном. Приходит в этот дом.

— Где, — говорит, — мой сын?

— Теперь тебе еще не время получить сына, завтрашний день можешь увидеть его.

Приходит на другой день.

— Ну вот, — говорит, — если узнаешь, что твой сын, то твой и будет, а если не узнаешь, то навеки расстанешься с ним. Я завтрашний день выпущу двенадцать голубей; из двенадцати голубей узнавай своего сына.

Сказал это и скрылся неизвестно куда.

Вышел отец-старик на луг, а на лугу гуляет голубок. Этот голубок как увидал старика, хлестнулся о сырую землю и сделался прекрасным добрым молодцем.

— Ты, — говорит, — батюшка, за мной?

— Да, любезный сын, за тобой.

— Смотри же, — говорит, — любезный батюшка, мой хозяин оборотит нас двенадцатью голубями, и замечай: я правое крылышко выставлю, и говори, что это мой сын. И потом он нас оборотит двенадцатью лебедями,

из лебедя в лебедь и в одно перо. Ты смотри, гляди, я лишь вдоль-то артели[1] и полечу. И говори, что это мой сын. Он тебе скажет: ступай, куда хошь, с ним. Потом он нас оборотит двенадцатью молодцами, из молодца в молодца, из лица в лицо, и платье одинаковое. Смотри, замечай: я будто что нечаянно уроню белый шелковый платочек и стану поднимать, и говори, что это мой сын. Он и скажет: ступай, куда хошь, с ним.

Так оно все и случилось. И взял отец своего сына домой. Приходят домой.

— Ну, старуха, не знаю, чему моего сына обучили.

— Ах, любезный батюшка и матушка, не тужите обо мне! Вот что я тебе скажу, любезный батюшка. Я хлопнусь о сырую землю и сделаюсь карей лошадью, ты меня продавай, а узды с меня не продавай, и проси за меня сто рублей.

Приходят в город. Сын стук о сырую землю и сделался прекрасной карей лошадью. Старик приводит его на конную.

— Сколько стоит твоя лошадь?

— Сто рублей.

— Получи деньги.

— Я, — говорит, — коня продаю, а узды не продаю.

— На что нам твоя такая дрянная узда?

Старик получил деньги и отдал коня. Только успел немного миль (sic) отойти, а сын его и догоняет.

— Ну вот, — говорит, — и я, любезный батюшка. Завтра я оборочусь опять сивой лошадью, проси за меня опять сто рублей.

Оборотился сивой лошадью, и повел его отец на конную, все равно как и раньше, сто рублей взял.

— Вот что, — говорит, — любезный батюшка, оборочусь я в последний раз вороным жеребцом, и тогда ты за меня проси триста рублей, а узды никак не продавай; если ты меня с уздой продашь, то тебе меня веки веков не видать.

Оборотился вороным жеребцом, и старик опять эту же самую плохую надел узду. Попадаются ему навстречу купцы. Однако сторговаться все не могли, и привел он коня на конную. И, откуда ни возьмись, является старик.

— Что, дедка, продаешь коня?

— Продаю.

— Сколько стоит?

— Триста рублей.

— На, возьми деньги.

— Я, — говорит, — коня-то продаю, а узды не продаю.

— А разве, — говорит, — без узды лошадь продается?

Выхватил у него повод и сел на коня. И давай его конь носить по болотам и лесам. А старик этот и был тот самый колдун учитель. И едва он мог

[1] В оригинале — «вдоль артили»; возможно, здесь имеется в виду «вдоль стада» (*примеч. ред.*).

приворотить к своей сестре колдунье. Привязал старик коня к березе. И, пришедши в избу к своей сестре:

— До того я ездил, что пристал, дай мне спокою.

Она его напоила, накормила и спать уложила.

— Ах, — говорит, — что он делал! Привязал коня и не напоил его!

Она подошла, отвязала этого коня и привела на реку поить. Только конь никак не пьет, дальше в воду заходит да мордой фыркает. Она понемногу и стала повод отпускать и говорит сама себе:

— Вот хорошие кони нашей худой воды не пьют, а вода такая черная.

Вдруг конь вырвал повод у старухи из руки и вдоль реки и поплыл.

Узнал колдун, что конь уплыл, — за ним в погоню. Оборотился он щукой, а конь ершом и — под камень. Как щука ни воровата, не могла ерша схватить. А этот ершик и уплыл в турецкое государство и стал под плот. Через несколько времени и идет горничная девица за водой. Этот ершик оборотился золотым кольцом и — прямо в ведро. Девушка:

— Ах, какое прелестное колечко.

Взяла его и надела на руку. Носит несколько времени, а царская дочь и говорит:

— Где ты, горничная, нашла сие кольцо?

— Я нашла, — говорит, — сие кольцо, когда ходила утром за водой, стала черпать воду и нашла его в ведре.

— Ах, любезная, продай сие кольцо!

— Нет, ваша царское величество, кольца сего я не продам, а если вам угодно, извольте, я вашей милости так подарю его.

И отдала эта девица кольцо царской дочери. Живут так несколько времени, он днем кольцом, а ночью с царской дочерью добрым молодцем.

И вот узнал как-то старик колдун, что ученик его находится в турецком государстве золотым кольцом у царской дочери на руке. Приходит лично к этому царю турецкому.

— Отдайте, — говорит, — мне сие кольцо!

А царь отвечает:

— Я и знать не знаю, какое такое кольцо!

— А у вашей дочери на руке, — говорит колдун.

Призывает царь свою дочь.

— Что ты, любезнейшая моя дочь, какое ты имеешь чужое кольцо? Отдай его сему старику.

— Не отдам я сего кольца, скорее соглашусь лишиться жизни, чем с сим кольцом расстаться.

Тогда колдун говорит:

— Если вы мне не отдадите кольца, то я все ваше царство сожгу, чтобы завтра мне было отдано!

Вот наступила ночь. Хлопнулось кольцо об пол и оборотилось добрым молодцем. И говорит царской дочери:

— Когда завтра придет старик, отдай ты ему, окаянному, меня, сними его с руки и брось на пол около самых ног. Тогда я рассыплюсь пшеницей, и старайся приступить несколько зерен. А старик оборотится голубем и станет клевать эту пшеницу; когда всю приклюет, полетит и скажет: веки веков никогда не прилечу! Тогда ты отступи зерне-та, и я опять у тебя буду кольцом на руке.

Так все и случилось. И живут они опять по-прежнему: он днем кольцом, а ночью с ней добрым молодцом. Вот и говорит царская дочь своим родителям:

— Любезные родители! Я не могла себе найти достойного жениха, как этот кавалер! Он днем кольцом, а ночью со мной добрым молодцом. Позвольте нам с ним принять законный брак!

— А что, — спрашивает царь, — может он защитить мое царство?

— Могу, — говорит, — ваше царское величество.

— Каким же родом можешь ты сохранить мое царство?

Он хлестнулся об пол и еще прекраснее сделался. И как бы невидимой силой сделал показание, будто держит все царство на одной руке и хранит оберегательство своей державы. Тогда царь сочетал их законным браком, и стали царствовать и благодарить Бога.

Колдунья

Жили-были две сестры; одна бедная, другая богатая. Вот умирает богатая и говорит:

— Вот, сестра! Я оставляю тебе дом; как я умру, будешь ли сидеть надо мной?

— Буду, — говорит.

— Ну, — говорит, — смотри, что я ни буду делать, ты все сиди.

Вот умерла эта богатая сестра, а она была колдунья. Ей (бедной) надо сидеть ночью. Вот села она на первую ночь. Вдруг в 12 часов встает она (колдунья) из гроба.

— Сестра! Ты сидишь?

— Сижу, — говорит.

— Ну, сиди.

Потом опять говорит:

— Сестра, ты сидишь?

— Сижу, — говорит.

— Ну, сиди.

Потом в третий раз говорит:

— Сестра, ты сидишь?

— Сижу, — говорит.

Петух и запел; она (колдунья) и пала ничком. Приходит бедная сестра к батюшке:

— Вот, — говорит, — какие дела делаются.

— Ничего, — говорит, — вот я тебя благословлю и дам тебе петуха; ночью и сядь на печку.

Вот села она на вторую ночь. В 12 часов встает эта колдунья из гроба.

— Сестра, ты сидишь?

— Сижу, — говорит.

Вот колдунья пошла ее искать.

— Сестра, ты сидишь?

— Сижу, — говорит.

Вот подходит она (колдунья) к печке.

— Сестра, ты сидишь?

— Сижу, — говорит.

Как она (колдунья) за жердочку ухватилась, чтоб на печку взлезть, петух увидал ее и запел, она и упала.

Приходит бедная сестра к батюшке.

— Нет, — говорит, — батюшка; страшно очень; я лучше от имения откажусь.

— Ничего, — говорит, — ты поди, сядь в хлев на жердь, где куры сидят.

Вот она пошла на третью ночь, села. В 12 часов встает эта колдунья, идет туда, в хлев.

— Сестра, ты сидишь?

— Сижу, — говорит.

— Ну, сиди!

А сама лезет, чтоб ее ухватить.

— Сестра, ты сидишь?

— Сижу, — говорит.

— Ну, сиди!

А сама хотела ее схватить, да и поймала петуха; а он и запел. Она упала. (Когда петух запел, тогда никто (нечистый) не смеет.) Сестра эта бедная и завладела всем имением.

Лично мною записано
со слов крестьянина В. Иванова

Иван, купецкий сын

Жили-были два брата, и имели они по двенадцать лавок и по трехэтажному каменному дому. У младшего брата был мальчик годов пяти или шести. Младший брат помер, а его молодая хозяйка вздумала ездить по театрам, познакомилась с разными офицерами и пустилась в распутное поведение. Такое время пришло, что весь товар измотала и лавки продала, осталась с одним домом; и дом продала и купила себе маленькую келейку. Дошло до того, что ей своего сына нечем стало кормить. И приходит она к своему брату.

— Любезный братец! Возьми моего сына, а твоего племянника, — мне его нечем стало кормить.

Он и взял его. Живет мальчик у своего дяди, а мать его стала ходить тайно в лавку и у своего сына выпросит то кусок сукна или ситцу, то материи какой дорогой; и все продаст и израсходует в питейных заведениях. Дядя это заметил и прогнал своего племянника. Жил он у матери в доме, а ей кормить его нечем. Опять приводит его к своему брату.

— Любезный братец! Возьми моего сына, а твоего племянника, мне никак кормить его нечем.

Он по сожалению взял и поставил обряжать лошадей и коров, а мать не стала его проведывать, потому что у сына ей взять нечего.

И вздумал этот дядя ехать на ярмарку, и нагрузили двенадцать кораблей. И нужно плыть все озером, и в этом озере никак нет пропуску: кто голову отдаст, тот может проехать. И племянника Иванушку с собой взял.

— Ну, господа корабельщики, приказчики, поезжайте прямо озером, что Бог даст!

До половины озера доехали, тут корабли и встали — ни взад, ни вперед.

И говорит купец:

— Ну, корабельщики и приказчики, кидайте жребий, кому из вас бросаться в озеро...

— А нам, — говорят, — какая надобность за твое богатство бросаться? Надо — бросайся сам.

— Ах, господа приказчики и корабельщики! Мне не жалко ни богатства, ни имущества, только жалко мне своей жены молодой. Любезный племянник Иванушка, я тебя кину.

— А кидай, дяденька, мне одна смерть!

Взял его дядя и кинул. Корабли пошли, а сей мальчик очутился в водяном царстве в прекраснейшем дворце. И видит: лежит старик на кровати, и покрыто его лицо белым полотном. Подходит к нему и говорит:

— Здравствуй, сынок дорогой! Во всем я тебе доверие сделаю, по всем ты у меня садам ходи и по виноградным погребам, только ты у меня не ходи в три комнаты, которые я запрещаю тебе. Вот тебе от всех комнат ключи, а я полечу на Белую Русь.

Старик улетел, а Иван остался один. Пошел гулять по садам и по виноградным погребам и напился в одном погребе разных вин. И говорит:

— Что такая за тайность, пойду посмотрю первую комнату.

Подходит к медной двери и отпирает медным ключом. Отпер дверь и видит: сидит девица.

— Ах, Иван, купецкий сын! Приголубь меня, приласкай меня, посиди у меня на коленях.

Сел он к ней на колени, а она напустила на него сон и улетела сама неизвестно куда.

Через несколько времени возвращается старик, и Иван ему в ноги.

— Что ты, — говорит, — любезный сын мой Иван, кланяешься?

— Я виноват перед тобой: из-за первой двери опустил у тебя первую девицу.

— Ну, — говорит, — прощаю на первый раз вину твою.

И вот опять улетел старик.

— А что, — говорит молодец, — смерть так смерть, пойду посмотрю за второй дверью.

Подходит к серебряной двери и отпирает серебряным ключом. И видит: еще лучше первой сидит девица.

— Ах, Иван, купецкий сын! Приголубь меня, приласкай меня, посиди у меня на коленях!

Сел он к ней на колени, а она напустила на него сон и улетела неизвестно куда.

Вернулся старик, а Иван ему в ноги.

— Что, сын мой любезный, кланяешься?

— Как я виноват перед тобой! Опустил у тебя другую девицу, из серебряной двери.

— Ну уж, — говорит, — едва ли я теперь тебя оставлю живого.

— Пожалуйста, прости, дедушка! Виноват перед тобой!

— Ну, смотри же! И вторую вину прощаю, только в третью комнату никак не ходи.

И улетел опять старик.

— Пойду, — говорит Иван, — погуляю еще по разным садам.

Взошел в одну беседку и видит: висит портрет необыкновенной красоты.

— Пойду, — говорит, — взгляну в ту комнату, — смерть так смерть!

Подходит к золотой двери и отпер ее. Видит, сидит девица необыкновенной красоты.

— Ах, — говорит, — Иван, купецкий сын, подойди, приголубь, приласкай меня, сядь ко мне на колени. Я — Марья-царевна.

Сел он к ней на колени, а она напустила на него сон и улетела сама неизвестно куда.

Прилетает старик, и опять Иван кланяется ему в ноги.

— Много дел ты наделал, я теперь тебя убью, — говорит старик.

— Сделай милость, прости, любезный дедушка!

— Ну, если хочешь живым быть, так ступай на берег озера, они все три там купаются. Две оделись, лететь хотят, а Марья-царевна из воды выходит. Ты ее никак не трогай, а возьми у нее только золотокрылое платье.

Старик как велел, он так и сделал. Взял золотокрылое платье и приносит прямо к старику, и Марья-царевна за ним идет.

— Ну, — говорит, — любезный сын, все я вины твои тебе прощаю. Вот и подруга тебе твоя милая, и гуляй ты с ней везде по всем садам и виноградным погребам.

А старик сам опять улетел. Вот Марья-царевна и говорит:

— Ты купецкий сын, а я царская дочь. Просись у старика, не обвенчает ли он нас с тобой...

Прилетел старик, а Иван ему в ноги.

— Что, сын мой любезный? Чего, Иванушка, кланяешься?

— Как же мне не кланяться, дедушка, мне охота жениться.

— А ты бы мне давно сказал, я бы тебе любую невесту из любого государства принес, какая тебе нужна.

— Ах, дедушка, мне никакой кроме не нужно, как Марьи-царевны.

— Ах, Ваня, Ваня! Она не будет твоя, улетит от тебя, крепко хитра, обманет тебя.

А Иван все кланяется в ноги.

— Сделай милость, обвенчай нас!

Старик не мог отступиться, соединил их законным браком. И стали они жить.

Марья-царевна ему и говорит:

— Ты хоть и мой муж, а все-таки купецкий сын, а я царская дочь. Просись у старика на свой город к своему дяде на белый свет.

И стал Иван просить у старика опустить его.

— Ах, Ваня, Ваня, она не будет твоя, улетит от тебя, крепко хитра; обманет тебя.

— Сделай милость, опусти!

Старик не мог отговориться.

— Ну, смотри же, — говорит, — что я тебе скажу, так ты сделай по-моему.

И взял старик Марью-царевну, кожами увертел, ремнями увил и посадил на ковер-самолет и дал орла-птицу. И сказал Ивану:

— Не давай ты ей до тех пор свету, пока не станет орел крыльями махать.

И полетели. И летят они час или полтора, и как она ни молится и что ни говорит, он все не дает свету.

— Ну, любезный друг, последнее мое стает дыхание, дай мне хоть самый малый свет!..

Он возжалелся над ней и дал ей самый малый просвет. Как ей дал просвет, ковер-самолет на остров упал на океанский и орла-птицы не стало, а Марья-царевна улетела. И остался он один.

Ходит он по этому острову и глядит, в какую сторону она полетела. И нашел тут лодочку. Переплыл море и закричал:

— Батюшка, дедушка, помоги мне!

Прилетел к нему старик.

— Я ведь говорил тебе, что она не будет твоя, улетит от тебя. Она теперь крепко далеко, за тридевять земель, в тридесятом царстве, в двенадцатом государстве у своего отца и у бабушки.

— Сделай милость, дедушка, помоги мне в моей беде!

— Ну садись же, — говорит, — на меня.

Сел на него Иван, и перенес его старик все моря и все океаны и поднес его под самое под ее государство.

А Марья-царевна задумала в прятки играть и выбирает себе жениха. Кого она найдет, тому голова долой, а кого не найдет, то будет его невестой. И говорит старик:

— Вот тебе белый шелковый платочек; на этом платочке завязаны три узелочка. Выйдешь ты в чистое поле гулять, развяжи сперва этот, потом другой и третий узелок. Ну, ступай, больше не видать меня.

Идет он во дворец, и идут с ним два молодца деревенские. Он и спрашивает их:

— Куда вы, добрые молодцы, идете?

— С царевной в прятки играть. А ты куда?

— И я тоже.

И пришли все трое к ней во дворец. Марья-царевна выходит и спрашивает:

— Что вам нужно, добрые молодцы?

— С вами, ваше царское величество, в прятки поиграть.

— Если я не отгадаю, то ваша буду супруга, а если отгадаю, то вам голову долой. Согласны ли?

— Согласны.

— Ну, прячьтесь.

Вышли они на крыльцо и спрашивают друг дружку:

— Ну, куда пойдешь?

Один говорит:

— Я в сено зароюсь.

А другой:

— Я к корове под ясли лягу. А ты куда, добрый молодец?

— А я в чистое поле разгуляюсь.

Вышел он в поле, развязал первый узелок, и летит орел-птица.

— Садись на меня, Иван, купецкий сын.

Сел на него, и этот орел-птица вылетел на самый над дом, потом спустился и говорит:

— Я не слуга тебе.

Идет он во дворец, и те два молодца идут. Она и спрашивает:

— Где же вы были?

— Извольте отгадывать.

Сейчас посмотрела в волшебное зеркало и говорит:

— Один лежал в сене, зарывшись, другой у коровы под яслями, а ты, молодой, взлетал на птице над моим дворцом.

Тем двум и голова долой, а Иван говорит:

— Ну, что же делать? Смерть так смерть.

И вышел тут старик, отец Марьи-царевны.

— Дай, — говорит, — ему еще раз спрятаться.

— Ну, ступай.

Вышел он в чистое поле, развязал другой узелок, и бежит лев-зверь.

— Садись на меня.

И ушел с ним под дом. И это отгадала Марья-царевна. Попросил за него отец-старик, чтобы еще раз ему спрятаться. Вышел он в поле, развязал третий узелок, и бежит щука. И ушла с ним на дно морское и села под камень. Выплыла и говорит:

— Ну, мы теперь тебе не слуги.

И это отгадала Марья-царевна.

— Ну, дочь моя любезная, — говорит царь, — дай ему четвертый раз спрятаться.

Вышел он на двор и спустился на бадье в колодец. И приходит горничная девушка за водой и увидала его.

— Ах, Иван, купецкий сын, я тебе помогу!

Вытащила его из колодца, стукнула в лоб, он и сделался маленькой рыбкой. Бросила рыбку на пол, и стал он опять добрым молодцем.

— Ступай теперь.

Приходит он во дворец.

— Ну, отгадывай, — говорит.

Сколько Марья-царевна ни смотрела в зеркало, и бабушка в волшебной книге, — не могли отгадать. Выходит старик отец и говорит:

— Вот твоя нареченная невеста.

— Не супруга ли? — спросил Иван, купецкий сын. Тут Марья-царевна его узнала. И стали они жить да поживать, да добра наживать.

Про пьяных людей

Про то, как черт водит пьяных людей, крестьяне передают такой случай.

Однажды один крестьянин шел поздно вечером с крестин, порядочно захмелевши. Навстречу ему является его приятель и друг мужика Карп, ушедший несколько недель тому назад на заработки. Приятели решили обмыть водочкой свою встречу. Вот пошли они на ближайший постоялый двор. Дорогой охмелевший приятель вытаскивает свою табакерку и начинает нюхать табак.

— О, какая же у тебя дрянная «манерка» (табакерка), — говорит ему приехавший товарищ. — Погляди-ка, какая у меня.

Тут он вытаскивает золотой рог с табаком и показывает мужику.

— А давай, если так, поменяем, — просит мужик.

— Давай, — соглашается товарищ.

Вот подошли они к постоялому двору. Так как время было позднее и едва ли с улицы можно скоро достучаться к хозяевам, то товарищ и советует мужику:

— Лезь под ворота, чего думаешь?

— А ну-ка, Господи, благослови, — говорит мужик и хочет лезть под ворота.

Два приятеля
(рис. Л. Альбрехта)

Но тут вместо ворот постоялого двора он увидел себя на худом мосту, который был устроен на глубокой речке для пешеходов. Приехавший товарищ научил лезть этого мужика в трещину, где бы он непременно залился. Опомнившись от испуга, мужик бросился скорее бежать домой. От страсти у него и хмель даже вышел из головы. Прибежав домой, он вспомнил про рог, который выменял у своего товарища. Полез в карман за ним и вытащил лошадиную, почти свежую с мясом кость.

На обрыве

Другой случай был такого рода.

Однажды один мужик ехал домой. Вдруг ему на пути является местный священник в полном облачении. Поравнявшись с мужиком, священник попросил его, чтоб он его подвез до села. Мужик согласился. Когда они

На обрыве
(рис. Л. Альбрехта)

подъехали к тому месту, где дорога шла по страшной крутизне над пропастью, священник этот, сойдя с лошади, начал, как бы пугая мужика, стаскивать сани в пропасть.

— Да ну, бать, не балуйся, а то не только лошади, но и нам с тобою можно головы поломать, если только, не дай бог, свалимся, — говорит мужик.

Священник после этих слов, видимо, приутих. Подъехав к самому опасному месту, поп этот не утерпел и начал стаскивать сани в пропасть.

— Господи Иисусе Христе. Да что ж ты, наконец, батька, делаешь? — кричит мужик и, размахнувшись, изо всей силы ударил попа по голове. Но вместо головы попа мужик так ловко угодил по обгорелому пню, который явился на место этого попа, что мужик во все горло заорал от боли. Между тем попа и след простыл, а пень, которого мужик счел за попа, от удара покатился в пропасть, и оттуда вслед за ним слышался какой-то пронзительный хохот. Тут только мужик смекнул, что с ним был не настоящий священник, а черт в образе его.

У крыльца церкви
(рис. Л. Альбрехта)

—

Одна крестьянка шла мимо старой полуразвалившейся церкви. Вдруг ей из-под крыльца этой церкви послышался детский плач. Она бросилась туда полюбопытствовать. Но, к своему удивлению, ничего не могла отыскать. Пришедши домой, она рассказала обо всем случившемся. В другой раз, проходя мимо той же церкви, она встретила своего как будто мужа, который приказал ей идти за собой. Долго она ходила по полям, по лесам, наконец, этот муж ее мнимый как пихнет ее в ров, говоря:

— Это будет тебе наука, в другой раз не будешь рассказывать, как кричат под церковью дети.

Когда эта женщина опомнилась от страху, то она увидала себя в незнакомом месте. Кое-как выбравшись, она только на пятый день добралась до дома. По рассказам этой женщины, она была отведена с лишком на 70 верст от дома лесовым, который ей представился в образе ее мужа.

Змей ударился о землю
(рис. Л. Альбрехта)

Рассказ про змея

К одной женщине-вдове точно таким же образом летал змей, будучи в нее влюблен. Когда эта вдова вышла замуж, то к ней по старой привычке вздумал было прийти змей, но она говорит ему:

— Я тебя теперь не пущу, я замужем, ко мне никому нельзя ходить, так как муж мой человек очень строгий.

— Пусти, — просится змей.

— Нет, не пущу, — отвечает ему вдова.

Так повторялось три ночи сряду. Наконец, на третью ночь прилетает змей к этой женщине опять и говорит:

— Пусти, иначе плохо тебе будет.

— Нет, не пущу, — говорит женщина.

Тут змей рассыпался в искры, ударившись о землю, и осветил собой весь двор. Женщина же эта как заохала от какой непонятной муки с этого времени, так с тех пор уж и не переставала. Сколько ее не возили по дедам и бабкам лечить, ничего не помогло. Через год в этих же самых муках она и померла.

Чтобы избавиться от змея, надо взять травы белоголовника и «брат-да-сестра»[1] и, оттопивши этих трав, настоем их нужно вымыться на пороге. Понюхав этих трав, змей уж больше не прилетит.

Про солдата

Вышел солдат со службы, идет и думает: служил я царю 25 лет, а не выслужил и двадцати пяти реп, и никакой на рукаве нашивки нет! Видит: идет ему навстречу старик. Поравнялся с ним старик и спрашивает:

— О чем, служивый, думаешь?

— Думаю о том, что служил царю 25 лет, а не выслужил и двадцати пяти реп, и никакой на рукаве нашивки нет!

— Так чего же тебе надо?

— Хоть бы научиться в карты всех обыгрывать, да никто бы меня не обидел.

— Хорошо, я дам тебе карты и сумочку: тебя никто не обыграет и не обидит.

Взял солдат от старика карты и сумку и пошел. Приходит он в деревню и просится ночевать. Ему и говорят:

— Здесь у нас тесно, а вон в том новом дому ночевать нельзя.

— Отчего нельзя?

— Да так.

— Пустите меня в тот дом?

— Иди.

Купил солдат свечку да и полуштоф водки, вошел в дом и уселся. Сидит, карты перебирает; рюмочку выпьет и карточку положит. В самую полночь вдруг двери отворились, и бесенок за бесенком полезли в комнату; набралось их пропасть, и стали плясать. Солдат смотрит и дивится. Но вот один бесенок подскочил к солдату и ударил его хвостом по щеке. Встал солдат и спрашивает:

— Ты что это, в шутку или вправду?

— Какие шутки! — отвечает бесенок. Тогда солдат крикнул:

— В сумку!

И все черти полезли в сумку, ни одного не осталось.

Наутро солдат видит: хозяева дома несут гроб. Вошли в комнату, хозяин и говорит:

— Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

---

[1] *Белоголовник* — тысячелистник; *«брат-да-сестра»* — иван-да-марья (*примеч. ред.*).

— Аминь! — ответил солдат.

— Да ты разве жив? — спрашивают его.

— Как видишь!

Солдат так полюбился хозяевам, что они оставили его у себя пожить и женили на своей дочери. И зажил солдат богато и с женой согласно. Через год родилась у него дочь. Надо ребенка крестить, а матери крестной нет, никто к солдату нейдет. Вышел он на большую дорогу и думает: какая женщина встретится первая, та и пусть будет крестною матерью.

Только что успел он это подумать, видит: идет старая старуха и худая-прехудая, кости да кожа. Солдат и говорит ей:

— Бабушка! У меня дочь родилась, а крестить никто не идет.

— Так что же, я окрещу, идите в церковь, я сейчас приду.

Принес солдат младенца в церковь, и кума пришла, сняла с плеча косу и положила у порога, а когда окрестили ребенка, взяла опять косу и пошла. Солдат и говорит ей:

— Кума! Зайди поздравить крестницу!

— Хорошо, вы идите и приготовляйтесь, а я сейчас приду.

Пришел солдат домой, приготовил все, скоро пришла и кума. Опять сняла с плеча косу, положила у порога и села за стол. Когда отпировали, она встала и говорит:

— Кум, проводи меня!

Солдат оделся и пошел провожать куму. Вышли они в сени, она и говорит:

— Кум! Хочешь ли научиться ворожить?

— Как бы не хотеть!

— А ты знаешь ли, кто я? Я — смерть. Если тебя позовут к больному и ты увидишь, что я стою у него в головах, — не берись лечить, а когда буду стоять в ногах, то берись; спрысни больного раз холодной водой, он и выздоровеет. Прощай!

В этот год в той деревне сделалось столько больных разными болезнями, что наш солдат, прослывший за знахаря, едва успевал переходить из одной избы в другую и всех вылечивал. Случилось, что заболел царь, а слух о солдате, что он хорошо лечит, разнесся уже по всему государству. Вот его и призывают к царю. Входит солдат к царю, поглядел и видит: его кума стоит в головах.

— Плохо дело! — говорит солдат.

Однако велел принести скамейку и положить на нее царя. Когда это сделали, солдат и давай вертеть скамейку с царем, кума же его стала бегать кругом, стараясь быть в головах у царя, и до того добегала, что устала и остановилась. Тогда солдат повернул к ней царя ногами, вспрыснул его водой, и царь сделался здоров.

Пошла смерть от царя, солдат за ней, схватил ее и говорит:

— Не уйдешь!

— Ох, кум, кум! Я тебе сказала, что когда стою в головах, то не берись лечить, а ты по-своему делаешь. Ну, я тебе за это припомню.

— Ты это, кума, в шутку или вправду говоришь?

— Какие тут шутки!

— Так в сумку! — крикнул солдат, и смерть залезла в сумку.

Пришел солдат домой и бросил сумку на чердак.

Через год времени приходит к солдату Микола Милостивый и говорит:

— Служивый, отпусти смерть! Народу старого на земле много, он просит смерти, а смерти нет.

— Пусть полежит еще два года, тогда и отпущу, — сказал солдат.

Прошло два года. Солдат выпустил смерть из сумки и говорит:

— Каково, кума, в сумке?

— Ну, кум, будешь ты просить смерти, я не приду к тебе.

— Обо мне, кума, не беспокойся, я и сам на тот свет приду!

Вот солдат живет да поживает; в карточки играет да водочку попивает; жена и дочь у него уже умерли, а он все жив. Однажды, играя в одном доме в карты, он услышал, что скоро придет антихрист и станет людей мучить. Солдат испугался и отправился на тот свет. Шел, шел, шел, наконец приходит к лестнице, которая тянулась до неба, и сел тут отдохнуть; потом, собравшись с силами, полез по лестнице. Лез, лез, лез и прилез, как есть, к самому раю. А у дверей рая стоят апостолы Петр и Павел. Солдат и говорит им:

— Святые апостолы Петр и Павел, пустите меня в рай!

— А ты кто такой? — спрашивают его.

— Я солдат.

— Нет, тебя в рай не пустим, ты сам отказался от рая; иди туда, вон тебе рай! — и указали ему на ад.

Солдат пошел к аду, у ада стоят два бесенка. Солдат и говорит:

— Святые апостолы Петр и Павел в рай меня не пускают; пустите вы меня в ад?

— Иди, — говорят ему бесенки и пропустили его в ад.

Приходит солдат в ад; отвели ему там особую комнату. Он настругал спичек, наколотил их в стену, развесил свою амуницию и лег отдыхать. Отдохнувши, насбирал толстых палок и понаделал из них ружей, наловил чертей, составил из них роту и начал их обучать военному искусству. Если который из чертей заленится, то его и палкой, и подзатыльников надает, и всех чертей в аду изуродовал.

Узнал сатана, что солдат, который должен быть в раю, живет у него в аду, и захотел его душой завладеть. Приходит к солдату и говорит:

— Давай играть в карты!

— Давай, — говорит солдат. — Только с таким условием: если я тебя обыграю, то ты будешь мой, а если ты меня, то я тебе отдам грешную душу.

Сатана согласился, и они уселись играть. Играют, играют, и все солдат выигрывает.

— Нет, — говорит сатана. — Больше играть с тобой не буду, ты, пожалуй, у меня все души выиграешь.

Узнали и бесы, что это тот самый солдат, у которого они сидели в сумке, и решились его выгнать из ада. Наговорили на него сатане, что он мучит чертей и никому спокою не дает своим солдатским учением, и сатана дал приказание по аду, чтобы выгнали тотчас же солдата. Окружили черти комнату солдата и объявили ему приказ сатаны. Делать было нечего. Взял солдат свою амуницию и две выигранные им у сатаны души (это были души его жены и дочери) и пошел. Только вышел он из своей комнаты, видит: все черти выстроились в ряд, заиграла музыка и запалили из ружей.

— Э, чертовское отродье! Обрадовались, что я пошел, — и всех их выругал.

Приходит он опять к раю и говорит:

— Святые апостолы Петр и Павел, пустите меня в рай!

— Да ведь ты отказался от рая, — говорят ему. — Ступай в ад.

— Да я там был!

— Так еще сходи.

— Да пропустите вот хоть эти две грешные души.

— Ну, пусть они идут, — сказали апостолы и отворили ворота.

Солдат поставил впереди душу жены, сам встал за ней, а позади себя поставил душу дочери. Так все трое и вошли в рай. И до сих пор живут они да поживают в раю, ни нужды, ни горя не знают.

Кузьма Скоробогатый

В некотором царстве, в некотором государстве жил старик со старухой, а у них был сын по имени Кузьма, по прозванью Скоробогатый. Когда старик и старуха померли, не захотелось Кузьме сидеть дома, а захотелось по земле походить, света белого посмотреть. Вот собрался он в путь-дорогу, взял краюшку хлеба, косарь[1] да ножик, сел на лошадь задом наперед и поехал странствовать. Едет он день, едет два, а все версты не может отъехать. Наскучило ему, и устал он сидеть, слез с лошади и лег на землю отдохнуть. Видит: на лошадь его село несколько мух да пауков. Рассердился на них Кузьма, хватил ножом по лошади и убил восемь пауков и несколько мух, тотчас ножик его переломился на две части: одна часть прилипла к языку лошади, другая попала ей в рот, да там и пропала.

Отдохнув, Кузьма поехал дальше. Видит: среди дороги стоит столб, а на нем надпись. Сошел Кузьма с лошади и стал читать надпись. На столбе было написано: «Всякий проезжающий, какой бы ни был богатырь, должен подписать здесь свое имя и прописать свою храбрость». Кузьма пожелал подписаться на столбе, и вот как он написал: «Слушайте и читайте, что я вам расскажу: здесь проезжал богатырь Кузьма по прозванию Скоробогатый, который

[1] *Косарь* — здесь: большой русский хозяйственный нож с широким и толстым клинком (*примеч. ред.*).

одним взмахом по восьми пауков побивает, а маленькой сошки, мух и счету нет». Написал и поехал дальше.

Через несколько времени подъезжают к этому столбу два богатыря: Еруслан Лазаревич и Алеша Попович. Прочитавши надпись, они подивились, что существует на свете такой богатырь, и захотели его догнать. Догнали его скоро, и видят: лошадь у него не богатырская, а простая кляча, сам он не вооружен ничем и сидит не по-русски, но когда вспомнили его храбрость, то, подъехав к нему, поклонились ему до земли и просили принять их в число меньших братьев. Кузьма с важностью отвечал им на это, что согласен считать их меньшими братьями, и поехали они вместе.

Едут и видят на пути город. Не доезжая до него, остановились и отпустили лошадей своих в зеленый луг. Царь этого города, узнавши о приезде богатырей, выслал против них войско в 50 человек. Еруслан Лазаревич подошел к старшему названому своему брату и спрашивает:

— Кому идти против них?

Кузьма сказал:

— О такое пустое войско мне рук не стоит марать, иди ты и приколи их.

Еруслан Лазаревич выехал и побил все войско. Царь выслал вдвое больше, но и это войско побил Алеша Попович. Царь, видя, что с богатырями трудно справиться, вздумал помириться и послал князей своих и бояр к Кузьме как к старшему богатырю с подарками и с просьбой пожаловать к нему во дворец.

Пришли к Кузьме князья и бояре и сказали:

— Сильный и храбрый богатырь Кузьма Скоробогатый! Не вели нас казнить, а позволь слово выговорить.

— Говорите, — отвечал Кузьма.

Тогда они сказали:

— Царь наш, узнав, что вы богатыри сильные, храбрые и воинственные, просит у вас прощения и приглашает к себе во дворец.

Тогда Кузьма вместе с братьями поехал к царю во дворец. Царь встретил их с низкими поклонами и повел в свои хоромы, а потом сделал для них большой пир. Кузьма с братьями так были довольны приемом и угощением царя, что согласились остаться жить у него при дворце.

У царя этого была дочь красавица из красавиц, первая во всем свете. Пан китайский посватал ее за своего сына, а царь не хотел отдать и отказал. Пан китайский, рассердившись за это на царя, объявил ему войну. Царь послал сказать Пану китайскому, что он нисколько не боится его, потому что у него при дворе есть такие богатыри, что одним взмахом восьми побивают. Пан китайский послал войско в триста тысяч человек, а царь против него выслал одного Кузьму Скоробогатого, который выехал на своей худой лошаденке и ничего не вооруженный, только один косарь был воткнут за поясом. Увидав такое огромное войско, Кузьма сначала было струсил, но потом оправился. Войско Пана китайского расположилось на широком зеленом лугу. Подъехав к войску, Кузьма сошел с лошади, привязал ее к березе, а сам сел на камень

и стал натачивать свой косарь. Пан китайский выслал против Кузьмы одного китайца, который был похрабрее всех, и велел ему делать то же, что станет делать Кузьма. Выехал китаец, сел на другой камень против Кузьмы и также стал натачивать свой нож. Потом Кузьма подошел к китайцу и поклонился ему до земли. То же сделал и китаец. Кузьма в это время ударил его косарем по шее, и китаец упал мертвый. Когда это увидели китайцы, то бросились на него. Кузьма вскочил на лошадь, но позабыл ее отвязать от березы и давай хлестать что было силы. Где взялась и сила у лошади: поднялась на дыбы, вырвала березу с корнем и понеслась на китайцев. Китайцы под ней падали, как снопы, давили друг друга, а береза их хлестала и била. И так было побито все войско.

Пан китайский, узнав о разбитии своего войска, поскорее заключил с царем мир и заплатил ему большую дань. Кузьму царь встретил с почетом и в благодарность за победу женил на своей дочери. Когда же царь умер, Кузьма сделался наследником его царства и стал жить да поживать и меньших своих братьев не забывать.

Кум-разбойник

Жил в одной деревне бедный крестьянин. У него родился сын, и пошел он по своим соседям звать кого-нибудь в кумовья. Вышел на дорогу и встретился с разбойником; пригласил его в кумовья, и тот согласился. Когда окрестили младенца, кум подарил ему много денег, так что отец из бедняка стал богатым человеком и открыл на эти деньги лавку и постоялый двор. Когда мальчик вырос и начал выбегать на улицу, ребятишки и стали дразнить его, что отец крестный у него разбойник, и даже отца попрекали, что он разжился на разбойничьи деньги. Мужику не полюбилось это, он пошел в суд и объявил, что кум его — разбойник. Судьи приехали в дом крестьянина с солдатами и велели крестьянину пригласить кума к себе в гости. Разбойник и его товарищи, предвидя опасность, напоили солдат пьяными и заперли их в сеновал. Когда же судьи захотели схватить кума за столом, он выстрелил три раза из пистолета в потолок. Комната наполнилась дымом, и он в это время выбежал на двор и затем скрылся со своими товарищами в лесу. Долго их искали, но не могли найти, между тем они подожгли постоялый двор и лавку, и мужик стал таким же бедняком, как и прежде.

Через год после этого разбойник приходит к мужику и спрашивает, как тот поживает и каково живет его крестник? И попросил, чтобы привели и показали ему мальчика. Когда мальчик пришел, разбойник сказал, что принес ему в подарок красный колпак, и стал примерять колпак на голову своего крестника.

— Как раз впору! — сказал он и разрубил мальчику топором голову.

Записано мною лично
в Кадниковском уезде со слов крестьян

Калекин сын

Жил один богатый купец по имени Марко. Он был знаком и гостился со всеми знатными вельможами и даже с самим царем. Когда у него родилась дочь, он созвал к себе гостей и во время пира сказал им:

— Я со всеми знаком, и ко мне ходят в гости все, не бывал только Иисус Христос.

Гости на это сказали ему:

— Постели бархатные ковры при входах в комнаты, так Он и придет.

Марко тотчас же приказал постлать бархатные ковры при входе в каждую комнату. Вскоре по этим коврам пришел бедно одетый странник (это был Иисус Христос) и попросился переночевать. Увидев его, Марко сказал:

— Как ты смеешь входить сюда, когда у меня гости?

И велел ему идти на задний двор.

Ночью к страннику явился ангел и сказал, что у калеки убогого родился сын. Странник на это ответил, что этот сын женится на дочери купца Марко. Разговор этот подслушала служанка и передала Марку.

— Не будет этого никогда! — сказал Марко. — Неприлично знатной купеческой дочери выходить за калекина сына!

И приказал взять у калеки родившегося ребенка и бросить в снег. Но ребенок не умер от холода: снег вокруг него растаял, и выросли цветы.

Случилось, что мимо этого места, где лежал ребенок, проезжали купцы; услыхав плач, они подняли ребенка, взяли его и привезли в город. А так как они были знакомы с Марком, то остановились у него и рассказали о своей находке. Марко упросил их продать ему ребенка и, когда купцы уехали, велел слугам своим, засмолив бочку, положить в нее ребенка и бросить в море. Бочка долго плавала в море, и, наконец, ее прибило волнами к одному очень бедному монастырю. Из монастыря в это время пришел за водой монах. Увидев бочку и услыхав в ней плач ребенка, он созвал прочих монахов. Вытащили на берег бочку, разбили, вынули ребенка и взяли его в монастырь.

С этого времени монастырь стал богатеть. Когда мальчик вырос, его поставили петь на клирос. Голос у него был так приятен, что не только из ближайших окрестностей, но и из дальних мест приезжали послушать его пение и помолиться в монастыре. В числе богомольцев приехал однажды в этот монастырь и купец Марко. Увидев мальчика, он узнал его и стал просить настоятеля монастыря продать ему этого мальчика. Настоятель долго не соглашался, но наконец продал его за большие деньги. Купив мальчика, Марко послал его с письмом к своей жене с приказанием убить посланного. Дорогой мальчика встретил странник и, расспросив его обо всем подробно, взял от него письмо, положил сначала на одну руку, потом на другую и возвратил. Придя в дом Марко, мальчик подал письмо жене Марка, которая, прочитав его, велела немедленно обвенчать посланного на своей дочери. Когда Марко приехал и спросил жену, убили ли того молодого человека, с которым было послано

письмо, жена, изумленная, сказала, что в письме было написано, напротив, как можно скорее обвенчать его на нашей дочери, а не убить. Марко попросил письмо, и в нем действительно оказалось, что было написано так, как говорила жена. Делать было нечего. Но Марко, желая во что бы то ни стало погубить калекина сына, приказал своим рабочим на фабрике вскипятить большой котел воды и наказал при этом, что, когда ночью придет человек, бросить его в этот котел, несмотря ни на что, даже если бы он стал называть себя хозяином. Затем он позвал своего зятя и сказал ему, чтобы он сходил ночью на фабрику посмотреть за рабочими, не ленятся ли они. Но дочь Маркова уговорила своего мужа не ходить до утра, и он, послушавшись ее, не пошел. Марко, желая посмотреть, как бросят в котел ненавистного зятя, сам отправился в полночь на фабрику. Рабочие, увидев его, схватили и, несмотря на то, что он кричал, называя себя хозяином, бросили его в котел с кипящей водой, где он и умер. А калекин сын сделался наследником своего тестя и обладателем всего его богатства.

Баба и волк

Поехала баба в лес за дровами, а навстречу ей волк. И хочет волк съесть лошадь.

— Не тронь лошади! — говорит. — Я за это тебе *потоубауку* скажу.

Любопытно стало волку узнать потоубауку, и он не тронул лошади. Баба благополучно привезла домой дрова. На другой день опять поехала за дровами. Волк опять вышел и хотел съесть лошадь. Баба обещала сказать волку *теплушку*, только бы он не тронул ее лошади. Волк опять оставил. На третий день снова то же. Баба обещала сказать волку *крепушку*. Таким образом, баба навозила дров, натопила жарко свою избушку и лежит на печи. Пришел волк и требует лошади или же объяснения *потоубауки*.

— *Потом баба в лес не поедет*, вот что значит *потоубаука*, — сказала баба, лежа на печи.

Очень осердился волк и убежал в лес, но вспомнил, что баба обещала объяснить ему *теплушку*, воротился и требует лошади или же объяснения *теплушки*.

— *Тепло бабе на печи лежать*, вот что значит *теплушка*, — отвечала баба, продолжая лежать на печи.

Осердился волк более прежнего и убежал в лес, но голод скоро заставил вернуться за лошадью. Снова постучался он у ворот и требует у бабы лошади или же объяснения *крепушки*.

— *Крепко у бабы ворота заперты*, вот что значит *крепушка*, — отвечала баба.

Воротился волк в свой лес голодный и с досады заплакал. Так баба запаслась дровами на целую зиму, а волку жаловаться на бабу было нельзя: она ему все три слова объяснила.

Немые дочки

Жил старик со старухой, а у них были три дочки, и все три немые, да и умом-то их Бог обидел. Вот старуха захворала и умерла. Остался один старик и думает: что я буду делать с немыми? Разве жениться мне? По крайней мере, когда умру, так у моих дочерей будет мать, авось она их как-нибудь пристроит.

Женился старик на молодой и хитрой бабе, но недолго пожил и умер. Осталась мачеха с немыми падчерицами и стала думать, как бы их с хлеба долой сбыть. Подумала и порешила отдать замуж. Стала она женихов приискивать да дочек наряжать. Приискала жениха и говорит дочкам:

— Сегодня придет жених, так вы при нем ничего не говорите, а то он как узнает, что вы немые, никоторую из вас не возьмет: сидите да молчите.

Пришел жених. Мать усадила его за стол, а рядом с ним ту дочку, которая была всех покрасивее; другая села на лавку, а третья на полати. Стала баба угощать жениха; подала на стол щей, а говядину в блюде оставила на шестке, и сама села с ними за стол. В это время вскочила на шесток кошка и стала есть говядину. Увидала это с полатей третья дочка и закричала:

— Мачеха, мачеха! Коха-то мяхо ест.

Вторая, которая сидела на лавке, и говорит ей:

— Мохи ты, мохи!

А третья перекрестилась да сказала:

— Слава тебе, Бохи, что я-то промохала!

Жених как услыхал это, вышел из-за стола и бегом домой, а к девкам больше ни один жених и не посватался.

Рассказ про клад

Про клад рассказывают такой случай.

При смерти один старик рассказал своим сыновьям, что на известном месте был когда-то зарыт клад, который может достаться тому человеку, который родится в детской рубашке и непременно с хвостиком. Дети этого старика вздумали попытать счастья и решились откопать указанный клад. Придя под день Ивана Купалы, они начали, как только наступила ночь, рыть клад. У крестьян есть поверье, что клад можно достать только под день Ивана Купалы. Долго рылись сыновья старика в указанном месте и наконец докопались до какой-то железной доски. Только что ударили заступом об эту доску, как вдруг оттуда из земли выскакивает стадо чертей и бросается на них. Испугавшись, мужики изо всех ног бросились бежать. Когда через несколько времени они

Из земли выскочило стадо чертей
(рис. Л. Альбрехта)

опять пришли на то же место, то оно сравнялось по-прежнему, и ничего нельзя было заметить. Набравшись смелости, крестьяне эти опять начали рыть землю на том же месте. Докопавшись опять до железной доски, они уж взяли лом, чтобы взвернуть ее. Но тут опять вылетает уже целый отряд вооруженных чертей на конях и с адским хохотом бросаются на перепуганных до полусмерти крестьян. Какого-то из крестьян Бог надоумил прошептать молитву, после чего все черти скрылись.

— Ну, слава тебе, Господи, — говорят крестьяне. — Пойдемте лучше домой, а то если опять возьмешься копать, то уж, как бог свят, нам всем будет карачун (смерть). Теперь уж Кудияр (дух, который, по мнению крестьян, охраняет клады) нас не помилует, если мы решимся его трогать, — и с этими словами крестьяне удалились домой.

На том самом месте, где сыновья старика рыли клад, всегда по ночам в самую полночь выходит нагая женщина, а на Великий день (светлое Христово Воскресенье) на этом месте в течение целой недели по ночам теплится свеча.

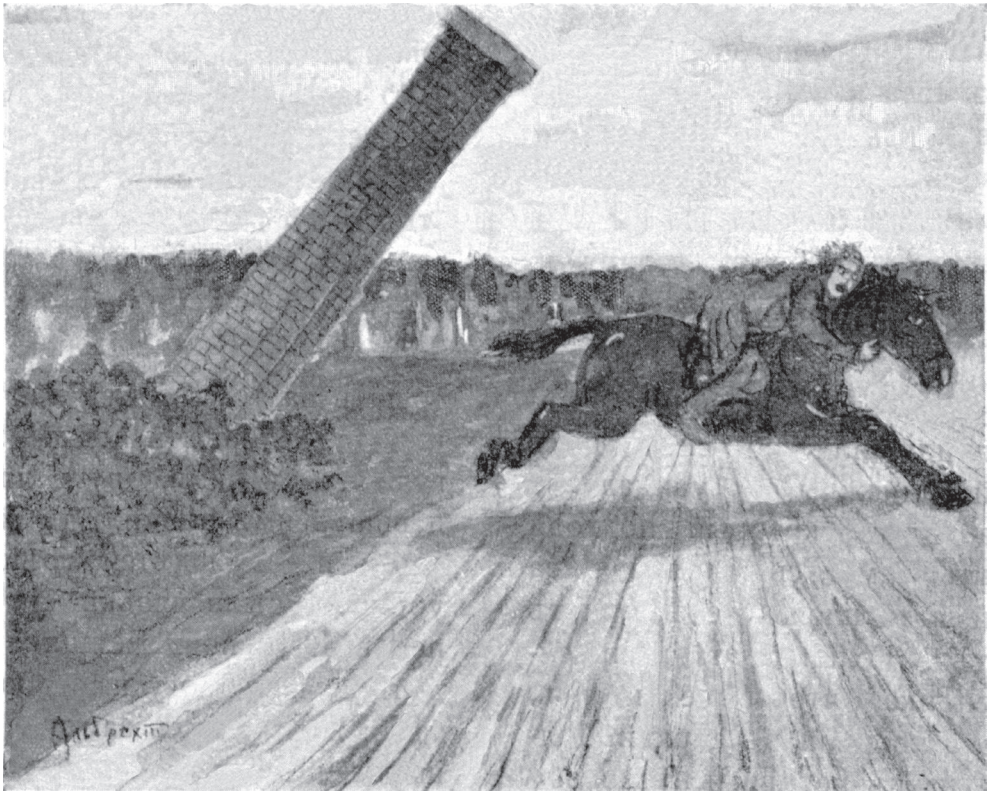
В полночь выходит нагая женщина
(рис. Л. Альбрехта)

Недалеко от села Вятича, как уверяют крестьяне, у них есть так называемое «чертово болото». Оно все сплошь покрыто трясинами и топями. Около этого болота все крестьяне страшно боятся проходить, в особенности ночью. Когда не успеешь загнать лошадей от этого болота, то вечером здесь поднимается такой содом, что испуганные животные бывают загнаны неизвестно кем на десять и более верст в сторону.

Записал П. Формин

Про пономаря

Тот человек, который берется отчитывать кликуш, не должен употреблять в течение 6 недель спиртных напитков. Один пономарь, взявшийся отчитать кликушу, не исполнил этого. Когда пономарь раз выехал в поле, вдруг за ним среди белого дня гонится печная труба, да такая высокая, что у бедного



Печная труба
(рис. Л. Альбрехта)

пономаря мурашки от страху по телу забегали. Эта труба, по словам крестьян, гналась за пономарем до самого его дома, и наконец в воротах ударилась и разбилась вдребезги. Каждую ночь после этого времени до шести недель подряд, как только вздумает пономарь выйти на двор, вдруг на него неизвестно откуда наступает эта же самая печная труба, да так, что того и глядит бедный пономарь, что вот-вот она его раздавит. И если бы не молитва «да воскреснет Бог», которую он читал каждый раз, когда на него нападала печная труба, то ему просто хоть из дому не выходи.

Рассказ про грамотную женщину

Одна крестьянская женщина приспала (т. е. придушила во сне) трех своих детей. Однажды она увидала во сне старичка седого, который, подходя к ней, сказал:

— Молись, окаянная, за своих детей, а то плохо тебе будет на том свете.

Женщина эта выпросилась у священника, чтобы ее на ночь для молитвы затворили в церкви. Долго молилась она в церкви, и несколько ночей подряд она ничего не видела. Наконец на девятую ночь она увидала, что из царских врат вышла какая-то женщина, которая вывела за собой всех троих приспанных детей этой женщины. Все они черные, как уголь. По мнению крестьян, когда умирают дети, то им на том свете даются от Бога няньки, которые и водят их по раю, гуляют с ними, рвут для них цветы и вьют им венки. Эта женщина, которая привела детей грешной матери-убийцы, и была нянька. На следующую после этого ночь женщина увидала, что дети ее понемногу начинают уже светлеть; ноги у них заметно побелели, и выражение лиц стало радостнее. На следующую за этим ночь после усиленной молитвы женщина заметила, что у ее задушенных детей посветлело тело до пояса, и, наконец, на третью ночь она уже увидела детей своих совсем светлыми. После этого дети этой женщины больше не появлялись.

Иван Глиняный

Жил старик со старухой. Однажды старик сказал старухе:

— Старуха, принеси-ка мне глины, я слеплю мальчика, так он будет нам заместо сына.

Старуха принесла глины, размочила ее, и они стали лепить, слепили и положили в печку сохнуть, а старуха села у печки прясть. Прядет она, вздремнула и уронила клубок с веретенцем в голбец. Встала и хотела было идти за ним, как вдруг слышит из печки:

— Мама, отвори!

Старуха отворила печку, и оттуда вышел Иван по прозванию Глиняный и сказал:

— Я схожу, мама, за клубком. — И пошел.

Старуха села и дожидает. Выходит из голбца Иван Глиняный и говорит:

— Мама, мама, какую я тебе сказку скажу: был я в голбце, съел я клубок да веретенце, и тебя съем с пряслицем!

Съел свою мать и пошел на улицу. Видит: отец дрова рубит, подошел и говорит:

— Тятя, тятя, какую я тебе сказку скажу: был я в голбце, съел я клубок да веретенце, мать с пряслицем, и тебя съем с топором.

Съел отца и пошел по улице. Навстречу ему идут девки с ведрами.

— Девки, девки, какую я вам сказку скажу: был я в голбце, съел я клубок да веретенце, мать с пряслицем, отца с топором, и вас съем с ведрами!

Съел девок и пошел дальше. Попадаются ему бабы с граблями. (Следует та же сказка.) Затем он съедает мужиков с косами, мужика с дровами в лесу и, наконец, натыкается на медведя. Как тут быть? Слыхал он, что медведь очень силен. Начал он было сказку свою, но медведь не испугался и заворчал. Иван Глиняный струсил и спрятался за толстое дерево. Но медведь поймал его и стал мять; мял, мял да и раздавил. И выкатились из него: клубок да веретенце, старуха с пряслицем, старик с топором, девки с ведрами, бабы с граблями, мужики с косами и мужик с дровами. Увидевши медведя, все начали бить его, чем попало. Медведь испугался и убежал, а они возвратились всяк к своему месту, покатился и клубок с веретенцем за своей старухой.

Страшный ребенок

Жили-были мужик да баба. Жили они богато, только детей у них не было, а детей иметь им очень хотелось. Вот баба и пошла к колдуну, и рассказала про свое горе, и просила помочь ей чем-нибудь. Колдун и дал ей два корешка и сказал:

— Съешь эти корешки в полночь с мягким хлебом, и станешь беременна.

Баба съела корешки и вскоре действительно забеременела.

Как-то мужику понадобилось ехать в город, и баба осталась в доме одна. Наступил вечер. Бабе стало страшно одной, она и пошла к соседям, чтобы позвать кого-нибудь ночевать к себе, но никого не могла найти. Делать было нечего, вернулась домой и легла на печь. В полночь у ней родился ребенок. Она спеленала его и положила к себе на колени. И видит: ребенок смотрит на нее так, словно съесть хочет. Испугалась она, положила ребенка в зыбку, а сама стала молиться Богу. Вдруг слышит: кто-то постучался у окна. Баба обрадовалась и спрашивает:

— Кто там?

— Странник.

Баба побежала отпирать. Странник вошел в избу и влез на печь. За ним влезла и баба и спряталась за него. И видит она: выскочил ребенок из зыбки и тоже лезет на печь и говорит:

— Я тебя съем!

Но старик перекрестил его и ударил по голове. Ребенка не стало, а на полу очутились два корешка. Старик взял корешки, сжег их на огне и пошел вон из избы.

Колдун

В одном захолустном селе сторож при церкви был колдун. Церковь и сторожка, в которой он жил с женой и двумя детьми, мальчиком и девочкой, стояли наотставу от селения. Жена проживала с ним много лет, а не знала, что муж ее был колдун и чернокнижник. И вот когда он почувствовал приближение смерти, то сказал жене:

— Я чувствую, что скоро помру, и тогда ты не оставайся при мне дома ночевать, а иди в деревню.

Действительно, вскоре он умер. Но жена не послушалась и осталась дома с покойником.

В полночь мальчик проснулся и говорит матери:

— Мама! Тятя глаза открыл!

— Полно, дитятко, спи! — отвечала мать.

Но мальчик опять говорит:

— Мама! Тятя встает!

— Полно, дитятко, перекрестись да спи!

Наконец мальчик закричал:

— Ой, мама! Тятя идет к нам.

Мать открыла глаза и видит: покойник действительно встал и, скрестивши руки на груди, с оскаленными зубами идет к ним. Не зная, что делать, женщина обратилась с молитвой о помощи к Алексею, человеку Божию, во имя которого была построена их церковь. И вдруг явился старец в светлом одеянии с жезлом в руках и сказал:

— Не бойся, раба Божия!

Покойник же при появлении старца тотчас упал на пол. И до самого утра старец стоял между покойником и постелью женщины и ее детей. Утром колдуна похоронили, и в могилу его вбили три сосновых кола.

Записано мною лично в Кадниковском уезде

Три покупки

Не в котором царстве, не в котором государстве жил-был царь, а у царя были три сына. Раз и говорит своим сыновьям государь:

— Даю я вам по сто рублей, пойдите и купите все по штуке, кому что нужно.

И отправились братья в путь-дорожку и дошли до столба. И написано на столбе, и показывают руки на все три стороны, в которые стороны все были дороги. И пошли братья по разным дорогам: старший прямо, средний вправо, а младший влево.

И приходит старший брат в город, подходит к рынку и видит: сидит мужчина, а у него стоят три коляски. И спрашивает старший брат:

— Сколько стоят твои коляски?

Мужчина отвечает:

— Эти две тридцать рублей, эта одна сто рублей.

— Почему же эта дороже?

— Потому что эта коляска может в час объехать весь белый свет.

Подал старший брат деньги и отправился домой со своей покупкой.

Средний брат входит в город и видит: сидит векошница[1], а у нее лежат три зеркала. И спрашивает:

— Сколько стоят эти зеркала?

— Эти два сорок рублей, а это зеркало одно сто рублей.

— Что за особенность в этом зеркале?

— А в него посмотришь и увидишь, что где делается на белом свете.

Подал деньги за зеркало и отправился домой.

Третий брат тоже входит в город и видит: лежат на лавочке яблоки. И спрашивает он:

— Много ли стоят эти яблоки?

Отвечает торговец:

— Эти яблоки по двадцать рублей, а это одно сто рублей.

— Почему же это дороже?

— Потому что кто бы ни был у вас в семье или где на белом свете нездоров какой-либо болью, можешь вылечить одной частью от этого яблока.

Подал деньги торговцу за яблоко и отправился домой.

И встретились все три брата, и приходят домой, и кажут своему отцу покупки, и рассказали, у кого для чего существует.

Через несколько времени вышли афишки по всем правлениям, не токмо по городам, что не в котором царстве, не в котором государстве жил-был царь, у него была больная дочь, которая несколько годов лежит в постели, и государь объявляет, что кто может вылечить мою дочь, за того отдаю ее замуж.

Вот и стали собираться наши три брата. Посмотрел средний брат в зеркало и увидел, в каком государстве больная, сели в коляску и отправились в это государство. И въехали в город и сейчас донесли государю, что приехали лекари из иных земель. Государь велел допустить их до своей больной дочери. Младший брат вырезал из своего яблока часть и подал больной. Она съела эту выточку[2] и сейчас почувствовала легче, через трое суток выздоровела, и отгадайте, за которого следует ее отдать? За меньшого, потому что у меньшака[3] яблока убыло, у тех не убыло.

---

[1] *Векошница* — мелочная торговка, продающая свой товар с *века*, крышки от короба.

[2] Вырезку.

[3] *Меньшак* — младший.

Три копеечки

Жил-был купец именитый (богатый); в одно время приходит к нему неведомый человек и нанимается в работники. Проработал год и просит у купца расчет; тот ему дает заслуженное жалованье, а работник берет за свою работу только одну копеечку, идет с ней к реке и бросает в воду. «Если, — говорит, — я служил верой и правдой, то моя копейка не утонет!» Копеечка утонула. Он опять пошел к тому же купцу работать; проработал год, купец дает ему денег, сколько надо, а работник опять берет одну копеечку, идет с ней к реке на старое место и бросает в воду. Копеечка утонула. Пошел в третий раз к купцу работать; проработал год, купец дает ему денег еще больше прежнего за усердную его службу, а работник берет опять одну копеечку, идет с ней к реке и бросает ее в воду; глядь — все три копеечки поверх воды! Он взял их и пошел вдоль по дороге в свое место. Вдруг ему попадается купец — к обедне едет; он дает тому копеечку и просит свечу образам поставить. Купец взошел в церковь, дает из кармана своего денег на свечи и как-то уронил ту копеечку на пол. Вдруг от копеечки огонь возгорел; люди в церкви изумились, спрашивают:

— Кто копеечку обронил?

Купец говорит:

— Я обронил, а мне ее дал на свечу какой-то работник.

Люди взяли по свече и зажгли от той копеечки. А работник тем временем продолжал свой путь вперед. На дороге попадается ему другой купец — на ярмарку едет; работник вынимает из кармана копеечку, отдает купцу и говорит:

— Купи мне на эту копеечку на ярмарке товару.

Купец взял, накупил себе товару, думает: чего бы еще искупить? И вспомнил про копеечку. Вспомнил и не знает, чего бы на нее купить. Попадается ему мальчик, продает кота и просит за него ни больше ни меньше, как одну копеечку. Купец не нашел другого товару и купил кота. Поплыл он на кораблях в иное государство торг торговать; а на то государство напал великий гнус. Стали корабли к пристани; котик то и дело из корабля выбегает, гнус поедает. Узнал про то царь, спрашивает купца:

— Дорог ли этот зверь?

Купец говорит:

— Не мой этот зверь; мне велел его купить один молодец, — и нарочно молвил, что стоит трех кораблей.

Царь отдал три корабля купцу, а котика себе взял. Воротился купец назад, а работник вышел на рынок, нашел его и говорит:

— Купил ли ты мне на копеечку товару?

Купец отвечает:

— Нельзя потаить — купил три корабля!

Работник взял три корабля и поплыл по морю.

Долго ли, коротко ли — приплыл к острову: на том острове стоит дуб; он влез на него ночевать и слышит: внизу под дубом хвастается Ерахта своим товарищам, что вот завтра среди бела дня украдет он у царя дочь. Товарищи ему говорят:

— Если ты не утащишь, то мы тебя всего железными прутьями исхлещем!

После того разговора они ушли; работник слез с дуба и идет к царю; пришел в палаты, вынул из кармана последнюю копеечку и зажег ее. Ерахта прибежал к царю и никак не может украсть его дочери; воротился ни с чем к братьям, а они давай его хлестать железными прутьями; хлестали, хлестали и бросили в неведомо место! Работник женился на царевне и стал себе жить-поживать, добра наживать.

Работник

В одной деревне жил муж с женой, и дожили они до глубочайшей бедности: больше стало жить нечем. И говорит мужик бабе:

— Ну, баба, я пойду подряжусь к богатому мужику в работники.

Пошел и подрядился, взял задатку 15 руб. и скоро прожил эти деньги, пошел подрядился к другому и у другого взял 15 руб. и эти прожил, пошел к третьему и у третьего подрядился, взял 15 руб. и эти прожил.

И пришлось мужику сходить к обедне. Пришли и те мужики богатые в церковь. Жили они между собой дружно и завели разговор; один другому начал сказывать:

— Вот что, братцы, я этта[1] подрядил работника какого, да вон он стоит!

— Да как же, и я его подрядил!

Третий:

— И у меня подрядился!

Поговорили мужики промеж себя, работнику ничего не сказали, а он слышал их разговоры, приходит домой и говорит своей жене:

— Ну, баба, я теперь пойду и подряжусь работать к черту.

Пошел он в лес, и попадается ему черт навстречу, спрашивает:

— Куда, мужик, пошел?

Отвечает ему мужик:

— В лес дрова рубить.

— Так вот что, подрядись ко мне в работники.

Мужик отвечает ему:

— С удовольствием, очень рад.

— Так приходи завтра в такое-то место, об цене нечего разговаривать, я ценой не обижу.

Пришел мужик к черту работать. Черт напоил его водой.

[1] Недавно.

— Ну, ступай, ложись спать, у меня ни один работник до трех суток не работает.

Вот прожил мужик трое суток; на четвертые встал его хозяин поутру рано, разбудил работника:

— Ну-ка, работник, пойдем в лес, нужно срубить три осины толщиной вершков в 16, длиной шести сотен и сделать через реку лавы.

Вот взяли по топору и пошли в лес; у черта топор был весом фунтов в 30. Пришли в лес и начали рубить осину; черт как начал хвастать — сразу половину пересек, а мужик не может и корки сбить. Срубили они осину, очистили прутья, нужно тащить ее. Черт и говорит своему работнику:

— Ну, брат, давай потащим осину на реку.

Взял под комель, а мужик не дает ему, говорит:

— Отойди, чахотный, прочь, где тебе унести, ступай, берись под вершину.

Делать нечего, черт пошел к вершине, поднял вершину и давай подбираться. Мужик кричит:

— Молодец, хозяин, давай еще маленько!

Черт поднадал[1], осину всю и поднял. Мужик влепил топор в осину, сам сел на комель.

— Ну, хозяин, пошел!

Черт попер осину до того, что пристал[2].

— Ну, казак, давай отдохнем!

— Ну, какой тебе отдых, давай, тащи, урод!

Делать нечего, не хочется черту поддаться мужику, пошли опять вперед. Притащили осину на реку. Черт и говорит работнику:

— Ну, казак, давай, кидай!

— Нет, хозяин, стой, дай перебраться, у нас с тобой не на одном плече.

И свернул мужик с комля.

— Ну, хозяин, кидай!

Черт бросил осину и сам свалился.

— Что же ты, хозяин?

— Я пристал, ступай ты обедай, а я отдохну здесь.

Мужик приходит обедать, и спрашивает его чертовка:

— Что, брат, где оставил хозяина?

— Он, чахоточный, притащил бревно, свалился, на реке лежит, поди, только не околеет.

Работник пообедал и лег спать на повети в сани. Черт пришел домой и жалуется своей хозяйке:

— Ну, баба! Вот так работник! Я то ли не едрён, он меня втрое едрёнее, надо его ужо ночью убить, а то жить нам будет плохо.

---

[1] Подвинул на себя.

[2] Устал.

Мужик выслушал чертовы разговоры, дожил до вечера, поужинал, пошел спать. В сани положил ступу и окутал тулупом, а сам лег на сено. Вот черт встал ночью, взял сорок пудов палицу и пошел бить казака. Подошел к саням и брякнул по ступе так сильно, что ступа прискочила, ударилась в верх стропила. Черт с радостью пошел к себе в избу и говорит своей жене:

— Ну, баба, так треснул казака; нани он вверх вылетел.

А казак, вставши утром рано, пошел преспокойно в избу. Черт увидал казака, очень испугался и говорит ему:

— Что, казак, не знаешь, что так шибко треснуло вечор на дворе?

А казак отвечает:

— Тебя надавало с хорошей-то постройкой, — должно быть, лопнули стропила.

И говорит черт своей жене:

— Ну, жена, давай уедем из дому. Вон, пускай здесь живет работник один.

Забрали они все деньги — он в один мешок, а чертовка в другой. А казак к черту в мешок и залез. Потащил черт мешок; казак разрезал мешок и видит, что черт тащит их полем, и стал говорить:

— Стой, брат, хозяин, тебе от меня не уйти!

В испуге черт не понял того, что мужик сидит в мешке, и бросил мешок.

— Давай, баба, кидай и ты!

И чертовка бросила свой мешок, и побежали неизвестно куда. Мужик, взявши мешки с деньгами, притащил домой, и первое его было дело — заплатить долг богатым мужикам, потом завелся хозяйством и стал жить в лучшем виде, а черт к мужику не показался ногой.

Иваницкий Н. А.
Материалы по этнографии Волог. уезда

Про черта и пастуха

В одной деревне черт все воровал скотину. Вот и подрядился такой пастух, что уж не даст черту украсть что-нибудь, подрядился на три дня по сто рублей на день. Выгоняет он в первый раз скотину, черт и выходит из озерка.

— Пастух! Давай, — говорит, — мне самую лучшую корову!

А пастух говорит:

— Нет еще, погоди, не дам!

— А ты что делаешь? — спрашивает черт пастуха.

Пастух говорит:

— Вью веревки.

— На что веревки?

— А море морщить да вас, чертей, в одно место корчить.

Черт сейчас и бросился в озерко, там пересказал своему дедушке:

— Ой, какой теперь стал пастух, не дает мне и скотины-то! Он веревки вьет, хочет море морщить да нас, чертей, в одно место корчить.

Дедушка подумал да и говорит:

— Видно, удалой пастух! Иди-ка с ним врядки[1] побегай.

Вышел черт из озерка и говорит пастуху:

— Давай врядки бегать!

А пастух отвечает:

— Охота мне врядки бегать! У меня есть младенец двух дён, и тот тебя обгонит.

— А где же он?

— А вот пойдем, так укажу.

А пастух знал заячье лежбище в одном кусте и привел черта к лежбищу.

— Вот лезь в куст, он выскочит, так и бегай с ним врядки.

Черт сунулся в куст, выгнал зайца и зачал бегать. Только заяц бегает, как попало, туда да сюда, а черт кричит:

— Врядки, врядки!

Опять черт пошел к своему дедушке и стал рассказывать:

— Ой, дедушка, у него есть младенец двух дён, и тот меня обогнал, а сам он со мной еще и не бегал. Нам бы такого подрядить в работники, так чтобы он нам и наделал!

— Так иди, подряжай, не подрядится ли?

Вышел черт на берег, а пастух тут и стоит.

— Пастух, подрядись к нам в работники, — говорит черт.

— Подрядите.

И подрядился к черту за 300 руб. на год. Оставалось ему еще два дня в пастухах прожить, и уговорились они с чертом заранее, что черт выйдет на берег встретить.

На четвертый день приходит пастух, черт его и встретил и повел лесом. Привел на место, и пошли они на другой день дерево рубить. Пришли к толстущей осине. Стал черт рубить осину и живо срубил. И спрашивает черт:

— Всю ли вдруг нести или мелким потащим?

— Всю вдруг унесем, — говорит пастух.

Навалил он на черта комель, а сам держится сзади за пруточки. Тащит да тащит черт, так что в поту весь. Оглянется на работника и спрашивает:

— Что, не устал?

— Нет, не устал.

— А я так сильно устал.

— Иди под комель, а я стану под вершину.

— А я не знаю здесь дороги, так давай повернемся, ты иди под вершиной вперед.

Навалил на черта всю осину, а сам сел на комель.

---

[1] *Врядки* — наперегонки (*примеч. ред.*).

Не дотащили осину, бросили, и пошли оба домой. Пришли, и говорит черт своему дедушке:

— Ой, дедушка, это нам не работник, он меня замает: я в поту тащу, а он все идет в леготе; надо его рассчитать, а нет, так зарезать.

Пастух это слышал, положил на свою кровать корыто и закрыл его, а сам лег под кровать. Черт ножик наточил, бежит и начал корыто резать, а пастух под кроватью хрипит, будто он зарезан.

Ушел черт в избу, а работник и идет к нему. Старый черт и говорит:

— Нам тебя не надо, рассчитаем тебя.

Рассчитали его, отдали деньги за весь год, пастух и пошел. Пошел, только не знает, как из лесу выйти, заблудился совсем. Трое суток блудился, увидал дуплю, влез на нее, чтобы посмотреть, не видно ли где жила[1], и провалился в дуплю. Просидел он тут трое суток, не евши, и думает, что уже смерть.

Вдруг слышит: народ круг дупли заговорит. Какой-то мужик подошел да колонул по дупле обухом. А пастух и забучал, будто что улей. Мужик и давай рубить дуплю, подрубил дуплю, а пастух как закричит:

— Ох ты! Мой дом рубить! Я тебе дам, постой-ка!

Мужик испугался и — унеси Господи! А коней тройку тут и оставил. Пастух вылез, сел на коней и поехал домой.

Потемского уезда Вологодской губернии

Ерема и Фома

Ерема и Фома, жили родны братовья,
Фу-ты, ну-ну-ну, жили родны братовья.
Ерема жил на горке, Фома-то под горой,
Фу-ты, ну-ну-ну, Фома-то под горой.
Ерема ел мякину, Фома-то колосок.
Для того ел колосок — позвончее голосок.
Нам не лучше ли, Ерема, серу пашеньку пахать?
Ерема купил лошадь, Фома-то жеребца.
У Еремы-то не тянет, у Фомы-то не везет.
Разорви тебя, Ерема, с этим промыслом.
С этим промыслом не прокормишься.
Нам не лучше ли, Ерема, за охотою ходить?
Ерема купил сучку, Фома-то кобелька.
У Еремы-то не лает, у Фомы того не знает.
Нам не лучше ли, Ерема, живу рыбицу ловить?
Ерема купил лодку, Фома-то бродничек[2].

---

[1] *Жило* — обитаемое место, жилье (*примеч. ред.*).

[2] *Бродни* — мягкие кожаные рыбачьи сапоги на помочах (*примеч. ред.*).

Ерема стал тонуть, Фому за ноги тянуть.
Ерема-то на дно, а Фома с ним заодно.
Нам не лучше ли, Ерема, по амбарам-то ходить?
Ерема пошел в амбар, Фома в житницу.
Как Ерему-то узнали, ему в шею понаклали,
А Фому-то увидали, руки вывернули.

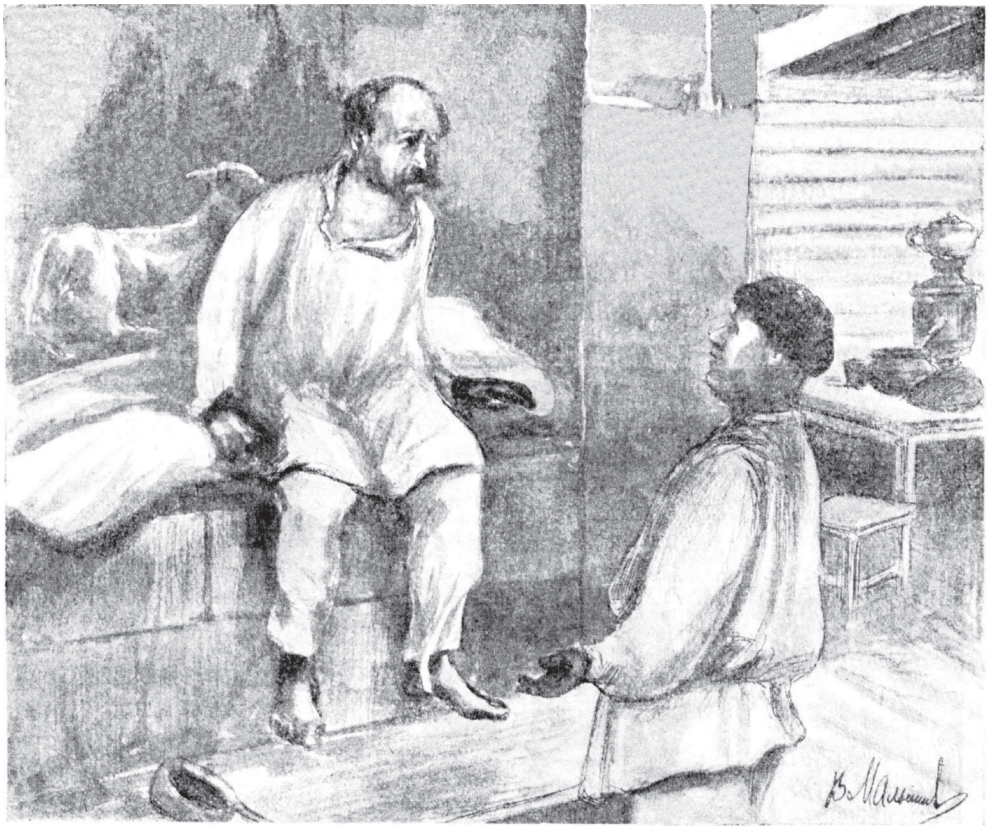
О Петрушке

Жил-был барин да барыня; у них жил казак Петрушка. Барин-то женился далеко, не в своей губернии. Дожили до такого времени, у тещи сделался праздник. И говорит барин Петрушке:

— Поедем, Петрушка, к теще в гости.

А Петрушка говорит:

— Поедем.



Сейчас Петрушка заложил пару коней, и поехали. А было дело к осени, около Спасова дня. Барин поехал только в одном сюртуке, и пояс с собой не взял. Вот едут они путем-дорожкой, и говорит барин Петрушке:

— Петрушка, где нам на ночлег пристать?

А Петрушка ему в ответ:

— Что, — гт, — на постоялом, — еще деньги слупят, а мы в стогу ночуем.

А ехали мимо покосов. Проехали деревню и пристали к стогу. Петрушка привязал коней к стогу, а сам под стог зарылся. А барин походил, походил да и он под стог. А ночь-то была холодная этакая, барин замерз под стогом. И стал барин Петрушке говорить:

— Петрушка, ты не озяб? А чем ты этак тепло закутался?

А Петрушка барину в ответ:

— Мешком.

— Еще, — гт, — нет ли у тебя мешка? И мне бы закутаться.

А у Петрушки были мешки запасные. Выхватил из повозки мешок и запихал барина головой в мешок, а мешок-то был длинный, на ногах завязал.

Запихал барина головой в мешок
(рис. В. Малышева)

И закатил барина под стог. Барин в сене согрелся, живо и заснул. А Петрушка походил, походил, да и пришло ему на ум: дай, говорит, я нарублю виц[1] да барина отстегаю. Нарубил Петрушка виц, подошел к стогу, выхватил барина из-под стога и зачал стегать, а сам приговаривает:

— Вас кто сюда звал, у моего стога коней кормить? — а сам барина лупит.

Барин поохал, поохал, потом перестал; силы уже нет. И отвозил Петрушка барина путем, а сам бросил дальше вицы и сказал:

— Я вот еще пойду по мужиков, так я вам дам.

И ровно как нигде не бывал, подполз к барину на коленках, а сам стонет, подполз да и спрашивает:

— Барин, жив ли?

А барин насилу ответил:

— Жив. Давай, — гт, — Петрушка, скорее пойдем.

Развязал мешок, вытащил барина за ноги, сели они в повозку и поехали. А время стало около полуночи. Барину страсть как есть захотелось. Вот подъезжают к деревне, в которой жила баринова теща. И говорит барин Петрушке:

— Петрушка! Когда приедем, я буду по полу ходить да скажу: тар-тарары! А теща и спросит: что барин говорит? А ты скажи: на стол станови.

Приехали к теще на повит[2]. Сейчас барин в избу, а Петрушка стал коней убирать. Убрал Петрушка коней и пришел в избу. А барин уж давно разделся да по полу ходит. И сказал: тар-тарары! Сейчас теща спрошала:

— Что, Петрушка, голубчик, барин говорит?

А Петрушка ей в ответ:

— Самовар велит становить.

А барину не до чаю. Сейчас Петрушку выкликал на повит.

— Петрушка, — гт, — я стану ходить по полу и скажу: тар-тарары, а ты скажи, что на стол станови.

Пришел опять барин в избу, ходит по полу и сказал: тар-тарары! А теща опять подскочила, спрошала:

— Что, Петрушка, голубчик, барин говорит?

А Петрушка ей в ответ:

— Ему, — гт, — поспать охота.

Теща и говорит:

— А вон на печи перина раскачена, так поспи с дорожки-то.

Со стыдом барин полез на печь: теща не покормила, да спать уложила. Барин лег и уснул. А Петрушка чаю напился и отобедал. Хозяева все улеглись спать на повити, а Петрушка на голбец возле барина. Только хозяева из избы ушли, барин и проснулся. А Петрушка еще не спал, услыхал, что барин зашевелился, и спросил его:

---

[1] *Вицы* — скрученные прутья для связывания фашин (*примеч. ред.*).

[2] *Поветь* (*повит*) — помещение под навесом в крестьянском дворе для хранения хозяйственного инвентаря (*примеч. ред.*).

— Что, вспотел?

А барин говорит:

— Нет, не вспотел, да есть охота.

А Петрушка ему говорит:

— Погоди-ка, поищу краюшки хлеба.

А барин рад бы и хлебцу. А у Петрушки была краюшка из дома запасная: он взял для дороги, дорогой-то мякиш выглодал, а в корки глину набил. Подал барину эту краюшку с глиной. Барин на печи ест, а у него на зубах трескоток стоит. И говорит Петрушке:

— Петрушка! Какой здесь хлеб-то худой!

А Петрушка барину в ответ:

— Вишь, какая у тебя теща-то неря[1]: корочки запалились, а в середке-то не упеклось.

Барин погрыз краюшку, а остатки Петрушке отдал, а сам опять уснул.

Вдруг у тещи корова отелилась. А ночь-то была холодная, теленку-то холодно там, и принесли его в избу. И нужно бы отогреть, и не знают где. А Петрушка еще не спал. И говорит хозяевам:

— Валите теленка на печь за барина, он тут отогреется.

А теща говорит:

— Как да барин осердится?

А Петрушка:

— Нет, барин не сердитый.

Вальнули теленка за барина, сами вон пошли. Петрушка взял ковш воды и плеснул на барина. Сейчас барина и стал будить:

— Барин, барин! Ты ведь, — гт, — отелился!

Барин пробудился.

— Полно, — гт, — врать-то!

— Да не вру, ты ложился — теленка не было, а хвати-ка: за тобой теленок.

Барин пощупал за собой: верно, что теленок. А теленок стал отогреваться да и замычал. А барин и говорит Петрушке:

— Это ведь не диво отелиться, да когда уходиться?

А Петрушка говорит:

— Я не знаю, когда.

А барин говорит:

— А когда со двора на двор быков переганивали, так один бык козлом взыграл, а я в то время и подумал, так, быть, в то время уходился?

А Петрушка говорит:

— Как топереча нам делать с теленком? Надо идти хозяев будить да все селенье поднимать.

А барин говорит:

---

[1] Неряха (*примеч. ред.*).

— Петрушка, возьми, на тебе 100 руб., расплатись, а я, — гт, — убегу, а ты как поедешь, так меня кричи, я из сарая выйду.

Петрушка получил 100 руб., а барин надернул калоши, да в одном сюртучке беги в сарай.

Петрушка двери запер и пошел хозяев будить.

— Батюшки, — гт, — ведь теленок от барина.

И стали Петрушке молиться:

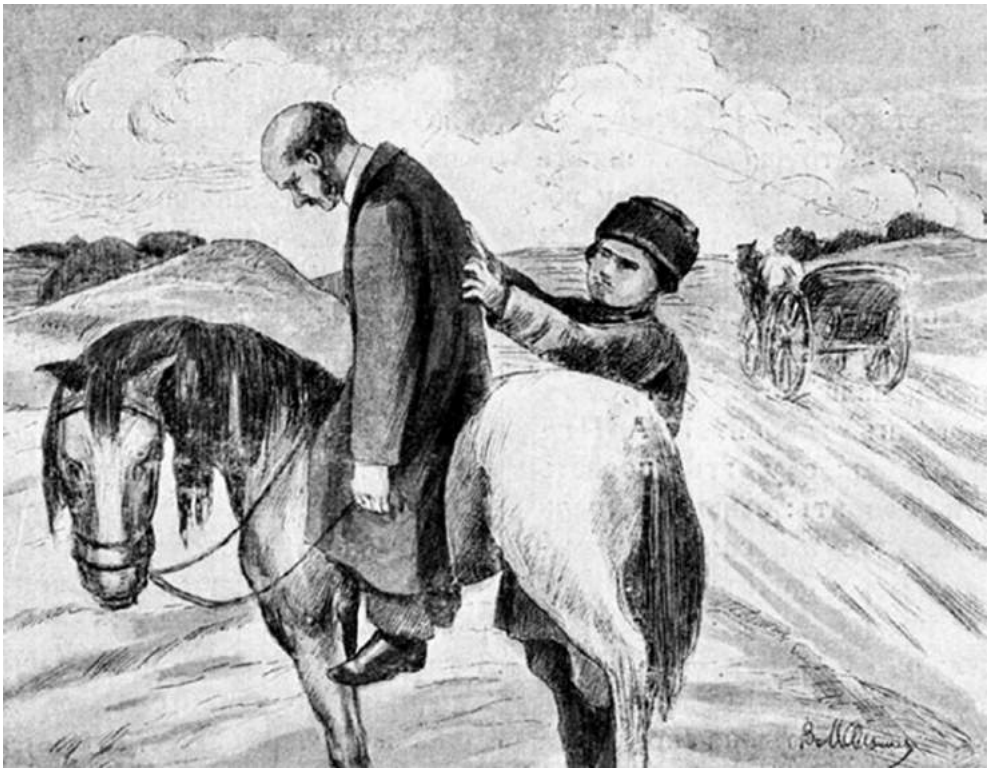
— Петрушка, голубчик, скинь теленка, он и нас-то всех съест.

Петрушка взлез на печь, взял теленка за задние ноги и швырнул в передний угол, только теленок ногами потряс. Петрушка и говорит хозяевам:

— Нужно теперь идти да в селенье подавать заявление, что теленок барина съел.

А хозяева и стали его умаливать:

— Не ходи, Петрушка, голубчик! На вот тебе сто рублей, а как домой приедешь, так скажи, что умер и здесь похоронили.



Посадил барина верхом мертвого
(рис. В. Малышева)

Петрушка получил сто рублей и поехал домой. Едет мимо сараев и зачал кричать барина. Барин насилу из сарая вышел: замерз. Сел барин в телегу и спрошал Петрушку:

— Что, как там расплатился?

А Петрушка говорит:

— Еще своих сто рублей издержал, все селенье сбежалось, да на меня драться, а на селенье сто рублей отдал, а другую сотню хозяевам, и закопали теленка под взъезд[1], так не знаю теперь, что и будет, я насилу вырвался.

Вот они едут путем-дорожкой, а места-то были гористые: барина чёкало да чёкало в телеге, он и помер. А Петрушка не знает, что делать, отстегнул одну лошадь и посадил барина верхом мертвого, привязал его к лошади и повод привязал к рукам, а лошадь опустил в рожь.

Увидел один мужик и бежит со стягом[2] на барина, сам и кричит большим матом:

— Что ты, — гт, — подлец, по моей-то рже ездишь да лошадь кормишь?

Мужик испугался и зачал Петрушке в ноги кланяться (рис. В. Малышева)

[1] *Взъезд* — место подъема, въезда на гору (*примеч. ред.*).

[2] *Стяг* — шест, кол, дубинка (*примеч. ред.*).

Побежал к барину и хлесть его стягом. Тут барин и головку повесил. А Петрушка издали увидел, и замахал рукой мужику, и закричал:

— Что ты, — гт, — подлец, сделал! Барина-то ты убил!

Оставил лошадь, а сам побежал к барину. Подошел и говорит мужику:

— Ты бы не бил барина, а с него бы деньги получил за потраву ржи, вот теперь тебя сошлют.

Мужик испугался и зачал Петрушке в ноги кланяться. А Петрушка:

— Нечего, — гт, — кланяться, не прощу. Дай сто рублей, так прощу.

Сейчас мужик сходил домой по деньги и отдал Петрушке. Петрушка подстегнул лошадь, посадил барина в телегу и поехал домой.

И подъезжает к дому, и вышла барыня встречать своего барина да Петрушку.

— Добро жаловать; каково съездили?

А Петрушка отвечает:

— Я съездил хорошо, да вот барина мертвого привез, места-то гористые, его до смерти и зачёкало.

А барыня очень рада тому, что барина пережила: она Петрушку любила раньше.

Похоронили барина, а барыня за Петрушку вышла замуж. И взыграли свадебку.

Иваницкий Н. А.
Материалы по этнографии Вологодской губ.

Перышко Финиста — ясна сокола

Жил-был старик, у него было три дочери: большая и средняя — щеголихи, а меньшая только о хозяйстве радела. Сбирается отец в город и спрашивает у своих дочерей, которой что купить. Большая просит:

— Купи мне на платье!

И средняя то же говорит.

— А тебе что, дочь моя любимая? — спрашивает у меньшей.

— Купи мне, батюшка, перышко Финиста — ясна сокола.

Отец простился с ними и уехал в город. Большим дочерям купил на платье, а перышко Финиста — ясна сокола нигде не нашел. Воротился домой, старшую и среднюю дочерей обновами обрадовал.

— А тебе, — говорит меньшой, — не нашел перышка Финиста — ясна сокола.

— Так и быть! — сказала она. — Может, в другой раз посчастливится найти.

Большие сестры кроят да обновы себе шьют, да над ней посмеиваются; а она знай отмалчивается. Опять собирается отец в город и спрашивает:

— Ну, дочки, что вам купить?

Большая и средняя просят по платку купить, а меньшая говорит:

— Купи мне, батюшка, перышко Финиста — ясна сокола.

Отец поехал в город, купил два платка, а перышка и в глаза не видал. Воротился назад и говорит:

— Ах, дочка, ведь я опять не нашел перышка Финиста — ясна сокола!

— Ничего, батюшка! Может, в иное время посчастливится.

Вот и в третий раз собирается отец в город и спрашивает:

— Сказывайте, дочки, что вам купить?

Большие говорят:

— Купи нам серьги.

А меньшая опять свое:

— Купи мне перышко Финиста — ясна сокола.

Отец искупил золотые серьги, бросился искать перышко — никто такого не ведает; опечалился и поехал из города. Только за заставу, а навстречу ему старичок несет коробочку.

— Что несешь, старина?

— Перышко Финиста — ясна сокола.

— Что за него просишь?

— Давай тысячу.

Отец заплатил деньги и поскакал домой с коробочкой. Встречают его дочери.

— Ну, дочь моя любимая! — говорит он меньшой. — Наконец и тебе купил подарок: на, возьми!

Меньшая дочь чуть не прыгнула от радости, взяла коробочку, стала ее целовать, миловать, крепко к сердцу прижимать. После ужина разошлись все спать по своим светелкам; пришла и она в свою горницу, открыла коробочку — перышко Финиста — ясна сокола тотчас вылетело, ударилось об пол, и явился перед девицей прекрасный царевич. Повели они меж собой речи сладкие, хорошие.

Услыхали сестры и спрашивают:

— С кем это, сестрица, ты разговариваешь?

— Сама с собой, — отвечает красна девица.

— А ну, отопрись!

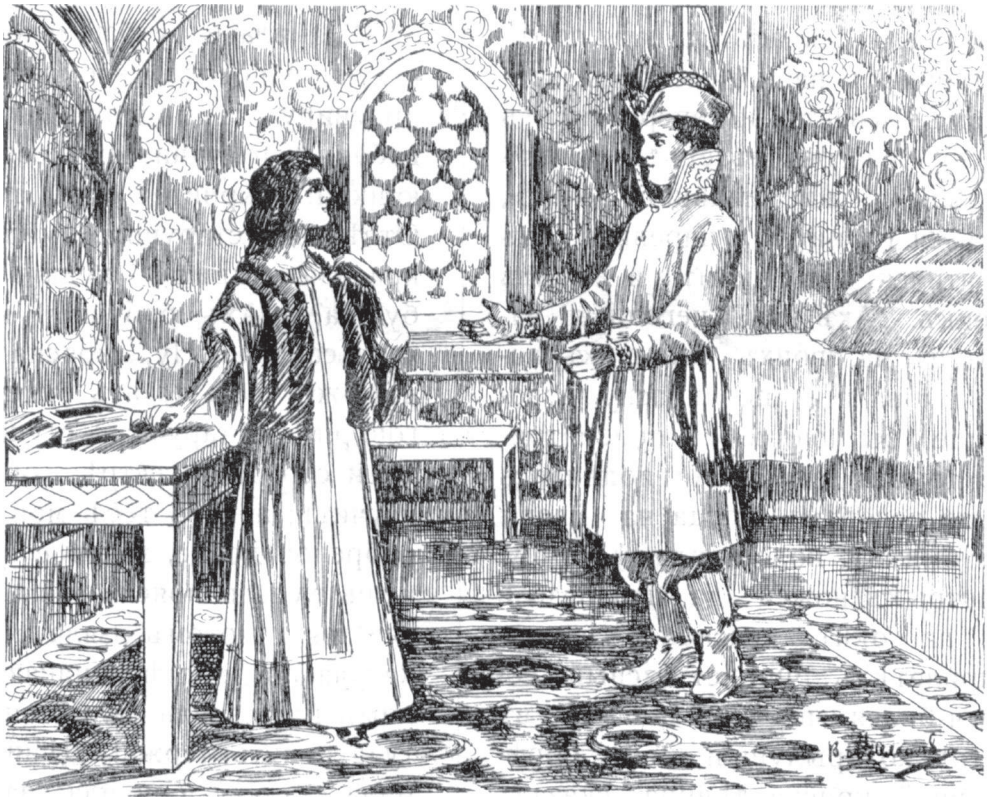
Царевич ударился об пол — и сделался перышком; она взяла, положила перышко в коробочку и отворила дверь. Сестры и туда смотрят, и сюда заглядывают — нет никого! Только они ушли, красная девица открыла окно, достала перышко и говорит:

— Полетай, мое перышко, во чистое поле; погуляй до поры до времени!

Перышко обратилось ясным соколом и улетело в чистое поле.

На другую ночь прилетает Финист — ясный сокол к своей девице; пошли у них разговоры веселые. Сестры услыхали и сейчас к отцу побежали:

— Батюшка! У нашей сестрицы кто-то по ночам бывает; и теперь сидит да с ней разговаривает.



Явился перед девицей прекрасный царевич
(рис. В. Малышева)

Отец встал и пошел к меньшой дочери, входит в ее горницу, а царевич уж давно обратился перышком и лежит в коробочке.

— Ах, вы негодные! — накинулся отец на своих больших дочерей. — Что вы на нее понапрасну взводите? Лучше бы за собой присматривали!

На другой день сестры поднялись на хитрости; вечером, когда на дворе совсем стемнело, подставили лестницу, набрали острых ножей да иголок и натыкали на окне красной девицы. Ночью прилетел Финист — ясный сокол, бился-бился — не мог попасть в горницу, только крылышки себе обрезал.

— Прощай, красна девица, — сказал он. — Если вздумаешь искать меня, то ищи за тридевять земель, в тридесятом царстве. Прежде три пары башмаков железных истопчешь, три посоха чугунных изломаешь, три просвиры каменных изгложешь, чем найдешь меня, добра молодца!

А девица спит себе, хоть и слышит сквозь сон эти речи неприветливые, а встать-пробудиться не может. Утром просыпается, смотрит — на окне ножи да иглы натыканы, а с них кровь так и капает. Всплеснула руками:

Ночью прилетел Финист — ясный сокол
(рис. В. Малышева)

— Ах, боже мой! Знать, сестрицы сгубили моего друга милого!

В тот же час собралась и ушла из дому. Побежала в кузницу, сковала себе три пары башмаков железных да три посоха чугунных, запаслась тремя каменными просвирами и пустилась в дорогу искать Финиста — ясна сокола.

Шла-шла, пару башмаков истоптала, чугунный посох изломала и каменную просвиру изглодала. Приходит к избушке и стучится:

— Хозяин с хозяюшкой! Укройте от темной ночи.

Отвечает старушка:

— Милости просим, красная девица! Куда идешь, голубушка?

— Ах, бабушка! Ищу Финиста — ясна сокола.

— Ну, красна девица, далеко ж тебе искать будет.

Наутро говорит старуха:

— Ступай теперь к моей средней сестре, она тебя добру научит. А вот тебе мой подарок: серебряное донце, золотое веретенце; станешь кудель прясть — золотая нитка потянется.

Потом взяла клубочек, покатила по дороге и наказала вслед за ним идти: куда клубочек покатится, туда и путь держи! Девица поблагодарила старуху и пошла за клубочком. Долго ли, коротко ли, другая пара башмаков изношена, другой посох изломан, еще каменная просвира изглодана; наконец прикатился клубочек к избушке. Она постучалась:

— Добрые хозяева! Укройте от темной ночи красну девицу.

— Милости просим! — отвечает старушка. — Куда идешь, красна девица?

— Ищу, бабушка, Финиста — ясна сокола.

— Далеко ж тебе искать будет!

Поутру дает ей старушка серебряное блюдо и золотое яичко и посылает к своей старшей сестре:

— Она-де знает, где найти Финиста — ясна сокола!

Простилась красна девица со старухой и пошла в путь-дорогу; шла-шла, третья пара башмаков истоптана, третий посох изломан и последняя просвира изглодана — прикатился клубочек к избушке. Стучится и говорит странница:

— Добрые хозяева! Укройте от темной ночи красну девицу.

Опять вышла старушка:

— Поди, голубушка! Милости просим! Откудова идешь и куда путь держишь?

— Ищу, бабушка, Финиста — ясна сокола.

— Ох, трудно, трудно отыскать его! Он живет теперь в эдаком-то городе, на просвирниной[1] дочери там женился.

Наутро говорит старуха красной девице:

— Вот тебе подарок: золотое пялечко да иголочка; ты только пялечко держи, а иголочка сама вышивать будет. Ну, теперь ступай с богом и наймись к просвирне в работницы.

---

[1] *Просвирня* — женщина, занимающаяся выпечкой хлебцев, просвир (*примеч. ред.*).

Сказано — сделано. Пришла красная девица на просвирнин двор и нанялась в работницы. Дело у ней так и кипит под руками: и печку топит, и воду носит, и обед готовит. Просвирня смотрит да радуется:

— Слава богу! — говорит своей дочке. — Нажили себе работницу: и услужливую, и добрую — без наряду все делает!

А красная девица, покончив с хозяйскими работами, взяла серебряное донце, золотое веретенце и села прясть: прядет — из кудели нитка тянется, нитка не простая, а чистого золота. Увидала это просвирнина дочь:

— Ах, красная девица! Не продашь ли мне свою забаву?

— Пожалуй, продам!

— А какая цена?

— Позволь с твоим мужем ночь перебыть.

Просвирнина дочь согласилась: «Не беда, — думает, — ведь мужа можно сонным зельем опоить, а через это веретенце мы с матушкой озолотимся!» А Финиста — ясна сокола дома не было; целый день гулял по поднебесью, только к вечеру воротился. Сели ужинать; красна девица подает на стол кушанья да все на него смотрит, а он, добрый молодец, и не узнает ее. Просвирнина дочь подмешала Финисту — ясну соколу сонного зелья в питье, уложила его спать и говорит работнице:

— Ступай к нему в горницу да мух отгоняй!

Вот красная девица отгоняет мух, а сама слезно плачет:

— Проснись-пробудись, Финист — ясный сокол. Я, красная девица, к тебе пришла: три чугунных посоха изломала, три пары башмаков железных истоптала, три просвиры каменных изглодала да все тебя, милого, искала!

А Финист спит, ничего не чует; так и ночь прошла. На другой день работница взяла серебряное блюдечко и катает по нему золотым яичком: много золотых яиц накатала! Увидала просвирнина дочь:

— Продай, — говорит, — мне свою забаву!

— Пожалуй, купи.

— А как цена?

— Позволь с твоим мужем еще единую ночь перебыть.

— Хорошо, я согласна!

А Финист — ясный сокол опять целый день гулял по поднебесью, домой прилетел только к вечеру. Сели ужинать; красная девица подает кушанья да все на него смотрит, а он словно никогда и не знавал ее. Опять просвирнина дочь опоила его сонным зельем, уложила спать и послала работницу — мух отгонять. И на этот раз как ни плакала, как ни будила его красная девица, он проспал до утра и ничего не слышал.

На третий день сидит красная девица, держит в руках золотое пялечко, а иголочка сама вышивает — да такие узоры чудные! Загляделась просвирнина дочка:

— Продай, красна девица! Продай, — говорит, — мне свою забаву!

— Пожалуй, купи!

— А как цена?

Продай, говорит, мне свою забаву
(рис. В. Малышева)

— Позволь с твоим мужем третью ночь перебыть.

— Хорошо, я согласна!

Вечером прилетел Финист — ясный сокол; жена опоила его сонным зельем, уложила спать и посылает работницу мух отгонять. Вот красная девица мух отгоняет, а сама слезно причитывает:

— Проснись-пробудись, Финист — ясный сокол! Я, красная девица, к тебе пришла; три чугунных посоха изломала, три пары железных башмаков истоптала, три каменных просвиры изглодала — все тебя, милого, искала!

А Финист — ясный сокол крепко спит, ничего не чует. Долго она плакала, долго будила его; вдруг упала ему на щеку слеза красной девицы, и он в ту же минуту проснулся:

— Ах, — говорит, — что-то меня обожгло!

— Финист — ясный сокол! — отвечает ему девица. — Я к тебе пришла: три чугунных посоха изломала, три пары железных башмаков истоптала, три каменных просвиры изглодала — все тебя искала! Вот уж третью ночь над тобой стою, а ты спишь — не пробуждаешься, на мои слова не отзываешься!

Тут только узнал Финист – ясный сокол и так обрадовался
(рис. В. Малышева)

Тут только узнал Финист — ясный сокол и так обрадовался, что сказать нельзя. Сговорились и ушли от просвирни. Поутру хватилась просвирнина дочь своего мужа: ни его нет, ни работницы! Стала жаловаться матери; просвирня приказала лошадей заложить и погналась в погоню. Ездила-ездила, и к трем старухам заезжала, а Финиста — ясна сокола не догнала: его и следов давно не видать!

Очутился Финист — ясный сокол со своей суженой возле дома родительского. Ударился о сыру землю и сделался перышком; красная девица взяла его, спрятала за пазушку и пришла к отцу.

— Ах, дочь моя любимая! Я думал, что тебя и на свете нет. Где была так долго?

— Богу ходила молиться.

А случилось это как раз около святой недели. Вот отец с старшими дочерьми собираются к заутрене:

— Что же ты, дочка милая! — спрашивает он меньшую. — Собирайся да поедем: нынче день такой радостный!

Нарядились, сели в карету и поехали
(рис. В. Малышева)

— Батюшка! Мне надеть на себя нечего.

— Надень наши уборы! — говорят старшие сестры.

— Ах, сестрицы! Мне ваши платья не по кости! Я лучше дома останусь.

Отец с двумя дочерьми уехал к заутрене. В те поры красная девица вынула свое перышко. Оно ударилось об пол и сделалось прекрасным царевичем. Царевич свистнул в окошко — сейчас явились и платья, и уборы, и карета золотая. Нарядились, сели в карету и поехали. Входят они в церковь, становятся впереди всех; народ дивится: какой-такой царевич с царевной пожаловал! На исходе заутрени вышли они раньше всех и уехали домой; карета пропала, платьев и уборов как не бывало, а царевич обратился перышком. Воротился и отец с дочерьми.

— Ах, сестрица! Вот ты с нами не ездила, а в церкви был прекрасный царевич с ненаглядной царевной.

— Ничего, сестрицы! Вы мне рассказали — все равно что сама была.

На другой день опять то же; а на третий, как стал царевич с красной девицей в карету садиться, отец вышел из церкви и своими глазами видел, что карета к его дому подъехала и пропала. Воротился отец и стал меньшую дочку допрашивать. Она и говорит:

— Нечего делать, надо признаться!

Вынула перышко; перышко ударилось об пол и обернулось царевичем. Тут их и обвенчали, и свадьба была богатая! На той свадьбе и я был, вино пил, по усам текло, во рту не было. Надели на меня колпак, да и ну толкать; надели на меня кузов:

— Ты, детинушка, не гузай (не мешкай)! Убирайся-ка поскорей со двора.

Вологодской губернии, Кадниковского уезда,
из собрания Афанасьева

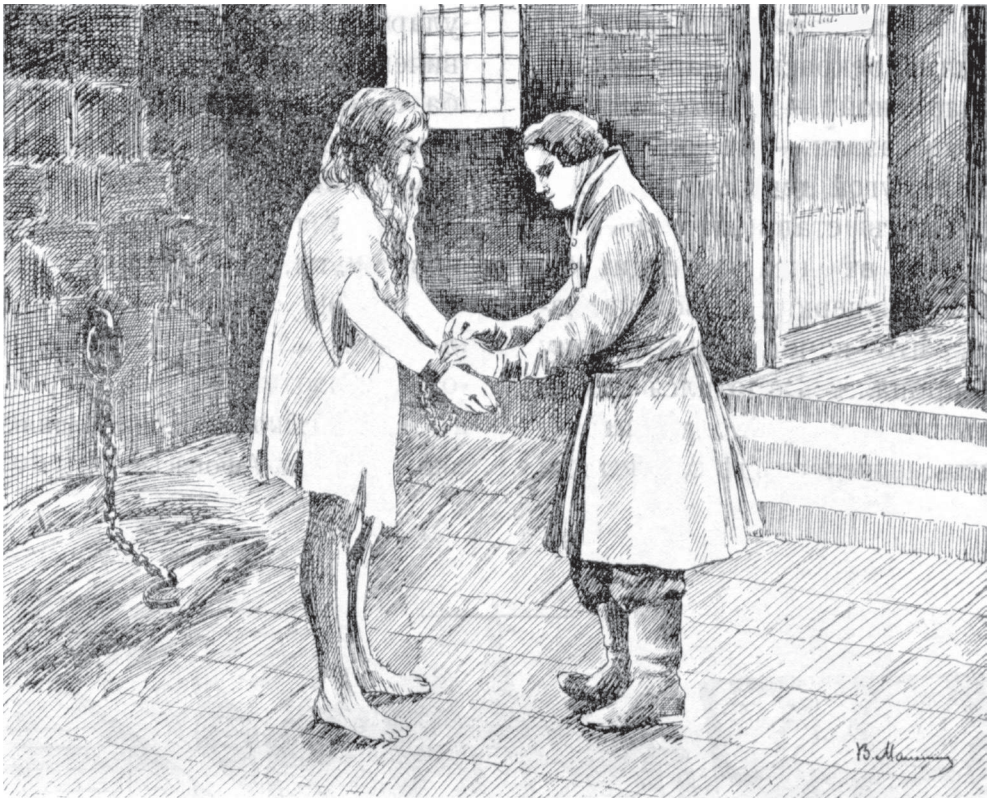
Дивий муж

В некотором царстве, в некотором государстве, не в том, в котором мы живем, жил царь с царицею, а у них был сын Иван-царевич. Дворец царский стоял в густом зеленом саду, в котором росли золотые яблочки. И повадился в этот сад ходить вор, рвать золотые яблоки. Долго подстерегали вора этого и наконец поймали; поймали и посадили в темницу. Вор этот был Дивий муж.

Однажды Иван-царевич, гуляя в саду, увидал в окне темницы, в которой сидел вор, маленькую красивую птичку и хотел ее застрелить, но стрела пролетела в окно темницы. Иван-царевич подошел к окну, а Дивий муж и говорит ему:

— Иван-царевич, выпусти меня! Я тебе не только отдам стрелу, но и вперед пригожусь.

Иван-царевич сжалился над ним и выпустил из темницы. А Дивий муж в этот день приговорен был к смертной казни.



Иван-царевич сжалился над ним и выпустил его из темницы (рис. В. Малышева)

Когда Дивьего мужа не оказалось в темнице и об этом донесли царю, то царь велел привести всех темничных сторожей и хотел их казнить, но один из сторожей сказал царю, что вора выпустил Иван-царевич. Царь очень рассердился на сына и собрал своих бояр и князей, чтобы судить Ивана-царевича. Бояре и князья и присудили выгнать Ивана-царевича из царства. В этот день его и выгнали.

Идет Иван-царевич дорогой и горько плачет. Сел он на камешек, чтобы отдохнуть, и вспомнил о Дивьем муже. Глядит, а Дивий муж стоит перед ним, словно из земли вырос, и говорит ему:

— Здравствуй, Иван-царевич! Я давно тебя дожидаюсь. Прошу пожаловать ко мне отдохнуть и хлеба-соли покушать...

Иван-царевич очень обрадовался, встал, и они отправились в дом к Дивьему мужу. За столом Иван-царевич рассказал про свое горе, как отец выгнал его из царства.

— Не печалься и не горюй! — сказал ему на это Дивий муж. — Все к лучшему!

Потом велел жене своей поднести Ивану-царевичу рог с питьем да сладкого яблочка наливчатого. Когда тот выпил и закусил яблочком, Дивий муж подвел его к палице булатной во сто пудов и сказал:

— Попробуй, подними! Этой палицей ты должен сразиться со змеем.

Иван-царевич сколько ни пытался, никак не мог поднять палицы. Тогда Дивий муж велел жене своей снова налить рог питьем и поднести наливчатое яблочко, и когда он выпил и съел яблоко, то приподнял булатную палицу. Тогда Дивий муж сказал ему:

— Иди теперь к царю, который живет недалеко отсюда, наймись к нему в конюхи; ты убьешь змея, поедающего каждый день по десятку людей.

Пошел Иван-царевич к царю, нанялся в конюхи и был лучше и исправнее всех конюхов, послушен и услужлив каждому, за что его все другие конюхи и все служащие царя полюбили, и царь часто награждал его за исправность, а вскоре поставил его первым конюхом. Невзлюбил его только один конюх, по имени Девкин сын, и искал случая погубить его.

Однажды царская дочь делала для конюхов угощение и приказала всем прийти в ее комнаты. Обнося их вином, она заметила, что одного конюха нет; не было также и Ивана-царевича, который в это время чистил коней. Вычистив коней, он сел отдохнуть и задумался и вспомнил о Дивьем муже. А Дивий муж стоит перед ним, как из земли вырос, и говорит ему:

— Пожалуй ко мне, Иван-царевич, хлеба-соли откушать.

Иван-царевич встал, и они пошли. Дивий муж велел подать Ивану-царевичу рог питья и наливчатое яблочко; когда Иван-царевич выпил и съел яблоко, Дивий муж подвел его опять к булатной палице во сто пудов и сказал:

— Подними ее!

Иван-царевич поднял палицу, как перышко.

— Можешь теперь сразиться со змеем! — сказал Дивий муж. — Поторопись же домой, чтобы товарищи не заметили твоего отсутствия; они скоро выйдут из-за стола. Завтра же, когда царь повезет свою дочь на съедение змею, ты зайди ко мне и получишь от меня палицу и боевого коня.

Иван-царевич вернулся домой.

На другой день, действительно, по жребию выпало, что царь должен был отдать свою дочь на съедение змею. Все пошли ее провожать до того места, где ее надо было оставить, а Иван-царевич пошел к Дивьему мужу. Дивий муж напоил, накормил его, отдал ему стопудовую палицу и богатырского боевого коня и сказал:

— Когда победишь змея, то спеши приехать сюда, не показываясь царю.

Сел Иван-царевич на коня, привязал к боку палицу и поехал сражаться со змеем. Скоро он увидал царевну, которая сидела на берегу моря и горько плакала, дожидаясь смерти. Иван-царевич, не показываясь ей, спрятался за ближнее дерево. Вдруг видит он: море заколыхалось, и вышел из него змей.

Иван-царевич выехал из засады и бросился на змея. Долго бились они, наконец Иван-царевич так ловко ударил змея палицей по голове, что он тут же и издох. Хотел он тотчас же ехать, чтобы царевна не узнала его, но заметил на руке своей большую рану, из которой текла кровь, и подошел к царевне, чтобы та перевязала ему рану. Царевна перевязала ему руку своим шелковым платком, стала благодарить за свое спасение и просила ехать вместе с ней во дворец к отцу ее. Но Иван-царевич, помня наказ Дивья мужа, не сказал ей ни слова, повернул своего коня и уехал. И лишь только он скрылся из глаз, как конюх Девкин сын выскочил из-за кустов с ножом в руках и сказал царевне:

— Если ты не скажешь отцу своему, что я спас тебя от змея, то я тебя зарежу.

Царевна испугалась и дала ему верное слово назвать его освободителем от змея.

Вот приходят они во дворец к царю. Царевна подвела Девкина сына к отцу и сказала, что он ее спас от змея. Царь обрадовался, увидав свою дочь живой, и в награду за спасение своей дочери обещал Девкину сыну отдать за него дочь, а в приданое дать полцарства. Назначили и день свадьбы.

Когда узнал об этом Дивий муж, дал Ивану-царевичу волшебное колесо и гусли, велел ему одеться стариком и идти в заповедный луг, который находился недалеко от царства. При посредстве волшебного колеса Иван-царевич выстроил золотой дворец и стал играть на гуслях волшебные песни.

Услыхала эти песни царевна и посылает свою няньку узнать: кто так хорошо играет.

Нянька пришла в заповедный луг и увидала золотой дворец. Вошла она во дворец — во всех комнатах благоухание, из первой комнаты прошла во вторую, потом в третью — никого нет. Наконец, в последней комнате увидела прекрасного юношу, играющего на гуслях, и так заслушалась его песен, что не могла сойти с места.

Между тем царевна ждала, ждала, не могла дождаться няньки. Посылает она другую, и та также не возвратилась. Не вытерпела царевна и пошла сама. Приходит во дворец, видит: няньки ее сидят, а прекрасный юноша играет на гуслях. Царевна тотчас же узнала в нем своего избавителя от змея, подошла к нему и просила идти с ней к царю. Иван-царевич и пошел. Пришли они к царю, и она рассказала, как он ее избавил от змея, а равно и о том, как Девкин сын хотел ее зарезать. Царь так рассердился, что велел тотчас же отрубить голову Девкину сына, а Ивана-царевича женил на своей дочери.

Великоустюжского уезда, Вологодской губернии

Клад

Было у одного крестьянина два дома: один летний, в котором он с семейством по летам жил, другой — зимний, назывался — истопкой. Вздумалось ему раз летом ночевать в этой истопке одному. Пришел, лег — ночь месячная — спать не хочется, и давай он глазеть по стенам. Вдруг из-под пола выходит мужчина: поступь тяжелая, ступит, словно мешком с деньгами тряхнет, и прямо идет к нему. Крестьянин перекрестился, молитву сотворил, потом приговаривает:

— Чур меня, чур меня!

Слава богу, зачурался.

Этот мужик прошел мимо него на двор, побывал там мало ли, много ли, идет потом назад в истопку. Крестьянин опять перекрестился, молитву сотворил да чурается. Запел петух, мужчина и пропал в одну минуту около подполья. Крестьянин тотчас домой, рассказывает. Дома подумали об этом происшествии хорошенько и говорят:

— Надо об этом со знающим человеком посоветоваться.

Нашли на другой день знающего человека и сказывают ему все дочиста.

— Ах! — говорит знахарь. — Вещь-то хорошу упустил ты, хозяин!

— А что такое?

— Да это ведь клад был!

— Как?

— Так!

— Нельзя же его как поймать?

— Можно!

— Как?

— Вот как: когда выйдет еще из подполья этот мужчина и пойдет к тебе, ты его подпусти! Потом как шага два подойдет, ты его хвати хорошенько раза три по макушке, да каждый раз приговаривай: аминь, аминь, рассыпься!

Крестьянин так и сделал. Мужчина весь рассыпался на медные пятаки старинные. Однако, всего поболе тысячи ассигнациями вышло.

—

Ходил мужик в пустую избу ночевать. Придет, бывало, только начнет засыпать, вдруг откуда не то, — выскочит рыжая кошка и начинает бегать по избе. Сама вся светится, словно золото, а хвостом где ударит, точно мелкими деньгами звякнет. Мужик и давай советоваться насчет этого виденья со знающими людьми. Ему и посоветовали:

— Поймай, — говорят, — эту кошку, — постарайся за хвост, и прежде чем она вырвется из рук, проговори три раза: аминь, аминь, рассыпься!

Мужик так и сделал. После третьего раза кошка[1] рассыпалась, вся рассыпалась на пятирублевые червонцы. Знать, тысяч с пять мужик огреб тут денег этими червонцами и, знаю, разбогател — тотчас, как перед кашей.

—

Заприметили в одной деревне мужики, не год, не два, а испокон уж веку, что как пойдет дождик али снег весной растает, да нальется водой одна ямка на задворках, тотчас же откуда ни возьмется утка и плавает на ней. Кто спугнет, чрез несколько времени опять прилетит и плавает, а убить никому не поддается, сколько ни пробовали. Приходит Иванов день, — если сухой, в этой ямке свечка горит, а мокрый, опять та же утка плавает. Мужики посоветовались меж собой, решили, что тут клад, и давай рыть. Рыли, рыли — нашли один пустой котелок. Стали сказывать об этом знающим людям, им и говорят:

— А вы вот что: ройте эту яму на саму Иванову ночь, ройте и чурайтесь; а как чей заступ стукнет об котел, сейчас и зааминивай, кричи: аминь, аминь, аминь! И опять ройте — тогда деньги выроете!

Мужики так и сделали и отрыли огромнейший котелино с золотыми старинными. Разделили их промеж себя, и все разбогатели так, что все сразу в купцы первой гильдии пошли, а деревню прозвали городом.

Все три списка записаны в Тверской губернии
Е. А. Чудинским

Дурак набитый

Жили-были старик со старухой. Были у них два сына: Лука да Петр, да еще батрак Иванушка-дурачок. Пошли старик со старухой в гости и говорят дураку:

— Вот, Иванушка, мы в гости идем, а ты дома с детками милыми останешься, так смотри: пить-есть захотят — ты их и напои, и накорми!

— Как же я это сделаю? — говорит Иванушка. — Я ничего не умею.

Старики ему и говорят:

— Возьми горшочек, налей в него водицы, положи туда картофельцу, покроши лучку с петрушкой, поставь все это в печку, свари похлебочку и накорми ею деток!

— Вот это я понял, — говорит Иванушка.

— А еще, — говорят старики, — дверь береги, Иванушка, чтобы детки наружу не повскакали!

— Ладно! — говорит Иванушка. — И это понял.

Старики простились с детками и пошли в гости.

---

[1] В иных рассказах роль кошки заменяет кикимора — ростом с собаку, толщиной со свинью, шерсть бурая, лохматая, рыло толстое, хвост длинный, крючком.

Вскоре детки запросили у Иванушки есть. Тотчас же он притащил в избу кадушку, натаскал в нее воды, насыпал меры две картофелю и пристает к Луке с Петром:

— Тятька с мамкой велели вас скрошить в похлебку, так идите-ка сюда!

Дети говорят, что отец с матерью никогда такого приказания ему не давали, а велели в огороде взять лучку с петрушкой, да их и покрошить. Дурак знать ничего не хочет, приступает к ним с ножом к горлу. Дети так, сяк, уговаривать дурака — не тут-то было — ничего не слушает. Дети видят, что дело плохо, зарежет, пожалуй, дурак, искрошит в кадушку ни за что — взяли да и сговорились бежать в лес от него. Побежали, а дурак за ними. Бежали, бежали детки, однако убежали. Что делать дураку? Пришел он домой и боится теперича, чтоб и дверь тоже как не сорвалась с крючьев, да куда не делась. Вот он взял ее за благо с петлей, взвалил себе на плечи и пошел в то место, куда старики в гости ушли. Пришел в то селенье, сел на дверь и дожидается хозяев. Им и говорят:

— Что-то, словно работник ваш здесь, сидит на какой-то доске, ни с места сам и ни с кем ни слова!

— Как так? — говорят старики.

— Так! — говорят им.

Пошли старики к дураку и спрашивают:

— Как ты здесь, Иванушка?

— Да так: после вас вскорости дети запросили есть, я хотел было сварить похлебку, покрошить туда Луку с Петром, как вы сказали, только хотел резать да крошить их, а они не дались да побежали в лес. Я их догонял, догонял, догонял, не догнал, так и пришел домой один. А тут подумал, чтобы и дверь также куда не сбежала, взял ее, снял за благо с петлей, да и пришел сюда, потому дома-то уж больше нечего делать мне без детей, а дверь стеречь я и здесь могу!

— Ах ты, дурак, дурак! Что ты наделал? — говорят ему старики. — Ведь мы тебе в огороде луку-то с петрушкой для похлебки велели взять!

— А я на детей ваших подумал! — говорит дурак.

После того они тотчас из гостей домой, в лес — искать детей! Искали, искали, долго не находили, под конец нашли. Только дети ни за что домой нейдут, боятся, чтобы дурак опять с ними чего не сделал — напугал он их уж очень шибко. Что делать? Старики и стали думать, как бы избавиться от дурака? Думали, думали и выдумали: по дороге идучи из лесу, приметили они, что в одной берлоге медведь лежал. Пришедши домой, они и говорят дураку:

— В таком-то месте, Иванушка, аглицкая корова лежит — заплуталась, должно, с барского двора сбежала. Так поди-ка ты приведи ее к нам на двор!

А сами думают: «Как придет он к медведю да станет его тревожить, тот его сразу согнет в дугу, да и поминай как звали».

Дурак пошел в лес к тому месту, где медведь лежал, взял с собой веревку, которая поздоровей, и пошел. Приходит к медведю и начинает к нему подступать. Медведь, известно, на него, а он на медведя; медведь на него, а он на

медведя. Боролись, боролись, под конец Иванушка сборол медведя — опутал его веревкой, да так и привел домой. Привел и прямо на двор. Там его оставил, а сам в избу пошел.

Увидавши его старики, что целехонек да живехонек воротился из лесу, так и сдивились инда, глядючи на него. Потом и спрашивают:

— Что ж, мол, Иванушка, привел корову-то?

— Привел, — говорит.

Старики не знают, как и подумать об нем после этого. Только и спрашивают:

— Где же она?

— Там, — говорит, — на дворе оставил. Только посмотрел я — корова-то эта не похожа на наших, шибко забижает их, иных даже до крови уже забидела!

— Что ты! — говорят старики.

— Верно! — говорит Иванушка.

Тотчас же выбежали на двор. Глядь, ан коровы одной уж и в живых нет, а прочих до полусмерти поломал мишка. Новая беда для стариков!

Опять они стали думать, как бы избавиться от дурака? Старуха и говорит:

— Напеку я пирогов побольше, чтобы на месяц хватило, возьмем их с собой и уйдем в лес, будем там жить пока с детьми, а дурак подождет, подождет да увидит, что домой долго не приходим, — соскучится и уйдет куда-нибудь шататься по белу свету.

— Ладно, — говорит старик. — Заправду, что ты так хорошо выдумала!

Старуха принялась пироги печь, напекла их довольно, поклала в мешок, веревкой мешок завязала и спрятала на печку под лучину. Приходит вскоре потом в избу Иванушка.

— Спать, — говорит, — что-то хочется!

— Ложись, — говорит старуха, — на коник.

— Нет, — говорит, — пойду на полати!

— Как хочешь, — говорит старуха.

Иванушка ушел на полати. Вертелся, вертелся там — не спится что-то.

— Дай-ка, — говорит, — на печку сойду! Может, не засну ли в тепле.

Сошел. Лежит. А все глаз сомкнуть не может. Вот от нечего делать и давай он любопытствовать, что и где на печи лежит. Смотрит под лучину — мешок! Развязал его, глядит: пироги там! Иванушка от нечего делать и давай их есть. Ел, ел — все переел до единого. Как съел, совесть его и зазрила: «Что ж, мол, такое я сделал? Хозяйка придет, хватится пирогов — нету, беда мне тогда будет!» Ломал, ломал себе голову дурак — как бы горю помочь, да со страху взял и залез в мешок. Веревочкой опять завязал, лучину по-прежнему побросал на себя и лежит.

Хватились дурака старики искать везде — нигде нету: ни на дворе, ни на улице. «Должно, куда-нибудь ушел в поле на работу».

— Побежим-ка теперича, — говорит старуха, — пока за благо!

— Побежим, — говорит старик.

Побежали старики. Взяли с собой мешок и пошли в лес. Шли, шли — далеко уже прошли, — пришли под конец к деткам.

— Ну, детки, — говорят, — мы теперича к вам надолго пришли и вам хлеба-соли принесли, пирогов целый мешок!

Детки были голодные, обрадовались пирогам и просят поскорее поесть. А старики им не дают:

— Погодите, — говорят, — вот еще подальше уйдем.

Идут дальше. Шли, шли — наконец устали. Старуха и говорит:

— Давай-ка, старик, остановимся да перекусим!

— Давай, — говорит старик.

Сели. Стала старуха развязывать мешок и говорит:

— Что-то без нас теперича Иванушка-дурачок поделывает?

А Иванушка из мешка:

— Да я здесь! — кричит.

Старики так со страху и обомлели, услыхавши его голос.

— Где же ты? — спрашивают.

— В мешке, — говорит.

Посмотрели — он там и есть. «Делать нечего, — думают старики, — должно уж так нам на роду написано, чтобы биться с дураком!»

Взяли после того деток из лесу, воротились все назад, а Иванушки стали больше прежнего побаиваться, потому видят, что он такой чудной, а делать с ним ничего не поделаешь, потому, видимое дело, что Господь хранит юродивых и всякую защиту подает им от беды.

Из собрания сказок Е. А. Чудинского
Записано в Москве

Мужик и змея

Выехал мужик на первый день весны попахать, зачал жнивье зажигать. Вдруг ползет змея лютая:

— Мужик, спаси меня, я тебе гожусь.

Ну, мужик взял, посадил ее в мешок, положил на телегу. Прошло время; прогорело жнивье.

— Ну, мужик, выпусти теперь меня из мешка.

Мужик выпустил ее из мешка. Она неимоверной силой раздулась — страсть какая!

— Ну, мужичок, я теперь тебя съем!

— Как же, змея лютая, ты говорила, я тебе гожусь, а теперь хочешь съесть?

— Тогда ты меня съешь; пойдем до трех встреч.

Идет она с мужиком, вдруг бежит им заяц навстречу.

— Батюшка, заинька, рассуди наше дело: вот я выехал пахать, змея говорит: спаси меня, а теперь хочет съесть.

— Ну, мужик, добро всегда злом отплачивается.

Ну, пошли до другой встречи. Шли — встречается волк.

— Батюшка волк, рассуди наше дело — вот я выехал пахать, змея говорит: спаси меня, а теперь хочет съесть.

— Ну, добро всегда злом отплачивается.

Мужик говорит змее:

— Пойдем до третьей встречи, что третья встреча скажет, тогда ты меня съешь.

Встречается лисица.

— Матушка лисонька! Рассуди наше дело: вот я выехал пахать, змея говорит: спаси меня, а теперь хочет съесть.

— Ну, добро всегда злом отплачивается, однако ты, мужичище-дурачище, в чем ты ее спасал?

— Да вот, матушка лисичка, в этом мешке.

— Ну, взойдет ли она в этот мешок, мужичище-дурачище?

Змея говорит:

— А хочешь ли, лисица, я уберусь в этот мешок?

Сейчас убралась змея лютая в мешок.

— Ну, — говорит лисица, — мужик, завязывай теперь мешок!

Завязал мужик мешок.

— Бей ее об колесо теперь!

Козюлю[1] эту всю измочалил об колесо.

— Ну, матушка лисица, приходи ко мне в гости; я тебе три подарочка подам. Приходи на гумно, три петушка дам.

Лисица пришла к нему на гумно, мужик сейчас трех кобелей посадил в мешок. Как тряхнет ей.

— Ну, — говорит, — серый, белый, лови лисицу.

Лисица бросилась бежать. Прибегает в нору.

— Глазки мои, что вы делали?

— Мы все глядели, как бы лису не поймали.

— Ушиньки, что вы делали?

— Мы все слушали, как бы лису не поймали.

— Ноженьки, что вы делали?

— Мы все бежали, как бы лису не догнали.

— А ты, серый хвостище, что делал?

— А я все назад тянул, все назад тянул, как бы лису поймали.

— Ну, серые, белые, нате мой серый хвостище, рвите его!

Серые, белые как схватили лисицу, вытянули — разорвали лисицу.

[1] *Козюля* (*обл.*) — змея (*примеч. ред.*).

Про казака

Жил-был казак. Он поехал в лес да и заблудился. Стоит стог сена. Он говорит: мне хоть нечего есть, лошади есть чего. Ночевал там возле этого стога. Поехал наране, стог загорелся. Видит — стоит девица на стогу:

— Поди, меня, чужестранный казачок, сними.

Он подъехал.

— Как же тебя снять?

— Подставь спину.

Она слезла со стога да и сделалась змеей, обвилась около шеи ему. Он испугался. Она говорит:

— Чужестранный казачок, не пугайся, вези меня за три царства, за земляной мост.

Он ехал, ехал, ощипался, оборвался весь. Проезжает он мимо деревни, видит: от обедни идут; все разбежались. Идет старый старичок. Он подошел к казаку:

— Чужестранный казачок, куда едешь, куда путь держишь?

— Я, дедушка, еду за три царства, за земляной мост. Что, дедушка, ты слышать ли не слыхал, быть ли не бывал?

Старичок говорит:

— Нет, быть-то не бывал и слышать-то не слыхал; пойдем, я тебя попарю.

— Пожалуй, пойдем.

Его попарили. Поехал он.

Ехал, ехал, ощипался, оборвался весь. Проезжает опять мимо деревни. Народ идет от обедни; все испугались змеи. Еще старше идет старичок, говорит:

— Чужестранный казачок, куда едешь, куда путь держишь?

— Я еду за три царства, за земляной мост.

— Пойдем, я тебя попарю.

— Благодарю, — говорит, — пойдем.

Его попарили. Поехал он.

Ехал, ехал, ощипался, оборвался весь. Едет мимо деревни, народ от обедни идет; все испугались. Еще старше старичок идет:

— Чужестранный казачок, куда едешь, куда путь держишь?

— Еду я, дедушка, за три царства, за земляной мост. Ты слыхать ли не слыхал, бывать ли там не бывал?

— Слышать-то я слышал, казачок, а бывать-то не бывал; пойдем, я тебя попарю.

Его попарили. Он поехал.

Ехал-ехал, змея говорит:

— Вот наш дом.

Золотой-серебряный дом стоит. Подъехали к нему. Она сделалась опять девушкой, пошла в комнату. Казак говорит:

— Что же, я приехал. Как же мне на двор въехать?

Сейчас отворяются сами ворота. Въехал он на двор.

— Что же, — говорит, — я въехал; лошади нечего есть и мне.

Сейчас корм есть, вода подтекает к нему: пей, ешь.

— Что же, коню хоть есть что, а мне нечего.

Сейчас отворяется горница, всего там наготовлено. Он сел за стол, поел все.

— Эх, — говорит, — как бы теперь водки выпить, целый месяц не пил.

Сейчас отворяется комната: стаканы, полштофы... Выпил стакан, говорит:

— Что же это он без парочки будет?

Выпил другой.

— Что же это, они подерутся, а кто же их будет разнимать?

Выпил третий.

— Что же, об трех углах изба не бывает.

Выпил четвертый.

— Эх, как бы, чужестранный казачок, тебе теперь трубки покурить!

Отворяется комната: кисет, трубка, табак, огниво — все. Накурился он трубки.

— Эх, — говорит, — как бы теперь отдохнуть.

Отдохнул. Поехал.

А в этом доме девиц было три: две девицы, да одна приехала. Одна бежит за ним.

— Чужестранный казачок, — говорит, — что же приехал — не поздоровался, уехал — не простился! Воротись, я тебе гостинчика дам. На́ тебе рубашку. Хоть какая беда будет, никто тебе ничего не сделает с этой рубашкой.

Поехал он дальше. Другая бежит:

— Чужестранный казачок, воротись, я тебе дам гостинчик.

Она дала ему саблю. Он поехал. Третья бежит:

— Чужестранный казачок, на тебе кисет.

Он говорит:

— Что же это, кисет. Как бы в нем деньги были.

Она говорит:

— Тряхни кисет-то.

Он тряхнул — деньги посыпались. Он скорее подбирать, да опять за кисет. Поехал. Она ему говорит:

— У тебя жена будет, ты ей не хвались.

Она ушла.

Он ехал, ехал — город стоит, царь где сам живет, а там, где не ступишь, деньги давай. Возле этого города ворота, солдат стоит возле них. Он кричит, этот казак-то:

— Расчищай самую хорошую комнату коня ставить.

Солдат говорит:

— Кто это кричит?

— Солдат оборванный.

Как казак слез с коня, как зачал его валять. Солдат пошел к отцу, рассказал ему, как казак его бил. Расчистили комнату, поставил он коня. Солдат с отцом три дня не пил, не ел, все деньги считал от казака. А он говорит:

— Где вам счесть, сам царь ваш не сочтет; запрягай мне тройку лошадей.

Он выехал в поле, да и начал трясти деньги — полон воз натряс. У него ось сломалась. Увидали деньги: кто хватает их, кто идет к царю докладывать. Доложили ему. Сейчас казака перевенчали на царской дочери.

А за нее царевич сватался.

— Выдай, — говорит, — царь, свою дочь за меня, а то я тебя в плен возьму, а твоего казака в мелкие кусочки изрублю.

Вот царь говорит казаку:

— Как быть?

— И, батюшка, не бойся, чего боишься?

Царевич гонит четыре полка. А казак взял саблю, кисет и рубашку. Вышел против царевича, не столько саблей бьет, сколько конем бьет. Всех их перемял, перебил их.

Царевич опять говорит:

— Царь, выдай за меня дочь.

Царь говорит:

— Как быть?

— И, батюшка, чего боишься?

Казак опять вышел на царевича — все войско перебил.

Царевич погнал сорок полков.

— Выдай, — говорит, — выдай дочь свою за меня, а то я тебя в плен возьму, а казака твоего в мелкие кусочки изрублю.

Казак говорит:

— Давай еще сорок полков перебьем.

Он взял рубашку, саблю и кисет; стал их бить, и этих всех перебил. Он там бьется, а его жена присылает за ним домой. А он говорит:

— Как так? Жена не принимала, а теперь принимать хочет.

Поехал домой. Она стала допрашивать:

— Как это тебе Бог дал?

Она напоила его пьяным; он взял да и сказал ей. Она взяла рубашку, и кисет, и саблю; взяла, призвала мастеров, чтобы рубашку, кисет и саблю сделать к свету. Они сделали к свету. Она положила их на место, а те, его-то, передала царевичу.

Царевич опять говорит царю:

— Выдай дочь за меня.

Царевич гонит только один полк. Казак видит, что жена его предала.

— Изруби, — говорит, — меня, да в кулек положи и коню под ляжки положи.

Царевич его изрубил. Конь этот как пошел по озерам, по болотам. Приехал туда к девицам. Они и говорят:

— Вот наш милый-то едет, как бы его оживить?

Об пол одна треснулась и сделалась голубем, другая треснулась и сделалась голубкой. Третьей они говорят:

— Ты, как он был, сложи его.

Они полетели. Одна полетела за мертвой водой, а другая за живой водой. Прилетели: та склала его. Мертвой водой брызнули — как он вскочит: ах, как я проспал-то! Они говорят:

— Как бы не мы, то бы отныне и до веку спал! Ступай-ка ты теперь, голубчик, так пешком. В лесу живет старик со старухой. Ты ступай к ним, и ежели будешь ночевать, то вели себя, как будут будить, дернуть за крестик, а то они тебя так не разбудят.

Казак ушел. Пришел в лес. Остается там у старика ночевать, и велел себя за крестик дернуть, когда будить станут. Поутру старик встал и запрягает лошадь на ярмарку ехать.

— Ступай, — говорит, — старуха, буди его.

Она его будила, будила, так и не разбудила. Пришла к старику.

— Да он, — говорит, — не встает.

Старик говорит:

— Он велел за крестик дернуть.

Она как его дернет — он сделался золотым-серебряным конем. Старуха говорит:

— Старик, он сделался золотым-серебряным конем.

— И, дура, боится! Мы поведем его на ярмарку, что-нибудь за него дадут.

Взяли его, рогожками обшили да повели на ярмарку. Все бегут глядеть, не столько покупать. Сейчас посланников послали про него царю сказать. А царем-то сделался царевич. Они там сказали. Царь говорит:

— Что тебе за него?

Старик говорил:

— Что пожалуете.

Царь говорит своему слуге:

— Поди, сейчас насыпь ему три воза денег, а ты, старуха, ступай вон, в тех хоромах живи.

У царевой жены была тетка-колдунья. Она взяла, по книгам стала шарить, нашла, что этот конь — казак. Говорит племяннице:

— Ступай, скажи царю, я умру, ежели не зарежешь коня.

Царю коня жалко, а жену еще жальче. Велел послать работников его резать. Они его повели, а девка-чернавка говорит:

— За что эту ягоду резать!

Вот работники позабыли ножик и заспорили:

— Ступай ты; нет, ступай ты.

Спорили, спорили, побежали все. Девке-чернавке казак говорит:

— Как первая капелька крови упадет, так ты подхвати и под яблоню закопай.

Его закололи. Она капельку под яблоню закопала. На лето выросли на том месте, где была капля, яблоки золотые и серебряные.

Опять тетка взяла, начала по книгам шарить, нашла, что это дерево — казак. Говорит племяннице:

— Ступай, скажи царю — я умру, если не срубить этой яблони.

Царь взял работников и послал рубить. Они позабыли топор, заспорили, кому бежать за ним, опять побежали все вместе. Девка-чернавка вышла и говорит:

— За что эту ягоду рубить хотят!

Казак говорит:

— Как первая отлеточка упадет, так подле дома царского в реку в воду кинь.

Она взяла кинула. Казак сделался селезнем золотым-серебряным. Царь увидел в окошко, что он плавает, взял да за ним. А в воде-то лежат схоронены кисет и сабля казаковы. Царь ловил его, ловил: ути-ути. Как он нырнет да на берег — и сделался человеком.

— Меня, — говорит, — тетка три раза рубила, теперь я ее изрублю.

Взял да разрубил тетку. Разрубил да соломы в поле навозил, взял да зажег. Поставил четырех мужиков заметать метлами мышей, чтоб они не бегали. Пришел во дворец, и его жена-то сидит.

— А, — говорит, — ты, голубушка, тут-то!

Взял, своему коню привязал ее за хвост. Как трепнет рукой коня, этот конь пошел по омутам и болотам, все кости ей растрепал. Казак взял на девке-чернавке перевенчался и теперь живет.

Из собрания сказок А. А. Эрленвейна

Ванька-дурак

Жил старик со старухой, у них был сын — Ванька-дурак. Пошел дурак в лес, и попалась ему навстречу маленькая собачка. И захотелось дураку ее поймать, и давай за нею бегать. Собачка от него в лес, и он за нею; собачка и залезла под корень одного дерева, и дурак полез за ней и увидел там котел с деньгами, запомнил это место и пошел домой. Приходит и говорит своему отцу:

— Вот что, батюшка, пойдем-ка в лес, я там нашел котел с деньгами.

Старик послушал дурака, взял запряг лошадь, и поехали. Приехали в лес — верно, нашли котел, навалили на телегу и поехали домой. Старик и заказывает своему сыну:

— Ванька, никому не сказывай, что нашли деньги.

Дураку где утерпеть, чтобы не сказать!

Пошел на улицу гулять, и увидал его поп.

— Ванюха, поди-ка сюда!

Дурак подошел к попу, поп и стал спрашивать:

— Ванька, скажи, куда давеча ездили с отцом?
— Куда? В лес за деньгами.
— Полно врать, дурак!
— Ну, право, не вру!

Поп этому все-таки не поверил. Дурак пришел домой, и говорит ему отец:

— Ванька, поди, уж сказал кому-нибудь про деньги?
— Сказал попу.

Давай его бранить отец.

— Ну, не брани, батька, поп не скажет, я пойду оторву ему голову.

И пошел дурак к попу. Поп в то время возил навоз, рабочих у него не было. Пришел дурак и оторвал попу голову; туловище упрятал под солому: был воз привезен, а голову принес домой и бросил на вышку. И сказывает своему отцу:

— Ну, батька, теперича поп не скажет, я ему оторвал голову.
— Ой, Ванька, дурак, дурак! Куда же девал голову-то?
— Принес домой и бросил на вышку...

Ванька-дурак
(рис. Л. Альбрехта)

Взявши, старик зарезал козла и положил на то место козлячью голову, а попову голову убрал. Вот через несколько часов хватились попа, а его и след простыл. Это всем на удивление: куда девался поп?

И пошел Ванюха мимо попова дома, и увидела его попадья; начала спрашивать:

— Ванька, не видал ли моего попа?

— Как не видал! Давеча оторвал ему голову.

— Ой, Ванька, перестань тебе врать!

— Не вру! Поди, посмотри: на назьму лежит в соломе.

Пошли, развалили солому и нашли тут попа без головы и начали спрашивать у дурака:

— Куда девал голову?

— Куда девал? Снес домой и бросил на вышку.

И пошли к Ваньке в дом искать попову голову, долго искали, не нашли, а нашли козлячью, и кажут Ваньке:

— Эта, Ванька?

— Нет, не эта.

— Так мы не можем другой найти, ступай, ищи сам.

Ванька влез на вышку и давай ходить, взял козлячью голову и бросил на поветь:

— На вот, обирайте!

Те посмотрели, покачали головой.

— Нет, Ванька, не эта, этот не нашего приходу.

Записано мною лично
в Кадниковском уезде

Иванушка-дурачок

Жили-были старик со старухой. У них был один сын Иванушка-дурачок. Старик помер, а старуха раз и послала Иванушку в лес за грибами.

— Поди, Ваня, сходи за грибами, наберешь грибов — наварим да поминки сделаем.

— Ну, ладно, я пойду, мама.

Взял пестерку большую и пошел в лес, набрал не грибов, а поганок-дехтериков да мухоморов полную пестерку и пошел домой. Идет он дорогой, а мужик сеет горох. Ваня и сказал ему:

— Дядя! Вырос бы у тя горох не белее моих грибов!

Мужик на это осердился и давай дурака теребить.

Пришел он домой и плачет. Мать спрашивает его:

— О чем ты, Ваня, плачешь?

Он и рассказал. Мать ему говорит:

Мужик сеет
(рис. Л. Альбрехта)

— Дурак! Ты не так сказал! Ты бы сказал: «Дядюшка! Носить тебе не выносить, возить тебе не вывозить». Вот бы он тебя и похвалил.

— Ну ладно, мама.

Пошел опять, а ему навстречу несут покойника. Поравнялся с ним да и говорит:

— Дядюшки, носить бы вам не выносить, возить бы вам не вывозить!

И опять дурака оттеребили.

Пошел домой, плачет. Мать спрашивает:

— О чем ты, Ваня, плачешь?

Он и рассказал.

— Дурак! Ты не ладно сказал! Ты бы пел «Святый Боже», вот бы тебя и похвалили.

— Ну ладно, я пойду, мама, спою.

Идет, а ему навстречу свадебный поезд. Он и запел «Святый Боже!» Дружка выскочил и давай теребить дурака.

Опять пошел домой дурак и плачет. Мать и спрашивает его:

— О чем, Ваня, плачешь?

— Мама, я иду, едет свадьба, я и запел «Святый Боже», а они ну меня теребить!

— Ой, ты дурак! Ты бы взял гармонию, играл бы да плясал бы, вот бы тебя и похвалили.

— Ну, ладно.

Идет, а у мужика горит овин, он и начал играть в гармонию и плясать. Увидал его мужик и давай теребить.

(Потом он заливает свинью, которую и начали палить. Мать говорит:

— Ты бы сказал: этим-то кусочком о Христове дни не стыдно разговеться.

Дурак пошел и натолкнулся на человека, отправлявшего естественную надобность, сказал, что велела мать, и был опять побит. Мать говорит:

— Ты бы плюнул да отошел.

Дурак встречает попа с крестом и плюет. Мать говорит:

— Ты бы сказал «Батюшка, благослови меня!»

Наконец он попадает на медведя, просит у него благословения, и медведь его разрывает.)

Кощей Бессмертный

Бывало-живало — в некотором государстве был-жил царь и царица; у них родился сын Иван-царевич. Няньки его качают, никак укачать не могут; зовут отца:

— Царь, великий государь! Поди, сам качай своего сына.

Царь начал качать:

— Спи, сынок! Спи, возлюбленный! Вырастешь большой, сосватаю за тебя Ненаглядную Красоту, трех мамок дочку, трех бабок внучку, девяти братьев сестру.

Царевич уснул и проспал трое суток; пробудился — пуще прежнего расплакался. Няньки качают, никак укачать не могут; зовут отца:

— Царь, великий государь! Поди, качай своего сына.

Царь качает, сам приговаривает:

— Спи, сынок! Спи, возлюбленный! Вырастешь большой, сосватаю за тебя Ненаглядную Красоту, трех мамок дочку, трех бабок внучку, девяти братьев сестру.

Царевич уснул и опять проспал трое суток; пробудился, еще пуще расплакался. Няньки качают, никак укачать не могут:

— Поди, великий государь! Качай своего сына!

Царь качает сам, приговаривает:

— Спи, сынок! Спи, возлюбленный! Вырастешь большой, сосватаю за тебя Ненаглядную Красоту, трех мамок дочку, трех бабок внучку, девяти братьев сестру.

Царевич уснул и опять проспал трое суток. Пробудился и говорит:

— Давай, батюшка, свое благословение; я поеду жениться.

— Что ты, дитятко! Куда поедешь? Ты всего девятисуточный!

— Дашь благословение — поеду и не дашь — поеду!

— Ну, поезжай! Господь с тобой!

Иван-царевич срядился и пошел коня доставать; отошел немало от дому и встретил старого человека.

— Куда, молодец, пошел? Волей али неволей?

— Я с тобой и говорить не хочу! — отвечал царевич, отошел немного и одумался: «Что же я старику ничего не сказал? Стары люди на ум наводят».

Тотчас настиг старика:

— Постой, дедушка! Про что ты меня спрашивал?

— Спрашивал, куда идешь, молодец? Волей али неволей?

— Иду я сколько волей, а вдвое неволей. Был я в малых летах, качал меня батюшка в зыбке, судил за меня высватать Ненаглядную Красоту, трех мамок дочку, трех бабок внучку, девяти братьев сестру.

— Хорош молодец, учтиво говоришь! Только пешему тебе не дойти — Ненаглядная Красота далеко живет.

— Сколь далеко?

— В золотом царстве, по конец свету белого, где солнышко восходит.

— Как же быть-то мне? Нет мне, молодцу, по плечу коня неезжалого, ни плеточки шелковой-недержалой.

— Как нет! У твоего батюшки есть тридцать лошадей — все, как одна; поди домой, прикажи конюхам напоить их у синя моря: которая лошадь наперед выдвинется, забредет в воду по самую шею и как станет пить — на синем море начнут волны подыматься, из берега в берег колыхаться, ту и бери!

— Спасибо на добром слове, дедушка!

Как старик научил, так царевич и сделал; выбрал себе богатырского коня, ночь переночевал, поутру рано встал, растворил ворота и собирается ехать. Проговорил ему конь человеческим языком:

— Иван-царевич! Припади к земле; я ты (тебя) трижды пихну.

Раз пихнул и другой пихнул, а в третий не стал:

— Ежели в третий пихнуть, нас с тобой земля не снесет!

Иван-царевич выхватил коня с цепей, оседлал, сел верхом — только и видел царь своего сына!

Едет далеким-далеко, день коротается, к ночи подвигается; стоит двор — что город, изба — что терем. Приехал на двор — прямо ко крыльцу, привязал коня к медному кольцу, в сени да в избу, Богу помолился, ночевать попросился.

— Ночуй, добрый молодец! — говорит ему старуха. — Куда тебя Господь понес?

— Ах ты, старая сука! Неучтиво спрашиваешь. Прежде напои-накорми, на постелю повали, втепор[1] и вестей спрашивай.

---

[1] *Втепор* — тогда, в то время (*примеч. ред.*).

Она его накормила, напоила, на постель повалила и стала вестей выспрашивать.

— Был я, бабушка, в малых летах, качал меня батюшка в зыбке, сулил за меня Ненаглядную Красоту, трех мамок дочку, трех бабок внучку, девяти братьев сестру.

— Хорош молодец! Учтиво говоришь. Я седьмой десяток доживаю, а про эту красоту слыхом не слыхала. Впереди по дороге живет моя большая сестра, может, она знает. Поезжай-ка завтра к ней, а теперь усни: утро вечера мудренее!

Иван-царевич ночь переночевал, поутру встал раненько, умылся беленько, вывел коня, оседлал, в стремя ногу клал — только его и видела бабушка! Едет он далеким-далеко, высоким-высоко, день коротается, к ночи подвигается; стоит двор — что город, изба — что терем. Приехал ко крыльцу, привязал коня к серебряному кольцу, в сени да в избу, Богу помолился, ночевать попросился. Говорит старуха:

— Фу-фу! Доселе было русской коски видом не видать, слыхом не слыхать, а ноне русская коска сама на двор приехала. Отколь, Иван-царевич, взялся?

— Что ты, старая сука, расфукалась, неучтиво спрашиваешь? Ты бы прежде накормила, напоила, на постелю повалила, тожно бы вестей спрашивала.

Она его за стол посадила, накормила-напоила, на постелю повалила; села в головы и спрашивает:

— Куда тя Бог понес?

— Был я, бабушка, в малых летах, качал меня батюшка в зыбке, сулил за меня Ненаглядную Красоту, трех мамок дочку, трех бабок внучку, девяти братьев сестру.

— Хорош молодец! Учтиво говоришь. Я восьмой десяток доживаю, а про эту красоту еще не слыхивала. Впереди по дороге живет моя большая сестра, может, она знает; есть у ней на то ответчики: первые ответчики — зверь лесной, другие ответчики — рыба и гад водяной; что ни есть на белом свете — все ей покоряется. Поезжай-ка завтра к ней; а теперь усни: утро вечера мудренее!

Иван-царевич ночь переночевал, встал раненько, умылся беленько, сел на коня — и был таков! Едет далеким-далеко, высоким-высоко, день коротается, к ночи подвигается; стоит двор — что город, изба — что терем. Приехал ко крыльцу, прицепил к золотому кольцу, в сени да в избу, Богу помолился, ночевать попросился. Закричала на него старуха:

— Ах ты, такой-сякой! Железного кольца недостоин, а к золотому коня привязал!

— Хорошо, бабушка! Не бранись: коня можно отвязать, за иное кольцо привязать.

— Что, добрый молодец, задала тебе страху! А ты не страшись да на лавочку садись, а я стану спрашивать: из каких ты родов, из каких городов?

— Эх, бабушка! Ты бы прежде накормила-напоила, втепор вестей поспрошала; видишь — человек с дороги, весь день не ел!

— Усни же ты, с богом
(рис. Л. Альбрехта)

В тот час старуха стол поставила, принесла хлеба-соли, налила водки стакан и принялась угощать Ивана-царевича. Он наелся, напился, на постелю повалился; старуха не спрашивает, он сам ей рассказывает:

— Был я в малых летах, качал меня батюшка в зыбке, сулил за меня Ненаглядную Красоту, трех мамок дочку, трех бабок внучку, девяти братьев сестру. Сделай милость, бабушка! Скажи, где живет Ненаглядная Красота и как до нее дойти?

— Я и сама, царевич, не ведаю; вот уж девятый десяток доживаю, а про эту Красоту еще не слыхивала. Ну да усни, с богом; заутро соберу моих ответчиков, может, из них кто знает.

На другой день встала старуха раненько, умылась беленько, вышла с Иваном-царевичем на крылечко и вскричала богатырским голосом, сосвистала молодецким свистом. Крикнула по морю:

— Рыбы да гад водяной! Идите сюда.

Тотчас сине море всколыхалось, собирается рыба и большая, и малая, собирается всякий гад, к берегу идет — воду укрывает. Спрашивает старуха:

— Где живет Ненаглядная Красота, трех мамок дочка, трех бабок внучка, девяти братьев сестра?

Отвечают все рыбы и гады в один голос:

— Видом не видали, слыхом не слыхали!

Крикнула старуха по земле:

— Собирайся, зверь лесной!

Зверь бежит, землю укрывает, в один голос отвечает:

— Видом не видали, слыхом не слыхали!

Крикнула старуха по поднебесью:

— Собирайся, птица воздушная!

Птица летит, денной свет укрывает, в один голос отвечает:

— Видом не видали, слыхом не слыхали!

— Больше некого спрашивать! — говорит старуха.

Взяла Ивана-царевича за руку и повела в избу; только вошли туда, налетела Моголь-птица, пала на землю — в окнах свету не стало.

— Ах ты, птица Моголь! Где была, где летала, отчего запоздала?

— Ненаглядную Красоту к обедне сряжала.

— Того мне и надо! Сослужи мне службу верой-правдой: снеси туда Ивана-царевича.

— Рада бы — сослужила, много пропитанья надо!

— Сколь много?

— Три сороковки[1] говядины да чан воды.

Иван-царевич налил чан воды, накупил быков, набил и наклал три сороковки говядины, уставил те бочки на птицу, побежал в кузницу и сковал себе копье длинное, железное. Воротился и стал со старухой прощаться:

— Прощай, — говорит, — бабушка! Корми моего доброго коня сыто, я тебе за все заплачу.

Сел на Моголь-птицу — в ту же минуту она поднялась и полетела. Летит, а сама бесперечь оглядывается: как оглянется, Иван-царевич тотчас подает ей на копье кус говядины. Вот летела-летела немало времени, царевич две бочки скормил, за третью принялся и говорит:

— Ой, птица Моголь! Пади на сыру землю, мало пропитанья стало.

— Что ты, Иван-царевич! Здесь леса дремучие, грязи вязучие — нам с тобой поконец века не выбраться.

Иван-царевич всю говядину скормил и бочки спихал, а Моголь-птица летит, оборачивается.

«Что делать?» — думает царевич. Вырезал из своих ног икры, дал птице; она проглотила, вылетела на луга зеленые, травы шелковые, цветы лазоревые и пала наземь. Иван-царевич встал, идет по лугу — разминается, на обе ноги прихрамывает.

— Что ты, царевич! Али хромаешь?

---

[1] *Сороковка* — емкость вместимостью в 1/40 ведра (*примеч. ред.*).

Иван-царевич сел на Моголь-птицу
(рис. В. Малышева)

— Хромаю, Моголь-птица! Давеча из ног своих икры вырезал да тебе скормил.

Моголь-птица выхаркнула икры, приложила к ногам Ивана-царевича, дунула-плюнула, икры приросли, — и пошел царевич и крепко, и бодро. Пришел в большой город и пристал отдохнуть к бабушке-задворенке. Говорит ему бабушка-задворенка:

— Спи, Иван-царевич! Заутро, как ударят в колокол, я тебя разбужу.

Лег царевич и тотчас уснул; день спит, ночь спит... зазвонили к заутрене, прибежала бабушка-задворенка, стала его будить, что ни попадает в руки — тем и бьет, нет, не могла сбудить. Отошла заутреня, зазвонили к обедне. Ненаглядная Красота в церковь поехала; прибежал бабушка-задворенка, принялась опять за царевича — бьет его чем ни попадя, насилу-насилу разбудила. Вскочил Иван-царевич скорехонько, умылся белехонько, снарядился и пошел к обедне. Пришел в церковь, образам помолился, на все стороны поклонился, Ненаглядной Красоте наособицу; стоят они рядом да Богу молятся. На отходе

обедни она первая под крест, он второй за ней. Вышел на рундук[1], глянул на сине море — идут корабли; наехало шесть богатырей свататься. Увидали богатыри Ивана-царевича и ну насмехаться:

— Ах, ты, деревенская зобенка! [2] По тебе ль такая красавица? Не стоишь ты ее мизинного пальчика!

Раз говорят, и в другой говорят, а в третий сказали — ему бедно стало: рукой махнул — улица, другой махнул — чисто, гладко кругом! Сам ушел к бабушке-задворенке.

— Что, Иван-царевич, видел Ненаглядную Красоту?

— Видел, повек не забуду.

— Ну, ложись спать: завтра она опять к обедне пойдет; как ударит колокол, я тебя разбужу.

Лег царевич; день спит, ночь спит. Зазвонили к заутрене, прибежала бабушка-задворенка, стала будить царевича, что ни попадет под руки — тем и бьет его; нет, не могла разбудить. Зазвонили к обедне, она опять его бьет и будит. Вскочил Иван-царевич скорехонько, умылся белехонько, снарядился — и в церковь. Пришел, образам поклонился, на все четыре стороны поклонился, Ненаглядной Красоте наособицу; она на него глянула — покраснела. Стоят они рядышком да Богу молятся; на исходе обедни она первая под крест, он второй за ней. Вышел царевич на рундук, поглядел на сине море — плывут корабли, наехало двенадцать богатырей; стали те богатыри Ненаглядную Красоту сватать, Ивана-царевича на смех подымать:

— Ах, ты, деревенская зобенка! По тебе ль такая красавица? Не стоишь ты ее мизинного пальчика!

От тех речей ему бедно показалось; махнул рукой — стала улица, махнул другой — чисто и гладко кругом! Сам к бабушке-задворенке ушел.

— Видел ли Ненаглядную Красоту? — спрашивает бабушка-задворенка.

— Видал, повек не забуду.

— Ну, спи; заутро я тебя опять разбужу.

Иван-царевич день спит и ночь спит; ударили в колокол к заутрене, прибежала бабушка-задворенка будить его; чем ни попадя бьет его, не жалеючи, а разбудить никак не может. Ударили в колокол к обедне, она все с царевичем возится. Насилу добудилась его! Иван-царевич вскочил скорехонько, умылся белехонько, снарядился и в церковь. Пришел, образам поклонился, Ненаглядной Красоте наособицу; она с ним поздоровалась, поставила его по правую руку, а сама стала по левую. Стоят они да Богу молятся; на исходе обедни он первый под крест, она вторая за ним. Вышел царевич на рундук, поглядел на сине море — плывут корабли, наехало двадцать четыре богатыря Ненаглядную Красоту сватать. Увидали богатыри Ивана-царевича и ну над ним насмехаться:

---

[1] *Рундук* — здесь: возвышение со ступеньками (*примеч. ред.*).

[2] *Зобенка* — жадный, завистливый человек (*примеч. ред.*).

— Ах, ты, деревенская зобенка! По тебе ль такая красавица? Ты не стоишь ее мизинного пальчика!

Стали к нему со всех сторон подступать да невесту отбивать. Иван-царевич не стерпел: махнул рукой — улица, махнул другой — гладко и чисто кругом, всех до единого перебил. Ненаглядная Красота взяла его за руку, повела в свои терема, сажала за столы дубовые, за скатерти браные, угощала его, потчевала, своим женихом называла. Вскоре потом собрались они в путь-дорогу и поехали в государство Ивана-царевича. Ехали-ехали и остановились в чистом поле отдыхать. Ненаглядная Красота спать легла, а Иван-царевич ее сон сторожит. Вот она выспалась, пробудилась; говорит ей царевич:

— Ненаглядная Красота! Похрани моего тела белого, я спать лягу.

— А долго ль спать будешь?

— Девятеро суток, с боку на бок не поворочусь; станешь будить меня — не разбудишь, а время придет — сам проснусь.

— Долго, Иван-царевич! Мне скучно будет.

Скучно, не скучно, а делать нечего! Лег спать и проспал как раз девять суток. В то время приехал Кощей Бессмертный и увез Ненаглядную Красоту в свое государство.

Кощей Бессмертный
(рис. Л. Альбрехта)

Пробудился от сна Иван-царевич, смотрит — нету Ненаглядной Красоты; заплакал и пошел ни путем, ни дорогой. Долго ли, коротко ли — приходит в государство Кощея Бессмертного и просится на постой к одной старухе.

— Что, Иван-царевич, печален ходишь?

— Так и так, бабушка! Был со всем, стал ни с чем.

— Худо твое дело, Иван-царевич! Тебе Кощея не потребить (истребить).

— Я хоть посмотрю на мою невесту!

— Ну, ложись — спи до утра; завтра Кощей на войну уйдет.

Лег Иван-царевич, а сон и на ум нейдет; поутру Кощей со двора, а царевич во двор — стал у ворот и стучится. Ненаглядная Красота отворила, глянула и заплакала; пришли они в горницу, сели за стол и начали разговаривать: научает ее Иван-царевич:

— Спроси у Кощея Бессмертного, где его смерть?

— Хорошо, спрошу.

Только успел он со двора уйти, а Кощей во двор:

— А, — говорит, — русской кос(т)кой пахнет; знать, у тебя Иван-царевич был.

— Что ты, Кощей Бессмертный! Где мне Ивана-царевича видать? Остался он в лесах дремучих, в грязях вязучих, по сих пор звери съели.

Стали они ужинать; за ужином Ненаглядная Красота спрашивает:

— Скажи мне, Кощей Бессмертный, где твоя смерть?

— На что тебе, глупая баба? Моя смерть в венике завязана...

Рано утром уезжает Кощей на войну. Иван-царевич пришел к Ненаглядной Красоте, взял тот веник и чистым золотом ярко вызолотил. Только успел царевич уйти, а Кощей во двор:

— А! — говорит. — Русской коской пахнет; знать, у тебя Иван-царевич был.

— Что ты, Кощей Бессмертный! Сам по Руси летал, русского духу нахватался — от тебя русским духом пахнет. А мне где видать Ивана-царевича? Остался он в лесах дремучих, в грязях вязучих, по сих пор звери съели!

Пришло время ужинать. Ненаглядная Красота сама села на стул, а его посадила на лавку; он взглянул под порог — лежит веник позолоченный.

— Что это?

— Ах, Кощей Бессмертный! Сам видишь, как я тебя почитаю: коли ты мне дорог, так и смерть твоя дорога.

— Глупая баба! То я пошутил, моя смерть вот, в дубовом тыну заделана.

На другой день Кощей уехал, а Иван-царевич пришел, весь тын вызолотил. К вечеру ворочается домой Кощей Бессмертный:

— А, — говорит, — русской коской пахнет; знать, у тебя Иван-царевич был.

— Что ты, Кощей Бессмертный! Кажется, я тебе не раз говаривала: где мне видать Ивана-царевича? Остался он в лесах дремучих, в грязях вязучих, по сих пор звери растерзали.

Пришло время ужинать; Ненаглядная Красота сама села на лавку, а его на стул посадила. Кощей взглянул в окно — стоит тын позолоченный, словно жар горит!

— Это что?

— Сам видишь, Кощей Бессмертный, как я тебя почитаю: коли ты мне дорог, так и смерть твоя дорога.

Полюбилась эта речь Кощею Бессмертному, говорит он Ненаглядной Красоте:

— Ах ты, глупая баба! То я пошутил; моя смерть в яйце, то яйцо в утке, та утка в кокоре[1], та кокора в море плавает.

Как только уехал Кощей на войну, Ненаглядная Красота испекла Ивану-царевичу пирожков и рассказала, где искать смерть Кощееву. Иван-царевич пошел ни путем, ни дорогой, пришел к океану-морю широкому и не знает, куда дальше идти, а пирожки давно вышли — есть нечего. Вдруг летит ястреб; Иван-царевич прицелился:

— Ну, ястреб, я тебя застрелю да сырком съем.

— Не ешь меня, Иван-царевич! В нужное время я тебе пригожусь.

Бежит медведь.

— Ах, Мишка косолапый! Я тебя убью да сырком съем.

— Не ешь, Иван-царевич! В нужное время я тебе пригожусь.

Глядь — на берегу щука трепещется.

— А, щука зубастая, попалась! Я тебя сырком съем.

— Не ешь, Иван-царевич! Лучше в море брось; в нужное время я тебе пригожусь.

Стоит царевич и думает: когда же наступит нужное время, а теперь голодать пришлось! Вдруг сине море всколыхнулось, взволновалось, стало берег заливать. Иван-царевич бросился в гору. Что есть сил бежит, а вода за ним по пятам гонит; взбежал на самое высокое место и взлез на дерево. Немного спустя начала вода сбывать; море стихло, улеглось, а на берегу очутилась большая кокора. Прибежал медведь, поднял кокору, да как хватит оземь — кокора развалилась, вылетела оттуда утка и взвилась высоко-высоко! Вдруг откуда ни взялся — летит ястреб, поймал утку и вмиг разорвал ее пополам. Выпало из утки яйцо да прямо в море; тут подхватила его щука, подплыла к берегу и отдала Ивану-царевичу. Царевич положил яйцо за пазуху и пошел к Кощею Бессмертному. Приходит к нему во двор, и встречает его Ненаглядная Красота, в уста целует, к плечу припадает. Кощей Бессмертный сидит у окна да ругается:

— А, Иван-царевич! Хочешь ты отнять у меня Ненаглядную Красоту, так тебе живому не быть.

— Ты сам у меня ее отнял! — отвечал Иван-царевич, вынул из-за пазухи яйцо и говорит Кощею:

---

[1] *Кокора* — дерево, вывороченное вместе с корнем (*примеч. ред.*).

Иван-царевич бросился в гору
(рис. Л. Альбрехта)

— А это что?

У Кощея свет в глазах помутился, тотчас он присмирел, покорился. Иван-царевич переложил яйцо с руки на руку — Кощея Бессмертного из угла в угол бросило. Любо показалось это царевичу, давай чаще с руки на руку перекладывать; перекладывал-перекладывал и смял совсем — тут Кощей свалился и помер.

Иван-царевич запряг лошадей в золотую карету, забрал целые мешки серебра и золота и поехал вместе со своей невестой к родному батюшке. Долго ли, коротко ли — приезжает он к той самой старухе, что всякую тварь: рыбу, птицу и зверя допрашивала, — увидал своего коня.

— Слава богу, — говорит, — Воронко жив!

И щедро отсыпал старухе золота за его прокорм — хоть еще девяносто лет живи, и то не прожить! Тотчас снарядил царевич легкого гонца и послал к царю с письмом, а в письме пишет:

«Батюшка! Встречай сына; еду с невестой Ненаглядной Красотой».

Отец получил письмо, прочитал и веры неймет:

Кощей свалился и помер
(рис. Л. Альбрехта)

— Как тому быть! Ведь Иван-царевич уехал отсель девятисуточный.

Вслед за гонцом и сам царевич приехал; царь увидал, что сын истинную правду писал, выбежал на крыльцо встречать и приказал в барабаны бить, музыке играть.

— Батюшка! Благослови жениться.

У царей не пиво варить, не вино курить — всего много. В тот же день веселым пирком да за свадебку. Обвенчали Ивана-царевича с Ненаглядной Красотой и выставили по всем улицам большие чаны с разными напитками: всякий приходи и пей, сколько душа запросит! И я тут был, мед-вино пил, по усам текло, во рту не было.

Вологодской губернии,
из сборника Афанасьева

Емельян-дурачок

В некоторой деревне жил мужик, и у него было три сына: два были умные, а третий — дурак, которого звали Емельяном; и как жил их отец долгое время, то и пришел в глубокую старость и, призвав к себе всех сыновей, говорил им:

— Любезные дети, я чувствую, что мне недолго жить, то и оставляю вам дом и скот, которые вы разделите на равные части; также оставляю вам денег, на каждого по сто рублей.

После того вскоре отец их умер, и дети похоронили его честно, жили благополучно. Потом вздумали Емельяновы братья ехать в город и торговать на те триста рублей, которые им отказаны были их отцом, то и говорили они дураку Емельяну:

— Послушай, дурак! Мы поедем в город, возьмем с собой и твои сто рублей, и когда приторгуем барыш, то купим тебе красный кафтан, красную шапку и красные сапоги, а ты останься дома; ежели что тебя заставят сделать наши жены (ибо они были женаты), а твои невестки, то ты сделай.

Дурак, желая получить красный кафтан, красную шапку и красные сапоги, отвечал братьям своим, что он делать будет все, что только его невестки заставят. После того братья его поехали в город, а дурак остался дома и жил со своими невестками.

Потом, спустя несколько времени, в один день, когда было зимнее время и был жестокий мороз, тогда говорили ему невестки, чтоб он сходил за водою; но дурак, лежа на печи, сказал:

— Да, а вы что?

Невестки закричали на него:

— Как, дурак, мы-то что; ведь ты видишь, какой мороз, что и мужчине впору идти.

Но он говорит:

— Я ленюсь.

Невестки опять на него закричали:

— Как, ты ленишься, ведь ты же захочешь есть; а когда не будет воды, то и сварить ничего нельзя.

Притом сказали:

— Добро ж, мы скажем своим мужьям, когда они приедут, что хотя они и купили тебе красный кафтан и все, но чтоб они ничего не давали.

Это слыша, дурак, желая получить красный кафтан и шапку, принужден был идти, слез с печи и начал обуваться и одеваться, и как совсем оделся и взял с собой ведра и топор, пошел на реку; ибо и деревня их была подле самой реки. И как пришел на реку, то и начал прорубать прорубь, и прорубил чрезвычайно большую, потом почерпнул в ведра воды и поставил их на лед, а сам стоял подле проруби и смотрел в воду; в то самое время увидел дурак, что плавала в той проруби пребольшая щука. Емеля сколько ни был глуп, однако пожелал ту щуку поймать, и для того стал он понемножку подходить и подошел к ней

Емеля поймал щуку
(рис. Л. Альбрехта)

близко, ухватил вдруг ее рукой, вытащил из воды и, положив ее за пазуху, хотел идти домой; но щука говорила ему:

— Что ты, дурак, на что ты меня поймал?

— Как на что? — говорил он. — Я тебя отнесу домой и велю невесткам сварить.

— Нет, дурак, не носи ты меня домой, а пусти ты меня опять в воду, я тебя за то сделаю богатым человеком.

Но дурак ей не верил и хотел идти домой. Щука, видя, что дурак ее не отпускает, говорила:

— Слушай, дурак, пусти же ты меня в воду: я тебе сделаю то, чего ты ни пожелаешь, то все по твоему желанию исполнится.

Дурак, слыша сие, весьма обрадовался; ибо как он был чрезвычайно ленив, то и думал сам себе: «Когда щука сделает то, чего я ни пожелаю, то все будет готово, и я уже работать ничего не буду». Потом говорил он щуке:

— Я тебя отпущу, только ты сделай то, что ты обещаешь.

На что отвечала щука:

— Ты прежде пусти меня в воду, а я обещание свое исполню.

Но дурак говорил ей, чтоб она прежде свое обещание исполнила, а потом уже он ее пустит. Щука, видя, что он ее не хочет пустить в воду, говорила:

— Ежели ты желаешь, чтоб я тебе сказала, как делать то, чего ты ни пожелаешь, то надобно, чтоб ты теперь сказал, что ты хочешь.

Дурак говорил ей:

— Я хочу, чтоб мои ведра с водой сами пошли на гору (ибо деревня та была на горе), но чтоб вода из них не расплескалась.

— Помни же, Емельян, те слова, которые я стану тебе сказывать.

И вот в чем те слова состояли: «По щучьему велению, а по моему прошенью, ступайте, ведра, сами на гору».

Дурак после нее говорит:

— По щучьему веленью, а по моему прошенью, ступайте, ведра, сами на гору!

И тотчас ведра и с коромыслом пошли сами на гору. Емеля, видя сие, весьма удивился; потом говорит щуке:

— Все ли так будет?

На что щука отвечала:

— Все то будет, чего только пожелаешь, но не забудь только те слова, которые я тебе сказывала.

После того пустил он щуку в воду, а сам пошел за ведрами. Соседи его, видя чудо, удивлялись и говорили между собой:

— Что это дурак делает? Ведра с водой идут сами, а он идет за ними.

Но Емеля, не говоря ничего с ними, пошел домой, и ведра сами вошли в избу и стали на лавку, а дурак влез на печь.

Потом, спустя несколько времени, говорили ему опять невестки:

— Емеля, что ты лежишь? Ты бы пошел да дров нарубил.

Но дурак говорит:

— Да, а вы-то что?

— Как мы? — вскричали на него невестки. — Ведь теперь зима, а ежели ты не пойдешь рубить дров, так тебе же будет холодно.

— Я ленюсь, — говорит дурак.

— Как ленишься? — говорили ему невестки. — Ведь ты же озябнешь.

Притом они говорили:

— Ежели ты не пойдешь рубить дров, так мы скажем своим мужьям, чтоб они тебе не давали ни красного кафтана, ни красной шапки и сапог.

Дурак, желая получить красный кафтан, шапку и сапоги, принужден был нарубить дров, а как был он чрезвычайно ленив и не хотелось ему слезать с печи, то он и говорит тихонько, на печи лежа, сии слова:

— По щучьему веленью, а по моему прошенью, ну-ка, топор, поди и наруби дров, а вы, дрова, сами в избу идите и в печь кладитесь!

Топор, откуда ни взялся, выскочил на двор и начал рубить, а дрова сами в избу шли и в печь клались; это видя, его невестки весьма удивлялись Емельяновой хитрости.

И так каждый день, когда только дурак велит нарубить дров, то топор и нарубит. И жил он с невестками несколько времени. Потом говорили ему невестки:

— Емеля, теперича у нас нет дров, то съезди в лес и наруби.

Дурак им говорил:

— Да, а вы-то что?

— Как мы? — отвечали невестки. — Ведь лес наш далеко, а теперь зима; так холодно ехать нам в лес за дровами.

Но дурак им говорит:

— Я ленюсь.

— Как ленишься? — говорили ему невестки. — Ведь тебе же будет холодно; а ежели ты не поедешь, то когда приедут твои братья, а наши мужья, то мы не велим тебе давать ни кафтана красного, ни шапки красной, ни сапог красных.

Дурак, желая получить красный кафтан, шапку и сапоги, принужден был ехать в лес за дровами; и встал с печи, начал обуваться и одеваться, и как совсем оделся, то вышел на двор и вытащил из-под сарая сани, взял с собой топор и сел в сани и говорил своим невесткам:

— Отворите ворота!

Невестки, видя, что он едет в санях да без лошади, ибо дурак лошадь не запрягал, говорили ему:

— Что ты, Емеля, сел в сани, а лошади для чего не запряг?

Но он говорил, что лошади ему не надобно, а только чтоб отворили ворота. Невестки ему отворили; а дурак, сидя в санях, говорил:

— По щучьему велению, а по моему прошенью, ну-ка, сани, ступайте в лес!

После сих слов сани тотчас поехали со двора, что видя, живущие в той деревне мужики удивлялись, что Емеля ехал в санях и без лошади, и так шибко, что хотя бы пара была запряжена лошадей, то нельзя бы шибче ехать.

И как надобно было дураку ехать в лес через город, то и поехал он по оному городу; но как он не знал того, что надобно кричать для того, чтоб не передавить народ, то он ехал по городу, а не кричал, чтоб посторонились, и передавил народу множество. И хотя за ним гнались, однако догнать его не могли; и Емеля уехал из города, а приехав к лесу, остановил свои сани.

Дурак вылез из саней и говорит:

— По щучьему веленью, а по моему прошенью, ну-ка, топор, руби-ка дрова, а вы, поленья, сами в сани кладитесь и вяжитесь!

Лишь только дурак сказал сии речи, то топор начал рубить дрова, а поленья сами клались в сани и веревкой вязались. После того как нарубил он дров, то велел еще топору рубить одну дубинку, и как топор вырубил, то он сел на воз и говорит:

— Ну-ка, по щучьему веленью, а по моему прошенью, поезжайте, сани, домой!

Сани тотчас и поехали весьма шибко, и как подъехал он к тому городу, в котором он уже передавил много народу, то и дожидались его люди, чтоб поймать. И как въехал он в город, то они его поймали и стали тащить его с воза долой; притом начали бить. Дурак, видя, что его тащат и бьют, потихоньку сказал сии слова:

— По щучьему веленью, а по моему прошенью, ну-ка, дубинка, отломайка им руки и ноги.

В тот час выскочила дубинка и начала всех бить, и как народ бросился бежать, дурак поехал из города в свою деревню, и дубинка когда всех перебила, то покатилась вслед за ним же. И как приехал Емеля домой, то и влез на печь; и после того, как он уехал из города, то и стали об нем везде говорить, не столько о том, что он передавил множество народу, сколько удивлялись тому, что он ехал в санях и без лошади. И мало-помалу сии речи дошли до дворца, а потом и до самого короля; и как король услышал, то чрезвычайно захотел его видеть и для того послал одного офицера и дал ему несколько солдат, чтоб его сыскать. Посланный от короля офицер поехал немедленно из города и напал на ту дорогу, по которой ездил дурак в лес. И как приехал офицер в ту деревню, где жил Емеля, то призвал к себе старосту и сказал ему:

— Я прислан от короля за вашим дураком, чтоб взять его и привезти к королю.

Староста тотчас показал ему тот двор, где жил Емеля, и офицер, взошедши в избу, спрашивал, где дурак, а он, лежа на печи, отвечал:

— На что тебе?

— Как на что? Одевайся скорее, я повезу тебя к королю.

Но Емеля говорил:

— А что мне там делать?

Так он и не поехал во дворец.

Выбрал король одного умного человека, которого и послал с тем, чтоб как возможно привезти дурака, хотя обманом. Посланный от короля поехал, и как приехал в ту деревню, где жил Емеля, то призвал к себе старосту и говорит ему:

— Я прислан от короля за вашим дураком, чтоб его взять; а ты призови мне тех, с кем он живет.

Староста тотчас побежал и привел его невесток, и посланный от короля спрашивает их, что дурак любит; а невестки ему отвечали:

— Милостивый государь! Наш дурак любит, что, ежели станешь его просить неотступно о чем, и он откажется раз-другой, а в третий уже не откажет и сделает; а не любит он того, когда с ним грубо поступают.

Посланный от короля отпустил их и не велел сказывать Емеле, что он призывал их к себе; после того, накупив изюму, чернослива и винных ягод, пошел к дураку, и как пришел в избу, то подошел к печи и говорит:

— Что ты, Емеля, лежишь на печке?

И дал ему изюму, чернослива и винных ягод и говорил:

— Поедем, Емеля, со мной, я тебя отвезу королю.

Но дурак говорил:

— Мне и тут тепло.

Ибо он ничего, кроме тепла, не любил.

А посланный начал его просить:

— Пожалуйста, Емеля, поедем, там тебе будет хорошо.

— Да, — говорит дурак, — я ленюсь.

Но посланный стал его еще просить:

— Пожалуйста, поедем; там тебе король велит сшить красный кафтан, красную шапку и красные сапоги.

Дурак, услышав, что красный кафтан велят ему сшить, ежели поедет, говорит:

— Поезжай же ты вперед, а я за тобой буду.

Посланный не стал ему более докучать, отошел от него и спрашивал тихонько у его невесток:

— Не обманывает ли меня дурак?

Но они уверяли, что он уже не обманет.

Посланный поехал назад, а дурак после него полежал еще на печи и говорит:

— Ах, как мне не хочется к королю ехать, но так уж и быть!

Потом говорит:

— Ну-ка, по щучьему веленью, а по моему прошенью, поезжай-ка, печь, прямо в город.

Тотчас изба затрещала, и печь пошла вон из избы, и как сошла со двора, то и поехала печь столь шибко, что догнать нельзя. И он догнал еще на дороге того посланного, который за ним ездил, а с ним приехал и во дворец. И как король увидел, что приехал дурак, то вышел со всеми своими министрами его смотреть, и, видя, что Емеля приехал на печи, весьма король удивлялся, но дурак лежал и ничего не говорил. Потом спрашивал его король, для чего он столько передавил народу, как ездил за дровами в лес? Но Емеля говорил:

— Я чем виноват, для чего они не посторонились?

И в это время подошла к окошку королевская дочь и посмотрела на дурака; а Емеля нечаянно взглянул на то окошко, в которое она смотрела, и, видя ее весьма прекрасной, дурак тихонько говорил:

— Кабы по щучьему веленью, а по моему прошенью, влюбилась эдакая красавица в меня!

И лишь только сии слова выговорил, то королевна, смотря на него, и влюбилась, а дурак после того сказал:

— Ну-ка, по щучьему веленью, а по моему прошенью, ступай-ка печь домой!

В тот час печь и поехала из дворца; и, выехав за город, поехала домой, а приехавши, печь опять стала на прежнее место. И Емеля жил после того несколько времени благополучно; но в городе у короля происходило другое. Ибо по

дураковым словам королевская дочь влюбилась и стала просить своего отца, чтоб выдал ее за дурака в замужество. Король за то весьма рассердился на нее и на дурака и не знал, как его взять; в то время доложили королю министры, чтоб послать того офицера, который и прежде ездил за Емелей и не умел его взять, то за вину, что он его не взял, король по их совету приказал представить того офицера, и как офицер пред ним предстал, тогда король говорил ему:

— Слушай, друг мой, я тебя прежде послал за дураком, но ты его не привез; за вину твою посылаю я тебя в другой раз, и чтоб ты привез его непременно. Ежели привезешь, то будешь награжден, а если не привезешь, то будешь наказан.

Офицер, выслушав короля, поехал немедленно за дураком, и как приехал в ту деревню, то призвал опять старосту и говорил ему:

— Вот деньги, искупи все то, что надобно завтра к обеду, и позови Емелю; и как будет он у тебя обедать, то пои его до тех пор, когда ляжет здесь спать.

Староста, зная, что он приехал от короля, принужден был его послушаться и, искупив все то, позвал и дурака. И как Емеля сказал, что будет, то и дожидался его офицер с великой радостью; а на другой день пришел дурак, то и начал его староста поить, и напоил его так, что Емеля лег спать; офицер, видя, что он спит, в тот час связал и приказал подать кибитку; и как подали, то положили дурака.

Потом сел офицер в кибитку и повез его в город. И как подъехал он к городу, то повел его прямо во дворец. Министры доложили королю о приезде того офицера, и как скоро король услышал, то немедленно приказал принести большую бочку и чтоб набиты были железные обручи, что тотчас же и было сделано, и принесена была оная бочка к королю; и король, видя, что все готово, приказал посадить в ту бочку свою дочь и дурака и велел их засмолить. И как их посадили в бочку и засмолили, то король при себе же велел пустить ту бочку в море; и по приказанию немедленно ее пустили. Король возвратился в своей город, а бочка, пущенная по морю, плыла несколько часов, и дурак во все время спал, а как проснулся, и видя, что темно, то спрашивал сам у себя: «Где я?» Ибо он думал, что он один, но принцесса ему говорила:

— Ты, Емеля, в бочке, да и я с тобой посажена.

— А ты кто? — спросил дурак.

— Я королевская дочь, — отвечала она и рассказала ему, за что она посажена с ним вместе в бочку.

Потом просила его, чтоб он освободил себя и ее из бочки. Но дурак говорил:

— Мне и тут тепло.

— Сделай милость, — говорила принцесса, — сжалься на мои слезы и избавь меня из сей бочки.

— Как не так! — говорил Емеля. — Я ленюсь.

Принцесса опять его начала просить:

— Сделай милость, Емеля, избавь меня от сей бочки и не дай мне умереть.

Дурак, будучи тронут ее просьбой и слезами, сказал ей:

— Хорошо, я для тебя это сделаю.

Емеля на прекрасном острове
(рис. Л. Альбрехта)

После того потихоньку говорил:

— По щучьему веленью, а по моему прошенью, выкинь-ка ты, море, эту бочку, в которой мы сидим, на сухое место, только чтоб поближе к нашему государству, а ты, бочка, как на сухом месте будешь, то сама и расшибись!

Лишь только успел дурак выговорить сии слова, как море начало волноваться и в тот час выкинуло бочку на сухое место, а бочка сама и рассыпалась. Емеля встал и пошел с принцессой по тому месту, куда их выкинуло, и увидел дурак, что они были на весьма прекрасном острове, на котором было премножество разных дерев со всякими плодами, и принцесса, все то видя, весьма радовалась, что они на таком прекрасном острове, а после того говорила:

— Что ж, Емеля, где мы будем жить, ибо нет здесь ни шалаша, ничего?

Но дурак говорил:

— Вот ты уж и много требуешь.

— Сделай милость, Емеля, вели поставить какой-нибудь домик, — говорила принцесса, — чтоб можно нам было во время дождя укрыться.

Ибо принцесса знала, что он все может сделать, ежели только захочет.

Но дурак сказал:

— Я ленюсь.

Она опять начала его просить, и Емеля, будучи тронут ее просьбой, принужден был для нее сделать и, отошедши от нее, говорил:

— По щучьему веленью, а по моему прошенью, будь среди сего острова такой дворец, чтоб вдвое был лучше королевского и чтоб от моего дворца был хрустальный мост, а во дворце чтоб были разного звания люди.

И лишь успел выговорить сии слова, то в ту же минуту и появились преогромный дворец и хрустальный мост. Дурак взошел с принцессой во дворец и увидел, что в покоях было весьма богатое убранство и было премножество людей, как лакеев, так и всяких разночинцев, которые ожидали от дурака повеления. Дурак, видя, что все были как люди, а он был один только нехорош и глуп, захотел, чтоб сделаться получше, и для того говорил:

— По щучьему веленью, а по моему прошенью, кабы я сделался такой молодец, чтоб мне не было подобного и чтоб был я чрезмерно умен!

И лишь успел выговорить, то в ту же минуту сделался так прекрасен, а притом умен, что все удивлялись. После того послал Емеля из своих слуг к королю, чтоб звать его к себе и со всеми министрами. Посланный от Емели поехал к королю по тому хрустальному мосту, который сделал дурак. И как приехал во дворец, то министры представили его пред короля, и посланный от Емели говорил:

— Милостивый государь! Я прислан от моего господина с покорностью просить вас к себе кушать.

Король спрашивал:

— Кто таков твой господин?

Но посланный отвечал:

— Я не могу вам сказать, милостивый государь (ибо дурак ему не велел сказывать про себя, кто он таков), о моем господине ничего: а когда вы сами будете кушать, в то время он вам и скажет о себе.

Король, любопытствуя знать, кто прислал ему звать кушать, сказал посланному, что он будет непременно, и посланный возвратился назад. А когда пришел тот час, то король поехал со всеми министрами к дураку по тому мосту, и как приехал король во дворец, то вышел Емеля навстречу королю и принимал его за белые руки, целовал в сахарные уста, вводил его в свой белокаменный дворец, сажал его за столы дубовые, за скатерти браные, за яства сахарные, за питья медовые, и за столом король и министры пили, ели и веселились. А как встали из-за стола и сели по местам, то дурак говорил королю:

— Милостивый государь! Узнаете ли вы меня, кто я таков?

И как Емеля был в то время в пребогатом платье, а притом и лицом был весьма прекрасен, то и нельзя было его узнать, почему король и говорил, что он не знает. Но дурак говорил:

— Помните ли, милостивый государь, как дурак к вам приезжал на печи во дворец, и вы его, засмоля в бочку и с дочерью, пустили в море? Итак, узнайте теперь меня, что я тот самый Емеля.

Король, видя его пред собой, весьма испугался и не знал, что делать. А дурак в то время пошел за его дочерью и привел ее пред короля. Король, увидя свою дочь, весьма обрадовался и говорит дураку:

— Я пред тобой весьма виноват и за то отдаю тебе свою дочь в замужество.

Дурак, слыша сие, с покорностью благодарил короля, и как у Емели все было готово к свадьбе, то в тот же день и праздновали ее с великим великолепием; а на другой день дурак сделал великолепный пир для всех министров, а для простого народу выставлены были чаны с разными напитками. И как веселье-то отошло, то король отдавал ему свое королевство, но он не захотел. После того король поехал в свое королевство, а дурак остался в своем дворце и жил благополучно.

Ивашка-медвежье ушко

В некотором царстве, в некотором государстве жил крестьянин. У него родился сын, у которого было медвежье ухо, почему и назван он был Ивашкой-медвежьим ушком.

Но как Ивашка-медвежье ушко начал приходить в совершенный возраст, то стал ходить на улицу рогатицу с ребятами играть; и кого ухватит за руку, то оторвет руку прочь, кого за голову, то оторвет голову.

Крестьяне, не стерпя таковых обид, начали говорить Ивашкину отцу, чтобы он унимал своего сына или не пускал со двора на улицу играть с ребятами.

Отец долгое время бился с Ивашкой, но, видя, что сын его не унимается, решился его сослать со двора и сказал ему:

— Поди от меня, куда хочешь, а я тебя держать в доме своем не стану; я опасаюсь, чтобы мне не нажить от тебя какой себе беды.

Итак, Ивашка-медвежье ушко, простясь со своим отцом и матерью, пошел путем-дорогою. Шел он долгое время, потом подошел к лесу и увидел человека, копающего дубовые пенья. Он подошел к нему и спросил:

— Добрый человек, как тебя зовут?

— Дубыней, — отвечал сей, и они с ним побратались и пошли далее.

Подходя же к каменной горе, увидели человека, копающего каменную гору, которому сказали:

— Бог на помощь тебе, добрый молодец! Как тебя зовут? — спросили они.

— Имя мое Горыня, — отвечал сей.

Они также назвали его своим братом и предложили ему, чтобы он, оставя рыть гору, согласился идти с ними вместе; он согласился на их предложение, пошли все трое вместе путем-дорогой и шли несколько времени.

Идя по берегу реки, увидели человека, сидящего и имеющего превеликие усы, которыми он ловил рыбу для своей пищи. Они все трое сказали ему:

— Бог на помочь тебе, брат, ловить рыбу!

— Спасибо, братцы, — отвечал он.

— Как тебя зовут? — спросили они.

— Усыня, — отвечал он.

И сего назвали своим братом и взяли Усыню с собой. И таким образом они все четверо шли долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли — скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается; напоследок подошли к лесу, увидали избушку на куриных ножках, которая туда и сюда повертывается.

Они подошли к ней, сказали:

— Избушка! Стань к лесу задом, а к нам передом.

Избушка им повиновались, и, взошедши в оную, они стали советоваться, как им жить да быть; потом пошли все в лес, набили дичи и настряпали для себя кушанья.

На другой день оставили Дубыню для стряпни, а сами пошли в лес для промысла.

Дубыня, приготовив кушанья, сел под окошко и дожидался своих братьев. В то самое время приехала баба-яга на железной ступе, пестом[1] погоняет, а языком след заметает и, взошедши в избушку, говорила:

— Доселе русского духу слыхом не слыхивала и видом не видывала, ныне и слышу и вижу.

Оборотясь же к Дубыне, спросила:

— Зачем ты сюда, Дубыня, пришел?

Потом зачала его бить и била до полусмерти; потом приготовленную пищу всю поела, а сама уехала.

Как пришли товарищи Дубыни с охоты своей, то требовали от него кушанья, и он им, не объявляя, что его прибила яга-баба, сказал, что занемог, а потому и ничего не состряпал.

Таким же образом поступила баба-яга с Горыней и Усыней. Напоследок досталось сидеть дома Ивашке-медвежьему ушку; он остался, а товарищи пошли на добычу.

Ивашка всего наварил и нажарил; нашедши у бабы-яги кринку меду, сделал у печи столб, сверху воткнул клин, а мед пустил по столбу, а сам сел на печи и спрятался за оный столб, приготовляя три прута железные.

Несколько спустя приехала баба-яга и закричала:

— Доселе русского духа слыхом не слыхивала и видом не видывала, а ныне и слышу и вижу; зачем ты, Ивашка-медвежье ушко, сюда пришел да еще надругался над моим добром?

И начала по столбу лизать языком мед, а как стала доставать языком по трещине, то Иванушка вынул из столба клин и, прищемя ей язык, вскочил с печи

[1] *Пест* — короткий тяжелый стержень для толчения чего-либо в ступе (*примеч. ред.*).

Ивашка-медвежье ушко
(рис. Л. Альбрехта)

и до тех пор сек ее теми железными прутьями, пока начала она просить, чтобы он ее отпустил, и обещалась с ними жить мирно и к нему более не ездить.

Ивашка согласился исполнить ее просьбу, освободил язык, и, положив ягу-бабу под угол, сам сел под окошко, дожидаясь своих товарищей, которые вскоре пришли и думали, что и с ним так же поступила баба-яга. Но, увидев, что у него кушанье все приготовлено, весьма сему удивились.

После обеда он рассказал им, как он поступил с ягой-бабой, и смеялся им, как они сладить не могли с нею.

Напоследок, желая показать избитую ягу-бабу, повел их под угол, но уже ее не было; посему они, вознамерившись за ней идти следом, пришли к камню, который, подняв, усмотрели глубокую яму и вздумали туда спуститься.

Но как никто их его товарищей не осмелился сего учинить, то согласился Ивашка-медвежье ушко; зачали вить веревки, сделали люльку и опустили его в яму.

Между тем Ивашка приказал им дожидаться себя целую неделю; и если в сие время не получат от него никакого известия, то бы более не ждали.

— Когда же я буду жив и потрясу за веревку, — говорил он, — то вы тащите люльку, если будет легко, а когда тяжело, то отрубите, дабы вместо меня не вытащить яги-бабы.

Простясь с ними, он опустился в ту глубокую подземную пропасть.

Он ходил там долгое время, наконец пришел к одной избушке, в которую взошедши, увидел трех прекрасных девиц, сидящих за пяльцами и вышивающих золотом, а оные были дочери яги-бабы; и как они увидали Ивашку-медвежье ушко, то спросили:

— Добрый молодец, зачем ты сюда зашел? Здесь живет наша мать яга-баба, и как скоро она сюда придет, то уже тебе не быть живому, она тебя умертвит. Но если ты нас освободишь из сего жилища, то мы тебе дадим наставление, как спасти свою жизнь.

Он обещался их вывести из сей пропасти; и они сказали ему, что как скоро мать приедет, то бросится на него и станет с ним драться, но она потом устанет и побежит в погреб, в котором у нее стоят два кувшина с водой; в синем кувшине сильная вода, а в белом — бессильная.

Лишь только дочери яги-бабы окончили свой разговор, то услышали, что мать их едет на железной ступе, пестом погоняет, а языком след заметает, и сказали о сем Ивашке.

Приехав же, баба-яга закричала:

— Доселе русского духа слыхом не слыхала и видом не видала, а ныне и слышу и вижу; зачем, ты, Ивашка-медвежье ушко, пришел сюда? Ты здесь уже вздумал меня беспокоить?

Бросилась она вдруг на него и начала драться; долгое время дрались оба и напоследок упали на землю.

Баба-яга, полежав несколько, вскочила и побежала в погреб, куда за ней следом бросился Ивашка; и она, не рассмотрев, ухватила белый кувшин, а Ивашка — синий, и стали пить; после сего вышли из погреба и начали опять драться. Ивашка ее одолел и, схватив за волосы, бил бабу-ягу ее же пестом.

Она стала просить Ивашку, чтобы он помиловал ее, обещая с ним жить мирно, и что сей же час выйдет из сего места. Ивашка-медвежье ушко на сие согласился и перестал бить ягу-бабу.

Как скоро она уехала, он пошел к ее дочерям, поблагодарил их за наставление и сказал им, чтобы они приготовились к выходу из сего места.

Как только они собрались, он, подошедши к веревке, потряс за оную; тотчас его товарищи опустили люльку; он посадил большую сестру и с ней приказал, чтобы их всех вытаскивали.

Товарищи Ивашкины, вытащив девицу, удивлялись; но, известясь от нее обо всем, и прочих сестер ее перетаскали.

Напоследок опустили люльку за Ивашкой, и как он в то время наклал в люльку много платья и денег, к тому же сел и сам, то товарищи его, почувствовав тяжесть, думали, что села яга-баба, отрубили веревку и там Ивашку

оставили. Между тем согласились на тех девицах жениться, что исполнить не замедлили.

Между тем Ивашка-медвежье ушко долго ходил по сей пропасти и искал выхода; наконец, к счастью, нашел в темном месте железную дверь, которую отломав, шел долгое время в оной темноте; потом вдали увидел свет и, шедши прямо на оный, вышел из пропасти. По сем вознамерился искать своих товарищей, которых вскоре нашел, и они уже все трое поженились. Увидев их, стал говорить, для чего они его оставили в пропасти!

Но товарищи, испугавшись, говорили Ивашке, что Усыня отрубил веревку, которого Ивашка убил, а жену его взял за себя, и стали все вместе жить-быть да добра наживать.

Рассказ про нечистого

Ехали мы однова, родимый, давненько уж это было, в лес за орехами, а в ту пору орехов уродилось ни в пробор, тьма-тьмущая, ну поехали, приехали в лес, остановились на полянке, распрягли лошадь, а с нами был парнишка, ну мы его, знашь, оставили на телеге, куды ща ему, маненькой был, ну его-то оставили, а сами-то пошли в лес, ну берем эдакту, все ничего, а потом, как вдруг крикнет парнишка-то, и зазивал выстошный голос, мы куды, значит, орехи пошли бросили все, бежим что есть мочи, прибигли, спрашивам, что ты, что ты, а он почти что без памяти, испужался уж больно, я спрашиваю его, что с тобой, Васенька, а он насилу словечушко-то вымолвит, только указывает в лес. А с нами был мужик, он и пошел туды посмотреть поближи, а он (леший), баит, идет по лесу-то наравне с деревьями, косматый весь мужик, знашь, начал постукивать да покрикивать, а он, баит, как заржет: го... го... го... — да ударился в глуши. А тут, знашь, и Васенька-то обошелся да и баит:

— Сижу я, мамка, на телеге-то, орехи погрызываю, а он, — баит, — вышел из лесу-то да прямо на меня, все ближе, косматый, страшный, был все большущий, доколь по лесу-то шел, а как вышел из лесу на поляну — и стал маненьким, с травкой наравне, да все, — баит, — мамка, посмеиватца, а зубы-то у него большущи, и кохти на палцах, ну я, — баит, — и испужался, а вить ежли бы не зазивал Васька, так вить защекотил бы, проклятый.

Рассказ про лешего

Лешие могут принимать разные виды: человека, зверя, собаки и т. п. Из рассказов самих же крестьян оказывается, что многие видали леших. Однажды весной в воскресный день собралась кучка мужиков; седой старичок рассказал.

1) «Это было очень давно, вот мне 86 годов, а я не помню, в деревне Пилюшине жил охотник по имени Григорий. Про него говорили, что он знается с лешими, потому и охотится лучше прочих охотников. Осенью Григорий по целым дням жил в лесу. Вот однажды убил он белку, и собака, которая с ними ходила (у него были хорошие собаки), схватила белку и побежала в чащу. Григорий стал звать собаку, но та не ворочалась, и он в сердцах крикнул: „Понеси тя леший“. Только что он это сказал, как собака его совсем скрылась. На другой день кликал, кликал собаку, напрасно — пошел домой. Дома сходил к колдуну поворожить, а колдун и говорит ему:

— Ступай в лес, там его (лешего) увидишь недалеко от своей избушки, в которой ты стануешь.

Пришел Григорий в лес, закусил и пошел на обычную охоту. Вдруг видит: навстречу идет человек, а за ним бежит несколько собак, в том числе и Григорьева. Григорий догадался, что это леший; стал он звать свою собаку:

— Лыско, Лыско.

Собака только обернулась, посмотрела на Григория и побежала за лешим. Григорий пошел вслед лешему, долго он шел за ним, наконец леший скрылся, а Григорий, утомившись, присел отдохнуть и невдалеке увидел избушку, сильно удивился и промолвил:

— Годов 20 здесь хожу, знаю здесь почти каждую деревину, а этой избушки никогда не видал, зайду посмотрю.

Подходит, отворяет избушку, а там сидит молодая девица, которая сильно обрадовалась и говорит Григорию:

— Как ты сюда попал, добрый человек?

Григорий ответил:

— Леший унес мою собаку, сейчас видел его и собаку свою, просил — не отдает.

Девица сказала ему:

— Здесь ведь леший живет.

Григорий испугался маленько, а девушка добавила:

— Хоть ты проси, не проси собаки, все равно не отдаст, будет он давать тебе денег, тоже не бери, а попроси лучше меня.

Разговаривая таким образом, услышали шум. Пришел сам леший и грозным голосом спросил Григория:

— Ты зачем пришел?

Григорий хоть и струсил сильно, но отвечал:

— Отдай мою собаку.

— Не отдам, ты мне ее отдал, и не получишь, а вот тебе за нее деньги.

Григорий отказался от денег, а попросил девицу. Леший отпустил девицу, так как ей кончился срок заклятия. Григорий воротился домой без собаки. Девица, которую он привел, оказалась дочерью московского купца. Григорий по просьбе девицы сам лично доставил ее к родителям и получил за это много денег. С тех пор Григорий сделался богачом. Соседи прозвали его „лешегоном“, что он гонялся за лешим. Вот эти-то теперешние лешегоны — дальние родственники Григория и до сих пор живут хорошо», — закончил старик...

Я спросил:

— Ужели это правда?

— А то как неправда, — ответили мне голоса.

— Да полноте, старики, пустое толковать. Ведь нет никакого лешего.

— Вот выдумал новости, — воскликнули все, — разве ты не слыхал, как Враниковский Ерема своими глазами высмотрел лешего, тоже в виде человека, да и ты, может быть, встречал его, да не к чему, он ведь хитрее тебя.

— Да вот хоть бы Ерема (он мне сват, не станет врать) рассказал, — начал тут другой крестьянин.

2) «Это было дело лонись (в прошлом году), он пахал поляну на своей кобыле, у которой был жеребеночек. Этот жеребенок постоянно подходил к матке и сосал ее, а Ерема торопился допахать к вечеру. Он отгонял жеребенка, в сердцах ударил кнутом и закричал:

— Понеси тебя леший.

Жеребеночек отстал от матери, пошел на пожню, потом в лесок и скрылся, а Ерема и не заметил, только допахав поляну увидел, что нет жеребеночка, пошел искать его, но не мог найти и уехал домой. На другой день всей семьей ходили искать — не нашли. Ерема пошел в округу (деревня) к Ивану Ерасимову поворожить. Тот ему сказал:

— Поди на росстань (место, где пересекаются дороги), сруби березу, встань на пень и скажи: „Эй, эй, эй, покажись не мал, не велик, со средственного человека (т. е. со взрослого обыкновенного)“, не забудь прибавить этого, а то он тебе покажется страшилищем, и испугаешься, да еще сними с себя крест, а как выйдет, ты и скажи: „Отдай жеребенка“, — и через день найдешь его на том же месте.

Ерема, мой сватушка, не боится ни креста, ни песта, пришел на перекресток, срубил березу, встал на пень и зарыкал, что леший, а голосина у него здоровенный:

— Эй, эй, эй, выдь, покажись со средственного человека.

Вдруг и в самом деле вышел человек и спросил:

— Чего те надо?

— Отдай жеребенка, — едва мог проговорить Ерема, хотя и не робок был, да все-таки испугался.

Человек скрылся, а Ерема пошел домой. На другой день, а это было уже дней через 6, он нашел на том же месте своего жеребенка».

3) Третий мой сосед, который слывет в деревне за вруна, рассказывал мне, как его водил леший.

«Осинес мне пришлось ночью идти из Новолоку (дер.) со сходу домой, а ночь хоть в глаза ткни. Иду уж на память, подхожу к своему полю да и думаю: „У этих завор (ворот) пошаливает и пугает“. Только что подумал, слышу, догоняет, обернулся — здоровается, по голосу слышу: наш Ванько. Я обрадовался и говорю:

— Где был, Ванько?

— Да ходил вот в Лешино (назв. дер.), было небольшое дело.

Вот и пошли мы. Идем уж порядочно времени, своей деревни не видно, а ведь и всего-то до нее 2 вер., я и говорю:

— Кой черт мы с тобой, Ванька, долго идем?

— А вот и гумна видна, — сказал тот.

Идем. Слышу, у меня ноги промокли, и думаю: кой черт, кажется, сапоги новые и дорога сухая, неужели не так идем? Смотрю, кочки, и чувствую, что идем болотом. Вижу, дело неладно, и давай читать воскресную молитву: „Да воскреснет Бог и разыдутся врази его“ (по-староверски). В нашем приходе много раскольников. Вдруг мой Ванька захлопал руками, захлопал и скрылся, а я остался в болоте и не знаю, куда идти. На мое счастье, зазвонили на колокольне, я по звону и догадался, что завел „он“ меня в жаравичное болото (жаравица — местное название клюквы), с 1 версту за деревню».

— Да ведь ты мастер врать, — сказал я ему.

— Вот мне с места не сойти, если вру.

— Да мне, старички, что-то плохо верится, пока сам не увижу лешего — не поверю.

Один мужик на это сказал:

— Вот что ты сделай: ты часто ходишь в сузомок (лес) на озера удить рыбу. Ночью ты выйди из избушки, повались поперек дороги (тропинки), лежи только до полночи, а с полночи леший проваливается сквозь землю; леший обязательно пойдет этой тропинкой и разбудит тебя, и тут ты его можешь увидеть.

Бывает, что лешие защекочивают до смерти заблудившихся. Похищенных женщин и детей леший учит на худые дела, например: во время пожара заставляет раздувать огонь, наставлять всех и каждого на худое — драки, ссоры, кражи. Леший со своими похищенными может ходить везде, только не может зайти в те деревни, где есть совсем черный петух, двуглазая собака (т. е. такая, у которой над глазами есть пятна вроде других глаз) и тришерстная кошка (три сорта шерсти полосами). Лешие напускают на стада волков и медведей. Пастухи в таком случае берут у знатоков отпуска и при этом обещают лешему корову или две, тогда при помощи лешего пасут целое лето. Обещанных же коров обязательно съест волк или медведь.

Лешего можно вызывать. Для этого выходят в лес, снимают крест, обчерчиваются кругом, вызывают лешего и спрашивают, что нужно... Обчерчиваться

нужно лучше, чтобы черта была видно кругом, а то леший может вытащить из черты и замучить. Когда придет леший и станешь с ним говорить, обязательно нужно запомнить первое слово, которое скажешь, и до тех пор, пока не вспомнишь его, он будет разговаривать с тобой до пения петухов. (Какие слова и приговоры нужно для вызова лешего, к сожалению, ни от кого не мог узнать.)

Записано П. Бурковым
в Пудожском уезде

Рассказ про водяного

Один крестьянин рассказывал про шутку водяного. Этот крестьянин и еще несколько других крестьян ловили однажды рыбу в реке. Когда наступила ночь, легли все спать в деревянный шалаш, рыболовные снаряды они оставили на улице. Вдруг слышат, что кто-то стучит в стену шалаша; один из крестьян спросил:

— Кто это и что тебе надо?

Тогда голос с улицы спрашивает:

— Что вам, мужички, связать или развязать?

Крестьяне догадались, что это водяной хочет подшутить над ними, и не знали, что сказать ему на это. Стали между собой советоваться и решили ответить водяному:

— Связать.

Когда рыболовы на утро встали, то увидели, что все рыболовные снаряды: сети, саки и проч. — привязаны крепкими узлами, так что распутать их не было никакой возможности. Посоветовавшись между собой, решили оставить сети нераспутанными до следующего утра. Когда наступила ночь, крестьяне опять забрались спать в шалаш. Только что улеглись, слышат: опять кто-то стучит в стенку шалаша и спрашивает:

— Что вам, мужички, связать или развязать?

Крестьяне обрадовались, что водяной сам предлагает им развязать, и все в один голос ответили:

— Развязать.

Рыболовы думали, что водяной распутает им сети. Когда на следующее утро они встали, то увидели, что все сети и бредни были распущены на тончайшие нитки. С тех пор ловить рыбу в этом месте крестьяне перестали, так как шалил там водяной.

В позапрошлом году моя мать с вочимом[1] уехали в казаки, и я долго не видалась, начала скучать. Раз вечером сижу этак и думаю: где-то теперь моя

[1] *Вочим* — отчим (*примеч. ред.*).

родимая матушка. Потосковала, поплакала и легла спать, смотрю, а ко мне тихо этак подходит моя мать и говорит:

— Я тебе, дочка, принесла в гостинец свежих яблочек, — и подает это мне их в запоне[1]. А я говорю:

— Поищи, мамуня, в голове.

Положила она. Хотела расспросить, как это она ко мне пришла, а ее уж нет. Утром проснулась, вспомнила, что матушка гостинец принесла, глянула в голову, а вместо яблок лошадиные говна, круглые, как яблоко. Тут я догадалась, что ко мне не мать приходила, а шут (черт).

А то: в другой раз иду я вечером селом, гляжу: идет навстречу мать. Я обрадовалась:

— Отколь это ты, мамуня?

— Я, — говорит, — от мужа ушла, он меня все в свою веру хочет перегнать (муж у матери молоканин).

Я и говорю:

— И креститься не велит?

Не успела выговорить «креститься», смотрю, а уж матери нет. Давай я молитву творить, не помню, как и домой дошла. В эту же ночь не помню, заснула ли я или нет, только вижу: подошла ко мне мать и говорит:

— Вот я, дочка, тебе манной кашки принесла, смотри, не сказывай никому.

Поутру проснулась, есть хочется, и вспомнила, что вечером мне мать манной каши принесла. Заглянула в пекушек (маленький горшочек) — манная каша. Взяла это я ложку, сотворила крестное знамение, зачерпнула... а в ложке уж не каша, а лошадиное мятое дерьмо. Тут меня робость взяла. Рассказала я добрым людям, а они посоветовали мне отслужить молебен Георгию Победоносцу. После того матушка уже не являлась.

Записано Н. Денисовым

Огненный дух

Рассказывают следующий случай.

Один крестьянин ушел по обыкновению весной на заработки; недели через три приходит к его жене письмо, что он умер. Баба сначала много плакала и горевала, потом перестала голосить и стала очень весела и разговорчива. Свекровь стала ее спрашивать, отчего это она так весела? Но она ей не сказала ничего. Между тем в это время все соседи стали замечать, что ночью над ее домом спускался огненный змей, рассыпался мелкими искрами над крышей и исчезал в трубе. Об этом происшествии одна из соседок рассказала свекрови овдовевшей молодки; стала свекровь опять приставать к молодке и спрашивать,

[1] *Запон* (*запона*) — передник, фартук (*примеч. ред.*).

с чего это она все делается веселее? Наконец та открылась ей, что она потому так весела, что ее муж не умер и ходит к ней по ночам, и даже приносит ей гостинцы. Свекровь разубеждала ее и рассказала о том, что соседи все видят, как над их домом прилетает и рассыпается огненный змей, то молодка очень испугалась и наконец поверила, что к ней ходит не ее муж, а огненный дух в наказание за то, что она слишком тосковала по мужу. Она обратилась к помощи знахарки, и та посоветовала сделать так: как только наступит ночь и время ему прийти, то она должна сесть на порог клети, где она спала, и чесать голову гребнем, а в фартук насыпать конопли и есть ее. Молодка так и сделала. Как только наступила ночь, то она села на порог клети и стала чесать голову и есть коноплю. Наступила полночь, вдруг она видит, что по двору к ней идет ее муж, злой, пасмурный, подходит к ней и спрашивает, что это она делает? Тогда молодка отвечает:

— Разве не видишь, что делаю, чешу голову и ем коноплю.

От этих ее слов он пришел в страшную ярость: схватил ее за косы и начал бить, потом вышел на двор, ударился о землю, отчего из него посыпались огненные искры, и исчез. На второй день молодку едва живую нашла свекровь в клети, но с тех пор муж ходить к ней перестал.

МОЙ ДОСУГ

ХУДОЖЕСТВЕННО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ СБОРНИК

Издаваемый Александром Евгеньевичем Бурцевым

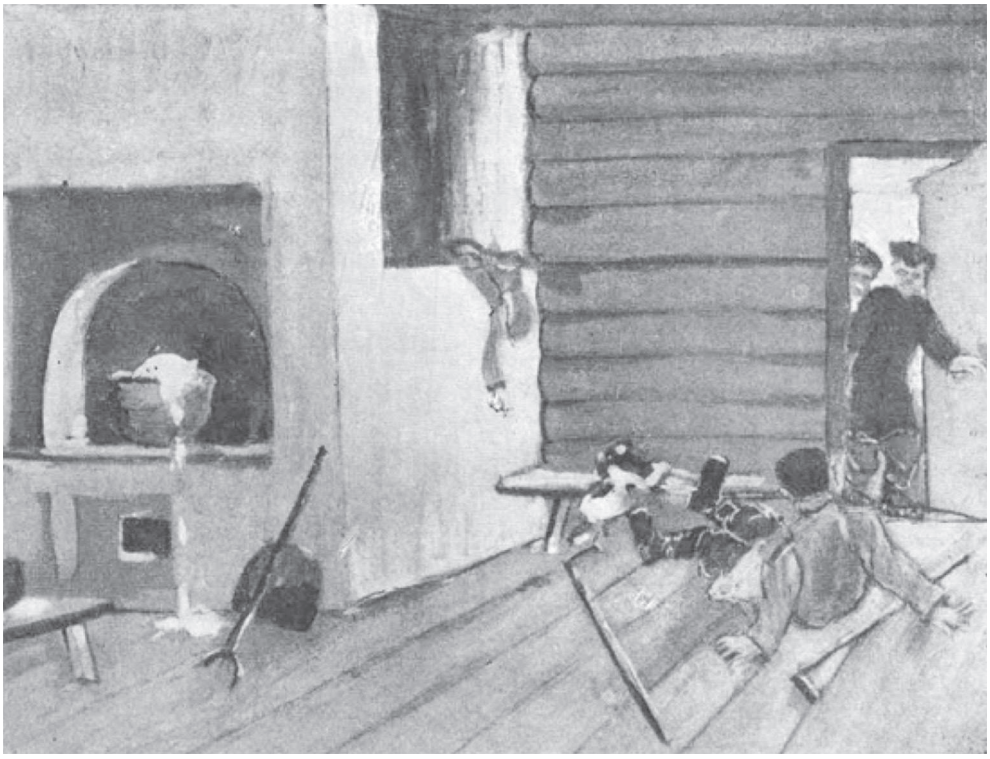
Выпуск 19

Выпуск 19

С.-Петербург 1910 г.

Хромо-Типография А. К. Вейерман, СПБ., Благовещенская пл. 3.

Обложка 19 выпуска 5 тома



Про солдата

Жил-был старик со старухой. К ним пришел солдат ночевать. Они его пустили. Старик и старуха встали очень рано и говорят ему:

— Что ты не боишься тут?

А он говорит им:

— Чего я буду бояться, я был в Париже и ближе, в Италии и далее.

Вот они пошли. А хлеба стали закисать, кверху дуться — пши, пши, оторвется кусок — шлеп обземь. А солдат кричит с печки: не боюсь, не боюсь. А сам кое-как обувается. Вот только слез с печи, наступил на кочергу — она его прямо в затылок двинула, он закричал. Потом наступил на светец[1] — он двинул его прямо в лоб. Вот он побежал в дверь, зацепился за крючок. Ударился оземь и закричал:

— Караул, караул, убили меня!

Собрался народ и говорит:

— Что ты кричишь?

Он говорит им:

— Я думал, тут разбойники меня так суют.

[1] *Светец* — приспособление для укрепления горящей лучины (*примеч. ред.*).

Страшный Змей Горыныч

В тридесятом царстве, на самом краю земли и неба, жил царь, у него был сын, которого он очень любил, потому что кроме него у царя детей не было. Все, что бы только ни пожелал царевич, было всегда исполняемо по его желанию. Царь любил забавлять сына, исполняя его желания; но при всей любви к нему царь был и строг; он очень не любил ослушников и казнил их смертью, при своей строгости за ослушание не щадил даже и любимого сына и наказывал его по всей строгости.

В одно время царевич, прогуливаясь в саду своего отца, подошел к башне, крепко сложенной из гранитного камня, с одним окном, заколоченным железными полосами в виде решетки. Подошедши к окну, царевич увидел через решетку седого старика, ростом не более как с аршин, с седой бородой, которой был он кругом обмотан, а еще конец волочился по земле. Он, увидавши царевича, протянул к нему руку и жалобно стал просить его, чтобы тот дал ему напиться. Царевичу жаль стало старика, и он побежал к колодцу, почерпнул из него ковш воды и подал его старику, а сам отошел от окошка. Старик выпил воду одним духом и закричал:

Царь любил забавлять сына
(рис. В. Малышева)

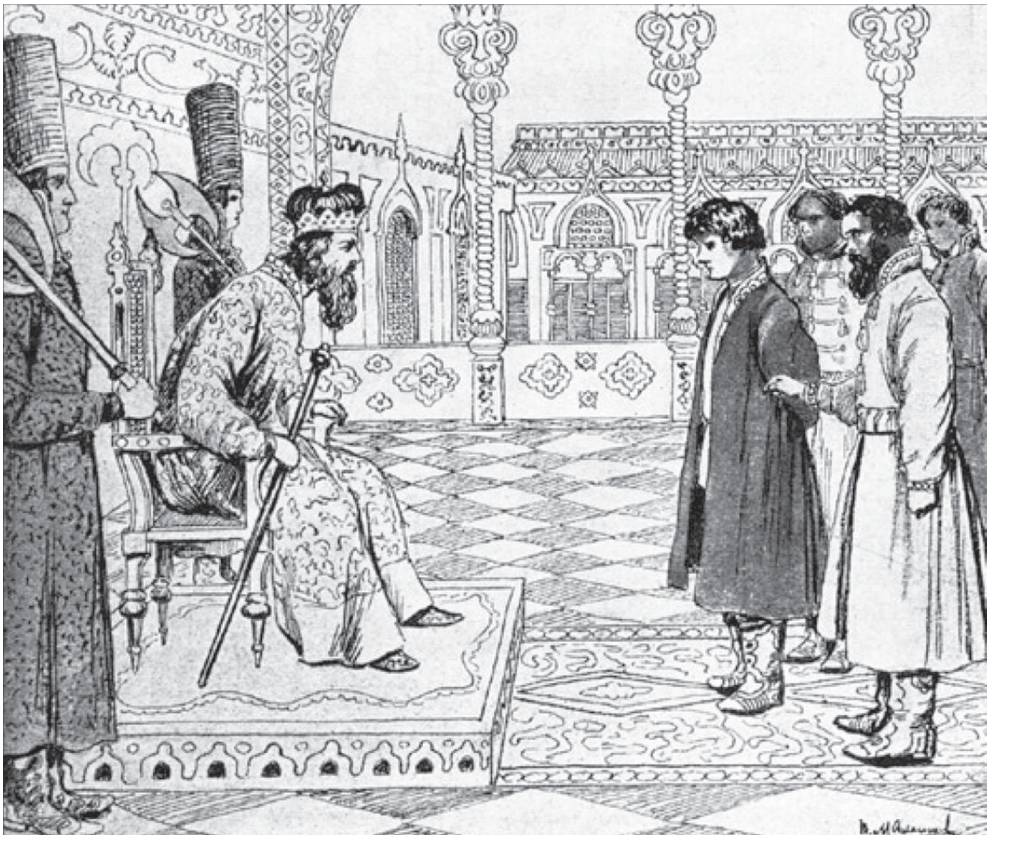
— Прощай, Иван-царевич, спасибо тебе, что дал ты мне напиться. Никогда я не забуду твоей добродетели и когда-нибудь заслужу тебе.

Сказав эти слова, он высоко поднялся на воздух и исчез за облаками. Иван-царевич долго стоял с поднятой вверх головой и с разинутым ртом от удивления; наконец, видя, что старик пропал из виду, он пошел домой, не зная о своем горе, которое уже ожидало его в доме.

Царь, увидев из окна своего, как вылетел старик из крепкой темницы, в которую он был им посажен, тотчас приказал узнать, кто смел растворить темницу и выпустить старика.

Между тем как слуги царские отыскивали ослушника воли царской, Иван-царевич вошел во дворец. Царь спросил его, не он ли отворил дверь красного дома, в котором заключен был старик. Иван-царевич отвечал своему отцу, что он не отворял дверей, а только дал старику воды, и тот улетел. Царь, выслушав признание, ужасно вознегодовал на царевича и сказал ему:

— За то, что ты освободил старика от заключения, тебя стоило казнить смертью, но за твое чистое признание я выгоняю тебя из моего царства — иди куда хочешь и не показывайся более мне на глаза.



«Иди куда хочешь и не показывайся более мне на глаза»
(рис. В. Малышева)

Иван-царевич, зная, что воля царская есть закон, не стал ничего говорить строгому отцу своему и покинул родную землю. Долго шел он дорогой, не зная сам куда, и наконец к вечеру одного дня пришел он в великолепную столицу кашемирского государя; не думавши нимало, пошел во дворец к царю и стал проситься к нему в службу, обещаясь служить ему верой и правдой. Царь принял его в свои конюхи. Иван-царевич стал жить у царя на конюшне, исправляя свою должность.

В одно время к царству, в котором жил Иван-царевич, подступило много войска царя кампийского, который требовал у кашемирского государя дочь его себе в замужество. Царь не отдавал и решился вести войну. В первый день сражения Иван-царевич, не будучи в войске, пошел в поле, долго гулял он и, устав, сел под дерево. Вдруг, откуда ни возьмись, старичок, в аршин ростом и с саженную бородой, подошел к царевичу и стал низко кланяться; но, видя, что Иван-царевич ничего не говорит с ним, он начал сам:

— Здравствуй, Иван-царевич, — сказал он. — Ты освободил меня из заключения, в котором, может быть, я находился бы и теперь; ты освободил меня, и за это я тебя не забуду; пойдем ко мне, я угощу тебя да и скажу тебе радостную весточку.

Иван-царевич поблагодарил старика и пошел вслед за ним к его дому. Кончился час их ходьбы, и они подошли к полуразвалившейся хижине. Старик отворил дверь, вошел в хижину и втащил туда за собой царевича. Вошедши в избу, маленький старик посадил царевича за стол и велел своей младшей дочери (их у него было три) подать четверть ведра вина. Когда вино было подано, старик взял его и велел выпить царевичу одним духом. Царевич отнекивался, говоря, что он никак не может столько выпить, но старик опять стал принуждать его, и царевич, схватив кувшин с вином, осушил его разом.

— Молодец же ты, Иван-царевич, — сказал старик, когда царевич выпил. — Ну, вот теперь, — продолжал старик, — перебрось через свою голову этот камень в пятьсот пудов.

— Не поднять мне такого тяжелого камня, — сказал Иван-царевич.

Но старик велел делать, что велят, и царевич, подошедши к камню, почувствовал в себе большую силу и, не думая нимало, схватил камень за его край и, как легкую палку, перебросил через свою голову. Старик, увидевши, что царевич перебросил камень через голову, потрепал его по плечу и велел своей средней дочери подать полуведерный кувшин вина. Дочь исполнила приказание отца и подала кувшин царевичу. Иван-царевич, не дожидаясь просьбы, выпил кувшин вина одним духом и вдруг почувствовал в себе ужасную силу. Ему еще хотелось перебросить этот камень через свою голову, и он подошел к нему, но старик удержал его руку и сказал ему:

— Нет, Иван-царевич, не берись ты за пятисотпудовый камень, а вот возьмись за этот, что тянет тысячу пудов, и ежели ты перебросишь его через свою голову, то ты будешь богатырь из богатырей.

Царевич тотчас подошел к тысячепудовому камню и, схватив его за край, перекинул, как легкое перо, через свою голову. Старик подошел к царевичу, похвалил его богатырство и велел старшей дочери подать царевичу ведерный кувшин. Вино через минуту было подано царевичу, и он осушил ведерный кувшин одним духом. Когда Иван-царевич поставил на землю пустой кувшин, то старик сказал ему:

— Иван-царевич, подними ты этот камень, он весит полторы тысячи пудов.

Царевич, выслушав слова старика и почувствовав в себе неимоверную силу, схватил ужасный камень одной рукой и перебросил его через свою голову, как перышко. Старик, увидев, что Иван-царевич перебросил и этот камень, сказал ему:

— Иван-царевич, будет теперь для тебя этой силы, ступай ты домой, и когда будет у тебя какая нужда, то приходи ко мне, и я тотчас тебе помогу.

Иван-царевич поблагодарил старика за его милость и, распростившись с ним, пошел домой скорыми шагами. Пришедши ко двору царскому, он

встретил своего конюшего старосту, который, увидев царевича, подошел к нему и начал бранить:

— Как ты смел, — кричал он царевичу, — отлучиться от дела? — И, не дав ему произнести оправдания, ударил его по щеке.

Не вытерпев обиды, Иван-царевич, сжавши кулак, ударил им по голове своего старосту; удар пришелся крепок, и голова отделилась от туловища и отлетела за версту. Конюхи, стоявшие неподалеку от царевича и видя, что он убил их старосту, схватили его и представили царю.

— Как ты мог сделать такое преступление? — спросил гневно царь у Ивана-царевича. — Я велю казнить тебя, — продолжал царь и сильно топнул ногой.

Иван-царевич, поклонившись, ответил царю:

— Я убил старосту, не думая этого сделать; он вперед ударил меня, и я отплатил ему тем же, хотя намеревался ударить тихонько.

Царь расспросил у очевидцев этого дела, точно ли Иван-царевич говорит то, что было. Очевидцы подтвердили слова царевича, и царь, будучи от природы добр и милостив, простил царевича, дав ему наставление и приказание слушаться начальников и старших. По прошествии нескольких дней после смерти старосты неприятель, подступивший под стены города кашемирского государя, был им разбит наголову и со стыдом возвратился в свою страну.

Лишь только окончилась эта война, как вдруг в один день к кашемирскому государю явился старик с медной головой, с железными руками и подал царю письмо, запечатанное тремя черными печатями. Царь разорвал конверт и, вынув из него письмо, начал читать. В письме было сказано, что водяной царь просит его дочь в замужество своему сыну, и если царь по истечении одного дня после получения письма не вышлет своей дочери на морской берег, то на берег явится трехглавый змей и пожрет весь его народ, а самого его с его дочерью увлечет в подводное царство.

Царь, прочитав письмо, сказал посланному, что он готов исполнить предложение его государя, и велел посланному старику отправляться к своему царю, а сам, собрав всех своих приближенных людей, стал их спрашивать, не могут ли они подумать чего-нибудь такого, чем бы можно было отделаться от наступающей бури. Долго думали советники царские и ничего не придумали лучше, как кликнуть клич, чтоб отыскался такой человек, который мог бы избавить царевну от несчастья. Клич был сделан, и отыскался один какой-то человек, который решился спасти царевну от змея, льстясь получить ее руку по обещанию царя. Явившись к царю, он попросил у него сто человек вооруженных воинов и, предводительствуя ими, пошел к морскому берегу, где в избушке сидела царевна, дожидаясь своего горького конца. Пришедши с воинами и не видя змея, долго храбрился мнимый спаситель царевны; но лишь только змей высунул из воды свою голову, как храбрец закричал своим воинам:

— В лес! — и сам первый бросился в его густоту.

Бой царевича с водяным богатырем
(рис. В. Малышева)

Между тем Иван-царевич, узнав о несчастье царевны, решился спасти ее и, пришедши к морю, вынул свой острый меч и бросился к змею. Долго продолжалось сражение, наконец царевич взмахом своего меча прикончил водяного богатыря и, не вошедши в избушку, где сидела царевна, отправился домой.

Мнимый спаситель царевны, увидев погибшего змея, вышел из лесу и, пришедши к царевне, сказал ей, чтобы она сказал отцу своему, что он спас ее от смерти, а не Иван-царевич. Боясь угроз злого хвастуна, по прибытии своем во дворец она сказала царю, что ее спас от смерти этот человек, а не Иван-царевич. Царь обласкал его, наделил своей казной и уже хотел приготовляться к свадебного пиру, но царевна сказала ему:

— Государь мой батюшка, отложи немного мою свадьбу, потому что я не совсем здорова от такого ужасного страха, какой навел на меня этот ужасный змей.

Царь не посмел противоречить своей дочери и готов был ждать целый год. Свадьба была отложена на месяц.

Только в один день к царю пришел во дворец старичок, голова у него была медная, руки железные и свинцовая борода. Он поклонился царю и подал ему

пакет, запечатанный шестью печатями. Царь принял пакет и, сорвав печати, вынул из него письмо, в котором было написано, чтобы он выслал царевну на морской берег, а ежели не вышлет, то выйдет из моря шестиглавый змей и пожрет весь народ кашемирского царства, с ним вместе и самого его.

Царь, прочитав письмо, не знал, на что ему решиться, и, не придумав ни одной важной мысли, велел посланному отправиться в обратный путь и сказать своему царю, что кашемирский государь на все согласен и вышлет ему царевну через три дня. Посланный удалился, а царь, собрав своих главных думных вельмож, объявил им о своем несчастье, прося их совета о помощи. Подумавши несколько времени, они сказали царю:

— Надо просить прежнего избавителя царевны, чтобы он вторично спас свою невесту.

Поблагодарив их за совет, царь приказал позвать в свой дворец нареченного своего зятя. Тот не замедлил явиться и, поклонившись царю, спросил его, зачем он нужен. Царь объявил ему о дерзком требовании и просил его избавить царевну от несчастья, обещая ему после ее избавления непременно праздновать свадьбу, а в приданое полцарства своего.

Мнимый спаситель царевны хотя и не был рад предложению царя, потому что он уже в этот раз не надеялся чужими руками загрести жар, но делать было нечего, и он согласился. Взявши с собой несколько воинов, в назначенный день он с ними отправился к морю. Пришедши туда, он вошел в старую избушку, где уже сидела царевна, и сказал ей, чтоб она, если явится прежний избавитель и таким же манером уйдет, не показавшись, то чтобы она, возвратясь во дворец свой, сказала царю, что спас ее от смерти он и его воины, а иначе он грозится бросить ее в море на съедение страшному змею. Царевна, испугавшись угроз такого обманщика, обещала ему умолчать перед царем об истине.

Получив обещание царевны, мнимый защитник ее вышел от нее и велел своим воинам приблизиться к лесу, чтобы в случае появления змея можно было дать тягу. Воины тотчас стали приближаться к лесу, и лишь только приблизились к нему, как вдруг ужасное море начало бушевать и пениться, а вслед за тем через минуту вылез из моря ужасный шестиглавый змей и, вышедши на берег, стал приближаться к жилищу царевны. Трусливый хвастун убежал в глубину леса, а за ним и воины, покинув царевну на произвол судьбы.

Змей был уже близко около ее жилища, готовый схватить самое царевну; но Иван-царевич не дремал: он знал, в какие часы царевна будет на морском берегу, и, опоясавшись мечом, пошел к жилищу в то время, когда змей подошел к избушке царевны и отворил уже дверь избушки. Иван-царевич налетел на него, и между тем змеем и царевичем завязалось страшное сражение. Много раз змей покушался налететь на царевича и проглотить его, но царевич каждый раз срубал ему по голове, и змей, заливаясь своей кровью, с каждой минутой ослабевал. Соскучась долгой дракой, царевич, улучив минуту, бросился на змея со всей яростью и разрубил его пополам. Покончивши битву, он схватил туловище змея и его головы. Распростясь с царевной, вышел он

из избы и, положив туловище змея под камень, в котором было более тысячи пудов, отправился домой.

Видя все это происшествие, мнимый защитник царевны, скликав свое войско и взявши царевну, повторил ей прежние слова и отправился к царю. Царь несказанно радовался спасению своей дочери и назначил через неделю свадьбу.

На третий день после победы Ивана-царевича явился во дворец к царю старичок с медной головой, железными руками и серебряной бородой. Он поклонился царю и подал ему пакет, запечатанный девятью печатями. Царь с трепетом сорвал печати и, вынув из пакета письмо, прочел в нем следующее:

«Царь кашемирского народа! Приказывают тебе: пришли завтрашний день на морской берег дочь свою, а если ты этого не сделаешь, то послан будет в тот день змей с девятью головами, и он пожрет весь твой народ и самого тебя. Прощай, будь здоров и долголетен». Внизу было подписано: «Водяного государства Боскал-Дау».

Прочитав письмо, царь сказал посланному, чтобы он воротился к своему государю и объявил ему, что он согласен на его предложение. Отпустив посланного, сам созвал своих приближенных и подал им письмо. Прочитав его, думные люди царские, подумавши немного, присоветовали царю послать на морской берег свою дочь и нареченного зятя, чтоб он мог защищать царевну от ужасного змея. Царь, выслушав предложение своих министров, объявил нареченному зятю свою волю.

Со стесненным сердцем и ужасным страхом отправился нареченный зять царя с солдатами на морской берег и, пришедши туда, по-прежнему скрылся с ротой воинов в чаще леса, откуда можно было видеть, что делается на море. Прошло несколько минут, как он спрятался в кусты со своими воинами, вдруг ужасно заклубилось море и, запенившись, бросилось с яростью на берег, готовое поглотить весь берег и самый город. Потом из моря выплыл девятиглавый змей и подполз к дверям избушки, в которой сидела царевна. Вдруг откуда ни взялся Иван-царевич, наскочил на страшное чудовище и ударом своего меча отрубил ему все головы. Обезглавленный труп змея залился своей кровью, а Иван-царевич взял его головы и самое туловище, отнес от избушки на несколько шагов и навалил на него тысячепудовый камень. Сделавши все это, он пошел обратно в свой путь; а хвастунишка, увидев это, взял царевну из избушки и отправился с ней к царю.

Царь не знал, что делать от радости, и на другой день готов был праздновать свадьбу своей дочери, но царевна подошла к своему отцу и сказала ему:

— Государь мой батюшка! Не этот человек спасал меня от смерти, а другой.

Тут царевна все рассказала своему отцу о Иване-царевиче и хвастуне. Царь не знал, что ему делать — верить ли словам дочери или нет; но царевна повторила ему, что спас ее от смерти Иван-царевич, и просила своего отца,

чтобы он позволил ему к ней явиться. Царь согласился на просьбу своей дочери и велел позвать Ивана-царевича.

Когда Иван-царевич явился к царю, то царь просил его рассказать ему, как спас он царевну от смерти. Иван-царевич в коротких словах рассказал царю, как он побил трех змеев.

Царь, выслушав все, обнял Ивана-царевича, посадил с собой рядом и просил рассказать ему, чей он сын и где живут его родители. Не стал скрывать своего звания Иван-царевич: рассказал царю, кто он и кто его родители.

— Хочешь ли ты быть моим зятем?

Иван-царевич не знал, что делать от радости, и открылся царю, что он давно уже пылал сильной любовью к царевне. После того дня прошло еще два, и царь затеял свадебный пир. Великолепные кареты были приготовлены для жениха и невесты, и тысячи народа пошли за ними в храм. После обряда начался пир. Весь народ веселился и кричал: ура! Все веселились, кроме мнимого победителя над змеями. Он один не веселился. Царь при всем народе ужасно срамил хвастуна и велел ему выехать в этот день из города и более в него не являться. Кончился пир и веселье. Царевич вместе с царевной отправились к своему отцу. Царь принял сына и дочь с распростертыми объятьями и велел задать великий пир. Отправив пир у своего отца, царевич простился с ним и отправился в обратный путь в царство своего тестя, где стал жить счастливо с царицей, а по смерти своего тестя наследовал его престол и мирно и мудро правил государством до дня своей смерти.

Лисица и дурак

В некотором государстве жил мужик, и у него было три сына: два-то были умные, а третий дурак. И как было тогда летнее время, то и было у старика несколько стогов сена, и как он был очень скуп, то боялся того, чтоб не покрали у него сена; вздумал послать сыновей стеречь оное, то и говорил большому сыну:

— Любезный мой сын, ты знаешь, что у нас теперь в поле много в стогах сена, но ежели кто-нибудь все это сено в поле украдет, то что тогда будет! И для того прошу тебя, чтоб ты пошел в поле и покараулил бы сено, чтоб его ночью никто не украл.

Сын его отговаривался, и хотя ему очень не хотелось идти, но принужден был слушать своего отца и пошел в поле. И как пришел к стогам, то во всю ночь караулил, чтоб кто не украл сена. Потом на другой день пошел домой, и как пришел, то сказал своему отцу, что все цело; и как день тот прошел, то на другую ночь посылал старик другого, среднего своего сына и говорит ему:

— Поди, сынок, в поле и покарауль сено; ведь ты знаешь, что там все наши пожиточки.

Сыну хотя весьма не хотелось, но принужден был идти и, дождавшись вечера, пошел к стогам и сидел всю ночь; но как у всякого мужика в то время свои были покосы, то никто и не думал, чтоб воровать его сено. Итак, поутру на другой день пришел сын его домой и пересказал отцу, что он в поле был и что сено все цело. Отец его похвалил. Потом, как пришла третья ночь, то старик стал посылать опять большого сына; но сын ему говорил:

— Что ж, батюшка, мы и работаем все, а дурак ничего не делает. Пускай хотя он будет караулить в поле сено.

Дурак говорил, сидя на печи:

— Да и ведомо; когда я ничего не делаю, так хотя пойду за братьев-то караулить в поле сено.

Старик закричал на него:

— Где тебе, дураку, караулить, иной и тебя украдет.

А дурак говорит:

— Нет, батюшка, я еще лучше умного укараулю.

Старик сколько ни спорил, однако принужден был послать дурака, потому что он сам просился. И дурак пошел в поле, а пришедши, сел подле стогов и смотрел, не приедет ли кто. И надобно думать, что неподалеку от тех стогов был лес, ибо увидел дурак, что из лесу бежала лисица и прямо к его стогам. Дурак, притаясь, молчал, и лисица, ухватив клочок сена, побежала обратно в лес. И как она ушла, то дурак сам себе говорил: «Я правду батюшке говорил, что я лучше еще умного укараулю; видишь ли, братья-то мои ничего не видали, а я уже и увидел; но я дома-то не скажу до тех пор, пока поймаю». Потом дурак просидел всю ночь и не видал после лисицы никого. А поутру пошел домой, и как пришел, то отец его спрашивал:

— Что, дурак, все ли сено цело и был ли кто?

Дурак говорил:

— Нет, батюшка, не было никого, и сено все цело.

Старик, не веря ему, пошел сам и осмотрел все стога и, видя, что сено цело, дурака похвалил. А как на четвертую ночь надобно было идти к сену опять большому брату, но как дураку хотелось поймать лисицу, то он и говорит отцу своему:

— Батюшка, пускай братья мои отдыхают, я пойду караулить сено, ибо я ничего не работаю.

После того пошел он в поле и сел у стогов, увидал опять лисицу, которая ухватила сенца клочок и побежала в лес; а после никого уже во всю ночь не видал. И поутру пошел домой и сказал отцу, что все цело.

Как день прошел, а ночь настала, то дурак сделал силки и пошел к стогам и поставил те силки в том месте, куда лисица прибегала; потом, как уже смерклось, то дурак увидел опять, что бежит лисица; а он притаился, и как она прибежала к стогам, то и попала в те силки, которые дурак поставил. И дурак увидел, что лисица попала в силки, то подошел он, вынул ее и привязал подле себя. Лисица стала проситься пустить ее. Дурак говорит:

Лисица и дурак
(рис. Л. Альбрехта)

— Нет, я тебя завтра отведу домой и отдам тебя батюшке; что он хочет, то с тобой и сделает.

Лисица говорила дураку:

— Что тебе будет прибыли, что ты отведешь к себе домой; ежели продадите меня, то немного денег возьмете.

Но дурак был неупросим; лисица, видя, что никак упросить его не может, говорила ему:

— Послушай, дурак, отпусти ты меня, я тебя за то сделаю королем и женю на барской дочери.

Дурак, слыша сие, говорил:

— Нет, лисица, ты меня обманешь.

Но лисица уверяла его, что она в своем обещании твердо будет стоять. Дурак, поверив ее словам, отпустил, а она говорила дураку, что на другой день к вечеру прибежит. Дурак после того просидел всю ночь, а поутру пошел домой, но он ничего не сказывал. И как день прошел, то дурак к вечеру пошел

опять к стогам, а пришедши, сел и дожидался лисицы, которая и прибежала к нему вскоре; поговорив с ним, сказала, что это верно, она свое обещание не переменит. Потом говорила ему, чтоб он не называл себя Иванушкой-дурачком, а называл бы Иванушкой-королевичем. После того побежала опять в лес, а дурак остался у стогов и, просидев всю ночь, поутру пошел домой. А лисица как у него была, то на другой день бежала по лесу без памяти, а навстречу ей попался медведь, который спрашивал:

— Куда ты, лисица, так бежишь?

Лисица говорила ему:

— Вот как я для вас стараюсь и ищу вас, потому что князь здешнего владения делает нынешний день великий пир и на оном пиру хочет вас, медведей, посмотреть.

Медведь побежал по лесу и тотчас собрал множество медведей и привел к лисице, а она повела их к тому князю. И как пришли в город, народ, увидев их, весьма испугался, а медведи шли за лисицей весьма смирно и наконец пришли ко дворцу. Лисица их остановила, а сама пошла в покой и, взошедши к князю, говорила:

— Милостивый государь! Красота вашей дочери принудила ехать Ивана-королевича из дальних государств, и он, приехав в ваш город, посылает вам зверей в подарок и просит, чтоб отдали дочь свою за него в замужество...

Князь говорил, что он с великой радостью отдаст свою дочь за Ивана-королевича; притом сказал, что он с великой нетерпеливостью желает его видеть. После того князь приказал медведей загнать в зверинец, а лисица побежала к дураку. И как прибежала к тем стогам, то спросила его:

— Тут ли ты, дурак?

Он отвечал ей, что тут. Тогда лисица говорила:

— Слушай, дурак. Дело твое идет на лад, только что-то будет мне от тебя?

Дурак говорил:

— Все, что потребуешь.

Потом лисица, поговорив с ним, побежала в лес, а на другой день опять бежала по лесу, и навстречу попался ей волк и спрашивал:

— Куда ты, лисица, бежишь?

На это лисица отвечала:

— Я вас, волков, ищу, но не могу найти; видите, как я об вас стараюсь. Князь здешнего владения делает нынешний день великий пир и при таковом веселии хочет вас, волков, видеть.

Волк, слыша это, побежал по лесу и в минуту привел к ней пребольшое стадо волков; а лисица повела их к тому князю, и как привела их в город, народ, увидев, весьма испугался, но волки шли за лисицей смирно и никого не трогали. Когда лисица привела их перед окошками дворца, то велела им тут дожидаться, а сама пошла в покои и, взошедши к князю, говорила:

— Милостивый государь! Иван-королевич прислал вам еще зверей в подарок.

Князь взглянул в окошко и увидел премножество волков, то, оборотясь, говорил лисице, что он чрезмерно доволен Иваном-королевичем, только сожалеет о том, что сам к нему не придет. Лисица отвечала:

— Милостивый государь, вы принимайте прежде от него подарки, а потом увидите и самого Ивана-королевича.

Князь приказал всех волков загнать в зверинец. После того лисица была у князя во дворце, а на вечер побежала к дураку; и как прибежала к стогам, то спрашивала:

— Тут ли ты, дурак?

На сие дурак ответствовал, что тут. Тогда лисица сказала ему:

— Дурак, князь отдает дочь за тебя с охотой.

Дурак стал ее благодарить за ее старание. Потом лисица побежала опять в лес, а дурак, просидев у стогов всю ночь, пошел домой. Лисица же на другой день бежала без памяти по лесу, и навстречу ей попалась такая же лисица, как и она, и спрашивала:

— Куда ты так, сестрица, шибко бежишь?

На сие отвечала дуракова сваха:

— Видите, как я для вас стараюсь: князь здешнего владения делает нынешний день великий пир, и при таком веселии желает нетерпеливо видеть вас, лисиц; а как я больше бываю в городе, нежели здесь, в лесу, то мне и препоручена сия комиссия, и для того поди и собирай всех лисиц, которые находятся в этом лесу.

Лесная лисица тотчас побежала по лесу и через минуту привела премножество лисиц перед дуракову сваху; а она повела их в город и, приведши их ко дворцу, велела им себя дожидаться, а сама пошла во дворец. И как вошла в те покои, где был князь, то говорила:

— Милостивый государь! Иван-королевич прислал вам еще подарок; извольте встать и посмотреть.

Как увидел князь премножество лисиц, то говорит:

— Любезная лисица, я уже слишком доволен Иваном-королевичем, только сожалею о том, что он сам не приедет во дворец.

Тогда лисица отвечала:

— Милостивый государь! Я скажу вам правду, для чего он не приедет к вам; ибо когда за него многие короли сватали своих дочерей, то он всем отказывал; но как происшедшая о красоте вашей дочери слава дошла наконец в то государство, где был Иван-королевич, то он вздумал удостовериться, точно ли ваша дочь такая красавица, как о ней говорят, и притом хотел сделать так, чтобы вы о нем не знали; и для того, взяв с собой одного только слугу и довольное число денег, поехал из своего государства и продолжал свой путь благополучно; а как уже был близ вашего владения, то в один весьма жаркий день вздумал отдохнуть и увидел неподалеку от той дороги, по которой они ехали, лес. Иван-королевич поехал к тому лесу и, приехав, слез со своего коня и лег под деревом от жары отдохнуть. Во время же его сна напали на них разбойники,

слугу его убили, потому что он не спал, а Ивана-королевича всего ограбили. И как он проснулся, то увидел, что слуга его убит; а он, будучи ограблен, не знал, что делать; потом решился идти в ваше государство, а, пришедши в ваш город, живет теперь в весьма бедном состоянии и в таком виде стыдился перед вами явиться.

Потом говорила лисица:

— Вот вам вся история Ивана-королевича, для чего он к вам не едет.

Князь, выслушав от лисицы все, весьма сожалел, что в его владении разбойники ограбили Ивана-королевича, а потому говорил:

— Ну, любезная лисица, покажи ты теперь нам, где живет он, а я пошлю с тобой мою придворную карету, также платья и людей, и ты непременно привези его с собой.

Лисица на все согласилась с охотой. И как карета и все было готово, то лисица побежала вперед, а придворная карета ехала за ней, и как неподалеку был город от той деревни, где жил дурак, то и приехали скоро к тем стогам, где он караулил сено. Лисица прибежала к нему, и карета остановилась. Потом говорила она дураку:

— Милостивый государь, Иван-королевич! Князь здешнего владения прислал к вам сию карету, которую вы видите, и просит вас к себе.

После того начали ему волосы чесать, а потом и одевать; а как совсем его одели, то лисица села с ним вместе в придворную карету и поехала в город. Лисица, сидя с ним в карете, научила его, как подойти к князю, княгине и к нареченной своей невесте и как ему говорить. Потом приехали во дворец, и князь вышел сам к нему навстречу. Дурак тотчас подошел к князю и говорил:

— Милостивый государь! Я стыжусь перед вами явиться в таком состоянии.

Но князь прервал его речь и говорил:

— Не напоминайте о своем несчастье; я уже от лисицы все слышал.

Потом повел его князь в покои, и стали разговаривать. После того князь велел позвать дочь свою, которая вскоре и вошла в те покои, где были князь с дураком. Но мы уж будем впредь называть его Иваном-королевичем. Иван-королевич встал со стула и поклонился весьма учтиво дочери князя, потом говорил князь своей дочери:

— Любезная дочь, я призвал тебя затем, чтоб объявить тебе счастье: Иван-королевич делает нам великую честь и хочет взять тебя в замужество; согласна ли ты?

А как он был собой недурен, то дочь его без всякого отвращения согласилась. Князь на другой же день праздновал их свадьбу с великим торжеством; а после того отвел им в своем дворце покои, где они и жили благополучно, провожая дни свои в великом веселии. И как уже прошло тому несколько месяцев, как Иван-королевич жил со своей супругой у князя, то в один день говорила ему лисица:

— А что ж ты, не думаешь ехать в свое государство?

Он отвечал ей:

— Любезная лисица, где мое государство? Ты знаешь сама, что у меня не только целого государства, но даже двора нет, и куда я поеду?

Но лисица говорила:

— Так как я тебе обещала сделать тебя королем, то я хочу свое обещание исполнить в завтрашний день. Скажи князю и княгине, что ты намерен ехать в свое государство, а притом проси и их, чтоб поехали с тобой и посмотрели твое государство.

Иван-королевич, на другой день войдя к князю и княгине в покой, говорил:

— Милостивый государь! Я у вас живу несколько уже месяцев в городе, а теперь имею намерение ехать в свое государство, то прошу вас, пожалуйста, поехать со мной вместе и посмотреть мое государство.

Князь и княгиня с охотой на сие согласились и велели приготовлять все нужное к сему путешествию. Потом, как все приготовили, и сказали князю, княгине и Ивану-королевичу. При отъезде своем князь сделал у себя великий пир, на котором множество было министров, и он, выбрав из них одного, препоручил ему правление своего владения; а после того отправились благополучно.

Лисица же побежала вперед и велела всем за собой ехать. И так ехали они, долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли, скоро сказка сказывается, а не скоро дело делается. Потом, как лисица бежала впереди, то и увидала, что пасут пастухи стадо рогатого скота. Увидев сие, лисица побежала к ним и спрашивала:

— Какого вы государства?

Пастухи ответствовали, что они Расимского государства. Потом лисица спрашивала, кто у них король, на что пастухи отвечали, что король у них Риген. Тогда лисица говорила им:

— Слушайте вы, пастухи: ежели вы скажете еще кому-нибудь, что король у вас Риген, то за мной едет Иван-королевич, сильный богатырь, который вас всех до смерти убьет.

Пастухи, слыша от нее такие речи, весьма испугались и просили ее, чтоб она сказала, как им сказываться. Лисица же говорила:

— Когда вы увидите едущих мимо вас премножество карет, и ежели станут вас спрашивать, коего вы государства, то вы скажите, что вы Расимского государства, славного богатыря Ивана-королевича; да помните же, а ежели вы скажете, что король у вас Риген, то тут же всех и изрубят.

Потом побежала от них в свой путь. Вскоре после нее увидели пастухи едущих премножество карет, и как скоро подъехали к пастухам, то князь, увидев столько рогатого скота и желая знать, коего они государства, приказал остановиться карете и велел кликнуть пастухов, а как пастухи подошли к карете, то князь спросил их:

— Которого вы государства?

Пастухи ответствовали:

— Милостивый государь! Мы Расимского государства, славного богатыря Ивана-королевича.

А он, слыша, что его называют, говорил:

— Так это точно, мое государство.

Потом поехали далее за лисицей, и князь удивился таким прекрасным лугам. А лисица увидела еще пастухов, которые пасли бесчисленное множество лошадей; лисица подбежала к ним и спрашивала:

— Которого вы государства?

Пастухи отвечали, что Расимского государства, славного короля Ригена. Тогда лисица говорила:

— Слушайте, пастухи, позади меня едет сильный, могучий богатырь Иван-королевич, и ежели вас спросит, коего вы государства, то вы скажите, что Расимского, славного короля Ивана-королевича; а своего короля отнюдь не упоминайте, а коль скоро помянете, то он вас всех велит перерубить.

Пастухи, убоявшись ее речей, обещались так сказать, как она им велела. Лисица побежала от них, а вскоре после нее приехал Иван-королевич с князем и со всеми министрами. Князь, увидев столько лошадей, захотел знать, которого государства, и, призвав пастухов, спрашивал их:

— Какого вы государства?

Но как они были научены лисицей, как им говорить, то отвечали:

— Милостивый государь! Мы государства Расимского, славного богатыря Ивана-королевича.

Князь, обратясь, говорил:

— Ну, любезный зять, надобно признаться, что мое владение ничто против твоего государства.

Потом поехали за лисицей в путь, а лисица, увидев город, побежала прямо во дворец; и как вбежала в те покои, где был король Риген, ибо это точно его владение, и как увидел Риген лисицу, то спрашивал ее, зачем она пришла. А лисица, притворяясь, будто испугалась, говорит королю:

— Ах, милостивый государь! Спрячьтесь вы в потайное место, чтоб вас не могли найти, ибо едет в ваше государство сильный, могучий богатырь Иван-королевич и хочет вас изрубить.

Король, испугавшись, не знал, что делать, потом говорил:

— Любезная лисица, а лучше я его встречу со всеми моими министрами.

Но лисица говорила:

— Ах! Лучше и не кажитесь и поскорее спрячьтесь, ибо он уже недалеко от вашего города, а министрам прикажите, чтоб его встретили как возможно лучше и называли бы его своим королем, также и по всему городу публикуйте, чтоб называли его королем, а о вас чтоб и не поминали; и хотя он приедет, но как все будет в угоду его сделано и вас он не найдет, то и выедет из вашего города благополучно.

Король Риген приказал публиковать всему народу, чтоб называли Ивана-богатыря королем, а его не поминали; министрам же своим приказал, чтоб как возможно лучше встретить Ивана-королевича. Потом говорил король:

— А я, любезная лисица, спрячусь вот в этот дуб.

Ибо перед окнами его дворца поставлен был дуб, но верхушка была с него срублена, и в нем было пусто, и потому называлось оно дуплом... Лисица ему сказала, что очень хорошо. И король спрятался в то дупло. А лисица послала Ивану-королевичу навстречу многих министров. И как скоро въехал он в город, то встретили его все министры, потом препроводили его во дворец; и как взошел Иван-королевич в покои с князем, то князь удивился убранству покоев. Потом весь день препроводили в веселии. И на другой день сделали великий пир, то лисица отвела Ивана-королевича в особливые комнаты и говорила ему:

— Слушай: прежде прикажи это дупло прострелить, которое стоит перед окнами дворца, а потом уж веселись.

Иван-королевич по научению лисицы вышел к министрам и говорил:

— Мне кажется, что это дупло стоит не у места; однако я хочу видеть, пролетит ли сквозь него из ружья выпаленная пуля.

Министры хотя знали, что там находился их король, но застращены были от лисицы, что он имел великую силу, то и не смели ему ничего говорить и по приказанию его прострелили то дупло несколько раз, а в нем убили и расимского короля Ригена. После того день тот весь веселились; как ночь наступила, то лисица велела то дупло срубить и тайно похоронить короля. По смерти его Иван-королевич сделался настоящим королем и для того сделал великий пир и многих министров награждал деньгами, а кого чинами. Потом веселились несколько месяцев, и после того веселья князь поехал в свое владение, а Иван-королевич остался в своем Расимском государстве, жил благополучно с супругой своей, проводили дни свои в веселии; а лисица жила остальное время в покое за свои услуги.

Волшебница

В некотором царстве, в некотором государстве жили два брата. Один помер; остался после него сын Иван. Стал этот Иван в совершенных летах, а дядя и не занимается им нисколько. Проходят сродники[1].

— Что ты, дитятко, так живешь безо всего? Что не торгуешь?

— Да у меня нет ничего.

— Проси у дяди, что от отца осталось.

Вот он и стал у дяди просить. Дядя думал-думал; дал ему 300 рублей.

— На тебе триста рублей; как хочешь, так и живи!

[1] *Сродник* — родственник (*примеч. ред.*).

Он поблагодарил и пошел вон из городу.

Идет неделю и две; пришел в другую губернию и видит: народ бежит, и он туда же. Видит: неверного поймали и тянут из него жилы.

— Продайте мне его, — говорит.

— На, пожалуй!

— Что просите?

— Триста рублей.

Он отдал им все свои триста рублей. Взял этого неверного, повел к попу; окрестил его. А он очень болен от ран-то. Этот Иван и просит:

— Батюшка, отслужите завтра обедню!

Отслужили обедню, причастили этого неверного; на третий день он и скончался. А похоронить его нечем. Купечество, народ узнали; набросали денег множество. Похоронили с церемонией такой. Похоронили: осталось много-много денег... Этот Иван ушел, ни одной копеечки не взял.

Идет он путем-дорогой; видит: высочайший стоит человек; он к нему ближе, тот все ниже, все ниже. Подошел он к нему, тот стал такой же.

— Куда, — говорит, — добрый человек, идешь?

— Да вот, иду в разбойники куда-нибудь наняться.

— Пойдем вместе.

— Пойдем.

Пошли они; шли-шли дорогой.

— Хочешь ли, — говорит, — меня дядей? Что ни достанем, все пополам; меня почитай; что прикажу, то и делай.

— Хорошо, — говорит.

Пришли они в нерусскую землю, к одному королю. У короля у этого одна дочь.

— Ну, племянник, ступай на рынок, нанимайся в работники; кто наймет, приди — скажи: я с тобой пойду.

Вот он пошел. Долго стоял; никто не нанимает. Едет король.

— Ты русский?

— Русский. Из такой-то губернии.

— Хочешь ли ко мне в зятья? Ты мне понравился. У меня зять недавно помер.

— Не знаю, — говорит, — у меня дядя есть; я спрошусь у дядюшки.

Пошел. Так и так, говорит.

— Ну так что ж? Надо идти!

А тут и говорит:

— Дядя, дядя! Что ты племянника на смерть отдаешь? У ней уже шесть мужей было: она всех передавила. Он нарочно русского и берет.

— Ну что ж, — говорит, — воля Божья.

Пошел племянник к королю. Сейчас король к нему вышел.

— Ну что?

— Дядя меня благословил.

— Хорошо, — говорит, — хорошо.

Сейчас выводит дочь.

— Понравился ли тебе жених?

— Понравился, — говорит.

— Ну, Бог вас благослови!

Пошел племянник за дядей; пришли оба. У царя не брагу варить, не вино курить, повенчались. Пир был как отличный!.. Надо идти ночевать. Пошли в спальню. Лег он на постель.

— Ах, — говорит, — дядюшку-то мы не пригласили!

Дяденька приходит.

— Ну хорошо, — говорит, — что меня позвали, не забыли. Вы почивайте; я у порожка лягу.

Заснули они. Ночью и летит змей. Вскочил этот дядя, саблю схватил, отрубил голову змею. А те спят крепким сном. Вот он взял, кровь смыл, голову убрал; пошел, все покидал в море, в воду.

Поутру встают, посылает царь узнать.

— Встали, — говорят, — так весело смеются.

— Ну, слава богу!

Такое пированье пошло, веселье у короля у этого. Пожили они месяца два. Этот Иван и говорит:

— Папенька! Позвольте мне в свою губернию съехать. Я ненадолго.

— Хорошо, — говорит.

Пошли выбирать лошадей. Положил дядя руку на лошадь.

— Вот эту бери.

Выбрали семь лошадей; четверку запрягли в карету, да дяде тройку. Поехали.

Ехали, ехали; приезжают в лес, запутались. Видят вдали огонь. Приехали туда; стоит там дом огромный такой. Только один старичок по горнице ходит.

— Кто, — говорит, — здесь живет?

— Охотники!

Вот они тут остановились. Пошли, легли спать. И заснули. Вдруг едут разбойники; спрашивают того старичка:

— Что, много приехали?

— Всего трое!

— Слава богу! Карета, лошади, вся наша добыча.

Напились, наелись. Пошли вшестером их бить; а дядя-то у порога лежит. Взял, встал, как первый ступил, он с него голову долой; другой с другого; пятерых порубил. Остальные все испугались, ускакали. Вот этот дядя убрал, кровь смыл. А те спят крепким сном. Поутру встали, спрашивают:

— Где же хозяева?

— Они, — говорит, — охотники; приезжали да поутру рано уехали.

Напились они чаю; пошли в кладовые; посмотрели: что золота!.. Взяли мешки; всю тройку нагрузили, на которой дядя-то ехал.

Вот ехали они, ехали; доехали до того места, где попался ему дядя-то. Стали кормить лошадей.

— Ну, — говорит, — племянник, был у нас с тобой уговор все делить пополам. Теперь надо нам расстаться; давай и жену делить пополам.

Взял дядя, распилил ее пополам, из нее змеята пошли. Племянник-то так и упал без памяти. Вот дядя взял из нее все внутренности, вычистил, перемыл; вспрыснул, она опять встала.

— Ну, — говорит, — племянник, я тебя за то люблю, что ты меня слушал. Я сохранял тебя во всех путях и дорогах.

Тут они простились. Приехал этот Иван к дяде, все ему золото, серебро отдал. Дядя уж так перед ним приседает. В месяц дворец ему выстроил; поехал в свое государство.

Вологодского уезда

Горыня, Коромысло и Иван-богатырь

Горыня и Коромысло отправились путешествовать по белу свету. Дорогой повстречались они с Иваном-богатырем.

— Куда путь держите? — спрашивает Иван-богатырь.

— Пошли путешествовать по всей земле, — отвечает Горыня.

Иван-богатырь и пошел вместе с ними.

Вот дошли они до горы. Иван-богатырь и говорит Коромыслу:

— Развороши эту гору!

Коромысло разбежалось, хлопнулось об гору и отлетело назад. Так же точно отскочил и Горыня. Иван-богатырь усмехнулся и говорит:

— Ой вы, горе-богатыри!

Ударил по горе кулаком, и гора развалилась. Пошли дальше. Видят: у дороги стоит ветхий домишко, а в нем сидит маленький мужичок и ест разные сладости. Иван-богатырь и говорит Горыне и Коромыслу:

— Растворите-ка ворота!

Горыня и Коромысло, сколько ни бились, ни силились, никак не могут растворить ворота. Иван-богатырь подошел к воротам, дотронулся пальцем, и ворота свалились с петель. Вошли они во двор, оттуда в сени и не могут найти дверей в избу. Ходили, ходили, наконец нашли. Иван-богатырь и говорит Горыне и Коромыслу:

— Идите в избу и расправьтесь с этим стариком.

А старик этот был подземный царь.

Вошли Горыня и Коромысло в избу. Старик ударил того и другого, и они полетели от него прочь: Коромысло под лавку, а Горыня в двери. Услыхав стук, Иван-богатырь вошел в избу. Старик испугался, выскочил из избы и спрятался. Горыня и Коромысло подсмотрели, что он спрятался на дворе под камень. Иван-богатырь отвалил камень, и увидали они бездонную яму.

Иван-богатырь разбивает гору
(рис. Л. Альбрехта)

Вот и стали они плести веревку из елей, целый лес исплели на сотню верст, а конец веревки все-таки до дна не достал. Тогда они приплели свою одежду и даже сапоги. Вот Иван-богатырь и стал спускаться по этой веревке, а Горыня и Коромысло держали за конец.

Долго он спускался, наконец спустился до дна и пошел подземным царством. Шел долго ли, коротко ли и увидел хрустальный дворец, а вокруг того дворца стоит войско с огненными мечами. Иван-богатырь подошел к войску, показал им кулак, раздвинул по сторонам и вошел во дворец. В этом дворце и жил подземный царь. В этом дворце было много дверей, и все они крепко заперты. Иван-богатырь дотронулся до них пальцем, и двери растворились. Наконец, подошел к последней двери, за которой сидел подземный царь, а с ним девица-пленница.

— Кто там? — спрашивает подземный царь.

— Я твой слуга, — отвечает Иван-богатырь, отворил дверь, схватил царя за бороду, ударил об пол и положил под половицу. Потом подошел к красавице и стал ее спрашивать, кто она и как сюда попала? Красавица рассказала ему,

Иван-богатырь и красавица сели на орла
(рис. Л. Альбрехта)

что муж ее находится здесь в плену и сидит закованный в цепях в соседней комнате.

Вошли они туда. Муж красавицы едва уже дышал и не мог стоять на ногах, потому что две недели не едал ничего. Расковали его и положили на кровать. Но он недолго пожил и умер.

Иван-богатырь с красавицей пошли на белый свет. Шли долго и пришли опять к яме, в которую Иван-богатырь спускался. Как им попасть на белый свет? Вдруг видят: выпал из гнезда орленок. Иван-богатырь взял его в свои руки, покрыл своей одеждой и держит. Прилетел орел и видит, что Иван-богатырь ласкает его птенца. И спросил его:

— Чем ты хочешь, чтобы я послужил тебе за то, что ты призрел и приласкал моего птенца?

Иван-богатырь попросил вынести его на белый свет. Вот они сели на орла и скоро очутились на белом свете. И женился Иван-богатырь на красавице, и стали они жить, да поживать, да детей наживать.

Вологодский уезд, деревня Слобода

Сказка о Булате-молодце

Жил-был царь по имени Ходор, и у того царя был только один сын Иван-царевич. Когда пришли отроческие лета его, то Ходор отдал Ивана-царевича разным учителям для обучения всяким рыцарским наукам. Как стал Иван-царевич на возрасте, то начал у батюшки своего Ходора проситься в иные государства погулять, людей посмотреть и себя показать. Царь Ходор его отпустил и ему наказал, чтобы он показывал свои науки в иных государствах и тем бы прославил себя и его, царя Ходора. Тогда Иван-царевич пошел по конюшням выбирать себе доброго коня, на которого руку наложит — падет на колени — тот для него не годится. Ходит он по всем стойлам и не мог выбрать коня. Пошел он с великой кручиной; взял свой тугой лук и калены стрелы и пошел в чистое поле — грусть-тоску размыкать.

Как скоро пришел в чистое поле, то увидел на воздухе лебедя; натянул свой тугой лук и выстрелил по тому лебедю; не попал в него, и стрела его улетела из глаз. Тогда Иван-царевич весьма закручинился, что потерял любимую свою стрелу; искал ее по всему полю со слезами и пришел к одной маленькой горе, где услышал человеческий голос, кричавший ему:

— Поди сюда, Иван-царевич!

Иван-царевич очень удивился, что слышит голос, а никого не видит. Голос тот опять закричал то же. Пошел Иван-царевич в ту сторону, откуда слышался крик, и увидел в горе окно с железной решеткой, а в том окне увидел человека, который манил его к себе рукой. Иван-царевич подошел к нему, и тот человек сказал ему:

— О чем ты, Иван-царевич, кручинишься?

— Как мне не кручиниться, — отвечал ему Иван-царевич, — я потерял свою любимую стрелу и не знаю, где найти ее, да еще есть кручина моя великая: не найду себе по мысли доброго коня богатырского.

— О, эта беда не велика, — сказал ему тот человек. — Я тебе добуду доброго коня и отдам каленую стрелу, потому что она залетела ко мне; что мне за это дашь?

— Я тебе все отдам, что ты ни попросишь, — отвечал ему Иван-царевич, — ежели ты достанешь доброго коня и отдашь калену стрелу.

— Я ничего от тебя не хочу, — сказал тот человек, — только выпусти меня отсюда.

— Да как и кем ты сюда засажен? — спросил его Иван-царевич.

В горе окно с железной решеткой
(рис. Л. Альбрехта)

— Засадил меня твой батюшка. Я был славный разбойник, и зовут меня Булат-молодец. Он на меня прогневался и велел меня поймать и засадить в эту темницу. И сижу тут ровно 33 года.

— Слушай, Булат-молодец, — сказал ему Иван-царевич, — я без батюшкина приказа не смею тебя выпустить; он и на меня прогневается.

— Того ты не бойся, — отвечал ему Булат-молодец. — Твой батюшка о том не проведает; и, как скоро ты меня отсюда выпустишь, я уйду в иные государства и жить здесь не буду.

Тогда Иван-царевич сказал ему:

— Я тебя выпущу, только ты отдай мне мою стрелу каленую и скажи, где достать мне коня богатырского?

— Поди ты в чистое поле, — говорит ему Булат-молодец, — увидишь три дуба, а возле них железную дверь с кольцом, а под той дверью конюшня: в ней стоит добрый конь богатырский, запертый 12-ю дверьми и 12-ю замками стальными. Ты подними ту железную дверь и отбей 12 замков, отвори 12 дверей и получишь себе коня доброго. После на том коне приезжай ко мне, я отдам тебе твою стрелу каленую, и тогда ты меня отсюда выпусти.

Иван-царевич, выслушав такие слова, пошел в чистое поле и увидел три дуба зеленые. Нашел дверь железную с кольцом медным, и взял он за то кольцо и поднял эту дверь. Затем сбил 12 замков и отворил 12 дверей и вошел в конюшню, где увидел доброго коня и всю сбрую богатырскую. Наложил Иван-царевич свою руку коню на спину, и конь тут на колени не пал, а только погнулся. Услышав конь по себе седока, начал ржать и на колени перед Иваном-царевичем падать. Оседлал Иван-царевич доброго коня и взял палицу боевую и меч-кладенец. Сел в седло черкасское и взял в руки шелковы поводья. Захотелось ему испытать коня доброго: он ударил его по крутым бедрам — конь осердился, от земли отделился и понес Ивана-царевича выше лесу стоячего, ниже облака ходячего; горы и долы меж ног пускает, мелкие реки хвостом устилает, глубокие реки перепрыгивает. Приехал Иван-царевич к Булату-молодцу и сказал ему громким голосом:

— Отдай же мне, Булат-молодец, мою каленую стрелу, и тогда я тебя, доброго молодца, из темницы выпущу.

Булат-молодец тотчас отдал ему каленую стрелу, а Иван-царевич его из темницы выпустил.

— Спасибо тебе, Иван-царевич, — сказал ему Булат-молодец, — что ты меня из темницы выпустил, и за это я тебе сослужу три службы в те поры, когда тебе будет нужда. Когда я тебе буду надобен, то молви только: ах, где мой Булат-молодец? И тогда я к тебе явлюсь и в твоей нужде буду тебе слугой.

Вымолвив эти слова, крикнул громким голосом:

— Сивка-бурка, стань передо мной, как лист перед травой.

Откуда ни взялся добрый конь, стал перед Булатом-молодцом. Булат-молодец влез в ушко, напился, наелся, в другое вылез — и стал такой молодец, что ни вздумать, ни взгадать, ни в сказке сказать, ни пером написать. Затем сел Булат-молодец на своего коня и сказал Ивану-царевичу:

— Ну, теперь прощай, Иван-царевич, — и поехал от него прочь.

Иван-царевич сел на своего коня и поехал к своему батюшке и, приехавши к нему, начал прощаться с ним со слезами и просил отпустить с ним дядьку. Поехал с ним воин, и ехали они несколько времени и приехали в лес. День был жаркий, и Ивану-царевичу захотелось пить. Ездя по лесу, они искали воды и нашли глубокий колодец; вода в нем была ключевая. Иван-царевич говорит своему дядьке:

— Полезай ты в колодец и достань мне воды. Я тебя привяжу и буду держать, чтобы ты не утонул.

— Нет, Иван-царевич, — отвечает ему дядька, — я тяжелее тебя, поэтому ты меня не удержишь, а лучше спускайся ты, а я тебя буду держать.

Иван-царевич послушался дядьки и опустился в колодец. Когда Иван-царевич напился воды, то сказал своему дядьке, чтобы он его вытащил из колодца. Тогда дядька ему отвечает:

— Нет, теперь я тебя до тех пор не вытащу, покуда не дашь ты мне своей руки письмо, чтобы ты был моим слугой, а я твоим господином, и чтобы

называл ты меня Иваном-царевичем. А ежели ты на это не согласишься, так я тебя в колодце утоплю.

— Любезный дядька! — вскричал Иван-царевич. — Не топи ты меня, а вытащи, я тебе дам письмо своей руки, чтобы ты был моим царем, а я твоим слугой.

— Я этому не верю, — сказал ему дядька. — Дай присягу.

— Я тебе клянусь Богом! — сказал Иван-царевич. — Что я точно дам тебе письмо.

Тогда дядька вытащил его, а Иван-царевич взял бумагу и написал письмо и отдал его своему дядьке. Потом снял с себя свое платье и отдал ему, а его на себя надел, и поехали они в путь.

Через несколько дней приехали они в Пантуево государство. Царь, услышав о приезде Ивана-царевича, вышел к нему навстречу. Принял дядьку вместо Ивана-царевича, водил его в палаты белокаменные и сажал за столы дубовые. Пили, ели и веселились они. Начал царь Пантуй спрашивать у подложного царя:

— Зачем ты в мое государство пожаловал?

На это мнимый Иван-царевич отвечал ему:

— Милостивый государь! Я приехал к тебе свататься на дочери твоей, прекрасной царевне Цирии.

— С великой радостью отдам дочь мою тебе в супружницы, — молвил царь Пантуй.

Потом между разговорами ложный Иван-царевич сказал Пантую:

— Прикажи моего слугу отдать на кухню в черную работу за то, что он мне дорогой досадил.

Царь тотчас велел Ивана-царевича определить на кухню в черную работу, а дядька его веселился с царем. После того подступило войско под Пантуево государство и хотело его разорить, а царя Пантуя взять в плен. Тогда царь Пантуй призвал к себе ложного царевича и сказал ему:

— Любезный мой нареченный зять! Подступило войско неприятеля, ежели ты прогонишь его от государства моего, я отдам за тебя дочь мою, а без того — не могу отдать.

— Хорошо, — отвечал тот, — но то сделаю только ночью, а не днем, потому что мне днем воевать нет счастья.

Наступила ночь. Ложный царевич вышел на широкий двор и кликнул настоящего Ивана-царевича и сказал ему:

— Иван-царевич! Не прогневайся на меня, что я заступил твое место! Позабудь все и сослужи мне: отгони отсюда прочь войско неприятеля.

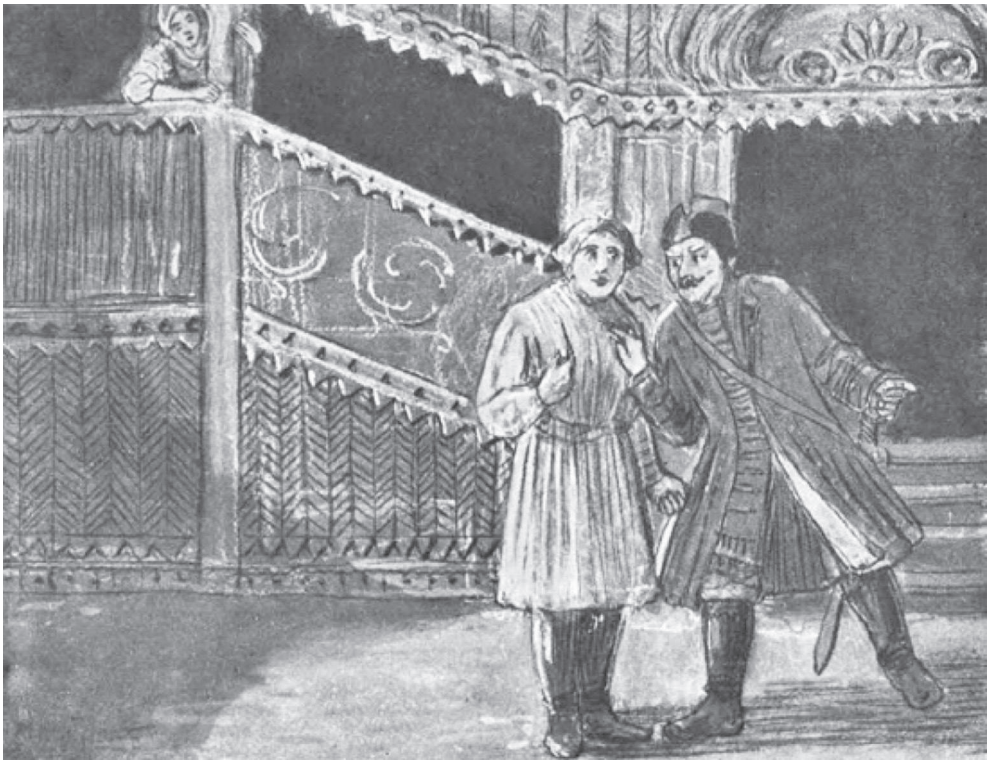
Иван-царевич ответил ему:

— Ложись спать. Все будет готово.

Дядька пошел, лег спать. А Иван-царевич крикнул богатырским голосом:

— Ах, где-то мой Булат-молодец?

В ту же минуту Булат-молодец к нему явился.



Царевна слышала их разговор
(рис. Л. Альбрехта)

— Какая нужда, сказывай!

Иван-царевич наскоро рассказал ему о своей нужде. Булат-молодец велел оседлать ему своего коня и надеть на себя латы, а сам крикнул громким голосом:

— Сивка-бурка, вещая каурка, стань передо мной, как лист перед травой!

Конь прибежал, остановился, и Булат-молодец сел на него, а Иван-царевич сел на своего коня. И поехали они с широкого двора. В то время царевна Цирия не спала и сидела под окном и слышала все, что Иван-царевич с дядькой и с Булатом-молодцом говорил. Как скоро они приехали к неприятельскому войску, то Булат-молодец сказал Ивану-царевичу:

— Ты начинай рубить войско с правого крыла, а я с левого.

И напали они на ту рать-силу неприятельскую; начали рубить мечами и топтать конями. Побили они в один час сто тысяч человек неприятеля. Король насилу ушел с малым числом войска. Иван-царевич возвратился с Булатом-молодцом прямо во дворец царя Пантуя. Там Иван-царевич расседлал своего коня и поставил в стойло и дал ему белой ярой пшеницы, потом простился с Булатом-молодцом и пошел на кухню, лег спать. Поутру рано царь

Пантуй вышел на терем и посмотрел в ту сторону, где было неприятельское войско, и увидел, что оно было побито; приказал он призвать к себе ложного Ивана-царевича, и когда он к нему пришел, то царь Пантуй благодарил его за сохранение государства, а потом подарил его дорогим подарком и сказал ему:

— Скоро отдам дочь мою за тебя.

По прошествии двух недель опять тот же король подступил с другим войском. Царь Пантуй испугался и опять призвал к себе мнимого Ивана-царевича и сказал ему:

— Друг мой, Иван-царевич, избавь меня от неприятеля и отгони прочь его войско от моего государства. Ежели ты исполнишь это, то я немедленно выдам за тебя дочь мою.

На это он отвечал ему:

— Все это я сделаю, но только ночью, а не днем, потому что днем мне нет счастья воевать.

Как только наступила ночь, дядька вышел на широкий двор и кликнул к себе Ивана-царевича и сказал ему:

— Иван-царевич! Не попомни зла, которое я сделал тебе, заступив твое место. Сослужи мне еще службу и отгони войско неприятельское от сего государства.

Иван-царевич ответил ему:

— Поди и спи; утро вечера мудренее; все будет готово.

Дядька пошел и лег спать, а Иван-царевич крикнул своим богатырским голосом:

— Ах, где-то мой Булат-молодец!

Явился к нему Булат-молодец и говорит:

— Сказывай мне скоро, какая нужда тебе во мне?

Иван-царевич наскоро рассказал ему о своей нужде. Булат-молодец велел Ивану-царевичу оседлать своего коня и надеть на себя латы, а сам крикнул богатырским голосом:

— Гей ты, Сивка-Бурка, вещая каурка, стань передо мной, как лист перед травой!

Конь летит — земля дрожит, из ушей дым столбом валит, из ноздрей пламя пышет. Прибежал к Булату-молодцу и остановился. Булат-молодец на своего коня, а Иван-царевич на своего коня — сели и поехали они с широкого двора. В то самое время царевна Цирия не спала и слышала все, что Иван-царевич с дядькой и Булатом-молодцом говорил.

Как только приехали Булат-молодец с Иваном-царевичем к неприятелю, то Булат-молодец сказал Ивану-царевичу:

— Ты начинай рубить неприятельское войско с правого крыла, а я начну с левого.

И напали они на ту рать-силу неприятельскую и начали мечами рубить и конями топтать. Побили они в два часа двести тысяч человек, а сам король неприятельский насилу ушел с малым числом войска.

Иван-царевич с Булатом-молодцом возвратились назад. Расседлав своего коня доброго и поставив его на конюшню, Иван-царевич простился с Булатом-молодцом и пошел на кухню спать. Рано утром царь Пантуй вышел опять на терем и посмотрел в ту сторону, где было неприятельское войско, и, увидев, что оно побито, удивился такой храбрости Ивана-царевича и велел его призвать к себе. Когда тот пришел, то царь Пантуй благодарил его за сохранение государства и одарил его драгоценными подарками.

По прошествии трех недель опять подступил неприятельский король под город царя Пантуя. Царь очень испугался и, призвав к себе своего нареченного зятя, начал говорить ему:

— Друг мой возлюбленный, Иван-царевич! Избавь меня от неприятеля и отгони его войско прочь от моего государства. И ежели ты сделаешь это, то я в ту же минуту отдам за тебя дочь мою.

Мнимый Иван-царевич ответил ему на это, что он все сделает.

Наступила ночь, и все легли спать. Тогда дядька вышел на двор и кликнул к себе Ивана-царевича и сказал ему:

— Не помни зла, которое я сделал тебе, и сослужи мне еще службу: отгони прочь отсюда войско неприятельское!

На это Иван-царевич ответил ему:

— Поди и ложись спать.

Потом Иван-царевич крикнул своим богатырским голосом:

— Ах, где мой Булат-молодец!

Тот тотчас явился к нему и сказал:

— Какая нужда тебе, сказывай скорее!

Иван-царевич рассказал ему о своей нужде.

Булат-молодец опять велел ему оседлать своего коня и сам сделал то же. Потом поехали они к неприятельскому войску и начали рубить его, топтать конями. И побили они войска, что и сметы нет, а короля самого убили тоже до смерти.

Затем поехали обратно в Пантуево государство, расседлали своих коней, и Булат-молодец распростился с Иваном-царевичем, сказав ему:

— Теперь ты меня более никогда не увидишь.

И тотчас сел на своего коня и уехал, а Иван-царевич пошел на кузню и лег спать. Поутру рано царь Пантуй вышел опять на терем, и посмотрел на неприятельское войско, и увидел, что оно все побито. Тогда послал он за своим нареченным зятем и сказал ему:

— Ну, любезный зять, теперь отдаю тебе в супружницы дочь свою.

Через несколько дней начали делать приготовления к свадьбе, и дядька обвенчался с прекрасной царевной Цирией. Когда после венца они сели за стол, Иван-царевич отпросился у повара посмотреть на новобрачных. Повар отпустил его и дал ему свое платье.

Иван-царевич пришел в царские палаты и, став за другими людьми, смотрел на своего дядьку и на прекрасную царевну. Царевна Цирия, узнав Ивана-царевича, выскочила из-за стола и, взяв его за руку, сказала:

— Вот этот мой жених, а не тот, который венчался со мной.

Тогда царь Пантуй вскочил со своего места и спросил свою дочь об этом происшествии и просил ее, чтобы она рассказала ему все подробно. Когда царевна Цирия рассказала обо всем подробно, то Ивана-царевича посадили за стол с царевной Цирией, а дядьку за такой лживый поступок расстреляли на воротах.

Иван-царевич, женясь на прекрасной царевне Цирии, отправился в свое государство, к отцу своему, где царь Ходор возложил на его главу венец свой, и Иван-царевич взошел на престол и начал управлять государством.

О золотом, серебряном и медном государствах

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь с супругой своей, и имели у себя трех прекрасных сыновей, из которых большого назвали Василий-царевич, среднего — Федор-царевич, а меньшего — Иван-царевич.

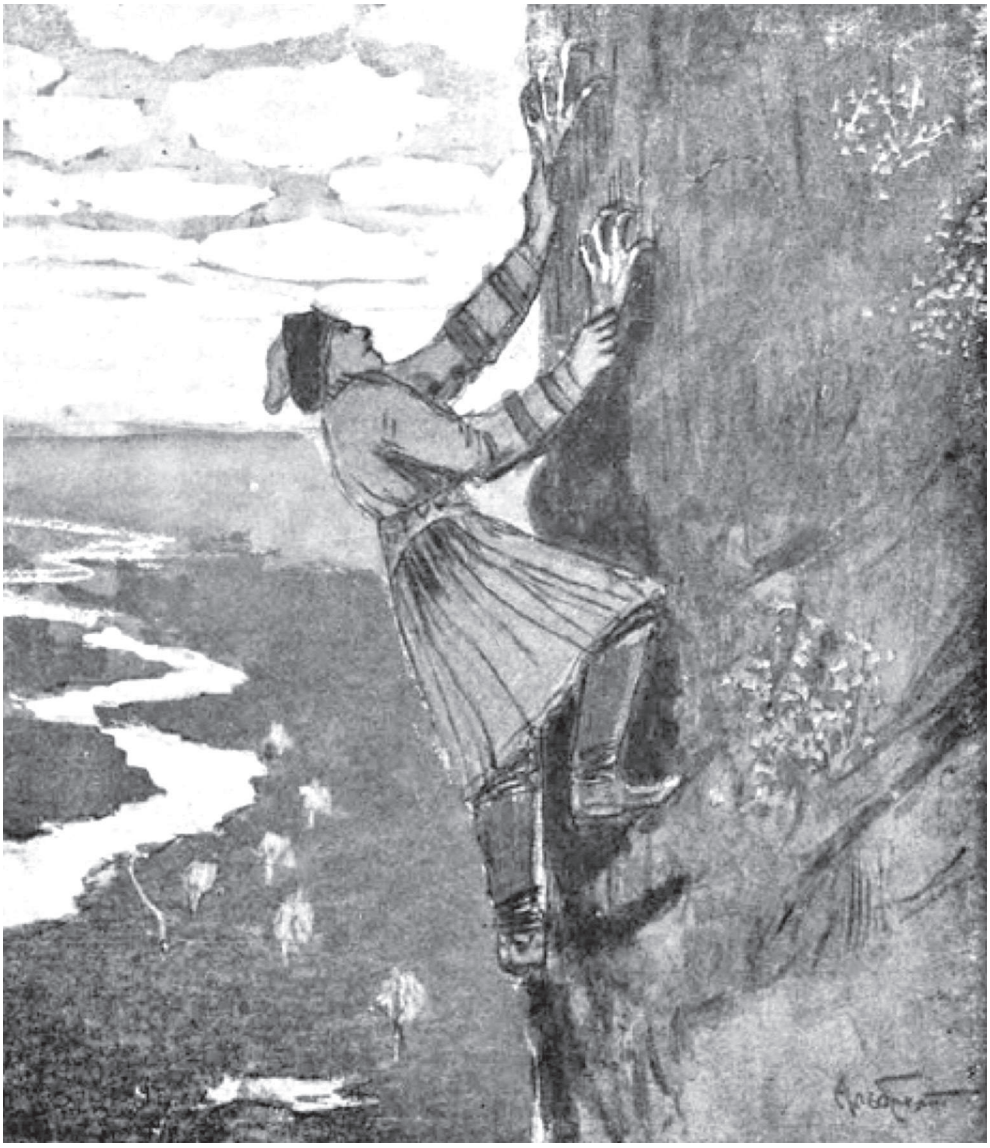
В один день царь со своей супругой прогуливались в саду. Вдруг поднялся вихорь и унес царевну из глаз его. Царь долгое время был очень печален и соболезновал о своей супруге. Два старших его сына, испросив у своего печального отца благословения, отправились в путь искать свою мать. Едучи долгое время со своими людьми и изъездив великую степь, они раскинули палатки и ожидали, не увидят ли кого, кто б указал им дорогу. Однако в продолжение трех лет никого не видали.

Между тем подрос меньшой брат Иван-царевич. Тот также, испросив у отца своего благословения, отправился в путь. По долговременном путешествии увидел вдали палатки и поехал к ним. И как стал подъезжать ближе, то узнал, что это были его братья. Приехавши, он сказал им:

— Что вы, братцы, в такой дикой степи остановились? Отпустите своих людей обратно в наше государство, и мы поедем одни искать свою мать.

Братья поступили согласно его совету, и поехали в путь одни.

Ехали они долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ль — скоро сказка сказывается, а дело-то не скоро делается, — и усмотрели вдали дворец хрустальный, обнесенный такой же стеной вокруг. Приехали они к этому дворцу, и Иван-царевич, найдя ворота, въехал во двор. Подъезжая к крыльцу, он увидел столб, в котором было два кольца: одно золотое, другое серебряное. Продевши повод в оба кольца, он привязал своего коня богатырского и пошел на крыльцо, где встретился с самим государем. Из продолжительного между ними разговора царь узнал, что Иван-царевич был ему племянник, и поэтому он повел его в свои покои, куда пригласил и остальных братьев. Погостив у этого царя недолгое время, они получили от него в подарок волшебный шар, который, покатив перед собой, доехали до превысокой горы, где они и остановились. Крутизна этой горы столь была высокая, что на нее влезть им никак нельзя было. Поэтому Иван-царевич нашел скважину, где попались ему железные когти, с помощью которых он взошел на самый верх горы, и так как был уставши,



Иван-царевич нашел железные когти, с помощью которых он взошел на самый верх горы (рис. Л. Альбрехта)

то сел под дуб отдохнуть. Лишь только он снял с себя когти, как те вдруг исчезли. Вставши, он увидел вдали палатку, сделанную из самого тонкого батиста, на коем изображалось медное государство, а на верху этой палатки был поставлен шар медный; при входе лежали два огромных льва, которые не допускали войти в палатку. Иван-царевич, увидев стоявшие перед ними пустые тазы, налил в них воды и тем утолил жажду львов, которые дали ему свободный ход в палатку. Войдя туда, он увидел сидящую на софе прекрасную царевну, а в ногах у нее спал трехглавый змей, которому он одним махом отсек все три головы; за что царевна его благодарила и подарила ему медное яйцо, скрывающее в себе медное государство. Иван-царевич, простившись с ней, отправился в путь и, шедши долгое время, увидел вдали палатку, сделанную из самого тонкого флера и привязанную серебряными шнурками к кедровым деревьям; у шнурков кисти были изумрудные, а на этой палатке лежали два тигра, которым, утолив жажду от солнечного зноя водой, сделал себе свободный вход в палатку. Когда он вошел туда, то увидел на софе очень богато убранную царевну, красотой превосходнее первой, а в ногах ее лежал шестиглавый змей, которому он в один раз отрубил все головы. За такую неустрашимость царевна подарила ему яйцо, скрывающее в себе серебряное государство. Простившись и с этой царевной, Иван-царевич пошел далее. Наконец он достиг и третьей палатки, которая была сделала из самого чистого камортку[1] и на коей было вышито золотое государство, а на палатке поставлен был из самого чистого золота шар. Самая палатка прикреплена золотыми шнурками с алмазными кистями к лавровым деревьям. При входе в палатку лежали два преогромных крокодила, которые от сильного жара испускали огненное пламя. Видя их жажду, Иван-царевич наполнил их пустые тазы водой и тем сделал себе свободный вход в палатку. Когда он вошел туда, то увидел сидящую на софе царевну, которая красотой своею превосходила обеих прежних. У ног ее лежал двенадцатиглавый змей, которому Иван-царевич с двух раз отрубил все головы. За это царевна ему подарила золотое яйцо, содержащее в себе золотое государство, и вместе с яйцом вручила ему и свое сердце, и после продолжительного разговора указала ему, где живет его мать, и пожелала ему счастливо окончить предприятие.

После довольно долгого путешествия Иван-царевич достиг великолепного дворца. Прошел в нем многие покои и ничего не нашел. Напоследок пришел в пребогато убранное зало и там увидел сидящую в креслах мать свою. После нежных и учтивых между ними разговоров Иван-царевич объявил ей, что он с братьями многие лета искал ее, и ради нее, любезной их родительницы, они долго и много странствовали.

Вдруг мать почувствовала какой-то дух и сказала Ивану-царевичу:

— Спрячься под мою одежду, и как Вихорь прилетит и станет искать, то ты старайся ухватиться руками за его волшебную палицу — и он подымет тебя

[1] *Камортоk* (*камертух*) — батист (*примеч. ред.*).

При входе в палатку лежали два огромных крокодила (рис. Л. Альбрехта)

на воздух, но ты не страшись. Наконец он опустится на землю и рассыплется на мелкие части. Ты все собери и сожги, а пепел развей по полю.

Только лишь мать успела сказать и спрятать его под свою одежду, как вдруг прилетел Вихорь и начал ласкаться к царевне. Тогда Иван-царевич по совету матери своей ухватился за волшебную палицу. Вихорь рассердился на царевича, поднял его на высоту, потом опустился на землю и рассыпался на мелкие части. Иван-царевич, подобравши все части, сжег их и пепел развеял по полю, и затем, овладев волшебной палицей, взял мать свою и трех царевен, и они пришли к дубу, откуда Иван-царевич всех их спустил по полотну вниз. Братья, видя, что он один остался на горе, обрезали полотно и уехали с матерью и царевнами в свое государство и велели им клясться, дабы они сказали их отцу, что они найдены ими.

Иван-царевич, оставшись один на горе, не смел спуститься, видя, что полотно обрезано, и, ходя на горе, он перекидывал палицу с руки на руку. Как вдруг предстал перед ним человек, который снес его с горы и поставил на самой площади его государства. Здесь царевич встретился с одним сапожником, к которому поступил в работники. Хозяин, накупив довольно кожи, сам

напился пьян и лег спать. Иван-царевич, видя, что в его хозяине проку мало, призвал того духа, который снес его с горы, и приказал ему к утру наделать товару. Дух по его приказу все исполнил и поутру разбудил хозяина, послав его с товаром в город. Купцы, увидев отличную работу, тотчас же раскупили, и его представили знатным господам. Наконец увидел и сам царь его работу и приказал ему всегда носить ее во дворец.

Между тем находившаяся тут царевна из золотого государства, примечая, что эта работа духа золотого государства, приказал позвать к себе башмачника, и когда тот пришел, то приказала, чтобы завтра поутру перед сим дворцом поставил дворец и золотое государство и от него золотой мост до самого их царского дворца, покрытый зеленым бархатом. Сказав все это, царевна ушла прочь.

Хозяин пришел домой весьма печальный и все это рассказал работнику, а сам с горя так напился пьян, что и сам себя уже не помнит и говорит:

— Теперь хоть голову руби, так нужды нет!

Царевич, услышав это, приказал духу, чтобы к завтрашнему дню непременно поставил он дворец и золотое государство, скрывающееся в золотом яйце.

Дух приказание исполнил и рано утром перенес туда Ивана-царевича, который, изготовясь для встречи отца своего и матери, послал для них великолепные колесницы, а для братьев самые срамные телеги, прося притом всех откушать у него.

Царь, услышав, что его меньший сын Иван-царевич жив и здравствует, очень обрадовался и сел с царицей и тремя царевнами в присланные для них богато убранные колесницы, а детей своих приказал насильно посадить в срамные телеги, говоря при этом, что вы по вине своей и этого не заслуживаете. И так Иван-царевич встретил их великолепно; притом простил братьям своим вину их. Потом назначил Василию-царевичу в супруги царевну серебряного государства — царевну Елену, а Федору-царевичу — царевну Земиру, а себе золотого государства — царевну Плениру, и отдал им серебряное и медное яйца, скрывающие государства. На другой день был совершен брак всех братьев к великой радости всех подданных их.

Записано А. Бурцевым

О сильном, храбром и непобедимом богатыре Иване-царевиче и о прекрасной супруге его царь-девице

В некотором царстве, в некотором государстве жил царь по имени Архидей. Царь этот жил с супругой своею Дарией много лет, а детей у них не было. Они приходили уже к старости и начали молить Бога, чтобы Он даровал им детище. Вскоре после того царица забеременела и через обыкновенное время родила прекрасную дочь, которую назвали Луной. Через год царица родила еще дочь, которая красотой своей превосходила свою старшую сестру, почему ее назвали Звездой. Эти две прекрасные царевны были воспитаны и обучены с большим старанием.

Когда старшей сестре был 15-й, а младшей 14-й год, то они со своими мамушками и нянюшками отправились гулять в зеленые сады. Гуляли они там

Вдруг поднялся превеликий вихрь и унес обеих царевен на глазах мамушек (рис. Л. Альбрехта)

довольно долго; как вдруг поднялся превеликий вихрь и унес обеих царевен из глаз сопровождавших их мамушек. Нянюшки и мамушки, перепуганные случившимся, побежали к царице Дарии и сообщили ей об этом печальном происшествии. Царица Дария, услыхав такое печальное известие, чуть было и сама не умерла. Потом царица передала об этой печальной вести и царю Архидею, который не менее ее был поражен и опечален постигшим их нежданным и негаданным горем.

Царь решил кликнуть клич: кто отыщет без вести <пропавших> его дочерей, за того он отдаст замуж одну из них, которую пожелает сам отыскавший. Тогда царь Архидей собрал волхвов и стал у них спрашивать о своих дочерях. Но и те отказались от этого дела, потому что и сами не знали, где находились пропавшие царевны.

Царь затужил о своих дочерях и в конце концов стал опять очень усердно молить и просить Бога, чтобы он сжалился над ним и при старости даровал бы ему снова детище, которое был осталось после него наследником государства. В знак своего усердия Архидей раздал великие и щедрые милостыни всем бедным своего царства. Бог услышал его молитвы и даровал ему прекрасного сына, которого назвали Иваном-царевичем.

Когда царевич вырос и стал совершеннолетним, то его обучили разным наукам и рыцарству. Узнал Иван-царевич о том, что у него есть две сестры, которые пропали неизвестно куда, и задумал Иван-царевич разыскать своих любезных сестер. Стал просить отца своего, чтобы тот отпустил его на поиски сестер в дальние государства.

— Государь батюшка, — говорил Иван-царевич, — я пришел к вам просить вашего благословения на далекий путь в дальние государства. Я хочу отыскать моих пропавших без вести любезных сестер.

— Молодой юноша, Иван-царевич, — ответил ему отец. — Куда тебя Бог понесет: в какую страну пойдешь ты? Ведь ты еще молод и к дорожным трудам непривычен!

Однако царевич неотступно и со слезами начал просить отца своего, чтобы тот отпустил его. Царь Архидей, видя в царевиче великое желание отправиться в путь, благословил его и предоставил ему полную свободу и власть поступать во всем по своему усмотрению. Получив отцовское дозволение и благословение на дальний путь, Иван-царевич распростился со своими родителями, и один как перст, не взяв даже с собой провожатого, отправился в дальнюю дорогу.

Шел Иван-царевич путем-дорогой несколько месяцев. Случилось ему однажды идти большим густым лесом, и услышал он в стороне от него шум, на который он и пошел. Когда пришел он к тому месту, откуда ранее слышен был шум, то увидел, что два леших дерутся между собой. Он, ничуть не испугавшись, подошел прямо к ним и спросил:

— Послушайте, из-за чего вы деретесь, скажите мне, я помирю вас.

Один из леших сказал ему:

Два леших дерутся между собою
(рис. Л. Альбрехта)

— Добрый человек, рассуди, пожалуйста, нашу ссору: мы вдвоем шли дорогой и нашли вот эти вещи, которые лежат здесь на земле: шляпу-невидимку, сапоги-самоходы да еще такую скатерть, что ежели ты ее развернешь, то из нее выпрыгнут 12 молодцов и 12 девиц; понаставят сразу на эту скатерть разных кушаний, напитков и проч. и станут потчевать того, кто развернул скатерть; они потчуют также и других, ежели им это приказано будет. Так вот, из этой находки я беру себе сапоги да шляпу, а товарищу моему отдаю скатерть; но ему это кажется мало: он хочет завладеть всем и ради этого завел со мной драку.

Выслушав лешего, Иван-царевич сказал ему:

— Хорошо, я дело ваше разберу, только вы и мне дайте долю из вашей находки.

— Пожалуй, возьми, — сказал ему другой леший. — Только рассуди хорошенько наше дело.

Иван-царевич сказал им, чтобы они побежали вперегонки по дороге, и кто кого опередит на три версты, тому и достанется вся находка. Оба лешие с радостью согласились на это предложение и взапуски побежали по показанной им дороге.

Когда оба лешие, пустившиеся вперегонки, убежали настолько далеко, что их стало не видно, царевич надел на себя шляпу-невидимку и сделался невидим; потом он надел сапоги-скороходы и, взяв подмышку скатерть, пошел себе далее своим путем.

Лешие, перегнав один другого, прибежали опять на то место, где лежала их находка. Но, не найдя ни Ивана-царевича, ни своей находки, — побежали по лесу разыскивать царевича, и хотя они несколько раз находили прямо на него, но не могли увидать его, потому что на нем была надета шляпа-невидимка. Пробегав и проискав напрасно долгое время свою находку и все-таки ничего не найдя, оба лешие напоследок решили прекратить свои поиски и разойтись по своим местам.

Пробыв несколько дней в пути, Иван-царевич увидал вдруг по дороге маленькую избушку. Он подошел к ней и затем взошел в самую избушку, где увидал бабу-ягу, которая сидела на полу, упершись ногами в потолок, и пряла шерсть. Увидав царевича, яга промолвила:

— Фу, фу, фу! Доселе русского духу слыхом не слыхано было, а ныне и воочию русский дух является. Зачем ты, добрый молодец, Иван-царевич, зашел сюда? Волей иль неволей?

— Ах ты, глупая старая баба, — сказал ей в ответ Иван-царевич. — Ты прежде меня, доброго молодца, напои да накорми, а потом спрашивай.

Баба-яга тотчас вскочила, собрала на стол, напоила, накормила Ивана-царевича и стала опять его расспрашивать:

— Как и зачем ты сюда зашел?

На это в ответ сказал ей Иван-царевич:

— Зашел я сюда сколько волей, то вдвое неволей. Иду я искать моих сестричек родных Луну и Звезду. А вот где мне их сыскать, и сам не ведаю.

— Добро, Иван-царевич, — молвила баба-яга. — Молись Богу и ложись спать; утро вечера мудренее.

Иван-царевич послушался бабу-ягу и улегся спать; и тотчас же заснул крепко. Рано утром баба-яга начала будить Ивана-царевича:

— Добрый молодец, пора тебе и в путь отправляться!

Царевич встал, умылся, оделся, помолился Богу и стал с Ягой прощаться, а Яга и говорит ему:

— Что ж, царевич, со мною прощаешься, а не спросил, куда идти тебе надобно. Слушай, вот что я тебе скажу: ступай прямо по этой дороге; выйдешь в поле и увидишь палаты белокаменные, в этих палатах живет твоя старшая сестра Луна. Только трудно будет ее тебе взять, потому что с ней живет нечистый дух, который приходит к ней медведем, а после оборачивается в человека.

Выслушав рассказ Яги, царевич простился с ней, надел на себя сапоги-самоходы и отправился в путь.

Шел он путем-дорогой три дня и наконец увидел в поле те самые палаты белокаменные, про которые сообщила ему баба-яга. Он подошел к ним и потом вошел прямо на широкий двор. На всем дворе не видать было

ни одного человека. Тут Иван-царевич надел на себя шляпу-невидимку и пошел в палаты. Прошел по всем комнатам, наконец вошел в спальню прекрасной царевны. В это время Луна лежала и почивала. Царевич скинул невидимку, подошел к кровати и стал будить царевну. Прекрасная Луна, пробудившись от сна и увидав около себя молодого юношу, спросила его:

— Кто ты таков и зачем пришел сюда?

Так как до сего времени она не знала еще своего брата. Царевич на это ответил ей:

— Любезная моя сестрица Луна, не злодея и не иного кого видишь пред собой, а твоего любезного брата Ивана-царевича. Я принес тебе челобитье от батюшки нашего царя Архидея и матушки нашей царицы Дарии. Они об тебе и о сестре Звезде очень сокрушаются.

Услышав сказанное царевичем, царевна Луна вскочила со своего ложа и начала обнимать царевича, и они целовались и миловались. После радостного свидания Луна сказала ему:

— Любезный брат! Я сердечно рада, что увидала тебя, но опасаюсь, чтобы не пришел медведь, который содержит меня в этих палатах, и я боюсь, чтобы он не съел бы тебя!

— Не кручинься о том, — молвил ей Иван-царевич. — Я не боюсь этого!

Скоро после того поднялся сильнейший вихрь. Царевна Луна в великом страхе стала говорить царевичу:

— Любезный братец! Поскорее спрячься куда-нибудь, а то сейчас придет сюда медведь и съест тебя непременно!

— Не бойся, — ответил брат и тотчас же, надев на себя шляпу-невидимку, сел на стул.

В ту же минуту вошел в комнату ожидаемый медведь и, не превращаясь в человека, закричал человеческим голосом:

— Фу, фу, фу! Ранее и слыхом здесь не слыхано было русского духа, а теперь что-то пахнуть им стало! Уж, наверное, Луна, у тебя здесь кто-нибудь?

— И как тебе не стыдно говорить об этом! Ну, откуда быть здесь русскому духу? Ты сам-то, бегая по Руси, набрался, наверное, русского духа — вот он тебе и чудится здесь!

— Не пришел ли твой брат, Иван-царевич? Он ведь родился давно уже.

— Я от роду не видала и не знаю никакого брата, и не знаю даже, есть ли он у меня! Ну, а если бы и был у меня брат и пришел сюда, то ты бы наверное съел бы его!

— Нет! — ответил медведь. — Я никогда бы не сделал этого.

— Не верю! — сказала царевна.

— Я клянусь тебе чем хочешь! — отвечал ей медведь.

— Когда так, — промолвила Луна, — то знай, что брат мой сидит возле тебя!

— Что ты! — удивился медведь. — Как же я не вижу его?

— Право же, говорю тебе, он здесь и сидит около тебя, — еще раз повторила ему царевна.

После этих слов медведь встал и, ударившись об землю, сделался таким молодцом, что ни вздумать, ни взгадать; превратившись в человека, он проговорил:

— Иван-царевич! Не прячься от меня, я не злодей для тебя и буду даже очень рад увидать тебя!

Услышав это, Иван-царевич, сняв с себя свою невидимку, предстал перед бывшим медведем, с которым тотчас же он начал разговаривать, и тот стал всячески забавлять его разными увеселениями и очень ласково обходился с ним все время, а также угощал и потчевал царевича очень радушно.

Иван-царевич прожил у старшей сестры три месяца и потом стал собираться в дорогу. Перед уходом он начал расспрашивать Луну об их младшей сестре Звезде:

— Где и как найти ее?

— Она живет не очень далеко, — сказала Луна. — Только, братец, не думаю, чтобы ты увидал ее, потому что живет она в медном замке, вокруг которого всегда стоят караульные, все водяные черти, и они, конечно, тебя в замок не пустят, а еще, пожалуй, убьют до смерти.

— Хоть сам умру, а все-таки увижу мою сестру. И что бы там ни было, какие бы опасности мне ни встретились, а все-таки я пойду туда, зачем пошел!

Распростившись с Луной и медведем, царевич отправился в свой путь. На другой день пути он увидал тот самый замок, про который ему говорила Луна. У ворот замка стояли два черта, которые на плечах держали пушки и не пропускали в ворота замка ни одной души. Когда Иван-царевич хотел было, несмотря на караульных, войти в замок, то они просто готовы были убить его. Но Иван-царевич, обратясь к ним, начал говорить им:

— Почему вы не хотите впустить меня в замок? Ведь я пришел сюда затем, чтобы сменить вас всех с караула.

— Врешь, ты обмануть нас хочешь. Мы никого не смеем пропускать в замок под страхом большого наказания. А если ты хочешь непременно пробраться туда, то лезь через стену; хотя, говоря правду, надо сказать тебе, что по ту сторону стены подведены струны, и как только кто-либо хоть чуть дотронется до струны, то сию же минуту по всему замку пойдет сильнейший гром, услыхав который, сейчас же из моря выйдет чудовище и не оставит тебя живым.

Царевич не устрашился этих слов, а надел свои сапоги-самоходы и полез себе через стену. Зацепив слегка своим платьем за струны, Иван-царевич наделал сильнейший гром на весь замок. Войдя в самый замок, Иван-царевич, торопясь, пошел по комнатам отыскивать свою сестру. Найдя ее спящей, он тотчас разбудил ее от сна, и та, проснувшись и увидав его, громко закричала:

— Кто ты и зачем пришел сюда?

Иван-царевич отвечал ей:

— Любезная сестрица, прекрасная королева Звезда! Не злодея ты видишь перед собой, а твоего любезного брата Ивана-царевича, который принес тебе

челобитье от твоего любезного батюшки и родной матушки. Родители наши много и сильно сокрушаются об тебе.

Услыхав эти слова от Ивана-царевича, Звезда вскочила и начала горячо целовать и радостно приветствовать своего младшего брата. Потом, услышав все еще продолжавшийся гром от струн, царевна очень испугалась и стала говорить Ивану-царевичу:

— Любезный братец мой, Иван-царевич! Спрячься поскорее куда-нибудь из этой комнаты, а то придет сюда чудовище, и как только увидит тебя, то тут же и съест!

— Не заботься и не беспокойся обо мне, — сказал царевич и, сейчас же надев на себя свою шляпу-невидимку, сел преспокойно здесь же, в спальне, на стул.

Только что успел царевич надеть невидимку, как в ту же минуту вошло в комнату чудовище, которое закричало:

— Фу, фу, фу! До сих пор не слыхано было нигде здесь в замке русского духа, а теперь вдруг пахнуть стало! Уж, наверное, у тебя, Звезда, здесь есть кто-нибудь?

— Ах, мой свет! — ответила Звезда. — Ну кому же быть у меня? Да к тому же на карауле у тебя стоят такие строгие стражи, что никого и ни за что не пропустят. А вот ты сам-то бегаешь по Руси, ну и набрался там этого духу.

— Полно, Звезда! Не пришел ли к тебе брат твой, Иван-царевич? — спросило чудовище. — Я знаю, ведь он давно уже родился.

— Я и знать-то не знаю никакого брата, — сказала царевна. — Ну а если бы брат пришел, то ты, наверное, съел бы его, — добавила она.

— Нет, — отвечало чудовище, — я никогда бы не сделал этого!

— Ох, не верю я словам твоим! — промолвила Звезда.

— Я клянусь тебе, чем хочешь, что не трону его!

— Когда так, — сказала Звезда, — то знай, что брат сидит возле тебя!

— Ты лжешь, — сказало чудовище, — как же он сидит здесь, когда я не вижу его!

— А я говорю тебе, право же, он здесь же и возле тебя сидит, — повторила царевна.

Тогда чудовище, ударившись о землю, превратилось в такого молодца, что любо глянуть, и промолвил этот молодец:

— Иван-царевич! Не прячься от меня, я не злодей тебе и худого ничего не сделаю и буду очень рад увидаться с тобой!

После этого Иван-царевич снял свою невидимку и показался чудовищу, превратившемуся в доброго молодца. Этот молодец разговаривал с царевичем очень ласково, всем потчевал и угощал его, и, кроме того, забавлял его разными увеселениями.

Царевич прожил у сестры около года. Когда чудовища не бывало дома, то он говорил сестре, чтобы она ушла бы с ним в свое родное отечество, но Звезда всегда отвечала на это, что она боится своего чудовища, которое непременно погонится за ними и, догнав, убьет обоих насмерть.

— Как же мне тебя и другую сестру нашу выручить? — спросил Иван-царевич у Звезды в один из их разговоров.

— Если ты хочешь во что бы то ни стало выручить меня с моей несчастной сестрой Луной от этих ненавистных нам духов, то ты вот что сделай. Сходи ты за тридевять земель, в тридесятое государство, а государством тем владеет Царь-девица. Но только дело в том, что тебе будет очень трудно пройти к тому государству, так как к нему есть Калиновый мост, а через мост тот ни конного, ни пешего не пропускает змей о двенадцати головах, который всегда находится под мостом, и всех, кто бы ему ни попался на мосту, сожрет непременно. Кому же змея того удастся убить, то за того Царь-девица выйдет замуж. А она-то и может только меня и старшую сестру нашу Луну выручить из этой беды.

Выслушав все это, Иван-царевич распростился со своей горемычной сестрой Звездой, и пошел он за тридевять земель в тридесятое государство. На дорогу он обулся в свои сапоги-самоходы, почему и поспел в три дня к Калиновому мосту.

Не доходя еще до самого моста, Иван-царевич зашел в первую попавшуюся кузницу и наказал, чтобы ему сейчас же сделали меч-кладенец и боевую палицу в сорок пудов. Заплатив за работу деньги, Иван-царевич взял свои богатырские доспехи и отправился прямо к мосту, чтобы убить змея. Едва только он подошел туда, как из-под моста выскочил вдруг змей многоголовый и, кинувшись к нему, хотел прогнать его. Но царевич, увернувшись от змея, в то же время сам успел нанести удар ему мечом и сразу отсек ему три головы. Змей вторично бросился на него, но тот и на этот раз, оставшись сам невредим, успел змею нанести удар и отсек ему еще шесть голов. Змей испустил из себя огненное пламя и хотел этим огнем сжечь царевича, но тот опять ловко увернулся и ударил еще раз змея мечом и рассек его надвое.

Убив змея, царевич сложил из дров костер, положил на него убитого змея и все его головы и, зажегши, оставил все это гореть, а сам пошел через Калиновый мост и вскоре же пришел на другую сторону, где увидел вышедших из городских ворот 12 голубиц, которые, придя на берег той реки, через которую был перекинут мост, ударились о землю и превратились в девиц. После этого они разделись и начали купаться.

Царевич, надев свою шляпу-невидимку, стал смотреть на них в ожидании, что будет дальше. Тем временем девицы выкупались и оделись. Царевич, сняв с себя свою шляпу-невидимку, подошел к ним поближе.

— Честные девицы, скажите мне, кто владеет сим местом? — так говорил им царевич, желая от них узнать обо всем подробнее.

— Добрый кавалер, — в свою очередь спросили его удивленные девицы, — как ты попал сюда, а главное, перешел через Калиновый мост?

— А я, идя сюда, убил на той стороне реки, возле самого моста, двенадцатиглавого змея, — ответил им Иван-царевич.

Только что он успел выговорить эти слова, как девицы подхватили его под руки и сказали ему:

Убив змея, царевич и сам пошел через Калиновый мост
(рис. Л. Альбрехта)

— Если ты убил стража нашего государства, то должен быть сам нашим государем.

И, проговорив это, повели царевича к Царь-девице.

Когда они вошли в царские палаты, то Царь-девица вышла навстречу царевичу и приняла его, взяв за белые руки. В тот же день царевич женился на Царь-девице.

По прошествии нескольких дней после брака царевич стал просить свою молодую жену, чтобы она освободила из рук духов его обеих сестер, Луну и Звезду.

Выслушав просьбу царевича, его супруга, бывшая Царь-девица, ответила ему, что просьбу его она готова исполнить. Затем, обратясь к своим девицам, молодая царевна приказала им:

— Приведите сюда духа, который содержится в погребе!

Девицы пошли и скоро привели того духа к Царь-девице.

— Что требуешь от слуги своего? — спросил дух молодую царевну.

— Слушай, Страмец! — сказала ему Царь-девица. — Если ты сослужишь мне ту службу, которую я прикажу тебе сейчас, то ты будешь выпущен на волю.

Дело вот в чем. Есть Морское Чудовище да еще Медведь; у этих двух духов находятся в заточении две царевны, родные сестры. Одну звать Луна, а другую — Звезда. Первая из этих находится у Медведя, а вторая — у Морского Чудовища.

Выслушав приказ своей повелительницы, дух Страмец, выйдя из царских палат, превратился вихрем и помчался сперва туда, где обреталась старшая сестра Луна. Прилетев к Медведю, он призвал его к себе и сказал ему, чтобы он по-хорошему отдал бы царевну Луну. Медведю, хотя и не хотелось расставаться с красавицей, делать было нечего, и он был принужден отдать посланному духу живущую у него Луну.

Дух Страмец, получив старшую царевну, взял ее и с ней вместе помчался к младшей сестре Звезде. Прибыв туда, он потребовал к себе Морское Чудовище и ему так же, как Медведю, объявил, чтобы он без всяких хлопот возвратил проживавшую в его замке царевну Звезду. Морское Чудовище, не могши ослушаться приказания примчавшегося духа, вынужден был подчиниться его приказу и потому без упирательства отдал ему царевну Звезду.

Достав обеих сестер, Страмец подхватил их и помчался обратно к Царь-девице. Прибыв в свое государство, он сдал обеих царевен на руки своей повелительнице.

Увидав освобожденными своих сестер, Иван-царевич благодарил супругу и духа Страмца, благодаря которому его сестры избавились от заточения у ненавистных им духов.

Вскоре после этого Иван-царевич стал проситься у своей супруги, чтобы отпустила бы его хоть на малое время в свое государство к родителям его, а также и для того, чтобы мог он доставить туда сестер своих Луну и Звезду. Но Царь-девица на это не согласилась, так как без него не могла пробыть и одной минуты. А она сказала ему, что велит своему духу, чтобы тот отнес обеих царевен в их государство и чтобы он, царевич, написал бы к своим родителям письмо и отдал бы его сестрам. Когда Иван-царевич изъявил на это свое согласие, то Царь-девица призвала опять духа Страмца и поручила ему, чтобы он немедленно же доставил сестер-царевен в их отечество, а оттуда принес бы известие о здоровье родителей ее супруга — царя Архидея и царицы Дарии.

Дух подхватил обеих царевен и в один миг доставил их в родное государство.

Царь Архидей и царица Дария, увидев вновь своих дочерей Луну и Звезду совершенно невредимыми, столь сердечно обрадовались, что их великой радости не было конца. Потом они оба, царь и царица, написали к сыну своему, Ивану-царевичу, письмо о своем благополучном здравии и отдали его духу Страмцу, который живо примчал его в государство Царь-девицы, и та за всю верную службу духа отпустила Страмца на волю.

После этого Иван-царевич с супругой своей, бывшей Царь-девицею, жили в полной любви и согласии много-много лет.

Об Иване-царевиче и Жар-птице и Сером волке

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь по имени Выслав Андронович. У него было три сына царевича: первый — Дмитрий-царевич, второй — Василий-царевич и третий, самый меньшой — Иван-царевич.

У этого царя Выслава Андроновича был сад, такой великолепный, что ни в каком другом государстве лучше этого сада не было. В саду этом росли разные драгоценные деревья, с плодами и без плодов. Одна из яблонь была любимая царя Выслава, и на этой яблоне росли золотые яблочки.

Повадилась в сад к царю Выславу летать птица, называемая Жар. На ней были перья золотые, а глаза — подобны восточному хрусталю. Летала птица та в сад каждую ночь и всегда садилась на редкостную яблоню и, сорвав золотых яблочек, улетала прочь.

Царь Выслав был крайне опечален этим обстоятельством и очень горевал, что Жар-птица много срывала с нее золотых яблочек. Почему он призвал к себе всех трех своих сыновей и сказал им:

— Любезные мои дети! Кто может из вас поймать в моем саду Жар-птицу? Если кто поймает, тому еще при жизни отдам половину моего царства, а после смерти — и все.

Услыхав это, все сыновья отвечали в один голос:

— Милостивый государь-батюшка, ваше царское величество! Мы все с величайшей радостью готовы услужить тебе и постараемся поймать эту Жар-птицу живой.

После этого братья решили между собой по очереди ходить каждую ночь в отцовский сад и подкарауливать воровавшую золотые яблочки Жар-птицу. На первую ночь пошел в сад караулить ее старший сын Дмитрий-царевич. Придя в сад, он сел под ту яблоню, с которой пропадали яблочки, и заснул, так что не слыхал и не видал ни того, как прилетала Жар-птица, ни того, как она ощипывала драгоценную яблоню.

На другой день утром царь Выслав Андронович призвал к себе царевича Дмитрия и спросил его:

— Ну что, сын мой любезный, видел ли ты Жар-птицу или нет?

— Нет, милостивый государь-батюшка, — ответил Дмитрий-царевич, — она в эту ночь не прилетала.

Вслед за старшим братом пришла очередь среднего — Василия-царевича, а на вторую ночь он так же, как и первый, отправился на ночь в сад своего отца подкараулить похитительницу драгоценных плодов — Жар-птицу. Придя в сад и сев под ту же яблоню, где перед этим провел ночь его старший брат, он, долго поджидая свою добычу, заснул и не видел, как прилетала в сад Жар-птица, и, сидя над ним, срывала золотые яблочки, и, нарвав таковых, улетела себе преспокойно из сада.

Утром после этой ночи царь Выслав призвал к себе царевича и стал спрашивать его:

— Что, сын мой любезный, видел ли ты Жар-птицу или нет?

— Нет, милостивый государь-батюшка, — отвечал ему Василий-царевич. — Она в эту ночь не прилетала.

Наконец, на третью ночь пришла очередь идти в сад Ивану-царевичу. Он, придя туда, сел под ту же яблоню, где две ночи кряду спали его старшие братья. Сидя под яблоней, царевич не спал, а внимательно прислушивался ко всему в ожидании прилета птицы-похитительницы. Сидел он там час, сидел другой, но все еще никого не было. Между тем царевич бодрствовал и твердо решился не спать, а дожидаться того момента, когда воровка прилетит за золотыми яблочками. В исходе третьего часа его там сидения вдруг весь сад осветило; да как еще! Как будто многочисленными огнями все было освещено.

Иван-царевич сообразил, что то прилетела в сад Жар-птица. И вдруг видит он, что она села на ту яблоню, под которой он караулил ее. Сев на яблоню, она начала было ощипывать золотые яблочки. Но в это время Иван-царевич, тихонько и искусно подкравшись к ней, схватил ее за хвост, но все-таки удержать ее не мог, и Жар-птица, вырвавшись из рук его, улетела, оставив только в руке царевича одно перо из хвоста своего, за который тот сильно ухватил Жар-птицу.

Рано утром после этой ночи, когда царь Выслав только пробудился от сна, царевич пришел к нему и принес то самое перо, которое ночью удалось выдернуть из хвоста Жар-птицы. Царь Выслав был очень этим обрадован, что хотя меньшему сыну удалось наконец-то подкараулить похитительницу его драгоценных плодов. И хотя птицы самой поймать не удалось, но и перышко одно ее имело большой интерес и было очень дивное, так что ежели бы его внести в совершенно темную комнату, то от него исходил такой сильный свет, как бы было зажжено великое множество свечей.

Царь Выслав, взяв от сына чудное перышко, снес его в свой кабинет и положил там как редкостную вещь, которая должна была всегда сохраняться.

После той ночи, когда царевичу Ивану удалось вырвать у прилетевшей в сад Жар-птицы перо, то эта чудная похитительница царских плодов перестала летать в сад царя Выслава. Но царь Выслав тем не менее не успокоился и теперь, — увидев только дивное перышко, захотел во что бы то ни стало приобрести и самую Жар-птицу. А поэтому он вновь призвал к себе детей своих и опять сказал им:

Иван-царевич тихонько схватил за хвост Жар-птицу
(рис. Л. Альбрехта)

— Любезные мои дети! Я дам вам мое родительское благословение: поезжайте и отыщите мне ту Жар-птицу, которая летала прежде в мой сад, отыскав, привезите ее ко мне живой. Кто это поручение мое исполнит и привезет мне живую Жар-птицу, тот получит, конечно, то, что обещал я ранее за нее в награду.

Оба старших царевича — Дмитрий и Василий — с этого времени начали иметь тайную злобу на своего меньшего брата Ивана-царевича за то, что ему удалось выдернуть из хвоста у Жар-птицы чудное перышко, которое так заинтересовало их отца.

Получив от отца своего благословение, царевичи Дмитрий и Василий выехали на поиски за Жар-птицей. В свою очередь и меньшой царевич, узнав об отъезде братьев, стал также просить у родителя своего благословения на дорогу для отправления в поиски за Жар-птицей.

Услышав просьбу своего младшего сына, царь Выслав сказал ему:

— Любезный сын мой, чадо мое милое! Ты еще очень молод, и для тебя такой трудный и дальний путь непривычен. И зачем тебе от меня отлучаться, когда братья твои за этим же делом поехали. Неужели и ты хочешь уйти от меня? Ведь тогда вы все трое будете далеко от меня и можете долго не возвратиться, а я уже нахожусь в престарелых годах и хожу под Богом. И ежели во время вашей отлучки Бог отнимет от меня жизнь, то кто же останется вместо меня и будет управлять моим царством? Ведь тогда может произойти бунт и выйти несогласие между нашими подданными, и унять их некому будет. А также может подступить под наши области неприятель, так управлять нашим войском будет некому.

Однако как ни старался царь Выслав уговорить и удержать при себе, но ничего не мог с ним поделать и, снисходя на неотступные просьбы царевича, вынужден был согласиться на отпуск своего последнего сына и на дорогу дал ему свое родительское благословение.

Иван-царевич, получив родительское благословение, выбрал себе коня и поехал в путь.

Ехал он, ехал, сам не зная куда, и приехал он в чистое поле, на зеленые луга, и увидал там в чистом поле столб, на котором написаны были следующие слова: «Ежели кто поедет от столба прямо, так тот будет голоден и холоден, а кто поедет в правую сторону, то тот сам будет жив, здоров и невредим, а конь его будет мертв. Кто же поедет в левую сторону, тот будет убит, а конь его жив останется».

Иван-царевич, прочитав эту надпись, поехал в правую сторону, рассудив, что ежели конь его и будет убит, то все-таки сам он останется жив, а коня можно будет после добыть другого.

Едет Иван-царевич по избранной им дороге день, другой и третий, и никого по дороге не видать было. Как вдруг, откуда ни возьмись, выходит ему навстречу огромнейший серый волк и говорит царевичу:

— Ох ты, гой еси, молодой юноша Иван-царевич! Ведь ты читал на столбе, что конь твой будет мертв, так зачем же ты сюда едешь?

Сказав эти слова, волк разорвал коню шею и пошел прочь в сторону.

Иван-царевич очень горевал о коне своем и, горько заплакав, пошел пешком. Пройдя весь день тот, он очень устал и хотел было отдохнуть, но лишь только он собрался присесть, как его нагнал серый волк и сказал ему:

— Жаль мне тебя, Иван-царевич, что ты пешком изнуряешься; жаль мне тебя и потому еще, что я заел твоего коня доброго. Ну, ладно! Садись на меня, серого волка, и скажи, куда везти тебя и зачем.

Иван-царевич сказал, куда ему ехать надобно, и серый волк помчался с ним быстрее коня его. Через некоторое время привез он Ивана-царевича к каменной стене, не очень высокой. Остановившись здесь, волк сказал своему седоку:

— Ну, Иван-царевич, слезай с меня, серого волка, и полезай через эту каменную стену. Здесь за стеной есть сад, а в этом саду в золотой клетке и сидит

та самая Жар-птица, которая нужна тебе. Ты Жар-птицу возьми, а золотой клетки не трогай, а ежели ты и ее возьмешь, то тебе оттуда не уйти будет: тебя непременно поймают.

Иван-царевич перелез каменную стену и очутился в саду. Увидев Жар-птицу в золотой клетке, он подошел к ней и, вынув ее из клетки, пошел обратно. Но по дороге он одумался и решил, что без клетки ему некуда посадить Жар-птицу и не в чем будет ее доставить до своего государства. Поэтому он снял с дерева клетку, как по всему саду раздался стук и гром, потому что к этой клетке были проведены струны, которые давали знать караульным, что клетку с Жар-птицей тронули с места.

Услыхав тревогу, караульные проснулись и, прибежав в сад, поймали Ивана-царевича с Жар-птицей и тотчас повели его к своему царю, которого звали Далматом.

Царь Далмат очень разгневался на Ивана-царевича и закричал на него своим громким сердитым голосом:

— Как не стыдно тебе, юный рыцарь, воровать! Кто ты таков, какой земли и какого отца сын и как зовут тебя по имени?

— Зовут меня Иван-царевич, — отвечал пойманный с поличным. — А из царства я Выслава, и отец мой есть царь Выслав Андронович. Твоя Жар-птица повадилась к нам в сад летать, и срывала каждую ночь с любимой отца моего яблони золотые яблочки, и почти все дерево испортила. Поэтому родитель мой послал меня, чтобы я разыскал Жар-птицу и доставил бы ее к нему.

— О, молодой Иван-царевич! — проговорил царь Далмат. — Ну, пригоже ли тебе делать так, как сделал? Ты пришел ко мне, — продолжал царь Далмат, — и я честно бы отдал тебе эту Жар-птицу. А теперь хорошо ли будет, когда я разошлю во все государства объявить об тебе, как ты в моем государстве нечестно поступил. Однако слушай, Иван-царевич: если сослужишь мне службу и съездишь за тридевять земель, в тридесятое государство и достанешь мне от царя Афрона коня златогривого, то я тебе всю вину прощу и Жар-птицу отдам тебе с великой честью. Ежели же не сослужишь мне этой службы, то я о тебе дам знать во все государства, что ты нечестный рыцарь.

Иван-царевич ушел от царя Далмата крайне опечаленный, обещая тому все-таки добыть коня златогривого. Пришел царевич опять к серому волку и подробно рассказал ему обо всем. Выслушав его признание, волк отвечал ему:

— Ох ты, гой еси, младой юноша Иван-царевич! Ведь предупреждал же я тебя об этой беде, и отчего ты сразу не послушался меня?! Ну, что делать? Быть так! Садись на меня, я свезу тебя, куда тебе нужно.

Иван-царевич уселся серому волку на спину, и тот помчал его с такой быстротой, что стрела, пущенная из туго натянутого лука. Долго ли, коротко ли, но примчал его серый волк в то самое царство Афрона, где находится чудный конь с золотой гривой. Прибыли они туда ночью, и волк подвез его к самым каменным конюшням. Ссадив своего седока, серый сказал ему:

— Ступай, Иван-царевич, прямо в эти конюшни и бери того самого коня златогривого, но тут рядом на стене висит золотая узда, то ты не тронь ее, а то тебе опять худо будет.

Пошел Иван-царевич в указанную конюшню, и, пользуясь тем, что все караульные в это время спали, он взял себе преспокойно драгоценного царского коня златогривого и повел его из стойла. Но по дороге увидел на стене золотую узду и так ею прельстился, что не мог утерпеть, и, забыв предупреждение волка, взял и снял уздечку с гвоздя и хотел было вместе с конем унести и эту драгоценность. Но едва только успел он снять эту узду, как по всем конюшням пошел такой гром и шум, что все караульные сразу проснулись, так как к гвоздю, на котором висела золотая узда, были проведены многие струны для сигнала караульным конюхам на случай, кто будет трогать ту узду.

Проснувшись, конюхи поймали царевича и повели его прямо к самому царю Афрону. Царь начал допрашивать пойманного с конем и уздечкой царевича:

— Скажи мне, младой юноша, из которого ты государства, и кто твой отец, и как зовут тебя самого?

— Я, — отвечал ему пойманный, — родом из царства царя Выслава, и царь Выслав Андронович родной мой отец. Зовут же меня по имени Иван-царевич.

— Ох ты, молодой Иван-царевич! Ну честное ли рыцарское дело сделал ты? Ты пришел бы ко мне прямо, и я бы отдал тебе коня златогривого с честью. А теперь хорошо ли будет тебе, когда разошлю я во все царства известие о том, что сделал ты в моем государстве бесчестный поступок?.. Однако вот что, слушай: ежели ты, Иван-царевич, сослужишь мне службу и съездишь за тридевять земель и в тридесятое государство и достанешь мне оттуда королевну — Прекрасную Елену, в которую душой и сердцем влюбился я, — то тогда за твою услугу отдам я тебе честно и коня златогривого, и золотую уздечку, а ежели ты не выполнишь этого поручения, то я об тебе дам знать во все государства и подробно пропишу, как ты бесчестно и не по-рыцарски поступил в моем государстве.

Нечего было делать — обещался Иван-царевич царю Афрону достать ту королевну, но, выйдя из царских палат, горько-прегорько заплакал.

Вернувшись к поджидавшему его серому волку, царевич рассказал ему обо всем случившемся со всеми подробностями.

— Ой ты, гой еси, младой юноша! — проговорил серый друг его. — Ведь и тут предупреждал я тебя о том, что может случиться, почему же ты не послушался слов моих и взял ту золотую уздечку, которая принесла тебе только печаль одну?!

— Виноват я перед тобой, — отвечал царевич.

— Ну, делать нечего! Садись опять на меня, серого волка, свезу тебя, куда тебе надобно!

Иван-царевич сел на спину своего серого волка, и тот что стрела помчал его. Мчались они быстро и через недолгое время уже были в том самом

государстве, где находилась королевна Прекрасная Елена. Серый волк подвез царевича к золотой решетке, которая окружала великолепный сад, и сказал ему:

— Ну, теперь слезай и ступай по этой же дороге, где мы все время ехали с тобой. Когда выйдешь в чистое поле, то увидишь зеленый дуб. Садись под этим дубом и ожидай меня.

Иван-царевич слез с серого друга и пошел по указанному пути, как велено ему было, а серый волк сел у решетки, поджидая, когда в сад на прогулку выйдет королевна Прекрасная Елена.

К вечеру, когда солнышко стало клониться к западу и дневной жар стал понемногу спадать, королевна Прекрасная Елена пошла прогуливаться в свой роскошный сад. Вышла же королевна гулять из дворца своего в сопровождении многочисленных нянюшек, мамушек и придворных боярышень.

Выйдя в сад, Прекрасная Елена подошла к тому месту решетки, где сидел и подкарауливал ее прихода серый хищник. Только что Елена приблизилась к своему нежданному похитителю — серому волку, — как последний вдруг перескочил через решетку и, схватив растерявшуюся и перепуганную королевну, мигом перескочил опять обратно вон из сада и стремглав помчался с красавицей Еленой к поджидавшему его в назначенном месте Ивану-царевичу. Прибежав под зеленый дуб, он проговорил царевичу:

— Иван-царевич! Садись как можно скорее на меня, и бежим что есть духу, подальше отсюда!

Иван-царевич не заставил ждать себя и быстро вскочил по привычке на спину серого волка, и тот, что молния, помчался с двумя седоками обратно в государство царя Афрона.

Когда серый друг царевича так неожиданно похитил Прекрасную Елену на глазах у всех бывших с ней нянюшек и мамушек и придворных боярышень, то все сопровождавшие королевну, до смерти перепугавшись неожиданного никем происшествия, бросились сейчас сообщить о случившемся несчастье во дворец, и оттуда немедленно же была снаряжена и послана вслед похитителю многочисленная стража в погоню, чтобы отбить у серого злодея красавицу-королевну. Но как ни шибко скакала погоня, однако догнать серого волка не сумела, и последний, далеко опередив погоню, скрылся из виду, и посланным ничего не оставалось другого, как только вернуться обратно, что они и сделали.

Иван же царевич, пока мчался к царю Афрону и сидел вместе с прекрасной королевной у серого похитителя на спине, так страстно и горячо полюбил Елену, а та в свою очередь его, что царевич не на шутку запечалился, когда стали они подъезжать к государству царя Афрона. И чем ближе становилась минута, когда надо было отдать другому красавицу королевну, тем грустнее делался Иван-царевич и под конец не выдержал и горько заплакал.

— О чем ты плачешь, Иван-царевич? — спросил его серый волк.

— Как же мне не плакать, доброму молодцу, серый ты друг мой, — отвечал ему Иван-царевич. — Как не кручиниться мне сердцем и душой, коли я полюбил больше жизни эту красавицу, королевну Елену, и должен теперь

отдать ее другому, этому царю Афрону, за его коня златогривого; а если я не отдам ему нашей добычи, дорогой красавицы Елены, то царь Афрон за такой поступок не простит мне первой вины моей и обесчестит меня самым скверным образом во всех государствах.

— Много служб сослужил я тебе, Иван-царевич, — сказал ему серый волк, — сослужу я тебе еще и эту службу и спасу тебя от беды. Слушай, — продолжал серый друг царевича, — я сделаюсь прекрасной королевной Еленой, а ты меня отведи к царю Афрону и возьми за то коня златогривого и золотую уздечку. Царь, ничего не ведая, почтет меня за настоящую королевну Елену, и когда ты, севши на того коня златогривого, уедешь далеко, то я попрошусь у царя Афрона в чистое поле погулять, и как только он меня отпустит с нянюшками, мамушками и со своими придворными дамами и все мы вместе будем гулять в чистом поле, то меня вспомни, и я опять буду у тебя, готовый к твоим услугам.

Проговорив все это, серый волк ударился о сырую землю и вдруг превратился в красавицу королевну Елену, да так ловко вышло это превращение у него, что никто и ни за что не мог бы узнать, что это не настоящая Прекрасная Елена.

Иван-царевич, взяв с собой серого волка, превратившегося в Прекрасную Елену, повел его во дворец к Афрону, а настоящей красавице королевне Елене велел дожидаться его за городом.

Когда Иван-царевич пришел к царю Афрону с мнимой Еленой, то царь от всего сердца обрадовался, что ему удалось заполучить такое сокровище, которое он давным-давно только и желал. Приняв с радостью поддельную Елену и отдав за нее царевичу коня златогривого и золотую уздечку, он оставил в своих покоях эту удивительную красавицу. А Иван-царевич, сев на коня, поехал за город, где его дожидалась настоящая королевна, и, взяв Елену вместе с собой, стал держать путь к государству царя Далмата.

Серый же волк, оставшись жить у царя Афрона, прожил у него вместо Прекрасной Елены день, другой и третий, а на четвертый явился к царю Афрону и стал проситься позволить ему погулять в чистом поле, а то, дескать, уж очень тоска одолела, так пойти хоть развеять ее в чистом поле.

Услышав эту просьбу красавицы Елены, царь Афрон с радостью согласился отпустить мнимую царевну гулять в поле, только лишь бы она была весела и не тосковала.

— Я готов все сделать для тебя, что только пожелаешь, — отвечал царь Афрон серому волку в образе чудной красавицы и сейчас же приказал нянюшкам и мамушкам и всем придворным барышням идти и сопровождать красавицу Елену-волка в прогулке по чистому полю.

Иван-царевич, поехав себе вдвоем с красавицей королевной Еленой, совсем было забыл про своего серого друга, но потом вдруг вспомнил о нем: «Ах! Где-то теперь мой серый волк?» Вдруг откуда ни возьмись — стоит перед ним его серый приятель и говорит:

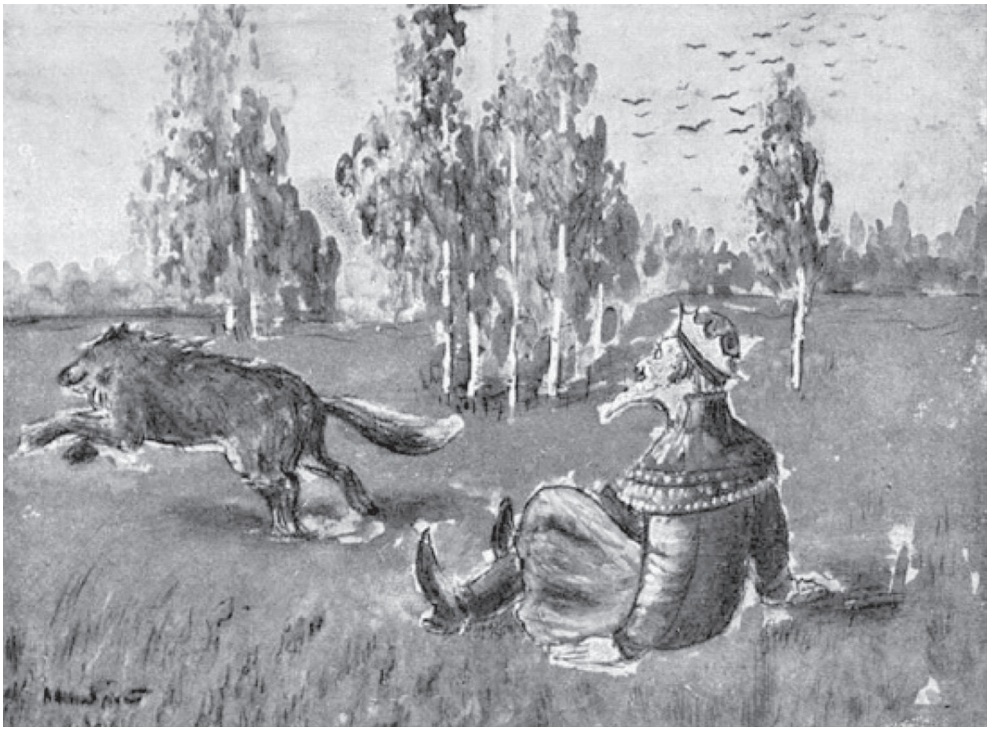
— Садись, Иван-царевич, на меня, на серого, а Прекрасная королевна Елена пусть едет на златогривом.

Иван-царевич послушался серого друга и пересел на его спину, а красавица королевна осталась на коне златогривом, и они отправились далее в путь, в государство царя Далмата.

Когда они стали подъезжать к тому государству, то, не доезжая верст трех до самого царства, Иван-царевич обратился к серому волку и стал просить его:

— Слушай, друг ты мой любезный, серый волк! Ты много сослужил мне служб, сослужи еще одну и последнюю службу: не можешь ли ты оборотиться в коня златогривого вместо того, который мною получен от царя Афрона; так как с этим мне не хотелось бы расставаться.

Услышав эту просьбу, серый волк, не говоря ни слова, ударился о землю и сразу стал конем златогривым, так что никто бы и различить не мог его с настоящим конем. Иван-царевич, оставив за городом прекрасную королевну Елену вместе с конем златогривым, сел на превращенного серого волка, как будто бы на действительного коня, и поехал во дворец к царю Далмату.



Царь Далмат
(рис. Л. Альбрехта)

И как только царь Далмат увидел Ивана-царевича едущим на коне златогривом, то радости его не было конца.

Царь, выйдя тотчас же из своих палат, сам встретил его на широком дворе своем и, поцеловав царевича прямо в уста сахарные, взял его за руку и повел в свои палаты белокаменные. Кроме того, царь в радостях велел своим приближенным, чтобы был устроен великий пир, и все, сидя за столами дубовыми, покрытыми скатертями браными и установленными всякими кушаньями и винами, ели, пили, веселились и всячески забавлялись.

Серый волк, превратившись из коня златогривого в свой настоящий вид, побежал по следам уехавшего Ивана-царевича и, наконец нагнав его, сказал ему:

— Слушай, Иван-царевич! Садись ты опять на меня, на серого, а Прекрасная Елена пусть едет на коне златогривом.

Иван-царевич послушался своего серого приятеля и пересел на него, и они опять поехали все вместе в дальнейший путь.

Наконец, после некоторого времени доехали они до того места, где при первой встрече Ивана-царевича с серым волком последний разорвал коня его. Здесь, остановившись, серый волк обратился к Ивану-царевичу и сказал ему:

— Ну, Иван-царевич, послужил я тебе верой и правдой довольно, теперь слезай с меня, серого волка, и садись на своего коня златогривого и поезжай, куда тебе надобно.

Проговорив все это, серый волк побежал прочь в сторону, а Иван-царевич горько-прегорько заплакал по нем и потом, сев на своего коня златогривого, поехал дальше вместе с королевной Прекрасной Еленой.

Не доехав до своего государства верст за двадцать, царевич с Еленою остановились и сошли с коня, чтобы хоть немного отдохнуть и явиться домой более бодрыми. Они оба расположились на траве под деревом, которое укрывало их от жара солнечных лучей; коня царевич привязал к дереву, а клетку с Жар-птицей поставил возле себя.

Отдыхая так по деревом, молодые люди вели между собой любовные разговоры, и так как оба от дальней дороги порядком утомились, то скоро поддались сну и крепко заснули.

В это самое время братья Ивана-царевича — старший Дмитрий и средний Василий, — ездившие по разным государствам для отыскания Жар-птицы и не нашедши последней, возвращавшиеся домой в свое отечество с пустыми руками, вдруг совершенно случайно наехали как раз к тому месту, где уставшие Иван-царевич с Прекрасной Еленой, расположившиеся на отдых, уснули крепким сном. Увидев возле спавшего брата то самое сокровище, ради которого они положили столько труда и потеряли так много времени, да, кроме того, тут же был еще конь златогривый и красавица-девица, они всем этим очень прельстились, и, желая воспользоваться чужим добром, вероломные братья решились на преступление и задумали убить своего родного брата до смерти. Дмитрий-царевич вынул из ножен меч свой, заколол Ивана-царевича, а потом тело его изрубил на мелкие кусочки.

Совершив это гнусное дело, братья разбудили все еще спавшую королевну Елену и начали ее допрашивать:

— Скажи, прекрасная девица, из которого ты государства и кто отец твой, а также скажи нам, как зовут тебя по имени?

— Зовут меня, — отвечала красавица, — Прекрасная королевна Елена, а достал меня Иван-царевич, которого вы, злодеи, предали злой смерти, — сказала она и горько заплакала, увидев все случившееся. — Вы тогда бы были добрые рыцари, — продолжала королевна, — если бы убили его живого и не сонного, так как сонный — что мертвый, а в открытом бою и в чистом поле, а теперь какую похвалу вы получите себе?

Услыхав столь смелые речи от молодой королевны, Василий-царевич схватил свой меч и приставил его прямо к сердцу красавицы, сказав ей в ответ на ее слова:

— Слушай, Прекрасная Елена! Ты теперь в наших руках: мы повезем тебя к нашему батюшке царю Выславу Андроновичу, и ты должна сказать ему, что как тебя, так и Жар-птицу и коня златогривого — все это достали мы с братом Дмитрием. А ежели ты сказать это откажешься, то я сейчас же предам тебя тут же на месте смерти!

Прекрасная Елена, видя свою беспомощность, крайне перепугалась и, боясь исполнения этой жестокой угрозы, обещалась этим злодеям сделать и сказать все так, как они прикажут, и в подтверждение своих слов поклялась им всем святым для нее.

Успокоившись за сохранение их преступной тайны, братья начали кидать между собой жребий: кому должна достаться красавица Елена и кому конь златогривый. По жребию, Прекрасная Елена досталась Василию-царевичу, а конь златогривый — Дмитрию-царевичу. Согласно этому царевичи разделили свою добычу. Василий взял красавицу королевну и посадил ее с собой на своего доброго коня, а Дмитрий — коня златогривого и Жар-птицу, для того чтобы вручить ее своему родителю царю Выславу Андроновичу.

Поделив и захватив с собой каждый свою часть добычи, они тронулись с места и поехали в дальний путь, оставив после себя неубранными даже следы своего преступления: изрубленное на мелкие куски тело своего родного брата Ивана-царевича.

После совершившегося убийства прошло ровно тридцать дней, и все это время разрубленный на куски своим злодеями-братьями Иван-царевич оставался лежать на том же месте, где произошло убийство. Случайно прибежал к тому месту старый приятель царевича, серый волк. Увидав разрубленное тело, он по духу узнал, что это убит Иван-царевич. Жаль ему стало своего друга и очень хотелось помочь ему, да не знал он, что бы такое сделать, чтобы вновь оживить его. И вдруг видит серый волк, что один большой и два маленьких ворона высоко летают над трупом и хотят спуститься и начать клевать мертвое мясо. Волк взял и спрятался за бывший тут же куст. В это самое время маленькие воронята спустились и начали было клевать мясо Ивана-царевича.

Только что они принялись было за еду, как серый волк мгновенно выскочил из-за куста и, схватив одного вороненка, хотел было разорвать его надвое.

Увидев в беде свое детище, старый ворон быстро спустился на землю и, сев поодаль серого волка, стал просить его:

— Ох ты, гой еси, серый волк! Не трогай ты моего детища.

Услышав это, серый волк решил воспользоваться случаем и сказал тут ворону:

— Хорошо, я не трону его, если ты за это сослужишь мне службу и слетаешь за тридевять земель в тридесятое государство и принесешь мне оттуда мертвой и живой воды.

Услышав от волка про его просьбу, ворон очень обрадовался, что может услужить серому, спасти своего детеныша, и с готовностью отвечал ему:

— Изволь, я тебе эту службу сослужу, только ты не трогай, пожалуйста, моего сына.

И, сказав это, ворон поднялся и скоро совсем скрылся из виду.

Только на третий день прилетел обратно ворон и принес с собой два пузырька: один с мертвой, а другой с живой водой, — и оба их отдал серому волку. Серый, взяв от ворона пузырьки, тотчас же разорвал вороненка надвое и спрыснул его мертвой водой, вороненок сразу сросся; потом он спрыснул его живой водой — и вороненок встрепенулся и как ни в чем не бывало полетел себе преспокойно прочь от того места.

Произведя над вороненком этот опыт и убедившись в действительной чудодейственной силе принесенных вороном вод, серый решился теперь употребить эти воды и для оживления своего друга. Взяв пузырек с мертвой водой и спрыснув ею разрубленное на мелкие куски тело, он увидал, как вдруг тело срослось и стало все снова целым. Тут он взял пузырек с живой водой и из него спрыснул мертвое тело своего друга — и Иван-царевич стал живым, как ни в чем не бывало, и проговорил:

— Ах, как я долго спал!

А серый волк в ответ ему и говорит:

— Да, Иван-царевич, спать бы тебе еще дольше, вечно не пробудиться бы тебе от сна, если бы не я случился здесь на твое счастье. Ведь тебя братья твои изрубили на мелкие куски, а Прекрасную Елену, коня златогривого и Жар-птицу увезли с собой. Теперь ты, Иван-царевич, поспеши в отечество твое как можно скорее, а то сегодня брат твой Василий женится на твоей невесте, прекрасной королевне Елене. А чтобы скорее ты мог добраться туда, то садись-ка ты лучше на меня, и я живо доставлю тебя в твое государство.

Иван-царевич сел на спину своего серого друга, и тот быстро помчался с ним в царство Выслава Андроновича. Прибежав туда, он остановился около города, и царевич, сойдя с серого волка, дружески распростился с ним и пошел пешком в город.

Придя во дворец отца своего, Иван-царевич застал там пир: там женился его старший брат Василий на королевне Прекрасной Елене, и молодые были уже приехавши от венца и сидели за столом.

Иван-царевич проснулся
(рис. Л. Альбрехта)

Как только Иван-царевич взошел в палаты и прошел в ту комнату, где сидели новобрачные, то Прекрасная королевна Елена, едва только увидела своего дорогого нареченного, выскочила из-за стола и, кинувшись к нему, начала его целовать и миловать и закричала во всеуслышание:

— Вот мой настоящий жених, он, Иван-царевич, а не тот злодей, который за столом сидит.

Услышав такое неожиданное открытие, изумленный царь Выслав Андронович встал с своего места и в сильном негодовании стал спрашивать Елену, что такое говорит она и что все это означает. Тогда Прекрасная королевна рассказала царю всю истину, со всеми мельчайшими подробностями, которые только были ей самой известны. Рассказала о том, как достал Иван-царевич коня златогривого, как Жар-птицу и, наконец, ее самою и потом, как ехали они сюда, а по дороге наехали братья и, воспользовавшись тем, что они от долгого пути крепко уснули, убили сонного Ивана-царевича насмерть и, забрав себе Жар-птицу и коня златогривого, принудили ее клятвенно обещаться им не выдавать их, а сказать, что все это, что везут они с собой в отечество,

добытое ими самими, и что она королевна, испугавшись их угрозы и боясь быть убитой, со страху на всю их подлость согласилась.

Услышав рассказ это из уст Прекрасной Елены, царь Выслав так сильно рассердился, что тут же отдал приказ посадить сию же минуту обоих старших сыновей его — царевичей Дмитрия и Василия — в темницу, а Ивану-царевичу приказал жениться на своей возлюбленной невесте красавице королевне Елене.

Иван-царевич, женясь на горячо им любимой Прекрасной Елене, стал с ней жить в полном мире и согласии, и они так искренно любили друг друга, что во всю жизнь не могли быть один без другого ни одной минуты, и жили так они счастливо и дружески долгое время и всегда были хорошим примером для других супругов.

Об Иване-богатыре, крестьянском сыне

В одной деревне жил крестьянин, и он был не очень богат. Жил он с женой три года, а детей у них не было. Наконец, на четвертое лето жена его забеременела и по прошествии времени родила сына, которого назвали Иваном.

Когда этому Ивану было уже пять лет, то он все еще не мог ходить, потому что, имея слабые ноги, он был сидень. Это обстоятельство сильно заставляло горевать мать и отца Ивана, и они день и ночь горячо молили Бога, чтобы он дал здоровья их сыну. Но как они ни молились, а сын их Иван все продолжал быть со слабыми ногами и по-прежнему сидел все на месте сиднем. И таким образом несчастный Иван просидел тридцать три года.

В одно прекрасное время отец и мать Ивана пошли в церковь к обедне. В их отсутствие подошел к окну избы их нищий и стал просить у безногого Ивана милостыню. Иван ответил ему, что:

— И рад бы подать я тебе, да не могу встать с места.

На это нищий сказал ему:

— Встань и сотвори мне милостыню, ноги твои здоровы и исцелены.

Услышав эти слова, крестьянский сын Иван тотчас же встал с места и, несказанно обрадовавшись, что его ноги совсем стали здоровы и невредимы, кликнул того нищего в избу и чем было накормил его досыта. Поев, нищий попросил Ивана дать ему напиться пива. Иван тотчас же принес пива и подал его нищему. Но нищий сам пива не пил, а велел всю принесенную кружку выпить Ивану, который, не возражая, сейчас же все выпил. Тогда нищий спросил его:

— Ну что, Иванушка, много ли ты теперь в себе силы чувствуешь?

— Очень много, — отвечал ему Иван.

— Ну теперь прощай же! — проговорил нищий и, сказав это, стал невидим, а Иван остался в великом удивлении.

Вскоре вернулись от обедни мать и отец Ивана и, увидев своего сына на ногах и совершенно здорового и невредимого, были крайне изумлены совершившимся в их отсутствие чудом. Они стали расспрашивать обо всем случившемся, и сын передал им по порядку все то, что было и как он вдруг из безногого сделался совершенно здоровым. Услышав рассказ Ивана о приходившем в их избу нищем, они решили, что то был не нищий, а какой-нибудь святой, и после столь радостного события начали весело пировать, а сын их Иван пошел в огород пробовать свою силу. Войдя в огород, он взял в руки громадный кол и воткнул его посредине самого огорода, а потом он взял и повернул этот кол, да так сильно, что вместе с колом повернулась и вся деревня.

Увидев в себе такую богатырскую силу, Иван пошел к своим старикам и стал с ними прощаться, прося их, чтобы они благословили его в дорогу. Услышав от сына про его намерение уйти из дому и оставить их, стариков, одних, они крайне опечалились и, горько заплакав, начали просить сына, чтобы он хотя бы еще малое время пожил с ними и не бросал бы их так скоро одних. Но Иван и слушать не хотел об этом и сказал им:

— Ежели вы не отпустите меня подобру и не дадите родительского благословения, то и не надо, я и так уйду.

Видя, что им не совладать со своим сыном и что он не обращает ни малейшего внимания ни на слезы их, ни на их просьбы, старики решились отпустить его по-хорошему, дали на дорогу ему свое благословение.

Получив родительское благословение, Иван, крестьянский сын, помолился Богу на все четыре стороны, и, распростившись со своим отцом и с матерью, пошел прочь со двора, и, выйдя из дому, повернул на правую сторону, и затем пошел далее куда глаза глядят.

Шел Иван ровно десять дней и десять ночей, и пришел он в одно государство, и лишь только вступил он на ту землю, как поднялся вдруг крик и шум величайший, так что царь той земли был очень смущен и, придя в большой ужас, велел клич кликать и обещался тому, кто уймет этот крик и шум, отдать в жены свою дочь, а за ней в приданое половину своего государства.

Услышав этот клич, Иванушка пошел прямо на царский двор и велел там доложить царю, что он берется унять тот крик и шум, что поднялся по всему царству. Едва только привратник услыхал те слова от Ивана, как немедленно же отправился к царю и доложил ему обо всем слышанном.

Царь тотчас же приказал позвать к себе Ивана, крестьянского сына, и когда тот пришел к нему, то царь спросил его:

— Друг мой, правда ли то, чем ты хвалился привратнику?

— Да, я Иван, крестьянский сын, действительно хвалился ему тем, и за то ничего больше от тебя не требую, как только отдай ты мне тот шум и гам, — сказал Иван.

Услыхав столь странную просьбу, царь был крайне изумлен ею и потом, рассмеявшись, ответил Ивану:

— Пожалуй, возьми, когда тебе надобно.

Железная дверь
(рис. Л. Альбрехта)

Получив согласие царя на предложенные им условия, Иван, поклонившись царю, вышел из его покоев и отправился прямо к привратнику и потребовал от него, чтобы он сейчас же дал ему сто человек рабочих людей. Привратник исполнил требование Ивана и нарядил в его распоряжение указанное число рабочих, которых Иван привел к царским покоям и заставил тотчас же рыть землю против этих покоев.

Когда рабочие, согласно приказу Ивана, вырыли уже достаточное количество земли, то увидели под той землей железную дверь с медным кольцом. Эту самую дверь Иван, крестьянский сын, отломал одной рукой и, выбросив ее вон, увидел там доброго коня богатырского со всей сбруей и богатырскими доспехами, и, едва только конь рассмотрел Ивана и узнал в нем седока по себе, как тотчас же пал перед ним на колени и проговорил человеческим голосом:

— Ох ты, гой еси, добрый молодец, Иван, крестьянский сын! Слушай, что скажу я тебе: я засажен сюда был сильным и храбрым богатырем Лукопером, и сижу я здесь несметные годы, и все ждал тебя я ровно тридцать лет и три года и только теперь наконец-то дождался. Садись ты на меня и поезжай, куда тебе надобно, я буду служить тебе верой и правдой, как ранее служил сильному и храброму богатырю Лукоперу.

Тогда Иван начал седлать коня и, надев на него черкасское седло и тисненую уздечку, подтянул двенадцать подпруг из чистого шелка шемаханского и затем сел на коня, ударил его по крутым бедрам. Конь рассердился и, поднявшись от земли, понес Ивана, крестьянского сына, выше леса стоячего, пониже облака ходячего. Долы и горы меж ног пускает, великие реки хвостом устилает; из ушей своих пускал дым густой, а из ноздрей — великое пламя.

Ехал так Иван, крестьянский сын, ровно тридцать дней и тридцать ночей, и приехал он в незнакомую сторонушку, в китайское государство. Приехав туда, он слез с своего коня доброго и пустил его гулять в чистое поле, на простор, а сам пошел в город и, купив там пузырь, надел его себе на голову и в таком виде стал ходить около царского дворца.

Когда Ивана увидали в столь странном виде другие, то стали расспрашивать — откуда пришел он, и какого рода человек, и кто его отец с матерью? А Иван только и отвечал им на расспросы: «Не знаю».

Видя его в таком смешном украшении и слыша от него одно только мало объясняющее слово «не знаю», все сочли Ивана за дурака и доложили о нем самому китайскому царю. Царь велел своим приближенным привести к нему лично появившегося в его государстве неизвестного дурака, и когда последний доставлен был во дворец перед лицо самого китайского повелителя, то сей, как и другие, начал тоже выспрашивать у крестьянского сына о его происхождении, как зовут его и откуда и зачем пришел он сюда? Но и царю был тот же ответ, что и другим: Иван на все вопросы отвечал одно и то же — «не знаю».

Выведенный из терпения таким бессмысленным ответом, китайский повелитель приказал дурака согнать прочь со двора. Но на ту пору как-то случайно пришлось быть здесь царскому садовнику, который, услышав о распоряжении своего повелителя насчет дурака, обратился к царю и стал просить его, чтобы он, вместо того чтобы прогнать чужеземного дурака прочь со двора, отдал бы лучше его для садовых работ в распоряжение ему, садовнику, на что повелитель изъявил согласие, и таким образом крестьянский сын неожиданно попал в придворные садовники.

Садовник, взяв с собой дурака Ивана, повел его в царский сад и приказал ему, чтобы он чистил этот сад. Отдав таковой приказ, садовник ушел прочь из сада, а крестьянский сын Иван, вместо того чтобы заняться исполнением приказанного, лег себе преспокойно под одно дерево и уснул сном богатырским.

Проспав так до глубокой ночи, Иван наконец проснулся. Встав, он принялся не за чистку порученного ему сада, а стал ломать одно за другим деревья в этом саду и ломал их до тех пор, пока не сокрушил все до единого.

Рано утром пришел в сад старший садовник и, увидев такой погром всего сада, стал всячески бранить и журить своего дурака-помощника. Потом начал садовник допрашивать Ивана о том, кто переломал все деревья, а Иван только и твердит одно свое слово — «не знаю». Садовник пришел просто в отчаяние, не зная, чем и пособить горю, а докладывать о случившемся своему царю

боялся, как бы тот не прогневался на него, и через то не вышло бы еще худшей беды.

Однако, как ни старался садовник скрыть об этом происшествии, все-таки дочь царя усмотрела из своего окна все случившееся и, призвав к себе садовника, стала спрашивать его, кто переломал деревья. Садовник ответил ей, что беду эту натворил Незнайко, но только он просил царевну, чтобы она ничего не говорила бы отцу своему, и обещался царевне в самом скором времени развести и вырастить еще лучше этого сад.

На другую ночь Незнайко не спал ни минуты, а все время носил из колодца воду и поливал те ломаные деревья, что попортил он в предыдущую ночь. К утру все деревья стали расти, и, как только взошло солнышко — они распустились окончательно и разрослись еще пуще прежнего, так что новый сад стал красивее старого. Когда пришел садовник и увидал это диво, то он крайне изумился такому нежданному чуду, но тем не менее у Незнайки не стал ничего спрашивать, так как решил, что все равно от него не добиться никакого толку.

Проснулась и царевна и, встав с ложа, подошла к своему окну, и, увидев вместо прежнего новый сад, да еще в более лучшем виде, чем был старый, царская дочь просто изумилась и тотчас же приказала опять призвать к себе садовника. Когда тот явился к ней, то она стала спрашивать его, как так скоро мог вырасти новый сад, да еще лучше, чем был прежде? Но садовник ответил ей, что он и сам не знает, отчего и как произошло такое необъяснимое диво.

С этой минуты царевна увидала в Незнайке великую мудрость и полюбила его больше самой себя, и каждый день она посылала Незнайке обед со своего царского стола.

У китайского царя, где поселился крестьянский сын Иван, было три дочери. Старшую из них звали Дуазою, среднюю — Спаою, а младшую, которая полюбила Ивана, — Лотаою. В один прекрасный день царь велел призвать к себе всех трех своих дочерей, и когда они явились на зов отца, то последний, обратясь к ним, стал говорить им:

— Вселюбезнейшие мои дочери! Пришло уже то время, когда пора подумать вам о своем будущем и каждой из вас, выбрав себе соответствую партию, сочетаться брачным союзом. А потому я предоставляю вам каждой по своему собственному желанию выбрать себе кого-либо из царевичей или королевичей женихом и со своим избранником повенчаться законным браком. Вот та цель, ради которой призвал я вас к себе.

Две старшие сестры выбрали себе по царевичу, которые только известны им были, а младшая Лотаоя со слезами на глазах стала просить родителя своего, чтобы он позволил ей выйти замуж ни за кого другого, как за Незнайку. Услышав от своей дочери о ее странном желании, царь был просто изумлен и, обратясь к ней, сказал:

— Да ты, дочь моя, никак с ума сошла? Просишь, чтобы я, царь, и вдруг позволил тебе, моей родной царской дочери, выйти замуж за какого-то

неизвестного и простого рода чужеземного пришельца, набитого к тому же дурака, который и говорить-то не умеет ни одного слова, кроме своего дурацкого — «не знаю». Да что ты говоришь, опомнись!

Но напрасно царь старался отговорить свою дочь от ее несоответствующего и постыдного для ее царского происхождения выбора. Лотаоя стояла на своем и ни о каком другом женихе и слышать не хотела, и, несмотря ни на какие доводы своего царственного отца, повторяла только одно:

— Государь мой батюшка! Я прошу вас выдать меня за того, кого избрала я и кто люб моему сердцу.

Тогда царь, видя всю бесполезность ни к чему не ведущих его увещаний и доводов, махнул на нее рукой и сказал ей с великим прискорбием:

— Если так, то как хочешь! Ступай, пожалуй, за твоего дурака замуж!

В скором времени от китайского царя были посланы тем двум женихам-царевичам, что выбрали себе старшие сестры Лотаои, царские указы, в которых сказано было, чтобы по получении таковых царевичи те немедленно же прибыли бы в китайское царство для сочетания брачным союзом с дочерьми китайского повелителя. Когда указы получены были избранниками царских дочек, молодыми царевичами-женихами, то последние, тотчас же собравшись в путь, немедленно же отправились в китайское царство для венчания со своими невестами, царевнами китайского повелителя, считая таковой союз за величайшую для себя честь.

Когда женихи прибыли в китайское царство, то в самом скором времени были назначены свадьбы всех трех царевен: двух — с царевичами, а третьей, младшей Лотаои — с избранником ее сердца, дураком Незнайкой, чем очень смеялись все приближенные, а в особенности злорадствовали над этим выбором младшей царевны ее старшие сестры, выходившие также по собственному желанию и выбору за молодых и знатных царевичей.

После свадеб молодых царевен прошло некоторое время. Как вдруг нежданно-негаданно подступил под самое китайское царство могучий и сильный богатырь Полкан, и привел с собой богатырь этот несметное количество войска. Полкан-богатырь послал китайскому царю своих послов, через которых требовал от царя, чтобы тот отдал бы ему в жены — уже вышедшую за Ивана, крестьянского сына, замуж — младшую царевну Лотаою. Угрожая в противном случае, если китайский повелитель не согласится добровольно исполнить этого требования, сжечь до основания все китайское государство, а войско его изрубить мечом, царя же с царицей засадить в темницу, а дочь их, красавицу-царевну — все равно взять от них силой.

Китайский повелитель, услыхав от Полкана-богатыря о таких страшных угрозах, перепугался до крайности, но тем не менее исполнить его требования царь не мог, да и не хотел, а потому приказал своим приближенным немедленно же созвать войско и тотчас же вести его против рати Полкана-богатыря, а начальство над этим войском поручил двум молодым зятьям своим, мужьям старших дочерей, которые незадолго перед этим поженились на царевнах.

Когда войско было собрано, то молодые царевичи повели его на бой против рати Полкана. И два войска, что две грозные тучи, наступили одно на другое. Но как ни храбро было войско китайское, однако Полкан-богатырь побивал его с необычайной быстротой, и с каждой минутой ряды китайской рати становились все малочисленнее и малочисленнее, так что через малое время надо было ожидать, что скоро и совсем погибнет все войско китайское и победитель-богатырь приведет в исполнение свои страшные и дикие угрозы.

Тогда младшая дочь китайского царя — прекрасная Лотаоя, — видя всю затруднительность и почти безвыходность из того положения, в какое попало китайское войско со своими главнокомандующими — молодыми царевичами, мужьями ее старших сестер, — и предчувствуя, что скоро уже придет тот момент, когда войска неприятеля окончательно добьют китайскую рать и все государство погибнет от пламени вражеского огня, а сама она очутится в руках ненавистного ей врага ее отечества, она, Лотаоя, решилась прибегнуть к мудрости своего любимого мужа и просить его о спасении от гибели всей их родной страны; а потому младшая царевна, не теряя ни минуты, явилась к мужу своему, по-прежнему почитавшемуся за дурака-Незнайку, и горячо и убедительнейше стала просить его о желанном спасении, говоря ему следующие слова:

— Дорогой и вселюбезнейший друг мой Незнаюшка! Ведь меня хотят отнять у тебя! Под самое наше государство подступил с несметным числом войска злой богатырь Полкан и требовал моей ему выдачи, а когда в том ему, само собой разумеется, было отказано, то он начал войну против моего батюшки и теперь побивает с несказанной быстротой все наше войско, и если сейчас же не остановить его, то от его грозного меча и рати несметной погибнет вся наша рать, и могучий богатырь Полкан приведет в исполнение все свои ужасные угрозы и меня силой отберет и отнимет от тебя, моего дорогого и милого муженька!

Услышав от жены своей про такую страшную напасть, Иван, крестьянский сын, сказал жене, чтобы она не тревожилась и напрасно не волновалась бы, а оставалась бы в полном покое за свою участь и за дальнейшую судьбу ее отечества и пока шла бы себе в свои покои, а его оставила здесь одного.

Едва царевна Лотаоя ушла из комнаты мужа, как тот в один миг выскочил из окна и быстро направился в чистое поле, где пасся на воле его дивный, как и он сам, богатырский конь. Придя в чистое поле, Иван крикнул своим зычным богатырским голосом:

— Гей ты, сивка-бурка, вещая каурка! Стань передо мной, как лист перед травой!..

На призыв Ивана вдруг мчится его конь богатырский; от топота его копыт вся земля дрожит, и из ушей коня дым столбом валит, а из ноздрей пламя пышет. Примчался конь к богатырю, крестьянскому сыну, и стал перед ним как вкопанный. В одно мгновенье Иван влез в ушко своего коня: напился там,

наелся, в дорогой наряд нарядился и вылез из другого ушка — и стал таким молодцом, что ни вздумать, ни взгадать, ни пером написать и ни в сказке сказать.

Приняв такой чудный вид, Иван быстро вскочил на своего коня богатырского и быстрее молнии полетел в стан вражеский. И едва только он прискакал в рать Полкана и стал рубить и колоть направо и налево врагов своих, как те, видя непосильную борьбу свою с ним, стали отступать назад, и в самом непродолжительном времени все Полканово войско было обращено в бегство и прогнано прочь от китайского царства.

Когда битва окончилась и полная победа была на стороне китайского царя, то последний, увидав и узнав, кто был его спасителем, подъехал сам к крестьянскому сыну Ивану и, не признав в нем, конечно, своего зятя, но тем не менее будучи ему благодарен за спасение от угрожавшей беды, стал убедительно просить Ивана к себе во дворец. Но Иван ответил ему:

— Я не твой слуга и не тебе служу, — отъехал от царя прочь и уехал совсем из рати китайской.

Приехав опять в чистое поле и отпустив на свободу своего коня богатырского, Иван пошел к себе домой и, придя в царский дом, где проживал он с женой своей царевной Лотаою, влез так же, как и вылез — в окно, и, надев на голову пузырь, лег себе преспокойно в постель и заснул крепким сном богатырским. А китайский повелитель тем временем, будучи в великой радости, приказал своим приближенным устроить большой пир и всех угощать на славу, и пир тот продолжался несколько дней кряду, так что все подданные китайского царя после избавления их Иваном от неприятеля долго ликовали и веселились от всей души.

Но прошло недолгое время, как вдруг опять надвинулась гроза на китайское царство: богатырь Полкан снова подступил к китайскому государству и с прежними же угрозами стал требовать, чтобы китайский повелитель выдал бы за него в супружество свою младшую дочь. Но этого, конечно, царь не сделал, а приказал скорее как можно собрать все его войско, и когда таковое было собрано, то послал его сражаться против рати Полкана. Но и на этот раз повторилось опять то же, что было и раньше: войска богатыря Полкана немилосердно стали побивать рать царя китайского, и, видя прежнюю неудачу и ожидая поэтому, в случае победы врага, ужасных последствий, царевна Лотаоя опять пошла к своему мужу Незнайке и стала его, как и ранее, просить о защите и спасении их государства, напомнив при этом мужу, что главная цель Полкана заключается в том, чтобы отбить ее от него и взять бы себе в жены.

Крестьянский сын Иван, успокоив жену насчет безопасности, сказал ей, чтобы она ни о чем не думала и напрасно не тревожилась, а шла бы преспокойно к себе в покои и оставила бы его одного. И когда царевна Лотаоя вышла из комнаты мужа, то Иван, в мгновение ока выскочив из окна, быстро пошел в чистое поле и там, по-прежнему призвав своего коня богатырского, изменив

свою внешность, сел на своего верного коня, и тот вихрем помчался в стан неприятельский. Прискакав туда, богатырь Иван начал направо и налево рубить и колоть рать Полканову и через самое малое время истребил многое множество врагов своих, и те, видя опять неудачу, стали отступать назад, а затем и совсем обратились в постыдное бегство, чувствуя себя бессильными к дальнейшей борьбе с могучим богатырем, крестьянским сыном.

Когда неприятельское войско все поголовно было прогнано от царства китайского, то повелитель этого государства, будучи преисполнен чувством искренней благодарности к своему избавителю, вторично спасшего его и все царство китайское от неминуемой гибели и ужасного позора, сам лично подъехал к богатырю Ивану и, не узнав в изменившемся Незнайке своего зятя, жившего в его же дворце, стал убедительнейше просить мужа царевны Лотаои поехать с ним к нему во дворец и там принять участие в торжественном пире по случаю избавления от опасности и полной победы над страшным врагом. Но Иван, сын крестьянский, поступил так же, как и в первый раз, т. е. наотрез отказался от приглашения китайского царя, и, ударив по крутым бедрам своего коня богатырского, быстро поскакал прочь от повелителя китайского и направился прямо в чистое поле, где, слезши с коня, отпустил последнего гулять по воле, а сам пошел опять во дворец своего тестя и, придя домой, залег себе, как ни в чем не бывало, преспокойно спать и скоро же заснул крепким сном богатырским.

Китайский же повелитель, вернувшись с поля брани, приказал своим приближенным устроить по случаю победы пышный пир и, собрав всех своих лучших воинов и полководцев, начал с ними на радостях пировать и веселиться вместе. И как ни старался китайский царь узнать о том, кто был его избавитель, что за храбрый рыцарь тот, который так славно и скоро уничтожил наполовину рать Полканову, но никак не мог ни от кого ничего разузнать о том ни полностью, ни частью хотя бы, так как никому не могло прийти в голову, что был это не кто иной, как царский зять — дурак Незнайка.

Наконец, по прошествии некоторого времени, и в третий раз подступил богатырь Полкан со своим многочисленным войском под царство китайское и так же, как в предыдущие оба раза, опять стал требовать от царя выдачи в жены ему младшей царевны Лотаои, угрожая в противном случае, если царь не сделает того добровольно, то отомстит ему за это еще бóльшими бедами и невзгодами, чем грозил он, Полкан, в прежние два раза. Но китайский повелитель не убоялся угроз Полкана-богатыря, а приказал своим полководцам тотчас же собрать все войско китайское и идти в бой с многочисленной ратью Полкановой.

В самом непродолжительном времени со всего царства китайского были собраны все воины государя и снаряжены в битву с сильной ратью неприятельской. Когда начался бой — да такой, что не происходил ни в первый, ни во второй разы, — то войско Полканово стало немилосердно побивать рать китайскую, которая, не будучи такой многочисленной, как неприятельская,

стала было уже уступать врагу, и еще бы немного — и на стороне Полкана-богатыря была бы полная победа.

Видя такой печальный оборот для китайского войска и боясь в случае победы врага неминуемой гибели для себя и всего своего отечества, младшая царская дочь Лотаоя опять пошла к мужу своему Незнайке и как ранее стала снова просить его сделать что-либо для спасения их государства от злого врага богатыря-Полкана и его несметной рати богатырской. Услышав от жены про новое нашествие неприятельской силы, Иван по-прежнему успокоил жену и велел ей, ни о чем не беспокоясь, идти себе в покои и оставить его одного.

Едва только царевна вышла из комнаты мужа, как крестьянский сын Иван с величайшей поспешностью, наподобие того, как и ранее он делал, мигом выскочил из окна и быстро пошел в чистое поле, к своему коню верному. Придя в поле и позвав коня своего богатырского, крестьянский сын по-прежнему изменил свой настоящий вид и, сев на коня, быстрее молнии полетел в рать неприятельскую.

Но только что Иван тронулся в путь, как его дивный конь богатырский вдруг заговорил с ним человеческим голосом и сказал ему следующее:

— Ох ты, гой еси, крестьянский сын Иван! Служил я тебе и раньше, но теперь пришла мне служба великая, а тебе битва крепкая: обороняйся от богатыря-Полкана и стой всей своей богатырской силой, а не то — все воинство китайское, и ты с ним вместе — погибнете непременно!

Едва только проговорил слова эти конь, как Иван, крестьянский сын, приободрившись и разгорячив своего коня доброго, еще пуще поскакал в стан неприятельский, а влетел во вражескую рать, что стрела каленая. Как только он врезался в силу неприятельскую, так тотчас же начал направо и налево рубить и колоть пуще прежнего врагов своих и в самое короткое время уничтожил более половины войска вражеского. Тогда богатырь Полкан, видя, что дело приняло плохой для него оборот и что войска его побито великое уже множество, рассердился и что вихрь понесся на Ивана, крестьянского сына, и, налетев на него, напал, словно лютый лев. Но и крестьянский сын не поддался тут же ему, а, собравшись с духом и с силой богатырской, так же молодецки наскочил на Полкана-богатыря.

И сразились тут две силы великие, два богатыря могучие и славные и стали биться они не на живот, а на смерть, так что все войско ихнее только дивилось им. И бились так эти два богатыря непобедимые очень долгое время, и удалось как-то Полкану-богатырю ранить в руку Ивана-богатыря. Но Иван, раненный в левую руку, рассердился и рассвирепел еще больше того, и правой здоровой рукой со всей силы направил, и ударил что есть мочи своего могучего противника прямо в сердце, и ударом этим прободал сердце Полкана-богатыря, и затем — тут же срубил и голову ему, и этим кончился славный поединок между двумя могучими и сильными богатырями. Видя погибель знаменитого вождя своего, все войско его, Полкана-богатыря, тотчас же обратилось в постыдное бегство и оставило навсегда китайское царство.

После этой славной битвы Иван, крестьянский сын, сам подъехал к повелителю китайскому и сообщил ему, что государство его теперь навсегда избавлено будет от нашествий столь грозного врага, каким был для царства китайского Полкан-богатырь. Бывшая здесь же при отце своем царевна Лотаоя, увидев на руке незнакомого рыцаря текшую кровь и не узнав в рыцаре этом своего мужа, а только по чувству долга, человеколюбия и благодарности поспешила в свою очередь прийти на помощь к своему избавителю и тотчас же, взяв платок свой, перевязала им раненую руку этого храброго воина, так великодушно вступившегося за ее отечество и благодаря своей силе и храбрости отвратившего великий позор ее родины и немилую неволю ее самой.

Пока царская дочка Лотаоя перевязывала рану храброго богатыря, ее отец убедительнейше просил его не отказаться и поехать с ним в их царский дворец. Китайский повелитель, несмотря на свой высокий сан, начал кланяться до лица земли Ивану, уговаривая его исполнить просьбу и поехать вместе с ними. Царевна Лотаоя, благодарная этому неизвестному ей богатырю, неузнанному своему мужу, тоже присоединилась к просьбам отца и со своей стороны также упрашивала незнакомого рыцаря ехать с ними вместе во дворец для принятия почестей и на пир по случаю одержанной над таким страшным врагом победы. Но, несмотря на все упрашивания и уговоры отца и дочери, крестьянский сын Иван наотрез отказался ехать в гости к китайскому царю и тотчас же ускакал от них прочь.

Уехав с поля брани, Иван направился опять туда, где и ранее гулял его добрый конь на вольной волюшке, и, приехав в чистое поле, отпустил своего слугу верного, коня богатырского, гулять себе на поле в широком просторе и пользоваться полной свободой. Отпустив коня, богатырь Иван пошел обратно в царский дом, в свои покои, и, придя домой, залег себе, по своему обыкновению, преспокойнейшим образом спать и уснул скоро крепким сном богатырским.

Тем временем китайский повелитель на радостях приказал устроить для всех своих подданных такой пир, какого никогда не бывало еще в том государстве, и повелел на пир тот звать всех, кто был на поле брани. И так долго веселились и пировали царские воины и другие из подданных и приближенных государя, а с ними тут же были и все члены царского семейства, и недоставало только одного зятя, мужа младшей царевны Лотаои — дурака Незнайки.

Тогда царевна, видя, что отсутствие ее мужа не совсем удобно в то время, когда другие зятья царские присутствуют здесь же на пиру, она пошла в комнату мужа своего звать его быть на пиру вместе с другими. Но, придя к нему, она увидела его спящим, и как ни старалась она, но никак добудиться не могла его. Во время бужения царевна вдруг заметила на голове мужа золотые волосы, что привело ее в немалое изумление. Потом, когда она снова принялась было будить Ивана, то вдруг увидела на руке его свой платок, тот самый, которым она перед этим завязала неизвестному ей рыцарю после брани раненую руку и который, несмотря на все их упрашивания, отказался ехать на пир во дворец.

Царевна стала будить Ивана
(рис. Л. Альбрехта)

Тут только царевна поняла, что это он, муж ее Незнайка, был избавителем ее отечества, и три раза подряд побивал вражеское войско, и, наконец, в третий раз убил и самого вождя неприятельского Полкана-богатыря.

Сделав такое неожиданное открытие и узнав теперь, кто истинный избавитель ее отечества и кому она обязана своим личным спасением, царевна тотчас же побежала к отцу своему и сказала, чтобы он шел с ней в комнату ее мужа.

Китайский повелитель сию же минуту отправился вместе с младшей дочерью в покои ее мужа, где в это время крестьянский сын Иван по-прежнему продолжал почивать своим крепким сном богатырским и ничего не подозревал о том, что над ним производилось наблюдение: сперва его женой, а потом и самим царем, разглядывавшим его, Ивана, с самым тщательным вниманием. При этом младшая царевна Лотаоя, обратясь к своему царственному отцу, с гордостью и сознанием собственного достоинства сказала ему:

— Ну, вот, государь-батюшка, вы говорили мне, когда я просила вашего согласия на брак с моим теперешним мужем, что он дурак и не умеет даже говорить как следует, и то же продолжали говорить и после свадьбы нашей, что я вышла за дурака, но посмотрите пристальнее на моего спящего здесь перед

вами мужа, смотрите его волосы и ту рану, полученную им в славной схватке богатырской от врага отечества нашего — Полкана — и собственноручно перевязанную мною моим же платком, — и вы тогда поймете и узнаете подлинно, кто лежит здесь перед вами!

Тут только китайский повелитель узнал в спящем зяте того могучего и сильного богатыря, который так великодушно жертвовал собой ради спасения его трона и всего отечества, и три раза выезжал на жаркий бой с превосходящим численностью войском неприятельским, и все разы благодаря своей непостижимой ловкости, силе и храбрости оставался победителем рати вражеской, закончив напоследок славным поединком с самим предводителем той рати, грозным Полканом-богатырем, которого убив, навсегда устранил опасность нового нашествия на китайское государство того войска. Только теперь понял царь, какого редкостного и дивного приобрел он зятя в лице спящего перед ним человека, которого выбрала в мужья себе его мудрая дочь Лотаоя и который для него столь теперь мил, так же, как для царевны мил был ее муж и во все предыдущее время. И после такого неожиданного открытия радости и веселью царя не было пределов.

Когда проснулся от долгого и крепкого сна крестьянский сын Иван, то царь тотчас же подхватил своего богатыря-зятя под белые руки и повел его торжественно в свои роскошные и полные великолепия и блеска парадные чертоги, где публично перед всеми собравшимися там членами своего семейства и знатными приближенными искренно благодарил Ивана за его храброе заступничество за честь войска и государства китайского и за полное поражение вражеской рати и тем оказанное навсегда избавление от нового нашествия этого погибшего ныне, грозного богатыря Полкана — на царство китайское.

После описанного выше события китайский повелитель так сильно полюбил и привязался к своему младшему зятю Ивану, что стал подумывать о том, чтобы по смерти своей сделать Ивана наследником своего государства. А так как царь был уже в довольно преклонных летах, то и решил во избежание всяких недоразумений передать управление всем царством еще при жизни своей, и вскоре после этого решения возложил венец царский на главу своего зятя, мужа дочери Лотаои, коего почитал он за своего сына, и передал ему все управление государством, как бы после смерти своей, и таким образом сделал он Ивана, крестьянского сына, полным властелином всего государства и законным повелителем Китая.

Приняв от тестя своего китайский престол, Иван начал разумно и мудро управлять вверенным ему государством и был одним из лучших повелителей Китая.

С супругой своей, царевной Лотаою, которой он обязан был троном, он жил весьма любовно и в полном во всем согласии, прожили они так долгую жизнь. Процарствовав многие годы и счастливо прожив с женой, они с честью кончили век свой, оставив по себе в среде своих подданных и приближенных добрую память.

Сказка о барине и лакее

Жил да был помещик в Я... губернии, очень богатый, и был у этого помещика лакей по прозванию Афонька.

Вот и вздумал барин попутешествовать и посмотреть людей и себя показать. Говорит барин лакею:

— Афонька! Собирайся-ка в путь в дорогу, поедем мы с тобой путешествовать.

Афонька скоро собрался в путь-дороженьку; подали им тройку лошадей; простился барин со своей женой и поехал.

Едут они путем-дорогой, мимо дремучего леса, и смотрят в сторону и видят: там валяется мертвый человек. Барин и говорит:

— Афонька! Ступай, тащи сюда этого мертвеца да клади в повозку.

Афонька притащил мертвеца и положил сзади повозки, и поехали дальше. Не успели отъехать еще одной версты, смотрят — еще и другой валяется мертвый человек. Барин опять говорит лакею:

— Афонька! Тащи и этого сюда в повозку.

Положили и поехали дальше. Едут они путем-дорогой и доехали до полянки. Стоит маленькая избушка. Барин и говорит:

— Афонька! Приворачивай на ночлег (так как дело было к вечеру).

Подъехали к этой избушке; ворота были отворены, а на дворе никого не видать. Барин и говорит:

— Афонька, выпрягай лошадей да давай им овса, и пойдем в избу, мне что-то есть очень хочется.

Афонька скоро убрал лошадей, дал им корму, потом взял чемодан с закуской, и пошли они с барином в избу. Входят в сени и видят: двери в избу отворены, а из избы слышен шум и гам. Вошли они в избу и видят: за столом сидят двенадцать здоровых разбойников, которые никого ни днем ни ночью не пропускали живыми — всех убивали и грабили. Когда барин увидал этих разбойников, то немного было струсил, но когда взошел и сел на лавку, то сказал:

— Афонька! Мне очень есть хочется; тащи-ка сюда из повозки окорок, который сзади привязан.

Афонька живо побежал, притащил мертвеца и положил его на пол против барина. Барин взял тогда ножик, отрезал.

— Афонька! Этот окорок немного протух, тащи-ка сюда другой.

Афонька живо побежал и притащил другое мертвое тело. Барин опять взял нож, отрезал немного тела, понюхал и говорит:

— И это протухло; возьми, Афонька, и дай сюда из-за стола, который будет всех помягче.

Тогда все разбойники как выскочат из-за стола да давай бог ноги! Кто куда: кто в двери, кто в окно, и все живо разбежались, и остались в избе только барин да Афонька.

Ночевали они в этом доме, а наутро обошли все кладовые и нашли денег целый погреб; наклали себе целую повозку и поехали домой. Тогда барин дал Афоньке денег и отпустил его на волю жить.

Лично мною записано в Ярославской губ.
от В. В. Смирнова

Хитрость ленивой бабы

Жил-был мужик; была у него преленивая баба. Скажет, бывало, мужик бабе:

— Зачем не прядешь?

А баба сведет его в клеть, вынет из ларя веретено, покажет мужику и скажет:

— Смотри, муженек, веретено полнехонько!

Затем положит она веретено в ларь и после снова вынет его, как будто другое, и скажет:

— Смотри, другое веретено полнехонько! Что ты заставляешь меня прясть? Лучше ступай в лес да сруби мотовило, чтобы было на что сматывать пряжу.

Раз мужик взял топор и пошел в лес срубить мотовило, а бабе велел починить шубу, покуда он в лесу. Но лишь только мужик пошел в лес, как баба побежала за ним, обежала его кругом, влезла на густую ель подле дороги, по которой должен был проходить мужик, и запела синицей:

— Чи, чи, чи, кто срубит мотовило, тому скоро смерть, а кто починит шубу, тому долго жить.

Услышал песню эту мужик, перепугался и не срубил мотовила, а пошел домой, полез на печку да сам починил свою шубу.

Лично мною записано в Вологодской губ.

О жене-дуре

Жила-была жена-дура. Однажды она потчевала гостя капустой и жаловалась, что у нее капуста плоха. Гость надоумил ее:

— Надо прибавить к капусте свиного сала, тогда она и будет хороша.

Жена-дура как услышала это, взяла сейчас свинину, разрезала на ломтики, понесла в огород и положила на каждый кочан по ломтику. Положила она и ждет, что вот капуста вырастет на славу. Но почуяли это соседние собаки и повадились приходить в огород за салом. Разозлилась жена на собак, подстерегла их и поймала одну. Притащила она собаку в клеть и привязала ее к втулке пивной бочки. Начинает она наказывать собаку. Собака рвалась, рвалась, наконец вырвала втулку и убежала. А пиво так и течет из бочки! Не знает

дура, за что хвататься, оставляет бочку и бегом бежать за собакой. Но пока она догнала собаку и отняла втулку, пиво все и вытекло из бочки; в клети точно пруд. Что теперь делать: и пива нет, и клеть мокрехонька. Вдруг ей приходит на ум: ведь есть еще у меня полмеры хорошей пшеничной муки. Взяла она муку и посыпала на мокрый пол. Пришел домой женин муж, а она перед ним:

— Муженек, муженек! Я поймала собаку в огороде, привязала ее к втулке пивной бочки и наказала было, а она, шельма этакая, сорвалась, вырвала втулку, и пиво вытекло; но беды нет никакой: я посыпала на пол пшеничной муки.

Что же теперь делать мужу? Не знает он, смеяться или браниться.

Лично мною записано в Вологодской губ.

Два брата

Не в которой деревне жили два брата, они и разделились по разделу. Один жил бедно, а другой богато. У бедного не было ни дров, ни лошади, и пошел он к богатому брату просить лошади, и дал богатый брат ему лошадь. Забыл бедный попросить хомута и не смел пойти просить вдругорядь и привязал лошадь к головицам хвостом; поехал по дрова, нарубил воз порядочный, поехал домой, приехал под окно к себе и хотел вздернуть наземь, но в то время подворотка помешала: лошадь вздернула и хвост себе оторвала. И не смеет он к брату вести лошадь.

Наконец пошел он к нему и сказал:

— Я у твоей лошади хвост оторвал.

Брат на него осердился:

— Вот я пойду просить на тебя суда к Шемякину.

И пришли они оба. И выпросились они на квартиру ночевать к богатому мужику. Богатый с богатым угощались, а бедный спать лег, не евши. Под полатями же лежал младенец. Бедный ворочался, ворочался и с полатями вместе упал и младенца задавил. Тогда и другой богатый захотел на него просить, и пошли все вместе. И дошли они до города, а в этом городе был высокий мост, а под мостом ездили на лошадях. Бедный пошел этим мостом и задумал скочить с моста, чтобы убиться. Когда он скочил с моста, в то время отец с сыном выезжали из-под моста, и бедный упал прямо им в сани, сына у старика убил, а сам не убился. Тогда старик вместе с двумя богатыми тоже пошел просить на него.

И пришли к судье Шемякину все четверо, а бедный взял большой камень и завязал в платок. И стал его брат обсказывать об своей лошади. В это время бедный поднял платок с камнем и погрозил им судье, а судья подумал, что тот ему сто рублей денег сулит, и рассудил так, что, покуда хвост у лошади не вырастет, и пущай бедный <оставит> лошадь у себя. Потом стал обсказывать второй богатый о своем младенце, а бедный опять камнем погрозил, и судья Шемякин рассудил так:

— Ты дай ему свою жену, так он и сделает тебе другого младенца.

А старика, у которого убит был сын, рассудил так:

— Ты, дедка, встань на мост, а он пущай едет на лошади из-под моста, и скачи прямо на него.

Старик скочил с моста, на бедного не попал, а сам убился, а бедный поехал преспокойно домой.

О семи Симеонах, родных братьях

В некотором царстве, в некотором государстве жил мужик со своей женой. Они были люди зажиточные и желали иметь у себя детей; но детей у них не было; так они и дожили до старости и стали просить Бога, чтобы Он послал им сына для подпоры в их старости.

Бог услышал молитву их, и родилось через год у них семь сыновей, которых и назвали всех Симеонами. Они стали расти у них, и старик со старухой любовались своими деточками и, проживши несколько времени, померли, и остались одни Симеоны сиротами. Начали работать они в поле, хотя им было по десять лет, но они работали не хуже тридцатилетнего мужика.

В одно время, когда Симеоны работали на поле, случилось мимо их поля ехать царю Адору, который, увидев работающих на поле, приказал позвать всех к себе, и когда те были призваны, то царь спросил их имена и очень удивился, услышав, что всех их зовут Симеонами и что они все родные братья. Царь Адор приказал взять их в свой дворец; Симеоны тотчас были взяты и отправлены вслед за царем. Когда царь приехал в свой великолепный дворец, то собрал всех министров и других людей, которые служили в думе царской; когда все собрались, то царь Адор сказал им:

— Господа мои министры, дайте мне совет свой, что делать с этими мальчиками. Они не имеют ни отца, ни матери и никаких других родственников; я хочу их сделать такими людьми, чтобы они после меня благодарили, почему и требую у вас совета: что, в какую науку отдать этих сирот?

Тогда царь Адор замолчал и ждал ответа своих министров.

Министры, посоветовавшись между собой, сказали царю Адору:

— Государь, как уж эти мальчики на возрасте и могут различить худое от хорошего, то пусть они сами выберут себе, в какое они хотят быть отданы ученье.

Царь с удовольствием принял совет своих министров и, подозвав к себе старшего Симеона, спросил его:

— Слушай, друг мой: в какую науку хочешь быть ты отданным?

Симеон, не думавши нимало, отвечал царю Адору:

— Ваше величество, я не желаю учиться ничему, а если бы вы приказали построить кузницу посреди дворца вашего величества, то сковал бы я вам столб вышиною до неба.

Царь Адор, видя, что Симеон хороший кузнец, сказал ему:

— Ты можешь оставаться при своем ремесле.

И, обращаясь к другому Симеону, спросил его:

— Ну, а ты, мой друг, в какое желаешь идти ученье?

Тогда Симеон отвечал царю Адору:

— Ваше величество, я не желаю идти в ученье, а ежели брат мой скует столб до самого неба, то я могу влезть по этому столбу на самый верх и увидать, что делается в тридесятом царстве, и могу увидать, что делается во всех государствах, и буду сказывать вам.

Симеон замолчал, а царь сказал ему:

— Ну, я тебя не отдам учиться, потому что ты и так уже ученый человек.

Потом царь спросил третьего Симеона:

— Куда ты, мой друг, в какое хочешь идти мастерство?

Тогда третий Симеон сказал царю:

— Ваше царское величество, не желаю я ничему учиться, а ежели мне скует большой брат топор, то я в несколько часов сделаю корабль, который будет ходить и по воде, и под водой.

Тогда царь сказал Симеону:

— Мне, друг мой, такие скорые корабельные работники надобны, и поэтому тебя учить ничему не нужно.

Потом царь спросил четвертого Симеона:

— Ну, а ты, друг мой, желаешь чему-нибудь учиться?

— Нет, ваше величество, — отвечал Симеон. — Я учиться ничему не желаю, а ежели третий брат мой сделает нам корабль и будет он в море, то я могу опуститься с ним под воду, если это будет нужно.

Царь удивился такому мудрецу и сказал:

— Тебе не к чему учиться, потому что, где бы ты ни учился, и то не выучился бы такой мудрости; поэтому ты можешь остаться при своей ученности.

Потом царь спросил пятого Симеона:

— Ну, дружок, братья твои не будут отданы ни в какое ремесло учиться, потому что они и так уж лучше ученого, а ты скажи мне: умеешь ли ты что-нибудь делать?

Тогда Симеон сказал царю:

— Ваше царское величество, если старший брат мой скует мне ружье, то этим ружьем я могу убить на лету птицу, ежели она летит и за сто верст.

Симеон замолчал, а царь сказал ему:

— Ты хороший стрелок, и поэтому тебе учиться ничему не надобно.

Потом царь обратился к шестому Симеону и спросил его:

— Ну, друг мой, ты желаешь ли чему-нибудь учиться?

Тогда Симеон сказал в ответ царю:

— А ежели мой брат будет стрелять птиц, то я их могу на лету подхватывать, не допустивши до земли.

— Ну, Симеон, и ты хороший малый, когда можешь ловить на лету птицу, и поэтому тебе не для чего учиться.

Потом царь спросил последнего Симеона:

— Ну, ты, друг мой, что можешь делать?

Тогда Симеон сказал царю:

— Ваше величество, я хотя не умею ничего делать, но и не желаю ничему учиться, а ежели вам будет угодно послать меня в Кашемирское царство, то я достану там для вас Елену Прекрасную, которую вы давно желаете иметь своей женой; только отпустите со мной и всех моих братьев.

Царь, подумавши немного, сказал Симеону:

— Я отпущу с тобой твоих братьев, и ежели ты достанешь мне Елену Прекрасную, то я награжу тебя своей казной, а ежели ты не достанешь, то лучше не являйся мне на глаза, а то я прикажу казнить тебя.

Симеон поклонился царю Адору и вышел вон. Железный столб был давно уже готов, по которому второй Симеон влез до самой маковки столба и рассказывал, что делается во всех государствах.

Последний Симеон, пришедши к своим братьям, сказал им, что пора отправляться. Братья скоро собрались в путь, запаслись съестными припасами и другими вещами, необходимыми для дорожных людей, и отправились.

Вот они идут, рассуждают кой о чем и приходят к Синему морю, через которое надобно им переехать, но переехать не на чем. Тогда третий Симеон вынул из-за пояса топор, который сделал ему старший брат, отыскал дерево и не больше как через два часа сделал корабль, который был оснащен и нагружен разным товаром. Братья удивились такому чуду и вслед за третьим Симеоном отправились на корабль, на котором и поплыли.

Младший Симеон нашел на корабле кошку, которую и стал учить плясать и выделывать разные штуки; наконец они прибыли в то государство, в котором была Елена Прекрасная.

Они остановились у пристани, и младший Симеон, взявши свою кошку, вышел на берег и тотчас же отправился ко дворцу, перед окнами которого заставил плясать свою кошку. Кошка плясала и выделывала разные штуки; в это время Елена Прекрасная смотрела из окна и видела пляску кошки, которой она еще никогда не видала.

Она велела своим служанкам позвать Симеона во дворец; когда Симеон пришел туда, то царица спросила его:

— Послушай, друг мой, так как у нас в государстве нет такого зверька, который у тебя, то я желала бы иметь его, продай мне, пожалуйста, да скажи, как этот зверек называется.

Симеон поклонился царице и сказал, что этот зверек называется кошкой, а ежели ей угодно его иметь, то он подарит его ей.

Прекрасная Елена очень обрадовалась такому подарку и просила Симеона быть при дворце, покуда кошка не привыкнет.

Симеон, поклонившись, сказал:

— Ваше величество, так как на моем корабле нет таких людей, которым бы я мог вверить все, то я и должен быть сам на корабле, а ежели вам угодно будет, то я стану приходить к вам и учить кошку.

Прекрасная Елена, подумавши немного, согласилась, и Симеон стал ходить во дворец каждый день.

В одно время, когда он был во дворце, то сказал царице:

— Ваше величество, не угодно ли вам будет пройтись на мой корабль? Там вы увидите много редкостей, которых нет в вашем государстве; я их достал в Индии.

Царица, подумавши немного, изъявила желание быть на корабле Симеона и на другой день, взявши с собой несколько прислужниц, отправилась на корабль Симеона.

Младший Симеон встретил царицу на пристани, и когда царица сказала ему, чтобы он показал редкие вещи, как он говорил, тогда Симеон сказал царице:

— Ваше царское величество, войдите на мой корабль и там все увидите; только осмелюсь еще сказать вам, чтобы прислужницы ваши остались на пристани и не входили на корабль, потому что у меня такие редкости, которых им нельзя видеть.

Елена Прекрасная, не подозревая замысла Симеона, приказала девицам, которые ее провожали, остаться на пристани, а сама вошла на корабль.

Симеон, увидев царицу на корабле одну, приказал тотчас поднимать паруса и обрубить канаты; все было сделано в одну минуту, и корабль на всех парусах полетел стрелой.

Царица, видя себя обманутой, тотчас превратилась в лебедя и вспорхнула на воздух; но четвертый Симеон не дремал: он тотчас же выстрелил из ружья, и лебедь, заколебавшись на воздухе, готов был упасть в море; но пятый Симеон, не допустивши ее до этого, схватил на воздухе и перенес на корабль, где она тотчас превратилась в Елену Прекрасную.

Все сделалось благополучно, и братья плывут близ своего царства, как вдруг второй Симеон увидал с мачты, что за ними ужасная погоня. Он тотчас слез с мачты и объявил о несчастье; братья перепугались и не знали, что делать, но шестой брат бросился в море, схватил корабль за нос и с ним погрузился в воду, и таким образом увел свой корабль от преследования и благополучно довел до своего царства.

Царь Адор, услышавши, что пришел корабль, приказал позвать к себе Симеонов, и когда те явились, то царь спросил их, достали ли они Елену Прекрасную.

Тогда младший Симеон отвечал царю:

— Ваше величество, мы привезли Елену Прекрасную, и она теперь на корабле.

Царь Адор тотчас же приказал подать карету и поехал к кораблю. Когда царь пришел на корабль, то царица сказала ему:

— Царь Адор, когда ты умел перехитрить меня, тебе владеть мною.

Адор, услышав эти слова, был несказанно рад и пригласил Елену Прекрасную в свой дворец. Царица тотчас согласилась и села с царем в карету.

По приезде во дворец царь Адор сделал пир, который продолжался три дня; наконец по прошествии нескольких дней царь пришел к Елене Прекрасной и сказал ей, что так как она была согласна отдать ему руку, то он желает, не откладывая, обвенчаться завтрашний день.

Елена Прекрасная, выслушав слова царя, сказала ему в ответ:

— Царь Адор, ежели ты хочешь иметь меня своей женой, то прикажи достать из моего царства мою карету и лошадей; когда это все будет у меня, тогда я согласна буду идти под венец.

Царь, выслушав до конца речь царицы, распростился с ней и пошел в свой покой; придя туда, он тотчас же приказал позвать младшего Симеона и объявил ему свою волю.

Симеон, выслушав повеление царя, отвечал ему:

— Ваше царское величество, повеление ваше я исполню в точности, только дайте мне сроку на десять дней и лучшего коня из вашей конюшни.

Царь тотчас же приказал Симеону идти выбирать себе коня и, дав ему денег на дорогу, назвал молодцом.

Симеон вышел из дворца, пошел в конюшни царские, выбрал себе лучшего коня, простился с братьями и отправился в дорогу.

Долго ли, мало ли прошло времени в дороге, я не знаю об этом. Наконец Симеон приехал в царство Елены Прекрасной и остановился в доме одной старухи, переночевал у нее ночь и на другой день, накупивши разных мелких колец, серег, перстней, булавочек и прочих вещей, отправился торговать.

Придя на царский двор, стал их продавать кучерам и лакеям и продал весь свой товар; на другой день он опять пришел к ним с этим же товаром, и так Симеон ходил к ним четыре дня; в это время он успел коротко познакомиться и узнать, где та конюшня, в которой находится карета и лошади Елены Прекрасной.

Наконец, на пятый день вечером он пришел к ним и принес с собой вина. Тотчас же началась попойка, бутылка за бутылкой являлись на стол, и через несколько часов все лежали кто на полу, кто на скамейке; только один Симеон сидел за столом, и, видя своих собеседников спящими, он тотчас же отправился шарить их карманы и нашел в кармане конюха ключи от конюшни. Найдя ключи, Симеон тотчас же вышел на двор, и, пришедши в конюшню, отворил ее ключом, вывел лошадей, запряг в карету и поехал со двора. Когда он только выехал, то тотчас же пустил лошадей во всю их мочь. Лошади взвились и полетели стрелой, и таким образом Симеон приехал в свое царство благополучно, тотчас же явился во дворец и объявил царю Адору, что он исполнил в точности его повеление.

Царь Адор благодарил Симеона и, наделив его и братьев своей казной, отпустил от себя, а сам на другой день обвенчался с Еленой Прекрасной и стал жить счастливо.

Ступай туда, неведомо куда;
принеси то, неведомо что

Жил-был царь. У царя был человек; каждый день ходил этот человек на охоту и приносил по три птицы.

Такой на него вышел несчастный день, что он не мог ни одной птицы застрелить. Идет и видит: плавает в речке одна уточка. Он в эту уточку метится застрелить. Уточка ему отвечает (говорит):

— Не стреляй в меня, возьми меня замуж за себя.

Он ей отвечает:

— Как мне тебя взять замуж, ты птица, а не человек.

Она ему говорит:

— Не беспокойся. Если возьмешь, то будет у тебя много птицы.

Он обещается ей взять ее за себя замуж: в ту же минуту много налетело птицы. Он застрелил трех птиц и понес к царю. Приносит трех птиц и просит у царя позволения жениться. Царь ему позволил.

Когда свершился их брак, царь приказал ему привести жену показать; приходит он с своей молодой женой. Так ему (царю) молодая жена понравилась; он и норовит у него жену взять себе; да не знает как. Прямо ему взять не хочется, чтоб не обидеть мужа; и хочет он послать его (мужа) так, чтоб век

не возвратился. Вот собрал он своих генералов, которые с ним служат, чтобы придумали, куда его послать. Один генерал выпросил позволение подумать двенадцать дней. Проходят двенадцать дней, генерал приходит к царю.

— Надо, — говорит, — его послать туда, неведомо куда, принести то, неведомо что.

Вот в ту же минуту царь призывает этого человека и посылает его туда, неведомо куда, принести то, неведомо что.

Он идет к своей жене с угрюмой головой. Жена и спрашивает его:

— Что ты так угрюм?

— Да вот, — говорит, — меня царь посылает туда, неведомо куда, принести то, неведомо что.

Жена и говорит:

— Не печалься, мой друг; я твоему горю помогу.

Дала она ему два полотенца, чтобы он, когда зайдет на дороге ночевать, чужим не утирался, а своим. Вот он пошел, зашел ночевать по дороге к ее отцу. Ночевал. Вышел из дому, видит: выкатился из-под полу клубочек и покатился; он за ним пошел. Клубочек прикатился в огромный лес. Прикатился к избушке и пропал. Он остался среди рощи, и некуда было ему деваться, кроме этой избушки.

Взошел он в избушку; стоят три прибора. Он хотел было водки выпить и закусить и подумал, что это не для него. «Сем, я сяду посижу на печке за столбиком, посмотрю, кто придет эту закуску есть». Пошел, сел на печке за столбиком. Вдруг подходят три молодца, стали закусывать; сказали:

— Невидимка! Подавай на стол!

Невидимка подает им разных кушаний. Они отобедали и ушли. Этот человек тотчас вышел из-за печки.

— Невидимка! Накрывай для меня стол!

Невидимка тоже для него накрыл стол и подал всяких кушаний, которые те кушали. Он поел и говорит:

— Невидимка! Пойдем со мной.

Вот невидимка пошел с ним.

Идут они домой, и встречается с ними старичок на дороге. Этот старичок и спрашивает его:

— Ты что несешь?

Он отвечает:

— Я вот что несу: Невидимка! Накрывай стол!

Откуда явился стол, разные кушанья все. А этот старичок и говорит:

— У меня вот молоточек!

— Ну что же из твоего молоточка?

Он сейчас сел, постучал, и откуда явилось несколько полков солдат.

— Ну, — говорит, — давай меняться: ты возьми мой молоточек, а мне отдай свою невидимку.

А этому человеку не хотелось меняться. Невидимка говорит ему:

— Меняйся, меняйся; я с тобой останусь.

Вот он переменился; стал у него молоточек и невидимка (невидимка не пошел от него).

Немного погодя встречается с ним на дороге другой старичок.

— Что ты, — говорит, — несешь? Я несу бабочку.

— А я невидимку. Ну, что ж из твоей бабочки?

Он постучал: явилось стадо овец.

— А у тебя что?

— Невидимка, подавай кушать!

Откуда ни взялись всякие кушанья.

— Давай меняться!

А этому человеку не хочется; за тем послан принести неведомо что. Невидимка ему опять говорит:

— Меняйся, я с тобой останусь!

Ну вот, они поменялись. Стало у него три вещи; пошел домой.

Сейчас царю докладывают, что человек пришел. Сейчас этого человека позвали сюда во дворец.

— Ну, что же ты принес?

— Невидимка, накрывай на стол.

Не глядя, что во дворце, невидимка накрыл на стол, подает кушанья.

— А вот, — говорит, — я еще принес.

Ударил молоточком; откуда ни взялись полки солдат.

— А вот еще что! Только надо выйти из дворца.

Вышли во двор; он сейчас постучал бабочкой — явилось стадо овец.

Сейчас царь опять собирает генералов, чтоб его опять послать, чтоб он никогда не мог возвратиться. Один генерал и говорит послать его вот туда-то: в некотором государстве есть золотой дуб, ветви серебряные; чтоб из этого царства дуб вырыл и в свое перенес, поставил против царской комнаты. И присудили все генералы: послать этого человека, и, если он не воротится, большая этому генералу награда; а если вернется, то его (генерала) казнить.

Царь призывает этого человека; приказывает ему:

— Вот в таком-то царстве, в таком-то государстве есть золотой дуб с серебряными ветвями; ты этот дуб вырой и принеси в наше царство, посади против моей комнаты.

Пошел он к своей жене с угрюмым лицом.

— Что ты, друг мой, пригорюнился?

— Да вот, — говорит, — царь посылает принести золотое дерево с серебряными листьями.

— Ну, не горюй, я твоему горю помогу! Ложись спать, утро мудренее вечера.

Он лег спать, а она вышла на крыльцо, махнула платочком, сейчас дуб из того царства очутился в этом царстве и был врыт против царской комнаты. Утро приходит; она своего мужа будит.

— Ступай, мой друг! Дуб твой принесен; ступай, около него расчищай.

Не успел царь проснуться, ему докладывают, что золотой дуб с серебряными ветвями перенесен в его царство и врыт против его комнаты. Сейчас дали этому человеку большую награду, а того генерала повесили на виселице.

Иванушка-дурачок

Жил-был старик со старухой; у них было три сына: двое умные, третий Иванушка-дурачок. Умные-то овец в поле пасли, а дурак ничего не делал, все на печке сидел да мух ловил. В одно время наварила старуха ржаных клёцок и говорит дураку:

— На-ка, снеси эти клёцки братьям; пусть поедят.

Налила полный горшок и дала ему в руки; побрел он к братьям. День был солнечный; только вышел Иванушка за околицу, увидал свою тень сбоку и думает:

«Что это за человек? Со мной рядом идет; ни на шаг не отстает; верно, клёцок захотел!»

И начал он бросать на свою тень клёцки, так все до единой и повыкидал; смотрит, а тень все с боку идут.

— Эка ненасытная утроба! — сказал дурачок с сердцем и пустил в нее горшком — разлетелись черепки в разные стороны.

Вот приходит с пустыми руками к братьям; те спрашивают:

— Ты, дурак, зачем?

— Вам обед принес.

— Где же обед? Давай живее.

— Да вишь, братцы, привязался ко мне дорогой незнамо какой человек да и все поел!

— Какой такой человек?

— Вот он! И теперь рядом стоит!

Братья ну его ругать, бить, колотить; отколотили и заставили овец пасти, а сами ушли на деревню обедать. Принялся дурачок пасти; видит, что овцы разбрелись по полю, давай их ловить да глаза выдирать; всех переловил, всем глаза выдолбил, собрал стадо в одну кучу и сидит себе радехонек, словно дело сделал. Братья пообедали, воротились в поле.

— Что ты, дурак, натворил: отчего стадо слепое?

— Да почто им глаза-то? Как ушли вы, братцы, овцы-то врозь рассыпались; я и придумал: стал их ловить, в кучу сбирать, глаза выдирать; во как умаялся!

— Постой, еще не так умаешься! — говорят братья и давай угощать его кулаками; порядком-таки досталось дураку на орехи.

Ни много, ни мало прошло времени; послали старики Иванушку-дурачка в город к празднику по хозяйству закупать. Всего закупил Иванушка: и стол

Она вышла на крыльцо, махнула платочком
(рис. В. Малышева)

Отколотили его братья
(рис. В. Малышева)

купил, и ложек, и чашек, и соли; целый воз навалил всякой всячины. Едет домой, а лошаденка была такая, знать, неудалая, везет — не везет! «А что, — думает себе Иванушка, — ведь у лошади четыре ноги, и у стола тоже четыре; так стол-то и сам добежит!» Взял стол и выставил на дорогу. Едет-едет, близко ли, далеко ли, а вороны так и вьются над ним да все каркают. «Знать, сестрицам поесть-покушать охота, что так раскричались!» — подумал дурачок; выставил блюдо с яствами наземь и начал потчевать:

— Сестрицы-голубушки! Кушайте на здоровье.

А сам все вперед да вперед подвигается. Едет Иванушка перелеском; по дороге все пни обгорелые. «Эх, — думает, — ребята-то без шапок; ведь озябнут, сердечные!» Взял понадевал на них горшки да корчаги[1]. Вот доехал Иванушка до реки, давай лошадь поить, а она не пьет. «Знать, без соли не хочет!», — и ну солить воду. Высыпал полон мешок соли, лошадь все не пьет.

[1] *Корчага* — большой, обычно глиняный сосуд (*примеч. ред.*).

— Что ж ты не пьешь, волчье мясо! Разве задаром я мешок соли высыпал?

Хватил ее поленом да прямо в голову — и убил наповал. Остался у Иванушки один кошель с ложками, да и тот на себе понес. Идет; ложки назади так и брякают: бряк, бряк, бряк! А он думает, что ложки-то говорят:

— Иванушка-дурак!

Бросил их, и ну топтать да приговаривать:

— Вот вам Иванушка-дурак! Вот вам Иванушка-дурак! Еще вздумали дразнить, негодные!

Воротился домой и говорит братьям:

— Все искупил, братики!

— Спасибо, дурак, да где ж у тебя закупки-то?

— А стол-то бежит, да, знать, отстал, из блюд сестрицы кушают, горшки да корчаги ребятам в лесу на головы понадевал, солью-то поиво лошади посолил, а ложки дразнятся — так я их на дороге покинул.

— Ступай, дурак, поскорее! Собери все, что разбросал по дороге.

Иванушка пошел в лес, снял с обгорелых пней корчаги, повышибал днища и надел на батог корчаг с дюжину — всяких: и больших, и малых. Несет домой. Отколотили его братья; поехали сами в город за покупками, а дурака оставили домовничать. Слушает дурак, а пиво в кадке так и бродит, так и бродит.

— Пиво, не броди! Дурака не дразни! — говорит Иванушка. Нет, пиво не слушает; взял да и выпустил все из кадки, сам сел на корыто, по избе разъезжает да песенки распевает.

Приехали братья, крепко осерчали, взяли Иванушку — зашили в куль и потащили к реке. Положили куль на берегу, а сами пошли прорубь осматривать. На ту пору ехал какой-то барин мимо на тройке бурых; Иванушка и ну кричать:

— Садят меня на воеводство судить да рядить, а я ни судить, ни рядить не умею!

— Постой, дурак! — сказал барин. — Я умею и судить, и рядить: вылезай из куля!

Иванушка вылез из куля, зашил туда барина, а сам сел в его повозку и уехал из виду. Пришли братья, спустили куль под лед и слушают, а в воде так и буркает.

— Знать, бурка ловит! — проговорили братья и побрели домой. Навстречу им, откуда ни возьмись, едет на тройке Иванушка, едет да прихвастывает:

— Вот-ста каких поймал я лошадушек! А еще остался там сивка — такой славный!

Завидно стало братьям; говорят дураку:

— Зашивай теперь нас в куль да спускай поскорее в прорубь! Не уйдет от нас сивка...

Опустил их Иванушка-дурачок в прорубь и погнал домой пиво допивать да братьев поминать. Был у Иванушки колодец, в колодце рыба елец, а моей сказке конец.

Про волдянку[1]-беляночку

Жил-был старик да старуха, а детей у них не было. Пошли старик да старуха в лес по грибы и нашли там волдянку-белянку, принесли домой, положили в горшочек и закрыли волошком[2]. Через час вдруг в горшочке под волохом заговорило:

— Дедушка да бабушка, откройте!

Открыли, а там — девушка Аннушка.

Вот живет Аннушка и растет не по годам, а по часам, в сутки вдвое уж бóльшая выросла. Пошли девки в лес по грибы и стали упрашивать, чтобы отпустили с ними и Аннушку. А дедушка да бабушка говорят:

— Куда! Как да заблудитесь!

— Нет, не заблудимся, отпустите.

И отпустили Аннушку. Шли они, да и заблудились эти девицы и пришли к яги-бабиной избушке. Яга-баба и закричала:

— Фу, фу, фу! Русский дух! Слыхом не слыхано, видом не видано, сам на дом пришел, съем, гт, теперь!

А девки и говорят:

— Ой ты, баушенькая! Ты бы накормила да напоила, тоже бы и ела!

Яга-баба затопила печь, заварила завару и давай девок кормить. Иные девки едят да в пазушку кладут, а Анна все ела спроста дочиста. Отъели, яга-баба и говорит:

— Подайте мою завару!

Все подали завару, а Аннушке и нечего отдать. Яга-баба отпустила девок домой, а Анну оставила у себя. Пришли девицы домой и сказали, что яга-баба не отпускает Аннушку. Затужили старик да старуха, да делать нечего, не воротишь.

А яга-баба подала Аннушке лошадиное копыто да и говорит:

— Ищи в голове да приговаривай.

Та и стала искать в голове да приговаривать:

— Спи, глазок, спи, другой; спи, ушко, спи, другое; спи, ручка, спи, другая; спи, ножка, спи, другая!

Яга-баба и уснула, а девица вышла на крыльцо да и плачет.

Вдруг бежит стадо коней.

— О чем, красная девица, плачешь?

— Да вот, яга-баба домой не отпускает.

— Садись на меня да держись за уши, так я тебя домой довезу.

---

[1] *Волдянка* (*волденец*) — гриб волнушка (*примеч. ред.*).

[2] *Волох* (*костр.*, *твер.*) — черепяная покрышка на горшок (*примеч. ред.*).

Девица только села, а яга-баба и завозилась. Видит, что дело неладно, села в ступу и погналась за Аннушкой. Только бы схватить, а лошадь и сунулась к старику на повить. А старик был тут с ружьем: сбирался идти в лес искать Аннушку. Увидал он сперва коня с девицей, потом ягу-бабу в ступе с помелом и выстрелил в нее из ружья. Тут яга-баба и ноги протянула. Закопали ее на задворье, и палку на могиле поставили, а коня повели в амбар к овсу к цельному сусеку. Аннушка и старики и теперь живут по-прежнему, всего наживают, да Анну наряжают, да замуж обещают.

Коток, золотой лобок

Жил старик со старухой близ лесу в худой избенке. Раз старуха и посылает старика в лес:

— Ступай, — говорит, — старик, наруби дров, я хоть печку истоплю да каши наварю.

Взял старик топор и пошел в лес дрова рубить. Подходит к пню, только ударил по нему топором, как выскочил коток, золотой лобок, и крикнул:

— Меня, кота, будишь, мне спать не даешь! Что тебе, старик, надо?

Старик не знал, что сказать, думал, думал, наконец и придумал:

— Избенку надо бы, избенка у нас плоха стала...

— Ступай домой, — говорит коток, — будет у вас новая изба.

Приходит старик домой и видит: стоит новая изба. Вышла к нему навстречу старуха и говорит:

— Дом-то у нас богатый, да дровец нет, поди, наруби дров.

Пошел опять старик в лес, стукнул топором в пень, выскочил коток и говорит:

— Меня, кота, будишь, мне спать не даешь! Чего тебе, старик, надо?

— Старуха дровец просит, — сказал старик.

— Хорошо, иди домой, будут у вас дрова.

Приходит старик домой и видит: около его дома целые костры дров навалены. А старуха вышла из дому и говорит:

— Всего-то у нас много, только хлеба нет, поесть нечего.

Взял опять старик топор и пошел в лес. Стукнул топором о пень, и т. д.

— Чего тебе надо?

— Муки старуха просит, есть, говорит, нечего.

— Хорошо, ступай домой, будет у вас мука.

Приходит старик домой и видит: хлеба полные амбары навалены. Вышла старуха и говорит старику:

— Всего-то у нас много, только сидеть не на чем.

Взял старик... и т. д.

— Чего тебе надо?

— Мебели просит старуха, сидеть, говорит, не на чем.

Коток, золотой лобок
(рис. В. Малышева)

— Ступай с богом домой, будет у вас и мебель.

Приходит старик домой и видит: мебелью весь дом установлен. Старуха опять и говорит:

— Всего-то у нас много, только одежи нет, надеть нечего.

(Кот дает старику и старухе одежду. Тогда старуха заявляет желание сделаться царицей, а чтобы старик был царем. И это исполняется. Наконец, старуха посылает мужа к коту, чтобы тот сделал ее Богородицей. На это кот ничего не ответил и ушел в пень. Старик вернулся домой и вместо дворца нашел прежнюю ветхую избенку и жену свою в прежнем виде.)

Записано мною лично
в Кадниковском уезде Вологодской губернии

Иванов цвет

Жил в одном городе богатый трактирщик, у которого было много служащих или, как их зовут, — половых. Однажды половые разговорились между собой о том, как можно сделаться богатым и знатным. Один и говорит:

— Я знаю средство сделаться богатым.

— Что же ты не испытаешь его, коли знаешь? — спрашивают другие.

— Боюсь, опасно.

— По крайней мере, расскажи нам, в чем это средство заключается.

— Нужно, — говорит, — достать Иванов цвет, т. е. цветок папоротника, который расцветает только в ночь на Иванов день. Кто этот цветок добудет, от того никакой клад не укроется, и он может все сделать, что захочет.

— Ладно, попробуем! — сказал один из половых по имени Сидорка.

Иванов цвет
(рис. В. Малышева)

И вот, когда настал канун Иванова дня, поздно вечером Сидорка отправился в лес к знакомому кусту папоротника. В полночь он увидел, что на папоротнике расцвел цветок. Сидорка сорвал его и побежал домой. И вдруг он видит — большой огненный шар катится ему прямо под ноги. Сидорка понял, что это дьявольское наваждение, и закричал:

— Чур меня!

Шар тотчас же пропал. Пошел он дальше. Долго шел, наконец увидал вдали огонек. Пошел на огонек и подошел к избушке. Заглянул в нее и видит: на печи лежит старый-престарый старик. И говорит ему старик:

— Тебе одному не справиться с Ивановым цветком, я тебе помогу в этом.

Слез старик с печки, взял ножик и разрезал у Сидорки на ладони кожу, всунул под нее цветок и в ту же минуту зарастил рану. Потом взял со стены сумочку, подал ему и сказал:

— Город, в котором ты живешь, окружен врагами, и тебе, чтобы освободить его, стоит только сказать: ранец, ранец, задай врагам танец! Когда же захочешь, чтобы все прекратилось, то скажи: ребята, в сумку!

Только что это вымолвил старик, как Сидорка очутился у города. Город действительно был окружен неприятелем. Увидавши врагов, Сидорка закричал:

— Ранец, ранец, задай врагам танец!

И вылезло из ранца войска видимо-невидимо, напало оно на врагов и прогнало их от города. После этого Сидорка был встречен царем с большим почетом, произведен в фельдмаршалы и находился при царе до самой его смерти.

Вельского уезда Вологодской губернии

Степан Богатый

Жил-был Степан Богатый; не имел ни двора, ни кола, ни куриного пера. Только и знал, что шатался в лес за грибами. Наварит, поест и опять пойдет в лес. Вот его лисичка признала и говорит:

— Что ты, Степан Богатый, не женишься?

— Да на ком мне, Лиса Васильевна, жениться? За меня никто не пойдет.

— Да женись; я тебе царскую дочь высватаю.

— За меня и крестьянская не пойдет. А хочешь, так посватай!

Через долгое время нашла Лиса Васильевна копеечку и побежала к царю.

— Ваше величество, пожалуйте мерки!

— На что тебе?

— Степану Богатому медь мерить.

Царь дал мерку. Мерка была с щербинкой. Лиса Васильевна положила в щербинку копеечку, приносит царю мерку обратно. Царь посмотрел, увидел в щербинке копеечку: «И вправду он медь мерил».

Прошло много времени. Нашла Лиса Васильевна серебряный; прибегает к царю.

— Ваше величество! Пожалуйте мерки!

— На что тебе?

— Степану Богатому серебро мерить.

Царь дал.

В мерке была щербинка; она опять в щербинку положила пятачок; отнесла царю. «И вправду он серебро мерил».

Через долгое время нашла Лиса Васильевна золотой, прибегает к царю.

— Ваше величество, пожалуйте мерки!

— На что тебе?

— Степану Богатому золото мерить.

Взяла мерку, положили в щербинку золотой.

Приходит к царю, приносит мерку, благодарит. Царь берет мерку в руки, стукнул — вылетает золотой...

— Сколь ваш Степан Богатый богат?

— Скоро с вами поравняется! Приказал Степан Богатый доложить: не отдадите ли вы свою дочку за него?

Царь согласился. Лиса Васильевна назначила, в какой день свадьба. Там собираются, а она Степану Богатому сказала, чтоб он последнюю лошаденку утопил в болоте, выпачкался бы и пришел на свадьбу. А сама пошла к царю.

Приходит день свадьбы. Лиса Васильевна все места избегала.

— Ах, как он долго не едет! Как он долго не едет!

И сама побежала ему навстречу. Он идет весь в грязи, шут шутом. Сама бежит к царю и говорит:

— Ваше величество! Несчастье случилось.

— Какое?

— Степана Богатого все десять карет, все лошади потонули в болоте; а Степана Богатого как-то Бог спас. Дайте ему во что одеться!

Вот его умыли, одели и привели, посадили. Ему царь дал самое лучшее платье. Он все и глядит сам на себя. Царь и *отвечает* (говорит):

— Ах, что это, Лисонька, он сам на себя глядит?

— Он говорит, такого дрянного платья никогда не нашивал!

— Ну, — говорит, — у меня нет лучше.

Так и повенчали их в этот день. Ну вот, они гуляют. Царь и говорит:

— Ну, зятюшка, нынче у меня и завтра у меня, когда же у тебя?

Степан Богатый молчит. Вот царь опять говорит:

— Ну, любезный зятюшка, нынче у меня и завтра у меня; когда же у тебя?

Степан Богатый все молчит.

Вот Степан Богатый и говорит своей Лисе Васильевне:

— Как мне быть?

— Ну, — говорит, — как скажет он тебе еще раз, ты его и попроси: милости просим, батюшка, ко мне!

Степан Богатый
(рис. В. Малышева)

Вот через несколько времени царь опять говорит Степану Богатому:

— Ну, любезный зятюшка! Ныне у меня и завтра у меня, когда же у тебя?

Он ему отвечает:

— Милости просим, батюшка, ко мне!

Собрались они. Лисица и говорит Степану Богатому:

— Куда я пойду, туда и ты поезжай!

Вот они и едут за ней.

Вот лисица подходит. Пасут стадо коров. Она и спрашивает:

— Пастушки, чьи вы?

Пастухи отвечают:

— Барина Цыгарина.

Лисица им говорит:

— Не говорите, что вы барина Цыгарина, а скажите, что Степана Богатого. А то едет царь Гром и царица Молния; царь Гром громом побьет; царица Молния молнией пожжет!

Вот подъезжает царь, спрашивает:

— Чьи вы, пастухи?

— Степана Богатого.

Подходит лисица: пастут стадо овец. Она и спрашивает:

— Пастушки, чьи вы?

— Барина Цыгарина!

— Не говорите, что вы барина Цыгарина; а то едут царь Гром и царица Молния; царь Гром громом побьет; царица Молния молнией пожжет. Скажите, что вы Степана Богатого.

Вот подъезжает царь, спрашивает:

— Пастухи, чьи вы?

— Степана Богатого.

Подходит лисица: стерегут стадо лошадей.

— Пастухи, чьи вы?

— Барина Цыгарина.

— Не говорите, что вы барина Цыгарина; скажите, что вы Степана Богатого. А то едет царь Гром и царица Молния; царь Гром громом побьет, царица Молния молнией пожжет!

Вот подъезжает царь, спрашивает:

— Пастухи, чьи вы?

— Степана Богатого.

Вот приходит она (лисичка) в дом к барину Цыгарину. А у барина Цыгарина все было *парадно*: жена была именинница. Эта барыня Цыгарыня сидит у себя в комнате. Вот она (лисичка) вбежала к ней в комнату.

— Ах, — говорит, — барыня Цыгарыня!

— Что же? — говорит.

— Едет царь Гром и царица Молния.

— Куда же, — говорит, — нам деться?

— Да подите, — говорит, — я вас хоть в дупло спрячу; покамест царь проедет.

Они спрятались в дупло. Она (лисичка) и людям сказала, чтоб они не говорили, что они барина Цыгарина.

Приезжает царь, спрашивает:

— Чьи вы, люди?

— Степана Богатого.

Взошли в комнаты; лисица распорядилась: накрыто на стол и поданы всякие закуски. Закусили. Лисица предложила царю прогуляться по Степана Богатого зеленому саду. Сад был так пространством велик — на 120 десятин. Вот они ходили, ходили; и пришли к этому дуплу. Барин Цыгарин и барыня Цыгарыня сидят в этом дупле; им и душно стало; они и кричат. Царь и спрашивает:

— Что здесь за люди кричат?

А лисица и говорит:

— Это у нас тут черти живут. Прикажите, ваше величество, огня принести и это дупло сжечь.

Принесли огня, сгорело это дупло. И остался Степан Богатый при всем этом богатстве.

Присказка. Засказывается сказка, разливается по печи кашка; сквозь печь капнуло, в горшок ляпнуло; течи, потечи, идет добрый молодец из-за печи на свинье в седле, топором подпоясался, ноги за поясом; квашня старуху месит. Я ей сказал: спорынья в старуху! Она как схватит из-за лопаты печь, меня печью хлесть; я побежал, через портки приступок и изорвал.

Михайло Трунщиков

Не в котором царстве, не в котором государстве, не именно в том, в котором мы живем, жил-был царь да царица, а у этого царя не было короны. Он и стал сбирать свое царство и собрал всех главных начальников и простого роду мужиков, кто бы ему корону мог достать с острова, где она хранилась. Вот и выискался один — Михайло Трунщиков.

— Я, — гт, — могу достать корону.

А царь и говорит:

— Много ли тебе надо, как корону достанешь?

А Михайло Трунщиков и гт:

— Мне денег не надо, а дай мне волю на двенадцать дней в каждом кабаке пить вино.

Царь согласился. Прошло двенадцать дней, и стал собираться Михайло Трунщиков за короной. Пришел он к царю и просит благословения, а царь ему в ответ:

— С богом!

И спросил еще царь у Михайла Трунщикова:

— Много ли тебе, — гт, — надо на дорогу?

А Михайло Трунщиков у него и попросил 12 кораблей, чтобы были начинены с порохом, а на 13-м мы, — гт, — поедем, и дай команду солдат.

Отправился Михайло Трунщиков в дорогу и подъезжает к тому месту, на котором острову была корона. Сейчас зачал и распоряжаться:

— Причаливайте!

Команда причалила к острову, вышел Михайло Трунщиков из корабля и пошел по острову, взял с собой трех солдат. Идет он островом, а на этом острове маленьких змей по колено брели. Но у них была такая одежа, что они не боялись. Подходят к дому, а у этого дома лежала змея тридцать сажень

Михайло Трунщиков
(рис. М. Балунина)

длины и двенадцать ширины. Они сильно испугались ее, но Михайло Трунщиков не струсил, перешел по ней, и солдаты за ним, перешли все четверо, она и не слыхала. Вошли в дом, а в доме в переднем угла стояла корона. Взял Михайло Трунщиков корону и воротился назад. Только из дома вышли, а змея повернулась к ним ртом, а сама говорит человеческим голосом:

— А, — гт, — вы пришли корону воровать!

Сама рот распелила[1] и хочет всех съесть. А Михайло Трунщиков и говорит:

— Не ешь, дай мне снести корону на корабль, так и ешь, а коли теперь съешь меня и корону, так тебе барышу нет и нам убыток.

А она говорит:

— Не поверю, ты не придешь.

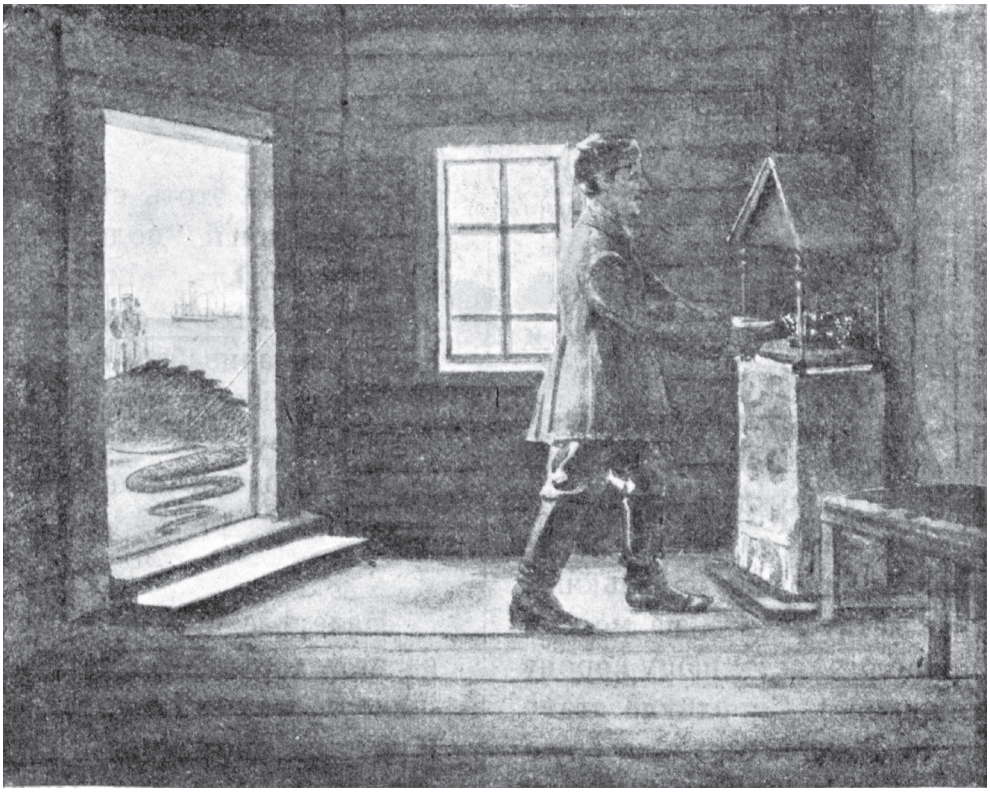
А Михайло Трунщиков:

— Я тебе оставлю трех солдат под заклад.

И оставил трех солдат, сам пришел в корабль и сказал своим солдатам:

— Отчаливайте скорее!

[1] *Распелить рот* — здесь: грубо кричать (*примеч. ред.*).



Михайло Трунщиков берет корону
(рис. М. Балунина)

Сейчас отчалили и поехали обратно в путь. Змея подождала Михайла, но не могла дождаться и съела трех солдат, а сама закричала большим голосом и приказала маленьким змеям своим:

— Летите, — гт, — на море и прожигайте корабли, увез нашу корону Михайло Трунщиков!

Спорхнуло стадо змей и полетело. Видит Михайло Трунщиков, что дело неладно, и приказал своим солдатам отчалить три корабля с порохом. Сейчас солдаты перетянули снасти, и остались три корабля, а они в путь поехали. Налетели змеи на три корабля и зачали крышу прожигать, думали, что тут Михайло Трунщиков. Обсели кругом корабля, прожгли крышу, и вспыхнул порох, и разорвало корабли и змей на мелкие части.

Услыхала старшая змея этот стук и опять закричала громким голосом:

— Летите, остальные змеи, и жгите их насмерть.

Поднялись все остальные змеи и полетели в погоню Михайлу Трунщикову. Видит Михайло Трунщиков опять такую неудачу и приказал отчалить

четыре корабля с порохом. Сейчас отчалили четыре корабля. Налетели змеи на эти корабли и опять же начали прожигать крыши. Как только прожгли и дотронулись жигалом[1] до пороха, порох вспыхнул, разорвало корабли и всех змей.

Услыхала этот стук старшая змея; рассердившись, поднялась и полетела сама. Увидел Михайло Трунщиков старшую змею и сказал своим солдатам:

— Отчаливайте остальные пять кораблей с порохом, а сами идите на всех парусах.

Сейчас солдаты отчалили корабли и поехали на одном корабле.

Налетела большая змея и бухнулась на пять кораблей. Видит Михайло Трунщиков, что змея упала на те корабли. Как она села, корабли угрузли в воду. Испугался Михайло Трунщиков, что подмочит порох и не вспыхнет, но не успела она сесть на корабли и проткнула жигалом крышу, дотронулась жигалом до пороху, и вспыхнул порох, и разорвало пять кораблей, и ее расхватило на мелкие части. Чрево из нее выкинуло на берег с тремя солдатами, которые были отданы под заклад; они были невредимы. И видя Михайло Трунщиков, что там на берегу три солдата ходят, приказал подчалиться к берегу. Причалили к берегу, и подошли те три солдата, которые были в змеиной брюшине, а Михайло Трунщиков на корабль нейдет, на радостях ходит взад да вперед по берегу. Солдаты сговорились:

— Давайте отчалим да уедем, пущай он останется здесь, ему отсюда не прийти, а мы дома скажем, что его змеи съели, а мы, мол, корону достали, нас царь и наградит.

Сейчас отчалили от берега, а Михайло Трунщиков скачет-поскачет, а никак не может взойти на корабль; сел на берег и заплакал. Поплакал, и придумалось ему: пойду я за кораблем, не могу ли дойти до дому? И пошел Михайло Трунщиков берегом; подался недалеко, вдруг выскочил из лесу черт, бежит да сам кричит:

— А! Ты у нас корону увез и всех змей перевел, вот уж теперь не убежать, я тебя съем!

Михайло Трунщиков побежал от черта и перескочил за канавку. Тут уж черту дела нет до него, он не может за канавку перейти, тут уж земля не черта, а медведя. Только он за канавку перескочил, сейчас ему медведь навстречу, три сажени вышины да две ширины, разинул пасть и говорит:

— Заходи ко мне в рот, от меня уж не уйдешь. Ты корону увез и всех змей перевел, да и от черта ушел, а уж от меня не уйдешь, я тебя съем!

А медведь-то был милостивый. И стал просить Михайло Трунщиков, чтобы он его спас. И говорит Михайло Трунщиков:

— Михайло Потапович, спаси меня, — а сам поклонился медведю в ноги.

Сейчас медведь уселся на лужок и стал рассказывать Михайлу Трунщикову:

---

[1] *Жигало* — железный прут с заостренным концом для прожигания дыр в дереве (*примеч. ред.*).

На берегу моря
(рис. М. Балунина)

— У царя сегодня пир, вот уж приехали к нему с короной.

А Михайло Трунщиков и затосковал сильно:

— Ах! Не привелось мне на пиру попировать!

А медведь говорит ему:

— Ежели желаешь, то мы поспеем на пир с тобой.

Он опять поклонился медведю в ноги.

— Сделай, — говорит, — такую милость, чтобы попасть на пир!

Сейчас медведь приказал влезать на него, полез Михайло Трунщиков на него, медведь поприсел. И поскакал медведь во всю рысь. Подскакал к овинам к тому городу, в котором был царь, и приказал, чтобы про него не сказывать, что его медведь привез:

— Ежели как скажешь, так сейчас тебя из артели выхвачу и съем.

Забожился Михайло Трунщиков, что не скажет. Простился с медведем и пошел в город. А царь корону принял от тех и усадил всех в передний угол. Уж пьют да попивают, а Михайла не забывают, за упокой поминают, потому что те приехали и сказали, что Михайло Трунщикова змеи съели, и никто

не считал его живым. Только идет Михайло Трунщиков на глаза царю. Царь как увидел его, сейчас схватил в охапку и спросил:

— Где ты взялся?

— А вот, — гт, — они уехали, а меня медведь привез.

И рассказал все царю подробно, как дело было. Рассердился царь и расстрелял солдат, тех, которые обманули его, только трех оставил, которые были в змеином чреве. А Михайло Трунщиков только помянул про медведя, а медведь тут и есть, распихивает народ своей широкой грудью. Стража вся испугалась преогромного зверя, и у солдат выпали ружья из рук. И пропустили медведя к царю во дворец. Подходит медведь и добирается до Михайло Трунщикова и хочет его съесть. Но Михайло Трунщиков ему в ответ говорит:

— Не ешь меня, медведь, не я, — гт, — сказал про тебя, но хмель мой сказал. Давай и тебя напоим, и ты неладно заговоришь.

Сейчас прикатили сороковку бочку, напоили медведя, он одним духом ее высосал, и сделался пьяный, и повалился, и не помнит сам себя. А стража хотела его убить. Но Михайло Трунщиков не дал. Он, гт, меня спас, так и я его спасу. А вся стража покорялась Михайлу Трунщикову.

Медведь проснулся и не помнит, как он плотно спал. Там стали рассказывать другие прочие, как это дело было; медведь поблагодарил Михайло Трунщикова, что он спас его от стражи, и сам удалился в свою сторону. А Михайло Трунщиков получил от царя половину царства и женился на царевне у того же царя. И теперь еще все живут с царевной и царствуют вместе со своим тестем.

Иваницкий Н. А.
Материалы по этнографии Вологодск. губ.

Волшебная дудочка

Жил-был крестьянин. У него было три сына: два умных, а третий дурак. У них была посеяна пшеница. И повадился кто-то ходить к ним в эту пшеницу, и много топчет. Вот мужик посылает своего большого сына караулить пшеницу. Большой сын пошел. Приходит в огород, сел под куст, сидел, сидел, до полночи просидел да и заснул. Проснулся потом к утру, посмотрел — больше того натоптано! Приходит к отцу. Отец и спрашивает его:

— Ну что, поймал?

— Кого я там поймаю — я и не видал никого!

Средний сын пошел, тоже не укараулил никого!

Дурак пошел и выдернул из ворот клин. Как пришел к пшенице, лег и заснул. К полночи проснулся. Видит: большой человек подошел к пшенице и начинает ее топтать. Дурак потихоньку подкрался к нему да как лопнет его этим клином, да как крикнет:

— Ах, не попал!

Лесовик начал его умаливать:

— Пусти, что хошь тебе дам!

Дурак говорит:

— Сколько ты пшеницы у меня потоптал, так столько же куч натаскай мне денег: медных, серебряных, золотых — тогда я отпущу!

Лесовик согласился. Начал таскать ему деньги. Натаскал и говорит:

— Дурак, отпусти!

— Нет, не отпущу, отдай мне теперь свою дудочку!

Лесовик так-сяк, — нет, пришлось-таки отдать дураку дудочку. Отдал — дурак и отпустил лесовика.

Приходит после того он домой и говорит:

— Батюшка! Запрягай лошадей да поди, возьми деньги в огороде!

Мужик не поверил, думал, что дурак так нарочно говорит. Потом запряг лошадей и поехал. Смотрит, ан и взаправду деньги! Скорей эти деньги наложил на телеги да и повез домой. С тех пор мужик забогател и зажил хорошим манером.

Вот только дурак-то не в долгом времени после того выпросил у отца своего свинью с 3 поросятами, взял их с собой и погнал прямо к царскому дворцу. Пригоняет их туда, сел на тумбочку и заиграл в дудочку. Свинья с поросятами начали плясать. Царская дочь увидала эту пляску и высылает к дураку свою служанку. Служанка выходит и говорит:

— Мужик, мужик! Продай одного поросеночка!

— Непродажный, — говорит дурак. — Заветный!

— А велик ли завет?

— Пущай царская дочь покажется мне без платья!

Служанка пошла, сказала царевне. Царевна приказала позвать его к себе. Дурак взял поросенка, приходит во дворец, осмотрел царевну по колено, отдал ей поросенка, а остальных двоих поросят со свиньей погнал опять домой.

Царевна сейчас же после него заиграла музыку для поросенка. Музыка гудит, а поросенок только визжит. Царевна и говорит:

— Как дурак пригонит сюда завтра опять своих поросят, то купите у него остальных и свинью, а то один этот очень скучает, оттого и не пляшет!

Дурак пригоняет назавтра опять свинью свою с поросятами в город. Как заиграл на своей дудочке — поросята со свиньей и начали плясать. Во дворце услышал поросенок музыку и тоже начал плясать. Царевна опять высылает служанку. Служанка и говорит:

— Мужик, а мужик! Продай нам свою свинью с поросятами!

— Непродажные, — говорит дурак. — Заветные!

— А велик завет?

— Пущай царевна покажется мне вовсе без платья!

Служанка побежала к царевне. Царевна приказала призвать дурака. Дурак приходит. Царевна и говорит:

— Пойдем, смотри!

Дурак осмотрел, отдал ей свою свинью с поросятами, а сам и пошел домой.

После того царь дает известие всем королям и знатным господам во всем мире:

— Кто у моей дочери узнает приметы, за того ее и замуж отдам, а в приданое полцарства даю!

Короли и господа собираются. Дурак тоже взял у батьки денег, купил хорошую одежду и поехал во дворец. Приезжает, его принимают и не знают, что он дурак.

Стали потом женихи узнавать приметы. Один скажет — то, другой — другое. Подходит очередь к дураку. Дурак и говорит:

— У вашей дочери под правым плечом золотые волосики, под левым плечом — серебряные, на спине — золотая звездочка!

Сейчас взял царь дурака за руку и повел к своей дочери и говорит:

— Вот тебе муж!

Они согласились, перевенчались, так и зажили.

О волке и лисице

Волк и лиса жили в одном месте. У Волка был дом коряной, а у Лисы ледяной. Вот пришла весна красная, и у Лисы дом растаял, как не бывало. Что делать ей? Но лисицы хитры. Пришла она к Волку под окошечко да и говорит:

— Волчонок-голубок! Пусти меня, горемычную, на крылечко.

А тот так толсто:

— Поди, Лиса!

— Волчонок-голубок! Пусти хоть во двор.

— Поди, Лиса!

— Волчонок-голубок! Пусти хоть в избу.

— Поди, Лиса!

— Волчонок-голубок! Пусти хоть на приступочек.

— Поди, Лиса!

— Волчонок-голубок! Пусти в печку.

— Поди, Лиса.

Вот Лиса и на печке лежит да хвостом вертит... трое суток не едала.

— Как узнать, — она говорила, — <где> у Волка хлеб?

И ну искать у Волка хлеба. Искала, искала да и нашла на избице у Волка лукошко толокна да кринку масла. А сама опять на печку.

— Стук! Стук! Стук! — Лиса под шубой говорит.

А Волк:

— Лиса, кто-то стукается?

Лиса в ответ:

— Волчонок-голубок! Тебя в кумы зовут, а меня в кумушки.

— Поди, Лиса, а мне лихо.

А Лиса тому и рада. С печки скок да на избицу скок, а там масла лизнет, толоконца лизнет, лизала да все и слизала. С избицы скок да на печку скок, и лежит, как ни в чем не бывало.

Волк спал, спал да есть захотел и в избицу побрел.

— Ахти, беда! Кто масло съел? Толокно сзобал?

А Лиса:

— Волчонок-голубок! На меня не подумай!

— Полно ты, кума, кто подумает на тебя?

И тем дело решили, а голода не заморили.

— Поди, кума, на Русь, — Волк Лисе говорит. — Что найдешь, то и тащи, не то с голоду умрем.

А Лиса ни слова в ответ и юштык на Русь. Выбежала на дорогу; видит: едет с сельдями мужик; прикинулась и легла поперек дороги, как умерла. Наехал мужик на Лису:

— Ах, — говорит, — лисица, что за шерсть! Что за хвост?!

А сам Лису в воз; Лиса тому и рада, и ну рыть сельди; дорылась до дна; и ну грызть рогожу — и ну грызть дно саней. Сельди все в дыру пропустила и сама ускочила. Мужик в это время спал и ничего не знал.

А Лиса сельди собрала и к Волку в избу принесла.

— Ну, — говорит, — Волчонок-голубок, ешь, веселись, ни о чем не тужи!

Волк не может и надивиться кумы своей ухватке.

— Да как ты, моя кума, сельди-то имала? — Волк Лисе говорит.

— Ой, ты, куманек-голубок! Я хвост-то как в прорубь опущу: сельдь да две.

Волка так и забирает опробовать это дело неслыханное. Вот он хлеба себе наклал и отправился сельдей ловить, как кума его ловила и как его учила.

Пришел он к реке, опустил в воду хвост да и держит. А Лиса в то же время молит:

— На небе ясни, ясни! У Волка хвост мерзни, мерзни!

И вот треснул мороз, что у Волка хвост замерз. Пришли поповы дочки да и Волка кичигой[1] зашибли и из шкуры себе шубы сшили. А Лиса осталась жить одна, и теперь живет, и нас переживет!

О похищении Вихрем девиц

Жил-был царь и царица, у царя и у царицы были три дочери. Попросились они у отца в сад погулять; гуляли-гуляли и сели на скамейку отдыхать. Прилетел Вихорь, схватил их и унес за темные леса, в подземное царство.

Отец и мать хватились дочерей и послали слуг за ними; слуги не нашли их и сказали царю, что дочерей нет в саду. Царь нанял Ивана, крестьянского сына, искать дочерей. Иван, крестьянский сын, отправился по дорожке столбовой и дошел до стеклянной горы, поднялся на гору, а на горе большой камень. Иван камень взял да и сдвинул с места, под камнем увидал яму, а в яме

[1] *Кичига* (*архан.*) — молотило, заменяющее цеп: выгнутая палка с плосковатым концом (*примеч. ред.*).

серого кота с глазами хрустальными. Стал Иван просить кота, чтобы он сказал ему, где находятся его царевны? Кот сказал, что царевны его в этой яме, повел до медной избушки. Кот в избушку не зашел, а воротился назад.

Иван, крестьянский сын, зашедши в избушку, сел на лавку. Марфа-царевна стала у него вестей спрашивать: чей он, и откуда, и как попал к нам? Он сказал ей:

— Марфа-царевна! Напои, накорми, тогда вести спрашивай!

Марфа-царевна напоила, накормила Ивана и стала вести спрашивать: откуда он и как попал к ним в подземное царство. Иван рассказывал ей, откуда он и как попал к ним. Марфа-царевна после того сказала ему:

— Пойдем, я тебя припрячу. Вихорь прилетит и съест тебя.

Только что запрятала Марфа-царевна Ивана в сено, Вихорь прилетел и говорит:

— Фу, фу! Русским духом пахнет.

— Нанюхался русского духу, — сказала ему Марфа-царевна, — да и спрашиваешь.

Вихорь посидел немного в избушке Марфы-царевны и улетел.

Иван, крестьянский сын, вышел из сена и спрашивает у Марфы-царевны, где другие сестры? Она сказала ему, что еще ниже там. Он отправился дальше и дошел до серебряной избушки. В этой избушке жила Матрена-царевна. Так же поступила с Иваном и эта царевна.

От Матрены-царевны Иван отправился к третьей сестре Парасковье-царевне. Парасковья-царевна жила в золотой избушке; то же спрашивала Ивана, что спрашивали те сестры.

Парасковья-царевна, чтобы избавить от Вихря, сговорилась с Иваном сжечь его спящего. Вихорь как только уснул, они взяли да и зажгли избушку. Вихорь сгорел, и избушка свернулась в шарик. Прасковья-царевна взяла шарик и отправилась с Иваном к сестрам.

Матрена и Марфа-царевны также свернули в шарики свои избушки и пошли домой к отцу. Когда они пришли домой, отец и мать обрадовались, дали Ивану, крестьянскому сыну, полцарства своего и стали жить, да быть, да добра наживать.

Всего на свете не поворотишь

Бывало-живало, жили старик да старуха, а у них было три сына и три дочери. Бóльшая из сестер сидела у окна и выстрачивала рукавца. Откуда ни бывало, возьмись Вихорь-Вихоревич и прилетел Ворон-Воронович, взяли да и унесли девицу красную.

Пересидели у того же окна и вышивали рукавца другие две сестры, и их тоже унесли Вихорь-Вихорович и Ворон-Воронович.

После этого большой брат и говорит матери:

— Мати, напеки мне колобочков, я пойду сестер искать.

Вот мать напекла колобков и отправила старшего сына в путь, во дороженьку.

Шел он да шел и увидел, что перед ним стоит столб, и за столбом стоит старенький старичок. Старичок этот увидел тоже его и спросил:

— Куда ты, молодец, путь держишь?

А молодец отвечает:

— А вот, как бы мне на железную гору попасть?

Старик в свою очередь посоветовал:

— Ты поди сюда; вон там лежит брус через всю Русь; ежели ты этот брус поставишь на конец, то и на железную гору попадешь; а если тебе будет не поднять, то и на горе тебе не бывать.

Пошел молодец дальше, поставил тот брус на конец и зашел на железную гору, а по ней шел да шел и увидел двор медный. Он к этому двору подошел, зашел на крыльцо и поколотился. Отворила ворота ему бóльшая сестра и сказала:

Стоит столб, и за столбом стоит старенький старичок
(рис. В. Малышева)

— Куда ты, брателко, путь держишь? Ведь ты идешь не на жиру, а на смерть!

Так оно и вышло: все три сестры, три брата и тут же старик и старуха пропали[1].

Илья Муромец

Из-за лесу, лесу было темного, из-за темного дремуцего, не туця ли там затуцилась, не туман ли затуманивсе. Поднимаетце там злодей Калин-царь на Киев-град, за ним было сорок царей царевицей, сорок королей королевицей, и за каждым царем царевицем и за каждым королем королевицем были силы за ними по сорока тысяцей; за самим злодеем Калином-царем было три тьмы и три тысяци. Подошли они под Киев-град и обстали кругом Киева, и злодей Калин-царь в первый день ходив до вецера, первую ноць до бела света и выкликав себе такого целoвека, чтобы знав говорить по-русски и товмацить по-татарски. И другой день ходив до вецера, и другую ноць ходив до бела света и выкликав такого целoвека, чтобы знав говорить по-русски и товмацить по-татарски. И третий день ходив до вецера, третью ноць ходив до бела света и выкликав такого целoвека, чтобы знав говорить по-русски и товмацить по-татарски. И нашовсе такой целoвек, что знает говорить по-русски и товмацить по-татарски. И он ему наказ наказывал:

— Пойди же ты во Киев-град, иди прямо ко князю Владимиру во светлую светлицу и во столовую горницу, и где опоцивает князь Владимир, и не снимай с себя шапки соболиной и не крести своего бела лица, и говори ты с ним таковы слова не с упадкою: «Ах ты, князь Владимир! Мы к тебе пришли не в гость гостить, ты отдай нам Киев-град без бою, без драки и без большого кроволития...»

Повесив князь Владимир свою буйну голову ниже могуцих плец. У его была жена Апраксия, у его она спрашивала:

— Что же ты, мой возлюбленный муж, повесив свою буйну голову ниже своих могуцих плец? [2]

— Да, — говорит, — жена моя Апраксия! Как мне своей головы не повесить: просит злодей Калин-царь Киев-град отдать без бою, без драки, без большого кроволития?..

---

[1] Из сказки этой заключается: а) что у жителей деревень ворóны и вóроны — есть предвестники близкой смерти, б) что смерть они сравнивают с мгновением вихря и в) что всего света не поворотишь, а если пойдешь наперекор судьбе — погибнешь.

[2] Желая быть точным, мы удерживаем буквально местный выговор, по которому мужчины в Шириханове придерживаются более или менее вологодского говора, а женщины — олонецкого, с преобладающим звуком «ц», напр. слово «что» мужчины всегда выразят «што», а женщины «цто». Но и у мужчин больше слышится «ц», нежели «ч» и, кроме того, вместо твердого знака часто употребляется мягкий «ь», вместо «а» — «я».

Говорила тут ему жена его Апраксия:

— Есть у нас в глубоком погребце сильный могуций богатырь Илья Муромец, возьми ты тарелки золоценые, на эти тарелки насыпь злата и серебра и драгоценного каменья; набери с собой куниц и лисиц и драгоценных соболей, и принеси ты ему покорность и говори таковы слова: «Ты прими от меня, сильный могуций богатырь Илья Муромец, богатый подарок, и выйди ты на бел свет из глубокого погреба и постой ты за церкви соборные, за души младенцеские, за веру христианскую!..»

Тут выходил Илья Муромец из глубокого погреба и крицяв он своим богатырским голосом, свистав молодецким посвистом своего доброго коня; и бежит его добрый конь наступцивый, не потеряв он войлоцька косящатого, не потеряв он сиделышка черкасского, не потеряв он и копья довгомерного, не потеряв он и палоцки воинские, богатырские. Садився Илья Муромец на своего доброго коня, поезжав во зеленые луга, и где жив там злодей Калин-царь. Ехав, поехав и сам себе подраздумався: «Што жо я поехав на рать силу великую, силу непобитую, а не у кого не просив благословенья?»

В цистом поле живет у него дядюшка Самсон Колывановиц; приезжает он к этому дядюшке, и дядюшка обрадовался своему племяннику и спрашивал его:

— Куда жо ты, племянницек, поехав?

— Есть, — говорит, — дядюшка, нашев на Киев-град Калин-царь, за ним 40 царей царевицей, 40 королей королевицей, за каждым царем царевицем, за каждым королем королевицем силы по сорок тысяцей, за самим злодеем Калином-царем силы три тьмы и три тысяци, и лажу я постоять за церкви соборные, за души младенские и за веру христианскую.

Говорит ему тут Самсон Колывановиц:

— Ну, племянницек, ты съезди позавтракай, а меня оставляй пообедать.

И дает ему другой лук и стрелку каленую, и говорит, наказ наказывает:

— Если одолеет тебя сила поганая и возьмут тебя в полон, ты натягивай тугой лук и накладывай стрелу каленую, и стреле приговаривай: «Полети жо ты, каленая стрела, не пади жо ты не на воды, не на землю, пади ты Самсону Колывановицу на бел шатер полотняный и сшиби маковку золоценую!»

Приезжает Илья Муромец во чистое полюшко в силу великую, силу непобитую; куды пройдет — тут улица, куды на добром коне поворотитце — тут площадь, и видит тут злодей Калин-царь, что с этим богатырем нечего не поделать. Приказывает (Калин-царь) своей силе копать перекопы глубокие и ставить копья острые; и вскочил его добрый конь, Ильи Муромца, через один перекоп, искололся весь, и взяли тут Илью Муромца во полон... Натягивал Илья Муромец тугой лук, накладывал стрелу каленую и стреле приговаривал:

— Полети, стрела каленая, не пади ты не на воду, не на землю, а пади моему дядюшке Самсону Колывановичу на бел шатер полотняный и сшиби ты с бела шатра маковку золоценую.

И догадався тут его дядюшка Самсон Колывановиц, что племянничек во полон взят, Илья Муромец. Вот он (Самсон Колыванович) оседав, обуздав своего доброго коня и поехав в цистое поле к злодею Калину-царю, и стал он поезживать, своего племянницка выруцивать. Куды проедет — улица, куды поворотитсе — площадь; столько стало валитсе нецисти поганой. Вот он, приломив свое копье довгомерное, изломав свою палоцку воинскую, богатырскую — воевать больше стало нецем; и схвати он тут татарина:

— Ах, — говорит, — какое мне попало побоищо[1], гнетце — не ломитце, по суставам не сорветце.

И прибил он тут у злодея Калина-царя всю силу, и злодея Калина-царя взяв в полон, и с живого кожу снели, и выручив своего племянницка Илью Муромца.

Записано А. Шустиковым

Дока на доку
(рис. В. Малышева)

[1] *Побоищо* — орудие, в данном случае человек служил орудием Самсону Колывановичу.

Дока на доку

Заспорили доктор с аптекарем, кто кому сильнее яду задаст? Аптекарь хвалился своим ядом, говорит, что против него и лекарство даже не найдешь. А доктор своим ядом хвалился. И вздумали они испробовать эти яды друг на дружке с таким уговором, чтобы как поднесут их друг другу, так чтобы тотчас же объявить после того, какие именно эти яды. А тогда уж всякий волен против него и средство, какое знает, принять. Вот поднес сначала своего яду доктору аптекарь-немец, выбрал самый сильный яд. Доктор был из русских, выпил и видит, что зелье чертовское дал ему немчура. Однако как аптекарь ему сказал, какой это яд, доктор тотчас же принял против него лекарство и как ни в чем не бывало.

Приходит очередь аптекарю яд принимать. Доктор и подает ему растопленного сала бараньего крынку:

— Пей, — говорит.

Аптекарь выпил. Доктор подает потом кружку холодной воды:

— Пей, — говорит.

Аптекарь выпил. Когда выпил, сало в животе у него застало. Аптекарь после того как ни хлопотал, чтобы его как-нибудь растопить, да кроме огня-то, вишь, ничем нельзя, а огня в живот не сунешь, — так и умер немец.

Цыган в монастыре

Каким-то родом попал цыган в монастырь на Масленице, пришел за трапезу и видит, что монахи блины едят, таково-то маслены. У цыгана так и слюнки растеклись. Вот и надумал он оттого проситься в монастырь в монашество. Приходит к настоятелю и просит его об этом. Настоятель согласился. Цыгана приняли в монастырь, дали ему пономарскую должность. Вот цыган ранним еще утром встанет, бывало, позвонит к заутрене и пойдет в трапезную. Придет, а там уже блины готовы. Цыган тотчас же поест-поест, опять позвонит, придет в трапезную блинов поесть опять, опять потом на колокольню, и так все время проводил целую Масленицу! А иной раз еще и выхрапку хорошую задаст! Понравилось цыгану такое житье — ходит он по монашеству, руки потирает да поговаривает:

— Косточки здесь свои положу!

Ладно. Прошла Масленица. Наступил Великий пост. В самый Чистый понедельник цыган ранешенько еще вскочил с постели, побежал на колокольню, позвонил к заутрене и опять в трапезную. Пришел, смотрит в печку, а там кухарь только уж сковородки выжаривает от масла на огне. Цыган думает: «Стало быть, еще рано блинам быть!» Пошел на колокольню, отзвонил другой звон, идет опять в трапезную. Смотрит: а кухарь то же делает. «Ну, — думает цыган, — сегодня, должно быть, только к обеду блины будут!» Дождался обеда.

Цыган в монастыре
(рис. В. Малышева)

Пришли монахи за трапезу. Подают им капусты с квасом, сколько написано по книгам, и больше ничего. Делать нечего, цыган с ними тоже ест. Приходит время ужина — ужина не дают. Цыгану это не понравилось. Лежит ночью на постели, а в животе у него так и бурчит, так и голод пробирает. Дождался цыган кое-как утра — пошел на колокольню, позвонил к заутрене, идет по старому обычаю в трапезную. Пришел, видит: кухарь даже и печки не топит. «Ну, — думает цыган, — вчера было голодно, а сегодня и подавно, должно быть, будет!» И точно — еще голоднее было: сухари только с водой подавали к обеду, а ужина совсем не было опять. На третьи сутки побывал цыган утром в затрапезной, видит: кухарь опять печки не топит, да обещал еще с неделю не топить; зло взяло цыгана на монастырь, он и думает: да тут, пожалуй, за неделю-то и с голоду подохнешь! Втемяшилось это цыгану в голову, и давай он бежать из монастыря.

Из собрания сказок Е. А. Чудинского.
Записано в Твери

Лукавая жена
(рис. В. Малышева)

Лукавая жена

Жил в одной деревне крестьянин. Была у него жена такая-то добрая для мужа — цалует и милует его, и гладит, и одевает, и обувает. И вздумалось раз мужу испытать ее любовь.

— Дай, — говорит, — умру нарочно, посмотрю, что выйдет из этого?

Умер. Пошел по деревне слух, что дядя Степан умер. Жена его начала с матерью советоваться: в чем мужа похоронить. А мать:

— Да вот, — говорит, — есть у нас невод старый, попусту валяется, — завернуть в него да и похоронить!

Ну, так и сделали. Собрались мужики прощаться с покойником. Жена начала плакать:

— Куда ты, мой свет, Степан Васильевич, собираешься?

А он встал из гроба и говорит:

— Разве не видишь, в невод обернули, собираюсь рыбу ловить!

Так дядя Степан с тех пор осерчал на жену свою, и не стало ей больше доверия. А она стала думать: как бы и взаправду его уморить! Зачала к соседям ходить, спрашивать: как так сделать? Ее и научили:

— Напеки, — говорят, — блинов и дай ему вволю есть с маслом, тогда он ослепнет; потом навари яиц вкрутую и дай ему вволю есть, тогда он оглохнет, и, стало быть, все равно мертвый будет.

А Степан был переговоривши с этими соседями о своей жене, чтобы узнать о ней правду!

Приходит утро. Начинает жена печь блины. Зовет Степана есть. Он уселся за стол, будто бы ничего не знает, ест, потом и говорит:

— Жена! Что-то я плохо вижу, веди меня на печь — я совсем ослеп!

Свела его жена на печь.

— Не хочешь ли яичек поесть? — спрашивает Степана жена.

— Подавай! — говорит Степан.

Жена дала. Поевши, он и говорит:

— Жена! Что-то я плохо слышу — совсем оглох!

А жена тому и рада. Сейчас же пошла за своим дружком. А Степан, не будь плох, зарядил ружье, да опять на печь и сидит.

Жена приводит дружка, посадила его за стол, а сама куда-то вышла. А Степан с печи и убил его. Потом всунул ему в рот комом два блина да и опять на печь. Приходит жена и видит, что дружок подавился, и ну его скорей тащить под навоз.

Так с тех пор Степан и не верит больше жене своей ни на один шаг. И нельзя верить, потому русская пословица: баба черт, овечий хвост!

Солдат

Прослужил солдат 25 лет. Выходила ему чистая. Перед отставкой пришел он к своему начальнику и говорит:

— Ваше высокоблагородие! Вам известно, что я служил честно и беспорочно, выстоял на одной квартире всю службу и с хозяюшкой не побранился ни разу! Дайте за мою верную службу солдатский значок, казенный барабан!

— Этого нельзя! — говорит ему начальник.

— Как хотите, — говорит солдат, — а без этого значка мне нельзя и домой прийти, домашние не поверят, скажут, что я и в службе-то совсем не был. И ежели только взаправду не дадите этого барабана, так лучше брейте уж меня опять в солдаты!

Начальник и говорит:

— Ну, братец, нужно тебе дать солдатский значок!

Солдат низко поклонился начальнику, взял барабан и в дорогу пустился.

Идет одним селеньем и думает, где ему ночевать. Денег нет — даром не пустят! Видит вдруг: дом боярский в стороне. При этом доме сад. И думает

солдат: «Пойду я в этот сад, ночую!» Подходит к нему, видит беседку в саду в отдаленности и думает: «Вот какую фатеру Бог дает, не хуже моей бывшей, даром не возьмешь!» Входит в беседку: ба! Да тут и печка! Скомандовал от двери: три шага вперед! Входит, стол стоит, на столе бутылка, и закуска, и пирог боярский. Солдат думает: «Плохо дело! Кто-нибудь, значит, придет сюда! Погоди же! Залезу я на печку, и ни один черт меня там не увидит!» Полез на печку солдат, только и думает: «Да что же я за дурак! Из бутылки-то и не попробовал!» Пошел опять к столу. Дай-ка, говорит, чебурахну, смелей будет!

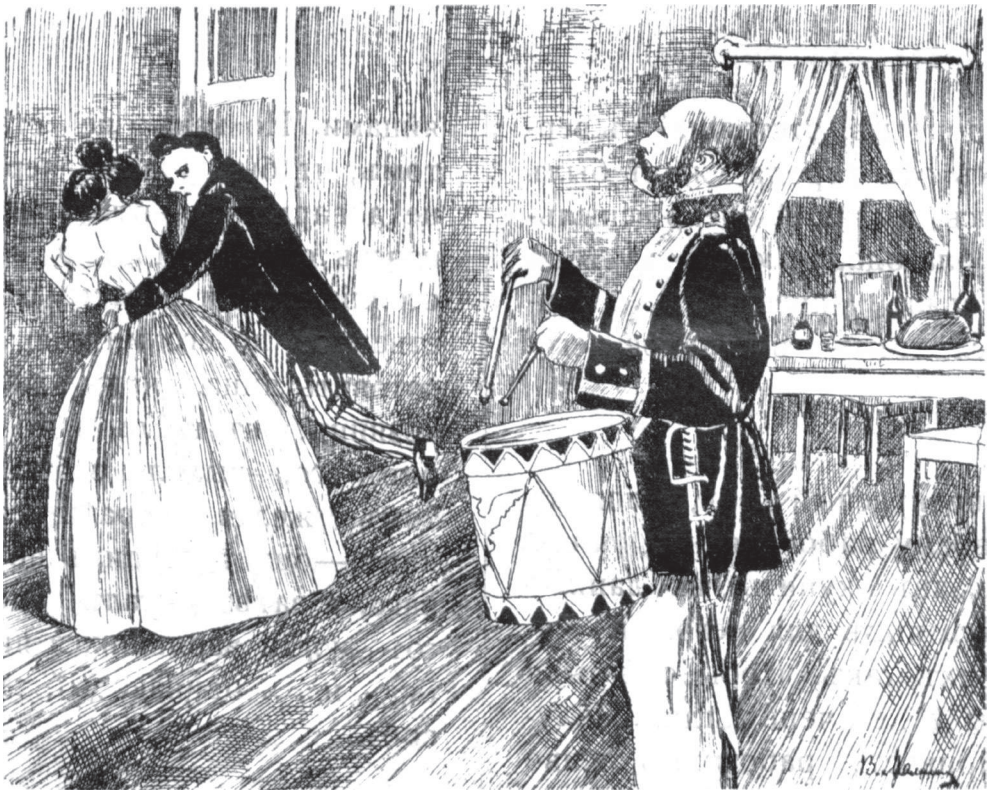
Хватил из горлышка порядком, залез потом на печь, притаился в уголке. Вдруг слышит:

— Тпру, кобыла!

Смотрит солдат: идет в беседку какой-то мужчина, прямо за стол, взял бутылку и говорит:

— Что-то нынче не полна, поскупилась барыня!

Вот и она едет, а солдат думает: «Конница валит!»



Солдат
(рис. В. Малышева)

Приехала барыня — всякой всячины навезла. Попили, поели тут эти приезжие и идут к печи. А солдат как крикнет на них из угла:

— Куда вас черт несет? Али мало беседки?

А они как бросятся бежать оба вон. А солдат в барабан бить! А они-то мчат без оглядки.

Солдат слез с печи, поужинал за первый сорт, выходит из беседки, только одни лошади стоят с повозками, а из людей никого нет! А эти приезжие-то, должно быть, солдата-то за черта приняли, да и убежали от него. Солдат подождал, подождал их, видит, долго нету, тотчас же сел в коляску их, стегнул лошадей, лошади помчали, солдат и поехал на них барином в свою родину. А там рассказал:

— Вот я до какого богачества дослужился, — ступайте-ка, мол, и вы, сиволапые, служить по-моему, по-солдатскому!

Вот какие солдатики-то, размолодчики бывают!

Из записки дворового человека в Москве

Сказка о хозяине и работнике

В одной деревне, отстоящей в верстах четырех от города, жил-был один человек, имевший очень вспыльчивый нрав, благодаря которому он часто оскорблял крестьян, приводя тех последних в сильное негодование.

В один прекрасный день человек этот дал своему работнику несколько денег, приказав купить на данные деньги десяток яиц для него и, купив, сварить их так, чтобы они были не очень густы и не очень жидки. Получив этот приказ, работник живо собрался и съездил в город, где купил назначенное ему количество яиц, и поехал с ними обратно, варить яйца эти всмятку.

Приступив к варке и стараясь точно выполнить желание хозяина, он стал внимательно следить за их готовностью, зная, что в случае неудачи его хозяин, будучи крайне вспыльчивого характера, может очень прогневаться на него. А потому работник ежеминутно наблюдал с особенным вниманием за варившимися в кастрюле яйцами. Но как ни старался он о том, чтобы яйца не переварились или не доварились, все-таки никак не мог узнать определенно о внутреннем состоянии их и поэтому решился на единственное, по его мнению, средство приготовить яйца, как желал того его хозяин: он взял одно яйцо и, разбив его, вылил себе в рот. Потом, желая справиться о другом яйце, он поступил по примеру первого, а затем стал удостоверяться о готовности варившихся яиц, продолжая над ними одинаковый с первым способ.

В скором времени от десятка осталось всего три штуки яиц, которые работник не решился уже пробовать, а вынул из кастрюли и, положив в тарелку, подал их своему хозяину.

Увидев вместо десяти только три яйца, хозяин, вспылив, громогласно закричал на своего работника:

— Как, разве я приказывал тебе купить столько, сколько лежит передо мной?!

Испугавшись хозяйского гнева, работник со страхом отвечал своему сердитому хозяину:

— Милостивый государь! Я в точности исполнил ваше приказание и купил ровно столько, сколько вы приказать изволили. Но, желая угодить вашей милости и приготовить яйца такими, как вы того хотели, я, боясь, как бы они не переварились и вместо всмятку чтобы не сделались бы вкрутую, я их пробовал и семь штук из них употребил на пробу.

— Ах ты, плут этакий! — вскричал хозяин. — Так ты их съел?!

Последний вопрос рассерженный хозяин повторил раза три. При таком обороте дела бедный работник растерялся окончательно и не знал, что сказать и что ему делать, и, предположив, что хозяин повторением вопроса желает узнать о том, как именно ел он варившиеся яйца, купленные для хозяйского стола, работник решился показать хозяину над последними оставшимися тремя наглядный пример того, как пробовал он первые семь штук, и, взяв эти три яйца с тарелки, последовательно разбил и выпил одно за другим все три штуки, проговорив при этом:

— Вот, сударь, как я их ел.

Как ни был раздражен и разгневан в этот момент хозяин, но, видя такую своеобразную находчивость и сообразительность в своем виноватом работнике, не мог удержаться от смеха и на сей раз простил его за сделанный им проступок.

По прошествии некоторого времени после описанного выше случая хозяин, собираясь ехать в гости к своей сестре, сказал своему работнику, чтобы он приготовился сам, а также подготовил бы и все необходимое для дороги к утру другого дня. Выслушав приказание хозяина, работник спросил его:

— Не прикажете ли прихватить с собой заодно и хорошего завтрака или ужина?

Но хозяин восстал против намерения своего работника, строго запретив ему обременять какими бы то ни было лишними припасами ехавшую лошадь, добавив при этом, что надеется приехать к месту назначения еще задолго до захода солнца.

Но работник, зная быстроту бега хозяйской лошади, рассудил иначе и запасся на дорогу изрядным количеством разных съестных припасов на ужин, припрятав весь запас как можно подальше от глаз хозяина.

На другой день, едва только утренняя заря успела прогнать ночную тьму, как хозяин приказал своему работнику подавать лошадь, и, сев в экипаж, они тронулись в назначенный путь. Ехали они долго, а проехали всего только половину пути, и хозяин, видя, что ошибся в своем предположении, стал говорить своему работнику, что, как ни торопись, а до ночи им, пожалуй, все равно не успеть добраться до конечной цели их пути; да к тому же начинало уже и смеркаться, и, понимая теперь ясно, что далее в ночной темноте ехать

будет не особенно хорошо да и не совсем безопасно, хозяин тотчас же приказал своему работнику остановиться и не ехать дальше, пока не станет рассветать, решив при этом остаться ночевать здесь, на поле, в своей повозке.

Подъехав к стоявшему в сторонке сенному стогу, работник распряг лошадь и, вынув из повозки мешок и захваченный им на дорогу запас провизии, забрал с собой все эти предметы и полез себе преспокойно на сенной стог. Забравшись туда, запасливый работник влез во взятый с собой мешок и, расположившись таким образом, как только можно было поудобнее, принялся за свой ужин.

Тем временем хозяин, расположившийся было на ночлег, почувствовал сильнейший голод и, услыхав, что работник его на стоге что-то ел, спросил его:

— Работник, чем ты утоляешь свой голод?

А работник, смекнув, в чем дело, отвечал ему:

— Сеном, сударь.

— Так поделись со мной, — сказал хозяин.

Работник тотчас же выскочил из своего мешка и, выдернув из стога клочок сена, подал последнее своему недогадливому хозяину. Взяв поданное сено и отделив из него несколько травинок, хозяин положил их в рот и стал нехотя жевать это необычайное для человеческого вкуса блюдо. Но едва он только начал пережевывать сухое сено, как в ту же минуту почувствовал к этому странному блюду полное отвращение и с величайшим омерзением выплюнул его вон, дивясь в то же время, как это мог есть его работник такую отвратительную гадость, да к тому же еще твердую до того, что все зубы переломаешь.

Итак, не став продолжать предложенного ему работником его ужина, наш хозяин остался на всю ночь голодным, и потому, желая как-нибудь поскорее скоротать предстоящую впереди только что еще начавшуюся ночь, хозяин решил лучше опять лечь спать и таким образом незаметно дождаться следующего утра.

Но, видно, судьба преследовала нашего хозяина в эту злополучную для него ночь. Едва только улегся он спать на дно своей повозки, как вдруг неожиданно задул сильнейший северный ветер, и наш хозяин так здорово продрог от стужи, что не знал, чем и как спастись от нее, так как сам он одет был полетнему, а с собой на случай холода ничего не захватил. И вот опять обратился хозяин к своему работнику, мысленно надеясь, узнав, как тот спасается от холода, перенять от него пример и самому поступить так же. На вопрос хозяина: «На чем ты лежишь?» — работник отвечал ему:

— На мешке.

— А что у тебя в головах? — продолжал допытываться хозяин.

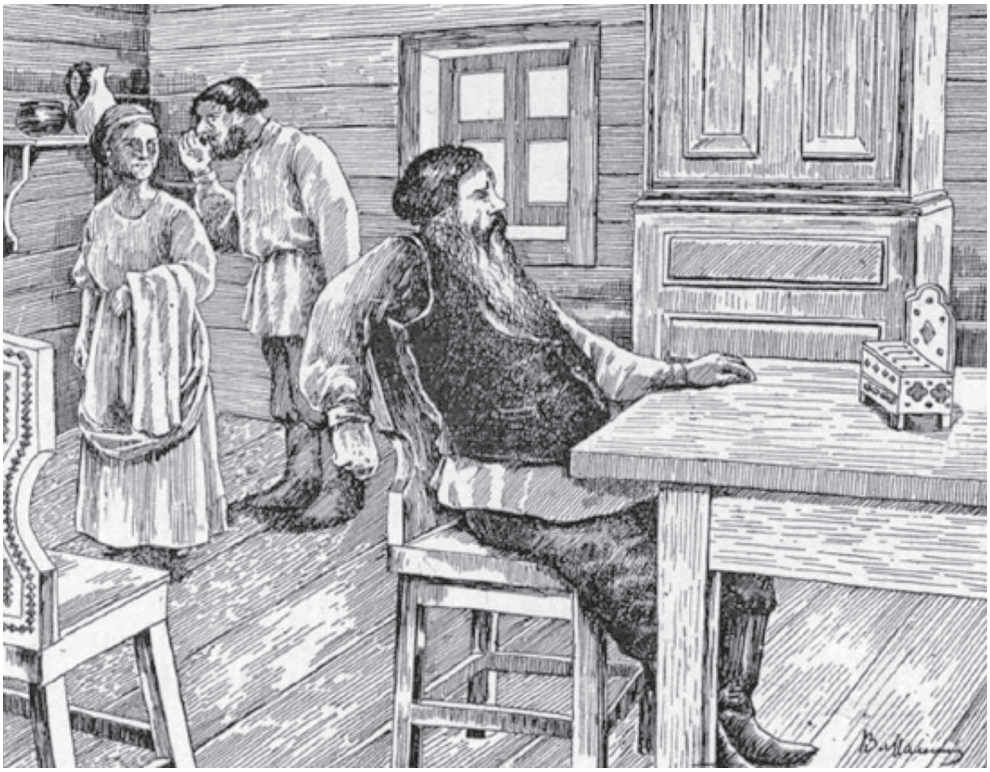
— Мешок же.

— А в ногах?

— Тоже мешок, сударь.

— А чем же ты одеваешься?

— Мешком же и одеваюсь я, сударь.



Хозяин
(рис. В. Малышева)

— Тьфу ты! Что за черт! Да сколько у тебя мешков? Дай мне ты хоть один.

— Да у меня, сударь, у самого всего только один мешок имеется, который все нужды мои исправляет.

Так и пришлось хозяину, оставшись ни с чем, мучиться всю ночь до самой утренней зари от голода и холода. А хозяйский работник спал во всю эту ночь самым преспокойным образом, так как, плотно поужинав запасенной им на дорогу провизией, тепло и уютно устроился себе на сенном стогу, весь с головой залезши в большой и толстый мешок, который ни малейшей не пропускал сквозь себя стужи и ветра.

На следующее — после описанной ночи — утро, едва только стало рассветать, хозяин, промучившийся всю эту ночь, приказал своему работнику немедленно же готовиться в дальнейший путь и как можно скорее запрягать лошадь. Когда все уже было готово и можно было отправляться в дорогу, то хозяин вздумал почему-то разыграть из себя что-то такое, что было ему одному только понятно.

Он вдруг обратился к своему работнику и начал отдавать ему следующее приказание:

— Как только мы приедем с тобой в дом сестры моей, то я, войдя в комнату и сев на стул, закричу тебе неизвестные слова, а ты, услыхав это, тотчас же объясни сестре моей, что это по-немецки я приказываю тебе накрывать немедленно же на стол, что в точности сию же минуту и исполни.

Выслушав сказанное хозяином, работник отвечал ему, что все это будет исполнено так, как он, хозяин, того желает.

Наконец, после неближнего пути хозяин с работником приехали в место жительства сестры хозяина. Когда последний взошел в дом, то, как и говорил ранее, уселся в комнате на стул и закричал неизвестные и ни для кого непонятные слова, полагая, что сестра его, не знавшая по-немецки, будет крайне изумлена, услышав от брата незнакомую речь.

Но работник, хотя и обещал хозяину исполнить его желание, тем не менее все-таки вздумал поступить иначе и проучить своего хозяина, чтобы впредь он был умнее и не разыгрывал бы из себя образованного господина, когда на самом деле этого нет, а потому работник вместо накрывания стола подошел к сестре хозяина и тихонько шепнул на ухо, чтобы она поскорее приказала бы затопить свою баню, и, сказав это, сам тотчас же вышел вон из комнаты. Оставшись один, хозяин полагал, что его работник пошел приготовлять посуду для накрывания стола, а потому все время терпеливо сидел и ожидал, когда же будет наконец накрыт стол и подано кушанье. Но сколько он ни сидел, а все никто не являлся в комнату, и прошло уже несколько часов, когда наконец в комнату вошла его сестра и согласно его приказанию на немецком языке предлагала ему идти в баню.

Видя, что дело неладно, хозяин закричал своего слугу уже по-русски, и когда тот явился, то хозяин накинулся на него и сказал с озлоблением:

— Ведь я же тебя предупредил о том, что скажу немецкие слова, которые означают, чтобы накрывали на стол. Почему же ты не исполнил моего приказания?

— Ах, сударь, — отвечал работник, — так вот вы и сказали бы прямо по-русски, и я в точности исполнил бы ваше приказание, а то говорите по-немецки, когда сами изволите знать, что я на немецком языке ни говорить, ни понять ничего не могу.

Итак, этим последним событием работник дал урок хозяину, чтобы этот последний впредь был бы умнее и не говорил бы по-немецки с теми, кто этого языка не знает.

Снежный ребенок

Поехал в Астрахань из Вологды купец
И там жену оставил.
На Волге в три года он все дела исправил.
И наконец
К жене в свой город возвратился.
Но как же удивился,
Увидя мальчика при ней почти двух лет.
— Скажи-ка мне, мой свет, —
Спросил он у нее, — да чей ребенок это?
— Наш, батюшка. Вот третье лето
В Петров пост будет, как я Петю родила.
— Помилуй; три года ты без меня была!
— Что делать — виновата:
Снежинка как-то в рот попала мне зимой,
И оттого, родимый мой,
Я сделалась брюхата.
Не веришь? — скажет, вот, Ивановна, кума,
Что девочку она так родила сама.
Смотри, как Петя мил: какой он белый, нежный,
И видно, что уж снежный.

Тайком над ним смеялась
(рис. В. Малышева)

Да целуй его. — Купец поцеловал,
И более — жены расспрашивать не стал.
Она лисой к нему ласкалась,
Всем угождать ему старалась, —
И только что с одной, Ивановной, кумой,
Тайком над ним смеялась.
Лет через шесть купчина мой
Собрался в Астрахань опять и взял с собой
Петрушку-пасынка. Тогда была весна;
А воротиться с ним он обещал зимою.
Не смела тут ему противиться жена:
Скрепясь, сынка благословила,
И правду молвить — не без слез, —
В путь дальний с мужем отпустила.
А тот — в Москву приемыша завез,

Да против женина желанья
В сиротский отдал дом для воспитанья.
Пришла зима. Приехал муж один.
Мать бедная беды своей еще не знает
И за воротами хозяина встречает.
— А, здравствуй, батюшка! Где ж Петенька, наш сын?
Ох, не озяб ли он? — Нет, не озяб, растаял
Он в Астрахани от жаров.
Признаться: этого, жена, я сам не чаял,
Да сделался уж грех таков!
Немудрено: ребенок слабый, нежный, —
А там жары не то, что здесь —
В минуту бедненький растаял весь.
И, видно, что был снежный!

Смирный мужик и дурачливая жена

Жил один мужичок вместе со своей женой в большой бедности, и был он так смирен, как теленок, а жена его, напротив, — так зла, как змея лютая. Всегда эта злая баба ругала и бранила своего мужа, как нельзя хуже, и даже нередко случалось, что и била его, и все это за малую безделицу.

В одно прекрасное время злая жена, не имея у себя из чего испечь хлеба, выпросила у своего ближнего соседа ржи на один только хлеб и, снарядив своего мужа, отправила его к мельнику просить, чтобы тот позволил смолоть принесенную рожь.

Когда посланный своей супругой смирный мужичок пришел к мельнику и стал просить его позволить смолоть рожь, то мельник, видя и зная его крайнюю нужду и ужасную бедность, сжалился над ним и позволил ему бесплатно перемолоть свою рожь. Мужичок, поблагодарив доброго мельника, принялся за размол, и так как ржи было немного — всего на один только хлеб, — то он скоро и смолол ее.

Смоловши рожь, наш мужичок собрал свою муку в принесенную с рожью чашку и направился себе в обратный путь к своему дому. Но, видно, на его уже несчастье, подул вдруг такой сильнейший ветер, что в одно мгновение сдул всю муку из его чашки, и он принужден был возвратиться домой без ржи и без муки, с одной только посудой. Но помочь беде было нечем, и приходилось волей-неволей подчиниться злой судьбе, да кроме того, что приходилось теперь оставаться без хлеба, еще нужно было дома ожидать величайшей неприятности от его злой дражайшей половины, и поэтому бедный мужичок шел домой, скрепя сердце и ожидая всяческой ругани и брани.

И действительно, едва только успел переступить порог, он и рассказал жене своей о случившейся беде, как та, что сорвавшаяся с цепи злая собака,

накинулась на своего бедного и безответного мужа и на чем свет стоит принялась всячески ругать и бранить его. Уж как только не ругала она и не бранила его: на все-то лады! И, видя, что муж ей не прекословит, она еще пуще рассвирепела и принялась что есть мочи бить и колотить своего смирного, как теленок, мужа.

Колотила она его до тех пор, пока не уморилась сама. Уставши от битья, она снова принялась ругать его и затем стала посылать его к ветру, который муку из чашки развеял, чтобы он, муж, потребовал с того ветра за причиненный убыток и получил бы с него деньги или же мукой столько же, сколько было у него в чашке, когда он шел домой к себе.

Вытерпев столько мучений и перенеся от злой жены своей такие тяжкие побои, бедный мужик не знал теперь, что и делать ему: возражать жене он не смел, а идти с требованием к ветру — не знал куда. Но, чтобы не нажить еще большей беды и не вызвать на свою голову новых неприятностей и побоев, мужик, ничего не сказав против бессмысленного желания злой ведьмы-жены, надел шапку и вышел вон из дому.

Выйдя из дому и отойдя на далекое расстояние от избы своей, бедный мужичок залился горькими-прегорькими слезами и пошел, сам не зная куда, продолжая во всю дорогу горько плакать, и за слезами, сам того не заметив как, зашел в дремучий и огромный лес и, не ведая дороги, стал по тому лесу ходить без всякой цели. Вдруг навстречу ему попалась старуха, и, увидев плакавшего мужичка, была очень удивлена его приходом сюда, и, остановив беднягу, обратилась к нему со следующим вопросом:

— Скажи мне, добрый человек, куда идешь ты, куда путь держишь и как тебя занесло сюда, в эту сторонушку: ведь сюда и птица-то мало залетает, и зверь-то редко забегает?

Увидав старушку и обрадовавшись, что встретил хоть живого человека, да к тому же еще с таким участием отнесшегося к нему в его горе, он, мужичок, тотчас же и охотно ответил спросившей его старушке:

— Матушка-старушка, завела меня сюда неволя, — и тут же рассказал он про свою напасть, так нежданно-негаданно постигшую его. — Ходил я на мельницу рожь молоть, и, смоловши, высыпал муку в чашку и пошел себе домой. Только что вышел я с мельницы, как ни с того ни с сего подул вдруг такой сильный ветер, что всю муку мою до последней пылинки выдул сразу из чашки, и пришлось мне без муки и без ржи, с одними пустыми руками возвратиться домой. Когда я пришел домой и рассказал о приключившейся беде злой жене моей, то злая баба как лютый зверь накинулась на меня и всячески, как нельзя хуже изругала, а потом и прогнала вон из дому, заставляя меня, чтобы я шел к тому ветру, который сдул всю муку мою из чашки, и потребовал бы с него за причиненный убыток наличными деньгами или мукой столько же, сколько нес я обратно с мельницы. И вот теперь я хожу и ищу везде ветра, да, к несчастью моему, не знаю, где найти его.

Выслушав со вниманием печальный рассказ бедного мужичка, старушка сказала ему:

Дурачливая жена
(рис. В. Малышева)

— Иди со мной. Я мать ветров. У меня их четыре сына: первый — восточный, второй — полуденный, третий — западный и четвертый — полуночный. Так скажи же мне теперь, который из них муку у тебя раздул.

— Полуденный, матушка, — проговорил мужичок.

Старуха повела мужика далее в глубину леса и привела его к небольшой хижинке, ввела в нее и сказала ему:

— Вот, мужичок, я здесь живу. Ты пока полезай на печь и там хорошенько укутайся. В скором времени и все детки мои домой прибудут.

— А для чего же, бабушка, ты велишь мне укутываться?

— А для того, — отвечала ему старуха, — что сын мой, полуночный ветер, очень холоден, и он может зазнобить тебя.

В скором времени стали собираться в хижинку дети старухи, и когда явился полуденный ветер, то старушка крикнула мужику, чтобы тот слезал с печи, а сама тотчас же начала говорить своему сыну:

— Сын мой любезный, полуденный ветерочек! На тебя есть жалоба, зачем же ты бедных людей обижаешь? Ты вот у этого самого мужичка всю муку

развеял из чашки, которую нес он с мельницы домой к себе. Теперь изволь заплатить ему деньги или хоть другим, чем хочешь.

— Хорошо, матушка, — отвечал полуденный ветер, — я согласен на твое предложение и этому мужичку заплачу.

Тотчас же полуденный ветер подозвал к себе мужичка и сказал ему:

— Слушай, мужичок, возьми себе вот эту коробочку: в ней есть все, что только бы ты не вздумал: деньги ли, хлеба ли, кушаний ли, скота ли, питей ли каких — скажи только: «Коробочка, дай мне вот то-то и то-то», — и она, коробочка эта, тотчас же даст все тебе, чего бы ты ни пожелал. Это я даю тебе в платеж за муку, которую развеял по полю. Иди теперь домой себе.

Мужичок низко поклонился ветру и, поблагодарив его за сделанный подарок, вышел из хижины и направился в обратный путь к себе домой.

Принеся данную ему полуденным ветром чудодейственную коробочку к себе в дом, мужичок отдал эту драгоценность своей жене и сказал ей при этом:

— Вот тебе, жена, коробочка, и в ней есть все, что только тебе понадобится. Чего бы ты ни захотела, то только попроси — и коробочка сей же час все доставит тебе, что понадобится.

Взяв от мужа принесенную коробочку, жена тотчас же обратилась к ней и сказала:

— Коробочка, дай мне хорошей муки на хлебы.

И коробочка дала ей, сколько она просила. Затем жена мужичка стала просить у коробочки и еще кое-что — и коробочка в ту же минуту исполняла всякое требование, обращенное к ней.

Через несколько дней после того, как была принесена мужичком от полуденного ветра чудодейственная коробочка, мимо избы мужичка проезжал какой-то знатный барин. Едва только увидела жена мужика проезжавшего помещика, как ни с того ни с сего вздумалось взбалмошной бабе, чтобы муж зазвал бы того барина к ним в гости, угрожая в противном случае избить мужика до полусмерти.

Бедный мужичок, зная, что с его злой бабой шутки шутить нельзя и все равно ничем ее не урезонишь, а только еще пуще озлобишь ее возражением, ничего не сказав ей напротив, пошел звать того знатного дворянина к себе на пир и, нагнав его, стал всячески упрашивать не отказать пожаловать к нему в гости на богатый пир. Этим временем злая жена стала требовать у коробочки разных кушаний и напитков и, набрав всего этого вдоволь, накрыла на стол, уставила все добытое от коробочки и села себе под окном, сложивши руки, ожидая с минуты на минуту знатного барина к себе в гости.

Проезжавший мимо мужиковой избы богатый помещик, будучи остановлен мужем бабы, просившим его пожаловать на пир, как того желала баба, едва только понял, в чем заключалась просьба мужика, был крайне изумлен этим приглашением и, смеясь, ответил, что сам он заехать к нему теперь не может, но из любопытства приказал своим людям, которые ехали тут же вместе с ним,

Мужик угощает своих гостей
(рис. В. Малышева)

отправиться к приглашавшему его мужику и посмотреть, что там за пир у него и чем он будет угощать своих гостей.

Проводя весело время у гостеприимного мужичка и вдоволь напившись и наевшись, чего им ранее не приходилось и в глаза видеть, они после пира сидели и прохлаждались, благо мужичок не гнал их от себя. И вот они наконец подметили, что мужикова жена все, что ей бы ни понадобилось, просила у коробочки, и та ей все немедленно доставляла.

Гости, не выходя из избы, послали одного из своих товарищей, чтобы он где бы то ни было немедленно же заказал бы точно такую же коробочку, какую видели они у мужиковой жены, и чтобы коробочка эта была сделана сейчас же при нем как можно скорее, и затем чтобы он принес ее сюда к ним, да так аккуратно, чтобы ни мужик, ни баба не видали, когда он будет передавать ее им в руки.

Посланный живо пошел, отыскал такого мастера, который взялся сейчас же сделать требуемую вещь, и через самое непродолжительное время заказанная коробочка была готова и отдана ему. Получив от мастера точно такую

коробочку, какая была у мужиковой жены, посланный немедленно же побежал в дом хлебосольного хозяина, где дожидались своего товарища все остальные слуги знатного господина. Прибежав к мужичку, посланный незаметно передал товарищам ту самую коробочку, которую сделал сейчас мастер, а те, в свою очередь, выбрав удобный момент, когда баба куда-то зачем-то вышла, а мужичок тоже куда-то на минуту отвернулся в сторону, они ловко подменили этой принесенной коробочкой ту настоящую, которая дана была мужику в награду от полуденного ветра. Похитив эту драгоценную чудодейственную коробочку, гости не стали далее засиживать и поторопились поскорее собраться и ехать к себе домой.

На другой день злая жена, ничего не подозревая о случившемся, взяла и повыкидала всю оставшуюся от вчерашнего дня провизию, надеясь, что коробочка даст ей немедленно же по ее первому требованию всего свежего. Но когда она подошла к своей волшебной коробочке, которая в действительности была уже далеко от их дома, и стала у нее по-прежнему просить того и другого, что ей только было надобно, то коробочка ничего ей не дала.

Видя такое неожиданное неудовольствие, злая баба рассвирепела донельзя и, тотчас же призвав своего бедного безответного мужика, стала его опять ругать всячески и сказала ему:

— Ах ты, старый хрыч! Какую ты принес коробочку? Ведь она служила нам только временно, а вот теперь и ничего не дает больше. Что ж в ней толку! Ступай сейчас опять к полуденному ветру и потребуй от него, чтобы он немедленно же отдал бы нам ту муку, которую развеял у тебя из чашки, или же заплатил бы за нее деньгами. А если ты, старый хрыч, придешь с пустыми руками и не принесешь ни того, ни другого, то тебе достанется от меня плохо: лучше и не приходи так, а не то так прибью тебя до смерти!

Нечего было делать бедному мужичку, и приходилось подчиняться приказу своей злой жены, и он вновь направился по известному уже пути, к хижине той старухи, ветровой матери, где в первый раз узнал он о полуденном ветре и от последнего получил чудную коробочку. Придя в лес и скоро найдя знакомую уже хижину, явился мужичок к старухе, ветровой матери, и стал жаловаться ей на свою беду и на свою злую жену. Выслушав жалобы мужичка, старуха ему сказала:

— Подожди немного, он скоро сам будет здесь, сын мой, полуденный ветер.

В скором времени явился в хижину старухин сын, полуденный ветер. Мужик рассказал и ему о своей беде и стал жаловаться на свою злую, что лютая змея, жену. Когда мужичок окончил свой печальный рассказ, ветер сказал ему:

— Жаль мне тебя, старика, что у тебя такая злая жена. Однако я тебе в этом помогу, и твоя жена не будет уже более колотить тебя никогда.

Сказав это, полуденный ветер подал мужику бочку и добавил:

— Возьми с собой вот эту бочку, и когда придешь ты домой, то ежели жена твоя станет собираться тебя бить, то ты сейчас же стань за бочку и скажи:

пятеро из бочки, бейте мою жену! И когда они ее порядочно-таки поколотят, то скажи: пятеро, опять в бочку!

Выслушав все наставления ветра и взяв с собой бочку, мужик поблагодарил своего благодетеля и, распрощавшись с ним и с его старухой-матерью, отправился обратно к себе домой.

Придя к своей жене, мужик принес в избу данную ему ветром бочку и сказал ей:

— Вот тебе, жена, вместо коробочки бочка!

Жена рассердилась на своего старика и ответила:

— Что мне в твоей бочке! Ведь я тебе приказала потребовать с ветра не бочку, а муку, которую он развеял у тебя из чашки, или же деньги за нее, а ты что принес? Почему ты не принес того, что приказала я тебе?

Говоря эти последние слова, злая жена схватила стоявший тут под рукой ухват и совсем уже хотела было начать вразумлять своего бестолкового мужа. Тут бедный мужичок вспомнил наставления ветра и в один миг успел отскочить от озлобившейся на него бабы, тотчас же спрятался за бочку и крикнул:

— Пятеро из бочки! Бейте мою жену, да смотрите, чтобы хорошенько!

Только муж крикнул эти слова, как вдруг из пустой бочки в одно мгновение выскочили пять молодцов и принялись со всей силы дубасить по чем ни попадя злую ведьму-жену. Муж только стоял да любовался, как его змею лютую наконец-то взялись учить уму-разуму. Наконец, видя, что на этот раз надолго останется в памяти у жены его, как нужно относиться к мужу, да к тому же и сама жена его, чувствуя, что дело ее плохо, стала умолять и упрашивать своего мужа о прощении и помиловании, он, мужичок, приказал молодцам прекратить экзекуцию и сказал:

— Пятеро, опять в бочку!

И тотчас же все до одного молодца моментально вскочили обратно в бочку и пропали, словно провалились.

С этих пор драчливая и злая жена мужичка стала гораздо смирнее. Когда в их семье стало спокойнее, то мужичок на свободе стал подумывать и о пропавшей силе его волшебной коробочки, так щедро всем награждавшей их во всякое время. И вот мужичок стал вспоминать все подробности и тут же припомнил, что сила коробочки пропала после того на другой день, как ушли от него те слуги господские, которых он принимал у себя и так радушно угощал их всем. А вскоре мужичок догадался и о том, что коробочка та наверное подменена другой, и стал по поводу этого соображения советоваться с своей женой, как бы опять вернуть им к себе ту настоящую драгоценную коробочку. И жена ему сказала, что самое лучшее — это прибегнуть к содействию бочки:

— Когда у тебя есть такая диковинная бочка, — говорила она, — что можешь ты не только с одним человеком, но и со многими тысячами людей управиться, то поди к дворянину и вызови его на поединок, требуя, чтобы он приказал тем, кто похитил у нас драгоценную коробочку, чтобы немедленно же они ее возвратили нам обратно.

Выслушав от своей жены все эти разумные наставления, мужик решил, что и на самом деле лучше всего будет поступить в настоящем случае согласно совету жены, и поэтому сейчас же собрался и отправился к тому самому барину, который прислал тогда вместо себя своих слуг, укравших ту чудесную коробочку.

Придя к знатному дворянину, бедный мужичок объяснил ему о цели своего прихода и просил сперва по-хорошему, чтобы тот распорядился о возвращении украденной у него, мужичка, слугами дворянина редкостной коробочки, дававшей ему с женой не только пропитание, но даже и то, что редко приходилось пить и есть людям и много богаче его. Но помещик не обратил никакого внимания на его просьбу, а только смеялся над ним.

Тогда наш мужичок стал вызывать этого знатного барина на поединок, но барин еще более стал насмехаться над бедняком, и только, видя со стороны последнего крайнее упорство и настоятельное требование — или коробочки, или поединка, — вынужден был согласиться исполнить то или другое требование его и, продолжая смеяться, велел мужику выходить для поединка в чистое поле.

Между тем знатный барин отдал приказ своим людям, чтобы те, собравшись в достаточном количестве, отправились бы также в поле вместе с ним и как бы шуткой — хорошенько отколотили бы этого дерзкого мужика.

Когда все по приказу барина снарядились, то последний направился со своими людьми к ожидавшему его на поединок среди поля нашему мужичку. Едва только подъехал этот барин к мужику, как все бариновы слуги, наученные своим господином ранее, стали затрагивать мужичка, и уже кое-кто из них даже дерзал уже и ударить бедного мужичка. Тогда последний, видя, что дело плохо: их много, а он пока еще один, и все они с ним лезут в драку, — крикнул приехавшему дворянину:

— Эй, барин! Вели лучше по-хорошему отдать мою коробочку и прикажи им не трогать меня, а не то тебе и всем прибывшим с тобой — плохо будет вам!

Но барин, конечно, только засмеялся этой угрозе, полагая, что слова мужика не имеют никакого значения. Мужичок же, видя, что добром здесь ничего нельзя поделать, а только еще изобьют и изувечат понапрасну, обратился к своей бочке, стоявшей здесь же при нем на поле, и крикнул громко:

— По пяти на каждого из бочки, да смотрите, бейте хорошенько!

Едва только мужичок успел проговорить последние слова, как вдруг выскочило из бочки множество молодцов, и кинулись все, по пяти на каждого противника, и стали так колотить, что смотреть даже страшно. Барин, видя такое неожиданное приключение, испугался, как бы и его-то не убили, и закричал во весь голос:

— Мужичок! Перестань так немилостиво бить людей моих, я велю им отдать твою коробочку!

Услышав слова барина, мужичок крикнул своим бравым молодцам:

— Эй вы, молодцы! Живо опять ступайте все в бочку!

И в одно мгновение молодцов как и не было: все до единого, бросив бить господских вороватых слуг, мигом вскочили по приказу мужичка опять на свое место, в бочку.

После такого приключения дворянин понял, что с мужичком шутки плохи, и приказал немедленно же, чтобы те, кто украл у жены мужичка коробку, сейчас же возвратили бы эту диковинную вещь ее владельцу, бедному мужичку.

Получив наконец от укравших слуг свою драгоценную коробку, мужичок взял ее и с великой радостью поспешил поскорее домой, чтобы обрадовать и свою жену и, принеся ее в свой дом, отдал опять эту коробочку своей бабе, которая стала вновь требовать все, что ей нужно было для хозяйства. И с этих пор в доме мужика водворилась полная тишина и спокойствие, а бедняк наконец-то мог жить со своей женой не только не зная нужды, а даже во всем при полном достатке и многом излишке. И жена не била уже бедного мужа, а стала относиться к нему как нельзя лучше, а мужичок со своей стороны отвечал ей тем же, и у них всегда и во всем было полное согласие; и они долго жили, будучи счастливы и довольны своей судьбой.

Анфий и Марья

Жил-был Анфий да Марья; детей у них не было. Раз Анфий и говорит Марье:

— Свари-ка мне три десятка яиц, я пойду да продам!

А дело было перед Пасхой, и яйца очень дороги. Марья сварила яйца, он выкрасил их и понес продавать. Взял он по рублю за яйцо, денег у него стало тридцать рублей. Пришел он в одну гостиницу, подал десять рублей и говорит:

— Я к вам уже приду, так запью и заем[1].

Приходил в другую, там подает 10 рублей, также и в третью.

Вот идет он и видит своего ближнего соседа, богатого мужика, и стал звать его с собой в гостиницу.

— Пойдем, — говорит, — выпьем водки.

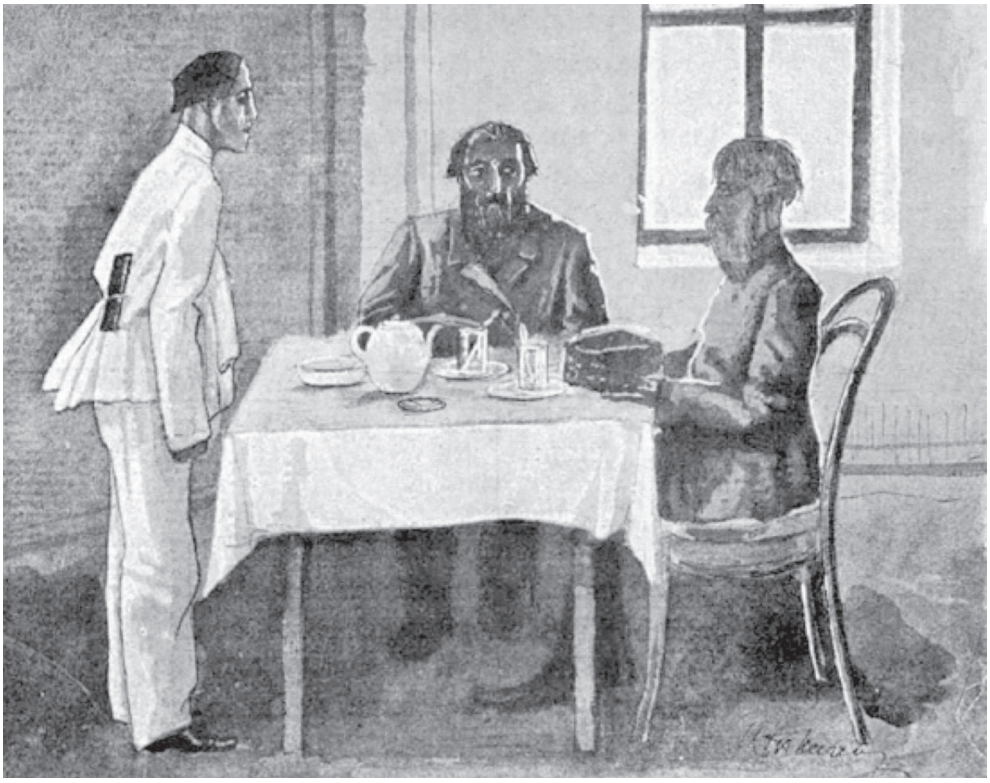
А богатый сосед выпивать был лютый, пошел с ним. Зашли они, Анфий и потребовал на 10 рублей водки и закуски. Когда они напились и наелись, Анфий ударил по столу шапкой (а шапка у него была о четыре угла) и спрашивает:

— Чай пили?

Половые отвечают:

— Пили.

[1] То есть буду пить и есть на эти деньги.



— Денежки платили?

— Платили, — отвечают.

И пошли они в другую гостиницу. И там то же самое: напились, наелись. Анфий ударил по столу шапкой и спрашивает:

— Чай, водку пили?

— Пили.

— Денежки платили?

— Платили.

Встали; пошли в третью, и там то же самое. Тут богатый мужик и сметил: это, думает, у Анфия шапка отвечает. И спрашивает его:

— У тебя не шапка ли отвечает?

— Шапка, — говорит.

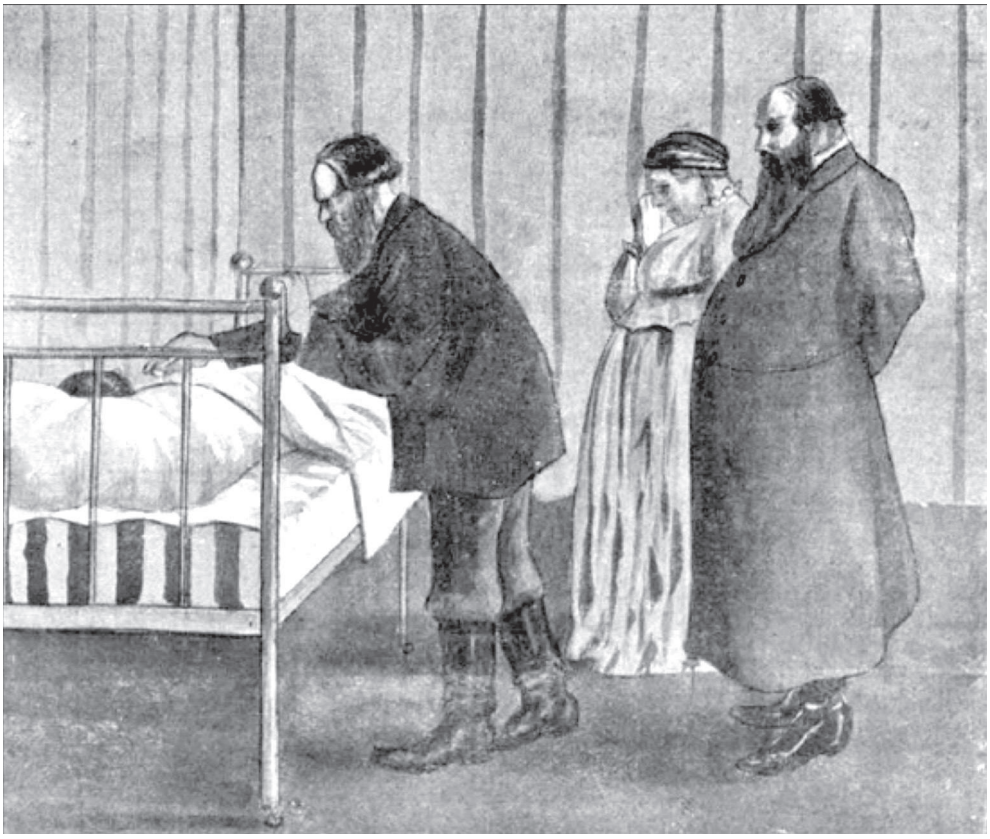
— Продай мне ее.

— Купи.

— Дорога ли?

— Сто рублей.

Отдал мужик деньги и вышел. А встречает своего товарища и зовет его в гостиницу. Зашли они, богатый мужик и потребовал всего на сто рублей. Они все съели и спили, мужик и стал колотить шапкой о стол.



— Ели и пили? — спрашивает.

— Пили.

— Денежки платили?

— Нет, — говорят, — не платили.

— А, — говорит, — постой! Не тем углом колочу.

И спрашивает опять:

— Пили?

— Пили.

— Денежки платили?

— Нет, не платили.

И зачал тут богатый мужик колотить всей шапкой. Нет, все говорят:

— Не платили.

— Ну, Анфий меня обдул, — говорит мужик, — пойду взыщу с него!

Заплатил деньги и пошел домой.

А Анфий знает, что богатый мужик придет, нарядился покойником и лег под образа. Вот приходит и спрашивает:

— Что, Марья, Анфий помер?

— Помер.

— Ох, как он меня обдул, дай бог ему царство небесное со светлыми пуговицами, под ж...у огонь!

Во это время Марья подошла к покойнику и взяла из угла под образами какую-то ладонку, которая Анфием была приготовлена заранее, и поднесла эту ладонку[1] ко рту Анфия. Анфий поцеловал поднесенное ему женой и встал.

— Что, — спрашивает богатый мужик, — ты от ладонки воскрес?

— Да, от ладонки.

— Продай мне эту ладонку.

— Купи.

— А дорога ли?

— А давай сто рублей да старинное не поминай.

Богатый мужик согласился и, уплатив деньги, взял с собой ладонку и пошел с ней домой. Приходит мужик домой и говорит своей жене:

— Жена! Я ладонку купил, теперь мы век не умрем.

Вот и стал богатый мужик ездить везде, где кто умирает, и услыхал, что в одном городе у богатого купца умирает дочь, и сейчас туда. Приехал, а уж она трудится[2], а все ревут.

— Не ревите, — говорит, — она сейчас воскреснет.

Приложил ей ладонку ко рту, она не воскресает. «Должно быть, худо приложил, — думает, — надо хорошенько приложить». Приложил в другой — нет, все не воскресает, а умерла. Купец и закричал:

— Ах ты, сиволапый, ты ее убил; я тебя сейчас посажу под арест.

— Ой, не сади, пожалуйста! Я тебе дам сто рублей.

Подал сто рублей и скорее домой. Приехал домой и говорит:

— Опять меня Анфий обдул; пойду взыщу с него 200 рублей.

И пошел к Анфию. А Анфий поймал двух ворон и посадил одну в шкаф, а другую понес на базар. Уходя, натаскал в избу разного хламу и наказал жене:

— Когда мы придем с соседом-богачом, чтобы все это было прибрано и закуска приготовлена.

Приходит сосед, богатый мужик, а в избе лом и душище. И спрашивает он:

— Где Анфий?

А жена говорит:

— На базаре.

— Пойду на базар, — говорит мужик, — там с него взыщу.

Пошел он на базар и отыскал там Анфия.

— А что, отдашь деньги?

— Отдам, — говорит, — пойдем домой.

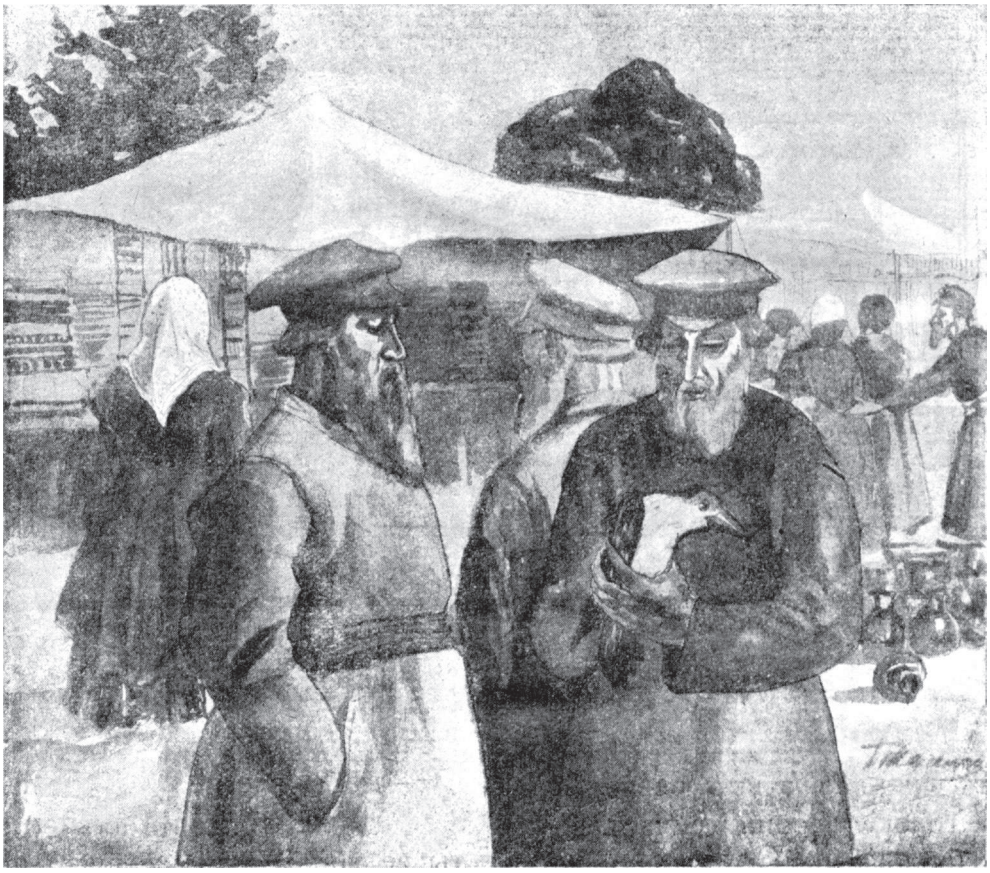
— Не пойду, у вас в избе такое душище.

— А вот я отпущу вестника, так он скажет дома, и там все приберут.

---

[1] *Ладонка* (*ладанка*) — маленький мешочек, в который кладут ладан (*примеч. ред.*).

[2] Находится в предсмертной агонии.



— Какого вестника?

Вынул Анфий из-за пазухи ворону и наказывает ей:

— Поди, полетай домой и скажи моей жене, а твоей тетушке, чтобы она в избе разобрала и угощение припасла.

Отпустил ворону, та и полетела.

Походили они по базару и пошли в деревню к Анфию. Приходят, а у него в доме все чисто и угощение готово; ворона из шкафа выпущена и овес клюет. Богатый мужик и спрашивает:

— Что, Анфий, это вестник — тот и есть?

— Да, это и есть.

— Продай мне его.

— Купи.

— А дорого ли?

— Давай сто рублей да старинное не поминай.

Купил богатый мужик ворону и унес ее к себе домой. Принес и говорит своей жене:

Богатый мужик и спрашивает: что, Анфий, это вестник?
(рис. В. Малышева)

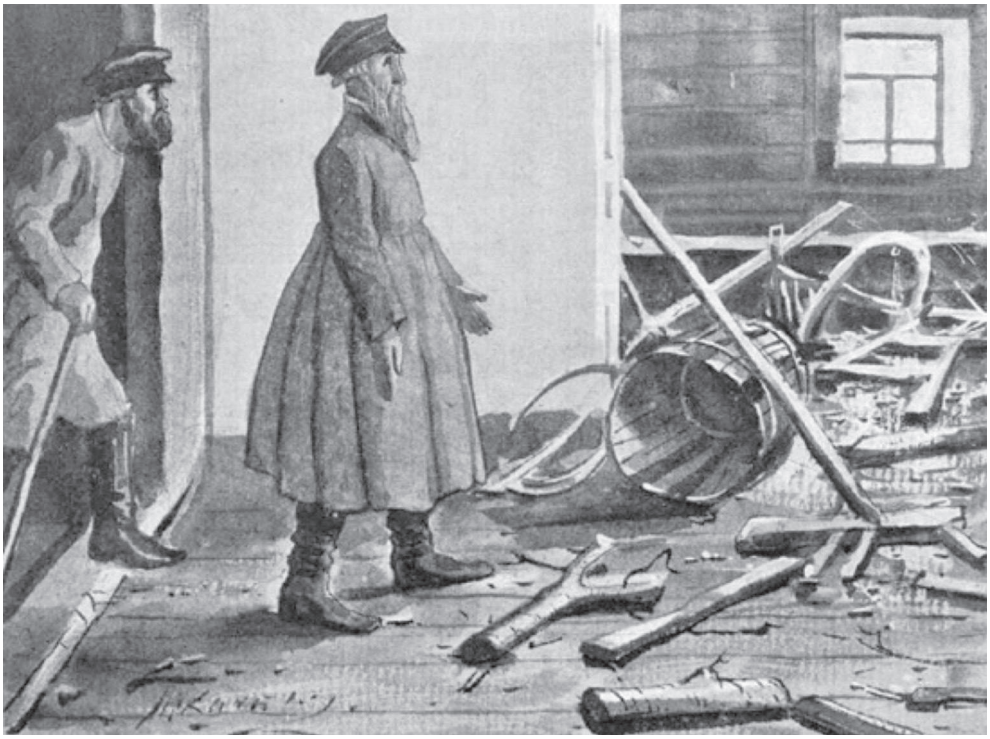
— Жена! Я купил ворону, которая все сможет сказать. Наноси ты в избу разного хламу и лому, а я уйду на базар, а оттуда пришлю ее сказать тебе, чтобы все в избе было прибрано, и она сейчас прилетит сюда передать тебе мое приказание.

И вот мужик с женой наносили в избу всякого лому, и мужик пошел на базар и, придя туда, отпустил на волю ворону, наказав ей на дорогу, как делал то на его глазах Анфий, чтобы она сказала дома о его желании:

— Лети ты домой и скажи моей хозяйке, чтобы все в избе было убрано и приготовлено для меня с приятелем угощение.

После этого он походил по базару и, встретив своего знакомого, повел того к себе домой, говоря, что там для них приготовлено уже всякое угощение. Но когда мужик с приятелем пришли в избу, то, конечно, ничего там, кроме хламу и лому, не увидали, и никакой вороны не прилетало.

Тут богатый сосед Анфия понял, что Анфий надул его, и поэтому более не стал уже ничего ни требовать, ни ходить к последнему, решив, что все равно



пропавшего не вернуть, а только, чего доброго, пожалуй, еще чем-либо другим обманет его и даром возьмет с него деньги.

Таким образом у Анфия и остались все денежки его богатого соседа, с которого он благодаря своим выдумкам и находчивости сумел так искусно выманить подряд три раза и вместе с тем научил этого богача впредь быть умнее и не кидаться на разные приманки, сулящие выгоду.

Сказка об утке с золотыми яичками

Жил-был старик со старухой, и у них был сын, которому шел 15-й год. Старика этого звали Абросим, а старуху Фетинья; сына же их звать было Иванушка. Жили они всей семьей в большой бедности и нуждались подчас даже в хлебе.

Однажды старик раздобыл где-то хлеба и, принеся его домой, стал было резать краюшку на части, чтобы уделить своей жене и сыну. В это время выскочил вдруг из-за печки кручина и, выхватив из рук старика хлеб, ушел себе опять туда же за печку, откуда и явился он.

Видя такую напасть и зная, что его семья сидит голодная, старик стал кланяться и просить кручину, чтобы тот отдал ему назад отнятый хлеб.

Но кручина ответил старику, что я краюшки твоей тебе не отдам, а подарю тебе за это уточку, которая будет каждый день нести по золотому яичку.

Абросим согласился на это и решил, что сегодня как-нибудь они пробудут и без ужина. Затем, обратясь к кручине, старик сказал ему, чтобы он не обманул его и сказал бы, где эта редкостная уточка. На это кручина отвечал Абросиму:

— Завтра поутру, как только встанешь, так поди в свой огород, и там увидишь ту уточку, которую поймай и возьми к себе в дом.

Выслушав сказанное кручиной, Абросим успокоился и лег себе спать. Встав на другой день рано поутру, он пошел в огород и там действительно увидал, как говорил ему накануне кручина, золотую уточку, которую тотчас же поймал и, принеся в дом, отдал жене своей Фетинье. Старуха, пощупав уточку, сказала, что та с яичком, и они оба с мужем несказанно обрадовались и посадили уточку в корчагу, накрыв сверху решетом. Через час старики заглянули в корчагу и увидели там золотое яичко. Тогда они, взяв оттуда яичко, пустили уточку гулять по полю, а яичко старик тотчас же понес в город продавать и там продал его за сто рублей, и на эти деньги накупил всякого харчу и принес его домой.

На другой день та же уточка снесла опять золотое яичко, и старик тотчас же опять понес и продал его на базаре. И таким образом эта уточка продолжала каждый день нести по золотому яичку, а старик эти яйца ходил и продавал.

По прошествии непродолжительного времени старик так разбогател, что выстроил в городе большой дом и множество лавок, в которые понавез всякого товару, и открыл большую торговлю.

Когда Абросим завел торговлю и нанял приказчиков, то старуха Фетинья позналась с одним из молодцов, служивших в лавке ее мужа, и стала тайно с ним видаться, но этот приказчик не любил своей старой хозяйки, а только знался с ней из-за денег, которые выманивал у глупой старухи. В одно время, когда старика не было дома, молодец пришел к Фетинье и увидел ту уточку, которая несла золотые яички, и, поймав эту уточку, стал ею любоваться и случайно заметил под ее крылышками надпись, сделанную золотыми буквами и гласившую, что кто эту уточку съест, тот царем будет.

Не сказав ни слова об этой надписи, приказчик стал просить Фетинью, чтобы та из любви к нему зарезала и зажарила бы эту уточку. Но Фетинья сперва не согласилась на это, говоря, что в уточке все счастье их, да притом и мужа она боялась и не решалась на такой поступок. Приказчик же не отставал от нее и всячески упрашивал исполнить его просьбу, и в конце концов Фетинья не устояла против просьбы любовника и, зарезав уточку, поставила ее в печь жариться.

Пока муж был дома, любовнику хозяйки невозможно было явиться, и поэтому он дожидался ухода хозяина, чтобы отправиться к Фетинье и там съесть приготовленную для него уточку. Но вот старик ушел, а приказчик еще не успел прийти; Фетинья же в это время куда-то вышла из дому ненадолго.

Как раз в ее отсутствие пришел домой сын их Иванушка и, будучи очень голоден и торопясь скорее что-либо поесть, сам полез в печь и, достав оттуда зажаренную уточку, съел ее всю дочиста. Наевшись досыта, хозяйский сын пошел тотчас же обратно в свои лавки, где он помогал отцу торговать.

После ухода Иванушки пришел вскоре и приказчик и стал требовать, чтобы Фетинья подала ему жареную уточку. Старуха полезла в печь и, увидев, что утки там нет, очень перепугалась и сказала об этом своему возлюбленному. Но приказчик, услышав об этой пропаже, стал упрекать Фетинью в том, что она сама, наверное, съела жаркое, и затем, очень рассердившись на старуху, ушел вон из дому.

К вечеру, когда Абросим пришел домой и увидел, что нет утки, стал спрашивать о ней Фетинью. Но та отвечала, что она ничего не знает о том, куда подевалась эта уточка, и так же не видела нигде ее, как и он. Пришедший в это время домой Иванушка, когда услыхал разговор отца с матерью, то сказал Абросиму:

— Кормилец батюшка, я давеча пришел домой пообедать, а матушки дома не было, поэтому я сам полез в печь и, увидав там жареную уточку, достал ее и съел всю дочиста. Но была ли эта самая уточка или другая, про то не знаю.

Иванушка вступил в город
(рис. В. Малышева)

Когда старик узнал об этом происшествии с его уточкой, то до того взбесился, что свою жену прибил чуть ли не до полусмерти, а сына тотчас же выгнал вон из дому.

И вот бедному Иванушке пришлось уходить из родительского дома неведомо куда, и он пошел себе по первой попавшейся дороге, сам не зная, куда приведет она его. И шел он так, куда глаза глядят, ровно 10 дней и 10 ночей и пришел в неизвестное государство. Когда он стал подходить к городу, то увидел у городских ворот множество народа, который стоял и рассуждал о важном деле: в том государстве умер царь, и вот они не знали, кого посадить над собой властвовать, и порешили тем, что тот будет их царем, кто первый взойдет в городские ворота. И когда Иванушка вступил в город, то народ закричал:

— Вот идет наш царь!

И Иванушку тотчас же подхватили под руки старейшие и повели его в царские чертоги и облекли его в царские ризы и, посадив на трон, начали

ему все кланяться как истинному царю своему и спрашивали от него разных приказов.

Все это, происшедшее так неожиданно, показалось Иванушке сном. Но когда он опомнился и убедился в действительности всего происходящего, то очень обрадовался всему случившемуся и начал повелевать подданным ему народом и вести себя, как подобает царю. В скором времени он учредил многие новые чиновные должности и определил на них чиновных людей.

По прошествии некоторого времени он призвал к себе одного чиновника по имени Луга и сказал ему следующее:

— Верный и добрый мой кавалер Луга! Сослужи ты мне службу и съезди ты в мое отечество, и, приехав туда, иди прямо к самому царю тамошнему, и скажи ты ему от моего имени, чтобы он отдал тебе виновного купца Абросима с его женой Фетиньей, и когда он тебе их отдаст, то привези их обоих сюда, ко мне. А ежели царь не отдаст, то скажи ему, что я его государство все огнем сожгу, а его, царя, в плен возьму.

Выслушав приказ своего царя, Луга тотчас же отправился в Иванушкино отечество, и, приехав туда, пошел прямо к самому царю тамошнему и стал у него просить виновных Абросима с Фетиньей. Царь, зная, что Абросим — один из богатейших купцов в его государстве, сперва не хотел было отдавать их, но потом, рассудив, что государство Иванушки очень сильное и имеет много воинства, убоялся мести и отпустил Абросима с его женой.

Луга же, приняв виновных от царя, привез их в свое отечество и представил своему царю. Увидев своих родителей, Иванушка сказал им:

— Государь батюшка, ты выгнал меня из дома своего, а я принимаю тебя к себе за то. Живите оба с матушкой до конца своей жизни!

Увидев сына царем, услыхав от него такие ласковые слова, Абросим и Фетинья был обрадованы как нельзя более. И с этого дня они стали жить вместе с сыном, и жили долгие годы, пока они померли тут же, во дворце. Иванушка процарствовал 30 лет в добром здоровии и благополучии, и все подданные его искренно любили и были преданы ему до последней минуты его жизни.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 7
Демонология 9
Домовой 12
Лесовой 13
Водяной 18
Кликуши 20

Сказки и рассказы
Небылицы

Лесники 22
О приключениях с охотниками 23
Присказки 24
Кузнец и черт 26
Михайла Рахка 33
Город-кривосуд 40
Заселение Кондуш 44
Рассказ о лешем 48
Рассказ пономаря 54
Про купеческого сына Ивана 56
«Никола Дуплинский» 71
Рассказ крестьянина 78
Немытик (черт) задавил 82
Поглум 82
Дворовой (домовой) 82
Домовиха 83
Лесовой дедко 84

Лесовой-людоед 85
Свадебный поезд лесовых 86
На родах у лесовихи 87
В гостях у лесового 87
Лесовой вор 88
«Вольной» (лесовой) Царь зверей 89
На родах у водянихи 89
В поле «приманило» (причудилось) 90
Овинник 90
Кликуша 90
Банник — «Ман» 91
Банник 91
Колокольный ман 91
«Полуверцы» 93
Ворожба по крестам 93
Детоубийство, наказанное змеями 93
Два купеческих брата 96
Марья-царевна 105
Бурлак 112
Старик и злая жена 114
Вор 117
Незнайка 119
Последствия родительского проклятия 128
Рассказ крестьянина Ивана Васильева Калашникова 130
Рассказ крестьянина Василия Ланкина 134
Что видно на луне? 136
Иван-царевич и богатырь Аркадькович 138
Девушка, отыскивающая братьев 149
Девица, выходящая из волн 154
Дети, обещанные водяному царю 161
Неотворяемый ящик 167
Сказка про строя 173
Барский охотник 175
Глупые люди 187
Бочка с золотом 191
Рассказ крестьянина 195
«Роковой человек» 197
Нашла коса на камень 198
О домовом, водяном, лешем 199
Рассказ о рыбаке 200

Рассказ о колдуне 201
Рассказ о черте 202
Рассказ 203
Целебный ключ 204
Как приходила умершая жена 206
О порче на свадьбах 207
О чертях 207
Демон во время грозы 210
Воздушный голубь 214
Гусь-богатырь 227
Три братца — три Иванца 231
Рассказ крестьянина П. Иванова 232
Рассказ 235
Рассказ 236
Рассказ крестьянина А. Панова 241
Рассказ про банника 242
Родительское проклятие 244
Рассказ о водяном 248
Рассказ одного рыболова 250
Рассказ мужика о лесовине 252
Громило и дочь Шуша 253
Сказка. Баранья голова 260
Девушка в царском саду 263
Ерш 267
Мизгирь 268
Мужик и царь 270
Рассказ про лешего 270
Рассказ крестьянина про рыбака 273
Рассказ про дурную привычку 273
Рассказ про Ивана-жениха 275
Рассказ старика Федора о кладах 276
Рассказ Осипа Гаврилова 277
Рассказ крестьянки Кабановой 277
Рассказ про домового 278
Рассказ крестьянина С. Погодина 281
Рассказ 283
Рассказ о мщении плотников 287
Святочный рассказ 293
Рассказ про старую деву 294
Святочный рассказ 294

Рассказ тетушки Катерины 298
Рассказ про утопленников 302
Рассказ тетушки Катерины 303
Рассказ тетушки Катерины 305
Рассказ, откуда взялись черти 306
Рассказ про ребенка 308
О воре Климушке и водяном 310
Кривая ведьма 317
Кузнец и черт 324
О детях, похищенных чертом 326
Пьяница 330
Об обещанном мальчике 332
Про Иванушку, купеческого сына 338
Пастух и дьявол 349
Проклятая царевна 355
Собака, кошка и змея 357
Брат и сестра 359
Про медведя 384
Неправедный купец 388
Воевода Филя 396
Про глупую жену и ее полюбовника 398
Волк и лиса 402
Крестьянин и незнамый человек 405
Мальчик, выросший в бочке 410
Мать и два сына 416
О петухе красном и лисице прекрасной 418
Лесовик 421
Рассказ 421
Рассказ крестьянки Харитины 422
Рассказ про странника 422
<Рассказ про парня, проклятого отцом> 423
Рассказ о колдуне Иване Морошкине 423
Рассказ про мельника 425
Рассказ о «нечистом» одной старушки 429
Общая молва о бывшем любимом жилище лешего 430
Рассказ мужика судье о том,
как леший посещал кабак и был в пастухах 430
Рассказ старого солдата 434
Чудная дубина 436
Купец Марко 448

Четыре коровы 454
Рассказ про попову дочку 456
Святочный рассказ 459
Предание о жестокости помещика Лихачева 461
Рассказ про огненного змея 462
Рассказ про старую деву 463
Про лешего 464
Диво 466
Заколдованный царевич 472
Дий-попович 476
Шабарша 480
Рассказ про дьявола 486
Рассказ про нечистого 487
Рассказ про банника 488
Рассказ однодворца 489
Рассказ про водяницу 490
Рассказ про черта 491
Рассказ про банника 491
Рассказ про солдата 492
Рассказ про утопленницу 493
Рассказ про банника 494
Про попова работника 495
Русский и жид 503
Про Якова и его жену 505
Старуха-ворожея 514
Рассказ крестьянина Семенова 517
Рассказ про змея 519
Рассказ про лешего 520
На сенокосе 520
Поймали черта 521
Рассказ дедушки Егора 522
Аксёнко 523
Бабьи увертки 526
Старая хлеб-соль забывается 528
Про дурака и его коня 529
Девять братьев 529
Сказка про вора Ивашу 538
Про солдата 551
Про трех королевичей 551
Про дурака и его друга волка 552

Про принца, служившего сатане и освободившего короля из сада 553
Рассказ старушки 553
Про ребенка 554
На свадьбе 554
Поскребышек 555
Про двух сирот 555
Рассказ про овинника 556
Рассказ про русалку 563
Рассказ про старых чертей 564
Второй случай 565
Материно проклятие 566
Рассказ про ведьму 568
Рассказ про свинью 569
Мальчик-с-пальчик 571
Дурень — бабин сын 573
Поп 574
В дороге 575
В деревне 578
Отправка 579
Приезд 581
Рассказ про ведьму 583
Как узнать ведьму 586
Смерть ведьмы 586
Про одну девицу 588
Про умершую мать 590
Елена Прекрасная 592
Иван Премудрый 596
Настасья Прекрасная 602
Колдун 610
Колдун и его ученик 611
Колдунья 615
Иван, купецкий сын 617
Про пьяных людей 623
На обрыве 624
Рассказ про змея 627
Про солдата 628
Кузьма Скоробогатый 631
Кум-разбойник 633
Калекин сын 634
Баба и волк 635

Немые дочки 636
Рассказ про клад 636
Про пономаря 638
Рассказ про грамотную женщину 640
Иван Глиняный 640
Страшный ребенок 641
Колдун 642
Три покупки 642
Три копеечки 644
Работник 645
Про черта и пастуха 647
Ерема и Фома 649
О Петрушке 650
Перышко Финиста — ясна сокола 656
Дивий муж 665
Клад 669
Дурак набитый 670
Мужик и змея 673
Про казака 675
Ванька-дурак 679
Иванушка-дурачок 681
Кощей Бессмертный 683
Емельян-дурачок 695
Ивашка-медвежье ушко 704
Рассказ про нечистого 708
Рассказ про лешего 709
Рассказ про водяного 712
Огненный дух 713
Про солдата 716
Страшный Змей Горыныч 717
Лисица и дурак 725
Волшебница 733
Горыня, Коромысло и Иван-богатырь 736
Сказка о Булате-молодце 739
О золотом, серебряном и медном государствах 746
О сильном, храбром и непобедимом богатыре Иване-царевиче и о прекрасной супруге его царь-девице 751
Об Иване-царевиче и Жар-птице и Сером волке 761
Об Иване-богатыре, крестьянском сыне 774
Сказка о барине и лакее 787

Хитрость ленивой бабы 788
О жене-дуре 788
Два брата 789
О семи Симеонах, родных братьях 790
Ступай туда, неведомо куда; принеси то, неведомо что 795
Иванушка-дурачок 798
Про волдянку-беляночку 802
Коток, золотой лобок 803
Иванов цвет 805
Степан Богатый 806
Михайло Трунщиков 810
Волшебная дудочка 815
О волке и лисице 818
О похищении Вихрем девиц 819
Всего на свете не поворотишь 820
Илья Муромец 822
Дока на доку 825
Цыган в монастыре 825
Лукавая жена 827
Солдат 828
Сказка о хозяине и работнике 830
Снежный ребенок 835
Смирный мужик и дурачливая жена 837
Анфий и Марья 845
Сказка об утке с золотыми яичками 851

Александр Евгеньевич Бурцев

РУССКИЕ НАРОДНЫЕ СКАЗКИ И СУЕВЕРНЫЕ РАССКАЗЫ ПРО НЕЧИСТУЮ СИЛУ

БИБЛИОТЕКА МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Том 293

На основании п. 2.3 статьи 1 Федерального закона № 436-ФЗ от 29.12.2010 не требуется знак информационной продукции, так как данное издание классического произведения имеет значительную историческую, художественную и культурную ценность для общества

Компьютерная верстка, обработка иллюстраций, дополнительные комментарии
В. Шабловского

Дизайн обложки, подготовка к печати
А. Яскевича

Гарнитура Гарамонд Премьер Про
12 кегль

Сдано в печать 06.08.2024
Объем 54 печ. листа
Тираж 3000 экз.
Заказ №

Бумага
Сыктывкарская книжная кремовая офсетная 60 г/м^2

ООО «СЗКЭО»
Телефон в Санкт-Петербурге: +7 (812) 365-40-44
E-mail: knigi@szko.ru
Интернет-магазин: www.сзкэо.рф

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами в ООО «ИПК Парето-Принт»,
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А, www.pareto-print.ru

Купец первой гильдии, почетный гражданин Санкт-Петербурга Александр Евгеньевич Бурцев (1863–1938) родился в одной из деревень Вологодской губернии в зажиточной крестьянской семье. Девятнадцатилетним парнем он перебрался в столицу, сначала работал в меняльной лавке своего дяди, а затем перешел в контору братьев Василия и Павла и заведовал ею до 1917 года. Благодаря умелому управлению семейное дело было преобразовано в «Банкирскую контору братьев Бурцевых» — один из самых крупных банковских домов тогдашней России.

В возрасте тридцати лет разбогатевший Александр Евгеньевич увлекся коллекционированием; он собирал редкие книги, иллюстрированные издания, журналы и газеты, литографии и картины, исторические документы и автографы, среди которых — письма И. А. Гончарова, Ф. М. Достоевского, А. Г. Рубинштейна, М. Е. Салтыкова-Щедрина, И. С. Тургенева, А. П. Чехова. Коллекция Бурцева насчитывала около 1,5 тысяч графических произведений, а также свыше 150 картин В. Л. Боровиковского, К. П. Брюллова, В. Е. Маковского, К. С. Петрова-Водкина, Н. К. Рериха, С. Ю. Судейкина и многих других. Коллекция картин и графики Бурцева была столь велика, что он собирался даже создать в стенах своего дома Музей русского искусства.

В 1892–1893 гг. Александр Евгеньевич предпринял ряд поездок по русскому Северу, где покупал у крестьян старинные предметы, изучал местный фольклор, записывал сказки, предания, легенды и другие этнографические материалы, повествующие о вере, духовных понятиях, обычаях, работе, быте и праздниках русского народа.

С 1895 Бурцев занялся издательской деятельностью — не для продажи, а чтобы сохранять памятники русского искусства и старины. Он перепечатывал редкие книги, выпускал многотомные тематические описания своей библиотеки, репродукции, альманахи, сборники, журналы, собственные работы по библиографии, и среди них — «Мой досуг: художественно-этнографический сборник», предлагаемый современному читателю в данном издании. Впервые он был выпущен в 1910–1911 гг. в 11 томах ограниченным тиражом (около 500 экземпляров); еще при жизни автора издание стало библиографической редкостью.

468 рисунков и элементы оформления в книге выполнили художники Леонид (Иоганн) Павлович Альбрехт (1872–1942), Михаил Абрамович Балунин (1875–?), Николай Николаевич Герардов (1873–1919), Афанасий Де Пальдо, Лука Тимофеевич Злотников (1878–1918), Василий Григорьевич Малышев (1843–?), Лидия Алексеевна Полторацкая (1864–?), Василий Иванович Ткаченко (1880–?) и Алексей Николаевич Третьяков (1873–?).